
V 130/1
т. 1

Исторія

Императорскаго Казанскаго Университета

за первыя сто лѣтъ его существованія

1804—1904

Н. П. Загоскина

заслуженнаго ординарнаго профессора

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВВЕДЕНІЕ и ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(1804—1814)

КАЗАНЬ
1902

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

I

Исторія

Императорскаго Казанскаго Университета

за первыя сто лѣтъ его существованія

1804—1904

Н. П. Загоскина

заслуженнаго ординарнаго профессора

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВВЕДЕНІЕ и ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(1804–1814)

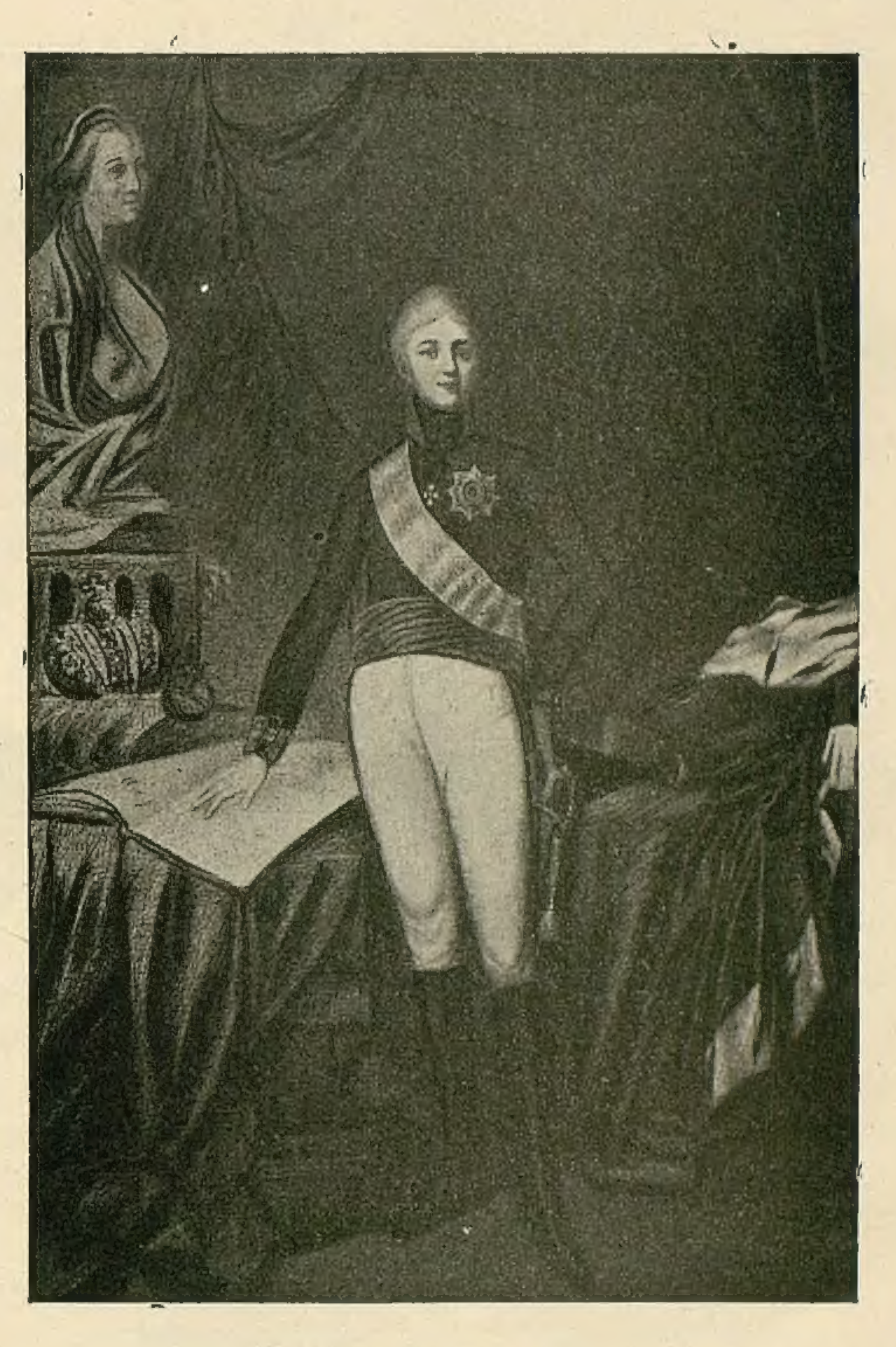
КАЗАНЬ
1902

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета отъ 3 апрѣля 1900 года.

Ректоръ Университета *Д. Дубяго.*

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

Императоръ
Александръ I Павловичъ,
основатель Казанскаго университета.
(Съ портрета, сохраняющагося въ актовомъ залѣ университета).

ВВЕДЕНІЕ

Исторія народнаго просвѣщенія представляетъ собою одну изъ наиболѣе свѣжихъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одну изъ наиболѣе любопытныхъ страницъ въ исторіи культурной жизни нашего отечества, въ общемъ теченіи которой вопросы образовательнаго характера лишь въ сравнительно весьма позднюю пору отвоевали себѣ подобающее имъ мѣсто и значеніе.

Дѣйствительно: зарожденіе попечительной дѣятельности государства, направленной къ обезпеченію великаго дѣла народнаго образованія—не восходитъ на Руси за начальный рубежъ эпохи коренныхъ реформъ первой четверти XVIII вѣка, если не принимать во вниманіе спорадическихъ начинаній въ этомъ направленіи, предшествовавшихъ вѣку Петра I, начинаній, какъ бы то ни было, случайныхъ, въ большинствѣ своемъ—безпочвенныхъ, а потому и не оставившихъ по себѣ примѣтнаго слѣда въ исторіи русской культуры. Еще болѣе позднею явилась у насъ общественная самодѣятельность въ дѣлѣ насажденія народнаго образованія, едва ли не впервые заявившая право на свое законное и самостоятельное существованіе въ эпоху великихъ реформъ императора Александра II.

Исторія русскаго просвѣщенія не безъ основанія отмѣчаетъ фактъ учрежденія въ 1755 году московскаго университета, въ качествѣ рѣшительнаго момента въ дѣлѣ насажденія у насъ народнаго образованія, съ той поры ставшаго на путь дальнѣйшаго и сознательнаго своего развитія, хотя, правда, и не безъ колебаній болѣе или менѣе преходящаго характера, обусловливавшихся различными теченіями политическаго и общественнаго характера. Если мы отодвинемъ исходный базисъ зарожденія на Руси политики народнаго образованія на полвѣка раньше,—къ начальной порѣ петровскихъ реформъ,—то мы все же должны будемъ прійти къ несомнѣнному заключенію, что эта сторона культурной жизни нашего народа едва насчитываетъ два полныхъ вѣка своего существованія.

Два вѣка—промежутокъ времени не особенно крупный въ культурной жизни народа, вступившаго во второе тысячелѣтіе своего историческаго бытія, но этотъ двухсотлѣтній періодъ пріобрѣтаетъ широкое и рѣшительное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія въ виду тѣхъ исключительныхъ условій, въ которыя было поставлено зарожденіе у насъ дѣла народнаго образованія и которыя придали начальному развитію его отпечатокъ и направленіе совершенно своеобразные, въ сравненіи съ историческимъ ходомъ развитія его въ культурныхъ государствахъ западной Европы.

Всѣ историки русскаго просвѣщенія единогласно сходятся въ томъ положеніи, что зарожденіе и начальное развитіе у насъ народнаго образованія не было актомъ свободнаго общественнаго самосознанія, не было логически-необходимымъ продуктомъ и спутникомъ идущей впередъ духовно-культурной жизни народа. Просвѣщеніе не отвоевывало себѣ мѣста и не проторяло себѣ путей въ силу, обусловленныхъ поступательнымъ движеніемъ культурной жизни, требованій общественнаго самосознанія, но вводилось у насъ государствомъ въ его личныхъ интересахъ, вводилось такимъ же точно образомъ, какимъ вводились у насъ и другія новшества первой четверти XVIII вѣка; вводилось также насильственно, круто и, подъчасъ, болѣзненно, какъ насильственно, круто и болѣзненно прививалось къ русской жизни и большинство другихъ начинаній великаго преобразователя Россіи. Государство заставляло народъ принять предлагаемое ему просвѣщеніе, такъ какъ видѣло въ этомъ, прежде всего, свой собственный интересъ; возводило обязанность учиться на степень государственной повинности, которую принуждаемые къ ученію всѣми способами старались „избыть", какъ всемѣрно старались они избыть и всякаго рода другія повинности, возлагавшіяся на нихъ государствомъ. Борьба правительства какъ съ пассивнымъ предубѣжденіемъ противъ ученья, такъ и съ активнымъ противодѣйствіемъ повинности учиться—наполняетъ собою все царствованіе не только самого преобразователя Россіи, но и его ближайшихъ преемниковъ. „Нашъ народъ что дѣти,—писалъ Петръ въ одномъ изъ своихъ указовъ,—которые никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не будутъ приневолены, которымъ сперва досадно, но потомъ, выучившись, благодарятъ". Вѣрный этой сентенціи, державный „мастеръ" русской земли крутенько „приневоливалъ" дѣтей своихъ къ ученью, не смущаясь всеобщимъ предубѣжденіемъ къ наукѣ со стороны даже близкихъ сподвижниковъ своихъ: „Напрасны издержки и труды твои, государь,—высказывалъ ему одинъ изъ этихъ послѣднихъ,—головѣ и уму русскаго недоступны ученіе и науки".

Насколько слабо сознавалась польза образованія въ первой половинѣ XVIII вѣка, это видно и изъ того, что въ 1731 году, при учрежденіи сухопутнаго шляхетскаго корпуса, въ циклъ преподаваній котораго вводились и общеобразовательные предметы, правительство сочло себя вынужденнымъ оправдывать это послѣднее тѣмъ, что „не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, также въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе". Предубѣжденіе противъ необходимости образованія далеко не было чуждо и „просвѣщенному" вѣку императрицы Екатерины II, и въ этомъ отношеніи безсмертная сатира фонъ-Визина явилась лишь отраженіемъ взглядовъ и понятій, господствовавшихъ въ огромномъ большинствѣ русскаго общества того времени, а изученіе депутатскихъ наказовъ екатерининской законодательной коммиссіи 1767 года поражаетъ высокимъ процентомъ совершенной безграмотности, не говоря уже объ отсутствіи умственнаго развитія, въ средѣ провинціальнаго дворянства третьей четверти XVIII-го столѣтія.

Платоническими сентенціями по части необходимости и полезности „политическаго и гражданскаго обученія" дѣло не ограничивалось. И самъ Петръ Великій, и его ближайшіе преемники, присоединяли къ этимъ сентенціямъ и аргументы болѣе радикальнаго характера: подневольное опредѣленіе въ школы, соединенное съ періодическими смотрами недорослей, лишеніе свободы, денежныя пени и конфискація имуществъ, ограниченія въ правахъ брачныхъ, наслѣдственныхъ и общественныхъ, даже отдача безъ выслуги въ матросы и солдаты—таковы были тѣ суровыя мѣры, путемъ которыхъ насаждало дѣло народнаго образованія русское правительство первой половины XVIII-го вѣка, стараясь воздѣйствовать этими мѣрами то на самихъ учащихся, то на ихъ родителей. Идея государственнаго утилитаризма, проникавшая собою всю, вообще, внутреннюю политику Петра I и его ближайшихъ преемниковъ, всецѣло дала, такимъ образомъ, свой колоритъ и начальной политикѣ нашего народнаго образованія.

Если позднимъ явленіемъ представляется въ нашемъ отечествѣ дѣло насажденія народнаго образованія, вообще, то еще болѣе позднимъ явленіемъ выступаетъ дѣло зарожденія въ немъ высшаго университетскаго образованія, начало которому кладется лишь въ 1755 году основаніемъ старѣйшаго русскаго университета—московскаго.

Мысль объ учрежденіи въ Россіи университета значительно опередила, впрочемъ, осуществленіе этой мысли на дѣлѣ. Существуютъ указанія на то, что еще царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ лелѣялъ мечту объ основаніи на Руси университета; при Годуновѣ осуществленію этой мечты не

довелось увидѣть свѣта, но за то намъ извѣстны уже вполнѣ историческіе факты посылки при этомъ государѣ русскихъ молодыхъ людей для обученія наукамъ заграницу. При Петрѣ Великомъ идея учрежденія въ Россіи университетовъ явилась логическимъ послѣдствіемъ преобразовательныхъ начинаній этого царствованія и съ той поры эта идея уже не покидала умы лучшихъ представителей русской мысли XVIII вѣка. Мечты объ учрежденіи въ Россіи университетовъ не чужды были Петру еще въ исходѣ XVII вѣка: въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ патріархомъ Адріаномъ, царь Петръ излагалъ этому іерарху планъ учрежденія высшей „царской школы", въ которой „заправившіеся въ наукѣ", т. е. получившіе общее образованіе, юноши „при знатномъ и искусномъ обученіи всякаго добра училися" и „изъ школы бы во всякія потребы происходили: въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачебное искусство". Позже, въ 1711 году, извѣстный философъ Лейбницъ письменно излагалъ Петру необходимость учрежденія въ Россіи университетовъ, рекомендуя для ихъ основанія обѣ столицы и, сверхъ того, города Астрахань и Кіевъ; при этихъ университетахъ намѣчались библіотеки, обсерваторіи, лабораторіи, кабинеты, ботаническіе сады и т. п. учебно-вспомогательныя учрежденія. Мысль объ основаніи университетовъ не покидала Петра Великаго и въ послѣдніе годы его царствованія: въ инструкціи герольдмейстеру (1722 г.) царь возлагаетъ на этого сановника заботы по обученію дворянскихъ дѣтей до той поры, „пока академіи исправятся"; извѣстно также, что по проэкту учрежденія академіи наукъ, составленному по приказанію Петра лейбъ-медикомъ Блюментростомъ, этому высшему ученому установленію придано было и значеніе учебное, въ видахъ чего при академіи полагались: „университетумъ", въ смыслѣ высшаго учебнаго заведенія, и „гимназіумъ", въ смыслѣ учебнаго заведенія подготовительнаго по отношенію къ первому.

Преобразователю Россіи не было суждено дожить до открытія задуманной имъ академіи наукъ: это открытіе состоялось уже при его преемницѣ, императрицѣ Екатеринѣ I, въ самый годъ кончины Петра (1725 г.). Академическій университетъ, созданный уставомъ Блюментроста, не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на него Петромъ, и существовалъ болѣе на бумагѣ, нежели въ дѣйствительности; изъ заграницы пришлось даже выписывать для него контингентъ первыхъ студентовъ, въ количествѣ восьми человѣкъ, а впослѣдствіе контингентъ ихъ пополнялся юношами, назначавшимися сюда изъ духовно-учебныхъ заведеній, что не мѣшало, однако, этому импровизованному „университету" почасту оставаться безъ

учащихся. На это обстоятельство горько сѣтовалъ Ломоносовъ, заявляя, что въ этомъ академическомъ университетѣ „почти никого не бываетъ, ибо здѣшній университетъ не токмо дѣйствія, но и имени не имѣетъ". Ломоносову, какъ извѣстно, принадлежитъ проэктъ учрежденія въ С.-Петербургѣ настоящаго университета, съ раздѣленіемъ его на три факультета (юридическій, медицинскій и философскій), который хотя и не нашелъ себѣ осуществленія, но, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ, легъ въ основу устава уже готовившагося народиться московскаго университета.

Созданіе перваго русскаго университета выпало на долю императрицы Елизаветы Петровны. Еще въ шестой годъ своего царствованія императрица Елизавета, обнародовавъ „регламентъ императорской академіи наукъ и художествъ" (24 іюля 1747 г.), опредѣляетъ въ немъ основы новой организаціи академическаго университета, въ качествѣ „собранія учащихъ и учащихся людей, изъ коихъ первые называются профессоры, а другіе—студенты", причемъ этотъ преобразованный университетъ „учрежденъ быть долженъ по примѣру прочихъ европейскихъ университетовъ". Тѣмъ не менѣе основаніе перваго русскаго университета послѣдовало лишь 12-го января 1755 года въ г. Москвѣ, при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ И. И. Шувалова, которому, совмѣстно съ Ломоносовымъ, принадлежитъ и честь выработки его устава, приноровленнаго, въ предѣлахъ мѣстныхъ условій, къ уставамъ аналогичныхъ учебныхъ заведеній западной Европы.

Учрежденіе московскаго университета явилось крупнѣйшею поворотною точкою въ исторіи русскаго просвѣщенія и въ литературѣ послѣдняго получило съ этой стороны надлежащую и всестороннюю оцѣнку. Мощный толчокъ, данный этимъ событіемъ дѣлу развитія русскаго народнаго образованія, принесъ свои плоды уже въ царствованіе императрицы Екатерины II, при которой правительственныя попеченія относительно русской науки и русской школы становятся на твердую и вполнѣ сознательную почву.

Важнѣйшимъ законодательнымъ актомъ императрицы Екатерины II въ области народнаго просвѣщенія должно быть признано созданіе ею въ сентябрѣ 1782 года „коммиссіи объ учрежденіи училищъ", образованной подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника П. В. Завадовскаго,—впослѣдствіи графа и перваго министра народнаго просвѣщенія,—съ спеціальными задачами выработки плановъ и программъ учебныхъ заведеній, подготовленія для нихъ учителей, изданія учебниковъ и высшаго завѣдованія всѣми училищами имперіи, вообще. Въ лицѣ этой коммиссіи мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ первымъ общегосударственнымъ установленіемъ, при-

званнымъ сосредоточить въ себѣ правительственныя попеченія о народномъ просвѣщеніи.

Какъ и слѣдовало этого ожидать, коммиссіи объ учрежденіи училищъ уже на первыхъ порахъ своей дѣятельности довелось столкнуться, въ ряду другихъ вопросовъ народнаго образованія, и съ вопросомъ о дальнѣйшемъ открытіи у насъ университетовъ. Мысль объ открытіи новаго университета впервые созрѣла въ царствованіе Екатерины въ 1784 году, явившись откликомъ заботъ императрицы и Потемкина объ устроеніи вновь пріобрѣтенныхъ передъ тѣмъ на югѣ областей, изъ которыхъ весною 1783 года и было образовано особое екатеринославское намѣстничество, ввѣренное ближайшему попеченію свѣтлѣйшаго князя Тавриды. Открытіе университета было проэктировано въ губернскомъ городѣ новаго намѣстничества: „Изыскивая всѣ средства къ просвѣщенію народному служащія,—читаемъ мы въ именномъ указѣ отъ 4-го сентября 1784 г., данномъ екатеринославскому и таврическому генералъ-губернатору князю Потемкину,—повелѣваемъ въ губернскомъ городѣ екатеринославскаго намѣстничества основать университетъ, въ которомъ не только науки, но и художества преподаваемы быть долженствуютъ какъ для вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, такъ и для сосѣдственныхъ намъ, наипаче же для единовѣрцевъ нашихъ". Потемкину тѣмъ же указомъ поручалось „представить штатъ и положеніе сему университету, съ планами и смѣтами для построенія онаго". Учрежденіе новаго университета предполагалось въ связи съ созданіемъ по городамъ екатеринославскаго намѣстничества и таврической губерніи цѣлой сѣти народныхъ училищъ, а на содержаніе будущаго университета намѣчено было обратить сумму, отпускавшуюся на бывшее кременчугское училище, весь капиталъ тамошняго банка и доходъ съ кинбурнскихъ откупныхъ соляныхъ озеръ. Извѣстно, что помыслы объ открытіи на югѣ Россіи новаго университета не вышли изъ области благихъ, но неосуществившихся, пожеланій второй половины XVIII вѣка.

Вопросъ объ открытіи новыхъ университетовъ вторично выдвинутъ былъ въ царствованіе императрицы Екатерины II указомъ отъ 29-го января 1786 года, которымъ коммиссіи объ учрежденіи училищъ повелѣвалось выработать планъ учрежденія новыхъ университетовъ, коихъ „на первое время,—говорится въ этомъ указѣ,—достаточнымъ мы почитаемъ имѣть три, а именно: въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ". Средствами на содержаніе этихъ университетовъ указаны „остающіяся безъ употребленія суммы государственнаго заемнаго банка, присоединивъ ихъ къ обращающейся уже въ нихъ суммѣ, принадлежащей университетамъ, именно къ 31,276 р. 60 коп."

Приступивъ къ указанной ей работѣ, коммиссія окончила ее уже къ февралю 1787 года, составивъ „планъ“ университетовъ, который можетъ быть отмѣченъ широтою проводимыхъ въ немъ взглядовъ на задачи университетскаго образованія. По этому плану, университеты предполагались въ составѣ трехъ факультетовъ—философскаго, врачебной науки и правовѣдѣнія, причемъ въ первомъ изъ нихъ сосредоточивалось изученіе наукъ историко-филологическихъ и физико-математическихъ. Свобода преподаванія кладется въ этомъ проэктѣ краеугольнымъ камнемъ ученой дѣятельности университетовъ: профессора,—говорится въ проэктѣ,—„не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ; свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо“. Весьма характерною и симпатичною чертою университетскаго проэкта 1787 года является общедоступность академическаго образованія, въ силу которой двери университетовъ предполагались открытыми „для всѣхъ любознательныхъ посѣтителей“, безъ различія лѣтъ и состоянія, но доказавшихъ (или свидѣтельствомъ о прохожденіи курса средняго образованія, или особымъ вступительнымъ экзаменомъ) свою подготовленность къ слушанію университетскихъ лекцій. Препятствіемъ къ поступленію въ университетъ не могло служить даже несвободное состояніе аспиранта,—положеніе въ высшей степени замѣчательное при крѣпостномъ строѣ жизни той эпохи: „Несвободные люди,—заявляетъ проэктъ,—также должны имѣть право быть въ университетѣ; когда несвободные люди будутъ въ университетѣ учиться, какъ и прочіе студенты, то симъ науки и ученые люди ни мало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и князи не унижаются тѣмъ, когда несвободные бываютъ съ ними вмѣстѣ въ храмахъ и слушаютъ слово Божіе: науки свободными называются для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ“ [1]. Проэктъ организаціи университетовъ, выработанный въ 1787 году, представляетъ собою, такимъ образомъ, мысли и черты, которымъ могли бы позавидовать и позднѣйшія поры жизни русской академической науки. Но и этимъ предположеніямъ объ открытіи новыхъ университетовъ, подобно предположенію 1784 года, не было суждено увидѣть своего осуществленія какъ въ остальную пору царствованія Екатерины II, такъ и въ кратковременное царствованіе ея преемника, императора Павла Петровича.

Насталъ вѣкъ императора Александра I, начальную пору царствованія котораго историки русской культуры не безъ основанія признаютъ по отно-

шенію къ дѣлу народнаго образованія отраженіемъ просвѣтительныхъ началъ, проникавшихъ собою вѣкъ Екатерины II и нашедшихъ себѣ теоретическую формулировку—въ знаменитомъ наказѣ коммиссіи для сочиненія новаго уложенія, а практическое приложеніе—въ попеченіяхъ ея правительства о народномъ образованіи. Какъ императрица Екатерина признавала народное просвѣщеніе вѣрнѣйшимъ средствомъ сдѣлать людей лучшими и надежнѣйшимъ путемъ въ борьбѣ съ преступностью, такъ и державный внукъ ея видѣлъ въ томъ же просвѣщеніи могучій рычагъ къ подъему общаго уровня благосостоянія народа.

Крупнымъ начинаніемъ въ области народнаго образованія отмѣченъ уже второй годъ царствованія императора Александра I, когда, въ ряду другихъ министерствъ, учреждено было имъ министерство народнаго просвѣщенія (8 сентября 1802 г.), во главѣ котораго поставленъ былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, бывшій первый предсѣдатель екатериненской коммиссіи объ учрежденіи училищъ. Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, на ставшую въ подчиненіе ему прежнюю коммиссію объ учрежденіи училищъ, теперь усиленную въ своемъ личномъ составѣ, возложена была задача разработки общаго плана устройства въ имперіи учебно-образовательной части. Работы коммиссіи двинулись съ замѣчательною быстротою и выработанный ею планъ уже 24-го января 1803 года получилъ утвержденіе подъ названіемъ „предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія". Въ силу этихъ предварительныхъ правилъ, прежняя коммиссія объ учрежденіи училищъ преобразовывалась въ коллегіальное установленіе, получившее наименованіе главнаго училищъ правленія, предпринято раздѣленіе имперіи на учебные округи, ввѣренные особымъ попечителямъ ихъ, и установлено четыре типа училищъ: университеты, губернскія гимназіи, училища уѣздныя и училища приходскія.

Главное правленіе училищъ, на долю котораго выпала вся масса труда по проведенію въ жизнь учебной реформы начала XIX столѣтія и общее руководительство дѣломъ русской школы, уже при первомъ образованіи имѣло въ своемъ составѣ дѣятелей, имена которыхъ навсегда останутся памятными въ исторіи русскаго просвѣщенія начала XIX вѣка,— таковы: Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (товарищъ министра народнаго просвѣщенія), князь Адамъ Адамовичъ Чарторижскій (попечитель виленскаго учебнаго округа), графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій (попечитель харьковскаго учебнаго округа), Николай Николаевичъ Новосильцевъ (попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа), Степанъ Яковлевичъ Румовскій (попе-

читель казанскаго учебнаго округа), Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ (попечитель дерптскаго учебнаго округа), Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево, академики Николай Яковлевичъ Озерецковскій и Николай Ивановичъ Фусъ и др.

Основною задачею начальной дѣятельности своей главное правленіе училищъ поставило вопросъ объ учрежденіи новыхъ университетовъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что только университеты способны явиться разсадниками образованія, очагами знанія, способными распространить въ имперіи просвѣщеніе и вызвать къ жизни намѣченную обширную школьную систему, принявъ ее подъ свое руководительство и подготовляя для нея дѣятелей; въ видахъ достиженія этой цѣли, на университеты александровской эпохи было возложено, кромѣ своихъ собственныхъ задачъ, вѣданіе и всѣхъ училищныхъ дѣлъ по округу. По замѣчанію извѣстнаго историка русскаго просвѣщенія, покойнаго академика М. И. Сухомлинова, попеченія объ основаніи университетовъ и о регулированіи жизни и дѣятельности ихъ—составили первый и лучшій періодъ въ болѣе нежели полувѣковой исторіи главнаго правленія училищъ. Въ своихъ заботахъ о насажденіи въ Россіи университетскаго образованія, главное правленіе училищъ не избѣгло нареканій въ рановременномъ открытіи университетовъ въ ту пору, когда не была еще устроена система низшихъ училищъ, нареканій въ томъ, что постановка дѣла народнаго образованія начата имъ сверху, съ высшей школы, въ ущербъ развитію школы общей. Защищая главное правленіе отъ этихъ нареканій, графъ Потоцкій горячо доказывалъ въ свое время, что „не ослѣпляясь мнимою славою заставить удивляться себѣ дворъ и иностранцевъ, занимающихся обыкновенно столицами, приняли такія общія мѣры, при которыхъ даже отдаленнѣйшія области Россіи могутъ равномѣрно участвовать въ выгодахъ образованія", что особенное вниманіе именно на университеты обращено было потому, что въ нихъ видѣли разсадники преподавателей, безъ которыхъ невозможны были бы никакія училища. „Только невѣжество можетъ удивляться,—писалъ Шторхъ,—что дѣло начато сверху, т. е. съ университетовъ: иначе, какимъ образомъ главное правленіе училищъ получило бы свѣдѣнія о мѣстныхъ условіяхъ, которыя необходимо брать въ соображеніе, и кому бы ввѣрило оно исполненіе своихъ плановъ?"....[2]

Первоначальный планъ учрежденія университетовъ намѣченъ уже въ „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія". Желая видѣть по университету во главѣ каждаго изъ учреждаемыхъ шести учебныхъ округовъ, этотъ актъ высказываетъ мысль о цѣлесообразности

неотложнаго основанія трехъ университетовъ — въ С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, въ дополненіе къ уже существующему университету московскому и къ университетамъ виленскому и дерптскому (послѣдніе два университета были, впрочемъ, русскими только по имени); затѣмъ предполагались университеты въ Кіевѣ, Тобольскѣ, Великомъ Устюгѣ и въ другихъ городахъ—„по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ удобными". Этотъ планъ подвергся детальному обсужденію во вновь образованномъ главномъ правленіи училищъ, гдѣ предложены были различныя его модификаціи, но, въ концѣ концовъ, планъ этотъ восторжествовалъ въ своемъ первоначальномъ видѣ и новые университеты рѣшено открыть въ трехъ городахъ: С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ,—въ послѣднемъ изъ нихъ „во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи", въ Казани—въ виду почти уже полувѣкового существованія въ этомъ городѣ гимназіи. Извѣстно, что этотъ планъ, въ его выполненіи на дѣлѣ, подвергся измѣненію въ томъ смыслѣ, что новые университеты были основаны (въ 1804 г.) лишь въ Казани и Харьковѣ, въ С.-Петербургѣ же открытъ былъ, взамѣнъ предполагавшагося университета, педагогическій институтъ для приготовленія учителей, преобразованный впослѣдствіе въ университетъ лишь въ 1819 году.

Закипѣла въ главномъ правленіи училищъ занятія по выработкѣ университетскихъ уставовъ, причемъ главное правленіе усердно пользовалось данными о состояніи заграничныхъ университетовъ, доставлявшимися его корреспондентами (въ особенности графомъ д'Антрегомъ, Брандесомъ и геттингенскимъ профессоромъ Мейснеромъ), раздѣливъ между своими членами отдѣльныя части всей работы. Труды главнаго правленія шли настолько успѣшно, что уже въ 1803 году были утверждены уставы университетовъ виленскаго (18 мая) и дерптскаго (12 сентября), а 5 ноября 1804 года утверждены уставы университетовъ московскаго и двухъ вновь учреждавшихся—казанскаго и харьковскаго.

Мы уже отмѣтили выше двѣ основныя черты, которыя лежали въ основѣ русской политики народнаго образованія первой половины XVIII вѣка: это—идея государственнаго утилитаризма, проникавшая собою постановку народной школы, и принудительность обученія, какъ ближайшее послѣдствіе господства этой идеи. О принудительности обученія не могло быть, конечно, и рѣчи въ области университетскаго образованія, свободнаго уже по самому своему существу; за то идея государственнаго утилитаризма всецѣло проникала собою постановку русскаго университетскаго дѣла не только въ XVIII вѣкѣ, но даже и въ XIX столѣтіи,

находя себѣ значительное отраженіе въ самой регламентаціи нашего академическаго строя. Первые университеты основывались въ Россіи не въ силу назрѣвшей потребности въ нихъ общества, не въ силу культурнаго роста общественной мысли и общественнаго самосознанія, но въ интересахъ государства и по его прямой иниціативѣ, почему наши университеты сразу же стали въ административно-служебное отношеніе къ государству, всецѣло подчиняясь какъ въ своей организаціи, такъ и въ своемъ внутреннемъ жизненномъ режимѣ, всѣмъ тѣмъ теченіямъ и вѣяніямъ, которыя сказывались въ направленіи внутренней политики русскаго государства,—положеніе, которое находитъ себѣ краснорѣчивое подтвержденіе въ кратковременной, но уже полной поучительности, исторіи отечественныхъ университетовъ.

Непосредственными интересами государства вызванъ къ жизни уже первый русскій университетъ—московскій: этотъ университетъ „не былъ вызванъ сознаніемъ общества въ необходимости высшаго образованія,—печатно говорили въ свое время редакторы университетскаго устава 1863 года;—его утверждала верховная власть для образованія полезныхъ дѣятелей на поприщѣ государственной службы“ [3]. Равнымъ образомъ и университетскій уставъ 1804 года, формулируя основную задачу университета, заявлялъ, что „въ немъ пріуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы“; да и само главное правленіе училищъ, разработывая планъ университетовъ, требовало отъ нихъ преподаванія „во всемъ пространствѣ наукъ, нужныхъ для разныхъ родовъ государственной службы“. Подготовленіе для государства чиновниковъ по „разнаго рода службамъ“—выступаетъ, такимъ образомъ, факторомъ первенствующаго значенія въ дѣлѣ зарожденія русскихъ университетовъ; да и сами профессоры университетовъ представлялись въ глазахъ правительства не свободными представителями свободной науки, но чиновниками („чиновникъ по философіи“, „чиновникъ по словесности“, „чиновникъ по естественному праву“—обычныя выраженія добраго стараго времени для обозначенія представителей кафедръ), обязанными читать свои курсы въ строго опредѣленномъ направленіи и по строго опредѣленнымъ программамъ и руководствамъ. Административное значеніе университетовъ находило себѣ въ первой трети XIX столѣтія рельефное выраженіе и въ отношеніяхъ ихъ къ училищамъ округа: по уставамъ александровскихъ университетовъ, эти послѣдніе распространяли свою компетенцію на управленіе всѣмъ учебнымъ дѣломъ округа, помогая правительству въ его попеченіяхъ о насажденіи средней и низшей школы и о надлежащей постановкѣ въ училищахъ какъ учебной, такъ и нравственно-воспитательной части.

Государственно-утилитарный стимулъ, легшій въ основу русскаго университетскаго строя, не могъ не отразиться и на взаимныхъ отношеніяхъ между обществомъ и дарованными ему, помимо его доброй воли и инициативы, университетами,—отношеніяхъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ сводясь къ недоумѣнію и безучастной апатіи, нерѣдко доходили до открытаго предубѣжденія противъ созидаемыхъ государствомъ высшихъ „храмовъ наукъ". Предубѣжденіе со стороны общества встрѣтило и основаніе московскаго университета; извѣстна та страстность, съ которою доводилось „первому русскому ученому", М. В. Ломоносову, отстаивать право молодого университета на самое его существованіе, доказывая необходимость насажденія въ Россіи высшаго академическаго образованія. Даже Н. М. Карамзинъ, одинъ изъ выдающихся просвѣщенныхъ людей своей эпохи, далеко не двусмысленно выражался по поводу просвѣтительной дѣятельности императора Александра I; упоминая о милліонахъ, затраченныхъ на основаніе университетовъ, нашъ исторіографъ видитъ въ этомъ „болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества"; въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ высказываетъ мысль, что „строить и покупать дома для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ астрономовъ, филологовъ—есть пускать пыль въ глаза; чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и Казани?",—уже не безъ оттѣнка желчи восклицаетъ авторъ „Исторіи государства россійскаго" [4]. Если съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ на просвѣтительныя начинанія первой эпохи царствованія Александра I образованный Карамзинъ, то легко представить себѣ отношеніе къ нимъ со стороны менѣе культурныхъ представителей современнаго общества.

Теперь понятною становится еще одна характерная черта въ начальной жизни русскихъ университетовъ: это—эпоха борьбы, и нерѣдко тяжелой борьбы, за самое свое существованіе, которую приходилось имъ выдерживать среди неблагопріятныхъ условій современной общественности, не говоря уже о неблагопріятныхъ, порою, для свободной академической жизни общихъ теченіяхъ нашей внутренней жизни. На долю отечественныхъ университетовъ выпадала трудная задача шагъ за шагомъ отвоевывать себѣ почетное и подобающее имъ мѣсто среди другихъ элементовъ русскаго общественнаго и государственнаго строя; неустанно бороться съ тупымъ равнодушіемъ или даже непріязненнымъ къ себѣ отношеніемъ и всячески популяризировать свое назначеніе, наглядно выясняя обществу практическіе результаты, каковыхъ вправѣ оно ожидать отъ университетской науки и отъ ея представителей. Не будучи продуктами свободнаго общественнаго

самосознанія и духовнаго развитія, не имѣя за собою, подобно университетамъ западно-европейскимъ, многовѣковыхъ традицій, которыя сдѣлали бы ихъ неотъемлемыми и ненарушимыми элементами общаго строя культурной жизни народа, русскіе университеты были лишены значенія „очаговъ науки“, дѣятельность которыхъ произвольно затушена быть не можетъ также точно, какъ не можетъ быть загашенъ и вѣчный свѣтъ истины и человѣческаго знанія. Напротивъ, въ исторіи русскихъ университетовъ наблюдались моменты, въ которые совершались святотатственныя попытки не только загасить свѣточъ русской университетской науки, но въ которые на волоскѣ висѣлъ самый вопросъ о цѣлесообразности ея дальнѣйшаго существованія. Свѣжи еще памятью эпохи Рунича и Магницкаго, изъ которыхъ послѣдняя ознаменовалась чудовищнымъ и едва не получившимъ осуществленія предположеніемъ о „публичномъ разрушеніи“ только что вступившаго въ жизнь казанскаго университета; извѣстно, что даже въ сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія могъ еще возбуждаться вопросъ о совершенномъ закрытіи всѣхъ русскихъ университетовъ; къ явленіямъ того же порядка должны быть отнесены и другія неоднократныя перипетіи и колебанія, которымъ подвергались русскіе университеты за весьма еще непродолжительный періодъ своего существованія....

Если за исторіею отдѣльныхъ учебныхъ заведеній признается видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія, вообще, то особенно выдающаяся роль выпадаетъ въ этомъ отношеніи на долю исторіи университетовъ, имѣющей въ государствахъ западной Европы обширную и весьма почтенную литературу. Исторія университетовъ пріобрѣтаетъ особенно выдающееся значеніе и исключительный интересъ у насъ, въ Россіи, благодаря тѣмъ, уже отмѣченнымъ нами, чертамъ, которыми сопровождались зарожденіе здѣсь университетской науки и самое развитіе отечественныхъ университетовъ. Историческія судьбы университетовъ выступаютъ именно въ Россіи, какъ нигдѣ, быть можетъ, въ другихъ европейскихъ странахъ, вѣрнѣйшими показателями культурнаго движенія страны,—и это представляется явленіемъ вполнѣ естественнымъ: въ другихъ европейскихъ государствахъ университеты вызывались къ существованію умственными запросами жизни, у насъ же университеты сами вызывали умственную жизнь страны, насаждая въ ней просвѣщеніе, содѣйствуя подъему духовнаго уровня общества, возбуждая въ немъ уваженіе и любовь къ наукѣ, отражая на себѣ процессъ борьбы свѣта съ мракомъ, съ постепеннымъ торжествомъ перваго надъ послѣднимъ. Роль университетовъ въ общей исторіи русскаго просвѣщенія выступитъ для насъ въ еще болѣе рельеф-

номъ видѣ, если мы будемъ имѣть въ виду, что въ строѣ и во внутренней жизни нашихъ университетовъ ярко отражались, какъ въ оптическомъ фокусѣ, всѣ тѣ теченія и вѣянія, которыя сказывались во внутренней политикѣ русскаго государства по отношенію къ вопросамъ народнаго образованія.

Нельзя, тѣмъ не менѣе, не сознаться въ томъ, что литература исторіи русскихъ университетовъ далеко не можетъ еще похвалиться своею обширностью: нѣсколько опытовъ исторіи отдѣльныхъ учебныхъ заведеній этого рода [5], данныя для исторіи университетовъ, встрѣчающіяся въ болѣе общихъ трудахъ по исторіи отечественнаго просвѣщенія, рядъ монографій и журнальныхъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ и эпизодамъ изъ прошлаго нашихъ университетовъ—вотъ все, что мы имѣемъ, пока, по этой части, въ ожиданіи болѣе общаго характера работъ въ области исторіи высшаго образованія въ Россіи.

Наступившее начало XX столѣтія ознаменовывается нѣсколькими университетскими юбилеями — свѣтлыми и желательными празднествами въ жизни отечественнаго просвѣщенія. Въ 1902 году исполняется вѣковая годовщина университета юрьевскаго (бывш. дерптскаго); въ 1904 году наступаютъ столѣтніе юбилеи университетовъ казанскаго и харьковскаго; въ 1905 году будетъ чествовать полтора вѣка своего существованія университетъ московскій.... Несомнѣнно, что чествованія этихъ годовщинъ обогатятъ отечественную литературу новыми трудами по исторіи русскихъ университетовъ, въ которыхъ найдутъ себѣ болѣе или менѣе полныя изложеніе и освѣщеніе факты и явленія первыхъ 150-ти лѣтъ существованія русской университетской науки, въ ихъ соотношеніи къ прошлому отдѣльныхъ университетовъ.

Предлагаемый вниманію читателей трудъ и представляетъ собою одну изъ попытокъ въ только что указанномъ направленіи—въ ея приложеніи къ столѣтней исторіи казанскаго университета.

Да позволено же будетъ составителю этого труда предложить вниманію читателей нѣсколько предварительныхъ замѣчаній по поводу появленія въ свѣтъ настоящей книги.

5-го ноября 1904 года исполняется столѣтняя годовщина со дня подписанія императоромъ Александромъ I утвердительной грамоты и устава императорскаго казанскаго университета,—актовъ, которыми положено было начало существованію этого университета, хотя фактическое открытіе его состоялось лишь 14-го февраля слѣдующаго 1805 года.

Приближеніе знаменательной годовщины, памятной не только въ лѣтописяхъ университетской жизни, но и въ исторіи просвѣщенія всего русскаго востока, не могло не вызвать заботъ совѣта казанскаго университета относительно достойнаго чествованія этого дня и, прежде всего, относительно составленія исторіи казанскаго университета за исполняющееся первое столѣтіе его существованія. Въ засѣданіи совѣта 27 мая 1897 года товарищи оказали пишущему эти строки высокую честь и лестное довѣріе, единогласно возложивъ на него порученіе выступить исторіографомъ казанскаго университета въ виду приближающагося вѣкового его юбилея.

Съ восторгомъ и чувствомъ неподдѣльной признательности принявъ возложенное на меня порученіе изложить столѣтнюю исторію родного университета, въ стѣнахъ котораго нѣкогда получилъ я высшее образованіе и съ судьбами котораго съ той поры непрерывно связываетъ меня свыше четверти вѣка служенія наукѣ и дѣлу высшаго образованія молодежи, я не закрывалъ глазъ передъ тѣми трудностями, съ которыми предстояло мнѣ встрѣтиться при выполненіи возложенной на меня задачи.

Главная трудность сводилась къ необходимости предварительной разработки обширнаго университетскаго архива, который, даже въ основныхъ своихъ отдѣлахъ, представляетъ подавляющее количество матеріала, систематизація и регистрація котораго оставляетъ желать весьма многаго, и который лишь отчасти и въ предѣлахъ только начальной поры жизни казанскаго университета (1804—1819 г.г.) былъ использованъ моимъ почтеннымъ предшественникомъ по исторіографіи нашего университета, покойнымъ профессоромъ Н. Н. Буличемъ, въ его разсказахъ: „Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета“. Данныя, представляемыя архивомъ казанскаго университета, необходимымъ являлось въ однихъ случаяхъ—пополнить, въ другихъ случаяхъ освѣтить матеріаломъ, могущимъ быть найденнымъ въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, предпринимая для этой цѣли спеціальныя поѣздки въ С.-Петербургъ. Надлежало, наконецъ, выяснить и использовать наличность имѣющагося печатнаго матеріала,—въ видѣ общихъ трудовъ и монографій по исторіи русскаго просвѣщенія; монографій, статей и замѣтокъ по отдѣльнымъ вопросамъ и явленіямъ прошлаго казанскаго университета и состоящихъ при немъ учрежденій; замѣтокъ и воспоминаній современниковъ; біографій и некрологовъ дѣятелей университета; памятниковъ законодательной дѣятельности и административныхъ распоряженій; печатныхъ отчетовъ, донесеній, правилъ и др. актовъ минувшей жизни университета и т. п. и т. п. Всѣ эти предварительныя работы, съ разработкою (по хронологической карточной системѣ) университетскаго и, отчасти, министер-

скаго архива въ ихъ главѣ, съ составленіемъ необходимыхъ для будущей работы алфавитныхъ указателей и проспектовъ собранныхъ матеріаловъ, съ нѣкоторыми, наконецъ, печатными работами спеціальнаго характера—потребовали около четырехъ лѣтъ усидчиваго подготовительнаго труда, позволивъ мнѣ лишь съ осени 1901 года приступить къ печатанію самой исторіи казанскаго университета.

Предстоявшая мнѣ работа въ значительной степени осложнялась и особыми условіями, въ которыя, уже при самомъ своемъ основаніи, поставленъ былъ казанскій университетъ.

Прежде всего—съ точки зрѣнія развитія въ краѣ общественности и съ точки зрѣнія общаго культурнаго его состоянія.

Возникнувъ на далекой, по условіямъ того времени, окраинѣ русскаго европейскаго востока, про общественность которой проф. К. Ѳ. Фуксъ высказывался впослѣдствіе, что „въ началѣ своей жизни здѣсь (т. е. въ 1805—1810 г.г.) нашелъ почти дикарей"; среди полудѣвственной природы и неменѣе полудѣвственнаго общества, въ средѣ даже верхнихъ слоевъ котораго крайне смутными представлялись назначеніе и истинныя задачи высшаго образованія—новорожденный казанскій университетъ встрѣтилъ здѣсь крайне неблагопріятныя условія для своего развитія. Въ Казани менѣе, нежели въ какомъ либо другомъ университетскомъ центрѣ, чувствовалась духовная связь между вновь созидавшимся университетомъ и теченіемъ жизни современнаго общества, вслѣдствіе чего университету открылась продолжительная эпоха борьбы съ безучастнымъ и апатичнымъ отношеніемъ къ нему этого послѣдняго, открылась необходимость внушать мѣстному обществу сознаніе пользы отъ наукъ и высшаго образованія, поучая его на торжественныхъ своихъ собраніяхъ популярными рѣчами на темы „о пользѣ наукъ, вообще, и въ особенности о пользѣ казанскаго университета" (рѣчь проф. В. М. Перевощикова на актѣ 1814 г.) или „о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ" (рѣчь проф. Ѳ. Х. Эрдмана на актѣ 1815 г.). „Передъ нами прежде всего полное равнодушіе казанскаго общества и передоваго сословія его, дворянства, къ зарождающемуся университету",—писалъ въ свое время проф. Н. Н. Буличъ. Создавая новые университеты, правительство призывало общество къ нравственной и матеріальной поддержкѣ ихъ, но „этотъ благородный вызовъ правительства, свидѣтельствующій о его глубокомъ и искреннемъ уваженіи къ народному просвѣщенію, только у насъ, въ Казани, не нашелъ отвѣта и встрѣченъ былъ и со стороны мѣстной администраціи, и со стороны мѣстнаго общества—гробовымъ молчаніемъ". „Мы не встрѣчаемъ здѣсь,—

продолжаетъ Н. Н. Буличъ,—не только какого либо существеннаго пожертвованія, но и, вообще, никакого сочувственнаго заявленія: университетъ падалъ съ неба,—всѣ сторонились отъ него съ уваженіемъ или, вѣрнѣе сказать, съ недоумѣніемъ". Припоминая тѣ внѣшнія выраженія сочувствія и поддержки, съ которыми встрѣчено было дарованіе имъ университетовъ со стороны другихъ русскихъ центровъ образованія, не выключая и Харькова, тотъ же авторъ констатируетъ, что въ Казани въ этомъ отношеніи встрѣчаемъ мы „только тупое восточное равнодушіе"... [6]. Замѣчательною представляется самая судьба казанскаго университета въ начальную пору его жизни: насажденный на неблагопріятной для развитія его культурной почвѣ, онъ около семи лѣтъ влачилъ свое существованіе въ почти неразрывной связи съ мѣстною гимназіею, около девяти лѣтъ (до 1814 г.) ожидалъ своего открытія на началахъ устава 1804 г., въ полномъ составѣ факультетовъ и съ выборною администраціею; пережилъ, наконецъ, тяжелую эпоху Магницкаго, когда, окруженный равнодушіемъ, порою даже затаеннымъ недоброжелательствомъ соприкасавшихся съ нимъ общественныхъ элементовъ, юный казанскій университетъ одно время уже стоялъ на краю своего совершеннаго упраздненія. Равнодушіе, апатія и безучастное отношеніе къ нему общества—обрисовываются факторами отрицательнаго характера, съ которыми казанскому университету приходилось, къ сожалѣнію, считаться и въ болѣе позднія эпохи своего существованія.

Кромѣ культурно-общественныхъ условій его первоначальнаго развитія, на задачи и на историческія судьбы казанской науки и казанскаго университета не могли не наложить своего отпечатка и условія географическаго положенія города Казани и тяготѣющаго къ нему района.

Казанскій университетъ возникъ въ культурномъ центрѣ обширнаго восточнаго края, обильнаго не только географическими и естественноисторическими особенностями, уже весьма рано высоко поставившими изученіе здѣсь естествовѣдѣнія, но не менѣе богатаго и историческими воспоминаніями, унаслѣдованными отъ временъ процвѣтанія въ немъ булгарскаго, а затѣмъ монголо-татарскихъ царствъ, долго заграждавшихъ собою поступательное движеніе русской культуры на азіатскій востокъ. Этотъ университетъ возникъ въ краѣ, на долю котораго, вслѣдъ за паденіемъ казанскаго царства, выпала задача послужить базисомъ для неудержимаго стремленія русскаго вліянія во внутрь сѣверно-азіатскаго материка, причемъ самая Казань получила значеніе естественнаго этапа и передаточнаго пункта въ колонизаціонномъ и торговомъ движеніи Россіи за черту уральскаго хребта. Выдающійся интересъ представляютъ собою и этнологическія

особенности казанскаго края, богатствомъ и разнообразіемъ своимъ всегда обращавшія и до сихъ поръ обращающія на себя усиленное вниманіе людей европейской науки. Густо населяющія этотъ край тюрко-монгольскія и финскія племена, съ своими специфическими бытовыми, религіозными и лингвистическими особенностями, съ своимъ особымъ складомъ исторической и современной жизни, словомъ, съ своеобразными чертами культуры, ассимилирующимися какъ между собою, такъ и въ соприкосновеніи ихъ съ культурою русскихъ насельниковъ края—не могли не дать этому послѣднему своеобразной этнографической физіономіи, не могли не наложить особаго отпечатка и на исторію просвѣтительной дѣятельности въ этомъ краѣ, уже съ самаго зарожденія своего здѣсь (во второй половинѣ XVI вѣка) принявшей инородческо-миссіонерское направленіе.

Вновь основанному казанскому университету привелось на первыхъ же порахъ считаться съ этими культурными, историческими и этнологическими особенностями края, въ весьма значительной степени отразившимися на общемъ фонѣ его научной дѣятельности съ точки зрѣнія мѣстно-областного колорита этой послѣдней. Историко-археологическое изученіе края, вопросы его этнографіи и лингвистики, въ связи съ интересомъ къ изученію востока, вообще—наложили характерный отпечатокъ на направленіе казанской университетской науки, отлившійся въ пышный разцвѣтъ оріенталистики, постановкою которой славился и гордился казанскій университетъ въ первые полвѣка своего существованія, въ особенности же въ 30-хъ—50-хъ годахъ закончившагося столѣтія.

Всѣ изложенныя выше соображенія несомнѣннымъ образомъ приводятъ насъ къ тому заключенію, что историческая миссія первостепеннаго стимула культуры, уже по мѣстнымъ условіямъ края, досталась на долю казанскаго университета въ несравненно большей степени, сравнительно съ значеніемъ въ этомъ отношеніи другихъ русскихъ университетовъ. Эта тяжелая, хотя и почетная, миссія, къ которой присоединились и попеченія о начальномъ насажденіи образованія на почти безпредѣльномъ европейско-азіятскомъ русскомъ востокѣ, наложила особую печать на задачи и дѣятельность казанскаго университета, игнорированіе которой является для историка этого университета немыслимымъ. Если невозможною, вообще, представляется исторія какого бы то ни было просвѣтительнаго учрежденія внѣ связи ея съ культурною исторіею той среды, въ которой учрежденію этому суждено было жить и функціонировать, то тѣмъ въ большей степени справедливо это по отношенію къ нашему университету, до основанія томскаго университета, т. е. въ теченіи трехъ четвертей вѣка,

бывшаго единственнымъ піонеромъ и свѣточемъ знанія и высшаго образованія для всего русскаго востока. Такимъ образомъ, изложеніе исторіи казанскаго университета въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ исторіею культуры и общественности города Казани и тяготѣющаго къ нему края—предстало передо мною задачею, которой я рѣшился держаться въ предѣлахъ возможности, обусловливаемой размѣрами моего труда, наличностью историческаго матеріала и,—главное,—находящимся въ моемъ распоряженіи пространствомъ времени.

Приступая къ разработкѣ исторіи казанскаго университета, вполнѣ естественнымъ представлялось бросить взглядъ на предшествующіе труды въ томъ же направленіи, которые способны были бы облегчить предстоявшую мнѣ сложную задачу.

Любопытно, что веденіе регулярной лѣтописи текущей университетской жизни, въ интересахъ именно историческихъ, предусмотрѣно было уже уставомъ 1804 года, опредѣляющимъ, что къ числу обязанностей избираемаго изъ числа профессоровъ секретаря совѣта—„принадлежитъ сочиненіе исторіи университета“ (§ 70 устава). Это требованіе устава оставалось мертвою буквою, не взирая на неоднократныя побужденія секретарей къ его выполненію; очевидно, что выборные секретари совѣта, обремененные какъ своими преподавательскими обязанностями, такъ и обязанностями канцелярскими, не находили времени, а вѣрнѣе всего и охоты, выступать въ роли лѣтописцевъ университетской жизни. Въ 1826 году на невыполненіе интересующаго насъ требованія устава обратили свое вниманіе правящія сферы министерства народнаго просвѣщенія: 10-го марта этого года попечитель округа, ссылаясь на предписаніе министра, основанное на § 70-мъ устава, предложилъ совѣту „немедленно“ доставить исторію университета съ самого его основанія. Это предложеніе, поставившее совѣтъ университета въ немалое затрудненіе, числилось въ числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ вплоть до 1835 года, когда и было разрѣшено совѣтомъ ссылкою на то, что „начавшееся представленіе подробныхъ отчетовъ по университету—дѣлаетъ составленіе его исторіи излишнимъ“; попечитель съ этимъ доводомъ согласился, а введенный слѣдомъ затѣмъ новый уставъ 1835 года уже ни слова не говорилъ о канцелярскомъ способѣ „сочиненія“ исторіи университета [7]. Неудачею окончилась и попытка (1828 г.) попечителя Мусина-Пушкина возложить на адъюнкта Рыбушкина составленіе исторической записки о всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Казани, съ самаго основанія ихъ здѣсь, въ видахъ чего Рыбушкину дозволена была выдача дѣлъ изъ университетскаго архива [8]. Впрочемъ,

еще въ предшествовавшемъ 1827 году осуществилось составленіе „исторической записки о четырехъ отдѣленіяхъ казанскаго университета“, изготовленной для извѣстнаго статистика П. И. Кеппена, на котораго возложено было министерствомъ народнаго просвѣщенія (онъ состоялъ при немъ въ то время чиновникомъ особыхъ порученій) составленіе историко-статистическаго обозрѣнія всѣхъ учебныхъ заведеній, въ виду чего Кеппенъ и обратился въ казанскій университетъ съ требованіемъ необходимыхъ ему свѣдѣній и историческихъ данныхъ. Эта „записка“, въ сущности своей являющаяся сухою и не вполнѣ удачно составленною канцелярскою отпискою на запросы Кеппена, представляетъ собою, тѣмъ не менѣе, весьма цѣнный матеріалъ для исторіи университета (въ особенности для исторіи факультетовъ и кафедръ) за промежутокъ времени съ 1814 года (года полнаго открытія университета по уставу 1804 г.) по 1827 годъ (начало попечительства М. Н. Мусина-Пушкина) [9]. Въ 1829 году такого же рода свѣдѣнія потребованы были отъ университета для К. И. Арсеньева, на котораго передъ тѣмъ возложено было преподаваніе статистики и исторіи наслѣднику престола в. к. Александру Николаевичу, въ виду чего имъ и было предпринято составленіе всеобщей статистики россійской имперіи [10].

Весьма знаменательною была въ жизни казанскаго университета эпоха попечительства М. Н. Мусина-Пушкина, явившаяся на смѣну мрачнымъ годамъ попечительства Магницкаго и по справедливости почитаемая эрою внѣшняго и внутренняго устроенія казанскаго университета послѣ пресловутаго „обновленія“ его попечителемъ-временщикомъ. Эта эпоха нашла себѣ хроникера въ лицѣ профессора россійской словесности К. К. Фойгта, въ 1844 году составившаго (совмѣстно съ инспекторомъ училищъ В. І. Антроповымъ) отчетъ за семнадцатилѣтній періодъ попечительства Мусина-Пушкина. Этотъ почтенный, хотя и исключительно фактическаго направленія, трудъ, въ свое время удостоившійся высочайшаго благоволенія, обнимаетъ собою, такимъ образомъ, историческій обзоръ жизни казанскаго университета съ 1827 по 1844 годъ и появился въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Отчетъ казанскаго университета и учебнаго округа за 17 лѣтъ, съ 1827 по 1844 г.“ (Казань, 1844).

Казанская оріенталистика, высоко стоявшая въ мѣстномъ университетѣ до перевода изъ него въ с.-петербургскій университетъ разряда восточной словесности (1855 г.), имѣла своихъ историковъ въ лицѣ профессоровъ О. М. Ковалевскаго („Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіятскихъ языковъ въ императорскомъ казанскомъ университетѣ до настоящаго

времени", Казань, 1842) и того же К. К. Фойгта („Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіятскихъ языковъ въ императорскомъ казанскомъ университетѣ за десятилѣтіе съ 1842 по 1852 г.", Казань, 1852); трудъ второго изъ этихъ ученыхъ является, въ порядкѣ хронологическаго изложенія, непосредственнымъ продолженіемъ труда перваго изъ нихъ.

Первое, болѣе или менѣе твердо обоснованное, предположеніе о составленіи исторіи университета за все предшествовавшее время его существованія относится къ первымъ годамъ второй половины минувшаго столѣтія и было выдвинуто впередъ приближавшимся пятидесятилѣтіемъ жизни казанскаго университета. Предположеніе это возникло весною 1853 года по почину ректора университета И. М. Симонова, 31-го марта вошедшаго съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ въ совѣтъ университета. Въ засѣданіи послѣдняго отъ 2-го апрѣля состоялось опредѣленіе, въ силу котораго намѣчены слѣдующія мѣропріятія: а) заблаговременно составить исторію университета, „съ должнымъ указаніемъ на ученые и учебные труды и услуги, оказанные наукамъ и просвѣщенію начальствующими лицами университета и его бывшими и настоящими членами"; б) войти въ сношенія съ бывшими студентами университета, съ цѣлью составить „полный списокъ ихъ, съ краткимъ біографическимъ и автографическимъ очеркомъ ихъ жизни и дѣятельности на поприщѣ службы и ученыхъ или литературныхъ трудовъ"; в) „составить проэктъ церемоніала для празднованія юбилея". Выполненіе всѣхъ этихъ работъ опредѣлено возложить на особую совѣтскую коммиссію. Предположенія совѣта были 4-го іюня того же года утверждены министромъ народнаго просвѣщенія Норовымъ, который, предоставивъ будущей коммиссіи самой обсудить вопросъ о выборѣ дня для празднованія юбилея, высказалъ, съ своей стороны, мысль, что приличнѣе всего было бы пріурочить это празднованіе къ 14-му февраля 1855 года, т. е. къ годовщинѣ фактическаго открытія казанскаго университета.

Университетская юбилейная коммиссія составилась, подъ предсѣдательствомъ помощника попечителя округа Н. И. Лобачевскаго, изъ декановъ факультетовъ (профессоры О. М. Ковалевскій, П. И. Котельниковъ, Н. А. Ивановъ и Д. И. Протопоповъ), четырехъ выборныхъ делегатовъ отъ факультетовъ (профессоры М. Я. Киттары и А. Г. Станиславскій, адъюнкты Н. Н. Буличъ и Д. И. Дмитріевскій) и секретаря (синдикъ университета Н. И. Олферьевъ), слѣдовательно изъ десяти лицъ, двое изъ которыхъ (Н. Н. Буличъ и А. Г. Станиславскій) за отсутствіемъ своимъ изъ Казани участія въ непродолжительныхъ трудахъ коммиссіи не принимали.

Недолговременными явились какъ работы, такъ и самое существованіе этой коммиссіи, имѣвшей всего лишь три засѣданія (27-го октября, 4-го и 11-го ноября). Дѣло въ томъ, что въ началѣ ноября получено было въ Казани предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 26-го октября 1853 года, которымъ возвѣщалось, что „государь императоръ изволилъ повелѣть г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія относительно юбилеевъ принять за правило, что настоящій юбилей долженъ праздноваться по истеченіи столѣтія со времени основанія какого либо государственнаго учрежденія и что для воспоминанія пятидесятилѣтняго существованія онаго достаточно простого собранія". Въ исполненіе таковой высочайшей воли попечителю округа предложено было „отмѣнить предположенное совѣтомъ казанскаго университета особое торжество по поводу наступающаго пятидесятилѣтія онаго, ограничась въ день учрежденія университета простымъ собраніемъ совѣта и благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ", прекративъ и дѣйствія учрежденной въ виду предстоящаго юбилея совѣтской коммиссіи. Такъ окончила свое недолгое существованіе коммиссія 1853 года по составленію исторіи университета, оставивъ единственнымъ слѣдомъ своихъ историческихъ работъ извлеченную ею изъ архива и имѣющуюся при дѣлѣ погодную вѣдомость о количествѣ студентовъ и о числѣ лицъ, выпущенныхъ изъ университета за время съ 1805 по 1833 годъ [11]. Пятидесятилѣтняя годовщина казанскаго университета,—болѣе торжественное чествованіе которой встрѣтило, по всей вѣроятности, неудобства съ точки зрѣнія политическаго состоянія, въ которомъ находилась въ то время, наканунѣ крымской войны, Россія,—была ознаменована лишь собраніемъ совѣта 5-го ноября 1854 года, съ провозглашеніемъ въ немъ 16-ти новыхъ почетныхъ членовъ и 4-хъ членовъ-корреспондентовъ, отправкою университетомъ привѣтствія своему „ровеснику", университету харьковскому, и изданіемъ въ 1856—1857 годахъ двухтомнаго „Сборника ученыхъ статей, написанныхъ профессорами казанскаго университета въ память пятидесятилѣтія его существованія".

Послѣднее двадцатипятилѣтіе жизни казанскаго университета ознаменовано, съ точки зрѣнія его исторіографіи, широко задуманною попыткою изложенія минувшихъ судебъ этого учрежденія, принадлежащею покойному профессору русской словесности Н. Н. Буличу, еще въ 1853 году привлекавшемуся, какъ мы это видѣли, къ участію въ трудахъ коммиссіи по составленію пятидесятилѣтней исторіи университета. Въ 1875 году проф. Буличъ приступилъ къ печатанію въ „Ученыхъ Запискахъ" мѣстнаго уни-

верситета очерковъ по исторіи казанскаго университета за первые годы его существованія, подъ общимъ заглавіемъ: „Казанскій университетъ въ александровскую эпоху". Отдѣльные оттиски этого труда, печатавшагося, съ большими перерывами, въ продолженіи 1875—1886 годовъ, въ 1887 году выпущены были авторомъ отдѣльною книгою, уже подъ новымъ заглавіемъ: „Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Часть первая" (Каз., 1887). Совершенно оставивъ въ 1885 году университетскую службу, Н. Н. Буличъ получилъ возможность всецѣло отдаться продолженію начатаго имъ труда, вторая часть котораго и вышла въ свѣтъ въ 1891 году, образовавшись, подобно первой части, изъ ряда очерковъ, съ 1890 года печатавшихся въ томъ же университетскомъ журналѣ.

Насколько широко задуманъ былъ трудъ Н. Н. Булича—это нагляднѣе всего усматривается изъ того, что въ двухъ вышедшихъ въ свѣтъ частяхъ его, представляющихъ собою два большихъ тома въ 90 слишкомъ печатныхъ листовъ, изложены имъ лишь первые четырнадцать лѣтъ жизни казанскаго университета (1805—1819), обнимающіе собою эпохи попечительства Румовскаго и Салтыкова. Тяжкая болѣзнь автора, которая свела его въ могилу († 24 мая 1895 г.), застала Н. Н. Булича среди занятій по разработкѣ матеріаловъ для дальнѣйшаго продолженія его объемистаго труда.

Построенная на обстоятельномъ знакомствѣ съ университетскимъ архивнымъ матеріаломъ, книга Н. Н. Булича не представляетъ изъ себя прагматической исторіи университета, что признается и самимъ авторомъ, давшимъ ей скромное названіе „разсказовъ" изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета; авторъ придалъ своей книгѣ характеръ именно эпизодическихъ разсказовъ, отличающихся массою нерѣдко мелкихъ историческихъ подробностей и особеннымъ богатствомъ данныхъ біографическихъ. Въ предисловіи ко второй части своего труда, проф. Буличъ открыто высказываетъ мысль, что „разсказы его изъ прошлаго казанскаго университета не имѣютъ ничего общаго съ тѣми почтенными трудами по исторіи нашихъ университетовъ, которые составляются къ извѣстному юбилейному году ихъ", которые „изображаютъ жизнь университета за извѣстный періодъ времени и не останавливаются на мелкихъ подробностяхъ". Этимъ общимъ характеромъ своего труда авторъ снимаетъ съ себя ожидаемый имъ упрекъ въ томъ, что онъ „долго разсказывалъ о личностяхъ, которыя, сами по себѣ, не стоютъ разсказа, передавалъ разные анекдоты некрасиваго свойства, останавливался на мелочахъ, на скандалахъ профессорской жизни, на интимныхъ исторіяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ"....

Покойный Н. Н. Буличъ высказываетъ и тѣ ожиданія, которыя возлагались имъ на интересующій насъ трудъ: „Большой размѣръ предлагаемыхъ разсказовъ,—говоритъ онъ,—является слѣдствіемъ того желанія автора, что бы книга его послужила сборникомъ матеріаловъ для будущаго историка казанскаго университета“ [12]. Цѣль эта достигнута покойнымъ исторіографомъ университета: въ предѣлахъ затронутаго имъ періода времени (1805—1819 г.г.), почтенный трудъ автора, широкою рукою пользовавшагося наличнымъ архивнымъ и печатнымъ матеріаломъ, не можетъ быть обойденъ ни однимъ изслѣдователемъ въ области начальной поры жизни казанскаго университета. Съ этой точки зрѣнія книга Н. Н. Булича является неоцѣненнымъ подспорьемъ и для нашего труда въ предѣлахъ эпохи, интересовавшей собою покойнаго автора „Разсказовъ“, хотя мы и не почли себя, тѣмъ не менѣе, вправѣ устраниться отъ самостоятельной разработки архива и за тотъ періодъ времени (1804—1819 г.г.), который обнимаетъ собою книга автора. Это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что покойный Н. Н. Буличъ, широко пользуясь университетскимъ архивомъ, не дѣлаетъ (за крайне рѣдкими исключеніями) ссылокъ на дѣла, которыми онъ пользовался, и тѣмъ лишаетъ возможности возстановленія процесса его работъ и провѣрки его выводовъ,—обстоятельство, которое должно быть поставлено автору книги въ крупный и непоправимый укоръ. Какъ бы то ни было, объемистому труду Н. Н. Булича во всякомъ случаѣ обезпечено самостоятельное и почетное мѣсто въ ряду всѣхъ будущихъ трудовъ въ области исторіографіи казанскаго университета.

Вотъ все, что мы имѣемъ по части какъ осуществившихся, такъ и неосуществившихся попытокъ болѣе или менѣе систематическаго изложенія прошлаго казанскаго университета.

Само собою разумѣется, что этимъ далеко не исчерпывается наличность всего, имѣющагося въ печати, въ области изложенія частичныхъ сторонъ, явленій и фактовъ минувшей жизни его. Мы имѣемъ, напримѣръ, весьма обстоятельный обзоръ исторіи ученыхъ путешествій и экскурсій членовъ университета, предпринимавшихся съ 1827 по 1843 годъ („Ученыя путешествія профессоровъ, преподавателей и воспитанниковъ казанскаго университета съ 1827 по 1843 г.“, рядъ статей въ „Казанскихъ Губ. Вѣдом.“ за 1844 г.); такой же обзоръ всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета съ его основанія по 1851 годъ („Прогулка по Казани“, рядъ статей А. И. Артемьева, въ томъ же изданіи за 1849—1851 г.г.); опыты исторіи отдѣльныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій („Краткая историческая записка клиники императорскаго казанскаго уни-

верситета за 1815—1842 г.г.“ Н. А. Скандовскаго, Каз. 1842; историческая записка „О метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Казани“ Н. П. Слугинова, Каз., 1891; такая же записка „Кафедра химіи и химическая лабораторія императорскаго казанскаго университета“ А. А. Альбицкаго, Москва, 1899; „Матеріалы для исторіи минералогическаго и геологическаго кабинетовъ императорскаго казанскаго университета за 1805—1865 г.г.“ А. А. Штукенберга, Каз. 1901 и др.), попытку начальной исторіи университетскихъ зданій („Нынѣшній университетскій кварталъ во второй половинѣ XVIII-го стол.“ Н. Г. Фастрицкаго, въ „Справочномъ Листкѣ г. Казани“ за 1867 г.); цѣлый рядъ біографій и некрологовъ дѣятелей университета, какъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ; опытъ краткаго біографическаго словаря всѣхъ бывшихъ и современныхъ профессоровъ и преподавателей университета („Дѣятели императорскаго казанскаго университета“ 1805—1900 г.г.“ Н. П. Загоскина, Каз. 1900); наконецъ погодные перечни преподавателей, учившихся и служившихъ университета за 1804—1904 г.г. („Преподаватели, учившіеся и служившіе въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 1804—1904 г.г.“ А. И. Михайловскаго, I—II, Каз. 1901—1902) и пр. Множество статей и замѣтокъ или непосредственно касающихся различныхъ вопросовъ изъ прошлаго казанскаго университета, или же имѣющихъ къ нимъ лишь болѣе или менѣе близкое соотношеніе, разбросано по различнымъ періодическимъ изданіямъ (изъ казанскихъ особенно важны въ этомъ отношеніи: „Казанскія Извѣстія“, 1811—1820 г.г., „Казанскій Вѣстникъ“ съ „Прибавленіями“ къ нему, 1820—1835 г.г., „Заволжскій Муравей“, 1832—1834 г.г., „Ученыя записки казанскаго университета“, съ 1834 г., неоффиціальная часть „Казанскихъ губ. вѣдомостей“, эпохи редактированія ими Н. И. Второва, А. И. Артемьева и И. Н. Березина въ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ минувшаго столѣтія). Весьма важное значеніе представляютъ для историка мѣстнаго университета печатные отчеты по университету и округу, изъ которыхъ первые составлялись въ прежнія времена (до начала 60-хъ годовъ) профессорами университетовъ и, въ противоположность канцелярскимъ отчетамъ послѣдующихъ годовъ, давали рельефныя картины университетской жизни за отчетные годы; затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду печатные протоколы засѣданій, отчеты и донесенія различныхъ органовъ университетскаго строя, обозрѣнія преподаваній, разнаго рода положенія, правила и инструкціи для подвѣдомственныхъ университету лицъ и учрежденій, списки преподавателей, учащихся и служащихъ и т. п. памятники текущей учебной и административной жизни универ-

ситета. Мы не имѣемъ возможности представить въ настоящее время вниманію читателей сколько нибудь полной библіографіи всего, имѣющаго соотношеніе къ исторіи казанскаго университета, не отказываясь отъ надежды выполнить эту задачу въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ; важнѣйшія указанія и ссылки библіографическаго характера читатели будутъ встрѣчать, тѣмъ не менѣе, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

Выясненіемъ задачъ и наличности источниковъ и пособій не могли ограничиться соображенія, съ которыми довелось мнѣ встрѣтиться въ виду предпринимаемаго сложнаго труда. Краеугольнымъ вопросомъ неминуемо предсталъ передо мною вопросъ о самомъ пріемѣ предстоявшей мнѣ работы, который надлежало предварительно и тщательно обдумать, иначе представлялась серьезная опасность запутаться въ безпредѣльномъ лабиринтѣ отдѣльныхъ вопросовъ и фактовъ минувшей столѣтней жизни университета. Мой трудъ является ограниченнымъ въ своемъ размѣрѣ, еще болѣе ограниченнымъ представляется онъ съ точки зрѣнія времени, находящагося въ моемъ распоряженіи; между тѣмъ на пути этого труда возстаютъ въ высшей степени интересные и благодарные вопросы, способные дать богатый матеріалъ для цѣлыхъ изслѣдованій и монографій и въ сторону детальной разработки которыхъ невольно рискуетъ увлечься историкъ. Въ такомъ свѣтѣ выступаетъ, напримѣръ, захватывающаго интереса эпоха попечительства Магницкаго, въ высшей степени богатая нетронутымъ еще архивнымъ матеріаломъ и полная значенія и для общей исторіи просвѣщенія въ Россіи; начальная эпоха жизни казанскаго университета, для полнаго исчерпанія лѣтописи которой не хватило даже двухъ объемистыхъ томовъ „Разсказовъ" покойнаго Н. Н. Булича; судьбы оріенталистики въ казанскомъ университетѣ и исторія его, когда—то славившагося на весь образованный міръ, разряда восточной словесности; жизнь и дѣятельность выдающихся профессоровъ (вспомнимъ хотя бы только громкое имя Н. И. Лобачевскаго); исторія факультетовъ, кафедръ, учебно-вспомогательныхъ учрежденій и т. д. и т. д. Приходилось, такимъ образомъ, озаботиться возможною соразмѣрностью отдѣльныхъ частей труда, поступаясь, въ интересахъ его цѣлостности, многими любопытными и соблазнительными деталями и нивеллируя тѣ или другіе вопросы, которые заслуживали бы быть выдѣленными въ самостоятельныя рубрики, подъ уровень общаго повѣствованія.

Въ основу предпринятаго мною труда могли быть положены два способа изложенія. По первому изъ нихъ весь фактичессій матеріалъ

возможнымъ представлялось распредѣлить въ строго-опредѣленныя рубрики, соотвѣтствующія тѣмъ или другихъ отдѣльнымъ сторонамъ минувшей университетской жизни, какъ то: административная жизнь университета (дѣятельность совѣта, правленія, факультетовъ, средства университета), его ученая жизнь (дѣятельность профессоровъ и преподавателей, пріобрѣтенія ученыхъ степеней, ученыя сношенія, путешествія и съѣзды, ученыя общества и пр.), внѣшнія отношенія университета, преподаваніе, учебно-вспомогательныя пособія и учрежденія, бытъ профессоровъ и студентовъ и т. п.; всѣ эти рубрики должны были бы послѣдовательно и самостоятельно повторяться въ каждомъ изъ основныхъ періодовъ, принятыхъ въ основу повѣствованія.

По второму способу изложенія являлось возможнымъ выдвинуть на первый планъ прагматическую исторію университета, избѣгая дробнаго, и до извѣстной степени конечно искуственнаго, расчлененія ея на рубрики строго-опредѣленнаго содержанія.

Я долго колебался въ выборѣ между этими двумя планами, тщательно взвѣшивая достоинства и недостатки, — а таковые присущи и тому и другому,—каждаго изъ нихъ и, въ концѣ концовъ, убѣжденно рѣшился по возможности соединить ихъ между собою, давъ, однако, преобладающее значеніе второму способу изложенія, какъ представляющему собою существенныя преимущества. При слишкомъ дробномъ выдѣленіи рубрикъ, несомнѣннѣйшимъ образомъ пострадала бы прагматическая сторона повѣствованія, въ весьма значительной степени затемнена была бы общая картина хода послѣдовательнаго развитія университетской жизни, всѣ отдѣльные элементы, факторы и проявленія которой стоятъ въ самой тѣсной и причинной между собою связи, взаимно обусловливая другъ друга, взаимно воздѣйствуя одинъ на другого. Преобладаніе прагматическаго метода изложенія способно въ огромной степени устранить этотъ существенный недостатокъ, обезпечивая собою возможность болѣе или менѣе выпуклой, рельефной, картины истекающаго столѣтія существованія такого сложнаго, жизненнаго и чуткаго ко всякаго рода внѣшнимъ воздѣйствіямъ и вліяніямъ организма, какимъ представляется—университетъ.

По моему глубокому убѣжденію, въ данномъ случаѣ совершенно расходящемуся съ взглядомъ на дѣло моего почтеннаго предшественника Н. Н. Булича, преобладаніе въ трудѣ именно такого способа изложенія наиболѣе отвѣчаетъ и самой задачѣ юбилейной исторіи университета. Я не думаю, вопреки мысли, выраженной покойнымъ проф. Буличемъ, что бы задача юбилейной исторіи университета сводилась къ „статистикѣ прошлаго университетской жизни“ и къ значенію „справочной книги для

историка и самой университетской науки". Задачи юбилейной исторіи университета должны простираться несравненно дальше узкихъ рамокъ „статистики" вѣковаго прошлаго и „справочнаго" изданія. Такая исторія не должна сводиться къ значенію архивно-канцелярскаго отчета за сто лѣтъ академической жизни, не можетъ отливаться въ форму сухого перечня и сухой регистраціи, по извѣстнымъ рубрикамъ и шаблонамъ, отдѣльныхъ сторонъ минувшей жизни университета. Если подобная форма изложенія можетъ почитаться малопригодною для исторіи любого казеннаго правительственнаго установленія или вѣдомства, то тѣмъ менѣе пригодною должна быть признана она въ ея приложеніи къ исторіи университета.

Къ такому заключенію приводятъ насъ и самыя задачи, преслѣдуемыя исторіею университета, въ свою очередь обусловливаемыя тою ролью, которая выпадаетъ на долю университетовъ въ общемъ строѣ нашей общественности. Университеты призваны къ жизни въ интересахъ общества, вручающаго имъ высшее образованіе и гражданское воспитаніе своихъ молодыхъ поколѣній; между университетомъ и духовно обслуживаемымъ имъ обществомъ должна установляться тѣсная и жизненная духовно-культурная связь, и если, не въ примѣръ старымъ университетамъ западной Европы, въ нашемъ отечествѣ такая связь не всегда даетъ себя болѣе или менѣе нагляднымъ и замѣтнымъ образомъ ощущать, то это не значитъ еще, чтобы университеты могли почитать себя освобожденными отъ нравственной обязанности всѣми мѣрами способствовать установленію, поддержанію и укрѣпленію этой связи. Возможно публичный характеръ университетской науки, выражающійся въ популяризаціи культурныхъ задачъ университета и его высшихъ знаній, въ учрежденіи ученыхъ и литературныхъ обществъ и въ устройствѣ публичныхъ академическихъ собраній, чтеній и диспутовъ, въ предоставленіи публикѣ раціонально обставленнаго доступа къ его библіотекамъ и разнымъ собраніямъ и пособіямъ, въ постоянной готовности университета идти своими знаніями и находящимися въ его распоряженіи средствами на встрѣчу нуждамъ и интересамъ общества, въ возможно широкомъ распространеніи отчетовъ о дѣятельности университета и состоящихъ при немъ обществъ и учрежденій—таковы пути, открывающіеся передъ университетами въ дѣлѣ пробужденія въ обществѣ интереса къ академической жизни и къ поддержанію съ нимъ постоянной духовной связи, безъ которой никогда не въ состояніи будутъ полностью осуществляться и самыя культурныя задачи университетовъ. Наши университеты всегда ревностно пользовались этими путями общенія

съ публикою; какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, широкою рукою пользовался ими, даже въ начальную пору своего существованія, и университетъ казанскій.

Съ этой то точки зрѣнія и раскрывается передъ нами въ высшей степени существенное значеніе юбилейной исторіи университета. Столѣтній юбилей университета—не можетъ и не долженъ почитаться исключительно домашнимъ, семейнымъ, его праздникомъ: это—праздникъ культурной жизни самого общества, это одна изъ руководящихъ вѣхъ въ постепенномъ ходѣ умственнаго его развитія, и грустное зрѣлище представило бы намъ общество, не сумѣвшее достойно проникнуться сознаніемъ общественно-культурнаго значенія такого праздника мысли и знанія. Но само собою разумѣется, при этомъ, что и университетъ—юбиляръ не освобождается отъ нравственной обязанности выяснить обществу значеніе переживаемаго момента, дать ему отчетъ за минувшій вѣкъ своего существованія, наглядно показать обществу—что сдѣлано имъ въ его интересахъ, какъ выполнены имъ обязательства передъ ста юными поколѣніями, переступавшими порогъ университетской науки, чего въ правѣ ожидать отъ него общество и въ будущемъ... Столѣтняя исторія университета—это отчетъ, болѣе того—это исповѣдь его передъ обществомъ, въ которой ясно должны быть очерчены свѣтлыя поры академической жизни, въ которой университетъ не долженъ закрывать глазъ и передъ картиною неблагопріятныхъ моментовъ своего прошлаго и настоящаго. Отсюда раскрывается передъ нами и самая задача и самая форма предстоящаго изложенія: возможно полная и безпристрастная картина минувшихъ судебъ университета—должна быть соединена съ формою изложенія, въ которой передъ глазами читателя развернулась бы возможно выпуклая и послѣдовательная картина столѣтней жизни университета, не обременяющая вниманіе читателя сухими деталями, статистическими данными и выкладками, излишними біографическими подробностями или таковыми же сентенціями отвлеченно-теоретическаго характера *.

---

* Въ интересахъ непрерывности и цѣлостности изложенія, мы въ концѣ каждаго тома нашего труда отводимъ особое мѣсто «Приложеніямъ», гдѣ найдутъ себѣ мѣсто тѣ данныя болѣе или менѣе детальнаго характера, обременять которыми самый текстъ книги мы считали не всегда удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Въ тѣхъ же видахъ переносимъ мы въ конецъ каждаго тома и необходимыя подстрочныя сноски, цитаты и примѣчанія.

Дать, въ предѣлахъ посильнаго, полную прагматически—послѣдовательную и, съ другой стороны, возможно живую и общедоступную исторію казанскаго университета за истекающее столѣтіе его существованія—такова основная задача, которую мы ставимъ себѣ въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи.

Въ высшей степени существеннымъ и неизбѣжнымъ представился и вопросъ о системѣ изложенія исторіи университета, въ смыслѣ установленія тѣхъ періодовъ, которые всего удобнѣе было бы положить въ основу повѣствованія. Сто лѣтъ—промежутокъ времени не малый, въ теченіи котораго сложная жизнь университета не текла, само собою разумѣется, въ ровныхъ и неизмѣнныхъ берегахъ, но, напротивъ, постоянно подчинялась воздѣйствіямъ и вліяніямъ внѣшняго характера, находившимся, въ свою очередь, въ соотвѣтствіи съ тѣми или другими теченіями общей внутренней жизни государства. Возможнымъ являлось положить въ основу дѣленія исторіи казанскаго университета на періоды —царствованія, черезъ которыя простиралась вѣковая жизнь университета, но это дѣленіе не могло бы быть строго выдержано уже потому, что болѣе или менѣе рѣзкія колебанія въ направленіи внутренней жизни русскихъ университетовъ далеко не всегда совпадали съ круговоротомъ опредѣленнаго царствованія, какъ далеко не всегда совпадало съ таковымъ и общее теченіе внутренней политики нашего государства; достаточно вспомнить русскіе университеты въ первую пору царствованія императора Александра I и состояніе ихъ въ послѣднее семилѣтіе этого царствованія, положеніе ихъ въ первое двадцатилѣтіе царствованія императора Николая I и затѣмъ въ десятилѣтіе второй половины 40-хъ и первой половины 50-хъ годовъ. Съ извѣстной точки зрѣнія, основою дѣленія на періоды возможнымъ представилось бы принять преемственность министерствъ или, даже, эпохи попечительствъ—но этотъ признакъ окрасился бы оттѣнкомъ случайности, такъ какъ и министры, и ихъ ближайшіе органы, попечители, выступали лишь выразителями общаго направленія государственной жизни и только въ предѣлахъ этого направленія могли,—въ особенности же попечители округовъ,—проявлять большую или меньшую индивидуальность въ дѣлѣ устроительства высшей школы и руководительства ею. Отказаться пришлось и отъ болѣе или менѣе крупныхъ явленій во внутренней жизни университета, въ качествѣ критерія для дѣленія на періоды, въ виду того, что подобнаго рода явленія обыкновенно лишены были характера самостоятельности, обусловливаясь теченіями, соображеніями и

импульсами болѣе общаго характера, лежащими внѣ сферы свободнаго самоопредѣленія университета.

Взвѣшивая всѣ условія внѣшняго характера, воздѣйствовавшія на русскіе университеты въ разныя поры ихъ существованія, выступавшія въ значеніи могущественныхъ стимуловъ организаціи какъ самаго строя, такъ и направленія жизни ихъ—мы невольно приходимъ къ заключенію, что первенствующее мѣсто должно быть отведено здѣсь университетскимъ уставамъ, подъ рѣшительнымъ вліяніемъ которыхъ складывалась и текла жизнь нашихъ университетовъ. Въ этихъ уставахъ находили себѣ отраженія руководящія начала нашей внутренней политики; этими же уставами, волею или неволею, опредѣлялось общее направленіе дѣятельности органовъ и лицъ, стоявшихъ какъ во главѣ дѣла народнаго образованія, вообще, такъ и во главѣ руководительства жизнью собственно университетскою.

Въ виду высказанныхъ выше соображеній, мы рѣшили принять университетскіе уставы въ основу дѣленія исторіи казанскаго университета на періоды. Это представляется тѣмъ болѣе удобнымъ, что жизнь русскихъ университетовъ, не принимая въ соображеніе перваго, начальнаго, пятидесятилѣтія жизни московскаго университета, протекла за истекающіе сто лѣтъ черезъ четыре полныхъ круговорота дѣйствія отдѣльныхъ уставовъ, представляющихъ собою четыре законченныхъ цикла въ исторіи нашей общей высшей школы послѣдняго столѣтія,—именно:

I. Университеты подъ дѣйствіемъ отдѣльныхъ уставовъ 1804 года (1804—1835 г.г.)—періодъ, обнимающій собою 31 годъ.

II. Университеты подъ дѣйствіемъ общаго устава 26-го іюля 1835 года (1835—1863 г.г.)—періодъ, обнимающій собою 28 лѣтъ.

III. Университеты подъ дѣйствіемъ общаго устава 18-го іюня 1863 года (1863—1884 г.г.)—періодъ въ 21 годъ.

IV. Университеты подъ дѣйствіемъ общаго устава 23-го августа 1884 года (съ 1884 г.).

Въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, еще не успѣлъ наступить конечный предѣлъ четвертаго изъ установленныхъ нами круговоротовъ, но все указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что русская университетская жизнь уже стоитъ въ преддверіи новаго общаго университетскаго устава, заря котораго счастливымъ образомъ совпадаетъ съ уже возсіявшею надъ нами зарею новаго XX-го столѣтія и который откроетъ собою

пятый періодъ въ жизни университетовъ, увидавшихъ свѣтъ въ царствованіе императора Александра I.

Приведенные выше четыре періода и кладутся нами въ основу столѣтней исторіи императорскаго казанскаго университета.

Само собою разумѣется, при этомъ, что жизнь университета не могла оставаться въ своемъ теченіи неизмѣнною подъ дѣйствіемъ каждаго изъ регулировавшихъ ее уставовъ, что уставы не въ состояніи были уложить эту жизнь въ точно опредѣленныя и строго ограниченныя рамки, что жизнь университетовъ, вообще, и каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности—въ большей или меньшей степени модифицировалась и подъ дѣйствіемъ тѣхъ или другихъ уставовъ: достаточнымъ будетъ вспомнить эпохи Магницкаго (для казанскаго университета) и Рунича (для петербургскаго) подъ дѣйствіемъ автономныхъ александровскихъ уставовъ; шаткое положеніе университетовъ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ подъ дѣйствіемъ устава 1835 года; состояніе широко поставленнаго устава 1863 года къ концу 70-хъ и началу 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія..... Воздѣйствіе политическихъ и общественныхъ настроеній и движеній, условія постановки средней школы, даже вліяніе отдѣльныхъ лицъ, поставленныхъ во главѣ дѣла народнаго просвѣщенія —все это находило себѣ большее или меньшее отраженіе и на уровнѣ университетской науки и академической жизни. Любопытнымъ и въ высокой степени поучительнымъ представляется прослѣдить, какъ именно отражались всѣ эти вліянія на судьбахъ русской университетской жизни, обусловливая собою то прогрессивное движеніе, то застой и даже регрессъ этой жизни; какъ сказывались они на колебаніяхъ въ области постановки русскаго университетскаго дѣла, находившихъ себѣ выраженіе то въ полномъ довѣріи къ университетамъ, съ предоставленіемъ имъ широкой автономіи, то отказывавшихъ имъ въ довѣріи, съ усиленіемъ бюрократическаго начала университетскаго строя; какъ вліяли они, наконецъ, и на общій ходъ развитія университетской науки, и на образовательно-воспитательное значеніе университетовъ и пр. и пр.

Тѣ модификаціи, которымъ подчинялась университетская жизнь въ предѣлахъ дѣйствія отдѣльныхъ уставовъ, открыли намъ исходную точку для дальнѣйшей системы изложенія исторіи казанскаго университета—уже въ границахъ четырехъ основныхъ, выше отмѣченныхъ нами, періодовъ. Это обязываетъ насъ бросить бѣглый взглядъ на теченія, сказывавшіяся въ жизни русскихъ университетовъ, вообще, и въ жизни казанскаго университета, въ частности,

въ періоды дѣйствія каждаго изъ четырехъ уставовъ. Да простятъ намъ читатели нѣкоторыя подробности, на которыхъ доведется намъ остановить ихъ вниманіе: мы считаемъ ихъ необходимыми въ интересахъ предварительной оріентировки въ общемъ порядкѣ нашего будущаго повѣствованія.

I. Начнемъ съ перваго періода — періода дѣйствія университетскихъ уставовъ 1804 года.

Университетскіе уставы 1804 года вполнѣ послѣдовательно кладутъ идею автономіи въ основу всего создаваемаго ими университетскаго строя. Выборные ректоръ, деканы и инспекторъ студентовъ изъ профессоровъ, замѣщеніе кафедръ по избранію университетскихъ коллегій, вѣданіе совѣтомъ учебныхъ, административныхъ и хозяйственныхъ распорядковъ, университетскій судъ—таковы краеугольныя начала этихъ уставовъ, широко ставившихъ и государственное, и научное, и общественное значеніе университетовъ. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь то обстоятельство, что вновь созданному казанскому университету не выпало на долю сразу же воспользоваться автономными началами и устройствомъ учебной части, дарованными ему уставомъ 5-го ноября 1804 года. Этому университету суждено было въ теченіи десяти лѣтъ пребывать въ положеніи, которое можетъ быть охарактеризовано состояніемъ эмбріональнымъ,—въ тѣсномъ соединеніи съ мѣстною гимназіею (до осени 1811 г.), подъ единоличнымъ и самовластнымъ руководительствомъ директора этой послѣдней И. Ѳ. Яковкина, безъ выборныхъ ректора и другихъ, положенныхъ уставомъ 1804 г., представителей академическаго самоуправленія, даже безъ раздѣленія по факультетамъ. Такъ продолжалось дѣло до 5-го іюля 1814 года, когда воспослѣдовало, наконецъ, давно ожидавшееся такъ называемое „полное открытіе“ казанскаго университета на точномъ основаніи началъ, провозглашенныхъ въ высочайше дарованномъ ему еще въ 1804 году уставѣ. Открытіемъ университета на основаніи устава 5-го ноября 1804 года и завершается первая эпоха его жизни подъ дѣйствіемъ этого устава—эпоха зарожденія, первоначальнаго устройства и начальной поры жизни юнаго казанскаго университета.

Хорошо извѣстна печальной памяти эра, наступившая для русскихъ университетовъ съ окончаніемъ второго десятилѣтія XIX столѣтія, подъ вліяніемъ общаго реакціоннаго направленія, которое охватило Европу съ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ и съ утвержденіемъ священнаго союза, не замедливъ переброситься и въ наше отечество. Эта эра по отношенію къ университетамъ ознаменовалась возникновеніемъ въ высшей степени подозрительнаго отношенія къ нимъ со стороны правительства: заподо-

зрѣнные въ безвѣріи и распространеніи разрушительныхъ ученій, университеты лишаются высокаго довѣрія, которымъ такъ щедро надѣлили ихъ уставы; взятые подъ самый тѣсный и бдительный надзоръ, они начинаютъ фактически ограничиваться въ своихъ правахъ и, прежде всего—въ выборномъ началѣ и въ свободѣ преподаванія. Это новое теченіе съ особенною рѣзкостью отразилось на жизни казанскаго университета, едва успѣвшаго, съ полнымъ открытіемъ его въ 1814 году, стать на путь плодотворнаго развитія, перерывъ въ которомъ неожиданно кладется назначенною министерствомъ ревизіею Магницкаго. Неумолимый ревизоръ, отрицательное отношеніе котораго къ казанскому университету простерлось до предложенія о „публичномъ его разрушеніи", слѣдомъ затѣмъ (1819 г.) назначается попечителемъ казанскаго учебнаго округа и открываетъ семилѣтнюю (1819—1826 г.г.) пору жизни этого университета, носящую въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія зловѣщее наименованіе „эпохи попечительства Магницкаго". Массовыя увольненія неугодныхъ Магницкому профессоровъ, признанныхъ имъ неблагонамѣренными, съ замѣною ихъ попечительскими креатурами; фарисейская „благонамѣренность", часто скрывавшая подъ своею личиною невѣжество и нравственные недостатки, какъ критерій для оцѣнки профессоровъ; развитіе лицемѣрнаго ханжества среди учащихъ и учащихся; запрещеніе однѣхъ наукъ и ограниченія въ преподаваніи другихъ рамками узкихъ и тенденціозно-составленныхъ программъ; наконецъ, систематическое игнорированіе высочайше дарованныхъ выборныхъ правъ—въ такомъ видѣ представляются намъ черты жизни казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I разсѣялся тяжелый кошмаръ, въ теченіи семи лѣтъ тяготѣвшій надъ русскими университетами. Для казанскаго университета новое царствованіе ознаменовалось ревизіею университета, назначенною въ лицѣ генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина, въ яркихъ чертахъ выяснившею всѣ темныя стороны, нестроенія и даже злоупотребленія эпохи попечительства Магницкаго, слѣдомъ затѣмъ (весною 1826 г.) уволеннаго, съ назначеніемъ надъ нимъ слѣдствія, отъ управленія округомъ. Преемникомъ павшаго попечителя-временщика выступилъ М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, семнадцатилѣтнее (1827—1845 г.г.) управленіе котораго округомъ справедливо считается блестящею порою устроительства казанскаго университета, возстановленнаго послѣ разгрома его Магницкимъ.

Хотя университеты, съ началомъ новаго царствованія, и были возстановлены въ своихъ автономныхъ правахъ, тѣмъ не менѣе полное возвра-

щеніе ихъ къ александровскимъ уставамъ сдѣлалось уже немыслимымъ, какъ въ виду измѣнившихся условій жизни и изданія училищнаго устава 1828 года, въ значительной степени видоизмѣнившаго самую компетенцію университетовъ, такъ и подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій переходной эпохи реакціи первой половины 20-хъ годовъ, во многихъ отношеніяхъ расшатавшихъ основы жизни русскихъ университетовъ, сложившіяся подъ дѣйствіемъ уставовъ 1804 года.

Все изложенное выше логическимъ образомъ обрисовываетъ намъ четыре эпохи, на которыя распадается жизнь казанскаго университета въ первомъ періодѣ его существованія: а) Основаніе и начальная жизнь университета до полнаго открытія его въ 1814 году (1804—1814 г.г.); б) Первые годы жизни окончательно открытаго университета и ревизія Магницкаго (1814—1819 г.г.); в) Эпоха попечительства Магницкаго, паденіе Магницкаго и ревизія Желтухина (1819—1826 г.г.); г) Возстановленіе университета и первые десять лѣтъ попечительства Мусина-Пушкина (1826—1837 г.г.).

II. Мысль о необходимости изданія новаго общаго университетскаго устава, окрѣпшая еще въ первые годы царствованія императора Николая I, получила осуществленіе, со вступленіемъ въ министерство С. С. Уварова, въ „общемъ уставѣ императорскихъ россійскихъ университетовъ“, высочайше утвержденномъ 26-го іюля 1835 года. Введеніемъ этого устава (въ казанскомъ университетѣ лишь въ 1837 г.) открывается второй періодъ жизни нашихъ университетовъ—періодъ дѣйствія устава 1835 года.

Оставаясь на почвѣ автономныхъ началъ, провозглашенныхъ уставомъ 1804 года, новый уставъ сохраняетъ за университетскими совѣтами право избранія ректора, декановъ и право выборнаго замѣщенія кафедръ, восполняя, однако же, это послѣднее двумя дополнительными способами ихъ замѣщенія — конкурсомъ и назначеніемъ по усмотрѣнію министра; крупною особенностью новаго устава явилось учрежденіе имъ обособленной отъ общаго коллегіальнаго строя инспекціи, непосредственно подчиненной попечителю округа и съ избираемымъ этимъ послѣднимъ и утверждаемымъ министромъ инспекторомъ во главѣ. Университетскій уставъ 1835 года отмѣченъ, вообще, весьма значительнымъ усиленіемъ значенія и власти попечителя округа; онъ ставитъ теченіе университетской жизни въ ближайшую зависимость отъ личности попечителя, предоставляя ему рѣшительное вліяніе на ходъ университетскихъ дѣлъ, не выключая, само собою разумѣется, и дѣла замѣщенія вакантныхъ кафедръ. Въ нѣкоторыхъ

университетахъ вліяніе попечителей сказывалось въ блестящемъ назначеніи на кафедры и въ умѣломъ подборѣ кандидатовъ для ихъ замѣщенія. Особенно богата примѣрами подобнаго рода жизнь казанскаго университета въ эпоху попечительства Мусина-Пушкина,—эпоху, не безъ основанія почитаемую выдающеюся въ минувшихъ судьбахъ этого университета, чему не мало способствовало и процвѣтаніе здѣсь оріенталистики, бывшей излюбленнымъ дѣтищемъ Мусина-Пушкина, не пожелавшаго разстаться съ нимъ послѣ оставленія Казани и сумѣвшаго устроить перемѣщеніе въ С.-Петербургъ когда то славнаго казанскаго разряда восточной словесности. Но не повсемѣстно благотворнымъ являлось вліяніе усиленной попечительской власти на благоустройство университетовъ и на прогрессивное теченіе ихъ жизни,—нерѣдки были и факты противоположнаго характера: „Къ этому времени,—писалъ современникъ той эпохи, профессоръ Д. И. Каченовскій,—относятся всѣ невѣроятные разсказы и смѣшные анекдоты о почтенныхъ педагогахъ, которые сидѣли на кафедрахъ, благодаря попечительской милости, протекціи или связямъ"....

Недолго сохранялъ свою неприкосновенность первый русскій общій университетскій уставъ. Автономныя черты, предоставленныя университетамъ уставомъ 1835 года, начинаютъ со второй половины сороковыхъ годовъ, въ особенности же съ оставленіемъ министерства графомъ С. С. Уваровымъ, все болѣе и болѣе сглаживаться подъ воздѣйствіемъ общаго направленія нашей внутренней политики той эпохи, въ связи съ рядомъ мѣропріятій весьма серьезнаго характера, вліяющихъ на университеты въ смыслѣ измѣненія началъ дѣйствующаго режима. Сюда относятся: отмѣна права избранія ректора и ограниченіе права избранія декановъ (1849 и 1851 г.г.); ограниченіе нормою трехсотъ количества студентовъ въ университетахъ (1849 г.); запрещеніе преподаванія нѣкоторыхъ, признанныхъ зловредными, наукъ; строгая регламентація программъ и самаго направленія профессорскихъ чтеній; пріостановка заграничныхъ командировокъ съ цѣлью усовершенствованія въ наукахъ; фактическое стѣсненіе университетовъ въ выборномъ замѣщеніи кафедръ и пр. и пр. Результаты такого направленія въ политикѣ нашей высшей школы не замедлили отразиться и на общемъ строѣ университетовъ, и на ихъ запустѣніи съ точки зрѣнія какъ полноты преподавательскаго персонала, такъ и съ точки зрѣнія количества учащихся, въ 1849—50 годахъ сразу упавшаго на 25%. Къ концу періода дѣйствія устава 1835 года пріурочиваются и первыя серьезныя студенческія волненія, представившія собою новое и глубоко прискорбное явленіе, совершенно неизвѣстное,—по крайней мѣрѣ въ такой общей и острой формѣ,—предшествующему теченію русской академической жизни.

Новое царствованіе императора Александра II унаслѣдовало университетское дѣло въ состояніи, поразительно напоминающемъ собою положеніе его въ эпоху, предшествовавшую обнародованію устава 1835 года: тоже противорѣчіе между уставомъ университетовъ и ихъ дѣйствительнымъ режимомъ; таже расшатанность, неопредѣленность и случайность отдѣльныхъ сторонъ и проявленій академической жизни; таже неотложная потребность въ коренномъ законодательномъ пересмотрѣ всего университетскаго вопроса. Въ ожиданіи такого пересмотра, обновленіе университетскаго строя началось съ возстановленія отдѣльныхъ правъ университетовъ и съ предоставленія имъ нѣкоторыхъ новыхъ: возстановлено право избранія ректора и освобождено отъ ограниченій право избранія декановъ (1861 г.), возстановлена неограниченность количества студентовъ, снова разрѣшены ученыя заграничныя командировки, начали призываться къ исправленію должности инспектора студентовъ профессоры, поставлено на болѣе широкую ногу право выборнаго замѣщенія кафедръ, стали предоставляться нѣкоторыя корпоративныя права и студентамъ (право собраній, судъ чести, взаимопомощь, учрежденіе библіотекъ) и т. п. Обновительная по отношенію къ университетамъ дѣятельность конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, намѣчающая собою эпоху переходную отъ расшатаннаго устава 1835 года къ новому, уже нарождавшемуся, режиму академической жизни—увѣнчалась обнародованіемъ „общаго университетскаго устава 1863 года", одного изъ замѣчательнѣйшихъ актовъ законодательной дѣятельности эпохи великихъ реформъ императора Александра II.

Въ примѣненіи къ исторіи казанскаго университета, очерченный нами періодъ можетъ представить собою слѣдующія эпохи, обнимающія промежутокъ времени 1837—1863 годовъ: а) Введеніе устава 1835-го года и послѣдніе восемь лѣтъ попечительства Мусина-Пушкина (1837—1845 г.г.); б) Казанскій университетъ въ послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Николая I (1845—1855 г.г.); в) Наканунѣ университетскаго устава 1863 года (1855—1863 г.г.).

III. Переходимъ къ третьему періоду исторіи русскихъ университетовъ—къ жизни ихъ подъ дѣйствіемъ устава 1863 года.

Уставъ 18-го іюня 1863 года положилъ начало широкой автономіи профессорской коллегіи краеугольнымъ камнемъ въ зданіе созданнаго имъ университетскаго строя, возвратившись, въ этомъ отношеніи, къ основамъ уставовъ 1804 года. Онъ возвратился къ нимъ и съ точки зрѣнія вѣданія студентовъ, замѣнивъ казенную инспекцію устава 1835 года выборною

проректурою, но созданный новымъ уставомъ режимъ ничего не предпринялъ, къ сожалѣнію, по отношенію къ устройству быта студенчества, объявивъ студентовъ совершенно отдѣльными посѣтителями университета, ничѣмъ не связанными между собою и лишенными какой бы то ни было организаціи. Это было крупною ошибкою устава 1863 года и примыкающихъ къ нему постановленій, положившею начало послѣдующей разобщенности студентовъ и между собою, и съ профессорами, и съ учебнымъ начальствомъ.

Университетскій уставъ 1863 года, введеніе котораго и послѣдовавшая затѣмъ реорганизація, по его началамъ, университетскаго строя потребовали усиленной совмѣстной работы и университетскихъ совѣтовъ, и факультетовъ, и окружного начальства, и высшихъ учебныхъ сферъ, сохранялъ дѣйствующую силу закона въ продолженіи 21-го года. Слѣдуетъ при этомъ имѣть, однако, въ виду, что за послѣдніе десять лѣтъ (1875—1884 г.г.) своего существованія начала, возвѣщенныя уставомъ 1863 года, подверглись въ части русской прессы, а затѣмъ и въ правящихъ сферахъ министерства, критически-отрицательному къ нимъ отношенію, что стояло въ непосредственной связи съ новымъ направленіемъ въ организаціи всего дѣла русскаго народнаго просвѣщенія, вообще, сказавшимся съ начала 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія и нашедшимъ себѣ яркое отраженіе въ реформѣ средней школы. Учрежденіе въ 1875 году особой при министерствѣ коммиссіи по пересмотру университетскаго устава 1863 года—можетъ быть принято кульминаціонною точкою въ университетскомъ вопросѣ того времени, не оставившею сколько нибудь серьезныхъ сомнѣній въ томъ, что вопросъ объ изданіи новаго университетскаго устава на началахъ, противоположныхъ автономнымъ основамъ устава еще дѣйствующаго—составитъ, во всякомъ случаѣ, дѣло лишь болѣе или менѣе близкаго будущаго. И, дѣйствительно, со второй половины 70-хъ годовъ университетскій уставъ сталъ въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ подвергаться весьма существеннымъ измѣненіямъ (главнымъ образомъ въ области вопросовъ о компетенціи совѣта, о надзорѣ за студентами, о порядкѣ и направленіи преподаванія) на основаніи ряда воспослѣдовавшихъ министерскихъ циркуляровъ и распоряженій, завершившихся законодательною отмѣною дѣйствія устава 1863 года, съ замѣною его силою вновь обнародованнаго университетскаго устава 1884 года.

Изъ сказаннаго выше наглядно усматривается, что третій періодъ даетъ намъ три эпохи для задачъ нашего будущаго изложенія: а) Введеніе устава 1863 года и первые шаги жизни реформированнаго на осно-

ваніи его университета (1863—1864 г.г.); б) Казанскій университетъ подъ дѣйствующею силою устава 1863 года (1865—1880 г.г.); в) Послѣдніе годы университетскаго устава 1863 года (1881—1884 г.г.).

IV. Послѣдній и четвертый періодъ исторіи университета обниметъ собою жизнь его подъ дѣйствіемъ устава 1884 года; къ этому періоду пріурочатся и послѣдніе годы жизни казанскаго университета за истекающее столѣтіе его существованія.

Какъ коренныя положенія устава 23-го августа 1884 года, такъ и практическіе результаты примѣненія ихъ въ дѣйствительной жизни слишкомъ хорошо знакомы современному обществу и едва ли требуютъ комментарій. Достаточно вспомнить, что постановка и направленіе русскаго университетскаго дѣла, созданныя этимъ уставомъ и нынѣ съ высоты престола признанныя несоотвѣтствующими цѣлямъ и подлежащими „безотлагательному и коренному" пересмотру—самымъ рѣшительнымъ образомъ уклонились съ 1884 года отъ тѣхъ основныхъ началъ, съ которыми зародилось на Руси высшее университетское образованіе, подъ эгидою которыхъ развивалось и крѣпло оно въ нашемъ отечествѣ, съ нѣкоторыми, правда, уклоненіями и колебаніями, но, во всякомъ случаѣ, съ уклоненіями и колебаніями лишь временнаго и всегда частичнаго характера.

Каковы бы ни были ближайшіе результаты ревизіонныхъ и реформаціонныхъ работъ, съ такою энергіею предпринятыхъ въ наши дни по отношенію къ уставу 1884 года, стоящими внѣ сомнѣній представляются намъ тѣ трудности, съ которыми будетъ сопряжено изложеніе исторіи казанскаго университета за послѣдній, принятый нами, періодъ его жизни. Многіе факты и отношенія этого періода жизни, безмолвно скрывающіеся, пока, въ пыли архивныхъ фоліантовъ—еще не могутъ сдѣлаться, по многимъ причинамъ, достояніемъ исторіи, лишь циркулируя, до поры до времени, притомъ вкривь и вкось, въ пересудахъ и воспоминаніяхъ современниковъ; живы многіе дѣятели, игравшіе болѣе или менѣе видную и, съ другой стороны, болѣе или менѣе благодарную роль въ этихъ фактахъ и отношеніяхъ; не всегда легко усвоить себѣ постъ совершенно объективныхъ наблюдателей-хроникеровъ и намъ, современникамъ и, быть можетъ, даже участникамъ этихъ проявленій новѣйшей жизни нашего университета.... Таковы причины, которыя обусловливаютъ собою возможность повѣствованія о позднѣйшихъ годахъ жизни нашихъ университетовъ лишь въ самыхъ общихъ и, притомъ, въ значительной степени объективныхъ, чертахъ.

6*

Какъ бы то ни было, но четвертый періодъ жизни русскихъ университетовъ уже теперь раскрываетъ передъ нами слѣдующія три эпохи въ изложеніи исторіи казанскаго университета: а) Введеніе устава 1884-го года и первыя мѣры реорганизаціи университета на основаніи этого устава (1884—1885 г.г.); б) Казанскій университетъ подъ дѣйствіемъ устава 1884-го года (1886—1900 г.г.); в) Реакція противъ устава 1884-го года и послѣдніе годы перваго столѣтія существованія казанскаго университета (съ 1901 г.).

Въ такомъ видѣ представляется намъ общая схема, въ которой предполагаемъ мы изложить исторію казанскаго университета за первое столѣтіе его существованія. Детали этой схемы могутъ, въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, подвергнуться тѣмъ или другимъ модификаціямъ, но основы ея мы сохранимъ неизмѣнными. Раздѣленное, такимъ образомъ, на четыре основные періода, соотвѣтствующіе четыремъ полнымъ круговоротамъ дѣйствія университетскихъ уставовъ, наше дальнѣйшее изложеніе распадется на части, соотвѣтствующія отдѣльнымъ эпохамъ въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ періодовъ; каждая часть распредѣлится на главы, содержаніе и количество которыхъ въ настоящее время еще не можетъ быть нами, конечно, предусмотрѣно.

Мы подробно ознакомили читателей съ исходною точкою, основами, способомъ и системою изложенія нашего труда.

Намъ остается обратиться къ нимъ еще съ нѣсколькими заключительными словами.

Автору всякаго труда, а тѣмъ болѣе труда историческаго, всегда въ высшей степени труднымъ представляется совершенно отречься отъ наличности въ его работѣ момента субъективнаго, обусловливаемаго общимъ направленіемъ его умовоззрѣнія, складомъ его симпатій и антипатій, его преобладающимъ интересомъ къ вопросамъ одного порядка и его болѣе или менѣе холоднымъ отношеніемъ къ вопросамъ другихъ порядковъ. Все это, вмѣстѣ взятое, невольно влечетъ автора съ одной стороны—къ извѣстной субъективности во взглядахъ на лица, на вещи и на событія, съ другой стороны—къ несоразмѣрности въ объемѣ и въ разработкѣ отдѣльныхъ частей повѣствованія.

Впередъ опасаюсь, что и мое изложеніе не останется вполнѣ чуждымъ такихъ особенностей работы. Эти опасенія въ достаточной степени смягчаются, однако, въ моихъ глазахъ соображеніями, которыя, несомнѣнно, послужатъ мнѣ и въ глазахъ безпристрастныхъ судей обстоятельствомъ,

въ извѣстной степени смягчающимъ мою возможную „вину". Я чуждъ мысли писать протокольно-канцелярскую исторію казанскаго университета, веденіе каковой предписывалось секретарю его уставомъ 1804 года. Я не въ состояніи усвоить себѣ и абсолютно-объективнаго взгляда на родной мнѣ университетъ, какъ на безотвѣтный и холодный трупъ, мертвенно-пассивно подчиняющійся скальпелю безучастнаго къ минувшимъ судьбамъ его препаратора.

Университетъ—живой организмъ и, какъ таковой, требуетъ живаго и участливаго къ себѣ отношенія. Въ каждомъ живомъ организмѣ встрѣчаются болѣзненныя проявленія, отклоняющія его отъ нормальныхъ условій развитія и обусловливаемыя вліяніями и воздѣйствіями внѣшняго характера. Не рѣдкими представлялись такія болѣзненныя проявленія и въ жизни молодыхъ еще русскихъ университетовъ, наряду съ вполнѣ здоровыми и нормальными порами ихъ развитія. Холодное, безучастно-объективное отношеніе къ тѣмъ и другимъ—представило бы собою мѣру требованій едва ли достижимую, да и едва ли цѣлесообразную съ точки зрѣнія истинныхъ и независимыхъ задачъ исторіографіи.

Смѣемъ думать, что мы въ достаточной степени выяснили наше отношеніе къ предпринятой нами задачѣ изложенія исторіи казанскаго университета за исполняющееся первое столѣтіе его существованія.

Насколько соотвѣтственнымъ окажется выполненіе этой задачи тѣмъ взглядамъ и тѣмъ благоговѣйнымъ чувствамъ, съ которыми приступаемъ мы къ ея выполненію—судить о томъ, конечно, не намъ.

Н. Загоскинъ.

Казань,
10 сентября 1901 года.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

КАЗАНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ПОДЪ ДѢЙСТВІЕМЪ УСТАВА 1804 ГОДА

1804—1837

Графъ
Петръ Васильевичъ Завадовскій,
первый министръ народнаго просвѣщенія.
(8 сентября 1802 г.—11 апрѣля 1810 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

основаніе и начальная жизнь казанскаго университета до полнаго его открытія въ 1814 году

ГЛАВА I

основаніе и начальное открытіе казанскаго университета

(1804—1805)

Ближайшія причины основанія университета въ Казани, въ связи съ предшествовавшею постановкою здѣсь просвѣтительнаго дѣла.—Первые слухи и толки объ университетѣ и высочайшая конфирмація его утвердительной грамоты и устава.—Основы университетскаго устава 5-го ноября 1804 года.—Подготовительныя къ открытію университета мѣры.—Попечитель университета Степанъ Яковлевичъ Румовскій.—Директоръ гимназіи Илья Өеодоровичъ Яковкинъ и его роль въ начальной жизни казанскаго университета.—Начальная организація университета и первый преподавательскій персоналъ.

Открытіе университета 14-го февраля 1805 года.—Первые студенты и первая организація преподаванія.—Вопросъ о помѣщеніи для университета.—Строительныя начинанія.—Студенческая среда и итоги преподаванія перваго университетскаго семестра.—Открытіе и начальные шаги совѣтской дѣятельности.—Начало борьбы съ директоромъ Яковкинымъ.—Публичный актъ 5-го іюля 1805 года.

Еще осенью 1803 года начали циркулировать въ казанскомъ обществѣ толки и пересуды о предстоящемъ открытіи въ Казани университета. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ казанскій студентъ перваго состава, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, въ воспоминаніяхъ о казанскомъ періодѣ своей жизни.

Эти толки и пересуды не были праздными: въ ту пору, къ которой относитъ ихъ Аксаковъ, въ главномъ правленіи училищъ уже находились въ полномъ разгарѣ дѣятельныя работы по составленію устава казанскаго университета, наряду съ работами по составленію устава и его будущаго сверстника—университета харьковскаго.

Основаніе казанскаго университета, подобно зарожденію и другихъ старѣйшихъ русскихъ университетовъ, не было вызвано, какъ мы уже имѣли случай говорить объ этомъ, пробившимся наружу сознаніемъ самого общества въ необходимости насажденія среди него университетскаго образованія. На этой почвѣ мы сталкиваемся съ нелишеннымъ интереса вопросомъ о томъ—какими же побужденіями руководствовалось правительство императора Александра I, задавшись цѣлью создать центръ университетской науки на далекой окраинѣ русскаго европейскаго востока, въ полутатарской Казани, почти на самомъ рубежѣ Европы и Азіи?

Мотивъ такого рѣшенія былъ обоснованъ еще въ началѣ 1803 года, уже въ первомъ засѣданіи вновь образованнаго главнаго правленія училищъ, посвященномъ обсужденію плана открытія новыхъ университетовъ. Въ этомъ засѣданіи было рѣшено открыть одинъ новый университетъ—въ Кіевѣ или въ Казани; первый изъ этихъ городовъ былъ выдвинутъ впередъ, благодаря существованію въ немъ академіи, второй—благодаря имѣвшейся въ немъ гимназіи, начальное основаніе которой относится еще къ 1758 году. Впослѣдствіе планъ этотъ подвергся измѣненію: Кіевъ университета не получилъ, второй же университетъ рѣшено было открыть въ Харьковѣ—„во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи“ [13].

Начало казанскаго университета поставлено было, такимъ образомъ, въ ближайшую связь съ такъ или иначе уже насажденнымъ здѣсь дѣломъ народнаго образованія. Это обязываетъ насъ предпринять самаго общаго характера экскурсію въ область вопроса объ исторіи просвѣтительной дѣятельности въ Казани и казанскомъ краѣ.

Просвѣтительная дѣятельность возникла въ бывшемъ казанскомъ царствѣ вслѣдъ за покореніемъ Казани царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ, сразу принявъ здѣсь, благодаря этнографическимъ и культурно-религіознымъ особенностямъ вновь присоединеннаго края, духовно-миссіонерскій отпечатокъ. Насажденная здѣсь еще первымъ казанскимъ святителемъ, преосв. Гуріемъ, который прекрасно сознавалъ значеніе школы въ дѣлѣ утвержденія новокрещеновъ и съ этою цѣлью открывалъ инородческія училища при созидаемыхъ имъ монастыряхъ, просвѣтительная дѣятельность уже не глохла въ краѣ, то затихая, то разгораясь съ новою силою въ теченіи второй половины XVI и всего XVII вѣковъ. Болѣе серьезнымъ шагомъ въ дѣлѣ насажденія духовно-религіознаго просвѣщенія явилось основаніе въ 1722 году въ г. Казани, преосв. Тихономъ, славяно-латинской школы, въ 1732 году переименованной въ семинарію, а въ 1797—1818 го-

дахъ носившей даже громкое названіе „академіи". Примѣнялись мѣры къ учрежденію духовно-просвѣтительныхъ школъ и въ другихъ пунктахъ казанской епархіи, но разсмотрѣніе ихъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы непосредственнаго предмета нашего изложенія; замѣтимъ только, что отдѣльныя училища этого рода были въ половинѣ XVIII вѣка соединены въ одну центральную казанскую инородческую школу, которая и влекла свое, довольно безцвѣтное, существованіе вплоть до начала XIX столѣтія.

Первая серьезная попытка насажденія въ Казани собственно свѣтскаго школьнаго дѣла,—если не принимать въ соображеніе „цифирной" школы, основанной здѣсь въ 1718 году, при мѣстномъ адмиралтействѣ, по общему типу петровскихъ школъ этого рода,—относится лишь къ началу второй половины XVIII столѣтія и осуществилась въ лицѣ гимназіи, въ началѣ XIX вѣка выступившей, какъ мы это уже видѣли, стимуломъ основанія въ г. Казани университета.

Учрежденіе въ Казани гимназіи, явившейся старѣйшимъ, по времени, изъ провинціальныхъ учебныхъ заведеній этого рода, стояло въ самой тѣсной связи съ послѣдовавшимъ въ 1755 году основаніемъ перваго русскаго университета—московскаго. Извѣстно, что при вновь основанномъ московскомъ университетѣ созданы были двѣ гимназіи, одна для дворянскихъ дѣтей, вторая—для дѣтей разночинцевъ. Вслѣдъ за открытіемъ университета, директоромъ его И. И. Мелиссино возбужденъ былъ вопросъ о цѣлесообразности открытія такихъ же двухъ гимназій и въ Казани, какъ центрѣ отдаленнаго отъ Москвы обширнаго восточнаго края. Поддержанный кураторомъ университета Шуваловымъ, этотъ проэктъ получилъ дальнѣйшій ходъ и 21-го іюля 1758 года состоялся сенатскій указъ объ открытіи въ г. Казани, „для размноженія наукъ", двухъ гимназій, одной для дворянъ и другой для разночинцевъ, „съ такими же выгодами, какъ и въ московскомъ университетѣ", причемъ на этотъ послѣдній возложены были и всѣ расходы по содержанію новыхъ казанскихъ гимназій. Въ началѣ 1759 года прибылъ въ Казань ассесоръ московскаго университета и небезизвѣстный писатель своего времени М. И. Веревкинъ, назначенный директоромъ, или по тогдашнему—командиромъ гимназій, которыя и были 21-го января того же года оффиціально открыты, включивъ въ первый комплектъ своихъ четырнадцати воспитанниковъ и будущаго „пѣвца Фелицы"—Г. Р. Державина.

Старѣйшая казанская гимназія (нынѣ „первая" и „императорская"), являющаяся и старѣйшею русскою провинціальною гимназіею, вообще,

имѣетъ своихъ исторіографовъ.[14] и мы не можемъ входить въ сколько нибудь подробное повѣствованіе объ ея судьбахъ до основанія казанскаго университета. Отмѣтимъ лишь, что со смертью четвертаго директора фонъ-Каница, въ теченіи семнадцати лѣтъ стоявшаго во главѣ ея, казанская гимназія стала быстро клониться къ упадку, въ особенности же съ того времени, когда, по открытіи въ Казани (въ 1785 г.) главнаго народнаго училища, она, вмѣстѣ съ послѣднимъ, перешла въ вѣданіе мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія, порвавъ прежнюю связь съ московскимъ университетомъ. Протянувъ свое существованіе въ теченіи еще трехъ лѣтъ, казанскія гимназіи (таково было старое, во множественномъ числѣ, наименованіе этого заведенія) были въ 1788 году—закрыты.

Перерывъ въ существованіи казанской гимназіи продолжался десять лѣтъ — до 1798 года. Въ этомъ послѣднемъ году военный губернаторъ князь Мещерскій, выполняя желаніе мѣстнаго дворянства, неудовлетворявшагося всесословнымъ главнымъ народнымъ училищемъ, вошелъ къ императору Павлу I съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ о желательности учрежденія въ Казани учебнаго заведенія, которое „соотвѣтствовало бы важности воспитанія дѣтей дворянскаго сословія“. Отвѣтомъ на это представленіе послѣдовалъ высочайшій указъ отъ 31 октября 1797 г., которымъ повелѣвалось возстановить упраздненную казанскую гимназію, а кн. Мещерскому—выработать для нея положеніе. Составленное имъ положеніе, въ силу котораго гимназія возстановлялась на 80 человѣкъ воспитанниковъ изъ дворянъ и разночинцевъ, получило высочайшее утвержденіе, но введеніемъ въ дѣйствіе отложено вслѣдствіе назначенія въ Казань другого губернатора, ген.-лейт. де-Ласси. Де-Ласси повелѣно было составить новый уставъ гимназіи, который и удостоился высочайшаго утвержденія 29-го мая 1798 года, во время личнаго пребыванія императора Павла въ Казани. Для помѣщенія гимназіи отведено было казенное зданіе—новый, еще только достроивавшійся, губернаторскій домъ, расположенный близь обрыва восточной оконечности Воскресенской улицы. Въ этомъ то домѣ, въ наши дни образующемъ собою восточную (со включеніемъ параднаго входа) половину нынѣшняго главнаго университетскаго корпуса, въ первые годы своего существованія суждено было ютиться, вмѣстѣ съ гимназіею, и новорожденному казанскому университету. Такъ совершилось, въ концѣ 1798 года, уже на зарѣ основанія университета, возстановленіе казанской гимназіи, среди первыхъ воспитанниковъ которой встрѣчаемъ мы имена С. Т. Аксакова, Н. И. Лобачевскаго, А. М. Княжевича, братьевъ Панаевыхъ—будущихъ студентовъ казанскаго университета, а впослѣдствіи выдающихся

русскихъ дѣятелей. Въ вѣданіи казанской губернской администраціи оставалась гимназія до 1803 года, когда, съ учрежденіемъ учебныхъ округовъ, она была изъята изъ подъ опеки губернатора и подчинена министерству народнаго просвѣщенія.

Въ такомъ свѣтѣ рисуется передъ нами краткая исторія казанской гимназіи, счастливое возрожденіе которой въ 1798 стоитъ въ ближайшей связи съ началомъ казанскаго университета. Къ прерванному повѣствованію объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ основаніе послѣдняго, мы въ настоящее время и возвратимся.

Ходившіе въ городѣ толки о предстоящемъ открытіи университета не были лишены и подкладки фактической: представителямъ казанскаго общества еще въ 1803 году дана была возможность высказаться по поводу этого, уже нарождавшагося, просвѣтительнаго начинанія. Нельзя, къ сожалѣнію, утверждать, что бы особенно глубокими были мысли и пожеланія, выраженныя въ то время казанскою интеллигенціею: „Учрежденіе университетовъ,— говорилось въ заявленіи, въ 1803 году поступившемъ въ главное правленіе училищъ отъ представителей казанскаго образованнаго общества,—должно наиболѣе клониться къ просвѣщенію юношей дворянскаго сословія, занимающаго важнѣйшія должности въ государствѣ“. Съ буквальною точностью и теперь, въ началѣ XIX столѣтія, повторялись, такимъ образомъ, тѣ же сословныя пожеланія, которыми встрѣчено было въ половинѣ XVIII вѣка зарожденіе московскаго университета и съ которыми такъ горячо боролся Ломоносовъ. „Въ университетахъ,—продолжаетъ тоже заявленіе,— необходимо преподаваніе наукъ воинскихъ, что бы отвратить издержки, соединенныя съ учрежденіемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ военныхъ училищъ, а равнымъ образомъ и для того, что бы отъ раздѣленія образованія на гражданское и военное не вкралось излишнее и вредное по своимъ слѣдствіямъ пристрастіе къ одной изъ государственныхъ службъ, въ ущербъ другой“. Хорошо знакомъ исторіи русской культуры и этотъ второй мотивъ, въ которомъ нашло себѣ яркое отраженіе традиціонное стремленіе верхнихъ слоевъ русскаго общества къ военной службѣ и къ военному образованію,—стремленіе, съ которымъ приходилось считаться еще Великому Преобразователю Россіи и которое, въ данномъ случаѣ, соединялось съ худо скрываемымъ опасеніемъ, что новые университеты—представятъ собою именно продуктъ „вреднаго пристрастія“ вновь учрежденнаго министерства къ одной изъ государственныхъ службъ „въ ущербъ другой“, т. е. что ближайшими задачами университетовъ явятся гражданское образованіе юношества и подготовка его „въ различныя званія“ служ-

бы гражданской. Такое опасеніе и, связанное съ нимъ, участливое отношеніе къ „наукамъ воинскимъ"—являлись характерными не для одного только казанскаго общества: такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ дворянъ харьковской губерніи, откликаясь на правительственный призывъ къ дѣлу матеріальныхъ жертвъ на пользу основывавшагося харьковскаго университета, питали увѣренность, что въ немъ будутъ преподаваться военныя науки и горько разочаровались, постигнувъ истинное назначеніе университета, а въ харьковскомъ дворянскомъ собраніи 1802 года даже дебатировался вопросъ о созданіи при будущемъ университетѣ особого „отдѣленія (т. е. факультета) военныхъ познаній" [15].

Казанскіе слухи о предстоящемъ открытіи университета, не миновавшіе вниманія гимназиста Аксакова, поддерживались и нѣкоторыми подготовительными распоряженіями и мѣропріятіями, исходившими изъ С.-Петербурга, гдѣ, въ качествѣ члена главнаго правленія училищъ, имѣлъ пребываніе Степанъ Яковлевичъ Румовскій, маститый астрономъ, вице-президентъ императорской академіи наукъ и попечитель казанскаго учебнаго округа, опредѣленный на этотъ послѣдній постъ высочайшимъ указомъ отъ 20-го іюня 1803 года,—слѣдовательно, почти за полтора года до утвержденія устава казанскаго университета, когда вопросъ объ открытіи въ Казани университета считался въ главномъ правленіи училищъ, однако, вопросомъ уже окончательно рѣшеннымъ. Озабочиваясь подготовкою для будущаго университета слушателей, которые впослѣдствіе, прослушавъ университетскій курсъ, могли бы занять учительскія должности въ проэктированной для округа сѣти гимназій и училищъ, Румовскій еще въ началѣ 1804 года предложилъ учредить съ этою цѣлью въ казанской гимназіи сорокъ вакансій казенныхъ воспитанниковъ, которымъ и было суждено образовать собою первые контингенты студентовъ вновь основаннаго университета.

Къ началу 1804 года относится правительственное мѣропріятіе, которое должно было выступить еще болѣе яркимъ симптомомъ близкаго открытія въ Казани университета: 26-го февраля 1804 года, слѣдовательно почти за годъ до фактическаго открытія казанскаго университета, состоялось, предрѣшенное въ главномъ правленіи училищъ еще въ засѣданіи 7-го января, назначеніе для будущаго университета перваго профессора—въ лицѣ иностраннаго ученаго П. А. Цеплина. Объ этомъ назначеніи попечитель С. Я. Румовскій, озабоченный въ ту пору вопросомъ о подборѣ для казанскаго университета состава профессоровъ и преподавателей, въ слѣдующихъ выраженіяхъ увѣдомлялъ совѣтъ казанской гимназіи предложеніемъ отъ 3-го марта того же года: „Его сіятельству министру народнаго

просвѣщенія, по представленію моему, угодно было предназначить ученаго иностранца Цеплина для преподаванія въ императорскомъ казанскомъ университетѣ всеобщей исторіи и статистики по плану, отъ него представленному, съ тѣмъ, что бы онъ до открытія университета преподавалъ всеобщую исторію въ казанской гимназіи, съ жалованьемъ по тысячѣ пятисотъ рублей въ годъ, считая въ томъ числѣ квартиру, дрова и освѣщеніе, а по открытіи вступилъ бы въ права ординарнаго профессора".

Гимназическое преподаваніе Цеплина, возлагавшееся на него впредь до открытія университета, преслѣдовало задачи пропедевтическія по отношенію къ его будущимъ университетскимъ чтеніямъ, въ виду чего совѣту гимназіи тогда же предписано было, по пріѣздѣ въ Казань назначеннаго профессора, составить для него особый „историческій" или „профессорскій" классъ, „выбравъ изъ воспитанниковъ, по усмотрѣнію совѣта, способныхъ отъ 8-ми до 10-ти человѣкъ"; этому классу Цеплинъ обязанъ былъ преподавать „въ исторіи наставленія" по восьми часовъ въ недѣлю, притомъ на „такомъ изъ преподаваемыхъ въ гимназіи языкѣ (самъ Цеплинъ русскаго языка не зналъ), въ которомъ воспитанники болѣе утвердились и съ пользою могутъ слушать оныя". Профессоръ Цеплинъ прибылъ въ Казань 1-го іюня 1804 года, почему и преподаваніе его въ учрежденномъ для него „профессорскомъ классѣ" началось лишь съ осенняго полугодія этого года. Что касается участія Цеплина въ засѣданіяхъ совѣта гимназіи, то попечитель округа далъ заключеніе, что „поелику всѣ дѣла въ семъ совѣтѣ производятся на россійскомъ языкѣ, который г-ну Цеплину чуждъ", то онъ, попечитель, не находитъ удобнымъ участіе его „въ упражненіяхъ совѣта до учрежденія университета, почитая полезнымъ въ потребныхъ случаяхъ спрашивать у него частно совѣта, особливо по предметамъ, до его части относящимся" [16]. Въ такомъ видѣ представляется намъ служебное положеніе этого перваго профессора казанскаго университета, назначеніе котораго въ Казань почти на годъ предварило собою самое открытіе университета.

5-го ноября 1804 года,—въ день, годовщина котораго ежегодно торжественно чествуется университетомъ,—императоромъ Александромъ I были подписаны „Утвердительная грамота" и „Уставъ" Императорскаго Казанскаго университета. Первый изъ этихъ актовъ контрасигнованъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ П. В. Завадовскимъ; второй, скрѣпленный по листамъ правителемъ дѣлъ Иваномъ Мартыновымъ, носитъ на себѣ слѣдующія подписи его составителей, членовъ главнаго правленія училищъ:

Г.(рафъ) Петръ Завадовскій
Петръ Свистуновъ
Михайло Муравьевъ
К.(нязь) Адамъ Чарторыскій
Г.(рафъ) Северинъ Потоцкій
Өедоръ Клингеръ
Степанъ Румовскій
Николай Озерецковскій
Николай Фуссъ.

Утвердительная грамота императорскаго казанскаго университета, облеченная въ торжественную внѣшнюю форму манифеста, съ полнымъ императорскимъ титуломъ во главѣ, заключаетъ въ себѣ 21 статью и открывается указаніемъ цѣли основанія въ Казани университета:

„Блаженной памяти Августѣйшая Прабабка Наша Государыня Императрица Елизавета Петровна,—читаемъ въ этомъ актѣ,—шествуя по стезямъ великаго Преобразителя Россіи, между прочими славными подвигами благоволила основать въ Казани 1758 года Гимназію и даровать ей нѣкоторыя права, незадолго предъ тѣмъ Московскому Университету пожалованныя. Предположивъ, сообразно степени просвѣщенія настоящихъ временъ, въ семъ самомъ мѣстѣ учредить Университетъ, дабы существованіе сего благотворнаго заведенія содѣлать навсегда неприкосновеннымъ и даровать ему возможность къ достиженію важнаго назначенія образованія полезныхъ гражданъ на службу отечества и распространенія въ немъ нужныхъ познаній, Мы соизволили Императорскимъ Нашимъ словомъ за Насъ и за преемниковъ Нашихъ постановить слѣдующее"....

Далѣе излагаются отдѣльные пункты грамоты, опредѣляющіе права университета и основы его строя. Два первые пункта установляютъ понятіе и задачу университета:

„Императорскій Казанскій Университетъ пребудетъ сословіемъ ученыхъ мужей, которое подъ непосредственнымъ Нашимъ покровительствомъ управляемо будетъ на основаніи Устава, въ сей день Нами утвержденнаго" (§ 1).

„Въ немъ преподаваемы будутъ науки во всемъ пространствѣ какъ общія, каждому человѣку нужныя, такъ и особенныя, служащія къ образованію гражданина для разныхъ родовъ государственной службы (§ 2).

Въ числѣ пунктовъ утвердительной грамоты имѣется одинъ, которымъ университету предоставляется издавать, въ предѣлахъ устава и начальственныхъ распоряженій, постановленія, регулирующія подробности его внутренняго строя и жизни: „Университету, сообразуясь съ Уставомъ, рав-

Грамота
Казанскаго
Императорскаго
Университета

Первая и послѣдняя страницы Утвердительной Грамоты Императорскаго Казанскаго Университета 5-го ноября 1804 года.

но и предписаніями начальства, предоставляется дѣлать частныя и подробнѣйшія постановленія въ разсужденіи внутренняго его устройства, о которыхъ, однако, долженъ онъ предварительно относиться къ попечителю и чрезъ него отъ министра народнаго просвѣщенія ожидать утвержденія" (§ 7).

Грамота имѣетъ слѣдующее заключеніе:

„Тако утверждая Императорскою Нашею Грамотою и ограждая благосостояніе Императорскаго Казанскаго университета, надѣемся, что Начальство и члены онаго, ревнуя о совершеніи Нашихъ намѣреній, ничего не упустятъ изъ виду, дабы доставить Сословію сему полное и непрерывное дѣйствіе на пользу Округа, которому оно дано средоточіемъ, и купно на пользу прочихъ любезнѣйшихъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всѣхъ званій. Въ семъ упованіи благоволили Мы настоящую Грамоту, какъ свидѣтельство непреложной воли Нашей, собственноручно подписать и повелѣли, утвердивъ оную Государственною печатью, отдать для храненія на вѣчныя времена Университету.—Дана въ Санктпетербургѣ, Ноября 5 дня 1804 года".

Пожалованная казанскому университету утвердительная грамота хранится въ подлинникѣ своемъ, носящемъ собственноручную подпись императора Александра I, въ университетѣ и выставляется во время торжественныхъ публичныхъ собраній 5-го ноября, которыми нашъ университетъ ежегодно чествуетъ годовщину своего основанія. Воспоминаніемъ о знаменательномъ днѣ 5-го ноября 1804 года служитъ и современный, украшающій актовый залъ университета, портретъ императора Александра I, изображающій императора въ моментъ подписанія имъ утвердительной грамоты и устава казанскаго университета; оба акта лежатъ на столѣ, передъ которымъ, подъ вдумчиво устремленнымъ на него взоромъ бюста Екатерины Великой, поставлена художникомъ юная и изящная фигура основателя казанскаго университета.

Уставъ императорскаго казанскаго университета образуетъ собою актъ, непосредственно примыкающій къ утвердительной грамотѣ и представляющій ея дальнѣйшее развитіе. Прежде, нежели перейти къ разсказу о самомъ открытіи казанскаго университета, необходимымъ представляется остановить вниманіе читателей на общей характеристикѣ и на нѣкоторыхъ подробностяхъ университетскаго устава 5-го ноября 1804 года, которому предназначено было лечь въ основу какъ самого строя, такъ и всей жизнедѣятельности вновь созидаемаго восточнаго „храма наукъ".

Университетскій уставъ 1804 года, дарованный казанскому университету и основныя положенія котораго явились общими и для другихъ уста-

вовъ, данныхъ университетамъ александровской эпохи, былъ плодомъ усиленныхъ и вдумчивыхъ работъ вновь учрежденнаго министерства народнаго просвѣщенія и его ближайшаго органа—главнаго правленія училищъ, причемъ составители устава твердо держались почвы, на которой зиждилось современное имъ университетское дѣло въ государствахъ западной Европы и чутко прислушивались къ отзывамъ знатоковъ и дѣятелей европейской академической жизни (графъ д'Антрегъ, Брандесъ, геттингенскій ученый Мейнерсъ и др.) [17]. Университетскій уставъ 1804 года, положившій идею автономіи профессорской коллегіи въ основу всего созданнаго имъ академическаго строя и открывавшій собою широкій путь къ развитію университетской науки и университетской жизни, представляетъ собою памятникъ законодательства, передъ основными положеніями котораго съ невольнымъ изумленіемъ останавливается взоръ историка даже въ наши дни, столѣтіе спустя послѣ его составленія. Этотъ уставъ высоко поднималъ знамя университетскаго строя и правъ былъ покойный профессоръ Д. И. Каченовскій, печатно заявившій въ 1862 году, что основныя начала александровскихъ университетскихъ уставовъ „и теперь еще возбуждаютъ удивленіе", тѣмъ болѣе что, просматривая ихъ, „каждый согласится, что правительство въ лицѣ университетовъ вводило въ русское общество новую умственную силу и давало ей значеніе государственное". Во всякомъ случаѣ, университетамъ александровской эпохи выпало на долю сыграть выдающуюся роль въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской общественности; „кому случалось,—писалъ тотъ же проф. Каченовскій,—встрѣчать въ своей жизни университетскихъ воспитанниковъ александровской эпохи, тотъ согласится, что они, во многомъ, стоятъ выше студентовъ позднѣйшаго времени, что между ними сплошь и рядомъ попадались люди съ сильными и честными убѣжденіями, съ энтузіазмомъ къ наукѣ и съ развитымъ умомъ" [18]. И, дѣйствительно, всякому мало мальски образованному человѣку знакомы славныя имена русскихъ ученыхъ, литературныхъ и общественныхъ дѣятелей 30-хъ—40-хъ годовъ, получившихъ свое умственное и нравственное развитіе въ старыхъ университетахъ александровской эпохи.

Уставъ казанскаго университета 1804 года открывается статьею, устанавливающею понятіе и задачу университета: „Императорскій Казанскій университетъ есть высшее ученое сословіе, для преподаванія наукъ учрежденное; въ немъ пріуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы" (§ 1). Но не одно „преподаваніе наукъ" возлагается на обязанность университета,—ему вмѣняется

въ особую заслугу распространеніе знаній, вообще, и, прежде всего—путемъ основанія при немъ ученыхъ и литературныхъ обществъ: „Къ особливому достоинству университета отнесется составленіе въ нѣдрѣ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ“, причемъ университету рекомендуется на свое иждивеніе печатать труды такихъ обществъ (§ 9). Съ тою же цѣлью совѣту университета предписывается ежегодно назначать „задачу, служащую къ распространенію наукъ, съ обѣщаніемъ за удовлетворительное рѣшеніе награжденія, соразмѣрнаго важности задачи, слѣдуя обряду, въ иностранныхъ университетахъ и академіяхъ принятому и наблюдая очередь между факультетами“ (§ 53), а также ежегодно устроивать публичное торжественное собраніе, „въ которомъ должны быть читаны сочиненія, до наукъ и словесности относящіяся“ (§ 54).

Университетъ составляется изъ четырехъ факультетовъ или „отдѣленій“, между которыми распредѣляются 28 положенныхъ въ немъ кафедръ, именно: а) Отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ (7 кафедръ), б) Отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ (9 кафедръ), в) Отдѣленіе врачебныхъ или медицинскихъ наукъ (6 кафедръ) и г) Отдѣленіе словесныхъ наукъ (6 кафедръ). Сверхъ 28-ми профессоровъ, занимающихъ штатныя кафедры, въ университетѣ полагалось 12 адъюнктовъ, не пріуроченныхъ къ отдѣленіямъ и кафедрамъ, 3 лектора языковъ (французскаго, нѣмецкаго и татарскаго) и 3 учителя „пріятныхъ искусствъ“ (§ 22). Особенностью распредѣленія между отдѣленіями кафедръ можетъ быть отмѣчено, что кафедры богословія, священнаго писанія и церковной исторіи и философіи (умозрительной и практической) отнесены къ отдѣленію нравственныхъ и политическихъ наукъ, наряду съ кафедрами юридическими и политическими, а на отдѣленіи словесныхъ наукъ положена,—въ виду исключительнаго положенія казанскаго университета,—самостоятельная кафедра восточныхъ языковъ *.

Уставъ 1804 года точно опредѣляетъ контингентъ лицъ, образующихъ собою понятіе университета: „Университетъ составляютъ: преподающіе въ наукахъ наставленія ординарные и экстраординарные профессоры, адъюнкты, магистры, студенты и учители языковъ, пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій“ (§ 3). Адъюнкты, по уставу—„помощники профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ стараются достигать большей

* Подробное распредѣленіе кафедръ по отдѣленіямъ интересующіеся найдутъ въ «Приложеніяхъ» къ настоящему тому (см. приложеніе I).

степени совершенства и во всѣхъ практическихъ трудахъ профессоровъ обязаны имѣть участіе", причемъ они могутъ, въ случаѣ необходимости и съ разрѣшенія совѣта, открывать и самостоятельные курсы чтеній (§§ 31 и 34). Особенность званія экстраординарнаго профессора заключается въ томъ, что оно предоставляется, путемъ баллотированія въ совѣтѣ, четыремъ изъ двѣнадцати адъюнктовъ „трудолюбіемъ предъ прочими отличившимся и знаніе свое преподаваніемъ курсовъ и сочиненіями доказавшимъ" (§ 36). Мы видѣли, что уставъ твердо опредѣляетъ штатное количество профессоровъ и адъюнктовъ. Онъ открываетъ, тѣмъ не менѣе, возможность привлеченія въ университетъ и преподавателей сверхштатныхъ: „Ежели совѣтъ университета,—говоритъ уставъ (§ 23),—будетъ имѣть случай пріобрѣсть славнаго и отличнаго ученіемъ мужа или ежели между природными россіянами найдутся молодые люди, въ какой либо наукѣ толико успѣвшіе... что съ пользою университета могутъ занять мѣсто адъюнкта, въ такомъ случаѣ пріобщить ихъ къ университету дозволяется", но съ разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ министра народнаго просвѣщенія.

Подробно останавливается уставъ на обязанностяхъ профессоровъ: „Главная должность профессоровъ состоитъ въ томъ, чтобъ преподавать курсы лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ и соединять теорію съ практикою во всѣхъ наукахъ, въ которыхъ сіе нужно"; при этомъ профессору вмѣняется въ обязанность „преподавая наставленія, пополнять курсы свои новыми открытіями, учиненными въ другихъ странахъ Европы" (§ 25). Уставъ выражаетъ пожеланіе, чтобы профессоры, кромѣ теоретическихъ чтеній, устроивали особыя „бесѣды" съ студентами, „въ которыхъ, предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы (т. е. темы), исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли", рекомендуя веденіе этихъ бесѣдъ преимущественно на латинскомъ языкѣ (§ 119). Съ другой стороны, свобода преподаванія является по уставу 1804 года существенно ограниченною: профессорскія чтенія должны производиться по точно опредѣленнымъ пособіямъ, въ качествѣ каковаго каждый лекторъ обязанъ избрать „книгу своего сочиненія или другого извѣстнаго ученаго мужа", представивъ ее на разсмотрѣніе и одобреніе совѣта (§ 26). Профессоръ, у котораго не оказалось бы почему либо слушателей, обязанъ посвящать освободившееся отъ чтеній время тому или другому полезному труду, по указанію совѣта или съ его одобренія; особенно рекомендуются съ этою цѣлью „путешествія по астрономической и физической части и для обозрѣнія училищъ, въ округѣ находящихся" (§ 30).

Профессорскія и адъюнктскія вакансіи замѣщаются избраніемъ въ совѣтѣ изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ членами соотвѣтствующихъ отдѣленій, причемъ эти предложенія должны быть мотивированными и ярко обрисовывающими ученую и преподавательскую личность кандидата; избранный въ совѣтѣ кандидатъ представляется, черезъ попечителя округа, на утвержденіе министра. Любопытнымъ является опредѣленіе, въ силу котораго, при избраніи на вакантную должность—„природные россіяне, нужныя знанія и качества имѣющіе, должны быть предпочтены чужестраннымъ" (§§ 57—59). Совѣту университета, большинствомъ двухъ третей голосовъ, предоставляется и право удалять отъ должности служащихъ, опредѣляемыхъ по его выбору, съ предварительнымъ разслѣдованіемъ черезъ правленіе вины удаляемаго и съ надлежащаго утвержденія приговора начальствомъ (§ 66). Кромѣ сочленовъ по университетской коллегіи, университету предоставлено право выбирать, въ неограниченномъ количествѣ, почетныхъ членовъ изъ среды „мужей, прославившихся ученіемъ и дарованіемъ, какъ изъ природныхъ россіянъ, такъ и изъ иностранцевъ"; четверо изъ иностранныхъ почетныхъ членовъ, по одному на каждое отдѣленіе, пользуются отъ университета ежегодною пенсіею въ размѣрѣ двухсотъ рублей, за что обязуются выступать корреспондентами университета по ученымъ и другимъ сношеніямъ его съ чужими краями, доставляя свѣдѣнія о новыхъ въ наукахъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, выполняя различныя порученія университета и т. п. (§§ 37—43).

Познакомимся съ административнымъ строемъ университета по уставу 1804 года.

Состоя подъ верховнымъ покровительствомъ государя императора, университетъ подчиняется главному вѣданію министра народнаго просвѣщенія и руководству одного изъ членовъ главнаго правленія училищъ, носящему наименованіе попечителя учебнаго округа (§ 2). Ближайшее управленіе университетомъ возлагается на его ректора, избираемаго совѣтомъ на одинъ годъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ и утверждаемаго высочайшею властью. Ректоръ пользуется правомъ предсѣдательства во всѣхъ университетскихъ собраніяхъ и комитетахъ, вѣдаетъ все дѣлопроизводство, наблюдаетъ за правильнымъ теченіемъ жизни въ университетѣ и отвѣчаетъ за порядокъ во всѣхъ безъ исключенія его частяхъ, пользуясь, въ случаѣ необходимости, правомъ предпринятія мѣръ чрезвычайнаго характера. Принятіе и сложеніе ректорской должности обставляется произнесеніемъ „приличныхъ" случаю рѣчей. Замѣстителемъ ректора является или его предмѣстникъ по должности, съ званіемъ проректора, или же особо

выбранное, съ тѣмъ же званіемъ, лицо изъ числа ординарныхъ профессоровъ (§§ 11—21).

Во главѣ отдѣленій или факультетовъ стоятъ деканы, избираемые также на одинъ годъ совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ и утверждаемые въ этомъ званіи министромъ (§ 24).

Инспекція надъ студентами является на основаніи устава 1804 года также выборною. Ее образуютъ инспекторъ казенныхъ студентовъ, избираемый совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ, и два его помощника, избираемые совѣтомъ же изъ числа магистровъ или кандидатовъ; имѣя ближайшее наблюденіе надъ казенными студентами и обязанные ежемѣсячными рапортами инспектору, эти помощники имѣютъ общіе съ студентами помѣщеніе и столъ (§§ 112, 118).

Органами коллегіальнаго строя университета выступаютъ: совѣтъ, собранія отдѣленій (факультетовъ) и правленіе.

Университетскій совѣтъ или „общее собраніе" образуется, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ профессоровъ всѣхъ отдѣленій, для вѣданія какъ собственно университетскихъ, такъ и училищныхъ дѣлъ по округу. Совѣтъ является высшею инстанціею по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ и обыкновенныя собранія его должны происходить одинъ разъ въ мѣсяцъ; на совѣтъ возлагается и отчетность по университету, какъ общая (по полугодіямъ), такъ и по его денежнымъ счетамъ (годичная). Въ лицѣ совѣта находитъ себѣ выраженіе и практическое примѣненіе общая идея автономнаго строя университета, которою всецѣло проникнутъ уставъ 1804 года; по дѣламъ сложнымъ и требующимъ особенно внимательнаго къ себѣ отношенія, совѣту предоставляется выдѣлять изъ себя коммиссіи („комитеты") спеціальнаго назначенія. Всѣмъ дѣлопроизводствомъ въ совѣтѣ, составленіемъ протоколовъ („дневныхъ записокъ") его засѣданій, текущею перепискою, храненіемъ дѣлъ и т. п. завѣдуетъ секретарь совѣта, избираемый послѣднимъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ; на обязанность секретаря совѣта возлагается и „сочиненіе исторіи университета" (§§ 44—56, 68—71). Кромѣ очередныхъ текущихъ засѣданій, уставъ предписываетъ еще ежемѣсячныя собранія совѣта уже чисто ученаго характера—„въ которомъ профессоры и почетные члены, подъ предсѣдательствомъ ректора, разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, ректоромъ или кѣмъ изъ членовъ предлагаемыхъ" (§ 52) и которыя были, такимъ образомъ, расчитаны на то, чтобы постоянно поддерживать въ университетѣ надлежащій уровень знанія и возбуждать среди членовъ его духъ научнаго интереса и общенія. На-

конецъ, въ началѣ каждаго года ректоръ созываетъ чрезвычайное, такъ сказать—контрольное собраніе совѣта, исключительно посвященное прочтенію устава и сужденіямъ о томъ—„точно ли по оному во всѣхъ частяхъ исполнено", для немедленнаго устраненія тѣхъ явленій университетской жизни, которыя оказались бы несогласными съ уставомъ (заключительная статья устава).

Факультетскія или, какъ называетъ ихъ уставъ—частныя собранія созываются, также однажды въ мѣсяцъ, подъ предсѣдательствомъ декана или ректора, для вѣданія дѣлъ, преимущественно учебнаго характера, касающихся отдѣльныхъ факультетовъ. Частныя собранія представляютъ собою низшую по отношенію къ совѣту инстанцію: всѣ постановленія факультетовъ поступаютъ на разсмотрѣніе совѣта, который можетъ или утвердить ихъ или же сдѣлать въ нихъ тѣ или другія измѣненія. Факультетскія собранія имѣютъ своихъ секретарей, избираемыхъ отдѣленіями на два года, изъ числа адъюнктовъ (§§ 60—63, 72).

Исполнительный органъ университета представляетъ собою правленіе, составляющееся, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ декановъ факультетовъ и особаго непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Правленіе является для подвѣдомственныхъ университету лицъ судебною инстанціею и при разсмотрѣніи въ немъ тяжебныхъ дѣлъ обязательно присутствуетъ особое должностное лице—синдикъ, избираемое университетомъ изъ своей среды (обыкновенно изъ профессоровъ-юристовъ). Вѣдая всю хозяйственную часть университета, правленіе распоряжается штатною суммою, отпускаемою на нужды университета въ размѣрѣ 130-ти тысячъ рублей въ годъ * и сосредоточиваетъ въ себѣ всю отчетность по университетскому бюджету, представляя совѣту, въ началѣ января, годовой счетъ всѣхъ доходовъ и расходовъ, который, по провѣркѣ его особою совѣтскою коммиссіею, препровождается, черезъ попечителя, въ министерство. Въ непосредственномъ подчиненіи правленію находятся его секретарь, кассиръ, бухгалтеръ, переводчикъ и экзекуторъ; изъ этихъ должностныхъ лицъ секретарь утверждается, по представленію попечителя, министромъ, остальные же утверждаются попечителемъ, по представленіямъ правленія (§§ 5, 6, 131—142).

Весьма любопытную и характерную особенность устава 1804 года представляетъ собою широко поставленный имъ собственный универси-

* Штатъ казанскаго университета по уставу 1804 года см. въ приложеніяхъ къ этому тому (приложеніе II).

тетскій судъ, имѣющій три инстанціи: ректоръ, правленіе и совѣтъ. Въ качествѣ суда первой инстанціи, ректоръ окончательно рѣшаетъ гражданскія тяжбы на сумму не свыше 15-ти рублей, а по проступкамъ и оскорбленіямъ—тѣ, наказанія за которые грозятъ выговоромъ или арестомъ на срокъ не болѣе трехъ дней; на обязанность ректора возлагается стараніе оканчивать восходящія къ нему тяжебныя дѣла миромъ, и въ этомъ смыслѣ онъ является какъ бы органомъ университетской мировой юстиціи. Окончательному рѣшенію правленія подлежатъ: гражданскіе иски на сумму не свыше 50-ти рублей, по проступкамъ студентовъ—дѣла, влекущія за собою наказаніе не превышающее двухнедѣльнаго ареста, по жалобамъ на университетскихъ чиновниковъ—дѣла, угрожающія выговоромъ или наложеніемъ пени до 25-ти рублей. Всѣ дѣла по жалобамъ на профессоровъ, адъюнктовъ и другихъ университетскихъ чиновниковъ—поступаютъ въ правленіе, въ качествѣ суда первой инстанціи; правленію предъявляются жалобы и на ректора, но, „для соблюденія къ ректору должнаго уваженія", неосновательная жалоба на него угрожаетъ пенею въ пользу бѣдныхъ въ размѣрѣ до 25-ти рублей. Въ дѣлахъ „сумнительныхъ и важныхъ", въ качествѣ членовъ правленскаго суда могутъ быть приглашаемы, съ правомъ голоса, одинъ или два профессора правовѣдѣнія; сверхъ того, ближайшее участіе въ судопроизводствѣ правленія, но съ голосомъ только совѣщательнымъ, принимаетъ синдикъ университета, который всѣ производящіяся здѣсь дѣла „соображаетъ съ государственными законами и пріуготовляетъ къ рѣшенію". Тяжбы по недвижимымъ имуществамъ правленію неподсудны, но за то суду его предоставлены всѣ дѣла по раздѣлу наслѣдственнаго движимаго имущества между лицами, подвѣдомственными университету. Въ дѣлахъ обще-уголовнаго характера правленію принадлежитъ лишь дознаніе, которое препровождается затѣмъ, вмѣстѣ съ обвиняемымъ, въ подлежащее присутственное мѣсто; при сужденіи дѣла въ этомъ послѣднемъ, синдикъ университета во всякомъ случаѣ допускается къ засѣданію, на правахъ депутата отъ университета. Совѣтъ университета является второю, по отношенію къ правленію, судебною инстанціею; аппеляціи на правленіе по дѣламъ, неподлежащимъ его окончательному рѣшенію, подаются совѣту въ восьмидневный срокъ, пріостанавливая собою исполненіе рѣшенія суда правленскаго. Рѣшенія совѣта почитаются окончательными: въ искахъ на сумму не свыше 500 рублей, по проступкамъ, влекущимъ за собою денежную пеню не свыше ста рублей и по всѣмъ дѣламъ, „касающимся до должностей и преступленія правилъ, университетомъ предписанныхъ". По всѣмъ прочимъ дѣламъ допускается, также въ восьми-

дневный срокъ, апеляція на рѣшенія совѣта въ правительствующій сенатъ. Юрисдикція ректора является по отношенію къ дѣламъ студенческимъ — словесною; во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣлопроизводство органовъ университетскаго суда подчиняется общимъ, существующимъ на этотъ предметъ, государственнымъ узаконеніямъ (§§ 143—159).

Далеко не обиленъ уставъ 1804 года опредѣленіями, касающимися регламентаціи жизни студентовъ; если не принимать въ разсчетъ общаго характера опредѣленій, относящихся до организаціи учебной части, устройства инспекціи и нѣк. др., мы найдемъ здѣсь не болѣе десяти статей (§§ 106—111, 114—117), непосредственно затрогивающихъ интересующій насъ вопросъ. Это характерное отсутствіе въ уставѣ дисциплинарно-полицейской регламентаціи, столь обильной въ университетскихъ уставахъ позднѣйшихъ эпохъ, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что уставъ 1804 года всецѣло возлагаетъ на совѣтъ попеченія объ устройствѣ этой стороны академической жизни: „Студенты въ разсужденіи нравственности и поведенія сообразуются съ правилами благочинія, сочиненными университетскимъ совѣтомъ и на утвержденіе начальства взнесеннымъ"—заявляетъ уставъ (§ 121). Отмѣтимъ небезъинтересное опредѣленіе устава 1804 года, возлагающее на университетъ обязанность привлеченія частной благотворительности къ дѣлу вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, путемъ учрежденія частныхъ стипендій въ дополненіе къ правительственной помощи, выражающейся въ содержаніи казенныхъ студентовъ (для казанскаго университета въ числѣ сорока человѣкъ), принимаемыхъ на полное иждивеніе университета: „Университетъ,—читаемъ въ уставѣ,—не откажетъ способствовать желанію благотворителей просвѣщенія, которые впредь назначить могутъ содержаніе для неимущихъ студентовъ; таковые воспитанники отличаются именемъ ихъ благотворителей, доколѣ на содержаніи ихъ пребываютъ, и университетъ употребитъ всѣ способы отъ него зависящіе для изъявленія должной благотворителямъ признательности предъ лицомъ общества" (§ 10). Кстати будетъ сдѣлать здѣсь попутное замѣчаніе, что казанскому университету не довелось утруждать себя изысканіемъ этихъ „способовъ изъявленія" публичной благодарности благодѣтелямъ по той самой простой причинѣ, что таковые „благодѣтели"—не являлись, и университету очень долго оставалось довольствоваться благотворительностью на исключительной почвѣ содержанія казеннокоштныхъ студентовъ, пребывающихъ на полномъ его „иждивеніи".

Мы уже знаемъ, что подготовленіе учителей для цѣлой сѣти проэктированныхъ по округу учебныхъ заведеній намѣчалось одною изъ первосте-

пенныхъ задачъ дѣятельности университетовъ, вообще, и казанскаго университета—въ частности. Въ видахъ выполненія этой задачи, уставъ 1804 года создаетъ при университетѣ особое учрежденіе, носящее наименованіе педагогическаго или учительскаго института. Подъ общимъ руководствомъ особаго директора, избираемаго университетскимъ совѣтомъ изъ ординарныхъ профессоровъ, педагогическій институтъ „образуетъ учителей для гимназій и училищъ, округъ университета составляющихъ" (§ 122). Учащійся контингентъ института формируется изъ студентовъ-кандидатовъ, въ смыслѣ молодыхъ людей, прослушавшихъ полный трехгодичный университетскій курсъ и пожелавшихъ остаться въ университетѣ для продолженія своихъ научныхъ занятій, причемъ „положенное въ штатѣ число студентовъ-кандидатовъ (для казанскаго университета—двѣнадцать) преимущественно наполняется воспитанниками, на казенномъ иждивеніи содержимыми"; такіе кандидаты могутъ быть допускаемы, по подлежащемъ испытаніи, къ отправленію обязанностей „повторителей" или репетиторовъ профессорскихъ лекцій; изъ числа ихъ (а также магистровъ) избираются, какъ мы знаемъ, и помощники инспектора казенныхъ студентовъ. Кандидаты, три года пробывшіе въ институтѣ и „при новомъ испытаніи оказавшіе ясные опыты, что пріобрѣли потребныя знанія другихъ обучать наукамъ и способность преподавать наставленія"—или удостоиваются слѣдующей степени магистра, или же опредѣляются на учительскія должности, причемъ лица, оставляющія университетъ, обязываются подпискою прослужить не менѣе шести лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, а магистры, оставшіеся при университетѣ, обязуются „преподавать наставленія студентамъ-кандидатамъ и, ежели совѣтъ заблагоразсудитъ, въ университетской аудиторіи въ назначенные дни и часы". Магистры и старшіе учителя гимназій, прошедшіе курсъ педагогическаго института и прослужившіе три года — получаютъ преимущественное передъ посторонними лицами право на производство ихъ въ адъюнкты университета, „ежели будутъ праздныя мѣста и общее собраніе (т. е. совѣтъ) по надлежащемъ испытаніи признаетъ ихъ достойными". Количество магистровъ, положенныхъ по штату при педагогическомъ институтѣ, равняется количеству кандидатовъ при немъ—т. е. двѣнадцать же человѣкъ. Изъ числа магистровъ, наиболѣе выдающихся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, совѣтомъ черезъ каждые два года избираются двое, предназначаемыхъ въ двухгодичную командировку съ ученою цѣлью въ чужіе края, съ обязательствомъ „стараться усовершить свои знанія" и „черезъ каждые три мѣсяца доносить совѣту о своихъ упражненіяхъ и успѣхахъ, исполнять его

порученія и, по возвращеніи, отчетъ дать въ своемъ путешествіи" (§§ 7, 117—118, 122—130). Мы видимъ, такимъ образомъ, что педагогическій институтъ, преслѣдуя задачу приготовленія учителей, въ тоже время замѣнялъ собою и будущій институтъ университетскихъ стипендіатовъ для „приготовленія къ профессорскому званію".

Цѣлая глава (восьмая) устава 1804 года посвящена вопросу о состоящихъ при университетѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ („институтахъ"). Въ числѣ этихъ учрежденій намѣчены: а) Библіотека, съ библіотекаремъ, избираемымъ совѣтомъ изъ ординарныхъ профессоровъ, его помощникомъ изъ адъюнктовъ или магистровъ и писцомъ изъ воспитанниковъ; особенность этого учрежденія составляетъ его публичность: „библіотекою не только профессоры, но и вся публика можетъ пользоваться"; б) Физическій кабинетъ, съ особымъ при немъ „приспѣшникомъ", т. е. лаборантомъ; в) Астрономическая обсерваторія, съ собраніемъ инструментовъ и математическихъ машинъ и моделей и съ особымъ при этомъ учрежденіи „инструментальнымъ мастеромъ", т. е. механикомъ; г) Кабинетъ естественной исторіи; д) Ботаническій садъ, съ садовникомъ при немъ; е) Химическая лабораторія и минеральный (sic) кабинетъ, съ „приспѣшникомъ или лаборантомъ" при нихъ; ж) Анатомическій театръ и собраніе анатомическихъ препаратовъ, при которыхъ находится прозекторъ изъ адъюнктовъ или магистровъ. Для нуждъ всѣхъ кабинетовъ, вообще, положены также должности „живописца" и „рѣзщика на мѣди". Потребностямъ врачебнаго отдѣленія должны удовлетворять три учебно-вспомогательныхъ учрежденія: з) Клиническій институтъ (собственно терапевтическій), и) Хирургическій институтъ и і) Институтъ повивальнаго искусства (§§ 7, 73—92). Въ числѣ вспомогательныхъ учрежденій университета положена и типографія, въ которой „печатаемы быть должны преимущественно книги, относящіяся къ наукамъ" и которая всецѣло подчинена университетскому правленію (§ 8, 175—176).

Уставъ 1804 года возлагаетъ на университетъ и обязанности цензуры „для всѣхъ, издаваемыхъ членами его и въ округѣ его печатаемыхъ сочиненій", а также и „для книгъ, выписываемыхъ имъ для своего употребленія изъ чужихъ краевъ". Съ этою цѣлью при университетѣ образуется особый цензурный комитетъ, составляющійся изъ декановъ всѣхъ отдѣленій, хотя цензорами отдѣльныхъ сочиненій могутъ являться всѣ профессоры, адъюнкты и магистры, причемъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ несетъ, по избранію совѣта, должность секретаря комитета. Уставъ указываетъ и задачу цензуры: она сводится къ тому, что бы „отвратить изданіе сочине-

ній, коихъ содержаніе противно закону, правительству, благопристойности, добрымъ нравамъ и личной чести какого либо частнаго человѣка". На рѣшенія цензурнаго комитета допускается аппеляція главному правленію училищъ. Отъ цензуры освобождается все то, что печатается отъ имени университетскихъ совѣта или правленія; съ другой стороны, какъ университету вообще, такъ и отдѣльнымъ профессорамъ, предоставлено свободно и безцензурно выписывать „всѣ сочиненія, какого бы они содержанія ни были", хотя изъ университетской библіотеки книги, признанныя цензурою вредными, дозволено выдавать только профессорамъ и адъюнктамъ (§§ 8, 177—185).

Намъ уже извѣстно, что университетамъ александровской эпохи было предоставлено вѣданіе всѣхъ училищъ округа. Эта отрасль вѣданія распространена была, конечно, и на университетъ казанскій, учебный округъ котораго былъ чрезвычайно обширенъ, обнимая собою все Поволжье отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани, все Прикамье и Пріуралье (губерніи вятскую, пермскую и оренбургскую), весь Кавказъ и всю Сибирь, а на западѣ захватывая губерніи пензенскую и тобольскую. Этотъ, почти необъятный, округъ былъ нѣсколько ограниченъ въ своемъ протяженіи лишь съ 1825 года, когда, въ исполненіе высочайшаго повелѣнія о пріуроченіи учебныхъ округовъ къ районамъ генералъ-губернаторствъ, отъ казанскаго учебнаго округа отчислены были дирекціи училищъ: тамбовская—къ московскому учебному округу; астраханская, кавказская и грузинская—къ харьковскому. Непосредственное вѣданіе училищныхъ дѣлъ возложено было на совѣтъ университета, ближайшимъ органомъ котораго являлся въ этомъ отношеніи особый училищный комитетъ, образуемый, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ шести избираемыхъ совѣтомъ ординарныхъ профессоровъ, съ секретаремъ изъ адъюнктовъ или магистровъ. Училищный комитетъ сносится съ директорами училищъ, получаетъ отъ нихъ донесенія и отчеты, вѣдаетъ постановку въ училищахъ учебнаго дѣла и хозяйства и т. п., доводя до свѣдѣнія совѣта всякаго рода дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ; для веденія текущихъ училищныхъ дѣлъ комитетъ выдѣляетъ изъ себя постоянную коммиссію изъ ректора и двухъ членовъ. Средствомъ контроля, на мѣстѣ, состоянія училищъ—являлась организація ежегодныхъ ихъ „визитацій", причемъ визитаторамъ, назначавшимся изъ профессоровъ, поручался осмотръ одной или двухъ губерній каждому (§§ 160—174).

Что бы покончить съ университетскимъ уставомъ 1804 года, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ установляемыхъ имъ экзаме-

нахъ на ученыя степени. Общимъ правиломъ выставляется здѣсь то, что „испытаніе дѣлается подъ предсѣдательствомъ декана того отдѣленія, къ которому, по роду наукъ, принадлежитъ ищущій университетскаго достоинства". Испытаніе на степень кандидата производится въ собраніи факультета и раздѣляется на письменное и устное. Испытанія на степени магистра и доктора производятся факультетами въ присутствіи двухъ депутатовъ отъ совѣта, избираемыхъ изъ представителей другихъ факультетовъ, и раздѣляется также на письменное и устное, причемъ и по тому и по другому виду испытанія экзаменующійся долженъ дать отвѣтовъ, при испытаніи на магистра—по два, на доктора—по четыре; испытаніе въ наукахъ экспериментальныхъ требуется также и практическое (въ клиникѣ, больницѣ или лабораторіи). Для полученія степени магистра требовалось, сверхъ того, прочтеніе одной, а для полученія степени доктора трехъ публичныхъ лекцій, и, въ заключеніе всего—публичное же защищеніе представленной и одобренной факультетомъ диссертаціи. Кромѣ испытаній на ученыя степени, въ врачебномъ отдѣленіи установлялись еще особыя испытанія на званія лекаря, аптекаря и повивальной бабки. Характерною особенностью представляется требованіе производства магистерскихъ и докторскихъ испытаній на латинскомъ языкѣ,—общее правило, исключеніе изъ котораго факультету разрѣшается допускать лишь по прошенію испытуемаго и „по причинамъ, до учености касающимся" (§§ 93—105).

Въ такомъ видѣ рисуются передъ нами главныя основанія университетскаго устава 5-го ноября 1804 года—законодательнаго акта, во всякомъ случаѣ свидѣтельствующаго о глубинѣ и чистотѣ доброй воли и добрыхъ намѣреній, проникавшихъ собою просвѣтительныя начинанія сподвижниковъ начальнаго царствованія императора Александра I, дѣйствительно усматривавшихъ въ университетахъ „умственную силу", которой, вводя ее въ строй современной общественности, они хотѣли придать, по удачному выраженію проф. Каченовскаго, высокое и твердое „государственное значеніе".

Да простятъ намъ великодушно читатели тѣ значительныя и сухія подробности устава 1804 года, въ кругъ которыхъ невольнымъ образомъ пришлось намъ вводить ихъ. Основнымъ и даже второстепеннымъ началамъ этого акта суждено было слишкомъ тѣсно сплестись съ фактами и проявленіями перваго періода жизни казанскаго университета для того, что бы мы могли рѣшиться ихъ игнорировать или затронуть слишкомъ поверхностно, тѣмъ болѣе, что подробное знакомство съ уставомъ 1804 года уже избавитъ насъ отъ необходимости въ будущемъ снова развертывать страницы этого выдающагося памятника законодательства начала XIX вѣка.

Казанскому университету не выпало на долю съ самого начала своего существованія воспользоваться тѣми основами организаціи и тѣми правами, которыя были провозглашены въ уставѣ 5-го ноября 1804 года, и его ровесникъ, университетъ харьковскій, оказался счастливѣе его въ этомъ отношеніи. Мы увидимъ, что казанскій университетъ въ продолженіи почти девятилѣтія фактически оставался внѣ распространенія на него дѣйствія этого устава, представляя собою какое то неопредѣленное учрежденіе, ютившееся бокъ-о-бокъ съ казанскою гимназіею, безъ собственной выборной администраціи, безъ раздѣленія на факультеты, безъ важнѣйшихъ учебныхъ пособій, безъ собственнаго помѣщенія и, въ довершеніе всего, раздираемое внутренними неурядицами, всецѣло обусловливаемыми тѣмъ же неопредѣленнымъ положеніемъ строя и жизни этого университета-фикціи. Полное открытіе казанскаго университета на началахъ устава 1804 года совершилось лишь 5-го іюля 1814 года и мы не сомнѣваемся въ томъ, что 5-го іюля 1914 года нашъ университетъ не забудетъ помянуть и эту годовщину своего ф а к т и ч е с к а г о столѣтняго существованія.

Столичныя новости, распоряженія и предписанія не скоро достигали въ ту пору далекой Казани и, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, только въ декабрѣ 1804 года получено было здѣсь оффиціальное извѣстіе о томъ, что уставъ казанскаго университета 5-го ноября подписанъ государемъ. Намъ ничего неизвѣстно о томъ, какъ было встрѣчено въ Казани это извѣстіе, какое впечатлѣніе произвело оно какъ въ мѣстномъ обществѣ, такъ и въ наиболѣе заинтересованныхъ въ немъ гимназическихъ кружкахъ; казанская исторія новорожденнаго университета представляетъ собою почти бѣлую страницу вплоть до конца первой половины февраля 1805 года, когда прибылъ въ Казань, для открытія университета, самъ попечитель округа—членъ главнаго правленія училищъ С. Я. Румовскій.

На время оставивъ, въ силу этого, Казань въ сторонѣ, обратимся къ тѣмъ приготовленіямъ къ открытію казанскаго университета, которыя дѣлались въ концѣ 1804 и въ началѣ 1805 года въ С.-Петербургѣ, концентрируясь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и около личности перваго попечителя казанскаго учебнаго округа—Румовскаго.

Въ дѣлѣ основанія новыхъ университетовъ правительству императора Александра I приходилось считаться съ обстоятельствомъ весьма серьезнаго характера—съ отсутствіемъ людей для сформированія преподавательскаго персонала вновь заводимыхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Нисколько не представляется, поэтому, удивительнымъ, что вопросъ о кандидатахъ на будущія профессорскія и адъюнктскія вакансіи усиленно занималъ собою въ ту пору органы министерства народнаго просвѣщенія и, въ особенности, попечителей тѣхъ округовъ, въ которыхъ намѣчены были новые университеты, такъ какъ именно на попечителей возложило главное правленіе училищъ, впредь до начала функціонированія университетскихъ совѣтовъ, обязанность пріискать средства къ замѣщенію кафедръ, руководствуясь научными и педагогическими заслугами отдѣльныхъ претендентовъ; при этомъ главное правленіе выражало надежду, что „попечители округовъ собственнымъ благоразуміемъ и осторожнымъ выборомъ будутъ соотвѣтствовать оказанному имъ довѣрію". Русскихъ ученыхъ— почти не имѣлось: приходилось озаботиться пріисканіемъ персонала преподавателей въ чужихъ краяхъ. Съ этою послѣднею цѣлью главное правленіе училищъ поручило двумъ своимъ сочленамъ (попечителю дерптскаго учебнаго округа Клингеру и непремѣнному секретарю академіи наукъ Фуссу), имѣвшимъ обширныя связи съ заграничнымъ ученымъ міромъ, составить списокъ иностранныхъ кандидатовъ на профессорскія должности въ Россіи, причемъ намѣчено было учрежденіе при академіи наукъ особаго испытательнаго комитета для тѣхъ претендентовъ, относительно которыхъ попечители не въ состояніи окажутся руководствоваться „ни сочиненіями ихъ, ни университетскими дипломами, ни гласною рекомендаціею мужей, имѣющихъ имя въ ученомъ свѣтѣ" [19].

По отношенію къ казанскому университету все бремя работъ по сформированію для него преподавательскаго персонала выпало на долю его маститаго попечителя, С. Я. Румовскаго. Личность перваго попечителя настолько тѣсно связана съ зарожденіемъ и начальными шагами жизни казанскаго университета, что мы не считаемъ себя вправѣ обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній относительно этого дѣятеля, занимающаго видное мѣсто среди людей русской науки второй половины XVIII-го вѣка [20].

Степанъ Яковлевичъ Румовскій, сынъ священника села Дубовскаго, владимірской губерніи и уѣзда, родился 29-го октября 1734 года и начальное образованіе получилъ въ владимірской, а затѣмъ въ петербургской александро-невской духовныхъ семинаріяхъ. Въ 1748 году Ломоносовъ и Браунъ производили въ невской семинаріи выборъ воспитанниковъ для опредѣленія ихъ въ академическую гимназію; въ числѣ избранныхъ ими шести лучшихъ учениковъ оказался и будущій казанскій попечитель учебнаго округа. Склонность Румовскаго къ физико-математиче-

скимъ наукамъ проявилась уже во время ученія его въ этой гимназіи, гдѣ въ числѣ его наставниковъ состоялъ физикъ Рихманъ, извѣстный своею трагическою кончиною во время опытовъ надъ явленіями электричества; посѣщалъ Румовскій и химическія лекціи Ломоносова, считавшаго его въ числѣ своихъ лучшихъ учениковъ. Въ 1753 году Румовскій удостоенъ былъ званія адъюнкта академіи наукъ, а въ слѣдующемъ 1754 году командированъ для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія въ Берлинъ, гдѣ пользовался въ теченіи двухъ лѣтъ руководительствомъ славнаго математика Леонарда Эйлера, съ которымъ поддерживалъ тѣсныя отношенія вплоть до самой его смерти (въ 1783 году) и о которомъ писалъ впослѣдствіе, что воспоминаніе о великомъ учителѣ „изчезнетъ изъ моей души только съ послѣднимъ вздохомъ". По возвращеніи молодого ученаго въ Петербургъ, академія наукъ въ 1757 году возложила на него преподаваніе академическимъ студентамъ математики и на этомъ поприщѣ на долю Румовскаго выпала честь выступить авторомъ перваго русскаго учебника по чистой математикѣ („Сокращенія математики", часть I, СПБ. 1760).

Въ 1761 году предстояло рѣдкое астрономическое явленіе—прохожденіе Венеры передъ дискомъ солнца, возбуждавшее интересъ къ себѣ всего образованнаго міра. Извѣстно, что это явленіе, цѣнное для опредѣленія параллакса солнца, а слѣдовательно и разстоянія земли отъ него, случается лишь четыре раза въ 240 лѣтъ, но за то случается такимъ образомъ, что эти четыре прохожденія являются парными, причемъ оба прохожденія каждой пары раздѣлены между собою промежуткомъ времени около восьми лѣтъ. Академія наукъ рѣшила снарядить для наблюденія этого явленія двѣ экспедиціи въ Сибирь и Румовскій поставленъ былъ во главѣ одной изъ нихъ, наблюдавшей явленіе въ г. Селенгинскѣ, хотя, къ сожалѣнію, и не при вполнѣ благопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ; помимо непосредственной цѣли экспедиціи, Румовскимъ совершено во время его сибирскаго путешествія нѣсколько астрономическихъ опредѣленій попутныхъ мѣстностей. Научные результаты сибирской экспедиціи Румовскаго, не могли его не выдвинуть и въ 1763 году Румовскій былъ назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1767 году ординарнымъ профессоромъ астрономіи при академіи наукъ.

Между тѣмъ приближался 1769 годъ,—годъ вторичнаго прохожденія Венеры передъ дискомъ солнца изъ той пары прохожденій, которая выпала на долю XVIII вѣка. На этотъ разъ академія готовилась встрѣтить рѣдкое небесное явленіе, повтореніе котораго должно было имѣть затѣмъ мѣсто уже черезъ сто слишкомъ лѣтъ, во всеоружіи средствъ

знанія и наблюденія. Главная экспедиція, поставленная подъ руководство Румовскаго, теперь уже полноправнаго академическаго астронома, отправлена была въ Колу, гдѣ наблюденія производились Румовскимъ и двумя ассистентами, Охтенскимъ и Бородулинымъ, но опять таки при неблагопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ и прерывались облаками. Результатомъ этихъ наблюденій, оказавшихся, тѣмъ не менѣе, весьма цѣнными, явился ученый мемуаръ Румовскаго на латинскомъ языкѣ и его же отчетъ объ экспедиціи на русскомъ языкѣ („Наблюденія явленія Венеры въ солнцѣ и пр.“, СПб. 1771). Вещественнымъ воспоминаніемъ о кольской экспедиціи Румовскаго служитъ большой желѣзный квадрантъ Ланглоа, съ помощью котораго производилъ онъ въ 1769 году свои наблюденія, понынѣ хранящійся въ музеѣ астрономической обсерваторіи казанскаго университета и въ 1811 году пріобрѣтенный покупкою (за 2 тыс. р. ассигн.) у академіи наукъ [21].

Не касаясь дальнѣйшей служебной дѣятельности С. Я. Румовскаго, неразрывно связанной съ жизнью академіи наукъ, не касаясь и его довольно обширной и разнообразной научно-литературной дѣятельности, перейдемъ къ годамъ, непосредственно предшествующимъ эпохѣ попечительства Румовскаго.

Румовскій явился однимъ изъ первыхъ членовъ открытой въ 1783 году Россійской академіи и, будучи въ эпоху президентства княгини Дашковой однимъ изъ дѣятельныхъ ея сотрудниковъ, принималъ близкое участіе въ трудахъ по составленію „Словаря русскаго языка“ и въ издательскомъ отдѣлѣ академіи, за свои труды удостоившись въ 1790 году, одновременно съ кн. Дашковою, академической золотой медали. Въ 1798—1799 годахъ преподавалъ морскимъ офицерамъ практическую астрономію, а въ 1800 году назначенъ вице-президентомъ академіи наукъ. 20-го іюня 1803 года С. Я. Румовскій былъ назначенъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа,—званіе, въ которомъ на его долю и выпала задача начальнаго устроительства казанскаго университета и ближайшаго руководства первыми семью годами жизни этого учебнаго заведенія.

С. Я. Румовскій находился въ годъ основанія казанскаго университета въ лѣтахъ, которыя должны быть признаны уже преклонными: ему минуло семьдесятъ лѣтъ какъ разъ за семь дней до подписанія императоромъ Александромъ I университетскаго устава 1804 года. Мы имѣемъ, тѣмъ не менѣе, основанія думать, что далеко не одни поздніе годы являются причиною тѣхъ недочетовъ, которые могутъ быть предъявлены къ памяти перваго попечителя казанскаго университета въ дѣлѣ направленія имъ

начальной его жизни. Румовскій, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ, былъ въ годину основанія казанскаго университета еще довольно бодръ силами и духовными и физическими, которыя ему удалось сохранить до самой своей кончины (въ 1812 году), какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ его некрологъ, напечатанный въ 1815 году академіею наукъ. Будучи уже попечителемъ казанскаго учебнаго округа, Румовскій еще дѣятельно работалъ надъ переводомъ Тацита, въ 1806—1808 годахъ изданномъ академіею въ четырехъ частяхъ. За относительную бодрость духовныхъ силъ Румовскаго, по крайней мѣрѣ въ первые годы его попечительства, говоритъ и та энергія, которую проявилъ онъ въ дѣлѣ постановки въ казанскомъ университетѣ близкой его сердцу области физико-математическихъ наукъ и его живое, хотя временами и одностороннее, отношеніе къ проявленіямъ жизни и дѣятельности ввѣреннаго ему университета, находившее себѣ отраженіе и въ его перепискѣ, и въ его начальственныхъ распоряженіяхъ. Мы никакъ не можемъ, въ виду всего этого, безусловно согласиться съ Н. Н. Буличемъ въ томъ, что въ лицѣ Румовскаго „старость" проявляла „свои естественные недостатки", тѣмъ болѣе, что покойный историкъ университета самъ же сознается въ другомъ мѣстѣ, что, не взирая на свою „замѣчательную старость", Румовскій „успѣлъ сдѣлать многое для новорожденнаго университета и дать ему.... извѣстное, опредѣленное направленіе". Если преклонность лѣтъ и стала оказывать вліяніе на дѣятельность Румовскаго въ качествѣ попечителя, то это дало себя почувствовать лишь въ послѣдніе два-три года его жизни.

И такъ, не въ лѣтахъ Румовскаго должны мы искать основной источникъ тѣхъ нареканій, которыя нерѣдко приходится слышать по адресу перваго попечителя казанскаго университета, а эти нареканія сводятся, обыкновенно, къ слѣдующимъ тремъ главнымъ положеніямъ: а) Румовскій надолго затормозилъ дѣло полнаго открытія университета на основаніи устава 1804 года, б) Румовскій не достаточно дѣятельно озаботился заблаговременнымъ подготовленіемъ для него учащаго персонала и в) Румовскій выказалъ слишкомъ слабую дозу самостоятельности и авторитетности, поддавшись вліянію директора гимназіи Яковкина, слѣпо подчиняясь его извѣтамъ и поддерживая его властолюбивыя поползновенія, въ ущербъ самостоятельному положенію какъ всего юнаго университета, такъ и его отдѣльныхъ членовъ.

Чтобы уяснить себѣ ту роль и то значеніе, которыя фактически выпали на долю Румовскаго въ качествѣ попечителя учебнаго округа и члена главнаго правленія училищъ, намъ слѣдуетъ бросить взглядъ на положеніе,

какое придано было въ интересующую насъ эпоху посту попечителя учебнаго округа и на тѣхъ людей, которые образовали первый попечительскій контингентъ.

Начальное положеніе попечителей учебныхъ округовъ, созданное „предварительными правилами народнаго просвѣщенія", представлялось совершенно исключительнымъ и мало похожимъ на то значеніе простыхъ начальниковъ учебныхъ округовъ и посредствующей инстанціи между округами и министерствомъ, къ какому сведена была эта должность впослѣдствіе, какою остается она и до нашихъ дней. На выдающееся положеніе этого поста указываетъ и самое его наименованіе—„попечитель", полное глубокаго смысла и возстановляющее въ нашей памяти „кураторовъ" стараго московскаго университета. Попеченія о насажденіи, распространеніи и успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ ввѣренномъ ему краѣ, съ предоставленіемъ въ этомъ отношеніи полной самостоятельности и широкаго простора личнаго усмотрѣнія; авторитетность личности попечителя какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ обществѣ, въ связи съ неограниченнымъ довѣріемъ къ ней—таковы черты, приданныя должности попечителя при первоначальномъ ея учрежденіи и высоко поставившія ее въ эту, полную самыхъ широкихъ и самыхъ искреннихъ просвѣтительныхъ начинаній, пору царствованія Александра I. Попечитель не выступалъ въ роли простого начальника учебной части въ ввѣренномъ ему округѣ: въ немъ предполагали авторитетнаго друга и покровителя дѣла народнаго просвѣщенія, проникнутаго искреннимъ сознаніемъ величія своей просвѣтительной миссіи, согрѣваемаго истинною любовью къ возложенному на него дѣлу, способнаго сочувствовать образовательнымъ стремленіямъ правительства и властно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разумно, проводить ихъ въ дѣйствительную жизнь. Широкіе предѣлы иниціативы, авторитета и власти, въ которые поставленъ былъ почетный постъ попечителя учебнаго округа—открывали пути и способы къ самому рѣшительному и всестороннему вліянію попечителей на ввѣренные имъ университеты и можно смѣло сказать, что строй и направленіе университетской жизни, ученая и учебная дѣятельность университетовъ, самая даже физіономія отдѣльныхъ университетовъ—во многомъ зависѣли отъ личности попечителей, отъ склада ихъ ума, отъ направленія ихъ міровоззрѣнія, отъ степени ихъ энергіи, даже отъ общаго строя ихъ характера и темперамента. Все это оправдывается начальною исторіею нашихъ университетовъ, все это въ весьма значительной степени отразилось и на первыхъ эпохахъ жизни казанскаго университета. Такое властное и почти неограниченно-самостоятельное положеніе

попечителей могло приносить благотворные результаты въ прогрессивныя поры развитія дѣла народнаго просвѣщенія; оно являлось опаснымъ, даже пагибельнымъ, въ реакціонныя эпохи постановки этого дѣла: вспомнимъ печальной памяти эпохи Магницкаго и Рунича.....

Высокое значеніе, приданное попечителямъ александровской эпохи, предъявляло и особыя требованія по отношенію къ лицамъ, призывавшимся на эти властные и авторитетные посты. Бросимъ же взглядъ на тѣхъ лицъ, которые выступили товарищами Румовскаго по его званію попечителя учебнаго округа.

Попечителемъ московскаго учебнаго округа былъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, онъ же первый (съ 1802 года) товарищъ министра народнаго просвѣщенія и членъ начальнаго государственнаго („непремѣннаго") совѣта, про который самъ императоръ Александръ въ 1803 году писалъ Лагарпу, что въ государствѣ „всѣмъ управляетъ совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго и др." и что „нѣтъ бумаги, которая не была бы обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими" [22]. Бывшій сотрудникъ Лагарпа по воспитанію императора Александра и его наставникъ въ словесности и русской исторіи, внушавшій своему питомцу идеи „свободы и просвѣщенія, какъ главныхъ основаній, на которыхъ зиждется благосостояніе народовъ", толковавшій ему о томъ, что „свобода изслѣдованія составляетъ необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для поднятія народной нравственности"; вліятельный сановникъ, имѣвшій власть открыть исторіографу Карамзину двери запретныхъ государственныхъ архивовъ; поборникъ просвѣщенія, имя котораго славилось въ чужихъ краяхъ въ качествѣ человѣка, призваннаго „привлечь въ Россію живыя силы европейскаго ученаго міра"—въ такомъ свѣтѣ представляется намъ личность перваго попечителя московскаго учебнаго округа, ознаменовавшаго свое непродолжительное управленіе имъ рядомъ благотворныхъ мѣръ по возсозданію московскаго университета и по оживленію его ученыхъ силъ и дѣятельности [23].

Постъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа занялъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, президентъ академіи наукъ, личный другъ императора и членъ знаменитаго „тріумвирата" (Новосильцовъ, Чарторижскій и Строгоновъ), выдѣлившагося изъ среды негласнаго комитета „общественнаго спасенія" (какъ шутливо называлъ его императоръ), образовавшагося при Александрѣ I, вскорѣ послѣ восшествія его на престолъ. Выдающаяся государственная роль Новосильцова, впослѣдствіе предсѣдателя государственнаго совѣта, хорошо извѣстна въ исторіи царствованія императора Александра I.

Такимъ же крупнымъ значеніемъ пользовался въ начальную пору царствованія Александра и князь Адамъ Адамовичъ Чарторижскій, представитель рода магнатовъ, претендовавшаго на польскую корону, призванный на постъ попечителя виленскаго учебнаго округа, который онъ совмѣстилъ съ обязанностями товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Интимный членъ негласнаго „комитета общественнаго спасенія“, а затѣмъ и непремѣннаго (государственнаго) совѣта, одинъ изъ ближайшихъ къ молодому государю совѣтниковъ, Чарторижскій получилъ серьезное образованіе (въ эдинбургскомъ университетѣ), просвѣщенные плоды котораго онъ умѣлъ умно и энергично примѣнять въ своихъ отношеніяхъ къ ввѣренному ему виленскому университету.

Попечителемъ дерптскаго учебнаго округа назначенъ былъ бывшій студентъ гиссенскаго университета, крупный нѣмецкій поэтъ, поборникъ идей Руссо и другъ Гёте—Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ, германскій выходецъ екатерининской эпохи, впослѣдствіе гофмейстеръ цесаревича Павла Петровича, котораго сопровождалъ въ его путешествіи по Европѣ. Близкій ко двору человѣкъ, Клингеръ сумѣлъ удержать значеніе и въ новое царствованіе, сдѣлавшись, вмѣстѣ съ Муравьевымъ, Чарторижскимъ и др. лицами, однимъ изъ членовъ „непремѣннаго“ совѣта, игравшаго такую выдающуюся роль въ начальную пору царствованія императора Александра и державшаго въ своихъ рукахъ всѣ нити внутренней государственной политики. Клингеръ былъ уволенъ отъ должности попечителя уже въ министерство князя Голицина—за „вольномысліе“, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Карамзинъ [24].

Харьковскій учебный округъ получилъ достойнаго попечителя въ лицѣ графа Северина Осиповича Потоцкаго, имя котораго, наряду съ именемъ В. Н. Каразина, тѣсно связано съ зарожденіемъ и начальнымъ процвѣтаніемъ харьковскаго университета. Сенаторъ, кровный магнатъ по происхожденію, человѣкъ съ обширными связями и такимъ же состояніемъ, Потоцкій являлся образцомъ вельможи и государственнаго человѣка, умѣвшаго соединить просвѣщенный умъ съ призваніемъ самого горячаго поборника, насадителя и покровителя образованія; онъ стойко выступилъ въ свое время защитникомъ просвѣтительныхъ начинаній правительства противъ нападокъ, вызванныхъ въ извѣстной части общества обширными мѣропріятіями на этомъ пути вновь созданнаго министерства народнаго просвѣщенія, въ особенности же учрежденіемъ новыхъ университетовъ. Характеризуя попечительскую дѣятельность Потоцкаго, Сухомлиновъ заявлялъ, что „распространеніе наукъ и образованія было истиннымъ призва-

ніемъ Потоцкаго, дѣломъ его души и убѣжденія; всѣ отрасли знаній доступны были просвѣщенному вельможѣ, стоявшему по образованію своему на высотѣ, которая живительно дѣйствовала на юный университетъ, ввѣренный его попеченію" и „искренняя забота о которомъ не покидала Потоцкаго во все время его попечительства, гдѣ бы онъ ни былъ: въ собраніи ли иностранныхъ академиковъ, на придворномъ ли балѣ одной изъ блестящихъ европейскихъ столицъ, или въ скромномъ уголкѣ Украины".... Что касается его мѣропріятій по сформированію для вновь созидаемаго харьковскаго университета преподавательскаго персонала, то въ этомъ отношеніи выборъ Потоцкаго отличался особенною дѣятельностью и особымъ счастьемъ, съ самого начала обезпечивъ университету удачный подборъ представителей кафедръ. Самостоятельность и смѣлость политическаго міровоззрѣнія и характера графа Потоцкаго ярко очерчиваются его громкимъ сенатскимъ инцидентомъ начала 1803 года [25].

Такова была далеко недюжинная плеяда вновь назначенныхъ попечителей учебныхъ округовъ, сгруппировавшаяся при главномъ правленіи училищъ. Къ этимъ то людямъ блеска, мужамъ „ума и совѣта", полнымъ жизни, энергіи и сознанія окружающаго ихъ авторитетнаго обаянія, суждено было примкнуть скромному попечителю казанскаго учебнаго округа С. Я. Румовскому, въ то время уже доживавшему седьмой десятокъ лѣтъ своей жизни.

Мало общаго соединяло Румовскаго съ блестящими вельможами, взявшими въ свои руки дѣло русскаго просвѣщенія. Научный дѣятель, упорнымъ трудомъ пробившій себѣ путь отъ школьной семинарской скамьи до вице-президентскаго кресла въ академіи наукъ, Румовскій не имѣлъ за собою ни громкаго имени, ни связей, ни почестей, ни богатства, ни чиновъ и знаковъ отличія [26],—не имѣлъ за собою ничего изъ той совокупности условій внѣшняго характера, которыми характеризовались „вельможные люди" блестящаго екатерининскаго вѣка и которыя въ изобиліи достались на долю его сотоварищей по новому роду службы. Человѣкъ кабинетнаго труда, а не карьеры, Румовскій не имѣлъ самостоятельности и авторитетности, которыя являлись необходимымъ аттрибутомъ возложенной на него должности; едва ли въ состояніи былъ онъ идти въ уровень просвѣтительнаго движенія, съ такою силою одушевлявшаго въ ту пору его сослуживцевъ по главному правленію училищъ; едва ли могъ онъ сочувствовать новымъ вѣяніямъ начала царствованія императора Александра; едва ли могъ онъ, наконецъ, искренне мириться и съ тѣми новыми формами, въ которыя готовилась облечься русская наука во вновь

созидаемыхъ образовательныхъ учрежденіяхъ, одно изъ которыхъ ввѣрялось его непосредственному вѣданію и попеченію. Взвѣшивая всѣ эти соображенія, мы близко подойдемъ къ объясненію тѣхъ особенностей, которыми запечатлѣлась начальная жизнь казанскаго университета въ эпоху попечительства Румовскаго. Эти особенности много зависѣли отъ условій мѣстнаго характера, о которыхъ мы уже упоминали и къ которымъ будемъ имѣть еще случай возвратиться, но не въ меньшей степени зависѣли онѣ и отъ личности самого попечителя: вырванный изъ тишины своего петербургскаго рабочаго кабинета, не видавшій русской провинціи со времени своей ученой кольской экспедиціи, совершенно незнакомый съ громаднымъ и своеобразнымъ краемъ, ввѣреннымъ его попеченію,—мало того, „человѣкъ ученый, но не понимавшій назначенія университета", какъ характеризовалъ его впослѣдствіе профессоръ Фуксъ,—Румовскій оказался выбитымъ изъ тихой колеи своей семидесятилѣтней жизни и, совершенно неподготовленный къ новой дѣятельности, довѣрчиво бросился въ объятія перваго ловкаго дѣльца-интригана, разгадавшаго характеръ и положеніе новаго попечителя и сумѣвшаго запутать его въ своихъ сѣтяхъ. Такой дѣлецъ нашелся въ лицѣ заправилы казанской гимназіи И. Ѳ. Яковкина—имя котораго стоитъ самымъ тѣснымъ образомъ связаннымъ съ первою эпохою начальной жизни казанскаго университета.

Вторая половина 1804 года, ознаменованная утвержденіемъ устава казанскаго университета, застала Румовскаго въ разгарѣ заботъ по предстоявшему открытію университета и по сформированію его личнаго состава. Особенно должна была удручать его послѣдняя задача, тѣмъ болѣе, что выполненіе ея было всецѣло возложено, какъ мы это уже знаемъ, на самихъ попечителей, а сослуживцы-попечители успѣли предупредить Румовскаго въ этомъ отношеніи; да и сами аспиранты на кафедры далеко не привѣтливо смотрѣли на службу въ Казани,—чуть ли не въ Азіи,—и охотнѣе шли въ западно-русскіе университеты, не выключая и вновь открываемаго харьковскаго, которому, не въ примѣръ казанскому университету, удалось открыться 17-го января 1805 года въ составѣ девяти профессоровъ, одиннадцати адъюнктовъ, одного лектора и четырехъ преподавателей. Положеніе оказывалось критическимъ: уставъ казанскаго университета—подписанъ, главное правленіе училищъ настаиваетъ на скорѣйшемъ его открытіи, а людей для него—нѣтъ, или же таковые предвидятся лишь въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Правда, еще съ февраля 1804 года числится при казанской гимназіи профессоръ in spe, Цеплинъ, уже пользующійся этимъ званіемъ и съ начала осенняго полугодія даже занявшій въ гимназіи

„пріуготовительный профессорскій классъ“, тѣмъ не менѣе открытымъ оставался передъ казанскимъ попечителемъ роковой вопросъ о замѣщеніи если не всѣхъ остальныхъ двадцати семи кафедръ, то хотя части изъ нихъ, что бы, такъ или иначе, хотя бы только и формально, но получить возможность совершить актъ открытія университета. А тамъ—что будетъ.....

На такомъ рѣшеніи формальнаго открытія университета Румовскій и остановился, обративъ свои взоры на тоже самое учебное заведеніе, которое послужило и стимуломъ основанія казанскаго университета—на казанскую гимназію. Было предрѣшено, что казанская гимназія на первое время пріютитъ въ своихъ нѣдрахъ нарождающійся университетъ, что гимназическая администрація приметъ на себя руководительство начальными шагами новаго учебнаго заведенія, что таже гимназія дастъ университету и первый контингентъ преподавателей. Созрѣвала идея странной комбинаціи, едва ли имѣющей себѣ примѣръ въ исторіи университетскаго дѣла и на цѣлое почти десятилѣтіе задержавшей полное открытіе казанскаго университета.

Трудно сказать, какими путями могла зародиться въ Румовскомъ мысль объ этой необыкновенной комбинаціи. Мы врядъ ли ошибемся, однако, предположивъ, что рѣшеніе Румовскаго, принятое и министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ П. В. Завадовскимъ, было не вполнѣ чуждо вліянія на него Яковкина, исправлявшаго въ то время должность директора казанской гимназіи. Яковкинъ въ эпоху открытія казанскаго университета былъ звѣздою первой, хотя и не всегда безукоризненно яркой, величины на педагогическомъ горизонтѣ Казани и пользовался полнымъ фаворомъ и довѣріемъ въ правящихъ сферахъ округа, иначе говоря—въ глазахъ попечителя Румовскаго. Та выдающаяся роль, какую суждено было сыграть Яковкину въ начальныхъ судьбахъ казанскаго университета, обязываетъ насъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на этой интересной личности, въ теченіи ряда лѣтъ узурпировавшей въ новорожденномъ университетѣ ректорское достоинство и самоувѣренно почитавшей себя alter ego престарѣлаго казанскаго попечителя.

Илья Өедоровичъ Яковкинъ родился въ 1764 году въ семьѣ священника села Богородскаго, бывшаго обвинскаго, а нынѣ соликамскаго уѣзда пермской губерніи. Происхожденіе отца Яковкина намъ неизвѣстно, но врядъ ли возможно сомнѣваться въ томъ, что онъ происходилъ изъ мѣстныхъ инородцевъ; къ увѣренности въ этомъ невольно приводятъ черты лица Ильи Өедоровича (см. прилагаемый къ настоящей книгѣ портретъ его), да и самъ бывшій директоръ казанской гимназіи любилъ называть себя „пермякомъ“. Получивъ элементарное обученіе въ домѣ своего дяди,

Илья Өеодоровичъ
Яковкинъ
профессоръ-директоръ университета.
(23 января 1805 г.—5 августа 1819 г.)

игумена соликамскаго Вознесенскаго монастыря, восьмилѣтній Яковкинъ былъ опредѣленъ (въ 1772 году) въ вятскую духовную семинарію, во время пребыванія въ которой самостоятельно занимался изученіемъ новыхъ языковъ и притомъ настолько успѣшно, что оказался въ состояніи перевести съ французскаго языка исторію Роберта, герцога нормандскаго, впослѣдствіе даже напечатанную („Исторія Роберта, герцога нормандскаго, прозваннаго Діаволомъ“, СПб. 1785). Окончивъ въ 1782 году семинарскій курсъ, Яковкинъ получилъ въ той же семинаріи должность учителя русской, славянской и латинской грамматики и географіи, но уже въ слѣдующемъ 1783 году вызванъ былъ въ Петербургъ по указу свят. синода, одновременно съ цѣлою партіею молодыхъ людей семинарскаго образованія, для пополненія комплекта учениковъ педагогическихъ курсовъ, учрежденныхъ при мѣстномъ главномъ народномъ училищѣ и вскорѣ переименованныхъ въ учительскую семинарію. Прослушавъ здѣсь рядъ курсовъ различныхъ наукъ (математики и физики—у проф. Головина, естественной исторіи—у академика Зуева, всеобщей и русской исторіи и географіи—у проф. Гакмана), Яковкинъ 20 августа 1786 году удостоенъ, по экзамену, званія „учителя высшихъ разрядовъ по историческимъ и географическимъ предметамъ“ и съ этого года открывается двѣнадцатилѣтній періодъ его петербургской педагогической дѣятельности: съ 1787 года мы видимъ его преподавателемъ исторіи, географіи, русскаго и латинскаго языковъ въ придворномъ „пѣвческомъ корпусѣ“, а съ 1789 года, сверхъ того, и въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ онъ преподавалъ также естественную исторію и языки французскій и нѣмецкій. Въ концѣ 1798 года совершилось, какъ мы это уже видѣли, открытіе возстановленной казанской гимназіи, для которой формировался учительскій персоналъ. Въ число учителей возстановленной гимназіи былъ 10-го января 1799 года опредѣленъ и Яковкинъ, которому порученъ здѣсь историческій и географическій классъ. Съ этой то поры и открывается двадцатилѣтній казанскій періодъ учебной службы Яковкина, завершившійся, какъ мы это впослѣдствіе увидимъ, увольненіемъ его въ 1819 году отъ университетской службы вмѣстѣ съ нѣсколькими другими профессорами, признанными ревизіею Магницкаго или неблагонадежными, или негодными. Судьба Яковкина, послѣ увольненія его изъ казанскаго университета, будетъ нами въ своемъ мѣстѣ возстановлена.

Переходя на службу въ Казань, Яковкинъ пользовался уже извѣстнымъ именемъ въ современномъ педагогическомъ мірѣ и въ педагогической литературѣ, не мало потрудившись въ петербургскую пору своей службы надъ составленіемъ учебниковъ—дѣло, которое онъ велъ, подъ ближайшимъ

руководствомъ извѣстнаго педагога екатерининской эпохи Янковича де-Миріево, для коммиссіи о народныхъ училищахъ. Къ этого рода трудамъ Яковкина относятся слѣдующіе: „Зрѣлище свѣта или всемірное землеописаніе“ (СПб. 1789), имѣвшее, въ качествѣ учебника географіи, нѣсколько послѣдующихъ передѣланныхъ изданій; „Словарь французскихъ реченій первообразныхъ... съ нѣмецкимъ, латинскимъ и россійскимъ переводами и пр.“ (СПб. 1796); „Лѣтосчислительное изображеніе исторіи знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ“ (хронологическія таблицы, СПб. 1794); „Лѣтосчислительное изображеніе древней всемірной исторіи“ (тоже, СПб. 1798) и „Лѣтосчислительное изображеніе россійской исторіи“ (тоже, СПб. 1798). Послѣдніе три труда послужили Яковкину основою для составленія учебниковъ всемірной (1798) и краткой россійской (1799) исторій. Хронологическія таблицы и учебникъ русской исторіи удостоились вниманія Шлецера, который перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ, привѣтствовавъ въ учебникѣ Яковкина „первый опытъ изложенія русской исторіи, достойный перевода на иностранные языки“, въ которомъ авторъ „при выборѣ фактовъ обнаружилъ тактъ, достойный современнаго ученаго“; знаменитый академикъ снабдилъ свой переводъ рядомъ и другихъ похвалъ по адресу Яковкина, подъ перомъ Шлецера что нибудь да значившихъ. Перемѣщеніе въ Казань застигло Яковкина среди работъ по переводу русской исторіи Стриттера, предпринятаго имъ по порученію той же коммиссіи о народныхъ училищахъ, четыре года спустя преобразованной въ главное правленіе училищъ. [27] Мы намѣренно остановились на подробномъ перечисленіи трудовъ Яковкина, такъ какъ эти труды даютъ нѣкоторое освѣщеніе тому, съ перваго взгляда загадочному, пути, который черезъ нѣсколько лѣтъ привелъ его къ университетской кафедрѣ.

Мы не имѣемъ никакихъ непосредственныхъ указаній на тѣ обстоятельства, при которыхъ завязались первоначальныя, впослѣдстіе столь тѣсныя и кордіальныя, отношенія между Румовскимъ и Яковкинымъ. Сухомлиновъ дѣлаетъ вскользь замѣчаніе, что „Румовскій лично зналъ Яковкина“; проф. Буличъ отказывается дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о томъ—„былъ ли Яковкинъ лично извѣстенъ въ Петербургѣ Румовскому“. Возможность ранняго личнаго знакомства съ Яковкинымъ будущаго попечителя казанскаго учебнаго округа не заключаетъ въ себѣ не только ничего невозможнаго, но, напротивъ, имѣетъ за собою, на нашъ взглядъ, весьма много вѣроятнаго: многолѣтніе труды Яковкина въ коммиссіи училищъ, подъ руководствомъ Янковича де-Миріево, должны были если не сблизить его съ ученымъ міромъ столицы, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать

имя его въ немъ извѣстнымъ, чему могла въ значительной степени содѣйствовать преподавательская дѣятельность Яковкина въ такомъ видномъ учебномъ заведенiи, какимъ являлся пажескiй корпусъ; дѣятельность же Румовскаго стояла въ самой тѣсной связи съ академiею наукъ, высшимъ ученымъ учрежденiемъ Россiи, и на этой почвѣ будущiй казанскiй попечительскiй alter ego могъ уже очень рано сдѣлаться лично извѣстнымъ своему принципалу. Вспомнимъ, наконецъ, что коммиссiя училищъ, въ вѣдомствѣ которой трудился Яковкинъ, съ самаго своего учрежденiя (въ 1782 г.) состояла подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, впослѣдствiе перваго министра народнаго просвѣщенiя; что самая коммиссiя эта преобразовалась въ началѣ 1803 года въ главное правленiе училищъ, членами котораго сдѣлались и Янковичъ де-Мирiево, бывшiй руководитель Яковкина по коммиссiи училищъ, и Румовскiй, принципалъ его по казанскому учебному округу....

Открывается, такимъ образомъ, нѣсколько точекъ соприкосновенiя, которыя могли завязать отношенiя между Румовскимъ и Яковкинымъ еще до личнаго, уже казанскаго, знакомства между ними—отношенiя, сдѣлавшiяся еще болѣе непосредственными послѣ инцидента, разыгравшагося въ казанской гимназiи лѣтомъ 1804 года. Рѣчь идетъ здѣсь о томъ, вызванномъ внутренними гимназическими нестроенiями, „возмущенiи" среди старшихъ воспитанниковъ гимназiи, о которомъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ С. Т. Аксаковъ и подробности котораго еще недавно печатно изложены были, по архивнымъ даннымъ, профессоромъ Д. И. Нагуевскимъ [28]. Яковкинъ, бывшiй въ то время инспекторомъ, сумѣлъ благополучно успокоить возмущенную гимназическую молодежь въ то самое время, когда директоръ гимназiи Лихачевъ позорно бѣжалъ отъ гимназистовъ, а остальныя власти окончательно растерялись, и рядомъ осторожныхъ распоряженiй водворилъ въ гимназiи порядокъ, за что вскорѣ удостоился „особливой" благодарности попечителя, какъ „наиболѣе споспѣшествовавшiй благоразумiемъ своимъ къ успокоенiю волнующихся воспитанниковъ". Платоническимъ выраженiемъ попечительской благодарности дѣло не ограничилось, какъ это, безъ сомнѣнiя, и входило въ разсчеты Яковкина: 3-го октября 1804 года Яковкину поручено временное исправленiе обязанностей уволеннаго директора Лихачева, 18-го ноября того же года состоялось формальное назначенiе его исправляющимъ должность директора казанской гимназiи, а 22-го мая 1805 года Яковкинъ, въ то время уже профессоръ университета, былъ утвержденъ и ея директоромъ.

Директорскія обязанности открыли Яковкину широкій путь къ личной перепискѣ его съ попечителемъ; до насъ дошли письма Яковкина къ Румовскому, писанныя въ промежутокъ времени 1804—1812 годовъ, съ отвѣтными письмами на нихъ (частью и письмами самостоятельнаго характера) Румовскаго. Эти письма, въ количествѣ 391-го (въ томъ числѣ 289 писемъ Яковкина и 102 письма Румовскаго), хранящіяся въ архивѣ казанскаго университета, представляютъ въ высокой степени цѣнный матеріалъ для начальной исторіи казанскаго университета и сохранились совершенно случайно *. Въ настоящее время они хранятся въ университетскомъ архивѣ, вмѣстѣ съ систематизированными матеріалами (преимущественно также письмами) для біографій профессоровъ казанскаго университета за тотъ же промежутокъ времени, подъ общею рубрикою: „Собраніе писемъ и біографическихъ матеріаловъ первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета". Письма Яковкина изъ этого собранія, относящіяся къ концу 1804 года, касаются, собственно, гимназическихъ дѣлъ; но не представляется ничего невозможнаго, а представляется, напротивъ, много вѣроятнаго, въ томъ, что переписка между директоромъ гимназіи и попечителемъ учебнаго округа затрогивала въ письмахъ, до насъ не дошедшихъ, и вопросы, связанные съ предстоящимъ открытіемъ въ Казани университета, и что Яковкинъ, какъ мы предположили это выше, не былъ совершенно чуждъ идеѣ упрощеннаго начальнаго типа казанскаго универ-

* Исторія этого собранія писемъ довольно любопытна. Въ маѣ 1816 года профессоръ Кондыревъ, исправлявшій въ то время обязанности правителя канцеляріи попечителя Салтыкова, донесъ совѣту, что при сдачѣ въ университетскій архивъ дѣлъ попечительской канцеляріи, онъ нашелъ среди нихъ цѣлое собраніе частныхъ писемъ къ умершему попечителю Румовскому. «Находя неприличнымъ быть онымъ между сими дѣлами,—докладывалъ совѣту проф. Кондыревъ,—доносилъ я его превосходительству г. попечителю,—не благоугодно ли будетъ ему приказать письма сіи, въ присутствіи г. ректора и секретаря совѣта, а равно и моемъ, предать огню, на что его превосходительство и изъявилъ свое согласіе». Совѣтъ не раздѣлилъ щепетильнаго взгляда на дѣло Салтыкова и Кондырева и опредѣлилъ письма эти хранить въ архивѣ—и только эта счастливая случайность спасла отъ гибели переписку, нынѣ представляющую собою драгоцѣнный памятникъ начальной исторіи казанскаго университета, хотя и имѣются основанія предполагать, что часть составлявшихъ ее писемъ, такъ или иначе, но все таки безслѣдно изчезла (см. архивъ каз. унив., дѣло 1816 г., Сов., № 168). Мы имѣемъ свидѣтельство самого попечителя Салтыкова о томъ, что онъ сжегъ письма своего предшественника Румовскаго. Сравнивая себя съ соперникомъ Юлія Цезаря, Помпеемъ, Салтыковъ писалъ проф. Броннеру въ 1816 году: «Pompée brûla les lettres de Sertorius—j'ai livré aux flammes celles de mon prédécesseur»; возможно, впрочемъ, что эти слова относятся къ разрѣшенію сжечь переписку Румовскаго, данному имъ Кондыреву (Д. И. Нагуевскій: «Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка», см. письмо Салтыкова къ Броннеру подъ № IX, стр. 312).

Собраніе писемъ Яковкина и Румовскаго будетъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ нашего послѣдующаго изложенія.

ситета, который созрѣвалъ въ мысляхъ Румовскаго, которому скоро суждено было осуществиться на дѣлѣ и при которомъ выпадала на его, Яковкина, долю такая властная и видная роль въ общемъ строѣ университетской жизни.

Какъ бы то ни было, но первое и уже совершенно обоснованное представленіе Румовскаго относительно открытія казанскаго университета—въ вполнѣ опредѣленныхъ чертахъ намѣчаетъ намъ его будущую примитивную организацію. Это представленіе, датированное отъ 20-го декабря 1804 года и поданное министру графу П. В. Завадовскому, найдено нами въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія:

„Ко исполненію Высочайше конфирмованнаго устава Казанскаго университета безъ профессоровъ приступить и наполнить мѣста ихъ инако невозможно, какъ современемъ,—читаемъ въ этомъ представленіи.— Что бы сдѣлать ему начало, имѣю честь предоставить на утвержденіе Вашего Сіятельства:

I. Учителя исторіи и географіи Россійской Имперіи, инспектора надъ классами Казанской гимназіи Илью Яковкина, знанія свои оказавшаго изданными сочиненіями, до сего предмета касающимися—въ званіе профессора исторіи, географіи и статистики Россійской Имперіи.

II. Пермской врачебной управы оператора штабъ-лекаря Ивана Протасова, представившаго въ Медицинскую коллегію разныя сочиненія и оною одобренныя (коихъ при семъ имѣю честь приложить списокъ, * и отъ многихъ мѣстъ имѣющаго свидѣтельства въ искусствѣ преподавать наставленія—въ званіе профессора патологіи, ѳерапіи (sic) и клиники. Онъ въ Перми съ похвалою и къ удовольствію начальниковъ обучалъ въ тамошней семинаріи и на заводахъ ботаникѣ и естественной исторіи: почему на первый случай можетъ онъ въ гимназіи преподавать наставленія въ ботаникѣ и въ естественной исторіи.

Учителей, преподаваніемъ въ Казанской гимназіи наставленій въ теченіи пяти лѣтъ достаточное знаніе и прилежность оказавшихъ:

1) Григорія Карташевскаго, обучающаго высшей математикѣ и раченіемъ отличавшагося—въ званіе адъюнкта высшей математики.

2) Генрика Ериха, по основательному знанію языковъ нѣмецкаго, французскаго и латинскаго, англинскаго, итальянскаго и греческаго—въ званіе адъюнкта древностей, латинскаго и греческаго языка.

3) Льва Левицкаго, обучающаго въ гимназіи логикѣ, нравоученію и россійскому языку—въ званіе адъюнкта умозрительной и практической философіи.

---

* См. въ концѣ книги приложеніе III.

4) Ивана Запольскаго, учителя прикладной математики и опытной физики, коего сочиненіе „De summo bono" одобрено дерптскимъ университетомъ—въ званіе адъюнкта прикладной математики и опытной физики".

Таковъ былъ составъ преподавателей, рекомендованный попечителемъ Румовскимъ для университета еще въ концѣ декабря 1804 года. Разсматривая этотъ составъ, мы увидимъ, что, за исключеніемъ штабъ-лекаря Протасова, онъ образовался изъ учительскаго персонала казанской гимназіи, съ Яковкинымъ во главѣ; къ этому комплекту гимназическихъ преподавателей, которые всѣ начали свою дѣятельность въ ней уже съ перваго (1799-го) года жизни возстановленной гимназіи, слѣдуетъ добавить Цеплина, еще въ началѣ 1804 года опредѣленнаго, какъ мы знаемъ, въ казанскую гимназію, съ цѣлью занять въ свое время университетскую каѳедру всеобщей исторіи, географіи и статистики.

Какими путями могъ попасть въ списокъ Румовскаго пермскій операторъ Протасовъ, въ качествѣ единственнаго представителя будущаго медицинскаго факультета, на возможность скораго открытія котораго не разсчитывалъ, повидимому, и самъ попечитель, предполагая временно занять Протасова преподаваніемъ въ гимназіи естествознанія? Мы едва ли ошибемся, предположивъ въ данномъ случаѣ „земляческую" добрую услугу Яковкина, постоянно поддерживавшаго сношенія съ родиною и бывшаго извѣстнымъ пермскимъ магнатамъ и горнозаводчикамъ Строгоновымъ, съ управляющимъ которыхъ онъ состоялъ даже въ родственныхъ связяхъ. Вспомнимъ ссылку попечителя на преподаваніе Протасова въ пермской семинаріи и на горныхъ заводахъ, на аттестацію его мѣстнымъ начальствомъ—и участіе пермяка Яковкина въ дѣлѣ кандидатуры на каѳедру пермскаго штабъ-лекаря станетъ для насъ внѣ всякихъ сомнѣній, какъ и его участіе въ дѣлѣ устройства адъюнктуръ своимъ сослуживцамъ по гимназіи [29].

Представляя на усмотрѣніе министра свой списокъ, Румовскій, видимо, и самъ не могъ предусмотрѣть точнаго времени открытія университета, въ виду чего онъ и предлагаетъ, что бы кандидаты его, „доколѣ университетъ не откроется, преподавали наставленія воспитанникамъ казанской гимназіи, которые, по учиненіи надлежащаго испытанія, окажутся способными къ слушанію ихъ наставленій". На этотъ конецъ „должны они составить программу лекцій и, начавъ оныя съ 1805 года, продолжать до того времени, доколѣ не послѣдуетъ раздѣленія на студентовъ и гимназистовъ; воспитанникамъ, меньшіе успѣхи оказавшимъ, продолжать будутъ наста-

вленія прочіе учители гимназіи". Мы вправѣ вывести отсюда заключеніе, что, не расчитывая еще на скорое открытіе университета, попечитель имѣлъ на первое время въ виду открыть при гимназіи такіе же „профессорскіе классы", какой уже съ августа 1804 года велъ въ ней профессоръ Цеплинъ. Тѣмъ не менѣе, въ видахъ того, что представляемые имъ къ утвержденію профессоры и адъюнкты, равно какъ и профессоръ Цеплинъ, „должны получать жалованье изъ суммы, на казанскій университетъ пожалованной" и что, сверхъ того, „для надлежащаго открытія университета должно будетъ дѣлать разныя пріуготовленія", попечитель ходатайствуетъ, что бы „положенная на казанскій университетъ сумма съ 1805 года отпускаема была по требованію конторы гимназіи, а когда университетъ откроется—по требованію правленія университета".

Покончивъ, такимъ образомъ, съ вопросомъ о начальномъ личномъ составѣ будущаго университета и съ вопросомъ финансовымъ, Румовскій переходитъ въ своемъ представленіи къ вопросамъ характера административнаго, предлагая воспользоваться уже имѣющимся на лицо административнымъ строемъ гимназіи и тѣмъ самымъ заранѣе обрекая новорожденный университетъ ферулѣ директора гимназіи, т. е. Яковкина:

„При Казанской гимназіи, нынѣ существующей по уставу 1798 года,—докладываетъ попечитель,—находится совѣтъ, располагающій учебною частью, а для управленія хозяйственною—контора, подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи; члены совѣта суть учители верхнихъ классовъ, а конторы—казначей и экономъ". Не усматривая „лучшаго способа" къ начальному управленію университета, „какъ слѣдовать высочайше утвержденному гимназіи уставу, доколѣ не сыщется нужное число людей, достойныхъ званія профессорскаго и довольное къ открытію по надлежащему университета", Румовскій и предлагаетъ нѣкоторую модификацію гимназическаго строя въ томъ смыслѣ, что „совѣтъ гимназіи составлять будутъ профессоры и адъюнкты, а контору—директоръ гимназіи, казначей и одинъ членъ, совѣтомъ изъ своего сословія избранный и мною утвержденный, подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи". Извѣстно, что эта организація университета, принаровленная къ уставу гимназіи 1798 года, была принята и просуществовала вплоть до 1814 года, когда послѣдовало давно ожидаемое полное открытіе университета; хотя совѣту въ 1812 году (23-го мая) и было разрѣшено именоваться уже не „совѣтомъ гимназіи", но „совѣтомъ при казанскомъ университетѣ", за то контора гимназіи оставалась во главѣ исполнительной и хозяйственной дѣятельности университета до его

полнаго открытія, когда образовалось положенное уставомъ университетское правленіе, слѣдовательно до этой поры продолжала доминировать въ университетѣ и власть директора гимназіи, иначе говоря—Яковкина, предсѣдательствовавшаго и въ совѣтѣ, и въ конторѣ.

Отвѣтъ на представленіе Румовскаго послѣдовалъ со стороны министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго лишь мѣсяцъ слишкомъ спустя—23-го января 1805 года (за № 24-мъ). Это объясняется тѣмъ, что графъ Завадовскій счелъ необходимымъ довести предположенія Румовскаго до свѣдѣнія главнаго правленія училищъ, которымъ 12-го января 1805 года они и были заслушаны—но въ качествѣ положеній, министромъ уже одобренныхъ, такъ что главному правленію оставалось лишь принять все сообщенное ему министромъ только къ свѣдѣнію. Въ своемъ отвѣтѣ министръ увѣдомляетъ попечителя объ утвержденіи имъ Яковкина, Карташевскаго, Эриха, Левицкаго и Запольскаго, съ назначеніемъ имъ жалованья въ размѣрѣ: первому—2-хъ тысячъ, остальнымъ—по 800 рублей въ годъ; увѣдомляетъ его и о томъ, что впредь „отпускаться будутъ, по требованію попечителя, деньги и изъ остальной суммы, на университетъ положенной, на тѣ надобности, которыя могутъ для университета встрѣтиться". Что касается утвержденія Протасова, то графъ Завадовскій вошелъ по этому поводу въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ котораго тотъ числился. Протасову не выпала, однако, на долю честь открыть собою послѣдующій столѣтній перечень представителей медицинскаго знанія въ казанскомъ университетѣ: утвержденный 24-го марта 1805 года (предложеніе отъ того же числа за № 146-мъ) профессоромъ, „съ назначеніемъ жалованья въ 1500 р. впредь до открытія университета", Протасовъ скончался въ Перми 10-го апрѣля и дальнѣйшая память о немъ сохранилась въ архивныхъ дѣлахъ лишь въ перепискѣ по поводу судьбы денегъ (66½ рублей), причитавшихся ему за семнадцать дней его номинальной профессорской службы [30].

Въ высшей степени любопытнымъ является то обстоятельство, что въ своемъ отвѣтѣ на представленіе попечителя, министръ, утвердивъ остальныя предположенія его, ни однимъ словомъ не обмолвился по поводу предположеній Румовскаго относительно открытія университета въ его упрощенномъ и урѣзанномъ видѣ: онъ какъ бы не отклоняетъ этихъ предположеній, въ сущности имъ уже принятыхъ, но не даетъ имъ и своей гласной санкціи. Ясно, что графъ Завадовскій прекрасно понималъ всю нелѣпость и даже неправомѣрность этой румовско-яковкинской комбинаціи, сразу ставившей строй казанскаго университета въ рѣзкое и непри-

миримое противорѣчіе съ только что высочайше утвержденнымъ для него уставомъ и съ всемилостивѣйше дарованною ему, тогда же и тѣмъ же графомъ Завадовскимъ контрассигнованною, утвердительною грамотою, въ которой императоръ Александръ Павловичъ „словомъ за Насъ и за Преемниковъ Нашихъ" торжественно гарантировалъ права университета и выражалъ надежду, что „начальство и члены онаго, ревнуя о совершеніи Нашихъ намѣреній, ничего не упустятъ изъ виду, дабы доставить сословію сему полное и непрерывное дѣйствіе на пользу округа, которому оно дано средоточіемъ, и купно на пользу прочихъ любезнѣйшихъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всѣхъ званій". Графу Завадовскому оставалось лишь сквозь пальцы смотрѣть на затѣи Румовскаго, что онъ и сдѣлалъ, тѣмъ самымъ оправдавъ слова, высказанныя о немъ въ 1802 году императоромъ Александромъ въ одномъ изъ писемъ къ Лагарпу, въ которомъ Александръ писалъ своему воспитателю, что только частыя сношенія его съ непремѣннымъ совѣтомъ, въ особенности же съ Клингеромъ и Чарторижскимъ— „мѣшаютъ министру (т. е. Завадовскому) ставить какія либо преграды добру, которое мы стараемся дѣлать" [31]. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ тому вѣроятному заключенію, что уродливое состояніе казанскаго университета въ эпоху 1805—1813 годовъ было дѣломъ факта, личнаго усмотрѣнія, не только стоявшаго въ разрѣзъ съ закономъ, но не облеченнаго санкціею хотя бы только министерства народнаго просвѣщенія. Не представлялось, поэтому, ничего неожиданнаго въ томъ, что вскорѣ послѣ увольненія гр. Завадовскаго (11 апрѣля 1810 г.) и тотчасъ же послѣ смерти попечителя Румовскаго († 8 іюля 1812 г.) выдвинутъ былъ вопросъ о неотложной реорганизаціи казанскаго университета въ духѣ и на точныхъ основаніяхъ устава 5-го ноября 1804 года.

Немногочисленный личный составъ будущаго казанскаго университета былъ, какъ мы только что видѣли это, сформированъ уже къ концу января 1805 года. Оставалось лишь открыть, такъ или иначе, самый университетъ.

Прежде, однако, нежели перейти къ разсказу объ этомъ событіи, цѣлесообразнымъ считаемъ привести нѣсколько краткихъ біографическихъ свѣдѣній о тѣхъ лицахъ, которымъ суждено было положить собою начало казанскому университетскому „сословію". Относительно Яковкина задача эта нами уже выполнена; Протасовъ лишь безслѣдно промелькнулъ на зарѣ нарождавшагося университета, — слѣдовательно рѣчь должна у насъ идти лишь о профессорѣ Цеплинѣ и о четырехъ адъюнктахъ (Кар-

ташевскомъ, Эрихѣ, Левицкомъ и Запольскомъ), назначенныхъ изъ учителей казанской гимназіи.

Петръ Даніилъ Фридрихъ Цеплинъ (Zäpelihn), носившій русское имя Петра Андреевича, мекленбургскій уроженецъ, родился въ 1772 году въ г. Ростокѣ и образованіе получилъ въ ростокскомъ и геттингенскомъ университетахъ, удостоившись въ 1801 году степени доктора философіи, хотя научно-литературная дѣятельность Цеплина еще раньше ознаменовалась двумя печатными трудами, изъ которыхъ первый, изъ области классической римской словесности и составленный имъ совмѣстно съ Далемъ, относится еще къ студенческой порѣ его жизни (1791 г.), а второй, посвященный вопросу о варинахъ, изданъ въ 1797 году. Переселившись въ исходѣ 1795 года въ Остзейскій край, Цеплинъ сталъ заниматься разработкою матеріаловъ по его исторіи и здѣсь то завязались у него отношенія, открывшія ему дорогу къ русской ученой службѣ и доставившія ему мѣсто въ казанской гимназіи, а слѣдомъ затѣмъ и кафедру въ казанскомъ университетѣ. Обстоятельства, при которыхъ совершилось назначеніе Цеплина въ Казань, намъ уже извѣстны. Занявъ въ казанскомъ университетѣ, по его открытіи, кафедру всемірной исторіи, статистики и географіи, Цеплинъ выступилъ въ совѣтѣ ярымъ и непримиримымъ противникомъ директора Яковкина, отплачивавшаго ему такою же непріязнью, выставлявшаго его въ глазахъ начальства „высокимъ и главнымъ крикуномъ", человѣкомъ „безпокойнымъ и дерзкимъ", душою и руководителемъ партіи, протестовавшей противъ директора и противъ университетскаго режима. Столкновенія Цеплина съ Яковкинымъ, которыя въ своемъ мѣстѣ будутъ предметомъ нашего повѣствованія, имѣли своимъ результатомъ устраненіе Цеплина отъ участія въ совѣтѣ, а затѣмъ, въ концѣ 1806 года, и совершенное удаленіе его изъ университета. Вновь опредѣленный въ казанскій университетъ осенью 1813 года, на этотъ разъ уже на кафедру дипломатики и политической экономіи, Цеплинъ въ продолженіи ряда лѣтъ несъ званіе декана отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ и былъ вторично, и на этотъ разъ уже окончательно, уволенъ изъ казанскаго университета въ августѣ 1819 года, одновременно съ своимъ врагомъ Яковкинымъ, при массовомъ увольненіи Магницкимъ профессоровъ. Въ 1823 году, послѣ четырехъ лѣтъ пребыванія въ отставкѣ, Цеплинъ былъ опредѣленъ библіотекаремъ адмиралтейскаго департамента, а въ 1827 году переименованъ библіотекаремъ гидрографическаго депо морского министерства; послѣднюю должность бывшій казанскій профессоръ несъ до самой своей кончины († 13 іюля 1832 года), послѣдовавшей отъ осложнившагося

горячкою „паралича лѣвой щеки съ помѣшательствомъ ума". Подробныя свѣдѣнія о жизни и научной дѣятельности П. А. Цеплина даются его біографомъ, профессоромъ казанскаго университета Д. И. Нагуевскимъ, къ монографіямъ котораго о Цеплинѣ мы интересующихся и направляемъ [32].

Григорій Ивановичъ Карташевскій, сынъ малороссійскаго священника изъ дворянъ, производившаго свой родъ отъ какого то турецкаго выходца, родился въ 1779 году. Среднее образованіе получилъ въ московской дворянской гимназіи, а высшее (съ 1796 г.) въ московскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ былъ 19 января 1799 года опредѣленъ учителемъ математики въ возстановлявшуюся въ то время казанскую гимназію, а 23-го января 1805 года назначенъ въ казанскій университетъ адъюнктомъ высшей математики. Симпатичная личность Карташевскаго въ свѣтлыхъ чертахъ возстаетъ передъ нами въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова, въ бытность казанскимъ гимназистомъ и студентомъ жившаго у него пансіонеромъ и сохранявшаго всю жизнь благоговѣйное уваженіе къ своему воспитателю, съ которымъ впослѣдствіе связали его и узы свойства, такъ какъ Карташевскій женился на сестрѣ Аксакова; человѣкъ сухой и серьезный по внѣшности, Карташевскій, по отзыву Аксакова, „принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ людей, нравственная высота которыхъ встрѣчается очень рѣдко и которыхъ вся жизнь—есть строгое проявленіе этой красоты". Нравственнымъ качествамъ молодого педагога гармонировалъ и его интеллектуальный складъ. По свидѣтельству того же Аксакова, Карташевскій еще въ бытность учителемъ „серьезно занимался своей наукой и, пользуясь трудами знаменитыхъ ученыхъ по этой части, писалъ собственный курсъ чистой математики для преподаванія въ гимназіи, читалъ много нѣмецкихъ писателей, философовъ и постоянно совершенствовалъ себя въ латинскомъ языкѣ"; въ бытность же адъюнктомъ „увлекательно и блистательно" преподавалъ свой предметъ и такъ высоко поставилъ въ юномъ университетѣ преподаваніе математики, что постановкою его здѣсь былъ пораженъ знаменитый Бартельсъ, вскорѣ послѣ того назначенный въ казанскій университетъ. Даже самъ Яковкинъ, котораго Карташевскій выступалъ открытымъ противникомъ, писалъ попечителю, что онъ „въ знаніи всѣхъ частей математики, а особливо частей высшей, отличенъ какъ по счастливымъ дарованіямъ своимъ, такъ и по продолжаемому всегда старанію усовершать все оное чтеніемъ и опытностью". Карташевскій былъ первымъ преподавателемъ казанскаго университета, положившимъ краеугольный камень блестящему расцвѣту здѣсь математическихъ знаній, доказательствомъ чему служитъ академикъ Д. М.

Перевощиковъ, первый ученикъ скромнаго казанскаго адъюнкта чистой математики. Не долго суждено было Карташевскому съ жаромъ отдаваться любимому имъ дѣлу университетской науки: возмущенный проявленіями самовластія директора Яковкина, онъ съ присущими ему рѣшительностью и чувствомъ независимости сталъ въ оппозицію дѣйствующему университетскому режиму и впутался въ совѣтскую борьбу, результатомъ чего явилось отрѣшеніе его въ ноябрѣ 1806 года отъ должности. Изгнанный Румовскимъ и Яковкинымъ изъ университета, даровитый адъюнктъ составилъ себѣ впослѣдствіе видную служебную карьеру: поступивъ въ службу коммиссіи составленія законовъ на должность помощника редактора (оставивъ университетъ, здѣсь же служилъ и его воспитанникъ С. Т. Аксаковъ), Карташевскій былъ во время министерства Шишкина назначенъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій, служилъ затѣмъ попечителемъ бѣлорусскаго учебнаго округа, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднимъ попечителемъ виленскаго университета. Карташевскій скончался въ 1840 году, въ званіи сенатора [33].

Иванъ Ивановичъ Эрихъ, эрфуртскій уроженецъ и бывшій слушатель эрфуртскаго, іенскаго и геттингенскаго университетовъ, родился около 1755 года, какъ это выясняется изъ его формулярныхъ списковъ. Время переселенія Эриха въ Россію остается неизвѣстнымъ, равно какъ не имѣется никакихъ свѣдѣній и объ его печатныхъ трудахъ, если только таковые имѣлись. Первое извѣстіе о педагогической карьерѣ Эриха въ Россіи восходитъ къ 1794 году, когда онъ былъ опредѣленъ (29 сентября) на должность учителя нѣмецкаго языка въ нижегородское главное народное училище, откуда 31-го декабря 1799 года перемѣщенъ на такую же должность въ казанскую гимназію, преподавая здѣсь также языки французскій и латинскій, а 12-го августа 1800 года утвержденъ учителемъ высшаго латинскаго класса. Одинъ изъ учениковъ Эриха, С. Т. Аксаковъ, называетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ „большимъ лингвистомъ“, съ чѣмъ согласуется и отзывъ о немъ Яковкина: „Господинъ Эрихъ,—доносилъ о немъ попечителю директоръ,—по глубокому и основательному его знанію языковъ нѣмецкаго, французскаго, латинскаго, англійскаго, итальянскаго, также по хорошему свѣдѣнію греческаго и россійскаго, по отличной своей памяти и чтенію авторовъ и какъ по полученнымъ еще въ иностранныхъ университетахъ, такъ и по пріобрѣтеннымъ отъ времени и опытности многолѣтней знаніямъ, достойно почитается здѣсь, вообще, многоязычникомъ, а между пріятелями—оракуломъ; въ должности своей всегда пунктуозенъ, въ поведеніи благороденъ, въ чувствованіяхъ безпристра-

стѣнъ, — можно по всей справедливости сказать, что онъ сдѣлаетъ честь всякому мѣсту, въ которомъ будетъ находиться"; сожалѣетъ Яковкинъ только о томъ, что произношеніе Эриха не вполнѣ ясно „какъ по лѣтамъ его, такъ и по недостатку зубовъ переднихъ". „Безпристрастіе" Эриха было особенно пріятно директору: Эрихъ въ совѣтскихъ буряхъ не только сохранялъ осторожный нейтралитетъ, но временами выступалъ даже въ роли посредника между Яковкинымъ и его антагонистами. Университетская служба быстро улыбнулась Эриху, который достигъ по ней званій экстраординарнаго (съ 16 января 1810 г.) и ординарнаго (съ 26 марта 1814 г.) профессора, былъ одно время (1817—1818 гг.) деканомъ словеснаго отдѣленія—и только въ 1819 году стряслась надъ нимъ катастрофа: онъ былъ въ августѣ мѣсяцѣ уволенъ изъ университета Магницкимъ, вмѣстѣ съ Яковкинымъ, Цеплинымъ и нѣсколькими другими сослуживцами; Эриху было, впрочемъ, въ это время уже 64 года и его ученая карьера могла считаться и безъ того кончившеюся [34].

Левъ Семеновичъ Левицкій, происхожденіемъ изъ духовнаго званія, родился, по формулярнымъ даннымъ, въ 1772 году. Поступивъ въ 1790 году изъ рязанской духовной семинаріи въ московскую университетскую гимназію для разночинцевъ и въ 1791 году переведенный въ московскій же университетъ съ званіемъ студента, удостоенъ былъ здѣсь награды серебряною медалью за особенные успѣхи въ наукахъ философскихъ и математическихъ. 19-го января 1799 года опредѣленъ въ казанскую гимназію учителемъ „высшаго россійскаго класса, логики и нравоученія", а 23-го января 1805 года утвержденъ адъюнктомъ умозрительной и практической философіи. По свѣдѣніямъ академика Сухомлинова, Левицкій, читая въ университетѣ логику по сочиненію Рижскаго—„увлекалъ слушателей оживленными, чуждыми схоластики, разборами самыхъ новыхъ и современныхъ произведеній словесности". Нѣсколько иную аттестацію давалъ Левицкому директоръ Яковкинъ: „Господинъ Левицкій въ россійскомъ слогѣ успѣлъ довольно хорошо, особливо отъ опытности и чтенія авторовъ, въ философическихъ познаніяхъ кажется слабъ и болѣе, мнится, по тучному его тѣлосложенію (!), натурально воспящающему (sic) заниматься умозрительностью; къ должности своей всегда прилеженъ, въ поведеніи и чувствованіяхъ благороденъ; знаетъ хорошо латинскій, французскій и нѣмецкій языки". Въ совѣтѣ Левицкій принадлежалъ къ партіи Яковкина. Не долго довелось ему послужить юному казанскому университету: начавъ расхварываться еще съ 1805 года, Левицкій 24-го января 1807 года скончался отъ водянки,—„обновилъ мать земнородныхъ первымъ

адъюнктомъ казанскаго университета", какъ фигурально доносилъ о томъ Яковкинъ попечителю округа. Весьма вѣроятно, что преждевременной кончинѣ Левицкаго въ значительной степени содѣйствовала и его неумѣренная страсть къ вину, свидѣтельство о которой оставилъ намъ С. Т. Аксаковъ [35].

Иванъ Ипатовичъ Запольскій,—землякъ, университетскій однокашникъ, казанскій пріятель и, одно время, сожитель Карташевскаго, у котораго также жилъ недолго Аксаковъ,—является четвертымъ и послѣднимъ изъ адъюнктовъ, назначенныхъ Румовскимъ при открытіи университета. Родившись въ 1773 году въ семьѣ духовнаго состоянія, Запольскій учился въ сѣвской и бѣлгородской семинаріяхъ, а затѣмъ въ кіевской духовной академіи, изъ которой въ сентябрѣ 1796 года поступилъ въ московскій университетъ, удостоившись здѣсь наградъ золотою и серебряною медалями. По окончаніи университетскаго курса, 19-го января 1799 года, одновременно съ своимъ другомъ Карташевскимъ, опредѣленъ въ казанскую гимназію учителемъ физики и математики, а 23-го января 1805 года утвержденъ адъюнктомъ прикладной математики и физики, явившись первымъ завѣдующимъ университетскимъ физическимъ кабинетомъ. Человѣкъ даровитый отъ природы, Запольскій не пошелъ впередъ и далъ засосать себя мелочнымъ интересамъ и дрязгамъ будничной жизни, отвлекавшимъ его отъ умственной дѣятельности, что Яковкинъ въ значительной степени приписывалъ семейнымъ отношеніямъ Запольскаго, женившагося на дочери мѣстнаго помѣщика Елагина, за которою взялъ въ приданое находившееся невдалекѣ отъ Казани небольшое имѣніе. Не особенно высоко ставилъ Запольскаго и его воспитанникъ С. Т. Аксаковъ. „Господинъ Запольскій,—доносилъ о немъ Яковкинъ,—въ преподаваніи опытной физики хорошъ, хотя и мало видно старанія его о пріобрѣтеніи новыхъ открытій и, между прочимъ, о чудесномъ и благотворномъ гальванизмѣ, о коемъ ученикамъ своимъ едва поверхностное понятіе дать въ состояніи; о раздѣленіи газовъ и различіи газовъ онъ первый здѣсь преподавать началъ—и похвально; въ знаніи смѣшанной математики весьма посредственъ". Особенно горько сѣтовалъ Яковкинъ на „коварный характеръ" Запольскаго, а коварный характеръ этотъ сводился къ тому, что молодой физикъ рѣшительнымъ образомъ примкнулъ къ партіи противниковъ директора и принялъ участіе въ совѣтскихъ распряхъ 1806 года, за что и былъ временно (съ ноября 1806 г. по мартъ 1807 г.) устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ совѣта. Утвержденный 16-го января 1810 года въ званіи экстраординарнаго профессора, Запольскій не на долго пережилъ своего сослу-

живца Левицкаго: въ ночь на 20-ое декабря 1810 года въ его лицѣ „обновилъ мать земнородныхъ“ и первый профессоръ казанскаго университета. Семья Запольскаго, состоявшая изъ вдовы съ тремя дѣтьми, изъ которыхъ старшая 27-ми лѣтняя дочь была помѣшанною—еще въ 1832 году проживала въ Казани, получая по 160 рублей въ годъ пенсіи [36].

И такъ, уже въ концѣ января 1805 года выяснился первый личный составъ предположеннаго къ открытію казанскаго университета. Не великъ былъ этотъ составъ, — всего то шесть преподавателей (не считая Протасова), въ томъ числѣ два профессора и четыре адъюнкта, — но онъ готовился пополниться новыми силами, о привлеченіи которыхъ дѣятельно хлопотали въ петербургскихъ министерскихъ сферахъ, что совершилось, впрочемъ, уже послѣ открытія университета.

Какой критерій могъ бы быть приложенъ къ оцѣнкѣ этого эмбріона будущаго „сословія“ казанскаго университета? Въ немъ не встрѣчаемъ мы громкихъ научныхъ именъ, не встрѣчаемъ даже именъ, завоевавшихъ себѣ ту или другую извѣстность въ ученыхъ и педагогическихъ сферахъ,—за исключеніемъ развѣ только Яковкина, да, пожалуй, Цеплина, имѣвшихъ за собою нѣкоторый учено-литературный багажъ. Мы врядъ ли были бы, однако, безпристрастны, отказавъ этому первому составу преподавателей въ признаніи за нимъ извѣстныхъ достоинствъ и способности заинтересовать слушателей дѣломъ вновь зародившейся въ Казани университетской науки, въ особенности же въ виду того невысокаго уровня знаній и той значительной неподготовленности, какія обнаружили первые студенты народившагося университета. Вспомнимъ отзывы перваго студента казанскаго университета С. Т. Аксакова, присмотримся къ только что приведеннымъ нами свѣдѣніямъ о первыхъ преподавателяхъ его—и мы должны будемъ придти къ заключенію, что этотъ миніатюрный личный составъ, если онъ и былъ, конечно, недостаточенъ для открытія университета, былъ, во всякомъ случаѣ, пригоденъ и полезенъ къ тому, что бы разработать почву для насажденія въ Казани университетскаго образованія и создать для него кадры болѣе или менѣе подготовленныхъ слушателей, — а эта задача была имъ, несомнѣнно, достигнута: вспомнимъ, что изъ перваго состава студентовъ казанскаго университета, переступившаго его порогъ одновременно съ уже извѣстнымъ намъ первымъ же составомъ его преподавателей, вышли славный писатель С. Т. Аксаковъ, академикъ-математикъ Д. М. Перевощиковъ, его братъ академикъ В. М. Перевощиковъ, будущій министръ финансовъ А. М. Княжевичъ, братья Панаевы, будущій попечитель казанскаго учебнаго округа Э. А. Груберъ, будущіе профессоры П. С. Конды-

ревъ, А. В. Кайсаровъ и В. И. Тимьянскій.... С. Т. Аксаковъ, уже старцемъ, съ чувствомъ благоговѣйной признательности вспоминалъ о двухъ годахъ (1805—1806), проведенныхъ имъ въ еще зачаточномъ казанскомъ университетѣ: „Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства!—Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество... Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ расчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости — и глубокое увазженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и, непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіи цѣлой жизни и куда бы его не затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину—она выводитъ его на честную, прямую дорогу..... Я, по крайней мѣрѣ, за все, что сохранилось во мнѣ добраго, считаю себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ оттуда".... „Мало вынесъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета не потому, что онъ былъ еще очень молодъ, не полонъ и неустроенъ, а потому, что я былъ слишкомъ молодъ и дѣтски увлекался въ разныя стороны страстностью моей природы" [37].... Въ такихъ выраженіяхъ изливалъ свои чувства бывшій студентъ казанскаго университета полвѣка спустя послѣ оставленія имъ его аудиторій. Сказать по этому поводу приходится только одно: дай Богъ питомцу университета и въ настоящее время, въ началѣ XX-го столѣтія, вынести изъ стѣнъ своей almae matris такія же чувства, съ какими когда то покидалъ ихъ и впослѣдствіе вспоминалъ о нихъ казанскій студентъ первыхъ годовъ XIX-го вѣка!

За исключеніемъ Эриха, въ годину открытія казанскаго университета уже доживавшаго пятый десятокъ лѣтъ своей жизни, да Яковкина, только что перевалившаго ея сорокалѣтіе, но еще полнаго силъ и жизнедѣятельности, всѣ остальные представители перваго преподавательскаго персонала юнаго университета могли быть причислены къ молодежи, полной энергіи и надеждъ на будущее: Левицкому было въ ту пору 33 года, Цеплину и Запольскому по 32 года, Карташевскому—26 лѣтъ. Вся эта молодежь восторженно относилась къ факту основанія университета и къ открывавшемуся передъ нею новому, важному и отвѣтственному поприщу приложенія своей дѣятельности и своихъ силъ: „Учителя, — вспоминаетъ Аксаковъ,— были также подвигнуты горячимъ рвеніемъ учениковъ и занимались съ нами не только въ классахъ, но во всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ; Григорій Ивановичъ (Карташевскій) читалъ для луч-

шихъ математическихъ студентовъ прикладную математику, его примѣру послѣдовали и другіе учителя". Мы не разъ будемъ имѣть, впрочемъ, случай возвращаться къ научно-педагогической дѣятельности первыхъ піонеровъ казанскаго университета.

Уже знакомое намъ представленіе Румовскаго графу Завадовскому отъ 20-го декабря 1804 года наводитъ насъ на мысль, что попечитель еще въ исходѣ этого года не былъ вполнѣ увѣренъ въ возможности немедленнаго открытія казанскаго университета.

Его колебанія въ этомъ направленіи не были, однако же, продолжительными: данное ли подъ сурдину разрѣшеніе министра на открытіе, хотя бы только и номинальное, университета; настоянія ли Яковкина, жаждавшаго скорѣе стать въ новое и щекотавшее его самолюбіе положеніе руководителя высшаго учебнаго заведенія; нежеланіе ли отстать отъ своего харьковскаго коллеги, графа Потоцкаго, торжественно открывшаго 17 января 1805 года харьковскій университетъ—не беремся отвѣчать на эти предположенія, объясняющія фактъ ускореннаго открытія казанскаго университета.

Какъ бы то ни было, но вопросъ о немедленномъ открытіи казанскаго университета былъ рѣшенъ въ январѣ 1805 года, а самое открытіе университета состоялось уже 14-го февраля того же года. Повѣствованіе объ этомъ событіи и составитъ предметъ нашего ближайшаго изложенія.

Въ архивѣ совѣта казанскаго университета, въ реэстрѣ дѣлъ 1805 года, значится подъ № 2-мъ дѣло, носящее довольно громкое и многообѣщающее заглавіе: „Дѣло объ основаніи императорскаго казанскаго университета".

Горько разочаруется любитель старины, которому придетъ въ голову развернуть это тощенькое,—всего то въ десять сѣренькихъ листовъ бумаги,—архивное дѣло: онъ какъ разъ не найдетъ здѣсь того, что обѣщаетъ ему значущееся въ описяхъ архива и на обложкѣ самого дѣла заглавіе. Онъ найдетъ здѣсь краткое протокольное свѣдѣніе о засѣданіи совѣта гимназіи 14-го февраля, происходившемъ въ личномъ присутствіи попечителя округа С. Я. Румовскаго, переписку по поводу опредѣленія въ ученую службу штабъ-лекаря Протасова, присяжный листъ профессоровъ и адъюнктовъ, причисленныхъ къ университету—и только. Изъ этого дѣла читатель его не вынесетъ даже твердаго убѣжденія въ томъ: былъ ли 14-го

февраля 1805 года дѣйствительно открытъ казанскій университетъ—или же открытія его въ этотъ день такъ и не послѣдовало?..

Мы уже знаемъ, въ какихъ странныхъ, загадочныхъ, потайныхъ чертахъ обрисовывается передъ нами все дѣло объ открытіи казанскаго университета, занимавшее собою правящія сферы вѣдомства народнаго просвѣщенія въ декабрѣ 1804 и въ январѣ 1805 годовъ. Министръ графъ Завадовскій не далъ даже никакого формальнаго отвѣта на представленіе Румовскаго объ открытіи университета въ предложенной имъ странной и нелегальной формѣ „личной и реальной уніи" съ гимназіею,—формѣ, которая, тѣмъ не менѣе, получила практическое осуществленіе. Мало того: мы знаемъ, что еще въ началѣ января 1805 года самъ Румовскій не могъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ находится наканунѣ открытія уже утвержденнаго и получившаго утвердительную грамоту университета.

Такимъ же загадочнымъ, негласнымъ колоритомъ отмѣчается и самое основаніе казанскаго университета, совершившееся тихо, келейно, безъ помпы и безъ публичности, не выходя изъ замкнутыхъ стѣнъ гимназическаго зданія.

30-го января 1805 года контора казанской гимназіи получила слѣдующее лаконическое предписаніе изъ Петербурга, помѣченное 16-мъ числомъ января и подписанное попечителемъ округа Румовскимъ:

„Въ контору Казанской гимназіи.—По Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ для обозрѣнія нѣкоторыхъ училищъ въ казанскомъ округѣ отправляется в и з и т а т о р ъ, для пребыванія коего въ Казани контора имѣетъ, кому слѣдуетъ, предписать очистить въ нижнемъ этажѣ гимназическаго дома комнаты, означенныя на планѣ № 8-мъ и кладовую подъ № 7-мъ, и что бы оныя надлежащимъ образомъ были протапливаемы.—Степанъ Румовскій" *.

1-го февраля предписаніе это было заслушано въ конторѣ, которая и постановила: „Какъ назначенныя его превосходительствомъ комнаты заняты нынѣ питомцами, то о перемѣщеніи ихъ въ другія мѣста и о приведеніи сего предписанія въ надлежащее исполненіе представить правящему должность директора гимназіи" [38].

„Правящій должность директора", т. е. Яковкинъ, прекрасно зналъ, конечно, да не могли не знать того и другіе чины гимназіи, что никто

* Изъ хранящагося въ архивѣ университета современнаго плана стараго зданія казанской гимназіи явствуетъ, что эти комнаты подъ № 8-мъ образуютъ три комнаты нижняго этажа, прилегающія къ сѣверо-восточному углу главнаго университетскаго корпуса и въ настоящее время составляющія часть квартиры секретаря совѣта.

иной, какъ самъ попечитель округа скрывается подъ личиною таинственнаго „визитатора", выѣзжающаго изъ столицы яко бы для осмотра „нѣкоторыхъ училищъ", въ дѣйствительности же ѣдущій открывать въ Казани университетъ. Подъ предлогомъ того же осмотра нѣкоторыхъ училищъ выданы были Румовскому и двѣ тысячи рублей на издержки по путешествію въ Казань и обратно, и только сохранившаяся подорожная расширяетъ задачу поѣздки попечителя даже за предѣлы дѣйствительной цѣли, съ которою выѣхалъ попечитель изъ Петербурга, признавая университетъ въ Казани уже существующимъ: въ этой подорожной петербургскій военный губернаторъ, графъ Толстой, предписываетъ давать по девяти лошадей съ проводникомъ отъ С.-Петербурга до Казани и обратно „отправляющемуся по высочайшему повелѣнію для обозрѣнія тамошняго университета попечителю онаго, господину дѣйствительному статскому совѣтнику Румовскому".

Выѣхавъ изъ Петербурга 29-го января, Румовскій только 11-го февраля прибылъ въ Казань. Нелегкимъ должно было представляться это утомительное, почти двухнедѣльное, путешествіе для семидесятилѣтняго старца-попечителя, не выѣзжавшаго изъ столицы со времени своихъ астрономическихъ поѣздокъ для наблюденія прохожденія Венеры, причемъ во время первой изъ нихъ (въ Сибирь, въ 1761 г.) ему пришлось выполнить какъ разъ тотъ же маршрутъ на Казань, который предстоялъ ему и теперь, сорокъ четыре года спустя.

Пребываніе въ Казани въ февралѣ 1805 года было единственнымъ за всѣ девять лѣтъ управленія Румовскаго казанскимъ учебнымъ округомъ. Дѣло въ томъ, что попечители округовъ александровской эпохи имѣли свое постоянное пребываніе, въ качествѣ членовъ главнаго правленія училищъ, въ Петербургѣ, и на нихъ возлагалась обязанность лишь періодически (черезъ каждые два года) выѣзжать въ ввѣренные имъ округа, для личнаго ихъ осмотра,—обязательство, которое по отношенію къ казанскому учебному округу оставалось при Румовскомъ лишь на бумагѣ. Въ Петербургѣ жили и ближайшіе преемники Румовскаго, Салтыковъ (этотъ попечитель одно время пребывалъ въ Казани, но не долго) и Магницкій; М. Н. Мусинъ-Пушкинъ былъ первымъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, имѣвшимъ постоянную резиденцію въ Казани, какъ центрѣ округа.

Въ дѣлѣ архива попечительской канцеляріи „объ отправленіи г. попечителя для обозрѣнія училищъ" [39] сохранился писанный рукою самого попечителя черновикъ письма, которымъ Румовскій доводилъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія о своемъ прибытіи въ Казань и о злоклю-

ченіяхъ своего двухнедѣльнаго путешествія. Цѣликомъ приводимъ это письмо, какъ весьма интересное и характерное для обрисовки умовоззрѣній маститаго попечителя, потревоженнаго изъ тиши его петербургскаго кабинета:

„Долгомъ поставляю донести вашему сіятельству, что, отправясь изъ Санктпетербурга генваря 29 дня и продолжая путь днемъ и ночью, не могъ пріѣхать прежде въ Казань февраля 11 дня. Завтра назначилъ быть собранію совѣта, въ которомъ буду имѣть счастье вручить грамоту Казанскаго университета и уставъ, Государемъ Императоромъ утвержденные и объявить милости, вашимъ сіятельствомъ чиновникамъ онаго оказанныя.

Дважды отъ академіи отправляемъ я былъ въ путешествія для наблюденія Венеры въ солнцѣ, въ первый разъ въ 1761 году, въ Селенгинскъ, а другой разъ въ 1769 въ Колу; въ первое путешествіе слѣдовалъ точно тѣмъ путемъ, которымъ нынѣ слѣдовалъ, но по причинѣ избитой дороги и перемѣны въ мысляхъ народа испыталъ я несравненно большія въ пути затрудненія, нежели въ 1761, такъ что одну повозку долженъ бросить на дорогѣ, а здѣсь принужденнымъ себя нахожу купить новыя, отчего путевые расходы такъ увеличились, что едва ли въ состояніи буду исправиться пожалованными на путешествіе мое деньгами. Сверхъ сего, на пути за малѣйшую починку долженъ я былъ платить неимовѣрную плату: за приколачиваніе каждаго гвоздя нужда заставляла платить по десяти копѣекъ, а числа оныхъ, поспѣшая путемъ, и вспомнить не могу, и за одинъ только входъ въ крестьянскую избу, во время перемѣны лошадей, должно было хозяину дѣлать воздаяніе, чего въ прежнія путешествія и слышать мнѣ не случалось—толь великая въ гостепріимствѣ народа послѣдовала перемѣна!

Послѣ сего, по данному мнѣ вашимъ сіятельствомъ повелѣнію, приступлю къ разбору учениковъ, а сегодня осмотрѣлъ мѣста, смежныя съ строеніемъ гимназіи. Кажется мнѣ, что мѣстоположеніе позволяетъ занять подъ университетъ такое пространство, въ которомъ весьма удобно будетъ воздвигнуть достаточное зданіе для всѣхъ надобностей университета, ежели онаго ходатайства своего, вашего сіятельства, удостоите изволенія. Я препоручилъ здѣшнему архитектору сдѣлать пространству сему планъ и проектъ самому зданію, который, по возвратѣ моемъ, буду имѣть честь представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства“.

Письмо заканчивается диффирамбомъ по адресу Яковкина, уже въ два дня успѣвшаго, по видимому, очаровать собою попечителя:

„Великое благодѣяніе, сіятельнѣйшій графъ, казанской гимназіи оказать изволили избраніемъ Яковкина къ правленію должности ди-

ректорской. Желалъ бы я, что бъ всѣ директоры училищъ толико достойны были званія. Для большаго его уваженія осмѣлюся я провозгласить его директоромъ гимназіи *, и я имѣю причину ласкать себя надеждою, что сіе переименованіе, къ пользѣ гимназіи клонящееся, не вмѣните мнѣ въ дерзновеніе, поелику онъ по всей справедливости досвоенъ сего названія и оно не принесетъ ни малѣйшаго казнѣ ущерба".

Нѣсколько странное и брюзгливо-старческое впечатлѣніе производитъ это письмо, въ которомъ, съ болѣе нежели краткими дѣловыми соображеніями по поводу предстоящаго открытія университета, не совсѣмъ логическимъ путемъ сплетаются диффирамбы пронырливому правящему должность директора гимназіи, ламентаціи на трудность пути и на скудость отпущенныхъ на поѣздку денегъ и своеобразныя сѣтованія на какую то „перемѣну мыслей въ народѣ", благодаря которой приходится платить за пользованіе услугами въ пути и даже дѣлать „воздаянія" за оказываемое „гостепріимство".

Болѣе нежели скромное торжество открытія казанскаго университета состоялось во вторникъ 14-го февраля 1805 года, на третій день по прибытіи Румовскаго въ Казань **. Переходимъ къ разсказу объ этомъ событіи, подробное описаніе котораго дано въ министерскомъ органѣ того времени („Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія"), причемъ,—замѣтимъ попутно,—и это оффиціальное описаніе цѣлью пріѣзда Румовскаго въ Казань ставитъ не открытіе университета, но только „обозрѣніе нѣкоторыхъ училищъ округа".

14-го февраля 1805 года въ залъ гимназіи собрались, наканунѣ оповѣщенные о томъ черезъ гимназическаго квартирмейстера, всѣ вновь назначенные въ открываемый университетъ профессоры и адъюнкты, образовавъ, такимъ образомъ, первое собраніе совѣта, организованнаго, по идеѣ Румовскаго, для вѣданія соединенныхъ учебныхъ дѣлъ университета и гимназіи. Прибывъ въ это собраніе, попечитель округа обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, въ которой объяснилъ имъ причину ихъ созванія, а затѣмъ, лично прочитавъ дарованную университету утвердительную грамоту, вручилъ подлинникъ ея собранію, „яко священный залогъ монаршей къ университету милости и безпримѣрнаго о благѣ Рос-

---

* Утвержденіе Яковкина въ должности директора послѣдовало лишь 22-го мая того же года.

** Считаемъ необходимымъ исправить здѣсь ошибку, допущенную Н. Н. Буличемъ, называющимъ 13-е февраля днемъ прибытія попечителя въ Казань («Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 70).

сіи попеченія". Затѣмъ Румовскій прочиталъ отношеніе къ нему министра народнаго просвѣщенія, отъ 23-го января, объ утвержденіи учителей гимназіи: Яковкина—профессоромъ, Карташевскаго, Эриха, Левицкаго и Запольскаго—адъюнктами вновь учреждаемаго университета, а также отношеніе государственнаго казначея (отъ 27-го января) о предстоящемъ отпускѣ суммъ, ассигнованныхъ на жалованье всѣмъ этимъ лицамъ. Въ заключеніе попечитель, вручивъ собранію высочайше утвержденный уставъ университета, приказалъ прочесть изъ него „статьи о должностяхъ профессоровъ и адъюнктовъ", послѣ чего предложилъ совѣту неотложно приступить къ избранію достойнѣйшихъ изъ учениковъ гимназіи въ студенты и къ составленію росписанія университетскихъ лекцій. По окончаніи совѣтскаго собранія, Румовскій обозрѣвалъ гимназическіе классы, спальныя комнаты, поинтересовался столомъ воспитанниковъ, познакомился со всѣми, вообще, внутренними распорядками гимназіи и „нашелъ все въ надлежащемъ устройствѣ и исправности", о чемъ и приказалъ записать въ протоколъ. Подлинный протоколъ событій этого дня, въ который занесены и постановленія: а) о приводѣ къ присягѣ вновь назначенныхъ чиновъ университета и б) о напечатаніи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" извѣщенія объ открытіи университета, былъ подписанъ Румовскимъ и всѣми членами совѣта. Въ архивныхъ дѣлахъ сохранился и присяжный листъ, по которому, въ присутствіи Румовскаго, вновь назначенные члены университета приведены были къ присягѣ законоучителемъ гимназіи, протоіереемъ благовѣщенскаго собора Михаиломъ Гавриловымъ.

На слѣдующій день, 15-го февраля, состоялось въ 10 часовъ утра новое собраніе совѣта, въ которомъ прочитанъ былъ уставъ императорскаго казанскаго университета, причемъ опредѣлено принять его „къ свѣдѣнію и исполненію во всемъ пространствѣ касательно нынѣшнихъ его (университета) обстоятельствъ" [40].

Съ 18-го февраля начался выборъ учениковъ, достойныхъ переименованія въ студенты, причемъ выборъ этотъ, производившійся на основаніи общихъ успѣховъ и прилежанія воспитанниковъ, безъ особаго ихъ испытанія, продолжался до 21-го числа. Одновременно съ этимъ, согласно указанію Румовскаго, директоръ Яковкинъ вошелъ въ сношеніе съ родителями и воспитателями учениковъ, оставляемыхъ на казенномъ содержаніи, испрашивая на это ихъ согласіе или несогласіе; тѣ изъ нихъ, которые соглашались оставить своихъ дѣтей или питомцевъ на казенномъ содержаніи, должны были дать обязательство въ томъ, что эти воспитанники, пройдя курсъ гимназіи и, затѣмъ, полный университетскій курсъ, прослу-

жать не менѣе шести лѣтъ въ учительскомъ или другомъ учебномъ званіи, по усмотрѣнію университета,—несогласные на это условіе могли быть принимаемы только въ воспитанники своекоштные, но за то были уже свободны отъ всякихъ обязательствъ передъ университетомъ.

Интересныя воспоминанія оставилъ намъ объ этомъ студенческомъ „наборѣ" С. Т. Аксаковъ, самъ попавшій, какъ извѣстно, въ первый составъ студентовъ вновь открытаго университета. По словамъ Аксакова, въ эти первые университетскіе дни ежедневно происходили засѣданія совѣта, хотя свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходило—до гимназистовъ, конечно, не доходили; но однажды удалось Аксакову поймать нѣсколько словъ своего воспитателя, вновь произведеннаго адъюнкта Карташевскаго, изъ которыхъ онъ понялъ, что и его хотятъ „произвести" въ студенты, на что самъ онъ никакъ не могъ разсчитывать, такъ какъ „не дослушалъ курса въ высшихъ классахъ и ничего не зналъ въ математикѣ":

„Я спѣшилъ сообщить новость своимъ товарищамъ,—пишетъ Аксаковъ,—но тамъ уже все знали черезъ сына Яковкина, который былъ страшный толстякъ и весьма ограниченныхъ способностей; онъ хвастался, что и его сдѣлаютъ студентомъ *. Лучшіе ученики въ высшемъ классѣ, слушавшіе курсъ уже во второй разъ, конечно надѣялись, что они будутъ произведены въ студенты; но обо мнѣ и нѣкоторыхъ другихъ никто и не думалъ. Въ тотъ же день сдѣлался извѣстенъ списокъ назначаемыхъ въ студенты; изъ него узнали мы, что всѣ ученики старшаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ, поступятъ въ университетъ: между ними находились Яковкинъ и я. Въ строгомъ смыслѣ,—сознается Аксаковъ,—человѣкъ съ десять, разумѣется въ томъ числѣ и я, не стоили этого назначенія, по неимѣнію достаточныхъ знаній и по молодости, не говоря уже о томъ, что никто не зналъ по латыни и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторыя лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ" [41].

Аксаковъ приводитъ при этомъ, — на память, конечно, — списокъ воспитанниковъ, зачисленныхъ въ студенты, оговариваясь, что „кажется забылъ двухъ или трехъ". Въ приложеніяхъ къ настоящему тому читатели найдутъ полный списокъ студентовъ казанскаго университета перваго состава **, который у Аксакова, дѣйствительно, не совсѣмъ точенъ. Всего

---

* Яковкинъ, дѣйствительно попавшій въ число студентовъ, не долго оставался въ этомъ званіи: онъ умеръ 21-го ноября 1805 года. Это былъ первый покойникъ въ столѣтней семьѣ студентовъ казанскаго университета. Могила его до сихъ поръ существуетъ на кладбищѣ Кизическаго монастыря.

** См. въ концѣ книги приложеніе IV.

къ 22-му февраля было выбрано 33 студента, въ томъ числѣ 26 на казенное содержаніе, 1 на „пансіонерское“ содержаніе и 6 своекоштными (въ числѣ послѣднихъ опредѣленъ и будущій авторъ „Семейной хроники и воспоминаній“); нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ экзаменовъ, произведены были въ студенты еще восемь воспитанниковъ гимназіи, такъ что къ началу 1805—1806 учебнаго года общее число принятыхъ студентовъ должно было бы быть 41, но двое изъ нихъ выбыли въ продолженіи 1805 года, такъ что къ концу этого года общее количество студентовъ равнялось лишь цифрѣ 39-ти. Румовскимъ тогда же сдѣлано было распоряженіе, что бы казенные студенты были помѣщены въ особыхъ отъ воспитанниковъ гимназіи комнатахъ, причемъ, для отличія студентовъ отъ гимназистовъ, предписалъ сдѣлать имъ „отмѣну (т. е. улучшеніе) въ пищѣ и одѣяніи“.

22-го февраля, опять таки въ присутствіи попечителя Румовскаго, состоялся второй актъ открытія университета—провозглашеніе именъ воспитанниковъ, назначенныхъ въ студенты. Это торжество происходило въ большомъ залѣ гимназіи и заключалось въ томъ, что и. д. директора Яковкинъ, вызвавъ вновь произведенныхъ студентовъ, прочиталъ имъ изъ университетскаго устава—статьи, опредѣляющія обязанности студентовъ, вообще, и образующихъ педагогическій институтъ (конечно еще только in spe), въ особенности, а изъ утвердительной грамоты—о всемилостивѣйше предоставленныхъ воспитанникамъ университета привиллегіяхъ, послѣ чего присовокупилъ уже отъ себя „краткое и пристойное наставленіе избраннымъ студентамъ и оставшимся въ гимназіи воспитанникамъ“. Въ заключеніе торжества студенты Перевощиковъ, Кондыревъ и Панаевъ удостоились чести поднести попечителю „въ стихахъ свои упражненія“, а студентъ Поповъ—„нѣкоторые опыты искусства своего рѣзьбы на кости“.

„Профессорскія и адъюнктскія лекціи“, начало которыхъ объявлено на 24-ое число того же февраля и которыя должны были продолжаться въ этомъ семестрѣ до 11-го іюля, расположены были совѣтомъ въ слѣдующемъ порядкѣ, утвержденномъ попечителемъ:

I. Профессоръ Яковкинъ долженъ былъ читать по два раза въ недѣлю (среда и пятница), отъ 4-хъ до 6-ти часовъ пополудни, россійскую исторію по изданному имъ для народныхъ училищъ краткому руководству *, „слѣдуя за историческимъ порядкомъ въ географіи и статистикѣ по изданному отъ него же лѣточислительному изображенію россійской исторіи и руководствуясь при томъ статисти-

* Это то самое руководство, которое (см. выше) вызвало такой лестный отзывъ академика Шлецера.

ческими г. Шторха таблицами и географическимъ описаніемъ Россіи по разнымъ періодамъ" (4 часа).

II. Профессоръ Цеплинъ три раза въ недѣлю (вторникъ, четвергъ и суббота), отъ 7-ми до 9-ти часовъ утра, первую часть всеобщей исторіи государствъ, „пріемля основаніемъ г. Шпитлера" (6 часовъ).

III. Адъюнктъ Эрихъ три раза въ недѣлю (понедѣльникъ, среда, пятница), отъ 7-ми до 9-ти часовъ утра, первую книгу Цицерона о должностяхъ, „съ нужными примѣчаніями" (6 часовъ).

IV. Адъюнктъ Карташевскій три раза въ недѣлю (понедѣльникъ, среда и пятница), отъ 9-ти до 11-ти часовъ утра, ариѳметику, геометрію и тригонометрію, по Шульцу (6 часовъ).

V. Адъюнктъ Запольскій три раза въ недѣлю (вторникъ, четвергъ и суббота), отъ 9-ти до 11-ти часовъ утра, опытную физику, „руководствуясь физикою Гиляровскаго и прибавляя къ ней дополненія изъ новѣйшихъ физиковъ" (6 часовъ).

VI. Адъюнктъ Левицкій три раза въ недѣлю (вторникъ, четвергъ и суббота), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня (по субботамъ) и отъ 4-хъ до 6-ти часовъ пополудни (по вторникамъ и четвергамъ), логику „по начертанію г. Рижскаго, присовокупляя примѣчанія изъ новѣйшихъ сочинителей по сей части" (6 часовъ).

Сверхъ того, предположенный къ назначенію профессоръ патологіи, терапіи и клиники Протасовъ долженъ былъ временно читать, по прибытіи въ Казань, натуральную исторію (по три раза въ недѣлю), но Протасовъ, какъ мы это знаемъ, умеръ (10-го апрѣля) вскорѣ послѣ своего утвержденія, не успѣвъ выѣхать изъ Перми. [42]

Въ такомъ то разнообразіи и смѣшеніи предметовъ, всего въ количествѣ 34-хъ недѣльныхъ часовъ, впервые открылись въ казанскомъ университетѣ курсы лекцій. Отчисленіе части бывшихъ учителей гимназіи къ университету должно было вредно отразиться на гимназіи, нѣкоторые классы которой оставались безъ преподавателей; въ виду этого попечитель разрѣшилъ университетскимъ адъюнктамъ продолжать свои занятія и въ гимназіи, за каковой трудъ имъ дозволено было производить по двѣ трети производившагося имъ гимназическаго жалованья, что и было объявлено Яковкинымъ, отъ имени Румовскаго, въ засѣданіи совѣта 23-го февраля. Въ этомъ же засѣданіи совѣта заслушано было предложеніе попечителя о томъ, что бы профессоры и адъюнкты университета ежемѣсячно представляли совѣту рапорты о своихъ „классическихъ упражненіяхъ", а также о прилежаніи и поведеніи студентовъ, для ежемѣсячнаго же донесенія о томъ ему, попечителю. Въ засѣданіи совѣта 1-го марта, уже по отъѣздѣ изъ Казани Румовскаго, было постановлено отпечатать двѣсти экземпляровъ объявленія о послѣдовавшемъ 14-го февраля основаніи казанскаго

университета, вмѣстѣ съ росписаніемъ лекцій и спискомъ студентовъ, для разсылки ихъ во всѣ училища округа [43].

Къ пребыванію Румовскаго въ Казани пріурочивается еще одинъ эпизодъ, не оставшійся безъ вліянія на начальное образованіе университетскихъ естественно-историческихъ и, главнымъ образомъ, минералогическихъ коллекцій. 21-го февраля, въ бытность его еще въ Казани, Румовскимъ получено было письмо изъ Петербурга, отъ академика Н. Я. Озерецковскаго, помѣченное 29-го января и посланное, такимъ образомъ, уже въ догонку въ тотъ же день выѣхавшаго въ Казань попечителя:

„Милостивый государь мой Степанъ Яковлевичъ! — пишетъ въ этомъ письмѣ Озерецковскій.—Едва, едва не позабылъ я напомнить вамъ о тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ подвѣдомные вамъ директоры и учители, со своими учениками, могутъ собрать множество натуральныхъ вещей. Изъ Урала, изъ Колывани, изъ Алтайскихъ горъ доставлять они могутъ многоразличныя ископаемыя. Изъ южной части, къ вашему училищному округу принадлежащей, какъ то изъ Пензы, изъ Симбирска, изъ Саратова, изъ Камышина и пр. и пр. получать можно сѣмена травъ, прекрасныхъ насѣкомыхъ, рѣдкихъ птицъ и звѣрьковъ, тамошнимъ мѣстамъ свойственныхъ. Съ береговъ Волги, именно изъ подъ Симбирска и его окрестностей, крѣпкіе камни съ рѣдкими окаменѣлостями на поверхности земли брать можно. О семъ донося, при желаніи вамъ благополучнаго пути, остаюсь и пр.—Николай Озерецковскій“.

Письмо академика Озерецковскаго было Яковкинымъ доложено 1-го марта въ засѣданіи совѣта, уже послѣ выѣзда попечителя изъ Казани, причемъ и. д. директора передалъ словесно заявленное ему желаніе Румовскаго о томъ, что бы совѣтъ отнесся по этому поводу во всѣ училища округа съ просьбою „собирать всякія рѣдкости въ тѣхъ мѣстахъ находящіяся“, доставляя ихъ въ университетъ. 13-го марта соотвѣтствующій циркуляръ былъ разосланъ директорамъ всѣхъ главныхъ народныхъ училищъ округа, и уже съ конца лѣта того же года стали поступать въ университетъ различные предметы ископаемаго царства, которые и было опредѣлено временно сдавать въ библіотеку, „для включенія по части университета въ число минеральнаго кабинета, имѣющаго особо собираться“ [44].

Послѣдніе дни пребыванія своего въ Казани Румовскій посвятилъ, какъ доносилъ онъ о томъ главному правленію училищъ—„на обозрѣніе принадлежащихъ казанской гимназіи и прикосновенныхъ къ оной сосѣднихъ строеній и ихъ мѣстоположенія, дабы можно было сдѣлать нужныя распоряженія къ удобнѣйшему помѣщенію университета и его чиновни-

ковъ, о чемъ буду имѣть честь представить главному училищъ правленію свое мнѣніе". Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что въ бытность Румовскаго въ Казани начаты были, черезъ посредство Яковкина, и переговоры съ владѣльцами сосѣднихъ съ гимназіею домовъ, которые предполагалось пріобрѣсти для помѣщенія университета.

25-го февраля Румовскій выѣхалъ изъ Казани въ обратный путь и 12-го марта былъ уже въ Петербургѣ, наскоро, такъ какъ онъ опасался порчи зимняго пути, осмотрѣвъ по дорогѣ чебоксарское, козьмодемьянское и нижегородское училища.

Такъ совершилось начальное открытіе казанскаго университета—совершилось скромно, келейно, безъ всякой публичности, даже безъ церковнаго, хотя бы въ видѣ простого молебствія, торжества, составляющаго у насъ необходимую принадлежность всякаго новаго начинанія. Мѣстное общество не только не было призвано къ участію въ актѣ открытія университета, но не было даже извѣщено о имѣющемъ совершиться событіи, представлявшемъ громадное культурное значеніе для города и для края. Попечитель округа ѣхалъ въ Казань „для обозрѣнія нѣкоторыхъ училищъ"—и этою фиктивною миссіею исчерпывалась для казанцевъ оффиціальная сторона дѣла, и келейно открывшійся университетъ, дѣйствительно, какъ бы „сваливался съ неба" передъ ихъ недоумѣвающими глазами.

Болѣе нежели скромная обстановка открытія казанскаго университета еще рѣзче бросится намъ въ глаза, если мы сравнимъ ее съ помпознымъ ритуаломъ, которымъ сумѣлъ обставить графъ Потоцкій почти одновременное открытіе харьковскаго университета. За день до торжества, два церемоніймейстера „изъ адъюнктовъ" оффиціально оповѣстили о предстоящемъ открытіи университета почетныхъ лицъ города и съѣхавшихся гостей, а особый чиновникъ полиціи сдѣлалъ „съ пристойнымъ сопровожденіемъ" обнародованіе о томъ же во всѣхъ частяхъ города. 17-го января, утромъ, въ зданіе университета собрались высшія свѣтскія и духовныя власти и представители дворянства и гражданства, послѣ чего открылось, подъ трезвонъ колоколовъ, церемоніальное шествіе въ соборную церковь, гдѣ на особомъ мѣстѣ возложена была утвердительная грамота университета, принесенная въ храмъ двумя профессорами съ ассистентами и по окончаніи богослуженія торжественно прочитанная мѣстнымъ преосвященнымъ. Изъ собора процессія снова направилась такимъ же порядкомъ въ университетскій домъ, причемъ утвердительная грамота несена была духовенствомъ, „пріосѣняемая крестнымъ ходомъ". По прибытіи въ актовый залъ университета начался торжественный актъ, открывшійся

рѣчью попечителя графа Потоцкаго, за которою послѣдовало чтеніе статей изъ устава, рѣчи профессоровъ и, наконецъ, провозглашены имена студентовъ, которымъ тутъ же розданы шпаги. Вечеромъ зажжена была иллюминація, и празднества по поводу совершившагося открытія университета не прекращались въ городѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Много внѣшней, и пожалуй даже излишней, декоративности вложено было въ ритуалъ открытія южнаго „ровесника" нашего казанскаго университета. Насаждаемая высшая наука ничего не выигрывала, конечно, ни отъ колокольнаго трезвона во всѣхъ харьковскихъ церквахъ, ни отъ украшавшихъ университетскій порталъ аллегорическихъ транспарантовъ, ни отъ фигурировавшихъ въ роли герольдовъ адъюнктовъ, ни отъ картинныхъ уличныхъ церемоніальныхъ шествій, но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что даже этотъ внѣшній, уличный, показной ритуалъ—способенъ былъ популяризировать въ массахъ значеніе дня, придать ему оттѣнокъ всеобщаго, публичнаго, празднества, возвысить въ глазахъ толпы престижъ вновь основываемаго храма наукъ. Харьковская народная масса хотя этимъ путемъ получила смутное представленіе объ университетѣ, какъ о чемъ то значительномъ, выдающемся на общемъ фонѣ мѣстной провинціальной жизни, возбудившемъ всеобщія ликованія, радость, ожиданія. Не такъ обстояло дѣло у насъ, въ Казани. Рѣдкій праздникъ просвѣщенія не вышелъ за стѣны зданія казанской гимназіи. Слабымъ, едва примѣтнымъ, но уже въ самомъ зарожденіи своемъ живоноснымъ источникомъ забилъ здѣсь 14-го февраля 1805 года ключъ университетской жизни, но мѣстному обществу, не говоря уже о народныхъ массахъ—мало было дѣла до него: много лѣтъ приходилось этому духовному ключу пробивать себѣ трудный путь въ тѣснившихъ его берегахъ—а потокъ будничной казанской жизни безучастно катилъ свои сѣрыя волны мимо него, не интересуясь ни его судьбами, ни его усиліями, ни, порою выступавшими даже, моментами его борьбы за самое существованіе...

Если основаніе университета встрѣтило мало отклика въ верхнихъ слояхъ казанскаго общества, то совсѣмъ уже незамѣтнымъ прошло оно для массы городского населенія: „Ой студено—студенты идутъ!",—таково было ироническое восклицаніе, которымъ, по словамъ Аксакова, привѣтствовало казанское „просвѣщенное лакейство" юныхъ питомцевъ университета и которымъ исчерпывались всѣ ходячія въ массахъ представленія о юношахъ, вновь появившихся на казанскихъ улицахъ, съ производившими немалую сенсацію шпагами на боку.

Нашъ разсказъ о начальномъ открытіи казанскаго университета, на девять слишкомъ лѣтъ предварившемъ собою полное открытіе его на основаніи устава 5-го ноября 1804 года, былъ бы неполнымъ, если бы мы не коснулись вопроса о томъ откликѣ, какой встрѣтило себѣ это событіе въ средѣ элементовъ, съ которыми юному университету сразу же пришлось встать въ непосредственное соприкосновеніе. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ отношеніяхъ университета къ органамъ общей администраціи города и края, къ которому намъ не разъ придется обращаться въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи, мы постараемся въ настоящее время выяснить отношеніе къ факту открытія въ Казани университета слѣдующихъ трехъ элементовъ: мѣстнаго общества, преподавательскаго персонала вновь основаннаго университета и того кружка юношества, на долю котораго выпала честь образовать собою первый контингентъ его слушателей.

Уже не разъ приходилось намъ констатировать то глубоко-печальное явленіе равнодушной и безучастной апатіи, съ которою встрѣчено было въ Казани основаніе здѣсь университета и которое находитъ себѣ объясненіе въ самыхъ условіяхъ казанской общественности начала прошедшаго столѣтія, характеризуемыхъ всѣми бытописателями той эпохи со стороны безусловно отрицательной. Мы уже знаемъ отзывъ проф. Фукса, бывшаго геттингенскаго и марбургскаго студента, объ условіяхъ казанской общественной жизни той поры (1805—1806 г.г.), въ которую онъ начиналъ здѣсь свою университетскую карьеру: „Теперь вамъ легко трудиться,— говаривалъ впослѣдствіе Фуксъ по адресу молодыхъ казанскихъ дѣятелей сороковыхъ годовъ,—а я въ началѣ своей жизни здѣсь нашелъ почти дикарей". Вигель, бывшій въ Казани какъ разъ послѣ открытія здѣсь университета и окрещивающій этотъ городъ наименованіемъ „татарской Москвы", вспоминаетъ, что его положительно „тошнило" отъ пустоты казанской общественной жизни того времени: представители казанскаго общества „собирались, разговаривали безъ умолку, толковали,—а о чемъ? Богъ вѣсть—хотя бы объ собакахъ или объ урожаѣ... Ни политики, ни литературы, а такъ: какой нибудь вздоръ взбредетъ, не на умъ, который тутъ не вмѣшивался, а на языкъ, и какъ на жерновѣ начнетъ перемалываться". Де-Пуле пишетъ, что въ началѣ XIX вѣка человѣкъ, хотя строчкой заявившій себя въ печати—былъ уже въ Казани „дивомъ", и невольно приходитъ въ изумленіе передъ тѣмъ фактомъ, что ни Вигель, ни Второвъ, бывшіе въ Казани какъ разъ въ интересующую насъ пору—„ничего не говорятъ о только что возникшемъ тогда казанскомъ университетѣ".

Изумленіе де-Пуле находитъ себѣ весьма простое объясненіе: интересы вновь основаннаго университета не давали подходящей пищи тому „вздору“, который, по язвительному замѣчанію Вигеля, такъ охотно перемалывался на „жерновахъ“ казанской общественной мысли начала прошлаго вѣка [45].

Насколько еще смутными представлялись въ началѣ XIX вѣка воззрѣнія на задачи университетскаго образованія высшихъ слоевъ русскаго общества, вообще, это наглядно характеризуется донесеніемъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, сѣтующаго на то, что мѣстное дворянство „не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ или имѣя о нихъ весьма темное понятіе, не радѣетъ о воспитаніи дѣтей своихъ“; „дворяне,—продолжаетъ графъ Потоцкій,—лучше согласятся записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершить ихъ знанія; поэтому, если бы университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ пріемѣ студентовъ, то онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента и цѣлому поколѣнію пришлось бы заградить путь къ образованію“ [46]. Если подобнаго рода взгляды на высшее образованіе сказывались въ средѣ харьковскаго общества, проявившаго, какъ мы это скоро увидимъ, хотя внѣшніе знаки сочувствія къ вновь открытому университету, то въ средѣ казанскаго общества интересъ и сочувствіе къ задачамъ мѣстнаго университета дѣятелямъ этого послѣдняго приходилось пробуждать путями и средствами, характеризуемыми извѣстнымъ афоризмомъ о водѣ, пробивающей камень не силою, но своимъ безпрерывнымъ на него паденіемъ[47]....

Императоръ Александръ I, реформируя, отчасти и вновь созидая, дѣло народнаго просвѣщенія въ Россіи, обратился къ народу съ воззваніемъ о матеріальной поддержкѣ своихъ нелегкихъ начинаній: „Мы увѣрены,—взывалъ молодой монархъ,—что всѣ наши вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ содѣйствовать нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу нашему любезномъ..... Всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ вспомоществуя правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее и утвердить на предыдущее время благосостояніе и славу ихъ отечества“. Монаршій призывъ не остался безъ отклика: значительныя суммы жертвовались и частными лицами, и цѣлыми

обществами на нужды народнаго образованія, и примѣры П. Г. Демидова, пожертвовавшаго на нужды высшаго образованія 300 тыс. рублей и $3^1/_2$ тысячи душъ крестьянъ, или князя Безбородко, пожертвовавшаго 210 тыс. рублей на открытіе высшаго училища въ г. Нѣжинѣ, далеко не остались безъ подражаній.

Особенно много пожертвованій поступило на нужды вновь созидавшагося харьковскаго университета. Херсонское дворянство пожертвовало на нужды его 40 тыс. р., съ разсрочкою взноса ихъ на десять лѣтъ; дворянство слободской-украинской губерніи пожертвовало съ тою же цѣлью 400 тыс. р., съ уплатою въ шесть лѣтъ; дворянство екатеринославской губерніи—свыше 100 тыс. р.; харьковское купечество ассигновало въ пользу университета по $1^1/_4$ проценту съ своихъ капиталовъ въ теченіи десяти лѣтъ; харьковское гражданство отдало съ тою же цѣлью всѣ накопившіеся съ 1783 года остатки отъ откупной суммы; харьковскимъ дворянствомъ пожертвована университету огромная, оказавшаяся ему даже непосильною, сумма, уплата которой продолжалась до 1843 года и т. д. [48]

Напрасно стали бы мы искать со стороны современнаго казанскаго общества хотя бы только слабыхъ слѣдовъ отклика на призывъ относительно „патріотическихъ приношеній и пожертвованій" на нужды народнаго просвѣщенія, въ 1803 году раздавшійся съ высоты престола. „Этотъ благородный вызовъ правительства, свидѣтельствующій о его глубокомъ и искреннемъ уваженіи къ народному просвѣщенію, только у насъ, въ Казани, не нашелъ отвѣта и встрѣченъ былъ и со стороны мѣстной администраціи, и со стороны мѣстнаго общества гробовымъ молчаніемъ",—справедливо замѣчаетъ покойный Н. Н. Буличъ, отмѣчающій „тупое восточное равнодушіе", съ которымъ отнеслось казанское общество къ дарованному ему университету [49].

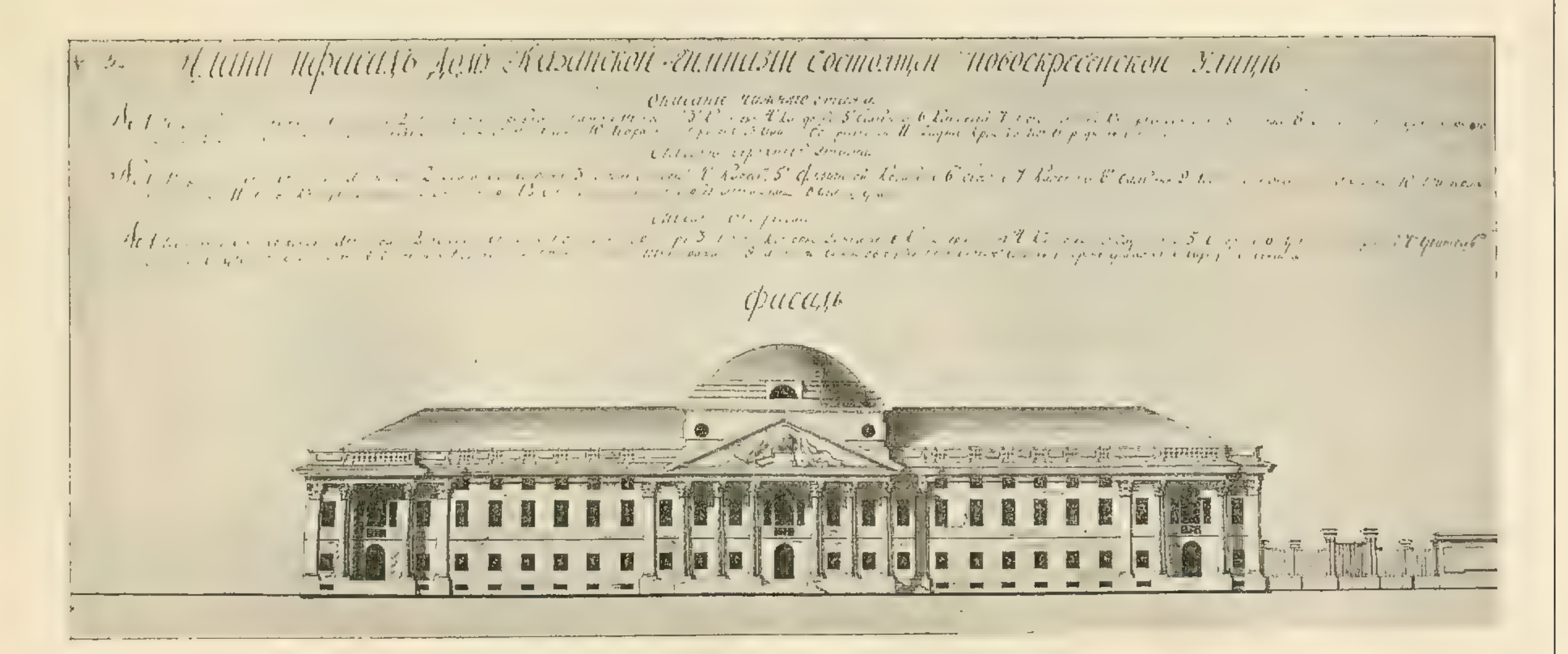
Съ такимъ же индифферентизмомъ относились представители казанской общественности и къ послѣдующимъ годамъ жизни молодого университета, давъ Яковкину основаніе горько сѣтовать на то, что на посѣщеніе торжественныхъ университетскихъ собраній, актовъ и публичныхъ экзаменовъ—„публика настолько скупа, что, кажется, и не заботится, каково обучаются дѣти и родственники". Это индифферентное, холодное и не выходящее за предѣлы показного приличія отношеніе казанскаго общества къ мѣстному университету—останется удѣломъ послѣдняго, какъ неоднократно будемъ мы имѣть случаи въ этомъ убѣждаться, и въ позднѣйшія эпохи жизни казанскаго университета.

Но если былъ въ Казани уголокъ, въ которомъ трепетныя ожиданія и надежды, связанныя съ слухами объ основаніи университета, а затѣмъ и послѣдовавшее открытіе его, порождали самые оживленные толки и вызывали не простую только сенсацію, дававшую пищу праздному уму скучающаго обывателя, но глубоко затрогивали вопросы и интересы текущаго и будущаго дня—то такимъ уголкомъ являлась, конечно, казанская гимназія, въ нѣдрахъ которой зарождался университетъ и которая хорошо знала, что основываемый университетъ будетъ—плотью отъ плоти ея, кровью отъ ея крови.

Достовѣрныя извѣстія о днѣ открытія университета и о состоявшихся назначеніяхъ на кафедры—совпали съ пріѣздомъ въ Казань попечителя Румовскаго. Счастливая случайность сохранила намъ незатѣйливый разсказъ объ этихъ памятныхъ дняхъ, занесенный на страницы воспоминаній С. Т. Аксакова, жившаго въ то время у учителя Карташевскаго. Однажды вечеромъ, разсказываетъ Аксаковъ, собралось къ его Григорію Ивановичу (Карташевскому) много гостей: правитель канцеляріи попечителя Соколовъ и всѣ старшіе учителя гимназіи, кромѣ Яковкина, который или не желалъ снизойти до интимности съ своими будущими „подчиненными" или же, вѣрнѣе всего, былъ поглощенъ занятіями съ пріѣхавшимъ въ Казань Румовскимъ.

„Собрались довольно поздно, такъ что я ложился уже спать,—вспоминаетъ Аксаковъ.—Гости были веселы и шумны; я долго не могъ заснуть и слышалъ всѣ ихъ громкіе разговоры и взаимныя поздравленія: дѣло шло о новомъ университетѣ и о назначеніи въ адъюнкты и профессоры гимназическихъ учителей. На другой день Евсеичъ сказалъ мнѣ, что гости просидѣли до трехъ часовъ, что выпили очень много пуншу и вина и что многіе уѣхали очень навеселѣ. Онъ прибавилъ, что и нашъ принужденъ былъ много пить, но что онъ не былъ хмѣленъ ни въ одномъ глазѣ. У насъ въ домѣ никакой пирушки никогда не бывало, и мы съ Евсеичемъ очень дивились такой новости".

Ближайшая причина этой „новости" не осталась для юнаго гимназиста тайною: оказалось, что въ этотъ вечеръ Карташевскій и его товарищи весело „вспрыскивали" открытіе университета и свое назначеніе въ его адъюнкты. Веселою попойкою дѣло не ограничилось: Аксаковъ разсказываетъ, что вновь назначенные адъюнкты, движимые проявившимся въ гимназіи общимъ подъемомъ духа, открыли для новыхъ и, въ большинствѣ случаевъ, слабо подготовленныхъ студентовъ частные курсы, на которыхъ занимались съ ними не только во всякое свободное время, но даже и по днямъ праздничнымъ [50].

ВИДЪ КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗІИ ВЪ НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

(1800 годъ).

Окрыленный надеждами на будущее подъемъ духа, охватившій собою молодыхъ адъюнктовъ университета, нашелъ себѣ, между прочимъ, выходъ въ письмѣ Карташевскаго къ попечителю, посланномъ вслѣдъ за выѣздомъ Румовскаго изъ Казани:

„Позвольте, ваше превосходительство,—пишетъ здѣсь Карташевскій,—что бы хотя перо изобразило живѣйшія чувства моей благодарности, которыхъ не могъ я изъявить вамъ лично въ справедливой мѣрѣ. Никогда въ жизни моей такія почтенныя лѣта не представлялись въ такомъ почтенномъ образѣ. Добродѣтель, геній, музы—соединилися, чтобъ ихъ украсить. Достойно, чтобъ предъ симъ мужемъ, ознаменовавшимъ себя дѣятельною ревностью чрезъ такое пространство времени, которое вмѣщаетъ въ себѣ цѣлый обыкновенный вѣкъ человѣческій—чтобъ предъ нимъ приносить обѣты свои отечеству: и я обѣщаюсь свято употребить себя, приложить труды къ трудамъ, чтобъ отвѣчать назначенію своему и вниманію столь благомыслящаго начальства".

Въ близкихъ къ этому выраженіяхъ изливалъ избытокъ своихъ чувствъ и другой молодой адъюнктъ вновь основаннаго университета, Запольскій:

„Милостивый государь!—Находя въ лицѣ вашего превосходительства истиннаго моего благодѣтеля, могу ли я удержаться, что бы не принести вамъ частно всей той благодарности, какою навсегда пребудетъ къ вамъ исполнено мое сердце! Такъ, великодушный меценатъ, мы дѣлали предъ вами обѣты соотвѣтствовать своему назначенію; я смѣю чрезъ сіе еще удостовѣрить ваше превосходительство, что я не упущу ничего съ своей стороны сдѣлать не только въ возложенной на меня части, но и въ разсужденіи философіи, какъ предмета, равно меня занимающаго въ физикѣ".

Мы не имѣемъ никакихъ основаній заподозрѣвать искренность экспансивныхъ восторговъ, вызванныхъ въ авторахъ этихъ писемъ обаяніемъ личности попечителя и отлившихся въ такой вычурной, свойственной, впрочемъ, стилистическимъ пріемамъ того времени, формѣ. Безпристрастіе требуетъ, тѣмъ не менѣе, отмѣтить тотъ фактъ, что за этими восторженными воздаяніями добродѣтелямъ Румовскаго, въ письмѣ Карташевскаго скромно таилась и цѣль болѣе практическаго характера—надежда открыть себѣ путь къ профессурѣ. Изложивъ Румовскому свои познанія въ математикѣ и свои преподавательскія способности, Карташевскій заявляетъ попечителю, что онъ намѣревается „соискать высшей степени по своей части" и проситъ попечителя „открыть къ тому путь и указать средства", ссылаясь на то, что „теперь такая точка времени, которую пропустя, послѣ, можетъ быть, вѣкъ свой тщетно будешь ожидать возвращенія того же слу-

чая, а меня,—добавляетъ Карташевскій,—и природа не такъ сложила, чтобъ виды относить вдаль". Румовскій не замедлилъ отвѣтомъ и писалъ Карташевскому, что, съ своей стороны, онъ уже доказалъ ему „опытъ своего усердія и уваженія къ его знаніямъ"; что же касается будущаго, то онъ, Карташевскій, послѣдуя своей природѣ, воленъ „виды свои вдаль не относить", но при этомъ долженъ имѣть въ виду § 57-ой университетскаго устава, въ силу котораго замѣщеніе профессорской кафедры обусловливается представленіемъ ученаго труда по соотвѣтствующей области знанія [51].

Чувства свѣтлой и радостной надежды одушевляли собою и произведенную въ студенты гимназическую молодежь. И на этотъ разъ интерпретаторомъ этихъ чувствъ выступаетъ передъ нами тотъ же С. Т. Аксаковъ:

„Шумная радость одушевляла всѣхъ,—заявляетъ Аксаковъ.—Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутомимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, такъ что бы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ намъ не стыдно было называться настоящими студентами. Сейчасъ же былъ устроенъ латинскій классъ и большая часть будущихъ студентовъ принялась за латынь.... Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить, какою любовью къ просвѣщенью, къ наукамъ было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія: дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и впотьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ.... Такъ продолжалось и въ первый годъ послѣ открытія университета. Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія!" [52]

Передъ нами въ послѣдовательномъ порядкѣ прошли всѣ сохранившіяся свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось 14-го февраля 1805 года открытіе казанскаго университета.

Постараемся же теперь возстановить начальные, на первое время, конечно, еще нетвердые и нерѣшительные, шаги, которыми пошелъ новорожденный университетъ,—университетъ „скороспѣлка", какъ мѣтко называетъ его Аксаковъ,—по тернистому пути своей жизненной дѣятельности.

Открытый безъ раздѣленія своего на факультеты, безъ выборнаго ректора, власть котораго замѣнялась авторитетомъ „профессора-директора" Яковкина, безъ положенныхъ уставомъ совѣта и правленія, функции кото-

рыхъ отправлялись совѣтомъ и конторою гимназіи, безъ собственнаго помѣщенія, безъ необходимыхъ учебныхъ пособій, даже безъ необходимаго комплекта преподавателей—казанскій университетъ могъ быть по полному праву названъ „университетомъ-скороспѣлкою“.

Въ первое время не существовало при университетѣ и тѣхъ отдѣльныхъ учрежденій, которыя положены были при немъ уставомъ—ни педагогическаго института, ни училищнаго комитета, ни комитета цензурнаго. Педагогическій институтъ формировался при университетѣ постепенно, исподволь, по мѣрѣ накопленія кандидатовъ и магистровъ, и окончательное образованіе этого института послѣдовало не ранѣе 1812 года. Цензурный комитетъ образованъ 30-го мая 1807 года; училищный комитетъ открылся лишь 19-го сентября 1811 года.

Переписка по цензурнымъ дѣламъ началась, впрочемъ, уже вслѣдъ за открытіемъ университета, и цензурныя учрежденія, не подозрѣвая своеобразнаго строя казанскаго университета, ничтоже сумняся адресовали бумаги на имя несуществующаго „цензурнаго комитета при казанскомъ университетѣ“. Такъ, уже въ маѣ 1805 года цензурный комитетъ петербургскій увѣдомляетъ цензурный комитетъ казанскій о томъ, что имъ разрѣшенъ къ продажѣ трудъ Тибо о Фридрихѣ Великомъ не иначе, какъ „вырѣзавъ изъ третьяго тома листы, начиная съ 353-й до 539-й страницы“ и т. п., что ставило совѣтъ въ немалое затрудненіе, которое, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и разрѣшалось постановленіями „взять къ свѣдѣнію и доставить въ цензурный казанскаго университета комитетъ, когда оный учредится“ или „взять къ свѣдѣнію и исполненію въ свое время“ [53].

Также точно обстояло дѣло и съ училищными дѣлами, которыя директора училищъ, руководствуясь уставомъ, стали направлять на имя университета, такъ что совѣтъ, по поводу поступившаго на его имя донесенія директора томскихъ училищъ, вынужденнымъ нашелся войти къ попечителю съ запросомъ—„какимъ образомъ онъ долженъ поступать въ подобныхъ случаяхъ“, на что Румовскій и далъ совѣту указаніе, что „впредь до совершеннаго открытія университета всѣ донесенія подобнаго рода имѣютъ поступать на его, попечителя, разрѣшеніе“ [54]. Такъ дѣло и продолжалось въ теченіи почти семи лѣтъ, вплоть до открытія училищнаго комитета, причемъ отношенія университета къ училищамъ находили себѣ за этотъ промежутокъ времени выраженіе лишь въ „визитаціяхъ“, т. е. періодическихъ осмотрахъ училищъ, производившихся, по предписаніямъ попечителя, отдѣльными членами университета; первая изъ

нихъ относится къ 1807 году (визитація Яковкинымъ пензенской гимназіи), вторая—къ 1809 году (визитація оренбургскихъ училищъ адъюнктомъ Запольскимъ и кандидатомъ Кондыревымъ). Сохранившіяся въ университетскомъ архивѣ дѣла о подобнаго рода визитаціяхъ, длинный рядъ которыхъ тянется черезъ всѣ послѣдующіе года жизни университета, вплоть до 1828 года, когда университеты были освобождены отъ вѣданія училищныхъ дѣлъ, и которыя получили особое значеніе послѣ открытія училищнаго комитета, представляютъ, наряду съ дѣлами училищнаго комитета вообще, богатый и любопытный матеріалъ для исторіи народнаго образованія въ краѣ и для исторіи отдѣльныхъ его учебныхъ заведеній, не будучи лишены интереса и съ точки зрѣнія провинціально-бытовой. Не имѣя пока возможности углубляться въ эту крайне любопытную сторону начальной жизни казанскаго университета, сошлемся лишь на замѣчанія проф. Н. Н. Булича относительно значенія этихъ университетскихъ визитацій училищъ: „Эти визитаціи,—пишетъ покойный Буличъ,—поддерживали связь гимназій и училищъ съ университетомъ, періодически оживляли людей, заброшенныхъ въ дикую тогдашнюю глушь, будили ихъ нравственно и не дозволяли имъ опускаться въ гнилое болото мѣстной среды и въ рутину. Для самихъ визитаторовъ такія поѣздки иногда, напримѣръ въ сибирскія губерніи, были весьма плодотворны въ отношеніи научномъ,—они дѣлали наблюденія надъ малоизвѣстною природою, надъ невиданными еще ими людьми и обществомъ. Для нѣкоторыхъ поѣздки эти доставили богатый матеріалъ для научныхъ наблюденій; другіе визитаторы своимъ обозрѣніемъ сохранили много любопытныхъ фактовъ для исторіи образованія страны, почему изучать ихъ донесенія училищному комитету—не безполезно". [55]

Весьма естественно, что однимъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ жизни вновь основаннаго университета—явился вопросъ о самостоятельномъ помѣщеніи для него, какъ непосредственно связанный и съ вопросомъ о полномъ его открытіи, который, въ свою очередь, не могъ быть серьезно выдвинутъ до той поры, пока университету суждено было тѣсниться подъ однимъ кровомъ съ пріютившею его гимназіею.

Мы уже имѣли случай отмѣтить, что вопросъ о помѣщеніи для университета интересовалъ собою Румовскаго еще во время пребыванія его въ февралѣ мѣсяцѣ въ Казани, причемъ попечитель лично осматривалъ сосѣдніе съ гимназіею дома и мѣста, которые могли бы быть пріобрѣтены подъ университетъ. Уже тогда положено было, такимъ образомъ, первое начало вопросу объ университетскихъ постройкахъ, послѣдовательно простирающемуся черезъ все дальнѣйшее столѣтіе жизни казанскаго универ-

ситета, временами принимая, какъ это было и въ самые послѣдніе годы, болѣе или менѣе настоятельный и жгучій характеръ. Несомнѣнно, что этотъ вопросъ въ началѣ минувшаго столѣтія на цѣлый рядъ лѣтъ отсрочилъ и „совершенное“,—выражаясь языкомъ того времени,—открытіе университета на основаніи устава 1804 года; это „совершенное“ открытіе университета сдѣлалось текущимъ вопросомъ дня лишь послѣ того, какъ были пріобрѣтены и приспособлены для гимназіи нынѣшніе дома на Покровской (въ то время Арской) улицѣ, въ которые это учебное заведеніе въ концѣ лѣта 1811 года и перемѣстилось, оставивъ старое помѣщеніе свое уже въ полное наслѣдіе университету.

Зданіе гимназіи, унаслѣдованное университетомъ въ 1811 году и вошедшее впослѣдствіе въ главный лицевой корпусъ университета, образуя въ наши дни восточную часть его, имѣетъ свою, небезинтересную, исторію [56]. Въ половинѣ XVIII столѣтія восточная оконечность Воскресенской улицы, въ наши дни пересѣкаемая улицею Университетскою, выходила на обширный незастроенный пустырь, круто спускавшійся къ нынѣшней Рыбнорядской улицѣ и по гребню котораго еще въ первой четверти того же вѣка тянулись остатки деревянной стѣны стараго казанскаго посада, окончательно снесенные лишь въ 1729 году тогдашнимъ губернаторомъ, извѣстнымъ А. П. Волынскимъ. Эта мѣстность находилась въ то время уже на окраинѣ города, за которою простирались лѣсистые овраги нынѣшняго района улицъ Лядской, обѣихъ Горшечныхъ и прилегающихъ къ нимъ, и начала застраиваться лишь со второй половины XVIII столѣтія, будучи по высочайше конфирмованному плану 1768 года включена въ черту города.

Мѣстность нынѣшняго университетскаго квартала въ третьей четверти XVIII столѣтія далеко не была еще вся застроена. Восточная часть его (нынѣшняя восточная половина главнаго корпуса и выходящій на Университетскую улицу новый корпусъ) представляла собою заросшій пустырь, но въ западной части его уже имѣлись дома, расположенные въ слѣдующей, считая отъ нынѣшняго зданія полиціи, послѣдовательности.

На самомъ углу этого квартала, какъ разъ наискосокъ Воскресенской церкви, находился въ то время домъ премьеръ-маіорши Тютчевой, въ началѣ XIX вѣка принадлежавшій вдовѣ инженеръ-поручика Аннѣ Степановнѣ Спижарной; домъ этотъ, расположенный на 13-ти саженяхъ, съ примыкающимъ къ нему дворомъ, былъ каменный двухэтажный, очень старой постройки, съ крутою деревянною крышею и большимъ слуховымъ окномъ на лицевой сторонѣ. Къ этому мѣсту примыкалъ, на 19-ти саже-

няхъ, дворъ купца Прянишникова, въ началѣ XIX вѣка принадлежавшій уже казанскому коменданту ген.-маіору Степану Николаевичу Кастелли; домъ этотъ былъ также каменный, двухэтажный, въ 9 оконъ по улицѣ, съ пилястрами и выступомъ въ его средней части. Еще восточнѣе этого мѣста и смежно съ нимъ былъ расположенъ, на 34-хъ саженяхъ, обширный дворъ, въ началѣ XIX столѣтія находившійся во владѣніи бывшаго казанскаго губернатора князя Дмитрія Васильевича Тенишева, съ большимъ и красивымъ каменнымъ двухъэтажнымъ домомъ въ 13 оконъ, съ каменнымъ же при немъ заборомъ; этотъ домъ былъ въ 1804 году купленъ за 30 тыс. рублей въ казну, подъ помѣщеніе губернатора *. Всѣ эти дома выходили фасадами на Воскресенскую улицу, занимая собою нынѣшнюю лицевую сторону университетскаго квартала, начиная отъ его сѣверо-западнаго угла, самые же дворы, съ большимъ садомъ во дворѣ Тенишева, углублялись, на югъ, до теперешней Малой Проломной улицы. По противоположной этимъ домамъ сторонѣ Воскресенской улицы располагались въ началѣ XIX вѣка, считая ихъ отъ угла, выходящаго къ церкви, слѣдующіе дома: домъ Папова (на мѣстѣ нынѣшняго углового дома г. Соколова) и сосѣдній съ нимъ домъ секундъ-маіора Порфирія Львовича Молоствова (нынѣ г. Крупеникова).

Къ концу XVIII вѣка сталъ застраиваться и пустырь, расположенный къ востоку отъ дома Тенишева: въ 1796 году здѣсь строился большой двухэтажный каменный домъ, предназначавшійся подъ помѣщеніе для губернатора. Какъ разъ въ то время выдвинутъ былъ вопросъ о возобновленіи казанской гимназіи, для которой подыскивали помѣщеніе, остановившись на нынѣшнемъ восточномъ корпусѣ присутственныхъ мѣстъ (въ кремлѣ), но этому предположенію не суждено было осуществиться: въ бытность свою въ Казани въ концѣ мая 1798 года, императоръ Павелъ Петровичъ утвердилъ представленіе губернатора Казинскаго о предоставленіи подъ помѣщеніе возстановленной гимназіи вновь отстроеннаго губернаторскаго дома, въ который, послѣ необходимыхъ приспособленій его для этой цѣли, гимназія въ сентябрѣ 1799 года и была переведена, и въ которомъ, немного лѣтъ спустя, состоялось и начальное открытіе казанскаго университета.

---

* Эти дома соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ университетскимъ зданіямъ: домъ Спижарной—угловому, противъ полиціи, университетскому дому; домъ Кастелли—дому, въ которомъ помѣщается квартира ректора; домъ Тенишева—нынѣшняя западная часть главнаго университетскаго корпуса. Первые два дома еще и до сихъ поръ часто именуются по фамиліямъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Пожалованный гимназіи и только что отстроенный губернаторскій домъ, нынѣ составляющій, конечно въ совершенно измѣненномъ видѣ, восточную часть главнаго университетскаго корпуса, являлся въ то время однимъ изъ обширнѣйшихъ и красивѣйшихъ зданій города. Онъ представлялъ изъ себя каменный двухэтажный, съ антресолями (третьимъ этажемъ) во дворъ, корпусъ, построенный на 42½ саженяхъ длины, при 11-ти саженяхъ глубины; этотъ корпусъ простирался до нынѣшняго актоваго зала, включая въ это протяженіе и современный парадный вестибюль, на мѣстѣ котораго раньше находились помѣщенія воспитанниковъ гимназіи, а на мѣстѣ нынѣшней церкви—классныя комнаты и физическій кабинетъ. Съ восточной, угловой, стороны корпуса примыкалъ къ нему со двора выстроенный „глаголемъ" и до настоящаго времени сохранившійся служебный флигель. По направленію къ югу гимназическое мѣсто углублялось на 75 саженъ; остальное, выходящее къ нынѣшней Малой Проломной улицѣ, мѣсто принадлежало городу и во владѣніе гимназіи перешло лишь въ началѣ 1805 года.

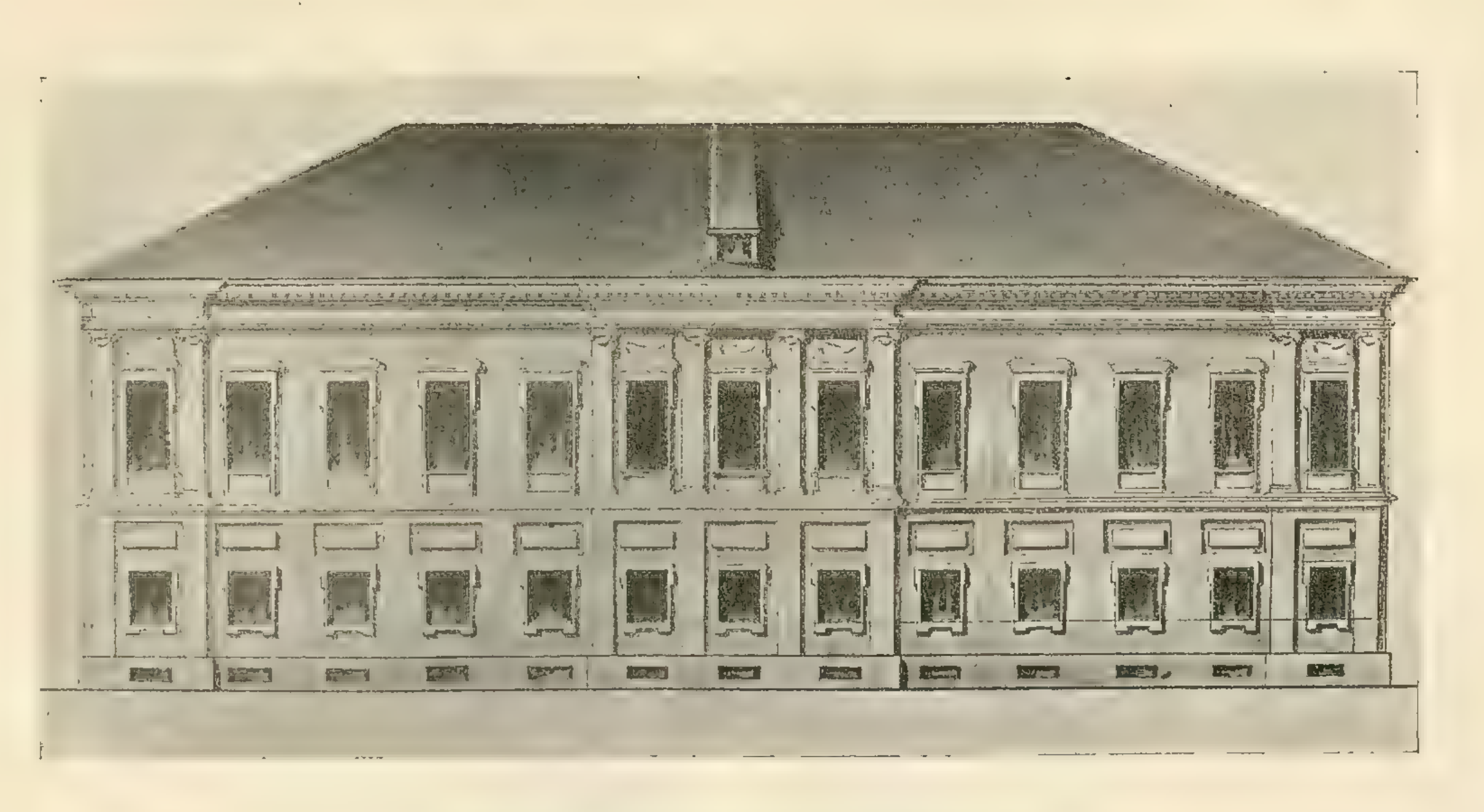
Со стороны Воскресенской улицы главное зданіе гимназіи представляло эффектный фасадъ, украшенный тремя порталами изъ колоннъ коринѳскаго ордена, восьми—въ среднемъ, и по четыре—въ боковыхъ; въ среднемъ порталѣ находился парадный подъѣздъ, съ сквознымъ отъ него, во всю ширину зданія, вестибюлемъ; надъ этимъ порталомъ возвышался треугольный фронтонъ съ аллегорическими лѣпными изображеніями наукъ и искусствъ (глобусъ, лира, математическіе инструменты и т. п.). Все зданіе увѣнчивалось большимъ куполомъ, придававшимъ ему видъ храма. Въ бельэтажѣ зданія, влѣво отъ параднаго входа, находился двухсвѣтный, во всю ширину корпуса и съ хорами, залъ собраній, вправо—такой же столовый залъ; въ томъ же этажѣ помѣщались классныя комнаты, квартира инспектора, физическій кабинетъ, азіатская типографія и кладовыя; въ нижнемъ этажѣ, имѣвшемъ, какъ и нынѣ, сквозныя парадныя сѣни съ улицы во дворъ, размѣщались комнаты для воспитанниковъ, дежурный офицеръ, экономъ, контора и пр. *; въ антресоляхъ находились квартиры служащихъ. Читатели легко могутъ увидѣть изъ только что сдѣланнаго описанія внѣшняго вида гимназическаго зданія, что оно послужило, въ общихъ чертахъ, образцомъ какъ для нынѣшняго главнаго фасада университета (тѣ же три пор-

* См. планъ стараго гимназическаго зданія въ Приложеніи V, въ концѣ настоящей книги, гдѣ онъ воспроизведенъ съ хранящагося въ университетскомъ архивѣ современнаго плана казанской гимназіи.

тала съ колоннами), такъ и для современнаго зданія гимназіи (порталъ, куполъ и пр.). Въ ту пору, къ которой относится основаніе казанскаго университета, гимназіи принадлежалъ и участокъ земли, находившійся на противоположной, сѣверной, сторонѣ Воскресенской улицы, рядомъ съ домомъ Молоствова (гдѣ нынѣ находится зданіе старой клиники); въ глубь этого мѣста шла большая липовая аллея, за которою находился гимназическій манежъ, предназначенный къ переустройству подъ жилыя помѣщенія и подъ помѣщеніе типографіи, а со стороны улицы, въ юго-восточномъ углу, стояли солнечные часы—произведеніе искусства учителя физики, впослѣдствіе адъюнкта, Запольскаго. Роскошный видъ открывался изъ выходившихъ на югъ оконъ антресольнаго этажа гимназическаго зданія (нынѣ занятаго квартирами служащихъ университета) и невольно врѣзался онъ въ память С. Т. Аксакова, которому, въ бытность его воспитанникомъ казанской гимназіи, пришлось лечиться въ гимназической больницѣ, какъ разъ здѣсь помѣщавшейся: „Видъ былъ великолѣпный,—вспоминаетъ Аксаковъ,—вся нижняя половина города съ его Суконными и Татарскими слободами, Булакъ, огромное озеро Кабанъ, котораго воды сливались весною съ разливомъ Волги—вся эта живописная панорама разстилалась передъ глазами; я очень помню, какъ ложились на нее сумерки и какъ постепенно, освѣщалась она утреннею зарей и восходомъ солнца“ [57].

Таково было зданіе, въ которомъ впервые увидѣлъ свѣтъ новорожденный казанскій университетъ, въ которомъ протекли его первые, младенческіе, годы существованія, которому было суждено послужить ячейкою дальнѣйшаго столѣтняго развитія его внѣшняго благоустройства.

Письменныя сношенія Яковкина съ владѣльцами сосѣднихъ съ гимназіею домовъ, признанныхъ подходящими къ пріобрѣтенію ихъ для университета, начались немедленно по прибытіи Румовскаго въ Казань. Предложенія объ уступкѣ ими своихъ домовъ были уже 13-го и 17-го февраля письменно сдѣланы и. д. директора домовладѣльцамъ Молоствову, Папову, Кастелли и Спижарной, отъ которыхъ не замедлили получиться отвѣты. Молоствовъ писалъ (отъ 16-го февраля), что, хотя онъ и не имѣетъ надобности продавать свой домъ, но „ежели оный по близкому положенію университету нуженъ“, то онъ не прочь продать его за 45 тысячъ рублей,—цѣна прямо несообразная, такъ какъ самъ Молоствовъ пріобрѣлъ его въ 1792 году отъ прежняго владѣльца Макарова всего за 15 тысячъ. Паповъ отвѣчалъ (отъ 18-го числа), что онъ „никогда не намѣревался продавать своего дома въ партикулярныя руки, но для университета продать согласенъ цѣною за 30 тысячъ рублей, исключая мебели, картинъ и зеркалъ“,—

ВИДЪ УНИВЕРСИТЕТСКАГО «ТЕНИШЕВСКАГО» ДОМА.

цѣна, признанная также непомѣрно высокою въ виду размѣровъ и плохого состоянія дома. Кастелли писалъ, что „хотя не было моего намѣренія домъ продавать, но уважая потребу университета, а кольми паче почитая сіе заведеніе полезнымъ для общаго блага, спѣшу съ удовольствіемъ уступить домъ мой за 10 тысячъ, такъ какъ и мнѣ самому стоитъ". Вдова Спижарная увѣдомляла (отъ 28-го февраля), что и она не прочь продать свой домъ, назначая за него крайнюю цѣну—6 тысячъ рублей.

Непомѣрныя цѣны, назначенныя Молоствовымъ и Паповымъ, свидѣтельствовавшія лишь о желаніи владѣльцевъ воспользоваться „полезностью ихъ домовъ для общаго блага" къ тому, что бы взять за нихъ хорошую цѣну, исключали возможность дальнѣйшихъ предположеній о покупкѣ домовъ по сѣверной сторонѣ Воскресенской улицы. Остановились на домахъ южной ея стороны, намѣтивъ къ покупкѣ дома Спижарной, Кастелли и губернаторскій (Тенишева); относительно пріобрѣтенія послѣдняго, составлявшаго съ 1804 года собственность казны, необходимо было особое всеподданнѣйшее ходатайство, которое Румовскимъ и было намѣчено. Любопытно, что вопросъ о пріобрѣтеніи этого дома подъ будущій университетъ стоялъ на очереди еще въ декабрѣ 1804 года, какъ это усматривается изъ письма Яковкина къ Румовскому отъ 27-го декабря этого года. Что касается зданія манежа, то его предположено было надстроить вторымъ этажемъ и приспособить къ помѣщенію въ нижнемъ этажѣ—типографіи, а въ верхнемъ—четырехъ небольшихъ профессорскихъ квартиръ, на что исчисленъ былъ расходъ въ 20 тыс. рублей. Такимъ путемъ образовывался цѣлый университетскій кварталъ, лицевую (къ Воскресенской улицѣ) сторону котораго должны были занять университетскія зданія, а заднюю (къ нынѣшней Малой Проломной) Яковкинъ фантазировалъ (что такъ фантазіею и осталось) отвести подъ устройство доходныхъ торговыхъ лавокъ.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Румовскій уже 21-го марта вошелъ по поводу всѣхъ этихъ предположеній въ главное правленіе училищъ съ обстоятельнымъ представленіемъ, къ которому были присоединены необходимые планы и фасады, а министръ народнаго просвѣщенія не замедлилъ, и въ свою очередь, войти по тому же поводу съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, представляя о пріобрѣтеніи домовъ губернаторскаго (Тенишева), Кастелли и Спижарной, указывалъ, со словъ Румовскаго, что „сіи три дома, съ главнымъ гимназическимъ зданіемъ и мѣстами къ онымъ принадлежащими, составляютъ непресѣкаемый кварталъ, въ которомъ университетъ со всѣми отдѣленіями и положенными по штату

чиновниками можетъ быть помѣщенъ весьма удобно и выгодно, если расположить и соединить зданія сіи соотвѣтственно надобностямъ университетскимъ". Въ министерскомъ докладѣ на высочайшее благоусмотрѣніе повергались слѣдующія предположенія:

1. Дома Кастелли и Спижарной, съ присоединеніемъ къ нимъ казеннаго губернаторскаго дома, „безъ коего вся предполагаемая между университетскими строеніями связь была бы прервана", купить для университета, по цѣнѣ: первый—10 тыс. рублей, второй—6 тыс. и третій—30 тыс. рублей, а всего за 46,000 рублей.

2. Манежъ перестроить, согласно заключеніямъ попечителя, въ жилое помѣщеніе, на что потребуется не свыше 20 тыс. рублей.

3. Деньги на указанныя потребности, въ размѣрѣ 66,000 рублей, нынѣ же отпустить изъ суммъ, опредѣленныхъ на казанскій университетъ.

4. Составить подробную смѣту для приспособленія пріобрѣтаемыхъ домовъ къ нуждамъ университета, имѣющую быть въ свое время представленною на высочайшее воззрѣніе.

Докладъ графа Завадовскаго удостоился высочайшаго одобренія, которое и выражено слѣдующею на немъ резолюціею: „Быть по сему— Александръ. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 1-го 1805 года".

Попечитель Румовскій еще раньше, уже 27-го марта, получилъ отъ министра извѣстіе о томъ, что государь соизволилъ на всѣ его предположенія, и въ тотъ же день отписалъ объ этомъ конторѣ казанской гимназіи, предложивъ ей немедленно озаботиться разработкою проэкта и смѣты соединенія въ одинъ корпусъ стараго гимназическаго зданія и вновь пріобрѣтаемаго губернаторскаго (тенишевскаго) дома. Проэктъ этотъ не долженъ былъ касаться устройства институтовъ клиническаго, хирургическаго и повивальнаго, а также анатомическаго театра, химической лабораторіи, обсерваторіи и ботаническаго сада, такъ какъ эти учрежденія требовали необходимыхъ заключеній профессоровъ-спеціалистовъ, которыхъ еще не имѣлось, но за то онъ долженъ былъ имѣть въ виду слѣдующія потребности университета: жилые покои для 40 или 50 студентовъ и для инспектора, помѣщеніе для 12-ти кандидатовъ и для директора педагогическаго института, залы для „физической каморы", библіотеки и для естественнаго кабинета; аудиторіи намѣчались въ нижнемъ этажѣ губернаторскаго дома, который предположено было пробить вдоль свѣтлымъ корридоромъ. Впослѣдствіе въ проэктъ приспособленія вновь пріобрѣтаемыхъ домовъ включены были еще: жилые покои для 12-ти магистровъ, залъ для собраній

совѣта и для его архива, комнаты для правленія съ его архивомъ и для казначейства и залъ для публичныхъ собраній (актовый).

Предположеніямъ Румовскаго суждено было, однако, осуществиться лишь въ самой ограниченной мѣрѣ. Хотя намѣченные къ покупкѣ дома и были университетомъ пріобрѣтены и укрѣплены за нимъ въ томъ же 1805 году, но его проэктъ соединенія въ одно прежняго гимназическаго дома съ домомъ губернаторскимъ—оставался на бумагѣ до двадцатыхъ годовъ, когда, уже въ попечительство Магницкаго, оба зданія были соединены въ одинъ, нынѣ существующій, главный университетскій корпусъ. Что касается зданія манежа, то его пришлось совершенно разобрать и выкладывать вновь, такъ какъ губернскій архитекторъ Шелковниковъ, которому была поручена его перестройка, вошелъ съ рапортомъ о полной ненадежности его стѣнъ и фундамента, недоведеннаго даже до материка; послѣ продолжительныхъ предположеній, а затѣмъ и работъ по перестройкѣ и отдѣлкѣ бывшаго зданія манежа, его переустройство было окончено къ осени 1806 года, когда въ него и была перемѣщена типографія, въ связи съ чѣмъ самый домъ этотъ сталъ съ тѣхъ поръ именоваться—домомъ „типографскимъ".

Видную роль въ первоначальныхъ строительныхъ замыслахъ Румовскаго и Яковкина игралъ казанскій губернскій архитекторъ того времени Шелковниковъ, съ которымъ попечитель свелъ знакомство еще въ бытность свою въ Казани. При его содѣйствіи производились осмотры намѣченныхъ къ пріобрѣтенію для университета домовъ; на него же возложено было руководство всѣми предстоявшими строительными работами, на дѣлѣ ограничившимися, какъ мы это только что видѣли, лишь перестройкою манежа. Въ виду того, что Шелковниковъ, отвлекаемый своими прямыми служебными обязанностями, не могъ удѣлять достаточно времени интересамъ университета, въ помощь ему былъ приглашенъ, по рекомендаціи Яковкина, архитекторъ Смирновъ, бывшій учитель архитектуры и рисованія въ старой (до 1788 г.) казанской гимназіи, а впослѣдствіе нижегородскій губернскій архитекторъ, жившій въ то время въ Казани не у дѣлъ. На этихъ то двухъ архитекторовъ и было возложено порученіе составить проэктъ соединенія вновь пріобрѣтенныхъ домовъ. Предписаніе Румовскаго о немедленной разработкѣ такого проэкта было еще 2-го мая 1805 года обсуждаемо въ конторѣ гимназіи при участіи Шелковникова, который тогда же обѣщалъ составить два „прожекта": первый—„какъ соединить гимназическій корпусъ съ домами губернаторскимъ и Кастелія", и второй—„что бъ къ сему соединенію присовокупить даже и домъ Спи-

жарной". Принимая во вниманіе предположеніе самого Румовскаго, мы увидимъ, что вопросъ въ сущности свелся къ тремъ проэктамъ: а) соединенія гимназическаго зданія со всѣми тремя пріобрѣтенными домами, что должно было создать колоссальный корпусъ, фасадомъ своимъ простирающійся на всю лицевую сторону университетскаго квартала, б) соединенія всѣхъ этихъ зданій, за исключеніемъ углового дома Спижарной, и в) соединенія только домовъ гимназическаго и губернаторскаго (предположеніе Румовскаго, впослѣдствіе и осуществившееся). Въ этихъ трехъ направленіяхъ Шелковниковъ съ Смирновымъ и повели свои изысканія, причемъ въ особенно эффектной формѣ отливалась у нихъ первая версія соединенія, по которой средняя часть будущаго корпуса, въ цѣломъ своемъ двухъэтажнаго, должна была возвышаться въ три этажа, съ бельведеромъ надъ нею для обсерваторіи и съ колоннадою; въ этой центральной части корпуса предполагался большой залъ собраній и главныя аудиторіи.

Въ надеждѣ на скорое начало работъ, Яковкинъ приступилъ даже къ заготовкѣ строительныхъ матеріаловъ: весною купилъ два плота бревенъ и разработывалъ планъ устройства университетскаго кирпичнаго завода, но скоро его строительному пылу положенъ былъ предѣлъ. Первымъ для него разочарованіемъ явился рапортъ Шелковникова и Смирнова, которымъ они доводили до свѣдѣнія конторы, что ими произведено подробное освидѣтельствованіе купленныхъ для университета домовъ и что въ результатѣ его оказалось слѣдующее: „Домы губернаторскій и Спижарной въ своемъ фундаментѣ не весьма надежны, притомъ и стѣны всѣ въ рвотинахъ, къ надстройкѣ неудобны; комендантскій же (т. е. домъ Кастелли) хотя и твердъ, но по тонкости стѣнъ и по низкости дому надстройки высокой вынести не можетъ.... Къ тому жъ корпусъ гимназическій шириною 10 саженъ и 2 аршина, губернаторскій—10 саженъ, комендантскій—8 саженъ; слѣдовательно, все придетъ къ переправкѣ, почему и находимъ великое неудобство въ соединеніи всѣхъ ихъ вмѣстѣ". Заслушавъ этотъ рапортъ въ засѣданіи 16-го августа 1805 года, контора опредѣлила довести его до свѣдѣнія попечителя округа. Вторымъ разочарованіемъ явилось для Яковкина предложеніе попечителя отъ 31-го того же августа, въ которомъ Румовскій, отказывая директору въ его ходатайствѣ о заготовленіи строительныхъ матеріаловъ и высказывая предположеніе, что ранѣе двухъ лѣтъ не состоится утвержденіе проэктируемыхъ работъ, добавляетъ: „Сверхъ сего, общее движеніе войскъ показываетъ, что мы близки къ войнѣ, и ежели Всевышнему отвратить оной не будетъ благоугодно, то я думаю, что необходимость заставитъ помедлить строеніемъ".

Отвергая болѣе грандіозные проэкты казанскихъ архитекторовъ, Румовскій продолжалъ настаивать на простѣйшемъ изъ нихъ—соединеніи домовъ гимназическаго и губернаторскаго, рекомендуя Яковкину въ этомъ направленіи и выработать надлежащую смѣту. Но и этимъ предположеніямъ не было суждено вступить на путь дѣйствительнаго своего осуществленія: 1-го сентября была возвѣщена война съ Франціею, которою открылся рядъ наполеоновскихъ войнъ; 9-го сентября императоръ Александръ лично выѣхалъ къ дѣйствующей арміи, а два дня спустя, 11-го сентября 1805 года, Румовскій уже пишетъ въ Казань, что „обстоятельства, войною угрожающія, не позволяютъ утруждать государя объ отпускѣ суммы на перестройку всѣхъ университетскихъ домовъ“.

Такъ былъ положенъ конецъ широкимъ строительнымъ замысламъ перваго года существованія казанскаго университета, которому выпало на долю еще долгій рядъ лѣтъ ютиться по разбросаннымъ и плохо приспособленнымъ отдѣльнымъ зданіямъ университетскаго „квартала“. Оказалось, къ тому же, что вновь пріобрѣтенные дома, въ особенности домъ Спижарной, ветхій уже тогда, были въ состояніи, требующемъ безпрестаннаго ремонта, который и не переставалъ служить въ послѣдующіе годы предметомъ постоянныхъ заботъ гимназической конторы, а впослѣдствіе—университетскаго правленія. Память о строительныхъ затѣяхъ 1805 года уцѣлѣла въ видѣ цѣлой серіи архитектурныхъ плановъ и фасадовъ работы Шелковникова и Смирнова, сохранившихся въ архивѣ казанскаго университета [58].

Хотя и тѣсно было вновь основанному университету подъ одною крышею съ казанскою гимназіею, но, разъ онъ былъ открытъ—приходилось такъ или иначе, худо ли хорошо ли, позаботиться объ устройствѣ его внутренняго строя и о направленіи его учебной дѣятельности. Посмотримъ же, что было сдѣлано въ этомъ направленіи въ самое первое время существованія казанскаго университета.

Начнемъ съ *устройства жизни студентовъ*.

Намъ уже извѣстенъ тотъ небольшой комплектъ студентовъ, при наличности котораго открылся казанскій университетъ. Въ студенты были „произведены“ въ февралѣ 1805 года—33 воспитанника гимназіи, къ которымъ послѣ лѣтнихъ испытаній того же года присоединены еще 8 воспитанниковъ, такъ что къ концу перваго года существованія университета

общее число студентовъ должно было бы достигнуть цифры 41-го, но, въ дѣйствительности, свелось къ цифрѣ 39-ти, такъ какъ одинъ студентъ (Е. Груберъ—будущій попечитель казанскаго учебнаго округа) 3-го іюня уволился изъ университета, а другой (А. Яковкинъ—сынъ директора) 21-го ноября „волею Божіею, ко всеобщему сожалѣнію"—умеръ. Возрастъ казанскихъ студентовъ перваго состава рѣзко колебался между 13-ю и 20-ю годами, съ преобладаніемъ семнадцатилѣтняго (12 чел.), шестнадцатилѣтняго (7) и пятнадцатилѣтняго (7) возрастовъ; двое имѣли по 20-ти и столько же по 13-ти лѣтъ. По происхожденію значительное большинство студентовъ принадлежало къ дворянамъ—27 человѣкъ, и только 14 юношей были дѣтьми разночинцевъ. Двое изъ студентовъ получили начальное образованіе въ народномъ училищѣ (саранскомъ, пензенской губ.—братья В. и Д. Перевощиковы), всѣ же остальные до поступленія въ гимназію обучались дома. Изъ общаго числа студентовъ перваго состава 34 состояли на казенномъ содержаніи, 1 былъ пансіонеромъ дворянства (Груберъ) и 6 числились своекоштными (Аксаковъ, Дмитріевъ, Клепининъ, А. Панаевъ, И. Панаевъ и Н. Панаевъ) [59].

Мы уже знаемъ, что университетскій уставъ 1804 года, не задаваясь регламентаціею внутренней жизни студенчества, всецѣло предоставляетъ сообразовывать ее „съ правилами благочинія, сочиненными университетскимъ совѣтомъ". На первое время считали возможнымъ обходиться безъ „сочиненія" такихъ правилъ благочинія, по просту говоря—правилъ для студентовъ, такъ какъ студенты жили подъ одною кровлею съ воспитанниками гимназіи, вѣдались общимъ съ ними начальствомъ, а потому находили вполнѣ цѣлесообразнымъ подчинить ихъ въ дисциплинарномъ отношеніи и общему режиму гимназической жизни. Въ первый годъ существованія университета дисциплинарною властью по отношенію къ студентамъ была облечена общая гимназическая инспекція, въ лицѣ главнаго надзирателя и „дежурнаго офицера", и только годъ спустя послѣ открытія его, 8-го февраля 1806 года, надъ студентами поставленъ положенный по уставу инспекторъ студентовъ,—должность, въ которую и былъ назначенъ тотъ же И. Ѳ. Яковкинъ, остававшійся въ ней въ теченіи семи слишкомъ лѣтъ (до половины 1813 года). Въ январѣ 1808 года Яковкинъ, представляя совѣту составленный имъ первый краткій кодексъ дисциплинарныхъ правилъ для студентовъ, заявлялъ, что онъ до тѣхъ поръ, по своему званію инспектора, „руководствовался благоразуміемъ и долговременною опытностью",—т. е. личнымъ усмотрѣніемъ, которое имѣло своею исходною точкою, конечно, порядокъ, заведенный для воспитанниковъ гимназіи [60].

Впрочемъ, нѣкоторыя дисциплинарныя мѣропріятія спеціальнаго характера были предприняты по отношенію къ студентамъ тотчасъ же по открытіи университета. Сюда относится, прежде всего, заведеніе особой книги для отмѣтки въ ней какъ данныхъ относительно поведенія студентовъ и налагаемыхъ на нихъ взысканій, такъ и всѣхъ, вообще, явленій и фактовъ университетской жизни, представляющихъ то или другое соотношеніе къ студенчеству, какъ то: пріемы въ студенты, увольненія изъ студентовъ, измѣненія въ порядкѣ преподаванія, открытіе новыхъ курсовъ, прибытіе вновь назначенныхъ профессоровъ и т. п. Эта книга,—шнуровая, за подписью Яковкина и предназначенная для храненія ея старшими студентами педагогическаго института (въ то время, впрочемъ, еще не существовавшаго),—была заведена 16-го марта 1805 года и хранится въ архивѣ университета подъ заглавіемъ „Книга о поведеніи студентовъ педагогическаго института императорскаго казанскаго университета, 1805—1820 годовъ",—заглавіемъ, далеко не исчерпывающимъ ея въ высшей степени цѣнное и богатое фактическимъ матеріаломъ содержаніе, къ которому намъ впослѣдствіе придется не разъ обращаться. „Книга поведенія" съ первыхъ же страницъ своихъ не преминула украситься записями о студенческихъ проступкахъ. Такъ, подъ 16-мъ числомъ апрѣля значится здѣсь, что студентъ Чуфаровъ „по четырехкратному замѣчанію о своевольныхъ его отлучкахъ и въ противность наблюдаемаго порядка за своевольное ночеваніе внѣ университета, вносится въ инспекторскую шнуровую (т. е. въ эту самую) книгу за умышленные свои проступки и неисправленіе"; 24-го апрѣля студентъ Кузьминскій „замѣченъ въ своевольствѣ и дерзости"; студентъ Балясниковъ замѣченъ 19-го мая „въ умышленномъ своевольствѣ, въ ослушаніи къ начальству и во лжи", за что и лишенъ кандидатуры въ камерные студенты, а 28-го августа тотъ же Чуфаровъ „замѣченъ въ нарушеніи правилъ, свойственныхъ благородно воспитываемому человѣку и въ нераскаянности къ исправленію сего поступка" и т. п. [61].

Приняты были мѣры и къ постоянному контролю надъ успѣхами и поведеніемъ студентовъ. Съ этою цѣлью составлялись ежемѣсячныя „вѣдомости императорскаго казанскаго университета о студентахъ, показующія прилежаніе, успѣхи и поведеніе въ классахъ", основанныя на показаніяхъ преподавателей и въ которыхъ, по особымъ графамъ, отмѣчались эти данныя по отношенію къ каждому отдѣльному студенту и по каждому изъ преподаваемыхъ предметовъ; вѣдомости эти поступали въ совѣтъ, а копіи съ нихъ ежемѣсячно же препровождались въ Петербургъ на разсмотрѣніе

попечителя округа. Успѣхи студентовъ выражались здѣсь, по каждому отдѣльному предмету, отмѣтками: „превосходенъ", „отличенъ", „успѣваетъ хорошо" или просто „успѣваетъ", „изряденъ", „старается" или „старателенъ", „надеженъ", „подаетъ надежду", „не худъ", „посредственъ" или „средственъ", „исправенъ" или „исправляется", „можетъ или могъ бы хорошо учиться", „мало старается", „слабъ", „очень слабъ" и т. п., часто очень неопредѣлительными отзывами; прилежаніе отмѣчалось словами: „прилеженъ", „примѣрно внимателенъ" или просто „внимателенъ"; поведеніе аттестовалось словами: „хорошъ", „очень благонравенъ", „благонравенъ", „ведетъ себя хорошо", „не худъ" и т. п. Приведемъ, для образца, отмѣтки за май мѣсяцъ 1805 года студента С. Аксакова: „Чистая математика—средственъ; россійскій классъ—отличенъ, хорошъ; французскій классъ—прилеженъ, исправенъ; философія—отлично передъ прочими успѣваетъ; физика—можетъ стараться; прикладная математика—можетъ стараться" и т. п. [62].

Уже при самомъ открытіи казанскаго университета введенъ былъ въ жизнь студенчества институтъ „камерныхъ студентовъ", при посредствѣ котораго разсчитывали учредить дисциплинарный надзоръ за учащеюся молодежью черезъ лицъ, выбранныхъ изъ среды самого же студенческаго товарищества. Эти камерные или старшіе студенты, первоначально назначавшіеся университетскимъ начальствомъ, а впослѣдствіе избиравшіеся самимъ студенчествомъ, обязаны были имѣть наблюденіе въ камерахъ, т. е. комнатахъ,—откуда и ихъ названіе,—за поведеніемъ своихъ товарищей, за выполненіемъ ими всѣхъ предписанныхъ для студентовъ правилъ, за аккуратностью научныхъ занятій и т. п., причемъ они періодически представляли по начальству соотвѣтствующіе рапорты. Дѣятельность камерныхъ студентовъ въ первое время по основаніи университета не была регулирована, и только осенью 1807 года выработано было инспекторомъ студентовъ Яковкинымъ особое положеніе о камерныхъ студентахъ, заключавшее въ себѣ 40 параграфовъ и формулировавшее понятіе камернаго студента слѣдующимъ, нѣсколько оригинальнымъ, образомъ: „камерный студентъ,—говорится здѣсь,—есть помощникъ помощника инспектора студентовъ". Первые камерные студенты были назначены уже тотчасъ по открытіи университета, въ числѣ четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ двое названы были „старшими", а двое „подстаршими" камерными студентами; въ первые попали, на мартъ мѣсяцъ 1805 года, студенты В. Графъ и В. Перевощиковъ, во вторые—П. Кондыревъ и Н. Упадышевскій [63]. Начальная пора жизни казанскаго университета не даетъ намъ матеріаловъ для характеристики этого своеобразнаго института и для оцѣнки пользы, имъ приносившейся,

ВИДЪ УНИВЕРСИТЕТСКАГО «КАСТЕЛЛІЕВСКАГО (КОМЕНДАНТСКАГО)» ДОМА

почему болѣе подробныя данныя объ этихъ камерныхъ студентахъ могутъ быть нами представлены лишь ниже, въ связи съ обзоромъ позднѣйшихъ мѣропріятій по урегулированію жизни студентовъ. Впрочемъ, въ первые два съ половиною года существованія университета, именно до составленія для нихъ правилъ 1807 года, эти камерные студенты едва ли и не числились только на бумагѣ.

Утвердивъ первый списокъ студентовъ, Румовскій, какъ мы это видѣли, предписалъ отвести для нихъ отдѣльное отъ воспитанниковъ гимназіи помѣщеніе и сдѣлать нѣкоторую „отмѣну въ пищѣ и одѣяніи". Объ этомъ распоряженіи говоритъ и уже цитированная нами инспекціонная книга, отмѣчающая, что для переименованныхъ въ студенты воспитанниковъ „сдѣлана нѣкоторая перемѣна какъ въ мундирахъ, такъ и самомъ столѣ", что для нихъ „отведены особыя комнаты и смотрѣніе за ними поручено достойнѣйшимъ изъ нихъ (т. е. камернымъ студентамъ)". Точно также и С. Т. Аксаковъ вспоминаетъ, что въ гимназіи шли въ ту пору „большія хлопоты о назначеніи студентамъ особыхъ комнатъ, объ устройствѣ для нихъ особеннаго стола въ другой небольшой залѣ и объ открытіи новыхъ университетскихъ лекцій". Что касается внѣшняго, „мундирнаго", отличія студентовъ отъ гимназистовъ,—вопроса, очень интересовавшаго, по видимому, Яковкина,—то отличіе выражалось здѣсь въ воротникахъ, обшлагахъ и пуговицахъ. Яковкинъ предполагалъ было установить это отличіе и со стороны качества матеріала для обмундировки и по этому поводу весною 1805 года входилъ къ попечителю съ особымъ представленіемъ, въ которомъ, ссылаясь на установившуюся въ казанской гимназіи практику дѣлать ежегодно партіонную закупку необходимаго обмундировочнаго матеріала на макарьевской ярмаркѣ, ставилъ вопросъ: „Какъ въ гимназіи различены теперь студенты отъ гимназистовъ и, судя по основанному здѣсь университету, должно ожидать и новаго расположенія—то по сей причинѣ честь имѣю испрашивать разрѣшенія, не соблаговолите ли предписать сдѣлать какую либо въ разсужденіе заготовленія на питомцевъ вещей перемѣну?" При этомъ Яковкинъ приложилъ и „выписку изъ штата о вещахъ, которыя покупаются для питомцевъ на макарьевской ярмаркѣ"; здѣсь фигурируютъ всевозможные предметы экипировки, начиная отъ холста и сукна и кончая шляпами, перчатками, гребнями, башмачными пряжками и т. п., причемъ узнаемъ, что мундирное сукно покупалось цѣною по 2 рубля для дворянъ и по 1 р. 75 к. для разночинцевъ, а сюртучное сукно по 1 р. 75 к. для первыхъ и по 1 р. 30 к. для вторыхъ. Въ своемъ отвѣтѣ директору, Румовскій, оставляя въ силѣ это сословное раз-

личіе въ качествѣ платья, добавляетъ, что онъ „не признаетъ нужнымъ дѣлать каковую либо перемѣну въ заготовленіи, кромѣ какъ, что бъ студенты отъ учениковъ гимназіи, какъ говорено было словесно, отличены были воротниками, обшлагами и пуговицами“ [64].

Студенты раздѣлялись на „казенныхъ“, содержавшихся на полномъ иждивеніи университета, „пансіонеровъ“, находившихся на иждивеніи различныхъ обществъ и частныхъ лицъ, и „своекоштныхъ“, содержавшихся на собственный счетъ и жившихъ внѣ университета. Въ первое время существованія университета, когда общее количество студентовъ было еще не велико, да и пополнялось, преимущественно, изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназій, численность студентовъ первой категоріи представлялась подавляющею. Мы видѣли, что изъ 41 студента перваго года существованія университета только шестеро являлись своекоштными. Такъ обстояло дѣло и въ послѣдующіе годы: къ 1-му января 1807 года только восемь своекоштныхъ студентовъ приходились на 52 студента всего университета, къ 1-му января 1808 года изъ 40 студентовъ видимъ всего четырехъ своекоштныхъ, къ 1-му января 1809 года изъ 33-хъ—только двоихъ, къ 1-му января 1810 года изъ 32-хъ—уже ни одного, къ 1-му января 1811 года изъ 34-хъ—четырехъ и т. д. Это явленіе съ несомнѣнною ясностью свидѣтельствуетъ о слабомъ сознаніи необходимости высшаго университетскаго образованія среди молодыхъ людей состоятельныхъ классовъ, большая часть которыхъ или вовсе не шли въ университетъ, предпочитая непосредственное вступленіе въ службу, въ особенности же военную, или же оставляли университетъ, не прослушавъ въ немъ полнаго курса (къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и С. Т. Аксаковъ). Случалось, впрочемъ, и весьма нерѣдко, что въ число казенныхъ студентовъ поступали и сыновья родителей вполнѣ состоятельныхъ, не желавшихъ лишь нести бремя связанныхъ съ высшимъ образованіемъ издержекъ, а впослѣдствіе всѣми правдами и неправдами старавшихся сбросить съ плечъ тѣ служебныя обязательства, которыя налагались званіемъ казеннаго студента. Учебное вѣдомство, съ своей стороны, настоятельно требовало выполненія этихъ обязательствъ—и на этой почвѣ возникали обширныя дѣла, изъ которыхъ дѣло объ освобожденіи отъ обязательной службы А. Княжевича (будущаго министра финансовъ), напримѣръ, тянулось почти два года и получило благопріятное разрѣшеніе лишь благодаря личному ходатайству матери Княжевича передъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Обязательственныя отношенія казенныхъ студентовъ передъ университетомъ были опредѣлены примѣнительно къ § 126-му устава и заключа-

лись въ томъ, что просящійся на казенное содержаніе обязывался, прослушавъ университетскій курсъ, пробыть нѣкоторое время при педагогическомъ институтѣ университета въ званіи кандидата—„дабы имѣть время и случай удостовѣриться, возможетъ ли онъ удовлетворить ожиданію начальства", причемъ родители, отдающіе сыновей на казенное содержаніе, давали университетскому начальству подписку въ томъ, что предоставляютъ ихъ „въ полное распоряженіе гимназіи и университета"; при принятіи на казенное содержаніе предписывалось обращать вниманіе не только на качества кандидатовъ, но и „на количество семейства родителей, ихъ состояніе, имущество и всѣ приличныя обстоятельства, такъ что, изъ двухъ кандидатовъ одинаковыхъ качествъ, бѣднѣйшій, и изъ многолюднѣйшаго семейства предпочитается всегда другому" [65].

Самымъ серьезнымъ послѣдствіемъ пребыванія студента на казенномъ содержаніи являлась, какъ мы это видѣли, обязательная шестилѣтняя служба его по назначенію учебнаго начальства, и вотъ причина распоряженія, сдѣланнаго Румовскимъ еще передъ отъѣздомъ его изъ Казани, о томъ, что бы Яковкинъ запросилъ родителей о желаніи ихъ оставить или вновь отдать сыновей „въ полное распоряженіе университета". Отзывы родителей на соотвѣтствующія письма Яковкина, въ огромномъ большинствѣ случаевъ утвердительнаго содержанія, стали получаться уже съ первыхъ чиселъ марта и нѣкоторыя изъ нихъ представляются настолько любопытными или характерными, что мы считаемъ нелишнимъ познакомить съ ними читателей.

„Милостивый государь Илья Федоровичъ!—пишетъ, напримѣръ, изъ г. Цивильска отецъ студента А. Петрова.—Посланное отъ совѣта гимназіи чрезъ требованіе за подписомъ вашимъ я имѣлъ счастье получить, за которое приношу мою наичувствительнѣйшую благодарность. Я увѣренъ во всемъ подобномъ вашей добродѣтели, во первыхъ полагаю предѣлъ моего сотворшаго Господа, а подъ покровительствомъ Его десницы благословляю и я, отецъ, Александра Михайлова сына Петрова для наученія въ открывшійся казанскій императорскій университетъ быть студентомъ, сколько его здоровье позволитъ, на которое ваше ко мнѣ требованіе я согласенъ на условіе предписанное отъ васъ ко мнѣ въ письмѣ, и прошу васъ покорнѣйше объ немъ взять трудъ свой яко попечителя, а я остаюсь вашъ навсегда съ преданностью моею!".....

„Милостивый государь Илья Ѳедоровичъ!—отзывается изъ Пензы отецъ нашихъ будущихъ академиковъ, братьевъ В. М. и Д. М. Перевощиковыхъ.—Въ согласность требованія вашего относительно сыновей

моихъ.... соотвѣтственно симъ удостовѣрить честь имѣю, что по назначенію ихъ въ казенные студенты какъ по собственной ихъ склонности, такъ и по желанію моему, безпрепятственно отдаю въ полное гимназіи и университета распоряженіе, коихъ пользы и покровительство для каждаго здравомыслящаго совершенно благонадежны"....

„Милостивый государь Илья Федоровичъ!—заявляетъ казанскій дворянинъ П. А. Манасеинъ.—Извѣстно мнѣ, что обучающіеся на моемъ содержаніи въ казанской гимназіи дѣти мои Веніаминъ и Ельпидифоръ (будущій адъюнктъ университета) состоятъ кандидатами на казенное содержаніе. Отдавая преимущество образованію ума и сердца предъ всѣми другими въ жизни человѣка выгодами и притомъ обремененъ будучи еще и кромѣ ихъ немалочисленнымъ семействомъ, симъ имѣю честь торжественно удостовѣрить васъ, м. г., что ежели они удостоены будутъ казеннаго содержанія, то я отдаю обоихъ оныхъ дѣтей моихъ въ полное распоряженіе гимназіи и университета, желая чрезъ то по силамъ моимъ содѣйствовать пользамъ отечества и благовиднымъ намѣреніямъ начальства просвѣщенія"....

„Милостивый государь Илья Ѳедоровичъ!—отвѣчаетъ отецъ будущаго министра финансовъ, М. Княжевичъ.—Сынъ мой Александръ пишетъ ко мнѣ, что вы требуете отъ меня письменнаго отзыва, хочу ли я его оставить въ университетѣ на казенномъ коштѣ; на что васъ увѣдомляю, что я на сіе весьма согласенъ и очень радъ, ежели сынъ мой будетъ достоенъ того жребія, что бы доходить въ университетѣ до вышнихъ степеней наукъ, и рекомендую его въ ваше покровительство и покорнѣйше прошу быть ему отцомъ на мѣсто меня. Знаю я многотрудную должность быть учителемъ и обучать дѣтей, но сей трудъ награждается тѣмъ, что онъ все сіе время можетъ обучать самъ себя и приходить къ вящему совершенству.... Повторяю мою всепокорнѣйшую просьбу, будьте ему, м. г., въ его малолѣтствѣ защитникомъ и благодѣтелемъ, за что я останусь во всю мою жизнь вамъ благодарнымъ"....

А вотъ письмо, представляющее историческій интересъ, такъ какъ оно касается ученическихъ лѣтъ будущей красы и гордости казанскаго университета, славнаго геометра Н. И. Лобачевскаго:

„Милостивый государь Илья Ѳеодоровичъ!—пишетъ изъ Нижняго вдова Прасковья Лобачевская, мать будущаго великаго математика.—Два письма изъ совѣта гимназіи отъ имени вашего имѣла честь получить. Извините меня, что я по причинѣ болѣзни долго не отвѣчала. Вы изволите писать, что бъ я увѣдомила васъ о своемъ намѣреніи, желаю ли я, что бы дѣти мои (Александръ, Алексѣй и Николай) остались казенными съ тѣмъ, дабы, окончивъ ученическій и студенче-

скій курсы, быть шесть лѣтъ учителями. Я охотно соглашаюсь на оное и желаю дѣтямъ, какъ можно прилагать свои старанія за величайшую государя милость, особливо для насъ, бѣдныхъ".

Весьма характерный отвѣтъ далъ симбирскій дворянинъ Кириллъ Графъ относительно сына своего Владиміра. Поставляя себѣ „въ великое удовольствіе" предназначеніе сына въ казенные студенты, Графъ заявляетъ при этомъ, что на то, „что бъ пробыть ему по окончаніи студенческаго курса еще шесть лѣтъ въ учительской или другой какой либо при университетѣ учебной должности—на сіе согласія моего дать не могу, потому болѣе, что, по расположенію моему, а равно и по желанію и склонности сына моего, мое намѣреніе есть, по окончаніи сказаннаго студентскаго курса и съ тѣмъ, дабы университетъ, наградя свидѣтельствомъ, уволилъ его для опредѣленія въ воинскую службу такъ, что бъ онъ могъ во оную вступить офицерскимъ чиномъ". Оправдывая свое рѣшеніе желаніемъ, чтобы сынъ его свое „званіе дворянское не терялъ", Графъ изъявляетъ намѣреніе оставить сына въ университетѣ „на собственное свое содержаніе". Соображенія матеріальнаго характера взяли, однако, перевѣсъ надъ фантастическимъ опасеніемъ утраты сыномъ „дворянскаго званія" и уже четыре мѣсяца спустя тотъ же Графъ изъявляетъ безусловное согласіе „на правила, каковы въ уставѣ университета изданы". Военная служба молодому Графу такъ и не улыбнулась: окончивъ университетскій курсъ, онъ былъ впослѣдствіе учителемъ тамбовской гимназіи.

Бывали случаи ходатайствъ самихъ родителей о перечисленіи ихъ сыновей на казенное содержаніе изъ разсчетовъ не только матеріальнаго свойства, но и изъ опасеній нравственнаго характера; такъ, въ августѣ 1805 года титул. совѣтникъ Чуфаровъ ходатайствуетъ о такомъ перечисленіи сына, бывшаго студентомъ своекоштнымъ, мотивируя это тѣмъ, что его „таковой родъ жизни очень безпокоитъ по предмету молодости лѣтъ сына; что можетъ скорѣе развратить мальчика, какъ не свобода?"—восклицаетъ при этомъ предусмотрительный родитель, соглашаясь впередъ на всѣ предъявляемыя по отношенію къ казеннымъ студентамъ обязательства. Иногда университетское начальство и само помѣщало студента на казенную вакансію, въ виду его совершенной несостоятельности; такъ, въ 1807 году принятъ на казенное содержаніе будущій магистръ и помощникъ инспектора студентовъ Самсоновъ, въ уваженіе его „сиротства и крайняго убожества" [66].

Мы говорили до сихъ поръ о чертахъ внѣшней жизни казанскихъ студентовъ въ первое время по основаніи университета. Постараемся теперь возстановить условія внутренней, духовной жизни ихъ въ ту же начальную пору существованія казанскаго университета.

Находящіяся въ нашемъ распоряженіи данныя несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуютъ въ пользу того, что духовная сторона жизни перваго казанскаго студенчества была далеко не безцвѣтною; что эта сторона жизни его была проникнута духовными стремленіями и интересами, которые дѣлаютъ, во всякомъ случаѣ, честь общему уровню,—не говоримъ, конечно, объ отдѣльныхъ исключеніяхъ,—казанской университетской молодежи первыхъ годовъ XIX вѣка. Интересы литературные, эстетическіе, политическіе—мирно уживались въ ея средѣ какъ наряду съ занятіями научными, такъ и съ нерѣдкими проявленіями юношескаго, не всегда зрѣлаго и сдержаннаго, увлеченія и темперамента, причинявшими не мало заботъ педантичному чувству порядка профессора-директора Яковкина. Указанныя нами черты были въ особенно замѣтной степени присущи первымъ, въ высшей степени счастливымъ, составамъ студенчества—и не даромъ же изъ среды казанской университетской молодежи 1805—1810 годовъ вышло столько славныхъ русскихъ именъ, оставившихъ видный слѣдъ по себѣ и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ исторіи русской общественности.

Литературные интересы представляли собою выдающійся моментъ въ общемъ направленіи духовной жизни перваго казанскаго студенчества, особенно ярко очерченный въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова и В. И. Панаева. Эта характерная черта умственнаго склада была унаслѣдована университетскою молодежью еще отъ гимназической поры жизни и ея зарожденіе и развитіе не остались, конечно, безъ вліянія со стороны молодого кружка учителей, который въ самомъ концѣ XVIII вѣка появляется въ только что возстановленной передъ тѣмъ казанской гимназіи и подъ ближайшимъ руководствомъ одного изъ членовъ котораго, Г. И. Карташевскаго, протекли гимназическіе и студенческіе годы С. Т. Аксакова. Представляется несомнѣннымъ, что рѣшительное вліяніе на любовь къ литературѣ питомцевъ гимназіи оказывалъ молодой учитель „россійскаго класса" Николай Мисаиловичъ Ибрагимовъ, московскій студентъ выпуска 1798 года, въ этомъ же году опредѣленный въ казанскую гимназію и долго, но тщетно, добивавшійся въ казанскомъ университетѣ адъюнктуры русской словесности, которой и добился, по избранію, лишь въ 1817 году, но уже слишкомъ для себя поздно: этотъ почтенный педагогъ умеръ въ слѣдующемъ году отъ чахотки, сразившей его всего на сороковомъ году жизни.

С. Т. Аксаковъ, характеризуя Ибрагимова, какъ человѣка „горячо любившаго литературу, остроумнаго и, вообще, даровитаго", утверждаетъ, что онъ имѣлъ большое значеніе въ его литературномъ направленіи: „Память его драгоцѣнна для меня,—пишетъ Аксаковъ,—онъ первый ободрилъ меня и толкнулъ на настоящую дорогу".

Кружокъ гимназическаго юношества, съ А. Панаевымъ во главѣ, еще въ 1804 году издавалъ ежемѣсячный рукописный журналъ, подъ названіемъ „Аркадскіе пастушки", въ которомъ всѣ авторы подписывались какими либо идиллическими именами. „Это было двойное дѣтство: и нашей литературы, и нашего возраста,—замѣчаетъ Аксаковъ;—но замѣчательно, что направленіе и журнальные пріемы были точно такіе же, какіе держались потомъ въ Россіи нѣсколько десятковъ лѣтъ". Общее теченіе не замедлило увлечь за собою тѣхъ гимназистовъ, которые только теперь и восчувствовали свои писательскія стремленія: „Примѣръ былъ очень увлекателенъ, —вспоминаетъ Аксаковъ, — и я началъ потихоньку пописывать, храня тайну даже отъ друга моего Панаева". Братья Панаевы стояли во главѣ этого юнаго литературнаго движенія: одинъ изъ нихъ, Александръ—считался поклонникомъ и подражателемъ идиллической прозы Карамзина, другой, Иванъ—почитался лирическимъ стихотворцемъ и еще въ іюнѣ 1804 года помѣстилъ въ рукописномъ гимназическомъ журналѣ оду императору Александру I „по случаю извѣстія объ основаніи университета въ Казани", слухи о чемъ дошли уже въ то время до мѣстной гимназіи. Эта ода, въ которой юный поэтъ восклицаетъ, обращаясь къ императору:

...Ты снялъ невѣжества оковы,
Ты храмы музамъ зиждешь новы
И покровительствуешь имъ—

напечатана Аксаковымъ въ извлеченіяхъ изъ гимназическаго журнала, помѣщенныхъ имъ въ приложеніи къ своимъ воспоминаніямъ.

Интересъ къ литературѣ и самостоятельныя попытки въ области творчества были перенесены гимназическою молодежью и въ сферу раскрывавшейся передъ нею новой университетской жизни: „я бросился въ литературу", „мы продолжали заниматься литературою"—постоянно говоритъ Аксаковъ въ воспоминаніяхъ о своихъ студенческихъ годахъ. Образовалось цѣлое „литературное товарищество", главными дѣятелями котораго были А. Панаевъ, С. Аксаковъ и Д. Перевощиковъ: „Мы переводили повѣсти Мармонтеля, непереведенныя Карамзинымъ, сочиняли стихами и прозою и втроемъ читали другъ другу свои переводы и сочиненія",—вспоминаетъ Аксаковъ. Компанія юныхъ литераторовъ задумала съ наступленіемъ

1806 года снова издавать рукописный, на этотъ разъ уже студенческій, журналъ, подъ названіемъ „Журналъ нашихъ занятій“,—предпріятіе уже болѣе серьезное, сравнительно съ прежними „Аркадскими пастушками“; изъ новаго журнала Аксаковъ, по его собственнымъ словамъ, „изгонялъ, сколько могъ, прежнее идиллическое направленіе и слѣпое подражаніе Карамзину“, противъ котораго юный студентъ въ ту пору „боролся изъ всѣхъ силъ, подкрѣпляемый книгою Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ“. Этотъ журналъ, оглавленіе и нѣкоторыя выдержки изъ содержанія котораго также приводятся Аксаковымъ въ приложеніи къ его воспоминаніямъ, выходилъ ежемѣсячно до самаго конца 1806 года.

Среди молодыхъ адептовъ литературы съ достаточною опредѣленностью сказывались даже извѣстныя литературныя направленія или партіи. Были горячіе поклонники выспренней поэзіи бывшаго питомца старой казанской гимназіи Державина, которымъ, по словамъ В. И. Панаева, положительно бредили нѣкоторые изъ его товарищей и звучныя строфы котораго то и дѣло раздавались въ свободное отъ классовъ время. Но уже въ то время преобладающее значеніе стали пріобрѣтать приверженцы Карамзина, въ которыхъ поклоненіе и „обожаніе“ новатора русскаго слога доходило до нетерпимости, хотя зарождалось и новое направленіе „шишковистовъ“, увлекавшихся „Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ“ адмирала А. С. Шишкова; ярымъ поклонникомъ Шишкова и непримиримымъ зоиломъ автора „Писемъ русскаго путешественника“ выступалъ С. Т. Аксаковъ, выдерживавшій за свои литературныя воззрѣнія цѣлую бурю негодованія со стороны „карамзинистовъ“, о чемъ онъ самъ подробно разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Произведенія пера казанскихъ студентовъ-литераторовъ не всегда оставались въ предѣлахъ ихъ тѣснаго кружка и на страницахъ рукописнаго студенческаго журнала,—порою приходилось имъ видѣть и болѣе просторный свѣтъ божій. Мы уже знаемъ, что при самомъ открытіи казанскаго университета студенты Перевощиковъ, Кондыревъ и Панаевъ удостоились чести поднести попечителю „въ стихахъ свои упражненія“; на годичномъ гимназическомъ актѣ 9-го іюля 1805 г. тѣже Перевощиковъ, Панаевъ и Кондыревъ публично читали свои стихотворныя и прозаическія сочиненія; въ октябрѣ 1805 года директоръ Яковкинъ представляетъ на воззрѣніе попечителя округа „опытъ стихотворныхъ упражненій“ того же Кондырева, одновременно препроводивъ этотъ „опытъ“ для напечатанія его, „въ поощреніе сочинителя“, въ журналъ „Вѣстникъ Европы“.

СТАРЫЙ ГИМНАЗИЧЕСКІЙ МАНЕЖЪ

ВИДЪ УНИВЕРСИТЕТСКАГО «СПИЖАРНАГО» ДОМА

Литературныя наклонности студентовъ университета въ началѣ 1806 года нашли себѣ выходъ въ учрежденіи кружка „Любителей отечественной словесности", вскорѣ преобразившагося въ оффиціально утвержденное общество того же наименованія. Мы еще не разъ будемъ имѣть случай касаться дѣятельности и судьбы этого перваго казанскаго учено-литературнаго общества, а пока замѣтимъ только, что этотъ кружокъ возникъ, на почвѣ достаточно подготовленной, по мысли уже знакомаго намъ учителя словесности Н. М. Ибрагимова и при ближайшемъ участіи студентовъ В. и Д. Перевощиковыхъ, П. Кондырева, А. и И. Панаевыхъ, С. Аксакова и учителя „нижняго россійскаго класса" Д. Г. Богданова, московскаго студента выпуска 1799 года, опредѣленнаго въ казанскую гимназію весною 1805 года; всѣ эти лица образовали первый составъ общества, причемъ на Кондырева возложены (съ 23 апрѣля) секретарскія обязанности. Члены этого неоффиціальнаго, пока, общества собирались разъ въ недѣлю и читали свои сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ, и „хотя общество до законнаго утвержденія своего положенія и не долженствовало бы имѣть собранія, — читаемъ мы впослѣдствіе въ его „Трудахъ" (1815 г.), — но какъ всѣ члены его были одного учебнаго вѣдомства и даже мѣста, а собранія имѣли видъ болѣе домашнихъ собраній, то и не было препятствій къ подобнымъ засѣданіямъ". Первое собраніе, учредительное, происходило 23-го апрѣля 1806 года; всѣхъ трудовъ представлено было до конца года 31, для прочтенія которыхъ потребовалось и такое же число засѣданій, порядокъ которыхъ былъ опредѣленъ особымъ положеніемъ изъ одиннадцати параграфовъ; къ концу года въ общество вступили еще семь членовъ, въ числѣ ихъ и самъ профессоръ-директоръ Яковкинъ. Въ засѣданіи совѣта 8-го декабря 1806 года Яковкинъ доложилъ о состоявшемся утвержденіи попечителемъ округа „Общества любителей отечественной словесности" при казанской гимназіи (впослѣдствіе при университетѣ), которое съ этого времени и числило свое, уже оффиціальное, существованіе [67].

Мы въ правѣ заключить изъ всего сказаннаго выше, что литературныя увлеченія и „упражненія" юныхъ первыхъ питомцевъ казанскаго университета не только не встрѣчали себѣ опасливаго противодѣйствія со стороны ближайшаго начальства, но, наоборотъ, пользовались всяческимъ его содѣйствіемъ и поддержкою; это должно быть отнесено въ несомнѣнную и тактичную заслугу какъ попечителю Румовскому, такъ, въ особенности, и его казанскому alter ego—директору Яковкину.

Театръ представлялъ собою другую сферу увлеченій казанскаго студенчества той же эпохи, въ которой, какъ и въ наши дни, находили себѣ

доступный, а потому и ближайшій, выходъ эстетическія стремленія университетской молодежи. Страсть къ театру какъ современнаго ему студенчества, такъ и его самого, увлекательными и живыми чертами охарактеризована въ воспоминаніяхъ перваго казанскаго студента—С. Т. Аксакова.

Весьма возможно, что эта страсть находитъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ зародилось въ Казани театральное дѣло, уже въ самомъ началѣ своемъ ставшее въ тѣснѣйшую связь съ постановкою здѣсь и дѣла школьнаго. Начало театральныхъ представленій въ Казани можетъ быть пріурочено къ концу первой четверти XVIII вѣка, когда студенты вновь основанной въ 1722 году славяно-латинской академіи должны были обучаться, въ числѣ другихъ предметовъ, и „комедійнымъ акціямъ", которыя, въ смыслѣ публичныхъ театральныхъ представленій, ежегодно „целебровалися" передъ казанскою публикою. Неизвѣстно, долго ли продолжались эти семинарскія „целеброванія" театральныхъ зрѣлищъ, но уже въ 1760 году школьный театръ возобновился во вновь основанной передъ тѣмъ казанской гимназіи, въ которой театральныя представленія и продолжались въ теченіи 60-хъ и 70-хъ годовъ XVIII столѣтія, причемъ эти представленія стремились принять характеръ не только публичной сцены, но даже выйти за рамки сцены чисто школьной, такъ какъ въ нихъ принимаютъ участіе представители высшаго мѣстнаго общества [68].

Постоянный публичный театръ возникъ въ Казани въ 1791 году, а начиная съ сезона 1803—1804 года, мы видимъ здѣсь уже солидно поставленную антрепризу мѣстнаго помѣщика П. П. Есипова, который, выстроивъ обширное деревянное зданіе театра и обставивъ его труппою, составленною отчасти изъ его крѣпостныхъ, а отчасти и изъ вольнонаемныхъ актеровъ, велъ свое театральное, въ конецъ разорившее его, дѣло до 1814 года. Этотъ то есиповскій театръ и служилъ ареною театральныхъ увлеченій студенческой молодежи 1805—1806 годовъ, о которыхъ такъ интересно разсказываетъ С. Т. Аксаковъ и которыя сдѣлались особенно бурными съ появленіемъ здѣсь въ 1805 году, въ качествѣ гастролера, знаменитаго московскаго актера Плавильщикова. По свидѣтельству Аксакова, страсть къ театру была настолько сильно развита среди студентовъ, что съ этою страстью приходилось считаться и преподавателямъ университета, читавшимъ въ вечерніе часы, и многіе изъ нихъ снисходительно смотрѣли на преждевременный, передъ началомъ спектакля, уходъ слушателей изъ ихъ аудиторій, а „достолюбезный Ибрагимовъ не рѣдко спрашивалъ:—а что, господа, не пора ли въ театръ?—и даже оканчивалъ иногда ранѣе получасомъ свой классъ".

Подъ вліяніемъ увлеченія театромъ, въ юномъ студенчествѣ воскресли традиціи старой казанской гимназіи: зародилась мысль устроить домашній университетскій театръ, ходатайство о чемъ, отправленное въ Петербургъ къ попечителю округа Румовскому, вскорѣ и было удовлетворено. Давая свое разрѣшеніе устроить для казенныхъ студентовъ театръ „въ награду за ихъ отличное прилежаніе“, попечитель рекомендовалъ, тѣмъ не менѣе, Яковкину слѣдить за тѣмъ, что бы „это благородное удовольствіе не отвлекало отъ занятій учебныхъ“. „Мы всѣ были въ восторгѣ,—пишетъ Аксаковъ.—Сцену и кулисы, которыя скоро и удобно снимались, построили на казенный счетъ, но студенты сами писали декораціи и тѣмъ значительно сократили расходы; сначала театръ хотѣли помѣстить въ одной изъ залъ, но это оказалось неудобнымъ по ея величинѣ и показалось дорого начальству, а потому для театра выбрали одну классную комнату, которая представляла большое удобство тѣмъ, что раздѣлялась посрединѣ нишью“ [69]. „По общему согласію, — продолжаетъ Аксаковъ,—сочинили театральный уставъ, который утвердили подписями всѣхъ участвующихъ въ театральныхъ представленіяхъ, и выбрали меня, не смотря на мою молодость, директоромъ труппы“.

Время и мѣсто не позволяютъ намъ съ бóльшею подробностью остановиться на исторіи студенческаго театра 1805—1806 годовъ, представляющей собою, наряду съ движеніемъ литературнымъ, одну изъ весьма интересныхъ и характерныхъ страницъ внутренней жизни казанскаго студенчества того времени. Интересующіеся найдутъ эти подробности въ увлекательномъ разсказѣ самого автора „Семейной хроники и воспоминаній“, извѣстная послѣдующая любовь котораго къ театру была лишь переживаніемъ раннихъ казанскихъ впечатлѣній его гимназической и студенческой жизни [70].

Не мало интереса возбуждали въ духовной жизни казанскаго студенчества и политическія событія, которыми такъ чревата была интересующая насъ эпоха. Вопросы внутренней политики, въ такомъ изобиліи выплывавшіе въ царствованіе императора Александра I, въ особенности же вопросы, касавшіеся дѣла народнаго образованія и жизни вновь основанныхъ университетовъ—не могли не давать пищи пытливому уму гимназической и студенческой молодежи; мы уже видѣли, что самый слухъ о предстоящемъ основаніи въ Казани университета вдохновилъ одного изъ юныхъ казанскихъ поэтовъ, вылившаго обуявшія его по этому поводу чувства въ форму торжественной оды. Событія внѣшней политики, втянувшія Россію въ рядъ наполеоновскихъ войнъ, также не мало распаляли умы и вообра-

женіе молодежи, порою вызывая стихійные взрывы патріотическаго возбужденія. Медленно и съ большими затрудненіями достигали въ ту пору Казани политическія извѣстія, и въ современномъ обществѣ съ жадностью ловили всякаго рода частныя извѣстія, получавшіяся изъ столицы. Такъ обстояло дѣло и въ университетѣ. Въ то время въ Петербургѣ служилъ братъ студента Александра Княжевича, Дмитрій, только въ предшествовавшемъ 1804 году уволенный изъ гимназіи за безпорядки противъ директора Лихачева. По словамъ Аксакова, полученіе изъ Петербурга писемъ Д. Княжевича составляло въ студенческомъ кружкѣ цѣлое событіе, а съ конца 1805 года, когда вспыхнула первая война съ Наполеономъ, эти письма пріобрѣли животрепещущій интересъ, такъ какъ Княжевичъ сообщалъ всѣ политическія новости скоро и подробно и, сверхъ того, письма эти были проникнуты патріотическимъ чувствомъ, а потому дѣйствовали на молодежь электрически. „Бывало,—вспоминаетъ Аксаковъ,—только крикнетъ А. Княжевичъ: Письмо отъ брата!—какъ всѣ мы сейчасъ окружали его дружною и тѣсною толпою; лежа другъ у друга на плечахъ, въ глубокой тишинѣ, прерываемой иногда восторженными восклицаніями, жадно слушали мы громогласное чтеніе письма,—даже гимназисты прибѣгали къ намъ и участвовали въ слушаніи этихъ писемъ. Знаменитый Багратіонъ былъ нашимъ любимцемъ, и когда мы услышали, что онъ, оставленный на жертву, пробился сквозь цѣлую армію французовъ, такое грянуло ура, такой былъ общій единодушный восторгъ, что я и описать не умѣю.... Много было жизни въ порѣ нашей юности—и отрадно вспоминать о ней!“,—заключаетъ Аксаковъ. Въ самый разгаръ наполеоновскихъ войнъ патріотическое чувство студенчества находило себѣ выходъ и въ массовомъ поступленіи молодежи въ военную службу; многихъ замѣчательныхъ людей, быть можетъ, лишилась въ то время наука и „не одинъ Перевощиковъ, Симоновъ и Лобачевскій попали тогда въ артиллерійскіе офицеры“—замѣчаетъ по этому поводу тотъ же Аксаковъ [71].

Прослѣдивъ условія жизни студенчества вновь основаннаго казанскаго университета, было бы совершенно естественнымъ совершить подобнаго же рода экскурсію и въ область условій жизни его преподавательскаго персонала. Эта задача должна быть, тѣмъ не менѣе, отложена нами до болѣе благопріятнаго для нея момента нашего повѣствованія: личный составъ преподавательской корпораціи новорожденнаго университета представлялся въ ту пору, какъ мы знаемъ, настолько еще зачаточнымъ, переходнымъ, настолько балансируетъ еще между старымъ режимомъ гимназическимъ и зарождающимся режимомъ университетскимъ, что мы счи-

таемъ возможнымъ коснуться этого вопроса въ настоящее время лишь постольку, поскольку онъ представляется связаннымъ съ вопросомъ о начальной постановкѣ преподаванія въ казанскомъ университетѣ.

Намъ уже извѣстно расположеніе чтеній, установленное для перваго полугодія (24 февраля—11 іюля 1805 года) преподаванія въ вновь открытомъ казанскомъ университетѣ, при наличности двухъ профессоровъ и четырехъ адъюнктовъ. Не безъинтереснымъ будетъ теперь взглянуть, въ какой мѣрѣ выполнили профессоры и адъюнкты возложенные на нихъ курсы въ $4^1/_2$ мѣсяца этого перваго семестра учебной жизни казанскаго университета. Мы уже знаемъ, что совѣту гимназіи представлялись главнымъ надзирателемъ ежемѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ, пересылавшіяся, въ копіяхъ, къ попечителю округа. Одновременно съ этою мѣрою контроля заведенъ былъ порядокъ, въ силу котораго всѣ преподаватели университета обязаны были, и съ своей стороны, представлять совѣту ежемѣсячныя же вѣдомости прочитаннаго ими за отчетный мѣсяцъ; къ концу каждаго полугодія изъ этихъ вѣдомостей составлялась общая семестральная вѣдомость пройденныхъ курсовъ, представлявшаяся попечителю. Эти то вѣдомости, дающія цѣнный матеріалъ для исторіи преподаванія и кафедръ, и послужатъ отвѣтомъ на поставленный нами вопросъ. Оказывается, что въ первый семестръ выполнены были слѣдующіе курсы:

I. Профессоръ Яковкинъ прошелъ въ мартѣ—русскую исторію, „съ нужными объясненіями", отъ ея начала до нашествія татаръ, въ апрѣлѣ—отъ нашествія татаръ до воцаренія дома Романовыхъ, въ маѣ—окончилъ курсъ русской исторіи и прошелъ статистику русскаго государства до отдѣла объ его естественныхъ произведеніяхъ, въ іюнѣ—россійскую географію, съ статистическими объясненіями. Поверхностность пройденныхъ Яковкинымъ курсовъ говоритъ сама за себя изъ этого обзора его преподаваній, въ особенности въ виду опредѣленной для послѣднихъ четырехчасовой недѣльной нормы.

II. Профессоръ Цеплинъ прошелъ въ мартѣ—введеніе въ курсъ всеобщей исторіи и началъ исторію Испаніи, въ апрѣлѣ—окончилъ исторію Испаніи, прочелъ исторію Португаліи и приступилъ къ исторіи Франціи, въ іюнѣ—прошелъ географію и статистику Франціи и Англіи.

III. Адъюнктъ Эрихъ прошелъ въ мартѣ—тринадцать главъ трактата Цицерона о должностяхъ, въ апрѣлѣ—еще восемь главъ, въ маѣ—слѣдующія двѣнадцать главъ того же трактата, въ іюнѣ—кончилъ толкованіе послѣднихъ главъ его первой книги.

IV. Адъюнктъ Левицкій за мартъ мѣсяцъ, по болѣзни, рапорта не подалъ; въ апрѣлѣ прошелъ первую часть логики, „раздѣливъ оную на девять главъ: въ первой изъ нихъ говорилъ о дѣйствіяхъ разума вообще, во второй о понятіяхъ, въ третьей о словахъ или терминахъ, въ четвертой объ опредѣленіяхъ и раздѣленіяхъ, въ пятой о разсужденіяхъ и предложеніяхъ, въ шестой объ умствованіяхъ, въ седьмой объ общихъ силлогическихъ правилахъ, въ восьмой объ образѣ и фигурахъ силлогизмовъ, въ девятой о неправильныхъ силлогизмахъ"; въ маѣ читалъ вторую часть логики („объ истинѣ вообще, о признакахъ истины, о различныхъ ея познаніяхъ и о погрѣшностяхъ"), въ іюнѣ—третью часть логики („о свойствахъ, служащихъ къ познанію и сообщенію другимъ истины, о заимствованіи познаній отъ современниковъ, о чтеніи книгъ и о сообщеніи другимъ своего познанія").

V. Адъюнктъ Запольскій проходилъ въ мартѣ—краткую исторію физики, вступленіе въ нее и ученіе „о началахъ тѣлъ, о сцѣпленіи въ нихъ, объ общихъ ихъ свойствахъ, о движеніи вообще, а также простомъ и сложномъ"; въ апрѣлѣ—„о тяжести земной, дѣйствующей просто, какъ одна сила, и въ сложности съ другими, какъ то: о паденіи и восхожденіи тяжелыхъ тѣлъ, о движеніи ихъ по наклонной плоскости и о качаніи маятника, о статикѣ, гидравликѣ и гидростатикѣ"; въ маѣ—„ о свойствахъ воздуха, о газахъ, о водѣ, объ огнѣ, о свѣтѣ и движеніи его прямолинейномъ, отраженномъ и преломленномъ"; въ іюнѣ—„показалъ теорію практическихъ инструментовъ, а потомъ и практику, да, сверхъ того, еще физическую астрономію, о приливѣ и отливѣ и кончилъ матерію электрическую и о свойствахъ магнита".

VI. Адъюнктъ Карташевскій читалъ въ мартѣ—всеобщую ариѳметику, по Шульцу, показалъ разрѣшеніе уравненій первыхъ двухъ степеней и началъ геометрію, въ апрѣлѣ—повторивъ прежде пройденное, продолжалъ лонгиметрію; въ маѣ—прошелъ лонгиметрію и планиметрію, сверхъ того „показалъ на нѣкоторыхъ задачахъ способъ разрѣшенія геометрическихъ задачъ алгеброю и конструкціи по онымъ"; въ іюнѣ—„показалъ сокращенную штереометрію (sic) и тригонометрію" [72].

Съ вопросомъ о преподаваніи въ самой тѣсной связи долженъ стоять и вопросъ объ учебныхъ пособіяхъ. Этотъ послѣдній вопросъ является для перваго года существованія университета весьма относительнымъ въ виду полнаго еще единенія университета съ гимназіею, благодаря которому университету приходилось пользоваться на первое время учебными пособіями гимназическими, не выключая отсюда и библіотеки. Только постепенно совершается процессъ обособленія университетскихъ учебныхъ пособій, или путемъ выдѣленія изъ гимназическихъ, или же посредствомъ сформированія ихъ вновь.

Учебное начальство было, вообще, скупо на разрѣшеніе расходовъ по пріобрѣтенію пособій—и это обстоятельство въ значительной степени тормозило собою начальное развитіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета, не имѣвшаго въ своемъ распоряженіи такихъ значительныхъ и образовавшихся путемъ общественныхъ пожертвованій средствъ, какія выпали, напримѣръ, на долю его сверстника—университета харьковскаго. Такъ, весною 1805 года попечитель отказалъ на представленіе адъюнкта Запольскаго о пріобрѣтеніи необходимыхъ для преподаванія физическихъ инструментовъ, а 26-го апрѣля того же года въ совѣтѣ доложено было предложеніе попечителя о томъ, что бы „г.г. профессоры и адъюнкты, пересмотрѣвъ поданные ими списки о требуемыхъ ими книгахъ, назначили бы только такія, кои необходимо нужны нынѣ для классовъ и для употребленія ихъ самихъ, при преподаваніи наставленій, предоставляя до другого времени покупку книгъ по разнымъ ученымъ предметамъ для библіотеки", въ виду чего къ 29-му числу и велѣно было представить новые, сокращенные, списки книгъ [73]. Это распоряженіе уже на первыхъ порахъ ставило весьма узкія рамки развитію даже такого основного и необходимаго учебно-вспомогательнаго учрежденія, какимъ представляется — университетская библіотека.

Въ силу только что высказанныхъ соображеній, историческій обзоръ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и пособій можетъ быть затронутъ нами лишь впослѣдствіе, притомъ въ постепенности, стоящей въ ближайшей связи съ ихъ прогрессивнымъ развитіемъ параллельно съ развитіемъ жизни и дѣятельности самого университета.

Что бы покончить съ состояніемъ казанскаго университета въ первые дни его существованія, намъ слѣдуетъ остановиться еще на вопросѣ о дѣятельности его совѣта—органа, являющагося выраженіемъ академической автономіи, корпоративнаго самоуправленія, такъ широко поставленнаго уставомъ 5-го ноября 1804 года. Тщетно стали бы мы, однако, искать слѣдовъ этой автономіи въ дѣятельности того учрежденія, которое, подъ названіемъ „совѣта", функціонировало въ жизни вновь основаннаго университета. Мы уже знаемъ, что, намѣтивъ казанскій университетъ къ открытію, Румовскій еще 20-го декабря 1804 года представилъ министру графу Завадовскому объ организаціи для него упрощеннаго управленія, ввѣривъ это послѣднее, подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи, гимназическому совѣту—по дѣламъ учебнымъ, гимназической конторѣ—по дѣламъ хозяйственнымъ, образовавъ составъ совѣта изъ профессоровъ и адъюнктовъ университета, взамѣнъ старшихъ учителей и

главнаго надзирателя, образовывавшихъ совѣтъ гимназіи по уставу ея 1798 года. Эта административная аномалія, совершенно противорѣчившая уставу и тянувшая свое существованіе почти до самаго момента полнаго открытія университета въ 1814 году, явилась почвою для цѣлаго ряда совѣтскихъ неурядицъ, бывшихъ выраженіемъ протеста со стороны представителей университетскаго „сословія", съ одной стороны—противъ игнорированія высочайше дарованныхъ университету 5-го ноября 1804 года правъ, съ другой стороны—противъ самовластныхъ тенденцій профессора-директора Яковкина, никогда, по словамъ его противниковъ, „не видавшаго организма университета", но, тѣмъ не менѣе, старавшагося при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ проводить въ жизнь крѣпко усвоенное имъ представленіе о томъ, что „университетъ—это онъ". Мы въ своемъ мѣстѣ тщательно прослѣдимъ за всѣми перипетіями этой ожесточенной совѣтской борьбы, ознаменовавшей собою первые годы жизни молодого университета, а пока обратимся лишь къ первымъ, такъ сказать пробнымъ, шагамъ дѣятельности совѣта.

Первое засѣданіе преобразованнаго, примѣнительно къ вѣданію университетскихъ дѣлъ, гимназическаго совѣта состоялось 27-го марта 1805 года и съ этого дня стали вестись регулярные протоколы его собраній (въ прежнемъ совѣтѣ гимназіи они даже и не велись), заносившіеся въ особую шнуровую книгу, за печатью гимназіи. Прежде нежели перейти къ описанію этого перваго совѣтскаго засѣданія, необходимымъ является познакомиться съ одною личностью, которой, хотя она и не принадлежала къ личному составу вновь основаннаго университета, пришлось, тѣмъ не менѣе, активно выдвинуться уже въ первыхъ засѣданіяхъ совѣта, выступивъ здѣсь въ роли передового застрѣльщика уже висѣвшей въ воздухѣ совѣтской борьбы. Этою личностью явился—„духовникъ" гимназіи, пресвитеръ отецъ Гавріилъ Данковъ.

Пресвитеръ отецъ Гавріилъ Данковъ, воспитанникъ невской лаврской семинаріи, а впослѣдствіе полунѣмечившійся священникъ заграничной службы и бывшій духовникъ великой княгини Елены Павловны, герцогини мекленбургской, двадцать четыре года прожилъ почти безвыѣздно въ Германіи. Человѣкъ, по видимому, съ положеніемъ *, о. Данковъ, ссылаясь на вредность ему петербургскаго климата, обратился въ концѣ 1804 года къ

* Для опредѣленія Данкова въ учебную службу въ Казань потребовалось, по крайней мѣрѣ, представленіе на ВЫСОЧАЙШЕЕ разрѣшеніе особаго доклада о томъ синодальнаго оберъ-прокурора. Священника Василія Данкова находимъ мы въ штатѣ духовенства при дворѣ императора Павла I.

попечителю казанскаго учебнаго округа Румовскому съ просьбою о предоставленіи ему въ казанской гимназіи должности старшаго учителя нѣмецкаго языка, съ порученіемъ ему же и младшаго латинскаго класса. Въ декабрѣ того же года Румовскій, выражая увѣренность въ совершенномъ знаніи отцомъ пресвитеромъ нѣмецкаго языка, предложилъ совѣту гимназіи принять Данкова на просимую имъ должность, рекомендовавъ, при этомъ, и его сына Павла, родившагося въ Берлинѣ и получившаго образованіе въ нѣмецкихъ училищахъ, на вакансію младшаго учителя нѣмецкаго языка. Назначая о. Данкова въ Казань, Румовскій имѣлъ его въ виду для замѣщенія въ университетѣ положенныхъ по штату двухъ богословскихъ кафедръ; по крайней мѣрѣ попечитель, опредѣляя Данкова въ Казань, далъ предписаніе о включеніи его въ число членовъ совѣта,— причина, вслѣдствіе которой о. Данковъ, не въ примѣръ остальнымъ учителямъ гимназіи, засѣдалъ въ этомъ послѣднемъ и послѣ открытія университета [74].

Полунѣмецъ по самымъ условіямъ своей предшествовавшей службы, а быть можетъ и по своему умовоззрѣнію, видѣвшій и, конечно, хорошо знавшій условія нѣмецкой университетской жизни, о. Данковъ сразу сошелся въ Казани съ родоначальникомъ будущей нѣмецкой партіи совѣта— профессоромъ Цеплиномъ. Еще за пять дней до перваго его засѣданія, именно 22-го марта, Цеплинъ и Данковъ подали на имя совѣта совмѣстное письменное „объясненіе о порядкѣ въ засѣданіяхъ и дѣлопроизводствахъ совѣта". Это „объясненіе" изложено на перегнутомъ пополамъ листѣ бумаги: на лѣвой половинѣ листа написано, на нѣмецкомъ языкѣ, заявленіе Цеплина, на правой половинѣ его—совершенно тожественное, но уже на русскомъ языкѣ, заявленіе Данкова; подписи обоихъ помѣщены подъ каждымъ изъ текстовъ, соотвѣтствующими имъ алфавитами, причемъ русская подпись Цеплина свидѣтельствуетъ о весьма слабомъ усвоеніи имъ русскаго письма.

Вотъ подлинный (русскій) текстъ этого, еще перваго въ зарождавшейся исторіи университетскаго совѣта, заявленія:

„1. Касательно дѣлъ, опредѣленныхъ и рѣшенныхъ въ совѣтѣ, надлежитъ брать съ оныхъ протоколъ и подписывать оный членамъ совѣта въ самомъ засѣданіи.

2. Протоколъ долженъ быть вписываемъ въ шнуровую книгу.

3. Каждую бумагу, о которой дано будетъ свѣдѣніе въ совѣтъ, должно въ протоколѣ показать, занумеровать и, приложивъ оную къ протоколу, сохранять въ цѣлости.

4. Всѣ внесенныя въ протоколъ дѣла должны быть предлагаемы совѣту, которыя, по надлежащемъ изслѣдованіи оныхъ, въ случаѣ нужды по большинству голосовъ рѣшимы быть могутъ.

5. Письменныя доношенія (рапорты) и бумаги, которыя по согласію совѣта сочинены и именемъ его посланы будутъ, должно, прежде посылки оныхъ, предлагать совѣту, показывать въ протоколахъ, занумеровать и копіи ихъ, приложенныя къ протоколу, сохранять.

А что до днесь вовсе противное всѣмъ вышепоказаннымъ пунктамъ исполняемо было, сіе показываетъ самый опытъ. Но законы и свойство самого дѣла требуютъ, напротивъ того, порядка, содержащагося въ сихъ пяти пунктахъ,—почему желаемъ мы:

Первое: что бъ сіи пять пунктовъ по рѣшенію совѣта приняты были за правило дѣлопроизводства.

Второе: что, если кому изъ членовъ совѣта угодно будетъ сдѣлать противъ сихъ пунктовъ какія либо возраженія, то мнѣніе его должно быть внесено въ протоколъ.

Третье: если же нужно будетъ сдѣлать о семъ нашемъ объясненіи письменное представленіе, то желаемъ мы, что бъ самый подлинникъ сего нашего объявленія посланъ былъ къ его превосходительству, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру, попечителю казанскаго университета Степану Яковлевичу Румовскому.

Профессоръ Петръ Цеплинъ.
Духовникъ Гавріилъ Данковъ."

Сколько нибудь внимательное прочтеніе этого заявленія съ несомнѣнною ясностью приводитъ къ тому заключенію, что оно содержитъ въ себѣ если не прямой вызовъ, то, во всякомъ случаѣ, далеко не двусмысленное выраженіе недовѣрія по адресу предсѣдателя совѣта, профессора-директора Яковкина. Не говоря уже про ссылку на предшествовавшій патріархальный порядокъ веденія дѣлъ въ совѣтѣ, каковой властолюбивый директоръ не прочь былъ, конечно, примѣнить и къ дѣламъ университетскимъ, всѣ эти, выраженныя въ формѣ требованія, пожеланія гарантій самостоятельности совѣтскихъ постановленій, отъ контроля надъ дѣлопроизводствомъ до рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ, включительно —обнаруживаютъ мало довѣрія авторовъ „объясненія" къ личности предсѣдателя; не говоритъ въ пользу такого довѣрія и требованіе, что бы записка „въ подлинникѣ" (такъ оно и было сдѣлано) представлена была попечителю.

Съ такой именно точки зрѣнія и отнесся Яковкинъ къ поданнымъ Цеплиномъ и Данковымъ въ совѣтъ „пунктамъ", усмотрѣвъ въ нихъ, съ присущею ему проницательностью, первую коллегіальную вылазку противъ своего начальническаго „абсолютизма". Объясненіе Цеплина и Данкова

было первымъ дѣломъ, слушавшимся въ первомъ же обновленномъ засѣданіи совѣта отъ 27-го марта. Имѣя, очевидно, въ виду сразу осадить коллегіальныя злоумышленія членовъ совѣта, Яковкинъ счелъ нужнымъ предварить слушаніе этого объясненія заявленіемъ о томъ, что „его превосходительство господинъ попечитель приказалъ совѣту гимназіи именоваться, по прежнему, совѣтомъ же казанской гимназіи, хотя онъ и состоитъ большею частью изъ сочленовъ университета, но въ порядкѣ и рѣшеніи текущихъ дѣлъ сообразоваться, сколько возможно, съ предписаніями въ уставѣ императорскому казанскому университету изображенными". Пункты Цеплина и Данкова были единогласно приняты совѣтомъ къ исполненію, съ тѣми еще добавленіями, что бы: по пунктамъ второму и третьему—„заблаговременно входящія бумаги вписываемы были въ шнуровой протоколъ на половинѣ листа, предоставляя другую для вписыванія рѣшеній совѣта", а по пункту пятому—„заготовленныя исполненія протоколовъ совѣта представлялись въ субботу для прочитыванія членамъ совѣта, останавливая до того времени исполненія"; по отношенію же къ сдѣланному Яковкинымъ заявленію постановлено: „сколько настоящія обстоятельства позволяютъ—сообразоваться съ правилами, въ уставѣ университета изображенными."

Все это дѣло, вмѣстѣ съ подлинною запискою Цеплина и Данкова, восходило на усмотрѣніе попечителя, вызвавъ слѣдующій благосклонный отзывъ его отъ 24-го апрѣля, заслушанный въ засѣданіи совѣта 13-го мая: „Я съ удовольствіемъ читалъ статью въ совѣтѣ положенную, что бы подписывать протоколы въ самомъ засѣданіи, для отвращенія всѣхъ могущихъ произойти недоумѣній, и поелику настояли о семъ г. профессоръ Цеплинъ и пресвитеръ Данковъ, то симъ изъявляю имъ за попеченіе о соблюденіи порядка мою чувствительную благодарность и ласкаю себя, что они не преминутъ и впредь подавать собою примѣръ и совѣты, служащіе къ сохраненію тишины, согласія и пользы гимназіи, а совѣтъ, по опытности, благоразумію и званію ихъ, съ уваженіемъ принимать оные не отречется" [75]. Любопытно, что въ этомъ попечительскомъ предложеніи говорится только о порядкѣ подписанія протоколовъ, съ совершеннымъ замалчиваніемъ сущности остальныхъ пунктовъ Цеплина и Данкова, притомъ рѣчь ведется исключительно о „гимназіи", съ полнымъ игнорированіемъ „университета"; не лишена значенія и таинственная ссылка на надежду „тишины и согласія" въ совѣтѣ... Все это даетъ основанія предполагать, что, посланная Румовскому въ подлинникѣ, записка не была лишена и нѣкоторыхъ пояснительныхъ комментаріевъ со стороны Яковкина,

что было, вообще, въ обыкновеніи у прозорливаго профессора-директора и въ послѣдующія эпохи его совѣтской практики.

Послѣдующія засѣданія совѣта (29 марта, 5, 7 апрѣля и т. д.) происходили въ совершенной „тишинѣ и согласіи", какъ надѣялся на то и попечитель, и только засѣданіе 17-го апрѣля ознаменовалось инцидентомъ, виновниками котораго снова выступили тѣ же Цеплинъ и Данковъ и который разыгрался на почвѣ созданной Румовскимъ неопредѣленности положенія совѣта, вообще, и его соотношеній къ конторѣ—въ частности.

Дѣло возникло изъ за представленія въ совѣтъ, на его утвержденіе, рапорта бухгалтера Ахматова, съ приложеніемъ вѣдомости о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ за минувшій мартъ мѣсяцъ. Совѣтъ опредѣлилъ препроводить представленную вѣдомость къ попечителю округа, но профессоръ Цеплинъ и пресвитеръ Данковъ наотрѣзъ отказались отъ подписанія этого постановленія, оставшись при особомъ мнѣніи, тутъ же, за ихъ подписью, внесенномъ въ протоколъ засѣданія: „Поелику одна токмо контора распредѣляетъ всѣми издержками, а совѣтъ не имѣетъ и не получаетъ объ оныхъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, то и не могли засвидѣтельствовать справедливость оныхъ издержекъ своеручною подпискою бухгалтерскихъ счетовъ, опасаясь, что бы въ противномъ случаѣ не отвѣчать невиннымъ образомъ за излишество или какую либо несправедливость оныхъ издержекъ". Подобнаго рода протесты противъ подписанія мѣсячныхъ бухгалтерскихъ отчетовъ неоднократно повторялись и въ послѣдующее время, вызвавъ 30-го октября 1805 года письменное по этому поводу мнѣніе профессоровъ Цеплина, Германа и Бюнемана; Румовскій долженъ былъ уступить, и 16-го ноября того же года послѣдовало его предложеніе, освобождавшее совѣтъ отъ разсмотрѣнія ежемѣсячныхъ рапортовъ о состояніи гимназическихъ суммъ, съ сохраненіемъ за нимъ обязанности документальнаго разсмотрѣнія (примѣнительно къ § 50 устава) годовыхъ отчетовъ, но по суммамъ уже только университетскимъ [76]. Эта уступка, хотя и незначительная, была уже нѣкоторымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ установленія самостоятельности будущаго университетскаго совѣта и его приближенія къ организаціи, указанной уставомъ 1804 года.

Какъ они ни были, сами по себѣ, незначительны, но совѣтскіе инциденты 27-го марта и 17-го апрѣля являлись, тѣмъ не менѣе, и въ глазахъ членовъ совѣта, и въ глазахъ самого Яковкина, несомнѣнными признаками бури, накоплявшейся въ гимназическо-университетской атмосферѣ и ожидавшей лишь болѣе подходящаго случая къ тому, что бы разразиться съ полною силою. Это и произошло уже въ началѣ іюня того же 1805 года,

по поводу возникшаго въ совѣтѣ дѣла бухгалтера и учителя гимназіи Ахматова,—того самого Ахматова, рапортъ котораго послужилъ поводомъ къ инциденту 17-го апрѣля. Совѣтское „ахматовское" дѣло, рѣзко раскрывшее карты въ отношеніяхъ между Яковкинымъ и совѣтомъ—стоитъ въ самой тѣсной связи съ послѣдующимъ ходомъ внутренней жизни казанскаго университета, а потому мы и должны на время отложить разсказъ о немъ.

Такъ текла жизнь казанскаго университета въ первое полугодіе его существованія. Приближалась первая половина іюля мѣсяца—терминъ, указанный Румовскимъ для окончанія первой семестральной поры дѣятельности вновь созданнаго университета. Далеко непоказными представлялись, само собою разумѣется, результаты дѣятельности университета за эти начальные 4½ мѣсяца его существованія, тѣмъ не менѣе Яковкинъ, не безъ соизволенія на то, конечно, попечителя, задумалъ облечь окончаніе перваго полугодія въ возможно болѣе торжественную и публичную форму—во всякомъ случаѣ болѣе торжественную и публичную въ сравненіи съ тою формою, въ какую было облечено скромное открытіе Румовскимъ университета въ февралѣ 1805 года. Въ засѣданіи совѣта 10-го іюня состоялись по этому поводу слѣдующія постановленія: а) экзамены по университету произвести съ 1-го по 6-ое іюля въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-го іюля—исторія, географія и статистика россійской имперіи, 3-го іюля — исторія, географія и статистика европейскихъ государствъ, 4-го іюля—древности латинскаго языка и геометрія, 5-го іюля—умозрительная философія, 6-го іюля—опытная физика; б) „публичному собранію (торжественному акту) быть 9-го іюля пополудни, о чемъ постановить особый журналъ". Приняты были мѣры и къ обезпеченію предстоящаго акта надлежащими рѣчами. По этому поводу въ засѣданіи совѣта 19-го іюня заявлены были желанія прочитать рѣчи: пресвитеромъ Данковымъ—рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ на тему „Объ исправленіи нѣкоторыхъ недостатковъ или погрѣшностей въ преподаваніи гимназическихъ наставленій", учителемъ Ибрагимовымъ—рѣчь „О настоящихъ успѣхахъ отечественной словесности". Тема о. Данкова вызвала неудовольствіе попечителя округа: въ своемъ предложеніи совѣту отъ 6-го іюля Румовскій ставилъ на видъ, что „о недостаткахъ или погрѣшностяхъ, требующихъ исправленія, по какой бы части ни было, предлагать въ публичномъ собраніи—неприлично, но предлагается обыкновенно о семъ на общее разсужденіе членовъ, какое либо общество составляющихъ", что онъ предлагаетъ сдѣлать и Данкову, рѣчь же его предписываетъ произнесеніемъ—отмѣнить. Попечительское

предложеніе запоздало своимъ полученіемъ въ Казани: злополучная рѣчь о. пресвитера была имъ 9-го іюля уже произнесена и совѣту пришлось принять замѣчаніе попечителя лишь къ руководству на будущее время [77].

Кончились экзамены, насталъ день 9-го іюля 1805 года—день перваго соединеннаго публичнаго акта гимназіи и университета. Яковкинъ, бывшій страстнымъ любителемъ всякаго рода торжественно-показныхъ эффектовъ, постарался обставить это торжество самымъ блестящимъ,—по условіямъ того времени и по его личнымъ взглядамъ на вещи, конечно только,—образомъ. Мы имѣемъ оффиціальное описаніе акта 9-го іюля 1805 года въ министерскомъ органѣ того времени; этотъ актъ подробно описанъ, сверхъ того, въ письмѣ Яковкина къ попечителю Румовскому.

Торжество было назначено на воскресенье 9-го іюля, въ 5 часовъ пополудни; публика была приглашена на него особыми программами. По словамъ Яковкина въ его письмѣ къ попечителю—„собраніе было многолюднѣйшее и кончилось благополучно, порядочно, величественно и къ полному удовольствію всей публики; стеченіе было необыкновенно, а особливо дамъ, такъ что къ прежде приготовленнымъ, хотя и со стороны выпрошеннымъ, за неимѣніемъ своихъ, восьми дюжинамъ креселъ и стульевъ, взяты были и отъ меня четыре дюжины — добавляетъ директоръ. Не почтили актъ своимъ присутствіемъ преосвященный — по болѣзни, и губернаторъ—по отсутствію его изъ города; тѣмъ не менѣе изъ лицъ, „бѣлый плюмажъ право носить имѣющихъ“, присутствовали на немъ: вице-губернаторъ, предсѣдатель уголовной палаты, генералъ-маіоръ Бестужевъ-Рюминъ, Толстой и др. лица; были на актѣ и члены проѣзжавшаго въ то время черезъ Казань посольства въ Китай.

Актъ открылся оркестровою симфоніею (исполнителями всѣхъ музыкальныхъ номеровъ были гимназисты и студенты), по окончаніи которой учитель Ибрагимовъ произнесъ рѣчь „О настоящихъ успѣхахъ отечественной словесности“, послѣ чего слѣдовало угощеніе публики мороженымъ, причемъ снова играла музыка. За мороженымъ происходило чтеніе нѣмецкой рѣчи о. Данкова о несовершенствахъ гимназическаго обученія, — той самой рѣчи, которая такъ смутила попечителя округа. Рѣчь эта снова смѣнилась музыкою и угощеніемъ публики — на этотъ разъ медомъ и оршадомъ. Послѣ этого наступилъ торжественный обрядъ раздачи студентамъ шпагъ. Вставъ съ своего мѣста, директоръ Яковкинъ взялъ со стола высочайше дарованную университету утвердительную грамоту и прочелъ изъ нея параграфъ (16-ый), предоставляющій студентамъ право носить шпаги;

чтеніе это всѣ присутствующіе прослушали стоя. Самый обрядъ раздачи шпагъ (числомъ 32-хъ) заключался въ томъ, что Яковкинъ вызывалъ каждаго студента въ отдѣльности, а вице-губернаторъ д. с. с. Ивановскій, какъ старшій по рангу изъ присутствующихъ, „съ приличными привѣтствіями" вручалъ подходившимъ студентамъ шпаги подъ звуки туша, нарочно для этого случая сочиненнаго учителемъ музыки Нейманомъ.

За обрядомъ раздачи шпагъ слѣдовало провозглашеніе именъ восьми воспитанниковъ гимназіи, вновь произведенныхъ въ студенты, причемъ эти университетскіе неофиты, „вышедъ отъ гимназистовъ съ лѣвой руки на средину залы и оказавъ публикѣ почтеніе свое поклономъ", переходили на правую сторону зала, гдѣ стояли студенты. Слѣдомъ за этимъ, Яковкинъ обратился къ студентамъ съ слѣдующею рѣчью:

„Господа студенты казанскаго университета!—Доставляя вамъ одно изъ преимуществъ, предустановленныхъ отъ всемилостивѣйшаго монарха нашего казанскому университету грамотою, долгомъ поставляю напомнить вамъ, какъ и привыкъ уже съ вами бесѣдовать, что всякое отличіе, всякая почесть даруются въ поощреніе преуспѣянія, въ одобреніе подвиговъ, въ назиданіе блага общественнаго. И такъ, созерцая и изливаемыя на васъ монаршія милости, и особенное вниманіе начальства вашего къ успѣхамъ вашимъ въ ученіи и нравственности, шествуйте неослабно и непостыдно предлежащимъ вамъ путемъ полезныхъ на службу отечеству знаній и потщитеся являть себя достойными и предпріемлемыхъ о васъ попеченій, и предначертанныхъ монаршею десницею для васъ отличій!"

Послѣ рѣчи Яковкина слѣдовало чтеніе своихъ произведеній студентами: В. Перевощиковымъ—оды, И. Панаевымъ—стиховъ, П. Кондыревымъ—рѣчи, въ которыхъ „изъявляли они отъ лица всѣхъ питомцевъ вѣрноподданническую признательность къ августѣйшему монарху за изливаемыя милости". Чтеніе это снова смѣнилось музыкою, во время которой публикѣ предлагали медъ и лимонадъ.

Этимъ закончилась собственно университетская часть акта, за которою слѣдовала раздача наградъ (похвальныхъ листовъ и книгъ) воспитанникамъ гимназіи, а также чтеніе послѣдними „малыхъ рѣчей" на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и татарскомъ языкахъ.

Въ заключеніе торжества директоръ Яковкинъ обратился съ привѣтствіемъ къ присутствующимъ гостямъ и возвѣстилъ окончаніе учебнаго года и наступленіе времени каникулярнаго. „Но какъ во всей природѣ успокоеніе въ трудахъ состоитъ непремѣннымъ закономъ,—закончилъ директоръ, обращаясь къ учащимся,—то и вамъ, предстоящіе юноши, возвѣ-

щая отдохновеніе отъ настоящаго времени до 12-го числа августа, обязанностью моею поставляю преподать нелестный совѣтъ, что всякое отдохновеніе долженствуетъ быть предуготовленіемъ къ новымъ трудамъ важнѣйшимъ". Актъ закончился исполненіемъ оркестромъ „громкой и скорой піэсы", вѣроятно—марша [78].

Такъ завершилъ новорожденный казанскій университетъ первое полугодіе своего существованія *.

Наступило непродолжительное въ то время,—всего то только мѣсячное,—лѣтнее вакаціонное время. „Всякое отдохновеніе долженствуетъ быть предуготовленіемъ къ новымъ трудамъ важнѣйшимъ" — провозгласилъ Яковкинъ, закрывая первый университетскій актъ. „Въ понедѣльникъ начну роспускать на вакацію, — писалъ онъ попечителю отъ 4-го іюля; — мнѣ только одному не будетъ вакаціи—но я готовъ съ благоговѣніемъ повиноваться всему тому, что благоугодно моему начальству".

Слѣдующая глава покажетъ намъ, чѣмъ ознаменовалась юная жизнь казанскаго университета со вступленіемъ ея въ новый 1805—1806 учебный годъ.

---

* Считаемъ небезъинтереснымъ познакомить читателей съ небольшимъ эпизодомъ, связаннымъ съ актомъ 9-го іюля 1805 года и характернымъ для обрисовки административныхъ нравовъ того времени.

12-го августа 1805 года въ совѣтѣ доложено было слѣдующее не совсѣмъ обыкновенное предложеніе попечителя:

«Дошло до свѣдѣнія моего стороною, — писалъ Румовскій, — что одинъ изъ членовъ совѣта въ день публичнаго собранія 9-го іюля пришелъ въ оное спустя два часа послѣ назначеннаго къ тому времени, почему предлагаю совѣту увѣдомить меня, кто бъ это былъ изъ гг. членовъ онаго, который не соблюлъ должнаго порядка».

Преступникомъ оказался совѣтскій противникъ Яковкина, профессоръ Цеплинъ, который и объяснилъ совѣту, что «9-го іюля, послѣ обѣда, текла у него кровь изъ носу и пришелъ потому однимъ часомъ позже»—о чемъ и было донесено попечителю. Читатель догадывается, конечно, о томъ источникѣ, изъ котораго исходило это, якобы «стороною» дошедшее до Румовскаго, «свѣдѣніе»: авторомъ этого извѣта былъ Яковкинъ (Архивъ унив., Сов. 1805, № 19, л. 80).

ГЛАВА II

Первые шаги жизни вновь основаннаго университета

(1805—1806 и 1806—1807 акад. годы)

Мѣры къ дальнѣйшему замѣщенію кафедръ и организаціи преподаванія.—1805—1806 учебный годъ.—Вновь назначенные профессоры: Германъ М. И., Сторль М. Л., Бюнеманъ Г. Л., Фуксъ К. Ѳ., Эвестъ Ѳ. Л., Каменскій И. П.—Неудачные кандидаты и претенденты на кафедры (Бартельсъ, Либошицъ, Лингъ, Лоевскій, Дрейсигъ, Гедвигъ).—Организація преподаванія.—Составъ слушателей.—1806—1807 учебный годъ.—Вновь назначенные преподаватели: Городчаниновъ Г. Н., Браунъ И. О., Крюковъ Л. Д., Новиковъ А. В., Кондыревъ П. С. — Итоги преподаванія.

Совѣтская дѣятельность первыхъ двухъ академическихъ годовъ жизни казанскаго университета.—Дѣло по жалобѣ въ совѣтъ бухгалтера Ахматова и первая попытка открытой борьбы съ директоромъ Яковкинымъ.—Торжество директора. — «Положеніе о совѣтѣ» профессоровъ Германа и Цеплина.—Ходатайство о назначеніи врача. — Новый 1806 годъ и временное совѣтское затишье.—Мысль объ ученомъ при университетѣ обществѣ.—Квартирный вопросъ въ совѣтѣ.—Дѣло о берлинскомъ пасквилѣ на казанскій университетъ.—Экзамены и публичный актъ лѣта 1806 года.—Чествованіе дня открытія университета.—Новый взрывъ совѣтской борьбы лѣтомъ и осенью 1807 года. — Оппозиціонная дѣятельность профессора Каменскаго въ конторѣ и совѣтѣ. — Совѣтское дѣло объ увольненіи главнаго надзирателя Пухинскаго. — Дѣло о болѣзни адъюнкта Эвеста. — Совѣтскій разгромъ конца 1806 года. — Взглядъ на совѣтскія смуты 1809 года.—«Извѣтъ» губернатора Мансурова и новыя тревоги Яковкина. — Столкновеніе Яковкина съ университетскою молодежью.—Чествованіе второй годовщины дня открытія университета.— Первый университетскій актъ 30-го августа 1807 года.

„Ко исполненію высочайше конфирмованнаго устава казанскаго университета безъ профессоровъ приступить и пополнить мѣста ихъ инако невозможно, какъ современемъ“ —писалъ министру попечитель казанскаго учебнаго округа еще въ декабрѣ 1804 года.

Не взирая на полное сознаніе этой „невозможности“—казанскій университетъ въ февралѣ 1805 года все таки открыли, снабдивъ его двумя профессорами, четырьмя адъюнктами изъ мѣстныхъ педагогическихъ силъ и съ грѣхомъ пополамъ собраннымъ комплектомъ студентовъ изъ воспитанниковъ гимназіи. Казанскій университетъ считался оффиціально

существующимъ и лѣтомъ того же года отпраздновалъ, даже, первое годичное торжество.

На предпринятыхъ въ концѣ 1804 и въ началѣ 1805 годовъ мѣропріятіяхъ къ обезпеченію существованія вновь открытаго quasi-университета остановиться представлялось еще болѣе „невозможнымъ", нежели совершить самое открытіе университета. Это прекрасно должны были сознавать и министръ графъ Завадовскій, и его ближайшій исполнитель—попечитель Румовскій. Университету суждено было бы пребывать какою то странною фикціею, учрежденіемъ на бумагѣ, безъ дальнѣйшаго пополненія его преподавательскаго персонала—представляется, поэтому, болѣе нежели естественнымъ, что ближайшіе послѣ открытія казанскаго университета мѣсяцы были для Румовскаго временемъ усиленныхъ заботъ по подысканію новыхъ членовъ такъ рѣшительно и такъ своеобразно созданнаго имъ университета: „Послѣдуя высочайше конфирмованному уставу казанскаго университета,—писалъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Румовскій министру,—долгомъ почиталъ я и почитаю стараться о наполненіи онаго достойными профессорами, преимущественно такихъ наукъ, коимъ предварительно должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, или, короче сказать—наукъ, кои составили бы отдѣленіе словесныхъ наукъ" [79].

Вопросомъ о розысканіи профессоровъ для русскихъ университетовъ усиленно было озабочено въ то время и министерство народнаго просвѣщенія, въ которомъ велись даже списки иностранныхъ ученыхъ, рекомендуемыхъ разными лицами для приглашенія ихъ съ этою цѣлью въ русскую службу. Въ архивныхъ дѣлахъ казанскаго университета, по отдѣлу бумагъ попечительской канцеляріи за 1805 годъ, удалось намъ встрѣтить писанный на французскомъ языкѣ листокъ, съ такимъ именно спискомъ иностранныхъ ученыхъ, рекомендуемыхъ для занятія кафедръ въ русскихъ университетахъ [80]. Въ этомъ спискѣ, носящемъ заглавіе: „Liste de professeurs, qui sont recommandés par differentes personnes pour les universités de Russie" и, очевидно, сообщенномъ Румовскому, значатся 11 лицъ, рекомендуемыхъ съ этою цѣлью барономъ de Wolzogen'омъ, 3 лица, рекомендуемыхъ графомъ d'Antraigues'омъ, 1 лице, рекомендуемое вице-президентомъ флорентинскаго музея Fabbroni, и 1 лице, рекомендуемое ректоромъ женевскаго университета Lhuillier,—всего шестнадцать кандидатовъ *. Въ числѣ кандидатовъ графа д'Антрега названъ „m-r Stohrl à Dresde, pour la chaire de la litterature grecque", съ особою о немъ припискою: „Ce dernier

* См. въ концѣ книги приложеніе VI.

est particulièrement recommandé par le comte d'Antraigues, comme un savant d'un mérite trés distingué". Мы не безъ цѣли выдвигаемъ въ этомъ спискѣ имя Stohrl'a, такъ какъ этому Сторлю (онъ же Стерль и Штерль архива казанскаго университета) суждено было уже въ маѣ 1805 года пополнить собою скудный начальный преподавательскій персоналъ казанскаго университета.

Сторль былъ въ числѣ первыхъ трехъ профессоровъ, назначенныхъ въ казанскій университетъ еще до наступленія лѣтняго вакаціоннаго времени 1805 года. Въ этомъ отношеніи предварилъ его профессоръ Германъ, 26-го апрѣля опредѣленный на кафедру латинскаго языка и древностей; слѣдующимъ явился Сторль, назначенный на кафедру греческаго языка и словесности 30-го мая; послѣднимъ былъ профессоръ Бюнеманъ, первый университетскій преподаватель правовѣдѣнія, назначенный 1-го іюля на кафедру правъ естественнаго, политическаго и народнаго. Во вторую, по окончаніи лѣтнихъ вакацій, половину того же 1805 года состоялись два назначенія: профессора Фукса (4-го сентября) — на кафедру естественной исторіи и ботаники, и адъюнкта Эвеста (10-го октября)—на кафедру химіи и металлургіи. Наконецъ, въ самомъ началѣ 1806 года назначенъ былъ въ казанскій университетъ еще профессоръ Каменскій—на кафедру анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки. Далеко не приближали, конечно, всѣ эти назначенія казанскій университетъ къ той большей или меньшей полнотѣ преподавательскаго персонала, которая ставилась условіемъ совершеннаго открытія университета на основаніи устава 1804 года, но эти назначенія все же давали надежду обставить въ ближайшемъ будущемъ дѣло преподаванія съ большею широтою, сравнительно съ примитивною постановкою его въ первое полугодіе существованія университета.

Что бы снова не возвращаться къ этому предмету въ нашемъ послѣдующемъ повѣствованіи, воспользуемся настоящимъ случаемъ, что бы въ самыхъ краткихъ чертахъ познакомить читателей съ только что перечисленными нами новыми дѣятелями казанскаго университета — въ порядкѣ назначенія ихъ въ этотъ послѣдній.

Мартинъ Готфридъ Германъ, — Мартинъ Ивановичъ, какъ именовали его въ Россіи, — былъ уже 50-ти лѣтъ отъ роду въ годъ назначенія его въ Казань. Родившись въ 1755 году * въ г. Киндельбрюкѣ, въ Тю-

* Этотъ именно годъ рожденія, а не 1754-й, какъ читаемъ у Булича, показанъ въ собственноручномъ curriculum vitae Германа, находящемся въ концѣ совѣтскаго дѣла за № 30-мъ (1805 г.), хранящагося въ архивѣ университета.

рингіи, онъ получилъ образованіе въ нордгаузенскомъ училищѣ, а затѣмъ, въ продолженіи пяти лѣтъ, въ геттингенскомъ университетѣ, въ которомъ занимался классическою филологіею подъ руководствомъ извѣстнаго филолога Гейне, получивъ отъ того же университета степень доктора философіи. Окончивъ университетское образованіе, Германъ былъ преподавателемъ гамбургской торговой академіи и берлинскаго военнаго училища, а затѣмъ переселился въ Россію, въ Петербургъ, при обстоятельствахъ, остающихся неизвѣстными. Прибывъ въ русскую столицу уже съ составленнымъ на родинѣ ученымъ именемъ, пріобрѣтеннымъ двумя печатными трудами *, Германъ сдѣлался здѣсь лично извѣстнымъ попечителю казанскаго учебнаго округа Румовскому, который, удостовѣрясь въ его познаніяхъ въ области латинской филологіи, предложилъ ему въ казанскомъ университетѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора, кафедру древностей и языковъ греческаго и латинскаго. Назначеніе Германа состоялось 26-го апрѣля, а въ концѣ іюля того же года новый профессоръ уже прибылъ въ Казань и 31-го числа явился въ происходившее засѣданіе совѣта, о чемъ и было занесено въ протоколъ послѣдняго. Утверждая Германа, графъ Завадовскій изъявилъ Румовскому согласіе свое на то, что бы новому профессору въ томъ случаѣ, „если по какимъ либо обстоятельствамъ не можно будетъ ему заняться теперь же настоящею своею должностью, препоручить на время преподаваніе философическихъ наукъ". Въ архивномъ дѣлѣ „объ опредѣленіи профессора Германа" имѣется представленіе Румовскаго министру о назначеніи Германа въ Казань, мотивированное указаніемъ на его труды и научныя познанія, представленная Германомъ собственноручная программа курса энциклопедіи философіи („Synopsis encyclopaediae philosophicae seu conspectus scientiarum philosophicarum") и его присяжный (на нѣмецкомъ языкѣ) листъ.

Румовскій особымъ письмомъ извѣстилъ Яковкина о предстоящемъ прибытіи Германа въ Казань:

„Въ началѣ іюня отправится отсюда докторъ философіи Германъ, министромъ просвѣщенія утвержденный въ званіи профессора греческаго (sic) языка и древностей, — писалъ попечитель отъ 1-го іюня.— Онъ, въ случаѣ нужды, долженъ преподавать и философическія лекціи. Онъ—человѣкъ пожилой и, сколько я могъ примѣтить—т и х і й".

„Профессоръ Германъ, пріѣхавъ въ Казань 27-го числа іюля, явился сегодня въ собраніе совѣта,—въ свою очередь отписываетъ Яковкинъ

* «Handbuch der Mythologie aus Homer und Hesiod», съ примѣчаніями самого Гейне (3 тома, Берлинъ 1787—1795), и «Die Feste von Hellas ect.» (2 части, Берлинъ, 1803).

попечителю отъ 31-го іюля.—Причиною столь медленнаго пріѣзда объявляетъ онъ болѣзнь, приключившуюся ему въ Твери и продержавшую его въ томъ городѣ двѣ недѣли. Когда онъ перемѣстится въ показанную ему въ домѣ Спижарной квартиру и, расположившись, успокоится, то на сей же недѣлѣ соберу опять совѣтъ, что бы заняться расположеніемъ учебнаго времени гимназіи и университетскихъ лекцій, помѣстивъ между послѣдними и лекціи г. Бюнемана“ [81].

Принявъ, слѣдомъ за своимъ прибытіемъ въ Казань, участіе въ засѣданіяхъ совѣта, Германъ, не зная русскаго языка, первоначально подписывалъ протоколы по нѣмецки и только подъ протоколомъ засѣданія 21-го августа впервые появляется его уже русская, съ трудомъ впрочемъ выведенная, подпись.

Въ своей совѣтской дѣятельности Германъ, уже слѣдомъ за вступленіемъ въ обязанности члена совѣта, разомъ выступилъ ярымъ антагонистомъ Яковкина, примкнувъ въ этомъ отношеніи, какъ мы это ниже увидимъ, къ своему соотечественнику, профессору Цеплину. Н. Н. Буличъ высказываетъ мысль, что непріязненныя отношенія Германа къ Яковкину возникли на почвѣ поставленной попечителемъ кандидатуры перваго на должность инспектора студентовъ, противъ чего, ссылаясь на совершенное незнаніе имъ русскаго языка, энергично возсталъ Яковкинъ, самъ мѣтившій въ инспекторы. Уже скоро на себѣ довелось профессору-директору убѣдиться въ томъ, что Германъ—вовсе уже не такой „тихій“ человѣкъ, какимъ показался онъ Румовскому и какимъ попечитель аттестовалъ его Яковкину. Яковкину очень не по сердцу приходилась, вообще, самостоятельность характера первыхъ нѣмецкихъ профессоровъ и, опасаясь усиленія въ университетѣ нѣмецкой партіи, съ которою его самовластію неминуемо предстояло считаться, онъ, въ виду перспективы назначенія въ Казань еще новыхъ иностранныхъ профессоровъ, въ письмѣ отъ 22-го августа 1805 года позволилъ себѣ даже запугивать Румовскаго, высказывая ему опасеніе—„что бы умноженіе иностранцевъ, чиновниковъ университета, не навлекло и высшему начальству безпокойствъ, когда и съ нынѣшними нѣмцами (т. е. Цеплиномъ и Германомъ) ладить чрезвычайно трудно по причинѣ ихъ самомнѣнія“.

Принявъ въ 1812 году (7-го сентября) русское подданство, Германъ дважды избирался (въ 1813 и 1819 г.г.) деканомъ словеснаго отдѣленія, одно время (1817 г.) несъ должность директора педагогическаго института и оставался въ университетѣ до августа 1819 года, когда былъ уволенъ изъ него Магницкимъ, съ цѣлою серіею другихъ профессоровъ. Послѣ своего увольненія, Германъ жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, а въ

январѣ 1821 года получилъ мѣсто пастора въ г. Саратовѣ; здѣсь онъ въ слѣдующемъ году и умеръ, въ большой бѣдности [82].

Максимиліанъ Викентій Людовикъ Сторль (Stohrl) родился въ г. Прагѣ, въ 1761 году. Получивъ въ вѣнскомъ университетѣ степень доктора философіи и магистра словесныхъ наукъ, онъ передъ приглашеніемъ своимъ въ русскую службу проживалъ въ Дрезденѣ, гдѣ его узналъ графъ д'Антрегъ, бывшій совѣтникомъ русскаго посольства при саксонскомъ дворѣ. Мы уже знаемъ, что рекомендація д'Антрега и послужила ближайшею причиною вызова Сторля въ Россію; къ этой рекомендаціи присоединилась и протекція князя А. А. Чарторижскаго, извѣстнаго попечителя виленскаго учебнаго округа, также принимавшаго какое то участіе въ судьбѣ дрезденскаго ученаго.

„Къ предложенію сему,—пишетъ Румовскій министру народнаго просвѣщенія въ своемъ представленіи о Сторлѣ,—побужденъ я былъ присланнымъ къ его сіятельству князю Чарторижскому переводомъ съ греческаго на латинскій, французскій и итальянскій языки „Bacchus et les pirates" и изящнымъ сочиненіемъ его на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ „Начертаніе нравственнаго воспитанія по образу Эпиктета", а особливо одобреніемъ его графа Дантрега, который, отзываясь объ немъ, какъ объ ученомъ отмѣнныхъ достоинствъ, совѣтовалъ поспѣшить приглашеніемъ его въ который нибудь университетъ, дабы не упустить случая къ пріобрѣтенію толь искуснаго мужа. Господинъ Штерль въ письмѣ своемъ отъ 24 апрѣля (6 мая) изъявилъ согласіе на предложеніе мое".

Хотя въ дѣлѣ опредѣленія Сторля въ русскую ученую службу бóльшую роль сыграли, несомнѣнно, личныя отношенія, въ особенности же авторитетъ вліятельнаго кн. Чарторижскаго, котораго Румовскій называлъ „juge compétent des mérites des savants", нежели научныя заслуги и ученое имя самого аспиранта, тѣмъ не менѣе 30-го мая состоялось назначеніе его въ казанскій университетъ профессоромъ по кафедрѣ греческаго языка и словесности. На сколько легко относился Сторль къ принимаемымъ имъ на себя профессорскимъ обязанностямъ видно уже изъ того, что, при личномъ свиданіи съ Румовскимъ въ Петербургѣ, онъ выражалъ попечителю готовность читать, кромѣ своего предмета—и алгебру, и геометрію, и курсы словесности нѣмецкой, французской, итальянской, англійской и, даже, испанской.

Сторль сильно запоздалъ своимъ прибытіемъ въ Казань, заставъ уже здѣсь профессора Бюнемана, назначеннаго цѣлымъ мѣсяцемъ позже, и 11-го ноября въ первый разъ явился въ засѣданіе совѣта. Отправляя Сторля въ

Казань, Румовскій не преминулъ оріентировать его въ мѣстныхъ университетскихъ дѣлахъ и, повидимому, сильно разсчитывалъ на его примиряющую роль въ совѣтскихъ неурядицахъ, бывшихъ въ то время, какъ ниже увидимъ, уже въ полномъ разгарѣ. Отвѣчая Сторлю на его увѣдомленіе о прибытіи въ Казань, попечитель писалъ ему слѣдующее:*

„Monsieur.

Je me rejouis de votre arrivée à Kasan et de ce que vous avés trouvé messieurs Jakowkin et Buneman tels, que je les ai cru. Je vous prie de les saluer de ma part et par votre exemple tacher de contribuer a l'etablissement de la paix et de la harmonie parmi les membres du conseil.

Ни Румовскому, ни Яковкину не пришлось разочароваться въ Сторлѣ такъ, какъ довелось имъ разочароваться въ „тихомъ", по рекомендаціи попечителя, Германѣ, которому онъ составлялъ совершенную противоположность: положеніе, занятое Сторлемъ въ совѣтѣ, оказалось какъ нельзя болѣе благопріятнымъ для Яковкина, заручившагося въ его лицѣ усерднымъ сторонникомъ и угодникомъ. Стараясь держаться въ сторонѣ отъ совѣтскихъ дрязгъ, Сторль всегда умѣлъ сохранять въ университетѣ благопріятный для профессора-директора нейтралитетъ, за что Яковкинъ всегда старался, съ своей стороны, выдвигать Сторля въ глазахъ попечителя, аттестуя его „безпристрастнымъ, чистосердечнымъ и добродушнѣйшимъ" чиновникомъ. Что касается преподавательскихъ дарованій Сторля, на которыя возлагались такія надежды при его назначеніи, то они не выдвигались, повидимому, за предѣлы посредственности; въ этомъ отношеніи Сторлю, какъ и Герману, большимъ препятствіемъ служило слабое знаніе слушателями латинскаго языка, на которомъ обоимъ имъ приходилось читать свои лекціи—обстоятельство, вызывавшее ихъ постоянныя сѣтованія и безплодныя попытки бороться съ нимъ. Любопытно, что С. Т. Аксаковъ, перечисляя профессоровъ, читавшихъ лекціи въ концѣ 1805 года, даже и не упоминаетъ о Сторлѣ.

Профессоръ Сторль былъ первымъ библіотекаремъ казанскаго университета. Онъ былъ опредѣленъ въ это званіе Румовскимъ предложеніемъ отъ 8-го ноября 1806 года, съ порученіемъ привести библіотеку въ порядокъ, раздѣлить ее на библіотеки университетскую и собственно гимназическую и составить для той и другой каталоги; въ помощь Сторлю данъ былъ, съ званіемъ помощника библіотекаря, студентъ П. Кондыревъ. Сторль съ большимъ увлеченіемъ отдался возложенной на него обязанности, успѣшное выполненіе которой въ весьма значительной степени облег-

* Въ этомъ текстѣ, какъ и въ другихъ текстахъ, заимствуемыхъ изъ архивныхъ дѣлъ, мы сохраняемъ орѳографію подлинника.

чено было его разносторонними познаніями и прекраснымъ знаніемъ почти всѣхъ европейскихъ языковъ. Послѣдніе годы жизни Сторля, въ особенности же послѣ смерти его жены, прибывшей съ нимъ изъ заграницы, и его неудачной женитьбы (въ 1810 г.) на своей вольноотпущенной служанкѣ—прошли въ старческихъ немощахъ и скандальнаго характера домашнихъ дрязгахъ, отравлявшихъ послѣдніе дни старика. Сторль умеръ, на службѣ, 27-го января 1813 года [83].

Генрихъ Людвигъ Бюнеманъ, ганноверскій уроженецъ (родился въ 1752 году), образованіе и степень доктора обоихъ правъ получилъ въ геттингенскомъ университетѣ. Бюнеманъ впервые вступилъ въ русскую службу въ 1778 году, а начиная съ 1786 года мы видимъ его въ теченіи 15-ти лѣтъ въ должности старшаго преподавателя сухопутнаго благороднаго кадетскаго корпуса. Будучи уже въ отставкѣ, Бюнеманъ самъ предложилъ попечителю Румовскому свои услуги по занятію въ казанскомъ университетѣ кафедры правовѣдѣнія; Румовскій, тщетно озабоченный въ то время подысканіемъ ученаго, который могъ бы положить начало преподаванію въ университетѣ юридическихъ наукъ, принялъ его предложеніе и 1-го іюля 1805 года состоялось назначеніе Бюнемана, въ то время уже пожилаго человѣка 53-хъ лѣтъ, профессоромъ по кафедрѣ правъ естественнаго, политическаго и народнаго.

Прибывъ въ Казань въ концѣ сентября 1805 года и явившись въ совѣтъ 30-го сентября, Бюнеманъ привезъ съ собою нѣкоторыя руководящія указанія попечителя—его „mentis cogitata circa pacem et tranquillitatem omnium“, какъ выражался самъ Бюнеманъ; очевидно, что Румовскій, назначая его въ Казань, разсчитывалъ, какъ и по отношенію къ Сторлю, на примирительное вліяніе его въ совѣтѣ. Съ такой именно точки зрѣнія отнесся къ прибытію Бюнемана и Яковкинъ, который, равно какъ и его жена, радушно встрѣтили и обласкали вновь явившихся супруговъ Бюнеманъ: „In domino directore virum probum et honestum inveni“,—писалъ Бюнеманъ попечителю, описывая дружественный пріемъ, встрѣченный въ домѣ Яковкиныхъ. Яковкинъ, съ своей стороны, отписывалъ Румовскому о новомъ профессорѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, выставляя на видъ его дружественное къ нему безпристрастіе и ту атмосферу примиренія, которую вноситъ онъ въ совѣтскія засѣданія. Но,—увы!,—директору уже скоро пришлось разочароваться въ своемъ фаворитѣ: не прошло и года, какъ онъ перешелъ на сторону совѣтской оппозиціи,—„по слабости своей впалъ въ разставленныя ему сѣти“, какъ нѣсколько фигурально доносилъ о томъ Яковкинъ.

Преподаванiе Бюнемана не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ въ исторiи юридическаго факультета казанскаго университета, да и сами студенты неоднократно предъявляли ходатайства объ освобожденiи ихъ отъ слушанiя его лекцiй, читавшихся на латинскомъ и французскомъ языкахъ. „Былъ еще какой то толстый профессоръ Бюнеманъ,—пишетъ С. Т. Аксаковъ, вспоминая о первыхъ профессорахъ университета,—который читалъ право естественное, политическое и народное, на французскомъ языкѣ: лекцiй Бюнемана я рѣшительно не помню, хотя и слушалъ его".

Не долго суждено было Бюнеману оставаться въ положенiи перваго представителя юридическаго преподаванiя въ казанскомъ университетѣ: онъ умеръ 30-го iюля 1808 года, отъ гангрены, появившейся на почвѣ водянки *. Вдова его осталась въ Казани въ крайне бѣдственномъ положенiи: мы имѣемъ указанiе, что въ 1817 году, въ бытность свою въ Казани, великiй князь Михаилъ Павловичъ пожаловалъ двѣсти рублей пособiя „вдовѣ профессора Биннеманъ" [84].

Карлъ Θедоровичъ Фуксъ (Carolus Fuchs—„herborna nassavius", какъ именовалъ себя Фуксъ въ германскiй перiодъ своей жизни) выступаетъ передъ нами въ качествѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ прошлыхъ дѣятелей казанскаго университета, жизнь и дѣятельность котораго способна дать обильный матерiалъ для совершенно самостоятельнаго монографическаго изслѣдованiя. Тридцать лѣтъ жизни Фукса безраздѣльно принадлежали казанскому университету и сорокъ лѣтъ его жизни были посвящены Казани, которую Фуксъ любилъ называть „второю родиною", съ которою связалъ его, кромѣ выдающейся ученой и общественной дѣятельности, такъ же и его бракъ съ мѣстною дворянкою Александрою Андреевною Апехтиною, писательницею и поэтессою, игравшею, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, почтенную роль въ казанской интеллигентной жизни 30-хъ—40-хъ годовъ минувшаго вѣка. Писать бiографiю К. Θ. Фукса—значило бы писать исторiю казанскаго университета за первые тридцать лѣтъ его существованiя; отсюда становится вполнѣ понятнымъ, почему мы въ настоящую минуту коснемся, въ хронологическомъ порядкѣ, лишь самыхъ краткихъ и самыхъ необходимыхъ бiографическихъ данныхъ относительно этой замѣчательной личности, имя которой будетъ долго и неразлучно сопутствовать нашему дальнѣйшему изложенiю. Выдающiйся практическiй врачъ, традицiонная

---

* Н. Н. Буличъ ошибочно называетъ 2-ое августа днемъ кончины Бюнемана. Въ архивномъ дѣлѣ объ его смерти (Сов. 1808, № 8) интересна исторiя его болѣзни, на латинскомъ языкѣ, написанная проф. Брауномъ и скрѣпленная проф. Фуксомъ.

память о которомъ на много лѣтъ пережила годъ его кончины (1846 г.), натуралистъ, оріенталистъ, нумизматъ, этнографъ, археологъ, публицистъ— Фуксъ во всѣхъ отрасляхъ приложенія имъ своихъ знаній и своихъ силъ являлся глубокимъ и толковымъ знатокомъ дѣла, прокладывавшимъ вѣрные пути для послѣдующихъ дѣятелей въ тѣхъ же направленіяхъ.

К. Ѳ. Фуксъ родился 6-го (18) сентября 1776 года, въ небольшомъ городѣ Герборнѣ, въ княжествѣ нассаускомъ. Получивъ первоначальное образованіе въ герборнской академіи, въ которой его отецъ занималъ должность профессора богословія, Фуксъ продолжалъ свое образованіе въ геттингенскомъ, а затѣмъ въ марбургскомъ университетахъ; въ послѣднемъ онъ получилъ въ 1798 году степень доктора медицины за диссертацію, посвященную обзору дѣятельности и трудовъ Андрея Цезальпинскаго *. Неизвѣстны тѣ обстоятельства, при наличности которыхъ совершилась эмиграція Фукса въ Россію, но уже въ 1800 году мы находимъ его въ Петербургѣ, въ качествѣ практикующаго врача; существуютъ смутныя указанія, что, по пріѣздѣ въ Россію, Фуксъ несъ здѣсь службу военно-медицинскую. Въ 1801 году, опять таки при обстоятельствахъ, остающихся неизвѣстными, Фуксъ предпринимаетъ продолжительное путешествіе по русскому востоку съ естественноисторическими, преимущественно ботаническими, задачами; результатомъ этого путешествія явилась его работа „Prodromus florae rossicae Cisuralensis“, представленная имъ при назначеніи на кафедру. Въ 1804 году Фуксъ, судя по его послужнымъ спискамъ, былъ прикомандированъ, въ званіи врача, къ снаряжавшемуся въ Китай посольству графа Головина, но существуютъ основанія предполагать, что, фактически, онъ едва ли состоялъ въ этой должности, такъ какъ находился уже въ Казани на университетской службѣ въ тотъ моментъ, когда это посольство прибыло въ Иркутскъ.

Изъ сохранившагося въ архивныхъ дѣлахъ попечительской канцеляріи дѣла о назначеніи Фукса въ казанскій университетъ оказывается, что Фуксъ былъ съ этою цѣлью рекомендованъ Румовскому товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и попечителемъ московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьевымъ, который могъ узнать о Фуксѣ черезъ его двоюроднаго дядю (двоюроднаго брата матери Фукса) Георга Гофмана, въ началѣ 1804 года приглашеннаго Муравьевымъ на кафедру ботаники въ московскомъ университетѣ. Въ концѣ августа 1805 года Фуксъ явился къ попе-

---

* «Andreus Caesalpinus. De cujus viri ingenio, doctrina et virtute etc». (Marburgi, 1798).

чителю казанскаго учебнаго округа съ слѣдующимъ письмомъ отъ Муравьева:

„Милостивый государь мой Степанъ Яковлевичъ!—Вручитель сего есть тотъ самый докторъ медицины Фуксъ, котораго я предлагалъ вашему превосходительству въ профессоры естественной исторіи для казанскаго университета. Онъ надѣется, что скоро будетъ въ состояніи преподавать лекціи на россійскомъ языкѣ. Я почту себя обязаннымъ, ежели уважите мое ходатайство о господинѣ Фуксѣ.

Имѣю честь быть и пр.

Августа 21 дня 1805“.

Фуксъ представилъ тутъ же Румовскому свою ботаническую рукопись „Prodromus florae Cisuralensis“ и дипломъ на званіе члена геттингенскаго фитографическаго общества (и то и другое находится при дѣлѣ). Выраженное Муравьевымъ пожеланіе было, конечно, равносильно предписанію, тѣмъ болѣе, что товарищъ министра и московскій попечитель какъ разъ временно управлялъ въ то время министерствомъ—и, вотъ, вслѣдъ за этимъ послѣдовало со стороны Румовскаго представленіе, въ которомъ попечитель, указывая на то, что „съ кончиною доктора Протасова кафедра профессора естественной исторіи и ботаники въ Казани сдѣлалась праздна“ заявляетъ Муравьеву, что къ нему явился „для занятія оной здѣсь пребывающій докторъ медицины Карлъ Фуксъ и представилъ диссертацію, по которой удостоенъ докторской степени въ Марбургѣ и часть пространнаго своего сочиненія, подъ названіемъ Флора Цизальпинская (Цизуральская?)“. Дѣлу этому данъ былъ быстрый ходъ и уже 4-го сентября состоялся приказъ управляющаго министерствомъ о назначеніи Фукса въ казанскій университетъ, гдѣ онъ былъ предназначенъ, такимъ образомъ, къ замѣщенію мѣста умершаго весною Протасова, а 6-го октября ему выданъ открытый листъ и 150 рублей денегъ на проѣздъ къ мѣсту служенія.

Фуксъ не особенно спѣшилъ поѣздкою къ мѣсту назначенія и только 2-го декабря въ совѣтѣ доложено было Яковкинымъ, что „г. профессоръ Фуксъ прибылъ въ Казань и что въ будущее собраніе объявитъ онъ планъ, которому намѣренъ послѣдовать при объясненіи своихъ лекцій“; это объявленіе и было учинено имъ въ засѣданіи 9-го декабря, въ протоколъ котораго занесено, что профессоръ Фуксъ „будетъ преподавать наставленія систематически въ естественной исторіи по Блюменбаху *, особенно въ зоологіи, а лѣтомъ въ ботаникѣ, на латинскомъ языкѣ“.

* Блюменбахъ былъ профессоромъ геттингенскаго университета во время пребыванія въ немъ Фукса и подъ его руководствомъ происходили первыя занятія естествовѣдѣніемъ будущаго казанскаго натуралиста.

Оставаясь въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ (1806—1817 г.г.) единственнымъ представителемъ естествознанія въ казанскомъ университетѣ, Фуксъ по всей справедливости признается творцомъ казанской науки естествознанія и родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ казанскихъ натуралистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были его непосредственными учениками. Фуксъ умѣлъ живо интересовать молодежь своимъ предметомъ, чему не мало способствовали предпринимавшіяся имъ съ учениками подгородныя естественноисторическія экскурсіи и коллектированіе съ ними; Фуксъ самъ былъ выдающимся коллекціонеромъ и сумѣлъ передать эту страсть своимъ юнымъ слушателямъ, изъ которыхъ нѣкоторые (Аксаковъ, Панаевъ, Тимьянскій, Шоникъ, Германъ) сдѣлались въ этомъ отношеніи неутомимыми и ярыми послѣдователями своего учителя. Впослѣдствіе въ домѣ Фукса образовался цѣлый музей, въ которомъ видное мѣсто занимало богатое собраніе естественныхъ произведеній казанской губерніи по всѣмъ царствамъ природы. Въ 1837 году его собраніе млекопитающихся и птицъ этой губерніи было пріобрѣтено университетомъ за $1^1/_2$ тысячи рублей; еще ранѣе того (въ 1824 г.) онъ продалъ университету за 12 тыс. рублей свое богатѣйшее собраніе восточныхъ монетъ [85]. Фуксъ уже въ 1807 году образовалъ ученика въ лицѣ студента Германа (сына извѣстнаго намъ профессора), занимавшагося ботаникою подъ его личнымъ руководствомъ и въ этомъ году выступившаго съ рукописнымъ трудомъ „Flora Casanensis anno 1807“, а въ 1809 году съ сочиненіемъ: „О сходствѣ или отношеніяхъ между животными“, за которое возведенъ въ степень кандидата [86]. Страстно любя ботанику, Фуксъ уже вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Казань сталъ усиленно хлопотать объ устройствѣ при университетѣ хотя бы небольшаго ботаническаго сада, въ чемъ встрѣтилъ сочувственное содѣйствіе со стороны Яковкина, постоянно благоволившаго къ Фуксу за его мирный характеръ, отразившійся и на его совѣтской дѣятельности; такой садъ, съ тепличками и парниками при немъ, и сталъ съ 1806 года разводиться въ саду пріобрѣтеннаго для университета тенишевскаго или губернаторскаго дома. Всегда горячо принимался Фуксомъ къ сердцу вопросъ объ устройствѣ при университетѣ и другихъ естественноисторическихъ собраній.

Занятая Фуксомъ по прибытіи въ Казань каѳедра естествознанія не отвлекала нашего натуралиста и отъ его дипломированной спеціальности—медицины, которою онъ продолжалъ заниматься и теоретически, и практически. „Доброта души его, тихій характеръ, многолѣтняя опытность при врачеваніи“—были мотивами, побудившими Яковкина ходатайствовать

о предоставленіи Фуксу должности врача гимназической и университетской больницы, которую онъ и несъ съ 2-го августа 1806 по апрѣль 1811 года. Въ сентябрѣ 1806 года Фуксъ, въ качествѣ врача, даетъ отзывъ по запросу губернатора относительно санитарныхъ условій Арскаго Поля, а въ 1811 году производитъ изслѣдованіе Сергіевскихъ минеральныхъ водъ; но особенно высоко поставила его репутацію практическаго врача совмѣстная съ другими медиками борьба съ горячечною эпидеміею, свирѣпствовавшею въ краѣ въ 1813—1814 годахъ и явившеюся результатомъ эвакуаціи плѣнныхъ, больныхъ и раненыхъ, которыхъ дала отечественная война.

Въ 1818 году Фуксъ навсегда разстается съ естествознаніемъ, какъ оффиціальнымъ предметомъ университетскаго преподаванія, занявъ съ 11-го января этого года кафедру терапіи, патологіи и клиники, сдѣлавшуюся вакантною съ увольненіемъ профессора Эрдмана. Теперь у Фукса возникаетъ уже новая забота—попеченія о благоустройствѣ клиники и объ организаціи правильнаго клиническаго преподаванія; и въ этой области онъ выступилъ такимъ же неустаннымъ работникомъ, какимъ видѣли мы его и на поприщѣ естествознанія.

Разностороннею представляется и административная дѣятельность Фукса. Утвержденный 3-го августа 1820 года (по избранію) деканомъ врачебнаго отдѣленія, Фуксъ несъ эту должность до назначенія своего 9-го мая 1823 года, на одинъ годъ, ректоромъ университета,—званіе, которое онъ снова несъ съ 12-го января 1825 года по 25-ое августа 1827 года; съ 26-го іюля 1821 года по 8-ое іюля 1823 года онъ несъ, сверхъ деканства, еще и обязанности библіотекаря университета. Послѣдніе годы университетской дѣятельности Фукса были омрачены служебными непріятностями, съ которыми мы, въ своемъ мѣстѣ, познакомимся и которыя сопровождали оставленіе имъ долголѣтней службы казанскому университету: онъ вышелъ въ отставку 1-го іюля 1833 года, въ званіи заслуженнаго профессора, оскорбленный тѣми условіями, на которыхъ предложено было ему продолженіе университетской службы.

К. Ѳ. Фуксъ скончался 24-го апрѣля 1846 года, оплакиваемый представителями всѣхъ слоевъ казанскаго общества. Онъ почти до самой кончины не оставлялъ ни научной дѣятельности, ни своихъ общественныхъ отношеній (домъ Фуксовъ считался въ 30-хъ—40-хъ годахъ центромъ казанской интеллектуальной жизни), ни своей обширной и нерѣдко безкорыстной врачебной практики, сдѣлавшей его имя громкимъ и популярнымъ далеко за предѣлами Казани.

Да простятъ намъ читатели нѣсколько пространное отступленіе отъ порядка послѣдовательнаго повѣствованія, къ которому побудило насъ воспоминаніе о К. Ѳ. Фуксѣ: намъ представлялось желательнымъ въ общемъ, хотя бы и самомъ сжатомъ, очеркѣ сразу болѣе или менѣе освѣтить эту далеко не заурядную личность, которой будетъ суждено занимать выдающееся мѣсто въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи [87].

Ѳедоръ Леонтьевичъ Эвестъ (Friedrich Evst), сынъ иностранца русской службы, родился около 1774 года, въ г. Москвѣ. Получивъ начальное образованіе въ родительскомъ домѣ, онъ поступилъ для обученія фармаціи къ московскому аптекарю Биндгейму, получивъ отъ котораго въ 1794 году аттестатъ, выдержалъ въ московской медицинской конторѣ экзаменъ изъ химіи и фармаціи, послѣ чего въ теченіи трехъ лѣтъ снова служилъ у того же Биндгейма, выдавшаго ему въ 1797 году вторичный и весьма лестный аттестатъ въ знаніи своего дѣла. Записавшись въ 1798 году въ московскую университетскую гимназію, съ цѣлью продолженія образованія, Эвестъ переведенъ былъ въ московскій университетъ, въ которомъ обучался „всѣмъ частямъ врачебнаго искусства“, и въ 1800 году удостоенъ за успѣхи награды золотою медалью, а по окончаніи университетскаго курса, въ 1801 году прикомандированъ для усовершенствованія въ практикѣ къ медико-хирургической академіи. Отправившись въ 1804 году, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, въ г. Липецкъ, для изслѣдованія мѣстныхъ минеральныхъ водъ, Эвестъ воспользовался собраннымъ здѣсь матеріаломъ для диссертаціи *, за которую 21-го октября 1805 года и удостоенъ московскимъ университетомъ степени доктора медицины (диспутъ происходилъ 26-го іюня).

Назначеніе Эвеста въ казанскій университетъ состоялось, подобно назначенію Фукса, по рекомендаціи М. Н. Муравьева, 10-го октября 1805 года писавшаго Румовскому, что, „принимая участіе въ достойномъ г. докторѣ Эвестѣ“, онъ утруждаетъ его „новою покорнѣйшею просьбою о доставленіи ему адъюнктскаго мѣста по минералогіи или медицинѣ при казанскомъ университетѣ“. Дѣлая министру представленіе объ Эвестѣ, Румовскій и на этотъ разъ дѣлаетъ ссылку на то, что „по смерти Протасова нѣтъ теперь никого, кто бы могъ преподавать хотя первыя основанія въ наукахъ, къ отдѣленію врачебныхъ наукъ принадлежащихъ“, въ пользу

---

* «Dissertatio inauguralis chemico-therapeutica de aquis martialibus Lipezkiensibus» (Москва, 1805, стр. 19). Эта диссертація имѣется при дѣлѣ объ опредѣленіи автора ея въ казанскій университетъ.

же представляемаго кандидата выставляетъ тотъ доводъ, что Эвестъ, „будучи воспитанъ въ Россіи, можетъ преподавать наставленія, особливо въ химіи, медицинѣ и въ фармацевтикѣ, на россійскомъ языкѣ“. Утвержденіе Эвеста въ званіи адъюнкта казанскаго университета, безъ точнаго указанія кафедры, но съ порученіемъ чтенія химіи и матеріи-медики (т. е. фармакологіи), послѣдовало 21-го октября 1805 года, а 29-го ноября Яковкинъ заявилъ въ совѣтѣ, что Эвестъ, по прибытіи въ Казань, представился ему 24-го числа того же мѣсяца. Явившись въ засѣданіе совѣта 2-го декабря, Эвестъ заявилъ здѣсь, что онъ не въ состояніи читать порученные ему курсы, такъ какъ „для сего университетъ еще не имѣетъ теперь ни нужныхъ инструментовъ, ни другихъ пособій, да и студенты къ слушанію оныхъ лекцій еще не подготовлены“; согласившись съ этими доводами, совѣтъ опредѣлилъ, что бы Эвестъ „на первый случай занялся зоологіею, показавъ кратко составъ животныхъ анатомическимъ образомъ, а потомъ особенно минералогіею, преподавая свои лекціи на русскомъ языкѣ“.

Эвестъ принадлежалъ къ числу членовъ совѣта, пользовавшихся расположеніемъ Яковкина, который въ началѣ 1806 года представилъ его попечителю на должность инспектора гимназіи (которую онъ и несъ съ 8-го февраля 1806 г. по сентябрь 1807 г.), ссылаясь на то, что уже „имѣлъ время обстоятельно разсмотрѣть милый и тихій его характеръ“. Яковкинъ всемѣрно поддерживалъ Эвеста въ страстной и скандальной совѣтской исторіи, возбужденной противъ него и сохранившейся въ лѣтописяхъ университетской жизни подъ названіемъ „дѣла о болѣзни адъюнкта Эвеста“, сводившейся къ какому то душевному разстройству, возникшему едва ли не на почвѣ алкоголизма и неблагопріятно сложившихся семейныхъ обстоятельствъ; эта совѣтская исторія будетъ своевременно нами разсказана.

Преподавательская дѣятельность Эвеста, бывшая непродолжительною и, притомъ, крайне несистематичною и случайною, прошла безцвѣтно и ознаменовалась лишь первыми заботами и мѣропріятіями по устройству химической лабораторіи и химическихъ изслѣдованій, на полное отсутствіе пособій для которыхъ такъ сѣтовалъ онъ по прибытіи въ Казань.

Эвестъ умеръ въ ночь на 26-ое октября 1809 года; оставшіяся послѣ его смерти „вещи химическаго класса“ поручено было принять и провѣрить студенту Н. Лобачевскому—будущему славному геометру, а преподававшіяся имъ лекціи матеріи-медики и хирургіи—прекратились [88].

Иванъ Петровичъ Каменскій является послѣднимъ изъ лицъ преподавательскаго персонала, опредѣленныхъ въ казанскій университетъ въ теченіи 1805—1806 учебнаго года. Малороссъ, сынъ войсковаго товарища,

Каменскій родился въ 1773 году и первоначальное образованіе получилъ въ полтавской духовной семинаріи, а изъ нея въ октябрѣ 1793 года поступилъ въ московскую медико-хирургическую академію, въ которой за успѣхи, обнаруженные сочиненіемъ „De ulcere ventriculi penetrante", былъ допущенъ къ исправленію въ продолженіи двухъ лѣтъ, еще будучи студентомъ, прозекторскихъ обязанностей. Удостоенный 1-го сентября 1797 года степени кандидата хирургіи, Каменскій былъ прикомандированъ къ московскому военному госпиталю и къ родильной палатѣ воспитательнаго дома, а затѣмъ, получивъ (1-го ноября 1798 г.) званіе лекаря, нѣсколько мѣсяцевъ служилъ врачомъ навачинскаго мушкатерскаго полка. Склонность къ ученой медицинѣ влекла молодого врача къ службѣ въ прежнемъ мѣстѣ его образованія и 4-го апрѣля 1799 года состоялось опредѣленіе Каменскаго на должность прозектора анатоміи московской медико-хирургической академіи, неся которую онъ въ теченіи года состоялъ и исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора. Получивъ 21-го октября 1802 года степень доктора медицины и хирургіи (за диссертацію „De restringendo cordibus etc."), Каменскій продолжалъ службу въ академіи до ея упраздненія, послѣ чего (въ 1804 г.) опредѣлился врачомъ при петербургскомъ ассигнаціонномъ и заемномъ банкѣ.

Назначеніе Каменскаго въ казанскій университетъ профессоромъ по кафедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, состоявшееся 6-го января 1806 года, было первою осуществившеюся попыткою замѣстить здѣсь одну изъ шести медицинскихъ кафедръ, положенныхъ уставомъ 1804 года. Подробности этого назначенія до насъ не сохранились; во всякомъ случаѣ, Каменскій, выступая кандидатомъ на занятую имъ кафедру, уже имѣлъ за собою нѣкоторую литературную заручку: кромѣ приведенной выше докторской диссертаціи, онъ являлся авторомъ трактата „Краткое начертаніе наблюденій и опытовъ о вредности молочной и о пользѣ хлѣбной, мясной и другой пищи для дѣтей" (СПБ. 1805), а еще много ранѣе, въ 1799 году, онъ перевелъ съ французскаго, вмѣстѣ съ Книгинымъ, „Химическую философію" Фуркра.

Прибывъ въ Казань въ началѣ марта 1806 года, Каменскій 10-го числа этого мѣсяца впервые явился въ совѣтъ, а въ слѣдующее засѣданіе совѣта, происходившее 17-го марта, представилъ объявленіе о своихъ преподаваніяхъ. Каменскому пришлось уже съ самаго начала считаться съ тѣмъ же затрудненіемъ, съ которымъ, уже въ первые дни по прибытіи своемъ въ Казань, довелось столкнуться и Эвесту: это—отсутствіе необходимыхъ пособій. Онъ представилъ совѣту, что „за недостаткомъ многихъ

пособій, для полнаго курса потребныхъ, намѣренъ онъ преподавать учащимся: а) науку о костяхъ, со включеніемъ ученія объ образованіи оныхъ, б) изъ физіологіи о дѣйствіяхъ живого здраваго человѣческаго тѣла, сколько можно будетъ занять объясненіе оныхъ изъ разсматриванія животныхъ". Заслушавъ объясненіе Каменскаго и по его же, конечно, инициативѣ, совѣтъ тогда же опредѣлилъ: „Поелику для показанія внутреннихъ частей человѣческаго тѣла и дѣйствительнаго упражненія учащихся въ анатоміи нужно имѣть мертвыя тѣла, то посему представить г. попечителю рапортомъ, не соблаговолитъ ли онъ снестись съ казанскимъ гражданскимъ начальствомъ о томъ, что бы тѣла скоропостижно умершихъ были присылаемы въ университетъ". Посланное въ этомъ смыслѣ представленіе успѣхомъ не увѣнчалось: сославшись на причины, по которымъ, по его мнѣнію, нынѣ же „приступить къ вскрытію труповъ съ удобностью не можно" (наступающее теплое время года, отсутствіе приспособленнаго для того помѣщенія и необходимыхъ предметовъ), Румовскій 12-го апрѣля отвѣтилъ предложеніемъ, въ которомъ рекомендовалъ Каменскому „потщиться при преподаваніи лекцій дѣлать возможныя объясненія по рисункамъ", представивъ ему, тѣмъ не менѣе, соображенія относительно суммы, потребной на устройство анатомическаго театра. Крайне непродолжительная профессорская дѣятельность Каменскаго въ казанскомъ университетѣ отмѣчена стараніями объ устройствѣ анатомическаго театра и о сколько нибудь сносной постановкѣ преподаванія анатоміи, а также хлопотами о доставленіи въ университетъ труповъ—забота, бывшая роковымъ удѣломъ и цѣлаго ряда позднѣйшихъ преемниковъ Каменскаго. С. Т. Аксаковъ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Каменскаго, какъ лектора, обладавшаго „замѣчательнымъ даромъ слова".

Совѣтская дѣятельность Каменскаго ознаменовалась страстною и непримиримою борьбою его съ Яковкинымъ. Воинствующее положеніе, занятое Каменскимъ въ совѣтѣ и имѣвшее въ основѣ своемъ ратованіе имъ, въ ряду цѣлой партіи другихъ членовъ совѣта, за самостоятельное и автономное, на основаніи устава, положеніе университета, производило много шума и толковъ въ мѣстномъ городскомъ обществѣ, лучшіе элементы котораго были не на сторонѣ Яковкина. Дѣло окончилось, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это подробнѣе, не въ пользу Каменскаго и его единомышленниковъ: 14-го ноября 1806 года Каменскій былъ отрѣшенъ, по предписанію министра народнаго просвѣщенія, отъ университетской службы. Участь его раздѣлилъ адъюнктъ Карташевскій и проф. Цеплинъ; мѣра кары по отношенію къ другимъ протестантамъ, Герману и Запольскому,

ограничилась воспрещеніемъ имъ (временнымъ впрочемъ) участія въ засѣданіяхъ совѣта. Месть Яковкина преслѣдовала Каменскаго и послѣ его отрѣшенія: уволенному профессору лишь съ большими хлопотами удалось выправить себѣ, такъ называемые „неиспорченные", документы.

Впослѣдствіе Каменскій занималъ (съ 1809 г.) должность акушера воронежской врачебной управы, а въ 1810 году былъ опредѣленъ въ харьковскій университетъ на кафедру акушерства. Онъ умеръ въ Кіевѣ, въ августѣ 1819 года [69].

Таковъ былъ составъ новыхъ силъ, которымъ суждено было пополнить въ учебный 1805—1806 годъ первоначальный профессорскій персоналъ казанскаго университета. Прежде, нежели перейти къ вопросу о томъ, какъ воспользовался университетъ усиленіемъ своего личнаго состава для организаціи преподаванія въ этомъ первомъ полномъ учебномъ году, не лишнимъ будетъ сказать еще нѣсколько словъ о неудавшихся мѣрахъ пополненія кафедръ и о претендентахъ на эти послѣднія, выступавшихъ во второй половинѣ 1805 года.

Изъ мѣропріятій Румовскаго, направленныхъ къ замѣщенію кафедръ будущаго отдѣленія физическихъ и математическихъ наукъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя его попытка пріобрѣсти для казанскаго университета славнаго нѣмецкаго математика Бартельса,—бывшаго студента геттингенскаго и доктора философіи іенскаго университетовъ, ученика извѣстнаго аналитика Пфаффа,—въ то время занимавшаго скромное мѣсто преподавателя въ кантональномъ училищѣ швейцарскаго города Аарау. Еще весною 1805 года Румовскій, самъ математикъ, а потому и компетентный судья въ оцѣнкѣ научныхъ достоинствъ намѣченнаго имъ кандидата, сдѣлалъ Бартельсу предложеніе занять въ казанскомъ университетѣ кафедру чистой математики, единственнымъ представителемъ которой былъ здѣсь адъюнктъ Карташевскій; въ этомъ рѣшеніи попечителя главную роль играла, повидимому, рекомендація академика Фусса, доставившаго Румовскому мемуаръ Бартельса по математическому анализу. Румовскій предлагалъ Бартельсу званіе ординарнаго профессора и тысячу рублей подъемныхъ денегъ на переѣздъ изъ Аарау въ Казань. Предложеніе было принято Бартельсомъ еще въ маѣ 1805 года, а въ іюнѣ состоялось и назначеніе его, на основаніи представленія попечителя, въ которомъ тотъ усиленно настаивалъ на пріобрѣтеніи этого ученаго, „которому,—писалъ Румовскій, — вся Германія имѣетъ мало подобныхъ". Прибытіе въ Казань Бартельса на этотъ разъ не состоялось: уже въ августѣ того же года онъ прислалъ Румовскому отказъ отъ предоставленной ему кафедры, сославшись

на семейныя обстоятельства; мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что пріобрѣтеніе казанскимъ университетомъ этого выдающагося ученаго, впослѣдствіе создавшаго въ Казани цѣлую школу мѣстныхъ математиковъ, состоялось лишь во второй половинѣ 1807 года. Бартельсу пришлось, тѣмъ не менѣе, уже весною 1806 года установить связь съ казанскимъ университетомъ въ качествѣ его почетнаго члена; онъ былъ 28-го апрѣля названнаго года признанъ совѣтомъ въ этомъ званіи вслѣдствіе предложенія о томъ попечителя (отъ 9-го апрѣля), мотивированнаго Румовскимъ тѣмъ, что онъ почти цѣлый годъ имѣетъ переписку съ Бартельсомъ, который съ усердіемъ и всѣми мѣрами „старается склонять къ пріѣзду въ Казань такихъ людей, которые знаніями своими могли бы принесть университету неминуемую пользу, а также обѣщаетъ исполнять всѣ обязанности почетныхъ членовъ, въ уставѣ изображенныя". Бартельсъ былъ первымъ лицомъ, носившимъ званіе почетнаго члена казанскаго университета [90].

Въ іюлѣ 1805 года изъявлялъ желаніе занять въ Казани медицинскую кафедру инспекторъ вятской врачебной управы, докторъ медицины вѣнскаго университета Либошицъ (повидимому—изъ австрійскихъ славянъ), за котораго усиленно просилъ Румовскаго директоръ Яковкинъ, въ свою очередь ссылавшійся на рекомендацію одного изъ своихъ вятскихъ пріятелей, нѣкоего Камашева; этому пріятелю, лично не зная претендента, онъ, однако, вполнѣ довѣряетъ—„зная его доброту души и благородство". Чисто платоническаго характера цензъ этотъ воздѣйствія на Румовскаго не возымѣлъ и домоганія Либошица остались безъ удовлетворенія.

Въ августѣ того же года учитель латинскаго языка рязанской гимназіи, нѣкто Іоганнъ Карлъ Лингъ, обратился къ попечителю съ высокопарнымъ прошеніемъ на латинскомъ языкѣ, въ которомъ просилъ о предоставленіи ему въ казанскомъ университетѣ кафедры по философіи, исторіи, математикѣ или естественнымъ наукамъ; это прошеніе оставлено безъ дальнѣйшаго по немъ производства. Такая же печальная участь постигла и домогательства нижегородскаго практикующаго врача, руссина Феликса Лоевскаго, „великаго любителя философіи и опытной физики", рекомендованнаго попечителю „по долгу службы" (!) директоромъ нижегородскихъ училищъ. Неудачею окончилась и попытка опредѣлить въ Казань профессоромъ инженеръ-маіора барона фонъ-Делена (осенью 1805 г.); этотъ претендентъ не былъ уволенъ военнымъ вѣдомствомъ изъ своей службы.

Въ декабрѣ 1805 года Румовскій, стараясь замѣстить въ казанскомъ университетѣ основную медицинскую кафедру, на которую еще въ началѣ

года былъ назначенъ умершій штабъ-лекарь Протасовъ, представилъ на кафедру патологіи, терапіи и клиники саксонскаго военнаго врача Вильгельма Фридриха Дрейсига, но и это назначеніе не состоялось, такъ какъ Дрейсигъ предпочелъ приглашеніе харьковскаго университета, избравшаго его тогда же и на туже кафедру, которую онъ здѣсь впослѣдствіе и занималъ, оставивъ по себѣ память выдающагося ученаго, но плохого лектора.

Эта неудача побудила Румовскаго остановить свое вниманіе на молодомъ лейпцигскомъ профессорѣ ботаники Романѣ Адольфѣ Гедвигѣ (сынѣ извѣстнаго ботаника Іоганна Гедвига), охотно согласившемся ѣхать на службу въ далекую Казань, заявивъ, что онъ готовъ жить и умереть вездѣ, гдѣ будетъ предоставлено ему „свободно работать для общаго блага и для науки". Согласно представленію Румовскаго отъ 17-го мая 1806 года Гедвигъ былъ утвержденъ профессоромъ по кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники, но скончался въ Лейпцигѣ, еще не узнавъ о состоявшемся назначеніи своемъ, 19-го мая того же года.

Читатели могли видѣть, что въ казанскомъ университетѣ продолжала оставаться незамѣщенною одна изъ основныхъ кафедръ разряда словесныхъ наукъ—кафедра русской словесности („краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго"—какъ она названа въ уставѣ 1804 года). И Румовскій и Яковкинъ долго, но тщетно, помышляли о замѣщеніи этой должности „чиновника для россійской словесности", выражаясь дѣловымъ языкомъ ихъ, что представлялось болѣе нежели страннымъ въ виду того, что въ учительскомъ персоналѣ той же казанской гимназіи, которая уже дала контингентъ для перваго преподавательскаго персонала университета, имѣлось лицо, вполнѣ пригодное для означенной цѣли. Мы говоримъ объ учителѣ старшаго россійскаго класса, уже извѣстномъ намъ даровитомъ Н. М. Ибрагимовѣ, о которомъ сохранилъ такія восторженныя воспоминанія С. Т. Аксаковъ и котораго настойчиво оттирали отъ адъюнктуры вплоть до 1817 года, когда онъ попалъ въ адъюнкты россійской словесности уже по избранію. Неудачи Румовскаго въ поискахъ за „чиновникомъ для россійской словесности" представляются странными и въ виду того, что тотъ же казанскій педагогическій персоналъ сумѣлъ дать достойнаго представителя кафедры россійскаго языка и словесности далекому виленскому университету, въ который, въ маѣ 1805 года, назначенъ былъ профессоромъ какъ разъ по этой кафедрѣ учитель казанскаго главнаго народнаго училища Иванъ Чернявскій (слушателемъ Чернявскаго былъ въ этомъ университетѣ поэтъ Мицкевичъ). Преподаваніе по пустующей кафедрѣ

русской словесности временно, и весьма неудачно, поручалось адъюнкту философіи Левицкому, и только осенью 1806 года эта важная кафедра нашла себѣ замѣстителя въ лицѣ адъюнкта, впослѣдствіе профессора, Городчанинова, имя котораго будетъ занимать видное мѣсто въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи и дарованія котораго, и какъ оратора, и какъ стихотворца, и какъ преподавателя—далеко не соотвѣтствовали той высокой степени ходульнаго и увѣреннаго самомнѣнія, которою былъ надѣленъ этотъ первый казанскій представитель кафедры „краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго" [91].

Насколько вопросъ о назначеніи въ Казань новыхъ профессоровъ интересовалъ собою въ 1805 году Румовскаго, это наглядно усматривается изъ его, доходящихъ до мелочей, заботъ объ обезпеченіи для нихъ временныхъ казенныхъ квартиръ въ университетѣ:

„Милостивый государь мой Илья Өедоровичъ!—пишетъ попечитель Яковкину отъ 19-го іюня 1805 года.—Я жалѣю о крамолѣ, противъ васъ воздвигнутой *. Она, думаю, укротится, когда увидитъ тщету свою..... Покои, назначенные вами для музыкальнаго учителя, оставьте незанятыми до пріѣзда профессора Германа: можетъ быть онъ, на первый случай, согласится въ нихъ помѣститься. Хотя гимназія не обязана профессорамъ давать квартиры, но пріѣзжимъ прилично дѣлать на время вспоможеніе. Двѣ квартиры въ домѣ Спижарной оставьте праздны до пріѣзда двухъ еще профессоровъ, которыя получше и попросторнѣе: для Бартельса, человѣка женатаго, а другую для Сторля, до пріисканія квартиръ, съ тѣмъ, что бы оныя, когда занадобятъ, были очищены" [92].

Чтобы покончить съ вопросомъ о кандидатахъ и претендентахъ на кафедры въ казанскомъ университетѣ, намъ остается упомянуть еще о потерѣ, понесенной въ этомъ отношеніи: 1-го августа 1805 года скончался пресвитеръ о. Гавріилъ Данковъ, котораго Румовскій прочилъ, какъ мы знаемъ, для занятія въ университетѣ кафедры богословія и который уже знакомъ намъ по своей начальной совѣтской дѣятельности, въ качествѣ поборника интересовъ самостоятельности университета; богословская кафедра такъ и оставалась незамѣщенною въ казанскомъ университетѣ вплоть до конца 1819 года.

Переходимъ теперь къ вопросу о распредѣленіи и порядкѣ университетскаго преподаванія въ 1805—1806 учебномъ году.

---

* Румовскій намекаетъ здѣсь па открывшуюся въ совѣтѣ борьбу противъ Яковкина.

Вопросъ объ организаціи преподаванія съ наступающаго новаго учебнаго года служилъ предметомъ сужденія совѣта уже въ его засѣданіи отъ 19-го іюля, происходившемъ вслѣдъ за актомъ 9-го іюля, когда совѣту приходилось имѣть въ виду еще прежній, начальный, составъ преподавательскихъ силъ. Въ этомъ засѣданіи заявлены были слѣдующіе курсы чтеній:

√ I. Профессоръ Яковкинъ имѣлъ въ виду „занимать слушателей своихъ россійскою исторіею по книгѣ, имъ изданной, съ пространными географическими и статистическими россійской имперіи объясненіями, почерпая ихъ изъ самыхъ новѣйшихъ источниковъ".

II. Профессоръ Цеплинъ „будетъ продолжать исторію о новѣйшихъ европейскихъ государствахъ по сокращенію Шпитлера".

III. Адъюнктъ Карташевскій „будетъ проходить начала высшей математики, слѣдуя большею частью Шульцу, для успѣвшихъ же въ началахъ, если начальство не препоручитъ этого другому *, предполагаетъ читать высшую математику, руководствуясь курсомъ г. Ла-Каля, по послѣднему вновь обработанному его изданію".

IV. Адъюнктъ Эрихъ „будетъ занимать слушателей изъясненіемъ книгъ Цицероновыхъ о должностяхъ, присовокупивъ къ тому нѣкоторыя выбранныя оды Гораціевы".

V. Адъюнктъ Левицкій „намѣренъ послѣдовать Сори, переводя самъ его нравственную философію и присовокупляя къ тому нужныя пополненія".

VI. Адъюнктъ Запольскій „будетъ преподавать слушателямъ своимъ прикладную математику по Вольфовымъ Elementa matheseos mixtae, съ своимъ переводомъ и съ присовокупленіемъ нужныхъ пополненій изъ новѣйшихъ авторовъ".

Это распредѣленіе преподаваній должно было значительно измѣниться и пополниться съ постепеннымъ прибытіемъ въ Казань вновь назначенныхъ преподавателей. Мы не будемъ утомлять вниманіе читателей детальнымъ перечисленіемъ всѣхъ отдѣльныхъ, относящихся сюда, распоряженій и мѣропріятій и считаемъ цѣлесообразнымъ ограничиться общимъ обзоромъ всѣхъ курсовъ, пройденныхъ въ теченіи 1805—1806 учебнаго года, распредѣливъ обзоръ этотъ по мѣсяцамъ, т. е. въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ представлялись самими преподавателями вѣдомости или рапорты о ходѣ ихъ „наставленій". Матеріаломъ для этого послужитъ намъ хранящійся въ университетскомъ архивѣ большой томъ „вѣдомостей" объ „упражне-

* Очевидный намекъ на Бартельса, назначеніе котораго сдѣлалось къ тому времени фактомъ уже почти совершившимся.

ніяхъ въ классахъ г.г. профессоровъ" и „о студентахъ, ихъ прилежаніи, успѣхахъ и поведеніи въ классахъ", обнимающій собою данныя за 1805—1807 годы [93].

Изъ этихъ вѣдомостей раскрывается слѣдующая картина университетскаго преподаванія за 1805—1806 учебный годъ:

I. Профессоръ Яковкинъ читалъ въ августѣ—„изъ россійской географіи объ Россіи, вообще, о качествахъ земель и произведеніяхъ прозябаемаго и животнаго царствъ"; въ сентябрѣ—„россійскую географію, съ историческими и статистическими объясненіями, до раздѣленія имперіи на губерніи"; въ октябрѣ—продолжалъ „россійскую географію съ историческими и статистическими объясненіями"; въ ноябрѣ—продолжалъ географію „со статистическими объясненіями, прочитавъ первый періодъ исторіи и, для повторенія, пріобучалъ студентовъ къ преподаванію лекцій", т. е. велъ педагогическій семинарій; въ декабрѣ—„окончилъ географію со статистическими объясненіями, прошелъ первый періодъ исторіи"; въ январѣ—„прошелъ россійскую исторію до основанія владимірскаго великокняженія, со статистическими и географическими объясненіями"; въ февралѣ—тоже, „до вступленія Романова дома на россійскій престолъ"; въ мартѣ—тоже, „до царствованія императрицы Екатерины I"; въ апрѣлѣ—„окончилъ россійскую исторію съ географическими и статистическими объясненіями"; въ маѣ—„занимался повтореніемъ" и опять таки „пріобученіемъ студентовъ къ преподаванію".

II. Профессоръ Цеплинъ проходилъ: въ августѣ—исторію Нидерландъ и Швейцаріи; въ сентябрѣ—исторію Германіи; въ октябрѣ—продолжалъ исторію Германіи, съ географіею и статистикою; въ ноябрѣ—продолжалъ исторію Германіи и проходилъ географію Швейцаріи (Швеціи?) и Даніи; въ январѣ—окончилъ соединенную географію Даніи, Норвегіи и Швеціи и началъ исторію Даніи; въ февралѣ—окончилъ исторію Даніи и началъ исторію Швеціи; въ мартѣ—окончилъ исторію Швеціи и началъ исторію Польши; въ апрѣлѣ—окончилъ исторію Польши и началъ исторію и географію Венгріи, Трансильваніи, Молдавіи, Валахіи, Славоніи, Кроаціи и Далмаціи; въ маѣ—окончилъ курсъ предшествовавшаго мѣсяца и прочелъ половину исторіи Италіи.

III. Профессоръ Германъ читалъ: въ августѣ—введеніе въ философію, вообще, и началъ антропологію; въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ—продолжалъ антропологію; въ декабрѣ—окончилъ первую часть антропологіи (о строеніи человѣческаго тѣла) и началъ вторую ея часть; въ январѣ—читалъ изъ второго отдѣленія антропологіи „главы: foetus, infans и adultus", до физіологіи; въ февралѣ—„главы физіологіи, также главы: senestus et mors, ordo in nascendo et moriendo и началъ послѣднюю главу: varietas humani generis"; въ мартѣ—„проходилъ статью о народахъ и, сдѣлавъ замѣчанія на оную, окончилъ симъ часть фило-

софіи антропологіи"; въ апрѣлѣ—проходилъ психологію, въ особенности главу facultas cognoscendi; въ маѣ—проходилъ изъ психологіи главы: actiones animi и, окончивъ чтеніе психологіи, „занимался латинскимъ языкомъ, разобравъ нѣкоторыя Гораціевы оды по правиламъ этимологіи, логики и пр."

Профессоръ Германъ огромную часть своихъ чтеній въ этомъ учебномъ году посвятилъ, такимъ образомъ, вопросамъ, къ непосредственному предмету его кафедры не относящимся.

IV. Профессоръ Бюнеманъ, начавшій чтенія лишь съ ноября, прошелъ: въ ноябрѣ и декабрѣ—введеніе въ естественное право („права природы"); въ январѣ—окончилъ введеніе и началъ исторію правъ природы: „начало и происхожденіе, также состояніе оныхъ у древнихъ народовъ и, особенно, у грековъ"; въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и маѣ—„занимался продолженіемъ вдаль исторіи права природы".

V. Профессоръ Сторль (съ декабря) читалъ: въ декабрѣ—миѳологію; въ январѣ—продолжалъ миѳологію, „сдѣлавъ раздѣленіе боговъ и показавъ причины бытія оныхъ", „разбиралъ также иногда словесность греческую и латинскую, касаясь до древности, объясняя темное и показывая правила литературы"; въ февралѣ—продолжалъ изъ миѳологіи „о статуяхъ, какъ свидѣтеляхъ древняго многопочитанія боговъ, различныя мнѣнія о Юпитерѣ философовъ и поэтовъ, также разбиралъ для сего мнѣнія древнѣйшихъ писателей Греціи, съ точнѣйшимъ изъясненіемъ, наконецъ точное опредѣленіе Юпитера", а „со стороны литературы проходилъ далѣе Ars poetica Горація, а на греческомъ разные отрывки, нужные для миѳологіи и опредѣленія древней литературы"; въ мартѣ—продолжалъ миѳологію, а по литературѣ разбиралъ Горація и греческихъ авторовъ; въ апрѣлѣ—продолжалъ миѳологію Юпитера, „объясняя сокровенныя въ миѳахъ истины", также продолжалъ чтеніе Горація, читалъ эклоги Виргилія и упражнялъ студентовъ въ переводѣ съ латинскаго языка на греческій, „съ показаніемъ грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ"; въ маѣ—продолжалъ занятія предыдущаго мѣсяца.

VI. Адъюнктъ Эрихъ въ августѣ и сентябрѣ читалъ и толковалъ „вторую книгу Цицерона"; въ октябрѣ и ноябрѣ—занимался третьею книгою Цицерона; въ декабрѣ—„изъяснялъ первую книгу Цицерона о должностяхъ и читалъ Мильтіада изъ Корнелія Непота"; въ январѣ и февралѣ—продолжалъ чтеніе и изъясненіе первой книги Цицерона и Корнелія Непота; въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ—продолжалъ изъясненіе Корнелія Непота и объяснялъ начала поэзіи Горація.

VII. Адъюнктъ Левицкій въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ—не читалъ по болѣзни; въ ноябрѣ—излагалъ изъ логики ученіе „о дѣйствіяхъ разума, вообще, о понятіяхъ, о словахъ или терминахъ, объ опредѣленіяхъ и раздѣленіяхъ, о разсужденіяхъ и предложеніяхъ и объ

умствованіяхъ"; въ декабрѣ—былъ боленъ; въ январѣ—повторялъ первую часть логики, разбиралъ съ точки зрѣнія логики нѣкоторыя мѣста изъ иностранныхъ авторовъ и приступилъ къ второй части логики; въ февралѣ—читалъ объ истинѣ и ея свойствахъ; въ мартѣ—не читалъ по болѣзни; въ апрѣлѣ—предлагалъ ученіе о средствахъ познанія истины; въ маѣ—ученіе о погрѣшностяхъ въ сужденіяхъ, о чтеніи книгъ и о ихъ выборѣ.

VIII. Адъюнктъ Запольскій преподавалъ: въ августѣ—введеніе въ физику и „ученіе о началахъ тѣлъ и стихіяхъ", въ сентябрѣ—ученіе „о сцѣпленіи въ тѣлахъ, объ общихъ свойствахъ тѣлъ, динамику, и началъ статику, причемъ разсуждалъ о происшествіяхъ въ натурѣ, задаваемы были имъ и вопросы для рѣшенія на письмѣ по разнымъ предметамъ"; въ октябрѣ—окончилъ гидравлику и гидростатику, проходилъ „о свойствахъ воздуха и разныхъ его породахъ"; за ноябрь—вѣдомости не имѣется; въ декабрѣ—проходилъ „о философической астрономіи, приливѣ и отливѣ, объ электрической матеріи съ магнитною"; въ январѣ—прошелъ о началахъ тѣлъ или стихіяхъ (elementa), о силѣ сцѣпленія въ тѣлахъ (cohaesioni) и объ общихъ свойствахъ тѣлъ; въ февралѣ—„причины, виды и принадлежности движенія, изъяснивъ также понятія о мѣстѣ, времени и о законахъ движенія простого и сложнаго"; въ мартѣ—о законахъ движенія сложнаго и всѣхъ его видахъ, о тяжести земной и тяготѣніи, о равновѣсіи тѣлъ твердыхъ или статику, гидравлику и гидростатику; въ апрѣлѣ—окончилъ общую физику и началъ частную, пройдя ученіе о воздухѣ, о газахъ и начавъ ученіе о водѣ; въ маѣ—„кандидатъ Ляпуновъ занималъ учащихся повтореніемъ съ начала до свойствъ воздуха".

Только что упомянутый Ляпуновъ названъ здѣсь „кандидатомъ"—неосновательно, такъ какъ такой степени лицо это не носило: этотъ Ляпуновъ Яковъ—студентъ перваго состава, выпущенный изъ университета 14-го октября 1806 года „со свидѣтельствомъ" и съ опредѣленіемъ учителемъ пензенской гимназіи; ему присвоено здѣсь наименованіе кандидата, вѣроятно, лишь примѣнительно къ § 117 устава, для предоставленія ему возможности выступить „повторителемъ" (репетиторомъ) профессорскихъ лекцій.

IX. Адъюнктъ Карташевскій преподавалъ: въ августѣ—повтореніе пройденнаго въ прошедшемъ году и подготовлялъ студентовъ младшаго курса къ слушанію чистой математики, началъ также лонгиметрію; въ сентябрѣ—окончилъ повтореніе прошлогодняго курса, проходилъ изъ алгебры рѣшеніе уравненій высшихъ степеней, окончилъ лонгиметрію; въ октябрѣ—окончилъ алгебру и показалъ свойства коническихъ сѣченій, началъ стереометрію; въ ноябрѣ—показалъ „какъ находить дифференціи и дифференціалы разныхъ родовъ функцій", окончилъ стереометрію, изъяснялъ „свойства тригонометрическихъ линій"; въ декабрѣ—показалъ начала интегральнаго исчисленія и „при-

ложеніе обоихъ высшихъ исчисленій къ кривымъ линіямъ", окончилъ прямолинейную тригонометрію; въ январѣ—повторилъ прямолинейную тригонометрію и прошелъ сферическую; въ февралѣ—окончивъ „опредѣленную алгебру, показывалъ разные способы разрѣшать неопредѣленныя задачи и превращать ирраціональныя высшихъ степеней функціи въ раціональныя"; въ мартѣ—проходилъ свойства коническихъ сѣченій; въ апрѣлѣ—окончилъ коническія сѣченія и показалъ „способы дѣлать конструкцію неправильнымъ уравненіямъ второй степени"; въ маѣ—показалъ дифференціальное исчисленіе и началъ интегральное.

Карташевскій распредѣлялъ всѣ свои преподаванія по двумъ курсамъ или „классамъ"—высшему и низшему; къ первому были отнесены студенты, уже слушавшіе его въ весеннемъ полугодіи 1805 года.

X. Профессоръ Фуксъ (съ января) преподавалъ: въ январѣ—введеніе въ натуральную исторію и исторію человѣческаго рода; въ февралѣ—кончилъ введеніе и началъ царство животныхъ и, показавъ раздѣленіе его на классы, проходилъ каждый въ отдѣльности до класса грызуновъ; въ мартѣ—окончилъ ученіе о млекопитающихся и началъ ученіе о птицахъ; въ апрѣлѣ—прошелъ ученіе о земледѣльныхъ и рыбахъ; въ маѣ—окончилъ зоологію и началъ ботанику, пройдя терминологію.

XI. Профессоръ Эвестъ (съ января) проходилъ: въ январѣ—опредѣленіе тѣлъ естественныхъ, вообще, ихъ раздѣленіе на „органическія и безжизненныя", затѣмъ началъ зоологію и „прошелъ первое ея отдѣленіе по системѣ Блуменбаха, показавъ, вообще, расположеніе частей въ животныхъ красно-теплокровныхъ"; въ февралѣ—„занимался опредѣленіемъ и показаніемъ отличительныхъ признаковъ второго отдѣленія животныхъ, имѣющихъ красную и теплую кровь, слѣдуя системѣ Блуменбаха"; въ мартѣ—не читалъ за болѣзнью; въ апрѣлѣ—„занимался опредѣленіемъ и показаніемъ признаковъ рыбъ, земледѣльныхъ, насѣкомыхъ и червей, сверхъ того вкратцѣ показалъ основанія ботаники"; въ маѣ—„проходилъ минералогію, вообще, объ ея предметѣ, о тѣлахъ, причисляемыхъ къ первому оной классу, дѣлая притомъ химическіе опыты и поясненія".

XII. Профессоръ Каменскій въ мартѣ „по недавнему открытію лекцій рапорта не подавалъ", а затѣмъ читалъ: въ апрѣлѣ—„ученіе о костяхъ, о связкахъ человѣческаго тѣла, вообще, и въ особенности о мышцахъ, изъ коихъ нѣкоторыя, имѣющія сходство съ человѣческими мышцами, были показываемы на животныхъ четвероногихъ"; въ маѣ—„преподавалъ анатомію и физіологію плёвъ, орудія движенія и ощущенія, съ показаніемъ ихъ дѣйствій, производимыхъ электричествомъ, потомъ о кровеносной и всасывающей системѣ сосудовъ".

Составъ слушателей 1805—1806 учебнаго года, образовавшійся изъ студентовъ перваго комплекта и изъ студентовъ, провозглашенныхъ на актѣ 9-го іюля 1805 года, намъ уже извѣстенъ. Къ 1-му января 1806 года студентовъ числилось всего 39 человѣкъ, которые по слушаемымъ ими предметамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: философію слушали 25 человѣкъ, греческую и латинскую словесность—10, латинскія древности—9, физику—15, исторію, географію и статистику—13, правовѣдѣніе—14, натуральную исторію—13, основы медицины—13, минералогію—18, чистую математику—17. Подготовительные къ слушанію лекцій классы: латинскій—10, французскій—16 человѣкъ.

Такъ сложились личный составъ молодого казанскаго университета и постановка въ немъ преподаванія въ первый полный академическій годъ его жизни. Окончились каникулы 1806 года—наступило начало второго академическаго года.

1806—1807 учебный годъ не ознаменовывается въ начальной исторіи казанскаго университета сколько нибудь значительнымъ обогащеніемъ его преподавательскихъ силъ, не только въ качественномъ, но даже и въ количественномъ отношеніяхъ, и съ этой стороны вновь наступившій академическій годъ отстаетъ какъ отъ своего предшественника, такъ и отъ послѣдовавшихъ за нимъ семестровъ. Это обстоятельство не преминуло, конечно, отозваться и на неполнотѣ преподаванія, а эта неполнота его, въ свою очередь, снова откладывала на неопредѣленный срокъ столь вожделѣнный вопросъ о полномъ открытіи университета на основаніи устава 1804 года.

Интересующій насъ академическій годъ пополнилъ личный составъ казанскаго университета однимъ новымъ профессоромъ—И. О. Брауномъ, по кафедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки (замѣстившимъ отрѣшеннаго въ ноябрѣ 1806 г. отъ должности Каменскаго), однимъ адъюнктомъ—Г. Н. Городчаниновымъ, по кафедрѣ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, и двумя преподавателями „пріятныхъ" искусствъ—Л. Д. Крюковымъ, по классу рисованія и живописи, и А. В. Новиковымъ, по классу музыки; назначеніе проф. Брауна состоялось, впрочемъ, уже въ самомъ концѣ учебнаго года (15-го мая), такъ что начало его преподавательской дѣятельности пріурочивается уже къ слѣдующему учебному году. Въ разсматриваемомъ нами учебномъ году впервые выдвигается преподавательская дѣятельность перваго кандидата казанскаго университета (съ 7-го марта 1807 г.) и будущаго его профессора, П. С. Кондырева, въ качествѣ кандидата, принимающаго на себя съ марта мѣсяца чтеніе лекцій

всеобщей исторіи, географіи и статистики (вмѣсто отрѣшеннаго профессора Цеплина).

1806—1807 учебный годъ отмѣчается, съ другой стороны, и утратами въ личномъ составѣ университета: за участіе въ совѣтскихъ смутахъ были, по распоряженію министра, уволены изъ университета сначала проф. Каменскій и адъюнктъ Карташевскій (14-го ноября), а затѣмъ и проф. Цеплинъ (24-го января). Въ самомъ началѣ 1807 года казанскому университету впервые выпала на долю и печальная обязанность отдать послѣдній земной долгъ своему сочлену: 24-го января 1807 года умеръ адъюнктъ философіи Левицкій—одинъ изъ первыхъ четырехъ адъюнктовъ, назначенныхъ при самомъ открытіи университета.

Познакомимся въ краткихъ чертахъ съ новыми научными и преподавательскими силами, пополнившими собою узкій кружокъ начальныхъ дѣятелей казанскаго университета. Мы отнесемъ сюда и проф. Брауна, назначеніе котораго состоялось въ этомъ же учебномъ году.

Григорій Николаевичъ Городчаниновъ, первый казанскій профессоръ русской словесности, родился въ 1772 году въ г. Балахнѣ, нижегородской губерніи, въ семьѣ мелкаго торговца. Образованіе получилъ въ нижегородской духовной семинаріи, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ, по окончаніи въ 1797 году курса котораго поступилъ на службу въ главное почтовое управленіе, занявъ здѣсь должность переводчика. Начало литературной дѣятельности. Городчанинова относится уже къ этой порѣ его жизни, выразившись въ рядѣ одъ, стихотвореній, комедій и переводовъ; изъ послѣднихъ выдвинулъ его переводъ надѣлавшаго въ свое время много шума сочиненія аббата Рейналя: „Философическая и политическая исторія о заведеніяхъ и коммерціи европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ“ (СПб. 1805—1812, въ шести частяхъ, второе изданіе 1834—1835), изданный по высочайшему повелѣнію и на высочайше пожалованныя средства, съ посвященіемъ императору Александру I.

Мало извѣстны обстоятельства, сопровождавшія назначеніе Городчанинова на кафедру въ казанскій университетъ. Покойный Н. Н. Буличъ предполагаетъ, что мысль о профессурѣ подсказана была Городчанинову его другомъ, епископомъ, впослѣдствіе митрополитомъ и извѣстнымъ духовнымъ писателемъ, преосв. Евгеніемъ, съ которымъ Городчаниновъ былъ очень близокъ, поддерживая съ нимъ тѣсныя отношенія и въ казанскую пору своей жизни. Какъ бы то ни было, но Городчаниновъ самъ обратился къ попечителю съ просьбою о кафедрѣ, представивъ ему, въ качествѣ образца своихъ трудовъ, „Опытъ риторическаго разбора одной строфы изъ

торжественной оды г-на Ломоносова", гдѣ высказывалъ и свою profession de foi въ области преподаванія русской словесности, признавая лучшимъ дидактическимъ пріемомъ чтеніе и толкованіе авторовъ. Какъ относительно уже извѣстное въ литературѣ имя претендента, такъ, въ особенности, личная рекомендація его ближайшаго начальника по почтовому вѣдомству, извѣстнаго Трощинскаго, обезпечили успѣхъ ходатайства, и 1-го сентября 1806 года состоялось назначеніе Городчанинова въ казанскій университетъ адъюнктомъ по кафедрѣ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго. Въ Казань прибылъ Городчаниновъ во второй половинѣ ноября и 23-го числа явился въ совѣтъ, заявивъ здѣсь по вопросу о предстоявшемъ ему преподаваніи, что „въ изъясненіи правилъ, до россійской словесности касающихся", онъ намѣревается „руководствоваться опытомъ Блеровой риторики, заимствуя къ оной дополненія, гдѣ нужно будетъ, изъ теоріи и исторіи изящныхъ наукъ г. Мейнерса", причемъ „въ теченіи остающагося полугодичнаго курса сіи два автора пройдены будутъ кратко, предоставляя подробное оными занятіе на полный годовой курсъ".

Мало подготовленный къ принятой на себя отвѣтственной кафедрѣ какъ съ точки зрѣнія сознательнаго отношенія къ современному литературному движенію, такъ и со стороны филологической, не говоря уже о недостаткѣ эстетическаго чутья и развитаго вкуса—Городчаниновъ съ самаго начала своей университетской дѣятельности сдѣлался истинною „притчею во языцѣхъ" какъ на кафедрѣ, такъ и въ своихъ безчисленныхъ риторическихъ и піитическихъ упражненіяхъ, впослѣдствіе собранныхъ имъ даже въ отдѣльную книгу *. Ярый приверженецъ піитическихъ формъ Ломоносова и Державина и непримиримый врагъ карамзинскихъ стилистическихъ новшествъ, Городчаниновъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ своимъ литературнымъ симпатіямъ и антипатіямъ во всей своей послѣдующей, и преподавательской, и „творческой", дѣятельности, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе отставая отъ прогрессивнаго развитія русскаго слова, не поддавшись воздѣйствію даже такой кульминаціонной эпохи русской словесности, какою явился вѣкъ Пушкина. По словамъ Н. И. Второва, Городчаниновъ былъ посмѣшищемъ для первыхъ своихъ студентовъ, и съ этимъ вполнѣ согласуется свидѣтельство С. Т. Аксакова, заявляющаго, что Городчаниновъ былъ „человѣкъ бездарный и отсталой, точь въ точь похожій на извѣстнаго профессора Г—го или К—ва, нѣкогда обучавшихъ благородное россійское юношество". „На первой лекціи,—разсказываетъ Аксаковъ,—Город-

* «Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ», Каз. 1831.

чаниновъ сказалъ намъ пошлое, надутое привѣтствіе и, для лучшаго ознакомленія съ студентами, предложилъ намъ, что бы всякій изъ насъ сказалъ, какого русскаго писателя онъ предпочитаетъ другимъ; многіе называли Карамзина, но Городчаниновъ морщился и изъявлялъ сожалѣніе, что университетское юношество заражено этимъ опаснымъ писателемъ", полный же восторгъ вызвали въ немъ тѣ студенты, которые,—отчасти изъ шалости,—умилялись передъ Ломоносовымъ и Сумароковымъ.

Первые годы казанской жизни Городчанинова были поглощены стараніями о достиженіи профессуры. Уже въ январѣ 1807 года онъ собирался уходить изъ университета и подалъ было въ отставку, ссылаясь на опасеніе передъ казанскимъ климатомъ, но слѣдомъ затѣмъ взялъ прошеніе обратно, временно примирившись съ своимъ адъюнктскимъ положеніемъ; на этотъ разъ его успокоили, по видимому, тѣмъ, что поручили ему, за особый окладъ, дополнительное чтеніе курса философіи. Тщетно выжидая профессуры, Городчаниновъ 3-го марта 1808 года уже на самомъ дѣлѣ вышелъ въ отставку, опредѣлившись на должность библіотекаря въ московскую медико-хирургическую академію, и только 31-го декабря 1810 года былъ снова опредѣленъ въ казанскій университетъ на ту же кафедру, но на этотъ разъ уже въ званіи экстраординарнаго профессора. Въ февралѣ 1814 года, въ надеждѣ добиться ординатуры, Городчаниновъ снова стращалъ своею отставкою—и на этотъ разъ не безъ успѣха: онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ 26-го марта того же года.

Непривлядную роль довелось играть Городчанинову, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, въ печальной памяти эпоху попечительства Магницкаго, когда казанскій профессоръ словесности сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ клевретовъ этого попечителя и усердно пропагандировалъ его обскурантныя идеи и начинанія и съ кафедры, и въ совѣтѣ, и въ литературной дѣятельности. Въ своей служебной карьерѣ Городчанинову приходилось въ 1816—1822 годахъ нести званіе декана словеснаго, а въ 1822—1824 и 1826—1827 годахъ декана нравственно-политическаго отдѣленій; въ 1822—1826 годахъ ему поручалось чтеніе естественнаго права; съ декабря 1826 года онъ состоялъ предсѣдателемъ казанскаго общества любителей отечественной словесности.

Выйдя въ отставку 9-го марта 1829 года, Городчаниновъ прожилъ весь долгій еще остатокъ жизни своей въ Казани, гдѣ и умеръ 22-го декабря 1852 года,—совершенно забытый и университетомъ, и мѣстнымъ обществомъ [94].

Иванъ Осиповичъ (Іоганнъ Баптистъ) Браунъ, національностью австріецъ, родился въ 1777 или 1778 году* и получилъ медицинское образованіе въ вѣнскомъ университетѣ, удостоившись отъ него въ 1802 году степени доктора медицины и хирургіи и званія окулиста. Мы уже имѣли случай отмѣтить заботы Румовскаго относительно замѣщенія въ казанскомъ университетѣ медицинскихъ кафедръ и безплодныя мѣры, предпринимавшіяся имъ съ этою цѣлью еще во второй половинѣ 1805 года. Въ концѣ 1806 года попечитель въ тѣхъ же видахъ обратился къ лейбъ-медику Франку, съ просьбою рекомендовать ему кандидатовъ. Франкъ обратилъ вниманіе Румовскаго на двухъ подходящихъ лицъ: познанскаго практикующаго врача, доктора медицины Флиса, и Брауна, служившаго въ то время въ должности прозектора виленской медико-хирургической академіи, въ которую онъ опредѣлился 18-го ноября 1803 года, по переселеніи въ Россію при обстоятельствахъ, остающихся неизвѣстными. Съ Флисомъ дѣло не устроилось, Браунъ же охотно принялъ приглашеніе Румовскаго, и 15-го мая 1807 года состоялось назначеніе его въ казанскій университетъ на кафедру анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, сдѣлавшуюся свободною съ увольненіемъ въ ноябрѣ предшествовавшаго года проф. Каменскаго.

Вѣроятно умудренный уже примѣромъ протестовъ своихъ профессоровъ, попечитель, во избѣжаніе всякихъ позднѣйшихъ недоразумѣній, счелъ цѣлесообразнымъ заранѣе познакомить Брауна съ положеніемъ вещей въ казанскомъ университетѣ: „Такъ какъ университетъ не открытъ еще формально,—писалъ ему Румовскій,—то я долженъ предупредить васъ, что онъ соединенъ съ гимназіею и управляется по ея уставу; что тамъ есть совѣтъ изъ профессоровъ и адъюнктовъ, завѣдующій учебною частью, и контора для дѣлъ хозяйственныхъ; предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и конторѣ—директоръ, правящій должность ректора". Предупреждалъ попечитель Брауна и на счетъ отсутствія въ университетѣ необходимыхъ анатомическихъ и хирургическихъ инструментовъ, переславъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, двѣсти рублей для покупки таковыхъ въ Вильно или Москвѣ; Брауну удалось пріобрѣсти въ Москвѣ только первые, хирургическіе же онъ предположилъ выписать изъ Вѣны, при посредствѣ своего друга, профессора Прохаски.

Прибывъ въ Казань, Браунъ 28-го іюля представился Яковкину, который отвелъ ему казенную квартиру, 7-го августа въ первый разъ явился въ совѣтъ, а 14-го подалъ проэктъ своего преподаванія (на латинскомъ

* Такъ какъ онъ умеръ, въ январѣ 1819 года, на 41-мъ году жизни.

языкѣ), предполагая въ немъ открыть курсъ физіологіи, слѣдуя руководству Прохаски и поясняя свои чтенія, на сколько это представится возможнымъ, необходимыми препаратами, а затѣмъ, если только будетъ свободное время, намѣревался открыть курсъ судебной медицины, пользуясь для этой цѣли руководствомъ Мецгера.

Отсутствіе при казанскомъ университетѣ анатомическаго театра тяготило Брауна уже съ самаго прибытія его въ Казань, и послѣдующая дѣятельность его отмѣчена неусыпными стараніями объ устройствѣ этого необходимаго учебно-вспомогательнаго учрежденія; мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что уже осенью 1807 года онъ представилъ въ совѣтъ не только проэктъ, но даже и планъ обширнаго анатомическаго института, которому не было суждено, однако, осуществиться, и кафедрѣ анатоміи много лѣтъ приходилось довольствоваться временнымъ и на-скоро оборудованнымъ помѣщеніемъ для анатомическаго театра. Приходилось Брауну считаться и съ отсутствіемъ матеріала для преподаванія: нужно было обходиться кое-какими сухими препаратами, для препаратовъ же спиртовыхъ не оказывалось ни спирта, ни необходимой посуды; не прекращались и постоянныя хлопоты о доставленіи труповъ, начатыя еще предшественникомъ Брауна, Каменскимъ. Не мало огорчала Брауна какъ малочисленность, такъ, въ особенности, неподготовленность его слушателей; бывали семестры, преимущественно въ первые годы его дѣятельности, когда у Брауна оказывалось не болѣе двухъ-трехъ слушателей, которымъ, за отсутствіемъ матеріала, приходилось демонстрировать предметы чтеній на препаратахъ изъ „безсловесныхъ животныхъ: четвероногихъ, птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ".

Браунъ былъ вторымъ послѣ Яковкина, хотя и на очень непродолжительное время (8 іюля 1813 г.—4 іюля 1814 г.), инспекторомъ студентовъ. Въ лѣтописяхъ университета память о профессорѣ Браунѣ связана, впрочемъ, съ несравненно большею честью, выпавшею на его долю: онъ былъ первымъ, по полномъ открытіи университета, выборнымъ его ректоромъ. Избранный въ это почетное званіе 4-го сентября 1813 года и утвержденный въ немъ 24-го февраля 1814 года, Браунъ вторично избранъ былъ въ 1817 году и оставался ректоромъ университета до самой своей кончины, послѣдовавшей 8-го января 1819 года, почти наканунѣ злосчастной ревизіи Магницкаго, до которой первый выборный ректоръ умеръ всего за нѣсколько мѣсяцевъ, не доживъ до несчастья видѣть разгромъ и униженіе казанскаго университета [95].

Научно-литературная производительность Брауна была ничтожна, ограничившись за все время его профессорской дѣятельности лишь двумя печатными рѣчами *.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о двухъ преподавателяхъ „пріятныхъ искусствъ", назначенныхъ въ казанскій университетъ—Крюковѣ и Новиковѣ.

Левъ Дмитріевичъ Крюковъ, живописецъ изъ вольноотпущенныхъ помѣщичьихъ людей, былъ въ 1807 году представленъ къ занятію при университетѣ должности преподавателя рисованія и живописи проф. Фуксомъ, предъявившимъ при этомъ нѣсколько образцовъ его художественныхъ работъ, въ томъ числѣ миніатюрный портретъ императора Александра I и нѣсколько этюдовъ мертвой натуры. Утвержденный 6-го февраля 1807 года, съ согласія попечителя, въ этой должности совѣтомъ, по вольному найму и за вознагражденіе въ 400 р. въ годъ съ квартирою и дровами, Крюковъ принялъ на себя обязанность „обучать студентовъ рисованію и живописи сухими, водяными и масляными красками съ оригиналовъ, съ натуры и въ миніатюрѣ". Исключенный въ 1812 году изъ подушнаго оклада и получивъ въ 1814 году XIV-ый классъ, Крюковъ сталъ затѣмъ пользоваться всѣми правами государственной службы, которую безъ перерыва и несъ при университетѣ, въ той же должности, до самой своей смерти, послѣдовавшей 13-го мая 1843 года, на 61-мъ году отъ рода. Изъ сохранившихся произведеній Крюкова могутъ быть указаны нѣсколько образовъ его письма, имѣющихся въ церкви казанскаго университета, два сохраняющихся въ университетѣ поясныхъ портрета императора Николая I (въ 1828 г. написаны для залъ присутствія совѣта и правленія); его кисти принадлежатъ, по всей вѣроятности, и нѣкоторые портреты и этюды, сохранившіеся отъ бывшаго живописнаго класса. Къ его же работамъ принадлежатъ оригиналы портретовъ Яковкина (акварель) и Солнцева (миніатюръ-медальонъ пастелью), снимки съ которыхъ приложены къ настоящей книгѣ [96].

Андрей Васильевичъ Новиковъ, происхожденіемъ изъ купеческихъ дѣтей, родился въ 1763 году, въ слободской-украинской губерніи. Неизвѣстно, гдѣ и при какихъ условіяхъ получилъ Новиковъ свое, повидимому солидное, музыкальное образованіе, но уже въ декабрѣ 1798 года онъ

---

* Латинская рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ полнаго открытія университета 14-го февраля 1814 года (Каз. 1814), и рѣчь: «De circulatione sanguinis ejusque organis» (К. 1817).

опредѣляется учителемъ музыки въ казанскую гимназію, на службѣ которой и получаетъ первый классный чинъ. Въ январѣ 1803 года Новиковъ оставляетъ гимназическую службу, что находилось, быть можетъ, въ связи съ избраннымъ имъ новымъ родомъ дѣятельности: онъ опредѣляется капельмейстеромъ въ труппу казанскаго помѣщика Есипова, открывавшаго въ Казани публичный театръ — тотъ самый театръ, который возбуждалъ восторги первой казанской университетской молодежи, съ Аксаковымъ въ ея средѣ. На есиповской сценѣ Новиковъ ставилъ оперы, мелодраммы и интермедіи, причемъ музыку ко многимъ изъ нихъ самъ онъ и сочинялъ; такъ, на сценѣ есиповскаго театра въ 1811 году поставлена была цѣлая опера Новикова, подъ названіемъ „Фингалъ". Не оставляя своей публично-музыкальной дѣятельности, Новиковъ въ сентябрѣ 1805 года снова опредѣляется на службу, въ мѣстный почтамтъ, съ званіемъ сверхкомплектнаго его чиновника, а въ январѣ 1807 года вошелъ съ прошеніемъ о предоставленіи ему должности преподавателя музыки въ казанскомъ университетѣ, въ каковой, съ согласія попечителя, онъ и былъ утвержденъ совѣтскимъ опредѣленіемъ отъ 7-го февраля 1807 года, мотивированнымъ тѣмъ, что проситель „искусенъ не только въ инструментальной музыкѣ, но опытенъ и въ вокальной, свѣтской и духовной, также совершенно знаетъ играть на фортепіано".

Въ качествѣ университетскаго преподавателя музыки, Новиковъ выступалъ постояннымъ композиторомъ къ тексту кантовъ, исполнявшихся на торжественныхъ публичныхъ собраніяхъ, за что въ 1809 году удостоился даже денежной награды въ сто рублей *. Къ 1815 году относится весьма курьезный эпизодъ изъ музыкальной дѣятельности казанскаго университетскаго композитора. Составивъ полный списокъ всѣхъ своихъ музыкальныхъ произведеній,—хоровъ съ оркестромъ, церковно-музыкальныхъ пьэсъ, сочиненій „для театра" и т. п.,—Новиковъ весною этого года представилъ его въ совѣтъ университета при прошеніи, въ которомъ, выставляя на видъ свои композиторскія заслуги, ходатайствовалъ объ удостоеніи его несуществующей степени „магистра музыки"; совѣту не оставалось ничего болѣе, какъ отказать просителю въ этомъ своеобразномъ домогательствѣ, не взирая на его творческую плодовитость, обнаруживаемую этимъ, до нашихъ дней сохранившимся, спискомъ.

---

* Одно изъ такихъ произведеній Новикова сохранилось до нашихъ дней; это—музыка къ канту Кондырева «Дни славы Россъ благословляй», написанному къ акту 14-го февраля 1807 года.

Въ 1819 году Новиковъ подвергся душевной болѣзни, вынудившей его въ 1822 году оставить службу и скоро (до 1830 года) сведшей его въ могилу [97].

Въ разсматриваемомъ нами учебномъ году впервые выступаетъ на преподавательское поприще—

Петръ Сергѣевичъ Кондыревъ, въ лицѣ котораго казанскій университетъ уже въ первые годы своего существованія пріобрѣлъ преподавателя изъ собственныхъ воспитанниковъ. Кондыревъ, любимый ученикъ Яковкина, благодаря которому ему такъ скоро и удалось выдвинуться, родился около 1788 года, въ дворянской семьѣ. Поступивъ весною 1799 года въ казанскую гимназію, Кондыревъ при открытіи университета былъ включенъ въ первый комплектъ студентовъ и уже будучи студентомъ началъ, какъ мы это видѣли, заниматься стихотворствомъ, а со второй половины 1806 года предпринимаетъ составленіе, подъ непосредственнымъ руководствомъ Яковкина, статистики россійскаго государства,—по словамъ его ментора „самой полной, сколько здѣшнія обстоятельства и пособія позволяютъ“. Изготовленная уже къ февралю 1807 года, эта „статистика“, вызвавшая со стороны Яковкина самый лестный отзывъ, доставила Кондыреву степень кандидата, въ которой 7-го марта онъ и былъ утвержденъ (первымъ изъ воспитанниковъ казанскаго университета); еще до этого, 21-го января, онъ назначенъ, въ помощь проф. Сторлю, помощникомъ библіотекаря. Въ званіи кандидата Кондыревъ, съ весны 1807 года, послѣ увольненія изъ университета проф. Цеплина, началъ преподавать, подъ руководствомъ своего учителя Яковкина, всеобщую исторію, географію и статистику, а съ 1808 года и политическую экономію, вызвавъ даже въ іюлѣ 1810 года замѣчаніе попечителя о слишкомъ широкомъ кругѣ принятыхъ имъ на себя преподаваній; 21-го іюля 1807 года онъ назначается помощникомъ инспектора казенныхъ студентовъ. Мы неоднократно будемъ еще встрѣчаться съ Кондыревымъ въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи, а потому сообщимъ въ настоящее время лишь кратчайшія свѣдѣнія объ его дальнѣйшей дѣятельности. Удостоенный 15-го февраля 1809 года степени магистра (онъ былъ первымъ магистромъ казанскаго университета), Кондыревъ 23-го марта 1811 года утверждается адъюнктомъ историческихъ наукъ и политической экономіи, 26-го марта 1814 года—экстраординарнымъ, 19-го марта 1820 года—ординарнымъ профессоромъ.

Кондыревъ умеръ, на службѣ, 24-го марта 1823 года, отъ болѣзни печени [98].

Сообразно установленному порядку, всѣ профессоры и адъюнкты уже въ іюлѣ 1806 года, т. е. съ окончаніемъ предшествовавшаго учебнаго года, подали „рапорты“ о тѣхъ курсахъ, которые предположены ими на слѣдующій учебный годъ. Не входя въ детальное разсмотрѣніе предположеній, дѣлавшихся на этотъ счетъ и которыя, при осуществленіи ихъ на дѣлѣ, подвергались, конечно, измѣненіямъ какъ по зависѣвшимъ отъ лекторовъ, такъ и по независѣвшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, мы остановимся лишь на общихъ итогахъ преподаванія въ 1806—1807 учебномъ году.

I. Профессоръ Яковкинъ читалъ въ осеннемъ полугодіи географію россійской имперіи, съ необходимыми историческими, статистическими и экономическими объясненіями; въ весеннемъ полугодіи прочелъ русскую исторію до воцаренія Петра I, съ географическими и статистическими объясненіями. Сверхъ собственныхъ предметовъ, онъ въ мартѣ мѣсяцѣ, въ виду увольненія проф. Цеплина, началъ курсъ всеобщей исторіи, прочитавъ исторію современныхъ африканскихъ государствъ, съ географическими и статистическими поясненіями (съ апрѣля мѣсяца вакантная кафедра всеобщей исторіи была поручена кандидату Кондыреву).

Въ февралѣ по кафедрѣ Яковкина читалъ еще вспомогательный курсъ русской географіи кандидатъ на учителя Александръ Петровъ, прочитавшій первый отдѣлъ географіи—до народовъ, въ Россіи обитающихъ *.

II. Профессоръ Германъ читалъ въ обоихъ полугодіяхъ курсъ психологіи и разбиралъ оды Горація (вторую и третью книги), съ филологическими, археологическими, риторическими и логическими толкованіями.

III. Профессоръ Бюнеманъ прочелъ полный курсъ системы естественнаго права и, окончивъ его, съ мая мѣсяца приступилъ къ курсу права народнаго.

IV. Профессоръ Сторль читалъ въ оба полугодія курсъ эстетики, проходилъ греческій синтаксисъ и занимался чтеніемъ, толкованіемъ и переводомъ классическихъ авторовъ.

V. Профессоръ Фуксъ въ осеннемъ полугодіи читалъ курсы русской и сибирской флоры, съ ея приложеніемъ къ медицинѣ (августъ—ноябрь), физіологіи растеній (августъ—октябрь) и антропологіи (уче-

---

* Вскорѣ былъ назначенъ учителемъ казанской гимназіи.

«Кандидатами на учителей» или «студентами на жалованьи», въ отличіе отъ кандидатовъ собственно университетскихъ, назывались студенты, выжидавшіе назначенія ихъ на учительскія мѣста и получавшіе по 5 р. въ мѣсяцъ на книги и учебныя пособія (см. Михайловскаго: «Преподаватели, учившіеся и служившіе въ императорскомъ казанскомъ университетѣ», I, стр. 15).

ніе о расахъ, ноябрь и декабрь); въ весеннемъ полугодіи проходилъ, по Блюменбаху, систематическій курсъ зоологіи, пройдя отдѣлъ млекопитающихся и начавъ отдѣлъ о птицахъ.

VI. Профессоръ Цеплинъ въ осеннемъ полугодіи преподавалъ римскую исторію, до раздѣленія имперіи (августъ—октябрь), статистику современной Италіи (октябрь), греческую исторію (ноябрь—декабрь) и началъ исторію Азіи (декабрь). Въ весеннемъ полугодіи дальнѣйшій курсъ, за увольненіемъ Цеплина, не состоялся.

VII. Профессоръ Каменскій, за отрѣшеніемъ его въ ноябрѣ мѣсяцѣ отъ службы, читалъ только первые три мѣсяца учебнаго года, пройдя изъ курса судебной врачебной науки: введеніе, исторію и систему этой науки, судебно-медицинское изслѣдованіе „умертія тѣла", признаки и способы опредѣленія насильственной смерти, „о разныхъ видахъ убивствъ и отравленій", „способы изслѣдованія разныхъ родовъ дѣтоубивствъ и выкидышей", „о знакахъ мертворожденія" и „о народномъ сохраненіи, вообще".

VIII. Адъюнктъ Эрихъ занимался въ оба полугодія чтеніемъ и толкованіемъ Корнелія Непота и превращеній Овидія; преподавалъ начала греческаго языка.

IX. Адъюнктъ Левицкій читалъ въ первые четыре мѣсяца курсъ нравственной философіи, по Баумейстеру, съ дополненіями изъ другихъ авторовъ. Курсъ остался недоконченнымъ за смертью лектора (въ январѣ мѣсяцѣ).

Въ августѣ студентъ Василій Перевощиковъ проходилъ, подъ его руководствомъ, исторію философіи, по Бертрану, и часть нравственной философіи (о дѣйствіяхъ, обязательствахъ и законѣ), по Баумейстеру *.

X. Адъюнктъ Запольскій продолжалъ въ обоихъ полугодіяхъ курсъ физики.

Начиная съ ноября мѣсяца и до конца года, подъ руководствомъ Запольскаго, студентъ Владиміръ Графъ проходилъ изъ физики статику, гидростатику и гидравлику, ученіе о воздухѣ, газахъ, водѣ и огнѣ, оптику и катоптрику (отмѣтка: „Г. Графъ подаетъ надежду хорошую" **).

XI. Адъюнктъ Карташевскій въ первомъ полугодіи повторялъ общую ариѳметику, прошелъ курсъ алгебры и началъ дифференціальное исчисленіе.

Въ сентябрѣ, въ отсутствіе лектора, студенту Петру Балясникову поручено было пройти съ студентами повторительный курсъ геометріи и тригонометріи.

За отрѣшеніемъ его отъ должности, курсъ весенняго полугодія чтеній Карташевскаго не состоялся и преподаваніе временно поручено студентамъ Владиміру Графу и Александру Княжевичу ***, изъ

* Въ томъ же году назначенъ учителемъ пензенской гимназіи.

** Въ слѣдующемъ году опредѣленъ учителемъ тамбовской гимназіи.

*** Александръ Максимовичъ Княжевичъ—будущій министръ финансовъ.

которыхъ первый преподавалъ (въ январѣ—мартѣ) ариѳметику, алгебру, геометрію и тригонометрію, а второй (апрѣль—май) алгебру и дифференціальное исчисленіе.

XII. Адъюнктъ Эвестъ читалъ въ обоихъ полугодіяхъ общій курсъ химіи (понятіе и исторія науки, номенклатура, ученіе о химическихъ силахъ, соляхъ и металлахъ, „правила испытанія тѣлъ прозябаемыхъ"), сопровождая свои чтенія, въ предѣлахъ возможнаго, опытами.

XIII. Адъюнктъ Городчаниновъ, начавшій чтеніе лекцій съ декабря, въ этомъ послѣднемъ мѣсяцѣ занимался „прохожденіемъ нѣкоторыхъ высокихъ мѣстъ изъ псалмовъ Давидовыхъ", а въ весеннемъ полугодіи „занимался изъясненіемъ Блеровыхъ правилъ о высокомъ, о слогѣ, о фигурныхъ рѣченіяхъ", поясняя свои чтенія „нѣкоторыми сочиненіями и разборами"; въ маѣ „занимался статьями о совѣсти и вмѣненіи (?)".

XIV. Кандидатъ Кондыревъ въ маѣ мѣсяцѣ началъ свои чтенія по бывшей кафедрѣ проф. Цеплина, пройдя изъ географіи и статистики—обозрѣніе сѣверной Америки, изъ всеобщей исторіи—исторію Египта.

Въ обзоръ преподаваній весенняго полугодія включены и занятія двухъ вновь опредѣленныхъ учителей „пріятныхъ искусствъ": Крюковъ упражнялъ студентовъ въ рисованіи „головъ, полныхъ фигуръ и ландшафтовъ карандашемъ и кистью", а Новиковъ „занимался пѣніемъ дуэтовъ, хоровъ и разныхъ церковныхъ пьэсъ" [99].

Всматриваясь въ изложенные выше факты, мы убѣждаемся, что, не взирая на появленіе двухъ новыхъ преподавателей, въ лицѣ адъюнкта Городчанинова и кандидата Кондырева (начавшаго, къ тому же, свое преподаваніе лишь съ мая мѣсяца), личный составъ казанскаго университета не только не увеличился, но, наоборотъ, весьма чувствительно сократился во вторую половину 1806—1807 учебнаго года, разстроивъ намѣченные курсы чтеній, изъ которыхъ одни пришлось совершенно прекратить (курсы Цеплина, Каменскаго и Левицкаго), другіе же съ грѣхомъ пополамъ дотянуть до конца года (курсъ Карташевскаго), въ послѣднемъ случаѣ прибѣгнувъ даже къ такой крайней мѣрѣ, какъ порученіе самостоятельнаго преподаванія студентамъ старшаго отдѣленія.

Этотъ преподавательскій кризисъ,—за выключеніемъ факта кончины адъюнкта Левицкаго,—явился, какъ мы уже имѣли случай упомянуть о томъ, послѣдствіемъ разгрома, въ концѣ 1806 года постигшаго только что начавшій было пополняться личный составъ университета. Разгромъ этотъ былъ результатомъ совѣтскихъ смутъ, съ особенною силою разгорѣвшихся лѣтомъ и осенью 1806 года. Но объ этомъ—ниже.

Познакомившись съ преподавательскимъ персоналомъ и съ организаціею дѣла преподаванія въ первые два полные (1805—1806 и 1806—1807) учебные года вновь основаннаго казанскаго университета и откладывая, пока, другіе вопросы, связанные съ начальною постановкою въ немъ учебнаго дѣла, возвратимся къ прерванному нами въ предшествовавшей главѣ повѣствованію о совѣтскихъ дѣлахъ, которыми ознаменовались первые три года жизни этого университета.

Мы видѣли, что, пока еще болѣе или менѣе смутные, но уже зловѣщіе, признаки неудовольствія какъ неопредѣленностью созданнаго для юнаго университета режима, такъ и директоромъ Яковкинымъ, въ которомъ не безъ основанія усматривали выразителя и одного изъ главныхъ виновниковъ этого неопредѣленнаго положенія вещей, ясно дали себя почувствовать въ засѣданіяхъ совѣта, происходившихъ весною 1805 года. Съ достаточною ясностью обрисовались и тѣ члены совѣта, которые уже въ этихъ весеннихъ засѣданіяхъ приняли на себя роль застрѣльщиковъ въ готовой разразиться открытой борьбѣ противъ самовластнаго профессора-директора Яковкина: этими застрѣльщиками оказались, какъ мы знаемъ, профессоръ Цеплинъ и пресвитеръ Данковъ; вскорѣ къ нимъ присоединились адъюнктъ Карташевскій и вновь прибывшій профессоръ Германъ.

Кружокъ этотъ образовалъ совѣтскую оппозиціонную партію, съ которою директору скоро пришлось серьезно считаться и которая не упускала ни одного сколько нибудь подходящаго случая для нанесенія укола самолюбію и престижу ненавистнаго директора. Такъ, еще въ началѣ лѣта 1805 года проф. Цеплинъ нашелъ такой случай по поводу составлявшагося въ то время списка служащихъ въ университетѣ. „Встрѣтившееся недоразумѣніе принуждаетъ меня испрашивать начальническаго предписанія вашего превосходительства, — писалъ Яковкинъ попечителю 27-го іюня:—въ готовимомъ къ августу спискѣ о чинахъ университета написанъ я былъ первымъ, по волѣ писца. Профессоръ Цеплинъ, усмотрѣвъ сіе, весьма тѣмъ обидѣлся и настоялъ, что бы его имя поставлено было первымъ, доказывая сіе старшинствомъ его утвержденія въ званіи профессора. Совершенно равнодушно взирая на сіе обстоятельство, осмѣливаюсь я его представить на начальническое вашего превосходительства разрѣшеніе“. Румовскій отнесся довольно индифферентно къ этому мѣстническому спору своихъ подчиненныхъ: „Когда я получу списокъ о чинахъ университета, тогда я скажу свое мнѣніе о преимуществѣ; мнѣ пріятно, что вы рвеніе г. Цеплина приняли равнодушно“—отвѣтилъ попе-

читель. Этимъ весь этотъ, пустой самъ по себѣ, инцидентъ и былъ исчерпанъ [100].

Прервавъ нашъ разсказъ о начальной дѣятельности совѣта, мы закончили его замѣчаніемъ о томъ, что открытая совѣтская борьба противъ Яковкина вспыхнула уже въ началѣ іюня 1805 года, по поводу поступившей въ совѣтъ жалобы бухгалтера и учителя гимназіи Ахматова. Къ повѣствованію объ этомъ ахматовскомъ дѣлѣ, глубоко взбаломутившемъ собою на время весь университетскій и гимназическій казанскій мірокъ, мы въ настоящую минуту и переходимъ.

Все это дѣло, представляющее интересъ не по тѣмъ обстоятельствамъ, изъ за которыхъ оно возникло, но по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя изъ него проистекли, разыгралось на почвѣ мелкихъ кляузъ провинціальнаго чиновничьяго мірка и неустановившихся отношеній между компетенціею совѣта и властью директора Яковкина.

Въ засѣданіи совѣта 3-го іюня 1805 года было заслушано прошеніе бухгалтера и учителя Ахматова * по поводу недоразумѣній, возникшихъ между нимъ и Яковкинымъ изъ за занимаемой первымъ казенной при гимназіи квартиры, которая была ему отведена здѣсь еще при предшественникѣ Яковкина, директорѣ гимназіи Лихачевѣ. Эта квартира,—какъ усматривается изъ современнаго плана гимназическаго дома, — приходилась въ сѣверо-восточномъ углу антресолей, какъ разъ надъ квартирою Яковкина, съ общею для обѣихъ (на планѣ подъ №№ 7-мъ и 11-мъ) входною лѣстницею. По словамъ Ахматова, полъ въ его квартирѣ былъ такъ плохо устроенъ, что при мытьѣ въ ней половъ вода протекала въ комнаты директора, а „при куреніи въ комнатахъ г. Яковкина“ запахъ былъ слышанъ въ его, ахматовской, квартирѣ. Это близкое сосѣдство и эти маленькія неудобства, осложненныя, безъ сомнѣнія, еще и другими поводами къ недоразумѣніямъ, служили безпрестаннымъ поводомъ къ распрямъ между женами обладателей квартиръ. Но предоставимъ разсказать объ этомъ самому Ахматову:

---

* Иванъ Ѳедоровичъ Ахматовъ, воспитанникъ московскаго коммерческаго училища при воспитательномъ домѣ, былъ назначенъ въ казанскую гимназію учителемъ младшаго нѣмецкаго класса въ январѣ 1799 года и являлся, такимъ образомъ, сверстникомъ молодыхъ адъюнктовъ казанскаго университета; бухгалтеромъ при гимназіи назначенъ въ апрѣлѣ того же года. Въ годъ разсказываемыхъ событій ему было всего 37 лѣтъ. Интересно, что, до описываемыхъ нами событій, Ахматовъ былъ очень близокъ къ Яковкину, который устроилъ ему службу въ казанской гимназіи и постоянно ему покровительствовалъ; онъ сдѣлался Ахматовымъ даже кумомъ, крестивъ у нихъ сына.

„Вмѣсто того, чтобы все сіе освидѣтельствовать съ квартирмистромъ или архитекторомъ и, по изслѣдованіи, учинить поправку и тѣмъ уклонить взаимныя наши неудовольствія—кончилось все молчаніемъ, непрестанными ссорами между женами, а отсюда непремѣннымъ негодованіемъ между мужьями и, наконецъ, мщеніемъ сильнѣйшаго".

Это „мщеніе сильнѣйшаго", т. е. директора, выразилось въ томъ, что Яковкинъ, вызвавъ къ себѣ Ахматова, укорялъ его „свинскою жизнью" и, въ концѣ концовъ, приказалъ ему „въ запальчивости, не яко благородному чиновнику, но какъ преступнику, безъ суда" въ три дня очистить казенную квартиру, а квартирмейстеру предписалъ прекратить отпускъ опальному бухгалтеру дровъ. „И такъ изъ единаго мщенія, во удовлетвореніе требованія своей жены, г. Яковкинъ,—жалуется Ахматовъ,—нашелъ причины за шестилѣтнюю службу меня обидѣть и приговорить мнѣ наказаніе безъ всякаго изслѣдованія".

Передавъ въ жалобѣ всѣ подробности своихъ злоключеній, Ахматовъ обращается къ совѣту съ слѣдующимъ просительнымъ пунктомъ:

„Поелику же въ семъ дѣлѣ находятся два лица, въ которомъ проситъ подчиненный на начальника, мстящаго за ссору женъ, слѣдовательно изъ обоихъ никто самъ себѣ судья быть не можетъ, то и прошу васъ, почтеннѣйшее собраніе, сіе дѣло разобрать и отправить на сужденіе къ главному попечителю, а для отвращенія постыдныхъ слѣдствій, которыя могутъ причинить шумъ въ городѣ, оставить меня на мѣстѣ до отвѣта попечительскаго. Прошу покорнѣйше васъ разсмотрѣть обидный и несправедливый ордеръ, данный квартермистеру".

Весьма своеобразнымъ представляется способъ, путемъ котораго это прошеніе подано было Ахматовымъ совѣту: войдя въ присутствіе совѣта во время самаго засѣданія, Ахматовъ положилъ свое прошеніе на столъ и, затѣмъ, по требованію Яковкина вышелъ изъ зала засѣданія. Взявъ положенную на столъ бумагу и познакомившись съ ея содержаніемъ,—докладываетъ Яковкинъ попечителю въ рапортѣ отъ 5-го іюня,— „усмотрѣлъ я, что она содержитъ въ себѣ жалобу на меня и, притомъ, многія частныя, ни мало до совѣта не касающіяся, обстоятельства, почему, призвавъ Ахматова въ присутствіе и отдавъ бумагу ему обратно, сказалъ я, что какъ она заключаетъ въ себѣ жалобу на директора, а директоръ не подлежитъ ни суду, ни отвѣту совѣта безъ предписанія высшаго начальства, то и Ахматовъ приносилъ бы жалобу высшему начальству, а не въ совѣтъ".

Заявленіе директора вызвало въ совѣтѣ большое возбужденіе. Профессоръ Цеплинъ усиленно настаивалъ на прочтеніи прошенія Ахматова;

его поддержалъ секретарь, адъюнктъ Левицкій, и всѣ члены совѣта „не взирая на мои напоминанія,—писалъ Яковкинъ,—рѣшились прослушать оную бумагу". Директоръ энергично протестовалъ противъ дѣйствій совѣта, и на этой почвѣ разыгралось, какъ можно думать, столкновеніе довольно серьезнаго характера, такъ какъ Яковкинъ, поставивъ собранію на видъ, что „таковымъ одобреніемъ явнаго ослушанія къ приказаніямъ начальства члены подаютъ вящій поводъ къ явному и умышленному нарушенію подчиненности и неповиновенію", объявилъ засѣданіе закрытымъ и вышелъ изъ комнаты совѣта, „дабы пренія не выходили изъ границъ благопристойности". Не смущаясь уходомъ предсѣдателя, совѣтъ единогласно, уже безъ его участія, постановилъ слѣдующее: „Какъ совѣтъ самъ собою не можетъ приступить къ рѣшенію сего дѣла, то препроводить прошеніе Ахматова въ оригиналѣ къ его превосходительству господину попечителю, при меморіи *, и ожидать отъ него разрѣшенія и, вмѣстѣ, предписанія, какимъ образомъ должно поступать въ подобныхъ случаяхъ". Это постановленіе подписали: „Петръ Цеплинъ, Гавріилъ Данковъ, Григорій Карташевскій, Иванъ Эрихъ, Левъ Левицкій".

Такое постановленіе совѣта было перчаткою, открыто брошенною Яковкину, который принялъ вызовъ и подробно, съ подобающими комментаріями, отписалъ о всемъ случившемся попечителю. Оказывается, по словамъ Яковкина, что генеральная битва между женами противниковъ произошла, на почвѣ все того же тѣснаго квартирнаго сосѣдства, 29-го мая, слѣдовательно всего за пять дней до описаннаго совѣтскаго инцидента:

> „Вечеромъ, въ девятомъ часу, жена моя сошла внизъ на крыльцо **, что бы побыть на свѣжемъ воздухѣ,—писалъ Яковкинъ попечителю.— Вскорѣ послѣ того Ахматовъ съ женою и секретаремъ Прокопенкомъ пошли мимо нея со двора.... Жена моя совершенно равнодушно начала Ахматову говорить, что отъ него изъ кухни произошла опять большая течь и что отваливающаяся по той причинѣ штукатурка подвергаетъ опасности насъ и дѣтей нашихъ".

Ахматовъ на все это отвѣтилъ однимъ категорическимъ восклицаніемъ: „Враки"!,—отпустивъ это не совсѣмъ галантное по отношенію къ директоршѣ словечко „съ возможнымъ презрѣніемъ". Ахматова не замедлила

---

* Такъ назывались выписки изъ протоколовъ засѣданій, періодически посылавшіяся въ Петербургъ, къ попечителю округа.

** До нынѣ существующее крыльцо главнаго университетскаго корпуса, выходящее на дворъ—въ восточной оконечности корпуса; это крыльцо было общимъ для квартиръ Яковкина и Ахматова.

поддержать его жена, начавшая „самымъ наглымъ образомъ выговаривать“ Яковкиной, что все это—„суть одни только ея происки“, причемъ „многократно обзывала ее мерзавкою, подлячкою и пьяною рожею“, на что г-жа Яковкина, по увѣреніямъ ея супруга, обозвала свою противницу только „сумашедшею грубіянкою“. „Постыдному сему происшествію свидѣтелями были,—ссылается Яковкинъ,—шедшій тогда съ прогулки въ гимназію учитель и библіотекарь Петровскій съ женою и стоявшій у воротъ, на часахъ, гимназическій инвалидъ“. Происшествіе, дѣйствительно, не изъ совсѣмъ обыкновенныхъ на почвѣ отношеній между женами начальника и подчиненнаго,—даже и при всей патріархальности и простотѣ нравовъ того добраго стараго времени.... За этимъ то генеральнымъ „дамскимъ сраженіемъ“ и послѣдовали уже извѣстныя намъ репрессивныя мѣры директора по отношенію къ Ахматову, черезъ три дня сдѣлавшіяся достояніемъ совѣта.

Нечего говорить, конечно, о томъ, что Яковкинъ снабдилъ свои донесенія попечителю необходимыми комментаріями по адресу своихъ совѣтскихъ противниковъ. Онъ жаловался, что члены совѣта, возбуждаемые проф. Цеплиномъ, умышленно склоняютъ Ахматова къ сопротивленію начальству, т. е. ему; что „Ахматовъ,—писалъ директоръ,—служитъ только орудіемъ завистливой противъ меня злобы сослужащихъ со мною защитителей его дерзости и непослушанія“; что въ поступкѣ членовъ совѣта усматривается „нарушеніе предписаннаго совѣту порядка и самоуправленіе“ (т. е. самоуправство) и т. п. Ахматовъ, съ своей стороны, также не преминулъ отписать попечителю о всѣхъ перипетіяхъ своего столкновенія съ Яковкинымъ, подробно изложивъ всѣ вынесенныя имъ за послѣднее время отъ директора притѣсненія и позволивъ себѣ высказать въ прошеніи къ Румовскому очень, даже и не по тому только времени, смѣлое пожеланіе: „Какъ счастливы были бы чиновники,—заявляетъ здѣсь Ахматовъ,—если бъ такая деспотическая власть была искоренена и участь каждаго благороднаго зависѣла бы отъ общаго собранія совѣта и отъ вашего утвержденія!“... Въ такой категорической формѣ, на какую дерзнулъ бухгалтеръ гимназіи, не рѣшились открыто высказывать свои затаенныя pia desideria даже наиболѣе радикальные члены совѣта.

Все дѣло, съ меморіею совѣта и подлиннымъ прошеніемъ Ахматова, съ извѣтами Яковкина и всею перепискою по поводу распри супруговъ Яковкиныхъ и Ахматовыхъ—пошло на усмотрѣніе престарѣлаго попечителя, которому и пришлось разбираться во всѣхъ подробностяхъ этого скандальнаго столкновенія.

Подсказанный, конечно, директоромъ Яковкинымъ, отвѣтъ Румовскаго не замедлилъ своимъ полученіемъ въ Казани и уже 5-го іюля былъ заслушанъ въ засѣданіи совѣта. Этотъ отвѣтъ былъ облеченъ въ форму суроваго попечительскаго предписанія (отъ 19-го іюня, за № 180), въ которомъ Румовскій, сообщивъ о полученіи имъ протокола совѣта отъ 3-го іюня, подлиннаго прошенія Ахматова на Яковкина и поясняющаго дѣло рапорта этого послѣдняго, высказываетъ совѣту неодобреніе за то, что онъ „присвоилъ себѣ право ему непринадлежащее и, не внемля гласу директора, не отдалъ Ахматову прошенія его обратно,—ибо совѣтъ не есть судія надъ директоромъ гимназіи и въ разсужденіи внутренняго управленія директоръ никому не подчиненъ и не даетъ отчету, какъ поставленному отъ высочайшей власти начальнику: онъ есть блюститель порядка и отвѣчаетъ за исполненіе уставовъ и за исправленіе должностей всѣми и каждымъ изъ находящихся при гимназіи". Возвращая при этомъ прошеніе Ахматова, попечитель приказывалъ отдать ему его обратно въ собраніи же совѣта, т. е. тѣмъ самымъ порядкомъ, какимъ оно и было принято.

Отстаивая, далѣе, право директора производить распредѣленіе казенныхъ квартиръ, Румовскій переходитъ къ критикѣ происходившаго въ засѣданіи 3-го іюня:

„Директоръ гимназіи,—пишетъ попечитель,—желая соблюсти порядокъ и отвратить принятіе и чтеніе въ совѣтѣ не принадлежащаго совѣту прошенія Ахматова, когда, пользуя 55-ую статью университетскаго устава *, превративъ дѣло въ вопросъ, началъ присутствующихъ спрашивать—слѣдуетъ ли бумага отъ Ахматова поданная разсужденію и разбирательству совѣта или нѣтъ, то нѣкоторые изъ членовъ (коихъ имена изъ личнаго уваженія прехожу молчаніемъ) настояніемъ своимъ воспрепятствовали довершить порядокъ, уставомъ предписанный. Почему директоръ, по силѣ той же статьи, объявилъ собранію, что онъ прекращаетъ засѣданіе и вторично предложилъ, что бы предоставить Ахматову просить самому высшее начальство; но совѣтъ, не уважа предложенія директора, ни содержанія статьи выше сего упомянутой, продолжалъ вопреки закону засѣданіе о дѣлѣ, до него непринадлежащемъ. Таковаго поступка, противнаго высочайше конфирмован-

---

* Пунктъ 3-ій этой статьи гласитъ: «Если по довольномъ разсужденіи присутствующіе не согласятся ни на одно какое мнѣніе, въ такомъ случаѣ предсѣдатель (рѣчь идетъ о ректорѣ) обращаетъ предложеніе въ вопросъ и требуетъ рѣшительныхъ голосовъ; каждый вопрошается поочередно и объявляетъ свое мнѣніе однимъ словомъ—утвердительно или отрицательно». Пунктъ 8-ой той же статьи: «Предсѣдатель наблюдаетъ, что бы пренія не выходили изъ границъ благопристойности, и въ предупрежденіе сего имѣетъ право немедленно прекратить засѣданіе».

ному уставу и опасныя слѣдствія навлечь могущаго—равномѣрно никоимъ образомъ одобрить я не могу; и, ежели паче чаянія моего, встрѣтится подобное приключеніе, то я принужденнымъ себя найду отнестись туда, куда слѣдуетъ о неповинующихся закону. Въ концѣ меморіи своей совѣтъ вопрошаетъ меня—какимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ поступать онъ долженъ? На сіе предлагаю: что бы совѣтъ права, которое ему не дано, самовольно себѣ не присвоялъ и не занимался бы дѣлами, до него не принадлежащими".

Предложеніе Румовскаго являлось весьма категоричнымъ и совѣту не оставалось ничего болѣе, какъ занести въ протоколъ засѣданія слѣдующее опредѣленіе: „Исполнить во всемъ пространствѣ предписаніе его превосходительства господина попечителя и впредь поступать сообразно съ онымъ" *.

Нельзя не признать нѣкоторой рискованности ссылки на университетскій уставъ, сдѣланной какъ Яковкинымъ, въ рапортѣ по поводу засѣданія 3-го іюня, такъ и Румовскимъ, въ его предписаніи отъ 19-го іюня. Дѣло въ томъ, что Яковкинъ самъ же объявилъ въ засѣданіи совѣта 27-го марта, какъ мы это видѣли въ своемъ мѣстѣ, пожеланіе попечителя, что бы гимназическій совѣтъ въ теченіи дѣлъ, до полнаго открытія университета—„сообразовывался, сколько возможно, съ предписаніями, въ уставѣ императорскому казанскому университету изображенными", а между тѣмъ этотъ самый уставъ опредѣляетъ (§ 150-й), что „въ правленіе могутъ быть приносимы жалобы и на ректора", которыя подлежатъ разсмотрѣнію и, если жалоба будетъ признана основательною, правленіе „представляетъ заключеніе свое на разсмотрѣніе попечителя и ожидаетъ его рѣшенія"; отсюда несомнѣнно, что, руководствуясь аналогіею и желаніемъ сообразоваться съ духомъ университетскаго устава, совѣтъ легко могъ прійти къ выводу о своей компетентности въ дѣлѣ принятія и дальнѣйшаго направленія жалобы Ахматова.

Еще болѣе рискованною была ссылка на статью 55-ую устава, пунктъ 6-ой которой предоставляетъ членамъ совѣта право подавать „противныя", т. е. отдѣльныя, мнѣнія, которыя и пріобщаются, за ихъ подписомъ, къ дневной запискѣ, т. е. къ протоколу засѣданія. Этимъ правомъ и не за-

* Самъ Ахматовъ на этотъ разъ отдѣлался довольно легко: предписавъ сдѣлать ему надлежащее внушеніе, что бы онъ впредь «не отваживался быть ослушнымъ начальнику и, тѣмъ болѣе, принимать съ грубостью и упорствомъ приказанія его», Румовскій самъ же содѣйствовалъ оставленію Ахматова на службѣ гимназіи, и только черезъ годъ удалось Яковкину выжить его отсюда. Ахматовъ послѣ того жилъ еще въ Казани, повсюду разславляя бывшаго своего принципала и аттестуя мѣстному губернатору Яковкина, на котораго приносилъ ему жалобу—«государственнымъ воромъ», «притѣснителемъ», «злодѣемъ», «пьяницею» и т. п.

медлили воспользоваться въ засѣданіи 5-го іюля профессоръ Цеплинъ и адъюнктъ Карташевскій, представившіе объемистыя отдѣльныя мнѣнія по поводу выписаннаго нами выше опредѣленія совѣта.

Профессоръ Цеплинъ, заявляя въ своемъ, писанномъ на нѣмецкомъ языкѣ, отдѣльномъ мнѣніи полную лойяльность своихъ убѣжденій и взглядовъ на вещи, утверждаетъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія идти противъ закона; что онъ въ засѣданіи 3-го іюня дѣйствовалъ совершенно сознательно и съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ. Ему было бы, во всякомъ случаѣ, весьма непріятно сознаніе въ томъ, что онъ поступилъ несогласно съ закономъ,—но онъ не знаетъ закона, который шелъ бы въ разрѣзъ съ мнѣніемъ, поданнымъ имъ въ засѣданіи совѣта, состоящаго изъ профессоровъ и адъюнктовъ университета.

Въ болѣе рѣшительной и откровенной формѣ высказывается въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи, которое мы приведемъ цѣликомъ, адъюнктъ Карташевскій:

„Хотя я и приступилъ,—заявляетъ здѣсь Карташевскій,—къ общему опредѣленію по предписанію его превосходительства господина попечителя,—однакожъ намѣренъ, вмѣстѣ, воспользоваться словеснымъ позволеніемъ совѣта, чтобъ тотъ изъ членовъ, кто почтетъ это нужнымъ, изъяснилъ въ особенной бумагѣ частное свое мнѣніе относительно того, на что не было согласія всѣхъ.

Съ прискорбіемъ слушалъ я, что члены совѣта подвергли себя невыгодному объ нихъ замѣчанію его превосходительства. Будучи въ числѣ ихъ, я принимаю въ семъ участіе съ чувствомъ тѣмъ живѣйшимъ, что первою моею мыслію было всегда заслужить хорошее обо мнѣ мнѣніе справедливѣйшаго начальства, второю—не дѣлать ничего, водяся духомъ раздора, на что могъ бы я торжественно призвать свидѣтельство какъ прочихъ членовъ совѣта, такъ и господина профессора-директора; и, наконецъ, что не имѣвъ умышленнаго намѣренія поступить вопреки законамъ, напротивъ, думалъ тогда, что и въ семъ дѣлѣ сообразовано съ тѣми изъ нихъ, какіе только могли рѣшить меня въ такомъ новомъ случаѣ. Приводить здѣсь сіи законы и входить въ обстоятельнѣйшее объясненіе дѣла я считаю, по времени, ненужнымъ, тѣмъ болѣе, что сему дѣлу положенъ уже конецъ, развѣ было бы на то соизволеніе его превосходительства.

Но я почитаю за необходимо-нужное пригласить симъ и письменно совѣтъ, чтобъ войти въ гораздо ближайшее разсмотрѣніе круга дѣлъ и отношеній совѣта, который, по составу своему и предмету, вышедши изъ предѣловъ гимназическаго устава, слишкомъ ограниченъ, чтобъ подойти совершенно подъ университетскій, и находится, такимъ образомъ, въ какой то срединѣ и неопредѣлительнюмъ положеніи, что, по моему мнѣнію, было отдаленною причиною настоящаго происшествія“.

Совершенно исключительное и столь же неожиданное положеніе занялъ въ этой совѣтской исторіи пресвитеръ Данковъ, весною того же 1805 года первый, вмѣстѣ съ проф. Цеплиномъ, заявившій въ совѣтѣ свои оппозиціонныя стремленія. Примкнувъ въ засѣданіи 3-го іюня къ своимъ сотоварищамъ по совѣту, о. Гавріилъ, смущенный, по всей вѣроятности, тѣмъ оборотомъ, какое приняло ахматовское дѣло, поспѣшилъ принести попечителю письменную повинную, въ которой, выгораживая себя, не поскупился въ красках для обрисовки самовольныхъ поступковъ другихъ членовъ совѣта, обличая „надменныя о правахъ совѣта высокоглаголанія“, дерзкія отношенія къ директору, „свойственныя болѣе необразованнымъ людямъ, нежели благоучрежденному ученому собранію“, „непристойные крики и шумъ“ Цеплина и Левицкаго и т. п. Пресвитеръ Данковъ получилъ за эту исповѣдь-извѣтъ благодарность Румовскаго, но это посланіе къ попечителю было уже его „лебединою пѣснью“: онъ скончался черезъ немного дней послѣ нея, 1-го августа 1805 года *.

Иначе кончилось дѣло для Карташевскаго. Его отдѣльное мнѣніе привело въ негодованіе попечителя, отвѣтившаго на него предложеніемъ отъ 24-го іюля, присланнымъ на имя совѣта. Особенно возмутило Румовскаго воззваніе, съ которымъ обратился Карташевскій къ сотоварищамъ по университету, приглашая ихъ войти „въ гораздо ближайшее разсмотрѣніе круга дѣлъ и отношеній совѣта“. Попечитель усмотрѣлъ здѣсь открытое возмущеніе противъ властей предержащихъ и поручилъ Яковкину сдѣлать Карташевскому выговоръ въ полномъ собраніи совѣта:

„Господинъ Карташевскій,—негодуетъ Румовскій,—приглашая къ сему совѣтъ и присваивая паки себѣ право, принадлежащее единственно высшему начальству, вооружаетъ оный противъ постановленія, главнымъ училищъ правленіемъ и министромъ народнаго просвѣщенія утвержденнаго. Для удостовѣренія о семъ предлагаю совѣту прочесть ему конецъ предложенія моего, отъ 22-го мая сего года отправленнаго: изъ него ясно видно, какимъ образомъ гимназія, изъ которой совѣтъ не исключается, до открытія университета должна быть управляема. А г. Карташевскому чрезъ г. директора учиня въ совѣтѣ выговоръ,

---

* О. Данковъ оставилъ по себѣ недобрую память среди своихъ бывшихъ сочленовъ по совѣту. Яковкинъ писалъ попечителю, что нѣкоторые члены совѣта, за «безпристрастіе и доброту» покойнаго пресвитера—«готовы были гнать его семейство и мстить ему»; Яковкину, по его словамъ, пришлось даже дать вдовѣ Данкова квартиру въ зданіи гимназіи, «дабы она была ко мнѣ поближе и, при первомъ нужномъ случаѣ, могла бы имѣть потребную защиту». Краски, какъ это и было въ то время въ порядкѣ вещей, сильно сгущены, конечно, въ этомъ донесеніи директора.

что преступаетъ предѣлы круга своего и, не смотря на предписаніе, въ концѣ предложенія моего отъ 19-го іюня содержащееся, вторично присвоиваетъ себѣ право ему непринадлежащее—объявить, что ежели онъ находитъ кругъ совѣта для себя ограниченнымъ и тѣснымъ, котораго разсмотрѣнію подлежатъ, однако, всѣ дѣла, до ученія касающіяся, то въ его волѣ состоитъ заблаговременно искать себѣ внѣ гимназіи другого, обширнѣйшаго.

Вторымъ почитаю долгомъ изъявить совѣту мою признательность, что онъ возмутительный и неповиновеніе начальству изъявляющій голосъ г-на Карташевскаго оставилъ безъ всякаго вниманія и, препроводя оный ко мнѣ, открылъ образъ мыслей г. Карташевскаго".

Предложеніе попечителя было доложено совѣту въ засѣданіи 12-го августа, въ которомъ Карташевскій взялъ копію съ него, на предметъ представленія Румовскому письменнаго „извиненія", что и было имъ исполнено [101].

Такъ закончилась первая серьезная совѣтская „исторія" въ казанскомъ университетѣ, исходнымъ пунктомъ своимъ имѣвшая глупую ссору двухъ гимназическихъ дамъ между собою („Weiber-Affaire", какъ иронически выражались нѣмецкіе профессора), а въ своемъ результатѣ—рѣзкое обостреніе отношеній совѣта къ попечителю и директору.

Недолго довелось, однако, Яковкину торжествовать побѣду надъ „гидрою крамолы", каковою почиталъ онъ со стороны членовъ совѣта малѣйшее поползновеніе ихъ къ самостоятельности. „Аще Богъ за насъ, кто на ны?"—самоувѣренно писалъ онъ попечителю по окончаніи ахматовской исторіи. Фраза эта была въ устахъ Яковкина ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ проявленій фрондерства, котораго далеко не чуждъ былъ казанскій профессоръ-директоръ. Яковкинъ долженъ былъ хорошо понимать, что совѣтская „гидра" имъ не раздавлена, но лишь на время укрыла свою еще уцѣлѣвшую голову; что эта „гидра" будетъ до тѣхъ поръ подавать признаки своего существованія, пока будетъ продолжаться разладъ между уставомъ и фактическимъ строемъ университета, пока будетъ держаться созданный имъ и Румовскимъ невозможный и анормальный режимъ академической жизни, пока самъ онъ, профессоръ-директоръ, не будетъ лишенъ фактической возможности самоувѣренно проводить въ дѣйствительную жизнь свой излюбленный девизъ: „университетъ—это я!" Плохо мирились съ положеніемъ университета русскіе члены его; еще менѣе склонны были мириться съ нимъ и идти на компромиссы съ абсолютизмомъ Яковкина иностранные его члены, ѣхавшіе въ Казань съ твердою надеждою найти здѣсь университетъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова,

по крайней мѣрѣ университетъ въ тѣхъ, хотя бы и упрощенныхъ, формахъ и условіяхъ жизни, которыя возвѣщены были императоромъ Александромъ и, конечно, уже сдѣлались извѣстными европейскому ученому міру.

Если совѣтская оппозиціонная партія утратила въ лицѣ о. Данкова одного изъ своихъ главарей, измѣнившаго ей, впрочемъ, въ самую критическую минуту борьбы, слѣдомъ затѣмъ и совсѣмъ оставившаго свое земное существованіе, то за то она пріобрѣла новаго борца, съ которымъ Яковкину уже скоро пришлось считаться самымъ серьезнымъ образомъ и вокругъ котораго тѣсно сплотилась недовольная университетская партія, съ нѣмецкими профессорами въ ея передовыхъ рядахъ.

Этимъ новымъ борцомъ дѣла самостоятельности университета и его самоуправленія выступилъ вновь назначенный профессоръ Германъ, прибывшій въ Казань въ концѣ іюля, какъ разъ въ то время, когда разыгрывался здѣсь финалъ ахматовской эпопеи; Германъ уже присутствовалъ въ засѣданіи совѣта 12-го августа, въ которомъ слушалась грозная попечительская бумага, осуждавшая образъ дѣйствій Карташевскаго. Данный Румовскимъ совѣту „урокъ" не воздѣйствовалъ на новаго профессора: какъ разъ въ это время онъ уже занятъ былъ составленіемъ, вмѣстѣ съ проф. Цеплинымъ, докладной записки на имя попечителя, въ которой снова возбуждался вопросъ о необходимости предоставленія совѣту самостоятельности, т. е. именно тотъ вопросъ, по поводу котораго съ такимъ неудачнымъ финаломъ взывалъ къ товарищамъ, въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи, адъюнктъ Карташевскій.

Результатомъ „комплота" Германа и Цеплина явилось составленное ими на латинскомъ языкѣ положеніе о совѣтѣ, заключавшее въ себѣ одиннадцать пунктовъ и препровожденное Румовскому при совмѣстно подписанномъ письмѣ на французскомъ языкѣ, въ которомъ авторы его завѣряли попечителя въ чистотѣ и безкорыстности руководившихъ ими побужденій. Исходя изъ той точки зрѣнія, что всѣ совѣтскія нестроенія послѣдняго времени коренятся въ неопредѣленности университетскаго строя и что въ настоящее время, при увеличившемся количествѣ профессоровъ, уже настало время для разграниченія сферъ университетской и гимназической жизни, записка Германа и Цеплина содержитъ въ себѣ слѣдующія основныя положенія: а) совѣтъ долженъ именоваться впредь не совѣтомъ гимназіи, но совѣтомъ университетскимъ; б) предсѣдателемъ совѣта назначается, въ очередномъ порядкѣ и срокомъ на мѣсяцъ, одинъ изъ профессоровъ; в) совѣту предоставляется бо́льшая свобода въ обсужденіи подвѣдомственныхъ ему дѣлъ, причемъ все то, что происходило и

говорилось въ совѣтѣ—свидѣтельствуется лишь записаннымъ въ протоколъ, къ которому не допускаются никакія приписки и, тѣмъ менѣе, подача по начальству отдѣльныхъ, дополнительныхъ къ протоколу, рапортовъ; г) всѣ поступающія въ совѣтъ бумаги вскрываются въ самомъ его присутствіи *; д) совѣту, согласно уставу, предоставляются дѣла училищныя, съ подчиненіемъ ему и самой казанской гимназіи, а также строительныя дѣла университета.

Яковкинъ прекрасно зналъ замыслы Германа и Цеплина и доносилъ попечителю, что затѣя ихъ,—и это представляется вполнѣ вѣроятнымъ,—дѣло всего совѣта: онъ утверждаетъ, что проэктъ „положенія" неоднократно обсуждался въ квартирахъ Карташевскаго и Запольскаго и даже въ совѣтѣ, но совершенно „партикулярно", благодаря чему ему, Яковкину, такъ и не удалось сдѣлать къ нему желательныхъ примѣчаній. Въ письмѣ къ Румовскому отъ 22-го августа Яковкинъ не обинуясь заявляетъ, что „пункты" Германа и Цеплина направлены непосредственно противъ него и въ патетическихъ выраженіехъ скорбитъ передъ принципаломъ о своей изолированности: „Вси пророци избіени суть, и остахся азъ единъ на жертву вааловымъ жрецамъ,—пишетъ онъ попечителю.—Удостойте, ваше превосходительство, простить великодушно сіе мое выраженіе: человѣкъ, какъ человѣкъ, поневолѣ долженъ чувствовать все стремленіе злобы и зависти; но доколѣ не престанутъ дѣйствовать во мнѣ присяга и совѣсть—дотолѣ ни на одну іоту не отступлю отъ ихъ внушеній, и да судитъ о томъ мой Сердцевѣдецъ!"... Эта пустая шумиха „жалкихъ словъ" служитъ краснорѣчивою иллюстраціею тѣхъ пріемовъ внушенія, которыми такъ ловко умѣлъ дѣйствовать пронырливый директоръ на престарѣлаго и сѣвшаго между двухъ стульевъ попечителя округа. Въ наши дни такіе пріемы не достигали бы уже цѣли; въ то доброе старое время они безъ промаха попадали въ нее.

Заявленіе Германа и Цеплина, сопровожденное негласными комментаріями Яковкина, не могло не подѣйствовать на стараго попечителя крайне раздражающимъ образомъ, въ особенности послѣ только что закончившагося инцидента съ отдѣльнымъ мнѣніемъ Карташевскаго. Румовскій долженъ былъ понять, что совѣтская „крамола" не только не подавлена, но продолжаетъ проявлять свою жизненность въ лицѣ новаго профессора

---

* Два послѣдніе пункта непосредственно направлены,—не въ бровь, а прямо въ глазъ,—по адресу Яковкина, конфиденціальная переписка котораго съ попечителемъ составляла излюбленный путь его административныхъ сношеній.

Германа, котораго самъ попечитель передъ тѣмъ только рекомендовалъ Яковкину въ качествѣ человѣка уже пожилого, но, насколько онъ могъ это замѣтить—„тихаго". Какъ бы то ни было, но Румовскій не счелъ удобнымъ выразить иностранцу Герману свое негодованіе въ такой откровенной формѣ, въ какой допустилъ онъ ее въ отношеніи къ русскому адъюнкту Карташевскому: онъ весьма учтиво отвѣтилъ Герману полуофиціальнымъ письмомъ на французскомъ языкѣ, въ которомъ выражалъ ему невозможность примѣнить къ дѣлу представленное „положеніе", такъ какъ существующій строй университета утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія и главнымъ правленіемъ училищъ.

Свое письмо къ Герману попечитель сопроводилъ, тѣмъ не менѣе, и классическимъ „quos ego!",—въ видѣ слѣдующей угрожающей тирады: „Не смотря на мои убѣжденія и предписанія,—писалъ Румовскій,—я заключаю, что между членами совѣта находятся нѣсколько безпокойныхъ умовъ, помышляющихъ больше о возбужденіи споровъ и ссоръ, чѣмъ объ исполненіи своихъ обязанностей и, если это продолжится,—заключаетъ Румовскій,—то моя обязанность будетъ, для блага и мира въ гимназіи (замѣтимъ здѣсь еще разъ, что попечитель, говоря только о гимназіи, систематически игнорируетъ университетъ), принять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобъ избавиться отъ этихъ людей".

Одновременно съ этимъ письмомъ болѣе или менѣе „партикулярнаго" характера, Румовскій прислалъ письмо и Яковкину, въ которомъ писалъ своему казанскому фавориту: „Изъ всѣхъ обстоятельствъ усматриваю я, что въ совѣтъ гимназіи вселился духъ неповиновенія и несогласія и, вмѣсто того, что бы господамъ, оный составляющимъ, стараться объ исполненіи монаршей воли, т. е. о наставленіи юношества, нѣкоторые изъ нихъ безвременно обращаютъ мысли свои на дѣло до нихъ не принадлежащее". Письмо это было предназначено для доведенія о немъ къ свѣдѣнію совѣта. Яковкинъ показалъ его, по крайней мѣрѣ, Эриху, съ просьбою „внушить затѣйщикамъ, что всякое самомнѣніе ни мало не совмѣстно со служеніемъ, приличнымъ ученому мѣсту". Совѣтскимъ „затѣйщикамъ" не оставалось ничего болѣе, какъ смириться и на этотъ разъ. Такъ окончилась и эта попытка совѣта отстоять передъ Яковкинымъ свою самостоятельность. Новая попытка въ томъ же направленіи относится уже къ лѣту слѣдующаго 1806 года. [102]

Изъ совѣтскихъ постановленій, относящихся къ послѣдней четверти 1805 года,—въ общемъ безличныхъ и касающихся мелкихъ вопросовъ текущей учебной жизни гимназіи и университета,—заслуживаетъ быть

упомянутымъ развѣ только постановленіе отъ 18-го ноября, которымъ совѣтъ ходатайствовалъ о назначеніи въ число своихъ сочленовъ по университету—врача. Это ходатайство особенно интересно тѣми мотивами, которыми оно обставлено:

„Всякое приглашеніе профессоровъ и адъюнктовъ и перемѣщеніе ихъ въ Казань сопряжено съ важными затрудненіями,—говорится въ совѣтскомъ докладѣ по этому поводу,—да и по пріѣздѣ ихъ въ Казань здоровье каждаго подвержено можетъ быть разнымъ болѣзнямъ, а университетъ по сіе время не имѣетъ достойнаго и опытнаго между своими сочленами врача, который бы, какъ сотрудникъ, поставлялъ своею обязанностью пещися о сохраненіи здоровья и вспомоществованіи въ приключающихся университета членамъ болѣзняхъ, а особливо, что опытомъ уже доказано, что климатъ Казани подвергаетъ въ извѣстныя времена жителей труднымъ, тяжкимъ и продолжительнымъ хроническимъ болѣзнямъ, содѣлывающимися опасными отъ опущенія въ надлежащее время потребныхъ мѣръ, и что находящіеся въ Казани врачи, каждый обязанъ будучи собственною своею должностью, не могутъ себѣ вмѣнять въ обязанность врачевать членовъ университета такъ, какъ бы къ тому, въ особенности по совѣсти своей, обязанъ былъ сочленъ онаго“.

Выслушавъ этотъ докладъ, совѣтъ постановилъ „просить о дарованіи университету достойнаго, опытнаго и искуснаго врача въ члены онаго“. Мы не нашли въ архивныхъ дѣлахъ отвѣта на это ходатайство, которое, въ сущности своей, сводилось, какъ это явствуетъ изъ самаго смысла его, къ представленію относительно замѣщенія одной изъ практическихъ медицинскихъ кафедръ; отвѣтъ врядъ ли, впрочемъ, и требовался, такъ какъ въ то время уже состоялось назначеніе въ университетъ врача въ лицѣ профессора Фукса [103].

Наступилъ новый 1806 годъ,—первое новолѣтіе юнаго казанскаго университета. Положивъ тѣмъ самымъ начало обычаю, много лѣтъ послѣ того практиковавшемуся въ университетѣ, члены совѣта обратились къ попечителю Румовскому съ слѣдующимъ коллективнымъ поздравленіемъ по этому поводу:

„Ваше превосходительство, милостивѣйшій государь!—При наступленіи новаго года совѣтъ гимназіи (sic) спѣшитъ изъявить предъ вашимъ превосходительствомъ чувства своей признательности и преданности. Онъ желаетъ, чтобъ жизнь дѣятельнѣйшая, поприще, вами со славою пройденное, увѣнчалось еще многими годами, которые были бы для васъ столько же благополучны, сколько они будутъ полезны для общества. Въ нихъ сословіе сіе, гордящееся, имѣя въ васъ своего

начальника, не умедлитъ получить совершенное свое образованіе и стать на степень, достойную такого начальника; проникнутое же благодѣтельными попеченіями и мудрыми распоряженіями вашими, будетъ имѣть одинъ токмо голосъ для прославленія вашего превосходительства.

Вашего превосходительства преданнѣйшіе слуги (слѣдуютъ подписи одиннадцати членовъ совѣта)".

Не взирая на довольно прозрачно выраженное въ этомъ адресѣ упованіе на „совершенное образованіе" университетскаго сословія, поздравленіе было весьма благосклонно принято попечителемъ, не замедлившимъ слѣдующимъ на него отвѣтомъ:

„Милостивые государи!—Съ самого того времени, какъ государю императору благоугодно было препоручить мнѣ попеченіе о казанскомъ учебномъ округѣ, старался я по сіе время положить твердое основаніе казанскому университету, отъ котораго на весь округъ со временемъ должно проистекать просвѣщеніе, и ежели посильное мое стараніе удостоилось одобренія толь многихъ мужей, всякаго рода знаніями украшенныхъ, то трудъ мой почитаю я награжденнымъ. Въ семъ пріятномъ положеніи ни о чемъ васъ больше не прошу, какъ что бы вы, милостивые государи, при началѣ новаго года, съ возобновленіемъ ревности вашей, обратили дарованія свои на просвѣщеніе ввѣреннаго наставленію вашему юношества и доставили мнѣ новую причину свидѣтельствовать предъ министромъ просвѣщенія готовность вашу въ исполненіи воли монаршей. Увѣренъ будучи въ усердіи вашемъ, прошу Всевышняго, да наградитъ васъ здравіемъ и силами къ прохожденію предлежащаго вамъ поприща на пользу отечества" [104].

Препровожденъ былъ попечителю и отчетъ за истекшій 1805 годъ [105]—въ высшей степени, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, краткій и неполный, составленный по формѣ, еще въ маѣ мѣсяцѣ препровожденной Румовскимъ въ совѣтъ; въ этомъ отчетѣ многія рубрики оставлены совсѣмъ безъ отвѣта „по новости университета", почему и разсмотрѣніе его не представило бы для насъ большаго интереса.

Если не совершенный миръ, то, по крайней мѣрѣ, перемиріе,—далеко, впрочемъ, не продолжительное, какъ скоро увидимъ мы это,—было, такимъ образомъ, установлено между совѣтомъ и университетскими властями и жизнь университета въ первые мѣсяцы новаго 1806 года потекла по спокойному и ровному руслу.

Обращаясь къ внутренней жизни университета за это время, мы остановимъ наше вниманіе на любопытномъ, хотя и несостоявшемся, начинаніи совѣта, имѣвшемъ своею задачею возбудить чисто ученую дѣятельность членовъ университета, создавъ при университетѣ ученое обще-

ство. Это начинаніе имѣло своею исходною точкою объявленную черезъ с.-петербургское вольное экономическое общество высочайшую волю относительно составленія всесторонняго описанія Россіи по губерніямъ. И вотъ, въ засѣданіи совѣта 10-го марта 1806 года, Яковкинъ, указавъ сослуживцамъ на необходимость коллективной работы для выполненія этой задачи по отношенію къ казанской губерніи, такъ какъ „одному и самому ученому мужу таковое полное описаніе, хотя бы и съ помощью гражданскаго казанскаго правительства, составить никакъ невозможно", возбудилъ вопросъ о составленіи при университетѣ для этой цѣли ученаго общества, сославшись при этомъ на § 9-ый устава, въ силу котораго образованіе такихъ обществъ отнесено „къ особливому достоинству университета". Директоръ предложилъ тутъ же высказаться членамъ совѣта, желающимъ принять участіе въ составленіи „при университетѣ общества подъ соотвѣтствующимъ оному намѣренію названіемъ", съ тѣмъ, что бы своевременно заручиться согласіемъ на то попечителя, „тѣмъ паче, что наступающее лѣтнее время и мѣсячная лѣтняя вакація подадутъ и время и способы для личнаго обозрѣнія и учиненія потребныхъ наблюденій и опытовъ во всемъ, что окажется нужнымъ".

Соотвѣтствующія заявленія членовъ были сдѣланы въ этомъ же засѣданіи, въ протоколъ котораго и занесены. Профессоры Яковкинъ, Фуксъ и Каменскій объявили, что первый изъ нихъ будетъ заниматься „географическою и топографическою частью", второй бралъ на себя „зоологію, ботанику и экономическія части", третій—„относящіеся до врачебной части предметы"; адъюнкты принимали на себя „части": Эвестъ—химическую, Запольскій—физическую. Исполненіе по этому дѣлу не было отложено въ долгій ящикъ, и уже 13-го марта пошло къ попечителю представленіе о разрѣшеніи основать при университетѣ ученое общество, ни сколько нибудь опредѣленныя задачи и средства дѣятельности котораго, ни хотя бы только проблематическія основы организаціи, въ этомъ представленіи не указывались.

Отвѣтъ Румовскаго послѣдовалъ уже отъ 12-го апрѣля. Сообщая совѣту, что онъ не только согласенъ на заведеніе таковаго „сословія" для столь общеполезнаго дѣла, но долженъ сказать, что предпріятіе сіе заслуживаетъ „одобренія и дѣлаетъ честь гг. членамъ совѣта", попечитель ставитъ условіемъ, что бы „пріемлющіе на себя трудъ сей не отвлекали себя отъ настоящихъ по званію своему обязанностей и упражненій" и что бы работы, требующія выѣзда изъ города, предпринимались лишь въ вакаціонное время; что касается смѣты необходимыхъ для дѣла расходовъ, то

попечитель предлагалъ войти къ нему объ этомъ съ особымъ представленіемъ.

Послѣдовали по этому поводу сношенія и съ казанскимъ губернаторомъ Мансуровымъ, который сообщилъ совѣту, что онъ „обязанностью своею поставитъ оказывать всѣ тѣ пособія, какія только отъ меня зависѣть будутъ и я найдусь въ возможности". Существуетъ указаніе, что Яковкинъ собирался даже „написать правила предположенному обществу для описанія казанской губерніи"—но дѣло это дальнѣйшаго хода не имѣло и заглохло въ стѣнахъ совѣтской канцеляріи [106]. Весьма вѣроятно, что такому печальному исходу этого симпатичнаго начинанія, которое могло бы на десятки лѣтъ предварить собою учрежденіе при казанскомъ университетѣ ученыхъ обществъ (не принимая въ разсчетъ общества любителей отечественной словесности), способствовали и неурядицы, которыя лѣтомъ 1806 года съ новою силою вспыхнули въ университетскомъ совѣтѣ.

Засѣданіе совѣта 10-го марта ознаменовалось возбужденіемъ еще и другого ходатайства членовъ его, на этотъ разъ уже на почвѣ чисто матеріальныхъ нуждъ казанскаго ученаго „сословія" — ходатайствомъ объ обезпеченіи профессоровъ и адъюнктовъ квартирными деньгами. Дѣло въ томъ, что еще 29-го іюля 1805 года былъ высочайше утвержденъ докладъ министерства народнаго просвѣщенія, въ силу котораго чинамъ университетовъ опредѣлялось выдавать, „доколѣ всѣ они не будутъ помѣщены въ университетскихъ зданіяхъ", особыя квартирныя деньги, въ ежегодномъ размѣрѣ 500 руб. для профессоровъ и 200 руб. для адъюнктовъ. Принимая во вниманіе, что дѣйствіе этого положенія уже распространено на университетъ дерптскій, совѣтъ постановилъ „отнестись о семъ особеннымъ рапортомъ къ г. попечителю и просить его о начальственномъ по сему предмету ходатайствѣ для казанскаго университета". Отвѣта на это ходатайство въ то время не послѣдовало, почему уже полгода спустя, 12-го сентября, совѣтъ постановилъ обратиться къ попечителю съ новымъ, и на этотъ разъ мотивированнымъ, представленіемъ о томъ же предметѣ. Представленіе это, отправленное 18-го сентября, настолько любопытно для обрисовки условій казанской жизни, вообще, и условій жизни профессоровъ въ началѣ прошедшаго столѣтія, въ частности, что мы считаемъ возможнымъ привести сущность его въ подлинникѣ:

„Совѣтъ казанской гимназіи,—гласитъ это представленіе,—минувшаго марта 10-го просилъ ваше превосходительство о исходатайствованіи сей монаршей милости (т. е. квартирныхъ денегъ) для членовъ казанскаго университета, которые, не имѣя на то доселѣ никакого раз-

рѣшенія, въ высшей степени ощущаютъ тягость сего недостатка. Ибо выгодныя квартиры не только весьма дороги въ Казани и ни мало не дешевле петербургскихъ, но, сверхъ того, не иначе какъ съ великою трудностью оныя находить можно, потому что всѣ онѣ или занимаются собственно владѣльцами, или служащими чиновниками, а посему профессоры и адъюнкты принуждены покупать и перестраивать дома, дабы имѣть самонужнѣйшія выгоды. Притомъ, поелику городъ не имѣетъ мостовой, то весною и осенью бываетъ необыкновенно грязенъ, отчего привозъ съѣстныхъ припасовъ и другихъ вещей совершенно прекращается, такъ что необходимо нужно заготовлять ихъ на нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, для чего потребно мѣсто, которое не всегда найти можно въ наемной квартирѣ. Для одного только доставанія воды нужно имѣть лошадей и, слѣдовательно, экипажъ и услугу. Дабы сколько нибудь обезпечить себя противу сихъ невыгодъ, нѣкоторые принуждены были, войдя даже въ долгъ, купить собственные домы. И такъ, повторяя покорнѣйшее прошеніе, совѣтъ ласкаетъ себя надеждою, что ваше превосходительство удостоите исходатайствовать членамъ онаго въ семъ случаѣ изліяніе монаршей милости".

Какъ ни мало убѣдительна была мотивировка этого вторичнаго ходатайства, тѣмъ не менѣе давно ожидавшійся отвѣтъ попечителя былъ, наконецъ, полученъ и не могъ не привести просителей въ полное недоумѣніе и изумленіе:

„Его превосходительство г. попечитель въ начальственномъ своемъ на имя мое предписаніи отъ 4-го дня сего октября за № 357 препоручилъ мнѣ объявить совѣту,—предлагалъ отъ 17-го октября директоръ Яковкинъ,—что онъ долгомъ почитаетъ стараться исходатайствовать квартирныя деньги или удовольствовать квартирами тѣхъ изъ членовъ совѣта, кои соблюдаютъ должное къ начальству уваженіе и не соглашаются съ тѣми, кои въ журналѣ совѣта помѣщаютъ непристойныя и условныя постановленія, родъ принужденія и презрѣнія къ начальству въ себѣ заключающія".

Совѣту не оставалось ничего болѣе, какъ „взять къ свѣдѣнію" это своеобразное попечительское предложеніе, въ которомъ довольно нелегкимъ представлялось разграничить принадлежащее остроумію Яковкина отъ принадлежащаго собственно Румовскому. Примѣнялась ли или не примѣнялась эта полудѣтская мѣра поощренія профессорскаго благонравія квартирными окладами—свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ, но дальнѣйшихъ ходатайствъ по этому предмету совѣтъ, конечно, уже не возбуждалъ, и только въ 1810 году воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на „производство квартирныхъ денегъ личному составу казанскаго университета", въ качествѣ льготы уже общей, а не дисциплинарно-поощрительной [107]. Если мы будемъ

имѣть въ виду, что это необыкновенное предложеніе послѣдовало въ октябрѣ 1806 года, въ самый разгаръ борьбы Яковкина съ вновь поднявшею свою голову совѣтскою „гидрою крамолы", то для насъ сдѣлается ясною та неразборчивость въ средствахъ, къ которой не брезгали прибѣгать директоръ Яковкинъ и совершенно загипнотизированный имъ старецъ Румовскій.

Мы закончимъ обзоръ дѣятельности совѣта въ занимающемъ насъ учебномъ году разсказомъ о нѣсколько трагикомическомъ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто въ мартѣ 1806 года и представляющемъ собою одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ корпоративной жизни университета въ первые годы его существованія—инцидентѣ, который далъ членамъ совѣта поводъ дружно сплотиться, на этотъ разъ даже вокругъ ненавистнаго всѣмъ Яковкина, для дачи отпора общему врагу, выступившему противъ нихъ на страницахъ одного изъ берлинскихъ журналовъ.

Сыръ-боръ загорѣлся изъ за появленія въ номерѣ берлинскаго журнала „Der Freimüthige" (отъ 18-го февраля, № 55) обличительной статьи по адресу казанскаго университета, доставленной редакціи, яко бы, изъ Нижняго-Новгорода. Вотъ русскій переводъ части этой статьи, приложенный къ соотвѣтствующему совѣтскому дѣлу, параллельно съ нѣмецкимъ текстомъ:

„Ежели вы полагаетесь на извѣстія, получаемыя вами отъ г.г. профессоровъ казанскихъ, харьковскихъ и пр.,—пишетъ редакціи неизвѣстный корреспондентъ,—то я объ васъ сожалѣю: они всѣ почти подобны критянамъ, о которыхъ упоминаетъ апостолъ Павелъ *. Когда бъ вы только знали вавилонское смѣшеніе и увеселенія казанскія, то бъ вѣрно стали менѣе удивляться, что сіи и другіе alibi ни о чемъ не заботятся. Закоснѣлое упорство не такъ легко истребить, а что бъ озарить свѣтомъ мракъ сего хаоса—къ тому потребно потрясеніе тысячекратно усиленнаго громового удара. Многимъ изъ сихъ господъ жаль употребить какіе нибудь 50 рублей или болѣе на покупку нужныхъ имъ книгъ (хотя они и имѣютъ достаточное жалованье) потому, что дорого стоятъ имъ другія жертвы, приносимыя на алтарь боговъ ихъ. Таковы то они, по большей части, или дѣлаются таковыми, коль скоро начнутъ сообразовываться съ обыкновеніями тѣхъ мѣстъ, куда они переселяются. Лично могъ бы я васъ легко познакомить съ разными чертами, которыя вамъ совершенно показали бы сіи махинальныя (?) ученыя общества (um Ihnen diese vertörperten gelehrten Incorporationen recht anschaulich zu machen). Стараніе себя выказать, а другихъ опо-

* «Критяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивыя» и пр. (Посл. къ Титу, I).

рочить, также зависть и безпрерывныя ссоры, сопровождаемыя всякими нелѣпостями —составляютъ ихъ признаки"....

Эта то злополучная корреспонденція (она помѣчена: „Нижній-Новгородъ, октябрь 1805 года") и послужила предметомъ оживленныхъ дебатовъ въ засѣданіи совѣта 20-го марта. Обсуждался въ томъ же засѣданіи и проэктъ опроверженія на нее, неизвѣстно кѣмъ изъ членовъ совѣта изготовленный,—едва ли не самимъ директоромъ. Раздались въ совѣтѣ голоса въ пользу предпринятія, кромѣ напечатанія коллективнаго опроверженія, еще и слѣдующихъ, довольно наивныхъ, мѣръ по отношенію къ „пасквилянту": а) принудить „черезъ высшее начальство" издателя журнала Готлиба Меркеля „объявить о мѣстопребываніи и имени приславшаго ему сей пасквиль"; узнавъ же это—б) „сего сочинителя пасквиля въ Россію призвавъ (!), въ судѣ допросить о причинахъ таковаго поступка и, по признаніи, судить по законамъ", в) напечатать изготовленное опроверженіе въ гамбургскихъ, петербургскихъ (россійскихъ и нѣмецкихъ) и въ московскихъ вѣдомостяхъ и г) сообщить сіе извѣстіе и другимъ университетамъ въ Россіи—„какъ злонамѣренную клевету на публичныя высшія заведенія".

Эти дополнительныя „просительныя статьи, кои, однако, показались несообразными"—были отвергнуты, какъ отписывалъ о томъ Яковкинъ попечителю, но текстъ самого опроверженія, писаннаго параллельно на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, былъ совѣтомъ принятъ и постановлено препроводить его на благоусмотрѣніе высшаго начальства. Нельзя сказать, что бы это опроверженіе дѣлало особенную честь такту и чувству мѣры его составителя. Ссылаясь на цѣлый рядъ предшествовавшихъ статей, въ которыхъ берлинскій журналъ порочитъ русскія учебныя заведенія, опроверженіе высказываетъ мысль, что „подлость, безстыдныя лжи, безсмысленныя выдумки и площадныя грубости объ россійскихъ университетахъ обнаруживаются въ семъ сочиненіи и показываютъ издателя вмѣняющимъ оныя себѣ въ особенную заслугу". Въ настоящее время,—продолжаетъ опроверженіе,—когда „поносительный" отзывъ, причиною котораго является „или злоба, или глупость, или робость", уже непосредственно коснулся, наряду съ другими университетами, и университета казанскаго, онъ не можетъ быть оставленъ безъ отвѣта въ виду того, что „Казань занимаетъ въ порядкѣ высшее мѣсто и пасквиль писанъ по близости Казани", почему „профессоры казанскаго университета и почитаютъ своею должностью сдѣлать на сіе опроверженіе". Протестующіе впередъ оговариваются, при этомъ, относительно своего нежеланія вступать съ авторомъ пасквиля въ

дальнѣйшую полемику: „Мы не можемъ себя унизить до того, что бы вступать въ переписку съ такими людьми, которые, подобно попугаямъ (?), имѣютъ привычку жить токмо ругая другихъ; съ такими людьми, кои гладомъ (sic) и ремесломъ своимъ предоставлены уже къ тому, что бъ промыселъ свой поддерживать такими средствами, каковыми образованные и благовоспитанные люди гнушаются, привыкши презирать подобныя симъ оклеветанія".

Перефразировавъ, затѣмъ, сущность журнальныхъ обличеній и ничего, конечно, не опровергая,—что представлялось и невозможнымъ въ виду общаго характера инкриминируемой корреспонденціи,—опроверженіе заканчивается слѣдующимъ образомъ:

„Послѣ сихъ приведенныхъ причинъ желаемъ мы, что бы люди, которые или изъ ненависти, или изъ злобы, или другого какого намѣренія, осмѣиваютъ ученыя заведенія россійской имперіи, подавляютъ основанія просвѣщенія, а съ нимъ, купно, всего благонамѣреннаго, и поносятъ людей, къ тому приставленныхъ—почувствовали бы свою несправедливость, видя многіе примѣры въ нынѣшнее достославное правленіе, что справедливость не оставляетъ безъ наказанія ни одного порицателя, ни одного обидчика, ни одного злокозненнаго.

И такъ мы, какъ профессоры, такъ и адъюнкты казанскаго университета, покорнѣйше просимъ ваше превосходительство, что бъ благоволить представить о сей необузданной дерзости его сіятельству министру народнаго просвѣщенія и главному училищъ правленію, съ покорнѣйшею просьбою, дабы благоволено было сочленамъ казанскаго университета доставить публичное и оффиціальное удовлетвореніе".

Не обошлось дѣло, какъ водится, и безъ попытокъ сыска неизвѣстнаго корреспондента на мѣстѣ. Яковкинъ, въ письмѣ своемъ къ попечителю отъ того же 20-го марта, высказываетъ предположеніе, что корреспонденція послана—изъ Казани, и добавляетъ къ этому: „Она должна быть писана, какъ кажется, нѣкоторымъ Кальмомъ, бывшимъ учителемъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, во время послѣдней шведской войны за измѣну сосланнымъ въ Казань, въ ссылку, и непримиримымъ врагомъ новыхъ учебныхъ въ Россіи заведеній". Яковкинъ не допускаетъ и мысли о принадлежности пасквиля кому либо изъ членовъ университета: „Вашему превосходительству,—заявляетъ онъ,—извѣстенъ каждый сочленъ казанскаго университета, каждый по его характеру, и единая мысль (т. е. солидарность въ этомъ дѣлѣ) насъ оправдываетъ и успокаиваетъ".

Румовскій весьма разумно взглянулъ на тревогу, поднятую совѣтомъ университета: „Что касается до пасквиля, обиднаго не только казанскимъ,

но и другимъ профессорамъ,—пишетъ онъ Яковкину отъ 5-го апрѣля,—скажу вамъ мое мнѣніе, что лучше оный презрѣть, нежели что либо на оный отвѣтствовать, потому что злобное мнѣніе частнаго и неизвѣстнаго человѣка не можетъ поколебать добраго мнѣнія начальства о г.г. профессорахъ“ [108].

1805—1806 учебный годъ окончился благополучно съ точки зрѣнія внутренняго спокойствія университета: совѣтскія страсти на время затихли подъ воздѣйствіемъ энергическаго отпора, встрѣченнаго со стороны попечителя въ самомъ началѣ учебнаго года. Среди этого временнаго затишья приблизилось лѣто 1806 года—пора экзаменовъ и публичнаго акта. 11-го іюня совѣтъ имѣлъ сужденіе относительно времени предстоящихъ экзаменовъ; постановлено гимназическіе экзамены произвести съ 14-го по 21-ое, университетскіе—съ 22-го по 27-ое іюня. Экзамены предположено было сдѣлать публичными, вслѣдствіе чего о времени ихъ сообщено было мѣстной полиціи, для надлежащаго оповѣщенія о томъ по городу. Расположеніе университетскихъ экзаменовъ было, впрочемъ, измѣнено: въ виду воспослѣдовавшаго предложенія попечителя округа объ измѣненіи продолжительности вакаціоннаго времени, они были перенесены на срокъ съ 3-го по 8-ое іюля.

Окончаніе учебнаго года повлекло за собою и нѣкоторыя измѣненія въ составѣ студентовъ. Изъ воспитанниковъ гимназіи шестеро отличнѣйшихъ, уже слушавшихъ профессорскія подготовительныя лекціи, были произведены въ „студентское званіе“, съ награжденіемъ ихъ шпагами *; девять воспитанниковъ, выказавшихъ хорошіе успѣхи на лѣтнихъ экзаменахъ 1806 года, постановлено подвергнуть, для зачисленія въ студенты, еще особому, дополнительному, испытанію въ совѣтѣ: изъ числа ихъ восемь человѣкъ были зачислены въ студенты лишь въ началѣ 1807 года **. Давая свое согласіе на производство первыхъ шести воспитанниковъ въ студенты, попечитель писалъ въ совѣтъ, что онъ съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ дѣлаетъ это, что „онъ относитъ столь ощутительные успѣхи къ особливому содѣйствію г.г. профессоровъ и адъюнктовъ, ревностью своею и усердіемъ дѣлающихъ честь мѣсту и своему званію“. Къ 1-му

* Зыковъ Петръ, Балясниковъ Алексѣй, Марковъ Николай, Трофимовъ Никита, Клепининъ Николай, Дмитріевъ Александръ.

** Григоровичъ Николай, Кручининъ Семенъ, Лобачевскій Николай, Овчинниковъ Дмитрій, Пономаревъ Иванъ, Поповъ Иванъ, Сычуговъ Сергѣй, Юнаковъ Михаилъ. Позднее зачисленіе этихъ воспитанниковъ въ студенты было мотивировано недостаточнымъ еще знакомствомъ ихъ съ языками, въ особенности латинскимъ.

января 1807 года общее число студентовъ равнялось 52-мъ, въ томъ числѣ казенныхъ—44, своекоштныхъ—8 человѣкъ [109].

4-го іюля совѣтъ обсуждалъ вопросъ о днѣ и программѣ предстоящаго торжественнаго годичнаго собранія. Яковкинъ сообщилъ при этомъ, что попечитель округа въ прошедшемъ году „изволилъ изъявить начальственное свое одобреніе и благодарность“ по поводу публичнаго собранія того года, почему, заключилъ директоръ—„предварительно предполагать можно, что благоугодно будетъ его превосходительству, ежели совѣтъ и наступающее публичное собраніе расположитъ сколько возможно сообразнѣе съ прошлогоднимъ“. Яковкину, великому любителю всякаго рода показныхъ торжествъ, сильно хотѣлось и на этотъ разъ обставить актъ возможно бóльшею помпою, сдѣлавъ его, по примѣру прошлаго года, не только гимназическимъ, но и университетскимъ. Его предположенія, хотя и подкрѣпленныя ссылкою на авторитетъ попечительскаго одобренія, въ совѣтѣ сочувствія не встрѣтили: было опредѣлено обыкновенное публичное гимназическое собраніе назначить на 10-е іюля, университетскую же часть торжества ограничить простымъ объявленіемъ въ совѣтѣ о вновь удостоенныхъ студенческаго званія, предоставивъ инспектору студентовъ, т. е. Яковкину, облеченному этимъ званіемъ еще 8-го февраля того же года, произнести приличную случаю краткую рѣчь. Хотя Яковкинъ и остался по этому вопросу при особомъ мнѣніи, но постановленіе совѣта оказалось какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ въ томъ же засѣданіи заслушано было предложеніе попечителя, въ силу котораго всѣ издержки по устройству публичнаго собранія не должны были превосходить сумму 150-ти рублей; директору удалось настоять лишь на томъ, что бы шпаги шестерымъ юношамъ, произведеннымъ въ студенты, были розданы на публичномъ актѣ гимназіи, что, какъ это усматривается изъ годового отчета за 1806 годъ, и было исполнено.

Гимназическій актъ 10-го іюля 1806 года происходилъ самымъ скромнымъ образомъ, ознаменовавшись лишь присутствіемъ на немъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника сенатора И. О. Селифонтова, находившагося въ Казани проѣздомъ изъ Сибири, и другихъ почетныхъ городскихъ гостей. Актъ открылся симфоніею, послѣ которой произнесли рѣчи: учитель Ибрагимовъ—„О пользѣ и преимуществахъ публичнаго воспитанія передъ частнымъ“, учитель Кизюкинъ—„О пользѣ и необходимости латинскаго языка“. Затѣмъ розданы воспитанникамъ похвальные листы и книги, а лучшіе изъ учениковъ говорили краткія рѣчи на разныхъ языкахъ. Актъ закончился объявленіемъ о наступающемъ вакаціонномъ времени. Донося попечителю

объ этомъ актѣ, Яковкинъ писалъ, что „на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ живо изображалось благоговѣніе ко всеавгустѣйшему виновнику и распространителю просвѣщенія отечественнаго, приготовляющаго образуемое юношество быть достойнымъ, со временемъ, на службу общественную“.

Если въ 1806 году и не происходило собственно университетскаго публичнаго акта, за то въ этомъ году, скромно и чисто домашнимъ образомъ, чествована была первая годовщина 14-го февраля—приснопамятнаго дня открытія университета. Это празднество, устроенное Яковкинымъ, заключалось въ концертѣ, происходившемъ въ залѣ собраній, на который были приглашены только чиновники университета и гимназіи, потчиванные затѣмъ чаемъ и „не столь дорогими закусками“. Идея директора понравилась Румовскому и онъ задумалъ устроить такое же празднество и въ слѣдующемъ 1807 году, сдѣлавъ его уже публичнымъ и торжественнымъ. Не прочь былъ бы, повидимому, попечитель соединить это празднество и съ торжествомъ полнаго открытія университета на основаніи устава 1804 года: „Хотя я и не надѣюсь,—писалъ онъ Яковкину еще 5-го апрѣля,—что бъ къ будущему февралю можно было сдѣлать формальное открытіе университета, однако желалъ бы, что бы сдѣлано было публичное собраніе, въ которомъ бы читаны были двѣ рѣчи, одна на россійскомъ, а другая на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, изъявляющія благодареніе виновнику сего учрежденія; ежели совѣтъ согласится, то я прошу рѣчи сочинить заблаговременно и разсмотрѣть въ общемъ собраніи“.

Желаніе попечителя доложено было Яковкинымъ совѣту въ засѣданіи 5-го іюля, но совѣтъ отложилъ сужденіе по этому дѣлу до конца вакаціоннаго времени, когда (20-го октября) готовность произнести на актѣ 14-го февраля рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ изъявилъ проф. Германъ, русскую же рѣчь опредѣлено поручить вновь назначенному адъюнкту русской словесности Городчанинову, прибытіе котораго въ Казань уже ожидалось въ то время. Обѣ рѣчи были своевременно изготовлены, но этому празднованію второй годовщины открытія университета не было суждено, какъ ниже увидимъ, осуществиться: попечитель отмѣнилъ его предложеніемъ отъ 10-го марта 1807 года, сославшись на „перемѣнившіяся обстоятельства“ [110].

Мы увидимъ, впрочемъ, что съ наступленіемъ новаго 1806—1807 учебнаго года университетскому любителю всякихъ празднествъ и торжествъ, Яковкину—было уже не до казовой стороны жизни университета: вся вторая половина 1806 года явилась для него временемъ неумолимой борьбы съ совѣтскою „крамолою“, снова и съ удвоенною силою поднявшею свою голову.

Первая половина 1806 года ознаменовалась, какъ мы это знаемъ, вполнѣ тихимъ и мирнымъ настроеніемъ совѣта, въ значительной степени обусловленнымъ, конечно, энергичнымъ отпоромъ, встрѣченнымъ Карташевскимъ, Германомъ и ихъ партіею со стороны попечителя Румовскаго. Совѣтскія страсти снова вспыхиваютъ лѣтомъ 1806 года, въ связи съ вступленіемъ въ составъ совѣта новаго сочлена, профессора Каменскаго, который, прибывъ въ Казань, уже очень скоро раскрылъ свои карты и сталъ самымъ рѣшительнымъ образомъ во главѣ оппозиціонной Яковкину партіи, въ тѣсномъ союзѣ съ прежними вожаками оппозиціи—Цеплиномъ, Германомъ и Карташевскимъ.

Аттаку противъ директора Каменскій повелъ, прежде всего, въ конторѣ гимназіи, членомъ которой отъ университета онъ былъ назначенъ въ концѣ іюня 1806 года, по представленію самого же Яковкина, думавшаго, быть можетъ, склонить на свою сторону новаго профессора перспективою казенной квартиры, связанной съ этимъ званіемъ: „Не благоугодно ли будетъ,—писалъ онъ попечителю,—назначить ему и казенную квартиру съ дровами, чѣмъ, надѣюсь, будетъ онъ особенно доволенъ по причинѣ трудности пріисканія здѣсь квартиръ".

Оказалось очень скоро, что предусмотрительный директоръ на этотъ разъ „самъ себѣ навязалъ камень на шею"—какъ уже мѣсяцъ спустя жаловался онъ Румовскому. Каменскій явился въ конторскихъ дѣлахъ неумолимымъ антагонистомъ директора: отказывался подписывать нѣкоторыя журнальныя постановленія о расходахъ, уклонялся отъ подачи голоса по отдѣльнымъ хозяйственнымъ вопросамъ—словомъ, занялъ здѣсь далеко не подчиненно-пассивное положеніе, на какое разсчитывалъ, повидимому, Яковкинъ. Посыпались съ обѣихъ сторонъ жалобы Румовскому. Каменскій, оговорившись въ томъ, что „долженъ писать противу такого человѣка, который пользуется совершенною довѣренностью" его, попечителя, не жалѣетъ красокъ, что бы обрисовать нравственный обликъ Яковкина съ самой непривлекательной стороны: ссылается на „приватную жизнь" директора, которую „многіе знаютъ въ городѣ, хотя онъ настолько остороженъ, что не выводитъ себя въ общество", дѣлаетъ намекъ на продажу имъ въ казну, за шесть тысячъ рублей, дома, за который передъ тѣмъ не давали и $4^1/_2$ тысячъ и т. п. „Подъ прекраснѣйшею наружностью скрываются такія свойства, которыя ни мало ей не отвѣчаютъ,—отзывался Каменскій о своемъ противникѣ въ письмѣ къ попечителю.—Извините, ваше превосходительство: быть не можетъ, что бы это не было для васъ огорчительно читать, но смѣю васъ увѣрить, что придетъ время, когда сія истина,

можетъ быть, разительно отдастся въ чувствительномъ и невинномъ вашемъ сердцѣ. Въ продолженіи времени находилъ я, что почти всегда въ вѣрномъ контрастѣ были тѣ хороши, коихъ онъ (т. е. Яковкинъ) худо описывалъ; напротивъ того, нѣкоторые изъ самыхъ худыхъ были имъ покровительствуемы"....

Борьба съ директоромъ оказалась для Каменскаго, однако, неравною. 30-го августа Румовскій предписалъ объявить Каменскому, что онъ увольняетъ его отъ званія члена конторы, снисходя къ его письменному заявленію о томъ, что это званіе дѣлаетъ его „мученикомъ своей должности", что, принимая это званіе, онъ „не предвидѣлъ и сотой доли огорченій, которыя встрѣтили его въ конторѣ" и т. п. Увольняя Каменскаго, попечитель иронизируетъ на ту тему, что онъ дѣлаетъ это въ видахъ его же собственнаго спокойствія—„толь нужнаго по главной его должности, т. е. по должности профессора" [111].

Такъ кончилась борьба Каменскаго съ Яковкинымъ по конторѣ. Но въ это время уже была въ полномъ разгарѣ генеральная битва, начатая противъ директора въ совѣтѣ и въ которой положеніе одного изъ передовыхъ бойцовъ выпало на долю того же профессора Каменскаго.

Какъ годъ тому назадъ совѣтская кампанія противъ Яковкина была поведена изъ за повода совершенно частнаго характера—изъ за жалобы бухгалтера Ахматова на почвѣ кляузнаго столкновенія его съ директоромъ, такъ и на этотъ разъ совѣтская оппозиція воспользовалась поводомъ, изъ за котораго, при наличности другихъ отношеній между совѣтомъ и директоромъ, едва ли бы возникло шумное дѣло, взбудоражившее собою и совѣтъ, и высшія сферы министерства, и городское общественное мнѣніе. Такимъ поводомъ послужило увольненіе Яковкинымъ отъ должности главнаго надзирателя гимназіи, давшее матеріалъ для обширнаго архивнаго дѣла, извѣстнаго подъ названіемъ дѣла объ увольненіи Пухинскаго.

Яковкинъ уже съ самого начала службы главнаго надзирателя гимназіи Пухинскаго сталъ относиться къ нему недоброжелательно, такъ какъ онъ былъ назначенъ, въ началѣ 1805 года, на эту должность самимъ попечителемъ, въ обходъ другого кандидата, казанскаго помѣщика Чемодурова, котораго поддерживалъ Яковкинъ. Въ ночь на 29 іюня 1806 года въ кухнѣ казенной квартиры главнаго надзирателя разыгрался скандалъ, послужившій поводомъ къ открытому негодованію директора: корридоры гимназическаго зданія огласились необычайнымъ шумомъ и криками „караулъ", на которые сбѣжались служащіе гимназіи, съ самимъ Яковкинымъ во гла-

вѣ, прибѣжавшимъ на гвалтъ, въ чемъ застала его ночная пора—въ халатѣ и съ повязанною головою. Оказалось, что разыгралась крупная ссора между Пухинскимъ и его служанкою, къ которой онъ, требуя себѣ, по его словамъ, кваса, ворвался въ запертую кухню, со взломомъ вставленной въ дверь рамы. Служанка жаловалась на буйство и побои хозяина; хозяинъ, оказавшійся совершенно раздѣтымъ, обвинялъ служанку въ ослушаніи и наглостяхъ, сопровождаемыхъ „угрозами самыхъ похабныхъ мѣстъ (?)". На слѣдующій день директоръ предложилъ Пухинскому подать прошеніе объ увольненіи, а такъ какъ тотъ въ трехдневный срокъ этого не сдѣлалъ, 2-го іюля объявилъ его, въ присутствіи конторы, отрѣшеннымъ отъ должности, о чемъ тотчасъ же донесъ рапортомъ попечителю и сообщилъ предложеніемъ совѣту: „По обнаружившимся законнымъ причинамъ, о коихъ съ нынѣшнею же почтою донесено отъ меня господину попечителю,—говорилось въ предложеніи совѣту,—обязанностью моею почелъ я отдалить коллежскаго асессора Пухинскаго отъ должности главнаго надзирателя и препоручить ее комнатному надзирателю Попову, подъ особеннымъ моимъ присмотромъ".

Такова была довольно таки сѣренькая подкладка этого, въ скоромъ будущемъ громкаго, дѣла, недалеко ушедшая отъ такой же неприглядной подкладки и прошлогодняго ахматовскаго дѣла. Ясно, что важною представлялась въ обоихъ случаяхъ не самая суть дѣла, но возможность найти болѣе или менѣе подходящій стимулъ для борьбы съ ненавистнымъ профессоромъ-директоромъ.

Предложеніе Яковкина объ увольненіи Пухинскаго было заслушано совѣтомъ въ засѣданіи 3-го іюля. Постановленіе совѣта по этому поводу оказалось настолько неожиданнымъ, что его сочли возможнымъ занести въ протоколъ засѣданія не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ, изложивъ въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ:

1. Suspensio usque ad causae cognitionem confirmata est.
2. Domin. prof. Jacowkin dabit concilio causas suspensionis.
3. Concilium, cognita causa, repraesentabit domino curatori rem ad decidendum *.

---

* То есть: 1) Увольненіе послѣдовало раньше выясненія обстоятельствъ дѣла. 2) Г. профессоръ Яковкинъ представитъ совѣту причины увольненія. 3) Совѣтъ, познакомившись съ обстоятельствами дѣла, представитъ его на усмотрѣніе г. попечителя.

Это постановленіе, какъ несомнѣннымъ образомъ усматривается изъ подлиннаго протокола (см. Сов. 1806, № 28, I, л. 52 об.), вписано цѣликомъ рукою проф. Германа.

Три дня спустя, въ засѣданіи совѣта 7-го іюля, заслушано было предложеніе Яковкина, въ которомъ онъ категорически заявлялъ совѣту, что не можетъ удовлетворить постановленіе 3-го числа и объяснить причины увольненія Пухинскаго „безъ особеннаго предписанія г. попечителя, къ которому и не премину представить о семъ дѣлѣ". Это предложеніе директора было, въ сущности, принятіемъ вызова на дальнѣйшую борьбу и въ томъ же засѣданіи совѣта было заслушано слѣдующее смѣлое письменное мнѣніе проф. Каменскаго, которое мы и считаемъ существеннымъ привести въ его полномъ видѣ:

„Послѣдняя бумага г. профессора Яковкина заключаетъ въ себѣ отказъ выполнить опредѣленіе совѣта. Онъ самъ былъ согласенъ на оное, самъ сознаалъ, что когда совѣтъ опредѣляетъ чиновниковъ гимназіи къ своимъ мѣстамъ, то онъ же долженъ быть извѣстенъ о причинахъ отрѣшенія, или удаленія, или замѣщенія ихъ другими, и онъ же, обслѣдовавъ причины, долженъ сдѣлать свое представленіе о томъ г. попечителю.

Закону надобно имѣть общее дѣйствіе. Либо должно исполнять всѣ опредѣленія совѣта всѣмъ, до кого они принадлежатъ, либо никакого, и, въ семъ послѣднемъ случаѣ: почто совѣту существовать? Мое мнѣніе—представить о семъ дѣлѣ на разсмотрѣніе его превосходительства.

Но какъ, по зрѣломъ разсужденіи, можно предвидѣть, что сіе дѣло коснется основаній, на которыхъ стоитъ нынѣ существующій совѣтъ, то не угодно ли будетъ поставить въ виду у его превосходительства слѣдующее:

Его сіятельство министръ народнаго просвѣщенія, по представленію г. попечителя, предписалъ, что бъ, до совершеннаго открытія и образованія университета, гимназія управлялась собственнымъ ея положеніемъ. И такъ, ежели настоящій совѣтъ, за его имя „совѣта гимназіи", подводится подъ тоже положеніе, то всѣ профессоры и адъюнкты, не имѣющіе должностей при гимназіи, занимаютъ въ совѣтѣ не свои мѣста и должны ихъ уступить тѣмъ учителямъ, которые назначены его членами въ § 11-мъ положенія о гимназіи 1798 года. Такому совѣту нельзя основываться на правилахъ университетскаго совѣта, къ которымъ, однакоже, мы прибѣгаемъ: ибо они написаны въ отличныхъ видахъ и началахъ.

Если же его превосходительству угодно, что бы всѣ профессоры и адъюнкты составляли совѣтъ (я говорю условно, ибо не нашелъ во всѣхъ актахъ предписанія на это) и разсуждали бы о предметахъ, до университета касающихся и о важнѣйшихъ токмо дѣлахъ гимназіи, то, кажется, будетъ справедливо присвоить сему совѣту правила, въ уставѣ университетскомъ предписанныя, исключивъ изъ нихъ, какіе

покажутся его превосходительству для настоящаго времени ненужными или неудобоисполнимыми. Члены и предсѣдатель узнаютъ свои отношенія и будутъ имѣть вѣрную стезю, отъ которой трудно будетъ уклониться; противорѣчія, споры—не найдутъ мѣста, равно какъ досады и оскорбленія, которыхъ примѣръ могу здѣсь надъ собой представить: по окончаніи разсужденія о дѣлѣ г. Пухинскаго, въ которомъ я предложилъ какое то мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ г. профессора Яковкина, на другой день онъ далъ мнѣ прочитать предписаніе его превосходительства 1805 года подъ № 180-мъ *, прибавивъ, что и мнѣ того же должно опасаться. Какое жъ было удивленіе мое, когда я долженъ былъ, къ оскорбленію моему, понять, что за самое невинное возраженіе меня уже стращали гнѣвомъ его превосходительства, столь сильно выраженнымъ, и implicite называли неповинующимся закону? Г. профессоръ Яковкинъ навѣрное не позволилъ бы себѣ такого поступка со мною, если бы не могъ сбивчиво представлять нашего отношенія съ нимъ: по крайней мѣрѣ я такъ думаю, имѣвъ счастье служить въ непосредственномъ вѣдѣніи высшихъ начальниковъ.

Заключу, повторяя мое мнѣніе, что бы, не разсуждая далѣе о слушанномъ теперь дѣлѣ, представить на разрѣшеніе его превосходительства, поставивъ въ виду, въ какомъ положеніи находится совѣтъ.

Наконецъ, долгомъ моимъ поставляю донести совѣту, что, находясь въ состояніи, свойственномъ огорченному человѣку, я старался соблюсти всевозможнѣйшую скромность въ семъ выраженіи моего мнѣнія".

Отдѣльное мнѣніе Каменскаго вызвало въ совѣтѣ продолжительные дебаты, которыми были установлены слѣдующія аномальныя черты существующаго строя жизни университета, въ его соединеніи съ гимназіею: а) По существующему и высочайше утвержденному положенію о гимназіи, послѣдняя должна управляться совѣтомъ, составляющимся изъ директора съ пятью или шестью учителями высшихъ классовъ и главнымъ надзирателемъ, вопреки чему совѣтъ этотъ образуютъ нынѣ семь профессоровъ и пять адъюнктовъ; б) Предписанія высшаго начальства слѣдовать то положенію о гимназіи, то сообразовываться съ уставомъ университета—вносятъ въ дѣятельность совѣта неопредѣлительность, законами не допускаемую; в) Противорѣчія и недоразумѣнія будутъ неизбѣжными, какъ показалъ это опытъ, даже и въ томъ случаѣ, если совѣтъ будетъ руководствоваться въ своей дѣятельности только однимъ положеніемъ о гимназіи. Принявъ во вниманіе всѣ эти соображенія, совѣтъ пришелъ къ слѣдую-

* Рѣчь идетъ объ отповѣди попечителя совѣту по ахматовскому дѣлу, въ которой Румовскій грозилъ совѣтскимъ протестантамъ «отнестись туда, куда слѣдуетъ о неповинующихся закону».

щему опредѣленію: „Просить его превосходительство г. попечителя, именемъ всѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ, что бы онъ благоволилъ вывести совѣтъ изъ неопредѣлительнаго положенія, въ какомъ онъ теперь находится, освободивъ его отъ текущихъ дѣлъ гимназическихъ, яко ввѣренныхъ особому управленію". Вопросъ о компетенціи совѣта ставился, слѣдовательно, на ту же самую щекотливую почву, на которую онъ былъ поставленъ Карташевскимъ въ іюлѣ минувшаго года. Что касается собственно дѣла Пухинскаго,—теперь отошедшаго уже на второй планъ,—то было опредѣлено передать его, со всѣми относящимися къ нему бумагами, на благоусмотрѣніе попечителя.

Любопытнѣе всего, что подъ этимъ единогласнымъ опредѣленіемъ совѣта подписался и Яковкинъ. Впрочемъ, директоръ самъ же даетъ поясненіе причины, заставившей его это сдѣлать, въ письмѣ къ попечителю, посланномъ одновременно съ меморіею, заключавшею въ себѣ это опредѣленіе: онъ сдѣлалъ это, по его словамъ, въ видахъ того—„дабы не вооружить противъ себя злобу еще болѣе и возстановить, сколько возможно, спокойствіе до полученія начальственнаго разрѣшенія". Директоръ прекрасно зналъ, чѣмъ кончится вся эта совѣтская кампанія, а потому и могъ смѣло рѣшиться, хотя и съ необходимою оговоркою, на этотъ чисто іезуитскій шагъ. Зная это, Яковкинъ пошелъ еще далѣе того: въ томъ же письмѣ къ попечителю онъ какъ бы принимаетъ даже сторону совѣтскаго опредѣленія и, ссылаясь на „безпрерывное себѣ противодѣйствіе со стороны членовъ совѣта тамъ, гдѣ только дѣло касалось чего либо университетскаго", и жалуясь на „самые жестокіе удары, противу коихъ устоять потребна чрезвычайная твердость", онъ завершаетъ свою іереміаду слѣдующимъ предложеніемъ: „Для прекращенія обнаружившагося крайняго зла сего, не благоугодно ли будетъ предписать учредить собственный гимназіи совѣтъ и чрезъ то совершенно отдѣлить гимназическія дѣла отъ университетскихъ, давъ какое прилично названіе собранію членовъ университетскихъ и предоставя ему дѣла собственно университетскія; да и экономической части университетской отъ конторы гимназіи отдѣленіе доставило бы вашему превосходительству болѣе спокойствія, а здѣшнему управленію тишины, потому что пустыя ученыя пренія (намекъ на того же Каменскаго) начинаютъ обнаруживаться и по конторѣ". Расписавъ попечителю всѣ претерпѣваемыя имъ злоключенія, Яковкинъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „Послѣ всѣхъ таковыхъ козней и злоухищреній, мнѣ остается только возопить со псалмопѣвцемъ: Господи, изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему!" (письмо отъ 6-го ноября).

Не терялъ времени и профессоръ Каменскій, также обратившійся къ Румовскому съ частнымъ письмомъ уже на третій день (10-го іюля) послѣ только что описаннаго нами совѣтскаго засѣданія и предвидѣвшій, конечно, что Яковкинъ будетъ, съ своей стороны, конфиденціально писать попечителю. Необходимо было, такимъ образомъ, своевременно парализовать доводы директора:

„Въ полученной меморіи ваше превосходительство найдете представленіе мое въ совѣтъ,—пишетъ попечителю Каменскій, намекая на поданное имъ отдѣльное мнѣніе.—Справедливость водила перомъ моимъ. Оно было единогласно принято въ протоколъ и на основаніи онаго сдѣлано постановленіе.

До сихъ поръ я не бралъ почти никакого участія въ дѣлахъ, ибо поставляю правиломъ не дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются обстоятельства мнѣ извѣстными: надобно было узнавать положеніе всего заведенія, ходъ дѣлъ и характеръ лицъ, вліяніе имѣющихъ.

Сожалѣю, что я вынужденъ былъ начать самымъ непріязненнымъ; сожалѣю, что долженъ писать противъ такого человѣка, который пользуется (вашею) совершенною довѣренностью. Долго колебался—но мѣра исполнилась: дерзость и личность вывели всѣхъ изъ терпѣнія; все вызвало меня, что бы для пользы общей и чести начальника отважиться на самый гнѣвъ его, если бы это было возможно.

Съ самаго пріѣзда въ Казань я старался имѣть связь съ такимъ человѣкомъ, который столь выгодно обратилъ на себя вниманіе своего начальника. Я былъ хорошо имъ принятъ сначала; имѣя нѣкоторую его довѣренность, старался узнать чрезъ него людей, между тѣмъ наблюдая его самого,—и скоро началось открываться, что подъ прекраснѣйшею наружностью скрывались такія свойства, которыя ей ни мало не отвѣчали".

Описавъ далѣе рядъ фактовъ, убѣдившихъ его въ отрицательныхъ „свойствахъ" директора, Каменскій характеризуетъ положеніе совѣта и отношеній къ нему Яковкина:

„Совѣтъ, смотря съ сожалѣніемъ на всѣ сіи безпорядки, почиталъ, однакожъ, за лучшее уступать обстоятельствамъ времени, что бы безъ пользы не дѣлать шуму. Двѣнадцать членовъ, бывъ собираемы для выслушанія иногда однихъ рапортовъ дежурнаго офицера, надзирателей и другихъ, по большей части маловажныхъ, дѣлъ, берутъ въ рѣшеніи ихъ участіе по одной наружности; нѣкоторыхъ же предложенія бываютъ или отведены отсрочками за мнимымъ недосугомъ, или отражены тѣмъ, что касаются до одного директора гимназіи, или сдѣланы по другой дорогѣ, миновавъ совѣтъ. Между тѣмъ неудовольствія членовъ возростаютъ, грубости чувствуются всѣми, тоны какого то неограни-

чѐннаго ректорства (sic) становятся оскорбительны. Человѣкъ съ обыкновенными способностями, не видавшій организма университетовъ, отставшій отъ книгъ—имѣетъ, однакожъ, столько дерзости, что бы говорить: „Я того и того могу сдѣлать счастливымъ или несчастливымъ", „моя мысль есть мысль попечителя"....

Въ заключеніе долженъ сказать, что могу принять самую присягу въ томъ, что во всемъ семъ письмѣ нѣтъ черты, отъ себя выдуманной или увеличенной, и еще разъ повторю, что польза общая и честь моего начальника были единымъ побужденіемъ, что бы открыть человѣка, въ которомъ я самъ сначала не могъ не обмануться".

Румовскій не преминулъ дать отвѣты обоимъ своимъ казанскимъ корреспондентамъ.

Яковкину попечитель писалъ отъ 23-го іюля, что извѣстіе относительно положенія казанскихъ дѣлъ „произвели въ немъ великое огорченіе" и требуетъ отъ него указанія имени лица, волнующаго совѣтъ: „Я догадываюсь,—пишетъ онъ,—кто наипаче возбуждаетъ совѣтъ къ подобнымъ начинаніямъ; должность моя и обстоятельства требуютъ знать мнѣ сего человѣка, и для того прошу васъ объ имени его меня увѣдомить". Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель выражаетъ директору чувства своего соболѣзнованія: „Я жалѣю о вашемъ положеніи, но, увѣренъ будучи объ усердіи вашемъ къ пользѣ общества, прошу не ослабѣвать и мужаться противъ людей, коихъ ухищренія вредить вамъ не сильны, а причиняютъ только безпокойствіе".

Что касается предположеній Яковкина относительно выдѣленія, въ интересахъ „прекращенія обнаружившагося зла", дѣлъ университетскихъ изъ общаго круга гимназическихъ дѣлъ, то попечитель не усматриваетъ въ настоящее время никакой къ тому возможности: „Такой совѣтъ,—аргументируетъ онъ,—каковъ нынѣ существуетъ, не самъ собою я учредилъ, но по согласію министра и главнаго училищъ правленія, слѣдовательно—я самъ собою и отмѣнить его не могу". Румовскій видитъ неустранимое къ этому препятствіе въ томъ, что „гимназія и университетъ, торжественно не открытый, въ одномъ и томъ же домѣ помѣщаются". Попечитель предлагаетъ, тѣмъ не менѣе, Яковкину сообщить ему свои мысли въ томъ случаѣ, если у него имѣются на этотъ предметъ тѣ или иныя предположенія.

Переходя къ вопросу о состоявшемся въ совѣтѣ опредѣленіи, Румовскій излагаетъ замышленный имъ чисто макіавелевскій планъ дѣйствій:

„На представленіе совѣта не буду я спѣшить отвѣтомъ,—пишетъ Румовскій,—а намѣренъ вотъ что сдѣлать: препоручить совѣту, что

бы представилъ мнѣ свои мысли, какимъ образомъ выведенъ онъ быть можетъ изъ неопредѣлительнаго, по его мнѣнію, положенія и отъ какихъ именно текущихъ гимназическихъ дѣлъ освобожденъ онъ быть желаетъ. Когда они о семъ судить станутъ — не мѣшайтесь въ ихъ разсужденія, дайте волю писать, что заблагоразсудится, но отъ подписи журнала уклонитесь, ссылаясь на мое предложеніе, которымъ совѣтъ учрежденъ при положеніи основанія университету. Когда совѣтъ обнаружитъ свои мысли, кои совершенно будутъ пахнуть безначаліемъ, тогда я съ моими объясненіями представлю ихъ министру просвѣщенія и главному училищъ правленію. Тогда подлинная записка, въ тайнѣ къ вамъ присланная, возымѣетъ свое дѣйствіе. Вы видите, что планъ мною обдуманный есть такого рода, что необходимо нужно мнѣ знать имена главныхъ зачинщиковъ, и не прежде буду совѣту отвѣтствовать, какъ когда узнаю объ немъ ваши мысли".

Румовскій замышлялъ, такимъ образомъ, поставить членамъ совѣта ловушку, въ разсчетѣ, что они сами пойдутъ въ нее. Планъ былъ обдуманъ довольно коварно, но память и доброе имя престарѣлаго попечителя были спасены: этотъ планъ не былъ имъ приведенъ въ исполненіе.

7-го августа Румовскій далъ отвѣтъ и Каменскому, въ которомъ въ совершенно учтивой формѣ возражаетъ противъ его разсужденій, сообщенныхъ ему, — какъ выразился попечитель, — „дружескимъ образомъ", почему онъ и отплачиваетъ ему откровенностью за откровенность. „Большая часть вашихъ обвиненій представлены въ общемъ видѣ, не именуя ни дѣяній, ни лицъ, до кого касаются"—пишетъ Румовскій, и на этой почвѣ опровергаетъ всѣ доводы Каменскаго, горячо отстаивая своего любимца, Яковкина: „Вы судите о директорѣ, называя его человѣкомъ съ обыкновенными способностями, не видавшимъ организма университетовъ и отставшимъ отъ книгъ,—упрекаетъ его попечитель.—Не говоря о томъ, приличенъ ли сей вашъ судъ, не думаете ли вы, чтобъ начальникъ имѣлъ слабость повѣрить, ежели бы кому нибудь на умъ пришло дать объ васъ подобный аттестатъ?"......

Изложенный имъ въ письмѣ къ Яковкину планъ Румовскій выполнилъ только въ той его части, въ которой выражалъ свое намѣреніе не спѣшить отвѣтомъ совѣту на его опредѣленіе отъ 3-го іюля. Совѣтъ тщетно ждалъ отъ попечителя отвѣта, взамѣнъ котораго въ началѣ августа получено было конторою гимназіи предложеніе попечителя отъ 19-го іюля, которымъ Румовскій утверждалъ увольненіе Пухинскаго и предписывалъ конторѣ снестись съ совѣтомъ относительно избранія имъ, совмѣстно съ директоромъ, новаго главнаго надзирателя. Контора сообщила попечи-

тельское предложеніе совѣту особымъ „вѣдѣніемъ“ (отношеніемъ), которое и слушалось совѣтомъ въ засѣданіи 8-го августа. Но совѣтъ продолжалъ пребывать въ томъ же оппозиціонномъ настроеніи и постановилъ слѣдующее демонстративное опредѣленіе: „Сужденіе о семъ предметѣ отложить до того времени, какъ получено будетъ предписаніе отъ его превосходительства г. попечителя на первую статью опредѣленія, постановленнаго 7-го іюля, тѣмъ болѣе, что совѣтъ не имѣетъ теперь въ виду никого изъ кандидатовъ“.

Возбуждался, такимъ образомъ, снова вопросъ о выведеніи совѣта изъ его „неопредѣлительнаго“ положенія, къ которому на этотъ разъ присоединялся и прямой отказъ выполнить предписаніе попечителя. Яковкинъ, не подписавъ протокола, остался при отдѣльномъ мнѣніи слѣдующаго содержанія: „Полагаю, что оное предписаніе должно быть исполнено безусловно, когда компетенты (sic) на оную должность являться будутъ“. Къ этому отдѣльному мнѣнію присоединились профессоръ Фуксъ и адъюнкты Эвестъ и Левицкій; безусловно подписались подъ протоколомъ профессоры Цеплинъ, Германъ, Сторль, Каменскій и адъюнкты Карташевскій и Запольскій.

Не выдержалъ на этотъ разъ старикъ Румовскій возложеннаго имъ на себя временнаго обѣта молчанія и 30-го августа разразился двумя предложеніями совѣту, которые 11-го сентября и были получены въ Казани.

Первое предложеніе непосредственно касалось жалобъ совѣта на свое „неопредѣлительное“ положеніе и, въ частности, отдѣльнаго мнѣнія Каменскаго:

„Мнѣніе г. профессора Каменскаго, іюля 7-го дня читанное, долгомъ поставлю я, по рѣдкости его, представить въ свое время на разсмотрѣніе высшаго начальства,—грозитъ попечитель.—Совѣтъ, убѣжденъ будучи онымъ, желаетъ, что бы я вывелъ его изъ неопредѣлительнаго положенія, въ какомъ теперь находится, освободивъ его отъ текущихъ дѣлъ гимназическихъ, яко ввѣренныхъ особенному управленію. На сіе даю знать совѣту, что, по неоткрытію университета и малому еще числу профессоровъ, часть совѣта не можетъ составить цѣлаго“.

Румовскій ссылается, при этомъ, на свое представленіе министру и главному правленію училищъ, утвержденному еще 23-го января 1805 года, которымъ введена нынѣ существующая организація совѣта и, въ подтвержденіе своей ссылки, прилагаетъ копію съ выписки изъ журнала главнаго правленія отъ 12-го января 1805 года. Предложеніе заканчивается требованіемъ со стороны совѣта „безпрекословнаго по сему исполненія“.

Второе предложеніе попечителя являлось далеко не тактичнымъ, будучи, съ одной стороны—мало понятною прицѣпкою къ словамъ, съ другой же стороны — раскрывая путь новымъ совѣтскимъ толкамъ и игрѣ страстей. Мы подчеркнули въ послѣднемъ опредѣленіи совѣта слова: „о семъ предметѣ". Вотъ эти то злосчастныя три слова и вызвали подозрительное недоумѣніе Румовскаго: „Предлагаю совѣту, — требуетъ онъ,— что бъ объяснилъ мнѣ, что гг. профессоры и адъюнкты, утвердившіе своимъ подписаніемъ опредѣленіе, разумѣли подъ словами: о семъ предметѣ? Увольненіе ли г. Пухинскаго или пріисканіе на мѣсто его достойнаго человѣка?"

Попечительскія предложенія были заслушаны совѣтомъ 13-го сентября, но сужденіе по нимъ было совѣтомъ отложено до слѣдующаго засѣданія, въ виду мотива, изложеннаго въ слѣдующемъ опредѣленіи: „Поелику нѣкоторые изъ членовъ совѣта не знаютъ россійскаго языка, то сужденіе о сихъ предписаніяхъ его превосходительства отложить до будущаго засѣданія, переведши оныя на латинскій языкъ". Яковкинъ подписалъ это опредѣленіе, но съ слѣдующею оговоркою: „Permaneo ad supra dictum praescriptum excellentissimi d-ni curatoris".

Впрочемъ, вопросъ этотъ обсуждался уже не въ оффиціальномъ засѣданіи совѣта, но въ частныхъ собраніяхъ профессоровъ 21-го и 24-го сентября, и дальнѣйшихъ осложненій по этому вопросу не произошло, тѣмъ болѣе, что попечитель призналъ выдачу иностраннымъ профессорамъ латинскихъ копій съ бумагъ—незаконною.

12-го сентября происходило, по настоянію Яковкина, засѣданіе совѣта, исключительно посвященное избранію преемника уволенному Пухинскому. „Компетенты" на эту должность нашлись въ лицѣ бывшаго комнатнаго надзирателя гимназіи Упадышевскаго и мѣстнаго частнаго пристава Пото. Перваго кандидата поддерживалъ директоръ, на имя котораго и подано было имъ прошеніе; второй кандидатъ подалъ прошеніе на имя совѣта. Избраннымъ оказался Пото, какъ человѣкъ получившій образованіе въ штутгардтской академіи, много путешествовавшій и хорошо знающій языки *. Выборъ совѣта пошелъ на утвержденіе попечителя, сопровожденный письмомъ директора, настаивавшаго на утвержденіи его кандидата.

* Павелъ Осиповичъ Пото, учредитель перваго частнаго женскаго пансіона въ Казани, былъ обладателемъ замѣчательной коллекціи золотоордынскихъ монетъ, описанной Фуксомъ, и въ 1827 г. пріобрѣтенной казанскимъ университетомъ за 2 тыс. рублей.

Между тѣмъ Яковкинъ не переставалъ отписывать Румовскому обо всемъ, совершающемся въ Казани, не щадя при этомъ, конечно, членовъ совѣта, составившихъ противъ него, по его собственному выраженію— „комплотъ“. Вся сила извѣтовъ директора обрушивалась на проф. Каменскаго; онъ усматриваетъ въ немъ облюбованнаго совѣтомъ вожака, за которымъ скрывается интрига прежняго совѣтскаго агитатора — Карташевскаго, человѣка, по словамъ Яковкина, „буйнаго“, теперь, послѣ прошлогодняго пораженія, уже „не осмѣливающагося явно себя выказать“ и выдвинувшаго вмѣсто себя Каменскаго. Копается Яковкинъ и въ прошломъ своего противника: „судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, подозрительно мнѣ кажется и прежнее его служеніе въ разсужденіе его нравовъ“—пишетъ онъ попечителю. Однажды, прогуливаясь съ Каменскимъ въ университетскомъ саду, Яковкинъ осуждалъ партіи, существующія въ московскомъ университетѣ, на что Каменскій будто бы началъ возражать, признавая совѣтскія партіи „необходимо нужными для сопротивленія начинаніямъ и намѣреніямъ высшаго начальства, дабы ученыя сословія управлялись сами собою“. Съ другой стороны, Яковкинъ усиленно нахваливалъ Румовскому тѣхъ членовъ совѣта, которые или держали его сторону, или, по крайней мѣрѣ, сохраняли нейтральное положеніе въ совѣтѣ: проф. Сторль, человѣкъ „добродушный“, будто бы въ ужасъ приходитъ отъ самовластныхъ поползновеній совѣта; проф. Фуксъ держитъ себя настолько „безпристрастно“, что „не замедлитъ представить“ на начальственное благоусмотрѣніе мысли свои о состояніи нынѣшняго совѣта; проф. Бюпеманъ „съ благоговѣніемъ вспоминаетъ мудрые совѣты“, данные ему попечителемъ при его отъѣздѣ изъ Петербурга и т. п.

Можно себѣ представить то впечатлѣніе, какое производили всѣ эти негласные извѣты и похвалы на старика-попечителя, всецѣло и безусловно довѣрявшаго своему казанскому фавориту. Отвѣчая Яковкину, Румовскій пишетъ ему, что относительно опредѣленія совѣта отъ 8-го августа онъ „принужденнымъ себя находитъ донести его сіятельству и объяснить обстоятельства, въ которыхъ гимназія и вы находитесь“. При этомъ попечитель поручаетъ директору „засвидѣтельствовать г. профессору Сторлю признательность къ его правотѣ и чистосердечію“, присовокупляя, что весьма полезно было бы, если бы г. Фуксъ съ своей стороны отписалъ что нибудь о состояніи гимназіи и о любоначаліи нѣкоторыхъ членовъ совѣта, открыто вызывая, такимъ образомъ, членовъ совѣта къ доносамъ и извѣтамъ другъ на друга.

Болѣе нежели неосторожный вызовъ Румовскаго со стороны Фукса остался, повидимому, безъ отклика: Фуксъ не пошелъ на тайные извѣты противъ товарищей, образъ дѣйствія которыхъ онъ, быть можетъ, въ душѣ и не одобрялъ. Но за то „чистосердечный“ Сторль не замедлилъ излить передъ попечителемъ всѣ тайники своей покладистой души—„pour donner à son excellence une preuve éclatante de mon zèle pour le bien publique“:

„...Адъюнктъ Запольскій,—докладываетъ Сторль въ своемъ французскомъ письмѣ къ попечителю,—не переставая клялся мнѣ въ томъ, что настоящее положеніе гимназіи настолько отвратительно, что его слѣдуетъ разрушить и возсоздать вновь; въ противномъ случаѣ мы легко можемъ навлечь на себя гнѣвъ нашего августѣйшаго монарха. Я слушалъ его не теряя своего хладнокровія; тѣже разговоры заводили со мною и двое его друзей (приписано сбоку: „это—Цеплинъ и Германъ“). Хотя господа заговорщики (messieurs les ligueures) легко могли убѣдиться на этой неудачѣ въ томъ, какъ трудно застать меня врасплохъ, они не упускали и впослѣдствіе ни одного удобнаго случая къ тому, что бы привлечь меня на свою сторону. Такъ проходило время, въ безпрерывныхъ интригахъ и неурядицахъ, недостойныхъ ученыхъ людей вплоть до пріѣзда профессора Каменскаго, на котораго заговорщики смотрѣли какъ на мессію, посланнаго къ нимъ для того, что бы избавить ихъ отъ ненавистнаго имъ профессора-директора Яковкина. Съ этого момента прекратились глухія интриги, тайныя ковы, и выступили впередъ уже нескрываемыя распри и козни, простирающіяся до степени публичнаго скандала“.

Теперь имена главныхъ „заговорщиковъ“ сдѣлались для Румовскаго несомнѣнными: это—Каменскій, за которымъ укрываются Карташевскій, Цеплинъ, Германъ и Запольскій. Отнынѣ арена борьбы съ „комплотомъ“ переносится въ петербургскія сферы министерства народнаго просвѣщенія; гроза надъ головами мятежныхъ членовъ совѣта уже собирается, и Яковкинъ могъ съ покойною совѣстью умыть себѣ руки и смиренно воскликнуть въ письмѣ къ попечителю: „Послѣ всѣхъ таковыхъ описанныхъ козней и злоухищреній, мнѣ остается только возопить съ псалмопѣвцемъ— Господи, изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему!“.....

Здѣсь мы должны позволить себѣ небольшое отступленіе для того, что бы познакомиться еще съ однимъ совѣтскимъ дѣломъ, которое, благодаря безтактному образу дѣйствій Румовскаго, роковымъ образомъ переплелось съ дѣломъ Пухинскаго и содѣйствовало еще большему возбужде-

нію, и безъ того уже сверхъ мѣры повышенныхъ, страстей членовъ совѣта. Это—такъ называемое дѣло о болѣзни адъюнкта Эвеста, возникшее по слѣдующему, чисто случайному, поводу.

Въ уже извѣстномъ намъ письмѣ своемъ къ попечителю отъ 10-го іюля проф. Каменскій, иллюстрируя пристрастность Яковкина, нерѣдко покровительствующаго людямъ „самымъ худымъ“, заявляетъ, что въ числѣ такихъ директорскихъ фаворитовъ имѣется одинъ—„обладаемый одною изъ сильнѣйшихъ страстей, которая рѣдко можетъ быть сокрытой и гласно обнаружилась предъ воспитанниками и цѣлымъ городомъ“, и что этотъ человѣкъ получилъ „первое мѣсто при гимназіи“, благодаря ходатайству Яковкина, желавшаго тѣмъ самымъ привлечь его на свою сторону. Было ясно, что намекъ дѣлался на адъюнкта Эвеста, въ февралѣ того же года получившаго мѣсто инспектора гимназіи. И вотъ Румовскій входитъ по этому поводу 30-го іюля въ совѣтъ съ предложеніемъ, въ которомъ предписываетъ ему слѣдующее: „Разсмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ г. Эвестъ таковъ, какъ свидѣтельствуетъ объ немъ г. профессоръ Каменскій, и, по разсмотрѣніи, доставить мнѣ свое мнѣніе, дабы я могъ принять надлежащія мѣры“.

Изъ частной переписки по этому вопросу мы узнаемъ, что Каменскій подъ „сильнѣйшею страстью“ Эвеста разумѣлъ нетрезвый образъ его жизни: „Каменскій клятвою меня увѣрялъ,—писалъ попечитель Яковкину,—что г. Эвестъ держится хмѣльного даже до того, что въ классахъ бываетъ пьяный и на экзаменѣ единожды былъ пьянъ“. Вопросъ о характерѣ „страсти“ или „болѣзни“ Эвеста такъ и остался открытымъ; открытымъ остается онъ и по настоящее время, но Румовскій поступилъ, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени необдуманно, передавъ этотъ щекотливый вопросъ дознанію товарищеской коллегіи и, къ тому же, выбравъ для этого такой, болѣе нежели неудобный, моментъ.

Дѣло по извѣту Каменскаго на Эвеста послужило предметомъ занятій пяти совѣтскихъ засѣданій, изъ которыхъ первое происходило 19-го августа; въ виду крайней щекотливости этого дѣла, все его производство велось на латинскомъ языкѣ и въ книгу совѣтскихъ протоколовъ не заносилось, образовавъ собою особое, совершенно секретное, собраніе бумагъ. На сколько возбуждены были страсти этимъ необычайнымъ дѣломъ, видно изъ свидѣтельства Яковкина, жаловавшагося попечителю, что во время его разбирательства остановились всѣ прочія дѣла по университету и гимназіи; временно забыто было даже жгучее дѣло Пухинскаго.

Мы не будемъ входить во всѣ подробности этого дѣла и коснемся лишь его главнѣйшихъ чертъ. Прежде всего потребованъ былъ совѣтомъ отъ проф. Каменскаго категорическій отвѣтъ на вопросъ: что именно разумѣлъ онъ подъ „страстью" адъюнкта Эвеста, о которой писалъ попечителю? Каменскій отвѣтилъ, что разумѣлъ подъ этимъ словомъ—душевную болѣзнь (perturbatio mentis или mania pathematica). Тогда совѣтъ постановилъ произвести поголовный опросъ всѣхъ членовъ своихъ относительно состоянія здоровья Эвеста, а проф. Фукса, лечившаго Эвеста, просилъ доставить письменную исторію его болѣзни, которая (historia morbi) и приложена къ дѣлу, вмѣстѣ съ письменными отзывами членовъ совѣта. Фуксъ, давъ показаніе, что Эвестъ страдалъ недугомъ „febris callida", развившимся на почвѣ „maniae", призналъ въ настоящее время здоровье его совершенно нормальнымъ; что касается членовъ совѣта, то всѣ они отозвались о видимомъ, по крайней мѣрѣ, состояніи здоровья своего сотоварища также съ вполнѣ удовлетворительной стороны. Въ виду всего этого, совѣтъ постановилъ довести до свѣдѣнія попечителя, что „Эвестъ той сильной страсти, подъ которою Каменскій разумѣетъ умопомѣшательство (perturbatio mentis), не подвергался, какъ это видно изъ свидѣтельства профессора доктора Фукса; что касается настоящаго времени, то Эвестъ несетъ свои обязанности и пользуется полнымъ здоровьемъ".

Отвѣтъ совѣта Румовскаго не удовлетворилъ. Онъ не безъ основанія упрекалъ членовъ совѣта въ томъ, что они приняли въ основу сужденія по этому дѣлу совершенно ложную исходную точку отправленія: рѣчь идетъ о „страсти", а не о „болѣзни" адъюнкта Эвеста, что не одно и тоже; „г. Каменскій,—указываетъ попечитель,—пишетъ: обладаемый страстью", разумѣя страсть настоящую, а не прошедшую. Въ силу этихъ соображеній, Румовскій вернулъ дѣло въ совѣтъ, предписавъ вторично разсмотрѣть его. Опять цѣлыхъ три засѣданія совѣта (19—21 сентября) посвящены были сужденію по этому нелѣпому дѣлу, съ новымъ отобраніемъ письменныхъ мнѣній отъ членовъ совѣта. Въ результатѣ получился такой сумбуръ мнѣній, что совѣтъ, будучи не въ состояніи въ нихъ разобраться, счелъ за лучшее въ подлинникѣ препроводить ихъ къ попечителю, не дѣлая на основаніи ихъ никакого собственнаго вывода—„дабы тѣмъ болѣе обнаружить мысли каждаго сочлена", заключаетъ совѣтъ. Румовскій подробно ознакомился со всѣми этими мнѣніями и въ результатѣ явилось слѣдующее предложеніе его совѣту отъ 15-го ноября: „Разсматривая свидѣтельства поданныя объ г. адъюнктѣ Эвестѣ по случаю извѣта, сдѣланнаго мнѣ

на него отъ г. профессора Каменскаго, и находя, что всѣ они содержатъ о г. Эвестѣ выгодныя мнѣнія и одобрительные отзывы, совершенно противорѣчащіе извѣту г. Каменскаго, предлагаю, объявивъ имъ, тому и другому, о томъ въ совѣтѣ, постановить по сему дѣлу особливый протоколъ".

Дальнѣйшаго производства это курьезное „дѣло" не имѣло и вопросъ о сущности „страсти" адъюнкта Эвеста такъ и остался невыясненнымъ. Все латинское производство по этому дѣлу было вложено въ конвертъ, запечатано и сдано на храненіе въ архивъ канцеляріи попечителя; этимъ таинственнымъ дѣломъ впослѣдствіе заинтересовался попечитель Магницкій, который его распечаталъ и, ознакомившись съ его содержаніемъ, снова запечаталъ и сдалъ, съ собственноручною надписью, въ архивъ для дальнѣйшаго храненія. Этотъ долго бывшій запретнымъ конвертъ, со всѣми находящимися въ немъ документами, хранится и по настоящее время, но уже въ распечатанномъ видѣ, въ архивѣ попечительской канцеляріи (№ 196-й за 1806 г.); онъ былъ вторично распечатанъ въ 1862 году кн. Вяземскимъ, о чемъ имѣется на немъ собственноручная отмѣтка этого послѣдняго; убѣдившись въ томъ, что этотъ долго остававшійся загадочнымъ конвертъ не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ иллюстраціи университетскихъ нравовъ начала XIX столѣтія, кн. Вяземскій не счелъ уже цѣлесообразнымъ въ третій разъ подвергать его запрету.

Возвратимся, однако же, къ прерванному нами повѣствованію о совѣтскомъ кризисѣ, вызванномъ дѣломъ Пухинскаго и такъ неожиданно осложнившемся еще дѣломъ „о страсти" адъюнкта Эвеста. Едва ли и не воспользовался Румовскій возбужденіемъ этого второго дѣла въ разсчетѣ подорвать имъ среди коллегіи престижъ Каменскаго, выставивъ его человѣкомъ не только безпокойнымъ, но даже клеветникомъ, доносчикомъ, и тѣмъ самымъ расшатать единодушіе въ кружкѣ „заговорщиковъ", признававшихъ Каменскаго „мессіею", призваннымъ спасти ихъ отъ самовластія Яковкина. Сорвать съ этого „мессіи" маску добродѣтели, погасить его ореолъ борца за правду и идею—все это было, конечно, лишь въ прямыхъ интересахъ попечителя. „Я оба ваши письма отъ 21-го августа получилъ,—писалъ Румовскій Яковкину отъ 3-го сентября, слѣдовательно еще до вторичнаго возбужденія имъ дѣла Эвеста.—Изъ нихъ я вижу, что вы безпокоитесь о г. Эвестѣ. Успокойте его: дѣло идетъ о пресѣченіи клеветы и о изобличеніи клеветника". Отсюда ясно, что не Эвеста, а Каменскаго имѣлъ попечитель въ виду заставить сыграть роль подсудимаго въ этомъ, такъ

горячо принятомъ имъ къ сердцу, дѣлѣ, столь категоричная постановка котораго способна была привести въ смущеніе самого директора. Въ дѣлѣ „о страсти Эвеста“ Румовскій видѣлъ крупнаго козыря въ своей борьбѣ, не на животъ, а на смерть, съ свившимъ себѣ въ совѣтѣ гнѣздо профессорскимъ „комплотомъ“.

Приближался октябрь мѣсяцъ, а въ Казани все еще не было извѣстно рѣшеніе попечителя относительно произведеннаго въ совѣтѣ избранія преемника Пухинскому. Тѣмъ не менѣе переписка по этому предмету между попечителемъ и директоромъ шла своимъ чередомъ: „Хотя бы совѣтъ и назначилъ г. Пото,—пишетъ Румовскій Яковкину 20-го сентября, еще не зная о результатѣ выборовъ,—но прописанныя вами причины понуждаютъ меня предпочесть г. Упадышевскаго. Объ ослушаніи крикуновъ не сдѣлано еще мною министру представленія, по причинѣ его отсутствія и въ ожиданіи отзывовъ г.г. Сторля и Фукса. Я подожду еще двѣ почты; тогда, хотя ничего отъ нихъ не получу, сдѣлаю графу представленіе. Въ то время, когда сіе пишу, думаю, что въ совѣтѣ происходятъ новыя волненія. Г. Каменскій письмами своими лучше обнаружилъ качества свои, нежели ваши жалобы и учиненныя вамъ огорченія. Я ожидаю отъ него пятаго письма, но отвѣтствовать на оныя—не намѣренъ“.

Опасенія Румовскаго относительно „новыхъ волненій“ въ совѣтѣ были неосновательны: въ ожиданіи ли отвѣта попечителя, подъ гнетомъ ли тяжелаго впечатлѣнія отъ дѣла Эвеста, или это явилось простою реакціею послѣ разгара іюльскихъ и августовскихъ страстей, но къ началу октября настроеніе совѣта представлялось уже значительно пониженнымъ. Одинъ изъ главарей оппозиціи, Карташевскій, еще 1-го сентября уволившійся въ двадцативосьмидневный отпускъ въ Москву, 21-го того же мѣсяца прислалъ изъ села Мамина, на имя совѣта, прошеніе объ отставкѣ, сопровождаемое письмомъ на французскомъ языкѣ къ членамъ совѣта. Извѣщая въ этомъ письмѣ о своемъ рѣшеніи оставить университетъ, Карташевскій пишетъ товарищамъ:

„Я безконечно сожалѣю о томъ, что болѣзнь, не дозволившая мнѣ даже достигнуть до цѣли моей поѣздки, удерживаетъ меня вдали отъ Казани. Я желалъ бы лично представить свое прошеніе объ увольненіи и выразить, господа, отъ всего сердца благодарность за добрыя отношенія и за дружбу, которыя оказывало мнѣ собраніе лицъ столь достойныхъ и столь просвѣщенныхъ. Я повсюду унесу съ собою это чувство благодарности и, что бы не сулила мнѣ судьба въ будущемъ, я всегда буду живо интересоваться тѣмъ городомъ, въ которомъ я провелъ лучшіе годы своей юности“.

Заслушавъ прошеніе Карташевскаго въ засѣданіи 27-го сентября, совѣтъ постановилъ препроводить его въ копіи къ попечителю, присовокупивъ, что „съ прискорбіемъ о томъ ему представляетъ“. Выходъ Карташевскаго въ отставку не состоялся. Быть можетъ склоненный къ тому убѣжденіями товарищей, онъ въ началѣ октября возвратился въ Казань и приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей.

Упалъ прежній подъемъ духа и въ совѣтѣ:

„Прошедшій совѣтъ былъ спокоенъ,—отписываетъ Яковкинъ попечителю отъ 9-го октября,—потому что главный высокій крикунъ Цеплинъ отозвался болѣзнью, а сотоварищъ его Германъ въ жару своемъ вотще посматривалъ на пустыя его кресла, да и Каменскій также не былъ по неизвѣстной причинѣ, а вмѣсто Москвы прогулявшій въ ядринскомъ уѣздѣ у одного знакомаго помѣщика и четыре дня просрочившій Карташевскій, за мнимою болѣзнью, прислалъ только обратно свой паспортъ въ совѣтъ. Теперь обнаружились ясно его адскіе происки. Онъ предвидѣлъ, что скоро должно было ожидать начальственнаго распоряженія на всѣ клеветническія ихъ ковы: и потому, дабы не быть открыту, какъ главной оныхъ пружинѣ, уклонился отсутствіемъ, но узнавъ, что весь планъ ихъ, на клеветѣ основанный, обнаруженъ съ непріятной для нихъ стороны, рѣшился просить отставку.... Во всѣхъ сихъ обуревающихъ меня смѣшеніяхъ единая токмо надежда на начальственное ко мнѣ благорасположеніе и обрѣтаемая въ моей совѣсти невинность подкрѣпляютъ меня и утѣшаютъ“.

Румовскій, отвѣчая на только что приведенное письмо Яковкина, спѣшитъ утѣшить своего любимца: „Вы терпѣли много,—пишетъ онъ ему,—потерпите еще: отъ полученія письма сего недѣля, можетъ статься, что и ранѣе, васъ успокою.... Видно, что духъ безначалія и любоначалія отъ часу въ большую приходитъ силу. О г. Карташевскомъ тотчасъ сдѣлалъ я тоже заключеніе, какое вы пишете, когда получилъ свѣдѣніе объ увольненіи его на мѣсяцъ въ Москву. Изъ мнѣній о г. Эвестѣ, ко мнѣ доставленныхъ, заключаю я, что г. Цеплинъ, Германъ и Запольскій не хотѣли разумѣть предложеннаго вопроса, а желали только оказать свое непослушаніе. Увѣдомьте меня, продолжаетъ ли воевать г. Каменскій?“

Наконецъ, получено было въ Казани и 17-го октября заслушано въ совѣтѣ предложеніе Румовскаго отъ 4-го того же мѣсяца, относительно произведеннаго избранія главнаго надзирателя: попечитель отмѣнялъ выборъ совѣта и утверждалъ въ этой должности директорскаго кандидата—Упадышевскаго. Однимъ изъ мотивовъ неутвержденія Пото указывалось то обстоятельство, что не былъ представленъ аттестатъ совѣтскаго избран-

ника, но сообщено лишь голословное мнѣніе о немъ совѣта. Совѣту оставалось лишь занести въ протоколъ постановленіе: „Исполнить предписаніе его превосходительства, о чемъ сообщить и конторѣ".

Инцидентъ казался бы исчерпаннымъ, но, по окончаніи слушанія попечительскаго предложенія, произошелъ эпизодъ, который внесъ новое осложненіе въ это несчастное совѣтское дѣло. Профессоръ Цеплинъ отъ имени совѣта обратился къ секретарю Левицкому съ запросомъ: былъ ли посланъ попечителю имѣющійся при дѣлѣ формулярный списокъ Пото, вполнѣ замѣняющій собою аттестатъ? На отрицательный отвѣтъ секретаря послѣдовалъ другой запросъ: на какомъ основаніи не былъ приложенъ къ совѣтскому представленію формуляръ Пото? Растерявшійся Левицкій обѣщалъ дать отвѣтъ въ слѣдующемъ засѣданіи (20-го октября), что и выполнилъ, давъ весьма неудачное письменное объясненіе въ томъ смыслѣ, что формуляръ Пото не былъ имъ посланъ въ виду отсутствія особаго о томъ опредѣленія совѣта. При этомъ Левицкій выразилъ протестъ по поводу произведеннаго ему, члену совѣта, со стороны товарищей допроса, требуя довести объ этомъ поступкѣ до свѣдѣнія попечителя. Левицкаго поддержалъ, конечно, Яковкинъ, и это обстоятельство произвело, будто бы, такое дѣйствіе, что Цеплинъ, по словамъ письма директора къ попечителю, оставилъ засѣданіе, сказавшись больнымъ.

Пошло къ Румовскому новое кляузное представленіе, уснащенное, какъ и водится, письменными разъясненіями обѣихъ сторонъ. Яковкинъ, по прежнему, обличалъ духъ безначалія и своевольства „господъ супротивниковъ", а профессора Цеплинъ, Германъ и, даже, Бюнеманъ отправили къ Румовскому письменное объясненіе, въ которомъ заявляли, что совѣтъ протестовалъ не противъ утвержденія Упадышевскаго, но противъ неправильнаго порядка, въ которомъ представлено было попечителю дѣло объ утвержденіи Пото. Цеплинъ, съ своей стороны, подалъ въ совѣтъ заявленіе, въ которомъ пояснялъ, что предложилъ адъюнкту Левицкому инкриминируемые вопросы не лично отъ себя, но отъ имени всего совѣта, притомъ предложилъ ему эти вопросы не какъ члену совѣта, но какъ его секретарю—на что онъ имѣлъ, конечно, полное право.

Иначе взглянулъ на дѣло Румовскій въ грозномъ предложеніи отъ 8-го ноября, заслушанномъ въ засѣданіи совѣта 23-го того же мѣсяца: „Самовольство и безпорядокъ въ совѣтѣ до того простерся,—такъ начинается это предложеніе,—что нѣкоторые изъ членовъ, присвоивъ себѣ власть начальника, секретаря совѣта въ ономъ допрашиваютъ".

Признавая первый вопросъ, поставленный Левицкому („былъ ли посланъ попечителю формуляръ Пото"), совершенно легальнымъ, Румовскій признаетъ второй предъявленный ему запросъ („на какомъ основаніи онъ его не препроводилъ") нарушающимъ „всѣ предѣлы благочинія и взаимнаго другъ къ другу уваженія" со стороны членовъ совѣта: „Не могу я вообразить,—пишетъ попечитель,—чтобъ весь совѣтъ до того позабылся, чтобъ дозволить кому нибудь въ общемъ собраніи самовольно допрашивать члена своего; то препоручаю директору и секретарю увѣдомить меня, кто именно октября 17-го дня въ совѣтѣ присутствовалъ, кто имѣлъ дерзновеніе (sic) допрашивать г. Левицкаго и быть нарушителемъ тишины и спокойствія, въ совѣтѣ водворяться долженствующихъ? И впредь,—требуетъ попечитель,—въ меморіи каждаго засѣданія всегда показывать имена присутствовавшихъ въ совѣтѣ и кто первый дѣлаетъ подобныя предложенія, дабы я къ обузданію начинщиковъ своевольства могъ принять надлежащія мѣры".

Переходя, затѣмъ, къ представленному ему объясненію трехъ профессоровъ (Цеплина, Германа и Бюнемана), при которомъ препровожденъ былъ къ нему и формуляръ Пото, Румовскій пишетъ, что въ этомъ формулярѣ совѣтскій кандидатъ значится въ должности смотрителя бронницкаго казеннаго конскаго завода, а затѣмъ въ должности частнаго пристава г. Казани: „Я думаю,—иронизируетъ попечитель,—что весь совѣтъ согласится со мною, что должность надзирателя надъ воспитанниками отъ должности частнаго пристава и смотрителя конскаго завода разнствуетъ, какъ небо отъ земли"....

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства кандидатуръ Пото и Упадышевскаго, Румовскій заканчиваетъ свою отповѣдь слѣдующимъ заключеніемъ: „Сей странный случай принуждаетъ меня просить директора, чтобъ онъ и впредь, по долгу своему, доставлялъ мнѣ полезныя для меня и для всего общества свѣдѣнія, особливо же о поступкахъ и обращеніяхъ, нарушающихъ въ совѣтѣ тишину, благочиніе и о присвояющихъ власть поставленнаго надъ онымъ начальника".

Если вѣрить показаніямъ Яковкина, имѣющимся въ его перепискѣ съ попечителемъ, предложеніе Румовскаго отъ 8-го ноября произвело на непокорныхъ членовъ совѣта впечатлѣніе громоваго удара. Начались частныя собранія профессоровъ то у Германа, то у Цеплина, то у Запольскаго, на которыхъ обсуждалось настоящее положеніе вещей и на которыхъ бывалъ даже самъ осторожный Фуксъ, употреблявшій, по его собственному признанію Яковкину—„всѣ благоразумныя мѣры, дабы преклонить сію

шайку къ должному и безпрекословному повиновенію начальству, но за свои добрые совѣты впавшій у нихъ въ подозрѣніе пристрастія и приверженности къ директору".

Самъ Яковкинъ, отписывая попечителю о послѣднихъ казанскихъ событіяхъ, ставилъ вопросъ о водвореніи въ совѣтѣ вожделѣнныхъ тишины и порядка въ связь съ вопросомъ объ удаленіи проф. Цеплина: „Многократно уже, ваше превосходительство,—писалъ онъ Румовскому,—изволили усматривать безпокойный и дерзкій характеръ г. Цеплина; споры его—безпрерывны, крикъ—нестерпимъ.... Поборники его, полагаясь на него, какъ на каменную стѣну, въ отсутствіе его бывали спокойнѣе и не такъ дерзки. Нынѣшніе случаи,—заключаетъ директоръ,—обнаруживаютъ, что потребные тишина и порядокъ дотолѣ въ совѣтѣ не водворятся, доколѣ онъ будетъ имѣть въ немъ голосъ, а потому едино только отдаленіе его изъ совѣта возможетъ возстановить и утвердить должный и спокойный порядокъ теченія дѣлъ. Съ нимъ всегда въ одномъ комплотѣ и ожесточеніи также и профессоръ Германъ; а простенькій Бюнеманъ болѣе достоенъ сожалѣнія, по слабости своей, нежели взысканія".

За оффиціальнымъ предложеніемъ попечителя отъ 8-го ноября по дѣлу о допросѣ Левицкаго, произведшимъ такую сенсацію среди членовъ совѣта, послѣдовало (отъ 12-го ноября) и частное письмо его къ Яковкину, въ которомъ Румовскій, ссылаясь на свои два предшествовавшія суровыя предложенія совѣту, выражаетъ директору надежду, что „въ краткое время получится отъ него еще третье, которое будетъ прежнихъ повкуснѣе". Эти слова Румовскаго не были, какъ сейчасъ убѣдимся мы въ этомъ, простою угрозою.

Еще 9-го октября, какъ разъ пять дней спустя послѣ подписанія имъ предложенія о кассаціи совѣтскаго избранія и объ утвержденіи Упадышевскаго, Румовскій вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Завадовскому, съ представленіемъ относительно положенія дѣлъ въ казанскомъ университетѣ. Изложивъ здѣсь, въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, всю исторію совѣтскихъ дѣлъ и отношеній, начиная съ увольненія Пухинскаго и кончая событіями послѣднихъ дней и присовокупивъ къ ней замѣчаніе о томъ, что онъ „уже и прежде сего видѣлъ примѣры неуваженія къ моимъ предложеніямъ, но по сіе время оставлялъ ихъ безъ оглашенія, потому что неизвѣстны были виновники онаго", Румовскій заканчиваетъ свое представленіе слѣдующею просьбою къ министру:

„Покорнѣйше ваше сіятельство прошу обратить ихъ къ должному повиновенію средствами, какія доброта вашего

сердца и благоразуміе внушатъ вашему сіятельству. Ежели неповиновеніе упомянутыхъ членовъ, исключая г. Сторля (который, какъ мы видѣли, принесъ попечителю полную „покаянную"), останется не наказано и укоренится, то всѣ мои попеченія о благоустроеніи гимназіи и университета останутся тщетными".

Это представленіе, довольно таки туманное и неопредѣленное, очевидно не удовлетворило графа Завадовскаго. Это можно заключить изъ того, что 25-го октября Румовскій входитъ къ министру съ дополнительнымъ и уже болѣе ясно формулированнымъ представленіемъ, въ которомъ, желая въ болѣе рельефномъ видѣ очертить „главныхъ виновниковъ неповиновенія и въ совѣтѣ гимназіи безпорядковъ", основною причиною которыхъ онъ видитъ вкоренившееся въ членахъ совѣта „любоначаліе", попечитель снова излагаетъ всю исторію совѣтскихъ нестроеній, на этотъ разъ уже полностью выставляя имена ихъ участниковъ, съ Карташевскимъ и Каменскимъ во главѣ. Пожеланія попечителя формулируются въ этомъ второмъ представленіи слѣдующимъ образомъ:

„И для того осмѣливаюсь представить вашему сіятельству: не благоугодно ли будетъ, для возстановленія на будущее время тишины и повиновенія, адъюнкта Карташевскаго, просящагося объ увольненіи, за оказанное начальнику ослушаніе—удалить отъ гимназіи; равномѣрно и профессора Каменскаго, дерзкимъ своимъ мнѣніемъ, іюля 7-го дня читаннымъ, подавшаго поводъ къ ослушанію и худобу нравственнаго своего характера въ адъюнктѣ Эвестѣ обнаружившаго—удалить отъ гимназіи; а въ разсужденіе единомышленниковъ ихъ, профессоровъ Цеплина и Германа и адъюнкта Запольскаго, предписать директору Яковкину, чтобъ онъ въ полномъ совѣта собраніи сдѣлалъ имъ за оказанное начальнику ослушаніе выговоръ и отъ лица вашего сіятельства имъ объявилъ, что ежели кто изъ нихъ впредь, вмѣсто того, чтобъ совокупными съ благомыслящими силами стараться о наставленіи и просвѣщеніи ввѣреннаго имъ юношества, отважится презирать приказанія начальника и крикомъ своимъ нарушать будетъ тишину собраній—то и онъ удаленъ будетъ отъ гимназіи".

Отвѣтъ министра на представленіе Румовскаго послѣдовалъ лишь 14-го ноября и предоставлялъ попечителю огромныя полномочія въ дѣлѣ расправы съ непокорными членами совѣта:

„Что бы прекратить существующіе въ совѣтѣ казанской гимназіи безпорядки,—говоритъ предложеніе графа Завадовскаго,—о которыхъ ваше превосходительство мнѣ представили, обуздать непослушаніе и тѣмъ отвратить вредное вліяніе ихъ примѣровъ, предоставляю вамъ главныхъ виновниковъ неустройства: профессора

Каменскаго, адъюнкта Карташевскаго и другихъ имъ подобныхъ— отрѣшить отъ ихъ должностей и замѣнить другими, буде не раскаятся въ своихъ продерзостяхъ и не обратятся къ должному повиновенію вашимъ предписаніямъ".

Побѣда Румовскаго и Яковкина была, такимъ образомъ, полною. Графъ Завадовскій не только соглашался съ представленіемъ попечителя, но давалъ ему carte blanche въ дѣлѣ увольненія изъ университета всѣхъ тѣхъ его членовъ, дальнѣйшая служба которыхъ будетъ признана Румовскимъ нежелательною съ точки зрѣнія обезпеченія тишины и спокойствія въ университетѣ. 19-го ноября Румовскій отправилъ на имя Яковкина слѣдующее предписаніе совѣту, сопровожденное копіею съ предложенія министра:

„Препровождая при семъ копію съ отношенія его сіятельства министра народнаго просвѣщенія, мною полученнаго, предлагаю совѣту въ разсужденіе профессора Каменскаго и адъюнкта Карташевскаго поступить по предписанію его сіятельства и выдать имъ заслуженное жалованье по день полученія сего предложенія, отобравъ, ежели у нихъ есть, казенныя вещи.

Другіе, имъ подобные въ разсужденіе непослушанія, суть: г.г. профессора Цеплинъ, Германъ и адъюнктъ Запольскій, какъ явствуетъ изъ журналовъ августа 8-го и сентября 12-го и 13-го дня, исключая г. Сторля. Поелику они наибольшее имѣли участіе въ допрашиваніи г. Левицкаго и въ совѣтѣ выходили изъ предѣловъ благопристойности, то дамъ я объ нихъ особливое предложеніе, согласное съ волею министра народнаго просвѣщенія, когда разсмотрѣно будетъ совѣтомъ дѣло о допросѣ Левицкаго; а, между тѣмъ, чтобъ доставить совѣту тишину и спокойствіе, г.г. профессорамъ Цеплину, Герману и адъюнкту Запольскому запрещается имѣть участіе въ засѣданіяхъ совѣта".

Предложеніе это было сопровождено частнымъ письмомъ къ Яковкину, въ которомъ попечитель сообщаетъ ему, что онъ „отсрочилъ другихъ отрѣшить отъ должностей съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ увидѣть, какое графское отношеніе произведетъ на нихъ дѣйствіе; ежели будетъ безуспѣшно, то принужденъ буду отрѣшить всѣхъ крикуновъ и подустителей, для того, что покамѣстъ не будетъ тишины и спокойствія въ совѣтѣ, по тѣхъ поръ много добраго быть не можетъ". И въ этомъ письмѣ проглядываетъ трогательная забота Румовскаго о своемъ любимцѣ: „Увѣдомьте меня,—пишетъ онъ,—какое предложеніе мое принесетъ вамъ облегченіе; я ласкаю себя надеждою, что послѣ сего подарка не только вы, но и я буду спокойнѣе".

Ликующій Яковкинъ назначилъ на 5-ое декабря засѣданіе совѣта, въ которомъ должно было быть объявлено предложеніе попечителя; въ это засѣданіе члены совѣта были приглашены особою, „напередъ учиненною", повѣсткою. Въ засѣданіе явились всѣ профессоры и адъюнкты, за исключеніемъ Карташевскаго, котораго, не взирая на усилія директора, никакъ не могли застать для врученія ему повѣстки и которому его отрѣшеніе объявлено было посланною къ нему выпискою изъ протокола.

Яковкинъ не замедлилъ донести попечителю о подробностяхъ этого совѣтскаго засѣданія: „По прочтеніи и латинскомъ переводѣ обоихъ предписаній, объявилъ я г. Каменскому отрѣшеніе его отъ должности; послѣ сего онъ вышелъ, благодаря за сотоварищество—только не всѣхъ. По выходѣ г. Каменскаго, обратившись къ г. Цеплину, объявилъ я ему объ его удаленіи отъ совѣта и, не взирая на многократныя его покушенія о выслушаніи его бумагъ, не былъ онъ допущенъ долѣе оставаться въ совѣтѣ. За нимъ г.г. Германъ и Запольскій, дождавшись отъ меня извѣщенія объ ихъ удаленіи изъ совѣта, вышли. Оставшійся изъ нихъ Бюнеманъ крайне пораженъ былъ таковымъ неожиданнымъ явленіемъ". Очутившійся, затѣмъ, въ новомъ своемъ составѣ, совѣтъ опредѣлилъ исполнить всѣ предписанія попечителя и „представить особеннымъ рапортомъ его превосходительству, что совѣтъ всѣми силами потщится соотвѣтствовать благимъ намѣреніямъ начальства, клонящимся къ общественному благу".

Торжество Яковкина, побѣдоносно сокрушившаго гидру совѣтской „крамолы"—было полное: облеченный теперь еще бóльшимъ довѣріемъ Румовскаго, онъ оставался отнынѣ неограниченнымъ и полновластнымъ распорядителемъ судебъ и университета, и гимназіи. „Неисповѣдимыя судьбы всеуправляющаго Провидѣнія и прозорливое начальство,—восклицаетъ онъ въ письмѣ къ попечителю,—прекращая буйственное своевольство, снабдѣваютъ истинное усердіе и чистую ревность новыми силами къ достойному прохожденію возложенныхъ должностей, хотя многоглавая адская гидра и старается еще употреблять всѣ мѣры къ спасенію себя отъ конечной погибели!" Не упускаетъ при этомъ директоръ случая и еще разъ выставить передъ начальникомъ безукоризненную чистоту своей души: „Я, смотрѣвшись въ зеркало, подобно императору Константину Великому, не нашелъ, по милости Господней, никакихъ язвъ, ниже пятенъ на лицѣ моемъ".

Ссылка Яковкина на „многоглавую гидру", всѣми мѣрами старающуюся спасти себя отъ „конечной гибели"—не была простою риториче-

скою фразою подъ перомъ директора: онъ намекаетъ здѣсь на факты дѣйствительные.

Дѣло въ томъ, что отрѣшенные отъ службы Карташевскій и Каменскій, а изъ неотрѣшенныхъ—проф. Германъ, долго не хотѣли примириться съ разгромомъ 5-го декабря; проф. Германъ продолжалъ волноваться и по дѣлу о допросѣ секретаря совѣта Левицкаго, которое затянулось въ совѣтѣ на весь декабрь мѣсяцъ *. Возбужденіе поддерживалось и общественнымъ мнѣніемъ города, общество котораго, даже въ лицѣ его оффиціальныхъ представителей, оказывалось далеко не на сторонѣ Яковкина и проявляло болѣе или менѣе открытое сочувствіе лицамъ, потерпѣвшимъ во всей этой университетской исторіи, выступившей едва ли не первымъ явленіемъ въ жизни молодого университета, привлекшимъ живой къ себѣ интересъ мѣстнаго общества.

По собственнымъ словамъ Яковкина (въ одномъ изъ его многочисленныхъ частныхъ писемъ на имя попечителя), оппозиціонный ему профессорскій „комплотъ", съ Каменскимъ во главѣ, собирался въ домѣ вице-губернатора, съ которымъ Каменскій, вообще популярный въ городѣ по своей медицинской практикѣ, находился въ добрыхъ отношеніяхъ. Университетскія дѣла обсуждались,—и обсуждались не въ пользу Яковкина,—и въ другихъ центрахъ казанской общественности: „Разнесеніе самыхъ обо мнѣ непріятныхъ слуховъ въ дворянскомъ и англійскомъ общественныхъ собраніяхъ, въ маскарадѣ и театрѣ",—жаловался Яковкинъ попечителю въ письмѣ отъ 11-го декабря,—„мятежныя совѣщанія въ вечернихъ собраніяхъ о погубленіи меня", „повседневное описаніе меня самыми постыдными и черными красками"; „усиленныя просьбы господъ Молоствова Порфирія и родственника его Пушкина, также почтъ-директора Карпеки, къ г. губернатору о заступленіи невинно отрѣшенныхъ и притѣсненныхъ"; ходатайства мѣстнаго общества предъ бывшимъ въ Казани начальникомъ чрезвычайнаго посольства въ Китай, графомъ Головкинымъ, жалобы Каменскаго и Германа, поданныя тому же графу Головкину, и его обѣщаніе лично представить о дѣлѣ государю императору—таковы ужасы, о которыхъ писалъ попечителю Яковкинъ, называя ихъ „послѣдними усиліями издыхающей гидры". Румовскій успокоивалъ своего фаворита тѣмъ, что все, имъ предпринятое, было сдѣлано съ разрѣшенія министра, предлагавшаго

* Мы не коснемся дальнѣйшихъ перипетій этого дѣла, которое послѣ событія 5-го декабря интереса уже не представляетъ.

ему даже сразу уволить всѣхъ пятерыхъ зачинщиковъ смутъ,—слѣдовательно, пришлось бы приносить жалобу министру на него же самого; что же касается жалобъ, могущихъ поступать на имя государя—то „государь императоръ жалобы отдастъ на разсмотрѣніе его же, министра народнаго просвѣщенія, потому что отрѣшеніе послѣдовало по его предписанію“ (письмо попечителя отъ 27-го декабря).

По свѣдѣніямъ Яковкина, уже въ половинѣ декабря, слѣдовательно тотчасъ же послѣ совѣтскаго разгрома, отправлено было изъ Казани пять жалобъ, на имя: попечителя, министра, графа Головкина, графа Потоцкаго и академика Шуберта. Жалобы министру,—конечно безплодныя,—были завѣдомо поданы Германомъ, Каменскимъ, Карташевскимъ и Запольскимъ. Особенно рѣзкою явилась жалоба проф. Германа на отрѣшеніе его отъ дальнѣйшаго участія въ совѣтскихъ засѣданіяхъ: „Я дожилъ до 53-хъ лѣтъ,—писалъ Германъ,—и никогда не былъ обвиняемъ ни въ какомъ преступленіи, потому что всегда жилъ спокойно, только съ наукою и для науки“; оскорбленный профессоръ выражаетъ надежду, что въ интересахъ достоинства науки, министръ „на будущее время не будетъ слушать тайныхъ извѣтовъ и явится заступникомъ противъ злости доносителей“.

Агитація, послѣдовавшая за событіемъ 5-го декабря какъ въ средѣ потерпѣвшихъ отъ него, такъ и среди казанскаго общества—не могла не обратить на себя безпокойнаго вниманія Румовскаго, возбуждаемаго навѣтами и ламентаціями Яковкина. Необходимою почтена была еще одна жертва для того, чтобы рѣшительно покончить съ послѣдними проявленіями агоніи „издыхающей гидры“ крамолы. Выборъ остановился на „высокомъ крикунѣ“, профессорѣ Цеплинѣ, непримиримомъ врагѣ Яковкина и первомъ зачинщикѣ совѣтскихъ смутъ 1805 года, на желательности удаленія котораго изъ университета еще раньше усиленно настаивалъ директоръ передъ попечителемъ. Въ этомъ смыслѣ и послѣдовало представленіе Румовскаго министру отъ 19-го января 1807 года:

„На Цеплина,—представлялъ попечитель,—какъ главнаго нарушителя тишины въ совѣтѣ, надѣются они (протестующіе элементы совѣта), какъ на каменную стѣну. Что бъ доставить совѣту спокойствіе и на будущее время, не вижу я никакого средства, какъ удалить вовсе и Цеплина отъ университета.... какъ человѣка строптиваго и покой ненавидящаго“. Резолюція графа Завадовскаго (отъ 23-го января) была коротка: „По представленію вашего превосходительства я согласенъ, что бы профессоръ Цеплинъ, за непослушаніе его предписаніямъ начальства, уволенъ былъ вовсе отъ университета“. На слѣдующій же день (24-го января) по-

слѣдовало и предложенiе попечителя совѣту объ увольненiи Цеплина, въ которомъ подробно излагались всѣ провинности этого „главнаго зачинщика совѣтскихъ смутъ“ *.

Такъ окончилась сенсацiонная совѣтская кампанiя 1806 года, въ результатѣ своемъ имѣвшая совершенное увольненiе трехъ членовъ совѣта (профессоровъ Цеплина, Каменскаго и адъюнкта Карташевскаго) и временное отрѣшенiе двухъ членовъ его (профессора Германа и адъюнкта Запольскаго) отъ участiя въ совѣтскихъ засѣданiяхъ. Изъ этихъ лицъ Каменскiй и Карташевскiй, дальнѣйшая судьба которыхъ намъ уже извѣстна, навсегда порвали связь съ казанскимъ университетомъ; Цеплинъ осенью 1813 года снова возвращается въ казанскiй университетъ на кафедру дипломатики и политической экономiи; Германъ и Запольскiй, отбывъ возложенную на нихъ временную кару, предложенiемъ попечителя отъ 4-го марта 1807 года были вновь допущены къ участiю въ засѣданiяхъ совѣта [112].

Да простятъ насъ великодушно читатели за то, что мы такъ долго задержали ихъ вниманiе на подробномъ разсказѣ о совѣтскихъ событiяхъ второй половины 1806 года. Этимъ событiямъ суждено было образовать собою въ высшей степени характерную и краснорѣчивую страницу въ начальной исторiи казанскаго университета, а потому мы и не считали возможнымъ отнестись къ нимъ слишкомъ поверхностно. Прежде, нежели окончательно разстаться съ разсказанною нами совѣтскою эпопеею, постараемся бросить на нее общiй ретроспективный взглядъ и сдѣлаемъ попытку освѣтить ея истинное значенiе.

Директоръ Яковкинъ смотрѣлъ на совѣтскiя событiя 1805—1806 годовъ съ точки зрѣнiя проявленiй безначалiя, неповиновенiя властямъ, крамолы, стремленiй совѣта узурпировать престижъ его собственныхъ правъ и полномочiй; видѣлъ въ этомъ движенiи преступное и злонамѣренно-сознательное подрыванiе основъ порядка и власти, въ фокусѣ которыхъ ставилъ онъ, конечно, себя самого. Глазами Яковкина смотрѣлъ на дѣло и старецъ Румовскiй, безпрестанно подстрекаемый и сбиваемый съ толку навѣтами и запугиванiями своего казанскаго любимца.

Если смотрѣть на разсказанныя нами событiя глазами Яковкина и Румовскаго, въ такомъ случаѣ оппозицiонный совѣтскiй кружокъ двухъ

* Въ этомъ предложенiи проф. Цеплину инкриминируются даже такiя невинныя вещи, какъ замѣчанiя по адресу председателя совѣта: erras (т. е. «вы ошибаетесь») и in errore es (т. е. «вы находитесь въ заблужденiи»).

первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета долженъ будетъ обрисоваться въ нашихъ глазахъ шайкою отъявленныхъ и закоренѣлыхъ враговъ порядка, искателей приключеній и скандаловъ, людей безъ ясно сознаваемыхъ стремленій и безъ чувства мѣры; не разбирающихъ ни путей, ни средствъ въ дѣлѣ преслѣдованія какихъ то нелегальныхъ и призрачныхъ цѣлей, съ безсмысленнымъ упорствомъ и даже безъ всякаго проявленія инстинкта самохраненія „прущихъ противъ рожна" порядка и законности, олицетворяемыхъ.... въ лицѣ пресловутаго профессора-директора Яковкина, съ чувствомъ напускного самодовольства не усматривавшаго „никакихъ язвъ, ниже пятенъ на лицѣ своемъ".

Едва ли вправѣ мы, однако же, смотрѣть на дѣло подъ тѣмъ предвзятымъ угломъ зрѣнія, подъ какимъ смотрѣли на него Яковкинъ и Румовскій. Румовскій и самъ то былъ настолько, повидимому, не увѣренъ въ безусловной „чистотѣ лица" своего любимца, что, парализуя его опасенія на счетъ результата ожидавшихся жалобъ на имя министра и даже государя, позволилъ себѣ прибѣгнуть къ уже извѣстнымъ намъ и далеко не безупречнымъ средствамъ успокоенія своего фаворита: „Мы дѣлали все съ санкціи министра—утѣшалъ Румовскій. — Слѣдовательно, жаловаться министру пришлось бы на него же самого; жалобы же, могущія поступить на высочайшее имя—будутъ обращены на заключеніе опять таки министра, какъ санкціонировавшаго наши дѣянія. Самъ же себя судить министръ, конечно, не захочетъ". Такимъ образомъ, не говорящая сама за себя правота дѣла, не чистота „лица" и души директора выставляются Румовскимъ гарантіею безплодности жалобъ со стороны потерпѣвшихъ, но тотъ заколдованный кругъ чисто формальной правоты и безнаказанности, на который съ такою откровенностью ссылается попечитель. Истинное и убѣжденное сознаніе правоты не позволило бы себѣ играть подобнаго рода и такой цѣны силлогизмами.

Боровшіеся съ самовластіемъ Яковкина первые профессоры и адъюнкты казанскаго университета были людьми совершенно легальнаго образа мыслей, и страстность, вложенная ими въ борьбу—является единственнымъ упрекомъ, который можетъ быть поставленъ имъ въ вину. Этотъ упрекъ находитъ себѣ, впрочемъ, крупное смягчающее обстоятельство въ самыхъ способахъ борьбы, къ какимъ не гнушалась прибѣгать и противная сторона: полная извѣтовъ и инсинуацій конфиденціальная переписка, тайные доносы, на которые съ такою горечью жаловался министру проф. Германъ, попытки сѣять вражду и раздоры среди членовъ совѣта—таковы излюбленныя орудія борьбы, пускавшіяся въ ходъ изворотливымъ и неразборчивымъ въ

средствахъ директоромъ. Такія средства борьбы не могли не раздражать страстей и не вселять чувства вполнѣ естественнаго къ себѣ отвращенія, которое не разъ, по всей вѣроятности, охватывало собою и нашихъ читателей, слѣдившихъ за всѣми перипетіями описанныхъ нами событій.

Остановимся на пяти главныхъ „заговорщикахъ", въ которыхъ олицетворялась „многоголовая гидра крамолы", отравлявшая покой какъ директора, такъ и его ближайшаго принципала—Румовскаго. За исключеніемъ Германа, вступившаго уже въ шестой десятокъ лѣтъ жизни, всѣ остальные конспираторы принадлежали къ молодежи: младшему изъ нихъ, Карташевскому, было всего 27 лѣтъ, остальнымъ тремъ по 33 года,—возрастъ, обусловливающій собою особенно чуткую отзывчивость къ окружающей жизни, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, всегда отмѣченный болѣе или менѣе экспансивнымъ стремленіемъ къ преслѣдованію и осуществленію идеаловъ правды и справедливости, мало склонный идти на компромиссы и сдѣлки съ нерѣдко противорѣчащими имъ фактами и явленіями обыденной дѣйствительности.

И Яковкинъ, и Румовскій считали самого молодого изъ этихъ „заговорщиковъ", Карташевскаго—душою всей крамолы, главнымъ зачинщикомъ и руководителемъ тѣхъ „адскихъ ковъ", которыя со всѣхъ сторонъ мерещились дрожавшему за свою власть директору. Мы имѣемъ отзывъ о Карташевскомъ его воспитанника С. Т. Аксакова, вспоминающаго о немъ уже на закатѣ дней своихъ, когда раннія впечатлѣнія юности успѣли пройти черезъ горнило позднѣйшаго жизненнаго опыта, близко знавшаго Карташевскаго и въ послѣдующіе годы его жизни, благодаря установившимся между ними родственнымъ отношеніямъ: „Григорій Ивановичъ,—пишетъ о немъ Аксаковъ,—принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ людей, нравственная высота которыхъ встрѣчается очень рѣдко и которыхъ вся жизнь—есть строгое проявленіе этой высоты"... Какая непреодолимая пропасть между этимъ восторженнымъ отзывомъ и тѣми мелкими, низменными, чертами, въ которыхъ обрисовывается передъ нами нравственный обликъ того же Карташевскаго въ дышащихъ непримиримою злобою извѣтахъ Яковкина! Что онъ не былъ ни врагомъ порядка, ни приверженцемъ безначалія, ни проповѣдникомъ разрушительныхъ началъ—порукою въ томъ служитъ и позднѣйшая карьера Карташевскаго, будущаго попечителя округа и сенатора, достигшаго виднаго и отвѣтственнаго служебнаго положенія послѣ того, какъ онъ навсегда оставилъ Казань въ качествѣ изгнаннаго за крамолу адъюнкта мѣстнаго университета. Добрыми словами поминаетъ Аксаковъ и друга Карташевскаго, адъюнкта Заполь-

скаго—человѣка „умнаго, ученаго и скромнаго поведенія", по словамъ окружавшихъ его: „Иванъ Ипатовичъ (Запольскій) былъ очень хорошій человѣкъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова"—вспоминаетъ о немъ Аксаковъ.

Нѣкоторая тѣнь падаетъ въ этомъ кружкѣ лишь на проф. Каменскаго, благодаря несчастной исторіи его извѣта на адъюнкта Эвеста, которую такъ ловко утилизировали въ своихъ интересахъ Румовскій и Яковкинъ. Слово „доносъ" и эпитетъ „клеветника"—невольно напрашиваются въ этой печальной исторіи, относительно которой Каменскій самъ писалъ попечителю, что доставшееся ему въ удѣлъ названіе „columniatoris"—обусловлено тѣмъ только, что его ссылка на „страсть" Эвеста, приведенная въ разгарѣ борьбы въ качествѣ аргумента для иллюстраціи пристрастнаго отношенія Яковкина къ людямъ, была вырвана и освѣщена внѣ связи съ общею послѣдовательностью его письма къ Румовскому *. Представляется почти несомнѣннымъ, что запой—былъ тою страстью Эвеста, на которую намекалъ Каменскій: „извѣстно, — говоритъ Н. Н. Буличъ, — какъ снисходительно относится къ запою русское общество, и только очень молодого Каменскаго могъ возмутить этотъ порокъ или несчастіе въ лицѣ инспектора гимназіи, чѣмъ не возмущались и во времена гораздо позднѣйшія разсказываемыхъ". Не оправдывая вполнѣ несдержанности молодого профессора, укажемъ, однако, и на то, что его извѣтъ во всякомъ случаѣ стушевывается въ томъ морѣ извѣтовъ, доносовъ и инсинуацій, на которые такъ щедръ былъ самъ Яковкинъ въ своей конфиденціальной перепискѣ съ попечителемъ. „A la guerre, comme à la guerre"—таковъ бранный кликъ, вообще доминировавшій въ совѣтскихъ неурядицахъ первыхъ лѣтъ жизни новорожденнаго университета.

Мы уже знаемъ восторженно-возбужденное состояніе, съ которымъ встрѣтила совѣтская молодежь начало своей университетской дѣятельности: оно отразилось въ воспоминаніяхъ Аксакова, оно сказалось въ экзальтированныхъ письмахъ молодыхъ адъюнктовъ къ Румовскому, оно не осталось безъ вліянія и на бурное направленіе начальной совѣтской дѣятельности.

---

* «Отрывокъ, извинительный въ связи письма, могъ казать совѣту видъ безчестный и злонамѣренный,—писалъ Каменскій попечителю,—и къ усугубленію такой преклонности мнѣній могло содѣйствовать какъ упомянутое въ предложеніи имя особы (т. е. Эвеста), отлично уважаемой, такъ и неизвѣстность цѣли, для которой предписано учинить изслѣдованіе» (См. письма Каменскаго къ попечителю отъ 4-го сентября и 4-го декабря, въ дѣлѣ Попеч. 1806, № 97).

Полная самыхъ искреннихъ восторговъ и самыхъ радужныхъ надеждъ и упованій, привѣтствовала эта молодежь провозглашеніе 14-го февраля 1805 года знаменательныхъ и широко развитыхъ положеній устава и утвердительной грамоты 5-го ноября 1804 года, въ которыхъ нашли себѣ такое яркое и такое рельефное отраженіе идеи начальной поры царствованія императора Александра I. Скоро оказалось, однако, что эти положенія, животворнымъ дѣйствіемъ которыхъ уже съ самаго начала воспользовался харьковскій университетъ—не были даны въ удѣлъ университету казанскому. Взамѣнъ возвѣщенныхъ уставомъ университетскихъ порядковъ—какой то неопредѣленный, по своему режиму, придатокъ къ существующему гимназическому строю, съ опасливымъ примѣненіемъ къ нему самаго названія „университетъ", всюду, гдѣ только возможно, тенденціозно замѣняемаго названіемъ „гимназія"; взамѣнъ самоуправляющагося университетскаго совѣта—находящійся въ совершенно „неопредѣлительномъ" положеніи „совѣтъ при гимназіи", указаніе на неопредѣленность компетенціи котораго возводится на степень призыва къ „безначалію и любоначалію", а простой запросъ секретарю относительно порядковъ дѣлопроизводства—чуть ли не въ государственное преступленіе; вмѣсто авторитета выборныхъ ректора и декановъ—вызывающее самовластіе „не понимающаго организма университетовъ" профессора-директора Яковкина, кичащагося и импонирующаго своимъ безграничнымъ довѣріемъ въ глазахъ попечителя, игнорирующаго права совѣта и всегда и во всемъ выдвигающаго излюбленные принципы своей дѣятельности: „моя мысль—есть мысль попечителя", „протестъ противъ меня—есть крамола и преступное стремленіе къ безначалію"....

Добавимъ ко всему этому, что самъ профессоръ-директоръ, предъявлявшій такія строгія требованія по отношенію къ своей персонѣ, былъ далеко не свободенъ, въ чемъ не разъ будемъ мы имѣть случаи убѣждаться въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи, отъ тѣхъ „язвъ" и „пятенъ", отсутствіемъ которыхъ на своемъ лицѣ такъ самодовольно кичился онъ передъ довѣрчивымъ Румовскимъ. Всеобщая почти ненависть преслѣдовала Яковкина въ средѣ сослуживцевъ, чувство антипатіи преобладало по отношенію къ нему въ городскомъ обществѣ *, чувство презрительнаго недовольства внушалъ онъ къ себѣ, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, и въ преемникѣ Румовскаго, попечителѣ Салтыковѣ, при которомъ окончательно закатилась счастливая звѣзда временщика-директора.

* «О господинѣ профессорѣ Яковкинѣ публика дѣлаетъ отзывы не такъ для него лестные»—доносилъ въ 1815 г. и. д. казанскаго губернатора, которому поручено было изъ Петербурга произвести негласное дознаніе о нравственномъ обликѣ Яковкина.

Такова была обстановка,—не говоря уже о полномъ неустройствѣ университета, объ отсутствіи необходимѣйшихъ пособій и учебно-вспомогательныхъ учрежденій,—въ которой должны были вращаться и работать первые профессоры казанскаго университета. Если не въ силахъ были мириться съ такими условіями русскіе дѣятели университета, то тѣмъ менѣе могли удовлетворять они иностранныхъ членовъ его, въ особенности же геттингенцевъ Цеплина и Германа, не только видавшихъ настоящіе „организмы университетовъ", но и приходившихъ съ ними въ ближайшее соотношеніе. Не даромъ проф. Германъ въ своемъ письмѣ въ Дерптъ, писанномъ осенью 1806 года, характеризуя положеніе въ Казани иностранныхъ профессоровъ, сравнивалъ его съ положеніемъ поэта Овидія, сосланнаго на берега Понта; этимъ письмомъ Германъ возбудилъ противъ себя величайшее негодованіе Румовскаго, узнавшаго объ немъ черезъ Яковкина и докладывавшаго министру, что „содержаніе письма сего есть плодъ необузданнаго самовольства, и есть надежда, что оно со временемъ принесетъ обильнѣйшій, не взирая на всѣ мои попеченія" *. Нисколько не представляется, поэтому, удивительнымъ, что, въ лицѣ Цеплина и Германа, эти нѣмецкіе профессоры дружно примкнули къ русскимъ членамъ совѣта, сплотившись, вмѣстѣ съ ними, въ одну оппозиціонную по отношенію къ Яковкину совѣтскую партію, своими идеалами и пожеланіями уходившую къ автономнымъ началамъ университетскаго устава 1804 года.

Находя, такимъ образомъ, весьма серьезныя оправданія той страстности, порою даже несдержанности, съ которою ведена была совѣтская кампанія 1806 года, мы не можемъ закрывать глазъ и передъ опасностью, какою грозила эта борьба новорожденному казанскому университету. Графу Завадовскому ничего не стоило бы закрыть „мятежный" университетъ, не имѣвшій еще ни самостоятельной организаціи, ни собственнаго помѣщенія и вспомогательныхъ учрежденій, ни полнаго штата преподавателей, ни правильно поставленнаго преподаванія, не успѣвшій стать и „организмомъ", сколько нибудь крѣпко пустившимъ корни въ мѣстную почву. Достаточно было въ ту пору одного росчерка пера, что бы сразу и безслѣдно смести съ лица земли почти фиктивно существующій и даже не признаваемый еще оффиціально открытымъ университетъ.

Но, разъ этого не было сдѣлано, разъ существованіе университета было признано и послѣ сдѣланной ему въ декабрѣ 1806 года ампутаціи,

*) «...qui, quasi e republica litteraria in exilium, ut olim bonus Ovidius Roma in Pontum, missi sumus»—писалъ въ этомъ письмѣ Германъ (см. въ унив. архивѣ дѣло Попеч. 1806, № 32).

логическимъ путемъ сталъ на очередь другой вопросъ—вопросъ о неизбѣжности полнаго открытія университета на основаніи устава 1804 года. Яснымъ сдѣлалось для людей даже предубѣжденныхъ, что существующее анормальное и неопредѣленное положеніе университета—не въ силахъ ни открыть молодому университету путей къ его дальнѣйшему развитію, ни представить сколько нибудь твердыхъ гарантій спокойствія и тишины въ его внутренней жизни. Съ 1807 года вопросъ о полномъ открытіи казанскаго университета ставится уже вполнѣ опредѣленно, и осуществленіе его дѣлается лишь вопросомъ болѣе или менѣе ближайшаго, но уже неотложнаго, будущаго.

Новый 1807 годъ приближался при самыхъ благопріятныхъ для Яковкина предзнаменованіяхъ. Гидра крамолы была низвержена, враги всемогущаго директора посрамлены, миръ и тишина водворялись въ покорномъ отнынѣ своему предсѣдателю совѣтѣ. Профессоръ Сторль уже вскорѣ послѣ погрома 5-го декабря счелъ возможнымъ предупредительно отписать попечителю, что „pour ce qui regarde notre conseil, il y regne à présent une bienséance exemplaire et nous n'abusons jamais de la liberté d'opinion“....

Вожделѣнные миръ и тишина съ наступленіемъ новаго 1807 года, дѣйствительно, водворились, и на этотъ разъ уже на долго, въ совѣтѣ, изъ котораго, съ увольненіемъ профессора Цеплина, были удалены всѣ активно оппозиціонные Яковкину элементы. Оставался здѣсь еще профессоръ Германъ, но и этотъ протестантъ долженъ былъ подчиниться общему настроенію, хотя бы только изъ сознанія той вѣковой истины, что—„одинъ въ полѣ не воинъ“.

Тѣмъ не менѣе и вновь наступившій годъ не въ состояніи оказался принести полнаго успокоенія ни Яковкину, ни его принципалу—Румѣвскому. Подавленная въ стѣнахъ гимназіи, „многоголовая гидра крамолы“ прокралась за предѣлы сферы владычества профессора-директора и безнаказанно разгуливала по городу, къ безсильному огорченію Яковкина и къ великой сенсаціи всего казанскаго общества. Яковкинъ узналъ о новыхъ противъ него „ковахъ“ въ половинѣ марта, по возвращеніи изъ г. Пензы, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ службы: „Возвратившись изъ Пензы въ Казань, по милости Господней, благополучно, хотя и тонувши трижды на рѣчкахъ и зажорахъ, пораженъ я крайнимъ сердечнымъ прискорбіемъ, извѣстившись о новыхъ ковахъ вражескихъ,—писалъ онъ попечителю отъ 19-го марта.—Сначала старались меня обнести невоздержнымъ, потомъ—гордымъ,

а теперь—деспотствующимъ властолюбцемъ!... Живъ мой Сердцевѣдецъ—жива будетъ душа моя, и Господь мой не забудетъ мя до конца!.... Только бы чистѣйшее мое усердіе всѣми силами соотвѣтствовало, по совѣсти моей, ожиданію моего начальства и благу общественному, а впрочемъ—есть Созерцаяй сердца и утробы, Воздаяй комуждо по дѣломъ его!"....

На этотъ разъ вопросъ о крамолѣ принялъ уже совершенно неожиданный оборотъ: апостоломъ ея выступилъ никто иной, какъ самъ казанскій губернаторъ—Б. А. Мансуровъ.

Дѣло разгорѣлось изъ за письма Мансурова къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 28-го февраля 1807 года, въ которомъ губернаторъ доводилъ до свѣдѣнія своего министра о нестроеніяхъ въ казанскихъ университетѣ и гимназіи и которое, по словамъ губернатора, вызвано „сколько надеждою на милостивое вашего сіятельства ко мнѣ расположеніе,—поясняетъ Мансуровъ,—столько и желаніемъ споспѣшествовать народному благу".

„Учрежденіе въ Казани университета,—пишетъ губернаторъ,—представляло каждому благомыслящему лестные виды въ ожидаемомъ распространеніи просвѣщенія, въ возбужденіи ревнованія примѣрами упражненій и въ образованіи людей, полезныхъ отечеству. Начала, положенныя въ гимназіи, долженствовали бы служить къ тому основаніемъ. Но, къ сожалѣнію, управленіе сими заведеніями ввѣрено человѣку безъ достаточныхъ способностей, профессору Яковкину, котораго качества, правила и частную жизнь не одобряетъ общее мнѣніе. Всеобщій ропотъ на упущенія воспитанія, не прикрываемое даже ни наружнымъ порядкомъ, ни наружною благопристойностью и рождающее въ первомъ возрастѣ самыя грубыя страсти, произвелъ тѣ послѣдствія, что нѣкоторые пансіонеры взяты были обратно, не докончивъ ученія, и многіе изъ недовѣренности удерживаются отдать въ гимназію дѣтей своихъ.

Наконецъ, изъ членовъ университета люди, заслужившіе довѣренность публики и желавшіе исправить безпорядки, совсѣмъ неожидаемо отрѣшены. Изъ сихъ профессоръ и докторъ Каменскій, съ великими познаніями по своей части, наилучше аттестованный прежнимъ своимъ начальствомъ и пріобрѣтшій здѣсь какъ по его талантамъ, такъ и по образу жизни, общее одобреніе, словесно мнѣ изъяснилъ, что ему поручено было управлять счетными дѣлами университета, вслѣдствіе чего онъ открылъ попечителю, что употребленіе суммъ, покупка домовъ и даже самое опредѣленіе чиновниковъ по сей части дѣлались несогласно съ закономъ. Онъ получилъ въ отвѣтъ увольненіе отъ управленія счетными дѣлами (т. е. отъ званія члена конторы), а черезъ два мѣсяца и совершенное

отрѣшеніе отъ должности. Еще хуже поступлено было съ адъюнктомъ Карташевскимъ, человѣкомъ съ отличными способностями и знаніемъ, съ наилучшимъ образомъ мыслей и поведенія, котораго письмо, мнѣ поданное, смѣю приложить при семъ. Оба они просили въ своемъ мѣстѣ показать имъ причины отрѣшенія, но имъ ничего не отвѣтствовано.... Примѣръ ихъ, равнымъ образомъ отрѣшеніе профессора Цеплина и удаленіе другихъ трехъ (двухъ?) членовъ изъ совѣта, довольно сильны отвратить людей достойныхъ къ употребленію талантовъ ихъ въ Казани.

Если бы успѣхи просвѣщенія не имѣли тѣсной связи съ другими предметами, къ пользѣ народной относящимися.... и если бы, наконецъ, негодованіе публики, пріемлющей участіе въ жребіи отрѣшенныхъ и въ пользахъ воспитанія, не были мнѣ побудительными причинами по ввѣренному въ губерніи хозяйству—я бы не смѣлъ утруждать ваше сіятельство въ дѣлѣ для меня чуждомъ. Но чувствованія патріотизма, любовь къ справедливости и человѣчеству преклонили меня представить все мною описанное на воззрѣніе вашего сіятельства".

Министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ это письмо къ министру народнаго просвѣщенія, а тотъ, въ свою очередь, сообщилъ его попечителю Румовскому. Письмо губернатора касалось, собственно, двухъ вопросовъ: вопроса о нестроеніяхъ въ гимназіи,—вопроса чисто педагогическаго,—и вопроса о положеніи вещей въ университетѣ, поставленномъ въ ближайшую связь съ только что пережитыми совѣтскими событіями. Первый вопросъ, предложеніемъ отъ 22-го апрѣля, попечитель передалъ разсмотрѣнію совѣта гимназіи, въ виду того, что „сіе касается до чести цѣлаго заведенія и совѣта, который распоряжаетъ учебною его частью и по части воспитанія юношества", предписавъ ему доставить надлежащее объясненіе; отпарированіе находящихся въ губернаторскомъ „извѣтѣ", — такъ открыто называетъ попечитель письмо Мансурова,—нападокъ на университетскіе порядки и защиту своего фаворита, Яковкина, Румовскій счелъ цѣлесообразнымъ всецѣло принять на себя.

Совѣтъ выполнилъ возложенную на него задачу вполнѣ успѣшно, съ цифровыми и другими данными въ рукахъ доказавъ неосновательность губернаторскихъ нападокъ на гимназію. Болѣе щекотливымъ представлялось возраженіе на ту часть „извѣта", которая касалась дѣлъ университетскихъ и глубоко уязвила Яковкина, омрачивъ его торжество недавняго побѣдителя университетской „гидры". И попечитель, и директоръ были самымъ несомнѣннымъ образомъ убѣждены въ томъ,—да и самъ Мансуровъ, какъ мы видѣли, этого не скрывалъ,—что письмо губернатора представляетъ собою не только отголосокъ, но даже прямое продолженіе той

ожесточенной борьбы, которая только что закончена была въ стѣнахъ гимназіи. Въ своемъ отвѣтномъ объясненіи графу Завадовскому, Румовскій категорически указываетъ министру, что губернаторское письмо всецѣло построено „на внушеніяхъ людей невѣрныхъ или пристрастныхъ, людей за неповиновеніе начальству отрѣшенныхъ", въ частности же—Каменскаго. Попечитель возмущенъ панегириками губернатора по адресу отрѣшенныхъ имъ профессоровъ: „Губернаторъ,—пишетъ онъ,—пріобщаетъ мнѣніе свое о талантахъ и великихъ познаніяхъ доктора Каменскаго, объ отличныхъ способностяхъ и знаніяхъ г. Карташевскаго. Обыкновенно о знаніяхъ ученыхъ судятъ по ихъ сочиненіямъ, но неизвѣстны сочиненія, на которыхъ г. губернаторъ основалъ свое свидѣтельство. Но какъ они отрѣшены не по недостатку знанія, а за непослушаніе начальству, то и распространяться о семъ почитаю за излишнее".

На такихъ же доводахъ относительно личной подкладки губернаторскаго письма построена попечителемъ и защита Яковкина; что же касается неблагопріятныхъ городскихъ толковъ о директорѣ, то Румовскій не безъ натяжки объясняетъ ихъ тѣмъ, что „какъ неблаговоленіе губернатора городу стало извѣстно, то и неудивительно, что жители казанскіе, подражая губернатору, мнѣніемъ только своимъ, а не дѣломъ, не одобряютъ качествъ, правилъ и частной жизни Яковкина". Яковкинъ лично не сомнѣвался въ томъ, что губернаторскій извѣтъ—дѣло рукъ его враговъ: „Ахматовъ ходилъ къ губернатору на меня жаловаться,—писалъ онъ Румовскому (письмо отъ 4-го декабря),—ругалъ меня при всѣхъ тутъ бывшихъ самыми поносными словами, называя государственнымъ воромъ, притѣснителемъ, варваромъ, злодѣемъ, пьяницею и прочими тому подобными, да и по городу, куда только имѣетъ входъ, повсюду нещадно меня ругаетъ и безчеститъ; празднословцевъ и хулителей ближняго,—заключаетъ директоръ,—повсюду больше, нежели благонамѣренныхъ" [113].

Кромѣ временнаго, хотя конечно и весьма чувствительнаго, огорченія, это дѣло о „губернаторскомъ извѣтѣ" никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій ни для Яковкина, ни для университета, ни для гимназіи—не имѣло.

Губернаторскимъ извѣтомъ дѣло не ограничилось. Весною того же года обнаружились довольно рѣзкія проявленія неуважительнаго отношенія къ Яковкину со стороны университетской учащейся молодежи, которыя Яковкинъ опять таки не преминулъ поставить въ глазахъ попечителя въ ближайшую связь съ совѣтскими нестроеніями минувшаго года и съ агитаціею уволенныхъ профессоровъ, завѣряя Румовскаго, что „корень адскаго заговора распространился весьма

далеко и глубоко". Какъ это ни можетъ показаться на первый разъ страннымъ, но эта новая непріятность стояла въ нѣкоторомъ соотношеніи съ взрывомъ патріотическаго настроенія, охватившаго въ началѣ 1807 года все русское общество.

Мы предполагаемъ читателей въ достаточной степени знакомыми съ тѣми внѣшними политическими событіями, которыя вызвали высочайшій манифестъ 30-го ноября 1806 года о созывѣ повсемѣстныхъ временныхъ ополченій и призывъ всѣхъ сословій государства къ пожертвованіямъ на военныя нужды. Общее настроеніе не обошло Казани, коснувшись и мѣстнаго университета. Въ засѣданіи 6-го февраля 1807 года Яковкинъ предложилъ членамъ совѣта отозваться и съ своей стороны на призывъ монарха,—„да узрятъ, колико и всѣ они не уступаютъ прочимъ вѣрнымъ сынамъ отечества въ усиліяхъ своихъ и ревности ко благу отечества". Совѣтъ опредѣлилъ открыть двѣ подписки на военныя нужды государства: одну для чиновъ университета, другую—для служащихъ гимназіи; во время засѣданія въ залъ совѣта допущены были студенты Клепининъ и Упадышевскій, которые тутъ же, „ревнуя къ пользѣ общей, представили въ жертву отечеству по 25 рублей каждый". Директоръ Яковкинъ изъявилъ желаніе жертвовать „на пользу отечества по десяти процентовъ изъ всего своего жалованья ежегодно, доколѣ настоящая война продолжится". Къ заявленію директора присоединились Сторль, Бюнеманъ, Фуксъ и Эрихъ; Городчаниновъ, Запольскій и Эвестъ изъявили намѣреніе жертвовать изъ своего жалованья по пяти процентовъ; опредѣленную часть своего жалованья выразили готовность жертвовать и другіе чины университета и гимназіи, какъ это усматривается изъ имѣющихся при соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ подлинныхъ подписныхъ листовъ. Патріотическое настроеніе отливалось и въ другія формы соревнованія благу отечества: такъ, университетскій механикъ Горденинъ еще въ декабрѣ мѣсяцѣ секретно доложилъ Яковкину, что онъ открылъ способъ, „какимъ образомъ отвращать дѣйствіе французскихъ скрытныхъ губительныхъ баттарей" и требовалъ отправки своей въ столицу, для личнаго представленія изобрѣтенія государю императору *. Событія того времени были причиною нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ мѣропріятій, коснув-

* На почвѣ этого заявленія возникло цѣлое, весьма курьезное, дѣло. Заявляя, что онъ не имѣетъ никакихъ предписаній «ни о новыхъ изобрѣтеніяхъ, особливо не касающихся до ввѣренныхъ мнѣ заведеній, ниже о самыхъ изобрѣтателяхъ», Яковкинъ при рапортѣ представилъ запечатанный конвертъ Горденина, съ описаніемъ его изобрѣтенія, попечителю, а тотъ, въ свою очередь, препроводилъ его министру народнаго просвѣщенія. Дальнѣйшая судьба этого патріотическаго казанскаго «изобрѣтенія» неизвѣстна (см. архивное дѣло Попеч. 1806, № 107).

шихся и Казани. Такъ, повсемѣстно учреждены были „коммиссіи для разбора иностранцевъ", обязанныя выяснить политическую благонадежность этихъ послѣднихъ, съ требованіемъ отъ нихъ присяги на вѣрность Россіи. Учреждена была такая коммиссія и въ Казани, причемъ эта коммиссія повела дѣло „разбора" настолько усердно, что въ началѣ 1807 года Румовскій долженъ былъ, какъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе скажемъ мы объ этомъ, аппелировать къ губернатору по поводу непріятностей, причиненныхъ коммиссіею иностраннымъ профессорамъ университета. Въ маѣ мѣсяцѣ въ совѣтъ поступилъ сенатскій указъ отъ 18-го марта 1807 года, въ силу котораго запрещались „всякіе неприличные и развратные толки о военныхъ и политическихъ дѣлахъ" и въ прочтеніи котораго отъ служащихъ отбирались подписки и т. п. и т. п. Патріотическое движеніе начала 1807 года не было, впрочемъ, продолжительнымъ: тильзитское соглашеніе и послѣдовавшій за нимъ миръ съ Наполеономъ положили ему конецъ уже лѣтомъ того же года.

Необходимость комплектованія арміи офицерами заставила военныя сферы обратить вниманіе на гражданскія учебныя заведенія и 14-го марта 1807 года воспослѣдовалъ высочайшій указъ на имя министра народнаго просвѣщенія, которымъ опредѣлялся порядокъ вступленія въ военную службу обучающагося въ университетахъ и гимназіяхъ благороднаго дворянскаго юношества. Въ силу этого указа, студенты университета должны были являться въ Петербургѣ къ начальнику второго кадетскаго корпуса ген.-маіору Клейнмихелю; получивъ въ корпусѣ, въ званіи унтеръ-офицеровъ, необходимую подготовку, они назначались въ полки офицерами. Сообщая объ этомъ совѣту, попечитель Румовскій предписывалъ не удерживать желающихъ вступать въ военную службу студентовъ, „поелику на сіе есть высочайшая воля"; требовалось для этого лишь согласіе родителей или заступающихъ ихъ мѣсто.

Объявленіе казанскимъ студентамъ этого высочайшаго указа произвело положительно магическое дѣйствіе: въ обиліи посыпались прошенія студентовъ объ увольненіи ихъ въ военную службу; изъ нихъ одни руководились дѣйствительнымъ подъемомъ патріотическаго духа, другіе—перспективою облегченнаго достиженія офицерскаго ранга, третьи—возможностью сбросить съ себя тяготѣвшее на нихъ за казенное содержаніе обязательство шестилѣтней учительской службы. Въ результатѣ оказалось, уже къ половинѣ мая, двадцать четыре прошенія объ увольненіи изъ университета, что выражало собою убыль почти половины общаго числа (52 человѣка) студентовъ. Это была та именно пора увлеченія военною карьерою,

про которую писалъ впослѣдствіе С. Т. Аксаковъ, что, быть можетъ, „многихъ замѣчательныхъ людей лишилась тогда наука“ и что „не одинъ Перевощиковъ, Симоновъ, Лобачевскій попали въ то время въ артиллерійскіе офицеры и почти всѣ погибли рановременною смертью“.

Этимъ то молодымъ патріотамъ и выпало на долю принести новое огорченіе директору Яковкину, усмотрѣвшему и здѣсь злонамѣренный отпрыскъ отъ „корня адскаго заговора“, затѣяннаго противъ него врагами. Изъявившіе желаніе уйти въ военную службу студенты получали наименованіе „кадетовъ“ и поступали, до отправки ихъ въ столицу, въ распоряженіе мѣстнаго губернатора. И вотъ, 13-го мая цѣлая партія студентовъ, подавшихъ прошенія объ увольненіи ихъ въ военную службу (Балясниковъ, Чуфаровъ, Кузьминскій, Поповъ и др.), явившись къ губернатору Мансурову, начали „по извѣстнымъ побужденіямъ“,—какъ доносилъ о томъ Яковкинъ попечителю, — въ присутствіи вице-губернатора и нѣсколькихъ другихъ чиновниковъ бранить университетъ и его порядки; они жаловались, что, по интригамъ директора, изъ университета уволены лучшіе профессоры, что, за исключеніемъ Запольскаго, въ университетѣ нѣтъ теперь ни одного порядочнаго человѣка, что университетъ не въ состояніи давать никакого серьезнаго образованія, а возвратившись въ гимназію „стали оказывать всякое возможное своевольство“, ссылаясь на то, что теперь имъ „не университетъ, а губернаторъ начальникъ“. На слѣдующій день произошло между тѣми же молодыми людьми и директоромъ столкновеніе изъ за выставленныхъ въ увольнительныхъ свидѣтельствахъ отмѣтокъ о поведеніи, а 16-го числа студенты Балясниковъ и Кузьминскій на университетскомъ дворѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ служащихъ университета и гимназіи, „увѣрительно грозили“ Яковкину мщеніемъ по пріѣздѣ въ Петербургъ; директоръ былъ всѣмъ этимъ такъ смущенъ, что поставилъ на ночь у зданія гимназіи „пикетъ изъ шести инвалидовъ при унтеръ-офицерѣ и квартирмейстерѣ“. Буйствами ознаменовался, по донесенію Яковкина, какъ послѣдній день пребыванія ихъ въ Казани, такъ и переѣздъ молодыхъ воиновъ водою отъ Казани до Свіяжска, во время котораго они высѣкли нагайками лодочника и какого то, плывшаго съ ними, калачника. „Вотъ плоды воспитанія Яковкина!“,—будто бы злорадствовалъ губернаторъ, узнавъ про буйство молодежи.

„Всѣ сіи обстоятельства, — писалъ Яковкинъ Румовскому, — суть послѣдствія извѣта къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, здѣшнимъ губернаторомъ подписаннаго 28-го февраля, въ день отъѣзда гг. Каменскаго и Карташевскаго изъ Казани.... Послѣ всѣхъ таковыхъ неожиданныхъ враже-

скихъ покушеній и самая каменная твердость должна поколебаться!—восклицаетъ директоръ.—Но есть Тотъ, кто и посреди смертельныхъ ужасовъ подкрѣпляетъ и утѣшаетъ невинность“ [114].

14-го февраля 1807 года исполнялась вторая годовщина дня открытія казанскаго университета.

Мы уже знаемъ, что Румовскій еще прошедшимъ лѣтомъ предположилъ обставить чествованіе этого знаменательнаго дня особенно торжественнымъ образомъ, предписавъ изготовить къ имѣющему состояться въ этотъ день публичному акту подходящія рѣчи,—трудъ, который и былъ принятъ на себя и своевременно выполненъ профессоромъ Германомъ и адъюнктомъ Городчаниновымъ. Германъ изготовилъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Etwas über die Cultur der Menschheit“, Городчаниновъ рѣчь на тему „О дѣйствіи просвѣщенія на разумъ и сердце“.

Были сдѣланы и другія приготовленія къ чествованію дня 14-го февраля 1807 года. Университетскій піита, кандидатъ Кондыревъ, написалъ къ этому дню торжественный кантъ, а преподаватель музыки Новиковъ сочинилъ къ этому канту музыку для четырехголоснаго хора и смѣшаннаго, струннаго и духоваго, оркестра. По счастливой случайности, въ архивѣ попечительской канцеляріи сохранилась полная, росписанная по голосамъ хора и оркестра, партитура этого канта, вмѣстѣ съ представленіемъ, при которомъ она была въ свое время препровождена Румовскому. Торжественный, представляющій собою подражаніе вычурнымъ полонезамъ второй половины XVIII-го вѣка, стиль этого произведенія казанскаго композитора совершенно соотвѣтствуетъ и тексту къ нему Кондырева, написанному по общему шаблону кантовъ и маршей того времени. „Казанскіе знатоки музыки хвалили представляемый на благоусмотрѣніе вашего превосходительства хоръ сочиненія г. Новикова,—писалъ Яковкинъ попечителю,—но вкусъ петербургскій долженъ быть вѣрнѣе“.

Публичному чествованію дня 14-го февраля 1807 года не суждено было, тѣмъ не менѣе, осуществиться. За три недѣли до акта получено было отъ попечителя слѣдующее предложеніе отъ 10-го января, отмѣняющее это торжество:

„Послѣ того, какъ я предлагалъ о публичномъ собраніи въ изъявленіе благодаренія всемилостивѣйшему государю императору за пожалованную утвердительную грамоту и уставъ казанскому университету, обстоятельства перемѣнились, и для того предлагаю совѣту отмѣнить публичное собраніе, а за изліянныя на университетъ и гим-

назію милости, не приглашая публики, принесть Господу Богу благодареніе, слѣдующимъ образомъ:

Наканунѣ того достопамятнаго дня въ гимназическомъ домѣ отпѣть всенощное бдѣніе; въ самый же день, собравшись, быть у литургіи, и потомъ въ залѣ гимназіи отпѣть благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ. Послѣ сего воспитанники садятся за столъ, получше приготовленный, а духовенство, присутствующихъ гг. профессоровъ, адъюнктовъ и учителей и другихъ чиновниковъ директоръ, главный и комнатные надзиратели, какъ хозяева, угощаютъ по обыкновенію. На угощеніе и воздаяніе священнослужившихъ и приготовленіе воспитанникамъ лучшаго, сверхъ обыкновеннаго, стола, директоръ можетъ употребить до 50-ти рублей.

Что касается до рѣчей, то онѣ останутся до того времени, когда можно будетъ сдѣлать публичное собраніе".

„Перемѣнившіяся обстоятельства", о которыхъ писалъ Румовскій, должны быть отнесены, прежде всего и главнымъ образомъ, конечно, къ политическимъ осложненіямъ, переживавшимся въ то время Россіею, вовлеченною въ тяжелую и разорительную войну съ Франціею и Турціею. Часть неблагопріятствовавшихъ публичному торжеству обстоятельствъ могла быть отнесена, впрочемъ, и къ внутреннимъ дѣламъ самого университета: только что закончившаяся совѣтская борьба, непріятности съ мѣстною губернскою администраціею, предубѣжденіе городского общества противъ Яковкина и представляемаго имъ университетскаго режима—все это были условія, при наличности которыхъ врядъ ли умѣстною была бы публичная обстановка чествованія дня открытія въ Казани университета.

Мы имѣемъ подробное о п и с а н і е т о р ж е с т в а 14-го ф е в р а л я 1807 г о д а, хотя и лишеннаго характера публичности, но обставленнаго, по выраженію Яковкина, „церемоніей, хотя простой, но, купно, и величественной", которая „да будетъ,—восклицаетъ директоръ,—знакомъ истиннаго усердія, благопріятнаго Богу, государю и начальству, яко двѣ лепты вдовицы!"....

Согласно начертанной попечителемъ программѣ, 13-го февраля, наканунѣ дня чествованія, въ большой залѣ гимназіи отслужено было всенощное бдѣніе, къ которому были оффиціально приглашены всѣ чины университета и гимназіи. Въ самый день чествованія, къ девяти часамъ утра, въ залъ гимназіи снова собрались всѣ служащіе и учащіеся обоихъ заведеній, послѣ чего открылось въ слѣдующемъ порядкѣ шествіе въ церковь, къ литургіи: а) воспитанники гимназіи, съ надзирателями, по два въ рядъ, б) учителя и чиновники гимназіи, въ мундирахъ, по два въ рядъ, младшіе

впереди, в) студенты университета, по два въ рядъ, г) члены университета, съ профессоромъ-директоромъ во главѣ.

По окончаніи литургіи, шествіе такимъ же порядкомъ возвратилось въ гимназію, гдѣ въ большомъ залѣ совершено благодарственное молебствіе съ водоосвященіемъ и колѣнопреклоненіемъ. Слѣдовавшій затѣмъ актъ открылся, взамѣнъ рѣчей, чтеніемъ „разныхъ предписаній начальства и постановленій совѣта", а затѣмъ возвѣщены пожертвованія, сдѣланныя на патріотическія цѣли. Послѣ этого пропѣтъ былъ уже упомянутый нами выше кантъ Кондырева, съ музыкою къ нему Новикова, причемъ и вокальными и оркестровыми исполнителями выступили воспитанники университета и гимназіи.

Вотъ текстъ этого канта:

„Дни славы, Россъ, благословляй:
„Монархъ твой громокъ сталъ тобою,
„Тебя возвысилъ онъ собою—
„Днесь Александра прославляй!

* * *

„Врагъ—гордъ.... Велѣнья свыше вняли
„Народы, на отпоръ стеклись,
„Пошли, сразилися, попрали
„Врага—и долы потряслись.

* * *

„Могучій Россъ своей стопою
„Ступилъ—и горы всколебалъ,
„Ступилъ—и врагъ вострепеталъ.
„Предшествовать сему герою
„Монарха слава разнесется.

„Поетъ тебѣ, о царь отецъ,
„Днесь храмъ казанскихъ музъ священный,
„Твоей щедротой вознесенный,
„Поетъ тебѣ хвалу сердецъ.

* * *

„Цвѣтущими наукъ садами
„Прославится тобой Казань,
„И зрѣлыхъ свѣдѣній плодами
„Тебѣ воздастъ святую дань.

* * *

„Украсится и вознесется
„Сей градъ среди другихъ градовъ,
„И въ роды позднѣйшихъ родовъ
„Монарха слава разнесется!.....

По окончаніи пѣнія канта, „господа чиновники и духовенство, обозрѣвъ столъ студентовъ и питомцевъ", были угощаемы „приличнымъ образомъ въ комнатѣ съ нишемъ", смежной съ заломъ. Отъ трехъ до шести часовъ пополудни происходило „домашнее собраніе съ музыкою и пѣніемъ" [115].

Такъ отпраздновалъ въ 1807 году казанскій университетъ вторую годовщину дня своего открытія.

Университетскіе экзамены происходили, съ окончаніемъ бурнаго 1806—1807 учебнаго года, отъ 1-го до 6-го іюля. Вновь допущены, опредѣленіемъ совѣта отъ 8-го іюля, къ слушанію въ будущемъ учебномъ году университетскихъ лекцій одиннадцать воспитанниковъ гимназіи *. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить восемь воспитанниковъ выпуска 1806 года, допущенныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій въ началѣ 1807 года ** и четырехъ студентовъ, принятыхъ въ августѣ 1807 года ***.

Спеціально университетскаго публичнаго акта лѣтомъ 1807 года не происходило. Происходилъ, какъ и въ предшествовавшемъ году, только актъ гимназіи, имѣвшій мѣсто 10-го іюля, на которомъ адъюнктъ Запольскій прочиталъ рѣчь на тему „О самолюбіи". Въ своемъ донесеніи попечителю объ этомъ актѣ, Яковкинъ особенно подчеркиваетъ присутствіе на немъ его врага—губернатора Мансурова: онъ видѣлъ въ этомъ фактѣ косвенное признаніе губернаторомъ неправоты извѣтовъ, въ началѣ года сдѣланныхъ имъ на университетъ и гимназію [116].

Собственно университетскій торжественный публичный актъ состоялся въ самомъ началѣ 1807—1808 учебнаго года и былъ пріуроченъ ко дню тезоименитства императора Александра Павловича — 30-му августа 1807 года. Этотъ актъ выдавался и тѣмъ, что онъ былъ первымъ исключительно университетскимъ актомъ, такъ какъ гимназія участія въ немъ уже не принимала, отпраздновавъ свой актъ въ предшествовавшемъ мѣсяцѣ. Яковкинъ приложилъ всѣ старанія къ тому, что

* Именно: Шабровъ Александръ, Алехинъ Николай, Лобачевскій Алексѣй, Линдегренъ Іосифъ, Гундуровъ Андрей, Клепининъ Александръ, Овчинниковъ Павелъ, Манасеинъ Эльпидифоръ, Самсоновъ Доремидонтъ, Николаевъ Иванъ, Пятовъ Алексѣй.

** См. выше, стр. 164.

*** Именно: Булыгинъ Владиміръ, Максютовъ Павелъ кн., Максютовъ Петръ кн. и Филипповскій Николай.

бы этотъ актъ былъ обставленъ возможно торжественнѣе: къ этому побуждало его какъ значеніе момента — первый день ангела государя послѣ окончанія тяжелыхъ политическихъ осложненій, такъ и его собственные разсчеты—желаніе выставить себя торжествующимъ побѣдителемъ послѣ перенесенной ожесточенной борьбы съ университетскими и городскими врагами.

Ко дню этого акта университетъ уже располагалъ нѣкоторыми аксессуарами, необходимыми для публичныхъ собраній и, прежде всего—портретами державнаго своего основателя. Контора казанской гимназіи еще въ декабрѣ 1804 года представляла попечителю о необходимости пріобрѣтенія для гимназіи портретовъ какъ царствующаго императора, такъ и предшествовавшихъ высокихъ покровителей ея—императрицы Екатерины II и императора Павла I, выставляя на видъ то неудобство, что гимназія „принуждена бываетъ при всякихъ публичныхъ и приватныхъ экзаменахъ, либо на случай какого либо собранія, съ поклонами заимствоваться таковыми портретами отъ частныхъ людей". Съ открытіемъ казанскаго университета потребность въ царскихъ портретахъ сказалась и по отношенію къ университету, вслѣдствіе чего уже въ ноябрѣ 1805 года Румовскій представлялъ министру народнаго просвѣщенія, что „для будущаго открытія казанскаго университета благопристойность требуетъ, по примѣру харьковскаго, заготовить одинъ портретъ государя императора въ полный ростъ, а другой въ поясъ, и портретъ министра народнаго просвѣщенія; сверхъ сего—трое стѣнныхъ часовъ". Указывая на невозможность сдѣлать въ Казани покупку или заказъ означенныхъ предметовъ, Румовскій просилъ разрѣшенія заказать все это въ Петербургѣ, на что и послѣдовало согласіе министра. Три царскіе портрета, заказанные, какъ это усматривается изъ нѣкоторыхъ указаній, художнику-академику Рацету, были получены въ Казани уже въ маѣ 1806 года и обошлись, вмѣстѣ съ золочеными рѣзными рамами къ нимъ и упаковкою, въ 1715 руб. 50 коп. * Портретъ графа Завадовскаго пріобрѣтенъ не былъ, выписанные же Румовскимъ изъ Англіи, для университета, двое стѣнныхъ часовъ, въ футлярахъ краснаго дерева, получены были въ Казани въ мартѣ 1807 года **. Къ сентябрю 1806 года изготовленъ былъ, украшенный рѣзьбою и брон-

* Изъ этихъ трехъ портретовъ императора Александра I одинъ, во весь ростъ—предназначенъ былъ для зала собраній (это нынѣ сохраняющійся въ актовомъ залѣ портретъ, изображающій государя въ молодыхъ лѣтахъ), два поясныхъ—для залъ совѣта и конторы.

** Эти историческіе часы, изъ которыхъ одни стоятъ въ профессорской читальной комнатѣ, вторые—при входѣ въ общія аудиторіи, исправно функціонируютъ и по настоящее время.

зою, краснаго дерева ковчегъ, еще въ предшествовавшемъ году за 125 рублей заказанный столяру Эберту, по рисунку архитектора Смирнова, для храненія въ немъ собственноручно подписанныхъ императоромъ Александромъ утвердительной грамоты и устава казанскаго университета и неизмѣнно фигурировавшій впослѣдствіе на университетскихъ актахъ. Обзавелся университетъ и собственными иконами, заказанными Яковкинымъ въ концѣ 1806 года: св. мученика Галактіона (память 5-го ноября—дня основанія университета) и преп. Авксентія * (память 14-го февраля—дня его открытія) [117].

Совѣтъ имѣлъ сужденія по поводу предстоящаго торжества 14-го и 26-го августа. Постановлено было назначить для прочтенія на актѣ уже извѣстныя намъ нѣмецкую и русскую рѣчи, заготовленныя Германомъ и Городчаниновымъ еще къ несостоявшемуся публичному собранію 14-го февраля, сдѣлавъ въ нихъ нѣкоторыя „перемѣны мыслей въ разсужденіе мира и тезоименитства его императорскаго величества"; кромѣ того, допущено къ произнесенію на актѣ стихотворное произведеніе, изготовленное къ этому дню кандидатомъ Кондыревымъ. Публика была приглашена на это первое публичное университетское торжество особыми печатными программами.

Наканунѣ дня акта, 29-го августа, въ залѣ гимназіи отслужено было всенощное бдѣніе, а въ самый день торжества всѣ служащіе и воспитанники слушали въ Воскресенской церкви литургію, а затѣмъ, въ большомъ гимназическомъ залѣ, благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ.

Актъ начался въ 4 часа дня и окончился лишь къ 7-ми часамъ вечера. По донесенію Яковкина, актъ почтили своимъ присутствіемъ „весь генералитетъ, почетные гости и множество дамъ"; не присутствовали губернаторъ и вице-губернаторъ, находившіеся въ отъѣздѣ, и старшее городское духовенство, обѣдавшее въ этотъ день у архіерея. Торжество открылось привѣтственною рѣчью директора, послѣ чего послѣдовало чтеніе рѣчей Германа и Городчанинова и раздача Яковкинымъ шпагъ произведеннымъ въ студенты воспитанникамъ гимназіи. Затѣмъ кандидатъ Кондыревъ произнесъ обширное (въ 28 строфъ) стихотворное произведеніе, подъ заглавіемъ: „Чувствованіе къ благодѣтельному правленію всеавгустѣйшаго государя императора Александра I, самодержца всероссійскаго",

* Историческія иконы эти, написанныя за 25 р., на кипарисныхъ доскахъ, иконописцемъ мѣстнаго Казанскаго монастыря Флавіаномъ Колосовымъ, были въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія розысканы ректоромъ Н. Н. Буличемъ и повѣшены въ залѣ совѣтскихъ собраній (см. его трудъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 395).

въ которомъ авторъ силился въ вычурно-дѣланныхъ чертахъ обрисовать значеніе царствованія Александра I и, въ особенности, только что пережитыхъ политическихъ осложненій.

Посвящается въ этомъ произведеніи одна строфа и казанскому „музъ храму“:

„Царя щедротой вознесенный
„И благостью распространенный
„Цвѣтетъ великій музамъ храмъ.
„Ліются вкругъ лучи сребристы
„И озаряютъ край дебристый,
„По мразнымъ сыплются странамъ и т. п.

Въ заключеніе акта, директоръ обратился къ посѣтителямъ съ вторичною привѣтственною рѣчью. Въ промежуткахъ между чтеніями, ученическій оркестръ игралъ различныя пьэсы, а хоръ исполнилъ уже знакомый намъ кантъ Кондырева и Новикова, пѣтый 14-го февраля; публика въ тоже время угощалась мороженнымъ, арбузами, яблоками и прохладительными напитками. Вечеромъ происходилъ балъ, данный для служащихъ и воспитанниковъ университета, окончившійся въ первомъ часу ночи ужиномъ. Всѣ гимназическія зданія были иллюминованы плошками и свѣчами, что, по словамъ Яковкина, представляло рѣзкій контрастъ городскимъ улицамъ, „по случаю отсутствія градоначальника (sic!)“ утопавшимъ въ непроглядной тьмѣ [118].

Такъ отпраздновалъ казанскій университетъ свой собственный и первый публичный актъ.

Яковкинъ находился на верху торжества. Совѣтская оппозиція противъ него была сломлена, миръ и тишина водворились во внутренней жизни университета; стали, повидимому, сглаживаться и тѣ непріятныя шероховатости, которыя такъ неожиданно обнаружились въ взаимныхъ отношеніяхъ между учебнымъ вѣдомствомъ и городскимъ обществомъ.

Съ спокойнымъ духомъ и сердцемъ, преисполненнымъ самыхъ радужныхъ упованій, могъ теперь идти профессоръ-директоръ на встрѣчу наступившему новому 1807—1808 учебному году.

ГЛАВА III

Преподаватели и преподаванiе передъ полнымъ открытiемъ казанскаго университета

(1807—1814)

1807—1808 академическiй годъ. Сношенiя съ заграничными учеными. Неудачные кандидаты и претенденты (Кирстенъ, Бисъ, Липцъ, Мененбургъ, Беккеръ, Павловичъ, Бангардъ, Шмидтмюллеръ, Здекауэръ, Субботишъ, Кюстеръ, Рижскiй, Москотильниковъ, Ильинскiй).—Новые профессоры и преподаватели: Френъ Х. Д., Бартельсъ М. Ѳ., Фойгтъ К. А., Миллеръ И. Е., Вуттигъ I. Ф., Реннеръ К. Ѳ.—† Бюнеманъ Г. Л.

1808—1809 академическiй годъ. Претендентъ на кафедру (Пѣлицъ).—Новые преподаватели: Реннеръ Т., Никольскiй Г. Б., Перевощиковъ В. М.

1809—1810 академическiй годъ. Претенденты на кафедры (Баумеръ, Майеръ, Радiусъ).—Новые профессоры и преподаватели: Финке И. А., Нейманъ И. Е., баронъ Врангель Е. В., Шарпiо И. Е., Петровскiй С. С., Литтровъ I. А., Эрдманъ Ѳ. Х.—† Эвестъ Ѳ. Л.

1810—1811 академическiй годъ. Претенденты на кафедры (Ганаузеккъ, Гладковъ, Мироновичъ, Русецкiй).—Новые профессоры и преподаватели: Броннеръ К. И., Томасъ И. Г., Дунаевъ И. И., Кайсаровъ А. В., Тимьянскiй В. И., Шоникъ С. Ф.—† Запольскiй И. П., Фойгтъ К. А.

1811—1812 академическiй годъ. Претенденты на кафедры (Стекъ, Андреевъ).—Новые профессоры и преподаватели: Ренардъ I. Х., Брейтенбахъ Ф. Л., Лубкинъ А. С., Арнгольдтъ А. И.

1812—1813 академическiй годъ. Претенденты на кафедры (Измайловъ, Боянусъ).—Новые преподаватели: Срезневскiй I. Е., Хальфинъ И. И., Лейтеръ И. Ѳ., Калайдовичъ Ѳ. Д.—† Сторль М. В., Шарпiо И. Е.

1813—1814 академическiй годъ. Новые преподаватели: вторично Цеплинъ П. А., Лобачевскiй Н. И., Симоновъ И. М.

Въ предшествовавшихъ двухъ главахъ мы прослѣдили зарожденiе и начальные шаги жизни казанскаго университета за первые $2^1/_2$ года его существованiя, одною изъ наиболѣе характерныхъ чертъ которыхъ выступаетъ борьба оппозицiонной совѣтской партiи съ самовластiемъ директора Яковкина, явившагося, въ свою очередь, лишь выразителемъ той патрiархально-упрощенной формы, въ которой увидѣлъ свѣтъ новорожденный университетъ.

Подробно прослѣженныя нами событiя конца 1806 и начала 1807 годовъ привели къ полному торжеству Яковкина, которому удалось временно водворить во внутренней жизни университета ту „тишину" и „согласiе",

о которыхъ такъ мечтали и попечитель, и директоръ, и которыя, въ сущности своей, сводились лишь къ почти неограниченному абсолютизму пресловутаго попечительскаго фаворита и профессора-директора. Борьба съ Яковкинымъ и все еще „неопредѣлительнымъ" положеніемъ профессорской коллегіи года два спустя возгорѣлась съ новою силою и, на этотъ разъ, уже не въ пользу профессора-директора. Счастливая звѣзда Яковкина стала все болѣе и болѣе меркнуть и, наконецъ, совсѣмъ закатилась при преемникѣ престарѣлаго Румовскаго—попечителѣ М. А. Салтыковѣ, съ вступленіемъ казанскаго университета во всѣ условія своего внѣшняго строя и своей внутренней жизни, гарантированныя ему утвердительною грамотою и уставомъ 5-го ноября 1804 года.

Вопросы, только что намѣченные нами, составятъ, впрочемъ, предметъ нашего послѣдующаго повѣствованія, которое не могло бы быть полнымъ безъ предварительнаго ознакомленія съ двумя вопросами, представляющимися, конечно, краеугольными въ лѣтописи университетской жизни: это—вопросъ о личномъ составѣ университета и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ объ организаціи преподаванія. Имъ то мы и намѣреваемся посвятить настоящую главу, располагая исчерпать въ ней положеніе этихъ двухъ вопросовъ въ дальнѣйшихъ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, т. е. до полнаго открытія въ 1814 году университета, что избавитъ уже насъ отъ необходимости снова,—и, конечно, эпизодически, — возвращаться къ нимъ впослѣдствіе. Мы соединимъ въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи оба намѣченные вопроса такимъ образомъ, что, предлагая вниманію читателей краткія свѣдѣнія относительно отдѣльныхъ университетскихъ дѣятелей, мы тутъ же,—въ границахъ, конечно, только возможнаго,—будемъ говорить о постановкѣ ими преподаванія въ предѣлахъ занимающей насъ въ настоящее время эпохи.

Изложеніе этихъ двухъ, соединяемыхъ вмѣстѣ, вопросовъ мы расположимъ по учебнымъ годамъ, что въ состояніи будетъ представить намъ до извѣстной степени послѣдовательную картину постепеннаго хода какъ обогащенія личнаго состава университета, такъ и организаціи въ немъ преподаванія.

Начнемъ съ 1807—1808 учебнаго года.

Катастрофа, постигшая въ предшествовавшемъ учебномъ году личный составъ казанскаго университета, не могла не вызвать усиленныхъ

заботъ попечителя Румовскаго, направленныхъ къ пополненію его преподавательскаго персонала, скудная наличность котораго на болѣе или менѣе неопредѣленное время отлагала вождѣленный моментъ полнаго открытія университета. Заботами въ этомъ направленіи отмѣчена для Румовскаго вторая половина 1806, 1807 и начало 1808 годовъ. Выступали за этотъ промежутокъ времени претенденты, искавшіе кафедры по собственному почину, встрѣчались случаи несостоявшихся приглашеній на кафедры; имѣется и рядъ удавшихся, въ отдѣльныхъ случаяхъ даже блестящихъ, фактовъ замѣщенія свободныхъ преподавательскихъ вакансій.

Румовскій еще осенью 1806 года былъ усиленно озабоченъ замѣщеніемъ во ввѣренномъ ему университетѣ кафедръ математики и восточныхъ языковъ—въ особенности первой, такъ какъ отрѣшеніе Карташевскаго едва ли не было уже давно предрѣшено попечителемъ и Яковкинымъ. Еще въ апрѣлѣ 1805 года Румовскій мечталъ о пріобрѣтеніи для казанскаго университета виднаго математика, дабы „молодые адъюнкты (т. е. Карташевскій), принуждены были отложить высокомѣрныя о себѣ мысли“; равнымъ образомъ и Яковкинъ усиленно настаивалъ на скорѣйшемъ приглашеніи профессора математики, что бы „противопоставить имъ преграду молодому высокоумію“.

Осенью 1806 года Румовскій входилъ по этому поводу въ переписку съ геттингенскими и ростокскими учеными: „Письма мои, писанныя въ Геттингенъ и Ростокъ,—пишетъ попечитель Яковкину отъ 19-го ноября этого года,—коими приглашалъ въ профессора математики и другого восточныхъ языковъ, вѣрно до нихъ не дошли, а хотя бы и дошли, то отвѣты ихъ до меня не дойдутъ,—кто бы подумалъ, что война между Франціею и прусскимъ королемъ нанесетъ вредъ и казанскому университету!“.... Имя оріенталиста, о которомъ говоритъ здѣсь попечитель—намъ извѣстно: то былъ молодой приватъ-доцентъ ростокскаго университета Френъ, будущій знаменитый оріенталистъ и академикъ, осенью слѣдующаго года занявшій въ Казани кафедру восточныхъ языковъ.

Румовскій дѣятельно поддерживалъ сношенія съ ростокскими профессорами и съ маститымъ оріенталистомъ Цихсеномъ, въ ихъ главѣ; впрочемъ, съ ростокскимъ университетомъ связывалъ казанскій университетъ и мѣстный профессоръ Цеплинъ, бывшій студентъ ростокскаго университета, не прекращавшій переписки съ дѣятелями своей бывшей almae matris и послѣ переселенія въ Россію. Попечитель писалъ Яковкину еще отъ 7-го февраля 1807 года, что, кромѣ Френа, „изъявили желаніе переселиться въ Казань четыре ростокскіе профессора: Кирстенъ—экономіи, Бисъ—философіи и ѳеоретической ма-

тематики, славный Линкъ—физики, химіи и минералогіи, и Мененбургъ—докторъ гражданскихъ римскихъ правъ; всѣ рекомендованы,—добавляетъ попечитель,—почтеннымъ старцемъ Тихсеномъ". Изъ всѣхъ этихъ кандидатовъ казанскій университетъ пріобрѣлъ, какъ ниже увидимъ это, одного только Френа.

Выступали и другіе кандидаты на кафедры. Такъ, 30 іюля 1807 года иркутскій протестантскій пасторъ Іоганъ Готфридъ Беккеръ (онъ же учитель латинскаго и нѣмецкаго языковъ въ мѣстной гимназіи) обратился къ Яковкину съ письмомъ, въ которомъ просилъ его содѣйствія въ дѣлѣ полученія кафедры греческой и латинской словесности, причемъ представилъ коротенькое рукописное „разсужденіе о греческой миѳологіи"; этому претенденту было отказано какъ вслѣдствіе отсутствія вакансіи, такъ и вслѣдствіе неодобрительнаго отзыва проф. Германа о представленномъ имъ трудѣ. Въ октябрѣ того же года домогался кафедры исторіи, технологіи и коммерческихъ наукъ учитель черкасской гимназіи докторъ философіи Константинъ Павло́вичъ, которому было отказано за неимѣніемъ въ университетѣ кафедры, соотвѣтствующей заявленной имъ спеціальности. Неудачею, вслѣдствіе неудовлетворительнаго отзыва профессоровъ Фукса и Брауна о доставленномъ имъ трудѣ, окончилось и домогательство (осенью 1807 года) гессенскаго доктора медицины и хирургіи Христ. Георга Бангарда относительно предоставленія ему кафедры повивальнаго искусства.

Неудачныя домогательства кафедръ въ казанскомъ университетѣ имѣли мѣсто и въ 1808 году. Такъ, въ концѣ лѣта 1808 года безплодными оказались рекомендаціи казанскаго уже въ ту пору профессора Брауна, предлагавшаго Румовскому для замѣщенія медицинскихъ кафедръ докторовъ медицины: нѣмецкаго профессора Шмидтмюллера, свеаборгскаго морского врача Здекауэра * и виленскаго военнаго врача Субботина. Въ іюнѣ 1808 года подавалъ министру народнаго просвѣщенія прошеніе объ опредѣленіи его на кафедру правовѣдѣнія бывшій студентъ гельмштедтскаго университета и докторъ правъ московскаго университета, выѣзжій иностранецъ І. Ф. Д. Кюстеръ, но Румовскій далъ отрицательный отзывъ, сославшись на то, что въ казанскій университетъ „опредѣлены уже два профессора по сей части, а именно: Бюнеманъ—правъ естественнаго, политическаго и народнаго, и Фойгтъ—правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ (?), хотя послѣдній, по болѣзни жены, еще не явился къ должности". Къ іюню 1808 года относится и любопытная попытка Румов-

* Ѳеодоръ Яковлевичъ Здекауэръ, главный врачъ свеаборгскаго морского госпиталя, вызванный въ русскую службу въ началѣ царствованія Александра I, былъ отцомъ знаменитаго профессора и лейбъ-медика Николая Ѳеодоровича Здекауэра.

скаго привлечь въ казанскій университетъ извѣстнаго И. С. Рижскаго, академика, профессора россійской словесности и перваго ректора харьковскаго университета—попытка, окончившаяся уклончивымъ отвѣтомъ Рижскаго (отъ 11-го іюля), сославшагося на обстоятельства и на неудовлетворительное состояніе своего здоровья.

Съ предложеніемъ услугъ по занятію въ университетѣ кафедръ выступали и мѣстные, казанскіе, претенденты. Сюда относятся: Москотильниковъ, Ильинскій и уже знакомый намъ учитель гимназіи Ибрагимовъ.

Москотильниковъ Савва Андреевичъ, надворный совѣтникъ въ отставкѣ, небезъизвѣстный казанскій масонъ и переводчикъ Тассо *, еще въ декабрѣ 1806-го года искалъ въ казанскомъ университетѣ кафедру „россійской юриспруденціи"; его домогательство не было удовлетворено, быть можетъ, благодаря отзыву Яковкина, исполненному инсинуацій по адресу Москотильникова, въ которомъ директоръ аттестуетъ его бывшимъ актеромъ казанскаго „вольнаго" театра, затѣмъ уволеннымъ секретаремъ городового магистрата, а нынѣ „ябедникомъ", не послѣднимъ „между славящимися казанскими письмоводцами и писателями просьбъ",—человѣкомъ, лишеннымъ „доброты души и общежительныхъ добродѣтелей".

Павелъ Ильинскій, титулярный совѣтникъ, письмоводитель казанскаго „комитета по уравненію городскихъ повинностей" и секретарь при казанскомъ гражданскомъ губернаторѣ, 17-го декабря 1807 года обратился на имя министра народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ въ которомъ, ссылаясь на изученіе имъ въ московскомъ университетѣ по 1790 годъ правовѣдѣнія и на пріобрѣтенную имъ службою опытность, предлагалъ себя на кафедру „практическаго россійскаго законовѣдѣнія"; при этомъ Ильинскій обѣщалъ какой то „методическій способъ" преподаванія и представилъ на усмотрѣніе министра свое „Разсужденіе о первоначальномъ произведеніи законовъ, о свойствѣ ихъ и о нужномъ законовѣдѣніи". Губернаторскому секретарю было отказано въ его ходатайствѣ, тѣмъ болѣе, что представленное имъ „разсужденіе" оказалось плагіатомъ сочиненія автора довольно высокопоставленнаго—прусскаго короля Фридриха II **....

Учитель высшаго россійскаго класса въ казанской гимназіи Н. М. Ибрагимовъ 22-го апрѣля 1808 года, послѣ выхода адъюнкта Городчанинова изъ службы казанскаго университета, обратился въ совѣтъ съ ходатайствомъ о предоставленіи ему освободившейся кафедры россійской словесности, приложивъ къ прошенію свой переводъ Ови-

---

* Москотильникову принадлежитъ переводъ «Освобожденнаго Іерусалима» Т. Тассо.

** «Dissertation sur les raisons d'établir ou d'abroger les lois». Диссертація Ильинскаго хранится въ дѣлахъ архива министерства народнаго просвѣщенія (дѣло 1807, № 29—3996).

діевыхъ превращеній; не взирая на лестный отзывъ, данный какъ относительно этого труда, такъ и относительно способностей Ибрагимова совѣтомъ, согласившимся съ письменнымъ мнѣніемъ Эриха, Запольскаго и Эвеста, ходатайство этого, уже вполнѣ достойнаго претендента, оставлено было безъ удовлетворенія [119].

Перейдемъ теперь къ профессорамъ и адъюнктамъ, получившимъ въ казанскомъ университетѣ кафедры въ теченіи 1807—1808 учебнаго года. Здѣсь, въ порядкѣ постепенности, вниманіе наше должно быть остановлено на шести преподавателяхъ, именно: Френъ Х. Д. (профессоръ восточныхъ языковъ), Бартельсъ М. Ѳ. (профессоръ чистой математики), Фойгтъ К. А. (профессоръ философіи), Миллеръ И. Е. (адъюнктъ всемірной исторіи, географіи и статистики), Вуттигъ І. Ф. (адъюнктъ химіи, технологіи и фармацевтики) и Реннеръ К. Ѳ. (профессоръ прикладной математики).

Христіанъ Даниловичъ Френъ (Christian Martyn Fraehn) родился 23 мая (4 іюня) 1782 года въ г. Ростокѣ, въ великомъ герцогствѣ мекленбургъ-шверинскомъ. Получивъ среднее образованіе въ гимназіи родного города, Френъ въ 1800 году зачислился въ студенты ростокскаго университета, въ которомъ, подъ руководствомъ знаменитаго оріенталиста Тихсена, съ особеннымъ усердіемъ предался изученію восточныхъ языковъ и нумизматики. Послѣ трехъ лѣтъ занятій въ университетѣ ростокскомъ, онъ слушалъ также лекціи въ университетахъ геттингенскомъ и тюбингенскомъ и къ этой порѣ относится первый печатный трудъ молодого оріенталиста: „Aegyptus auctore Ibn-el-Vardi" (Hallae, 1804). Покончивъ свое университетское образованіе, Френъ поселился въ Швейцаріи, гдѣ занялъ должность учителя латинскаго языка въ бургдорфскомъ педагогическомъ институтѣ Песталоцци, а затѣмъ былъ домашнимъ учителемъ. Получивъ отъ ростокскаго университета степень доктора философіи и магистра свободныхъ наукъ, Френъ возвратился въ Ростокъ, гдѣ за трактатъ „Curarum exegetico-criticarum in Nahumum specimem" (Ростокъ, 1806) пріобрѣлъ степень доктора богословія и званіе приватъ-доцента мѣстнаго университета.

Къ этому то времени и относится начало переписки Румовскаго съ Тихсеномъ по поводу приглашенія Френа въ казанскій университетъ. Престарѣлый ростокскій оріенталистъ въ самыхъ лестныхъ чертахъ рекомендовалъ Румовскому своего молодого ученика, выставляя на видъ какъ его научныя и лингвистическія заслуги, такъ и прекрасныя качества его характера („....morum suavitatem, modestiam, vitae innocentiam, caeteraque animi et corporis ornamenta"). Френъ съ восторгомъ

принялъ переданное ему учителемъ предложеніе Румовскаго и въ письмѣ къ Цихсену выражалъ живую радость ближе познакомиться съ востокомъ („de saluer une fois en personne les contrèes chéries de l'orient") и получить кафедру въ университетѣ, занимающемъ такое выгодное, съ точки зрѣнія занятій оріенталистикою, географическое положеніе. Молодой ученый согласился на переѣздъ въ отдаленную Казань, полный самыхъ радужныхъ надеждъ и научныхъ ожиданій въ будущемъ. Рѣшимости Френа искать убѣжище въ Россіи не мало содѣйствовали печальныя условія политической жизни его родины („foulée aux pieds et presque anéantie"), какъ писалъ онъ Румовскому, изъявляя намѣреніе „найти второе отечество въ нѣдрахъ великой монархіи великаго всероссійскаго императора".

Переговоры относительно занятія Френомъ кафедры въ казанскомъ университетѣ, начавшіеся еще лѣтомъ 1806 года, были замедлены, какъ мы это знаемъ, военными событіями и только 3-го августа 1807 года состоялось утвержденіе его ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ восточныхъ языковъ, причемъ Румовскій, ходатайствуя передъ министромъ объ ассигнованіи Френу дополнительной суммы на путевыя издержки, писалъ графу Завадовскому, что молодой ученый „горитъ желаніемъ видѣть въ Казани татаръ и другихъ азіатскихъ народовъ". Прибывъ въ Казань во второй половинѣ октября, Френъ 23-го числа представилъ въ совѣтъ проспектъ намѣченнаго имъ преподаванія, которое должно было заключаться въ этимологіи арабскаго языка и въ объясненіи арабскихъ авторовъ (Абульфеды или Локмана).

Профессоръ Френъ справедливо почитается первымъ піонеромъ научной постановки оріенталистики въ Казани, родоначальникомъ казанскихъ оріенталистовъ и археологовъ и предтечею будущаго разряда восточной словесности, которымъ такъ славился когда то казанскій университетъ. Это обязываетъ насъ остановить вниманіе читателей на вопросѣ о начальномъ зарожденіи въ Казани оріенталистики.

Почва для изученія мусульмано-инородческаго міра въ казанскомъ краѣ подготовлялась здѣсь едва ли не съ самой эпохи покоренія казанскаго царства и находилась въ ближайшей связи съ миссіонерско-просвѣтительною дѣятельностью, зародившеюся здѣсь еще во второй половинѣ XVI вѣка. Сознаніе значенія географическаго и этнографическаго положенія Казани для изученія востока какъ въ лингвистическомъ отношеніи, такъ и въ его соотношеніяхъ къ прошлому и настоящему русскаго народа, почти современно первымъ попыткамъ насажденія просвѣщенія въ русскомъ восточномъ Заволжьи. Любопытно, что мысль о введеніи во вновь основанной

въ Казани гимназіи изученія татарскаго языка пропагандировалась первымъ ея директоромъ, М. И. Веревкинымъ, еще въ 1759 году, т. е. на слѣдующій же годъ по открытіи гимназіи: „Здѣшній городъ,—писалъ Веревкинъ московскому университету,—есть главный цѣлаго царства татарскаго національнаго діалекта. Не повелѣно ли будетъ завести при гимназіяхъ классъ татарскаго языка? Современемъ на ономъ отыскиваемы быть могутъ многіе манускрипты; правдоподобно, что оные подадутъ нѣкоторый, можетъ быть не малый, свѣтъ въ русской исторіи". Мысль Веревкина получила осуществленіе лишь десять лѣтъ спустя, когда воспослѣдовалъ указъ императрицы Екатерины II отъ 12-го мая 1769 года, данный на имя мѣстнаго губернатора, относительно введенія въ казанской гимназіи „единожды навсегда" класса татарскаго языка, для цѣли, впрочемъ, чисто практической—приготовленія переводчиковъ съ татарскаго языка. Тогда же преподавателемъ этого предмета былъ опредѣленъ мѣстный татаринъ и бывшій депутатъ екатерининской законодательной коммиссіи 1767 года, толмачъ казанской адмиралтейской конторы Сагитъ Хальфинъ, съ предоставленіемъ ему правъ классной службы и освобожденіемъ изъ податного состоянія. Хальфинъ оставался учителемъ татарскаго языка до 1785 года и былъ авторомъ „Азбуки татарской, съ россійскимъ переводомъ и съ обстоятельнымъ описаніемъ буквъ и складовъ" (М. 1778). Фамилія Хальфиныхъ памятна въ начальномъ зарожденіи казанской оріенталистики тѣмъ, что представители ея были въ трехъ поколѣніяхъ преподавателями татарскаго языка: преемникомъ Сагита по преподаванію этого языка въ казанской гимназіи выступилъ сынъ его Искакъ (съ 1785 по 1800 годъ), затѣмъ его внукъ Ибрагимъ (съ 1800 по 1829 годъ)—съ 1811 года лекторъ татарскаго языка, а съ 1823 года адъюнктъ восточной словесности въ казанскомъ университетѣ, бывшій ближайшимъ сотрудникомъ проф. Френа въ его преподавательской дѣятельности.

Можно отмѣтить и нѣсколько другихъ фактовъ, находящихся въ соотношеніи съ зарожденіемъ казанской оріенталистики. Послѣ присоединенія Крыма, въ казанскую гимназію обращался за переводчиками, черезъ посредство мѣстнаго губернатора, князь Потемкинъ, но потребныхъ ему толмачей едва ли раздобылъ здѣсь свѣтлѣйшій князь Тавриды, хотя тогдашній директоръ гимназіи Людеманъ и преподнесъ ему (въ 1785 г.) роскошный экземпляръ рукописной грамматики и словаря татарскаго языка, составленныхъ, по его порученію, для цѣлей гимназическаго преподаванія; эта рукопись до настоящаго времени хранится въ библіотекѣ казанскаго университета, доставшись ему вмѣстѣ съ собраніемъ книгъ Потемкина.

Къ восьмидесятымъ годамъ XVIII столѣтія пріурочивается и другая,—кажется, впрочемъ, неоконченная,—работа по татарской лингвистикѣ: въ 1784 году казанскій архіепископъ Антоній приступилъ, по порученію императрицы, къ составленію словаря татарскаго языка, трудъ, въ которомъ содѣйствовали ему ученикъ гимназіи Семенъ Мальцевъ и какой то солдатъ Имангулъ Чуриковъ.

Болѣе сознательное стремленіе къ насажденію оріенталистики въ Казани сказалось въ учрежденіи при вновь основанномъ казанскомъ университетѣ кафедры восточныхъ языковъ, первымъ замѣстителемъ которой и состоялъ въ теченіи десяти лѣтъ (1807—1817 г.г.) профессоръ Х. Д. Френъ.

Требованіе отъ казанскаго университета знатоковъ татарскаго языка послѣдовало уже въ концѣ лѣта 1805 года. 12-го августа этого года членъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ И. А. Вейдемейеръ, обратился къ попечителю Румовскому, по указанію А. А. Чарторижскаго, съ просьбою „поручить г. ректору (sic) казанскаго университета или кому за благо разсудите, что бы приложилъ стараніе прінскать двухъ или хотя одного искуснаго и испытаннаго въ татарскомъ и россійскомъ языкахъ человѣка, изъ находящихся въ семъ университетѣ или и изъ постороннихъ людей“, для занятія должности переводчика при государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Желая обезпечить коллегію переводчиками и на будущее время, Вейдемейеръ тогда же просилъ попечителя о томъ, что бы „всегда трое изъ находящихся на казенномъ содержаніи студентовъ онаго университета, по склонности своей и по выбору начальства, особливо приготовляемы были для означенной дѣятельности“. Румовскій не замедлилъ снестись по этому поводу съ совѣтомъ гимназіи, предложивъ ей принять мѣры къ выполненію предначертаній коллегіи иностранныхъ дѣлъ, что было, конечно, дѣломъ не легкимъ при наличности единственнаго въ гимназіи преподавателя (Ибрагима Хальфина) татарскаго языка. Выполняя волю попечителя, Яковкинъ уже 18-го сентября доносилъ ему, что онъ избралъ пятерыхъ воспитанниковъ гимназіи для спеціальнаго обученія ихъ татарскому языку, прося Румовскаго выслать для этой цѣли нѣсколько экземпляровъ татарскаго лексикона; въ то же время онъ поручилъ Хальфину заняться составленіемъ азбуки и грамматики татарскаго языка (напечатаны были въ Казани въ 1809 году).

Въ слѣдующемъ 1806 году коллегія иностранныхъ дѣлъ, а слѣдомъ за нею и Румовскій, занялись уже цѣлымъ проэктомъ созданія на русскомъ востокѣ училищъ восточныхъ языковъ, съ центральнымъ училищемъ этого типа въ г. Казани. Къ концу лѣта 1806 года при коллегіи иностран-

ныхъ дѣлъ былъ выработанъ докладъ, въ которомъ проэктъ этотъ былъ изложенъ въ слѣдующихъ основныхъ чертахъ. При казанской гимназіи предположено учрежденіе, сверхъ уже имѣющагося татарскаго класса, также классовъ языковъ арабскаго и турецкаго. Затѣмъ намѣчены: при иркутской гимназіи, сверхъ уже заведеннаго при ней еще съ 1792 года класса японскаго языка—преподаваніе языковъ китайскаго и манджурскаго, а въ тифлисской персидской школѣ—изученіе языковъ грузинскаго и армянскаго. Ученики, прошедшіе курсъ ученія въ этихъ классахъ, должны прикомандировываться, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ восточныхъ языкахъ, къ казанскому университету, по окончаніи занятій при которомъ (срокомъ не менѣе годичнаго) они подвергаются особому испытанію въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, послѣ чего опредѣляются въ государственную службу переводчиками при коллегіи, при русскихъ миссіяхъ и консульствахъ; если же по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ свободныхъ мѣстъ не окажется—они могутъ быть опредѣляемы на учительскія вакансіи или на общія административныя должности при губернаторахъ восточныхъ областей. Ученики классовъ китайскаго и манджурскаго, предварительно опредѣленія въ службу, должны быть прикомандированы, для усовершенствованія въ этихъ языкахъ, на правахъ студентовъ, къ русской духовной миссіи въ Пекинѣ.

31-го августа министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ А. Я. Будбергъ препроводилъ этотъ докладъ на соображеніе министра народнаго просвѣщенія, который, въ свою очередь, внесъ его на обсужденіе главнаго правленія училищъ, откуда онъ былъ уже переданъ на заключеніе попечителя казанскаго учебнаго округа. 12-го ноября Румовскій представилъ главному правленію училищъ свое заключеніе, въ которомъ, указывая на неудовлетворительную постановку преподаванія восточныхъ языковъ въ тѣхъ училищахъ округа, въ которыхъ оно уже существуетъ, высказываетъ мысль, что „казанская только гимназія можетъ со временемъ доставить иностранной коллегіи переводчиковъ татарскаго языка, и иркутская гимназія—могла бы давать переводчиковъ японскаго, ежели бы учитель онаго былъ свѣдущій человѣкъ". Въ виду этого, Румовскій рекомендуетъ сконцентрировать преподаваніе восточныхъ языковъ при казанской гимназіи, учредивъ при ней „главное для восточныхъ языковъ училище" и введя въ программу его преподаваній, сверхъ уже существующаго класса татарскаго, еще классы языковъ арабскаго, турецкаго, японскаго, китайскаго, манджурскаго, персидскаго, грузинскаго, армянскаго и калмыцкаго. „Когда сіе главное для восточныхъ языковъ училище будетъ основано и желаемый принесетъ

плодъ, тогда съ лучшимъ успѣхомъ можно будетъ учредить классы при иркутскомъ, тобольскомъ, оренбургскомъ и тифлисскомъ народныхъ училищахъ и удовлетворить требованія коллегіи иностранныхъ дѣлъ"—заключаетъ попечитель свой докладъ главному правленію. Штатъ воспитанниковъ будущаго училища Румовскій намѣчаетъ въ двадцать человѣкъ—по два на каждый изъ предположенныхъ къ изученію восточныхъ языковъ.

Румовскій съ большимъ увлеченіемъ отнесся, повидимому, къ идеѣ будущаго центральнаго училища восточныхъ языковъ, хотя и сознавалъ тѣ трудности, съ какими сопряжено ея осуществленіе, и всѣ надежды возлагались имъ въ этомъ отношеніи на Френа, съ которымъ уже велись переговоры относительно приглашенія его въ казанскій университетъ: „По моему мнѣнію,—доносилъ онъ главному правленію училищъ,—никто къ достиженію сего лучшаго совѣта подать не можетъ, какъ г. Френъ, когда, по пріѣздѣ въ Казань, узнаетъ положеніе, въ которомъ Россія въ разсужденіи сосѣдственныхъ съ нею народовъ находится". Попечитель хорошо сознавалъ, что Казань не можетъ, при существующемъ положеніи вещей, дать преподавательскій персоналъ будущему училищу—за исключеніемъ развѣ только учителя Хальфина для татарскаго языка; находился въ то время при университетѣ окончившій курсъ студентъ Ѳедоръ Риттау, изучавшій въ гимназіи татарскій языкъ—но и того мѣтили на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Румовскій задался цѣлью, во что бы то ни стало, удержать этого молодого человѣка при университетѣ: „Противно было бы пользѣ университета,—писалъ онъ Яковкину отъ 5-го ноября,—ежели бы Риттау отпущенъ былъ въ иностранную коллегію; обнадежьте только его, что онъ ничего не потеряетъ, будучи въ Казани, ежели окажетъ довольные успѣхи въ татарскомъ языкѣ, и утайте (sic) отъ него, что надобенъ такой человѣкъ коллегіи". Яковкинъ отвѣчалъ попечителю, что „студенту Риттау объявилъ начальственное о немъ предназначеніе и онъ принялъ оное съ достойною и полною признательностью, равно какъ и съ препорученіемъ себя совершенному руководству начальства"; при этомъ директоръ высказалъ предположеніе о цѣлесообразности поселенія юнаго оріенталиста, для лучшаго усовершенствованія въ татарскомъ языкѣ, въ Татарской слободѣ, въ домѣ его учителя Хальфина, съ обязательствомъ посѣщать даже мечеть „для пріобученія произношенія и познанія арабскаго языка". Румовскій предположеніе Яковкина одобрилъ, но Риттау не было суждено попасть въ ряды будущихъ казанскихъ оріенталистовъ: онъ скоро бросилъ оріенталистику, въ 1810 году опредѣлившись въ астраханскую гимназію учителемъ исторіи [120]. Проэктъ учрежденія въ Казани училища

восточныхъ языковъ остался неосуществленнымъ, какъ оставались неосуществленными и сравнительно позднѣйшія предначертанія въ томъ же направленіи; идеѣ барона Будберга и Румовскаго удалось увидѣть свѣтъ лишь въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, съ учрежденіемъ при казанскомъ университетѣ особаго разряда восточной словесности.

Въ такомъ, совершенно еще зачаточномъ, положеніи находилась научная постановка оріенталистики въ Казани въ эпоху прибытія сюда перваго ученаго представителя востоковѣдѣнія—профессора Х. Д. Френа.

Заслуги Френа въ области оріенталистики и нумизматики слишкомъ хорошо извѣстны для того, что бы мы могли позволить себѣ хотя бы самую общую ихъ характеристику: его труды составляютъ достояніе всего ученаго міра и получили въ немъ всестороннюю и подобающую имъ оцѣнку. Мы коснемся, поэтому, лишь казанской эпохи жизни и дѣятельности Френа.

Х. Д. Френъ справедливо считается не только первымъ научнымъ основателемъ востоковѣдѣнія въ Казани, но также первымъ казанскимъ ученымъ нумизматомъ и піонеромъ раціональнаго изученія древностей мѣстнаго края. Во всѣхъ только что указанныхъ сферахъ онъ намѣтилъ вехи для будущихъ изслѣдователей и указалъ научные методы и пути, которыми неуклонно и сознательно слѣдовали и до сихъ поръ еще слѣдуютъ его преемники въ этихъ направленіяхъ. Прилагая данныя нумизматики къ изслѣдованію древностей,—методъ, вынесенный имъ изъ школы его славнаго учителя Цихсена,—Френъ впервые научно освѣтилъ исторію Золотой Орды и древняго Болгарскаго царства, возстановилъ цѣлый рядъ хановъ Кипчакскаго царства, далъ объясненія ихъ именъ и предикатовъ, освѣтилъ темные вопросы древней географіи края и т. п.; онъ былъ вполнѣ правъ, поэтому, требуя впослѣдствіе занесенія въ выданный ему казанскимъ университетомъ аттестатъ того факта, что онъ „нѣкоторыми своими сочиненіями, касающимися вопросовъ русско-азіятской древности, объяснилъ, до него покрытое глубокимъ мракомъ, знаніе монетъ хановъ Золотой Орды“.

Важная заслуга Френа заключалась также въ разборкѣ и описаніи имъ мѣстныхъ собраній восточныхъ (преимущественно джучидскихъ) монетъ, принадлежавшихъ мѣстнымъ коллекціонерамъ проф. Фуксу, помѣщику Неѣлову и владѣльцу частнаго пансіона Пото, изъ которыхъ первое и послѣднее собранія были впослѣдствіе пріобрѣтены казанскимъ универ-

Христіанъ (Мартинъ) Даниловичъ
Френъ,
профессоръ восточныхъ языковъ.
(3 августа 1807 г.—3 августа 1817 г.)

ситетомъ *. Будучи и самъ страстнымъ коллекціонеромъ, Френъ эту сторону дѣятельности своей обращалъ, преимущественно, на пріобрѣтеніе восточныхъ рукописей; такъ, онъ даже публиковалъ въ 1811 году въ мѣстномъ журналѣ „Казанскія Извѣстія" (см. № 32) о томъ, что имъ „покупаются восточныя рукописи и монеты".

Главнымъ и любимымъ занятіемъ Френа въ области, собственно, восточной лингвистики являлись его неустанные труды по составленію словаря арабскаго языка,—работа, встрѣчавшая серьезныя и часто почти непреодолимыя препятствія въ отсутствіи въ Казани необходимыхъ для того пособій. Встрѣчалъ Френъ для своихъ научныхъ занятій тормазы и въ другихъ условіяхъ мѣстнаго характера: такъ, въ 1810 году попечитель отказалъ ему въ средствахъ на изданіе, совмѣстно съ Хальфинымъ, учебнаго руководства для татарскаго класса, а въ 1814 году ему было отказано въ высылкѣ въ университетъ восточныхъ рукописей, хранившихся при академіи наукъ, которыя Френъ предполагалъ приготовить къ изданію.

Не покидалъ Френъ и мысли объ учрежденіи въ Казани центральнаго училища восточныхъ языковъ, съ которою носился въ 1806 году, какъ мы видѣли, самъ Румовскій, но про которую скоро, конечно, совершенно забыли: „Вы сами указывали мнѣ планъ восточнаго училища, подобнаго тѣмъ, какія существуютъ уже въ Вѣнѣ, Парижѣ и другихъ городахъ Европы,—писалъ Френъ Румовскому два года спустя по пріѣздѣ своемъ въ Казань.—Вамъ извѣстно, что ни одинъ изъ русскихъ университетовъ столь не удобенъ для осуществленія этого плана, какъ казанскій; не откладывайте же на долго его исполненіе!" Френъ мечталъ помѣстить это училище въ нѣдрахъ мѣстныхъ татарскихъ слободъ, среди татарскаго населенія и татарской жизни и обстановки—что бы студенты „воображали, что живутъ на востокѣ". Молодой профессоръ беззавѣтно предлагаетъ и собственныя услуги къ осуществленію этого проэкта: „Я съ удовольствіемъ,—пишетъ онъ,—готовъ удвоить часы моего преподаванія, что бъ преподавать и высшія части моей науки.... Ради Бога не думайте, что я говорю все это изъ денежнаго разсчета: только изъ любви къ наукѣ и къ учащимся я рѣшился напомнить вамъ о вашемъ же планѣ".

Справедливость требуетъ отмѣтить, что успѣхи преподаванія Френа далеко не соотвѣтствовали той горячей любви, которую вкладывалъ онъ

---

* Описаніе нумизматической коллекціи Фукса дало содержаніе извѣстному труду Френа: «Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's» (Спб. 1832); коллекція Пото описана имъ въ трудѣ: «Numophylacium orientale Pototianum» (Каз. 1813).

въ дѣло, и самъ профессоръ, сознаваясь въ этомъ прискорбномъ фактѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ попечителю, усматриваетъ три причины этого явленія: во первыхъ—недостаточное знакомство студентовъ съ латинскимъ языкомъ, на которомъ велось имъ преподаваніе, условіе отрицательнаго характера, съ которымъ приходилось считаться и другимъ иностраннымъ профессорамъ казанскаго университета; во вторыхъ—недостатокъ подготовленныхъ слушателей; въ третьихъ—отсутствіе необходимѣйшихъ пособій, даже лексиконовъ.

Неудивительно, что, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ постановки преподаванія, крайне незначительнымъ было всегда у Френа и количество слушателей, да и тѣ посѣщали его лекціи, главнымъ образомъ, по наряду профессора-директора, старавшагося неуклонно выполнить предначертанія высшаго начальства относительно созданія въ Казани оріенталистовъ. Такъ, уже 8-го апрѣля 1809 года, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ прибытія Френа въ Казань, попечитель вынужденнымъ нашелся согласиться на то, что бы „изъ слушателей профессора Френа четверо (Гроздовскій, Манасеинъ, Пятовъ и Ярцовъ), не могущіе, по слабости знаній, пользоваться его лекціями, подготовлялись къ уразумѣнію восточныхъ языковъ студентомъ Кручининымъ". Этотъ Кручининъ, зачисленный въ студенты въ январѣ 1807 года и изучавшій татарскій языкъ еще въ гимназіи, былъ любимымъ ученикомъ Френа, на котораго онъ возлагалъ большія надежды: „Любовью къ моей наукѣ,—писалъ Френъ попечителю,—проникнутъ только одинъ изъ моихъ слушателей, Семенъ Кручининъ, юноша полный скромности, рвенія и старанія; онъ одинъ ходитъ на мои приватныя лекціи о коранѣ и его одного по совѣсти я могу рекомендовать вамъ,—всѣ остальные ходятъ на мои лекціи по принужденію, противъ желанія". Этотъ Кручининъ не долго радовалъ своего учителя: онъ умеръ 30-го іюля 1809 года, въ званіи „студента на жалованьи". Въ сентябрѣ 1813 года студентъ Бутлеръ, а въ январѣ 1814 года студентъ Шоникъ просятъ уволить ихъ отъ лекцій Френа и Хальфина, въ 1811 же году дѣло доходило до того, что у Френа оказался всего на всего одинъ только слушатель!

Другимъ, болѣе позднимъ ученикомъ Френа, утѣшившимъ казанскаго оріенталиста въ потерѣ имъ Кручинина, былъ Ярцовъ (Януарій Осиповичъ), поступившій въ университетъ въ 1809 году и одинъ изъ тѣхъ четырехъ слушателей Френа, которые были отданы въ этомъ году подъ руководство Кручинина, въ качествѣ недостаточно подготовленныхъ къ уразумѣнію лекцій самого профессора. Сдѣлавшись впослѣдствіе любимымъ ученикомъ Френа (называвшаго его—„Jartsovius meus"), Ярцовъ получилъ

въ 1812 году степень кандидата восточной словесности и сталъ готовиться къ занятію при университетѣ должности адъюнкта, а четыре года спустя былъ удостоенъ, послѣ защиты имъ (12-го мая 1816 г.) латинской диссертаціи на тему: „О восточныхъ словахъ, находящихся въ русскомъ языкѣ", степени магистра словесныхъ наукъ. Въ 1818 году Ярцовъ совсѣмъ уже было готовился замѣстить кафедру своего славнаго учителя, передъ тѣмъ только оставившаго казанскій университетъ: въ маѣ этого года онъ былъ удостоенъ званія адъюнкта восточной словесности, но уже въ іюнѣ состоялось утвержденіе Ярцова адъюнктомъ императорской академіи наукъ по кафедрѣ восточныхъ языковъ, навсегда оторвавшее молодого оріенталиста отъ казанскаго университета.

Казанская интимная жизнь Френа ознаменовалась крупнымъ скандаломъ, вызваннымъ въ 1811 году среди сотоварищей по университету его бракомъ съ своею служанкою, и цѣлою совѣтскою исторіею, возникшею на этой почвѣ; мы въ своемъ мѣстѣ познакомимся съ этимъ эпизодомъ внутренней жизни университета, характернымъ для обрисовки нравовъ и положенія профессорской среды того времени.

Въ 1815—1816 академическомъ году Френъ несъ, по избранію, должность декана словеснаго отдѣленія. Въ 1810 году онъ отвѣтилъ отказомъ на предложенную ему въ родномъ ростокскомъ университетѣ кафедру богословія, а въ 1815 году вторично приглашался въ тотъ же университетъ, для занятія освободившейся послѣ кончины его учителя, Цихсена, кафедры оріенталистики, но перемѣщеніе его въ Ростокъ не состоялось.

Френъ уволился изъ казанскаго университета 3-го августа 1817 года, вслѣдствіе перемѣщенія его въ службу с.-петербургской императорской академіи наукъ. Казанскій университетъ осенью того же года почтилъ своего перваго оріенталиста избраніемъ въ члены-корреспонденты. Послѣдующая дѣятельность Х. Д. Френа уже всецѣло принадлежитъ академіи наукъ [121].

Если блестящее появленіе Френа на горизонтѣ юной казанской университетской науки не въ силахъ оказалось создать школу оріенталистовъ, которые могли бы быть названы плотью отъ плоти, кровью отъ крови своего учителя, то въ совершенно иномъ положеніи очутилось въ Казани физико-математическое знаніе уже съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета. Эта отрасль знанія сразу пустила здѣсь глубокіе корни и дала плоды уже въ первую четверть вѣка жизни казанскаго университета,—въ ту пору, когда всѣ остальныя университетскія дисциплины находились еще на младенческой ступени своего развитія, нѣкоторыя

же въ состояніи, которое можетъ быть лучше всего охарактеризовано словомъ—хаотическое. Этотъ ранній расцвѣтъ здѣсь математическаго знанія не ускользнулъ отъ наблюдательнаго вниманія перваго казанскаго студента, уже неоднократно цитированнаго нами С. Т. Аксакова, который, вспоминая свои университетскіе годы, замѣчаетъ, что „особенно процвѣтала у насъ чистая математика, которую увлекательно и блистательно преподавалъ адъюнктъ Г. И. Карташевскій и которую я ненавидѣлъ,—сознается Аксаковъ,—не смотря на то, что жилъ у него и очень его любилъ". Такъ отзывался о начальной постановкѣ математическаго знанія въ новорожденномъ университетѣ юный студентъ того времени. Въ наши дни, уже на закатѣ перваго столѣтія существованія казанскаго университета, ученые представители современнаго математическаго знанія, насаждаемаго въ томъ же университетѣ, говорятъ намъ, оглядываясь на прошлое—что „преподаваніе чистой математики въ казанскомъ университетѣ сразу стало на одинъ уровень съ преподаваніемъ ея въ лучшихъ университетахъ Германіи"; они же скажутъ намъ, что казанскій университетъ достигъ этого, благодаря блестящей плеядѣ профессоровъ-нѣмцевъ, которые, будучи призваны въ далекую и негостепріимную Казань, „съ жаромъ и энергіею принялись насаждать просвѣщеніе въ ultima musarum Thule, какъ они называли Казань". Среди этихъ иностранныхъ піонеровъ казанской науки особенно блещутъ славныя имена: Бартельса, Броннера, Литтрова, Реннера. Имъ казанскій университетъ обязанъ своею традиціонною математическою школою, всегда составлявшею и составляющею красу и гордость этого университета; имъ же обязанъ казанскій университетъ славными именами Лобачевскаго и Симонова [122].

Первому изъ только что указанныхъ нами иностранныхъ профессоровъ довелось украсить собою личный составъ казанскаго университета уже къ концу третьяго года его существованія.

Мартинъ Ѳеодоровичъ Бартельсъ (Martin Christian Bartels) еще весною 1805 года приглашался Румовскимъ при обстоятельствахъ, уже извѣстныхъ намъ, къ занятію каѳедры чистой математики въ только что открытомъ тогда казанскомъ университетѣ. Переѣздъ славнаго математика въ Казань не могъ въ ту пору состояться и на два слишкомъ года отсрочилось желаніе попечителя пріобрѣсти для казанскаго университета этого ученаго, „которому вся Германія имѣетъ мало подобныхъ", какъ выражался о Бартельсѣ старый математикъ Румовскій. Впрочемъ, нравственная связь Бартельса съ казанскимъ университетомъ закрѣпилась еще весною 1806 года поднесеніемъ ему званія почетнаго члена университета, въ воздаяніе

содѣйствія, которое оказывалось Бартельсомъ дѣлу привлеченія въ Казань иностранныхъ ученыхъ.

Бартельсъ родился 12-го августа 1769 года въ г. Брауншвейгѣ, въ незажиточной, повидимому, обстановкѣ, такъ какъ его готовили къ занятію ремесломъ и для начальнаго обученія опредѣлили въ мѣстное сиротское училище, носившее характеръ профессіональной школы. Дальнѣйшее образованіе его протекало въ одной изъ частныхъ школъ, въ которой, перебиваясь изъ за куска хлѣба, Бартельсъ, будучи самъ еще шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, занялъ должность помощника учителя; здѣсь то завязались первыя школьныя отношенія Бартельса къ будущему знаменитому аналитику Гауссу, впослѣдствіе перешедшія въ тѣсную дружбу, навсегда связавшую обоихъ корифеевъ математическаго знанія.

Стремленіе къ высшему образованію заставило Бартельса поступить въ 1788 году въ высшее учебное заведеніе родного города, носившее названіе Каролинской коллегіи; уже здѣсь проявились математическія дарованія молодого ученика, обратившія на себя вниманіе учителя математики Циммермана, благотворное вліяніе котораго на математическое развитіе Бартельса съ благодарностью вспоминалось всегда этимъ послѣднимъ. Дальнѣйшее математическое образованіе Бартельса совершалось въ брауншвейгскомъ гельмштедтскомъ университетѣ, гдѣ онъ пользовался руководствомъ извѣстнаго профессора-аналитика Пфаффа, а затѣмъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, уже въ славномъ геттингенскомъ университетѣ (по 1794 годъ); обстоятельства заставили, однако, Бартельса, не дождавшись полученія здѣсь ученой степени, занять мѣсто учителя въ семинаріи небольшого швейцарскаго городка Рейхенау, а позже (съ 1800 года) въ кантональномъ училищѣ г. Аарау. Только въ 1803 году, въ бытность свою учителемъ въ г. Аарау, Бартельсу удалось получить отъ іенскаго университета степень доктора философіи.

Къ этой то эпохѣ и относится начало сношеній съ Бартельсомъ Румовскаго, которому академикъ Фуссъ крайне лестно аттестовалъ нѣмецкаго математика, познакомивъ компетентнаго въ математикѣ попечителя съ мемуаромъ Бартельса, составлявшимъ часть печатавшагося имъ въ то время труда по математическому анализу; сверхъ этого труда, имя Бартельса было связано и съ сдѣланнымъ имъ еще до того комментированнымъ переводомъ „Исторіи новой астрономіи“ французскаго ученаго Байльи. Приглашеніе Бартельса окончилось неудачею: принявъ это приглашеніе и получивъ назначеніе въ Казань, куда онъ уже долженъ былъ выѣзжать, Бартельсъ въ августѣ 1805 года неожиданно прислалъ Румовскому отказъ,

мотивированный семейными обстоятельствами, не позволяющими ему ѣхать въ Россію. Въ дѣйствительности же дѣло заключалось въ томъ, что владѣтельный герцогъ брауншвейгскій предложилъ Бартельсу ученую службу въ г. Брауншвейгѣ, куда былъ приглашенъ и другъ нашего математика—Гауссъ. Не долго продлилась безмятежная служба Бартельса родному городу: всѣ его надежды на будущее были разбиты вспыхнувшею въ 1806 году войною, занятіемъ французами Брауншвейга и кончиною покровительствовавшаго ему герцога Карла Фердинанда.

Тяжелыя обстоятельства на родинѣ заставили Бартельса вспомнить о далекой Казани и онъ на этотъ разъ уже самъ обратился къ Румовскому, съ которымъ не прекращалъ сношеній, съ просьбою относительно кафедры въ казанскомъ университетѣ, уже числившемъ его въ то время своимъ почетнымъ членомъ. Это произошло въ началѣ лѣта 1807 года. Румовскій не заставилъ повторять просьбы: онъ сдѣлалъ необходимое представленіе министру и въ іюлѣ того же года за Бартельсомъ обезпечена была кафедра чистой математики въ казанскомъ университетѣ, хотя, по послужнымъ спискамъ Бартельса, утвержденіе его въ должности отнесено лишь къ 1-му декабрю 1807 года.

Заботливость Румовскаго по отношенію къ Бартельсу проглядываетъ въ его письмахъ къ Яковкину, въ которыхъ онъ рекомендуетъ приготовить для пріема иноземнаго гостя возможно лучшую изъ казенныхъ квартиръ, хотя бы и пришлось съ этою цѣлью потревожить кого либо изъ холостыхъ членовъ университета: „Г. Бартельсъ,—добавляетъ попечитель,—какъ я къ вамъ писалъ, есть одинъ изъ первыхъ математиковъ нѣмецкой земли, и для того прошу васъ обращаться съ нимъ ласковѣе и оказывать ему особливое уваженіе". „Изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ профессоровъ ни одинъ,—отвѣчалъ на это директоръ,—не можетъ жаловаться, чтобъ мною не былъ хорошо принятъ и обласканъ, потому что успокоеніе иностранца въ незнакомомъ мѣстѣ и, особливо, еще сотоварища, было всегда для сердца моего усладительнымъ долгомъ, а потому надѣюсь, что и г. Бартельсъ не будетъ имѣть причины на меня жаловаться".

Дологъ и утомителенъ былъ переѣздъ Бартельса съ семьею (состоявшею изъ жены и двухъ малютокъ) отъ Брауншвейга до Казани, подробно изложенный имъ въ письмахъ къ Румовскому: достаточно указать, что, выѣхавъ въ путь въ концѣ октября, семья Бартельсовъ достигла Казани только 15-го февраля слѣдующаго 1808 года. 19-го февраля Бартельсъ въ первый разъ явился въ засѣданіе совѣта, о чемъ было занесено въ протоколъ, подписанный и самимъ Бартельсомъ (на нѣмецкомъ языкѣ,

но любопытно что уже протоколъ слѣдующаго засѣданія подписанъ имъ, и довольно хорошо, по-русски). Поданнымъ въ совѣтъ заявленіемъ Бартельсъ пояснялъ, что онъ намѣревался расположить свои чтенія, на первый разъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 7 до 9 часовъ утра—аналитическая тригонометрія, плоская и сферическая; по субботамъ, отъ 4 до 6 часовъ пополудни—приложеніе ея къ сферической астрономіи и математической географіи; въ виду отсутствія въ библіотекѣ необходимыхъ пособій, чтенія его имѣютъ происходить „по своимъ тетрадямъ".

Курсъ чтеній Бартельсъ открылъ 2-го марта, на французскомъ и, отчасти, нѣмецкомъ языкахъ, для аудиторіи слушателей, число которыхъ не превышало пятнадцати человѣкъ. Мы имѣемъ свидѣтельство самого Бартельса о томъ, что онъ остался весьма доволенъ математическими познаніями, обнаруженными имъ въ слушателяхъ: „Къ величайшей моей радости,—писалъ онъ уже въ дерптскій періодъ своей дѣятельности,—я встрѣтилъ въ Казани, несмотря на незначительное число студентовъ, необыкновенно много любви къ изученію математическихъ наукъ. Въ моихъ лекціяхъ высшаго анализа я могъ разсчитывать по крайней мѣрѣ на двадцать слушателей; понемногу составилась небольшая математическая школа, изъ которой вышло нѣсколько дѣльныхъ учителей для русскихъ гимназій и университетовъ: они способствовали распространенію математическихъ наукъ въ Россіи". Въ Дерптѣ Бартельсъ, по его собственнымъ словамъ, уже не встрѣтилъ въ тамошнемъ молодомъ поколѣніи ни такихъ дарованій, ни такой любви къ математикѣ, какая одушевляла его казанскихъ слушателей; въ Казани онъ читалъ лекціи высшаго анализа, въ Дерптѣ онъ долженъ былъ ограничиваться элементарною математикою. Воспоминаніе о томъ чувствѣ удовлетворенія, какое доставляла Бартельсу подготовленность его учениковъ, сохранилъ и С. Т. Аксаковъ: „Математика такъ сильна была у насъ,—разсказываетъ Аксаковъ,—что когда, по выходѣ Карташевскаго, пріѣхалъ въ Казань знаменитый тогда европейскій математикъ Бартельсъ и, придя на первую лекцію, попросилъ кого нибудь изъ студентовъ показать ему на доскѣ степень ихъ знанія, то Александръ Максимовичъ Княжевичъ разрѣшилъ ему изъ дифференціаловъ и коническихъ сѣченій такую чертовщину, что Бартельсъ, какъ истинный ученый, пришелъ въ восторгъ и, сказавъ, что для такихъ студентовъ надобно профессору готовиться къ лекціи, поклонился и ушелъ". Бартельсъ, по словамъ Аксакова, успѣхи эти всецѣло приписывалъ своему предмѣстнику Карташевскому: „Черезъ нѣсколько лѣтъ,—пишетъ Аксаковъ,—встрѣтясь какъ то съ Г. И.

Карташевскимъ, онъ остановилъ его, вышелъ изъ экипажа и изъявилъ ему, какъ собрату по наукѣ, свое глубокое уваженіе". Бартельсъ свидѣтельствуетъ намъ и о лучшихъ ученикахъ, вышедшихъ изъ подъ его руководства: здѣсь находимъ мы имена братьевъ Николая и Алексѣя Лобачевскихъ, изъ которыхъ первый отвоевалъ себѣ славу всесвѣтнаго геометра; астронома Симонова, творца казанской обсерваторіи и извѣстнаго ученаго путешественника вокругъ свѣта; профессора Никольскаго, адъюнкта Кайсарова, преподавателя Линдегрена и др.; впрочемъ, еще до прибытія Бартельса въ Казань, казанскій университетъ уже успѣлъ выпустить вполнѣ подготовленнаго математика въ лицѣ будущаго академика Д. М. Перевощикова. Неоднократно съ гордостью свидѣтельствовалъ Бартельсъ объ успѣхахъ лучшихъ учениковъ своихъ и передъ высшимъ начальствомъ; такъ, въ сентябрѣ 1811 года министромъ народнаго просвѣщенія выражена была благодарность студентамъ Линдегрену, Кайсарову, обоимъ Лобачевскимъ и Симонову за засвидѣтельствованные профессоромъ особые успѣхи ихъ.

Двѣнадцатилѣтнее преподаваніе Бартельса въ казанскомъ университетѣ представляется чрезвычайно широкимъ и разностороннимъ. Онъ читалъ за это время: исторію математики, высшую ариѳметику, дифференціальное и интегральное счисленія, приложеніе аналитики къ геометріи, астрономіи и математической географіи, аналитическія геометрію и тригонометрію, сферическую тригонометрію, аналитическую механику, въ 1816—1817 годахъ временно преподавалъ даже астрономію; принятыя имъ пособія, вмѣстѣ съ тѣмъ, вводили слушателей въ кругъ литературы предмета, стоявшей на уровнѣ современнаго положенія математическаго знанія.

Съ 1814 года, т. е. съ момента полнаго открытія университета, Бартельсъ безсмѣнно, до самаго оставленія имъ казанскаго университета, несъ должность декана, будучи ежегодно избираемъ въ нее; послѣднее избраніе состоялось уже почти наканунѣ (въ іюнѣ 1820 г.) перехода его въ Дерптъ. Въ 1818 году Бартельсъ участвовалъ, по порученію совѣта, въ коммиссіи по разработкѣ проэкта учрежденія при университетѣ медицинскаго института; въ томъ же году порученъ былъ ему и высшій математическій классъ въ гимназіи.

Лѣтомъ 1820 года Бартельсъ получилъ отъ дерптскаго университета приглашеніе занять въ немъ кафедру чистой и прикладной математики, освободившуюся со смертью Гута. Бартельсъ принялъ приглашеніе и 21-го сентября 1820 года состоялось перемѣщеніе его въ Дерптъ. Славный математикъ сдѣлалъ этотъ шагъ какъ разъ во-время: надъ казанскимъ университетомъ уже разразилось въ ту пору тяжелое лихолѣтье, оставившее по

себѣ печальное воспоминаніе подъ наименованіемъ „эпохи Магницкаго“ [123].

Январь 1808 года ознаменовался въ лѣтописяхъ казанскаго университета вступленіемъ въ составъ его преподавателей двухъ лицъ, Фойгта и Миллера; оба назначенія послѣдовали въ одинъ день—23-го января.

Карлъ Амвросіевичъ Фойгтъ (Karl Theophilus Voight) родился въ 1759 или 1760 году въ г. Лукау, въ саксонской въ то время провинціи Нижнемъ Лаузицѣ. Получивъ начальное образованіе въ училищахъ своей родной округи, Фойгтъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ слушалъ затѣмъ курсы юридическихъ наукъ въ лейпцигскомъ университетѣ, отъ котораго и получилъ званіе „юрисконсульта“. Проживъ послѣ того нѣкоторое время въ Дрезденѣ, гдѣ онъ занимался адвокатурою, Фойгтъ переселился въ Курляндію по приглашенію мѣстнаго дѣятеля, барона Гейкинга, въ штатѣ котораго, повидимому съ званіемъ секретаря, онъ ѣздилъ въ Петербургъ по дѣлу о присоединеніи Курляндіи къ россійской имперіи. Послѣдующая служебная карьера Фойгта представляется довольно пестрою. Съ девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія мы видимъ его въ должности протоколиста курляндскаго гражданскаго суда, затѣмъ въ должности секретаря пильтенской ландратской коллегіи, далѣе въ должности секретаря юстицъ-коллегіи, наконецъ,—всего въ теченіи пяти мѣсяцевъ (декабрь 1800—май 1801 г.г.),—въ званіи профессора дерптскаго университета по кафедрѣ практической юриспруденціи, которое онъ вынужденъ былъ оставить въ силу какихъ то нестроеній во внутренней жизни этого университета; оставивъ ученую службу, Фойгтъ служилъ въ коммиссіи составленія законовъ и, наконецъ, несъ, по выбору, должность юстицъ-бургомистра г. Нарвы.

Съ этой то послѣдней должности и начинаются новые поиски Фойгта за ученою службою, доставившіе ему кафедру въ казанскомъ университетѣ. Путь къ этому нашелъ онъ въ своемъ свойствѣ съ вліятельнымъ въ ту пору академикомъ Н. И. Фуссомъ (жены ихъ, внуки знаменитаго математика Эйлера, были между собою двоюродными сестрами). „Моя настоящая должность будетъ всегда находиться въ полномъ противорѣчіи съ моими чувствами и убѣжденіями,—писалъ онъ Фуссу.—Я желаю, гдѣ бы то ни было, получить университетскую кафедру, лучше всего—кафедру юридическихъ наукъ, къ которой я, собственно, и готовился; но если нѣтъ такой вакантной кафедры, то я согласенъ на кафедру умозрительной философіи или эстетики—это мои любимые коньки“. Въ этомъ же письмѣ Фойгтъ высказываетъ весьма интересное воззрѣніе на задачи научной юриспруденціи:

„Я долженъ откровенно сознаться вамъ,—заявляетъ онъ,—что я плохой юристъ, если разумѣть подъ юриспруденціею только знакомство съ указами, но что я готовъ подвергнуть себя всякому испытанію въ юриспруденціи, если понимать ее въ томъ видѣ, какъ она есть дѣйствительно, т. е. въ смыслѣ науки". Къ своему письму Фойгтъ приложилъ, кромѣ документовъ служебныхъ, проспектъ энциклопедіи законовѣдѣнія и небольшое, на нѣмецкомъ языкѣ, разсужденіе „De militari testamento".

Академикъ Фуссъ принялъ участіе въ судьбѣ своего свояка и въ результатѣ его ходатайства явилось согласіе Румовскаго на предоставленіе Фойгту кафедры въ казанскомъ университетѣ. Согласно желанію аспиранта, Румовскій первоначально предполагалъ его, кажется, на кафедру „правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ", но впослѣдствіе измѣнилъ это рѣшеніе и предложилъ ему кафедру философіи, на принятіе которой Фойгтъ охотно, конечно, согласился. Назначеніе Фойгта профессоромъ по кафедрѣ умозрительной и практической философіи состоялось 23-го января 1808 года, хотя вновь назначенный профессоръ, злоупотребляя вліяніемъ родственника своей жены и не взирая на неоднократныя и довольно энергичныя побужденія Румовскаго, прибылъ къ мѣсту новаго служенія лишь 14-го сентября. 21-го сентября Фойгтъ въ первый разъ явился въ совѣтъ, а 17-го октября представилъ „порядокъ философическихъ своихъ чтеній", изъ котораго оказывалось, что эти чтенія „будутъ состоять въ томъ, что онъ при исторіи философіи будетъ обучать логикѣ, метафизикѣ и нравоученію".

Менѣе трехъ полныхъ учебныхъ годовъ довелось прослужить Фойгту казанскому университету, а потому и весьма затруднительнымъ представляется сказать что либо опредѣленное относительно успѣховъ и результатовъ его непродолжительной профессорской дѣятельности; приходится согласиться съ мнѣніемъ профессора Н. Н. Булича, что въ этомъ отношеніи казанская дѣятельность Фойгта должна быть признана совершенно безслѣдною. Память о совѣтской дѣятельности профессора К. А. Фойгта сохранилась въ хроникѣ казанскаго университета лишь въ дѣлѣ объ его „горячности", возникшемъ по поводу выборовъ 1810 года. Но объ этомъ—послѣ.

Иная карьера выпала на долю его сына—Карла Карловича Фойгта, бывшаго казанскаго гимназиста и студента, а впослѣдствіе профессора россійской словесности въ казанскомъ университетѣ, ректора харьковскаго университета, попечителя харьковскаго учебнаго округа и члена совѣта министра народнаго просвѣщенія. Впрочемъ, данныя относительно К. К.

Фойгта займутъ нѣсколько совершенно самостоятельныхъ страницъ въ нашемъ будущемъ повѣствованіи.

К. А. Фойгтъ скончался въ Казани, 13-го іюня 1811 года. Его вдова, внучка знаменитаго Эйлера, въ мартѣ слѣдующаго года вышла замужъ за казанскаго профессора И. О. Брауна, а затѣмъ, овдовѣвъ (въ 1819 г.), черезъ три года снова вышла замужъ, уже третьимъ бракомъ—опять таки за профессора казанскаго же университета, оріенталиста Ф. И. Эрдмана, съ которымъ, однако, развелась послѣ пятнадцати лѣтъ совмѣстной жизни [124].

Иванъ Егоровичъ Миллеръ происходилъ также изъ натурализованныхъ иностранцевъ, хотя данныя относительно мѣста и времени его рожденія, равно какъ и данныя относительно первой поры его жизни, остаются неизвѣстными. Изъ послужного списка Миллера видно только, что образованіе получилъ онъ въ дрезденской гимназіи и лейпцигскомъ университетѣ, а затѣмъ, переселившись въ Россію, въ 1798 году сдѣлался преподавателемъ новыхъ языковъ во второмъ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ и латинскаго языка въ главномъ нѣмецкомъ училищѣ, позже—(1799—1802 гг.) былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ екатерининскомъ институтѣ и въ институтѣ повивальномъ; въ іюлѣ 1804 года удостоился всемилостивѣйшей награды за изданіе нѣмецкаго „С.-Петербургскаго Журнала"; въ декабрѣ 1806 года принялъ русское подданство. Оставивъ петербургскую службу, Миллеръ 22-го іюня 1805 года получилъ должность учителя французскаго и нѣмецкаго языковъ въ астраханской гимназіи.

Мысль о возможности достиженія кафедры въ новомъ казанскомъ университетѣ зародилась у Миллера, очевидно, еще до переселенія его въ Астрахань; по крайней мѣрѣ, онъ уже въ слѣдующемъ году рѣшается напомнить попечителю Румовскому объ его обѣщаніи „открыть ему болѣе широкій кругъ дѣятельности", доставивъ службу при университетѣ. Миллеру удалось, вѣроятно, заручиться во время петербургскихъ службъ довольно сильною протекціею, такъ какъ его настоянія не остались безплодными и 23-го января 1808 года послѣдовало утвержденіе его въ должности адъюнкта казанскаго университета по кафедрѣ всемірной исторіи, географіи и статистики, сдѣлавшейся вакантною съ увольненіемъ, ровно за годъ до того, профессора Цеплина; 8-го апрѣля 1809 года, вслѣдствіе домогательствъ Миллера, ему была предоставлена лектура нѣмецкаго языка, которую онъ и совмѣстилъ съ кафедрою.

Миллеръ значительно запоздалъ прибытіемъ къ новому мѣсту служенія, благодаря карантиннымъ задержкамъ, вызваннымъ свирѣпствовавшею въ нижнемъ Поволжьи повальною эпидеміею, и только 21-го октября явился въ засѣданіе совѣта, а слѣдомъ затѣмъ открылъ и курсъ своихъ чтеній, которыя въ продолженіи всего учебнаго года ограничились исторіею и географіею Испаніи и, отчасти, Португаліи и Франціи. Не долго, всего только одинъ годъ, продолжалась университетская дѣятельность Миллера: побывавъ лѣтомъ 1809 года въ Петербургѣ и заручившись здѣсь поддержкою сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля, онъ 27-го октября 1809 года былъ перемѣщенъ на должность директора училищъ иркутской губерніи, почему въ ноябрѣ и прекратилъ чтеніе лекцій, порученное, вмѣсто него, кандидату Кондыреву. Покидая казанскій университетъ, Миллеръ выхлопоталъ себѣ званіе его члена-корреспондента и впослѣдствіе доставлялъ различные, преимущественно естественно-историческіе, предметы для университетскихъ коллекцій. Въ 1816 году Миллеръ былъ снова перемѣщенъ въ Казань, на должность директора мѣстнаго главнаго народнаго училища.

Румовскій самъ сознавалъ ошибку, по слабости характера допущенную имъ назначеніемъ Миллера на кафедру: „О Миллерѣ я и не жалѣю,— писалъ онъ Яковкину; — въ бытность его здѣсь я узналъ его покороче, и онъ служитъ мнѣ наставленіемъ, сколь мало должно полагаться на одобренія посторонния" [125].

Іоганнъ Фридрихъ Христіанъ (Θеодоръ Христіановичъ) Вуттигъ (Wuttig) родился 22-го марта 1783 года, въ саксонскомъ городѣ Вундерслебенѣ. Получивъ начальное образованіе въ Веймарѣ, Лагензальцѣ и Финштадтѣ (въ послѣднемъ городѣ онъ служилъ при аптекѣ), девятнадцатилѣтній Вуттигъ поступилъ въ іенскій университетъ, въ которомъ обучался „практическому изслѣдованію минъ", продолжая затѣмъ это изученіе въ фрейбургской минералогической академіи и восполняя его осмотромъ саксонскихъ горнопромышленныхъ заведеній. Судя по формулярамъ Вуттига, онъ, по переселеніи въ Россію (при какихъ обстоятельствахъ это совершилось—неизвѣстно), одно время преподавалъ химію въ виленскомъ университетѣ, а затѣмъ мы находимъ его уже въ Дерптѣ, гдѣ онъ занимается экспериментальною физикою у проф. Паррота и 2-го мая 1806 года публично защищаетъ диссертацію („Versuch über die Gallussäure"), доставляющую ему степень доктора философіи; въ 1808 году Вуттигъ управляетъ какимъ то петербургскимъ купоросным заводомъ.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какими путями завязалось знакомство Вуттига съ Румовскимъ, но уже въ апрѣлѣ 1808 года попечитель вошелъ къ министру съ представленіемъ объ утвержденіи Вуттига адъюнктомъ казанскаго университета—„почитая для университета весьма полезнымъ пріобрѣтеніе сего молодого ученаго, подающаго надежду быть со временемъ достойнымъ званія профессорскаго". Съ хорошей стороны отзывался объ аспирантѣ и проф. Браунъ, знавшій его еще по Вильно. Въ ту пору, къ которой относится казанская кандидатура Вуттига, онъ уже пользовался извѣстнымъ именемъ среди технологовъ, благодаря ряду статей въ спеціальныхъ нѣмецкихъ журналахъ, доставившихъ ему и званіе члена нѣкоторыхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ *.

18-го апрѣля 1808 года состоялось назначеніе Вуттига въ казанскій университетъ адъюнктомъ по спеціально для него скомбинированной кафедрѣ химіи, технологіи и фармацевтики, образованной изъ дисциплинъ, пріуроченныхъ уставомъ къ самостоятельнымъ кафедрамъ, которыя всѣ оставались, однако же, незанятыми. Въ совѣтъ въ первый разъ явился Вуттигъ 6-го іюля, въ слѣдующемъ же засѣданіи передавъ секстантъ, привезенный имъ отъ Румовскаго для университетскаго собранія астрономическихъ инструментовъ, который и было опредѣлено сдать въ физическій кабинетъ. Изъ поданнаго Вуттигомъ плана преподаваній видно, что весь свой курсъ технологіи, которая его, главнымъ образомъ, и интересовала, онъ предполагалъ раздѣлить на технологію „химическую" и „математическую", ознакомляя слушателей, въ предѣлахъ каждой изъ нихъ, съ цѣлымъ кругомъ различнаго рода производствъ. На долю Вуттига, какъ и на долю многихъ другихъ его сотоварищей по университету, выпала печальная необходимость уже на первыхъ порахъ столкнуться съ совершеннымъ отсутствіемъ пособій для преподаванія, вслѣдствіе чего онъ въ началѣ декабря 1808 года обращался въ совѣтъ съ ходатайствомъ объ ассигнованіи въ его распоряженіе нѣкоторой суммы на пріобрѣтеніе необходимой коллекціи матеріаловъ и предметовъ техническихъ производствъ; ходатайство это совѣтомъ было удовлетворено, но дальнѣйшія начинанія Вуттига въ этомъ направленіи остаются намъ неизвѣстными. Въ 1810 году онъ продалъ университету за 350 рублей свою библіотеку, заключавшую въ себѣ собраніе книгъ, преимущественно по технологіи. Предпринимались Вуттигомъ, какъ видно, и техническія экскурсіи съ студентами; такъ, вес-

---

* 1-го декабря 1809 года Вуттигъ представилъ въ совѣтъ списокъ своихъ трудовъ. Интересующіеся найдутъ ихъ въ дѣлѣ совѣта за 1809 г., № 36, на листахъ 53—55; см. также № 35 (л. 170).

ною 1810 года онъ ѣздилъ съ своими слушателями А. Лобачевскимъ и Манасеинымъ для научнаго осмотра какой то, находящейся въ губерніи, татарской кумачной фабрики.

Трудно сказать что нибудь опредѣленное относительно результатовъ научно-преподавательской дѣятельности Вуттига за четыре года его университетской службы; изъ его учениковъ можетъ быть отмѣченъ только А. И. Лобачевскій (братъ знаменитаго математика), въ 1811 году возведенный въ степень магистра, „въ особенности по технологіи и химіи", и позже, въ званіи адъюнкта, непродолжительное время (1817—1821 гг.) числившійся представителемъ кафедры технологіи. Къ ученой дѣятельности самого Вуттига должно быть отнесено его путешествіе на Уралъ, совершенное лѣтомъ и осенью (іюль—сентябрь) 1809 года, съ цѣлью изученія минеральныхъ богатствъ и техническихъ производствъ края; отчеты объ этой поѣздкѣ, съ указаніемъ сдѣланныхъ имъ наблюденій, изслѣдованій и открытій, Вуттигъ представилъ, краткій—въ совѣтъ, подробный—академіи наукъ *.

Вуттига крайне неудовлетворяло его служебное положеніе адъюнкта, и онъ уже вскорѣ послѣ своего переѣзда въ Казань началъ усиленно хлопотать передъ Румовскимъ о предоставленіи ему профессуры, сопровождая ходатайства безконечными ссылками то на свои труды и заслуги, то на жертву, которую онъ принесъ наукѣ, отдавъ университеткой карьерѣ предпочтеніе передъ многими, открывавшимися ему и съ житейской стороны болѣе выгодными, путями практической дѣятельности; желая склонить попечителя на свою сторону, Вуттигъ еще въ 1809 году ссылался на уже изготовленный имъ къ изданію нѣмецкій трактатъ „О приготовленіи сѣрной кислоты" и на другое сочиненіе—„Fundament zu einer mathematischen Methode der Chemie", также совершенно готовое къ печати. Добиваясь профессуры, Вуттигъ обращался къ содѣйствію президента академіи наукъ, рѣшился даже и на непосредственное письмо къ министру народнаго просвѣщенія.

Только въ началѣ 1810 года удалось Вуттигу достигнуть профессуры,—хотя и не званія профессора ординарнаго, чего онъ добивался: 16-го января этого года состоялось повышеніе его въ званіе экстраординарнаго профессора (одновременно съ Запольскимъ и Эрихомъ). Это повышеніе Вуттига не удовлетворило и онъ уже тогда окончательно рѣшилъ, какъ

* Этотъ послѣдній отчетъ былъ въ свое время напечатанъ въ издававшемся академіею «Технологическомъ Журналѣ» (за 1810 г., т. VII, часть 1). Въ этомъ же журналѣ помѣщены статьи Вуттига о кумачномъ производствѣ (т. VIII) и о способѣ черненія серебра (т. IX).

кажется, разстаться съ казанскимъ университетомъ. Дотянувъ кое-какъ свои чтенія до конца весенняго семестра 1810 года, онъ взялъ отпускъ въ Петербургъ, откуда въ Казань уже не возвращался, получивъ какія то техническія занятія при монетномъ дворѣ и, сверхъ того, званіе члена-корреспондента академіи наукъ. Воспользовавшись нѣсколькими отсрочками своего отпуска, Вуттигъ въ началѣ 1812 года подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы въ казанскомъ университетѣ, каковое и состоялось 21-го февраля 1812 года. Совершенно покинувъ вслѣдъ затѣмъ Россію, Вуттигъ вступилъ въ прусскую службу, былъ впослѣдствіе доцентомъ берлинскаго университета и умеръ 23-го апрѣля 1850 года [126].

Каспаръ Ѳеодоровичъ Реннеръ (Kaspar Friedrich Renner), родившійся въ 1780 году, высшее образованіе получилъ въ геттингенскомъ университетѣ, которымъ въ 1808 году удостоенъ степени доктора философіи и въ которомъ былъ одно время, кажется, даже приватъ-доцентомъ, хотя послужные списки Реннера объ этомъ и умалчиваютъ. Для занятія кафедры въ казанскомъ университетѣ Реннеръ былъ еще въ 1806 году рекомендованъ Румовскому Бартельсомъ, указывавшимъ на него, какъ на вполнѣ достойнаго кандидата. Аттестація Бартельса представлялась въ глазахъ попечителя казанскаго округа безусловно авторитетною, и уже 20-го іюля 1808 года состоялось назначеніе Реннера въ казанскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ прикладной математики. Кромѣ уже имѣвшагося въ печати труда Реннера („Anfangsgründe der Algebra", 1805 г.), въ рукахъ Румовскаго находился рукописный французскій мемуаръ его („Sur les caustiques par refraction"), который привелъ стараго математика въ восторгъ и побудилъ его высказать министру мнѣніе, что „г. Реннеръ достоенъ званія профессорскаго".

Много времени требовалось въ то время на переѣздъ иностранныхъ профессоровъ въ Россію, и только въ сентябрѣ 1808 года достигъ Реннеръ Казани, 16-го сентября въ первый разъ явившись, согласно установленному обычаю, въ засѣданіе совѣта, а въ слѣдующемъ засѣданіи представивъ обозрѣніе намѣченнаго имъ преподаванія, изъ котораго видно, что онъ намѣревался „читать, по Кестнеру, коническія сѣченія, а потомъ механическія части". Прибывъ въ Казань, Реннеръ остался вполнѣ удовлетвореннымъ какъ самымъ городомъ, какъ и своими сослуживцами: „Je me rejouis du bonheur de vivre dans une jolie ville, ou de la part de mes collègues j'ai trouvé l'accueil le plus agréable" — отписывалъ онъ попечителю, слѣдомъ за прибытіемъ своимъ въ Казань.

Ученый и нравственный обликъ профессора Реннера весьма слабо очерченъ въ лѣтописяхъ казанскаго университета; поглощенный своими учено-педагогическими обязанностями, онъ не принималъ почти никакого участія въ борьбѣ партій и въ проявленіяхъ тѣхъ мелкихъ интересовъ личныхъ счетовъ и раздоровъ, которыми такъ чревата была начальная жизнь казанскаго университета. Его личность остается, въ силу этого, какъ бы затемненною въ общемъ круговоротѣ университетскихъ событій 1808—1816 годовъ. Что бы охарактеризовать общій обликъ профессора Реннера, наиболѣе умѣстнымъ полагаемъ мы дословно привести отзывъ о немъ Н. Н. Булича, основанный на разсказахъ его непосредственныхъ учениковъ, которые сами сдѣлались впослѣдствіе выдающимися математиками и профессорами и лично передавали покойному Буличу свои воспоминанія о Реннерѣ: „Реннеръ—былъ натурою спокойною и ровною, жившею въ однихъ умственныхъ интересахъ. Умъ, точный и глубоко образованный, привычный къ строгой логикѣ математическихъ формулъ, полнота содержанія его лекцій, читанныхъ на изящномъ французскомъ языкѣ—все это осталось въ памяти его первыхъ слушателей, всегда вспоминавшихъ о немъ съ уваженіемъ. Это были причины,—продолжаетъ Н. Н. Буличъ,—что мы не могли найти ни одного случая, гдѣ бы имя его поминалось, вмѣстѣ съ прочими, въ какой либо университетской исторіи",—которыхъ, добавимъ отъ себя, Реннеръ всечески, повидимому, и избѣгалъ, стараясь держаться золотой и всегда безмятежной середины. Въ 1813 году Реннеръ былъ избранъ библіотекаремъ университета (вмѣсто умершаго Сторля) и несъ эту должность до самаго конца своей жизни.

Реннеръ скончался, не взирая на прекрасную комплекцію, 4-го іюня 1816 года, отъ осложнившейся горячкою кори. Краткій некрологъ покойнаго тогда же появился въ мѣстномъ университетскомъ журналѣ: „Знанія въ наукахъ, — говорилось здѣсь, — присоединили его имя къ членамъ физикальнаго геттингенскаго общества, а душевныя качества ввели его въ небольшой кружокъ друзей, сѣтующихъ о своей потерѣ" („Казанскія Извѣстія" за 1816 г., № 48). Преподаванія Реннера были поручены, послѣ его кончины, экстраординарному профессору Никольскому. Насколько плохо обставлено было матеріальное положеніе Реннера, — человѣка, замѣтимъ, холостого,—видно изъ того, что послѣ его смерти не только не оказалось никакихъ средствъ для похоронъ, но даже все его движимое имущество (въ составѣ послѣдняго и арфа) было продано съ публичнаго торга, на удовлетвореніе оставшихся послѣ покойнаго долговъ [127].

Въ началѣ 1807 года, съ увольненіемъ профессора Цеплина, преподаваніе по освободившейся послѣ него кафедрѣ всеобщей исторіи, географіи и статистики поручено было, подъ руководствомъ проф. Яковкина, его ученику П. С. Кондыреву, 7-го марта того же года удостоенному степени кандидата. Въ интересующемъ насъ учебномъ году, за послѣдовавшимъ увольненіемъ адъюнкта Карташевскаго, повторительное преподаваніе по математикѣ велъ студентъ Дмитрій Перевощиковъ, причемъ, по словамъ экзаменаціоннаго протокола 1808 года, произведенное имъ въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года испытаніе студентовъ „оправдало совѣту какъ стараніе студента Перевощикова, такъ и успѣхи слушателей его“ [128].

Этотъ студентъ Перевощиковъ,—въ будущемъ извѣстный академикъ Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ, — не составилъ себѣ въ казанскомъ университетѣ дальнѣйшей преподавательской карьеры: въ концѣ 1808 года онъ былъ назначенъ учителемъ математики въ Симбирскъ.

Что бы покончить съ 1807—1808 учебнымъ годомъ, отмѣтимъ еще утрату, понесенную университетомъ въ этомъ году въ лицѣ перваго преподавателя правовѣдѣнія—профессора Г. Л. Бюнемана († 30-го іюля 1808 года).

1808—1809 учебный годъ оказался очень скуднымъ съ точки зрѣнія обогащенія преподавательскаго персонала казанскаго университета. Онъ отмѣченъ лишь неудачнымъ назначеніемъ одного профессора—Т. Реннера (по кафедрѣ скотолеченія), и началомъ преподавательской дѣятельности двухъ магистровъ, впослѣдствіе профессоровъ—Г. Б. Никольскаго (по кафедрѣ прикладной математики) и В. М. Перевощикова (по кафедрѣ россійской словесности).

Этотъ же академическій годъ выдвинулъ впередъ и претендента на кафедру, въ лицѣ профессора философіи виттенбергскаго университета, не безъизвѣстнаго въ свое время популяризатора Пёлица, обратившагося къ Румовскому съ письмомъ относительно предоставленія ему кафедры философіи, кромѣ которой онъ изъявлялъ готовность читать и правовѣдѣніе, и исторію, и географію, и статистику, и языковѣдѣніе, и финансы и, даже, богословіе. Румовскій уже былъ готовъ дать ему кафедру, но въ февралѣ 1809 года онъ прислалъ попечителю отказъ, сославшись на предоставленную ему на родинѣ освободившуюся кафедру исторіи. Пёлицъ оставилъ по себѣ въ казанскомъ университетѣ память лишь въ томъ, что по его рекомендаціи былъ въ слѣдующемъ году назначенъ сюда, на кафедру патологіи, терапіи и клиники, профессоръ того же виттенбергскаго университета Ѳ. Х. Эрдманъ [129].

Познакомимся же съ новыми преподавательскими силами, появленіемъ которыхъ ознаменовался разсматриваемый нами учебный годъ.

Теобальдъ Реннеръ, двоюродный братъ уже извѣстнаго намъ казанскаго профессора прикладной математики, родившійся въ г. Бременѣ, въ 1779 году, ветеринарное образованіе получилъ въ берлинской ветеринарной школѣ, а по пріѣздѣ (въ 1802 г.) въ Россію занималъ должность ветеринара при конномъ заводѣ графа Ѳ. В. Ростопчина, а затѣмъ служилъ въ такой же должности при московской полиціи. Назначеніе Реннера въ казанскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ скотолеченія, состоявшееся 5-го августа 1808 года, по рекомендаціи проф. Бартельса и академика Фусса, совершилось послѣ отзыва, даннаго Фуксомъ и Брауномъ о представленномъ имъ небольшомъ трудѣ (вѣрнѣе—статьѣ) по практической ветеринаріи. Это назначеніе оказалось совершенно неудачнымъ: въ теченіи года, слишкомъ, подъ разными предлогами оттягивалъ Реннеръ свое прибытіе къ новому мѣсту служенія и только въ ноябрѣ 1809 года прислалъ Румовскому окончательный отказъ отъ службы въ казанскомъ университетѣ. Увольненіе его состоялось 23-го декабря 1809 года.

Получивъ въ 1810 году степень доктора медицины, Реннеръ въ продолженіи двухъ лѣтъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ ветеринаріи въ московскомъ университетѣ, послѣ чего выѣхалъ заграницу, гдѣ и умеръ въ 1850 году, въ званіи профессора сравнительной анатоміи и директора іенскаго университетскаго ветеринарнаго института [130].

Григорій Борисовичъ Никольскій, скромный еще магистръ въ эпоху, къ которой относится наше повѣствованіе, а впослѣдствіе ректоръ, предсѣдатель строительнаго комитета и заслуженный профессоръ математики, представляется личностью весьма крупною въ исторіи казанскаго университета двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ прошедшаго столѣтія и намъ очень часто суждено будетъ встрѣчаться съ этимъ именемъ въ нашемъ позднѣйшемъ изложеніи. Сынъ діакона, Никольскій родился 11-го ноября 1785 года въ приходѣ Николы-Новаго, судогодскаго уѣзда владимірской губерніи. Получивъ среднее образованіе (съ 1793 г.) въ владимірской духовной семинаріи, онъ былъ переведенъ отсюда (7-го сентября 1803 г.) въ с.-петербургскій педагогическій институтъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе попечителя казанскаго учебнаго округа Румовскаго своими блестящими математическими способностями, проявленными во время экзамена и, въ особенности, своими двумя письменными работами по мате-

матикѣ. Румовскій, лично экзаменовавшій молодого студента, пришелъ въ такое восхищеніе отъ его знаній, что, по окончаніи имъ курса института, не замедлилъ опредѣлить его (20-го мая 1808 года) въ казанскій университетъ магистромъ, препоручивъ его особому „смотрѣнію" профессора Бартельса, съ тѣмъ, что бы молодой человѣкъ, подъ его руководствомъ, готовился къ званію адъюнкта математики *. Бартельсъ былъ, и въ свою очередь, въ восторгѣ отъ порученнаго ему даровитаго ученика: „Радуюсь чрезвычайно,—рапортуетъ онъ попечителю уже въ концѣ того же 1808 года,—что все, могущее быть вамъ сообщеннымъ касательно Никольскаго, какъ объ его талантахъ, такъ и объ его неутомимой дѣятельности и нравственныхъ свойствахъ характера, совершенно оправдываетъ счастливый выборъ вашъ и ожиданія; если не встрѣтятся въ будущемъ такія обстоятельства, которыя могутъ помѣшать успѣхамъ этого молодаго человѣка, то я увѣренъ, что въ области математическихъ наукъ онъ будетъ украшеніемъ не только нашего университета, но и своей великой родины: можно надѣяться, что Никольскій чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаетъ общедоступными въ Россіи остроумныя, всѣ части математики объемлющія и только величайшими математиками до сихъ поръ затронутыя, изслѣдованія о свойствахъ чиселъ". Ожиданіямъ Румовскаго и Бартельса не было суждено сбыться. Достигнувъ каѳедры, Никольскій не пошелъ далѣе по пути развитія своихъ, богатыхъ отъ природы, математическихъ дарованій и въ этомъ отношеніи далеко не сравнялся съ двумя другими выдающимися учениками проф. Бартельса—Н. И. Лобачевскимъ и И. М. Симоновымъ. Несомнѣнно, что этому помѣшала административно-практическая стезя дѣятельности, на которую уже очень рано сталъ Никольскій и которая въ эпоху вѣяній, ознаменовавшихъ собою министерство князя Голицына и попечительство Магницкаго, приняла даже не особенно симпатичный оттѣнокъ разсчитаннаго и не разборчиваго въ средствахъ карьеризма. Послѣдовательно достигнувъ званій адъюнкта (23-го марта 1811 г.), экстраординарнаго (26-го марта 1814 г.) и ординарнаго (28-го сентября 1817 г.) профессора, Никольскій въ различное время несъ обязанности и безсмѣннаго засѣдателя прав-

* Крайне курьезенъ имѣющійся въ дѣлахъ аттестатъ, выданный Никольскому изъ педагогическаго института: «Объявитель сего,—читаемъ здѣсь,—бывшій императорскаго с.-петербургскаго педагогическаго института студентъ, Григорій Никольскій, обучался въ ономъ, между прочимъ, чистой и прикладной математикѣ съ чрезвычайною къ ней способностью, съ острымъ понятіемъ, съ глубокимъ разсужденіемъ, съ сильнымъ воображеніемъ, съ удивительною вникательностью, съ неподражаемымъ прилежаніемъ и съ безподобными успѣхами и пр.» (см. Сов. 1808, № 27, л. 50).

ленія (1814—1820 г.г.), и директора гимназіи (1819—1820 г.г.), и секретаря совѣта (1819—1820 г.г.), и директора университета (1822—1825 и 1826 г.г.), и декана (1827—1828, 1830—1839 г.г.), и ректора (1820—1823 г.г.), и предсѣдателя строительнаго комитета (1826—1833 г.г.), исполнялъ и цѣлый рядъ другихъ административныхъ порученій по университету и округу. Уволившись изъ университета 25-го мая 1839 года съ званіемъ заслуженнаго профессора и, слѣдомъ затѣмъ, избранный почетнымъ членомъ университета, Никольскій умеръ 11-го мая 1844 года, за четыре года передъ тѣмъ разбитый параличемъ.

Преподавательская дѣятельность Никольскаго началась уже слѣдомъ за прибытіемъ его въ Казань. Съ начала осенняго семестра 1808 года онъ началъ, подъ руководствомъ своего учителя Бартельса, читать студентамъ начальныя основанія чистой математики, занявъ въ тоже время и высшій математическій классъ въ гимназіи, а въ слѣдующемъ учебномъ году онъ уже читаетъ тригонометрію на плоскости и начала сферической тригонометріи и коническихъ сѣченій [131].

Василій Матвѣевичъ Перевощиковъ, родившійся въ 1786 году, въ семьѣ небогатаго пензенскаго дворянина, 18-го февраля 1805 года опредѣленъ былъ изъ казанской гимназіи, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Дмитріемъ, въ только что открывавшійся тогда казанскій университетъ. Литературныя стремленія Перевощикова, находившія себѣ выходъ, преимущественно, въ переводахъ съ французскаго языка („Начальныя основанія литературы“ Баттё), обнаружились еще въ бытность его студентомъ, вызвавъ даже поощреніе со стороны начальства; въ 1806 году онъ сдѣлался членомъ пока еще неоффиціально составившагося при университетѣ общества любителей отечественной словесности. 27-го сентября 1806 года, признанный получившимъ достаточную подготовку, Перевощиковъ былъ опредѣленъ въ пензенскую гимназію учителемъ философіи и словесности, хотя завѣтною мечтою его было попасть снова въ Казань и пристроиться по ученой части при мѣстномъ университетѣ. Въ этомъ намѣреніи помогла ему рѣчь, произнесенная лѣтомъ 1808 года на актѣ пензенской гимназіи, которая чрезвычайно понравилась Румовскому: „Сравните ее,—писалъ про эту рѣчь, въ августѣ того же года, попечитель Яковкину,—съ рѣчами, въ Казани говоренными; сей молодой человѣкъ дѣлаетъ честь казанской гимназіи и я намѣренъ перевесть его въ университетъ по россійской словесности“. Въ то время производство въ магистры обыкновенно совершалось, въ противность уставу, безъ особаго экзамена—однимъ взма-

хомъ попечительскаго пера. Такъ случилось и на этотъ разъ: „Усматривая отличныя способности пензенской гимназіи старшаго учителя Василія Перевощикова,—предписалъ попечитель отъ 11-го февраля 1809 года,—доказанныя имъ двумя опытами представленныхъ мнѣ сочиненій его, касающихся до словесности, предлагаю возвесть его въ званіе магистра при казанскомъ университетѣ"; 24-го февраля утвержденіе Перевощикова въ этомъ званіи и состоялось, а 5-го іюня послѣдовало самое перемѣщеніе его въ Казань. Въ сентябрѣ 1809 года Перевощиковъ вошелъ въ совѣтъ съ рапортомъ, въ которомъ заявлялъ, что, „желая по мѣрѣ способностей и силъ споспѣшествовать успѣхамъ г.г. студентовъ въ россійской словесности"; онъ намѣренъ „съ желающими изъ нихъ открыть каждую недѣлю, по субботамъ, бесѣды, на коихъ буду предлагать имъ для перевода лучшія мѣста, а иногда и цѣлыя сочиненія изъ латинскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ писателей; нѣкоторыя, для произволящихъ, матеріи для упражненія въ сочиненіяхъ, и разсматривать съ ними всѣ сіи переводы и сочиненія, замѣчая недостатки оныхъ". Совѣтъ объявилъ, что „на таковое его добровольное пожертвованіе согласенъ" и такимъ образомъ открылась преподавательская дѣятельность Перевощикова въ казанскомъ университетѣ. Изъ обозрѣнія преподаваній въ 1809—1810 учебномъ году мы усматриваемъ, что, не ограничиваясь только что поставленными имъ рамками преподаванія, Перевощиковъ изъяснялъ студентамъ „правила большихъ рѣчей" и производилъ разборъ авторовъ какъ классическихъ, такъ и отечественныхъ, а лѣтомъ 1810 года принималъ участіе въ годичныхъ университетскихъ экзаменахъ. Съ августа 1809 года по мартъ 1814 года Перевощиковъ несъ, сверхъ того, обязанности помощника инспектора студентовъ.

Дальнѣйшая служебная дѣятельность В. М. Перевощикова обрисовывается въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. 23-го марта 1811 года онъ утвержденъ (въ одинъ день съ Никольскимъ) адъюнктомъ россійской словесности, 26-го марта 1814 года—экстраординарнымъ профессоромъ. 31-го января 1819 года избранъ совѣтомъ профессоромъ естественнаго права, но не былъ утвержденъ по этой кафедрѣ. 16-го февраля 1820 года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ россійской исторіи, географіи и статистики (на мѣсто Яковкина), но 26-го октября того же года перемѣщенъ въ дерптскій университетъ. Умеръ въ 1851 году, въ званіи академика [132].

Несравненно болѣе благопріятнымъ оказался, съ точки зрѣнія обогащенія личнаго состава казанскаго университета, слѣдующій 1809—1810 академическій годъ.

Конецъ первой половины этого года даетъ намъ три домогательства кафедръ въ казанскомъ университетѣ. Первое изъ нихъ принадлежитъ гессенъ-дармштадскому выходцу, врачу I. В. X. Баумеру, въ октябрѣ 1809 года обратившемуся къ Румовскому съ письмомъ на латинскомъ языкѣ, въ которомъ ходатайствовалъ о назначеніи его на вакантную кафедру хирургіи и повивальнаго искусства. Вторымъ претендентомъ выступилъ актуарій государственной иностранной коллегіи Александръ Майеръ, при вычурномъ латинскомъ письмѣ, адрессованномъ ректору и профессорамъ университета, представившій составленное имъ руководство къ познанію римскихъ законовъ, которое и было передано совѣтомъ, для дачи о немъ отзыва, профессору правовѣдѣнія Финке. Дальнѣйшаго производства по этимъ домогательствамъ, повидимому, и не было. Третьимъ претендентомъ явился краковскій профессоръ ботаники и химіи Радіусъ, рекомендованный нашему министерству народнаго просвѣщенія главнокомандующимъ русскаго окупаціоннаго корпуса въ Галиціи, княземъ Голицынымъ—одновременно съ рекомендаціею имъ же и проф. Литтрова; министръ изъявилъ согласіе на приглашеніе Радіуса въ Казань, но на этомъ дѣло и остановилось [133].

Въ личный составъ университета вошли въ разсматриваемомъ нами академическомъ году слѣдующія шесть, въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ опредѣленія, лицъ: профессоры Финке (по кафедрѣ естественнаго, политическаго и народнаго права), Нейманъ (по предметамъ россійскаго правовѣдѣнія и политической экономіи), адъюнктъ баронъ Врангель (по правовѣдѣнію, вообще), лекторъ Шарпіо (французскій языкъ), адъюнктъ Петровскій (артиллерія и фортификація), профессоры Литтровъ (по кафедрѣ астрономіи) и Эрдманъ Ѳ. X. (по кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники). Интересующій насъ теперь академическій годъ сразу далъ, такимъ образомъ, трехъ представителей правовѣдѣнія, преподаваніе котораго, со смертью лѣтомъ 1808 года профессора Бюнемана, совсѣмъ было прекратилось въ казанскомъ университетѣ. Эти три преподавателя правовѣдѣнія и будутъ на первой очереди нашего изложенія.

Иванъ Арнольдовичъ (Іоганнъ Христофоръ) Финке, уроженецъ г. Геттингена (родился въ 1773 году), образованіе получилъ въ мѣстной гимназіи (до 1792 г.), а затѣмъ въ геттингенскомъ университетѣ, въ которомъ занимался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ филологіею у извѣстнаго Гейне, а затѣмъ юридическими науками подъ ближайшимъ руководствомъ славившихся въ то время геттингенскихъ профессоровъ-юристовъ Вальдека и Мейстера. Получивъ въ томъ же университетѣ (1798 г.) степень доктора правъ за диссертацію „De unius testis confessione", Финке занимался на родинѣ различными отраслями практической дѣятельности, причемъ не

оставлялъ и теоретическаго изученія права; такъ, въ 1806 году онъ издалъ въ Геттингенѣ брошюру пропедевтическаго характера: „Darstellung eines Plan zum Gebrauch für Vorlesungen über die gemeinen deutschen Processe", а въ 1809 году, передъ самымъ отъѣздомъ въ Россію, напечаталъ первую часть перевода толкованій Теофила на институціи Юстиніана: „Theophilus Paraphrase über die Institutionen Justinians" (I, Goett. 1809)—трудъ, прекрасно встрѣченный критикою и которому Финке придавалъ большое значеніе съ точки зрѣнія постановки изученія греко-римскаго права и который, за отсутствіемъ необходимыхъ пособій въ Казани, впослѣдствіе оконченъ имъ уже не могъ быть.

Мысль искать кафедру въ казанскомъ университетѣ подалъ Финке его землякъ и товарищъ по геттингенскому университету, уже извѣстный намъ профессоръ математики К. Ѳ. Реннеръ, передъ тѣмъ только получившій кафедру въ Казани; оба они были дружны еще въ студенческіе годы, вмѣстѣ работая надъ комментированнымъ переводомъ Тацита. Недалекое прошлое юридическаго преподаванія въ Казани было также не вполнѣ чуждо Финке: до предшествовавшаго года велъ его здѣсь старый геттингенецъ же, проф. Бюнеманъ, бывшій, впрочемъ, на двадцать лѣтъ старше своего будущаго преемника.

Финке не замедлилъ обратиться къ попечителю казанскаго учебнаго округа Румовскому съ письмомъ, въ которомъ просилъ его о юридической кафедрѣ въ казанскомъ университетѣ и къ которому приложилъ прекрасныя аттестаціи, данныя ему геттингенскими профессорами Гейне, Вальдекомъ и Мейстеромъ; ходатайство это встрѣтило поддержку и со стороны геттингенскаго корреспондента русскаго министерства народнаго просвѣщенія, извѣстнаго ученаго Мейнерса, еще раньше неоднократно рекомендовавшаго Финке попечителю московскаго университета Муравьеву. Румовскій съ удовольствіемъ принялъ предложеніе, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что бы Финке чередовалъ преподаваніе по своей кафедрѣ съ преподаваніемъ и по другой кафедрѣ—правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя не будетъ замѣщена.

Утвержденіе Финке ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ правъ естественнаго, политическаго и народнаго послѣдовало 1-го сентября 1809 года, а 21-го октября Финке былъ уже въ Казани, совершивъ трудный путь, отягощенный женою и двумя малютками, изъ которыхъ одинъ былъ еще груднымъ, въ семь недѣль. 4-го ноября Финке приступилъ къ чтенію лекцій аудиторіи, заключавшей въ себѣ всего трехъ слушателей, прилежаніемъ и успѣхами которыхъ онъ оставался, тѣмъ не менѣе, вполнѣ дово-

ленъ; чтенія велъ онъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ разрѣшенія попечителя, Финке расположилъ свои чтенія въ такомъ порядкѣ, что сперва началъ читать по кафедрѣ вспомогательной (положительное право древнихъ и новыхъ народовъ), излагая на первыхъ порахъ начала римскаго права и право германское, и уже впослѣдствіе только рѣшился приступить къ чтенію права естественнаго, справедливо утверждая, что, безъ предварительнаго ознакомленія слушателей съ правомъ положительнымъ, отвлеченная теорія права представила бы для нихъ слишкомъ серьезныя трудности.

Представляется совершенно несомнѣннымъ, что въ лицѣ проф. Финке казанскій университетъ пріобрѣлъ вполнѣ подготовленнаго, серьезнаго и одушевленнаго лучшими намѣреніями ученаго и преподавателя, который былъ бы въ состояніи, при другихъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ, принести огромную пользу слушателямъ и твердо обосновать въ молодомъ университетѣ начала юридическаго знанія. Но такихъ благопріятныхъ условій Финке здѣсь не встрѣтилъ: отсутствіе въ общественной средѣ города сколько нибудь здраваго юридическаго развитія, а тѣмъ менѣе интереса къ юридическому знанію, отсутствіе опредѣленнаго академическаго строя и правильной организаціи преподаванія, неподготовленность и малочисленность слушателей, необходимость вести чисто случайное и отрывочное преподаваніе на чуждыхъ аудиторіи языкахъ, наконецъ крайній недостатокъ въ пособіяхъ,—эта слабая сторона юнаго университета, приводившая въ истинное отчаяніе всѣхъ его иностранныхъ членовъ, искренне желавшихъ работать,—все это представлялось условіями, способными расхолодить рвеніе и вселить апатію въ случайномъ казанскомъ представителѣ западноевропейской науки права. Особенно смущало Финке отсутствіе необходимѣйшихъ источниковъ и литературныхъ пособій. Сокрушаясь по поводу невозможности окончить въ Казани свой трудъ, посвященный комментаріямъ Теофила, онъ заявлялъ въ 1813 году совѣту: „Трудъ этотъ я никакъ не могу окончить здѣсь, въ Казани, по недостатку у меня всякихъ литературныхъ пособій; я не имѣю никакого права надѣяться, что бы эти пособія были пріобрѣтены для меня на казенный счетъ даже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока не будутъ удовлетворены самыя необходимѣйшія книжныя нужды для преподаванія, но члены совѣта должны согласиться со мною, что обстоятельство это весьма горько для меня.... Въ нѣсколько лѣтъ всѣ тѣ знанія, которыя пріобрѣлъ на родинѣ, я долженъ буду совершенно позабыть здѣсь, въ Казани“.

Прекрасно сознавалъ Финке и отсутствіе пособій, которыя могли бы служить студентамъ подспорьемъ въ слушаніи профессорскихъ лекцій, и старался помочь, сколько могъ, этому горю. Съ этою цѣлью было имъ составлено на нѣмецкомъ языкѣ руководство естественнаго права, переведенное на русскій языкъ (вѣроятно его ближайшими учениками) и напечатанное въ Казани уже послѣ смерти автора, подъ заглавіемъ: „Естественное частное, публичное и народное право, сочиненное І. Х. Финке, обоихъ правъ докторомъ и пр. Переводъ съ нѣмецкаго. Печатано въ пользу русскихъ инвалидовъ. Казань, 1816 года (стр. XXXI—312, въ университетской типографіи"). Это изданіе явилось первою, напечатанною въ Казани, книгою по правовѣдѣнію. Кромѣ того, Финке работалъ надъ учебниками по римскому праву, нѣмецкому уголовному праву и по уголовному судопроизводству (послѣдніе два были имъ закончены и даже представлены, въ рукописи, попечителю), но этимъ трудамъ увидѣть свѣта такъ и не удалось. Заботы Финке объ успѣшности его преподаванія проявлялись и въ другихъ отношеніяхъ: такъ, не довольствуясь общими курсами лекцій, онъ безвозмездно велъ съ лучшими учениками частныя занятія у себя на дому, назначая для этой цѣли особые, внѣлекціонные, часы; въ числѣ ближайшихъ учениковъ Финке указываются имъ: бар. Врангель, Алехинъ, Срезневскій, Манасеинъ и Гроздовскій.

Финке былъ первымъ деканомъ нравственно-политическаго отдѣленія (юридическаго факультета), будучи избранъ и утвержденъ въ этомъ званіи при полномъ открытіи въ 1814 году университета; не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ суждено было ему, впрочемъ, нести это почетное представительство факультета.

Въ послѣдніе два-три года своей казанской жизни Финке сталъ часто похварывать *, приписывая свои недуги вредному вліянію мѣстнаго климата; за годъ до смерти онъ даже оффиціально возбудилъ вопросъ о необходимости оставить, въ силу вреднаго вліянія климата, службу въ казанскомъ университетѣ. Возможно, что ничѣмъ инымъ, какъ именно болѣзненнымъ состояніемъ, можетъ быть объяснено странное и малопонятное столкновеніе, которое въ 1811—1812 годахъ произошло между Финке и Френомъ на почвѣ неравнаго брака этого послѣдняго и о которомъ будемъ мы имѣть случай говорить въ своемъ мѣстѣ подробнѣе.

---

* По словамъ самого Финке, его здоровье впервые пошатнулось въ 1810 году, подъ вліяніемъ горя, причиненнаго ему смертью жены, хотя онъ и вступилъ въ новый бракъ, женившись на племянницѣ жены своего покойнаго предмѣстника—Бюнемана.

И. А. Финке умеръ 17-го сентября 1814 года, немногими лишь недѣлями переживъ знаменательный моментъ полнаго открытія казанскаго университета и своего утвержденія деканомъ его нравственно-политическаго отдѣленія. Ликвидація оставшагося послѣ него имущества (въ томъ числѣ и купленнаго въ долгъ дома) дала возможность лишь погасить оказавшіеся на покойномъ долги, дѣти же его были воспитаны на отпущенную изъ казны небольшую пенсію. Дочь Финке въ 1825 году вышла замужъ за профессора казанскаго же университета Э. И. Эйхвальда [134].

Иванъ Егоровичъ Нейманъ (Iohann Georg Josias Neumann) переселился въ Россію при обстоятельствахъ, намъ неизвѣстныхъ. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи формулярныя данныя свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что онъ родился въ 1780 году, въ г. Магдебургѣ, а затѣмъ вступилъ въ русскую службу при коммиссіи составленія законовъ, въ которой и занялъ должность помощника редактора, а затѣмъ (въ 1806 г.) помощника первой экспедиціи. Для занятія въ казанскомъ университетѣ юридической кафедры Нейманъ былъ рекомендованъ Румовскому непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ Фуссомъ, восхвалявшимъ его достоинства и высказавшимъ увѣренность въ томъ, что Нейманъ будетъ для университета „драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ“ и „со славою займетъ въ немъ кафедру“; къ рекомендаціи Фусса были приложены и четыре рукописные мемуара, въ которыхъ претендентъ излагалъ свои воззрѣнія на предметы и задачи юридическаго университетскаго преподаванія. Личное знакомство попечителя съ Нейманомъ вполнѣ убѣдило его въ основательности рекомендацій Фусса и вопросъ о назначеніи Неймана въ Казань былъ предрѣшенъ. Передъ тѣмъ только что состоялось назначеніе Финке: „За господиномъ Финке,—въ сентябрѣ 1809 года писалъ попечитель Яковкину,—въ непродолжительномъ времени будетъ слѣдовать Нейманъ, профессоръ правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ россійской имперіи и политической экономіи. Указъ, изданный объ испытаніи чиновниковъ, необходимо требуетъ подобнаго человѣка и лучшаго сыскать въ Россіи я сомнѣваюсь,—добавляетъ Румовскій,—ибо г. Нейманъ два года съ половиною былъ при коммиссіи о сочиненіи законовъ и научился по-русски говорить и писать“.

Здѣсь умѣстнымъ явится сказать пару словъ объ „испытаніи чиновниковъ“, на которое ссылается попечитель. Дѣло въ томъ, что 6-го августа 1809 года воспослѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ, по мысли Сперанскаго и въ видахъ подъема уровня знаній чиновниковъ, при уни-

верситетахъ основывались особыя „публичныя преподаванія" и испытанія „для чиновниковъ, обязанныхъ службою", по наукамъ юридическимъ, словеснымъ и физико-математическимъ. Эти преподаванія и испытанія, практиковавшіяся, затѣмъ, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, обратились въ простую формальность, сдѣлавшуюся одинаково тягостною какъ для лекторовъ, такъ и для самихъ „чиновниковъ, службою обязанныхъ", ни умственному, ни нравственному уровню которыхъ они, само собою разумѣется, нисколько не въ состояніи оказались содѣйствовать. Объ этихъ то „публичныхъ преподаваніяхъ", которыя должны были быть введены въ казанскомъ университетѣ съ начала 1810 года, и хлопоталъ Румовскій, отыскивая человѣка, способнаго взять на себя преподаваніе практическихъ частей правовѣдѣнія. Нейманъ, два съ половиною года работавшій въ коммиссіи составленія законовъ, подъ непосредственною ферулою Сперанскаго, казался лицемъ для означенной цѣли вполнѣ подходящимъ.

Назначеніе Неймана въ казанскій университетъ ординарнымъ профессоромъ „правовѣдѣнія и политической экономіи" (въ такомъ растяжимомъ видѣ были скомбинированы предметы его будущихъ чтеній) послѣдовало 19-го октября 1809 года. Принимая кафедру, Нейманъ обусловилъ свое согласіе назначеніемъ ему въ помощь адъюнкта, котораго самъ же онъ и указалъ Румовскому, въ лицѣ своего пріятеля и сослуживца по коммиссіи составленія законовъ, барона Е. В. Врангеля; назначеніе барона Врангеля въ казанскій университетъ на должность адъюнкта правовѣдѣнія состоялось 16-го декабря того же года. Вновь назначенный адъюнктъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Казань, вмѣстѣ съ Нейманомъ и его женою, 4-го января 1810 года и 29-го всѣ они прибыли въ Казань; исполняя порученіе попечителя, Нейманъ въ Москвѣ сдѣлалъ, по пути, покупку на 638 рублей книгъ юридическаго и экономическаго содержанія, необходимыхъ для его будущаго преподаванія.

5-го февраля 1810 года Нейманъ впервые явился въ совѣтъ, слѣдомъ затѣмъ предъявилъ планъ своихъ преподаваній, а съ 1-го марта приступилъ (на первый разъ у него оказалось 14 слушателей) къ чтенію курса уголовныхъ законовъ, на основаніи представленнаго имъ совѣту „плана систематическаго собранія уголовныхъ законовъ", который, по его словамъ, удостоился одобренія самого Сперанскаго и былъ принятъ въ основу работъ коммиссіи. Исходя изъ основного положенія, что въ Россіи еще нѣтъ самостоятельной науки права, Нейманъ считалъ историческій методъ единственно надежнымъ путемъ къ тому, что бы создать собственно рус-

скую юриспруденцію, а для этого полагалъ необходимымъ обратиться къ изученію источниковъ права въ ихъ историческомъ развитіи,—идея, для своего времени, конечно, весьма замѣчательная и непосредственно отразившая въ себѣ получившее уже въ ту пору въ Германіи право гражданства ученіе исторической школы.

Крайне любопытнымъ представляется также проэктъ, съ которымъ явился Нейманъ въ Казань и который получилъ одобреніе и со стороны Румовскаго. Это—проэктъ учрежденія при казанскомъ университетѣ литературно-юридическаго общества, по образцу „парижской юридической академіи", причемъ возможность созданія такого общества Нейманъ основывалъ на § 9-мъ устава университета *. Въ основѣ занятій этого общества ставились задачи чисто практическія: „здѣсь,—проэктируетъ Нейманъ,—будутъ обсуждаться юридическіе вопросы и факты, вестись примѣрные процессы, даваться по дѣламъ консультаціи". Подъ предсѣдательствомъ „профессора русскаго права", это общество должно было состоять изъ преподавателей юридическихъ наукъ, успѣвающихъ въ правовѣдѣніи студентовъ и даже постороннихъ лицъ, интересующихся юриспруденціею: „Я льщу себя надеждою,—мечталъ иниціаторъ проэкта,—что многіе уважаемые юристы, и даже нѣкоторые изъ Петербурга, сдѣлаются членами этого общества, которое не будетъ стоить казнѣ никакихъ издержекъ, а можетъ сдѣлаться полезнымъ и для университета, и для государства". Мысль объ учрежденіи такого общества или „юридическаго института", не покидавшая Неймана и впослѣдствіе не вышла изъ предѣловъ однихъ только благихъ, но неосуществленныхъ, начинаній, какъ не вышелъ изъ ихъ предѣловъ и цѣлый рядъ другихъ мечтаній, зарождавшихся въ умахъ лучшихъ представителей казанской университетской науки первыхъ временъ существованія университета.

Нейманъ былъ вполнѣ доволенъ начальными успѣхами своего преподаванія, о чемъ и писалъ Румовскому уже два мѣсяца спустя послѣ прибытія въ Казань. Лекціи его, читавшіяся на русскомъ языкѣ, стали привлекать слушателей и изъ городской публики; такъ, двое мѣстныхъ дворянъ изъявили желаніе обучаться у него „главнымъ понятіямъ и началамъ правовѣдѣнія", такъ что Нейманъ вынужденъ былъ даже открыть для нихъ приватный курсъ чтеній.

* «Къ особливому достоинству университета,—гласитъ этотъ §,—отнесется составленіе въ нѣдрѣ онаго ученыхъ обществъ».

Профессорская дѣятельность Неймана въ Казани не была продолжительною. Подобно своему сотоварищу Финке, онъ постоянно жаловался на вредное дѣйствіе на него казанскаго климата, вліянію котораго онъ приписывалъ какъ кончину своей маленькой дочки, такъ и послѣдовавшую передъ тѣмъ смерть женъ трехъ его нѣмецкихъ сослуживцевъ (Сторля, Брауна и Финке). Не примирялся Нейманъ и съ нѣкоторыми неудовлетворявшими его условіями казанской общественности, находившими себѣ отраженіе и на положеніи профессоровъ; особенно возмущалъ его инцидентъ съ его адъюнктомъ, барономъ Врангелемъ, котораго публично и безнаказанно оскорбилъ словами казанскій комендантъ Кастелли изъ за строгаго экзамена, произведеннаго его сыну-чиновнику: „Ваше превосходительство,—писалъ по этому поводу Нейманъ попечителю,—изволили ввѣрить мнѣ важную должность, опредѣливъ меня членомъ испытательнаго для чиновниковъ комитета по юридическимъ предметамъ; я сею должностью принужденъ неминуемо сопротивляться желаніямъ многихъ людей, а наипаче тѣхъ, кои имѣютъ большія связи и покровительство. Какимъ же образомъ можетъ быть обезпечена моя личная безопасность, когда въ здѣшнемъ городѣ могутъ имѣть мѣсто такія происшествія, какое случилось съ Врангелемъ"?....

Какъ бы то ни было, но въ концѣ 1810 года Нейманъ выхлопоталъ себѣ двухмѣсячный (съ 25-го ноября) отпускъ въ Петербургъ, въ чемъ посодѣйствовалъ ему и Сперанскій, сославшійся на необходимость прибытія Неймана для какихъ то экстренныхъ работъ по коммиссіи составленія законовъ, которой онъ числился корреспондентомъ. Впослѣдствіе отпускъ этотъ былъ отсроченъ еще на два мѣсяца, а въ февралѣ 1811 года Нейманъ подалъ попечителю прошеніе о совершенномъ увольненіи его отъ службы казанскому университету. Хотя главнымъ мотивомъ снова указывалось здѣсь вредное вліяніе казанскаго климата, но истинною причиною отставки явилось послѣдовавшее отъ дерптскаго университета и принятое имъ приглашеніе занять въ немъ кафедру государственнаго и народнаго права. Увольненіе Неймана состоялось 21-го февраля 1811 года.

Въ концѣ 1814 года Нейманъ снова появился въ казанскомъ университетѣ, при обстоятельствахъ довольно интереснаго свойства. Осенью этого года, какъ разъ послѣ кончины проф. Финке, Нейманъ вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ заявленіемъ, въ которомъ просилъ назначить его въ казанскій университетъ на кафедру права естественнаго, политическаго и народнаго всего только на одинъ годъ, съ тѣмъ, что бы дать возможность приготовить къ занятію кафедръ двухъ лично извѣст-

ныхъ ему казанскихъ магистровъ, Николая Алехина и Эльпидифора Манасеина, начавшихъ слушать правовѣдѣніе еще у него, а впослѣдствіе, уже въ бытность его въ Дерптѣ, получившихъ степени кандидатовъ и магистровъ правовѣдѣнія. Предложеніе Неймана было признано весьма полезнымъ и 19-го октября 1814 года состоялось вторичное опредѣленіе его въ казанскій университетъ на указанныхъ имъ условіяхъ и съ освобожденіемъ, въ виду особыхъ трудовъ по занятіямъ съ молодыми магистрами, отъ всѣхъ другихъ университетскихъ дѣлъ, но съ обязательствомъ читать общіе курсы студентамъ, въ чемъ помогали ему и его ученики, изъ которыхъ на Манасеина было возложено естественное, на Алехина—римское право.

Въ виду усовершенствованія ввѣренныхъ его руководству магистровъ въ правовѣдѣніи, Нейманъ весною 1815 года возбудилъ вопросъ о командированіи ихъ съ ученою цѣлью заграницу, въ какомъ смыслѣ молодые люди, опираясь на §§ 128—130 университетскаго устава, и подали прошенія. Для будущихъ занятій своихъ учениковъ Нейманъ намѣтилъ университеты лейпцигскій и геттингенскій, изъявивъ желаніе лично сопутствовать имъ заграницу, что бы на первыхъ порахъ устроить ихъ тамъ и направить ихъ занятія. Между тѣмъ, не дождавшись отвѣта на посланное ходатайство, который былъ вскорѣ полученъ и оказался отрицательнымъ, какъ самъ профессоръ, такъ и оба его ученика, взяли временные отпуски и уѣхали въ Петербургъ. Нейманъ въ Казань болѣе уже не возвращался, обоимъ же магистрамъ разрѣшено было (лѣтомъ 1815 года) остаться на нѣкоторое время въ Петербургѣ „для усовершенствованія себя въ наукахъ и для окончанія начатыхъ подъ руководствомъ профессора Неймана учебныхъ книгъ“.

Окончательное увольненіе Неймана состоялось 18-го сентября 1817 года, по случаю опредѣленія его въ службу главнаго управленія иностранныхъ исповѣданій, Алехинъ же и Манасеинъ, послѣ двухгодичнаго пребыванія въ столицѣ, въ 1817 году возвратились въ Казань, гдѣ сдѣлались адъюнктами правовѣдѣнія и гдѣ мы съ ними еще будемъ имѣть случай встрѣтиться. Нейманъ впослѣдствіе былъ снова профессоромъ дерптскаго университета, а затѣмъ (съ 1826 г.) служилъ во второмъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи [135].

Баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель, представитель старой рыцарской фамиліи остзейскаго края, родился въ 1785 году въ г. Мейделѣ, эстляндской губерніи, и высшее образованіе получилъ въ университетахъ

іенскомъ, виттенбергскомъ и вюрцбургскомъ. Съ августа 1806 года мы видимъ его на службѣ коммиссіи составленія законовъ, гдѣ завязались его отношенія къ будущему профессору казанскаго университета И. Е. Нейману. Намъ уже извѣстны тѣ обстоятельства, при которыхъ началась служба Врангеля въ казанскомъ университетѣ: назначенный сюда на кафедру, Нейманъ поставилъ условіемъ, что бы баронъ Врангель былъ опредѣленъ при немъ помощникомъ по кафедрѣ. Это желаніе Неймана было удовлетворено и 16-го декабря 1809 года Врангель былъ опредѣленъ въ казанскій университетъ адъюнктомъ правовѣдѣнія. Прибывъ въ Казань вмѣстѣ съ своимъ патрономъ, Врангель 12-го февраля 1810 года явился въ первый разъ въ совѣтъ и вслѣдъ затѣмъ приступилъ (при наличности двѣнадцати слушателей) къ исполненію своихъ преподавательскихъ обязанностей, открывъ курсъ россійскихъ гражданскихъ законовъ („по своимъ тетрадямъ") и курсъ уголовныхъ законовъ („по начертанію профессора Неймана").

Въ концѣ 1810 года проф. Нейманъ задумалъ, какъ мы это уже знаемъ, покинуть казанскій университетъ. Румовскій не безъ основанія опасался, что онъ увлечетъ за собою отсюда и Врангеля, и писалъ по этому поводу Яковкину: „Я слышу, что г. Нейманъ перезываетъ съ собою въ другое какое то мѣсто барона Врангеля. Увѣрьте его, что ежели онъ намѣренъ остаться при университетѣ, то въ непродолжительномъ времени, а именно къ открытію университета, сдѣлаю я представленіе о переименованіи его въ экстраординарные профессоры правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства россійской имперіи. На сію статью буду ожидать вашего отвѣта". Яковкинъ не замедлилъ успокоить попечителя. Онъ отписалъ Румовскому, что „Нейманъ, дѣйствительно, подманивалъ барона Врангеля съ собою, но тотъ отказался" и „принялъ съ полною сердечною признательностью" благорасположеніе его, попечителя. Обѣщаніе Румовскаго было въ скоромъ времени выполнено: 23-го марта 1811 года баронъ Врангель былъ повышенъ въ званіе экстраординарнаго профессора правовѣдѣнія. Въ томъ же году создалась, впрочемъ, и новая связь, прикрѣпившая барона Врангеля къ Казани: 15-го октября 1811 года совершилось бракосочетаніе молодого профессора съ дочерью профессора-директора Яковкина, Парасковьею *.

---

* Подробности этого брака воспроизведены въ воспоминаніяхъ В. И. Панаева, выступавшаго въ роли яраго поклонника П. И. Яковкиной и соперника ея жениха, барона Е. В. Врангеля («Вѣстн. Европы» за 1867 г., т. III, стр. 221—227).

27-го марта 1815 года баронъ Врангель былъ утвержденъ, согласно избранія совѣта, ординарнымъ профессоромъ, а 2-го іюня 1819 года избранъ деканомъ нравственно-политическаго отдѣленія. Въ 1810—1819 годахъ онъ несъ обязанности секретаря совѣта, въ 1814—1817 годахъ былъ синдикомъ университета. Въ продолженіи своей девятилѣтней профессорской дѣятельности баронъ Врангель читалъ, въ различные годы (на русскомъ языкѣ), слѣдующіе предметы: права гражданское и уголовное, судопроизводство, исторію русскаго права и права присоединенныхъ губерній. Подобно своему бывшему принципалу, Нейману, Врангель исходилъ изъ той основной точки зрѣнія, что историческій методъ—является единственно цѣлесообразнымъ въ дѣлѣ созданія теоріи права, вообще, и русскаго права, въ частности.

Баронъ Е. В. Врангель былъ уволенъ изъ казанскаго университета 5-го августа 1819 года, при массовомъ увольненіи изъ него профессоровъ послѣ ревизіи Магницкаго. Онъ былъ впослѣдствіе профессоромъ царскосельскаго Александровскаго лицея, главнаго педагогическаго института, с.-петербургскаго университета и инспекторомъ классовъ училища правовѣдѣнія; на его долю выпала также высокая честь быть, вмѣстѣ съ гр. Сперанскимъ, преподавателемъ юридическихъ наукъ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу (императору Александру II). Баронъ Врангель умеръ 15-го іюня 1841 года [136].

Иванъ Егоровичъ Шарпіо (George Clément Charpiot), происхожденіемъ швейцарецъ, родившійся въ 1775 году и переселившійся въ Россію при обстоятельствахъ, нами невыясненныхъ, 13-го января 1810 года утвержденъ лекторомъ французскаго языка въ казанскомъ университетѣ. Желая получить какую либо высшую ученую степень, онъ лѣтомъ того же года представилъ въ совѣтъ свой рукописный (онъ имѣется при дѣлахъ) трудъ: „Quelques apperçus sur la philosophie de l'histoire, avec une indication des méthodes á l'étudier". Члены совѣта, между которыми, согласно распоряженія попечителя, трудъ этотъ циркулированъ, дали отзывъ, что онъ свидѣтельствуетъ лишь о хорошемъ знаніи авторомъ французскаго языка—но не болѣе того. Въ своихъ чтеніяхъ Шарпіо, не ограничиваясь преподаваніемъ собственно теоріи французскаго языка, знакомилъ слушателей и съ выдающимися образцами французской литературы. Онъ умеръ 4-го января 1813 года, на службѣ, отъ свирѣпствовавшей въ то время въ Казани тифозной эпидеміи („гнилой горячки").

Степанъ Сергѣевичъ Петровскій, родившійся въ 1769 году, первоначальное образованіе получилъ (съ 1781 г.) въ московской дворянской гимназіи, изъ которой въ 1790 году перемѣщенъ въ московскій университетъ. По окончаніи университетскаго курса, 19-го января 1799 года опредѣленъ въ казанскую гимназію учителемъ артиллеріи, фортификаціи и высшаго ариѳметическаго класса, а съ октября 1807 года по апрѣль 1812 года несъ и должность ея инспектора, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, членомъ гимназическаго строительнаго комитета. Подъ воздѣйствіемъ политическихъ событій, вызвавшихъ введеніе въ кругъ университетскихъ преподаваній нѣкоторыхъ знаній военныхъ, 16-го января 1810 года опредѣленъ въ казанскій университетъ адъюнктомъ артиллеріи и фортификаціи, которыя и преподавалъ въ послѣдующіе годы, равно какъ архитектуру гражданскую и военную. Кромѣ преподавательскихъ обязанностей, несъ обязанности смотрителя публичныхъ курсовъ (1810—1812 г.г.), члена комитета университетскихъ строеній (съ 1813 г.) и временно (1818 г.) исправлялъ должность инспектора студентовъ.

Уволенный отъ службы, за болѣзнью, 17-го марта 1819 года, Петровскій умеръ 29-го апрѣля того же года [137].

Іосифъ Антоновичъ Литтровъ (Joseph Iohann Littrow), извѣстный европейскій ученый, на долю котораго выпала задача положить начало научному изученію астрономіи въ казанскомъ университетѣ, родился 13-го марта 1781 года въ чешскомъ городкѣ Бишовъ-Тейницѣ, хотя былъ происхожденіемъ—нѣмецъ. Окончивъ курсъ классической гимназіи г. Праги, Литтровъ продолжалъ свое образованіе въ пражскомъ университетѣ, но долго молодой студентъ не могъ сосредоточиться ни на какой опредѣленной спеціальности. Онъ увлекался то математикою, то философіею, то правомъ, то медициною, то богословіемъ, и только вліяніе іезуита Триснекера, директора вѣнской обсерваторіи (Литтровъ, окончивъ слушаніе университетскихъ лекцій, жилъ въ то время въ Вѣнѣ, занимаясь профессіею домашняго наставника) натолкнуло его на занятіе астрономіею, которая и сдѣлалась, затѣмъ, цѣлью всей его послѣдующей ученой дѣятельности, открывъ ему его истинное призваніе, и уже къ 1807 году относятся первыя астрономическія письма Литтрова къ Триснекеру. Успѣхи молодого астронома пошли такъ быстро впередъ, что 19-го ноября того же 1807 года Литтровъ получилъ, по конкурсу, кафедру астрономіи и высшей математики въ краковскомъ университетѣ.

Наступилъ 1809 годъ, а съ нимъ вмѣстѣ и война Австріи съ Франціею, ознаменовавшаяся занятіемъ французами Вѣны. Въ то же время императоръ Александръ I, въ качествѣ союзника Наполеона, занялъ Галицію обсерваціоннымъ корпусомъ подъ начальствомъ князя С. Ѳ. Голицина. Краковъ, очутившійся въ самомъ очагѣ военныхъ дѣйствій, былъ занятъ польскимъ корпусомъ князя Понятовскаго и дѣятельность мѣстнаго университета временно замерла. Въ эту то тревожную минуту зародилась у Литтрова мысль прибѣгнуть къ покровительству русскаго правительства и искать ученой карьеры въ предѣлахъ Россіи. Съ этою цѣлью Литтровъ обратился къ русскому главнокомандующему въ Галиціи, кн. Голицину, съ письмомъ отъ 19-го (7-го) августа, въ которомъ, описывая неопредѣленность своего положенія, заявлялъ, что вся цѣль его жизни—найти такой укромный уголокъ, гдѣ ему предоставлена была бы возможность всецѣло отдаться мирнымъ занятіямъ любимою наукою. Выборъ его остановился на Россіи: „Въ другихъ государствахъ науку только терпятъ, въ Россіи ее уважаютъ"—писалъ Литтровъ, и тутъ же просилъ содѣйствія русскаго генерала въ дѣлѣ доставленія ему въ нашемъ отечествѣ университетской кафедры или управленія обсерваторіею; ходатайство это было подкрѣплено приложеніемъ пяти рукописныхъ астрономическихъ мемуаровъ, въ качествѣ доказательства способностей претендента. „Выборъ города, гдѣ бы я могъ служить августѣйшему монарху и наукамъ, для меня безразличенъ,—писалъ Литтровъ,—мнѣ нуженъ только университетъ и при немъ библіотека, безъ которой я не могу существовать; что касается жалованья, то я прошу считать меня наравнѣ съ прочими профессорами, такъ, что бы мнѣ оставалось кое-что на покупку книгъ". Князь Голицинъ снесся по этому поводу съ министромъ народнаго просвѣщенія, а послѣдній уже 31-го августа препроводилъ къ попечителю казанскаго учебнаго округа Румовскому записку слѣдующаго лаконическаго содержанія: „Нужно знать, можетъ ли астрономъ Литтровъ занять должность профессора при казанскомъ университетѣ, способенъ ли онъ къ сей должности и надобенъ ли онъ тамъ?"

Легко представить себѣ восторгъ стараго астронома-попечителя, увидѣвшаго возможность замѣстить въ „его" университетѣ отвѣтственную кафедру астрономіи! „Судя по сочиненіямъ, представленнымъ Литтровымъ князю Голицину,—отвѣчалъ Румовскій на запросъ министра,—онъ искусенъ какъ въ высшей математикѣ, такъ и въ астрономіи, и во всей нѣмецкой землѣ мало сыщется такихъ людей, коимъ передъ Литтровомъ должно отдать преимущество, и пріобрѣтеніе его для всякаго въ Россіи

университета почитаю я драгоцѣннымъ". Началась переписка между Литтровомъ и „отцемъ русской астрономіи"* Румовскимъ, въ результатѣ которой явилось полное соглашеніе между обоими и приказъ министра графа Завадовскаго отъ 31-го марта 1810 года (это былъ уже одинъ изъ послѣднихъ актовъ его министерской дѣятельности), которымъ Литтровъ назначался, съ 2-го февраля того же года, ординарнымъ профессоромъ астрономіи въ казанскомъ университетѣ.

Литтровъ выѣхалъ изъ Кракова еще до своего формальнаго назначенія, именно 19-го января 1810 года, и прибылъ въ Казань 13-го марта, когда объ его опредѣленіи не было еще здѣсь никакихъ оффиціальныхъ свѣдѣній. Это обстоятельство привело въ немалое смущеніе формалиста-директора, 14-го марта отписывавшаго по этому поводу попечителю: „Сегодня поутру явился ко мнѣ незнакомый иностранецъ Литтровъ, сказавшій о себѣ и удостовѣрившій подорожною, что онъ назначенъ профессоромъ астрономіи въ казанскій университетъ. Ваше превосходительство давно уже удостоили мнѣ дать знать о приглашеніи профессора астрономіи изъ Кракова, но послѣдствія сего приглашенія мнѣ неизвѣстны".

Долгое отсутствіе оффиціальнаго назначенія было причиною того, что Литтровъ только 18-го мая явился, согласно обычаю, впервые въ совѣтъ а слѣдомъ затѣмъ подалъ и представленіе о предположенныхъ имъ преподаваніяхъ, объявивъ, что „не имѣя никакой сообразной своей цѣли астрономической книги, будетъ проходить съ слушателями своими астрономію теоретическую и практическую по Шуберту и Лаланду, также и по своимъ тетрадямъ". Тогда же выданы были Литтрову изъ физическаго кабинета кое-какіе, оказавшіеся въ наличности, астрономическіе инструменты (грегоріанскій телескопъ и большая доллондова труба, квадрантъ и компасъ), а изъ числа студентовъ выбраны трое, наиболѣе успѣвшихъ въ математикѣ, которые и поручены особому руководству Литтрова „для предварительнаго приготовленія ихъ и пріобученія къ дѣланію наблюденій": то были—Лобачевскій Николай, Симоновъ (будущій профессоръ астрономіи и преемникъ Литтрова) и Линдегренъ, съ которыми, 10-го іюня, профессоръ и началъ свои занятія.

Отсутствіе самыхъ необходимыхъ астрономическихъ инструментовъ причиняло Литтрову не мало огорченій и всѣ шесть лѣтъ его казанской

---

* Такъ называлъ Литтровъ Румовскаго: «Mais pourquoi tout cela au père de l'astronomie en Russie?—писалъ онъ попечителю, излагая свою нужду въ книгахъ.—Nous sommes ses fils,—il nous connait, il ne nous abandonnera pas»....

дѣятельности отмѣчены заботами по пріобрѣтенію инструментовъ — съ одной стороны, и по устройству хотя бы только небольшой обсерваторіи— съ другой стороны. Впрочемъ, уже въ сентябрѣ 1810 года Румовскій увѣдомилъ совѣтъ, что государю императору угодно было соизволить на отпускъ изъ экономическихъ суммъ университета 4300 рублей на пріобрѣтеніе необходимѣйшихъ астрономическихъ инструментовъ. На эти деньги были частью куплены, частью же заказаны заграницею двое астрономическихъ часовъ Зейферта, кругъ Борда (работы Рейхенбаха) и двухфутовый квадрантъ—негодный къ употребленію, но памятный тѣмъ, что этотъ инструментъ, уступленный университету академіею наукъ, былъ тотъ самый, который когда то служилъ Румовскому въ его сибирской экспедиціи для наблюденія прохожденія Венеры передъ солнцемъ *; были куплены изъ тѣхъ же средствъ (на 115 талеровъ) и необходимѣйшія книги по астрономіи. Два года спустя, въ іюнѣ 1812 года, попечителемъ присланъ былъ для университета еще „телескопъ со станкомъ".

Не мало хлопотъ и трудовъ выпало на долю Литтрова и въ вопросѣ объ устройствѣ при университетѣ астрономической обсерваторіи, который былъ возбужденъ тотчасъ же по прибытіи Литтрова въ Казань. Исторія литтровской обсерваторіи будетъ въ своемъ мѣстѣ предметомъ нашего особаго разсказа, пока же ограничимся лишь краткимъ замѣчаніемъ, что, послѣ долгихъ поисковъ за помѣщеніемъ, мало-мальски пригоднымъ для ея устройства, небольшая обсерваторія была, наконецъ, устроена изъ старой каменной бесѣдки, находившейся въ университетскомъ (тенишевскомъ) саду,—въ близкомъ сосѣдствѣ съ нынѣшнимъ обсерваторскимъ зданіемъ; въ этой обсерваторіи, кое-какъ монтированной и съ грѣхомъ пополамъ обставленной инструментами, Литтровъ могъ съ 1814 года, къ великой радости своей, начать какъ астрономическія наблюденія, такъ и занятія съ студентами практическою астрономіею.

Ученая и преподавательская дѣятельность, поглощавшая все время Литтрова, не давала ему возможности думать о дѣятельности административной: въ области дополнительныхъ обязанностей, выполнявшихся имъ по отношенію къ университету, можно отмѣтить его участіе въ комитетѣ, въ 1813 году составленномъ для организаціи выборовъ передъ полнымъ открытіемъ университета, и избраніе его въ 1814 году членомъ училищ-

* «...qui mihi eo carior est,—писалъ Литтровъ по поводу пріобрѣтенія этого историческаго инструмента,—quum tam diu laborum meritorumque tuorum testis in diversis regionibus assistebat».

наго комитета. Свой скромный профессорскій бюджетъ семья Литтровыхъ поддерживала частнымъ пансіономъ, открытымъ въ 1814 году и пользовавшимся большимъ вниманіемъ мѣстнаго общества, представители котораго охотно отдавали въ него своихъ сыновей. Собственно ученая дѣятельность Литтрова выражалась въ рядѣ астрономическихъ статей и сообщеній, помѣщавшихся имъ въ мемуарахъ академіи наукъ и въ иностранныхъ спеціальныхъ журналахъ; 22-го декабря 1813 года онъ былъ удостоенъ званія члена-корреспондента императорской академіи наукъ.

Съ окончаніемъ тревожной эпохи наполеоновскихъ войнъ, взбаломутившихъ всю Европу, и съ умиротвореніемъ его родины, въ душѣ Литтрова зародилось желаніе возвратиться въ послѣднюю. Какъ разъ въ это время,—въ 1815 году,—онъ получилъ отъ престарѣлаго директора астрономической обсерваторіи въ г. Пештѣ, Пасквича, приглашеніе занять мѣсто его помощника, съ тѣмъ, что Литтрову гарантировалась, послѣ Пасквича, должность директора этой обсерваторіи. Въ февралѣ 1816 года Литтровъ, сославшись на разстроенное казанскимъ климатомъ здоровье, требующее леченія баденскими минеральными водами, возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему полугодичнаго заграничнаго отпуска, а два мѣсяца спустя подалъ въ совѣтъ формальное прошеніе объ увольненіи его отъ университетской службы; въ этомъ прошеніи, выразивъ благодарность своимъ сослуживцамъ за ихъ постоянную дружбу и расположеніе къ нему, Литтровъ указалъ на своего ученика, адъюнкта Симонова, какъ на достойнаго преемника себѣ по кафедрѣ. Увольненіе Литтрова изъ казанскаго университета послѣдовало 25-го мая 1816 года, а 31-го числа онъ навсегда оставилъ Казань; друзья и сослуживцы проводили отъѣзжающаго до села Верхняго Услона, гдѣ, на берегу Волги, почтили его прощальнымъ обѣдомъ. Въ одно изъ ближайшихъ засѣданій совѣта (7-го іюня) Литтровъ былъ провозглашенъ почетнымъ членомъ казанскаго университета.

Мы нашли въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія интересныя указанія на попытку проф. Литтрова, относящуюся уже къ слѣдующему 1817 году, снова занять въ Россіи кафедру астрономій—въ университетахъ или казанскомъ, или харьковскомъ. Литтровъ поддерживалъ сношенія свои съ казанскимъ университетомъ, гдѣ кафедру астрономіи долго занималъ послѣ него его любимый и достойный ученикъ И. М. Симоновъ, и впослѣдствіе; такъ, въ январѣ 1828 года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны второй степени за содѣйствіе, оказанное университету въ дѣлѣ пріобрѣтенія заграницею астрономическихъ и физическихъ инструментовъ; университетъ сносился съ Литтровомъ и въ 1830 году, по вопросу

о заказѣ для обсерваторіи большого экваторіала, астрономическаго круга, секунднаго маятника и нормальнаго метра. Интересно, что въ 1833 году двадцатидвухлѣтній сынъ Литтрова Карлъ, казанскій уроженецъ, впослѣдствіе преемникъ отца по завѣдыванію вѣнскою обсерваторіею, а въ то время еще ея ассистентъ—безуспѣшно искалъ въ казанскомъ университетѣ кафедру наблюдательной (практической) астрономіи *.

I. A. Литтровъ былъ впослѣдствіе (съ 1819 года) директоромъ вѣнской обсерваторіи, составивъ ея славу и гордость; въ этомъ званіи онъ въ 1840 году и умеръ [138].

Өеодоръ Христофоровичъ Эрдманъ (Johann Friederich Erdmann) былъ рекомендованъ Румовскому докторомъ Пёлицемъ,—тѣмъ самымъ, который въ 1809 году приглашенъ былъ въ казанскій университетъ (см. выше стр. 241), но затѣмъ отъ кафедры въ немъ отказался. Эрдманъ родился въ 1778 году въ г. Виттенбергѣ и высшее образованіе получилъ, сначала по наукамъ богословскимъ, а затѣмъ медицинскимъ, въ виттенбергскомъ университетѣ, по пріобрѣтеніи въ которомъ степени доктора медицины и хирургіи (за диссертацію „Utrum aqua per electricitatem columnae a Volta inventae in elementa sua dissolvatur?“ Witt., 1802, относящуюся, собственно говоря, къ физикѣ), получилъ въ томъ же университетѣ званіе экстраординарнаго профессора натуральной исторіи (съ 1804 г.), а затѣмъ и ординарнаго (съ 1807 года) профессора патологіи и терапіи. Рекомендуя Румовскому своего сослуживца по университету, Пёлицъ расхваливалъ его способности и разносторонность знаній, кромѣ медицины обнимающія собою и лингвистику, и физику, и химію аналитическую и техническую; отмѣчаетъ онъ Эрдмана и въ качествѣ знающаго и опытнаго клинициста. Кромѣ уже указанной выше докторской диссертаціи, къ тому времени Эрдманъ былъ авторомъ и двухъ другихъ печатныхъ трудовъ („Elementa organonomiae etc.“, 1804, и „De hydropis natura et curatione“, I—X, 1804—1810), а также ряда журнальныхъ медицинскихъ статей и замѣтокъ, списокъ которыхъ приложенъ къ рекомендаціи Пёлица.

Румовскій предложилъ Эрдману кафедру патологіи, терапіи и клиники и 17-го мая 1810 года состоялось его назначеніе на эту кафедру, съ зва-

---

* Виновникомъ этого неуспѣха явился профессоръ И. М. Симоновъ: онъ грозилъ оставленіемъ казанскаго университета въ томъ случаѣ, если у него будетъ выдѣлена кафедра практической астрономіи, которую искалъ молодой Литтровъ. Въ результатѣ было оставленіе за Симоновымъ обѣихъ кафедръ (Архивъ каз. унив. Попеч., 1831, № 69 л. 225, и 1833, № 98).

ніемъ ординарнаго профессора. Такимъ путемъ замѣщена была въ казанскомъ университетѣ вторая (первую занялъ, какъ мы знаемъ, Браунъ) основная медицинская кафедра. 17-го августа Эрдманъ уже явился въ засѣданіе совѣта и представилъ объявленіе о своихъ чтеніяхъ: онъ располагалъ начать ихъ, на латинскомъ языкѣ и „по собственнымъ тетрадямъ", съ органономіи (законы жизни организма), а затѣмъ уже перейти къ изложенію патологіи и терапіи. Если дѣятельность проф. Литтрова была такъ всесторонне поглощена заботами по устройству обсерваторіи, то не меньше хлопотъ выпало и на долю проф. Эрдмана въ его усиліяхъ и неустанныхъ настояніяхъ въ области вопроса объ устройствѣ при университетѣ клиники и объ организаціи клиническаго преподаванія, безъ котораго онъ чувствовалъ себя, какъ безъ рукъ. Безуспѣшными стараніями въ этомъ направленіи отмѣчена вся семилѣтняя дѣятельность Эрдмана въ казанскомъ университетѣ, не смотря на то, что имъ уже въ 1811 году былъ разработанъ и представленъ въ подлежащія инстанціи подробный планъ устройства клиники изъ трехъ отдѣленій (терапевтическаго, хирургическаго и повивальнаго) и на 24 кровати; этотъ планъ былъ одобренъ особою совѣтскою коммиссіею, попечитель въ іюнѣ того же года выразилъ Эрдману по поводу этого плана свое „отмѣнное удовольствіе" и благодарность „за попеченіе объ общемъ благѣ и пользѣ университета", потребованъ былъ имъ и техническій проэктъ клиники, стоимость устройства которой была исчислена въ суммѣ около 60 тыс. рублей, при годовомъ бюджетѣ содержанія около 5 тыс. рублей,—но все дѣло сразу стало, какъ скоро оно дошло до матеріальной стороны вопроса: попечитель сослался на традиціонныя „нынѣшнія обстоятельства" и осуществленіе проэкта отложено на неопредѣленное время. Эрдману пришлось ограничиться кое-какимъ клиническимъ матеріаломъ гимназической и университетской больницы, въ томъ же году и въ этихъ, именно, видахъ переданной въ его завѣдываніе. Безуспѣшными,—не по винѣ, впрочемъ совѣта, одобрившаго и на этотъ разъ всѣ его предположенія,—оказались хлопоты Эрдмана объ устройствѣ клиники, предпринятыя имъ и вслѣдъ за полнымъ открытіемъ въ 1814 году университета: небольшая и элементарно обставленная клиническая палата изъ двухъ небольшихъ комнатъ, въ верхнемъ этажѣ такъ называемаго „типографскаго дома" (на мѣстѣ нынѣшняго зданія старой клиники), вмѣщавшая въ себѣ всего 4—8 кроватей, такова та примитивная клиническая организація, довольствоваться которою, вдобавокъ еще совмѣстно съ представителемъ кафедры повивальнаго искусства, вынужденъ былъ проф. Эрдманъ. Не представляется нисколько удивительнымъ, что, при

наличности такихъ печальныхъ условій, характеромъ совершенной случайности отмѣчена была и преподавательская дѣятельность Эрдмана, не смотря на полную подготовленность и на усердіе самого преподавателя; этимъ случайнымъ отпечаткомъ характеризовался и малочисленный составъ аудиторіи Эрдмана: въ 1812—1813 уч. году у него числилось всего четыре слушателя, въ 1816—1817 всего три.

Ученая и литературная дѣятельность проф. Эрдмана не ограничивалась его обязанностями по преподаванію и можетъ быть отмѣчена нѣсколькими не лишенными значенія начинаніями. Такъ, въ 1811 году онъ сдѣлалъ описаніе сергіевскихъ минеральныхъ водъ, сопроводивъ его обстоятельнымъ химическимъ ихъ анализомъ; въ 1812 году онъ ѣздилъ, вмѣстѣ съ магистромъ Шоникомъ, въ окрестности г. Тетюши, съ цѣлью изслѣдованія въ бальнеологическомъ отношеніи мѣстныхъ сѣрныхъ ключей, въ которыхъ предполагалось обнаружить цѣлебныя свойства; въ 1813 году онъ посѣтилъ, совмѣстно съ проф. Френомъ, извѣстные остатки древняго города Болгары, составивъ въ высшей степени интересное и обстоятельное ихъ историко-археологическое описаніе, долго почитавшееся лучшимъ послѣ описаній ихъ Лепехинымъ и Палласомъ. Обильный запасъ наблюденій самаго разнообразнаго характера сдѣланъ былъ проф. Эрдманомъ во время многочисленныхъ поѣздокъ его по округу, въ качествѣ визитатора училищъ (въ Астрахань, среднее и нижнее Поволжье, въ верхне-камскій край, въ западную Сибирь). Результаты всѣхъ его путешествій, экскурсій и наблюденій были впослѣдствіе сведены Эрдманомъ въ трехъ томахъ его замѣчательнаго для своего времени труда: „Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland" (I—III, Рига, Дерптъ и Лейпцигъ, 1822—1826), отчасти не утратившаго еще интереса и для нашихъ дней. Тщательно изучались Эрдманомъ и медико-топографическія условія собственно города Казани и казанской губерніи; результаты этого изученія отлились у него въ самостоятельный трудъ: „Медико-топографическое описаніе казанской губерніи", присланный имъ въ казанскій университетъ уже въ ноябрѣ 1822 года, изъ Дерпта, и образовавшій собою первую часть только что цитированнаго его сборника. Заслуживаетъ быть отмѣченною и дѣятельность Эрдмана, въ качествѣ практическаго врача; въ 1817 году ему, съ разрѣшенія совѣта университета (!), была выражена даже печатная благодарность за глазную операцію, произведенную имъ совмѣстно съ проф. Брауномъ и „возвратившую зрѣніе" какому то вятскому купцу Аршаулову. Въ качествѣ практическаго врача Эрдманъ принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ „горячечною" эпидеміею 1813 года.

Въ 1813 году Эрдманъ состоялъ членомъ совѣтскаго комитета по организаціи, передъ полнымъ открытіемъ университета, выборовъ. Избранный тогда же (утвержденъ 26-го марта 1814 года) первымъ деканомъ отдѣленія врачебныхъ наукъ, онъ снова избирался въ это званіе въ 1815 и 1816 годахъ и оставался въ немъ до своего увольненія изъ казанскаго университета.

Въ 1817 году профессоръ Эрдманъ принялъ приглашеніе на освободившуюся въ дерптскомъ университетѣ кафедру терапіи и клиники и въ началѣ іюня вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ о своемъ увольненіи, не преминувъ сдѣлать стереотипную, какъ мы это видимъ въ прошеніяхъ этого рода, ссылку на вредное дѣйствіе казанскаго климата. Не въ силахъ была измѣнить рѣшенія Эрдмана и коллективная (за подписью 18-ти лицъ) просьба товарищей не покидать казанскаго университета *: предложеніе объ увольненіи Эрдмана состоялось 17-го іюля 1817 года. Сотоварищи поднесли отъѣзжающему сочувственный печатный адресъ, совѣтъ университета осенью того же года избралъ его почетнымъ членомъ, кафедра же Эрдмана перешла къ профессору Фуксу, измѣнившему натуральной исторіи для медицины **.

Эрдманъ, послѣ своей начальной дерптской профессуры (1818—1822), выѣхалъ заграницу и занялъ въ Дрезденѣ должность королевскаго лейбъ-медика, а съ 1827 по 1843 годъ снова былъ профессоромъ дерптскаго университета по кафедрамъ физіологіи, патологіи, фармакологіи, діэтетики и исторіи медицины. Онъ умеръ 16-го января 1846 года, въ г. Висбаденѣ [139].

1809—1810 академическій годъ отмѣченъ утратою въ личномъ составѣ университета: въ ночь на 26-ое октября 1809 года умеръ адъ-

---

* Заявленіе это не подписали: Яковкинъ, Фуксъ, Городчаниновъ и Никольскій.

** Оставляя Казань, Эрдманъ сдѣлалъ совѣту университета заявленіе о своемъ «открытіи, которое можетъ быть весьма полезно россійскому государству». Рѣчь шла здѣсь о громадномъ содержаніи магнезіи, обнаруженномъ имъ, совмѣстно съ проф. Броннеромъ, въ соляхъ озера Эльтона. Это заявленіе было сообщено министру народнаго просвѣщенія и ему данъ былъ дальнѣйшій ходъ. Въ сентябрѣ того же года сдѣланъ былъ саратовскому губернатору запросъ: стоитъ ли устроивать при Эльтонскомъ озерѣ заведеніе для добыванія магнезіи и не было ли раньше попытокъ этого? На этомъ запросѣ свѣдѣнія о ходѣ дѣла и обрываются (см. архивъ каз. унив. сов. 1817, № 70; архивъ минист. народн. просвѣщ. 1817, № 99—4609), быть можетъ потому, что самое дѣло, касающееся этого запроса, показано въ дѣлахъ архива министерства народн. просвѣщенія уничтоженнымъ (наряду съ цѣлымъ рядомъ и другихъ интересныхъ дѣлъ) въ 1867 году.

Отчего бы не вспомнить о заявленіи Эрдмана и не провѣрить его въ настоящее время? Въ заявленіи проф. Эрдмана подробно мотивирована и экономическая сторона дѣла.

юнктъ химіи Ѳ. Л. Эвестъ, — тотъ самый, пресловутое дѣло о „болѣзни" или „страсти" котораго такъ волновало собою совѣтъ въ бурный конецъ 1806 года.

Менѣе благопріятнымъ оказался съ точки зрѣнія увеличенія личнаго состава казанскаго университета 1810—1811 академическій годъ.

Согласно принятому нами порядку, скажемъ предварительно нѣсколько словъ о выступавшихъ въ этомъ году претендентахъ на кафедры.

Въ августѣ 1810 года врачъ расположеннаго въ г. Оренбургѣ екатеринбургскаго мушкатерскаго полка, докторъ медицины Венцеславъ Ганаузеккъ (онъ же Ганавзекки архивныхъ дѣлъ), происхожденіемъ чехъ, изучавшій медицину въ вѣнскомъ университетѣ въ качествѣ стипендіата русскаго правительства, докторскую же степень получившій отъ петербургской медико-хирургической академіи, вошелъ къ Румовскому съ ходатайствомъ о предоставленіи ему въ казанскомъ университетѣ кафедры матеріи-медики (т. е. фармаціи и фармакологіи). Румовскій отнесся къ этому ходатайству благосклонно и вошелъ къ министру съ представленіемъ объ утвержденіи претендента, указывая на то, что „врачебное отдѣленіе въ Казани имѣетъ только двухъ профессоровъ (Брауна и Эрдмана), наполнить же прочія кафедры сколько я ни прилагалъ старанія—не могъ, онѣ остаются праздными". Съ разрѣшенія министра, Румовскій вступилъ съ Ганаузеккомъ въ соотвѣтствующіе переговоры, предлагая ему, для дальнѣйшаго движенія дѣла, уволиться изъ военно-медицинской службы—но здѣсь то и встрѣтилось, повидимому, непреодолимое препятствіе: въ началѣ января слѣдующаго года претендентъ увѣдомилъ попечителя, что военное вѣдомство отказываетъ ему въ увольненіи, ссылаясь на „недостатокъ лекарей въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ". На этомъ поползновеніе Ганаузекка къ ученой карьерѣ и остановилось.

Въ декабрѣ того же 1810 года учитель математики саратовской гимназіи Гладковъ домогался получить при казанскомъ университетѣ званіе адъюнкта или магистра математики. Съ этимъ претендентомъ переговоры были непродолжительны: попечитель велѣлъ возвратить ему прошеніе, такъ какъ Гладкову еще до того предписано было подать прошеніе объ отставкѣ по его „слабому поведенію и непокойному свойству".

Въ томъ же академическомъ году (точное время ихъ ходатайствъ не установляется) безуспѣшно искали кафедръ въ университетѣ бывшій экстраординарный профессоръ упраздненнаго московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи, докторъ медицины Мироновичъ (кафедру хирургіи), и учитель вятской гимназіи Русецкій (домо-

гался кафедры философіи); этотъ послѣдній претендентъ девять лѣтъ спустя, принося попечителю Магницкому жалобу (результатомъ которой было его же увольненіе) на причиненныя ему директоромъ Яковкинымъ обиды, въ числѣ послѣднихъ указывалъ и на недопущеніе его къ кафедрѣ.

Невозможность замѣщенія въ казанскомъ университетѣ медицинскихъ кафедръ сильно огорчала Румовскаго, который лѣтомъ 1810 года и представлялъ объ этомъ министру. Въ отвѣтъ на это представленіе, графъ Разумовскій предложилъ попечителю (отъ 16-го іюня 1810 года, за № 492) сдѣлать черезъ газеты вызовъ желающихъ занять здѣсь вакантныя кафедры, съ тѣмъ, что бы кандидаты, неизвѣстные съ ученой стороны своей, были подвергнуты особому испытанію. Кажется, что мѣра эта осталась только на бумагѣ [140].

Вступили въ интересующемъ насъ учебномъ году въ составъ преподавательскаго персонала казанскаго университета слѣдующіе новые члены: два профессора—К. И. Броннеръ (по кафедрѣ физики) и И. Г. Томасъ (по кафедрѣ всеобщей исторіи, географіи и статистики), и четыре магистра: И. И. Дунаевъ (химія и технологія), А. В. Кайсаровъ (физика), В. И. Тимьянскій (естественная исторія) и С. Ф. Шоникъ (естественная исторія).

Ксаверій Ивановичъ Броннеръ (Franz Xaver Bronner) представляетъ собою личность, въ высшей степени замѣчательную превратностями судьбы и крайнею своеобразностью тѣхъ условій общественнаго, нравственнаго и интеллектуальнаго характера, подъ взаимодѣйствіемъ которыхъ складывался далеко не заурядный обликъ этого будущаго крупнаго дѣятеля казанскаго университета, способный дать богатый матеріалъ для анализа его и со стороны психолога, и со стороны моралиста. Мы лишены, къ сожалѣнію, всякой возможности дать читателямъ сколько нибудь подробный очеркъ жизни этого выдающагося человѣка—жизни, которая, въ предѣлахъ первыхъ ея четырехъ десятилѣтій, подробно изложена самимъ Броннеромъ въ его автобіографіи („F. X. Bronners Leben, von ihm selbst beschrieben“, I—III, Zürich, 1795—1797). Читатели, желающіе ближе познакомиться съ жизнеописаніемъ Броннера, могутъ сдѣлать это по книгѣ Н. Н. Булича, заключающей въ себѣ подробный и обстоятельный экстрактъ изъ его автобіографіи („Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета“, часть II, стр. 185—276); перефразъ Булича долженъ быть пополненъ данными, которыхъ онъ не могъ имѣть въ виду и которыя въ послѣдніе годы собраны были новѣйшимъ біографомъ Броннера, профессоромъ Д. И. Нагуевскимъ („Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка“, Каз. 1902).

Ф. К. Броннеръ родился 23-го декабря 1758 года въ небольшомъ придунайскомъ городкѣ Гэхштедтѣ, въ провинціи Швабіи, близъ г. Аугсбурга, въ семьѣ бѣдняка, промышлявшаго различнаго рода ручнымъ трудомъ и, главнымъ образомъ, работою на кирпичныхъ заводахъ. Получивъ начальное образованіе въ школѣ мѣстнаго женскаго монастыря, а затѣмъ у какого то кантора, мальчикъ въ 1769 году былъ принятъ въ іезуитскую семинарію сосѣдняго города Диллингена, а въ 1773 году, когда семинарія эта была закрыта вслѣдствіе папской буллы объ упраздненіи ордена іезуитовъ, онъ поступилъ въ духовный лицей г. Нейбурга, руководителями котораго были также эксъ-іезуиты. Здѣсь въ юношѣ начала развиваться, не безъ вліянія въ этомъ дѣлѣ матери, мечтавшей о духовной карьерѣ сына, склонность къ монашеской жизни и въ 1776 году восемнадцатилѣтній Броннеръ принялъ новиціатъ (послушество) въ бенедиктинскомъ монастырѣ города Донауверта, въ которомъ годъ спустя и постригся съ именемъ Бонифація. Принявъ постриженіе, молодой монахъ сталъ дѣятельно заниматься, подъ руководствомъ учителей-монаховъ, науками, изучая математику, механику, физику и богословіе; рядомъ съ науками шли упражненія въ музыкѣ (игрѣ на скрипкѣ), а въ часы досуга юный подвижникъ усердно предавался свѣтскому чтенію, не выключая и запретныхъ твореній Руссо и Вольтера. Изъ своихъ монастырскихъ преподавателей Броннеръ съ особенною признательностью вспоминаетъ имя бывшаго іезуитскаго пріора отца Беда, которому онъ приписываетъ свои первые успѣхи въ математикѣ. Научныя занятія молодаго бенедиктинца оказались настолько успѣшными, что духовное начальство въ 1782 году отправило его для завершенія образованія, на счетъ ордена, въ католическій университетъ города Эйхштедта, въ которомъ онъ продолжалъ изученіе математики у профессора-іезуита Пикеля.

Провожая своего ученика въ Эйхштедтъ, отецъ Беда предупреждалъ его на счетъ ожидающихъ его въ этомъ, сравнительно крупномъ, городскомъ центрѣ соблазновъ, указывая на существующія тамъ тайныя религіозныя, въ частности же массонскія, общества, явившіяся отраженіемъ духовнаго движенія, охватившаго въ ту пору германскую мысль. Предупрежденія наставника оказались тщетными: въ Эйхштедтѣ увлекающійся духовный студентъ не замедлилъ войти въ общеніе съ тайными кружками. Сначала дѣлается онъ массономъ, получивъ при этомъ условное имя Аристотеля, но скоро отсталъ отъ массоновъ и примкнулъ къ иллюминатамъ, ученіе которыхъ впервые подняло въ умѣ Броннера массу религіозныхъ сомнѣній, мучившихъ его въ послѣдующую переходную эпоху его жизни;

молодой монахъ сдѣлался ярымъ поборникомъ иллюминатства и подъ вліяніемъ педагогическаго такта, которымъ, по словамъ Броннера, отличались иллюминаты въ дѣлѣ вопросовъ воспитанія и исправленія юношества, онъ усвоилъ себѣ тѣ педагогическіе пріемы и воззрѣнія, попытки примѣненія которыхъ къ практикѣ дѣлались имъ много позже, цѣлую почти треть вѣка спустя, въ бытность профессоромъ далекаго казанскаго университета.

Въ 1783 году Броннеръ окончилъ свое ученіе въ Эйхштедтѣ и осенью того же года, посвященный передъ тѣмъ въ священническій санъ, возвратился въ свой донаувертскій монастырь. Но теперь монашеская келья и режимъ монастырской жизни уже не въ состояніи были удовлетворять молодаго монаха, искусившагося въ свободѣ жизни и мысли. Ни чтеніе богословскихъ сочиненій, ни самоуглубленіе въ философскія построенія Лафатера, Гердера и Канта, ни увлеченіе поэзіею (онъ пишетъ идилліи, навѣянныя поэтическими произведеніями Геснера), не въ состояніи были заглушить голоса сомнѣній и примирить внутренняго разлада, охватившаго собою умъ и чувства молодаго священника. Въ мысляхъ Броннера созрѣваетъ планъ бѣгства изъ монастыря, который и приводится имъ, въ концѣ концовъ, въ исполненіе: 29-го августа 1785 года, рано утромъ, онъ бѣжалъ изъ своей обители, направившись въ свободную Швейцарію, которой впослѣдствіе и было суждено сдѣлаться его новою родиною. Послѣ неудавшейся попытки обосноваться въ Базелѣ, Броннеръ поселился въ Цюрихѣ, гдѣ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны семьи своего излюбленнаго поэта Геснера и мѣстнаго ратсгерра Фюссли, досталъ мѣсто наборщика въ нотной типографіи и устроилъ себѣ заработокъ въ цюрихской газетѣ. Здѣсь Броннеръ снова сталъ заниматься поэзіей, подготовивъ изданіе (вышло въ свѣтъ въ 1786 г.) перваго сборника своихъ „Идиллій".

Желая во что бы то ни стало избавиться отъ тяготѣвшаго надъ нимъ монашескаго обѣта, Броннеръ выхлопоталъ себѣ папское разрѣшеніе отъ монашества (dispensio), подъ условіемъ священнической службы на родинѣ, и 14-го іюля 1786 года выѣхалъ изъ Цюриха въ Аугсбургъ. Но на родинѣ снова ожидало его разочарованіе: взамѣнъ священническаго сана, мстительное духовенство возлагало на него второстепенныя церковныя и канцелярскія обязанности, тяготившія жаждавшую живой дѣятельности душу Броннера. Такъ протекли шесть лѣтъ жизни Броннера на родинѣ. Эта жизнь удовлетворять его не могла; не находилъ онъ себѣ отъ нея отрады и въ столь любимой имъ поэзіи. Броннеръ начинаетъ вторично помышлять о жизни подъ другимъ небомъ—„гдѣ меньше духовнаго гнета, гдѣ больше

простора человѣческой мысли, гдѣ легче удовлетворяется и страсть къ наукѣ". Снова созрѣваетъ въ умѣ его мысль о бѣгствѣ. 1793 годъ принесъ съ собою событіе, ускорившее рѣшеніе Броннера. Толки, возбужденные французскою революціею, достигли и мирнаго Аугсбурга. Неосторожное слово, публично выраженное Броннеромъ въ какой то кофейнѣ по поводу парижскихъ событій—возбудило подозрительность властей и обвиненіе неосмотрительнаго священника въ политической неблагонадежности. Давно назрѣвавшій вопросъ о бѣгствѣ становился самъ собою на почву фактическаго осуществленія: 14-го іюля 1793 года Броннеръ приводитъ свой планъ въ исполненіе, отправившись сначала въ Цюрихъ, гдѣ прожилъ до конца года, а затѣмъ направивъ свои стопы во Францію. Во Франціи Броннеру не повезло: едва не сложивъ здѣсь головы на гильотинѣ, онъ въ началѣ 1795 года снова возвратился въ Цюрихъ, гдѣ и прожилъ до начала XIX столѣтія, занимаясь публицистическимъ (редактировалъ цюрихскую газету) и литературнымъ трудомъ; здѣсь же закончилъ онъ печатаніе своей автобіографіи.

На возвращеніи Броннера въ Цюрихъ оканчивается автобіографія его, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и перефразъ ея покойнымъ Буличемъ. Далѣе слѣдуютъ уже данныя, собранныя проф. Д. И. Нагуевскимъ.

Послѣ основанія швейцарской республики, Броннеръ былъ (1799 г.) правителемъ канцеляріи швейцарскаго министра наукъ и искусствъ, затѣмъ министра юстиціи, а въ 1804 году получаетъ должность преподавателя въ кантональной школѣ города Аарау. Здѣсь завязались его сношенія съ будущимъ профессоромъ казанскаго университета Бартельсомъ, который еще лѣтомъ 1806 года рекомендовалъ его Румовскому для занятія въ Казани кафедры физики; Броннеръ въ то время отказался отъ этой чести, сославшись на то, что онъ сознаетъ себя въ математикѣ—существомъ безъ имени („ein namenloses Wesen") и что не закончилъ еще нѣкоторыхъ начатыхъ работъ. „Неужели они рѣшатся пригласить меня, не имѣя обо мнѣ никакого понятія?" — писалъ онъ даже по этому поводу Бартельсу.

Между тѣмъ положеніе Броннера въ аарауской школѣ—было не изъ завидныхъ: онъ самъ называлъ себя здѣсь „школьнымъ рабомъ" („Schulknecht"). И вотъ 10-го сентября 1809 года (по нов. стилю) Броннеръ уже самъ обращается къ Румовскому съ письмомъ, въ которомъ проситъ его о кафедрѣ въ казанскомъ университетѣ, ссылаясь на успѣхи своихъ учениковъ по школѣ города Аарау и приложивъ къ письму списокъ своихъ трудовъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ. Румовскій, уже знавшій

Броннера по рекомендаціи Бартельса, не замедлилъ выхлопотать разрѣшеніе министра на „пріобрѣтеніе столь достойнаго и опытнаго профессора“ и 1-го сентября 1810 года состоялось назначеніе Броннера въ казанскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ теоретической и опытной физики, хотя самый вопросъ объ этомъ назначеніи былъ предрѣшенъ въ концѣ 1809 года; Броннеръ былъ своевременно объ этомъ извѣщенъ и еще въ началѣ февраля 1810 года прислалъ попечителю благодарственное письмо, съ изъявленіемъ въ немъ намѣренія „остаться въ Казани навсегда“.

Выѣхавъ изъ Аарау въ половинѣ іюля 1810 года (еще до оффиціальнаго своего назначенія), Броннеръ 1-го сентября былъ въ Петербургѣ, дальнѣйшій же свой путь совершилъ водою, по тихвинской системѣ и р. Волгѣ, въ сопутствіи казанскаго купца, швейцарца Дженни (Jenni), въ домѣ котораго первоначально, по прибытіи въ Казань, и остановился.

Въ Казань Броннеръ прибылъ 12-го октября, но только въ мартѣ слѣдующаго года прибылъ сюда же транспортъ съ его вещами, по поводу задержки въ полученіи которыхъ онъ завелъ цѣлую переписку съ попечителемъ и даже министромъ. Чтеніе своихъ лекцій онъ началъ аудиторіи изъ восьми слушателей, которымъ и преподавалъ, на латинскомъ и на французскомъ языкахъ, физику какъ „по собственнымъ тетрадямъ“, такъ и по руководству Грена и Фишера. Въ 1812—1817 годахъ Броннеру поручалось также чтеніе минералогіи, что на первые два года было поставлено, по его же собственному предложенію, условіемъ всемилостивѣйше пожалованнаго ему въ 1811 году пособія въ 2927 рублей въ пополненіе издержекъ, понесенныхъ имъ по переѣзду въ Россію; съ 1815 года онъ получалъ уже за это чтеніе дополнительное вознагражденіе въ размѣрѣ 800 рублей въ годъ.

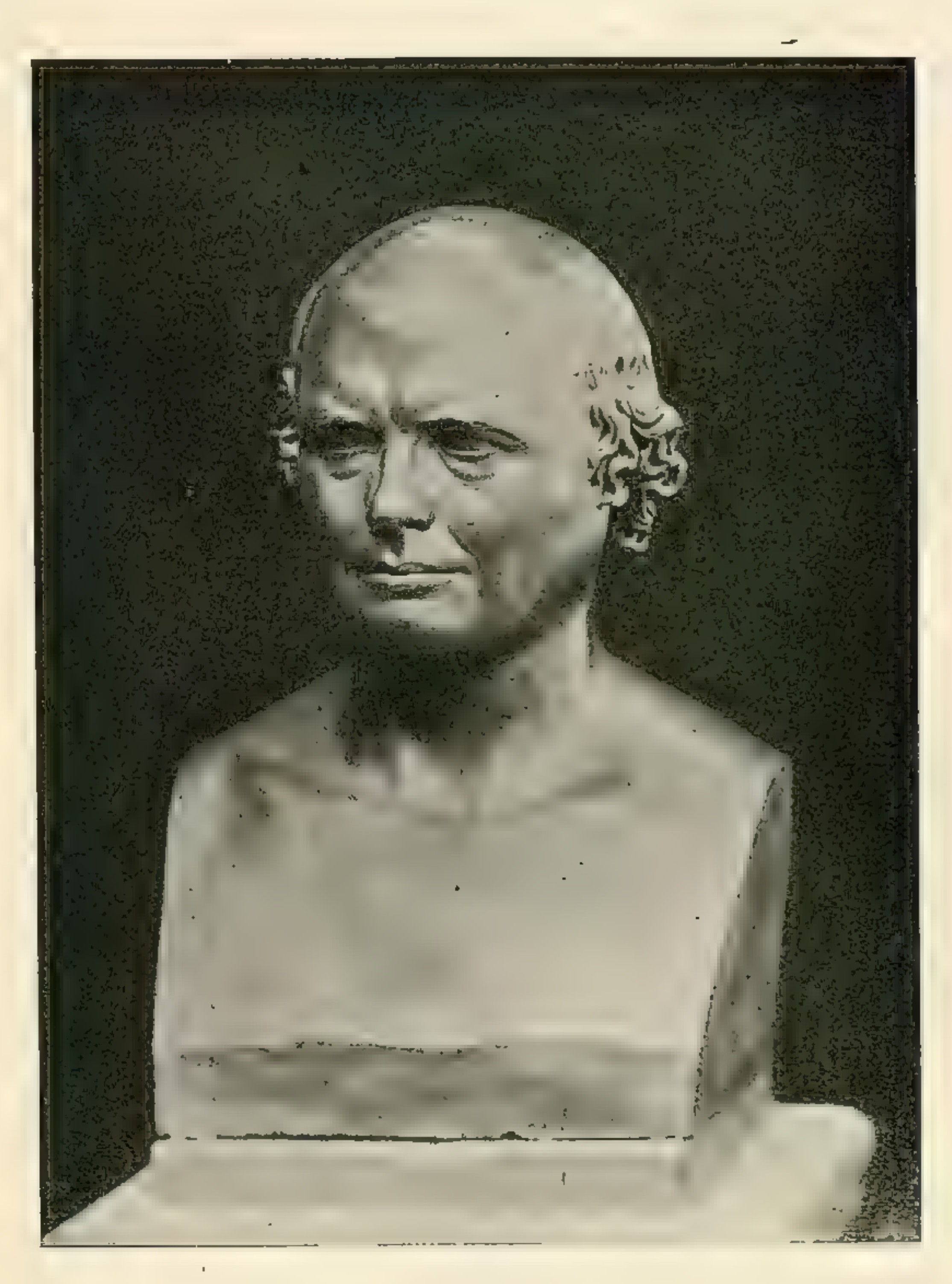
Съ самаго пріѣзда своего въ Казань Броннеръ былъ поставленъ въ совершенно исключительныя условія съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ попечительской власти. Еще отпуская Броннера въ Казань, попечитель Румовскій поручилъ ему подробно писать ему о казанскомъ университетѣ, сообщая свои наблюденія объ университетскихъ дѣятеляхъ, дѣлахъ и отношеніяхъ. Броннеръ широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ, которое съумѣлъ удержать за собою и при преемникѣ Румовскаго, попечителѣ М. А. Салтыковѣ, и 58 писемъ его къ попечителямъ казанскаго учебнаго округа (29 писемъ къ Румовскому и столько же писемъ къ Салтыкову), обнимающія собою промежутокъ времени въ шесть слишкомъ лѣтъ (октябрь 1810—январь 1817 года) представляютъ собою богатый ма-

теріалъ какъ для начальной исторіи казанскаго университета, вообще, такъ и для характеристики его дѣятелей, въ частности. Подлинники этихъ писемъ, хранящіеся въ кантональной библіотекѣ города Аарау и на существованіе которыхъ указалъ въ 1899 году профессоръ казанскаго университета А. В. Васильевъ, были любезно доставлены на время изъ Аарау въ Казань и ихъ разборка и изданіе совѣтомъ университета поручены профессору Д. И. Нагуевскому, блестящимъ образомъ справившемуся съ этою нелегкою, по состоянію оригиналовъ (большею частью черновиковъ), задачею *. Письма Броннера будутъ не разъ служить намъ подспорьемъ въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи, пока же замѣтимъ, что эта конфиденціальная переписка его съ попечителями, весьма смѣлая по своему содержанію, откровенности и прямотѣ высказываемыхъ въ ней мыслей, нерѣдко даже проникнутая обличительнымъ (въ особенности по отношенію къ Яковкину и его партіи) оттѣнкомъ, съ другой же стороны—дышущая приверженностью къ идеѣ самостоятельнаго положенія университета и къ его автономіи, не нравилась многимъ сослуживцамъ Броннера, возбуждая въ нихъ, до извѣстной степени и понятныя, конечно, опасенія: „La haine me persécute,—пишетъ Броннеръ попечителю Салтыкову въ письмѣ отъ 24-го декабря 1816 года,—parceque je suis en correspondance avec vous, sans communiquer quelques choses à ces messieurs, qui ont peur de l'ombre: ils me croient leur antagoniste".

Только эта возможность интимныхъ и непосредственныхъ сношеній съ попечителями и открывала путь нѣкоторымъ начинаніямъ Броннера, выходившимъ за предѣлы его нормальной профессорской компетенціи. Таковъ составленный имъ лѣтомъ 1812 года, по порученію Румовскаго, „Планъ преподаванія наукъ въ казанскомъ университетѣ", вмѣстѣ съ „распредѣленіемъ чтеній" въ немъ, который и вошелъ съ 1812—1813 учебнаго года въ основу новаго распредѣленія преподаваній; такова и его ожесточенная борьба съ Яковкинымъ, воздвигнутая имъ съ 1811 года на почвѣ обличенія недостатковъ постановки учебнаго дѣла въ казанской гимназіи, которая не мало посодѣйствовала, по крайней мѣрѣ въ попечительство Салтыкова, паденію прежняго авторитета и престижа полновластнаго директора-временщика.

---

* Проф. Д. И. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка» (Каз. 1902). Кромѣ писемъ Броннера къ попечителямъ Румовскому и Салтыкову, въ книгѣ этой изданы письма его къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, а также и другіе матеріалы, касающіеся Броннера.

Францъ Ксаверъ
Броннеръ,
профессоръ физики.
(1 сентября 1810 г.—14 мая 1820 г.)

Какъ ученый и преподаватель, Броннеръ не представлялъ изъ себя такой крупной величины, какою являлись нѣкоторые изъ его иностранныхъ сослуживцевъ, напримѣръ Бартельсъ и Литтровъ, съ которыми, кстати замѣтить, онъ находился въ самомъ близкомъ единенiи: эти три математика образовали изъ себя кружокъ, живо интересовавшiйся различнаго рода научными вопросами и даже мечтавшiй, какъ говорится о томъ въ одномъ изъ писемъ Броннера къ Румовскому (отъ 22 февраля 1811 года), объ учрежденiи при университетѣ физико-математическаго общества. И Броннеру, подобно Литтрову, Эрдману и другимъ представителямъ экспериментальныхъ дисциплинъ, приходилось не мало страдать отъ отсутствiя необходимыхъ учебно-вспомогательныхъ пособiй, въ данномъ случаѣ—сколько нибудь научно обставленнаго физическаго кабинета, такъ какъ то, что засталъ Броннеръ въ Казани подъ этимъ наименованiемъ, представляло изъ себя случайное собранiе инструментовъ и приборовъ, бывшее даже общимъ для университета и гимназiи. Заботы объ устройствѣ надлежащаго физическаго кабинета стали проявляться Броннеромъ съ перваго года его казанской дѣятельности и уже въ началѣ 1811 года, принявъ кабинетъ въ свое завѣдыванiе, онъ вошелъ въ совѣтъ съ обстоятельною и мотивированною запискою, въ которой привелъ списокъ необходимыхъ къ прiобрѣтенiю инструментовъ, на сумму до шести тысячъ рублей; представленiе объ этомъ пошло къ попечителю, но Румовскiй не далъ ему дальнѣйшаго хода, и на этотъ разъ сославшись на условiя времени, заставляющiя выжидать наступленiя болѣе благопрiятныхъ обстоятельствъ. Къ заслугѣ проф. Броннера слѣдуетъ также отнести организацiю имъ при университетѣ правильныхъ метеорологическихъ наблюденiй, производившихся по нѣсколько разъ въ день, въ установленные часы, и результаты которыхъ съ 1811 года печатались имъ въ университетскомъ журналѣ „Казанскiя Извѣстiя"; въ 1816 году онъ напечаталъ въ томъ же журналѣ (№ 47) сообщенiе о рѣдкомъ метеорологическомъ явленiи, „водяномъ столбѣ" или смерчѣ, образовавшемся на Волгѣ, близь села Нижняго Услона, и причинившемъ довольно значительныя опустошенiя—сообщенiе, вызвавшее опровержение со стороны губернской администрацiи *. Пред-

* Губернаторъ графъ Толстой остался очень недоволенъ этимъ сообщенiемъ, предварившимъ оффицiальное разслѣдованiе событiя, и вошелъ въ правленiе университета съ запросомъ: «Съ чего въ Казанскихъ Извѣстiяхъ помѣщена статья, когда земскiй судъ съ отобраннаго отъ мѣстнаго начальства (волостного головы и писаря) свѣдѣнiя доноситъ о противномъ?», разъясняя, что «надъ рѣкою Волгою была обыкновенная радуга, а не столбъ» («Каз. Изв.» 1816, № 51).

ставлялись Броннеру случаи къ приложенію его спеціальныхъ знаній и внѣ круга собственно университетской дѣятельности. Такъ, въ іюнѣ 1812 года онъ принялъ на себя устройство громоотводовъ на зданіяхъ казанскаго порохового завода, дѣло о чемъ затянулось, впрочемъ, на все время пребыванія проф. Броннера въ Казани, найдя себѣ отголосокъ даже въ 1819 году. Приходилось Броннеру выполнять порученія университета и совершенно не вытекающія уже изъ его прямыхъ обязанностей: по опредѣленію совѣта (отъ 19 мая 1817 г.) онъ, совмѣстно съ проф. Эрихомъ и учителемъ музыки Нейманомъ, производитъ губернскому регистратору Тефлингеру испытаніе въ знаніи имъ музыки, въ чемъ испытуемому и былъ выданъ отъ университета форменный аттестатъ [141].

Всѣ біографы профессора Броннера единодушно сходятся между собою въ томъ положеніи, что педагогическая служба Броннера является именно тою стороною его дѣятельности, которая оставила по себѣ наиболѣе яркій слѣдъ въ прошломъ казанскаго университета. Это, именно, служба его въ должностяхъ директора педагогическаго института (1812—1817 годы) и инспектора казенныхъ студентовъ (1814—1817 годы).

28-го мая 1812 года Броннеръ былъ назначенъ Румовскимъ первымъ директоромъ вновь открывшагося университетскаго педагогическаго института; правда, при неудавшейся попыткѣ полнаго открытія въ 1810 году университета и произведенныхъ въ то время выборахъ, на эту должность избранъ былъ проф. Фойгтъ, но какъ самое открытіе университета, такъ и открытіе педагогическаго института тогда не послѣдовало. Любопытнымъ памятникомъ дѣятельности Броннера на этомъ отвѣтственномъ педагогическомъ поприщѣ является сохранившійся въ университетскомъ архивѣ рукописный фоліантъ, носящій названіе „Книги о поведеніи студентовъ педагогическаго института императорскаго казанскаго университета“ и обнимающій собою инспекторскія записи всего, имѣющаго соотношеніе къ жизни студенчества, начиная съ 18-го февраля 1805 года и кончая 10 ноября 1819 года; эта книга велась, послѣдовательно, инспекторами студентовъ Яковкинымъ, Брауномъ, Броннеромъ, Брейтенбахомъ и Булыгинымъ. Центральную часть этой книги образуетъ собою, тѣмъ не менѣе, дневникъ Броннера („Protocollum directoris instituti paedagogici“), веденный имъ на латинскомъ языкѣ въ теченіи свыше трехъ лѣтъ (іюль 1814—сентябрь 1817 г.г.) и въ который Броннеръ заносилъ всѣ факты и сентенціи, представлявшіе соотношеніе къ жизни педагогическаго института, студенчества и къ принятымъ имъ на себя обязанностямъ. „Дневникъ“ Броннера, по порученію совѣта университета въ 1902 году изданный проф. Д. И. Нагу-

евскимъ, вмѣстѣ съ перепискою Броннера, открываетъ богатый источникъ какъ для исторіи казанскаго студенчества втораго десятилѣтія минувшаго столѣтія, такъ и для обрисовки педагогической личности самого Броннера. Намъ еще придется возвращаться къ этому памятнику, въ настоящее же время отошлемъ читателей, желающихъ ближе познакомиться съ любопытною дѣятельностью Броннера въ качествѣ педагога, къ третьей и четвертой главамъ указаннаго выше изданія проф. Нагуевскаго, посвященнымъ именно очеркамъ дѣятельности Броннера въ званіяхъ директора педагогическаго института (глава 3-я) и инспектора казенныхъ студентовъ (глава 4-я).

Кромѣ только что приведенныхъ нами педагогическихъ обязанностей, Броннеръ въ различное время выполнялъ и нѣкоторыя другія порученія университета: въ 1811, 1814 и 1815 годахъ онъ утверждался членомъ училищнаго комитета, въ 1813 году былъ членомъ совѣтской коммиссіи по организаціи выборовъ, въ томъ же году назначенъ членомъ „комитета университетскихъ строеній".

Съ 1816 года Броннеръ начинаетъ помышлять объ отставкѣ и о возвращеніи въ Швейцарію. Въ этомъ же году началась продажа имъ университету вывезенныхъ еще изъ заграницы коллекцій, которыми онъ всегда очень дорожилъ и которыя служили ему при преподаваніи студентамъ минералогіи и, одно время (съ 1815 года), конхіологіи. Прежде всего, въ сентябрѣ 1816 года, куплена была у него университетомъ за тысячу рублей его коллекція раковинъ, а въ слѣдующемъ году (въ іюлѣ 1817 года), по представленію проф. Фукса, пріобрѣтено было университетомъ, за 3080 рублей, и его минералогическое собраніе, состоявшее изъ коллекцій ориктогностической, геогностической и окаменѣлостей [142].

24-го іюня 1817 года Броннеръ вошелъ къ попечителю съ ходатайствомъ о предоставленіи ему шестимѣсячнаго отпуска въ Швейцарію, мотивированнымъ хроническими страданіями мѣстною лихорадкою, осложненными и другими недугами (скорбутомъ, ревматизмомъ и ипохондріею). Присоединилась къ этому и тоска по родинѣ: Броннеръ писалъ попечителю, что скоро исполнится ему шестьдесятъ лѣтъ и что онъ „мучится такимъ страстнымъ желаніемъ увидать родину, что не достаетъ душевныхъ силъ бороться съ болѣзнью". Вопросъ объ этомъ отпускѣ, восходившій на разсмотрѣніе комитета министровъ, былъ въ благопріятномъ смыслѣ рѣшенъ и 15-го сентября Броннеръ выѣхалъ изъ Казани. Къ сроку окончанія разрѣшеннаго ему отпуска (мартъ 1818 года) Броннеръ къ должности не явился, подавъ прошеніе о дальнѣйшей отсрочкѣ ему отпуска—до

ноября мѣсяца; разрѣшена была ему и эта отсрочка. И на этотъ разъ Броннеръ въ Казань не возвратился, предъявивъ ходатайство уже о годичной (до конца 1819 года) отсрочкѣ отпуска. Совѣтъ готовъ былъ поддержать ходатайство Броннера, „дабы не лишиться сего достойнаго чиновника", но иначе взглянулъ на дѣло министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ, сдѣлавшій совѣту выговоръ за допущенныя имъ по отношенію къ Броннеру послабленія. 14-го мая 1820 года, уже въ попечительство Магницкаго, состоялось увольненіе Броннера изъ университета, мотивированное долговременною просрочкою имъ заграничнаго отпуска [143].

Поселившись, по возвращеніи въ Швейцарію, снова въ г. Аарау, Броннеръ еще въ 1818 году занялъ здѣсь прежнее мѣсто преподавателя кантональной школы, принялъ протестантство и въ 1821 году, на седьмомъ десяткѣ лѣтъ жизни, женился на простой крестьянской дѣвушкѣ изъ того же кантона Аарау. Въ 1827 году онъ получилъ должность кантональнаго библіотекаря, которую несъ до 1846 года, съ 1829 года присоединивъ къ ней и званіе городскаго архиваріуса. Броннеръ умеръ 11-го августа 1850 года, 92-хъ лѣтъ отъ рода, за четыре года до смерти совершенно ослѣпнувъ. Городъ Аарау соорудилъ на могилѣ старца памятникъ, а аарауская кантональная библіотека почтила память его постановкою въ своемъ помѣщеніи бюста Броннера (снимокъ съ него приложенъ къ настоящей книгѣ) и хранитъ папку рукописей его, часть которыхъ въ 1900 году на время доставлена была въ Казань для ихъ изданія.

Могила Броннера на аарауском кладбищѣ „Rosengarten" украшена массивною плитою, съ слѣдующею на ней эпитафіею:

„Franz Xaver Bronner.
„Geb. 23 dec. 1758.
„Gest. 11 aug. 1850.
„Er lebte thätig und
bescheiden;
„Er strebte nach Wahrheit und Licht;
„Er liebte Natur und Dichtung.

Поддерживалъ ли Броннеръ сношенія съ Казанью послѣ возвращенія своего въ Аарау—намъ неизвѣстно. Интересующіеся печатными трудами и неизданными рукописями проф. Броннера найдутъ полный списокъ ихъ въ уже цитированномъ нами трудѣ Д. И. Нагуевскаго [144].

Иванъ Григорьевичъ Томасъ (Johann Michel Thomas), занявшій послѣ адъюнкта Миллера кафедру всеобщей исторіи, географіи и статистики въ казанскомъ университетѣ, родился въ 1770 году въ г. Кобургѣ, въ

Саксоніи. Получивъ образованіе въ кобургской гимназіи, а затѣмъ въ университетахъ галльскомъ и іенскомъ, Томасъ, съ званіемъ (съ 1792 года) кандидата богословія, занимался профессіею домашняго учителя, которая и привела его въ Лифляндію, гдѣ, въ г. Дерптѣ, онъ получилъ должность пастора и училищнаго конректора. Годъ спустя Томасъ снова возвращается къ своей прежней профессіи и получаетъ мѣсто домашняго наставника въ г. Казани, въ домѣ мѣстнаго помѣщика, камергера Мусина-Пушкина, сдѣлавшись воспитателемъ его сына Михаила—будущаго извѣстнаго попечителя казанскаго учебнаго округа. Пробывъ въ этомъ домѣ около восьми лѣтъ, Томасъ занялъ такую же должность въ семьѣ другаго казанскаго помѣщика, А. Ѳ. Моисеева.

7-го марта 1810 года Томасъ обратился съ письмами, сначала—къ попечителю Румовскому, а затѣмъ (въ сентябрѣ) и къ самому министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому, съ ходатайствомъ относительно кафедры въ казанскомъ университетѣ; къ письму на имя министра была приложена небольшая рукопись („диссертація",—какъ называлъ ее проситель) на тему: „Animadversiones nonnullae in historiam universalem scribendam, addiscendam et docendam". Эта рукопись была единственнымъ трудомъ, на которомъ основывалъ Томасъ свои претензіи на профессуру, подкрѣпивъ ихъ ссылкою на девятнадцатилѣтній педагогическій опытъ, а также и на привычку своего организма къ казанскому климату, „обыкновенно столь гибельнаго для вновь пріѣзжающихъ иностранцевъ"—поясняетъ Томасъ; не малое значеніе придавалъ онъ также довѣрію, которымъ пользовался среди казанскаго дворянства. Подкупили Румовскаго въ пользу претендента и увѣренія послѣдняго въ спокойствіи и миролюбіи своего характера: „въ короткое время попечительства моего, и недавно еще, я испыталъ, колико нужно таковое качество для спокойствія всего сословія и, смѣю сказать, для моего",—заявляетъ попечитель въ своемъ представленіи министру. Несомнѣнно, что мѣстныя связи не мало посодѣйствовали достиженію Томасомъ кафедры: въ 1819 году Магницкій категорически утверждалъ, по крайней мѣрѣ, что онъ былъ „произведенъ въ профессоры по покровительству нѣкоторыхъ значительныхъ людей въ Казани".

Утвержденіе Томаса ординарнымъ профессоромъ состоялось 19-го декабря 1810 года, а 25-го января 1811 года онъ подалъ въ совѣтъ заявленіе о томъ, что намѣревается преподавать всеобщую исторію по изданной въ Петербургѣ въ 1799 г., третьимъ изданіемъ, „Всемірной исторіи" въ трехъ частяхъ (?), географію—по Гаттереру („Kurzer Begriff der Geographie"), статистику—по Мёзелю („Lehrbuch der Statistik"). Въ концѣ 1816

года, съ разрѣшенія министра (отъ 29 ноября), Томасу была предоставлена возможность довольно страннаго совмѣстительства: онъ принялъ, сохранивъ званіе профессора, должность пастора („дивизіоннаго проповѣдника"), въ которую былъ избранъ казанскимъ евангелическо-лютеранскимъ обществомъ. Въ 1811—1814 годахъ Томасъ несъ обязанности члена училищнаго комитета, въ 1813 году (4-го сентября) былъ избранъ секретаремъ совѣта.

Преподавательская дѣятельность Томаса, самая профессура котораго являлась сплошнымъ недоразумѣніемъ, не оставила по себѣ, конечно, никакихъ слѣдовъ. Онъ былъ уволенъ 5-го августа 1819 года, согласно представленію о томъ попечителя Магницкаго, а въ началѣ 1822 года оставилъ и свои пасторскія обязанности, послѣ чего не имѣется объ этомъ бывшемъ профессорѣ уже никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній [145].

Переходимъ къ магистрамъ, вошедшимъ въ интересующемъ насъ учебномъ году въ личный составъ казанскаго университета и начавшимъ свою преподавательскую дѣятельность съ осенняго семестра 1811 года. Это, какъ мы видѣли—Дунаевъ, Кайсаровъ, Тимьянскій и Шоникъ. Во время лѣтнихъ испытаній 1812 года всѣ эти магистры, какъ это усматривается изъ экзаменаціонныхъ протоколовъ, экзаменуютъ „своихъ" слушателей,—откуда ясно, что они пользовались уже въ 1811—1812 учебномъ году положеніемъ до извѣстной степени самостоятельныхъ преподавателей.

Иванъ Ивановичъ Дунаевъ не былъ воспитанникомъ казанскаго университета. Родившись въ 1788 году, въ семьѣ духовнаго состоянія, онъ съ 1798 года учился въ ярославской духовной семинаріи, изъ которой въ сентябрѣ 1806 года уволился для опредѣленія въ петербургскій педагогическій институтъ. При какихъ обстоятельствахъ это произошло—неизвѣстно, но 27-го февраля 1811 года попечитель Румовскій, основываясь на собственномъ желаніи Дунаева и на прекрасной аттестаціи, выданной ему конференціею института, далъ знать совѣту, что Дунаевъ „опредѣляется для усовершенствованія его въ казанскій университетъ въ званіи магистра по части химіи и технологіи, съ штатнымъ жалованьемъ, которое, до открытія университета, производить ему изъ суммы, отпускаемой на студентовъ-кандидатовъ". Въ видахъ этого „усовершенствованія", Румовскій предложилъ „препоручить" Дунаева „одному изъ господъ профессоровъ", что представлялось, однако, вопросомъ довольно затруднительнымъ, такъ какъ адъюнктъ химіи Эвестъ за годъ слишкомъ до того умеръ, а его преемникъ проф. Вуттигъ „отсутствовалъ и неизвѣстно когда прибудетъ".

Въ засѣданіи совѣта 17-го мая 1811 года (Дунаевъ явился къ должности еще 2-го мая) было опредѣлено, согласно предложенію проф. Эрдмана, расположить въ слѣдующемъ учебномъ году чтенія магистра Дунаева по химіи такимъ образомъ, „что бы они могли служить приготовленіемъ къ слушанію медицинскихъ преподаваній", въ виду чего и „препоручить профессору Эрдману руководствовать" этими чтеніями.

26-го марта 1814 года Дунаевъ получилъ званіе адъюнкта химіи; 24-го августа 1821 года утвержденъ (избранъ былъ еще 12-го января 1817 года, но утвержденія въ то время не послѣдовало) экстраординарнымъ профессоромъ, 21-го іюля 1823 года избранъ и 25-го августа утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ технологіи. Изъ дополнительныхъ преподаваній Дунаева укажемъ преподаваніе имъ въ университетѣ приготовительнаго латинскаго класса (1815—1816 г.г.), фармаціи (1820—1822 г.г.), врачебной химіи (1824—1827 г.г.). Въ числѣ его научныхъ начинаній отмѣтимъ изслѣдованіе имъ въ 1812 году въ бугурусланскомъ уѣздѣ мѣсторожденій соды, экспертизу въ 1816 году чистопольскаго скипидарнаго производства, изслѣдованіе сюкеевскихъ (въ тетюшскомъ уѣздѣ) минеральныхъ источниковъ. Кромѣ преподаванія, Дунаевъ несъ и другія обязанности по университету: былъ факторомъ (1814—1815 г.г.), корректоромъ (1819—1821 г.г.) и начальникомъ (1819—1822) университетской типографіи, членомъ комитета по веденію ученыхъ записокъ (1816 г.), редакторомъ „Казанскихъ Извѣстій" (1816—1820), членомъ училищнаго комитета (1822—1823, 1828—1834 г.г.), непремѣннымъ засѣдателемъ правленія (1822 г.), секретаремъ отдѣленія врачебныхъ наукъ (1818 и 1820 г.г.).

1-го августа 1837 года, при введеніи въ дѣйствіе университетскаго устава 1835 года, упразднявшаго кафедру технологіи, Дунаевъ былъ уволенъ отъ службы, съ пенсіею. Онъ умеръ въ 40-хъ годахъ [146].

Андрей Васильевичъ Кайсаровъ родился въ 1787 году *, въ цивильскомъ уѣздѣ казанской губерніи. Поступивъ въ 1799 году въ казанскую гимназію, онъ 16-го февраля 1805 года, при самомъ открытіи университета, былъ перемѣщенъ въ него студентомъ. Посвятивъ себя преимущественнымъ занятіямъ математикою, Кайсаровъ въ декабрѣ 1808 года представилъ работу на тему, заданную проф. Бартельсомъ: „Разсужденіе

---

* Относительно года рожденія Кайсарова возникаетъ недоразумѣніе. Послужные списки указываютъ 1787 годъ; некрологи («Каз. Губерн. Вѣдом.» за 1854 г., № 31, и «Отчетъ каз. университета» за 1854—55 акад. годъ) даютъ 1784 годъ; по спискамъ студентовъ 1805 года Кайсарову значится—16 лѣтъ, что относитъ его рожденіе уже къ 1789 году.

о разрѣшеніи уравненій второй и третьей степени посредствомъ тригонометріи", удостоившуюся одобрительнаго отзыва Бартельса и возведенія автора ея въ степень кандидата *, въ которой онъ и былъ утвержденъ 4-го февраля 1809 года, а два года спустя, 23-го марта 1811 года, удостоенъ и степени магистра физико-математическихъ наукъ. Съ 1811—1812 учебнаго года Кайсарову было поручено, подъ руководствомъ проф. Броннера, вспомогательное преподаваніе физики, которое шло, повидимому, настолько удовлетворительно, что Бартельсъ нашелъ возможнымъ отозваться о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Магистръ Кайсаровъ весьма достойный человѣкъ, который недостатокъ свой въ дарованіяхъ къ математикѣ замѣняетъ прилежаніемъ; г. профессоръ Яковкинъ весьма благоразумно предложилъ его для преподаванія физики на россійскомъ языкѣ, подъ руководствомъ проф. Броннера". Отзывъ Бартельса оправдался всею дальнѣйшею дѣятельностью Кайсарова, изъ котораго не выработалось ни сколько нибудь выдающагося ученаго, ни талантливаго преподавателя (онъ и не пошелъ дальше званія адъюнкта); отсутствіе дарованій этотъ труженикъ всегда восполнялъ именно своею ревностью и исполнительностью какъ по кафедрѣ, такъ и при несеніи различныхъ административныхъ и другихъ порученій по службѣ. Во время профессуры Броннера сколько нибудь значительнаго количества слушателей у Кайсарова и не бывало; въ февралѣ 1814 года совѣтъ вынужденъ былъ даже на время пріостановить преподаваніе Кайсарова, такъ какъ „у него всего одинъ слушатель, да и тотъ не проявляетъ охоты къ физикѣ". Въ 1819—1820 годахъ Кайсаровъ исполнялъ обязанности „приспѣшника" (лаборанта) при кафедрѣ физики, въ 1818 году ему порученъ былъ классъ физики въ гимназіи, который и оставался за нимъ до 1835 года, въ 1822 году временно преподавалъ математику въ духовной семинаріи.

1-го сентября 1820 года Кайсаровъ утвержденъ адъюнктомъ физики, а вслѣдъ за тѣмъ ему поручено (19-го ноября) преподаваніе въ университетѣ физики, съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора; это было уже при Магницкомъ, аттестовавшемъ Кайсарова „по отличнымъ способностямъ къ гражданской службѣ заслуживающимъ содѣйствія министра къ опредѣленію (профессоромъ)". По предложенію проф. Фукса, 15-го марта 1824 года Кайсаровъ баллотировался въ совѣтѣ въ званіе экстраординарнаго профессора, но избранъ не былъ. Неудачею окончилась и попытка

* Эта работа въ подлинникѣ сохранилась въ архивныхъ дѣлахъ университета (см. Сов. 1809, № 33, л. 27 и слѣд.).

возвести его въ это званіе, относящаяся къ 1832 году: избранный 19-го сентября экстраординарнымъ профессоромъ, онъ не былъ утвержденъ министромъ, отложившимъ вопросъ объ его утвержденіи, согласно представленію попечителя, до предстоявшаго введенія новаго устава 1835 года.

Кромѣ обязанностей преподавательскихъ, Кайсаровъ несъ обязанности секретаря (1815—1825 г.г.) и члена (1826—1827 г.г.) училищнаго комитета, секретаря физико-математическаго отдѣленія (1826—1837 г.г.), члена комитета по обревизованію университетскаго имущества (1826—1827 г.г.), члена комитета по упорядоченію библіотеки (1827 г.), ктитора университетской церкви (1827—1837 г.г.), и. д. инспектора студентовъ (1830—1831 г.г.), управляющаго университетскою типографіею (1835—1854 г.г.).

Кайсаровъ уволенъ съ полною пенсіею, 1-го августа 1837 года, при введеніи новаго университетскаго устава 1835 года, съ оставленіемъ въ званіи управляющаго типографіею университета, которую и несъ до самой смерти. Умеръ 16-го іюля 1854 года [147].

Василій Ильичъ Тимьянскій, казанскій уроженецъ (родился въ 1791 году), получивъ первоначальное (съ 1801 г.) образованіе въ казанской гимназіи, 18-го февраля 1805 года зачисленъ былъ въ студенты вновь основаннаго казанскаго университета. 4-го февраля 1809 года Тимьянскій удостоенъ степени кандидата естественной исторіи за работу „О раздѣленіи тѣлъ естественныхъ на три царства и пр.", въ декабрѣ 1808-го года представленную имъ проф. Фуксу; давая лестный отзывъ объ этой работѣ, Фуксъ рекомендовалъ Тимьянскаго совѣту въ качествѣ „благовоспитаннаго молодого человѣка, украшеннаго крупными дарованіями въ области различныхъ наукъ и искусствъ, и, главнымъ образомъ—въ области систематики естествознанія; я прошу членовъ совѣта,—писалъ Фуксъ,—принять его подъ свое особое покровительство, такъ какъ Тимьянскій этого безусловно заслуживаетъ" *. 23-го марта 1811 года Тимьянскій возведенъ въ степень магистра физико-математическихъ наукъ.

Ближайшій ученикъ проф. Фукса и будущій его преемникъ по кафедрѣ, Тимьянскій началъ преподаваніе въ 1811—1812 уч. году, читая, подъ руководствомъ своего учителя, различныя отрасли естествознанія сначала въ званіи магистра, а затѣмъ и въ званіи адъюнкта, въ которое онъ былъ возведенъ 26-го марта 1814 года; слѣдуя методу Фукса, Тимьянскій сопровождалъ чтенія экскурсированіемъ въ окрестностяхъ Ка-

* Эта работа сохранилась въ архивѣ университета (см. 1809, Сов., № 33, л. 5 и сл.).

зани. Въ теченіи своей преподавательской дѣятельности, онъ, въ различные семестры, читалъ зоологію по Форстеру, Кювье и Блюменбаху, ботанику по Линнею и Вальденеву, физіологію по Бруно-Морбелю, минералогію по Леонгарду и Гофману. Въ 1820 году, въ лицѣ студента Виноградскаго, при Тимьянскомъ состоялъ и репетиторъ („повторитель") его лекцій. Дѣятельность Тимьянскаго, въ качествѣ представителя естествознанія въ казанскомъ университетѣ, отмѣчена также его заботами о ботаническомъ садѣ и о приведеніи въ порядокъ минералогическихъ собраній университета, которыя онъ расположилъ по системѣ Вернера; ему еще въ 1812 году поручено было, подъ надзоромъ профессора, наблюденіе за ботаническимъ садомъ и за кабинетомъ натуральной исторіи.

Въ началѣ 1818 года проф. Фуксъ оставилъ кафедру естественной исторіи, перейдя на освободившуюся послѣ Эрдмана кафедру патологіи, терапіи и клиники, что и открыло Тимьянскому дорогу къ профессурѣ. Въ виду лестнаго представленія, сдѣланнаго Фуксомъ, рекомендовавшимъ своего ученика въ качествѣ „хорошаго преподавателя, который уже составилъ рукописный курсъ зоологіи, ботаники и минералогіи" и своими экскурсіями „способствовалъ приведенію въ извѣстность натуральныхъ произведеній казанской губерніи"; совѣтъ университета 11-го февраля 1819 года избралъ Тимьянскаго экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ естественной исторіи и ботаники; не взирая на заявленіе Магницкаго, находившаго, что такое повышеніе, въ виду молодости кандидата—„поспѣшно", Тимьянскій 18-го мая 1820 года былъ въ этомъ званіи утвержденъ. Три года спустя, 31-го марта 1823 года, Тимьянскій былъ утвержденъ и въ званіи профессора ординарнаго. По заключенію его біографа, профессора А. А. Штукенберга, непродолжительная преподавательская дѣятельность Тимьянскаго не могла оставить по себѣ глубокихъ слѣдовъ, тѣмъ болѣе, что пять лѣтъ его самостоятельной профессорской дѣятельности совпали съ эпохою попечительства Магницкаго, не благопріятствовавшей, вообще, научному подъему въ университетѣ естествознанія; проф. Штукенбергъ готовъ прійти къ заключенію, что самое раннее оставленіе Тимьянскимъ университетской службы, быть можетъ, обусловливалось именно тою угнетающею атмосферою, которая создалась въ эту пору въ жизни университета.

Профессорская дѣятельность Тимьянскаго прекратилась уже въ началѣ 1823 года, въ виду состоявшагося прикомандированія его, въ качествѣ натуралиста, къ экспедиціи, снаряжавшейся морскимъ вѣдомствомъ къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки, въ виду чего, предложеніемъ попечи-

теля отъ 6-го апрѣля 1823 года, Тимьянскій и былъ вызванъ въ Петербургъ. Экспедиція эта, однако же, не состоялась: шлюпъ „Смирный“, на которомъ 20-го октября 1824 года вышла въ море экспедиція, былъ въ началѣ ноября загнанъ бурею въ норвежскій портъ Арендаль, гдѣ Тимьянскій и провелъ зиму, возвратившись въ Кронштадтъ лишь 17-го мая 1825 года. Извѣщая обо всемъ этомъ предложеніемъ отъ 3-го іюля, попечитель, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ совѣту, что Тимьянскій, согласно его прошенія, уже представленъ къ увольненію изъ университета, которое и послѣдовало 18-го іюля 1825 года. Преподаваніе естествознанія было поручено, подъ наблюденіемъ проф. Фукса, кандидату Кулакову, натуральный же кабинетъ переданъ вѣдѣнію адъюнкта А. И. Лобачевскаго. Тимьянскій опредѣлился въ службу по морскому вѣдомству, гдѣ занималъ должность помощника директора строительнаго департамента.

Изъ административныхъ службъ и порученій, возлагавшихся на Тимьянскаго по университету, укажемъ слѣдующія: должности помощника инспектора (1813—1814 г.г.), секретаря отдѣленія физико-математическихъ наукъ (1814—1821 г.г.), кассира и эконома университета (1814—1815 г.г.), редактора „Казанскихъ Извѣстій“ (1816—1817 г.г.), члена училищнаго комитета (1819—1823 г.г.), безсмѣннаго засѣдателя правленія (1820—1822 г.г.), члена строительнаго комитета (1821—1823 г.г.); въ 1822 году ему поручалась ревизія казанской гимназіи по части учебной и нравственной, въ 1818—1821 годахъ онъ занималъ въ гимназіи классъ естественной исторіи и т. д. [148].

Степанъ Францовичъ Шоникъ, родившійся въ 1789 году, былъ воспитанникомъ казанской гимназіи, изъ которой 18-го февраля 1805 года перечисленъ въ первый составъ студентовъ казанскаго университета. Подобно Тимьянскому, Шоникъ былъ ближайшимъ ученикомъ проф. Фукса; за работу на заданную послѣднимъ тему: „Разсужденіе о томъ, имѣетъ ли каждая часть произведеній природы конечную причину своего существованія“—онъ былъ 14-го февраля 1809 года возведенъ въ степень кандидата физико-математическихъ наукъ. Давая отзывъ объ этой работѣ, Фуксъ выставлялъ на видъ хорошіе успѣхи Шоника въ естествознаніи и съ добродушною ироніею отмѣчалъ высказываемую имъ тенденцію находить во всѣхъ произведеніяхъ природы идею абсолютной цѣлесообразности, „не выключая,—шутитъ профессоръ,—даже клоповъ, вшей и скорпіоновъ“ *.

* Подлинную работу Шоника и отзывъ объ ней Фукса см. въ дѣлѣ 1809, Сов., № 33 (л.л. 5 и сл.).

23-го марта 1811 года, въ одинъ день съ своими университетскими сверстниками Кайсаровымъ и Тимьянскимъ (всѣ трое были, какъ мы знаемъ, студентами перваго состава 1805 года), Шоникъ былъ возведенъ въ степень магистра и съ ближайшаго учебнаго года началъ преподаваніе естественной исторіи, подъ руководствомъ своего учителя, проф. Фукса. Въ 1809 году Шоникъ участвовалъ, съ Кондыревымъ и Тимьянскимъ, въ научной экскурсіи въ село Болгары; въ 1812 году онъ сопутствовалъ проф. Эрдману въ его поѣздкѣ въ тетюшскій уѣздъ, для изслѣдованія мѣстныхъ сѣрныхъ источниковъ; въ 1813 году ему поручена была должность надзирателя университетской и гимназической больницы, переданной проф. Эрдману для клиническихъ въ ней занятій.

Шоникъ умеръ 30-го декабря 1816 года, въ званіи магистра естественныхъ наукъ [149].

1810—1811 учебный годъ ознаменовался и двумя утратами въ преподавательскомъ кружкѣ казанскаго университета: въ ночь съ 19-го на 20-ое декабря 1810 года умеръ, въ званіи экстраординарнаго профессора прикладной математики, одинъ изъ первыхъ четырехъ адъюнктовъ казанскаго университета, другъ Карташевскаго и, одно время, воспитатель С. Т. Аксакова—Иванъ Ипатовичъ Запольскій; 13-го іюля 1811 года умеръ профессоръ умозрительной практической философіи К. Т. Фойгтъ.

1811—1812 академическій годъ представляетъ намъ одну неудавшуюся попытку замѣщенія кафедры, одно совершенно безнадежное домогательство таковой и четыре состоявшихся замѣщенія вакансій въ личномъ составѣ казанскаго университета.

Неудавшеюся попыткою замѣщенія кафедры является кандидатура доктора правъ и философіи Эргарда Готтлиба Стека (Steck), еще въ 1810 году искавшаго въ казанскомъ университетѣ кафедру философіи, будучи въ то время „консулентомъ" при коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ; къ своему ходатайству претендентъ приложилъ и два своихъ труда—одинъ печатный („Geschichte der Philosophie", I, Riga, 1085), другой—рукописный (по сравнительной исторіи римско-германскаго наслѣдственнаго права). Попечитель Румовскій, не взирая на то, что кафедра философіи еще была занята, высказался въ пользу удовлетворенія ходатайства Стека: „Изъ личнаго знакомства я убѣдился,—писалъ онъ,—что университетъ получитъ въ немъ человѣка тихаго и кроткаго нрава (качества, особенно цѣнившіяся Румовскимъ послѣ совѣтскихъ смутъ 1806 года) и, что для университета драгоцѣннѣе, могущаго преподавать наставленія на россійскомъ языкѣ". Послѣ

смерти профессора философіи Фойгта (въ іюлѣ 1811 г.), Румовскій тотчасъ же предложилъ Стеку освободившуюся кафедру; Стекъ 14-го августа принялъ предложеніе, но уже на слѣдующій день отъ него отказался, сославшись на необходимость справиться съ возложенными на него по службѣ порученіями.

Что касается безнадежнаго домогательства кафедры — то о немъ стоитъ сказать пару словъ развѣ только съ точки зрѣнія курьеза и обывательскихъ воззрѣній на сущность профессорскаго званія. Въ данномъ случаѣ искателемъ кафедры выступилъ нѣкій коллежскій совѣтникъ Андрей Андреевъ, „живущій въ Казани, въ собственномъ домѣ, въ приходѣ Грузинской Божьей Матери", до того служившій въ комитетѣ по разсмотрѣнію всеподданнѣйшихъ жалобъ на рѣшенія правительствующаго сената. Рекомендуя себя Румовскому тѣмъ, что когда то учился у него математикѣ въ артиллерійскомъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, Андреевъ ходатайствовалъ передъ нимъ, а одновременно и передъ министромъ народнаго просвѣщенія, о предоставленіи ему въ казанскомъ университетѣ кафедры „практическаго порядка всѣхъ употребляемыхъ въ Россіи судопроизводствъ". Малограмотныя просительныя письма претендента были оставлены, конечно, безъ дальнѣйшаго по нимъ движенія [150].

Въ составъ преподавательскаго персонала казанскаго университета вновь вошли въ интересующемъ насъ академическомъ году слѣдующія лица: адъюнктъ І. Х. Ренардъ (по кафедрѣ фармаціи и врачебнаго веществословія), профессоръ Ф. Л. Брейтенбахъ (по кафедрѣ технологіи), адъюнктъ А. С. Лубкинъ (по кафедрѣ философіи) и профессоръ А. И. Арнгольдтъ (по кафедрѣ хирургіи и повивальнаго искусства).

Іосифъ Христофоровичъ (Христофоръ Іосифъ) Ренардъ родился 14-го марта 1781 года въ г. Гамбургѣ, въ французской семьѣ, переселившейся сюда изъ Голландіи. Еще четырнадцати лѣтъ отъ рода (въ 1796 г.), Ренардъ съ какимъ то Роде выѣхалъ въ Россію, гдѣ, въ г. Владимірѣ, учился фармацевтикѣ въ нѣмецкой аптекѣ, а въ 1801 году удостоенъ медицинскою коллегіею званія кандидата фармаціи и химіи, послѣ чего, принявъ русское подданство, служилъ въ московской аптекѣ Рихтера, а затѣмъ (въ 1806 г.) занялъ должность секретаря с.-петербургской медико-хирургической академіи. Утвержденный въ 1806 году въ званіи провизора, Ренардъ уѣхалъ въ г. Пермь, гдѣ сталъ содержать вольную аптеку, что и продолжалось до 1811 года, когда онъ началъ хлопотать о службѣ при казанскомъ университетѣ, въ чемъ принялъ близкое участіе директоръ Яковкинъ, усиленно, съ своей стороны, хлопотавшій за Ренарда передъ

попечителемъ и особенно настаивавшій на тѣхъ лестныхъ аттестатахъ, которыхъ удостоился претендентъ за свою пермскую дѣятельность. Румовскій, предложеніемъ отъ 9-го февраля 1811 года, предписалъ совѣту избрать изъ области фармацевтики нѣсколько вопросовъ, предложивъ ихъ разрѣшенію Ренарда, съ тѣмъ, что бы удостовѣриться въ его познаніяхъ. Этотъ, своего рода, экзаменъ и происходилъ въ началѣ іюня 1811 года. Ренарду было предложено четыре вопроса, на которые онъ далъ письменные отвѣты, разсмотрѣнные профессорами Фуксомъ, Брауномъ и Эрдманомъ, не пришедшими, однако, къ единогласію въ своихъ отзывахъ: Фуксъ одобрилъ отвѣты испытуемаго, остальные же экзаменаторы отмѣтили существенные въ нихъ недочеты. Яковкинъ не приминулъ дать этому разномыслію свое собственное, конечно въ интересахъ Ренарда, объясненіе: „Явившійся для экзамена г. Ренардъ,—доносилъ онъ попечителю,—имѣлъ случай замѣтить многіе опыты любоначалія (sic) и празднословія господъ моихъ сотоварищей иностранцевъ". Въ виду разногласія въ отзывахъ членовъ экзаменаціонной коммиссіи, все дѣло объ испытаніи Ренарда передано было на заключеніе академика Озерецковскаго, который и высказался въ пользу претендента, предположивъ относительно мнѣній Брауна и Эрдмана, что „какая нибудь личность побудила ихъ отозваться невыгодно о познаніяхъ г. Ренарда". Румовскій, представляя дѣло на разрѣшеніе министра, высказалъ, съ своей стороны, довольно своеобразную увѣренность въ томъ, что Ренардъ „приличнымъ званію своему поведеніемъ, знаніемъ обязанности, кротостью и раченіемъ, съ избыткомъ наградить можетъ недостатки, въ отвѣтахъ его усмотрѣнные". Всѣ эти аргументы возымѣли свое дѣйствіе и 28-го августа 1811 года состоялось утвержденіе Ренарда адъюнктомъ по кафедрѣ фармаціи и врачебнаго веществословія. Прибывъ въ Казань въ самомъ концѣ 1811 года, Ренардъ 7-го февраля 1812 года открылъ курсъ своихъ чтеній, начавъ ихъ съ „матеріи-медики"; въ предъявленномъ имъ совѣту обозрѣніи преподаванія онъ объявилъ, что будетъ читать, на русскомъ языкѣ, „матерію—медику по Лезеке, съ присовокупленіемъ статей вюртембергской фармакопеи и словаря академика Севергина, а врачебное веществословіе по сочиненію профессора Фишера, присоединяя наблюденія г.г. Марелота, Лемера и Бенера"; въ послѣдующіе семестры онъ преподавалъ „естество-историческую часть матеріи-медики", „о приготовленіи медикаментовъ по Вилье и Менху", „фармацевтическую химію по Вилье и Тромсдорфу",—поясняя свои чтенія „практическими упражненіями и собственными наблюденіями на россійскомъ языкѣ".

Почти шестилѣтняя университетская дѣятельность Ренарда не оставила никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ ни въ области преподаванія, ни въ области коллегіальной жизни университета; заслуживаетъ быть отмѣченнымъ его безплодное ходатайство объ устройствѣ при университетѣ хотя бы маленькой аптеки, для возможности практическихъ работъ въ ней съ студентами. Кромѣ трудовъ по кафедрѣ, Ренардъ несъ обязанности смотрителя публичныхъ чтеній (съ 1812 г.), члена комитета по борьбѣ съ горячечною эпидеміею 1813 года (1813 г.), секретаря врачебнаго отдѣленія (1814—1817 г.г.), командировался (1815—1816 г.г.) и въ качествѣ визитатора училищъ.

Ренардъ умеръ 7-го октября 1817 года, послѣ непродолжительной болѣзни. Послѣ его смерти въ правленіи создалось обширное дѣло о ликвидаціи оставшагося послѣ него имущества (въ числѣ послѣдняго оказался и калмыченокъ-невольникъ Аталбай, получившій свободу), возбужденное по заявленію оказавшихся въ Гамбургѣ его наслѣдниковъ [151].

Филиппъ Леонтьевичъ фонъ-Брейтенбахъ родился въ 1770 году въ г. Майнцѣ и, получивъ высшее образованіе въ эрфуртскомъ, майнцскомъ и геттингенскомъ университетахъ, служилъ на родинѣ ассесоромъ гейленштадтскаго верхняго земскаго суда (съ 1792 г.), членомъ эрфуртскаго главнаго гражданскаго суда (съ 1795 г.), а въ 1801 году получилъ въ эрфуртскомъ университетѣ званіе ординарнаго профессора по кафедрѣ камеральныхъ и финансовыхъ наукъ. Литературная дѣятельность Брейтенбаха представляется, до выѣзда его въ Россію, весьма плодовитою; въ библіографическихъ указателяхъ насчитывается (не считая журнальныхъ статей) до тринадцати отдѣльныхъ изданій его по различнымъ вопросамъ технологіи и сельскаго хозяйства и передъ самымъ выѣздомъ въ Россію вышла въ свѣтъ первая часть задуманнаго обширнаго труда его: „Allgemeine deutsche Landwirthschaftsschule“ (Эрфуртъ, 1811). Эта литературная дѣятельность совершенно пресѣклась съ переѣздомъ Брейтенбаха въ новое отечество.

Брейтенбахъ въ 1811 году самъ обратился къ попечителю Румовскому съ просьбою о предоставленіи ему въ казанскомъ университетѣ кафедры технологіи, случайно узнавъ о состоявшемся передъ тѣмъ выходѣ въ отставку профессора Вуттига; въ письмѣ къ попечителю претендентъ ссылался на свои печатные труды и на опытность въ вопросахъ экономическаго и технологическаго характера, пріобрѣтенную во время объѣзда имъ, съ практическими цѣлями, почти всей Германіи. Утвержденіе Брей-

тенбаха въ званіи ординарнаго профессора технологіи послѣдовало 4-го сентября 1812 года,—со дня первой явки его, по прибытіи въ Казань, въ совѣтъ.

9-го сентября Брейтенбахъ былъ приведенъ къ присягѣ, а слѣдомъ затѣмъ подалъ заявленіе о своихъ преподаваніяхъ, намѣреваясь читать (на нѣмецкомъ языкѣ) технологію по Бекману; кромѣ этого предмета, онъ читалъ также сельское домоводство *, по тому же Бекману, и лѣсоводство—по собственнымъ запискамъ. Объ успѣхахъ преподаванія Брейтенбаха, количество слушателей котораго было, вообще, невелико (въ 1819 году по технологіи—6, по сельскому домоводству всего 4), трудно сказать что либо опредѣленное; едва ли, впрочемъ, дало оно сколько нибудь ощутительные результаты. Сознавая необходимость внести въ свое преподаваніе практическій элементъ, Брейтенбахъ временами производилъ съ своими слушателями осмотръ фабрикъ и заводовъ, а осенью 1816 года ходатайствовалъ объ ассигнованіи 2-хъ—3-хъ тысячъ рублей на пріобрѣтеніе моделей машинъ и аппаратовъ производствъ. Помимо преподаванія, Брейтенбахъ несъ обязанности члена училищнаго комитета (съ 1815 г.) и и. д. инспектора студентовъ (1817—1819 гг.). Въ 1816 году университетомъ пріобрѣтена была библіотека Брейтенбаха, остававшаяся въ Эрфуртѣ и заключавшаяся въ книгахъ спеціальнаго содержанія.

Брейтенбахъ уволенъ 5-го августа 1819 года, по прошенію, при массовомъ увольненіи Магницкимъ профессоровъ; по отзыву о немъ Магницкаго, профессоръ Брейтенбахъ „весьма недостаточно“ преподаетъ на нѣмецкомъ языкѣ сельское домоводство и технологію, науки, по воззрѣнію суроваго ревизора—„тщетныя“, не имѣя, вдобавокъ, и слушателей, которыхъ онъ заставляетъ ходить на свои лекціи, пользуясь авторитетомъ инспектора.

Послѣ увольненія, Брейтенбахъ нѣкоторое время проживалъ въ лаишевскомъ имѣніи своего тестя (онъ былъ женатъ на дочери казанскаго помѣщика Берстеля, Аннѣ), а затѣмъ переѣхалъ на службу въ Петербургъ (онъ еще весною 1815 года принялъ русское подданство), гдѣ занималъ должность директора лѣснаго института (съ 1826 по 1837 годъ), по преобразованіи котораго былъ причисленъ къ министерству финансовъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ, въ 1845 году [152].

---

* Эта кафедра, бывшая по уставу 1804 года самостоятельною, была предоставлена Брейтенбаху, согласно его желанія, 29-го марта 1817 года, изъ половиннаго оклада жалованья—«впредь до опредѣленія профессора этого предмета».

Александръ Степановичъ Лубкинъ, родомъ костромичъ, изъ семьи духовнаго званія, родился въ 1770 или 1771 году и образованіе получилъ какъ среднее, такъ и высшее—въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ: первое—въ костромской семинаріи, второе—въ с.-петербургской духовной академіи. По окончаніи въ 1792 году академическаго курса, Лубкинъ былъ опредѣленъ въ костромскую семинарію учителемъ, преподавая сначала нѣмецкій языкъ и математику, а затѣмъ (съ 1797 г.) философію, а въ мартѣ 1801 года былъ переведенъ на службу въ армейскую семинарію, гдѣ занялъ должность ректора и преподавателя философіи. Преподавая въ послѣднемъ учебномъ заведеніи по собственнымъ запискамъ, онъ въ 1807 году даже издалъ часть ихъ въ свѣтъ („Начертаніе логики, сочиненное и преподанное въ армейской семинаріи Александромъ Лубкинымъ", СПБ. 1807). 18-го октября 1806 года, уволившись изъ духовнаго вѣдомства, Лубкинъ опредѣлился въ с.-петербургскій педагогическій институтъ на должность „смотрителя за поведеніемъ", но, прослуживъ здѣсь менѣе четырехъ лѣтъ, 26 мая 1810 года назначенъ былъ Румовскимъ директоромъ училищъ оренбургской губерніи.

Лубкинъ былъ, повидимому, лично и съ лучшей стороны извѣстенъ попечителю казанскаго учебнаго округа, такъ какъ уже черезъ три мѣсяца послѣ кончины профессора философіи Фойгта, въ октябрѣ 1811 года, Румовскій самъ предложилъ Лубкину занять въ казанскомъ университетѣ, съ званіемъ адъюнкта (Лубкинъ не имѣлъ ученой степени), освободившуюся съ его смертью каѳедру. Лубкинъ, котораго оренбургская служба совершенно не удовлетворяла, съ радостью принялъ это предложеніе и писалъ попечителю, что „сочту себѣ за особенную милость и благодѣяніе, если ваше превосходительство сего меня удостоить изволите, поелику я никогда не терялъ изъ виду искать и пользоваться случаемъ, дабы начатое нѣкогда мною по части философіи, а нѣсколько и нынѣ продолжаемое, усовершить и привести къ окончанію".

Назначеніе Лубкина адъюнктомъ по каѳедрѣ умозрительной и практической философіи состоялось 3-го февраля 1812 года. 27-го марта Лубкинъ уже явился въ совѣтъ, а затѣмъ представилъ весьма подробный планъ своихъ преподаваній, изъ котораго видно, что чтенія свои онъ предполагалъ начать съ логики, затѣмъ перейти къ философіи умозрительной или метафизикѣ и, наконецъ, приступить уже къ изложенію философіи нравственной, разсчитывая пройти весь этотъ кругъ преподаваній въ два года; всѣ чтенія намѣревался онъ вести почти исключительно по своимъ собственнымъ запискамъ. Уже въ первый годъ своей преподавательской

дѣятельности Лубкинъ сталъ сознавать необходимость помощника въ дѣлѣ преподаванія философіи: „По кафедрѣ философіи въ здѣшнемъ университетѣ состою чиновникомъ одинъ только я", — докладывалъ онъ совѣту, и просилъ, что бы „по части сей въ виду находился какой либо другой, сверхъ меня, чиновникъ, который бы, въ нужныхъ случаяхъ, могъ вмѣсто меня преподавать философію, не отступая отъ моего плана". Такой „чиновникъ по философіи" и былъ найденъ въ лицѣ кандидата I. Е. Срезневскаго, о которомъ будетъ у насъ идти въ своемъ мѣстѣ рѣчь и котораго попечитель разрѣшилъ „употреблять для преподаванія философіи" въ помощь адъюнкту Лубкину; съ 1813—1814 учебнаго года преподаваніе было раздѣлено между этими „чиновниками" такимъ образомъ, что Лубкинъ читалъ философію практическую, Срезневскій—умозрительную. Возведенный при полномъ открытіи университета, 26-го марта 1814 года, въ званіе экстраординарнаго профессора, Лубкинъ, удручаемый тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ, обусловливаемымъ обширною семьею, которое заставило его принять и должность инспектора казанской гимназіи (апрѣль 1812—январь 1815 гг.), уже 7-го мая слѣдующаго 1815 года вошелъ въ совѣтъ съ латинскою докладною запискою объ избраніи его въ профессоры ординарные. Согласно заключенію нравственно-политическаго отдѣленія, Лубкинъ былъ единогласно избранъ совѣтомъ въ званіе ординарнаго профессора, а 9 іюня 1815 года въ немъ и утвержденъ. Не долго суждено было Лубкину носить это званіе: онъ умеръ, послѣ непродолжительной болѣзни, 30-го августа того же 1815 года. Преподаваніе его было всецѣло передано Срезневскому, передъ тѣмъ только что возведенному въ адъюнкты [153].

Въ числѣ научныхъ начинаній Лубкина заслуживаетъ быть упомянутымъ, въ виду своей исключительной судьбы, переводъ съ нѣмецкаго языка курса философіи Снелля, предпринятый имъ еще въ 1812 году, совмѣстно съ уже извѣстнымъ намъ адъюнктомъ Кондыревымъ, причемъ переводчикамъ было разрѣшено выплачивать университетской типографіи стоимость изданія по мѣрѣ распродажи книги. Книга не замедлила выйти въ свѣтъ („Начальный курсъ философіи, сочиненія Снелля", пять частей, Каз. 1813—1814) и была принята Лубкинымъ и Срезневскимъ въ качествѣ пособія при ихъ чтеніяхъ. Печальна была послѣдующая судьба этой книги: признавъ ее зловредною, попечитель Магницкій въ 1820 году предписалъ отобрать эту книгу изъ всѣхъ училищъ и, запаковавъ все изданіе, вмѣстѣ съ листами печатавшейся уже посмертнымъ изданіемъ „Метафизики" Лубкина, въ тюки, велѣлъ хранить ихъ, за своею печатью, въ архивѣ университета. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1828 г.), уже въ попечительство Мусина-Пуш-

кина, отъ главнаго инженернаго училища получено было университетомъ требованіе на „Философію" Снелля; началась по этому поводу переписка и въ результатѣ послѣдовало разъясненіе министерства, что „эта книга положеніемъ главнаго правленія училищъ навсегда исключена изъ учебныхъ пособій, а потому и должна храниться въ университетскомъ архивѣ, за печатью" (предложеніе департамента народнаго просвѣщенія отъ 11-го августа 1828 г.). Еще позже, уже въ 1841 году, правленіе университета, представляя попечителю о томъ, что въ архивѣ университета „съ двадцатыхъ годовъ хранятся тюки Философіи Снелля въ переводѣ, а также Метафизики Лубкина, за печатью бывшаго попечителя Магницкаго", просило разрѣшенія „обратить эти изданія въ типографію, на макулатуру"; попечитель (предложеніе 21-го января 1841 г.) на это, однако, не согласился. Кстати о только что упомянутой нами „Метафизикѣ" Лубкина, начавшейся печатаніемъ, но такъ и не увидавшей свѣта. Въ ноябрѣ 1817 года вдова Лубкина обратилась въ совѣтъ университета съ ходатайствомъ относительно напечатанія въ университетской типографіи приготовленной къ изданію „Метафизики" ея покойнаго мужа, съ тѣмъ, что бы чистый доходъ отъ изданія обращенъ былъ въ пользу его сиротъ. На это ходатайство послѣдовало согласіе совѣта и попечителя, и печатаніе началось. Три части книги были уже отпечатаны и набиралась четвертая часть, какъ внезапно новый попечитель Магницкій, вообще философію не жаловавшій, предписалъ дальнѣйшее печатаніе остановить (предложеніе 28-го августа 1819 г.), а отпечатанные уже листы сдать, для храненія подъ его печатью, въ архивъ университета, вмѣстѣ съ злополучнымъ переводомъ Снелля [154].... Habent sua fata libella!—невольно вспоминается по поводу всего этого библіографическаго инцидента.

Адамъ Ивановичъ Арнгольдтъ (Arnholdt) является послѣднимъ представителемъ „ученаго сословія" казанскаго университета, назначеннымъ попечителемъ Румовскимъ. Сынъ выѣхавшаго въ Россію нѣмецкаго ювелира, Арнгольдъ родился въ 1785 году и, имѣя уже званіе провизора, въ августѣ 1804 года опредѣлился въ петербургскую медико-хирургическую академію, курсъ которой окончилъ въ 1807 году съ званіемъ кандидата хирургіи. Поступивъ, слѣдомъ затѣмъ, въ медицинскую службу по морскому вѣдомству, Арнгольдтъ служилъ при петербургскомъ морскомъ госпиталѣ; удостоившись званія лекаря, былъ опредѣленъ врачомъ въ балтійскій флотъ, а 19-го ноября 1810 года, имѣя уже званіе медика-хирурга, назначенъ врачомъ при существовавшемъ въ ту пору казанскомъ адмиралтействѣ.

Къ этой то порѣ жизни Арнгольдта и пріурочивается его домогательство кафедры въ казанскомъ университетѣ. Лично и довольно интимно извѣстный Румовскому еще до того (какъ это усматривается изъ его переписки съ попечителемъ), успѣвшій заручиться и симпатіями къ себѣ со стороны властнаго въ то время директора Яковкина, Арнгольдтъ обратился къ Румовскому съ ходатайствомъ объ опредѣленіи его въ казанскій университетъ на кафедру хирургіи. Послѣ нѣкоторыхъ, неудачныхъ впрочемъ для претендента, переговоровъ относительно возможности совмѣщенія имъ университетской кафедры съ врачебною службою при казанскомъ адмиралтействѣ, 29-го февраля 1812 года состоялось назначеніе Арнгольдта на должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ хирургіи и повивальнаго искусства. Прибывъ въ Казань въ концѣ іюня, Арнгольдтъ привезъ съ собою отъ Румовскаго присланную имъ въ даръ университету астрономическую трубу Доллонда, а отъ себя лично принесъ университету въ даръ нѣсколько анатомическихъ препаратовъ собственнаго изготовленія, которые и были сданы на храненіе въ кабинетъ естественной исторіи. Съ августа 1811—1812 учебнаго года Арнгольдтъ приступилъ къ чтенію лекцій, согласно слѣдующаго, представленнаго имъ въ совѣтъ, распредѣленія преподаваній: хирургія—по руководству И. Ѳ. Буша, курсъ которой распадался на общую хирургію (первые четыре мѣсяца), хирургію оперативную (декабрь—февраль) и ученіе „о болѣзняхъ органовъ" (остальные мѣсяцы), акушерство—по сочиненію Фрорипа, съ ученіемъ о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ. Въ видѣ пособія для преподаванія акушерства, Арнгольдтъ въ мартѣ 1813 года ходатайствовалъ объ изданіи сдѣланнаго имъ русскаго перевода таблицъ Мартенса по родовспомогательному искусству, что встрѣтило довольно рѣзкое противодѣйствіе въ совѣтскихъ спеціалистахъ врачебнаго дѣла, хотя самыя таблицы и были въ томъ же году напечатаны въ университетской типографіи.

Уже вскорѣ по прибытіи своемъ въ Казань, Арнгольдтъ былъ назначенъ, взамѣнъ проф. Фукса, членомъ отъ совѣта въ контору гимназіи (3-го октября 1812 г.),—должность, для занятія которой онъ былъ предназначенъ, при самомъ назначеніи своемъ на кафедру, къ этому времени уже умершимъ, попечителемъ Румовскимъ. Это назначеніе повлекло за собою для Арнгольдта полный разрывъ его, на почвѣ различныхъ ходатайственныхъ дѣлъ по гимназіи, съ директоромъ Яковкинымъ, не мало способствовавшимъ опредѣленію его въ Казань: началось повтореніе такой же страстной борьбы, какая нѣсколько лѣтъ тому назадъ и на той же почвѣ предпринята была профессоромъ Каменскимъ. Начавшись съ сравнительныхъ

мелочей, пререканія перешли въ взаимныя обвиненія въ обидахъ и оскорбленіяхъ, въ особенности же со стороны Яковкина, жаловавшагося на то, что Аргольдтъ „вмѣшался не въ свое дѣло“, нарушилъ уставъ гимназіи, причинилъ ему „публичное поношеніе“ и укоръ въ самовластіи, подводившаго даже нанесенныя ему противникомъ обиды подъ соотвѣтствующія уголовныя узаконенія. Дѣло дошло до попечителя Салтыкова и все это довольно скандальнаго характера столкновеніе, бывшее уже однимъ изъ послѣднихъ актовъ борьбы съ Яковкинымъ, было 11-го февраля 1814 года передано на разсмотрѣніе совѣта, создавъ цѣлое „дѣло о изслѣдованіи поступковъ профессора Арнгольдта“. Но когда то ярко горѣвшая звѣзда Яковкина начала къ этому времени уже меркнуть: преемникъ умершаго Румовскаго, попечитель М. А. Салтыковъ, не оказался почитателемъ административныхъ дарованій директора, далеко не двусмысленно держалъ въ этомъ дѣлѣ сторону Арнгольдта и, когда этотъ послѣдній сталъ просить объ увольненіи его отъ должности члена конторы, предписалъ совѣту (8-го апрѣля) объявить проф. Арнгольдту, что „находитъ необходимымъ присутствовать ему членомъ въ конторѣ, а потому уволить его отъ сей должности не можетъ“. Салтыковъ не особенно таки довѣрялъ безкорыстію бывшаго любимца своего предмѣстника: „Je ne parlerai point de fraude, — писалъ онъ однажды про Яковкина министру графу Разумовскому,—il faut la surprendre pour la constater, mais je vous avoue, que je la soupçonne“ *. Изслѣдованіе дѣла „о поступкахъ“ проф. Арнгольдта дало пищу лишь для цѣлаго ряда совѣтскихъ инцидентовъ, но ни къ какимъ болѣе или менѣе положительнымъ результатамъ не привело, давъ только Яковкину возможность воочію убѣдиться въ томъ, что пѣсенка его уже—допѣвается.... Проф. Арнгольдтъ пользовался, вообще, расположеніемъ новаго попечителя: въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что на его долю выпала въ концѣ іюля 1813 года честь явиться въ Казань провозвѣстникомъ, отъ лица попечителя, давно желанной и радостной вѣсти о уже рѣшенномъ и неотложномъ полномъ открытіи казанскаго университета; въ слѣдующемъ году (съ 20-го іюня 1814 г.) ему ввѣрено было управленіе канцеляріею попечителя округа.

Съ весны 1814 года въ мысляхъ проф. Арнгольдта уже созрѣваетъ, повидимому, рѣшимость оставить службу въ казанскомъ университетѣ, хотя трудно сказать, что могло послужить ближайшею тому причиною; быть можетъ, играло здѣсь роль и самолюбіе, задѣтое тѣмъ, что, при уни-

* «Я не стану говорить о злокорыстныхъ поступкахъ—въ нихъ надо уличить, что бы настаивать на нихъ; но сознаюсь вамъ, что я ихъ подозрѣваю».

версйтетскихъ выборахъ по поводу полнаго открытія университета, онъ, первый вѣстникъ этого событія, не удостоился избранія ни въ одну изъ университетскихъ должностей. Въ маѣ этого года онъ продаетъ университету за 900 рублей принадлежавшіе ему хирургическіе инструменты, въ количествѣ 56-ти предметовъ, а 15 сентября вошелъ къ попечителю съ прошеніемъ, въ которомъ ходатайствовалъ объ увольненіи его, по разстроенному здоровью, отъ университетской службы, съ назначеніемъ на вакантную должность директора училищъ тобольской губерніи. Ходатайство Аргольдта было, „въ уваженіе дѣятельности и хорошихъ качествъ" просителя, удовлетворено и 17-го октября 1814 года состоялось перемѣщеніе проф. Аргольдта на должность директора тобольскихъ училищъ. Это перемѣщеніе сопровождалось выдачею аттестата, въ который, по приказанію попечителя и отъ его имени, было занесено, что Аргольдтъ исполнялъ всѣ возлагавшіяся на него обязанности, не выключая и должности члена конторы, „съ отличнымъ усердіемъ, точностью, дѣятельностью, безкорыстіемъ и благонравіемъ"; при этомъ, „признавая отличныя заслуги Аргольдта въ пользу и для чести университета", попечитель выражаетъ ему свою „отличную" благодарность, изъявляя надежду, „что онъ и впредь, по новой его должности, будетъ столь же полезенъ, какъ былъ при университетѣ". Эта хвалебная аттестація Салтыкова была новымъ ударомъ для самолюбія и для меркнущаго престижа, такъ недавно еще увѣреннаго въ себѣ и въ полнотѣ своего авторитета, Яковкина.

Не повезло эксъ-профессору въ новомъ и далекомъ мѣстѣ его служенія. Желаніе поставить себя самостоятельно по отношенію къ органамъ общей администраціи вовлекло Аргольдта въ ожесточенную и, по условіямъ того времени, непосильную борьбу съ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ И. Б. Пестелемъ, проявившуюся уже въ первый годъ тобольской службы бывшаго казанскаго профессора. Подробности этой борьбы не могутъ войти въ рамки нашего изложенія. Ограничимся лишь замѣчаніемъ, что эта неравная борьба, въ виду „неоднократнаго изъявленія сибирскимъ генералъ - губернаторомъ негодованія на директора тобольской гимназіи Аргольдта, причиняющаго несогласіе съ гражданскимъ начальствомъ разными притязаніями", имѣла послѣдствіемъ назначеніе въ Тобольскъ отъ университета визитаторовъ (въ лицѣ профессора Эрдмана и адъюнкта Ренарда); произведя формальное дознаніе, визитаторы выяснили, что причиною столкновеній директора съ гражданскимъ управленіемъ края явились заботы Аргольдта объ открытіи уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, которыя были предпринимаемы „независимо отъ губернскаго началь-

ства". Обсудивъ донесеніе визитаторовъ, совѣтъ университета, признавъ намѣренія Аргольдта „похвальными", пришелъ, тѣмъ не менѣе, къ заключенію, что его „удаленіе изъ Тобольска кажется необходимымъ", но какъ исправность Аргольдта и усердіе къ службѣ одобряются, то „просить г. попечителя представить о семъ г. министру". Аргольдту былъ сдѣланъ, не взирая на все это, выговоръ. Оставаться въ Сибири эксъ-профессору представлялось уже щекотливымъ и онъ выѣхалъ въ Казань и Петербургъ хлопотать объ опредѣленіи его снова въ службу университета. Благодаря поддержкѣ попечителя, хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ: 5-го августа 1817 года состоялось вторичное назначеніе Аргольдта въ казанскій университетъ, на этотъ разъ уже ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ хирургіи.

Вторичная эпоха преподавательской дѣятельности Аргольдта въ казанскомъ университетѣ, не взирая на то, что ему съ сентября мѣсяца 1817 года порученъ былъ и клиническій институтъ, была далеко не блестящею и самъ Аргольдтъ, постоянно манкируя лекціями, относился къ ней довольно небрежно, въ половинѣ 1819 года давъ даже поводъ къ возбужденію цѣлаго „дѣла о нехожденіи профессора Аргольдта на лекціи", къ которому еще съ 1818 года присоединился рядъ нареканій по поводу неудовлетворительнаго завѣдованія имъ больницею. Этотъ второй періодъ профессорской службы Аргольдта не былъ, впрочемъ, продолжителенъ: онъ былъ 5-го августа 1819 года уволенъ изъ университета, согласно представленію о томъ преемника Салтыкова, новаго попечителя Магницкаго, давшаго объ этомъ профессорѣ слѣдующій, далеко нелестный, отзывъ: „Познанія весьма посредственныя, латинскаго языка не знаетъ, нрава безпокойнаго и болѣе занимается происками, нежели дѣломъ, вслѣдствіе чего лишился общаго уваженія и въ своемъ сословіи, и въ городѣ".

Ученая дѣятельность Аргольдта представляется весьма скромною. Еще въ 1811 году, въ бытность свою морскимъ врачомъ, онъ выступалъ съ проэктомъ очищенія прѣсной воды свеаборгскаго порта „посредствомъ угля и песку", въ чемъ, однако же, соотвѣтствующими инстанціями не было усмотрѣно ничего новаго. Изъ его печатныхъ трудовъ могутъ быть указаны: его переводъ родовспомогательныхъ таблицъ Мартенса („Обозрѣніе практическаго родоврачебнаго искусства, начертанное д-мъ Ф. Г. Мартенсомъ, перев. съ нѣм. профессора Аргольдта", Каз. 1813), переводъ съ нѣмецкаго же сочиненія А. Геккера „О нервныхъ горячкахъ, свирѣпствовавшихъ въ Берлинѣ 1807 года" (Каз. 1814) и актовая рѣчь „Разсужденіе объ отношеніи общаго организма къ особенному и вліяніи воздуха и воды

на здравіе человѣка" (Каз. 1818), въ которой авторъ развиваетъ пресловутый въ свое время вопросъ объ отсутствіи въ Казани доброкачественной питьевой воды и вспоминаетъ, примѣнительно къ озеру Кабану, свой старый проэктъ очищенія пескомъ водъ свеаборгскаго порта. Относительно дѣятельности Арнгольдта въ качествѣ практикующаго врача можно замѣтить, что если она и имѣла положительныя стороны, то въ несравненно болѣе значительной степени была отмѣчена отпечаткомъ развязности и рекламы *.

Послѣ подневольнаго оставленія имъ университетской службы, Арнгольдтъ занялъ мѣсто инспектора симбирской врачебной управы и въ 1824 году, въ надеждѣ возвращенія ему кафедры въ университетѣ, представилъ Магницкому разсужденіе на слѣдующую своеобразную и въ духѣ попечителя придуманную тему: „Священныя основанія біологіи, общей физіологіи, діэтики, патологіи и терапіи". Магницкій чуть было не попался на эту приманку, но министръ отказалъ въ дальнѣйшемъ движеніи по дѣлу.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ мы еще видимъ Арнгольдта въ должности врача, прикомандированнаго къ казанскимъ батальонамъ кантонистовъ. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна [155].

Переходя къ 1812—1813 академическому году, мы и здѣсь видимъ на первомъ планѣ двѣ неудавшіяся попытки замѣщенія вакантныхъ кафедръ.

Въ концѣ лѣта 1812 года учитель казанской гимназіи Измайловъ обратился въ совѣтъ съ прошеніемъ объ опредѣленіи его въ университетъ адъюнктомъ минералогіи. Совѣтъ, въ свою очередь, вошелъ по этому поводу съ рапортомъ къ министру народнаго просвѣщенія

---

* Практическая дѣятельность Арнгольдта даетъ намъ нѣсколько любопытныхъ штриховъ для характеристики «врачебной этики» того добраго стараго времени.

Еще въ 1811 году Арнгольдтъ, въ то время врачъ казанскаго адмиралтейства, объявлялъ свою готовность «въ благодарность за образованіе его въ Россіи лечить не взирая на состояніе и корысть». Въ томъ же 1811 году въ университетскихъ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» печаталось:

«Пріѣхавшій сюда медико-хирургъ Адамъ Арнгольдтъ дѣлалъ операцію въ домѣ коллежскаго ассесора и кавалера Пыхачева дворовому человѣку, у котораго вырѣзалъ между плечь наростъ, величиною болѣе фунта, и вынулъ сало съ проросью на подобіе коровьяго вымя; оный человѣкъ послѣ сей операціи излечился. О учиненіи сей операціи имѣющимъ таковую же надобность симъ къ свѣдѣнію публикуется» (№ 17).

Въ другомъ номерѣ того же изданія нѣкій, живущій въ Чебоксарахъ, коллежскій регистраторъ Кузьма Матвѣевъ выражаетъ «чувствительную благодарность» тому же Арнгольдту за произведенную его сыну операцію раздробленія камня—«послику прочіе медики сей болѣзни ослабить не могли» (№ 18).

(въ это время, за смертью Румовскаго, постъ попечителя округа оставался незанятымъ и совѣту предписано было относиться непосредственно къ министру), который и отвѣтилъ отъ 26-го сентября, что „адъюнктъ—профессоръ естественной исторіи долженъ быть свѣдущъ во всѣхъ этихъ предметахъ, а не въ одной минералогіи, а потому Измайловъ не можетъ быть опредѣленъ на одну минералогію".

Вторая попытка замѣщенія вакантной кафедры шла уже отъ лица новаго попечителя М. А. Салтыкова, который въ началѣ 1813 года ходатайствовалъ о назначеніи въ казанскій университетъ, на кафедру скотолеченія, согласно его собственнаго желанія, извѣстнаго ученаго ветеринара Л. Г. Боянуса (1776, † 1827), предназначавшагося въ то время для университета виленскаго; министръ отвѣтилъ на это отъ 31-го января, что онъ не находитъ возможнымъ удовлетворить желаніе Боянуса, въ виду „ожидаемаго со дня на день высочайшаго разрѣшенія въ разсужденіе виленскаго университета" [156].

Къ состоявшимся въ этомъ учебномъ году назначеніямъ относятся слѣдующія: магистра І. Е. Срезневскаго (по философіи), лекторовъ И. И. Хальфина (татарскаго языка) и И. Ѳ. Лейтера (нѣмецкаго языка) и адъюнкта Ѳ. Д. Калайдовича (по гигіенѣ).

Іосифъ Евсевьевичъ Срезневскій, родившійся въ 1780 году, въ семьѣ духовнаго состоянія, получилъ среднее образованіе въ рязанской семинаріи (съ 1791 года), высшее—въ московской духовной академіи (съ 1799 года), по окончаніи курса которой съ 1803 по 1807 годъ служилъ учителемъ въ рязанской же духовной семинаріи, преподавая здѣсь самые разнообразные предметы *. Въ 1807 году Срезневскій опредѣленъ, согласно прошенія, въ петербургскій педагогическій институтъ, въ которомъ, какъ это показано въ его формулярахъ, обучался, въ числѣ другихъ наукъ— „частному и государственному естественнымъ правамъ, политической экономіи, статистикѣ и наукѣ о финансахъ". По окончаніи курса въ институтѣ, Срезневскій уже былъ назначенъ учителемъ въ Екатеринбургъ, когда обратился къ попечителю Румовскому съ просьбою о должности при казанскомъ университетѣ. Румовскій весьма сочувственно отнесся къ этому ходатайству, сославшись въ своемъ представленіи министру на то, что „между воспитанниками казанскаго университета почти никто не оказываетъ охоты къ правовѣдѣнію, а студентъ Срезневскій прилежалъ къ оному преимущественно".

---

* І. Е. Срезневскій приходился дядею нашему извѣстному академику Измаилу Ивановичу Срезневскому; онъ былъ роднымъ братомъ его отца, профессора харьковскаго университета Ивана Евсевьевича Срезневскаго.

Срезневскій причисленъ былъ къ казанскому университету, въ званіи кандидата, 22-го іюня 1811 года и уже 7-го августа явился къ мѣсту служенія. Что Срезневскій, дѣйствительно, предназначался къ подготовленію по одной изъ юридическихъ кафедръ, это усматривается изъ записи въ инспекторскомъ журналѣ („книгѣ о поведеніи студентовъ"), гласящей, что „опредѣленъ для преподаванія юридическихъ наукъ, въ званіи студента-кандидата, студентъ Осипъ Срезневскій"; это видно и изъ тѣхъ претензій, которыя предъявлялъ по отношенію къ нему проф. Финке, желавшій пристроить Срезневскаго къ юридической кафедрѣ и мотивировавшій это тѣмъ, что Срезневскій, „vir eruditus assiduusque, praeclaris ingenii dotibus et doctrinae speciminibus mihi se commendavit", что онъ практически упражнялся подъ его руководствомъ римскимъ правомъ и даже перевелъ на русскій языкъ вторую часть его „Естественнаго права". Верхъ взяло, однако, представленіе адъюнкта философіи Лубкина, который пристроилъ Срезневскаго, въ качествѣ помощника по чтенію лекцій, къ своей кафедрѣ, возложивъ на него преподаваніе умозрительной философіи и оставивъ за собою преподаваніе философіи практической. Удостоенный 10-го іюля 1812 года, по экзамену, степени магистра философіи, Срезневскій съ ближайшаго же учебнаго года приступилъ къ исполненію своихъ преподавательскихъ обязанностей. 28-го іюня 1815 года избранъ и 23-го іюля утвержденъ адъюнктомъ философіи. 10-го сентября 1815 года, послѣ смерти Лубкина, на Срезневскаго возложено преподаваніе по кафедрѣ философіи уже въ полномъ его объемѣ, которое онъ въ послѣдующіе семестры и велъ, руководствуясь Снеллемъ и Якобомъ. Въ 1815—1816 учебномъ году ему поручалось, за отбытіемъ изъ Казани проф. Неймана, чтеніе естественнаго права. 26-го января 1817 года Срезневскій былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, но, за неимѣніемъ вакансіи, утвержденъ въ этомъ званіи лишь 1-го іюня, но за то съ помѣщеніемъ на окладъ профессора ординарнаго. Въ іюлѣ 1819 года онъ собирался уже держать экзаменъ на степень доктора философскихъ наукъ, но судьба судила иначе: Срезневскій былъ 5-го августа 1819 года уволенъ Магницкимъ, въ числѣ другихъ профессоровъ, изъ университета, въ качествѣ преподавателя, руководствующагося въ своихъ чтеніяхъ „духомъ не весьма полезнымъ" и пособіемъ (Якобомъ) „весьма удаленнымъ отъ христіанскаго ученія", зараженнаго, къ тому же, и духомъ деизма.

Во время своей казанской службы Срезневскій несъ обязанности секретаря цензурнаго комитета (1812—1814 г.г.), преподавателя логики и нравоученія въ гимназіи (1812—1814 г.г.) и секретаря отдѣленія нравственно-

политическихъ наукъ (1814—1819 г.г.). Впослѣдствіе, очень впрочемъ недолго, былъ преподавателемъ русскаго языка въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Жизнь окончилъ въ монашествѣ, поступивъ въ 1827 году послушникомъ въ александро-невскую лавру, изъ которой въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ калужскій монастырь при архіерейскомъ домѣ [157].

Ибрагимъ Исаевичъ Хальфинъ былъ членомъ той фамиліи казанскихъ татаръ, представители которой, какъ это уже было въ своемъ мѣстѣ (см. выше стр. 220) отмѣчено нами, выступали въ трехъ поколѣніяхъ преподавателями татарскаго языка въ Казани; Ибрагимъ Хальфинъ являлся младшимъ членомъ въ этой тройной преемственности поколѣній. Родившись въ Казани въ 1778 году (онъ уже значится происхожденіемъ „изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей") и получивъ мѣстное мусульманское образованіе, Хальфинъ съ августа 1800 года служилъ учителемъ татарскаго языка въ казанской гимназіи, съ 1801 года занимая и должность цензора азіатской типографіи. Находясь въ то время уже въ классныхъ чинахъ, Хальфинъ 26-го іюля 1812 года былъ назначенъ въ казанскій университетъ лекторомъ татарскаго языка и въ этомъ званіи явился ближайшимъ сотрудникомъ профессора восточной словесности Френа, продолжая нести учительскія обязанности и по гимназіи. 11-го августа 1823 года избранъ и 17-го сентября утвержденъ адъюнктомъ восточной словесности; это повышеніе было мотивировано успѣшнымъ окончаніемъ Хальфинымъ перевода „правилъ о магометанскихъ супружескихъ дѣлахъ", предпринятаго имъ по порученію оренбургскаго военнаго губернатора. Кромѣ этого перевода, Хальфину принадлежитъ нѣсколько переводовъ (1819—1820 г.г.) учебныхъ книгъ на татарскій языкъ, букварь, этимологія и лексиконъ татарскаго языка (1805 г.) и татарская христоматія, за которую онъ былъ удостоенъ (1820 г.) всемилостивѣйшей награды бриллiантовымъ перстнемъ. Заслуживаютъ вниманія соображенія, въ 1819—1820 годахъ высказывавшіяся Хальфинымъ по вопросу о мѣрахъ къ просвѣщенію мѣстныхъ татаръ.

Хальфинъ умеръ, на службѣ, 13-го января 1829 года, оставивъ университету заботу разобраться въ ходатайствѣ двухъ его женъ, которыя обѣ предъявили свои права на пенсію послѣ него [158].

Иванъ Өеодоровичъ Лейтеръ, родившійся около 1770 года (судя по его формулярамъ), въ Саксоніи, образованіе свое получилъ въ лейпцигскомъ университетѣ и еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ переселился (1789 г.) въ Россію, избравъ себѣ здѣсь профессію домашняго наставника.

Обстоятельства, остающіяся намъ неизвѣстными,—вѣроятно эта именно профессія,—уже довольно рано привели Лейтера въ Казань, такъ какъ онъ еще въ 1805 году (послѣ смерти пресвитера Данкова), а затѣмъ и весною 1811 года, безуспѣшно домогался званія лектора нѣмецкаго языка при казанскомъ университетѣ. Только 4-го іюля 1812 года поручена была Лейтеру должность лектора, въ которой онъ 10-го октября того же года и утвержденъ, передъ тѣмъ (30-го іюля) принявъ русское подданство. Съ марта 1811 по мартъ 1819 года несъ должность учителя высшаго французскаго класса въ казанской гимназіи; въ 1813 году принималъ участіе въ разборкѣ военноплѣнныхъ бывшей наполеоновской „великой арміи".

18-го іюля 1821 года Лейтеръ уволенъ изъ университета, вслѣдствіе отзыва профессора Фукса объ его неблагонадежности; преемникомъ его,—это было при Магницкомъ,—явился Краузе, въ уваженіе его знаній и „христіанскаго образа мыслей". Впослѣдствіе извѣстенъ былъ въ Казани, въ качествѣ содержателя пользовавшагося здѣсь большою популярностью частнаго пансіона для мальчиковъ [159].

Ѳеодоръ Дмитріевичъ Калайдовичъ явился въ 1812—1813 годахъ совершенно случайнымъ членомъ личнаго состава казанскаго университета. Кратковременная служба Калайдовича здѣсь находилась въ связи съ занятіемъ въ 1812 году французами Москвы и опустошеніемъ первопрестольной столицы. Ѳеодоръ Дмитріевичъ Калайдовичъ,—отецъ нашего извѣстнаго археографа Константина Ѳеодоровича и писателя Ивана Ѳеодоровича Калайдовичей,—находился въ годъ нашествія Наполеона, въ званіи штабълекаря, на службѣ при московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Извѣстно, что передъ занятіемъ французами Москвы, въ Казань отправлены были отсюда московскіе департаменты сената, всѣ учрежденія опекунскаго совѣта, собирался эвакуировать сюда же московскій университетъ, переселилось на время въ Казань и много бѣглецовъ частнаго состоянія. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Калайдовичъ съ своею семьею. Прибывъ въ Казань и не желая, по всей вѣроятности, безплодно терять здѣсь время, онъ 22-го октября 1812 года обратился въ совѣтъ съ прошеніемъ, въ которомъ заявлялъ, что „по случаю несчастья, постигшаго Москву, оставивъ въ оной свой домъ и имѣніе", онъ прибылъ въ Казань и желалъ бы при казанскомъ университетѣ „производить на россійскомъ языкѣ медицинскія лекціи", въ званіи адъюнкта и помощника профессора Эрдмана. Еще до этого (2-го октября) поступило въ совѣтъ прошеніе того же Калайдовича объ опредѣленіи двухъ его сыновей, Ивана и Александра,

обучавшихся въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, перваго—въ студенты университета, второго—въ воспитанники гимназіи, а 22-го октября, одновременно съ отцомъ, подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ казанскую гимназію учителемъ и старшій сынъ Калайдовича—Петръ *. Ходатайству Калайдовича—отца данъ былъ ходъ и 19-го декабря 1812 года состоялось назначеніе его въ казанскій университетъ адъюнктомъ гигіены—предмета преподаванія, уставомъ 1804 года даже и не предусмотрѣннаго. Съ февраля мѣсяца 1813 года Калайдовичъ приступилъ къ своимъ чтеніямъ, взявъ за основу ихъ гигіену Писсиса, изъ которой онъ дѣлалъ для своихъ слушателей выборки, дополняя ихъ собственными „опытными наблюденіями"; эти чтенія были имъ, съ разрѣшенія совѣта, въ томъ же году изданы въ Казани („О сохраненіи здравія или краткія правила гигіены", Каз. 1813). Съ весны 1813 года Калайдовичъ сталъ помышлять о возвращеніи своемъ въ Москву и 27-го іюня подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ казанскаго университета, для опредѣленія вновь къ прежнему мѣсту служенія. Не смотря на оффиціальное увѣдомленіе его о томъ, что московскій университетскій пансіонъ еще не скоро снова откроется, Калайдовичъ, прошеніями отъ 7-го іюля и 27-го августа, продолжалъ настаивать на своемъ увольненіи, которое и послѣдовало 3-го сентября 1813 года.

Умеръ въ Москвѣ, въ 1819 году [160].

Въ разсмотрѣнномъ нами академическомъ году изъ личнаго состава университета выбылъ профессоръ греческой словесности и библіотекарь М. В. Л. Сторль, скончавшійся, послѣ непродолжительной болѣзни, 27-го января 1813 года. Библіотеку принялъ послѣ его смерти его помощникъ, адъюнктъ П. С. Кондыревъ, который и и. д. библіотекаря до іюля 1821 года. Въ началѣ того же мѣсяца, 4-го января, умеръ лекторъ французскаго языка И. Е. Шарпіо.

1813—1814 учебный годъ является послѣднимъ передъ полнымъ открытіемъ казанскаго университета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ предѣлахъ эпохи, личный составъ которой составляетъ въ настоящее время предметъ нашего изложенія.

Начало этого учебнаго года отмѣчено возвращеніемъ въ казанскій университетъ профессора П. А. Цеплина, въ качествѣ „зачинщика смутъ" уволеннаго въ началѣ 1807 года министромъ народнаго просвѣще-

---

* Петръ Өедоровичъ Калайдовичъ, кандидатъ московскаго университета, впослѣдствіе писатель и преподаватель въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, оставилъ память о своемъ пребываніи въ Казани патріотическимъ произведеніемъ «Тѣнь Людовика XVI на берегахъ Москвы 5 сентября 1812 года», въ 1813 году напечатаннымъ въ Казани.

нія при обстоятельствахъ, намъ уже извѣстныхъ (см. выше стр. 192). Вторичное опредѣленіе профессора Цеплина, на этотъ разъ уже на кафедру дипломатики и политической экономіи, состоялось 9-го октября 1813 года. Общія черты жизни и дѣятельности Цеплина намъ знакомы и снова возвращаться къ нимъ мы уже не будемъ.

1813—1814 академическій годъ представляется очень скуднымъ съ точки зрѣнія количественнаго пополненія личнаго состава университета, но онъ ярко блещетъ въ исторіи казанскаго университета вступленіемъ въ его преподавательскую среду двухъ крупныхъ дѣятелей, которымъ было суждено играть выдающуюся роль въ послѣдующихъ судьбахъ роднаго имъ университета и имена которыхъ, составляя гордость казанскаго университета, золотыми начертаніями вписаны въ лѣтопись его минувшей ученой жизни. Имена этихъ дѣятелей хорошо знакомы исторіи русскаго просвѣщенія, вообще, и исторіи русскаго физико-математическаго знанія, въ частности: это—славныя имена Николая Ивановича Лобачевскаго и Ивана Михаиловича Симонова.

Замѣчательна судьба этихъ двухъ дѣятелей и съ точки зрѣнія прохожденія ими начальнаго научно-служебнаго поприща: оба они были любимыми и ближайшими учениками профессора Бартельса, оба одновременно и крайне лестно аттестовались имъ со стороны оказываемыхъ ими блестящихъ успѣховъ; оба одновременно удостоивались, наконецъ, званій адъюнкта и профессоровъ экстраординарнаго и ординарнаго. Мы будемъ кратки въ передачѣ главнѣйшихъ чертъ жизни и дѣятельности этихъ ученыхъ, съ которыми очень часто будемъ встрѣчаться въ нашемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи, ученыя и общественныя заслуги которыхъ, во всякомъ случаѣ, простираются несравненно шире тѣхъ ограниченныхъ рамокъ, которыя могли бы мы удѣлить имъ въ общей системѣ нашего изложенія. Оба дѣятеля ждутъ еще своихъ обстоятельныхъ и компетентныхъ біографовъ, къ услугамъ которыхъ имѣются обильныя и полныя интереса данныя, хранящіяся въ архивѣ казанскаго университета.

Николай Ивановичъ Лобачевскій, сынъ уѣзднаго землемѣра г. Макарьева, нижегородской губерніи, родившійся 22-го октября 1793 года, поступилъ въ казанскую гимназію 5-го ноября 1802 года, одновременно съ двумя братьями—погодками, старшимъ Александромъ (родился въ 1792 г.) и младшимъ Алексѣемъ (родился въ 1794 г.). Старшій изъ трехъ братьевъ, Александръ, опредѣленный въ казанскій университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 года (при самомъ открытіи университета), 19-го іюня 1807

года утонулъ въ р. Казанкѣ; младшій братъ Алексѣй, переведенный въ университетъ 10-го іюня 1807 года, былъ впослѣдствіе, хотя и недолго (1817—1822 г.г.), адъюнктомъ казанскаго университета по кафедрѣ технологіи.

Допущенный 9-го января 1807 года къ слушанію университетскихъ лекцій и 14-го февраля того же года переведенный въ студенты, Н. И. Лобачевскій съ особеннымъ усердіемъ отдался занятіямъ математикою, которыя шли чрезвычайно успѣшно подъ руководствомъ такого славнаго учителя, какой выпалъ на долю университетской молодежи того времени въ лицѣ профессора Бартельса. Въ пользу репутаціи, которою пользовался Лобачевскій за свои знанія, свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что осенью 1809 года, послѣ смерти адъюнкта Эвеста, ему, въ то время еще студенту, дано было порученіе провѣрить инвентарь оставшагося послѣ него химическаго кабинета. Если полнаго одобренія заслуживали математическіе успѣхи Лобачевскаго, за то въ совершенно иномъ видѣ представлялось въ глазахъ университетскаго начальства его поведеніе, доставлявшее не мало заботъ и огорченій чинамъ инспекціи: донесенія инспекціи и инспекторскій журналъ того времени, характеризуя Лобачевскаго юношею „упрямымъ", „нераскаяннымъ", „весьма много о себѣ мечтательнымъ", проявляющимъ даже „признаки безбожія", изобилуютъ отдѣльными фактами плохого поведенія Лобачевскаго, въ видѣ грубостей и ослушанія начальства, запрещеннаго хожденія по маскарадамъ и въ гости, пусканія по ночамъ ракетъ на университетскомъ дворѣ и т. п. За эти проступки Лобачевскій неоднократно подвергался, какъ свидѣтельствуетъ инспекторскій журналъ, разнаго рода взысканіямъ, какъ то: лишенію права быть камернымъ студентомъ, прекращенію выдачи денежнаго пособія на книги, аресту въ карцерѣ, занесенію на черную доску, публичному выговору, запрещенію отпусковъ и т. п. Дѣло о дурномъ поведеніи студента Лобачевскаго въ концѣ лѣта 1811 года восходило даже на усмотрѣніе попечителя и 23-го августа въ совѣтѣ заслушано было по этому поводу слѣдующее грозное предложеніе Румовскаго: „Студенту Николаю Лобачевскому, занимающему первое мѣсто по худому поведенію объявить мое сожалѣніе о томъ, что онъ отличныя свои способности помрачаетъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ, и для того, что бы онъ постарался перемѣнить и исправить оное; въ противномъ случаѣ, если онъ совѣтомъ моимъ не захочетъ воспользоваться и опять принесена будетъ жалоба на то, тогда я принужденъ буду донести о томъ до свѣдѣнія господина министра просвѣщенія". Любопытно, что это строгое попечительское посланіе почти совпало, по времени, съ благодарностью

министра (отъ 28-го сентября), выраженною студентамъ Лобачевскому Николаю, Симонову, Кайсарову и Линдегрену за ихъ успѣхи въ математикѣ, засвидѣтельствованные проф. Бартельсомъ.

Но сколько ни представлялось огорчительнымъ университетскимъ властямъ дурное поведеніе студента Николая Лобачевскаго, его блестящіе успѣхи въ наукахъ говорили сами за себя и требовали соотвѣтствующаго поощренія: въ засѣданіи совѣта 10-го іюля 1811 года его имя фигурируетъ въ спискѣ молодыхъ людей, предназначаемыхъ къ возведенію въ степень магистра *; въ этомъ засѣданіи соотвѣтственное представленіе сдѣлано было профессорами Бартельсомъ, Литтровомъ, Броннеромъ и Германомъ, заявившими, что „чрезвычайные успѣхи и таковыя же дарованія Николая Лобачевскаго въ наукахъ математическихъ и физическихъ могутъ рекомендовать его къ повышенію въ степень магистра“. Предложеніемъ попечителя отъ 7-го августа 1811 года всѣ эти молодые люди, а въ числѣ ихъ и Н. И. Лобачевскій, были возведены въ степень магистровъ; передъ провозглашеніемъ его магистромъ, Лобачевскій былъ подвергнутъ особой обрядности: онъ долженъ былъ, въ собраніи совѣта, принести покаяніе въ своемъ дурномъ поведеніи и обѣщать полное исправленіе.

Будучи возведенъ въ степень магистра, Лобачевскій сталъ, вмѣстѣ съ Симоновымъ, частнымъ образомъ заниматься съ проф. Бартельсомъ на дому и уже вскорѣ Бартельсъ, характеризуя попечителю успѣхи своихъ слушателей, могъ донести ему, что „послѣдніе два (Н. Лобачевскій и Симоновъ), особенно же Лобачевскій, оказали столько успѣховъ, что они даже во всякомъ нѣмецкомъ университетѣ были бы отличными и я льщу себя надеждою, что, если они продолжать будутъ упражняться въ усовершенствованіи своемъ, то займутъ значущія мѣста въ математическомъ кругу“; Бартельсъ съ восторгомъ разсказываетъ при этомъ о томъ, какъ Лобачевскій, экспромтомъ рѣшивъ сложную и трудную задачу „о кругообращеніи“ (по Лагранжу), вызвалъ восхищеніе въ бывшемъ въ то время въ Казани академикѣ Вишневскомъ, пораженномъ математическими знаніями казанскихъ студентовъ, вообще. Имѣются указанія на то, что предметами приватныхъ занятій Бартельса съ Лобачевскимъ служили ариѳметика Гаусса и первый томъ „Небесной механики“ Лапласа.

26-го марта 1814 года Лобачевскій былъ возведенъ, одновременно съ Симоновымъ, въ званіе адъюнкта физико-математическихъ наукъ и съ

---

* Въ этомъ же засѣданіи совѣта представлены къ возведенію въ степень магистра: Юнаковъ Михаилъ, Булыгинъ Владиміръ, Самсоновъ Доремидонтъ и Лобачевскій Алексѣй.

слѣдующаго учебнаго года открылъ чтеніе лекцій, на первый разъ избравъ предметомъ преподаванія изложеніе теоріи чиселъ (по Гауссу и Лежандру). Въ ближайшіе учебные года, до перехода проф. Бартельса въ дерптскій университетъ (1815—1820 г.г.), онъ преподавалъ въ различные семестры: ариѳметику, алгебру, геометрію и тригонометрію, какъ плоскую, такъ и сферическую—„по своимъ тетрадямъ", дифференціальное и интегральное исчисленія—по Монжу и Лакруа. Въ 1819—1820 и 1820—1821 учебныхъ годахъ онъ читалъ, за уходомъ Броннера, физику (по Біоту), а въ 1819—1820, 1820—1821 и 1821—1822 учебныхъ годахъ преподавалъ, вмѣсто проф. Симонова, находившагося въ кругосвѣтномъ плаваніи, астрономію (по Деламбру). Съ осени 1820 года, съ переходомъ въ Дерптъ проф. Бартельса, Лобачевскій становится совершенно самостоятельнымъ представителемъ отвѣтственной кафедры чистой математики.

Дальнѣйшія черты жизни Н. И. Лобачевскаго, къ которымъ намъ еще не разъ придется обращаться, будутъ указаны лишь въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ. 7-го іюля 1816 года Лобачевскій возведенъ (одновременно съ И. М. Симоновымъ) въ званіе экстраординарнаго профессора; 25-го февраля 1822 года избранъ (24-го мая и утвержденъ, опять таки въ одинъ день съ Симоновымъ) профессоромъ ординарнымъ. Не перечисляя второстепенныхъ должностей и порученій, выполнявшихся Н. И. Лобачевскимъ по университету и округу и которыя въ своемъ мѣстѣ будутъ нами указываемы, отмѣтимъ лишь важнѣйшіе моменты его научно-административной дѣятельности.

Съ 16-го декабря 1819 года Н. И. Лобачевскій состоялъ членомъ комитета по приведенію въ порядокъ библіотеки университета. Съ 1822 года былъ членомъ (а съ 1825 г. и предсѣдателемъ) университетскаго строительнаго комитета. Съ ноября 1820 года по іюнь 1821 года и съ мая 1823 года по августъ 1825 года несъ, по избранію, должность декана физико-математическаго факультета. 8-го октября 1825 года поручено исправленіе должности библіотекаря университета,—должности, въ которой утвержденъ 19-го февраля 1826 года и которую несъ, даже совмѣщая ее съ ректорствомъ, до марта 1835 года. Согласно избранія совѣта, 30-го іюля 1827 года Н. И. Лобачевскій утвержденъ ректоромъ университета; въ эту должность вступилъ 25-го августа и непрерывно несъ ее до 14-го августа 1846 года (т. е. до назначенія помощникомъ попечителя учебнаго округа), ознаменовавъ эпоху своего ректорства неусыпнымъ, совмѣстно съ попечителемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, трудомъ по внѣшнему и внутреннему устройству казанскаго университета. 18-го апрѣля 1845 года вступилъ въ управленіе округомъ, по

случаю перемѣщенія Мусина-Пушкина въ С.-Петербургъ. 14-го августа 1846 года назначенъ помощникомъ попечителя казанскаго учебнаго округа.

Н. И. Лобачевскій, ослѣпнувъ подъ конецъ своей жизни, былъ 12-го ноября 1855 года уволенъ отъ службы, съ причисленіемъ къ министерству. Скончался въ г. Казани, 12-го февраля 1856 года [161].

Иванъ Михаиловичъ Симоновъ, будущій извѣстный астрономъ и дѣятель казанскаго университета, былъ одновременно съ Н. И. Лобачевскимъ выдвинутъ также профессоромъ Бартельсомъ, а собственно астрономическую подготовку получилъ подъ руководствомъ спеціалиста такой первоклассной величины, какимъ является профессоръ Литтровъ.

И. М. Симоновъ родился 20-го іюня 1794 года—онъ былъ, слѣдовательно, только на семь мѣсяцевъ моложе своего сверстника Лобачевскаго. Сынъ купца города Гороховца, владимірской губерніи, Симоновъ учился съ 1800 года въ астраханской гимназіи, такъ какъ въ Астрахани торговалъ его отецъ. Окончивъ въ ней 6-го іюля 1808 года курсъ съ аттестатомъ, Симоновъ въ ноябрѣ того же года поступилъ „для образованія себя въ высшихъ предметахъ" (т. е. для слушанія университетскихъ лекцій) въ казанскую гимназію, а 14-го февраля слѣдующаго 1809 года провозглашенъ студентомъ университета. Блестящіе успѣхи Симонова въ математикѣ, засвидѣтельствованные Бартельсомъ, доставили ему въ сентябрѣ 1811 года, въ одно время съ Лобачевскимъ, особую благодарность министра (она объявлена, кромѣ того, еще Алексѣю Лобачевскому, Кайсарову и Линдегрену), а 24-го іюня 1812 года утвержденіе въ степени магистра; передъ этимъ (17-го іюня) состоялось, требовавшееся для этого, увольненіе Симонова изъ купеческаго званія. Отецъ Симонова умеръ вскорѣ послѣ опредѣленія сына въ университетъ, оставивъ всю семью въ большой нуждѣ, такъ что только поддержка директора Яковкина, весьма расположеннаго къ Симонову и помѣстившаго его неоффиціально на казенное содержаніе, дала ему возможность добиться степени магистра и оставленія при университетѣ. Симоновъ находился въ числѣ молодыхъ математиковъ, обратившихъ на себя особенное, въ бытность его въ Казани, вниманіе академика Вишневскаго, повидимому склонявшаго Симонова къ службѣ при академіи наукъ, отъ чего былъ, кажется, не прочь и самъ Симоновъ: „Жалко будетъ,—писалъ по этому поводу Яковкинъ попечителю,—ежели университетъ лишится въ немъ достойнаго молодаго человѣка, подающаго пріобрѣтенными успѣхами весьма лестную надежду, поелику онъ начинаетъ поговаривать о вступленіи въ службу академіи наукъ при академикѣ Вишнев-

скомъ, но я все еще удерживаю его надеждою на милостивое ваше къ нему расположеніе"; это писалось 16-го октября 1811 года, до утвержденія Симонова въ степени магистра.

Первая работа Симонова по наблюдательной астрономіи относится еще къ 1811 году: въ этомъ году, въ сотрудничествѣ Н. И. Лобачевскаго и подъ руководствомъ проф. Литтрова, онъ производилъ наблюденія надъ появившеюся кометою, удостоившись за эту работу благодарности попечителя. Будучи самъ астрономомъ, Румовскій живо интересовался развивающимся дарованіемъ Симонова и давалъ ему темы для астрономическихъ работъ; такъ, въ концѣ того же 1811 года Симоновъ препроводилъ къ Румовскому, черезъ Яковкина, сдѣланныя имъ „провѣрки квадранта и выкладки о ускореніи часовъ противъ средняго времени". Удостоенный 26-го марта 1814 года, одновременно съ Лобачевскимъ, званія адъюнкта физико-математическихъ наукъ, Симоновъ съ 1814—1815 учебнаго года началъ свою преподавательскую дѣятельность, хотя онъ еще въ 1813 году читалъ физику на публичныхъ курсахъ для обязанныхъ службою чиновниковъ. Въ учебные годы 1814—1815 и 1815—1816 Симоновъ преподавалъ, подъ общимъ руководствомъ проф. Литтрова: астрономію—„по собственнымъ тетрадямъ", практическую геометрію и геодезію—по Пьюссану. Съ отъѣздомъ изъ Казани проф. Литтрова и съ пріобрѣтеніемъ 7-го іюля 1816 года званія экстраординарнаго профессора, Симоновъ принимаетъ на себя кафедру астрономіи во всемъ ея объемѣ. Въ 1817 году Симоновъ былъ на полгода прикомандированъ къ с.-петербургской академической обсерваторіи, гдѣ работалъ подъ руководствомъ академиковъ Шуберта и Вишневскаго.

Къ 1819 году относится весьма крупное въ научной дѣятельности Симонова событіе: въ началѣ этого года состоялось назначеніе его, въ качествѣ астронома, въ кругосвѣтное плаваніе (преимущественно въ антарктическія страны), снаряжавшееся на военныхъ шлюпахъ „Востокъ" и „Мирный", подъ командою Беллингсгаузена и Лазарева. Выйдя изъ Кронштадта въ море 3-го іюля 1819 года, экспедиція возвратилась обратно 24-го іюля 1821 года; Симоновъ же прибылъ въ Казань лишь 21 февраля 1822 года, пробывъ зиму въ Петербургѣ. Во время кругосвѣтнаго плаванія Симоновъ произвелъ длинный рядъ астрономическихъ наблюденій, а возвратившись въ Казань представилъ въ совѣтъ университета краткій отчетъ о своемъ путешествіи. Попечитель Магницкій придавалъ большое значеніе совершенному Симоновымъ путешествію и въ любопытномъ предложеніи своемъ по этому поводу совѣту (отъ 12-го августа 1821 года), указывая

на заслуги Симонова и на честь, принесенную имъ университету, предложилъ избрать его въ ординарные профессоры; избраніе состоялось 25-го февраля 1822 года, а 24-го мая состоялось и утвержденіе Симонова въ этомъ званіи. Изъ своего путешествія Симоновъ привезъ университету въ даръ, для его собраній, цѣлую коллекцію различныхъ предметовъ изъ Новой Зеландіи и съ острововъ Океаніи, а самое описаніе экспедиціи и ея результатовъ изложилъ въ двухъ печатныхъ рѣчахъ („Слово объ успѣхахъ плаванія шлюповъ Востока и Мирнаго около свѣта и, особенно, въ Южномъ Ледовитомъ морѣ“ *, Каз. 1822, и „О разности температуры въ южномъ и сѣверномъ полушаріяхъ“, Каз. 1825).

Приведемъ важнѣйшія черты дальнѣйшихъ жизни и дѣятельности И. М. Симонова.

Лѣтомъ 1823 года Симоновъ былъ командированъ, вмѣстѣ съ проф. Купферомъ, заграницу, для пріобрѣтенія, на 40 тыс. рублей, астрономическихъ и физическихъ инструментовъ; лѣтомъ 1828 года совершаетъ, съ проф. Купферомъ, ученое путешествіе по казанской и пермской губерніямъ. Въ началѣ 1834 года командируется въ Дерптъ, для осмотра тамошней астрономической обсерваторіи; въ 1837 году—въ С.-Петербургъ, для принятія большого рефрактора казанской обсерваторіи; въ 1839 году туда же, на торжество открытія пулковской обсерваторіи; лѣтомъ 1842 г.—въ Англію, на ученый манчестерскій съѣздъ; предпринималъ и мн. др. командировки по дѣламъ округа, университета и обсерваторіи. 29 декабря 1829 года провозглашенъ членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ. 11-го января 1844 г. назначенъ директоромъ вновь открытой при университетѣ магнитной обсерваторіи. И. М. Симоновъ несъ должность декана физико-математическаго факультета: съ 23-го іюня 1822 года по май 1823 года, съ 21-го августа 1825 года—по іюль 1827 года и съ 7-го іюля 1828 года—по іюнь 1830 года. Съ 16-го августа 1846 года до осени 1849 года исправлялъ должность ректора университета, будучи утвержденъ въ ней 22-го августа 1849 года и оставаясь въ должности ректора до самой кончины своей. И. М. Симоновъ былъ почетнымъ членомъ многихъ западноевропейскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

Скончался въ г. Казани, на службѣ, 10-го января 1855 года [162].

---

* Эта рѣчь появилась и въ переводахъ на иностранные языки, будучи переведена на нѣмецкій языкъ—проф. Литтровомъ, на французскій—барономъ Цахомъ.

Мы закончили обзоръ преподавательскаго персонала за первую эпоху начальнаго существованія казанскаго университета—до полнаго открытія его въ 1814 году.

Передъ нами прошелъ длинный рядъ преподавателей университета, съ краткимъ указаніемъ предметовъ и, по возможности, характера ихъ чтеній. Сконцентрировать и выдѣлить преподаваніе за этотъ промежутокъ времени въ болѣе стройную и выпуклую картину—представилось бы дѣломъ весьма нелегкимъ, почти невозможнымъ, уже въ виду той разбросанности и случайности, которыми характеризуется постановка его въ интересующую насъ эпоху жизни казанскаго университета. Нѣтъ еще въ молодомъ университетѣ ни раздѣленія его на факультеты, ни сколько нибудь строго выясненныхъ плановъ преподаванія; нѣтъ даже самыхъ необходимыхъ учебно - вспомогательныхъ учрежденій и пособій. Отсутствуютъ и предусмотрѣнные уставомъ 1804 года выборно-коллегіальные органы (ректоръ, деканы, факультетскія собранія), на обязанности которыхъ должны были лежать заботы о правильной организаціи преподаванія и объ обезпеченіи надлежащей его полноты и постепенности. Все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія отдѣльныхъ преподавателей, все проникнуто еще тѣмъ отпечаткомъ случайности, который, какъ мы это видѣли, лежитъ и на самомъ подборѣ преподавательскаго персонала. Только съ полнымъ открытіемъ университета преподаваніе получаетъ болѣе или менѣе правильное направленіе, систематизируется по факультетамъ, ведется согласно выработываемымъ послѣдними и обязательнымъ для лекторовъ планамъ и обозрѣніямъ.

Заканчиваемая нами глава, отлившаяся,—охотно сознаемъ это,—въ нѣсколько однообразную и сухую форму изложенія, завлекла насъ впередъ за тѣ предѣлы, на которыхъ остановился нашъ разсказъ о текущей жизни вновь основаннаго университета; завлекла насъ, отчасти, даже за самые предѣлы занимающей насъ въ настоящее время эпохи.

Допущенное нами отступленіе отъ послѣдовательнаго развитія повѣствованія—представляетъ въ нашихъ глазахъ, однако, одну весьма выгодную сторону: выяснивъ и сгруппировавъ въ одной главѣ элементъ личнаго состава казанскаго университета въ предѣлахъ первой эпохи его существованія, мы тѣмъ самымъ надолго избавляемъ нашъ послѣдующій разсказъ отъ неминуемыхъ эпизодическихъ вставокъ біографическаго характера.

Сдѣлавъ это, теперь мы можемъ снова возвратиться къ прерванному изложенію жизни казанскаго университета въ годы, предшествовавшіе полному открытію его въ 1814 году.

ГЛАВА IV

Послѣднія пять лѣтъ попечительства Румовскаго

(1807—1812)

Черты жизни казанскаго университета послѣ совѣтскаго разгрома конца 1806 года.—Самовластіе Яковкина и его отношенія къ совѣту.—Новые страхи директора и ревизія сенатора Данаурова.—Почетные посѣтители казанскаго университета.—Чествованіе четырехлѣтія основанія университета (14 февраля 1809 г.).—Вопросъ въ совѣтѣ о перемѣнѣ учебнаго времени и первая совѣтская неудача Яковкина.—Ближайшія причины долгаго неоткрытія казанскаго университета.—Симптомы предстоящаго полнаго открытія университета и приготовленія къ нему въ 1808 году.—Ревизія сенатора Обрѣзкова и ея отношеніе къ возбужденію вновь вопроса о полномъ открытіи университета.—Попытка полнаго открытія университета и совѣтскіе выборы сентября 1810 года.—Дѣло о горячности профессора Фойгта.—Инцидентъ профессора Брауна и конфликтъ совѣта съ попечителемъ.—Судьба вопроса объ открытіи въ концѣ 1810 года университета.—Попечитель Румовскій подъ конецъ своей административной дѣятельности.—Интриги Яковкина противъ иностранныхъ профессоровъ и его переписка съ Румовскимъ.—Проф. Броннеръ, въ качествѣ новаго борца за независимость и достоинство университета. Его переписка съ попечителемъ.—Отдѣленіе гимназіи отъ университета.—Черты коллегіальной жизни университета въ 1811 и въ началѣ 1812 годовъ.—Кончина попечителя С. Я. Румовскаго.

Катастрофа, разразившаяся надъ личнымъ составомъ казанскаго университета въ 1806—1807 академическомъ году, надолго обезпечила „тишину и согласіе" въ теченіи университетскихъ дѣлъ.

Ликовалъ профессоръ-директоръ Яковкинъ, побѣдоносно вышедшій изъ толчеи оппозиціонныхъ по отношенію къ нему совѣтскихъ смутъ, подробно разсказанныхъ нами во второй главѣ настоящей книги. Доволенъ былъ и попечитель Румовскій, старческое стремленіе котораго къ покою такъ часто нарушалось доходившими до него, притомъ всегда въ тенденціозной и пристрастной окраскѣ, сообщеніями о казанскихъ университетскихъ дѣлахъ; отвѣчая членамъ совѣта на обычное коллективное поздравленіе съ новымъ 1807 годомъ, попечитель выразилъ имъ свое „особливое пожеланіе тишины и согласія" и счелъ даже возможнымъ высказать свое удовольствіе по поводу того факта, замѣченнаго имъ изъ доставляемыхъ

ему меморій, что тишина и согласіе уже начинаютъ въ совѣтѣ водворяться и „дѣла совсѣмъ иной видъ пріемлютъ".

Такое заключеніе могло бы показаться нѣсколько поспѣшнымъ, но на этотъ разъ Румовскій не ошибся: совѣтскія дѣла, дѣйствительно, восприняли совсѣмъ иной видъ, но восприняли его въ духѣ тенденцій властолюбиваго директора—въ смыслѣ неограниченнаго и полновластнаго господства его надъ всѣмъ теченіемъ университетской жизни. Жалуясь весною 1807 года на новыя,—на этотъ разъ уже городскія,—„вражескія ковы" противъ него, Яковкинъ могъ не безъ основанія воскликнуть въ своемъ письмѣ къ попечителю: „Сначала старались меня обнести невоздержнымъ, потомъ гордымъ, а теперь—деспотствующимъ властолюбцемъ!"... Тотъ же „совсѣмъ иной видъ" совѣтскихъ дѣлъ сквозитъ и между строкъ письма къ попечителю проф. Сторля, въ которомъ этотъ директорскій угодникъ докладывалъ Румовскому, что „il y regne (т. е. въ совѣтѣ) à présent une bienséance exemplaire et nous n' abusons jamais de la liberté d' opinion". Эта констатируемая Сторлемъ „благопристойность" и отсутствіе злоупотребленій свободою мысли—скрываетъ за собою низведеніе совѣта на степень пассивно-послушнаго и безсловеснаго органа деспотической воли и личнаго усмотрѣнія торжествующаго свою побѣду Яковкина.

Въ началѣ 1807 года Румовскій, заведя рѣчь о претерпѣнныхъ директоромъ „обидахъ", сдѣлалъ ему напоминаніе о подобающемъ христіанину смиренномудріи. Яковкинъ не замедлилъ разразиться по поводу этого напоминанія цѣлою ламентаціею:

„Отеческое напоминаніе вашего превосходительства мнѣ о смиренномудріи изъявленное,—писалъ онъ Румовскому отъ 22-го января,—пріемлю я съ сердечнымъ благоговѣніемъ, какъ новый знакъ начальственнаго расположенія, и имѣю честь донести и предъ Сердцевѣдцемъ увѣрить, что взводимая на меня клевета нимало меня не безпокоитъ. Человѣкъ, носящій въ сердцѣ своемъ неисцѣльную рану (намекъ на утрату имъ въ концѣ 1805 года единственнаго сына-студента) и безпрестанно удручаемый воспоминаніемъ сиротства, особливо при обращеніи съ образуемымъ юношествомъ, не можетъ быть способенъ къ таковому постыдному пороку и подавать толь предосудительный примѣръ, подвергаясь отвѣту предъ нелицепріятнымъ Судіею, или послѣ 43-хъ лѣтней опытной и, могу сказать, непостыдно дѣятельной жизни—надѣть на себя маску лицемѣрія, а чрезъ то подвергнуться угрызеніямъ внутренняго судіи... Вашему превосходительству извѣстно, что служеніе мое основывается единственно на удовлетвореніи ожиданію начальства и я никогда не искалъ, а особливо нынѣ не ищу и не ожидаю, никакого за службу отличія, ни награды; ничто не придастъ мнѣ спокойствія, ни утѣшитъ,

а особливо я всегда содержу въ памяти, что служащій изъ своихъ видовъ—имать славу, но не у Бога"....

Сентенціи Яковкина на счетъ своего безкорыстія и исканія славы токмо „у Бога"—не вполнѣ гармонируютъ слѣдующимъ строкамъ его письма къ Румовскому отъ 17-го сентября, съ весьма недвусмысленною припискою,—„въ день тезоименитства маленькой моей Надежды",—поставленною подъ датой этого письма:

„Хотя стыдъ и запрещаетъ, но необходимость вынуждаетъ меня открыться предъ вашимъ превосходительствомъ о настоящемъ моемъ положеніи. Ввѣренное мнѣ вашимъ превосходительствомъ начальство по университету и гимназіи всегда обязывало меня, для удержанія чести и важности занимаемыхъ мною должностей, къ неминуемымъ излишнимъ издержкамъ, кои прочимъ профессорамъ никакъ неизвѣстны, не будучи сопряжены съ ихъ должностями, такъ что, вмѣсто того, что бы что нибудь откладывать хотя понемногу для подростающихъ моихъ дочерей (ссылка на тезоименитство „маленькой Надежды" оказалась, такимъ образомъ, не безъ разсчета!), долги на мнѣ, со временемъ увеличившіеся, возросли нынѣ до полуторы тысячи рублей".

Росписавъ, далѣе, и другія стороны своего матеріальнаго быта, сославшись и на своего предмѣстника, директора Лихачева, который „имѣя тысячу душъ крестьянъ, не стыдился безпокоить просьбою о жалованьи", тогда какъ у него, Яковкина, имѣется „только чистая и спокойная совѣсть", директоръ заканчиваетъ свое письмо слѣдующимъ обращеніемъ къ попечителю: „Аще обрѣтохъ благодать предъ тобою—удостойте простить моему дерзновенію и или милостиво снизойти къ моему положенію, или предать забвенію сей поступокъ мой".

Просьба Яковкина осталась безъ удовлетворенія: только въ апрѣлѣ 1808 года получилъ онъ денежную награду въ 500 рублей, каковую въ тоже самое время получалъ онъ и въ 1805, и въ 1807, и въ 1809 годахъ.

И другіе факты съ несомнѣнною ясностью свидѣтельствуютъ о томъ, что, отрицаясь отъ честолюбія и „земной славы", Яковкинъ былъ весьма не равнодушенъ къ начальническимъ воздаяніямъ за свою службу. Такъ, получивъ въ іюнѣ 1809 года „отличительную почесть за посильное служеніе", въ видѣ ордена св. Владиміра четвертой степени, Яковкинъ въ февралѣ 1811 года снова проситъ себѣ награды,—на этотъ разъ уже чиномъ,—въ слѣдующихъ затѣйливыхъ выраженіяхъ: „Ежели шестилѣтнее мое служеніе благоугодно предъ вашимъ превосходительствомъ и въ такое время, когда всѣ денежныя награжденія запрещены (вслѣдствіе политическихъ

условій того времени)—то я дерзнулъ бы испрашивать милостивѣйшее начальственное ходатайство о повышеніи чиномъ, аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, но—да будетъ воля твоя!"... И на этотъ разъ „безкорыстію" директора суждено было остаться безъ воздаянія.

Свою признательность оказавшему ему поддержку начальству Яковкинъ задумалъ выразить въ формѣ болѣе или менѣе вещественной. По предложенію директора, въ началѣ февраля 1807 года совѣтъ обратился къ Румовскому съ почтительнѣйшею просьбою относительно присылки для университета какъ его собственнаго портрета, такъ и портрета министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго. Это ходатайство, демонстративное уже съ точки зрѣнія момента, въ который оно было возбуждено, мотивировалось тѣмъ, что „воспоминаніе достопочитаемыхъ начальниковъ есть одна изъ священнѣйшихъ сердцу обязанностей истинно признательной подчиненности", но что университетъ „не имѣетъ счастья по сіе время созерцать обоихъ лицеизображеній, дабы тѣмъ явственнѣе содержать всегда въ памяти получаемыя благотворенія". Румовскій не откликнулся, однако, на это льстивое проявленіе „обязанности истинно признательной подчиненности" и казанскій университетъ не получилъ портретовъ своихъ первыхъ зиждителей, о чемъ намъ, потомкамъ, приходится, конечно, только сожалѣть хотя бы только съ точки зрѣнія историческихъ воспоминаній о первыхъ годахъ жизни нашего университета [163].

Блѣдною, инертною и лишенною всякой инйціативы обрисовывается передъ нами дѣятельность совѣта,—по прежнему все еще именующагося „совѣтомъ при гимназіи",—въ первые три года послѣ разгрома конца 1806 года. Всецѣло руководимая Яковкинымъ, эта дѣятельность не представляетъ намъ за этотъ промежутокъ времени никакихъ выдающихся моментовъ, на которыхъ съ интересомъ могло бы остановиться вниманіе историка: это—черты самой обыкновенной, будничной, жизни совѣта любаго учебнаго заведенія, руководимой бюрократическою рукою директора и не выходящей за узкіе предѣлы вопросовъ педагогическаго и административнаго характера. Пользуясь авторитетомъ неограниченныхъ полномочій, врученныхъ ему Румовскимъ, Яковкинъ самовластно и совершенно игнорируя права, высочайше дарованныя утвердительною грамотою и уставомъ, распоряжался не только хозяйственною стороною жизни университета, но даже и его учебною частью: онъ собственною властью и по своему усмотрѣнію опредѣлялъ въ студенты, назначалъ экзамены, распредѣлялъ часы и порядокъ преподаванія, представляя совѣту лишь къ пассивному утвержденію всѣ начинанія свои въ этихъ отношеніяхъ.

Притязанія Яковкина на полное руководительство учебною жизнью университета простирались даже до вмѣшательства его въ дѣло замѣщенія кафедръ. Мы уже знаемъ его участіе въ назначеніи въ 1805 году первымъ профессоромъ медицины штабъ-лекаря Протасова; проводя въ то время этого кандидата, Яковкинъ авторитетно оттиралъ другого кандидата на ту же кафедру, доктора Рензинга, выставляя его передъ попечителемъ „въ теоріи сильнымъ, но въ практикѣ весьма несчастливымъ, а особливо по акушерству", почему и довѣрить ему кафедру „было бы ненадежно". Извѣстно намъ, что въ томъ же году, послѣ смерти Протасова, онъ съ усердіемъ проводилъ на кафедру инспектора вятской врачебной управы Либошица, котораго лично не зналъ, но представлялъ, основываясь на рекомендаціи своего вятскаго пріятеля—человѣка „добрыхъ души и благородства", который „о дурномъ человѣкѣ писать не сталъ бы".

Въ январѣ 1807 года Яковкинъ представлялъ къ занятію кафедры философіи вышедшаго изъ духовнаго званія бывшаго префекта пермской семинаріи Квашнина, лично ему извѣстнаго съ давнихъ лѣтъ, человѣка „примѣрной нравственности и поведенія, во всѣхъ семинарскихъ (sic) предметахъ знаній обширныхъ, усладительное краснорѣчіе котораго всегда привлекало большее обыкновеннаго число слушателей на проповѣди его". Когда дѣло съ Квашнинымъ разстроилось (онъ вступилъ въ службу мѣстнаго генералъ-губернатора), Яковкинъ въ сентябрѣ того же года выступилъ съ новымъ кандидатомъ—такъ же бывшимъ префектомъ семинаріи, на этотъ разъ уже вятской, нѣкіимъ Шестаковымъ, которому онъ „приказалъ" непосредственно послать попечителю свои философскія сочиненія: „Отъ основательныхъ его знаній, скромности и доброты души много добра ожидать можно,—писалъ Яковкинъ попечителю;—я его знаю лично съ молодыхъ лѣтъ весьма коротко, а въ Петербургѣ (гдѣ учился въ александроневской академіи) онъ имѣлъ всегда ко мнѣ прибѣжище въ своихъ нуждахъ и былъ принимаемъ, какъ родственникъ". Директоръ не скрываетъ и причины, заставляющей его такъ усердствовать въ дѣлѣ замѣщенія кафедры философіи: „Далъ бы Господь, — восклицаетъ онъ,—что бъ хотя адъюнктскія мѣста русскими достойными наполнять мало по малу!"... Желанію Яковкина не было суждено осуществиться: мы знаемъ, что, четыре мѣсяца спустя, на кафедру философіи былъ назначенъ „нѣмецъ"—въ лицѣ профессора К. Т. Фойгта [164].

Не взирая на полноту власти, достигнутой Яковкинымъ въ интересующую насъ въ данную минуту эпоху, подозрительная мнительность и теперь не оставляла директора, съ какою то непонятною, чисто психопа-

тологическою, страстью усматривавшаго со всѣхъ сторонъ крамолы и „любоначаліе“.

Особенно подозрительно относился Яковкинъ къ вновь пріѣзжающимъ иностраннымъ профессорамъ, со стороны которыхъ всего естественнѣе было ему опасаться оппозиціи въ совѣтѣ: „Умноженіе иностранныхъ чиновниковъ университета,—писалъ онъ попечителю еще въ августѣ 1805 года,—чтобъ не навлекло и высшему начальству болѣе еще безпокойствъ, когда и съ нынѣшними нѣмцами ладить чрезвычайно трудно по причинѣ ихъ самомнѣнія“. А въ 1807—1809 годахъ какъ разъ произошелъ обильный приливъ въ казанскій университетъ иностранныхъ профессоровъ, съ которыми Яковкину очень скоро пришлось, и на самомъ дѣлѣ, считаться; явились Браунъ, Бартельсъ, Френъ, Фойгтъ, Реннеръ, Вуттигъ, Финке, Нейманъ, да имѣлись на лицо еще и „нынѣшніе“ нѣмцы, изъ которыхъ Германъ уже бывалъ въ горячихъ передѣлкахъ съ профессоромъ-директоромъ. Съ такою именно подозрительностью отнесся Яковкинъ уже къ первому нѣмецкому профессору, явившемуся въ Казань послѣ разгрома конца 1806 года—Брауну: „Вчера, 29-го іюля, явился ко мнѣ г. профессоръ Браунъ,—докладывалъ онъ попечителю.—Онъ еще весьма молодъ и не имѣетъ, кажется, еще 25-ти лѣтъ.... Дай Богъ, что бъ душою (!) и сложеніемъ (т. е. темпераментомъ) былъ старъ!“ Мы увидимъ скоро, что этому Брауну, которому, въ видахъ собственнаго своего спокойствія, директоръ съ такою предупредительностью выражалъ пожеланіе преждевременной старости, было суждено судьбою сдѣлаться черезъ три съ небольшимъ года соперникомъ и непримиримымъ врагомъ Яковкина. Свое непріязненное отношеніе къ иностраннымъ сослуживцамъ Яковкинъ иногда позволялъ себѣ даже облекать въ форму насмѣшекъ, которыя онъ подносилъ въ утѣху, самому же назначившему ихъ, попечителю. 20-го іюля 1808 года,—въ Ильинъ день, т. е. день своего ангела,—Яковкинъ пригласилъ къ себѣ въ гости всѣхъ профессоровъ, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ описывалъ онъ Румовскому устроенное имъ пиршество: „Вчера всѣ члены университета кушали имянинный пирогъ и препровели потомъ въ тенишевскомъ саду весь день: весьма любопытно было смотрѣть на сосѣдающихъ, глаголющихъ, по апостольски, разными языки и совокупившихся въ Казани“ [165].

Но, помимо подозрительнаго отношенія къ иностраннымъ профессорамъ въ будущемъ, Яковкину не переставали чудиться всякаго рода интриги и подкопы по отношенію къ его особѣ и въ настоящемъ.

Въ сентябрѣ 1807 года проф. Германъ возбудилъ въ совѣтѣ щекотливый для директора вопросъ о неудовлетворительности постановки преподаванія латинскаго языка въ казанской гимназіи и въ засѣданіи 4-го сентября предъявилъ рапортъ, приготовленный имъ для представленія по этому поводу попечителю. Яковкинъ жестоко возмутился такимъ проявленіемъ „любоначалія" и въ письмѣ къ Румовскому отъ 10-го сентября слѣдующими чертами характеризовалъ этотъ, самъ по себѣ совершенно невинный, совѣтскій инцидентъ: „Таковы были происшествія послѣднихъ двухъ засѣданій, обуревавшія водворившееся было въ совѣтѣ спокойствіе —усилія самоуправленія, тлѣющаго еще донынѣ подъ пепломъ!" Въ апрѣлѣ 1808 года попечителемъ сдѣланы были нѣкоторыя замѣчанія относительно нравственной стороны жизни студентовъ, въ которой усмотрѣнъ имъ недостатокъ смиренномудрія. Яковкинъ и это попечительское замѣчаніе не преминулъ отнести за счетъ „гидры любоначалія", такъ недавно гнѣздившейся еще въ университетскомъ строѣ: „Начальственное замѣчаніе о рекомендованіи смиренномудрія нашимъ воспитанникамъ особенно внушать и выполнять потщуся какъ самъ, такъ для содѣйствія предложу и въ совѣтѣ; Богъ судитъ Карташевскому, Каменскому и прочей ихъ сволочи (!)—они виновны во внушеніи юношамъ кичливости, а особливо по математикѣ и физикѣ (?)". Въ іюлѣ того же года до попечителя дошли слухи, что, въ противность существующимъ правиламъ, въ университетъ и въ гимназію допускаются воспитанники изъ податныхъ состояній, о чемъ Румовскій и поставилъ Яковкину на видъ. Директоръ и тутъ усмотрѣлъ злоумышленіе противъ себя: „Можетъ быть,—рапортуетъ онъ попечителю,—злонамѣреннымъ моимъ тайнымъ благодѣтелямъ угодно было распустить обо мнѣ слухъ нарушенія общественныхъ законовъ, но—есть Созерцаяй!" Мнительность Яковкина простиралась до предѣловъ смѣшного: онъ усмотрѣлъ, напримѣръ, злой умыселъ по отношенію къ нему губернатора Мансурова въ томъ, что на рынкѣ невозможнымъ оказывалось доставать для продовольствія воспитанниковъ телятины, „потому что одинъ большой кусокъ назначаемъ бываетъ для самого губернатора, другой для тещи его (княгини Баратаевой), третій для полиціймейстера и такъ далѣе",— отписывалъ онъ попечителю; дѣло доходило до Мансурова, который назвалъ претензіи директора „прихотями" [166].

Не встрѣчая уже никакихъ протестовъ со стороны безмолвнаго и совершенно покорнаго ему совѣта, Яковкинъ сдѣлался полновластнымъ вершителемъ судебъ университета и гимназіи и лѣтопись академической жизни 1807—1809 годовъ въ достаточной степени чревата указаніями на

отдѣльные факты самовластія и произвола сознавшаго свою силу директора.

Мы не будемъ подробно останавливаться на этихъ фактахъ злоупотребленія Яковкинымъ своею властью, тѣмъ болѣе, что наиболѣе рельефные изъ нихъ не касаются непосредственно жизни университета и весьма обстоятельно переданы, къ тому же, покойнымъ Н. Н. Буличемъ, къ разсказамъ котораго мы интересующихся и направляемъ. Коснемся ихъ лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Въ началѣ 1807 года, напримѣръ, покорный Яковкину совѣтъ единогласнымъ постановленіемъ уволилъ отъ службы „за дерзость и неповиновеніе начальству“ учителя казанской гимназіи Чекіева, однимъ изъ обвинительныхъ пунктовъ по отношенію къ которому выставлялся директоромъ тотъ фактъ, что Чекіевъ былъ „собесѣдникомъ“ отрѣшеннаго передъ тѣмъ профессора Каменскаго. Не помогла злополучному учителю и поданная имъ въ главное правленіе училищъ жалоба, въ которой Чекіевъ въ рѣзкихъ чертахъ обличалъ пристрастіе Яковкина и созданное имъ подневольное положеніе совѣта: „Возможно ли,—заявлялъ здѣсь Чекіевъ по адресу директора,—что бы несчастіе такого числа чиновниковъ (т. е. отрѣшенныхъ членовъ совѣта), униженіе и безчестіе другихъ, всеобщее негодованіе города противъ него—не призвало, наконецъ, внимательнаго ока высшаго правительства? Я не могу обвинять совѣтъ: когда выбыло изъ него пять профессоровъ и адъюнктовъ, то можно съ остальными дѣлать, что угодно“....

Эта рѣзкая жалоба не могла не всполошить Яковкина, тѣмъ болѣе, что она совпала съ „извѣтомъ“ губернатора Мансурова, компрометировавшимъ директора въ глазахъ двухъ министерствъ. Румовскій энергично принялъ въ этомъ дѣлѣ сторону своего любимца, выхлопотавъ ему даже денежную пасхальную награду въ пятьсотъ рублей, въ виду чего Яковкинъ обратился къ своему „благодѣтелю“ съ слѣдующими благодарственными словами:

„Новый знакъ начальственнаго вашего отеческаго ко мнѣ благоволенія пріемля съ достойнымъ благоговѣніемъ, дерзаю повторить засвидѣтельствованіе моихъ истинныхъ чувствованій, что какъ чистѣйшая благодарность, такъ и всепотребное усердіе къ служенію не оскудѣютъ во мнѣ, доколѣ Всевышнему благоугодно будетъ продолжать здоровье и дни моего шествія путемъ, отъ Него мнѣ назначеннымъ....

Послѣднія (даруй, Господи, что бъ были послѣднія!) усилія адской злобы, зависти и неблагодарности (свидѣтельствуюсь Сердцевѣдцемъ объ оказанныхъ мною Чекіеву одолженіяхъ) поразили сердце мое весьма

довольно, но Всевышнему извѣстны руководящія меня чувствованія на пути моего служенія"....

Судьба, аналогичная судьбѣ Чекіева, постигла въ началѣ того же 1807 года и учителя казанскаго главнаго училища Сивкова, въ характерѣ котораго Яковкинъ усмотрѣлъ столь ненавистный ему „прежній духъ ратоборства", а во взглядахъ на вещи—„предосудительныя мнѣнія" и который, въ угоду директору, былъ также уволенъ совѣтомъ. Сивковъ нашелъ было себѣ защитниковъ въ четырехъ членахъ совѣта (Бюнеманѣ, Германѣ, Эрихѣ и Запольскомъ,—Сторль, Фуксъ и Эвестъ съ самаго начала приняли сторону директора), но и эти защитники должны были уступить Яковкину и покорно подписать протоколъ объ увольненіи неугоднаго ему „вольнодумца"-учителя.

Такимъ же оттѣнкомъ самовластія отмѣчены отношенія Яковкина къ „офицеру по строительной части" Ларіонову (1807 г.), разросшіяся въ цѣлое и довольно, по подробностямъ своимъ, грязное дѣло, восходившее на разсмотрѣніе попечителя. Въ такомъ свѣтѣ выступаютъ и гоненія директора на учителя гимназіи Кизюкина, провинившагося, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ отказался отъ изготовленія рѣчи къ гимназическому акту 1808 года, удрученный послѣдовавшею за три дня до послѣдняго трагическою (она утонула) кончиною горячо любимой имъ пріемной дочери. „Велика ли фигура, что у тебя дѣвка утонула?"—грубо замѣтилъ Яковкинъ учителю. „Дабы директоръ уважилъ настоящее мое состояніе,—пояснялъ по этому поводу Кизюкинъ,—въ учтивыхъ выраженіяхъ невольнымъ образомъ представилъ я ему сравненіе сей моей потери съ потерею, нѣкогда его постигшею (смерть въ концѣ 1805 г. единственнаго сына Яковкина), что принялъ онъ за личную себѣ обиду и, сочтя за знакъ моего къ нему неуваженія, выразилъ въ полной мѣрѣ свое неудовольствіе". Въ этомъ возмутительномъ дѣлѣ даже Румовскій отказался принять сторону своего фаворита и Кизюкинъ остался на службѣ [167].

Въ 1808 году собственно университетскихъ публичныхъ торжественныхъ собраній не происходило; былъ только обычный гимназическій актъ 9-го іюля, участіе въ которомъ принялъ, конечно, и университетъ. Яковкинъ придалъ особое значеніе этому акту въ виду того, что онъ послужилъ, по его мнѣнію, посрамленіемъ для губернатора послѣ его прошлогоднихъ извѣтовъ на университетъ и гимназію:

„Публичное собраніе гимназіи сего іюля 9-го дня, начавшись призываніемъ Всевышняго на помощь, было величественно и многочисленно и окончилось совершенно порядочно и благополучно,—доносилъ Яков-

кинъ попечителю.—Дерзну присовокупить мое нижайшее прошеніе, дабы позволить припечатать объ ономъ въ обѣихъ столичныхъ вѣдомостяхъ, для дальнѣйшаго отраженія и посрамленія всякой клеветы и зависти. Довольно явственно обнаружена была при семъ самимъ губернаторомъ собственная его простота (sic), когда онъ, разсматривая классическія упражненія, отдавалъ публично справедливость успѣхамъ, порядку и рачительности всего гимназическаго корпуса. Вмѣстѣ съ нимъ случился быть на собраніи какой то г. Собакинъ, по достовѣрному нѣкоторыхъ увѣренію объѣздившій большую часть Европы для пріобрѣтенія большихъ познаній и состоящій въ близкомъ знакомствѣ со всѣми нашими вельможами, что, кромѣ увѣренія нѣкоторыхъ, могъ я и изъ того замѣтить, когда онъ послѣ собранія, подошедъ ко мнѣ, особенно благодарилъ за успѣхи учащихся и величественность самого собранія, приписывая ихъ здѣшнему управленію, о чемъ обѣщалъ нарочно говорить и съ его сіятельствомъ г. министромъ просвѣщенія; и я, благодаривъ его за то, присовокупилъ, что двадцатилѣтняя моя почти въ Петербургѣ служба подъ особеннымъ его сіятельства управленіемъ не могла еще, кажется, изгладить меня изъ памяти его" [168].

Начало 1808—1809 академическаго года принесло Яковкину серьезную тревогу и привело профессора-директора въ угнетенное состояніе душевной скорби и унынія, временно заставивъ его позабыть и свое торжествующее положеніе въ университетѣ, и свой обѣтъ неуклонно шествовать служебнымъ путемъ, „назначеннымъ" ему Сердцевѣдцемъ. Такое приниженное состояніе духа,—во всякомъ случаѣ не свидѣтельствующее о голубиной чистотѣ Яковкина,—было результатомъ слуховъ о предстоящемъ прибытіи въ Казань сенатора и казанскаго помѣщика М. И. Данаурова, высочайшею волею командированнаго для обревизованія казанской губерніи. Совѣтскія исторіи 1806—1807 учебнаго года, жалобы на него, поступавшія въ предшествовавшемъ году отъ разныхъ лицъ и въ различныя инстанціи, наконецъ недоразумѣнія съ губернаторомъ—все это были обстоятельства, которыя не могли не тревожить Яковкина въ виду того значенія, какое имѣли у насъ сенаторскія ревизіи начала XIX-го вѣка, распространявшія свою компетенцію на всѣ безъ исключенія отрасли управленія ревизуемой губерніи. Хотя Румовскій впослѣдствіе, уже по окончаніи ревизіи, въ письмѣ къ Яковкину (отъ 8-го октября 1808 года) и выражалъ сомнѣніе, что бы Данауровъ „имѣлъ порученіе отъ государя императора осмотрѣть университетъ и гимназію", тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ одобрилъ ту предусмотрительность, какую проявилъ директоръ по отношенію къ сенатору.

Яковкинъ былъ безусловно убѣжденъ въ томъ, что экс-профессоръ Каменскій успѣлъ нажаловаться на него сенатору, чѣмъ онъ и объяснялъ

„не столь ласковый пріемъ", какой на первыхъ порахъ оказанъ былъ ему Данауровымъ:

„Къ вящему довершенію раздраженія сердца моего,—писалъ онъ попечителю отъ 6-го октября,—г. Каменскій вздумалъ снова разсѣвать свои адскія плевелы, что я съ вашимъ превосходительствомъ и конторою обворовалъ университетъ и гимназію, что, какъ помнится и прежде осмѣлился донести, на проѣздѣ моемъ въ Пензу купилъ на наворованныя деньги триста душъ въ буинской округѣ, да недалеко гдѣ то отъ Казани прикупилъ еще двадцать восемъ. Мнѣ совершенно было извѣстно, что разсѣянные сіи слухи внушены были и пріѣхавшему г. сенатору Данаурову, съ присовокупленіемъ, кажется отъ г. губернатора, что ни въ университетѣ, ни въ гимназіи ни ученія, ни порядку, ни благовоспитанія—нѣтъ, и что ни одинъ изъ подчиненныхъ мною не доволенъ. Внушенія сіи были причиною перваго г. сенаторомъ оказаннаго мнѣ не столь ласковаго пріема, который благожелателей моихъ обрадовалъ было до рукоплесканій. Прискорбна была душа моя даже до смерти!"....

„Прискорбіе до смерти" овладѣло душою директора еще въ августѣ— когда уже ожидалось скорое прибытіе въ Казань Данаурова. 16-го августа приключилось съ Яковкинымъ несчастіе: при возвращеніи его изъ подгороднаго имѣнія Княжевича опрокинулась дорожная коляска и директоръ ушибъ себѣ грудь. „Ушибенная моя грудь, — пишетъ онъ попечителю отъ 1-го сентября,—или низведетъ меня или снизойдетъ со мною въ мѣсто упокоенія вѣчнаго, какъ я чувствую; но во всемъ препоручаю себя волѣ Всеуправляющаго!" Въ еще болѣе минорномъ тонѣ изложено письмо Яковкина къ Румовскому отъ 8-го сентября:

„Хотя,—читаемъ здѣсь,—мнѣ весьма прискорбно и самому чувствовать и признаться, что зрѣніе мое тупѣетъ, такъ что подумываю объ употребленіи очковъ, и силы, примѣтно ослабѣвая, разстраиваютъ здоровье, особливо отъ безпрерывныхъ и разнообразныхъ занятій по должностямъ директора гимназіи и инспектора студентовъ, но, во всемъ предаваясь совершенно руководству Провидѣнія, безтрепетно ожидаю, можетъ быть и скораго, прекращенія бытія моего.... Для укрѣпленія остающихся еще во мнѣ силъ осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство о милостивѣйшемъ снисхожденіи, дабы соблаговолить уволить меня, хотя на нѣкоторое время, отъ обѣихъ оныхъ должностей, пока возстановившееся мое здоровье допуститъ меня опять неослабно шествовать нынѣшнимъ путемъ моего служенія. Впрочемъ, при ощущаемомъ въ совѣсти моей истинномъ усердіи, руководившемъ меня, при помощи и благодати Всевышняго, во все время на семъ поприщѣ—непостыдно могу говорить съ Іовомъ о моемъ директорство-

ваніи: нагъ внидохъ, нагъ и отхожу—и не имѣю никого, кто бы возмогъ по совѣсти обличить меня въ пристрастіи или корыстолюбіи"…..

Передъ этою шумихою жалкихъ словъ всталъ въ тупикъ даже самъ Румовскій, въ достаточной степени уже попривыкшій къ риторическимъ пріемамъ и иносказаніямъ профессора-директора: „Признаюсь вамъ,—отвѣчалъ онъ Яковкину,—что заключеніе вашего письма и сравненіе съ Іовомъ меня удивляетъ и я не понимаю, съ какимъ намѣреніемъ оно сдѣлано и что подало вамъ причину самому о себѣ такъ отзываться". Къ письму отъ 8-го сентября было приложено и формальное прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на „ощущаемое ослабѣваніе зрѣнія и здоровья", Яковкинъ проситъ отъ занимаемыхъ имъ должностей его уволить „совершенно, если благоугодно будетъ, или, по крайней мѣрѣ, до возстановленія здоровья". Предусмотрительный директоръ не особенно то надѣялся, очевидно, на свои доблести библейскаго многострадальца и заранѣе приготовилъ себѣ мостъ для благороднаго отступленія: въ случаѣ какихъ либо непріятныхъ неожиданностей со стороны ревизующаго сенатора—онъ могъ объявить себя уже подавшимъ прошеніе объ увольненіи отъ службы....

Данауровъ прибылъ въ Казань 10-го сентября. 12-го числа Яковкинъ ѣздилъ ему представляться—но сенаторомъ принятъ не былъ и только 19-го удостоился у него пріема. Ревизоръ встрѣтилъ удрученнаго директора, и на самомъ дѣлѣ, далеко не „столь ласково", оборвавъ его и за позднее къ нему представленіе, и за недоставленіе рапорта о состояніи университета и гимназіи и, даже, за неумѣстное, а для сенатора быть можетъ и щекотливое, обращеніе къ нему на латинскомъ языкѣ. Все окончилось, тѣмъ не менѣе, къ благополучію Яковкина. Поверхностно обозрѣвъ 21-го сентября университетъ и гимназію, Данауровъ остался всѣмъ видѣннымъ вполнѣ доволенъ, о чемъ, съ его соизволенія, и былъ составленъ особый журналъ; благодарилъ директора за найденный въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ образцовый порядокъ и даже пообѣщалъ не только сообщить объ этомъ министру, но и лично донести государю императору.

Яковкинъ торжествовалъ и его „смертельное прискорбіе" сняло какъ рукою: „Благодать Господня,—читаемъ въ письмѣ его къ попечителю отъ 6-го октября,—не оставила меня не только оправдать противу всѣхъ клеветъ и злобы, но даже еще и превозвысить предъ ними, какъ о томъ уже донесено вашему превосходительству. И такъ, предшествовавшіе обозрѣнію г. сенатора слухи, конечно съ намѣреніемъ разсѣянные, разтрогали мою, и безъ того терзаемую скорбью, душу до того,—оправдывается Яковкинъ на реплику своего принципала,—что могъ я говорить слова Іова, и къ

онымъ только обстоятельствамъ отношу оное въ горести моей изреченіе". Беретъ теперь Яковкинъ назадъ и свое ходатайство объ увольненіи: „Мнѣ не безотвѣтно,—заявляетъ онъ,—было бы предъ Господомъ оставить поприще, на него же есмь призванъ, особливо, когда всѣ адскія начинанія благожелателей моихъ по обозрѣніи г. сенатора благоволеніемъ Всевышняго обратились имъ же самимъ во стыдъ и срамоту" [169]......

Ревизія Данаурова имѣла для Яковкина результатъ и положительнаго характера, доставивъ ему орденъ св. Владиміра четвертой степени *.

Если пріѣздъ въ Казань сенатора Данаурова причинилъ Яковкину столько тревогъ и даже „смертельное прискорбіе", то пріѣздъ въ Казань другихъ почетныхъ посѣтителей, не призванныхъ „рѣшать и вязать", не только не смущалъ его, но даже доставлялъ ему извѣстнаго рода самоуслажденіе, давая возможность казовою стороною показать гостю свой товаръ—университетъ и гимназію. Исключеніе составила вторая сенаторская ревизія т. с. Обрѣзкова (1810 г.), также доставившая директору не мало волненій, но объ ней рѣчь будетъ у насъ особо.

Лѣтомъ 1806 года посѣтилъ университетъ синологъ графъ Я. Потоцкій, возвращавшійся изъ снаряженнаго въ 1805 г. посольства въ Китай; онъ осматривалъ всѣ немногочисленныя университетскія и гимназическія учебно-вспомогательныя учрежденія, приглашенъ былъ Яковкинымъ къ присутствованію на экзаменахъ и получилъ отъ него въ подарокъ двѣ книги на восточныхъ языкахъ, отпечатанныя въ гимназической азіатской типографіи. По словамъ директорскаго донесенія попечителю, ученый гость высказывалъ „особенное удовольствіе объ успѣхахъ учащихся".

Изъ почетныхъ посѣтителей университета и гимназіи съ особеннымъ восторгомъ отзывался Яковкинъ о князѣ Г. С. Волконскомъ **, оренбургскомъ военномъ губернаторѣ, въ іюнѣ 1809 года пріѣзжавшемъ въ Казань для осмотра мѣстныхъ войскъ, а затѣмъ нѣсколько разъ бывавшемъ здѣсь и въ послѣдующіе годы. „Князь Волконскій,—доносилъ Яковкинъ попечителю,—съ перваго свиданія столь ласковымъ удостоилъ меня обхожденіемъ, что потребовалъ отъ меня и отъ г. Фукса неотмѣнно каждый день по

* Что этотъ, въ ту пору особенно значительный, орденъ исходатайствованъ Яковкину именно въ виду ревизіи Данаурова, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Румовскій (дѣло архива минист. народн. просв. 1812 г., № 4212—3911, л.л. 4—5).

** Князь Григорій Семеновичъ Волконскій (1742†1824)—отецъ извѣстнаго декабриста Сергія Григорьевича Волконскаго. «Желательно было бы,—отвѣчалъ Румовскій на донесеніе Яковкина,—что бы всѣ наши князья и бояры такъ хорошо расположены были къ ученью, какъ князь Волконскій: онъ въ оренбургскомъ бѣдномъ училищѣ, бывая на экзаменахъ, отличившихся награждаетъ рублями серебряными».

нѣскольку часовъ провождать съ нимъ". Почетному гостю въ подробностяхъ показаны были, конечно, и университетъ и гимназія и князь, по словамъ директора, „былъ доволенъ столько, что обѣщалъ обо всемъ писать къ г. министру". „По крайней мѣрѣ и сіе засвидѣтельствованіе,—вставляетъ Яковкинъ,—послужитъ новымъ доказательствомъ о посильномъ моемъ усердіи къ достойному служенію!"..... Князь Волконскій въ разговорахъ съ Яковкинымъ „часто проговаривалъ,—писалъ директоръ попечителю уже въ октябрѣ слѣдующаго года,—что и онъ теперь принадлежитъ къ ученому сословію, поелику сватъ его графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій (въ то время попечитель московскаго учебнаго округа, а съ 1810 г. министръ народнаго просвѣщенія) прислалъ къ нему дипломъ на званіе почетнаго члена московскаго университета, что потому послалъ уже онъ въ Москву нѣсколько сотъ оренбургскихъ и уфимскихъ штуфовъ". Яковкинъ не безъ основанія усмотрѣлъ въ этихъ словахъ намекъ на желаніе князя сдѣлаться почетнымъ членомъ и казанскаго университета, „почему,—добавляетъ директоръ,—раза два отвѣчалъ я ему, что и казанскій университетъ можетъ смѣло надѣяться, что его сіятельству не будетъ неблагоугодно быть почетнымъ членомъ и здѣшняго университета, какъ ближайшаго ко ввѣренной его управленію части". Избраніе князя Волконскаго почетнымъ членомъ состоялось, однако, лишь въ маѣ 1814 года, при полномъ открытіи казанскаго университета.

Въ началѣ ноября 1809 года пріѣзжалъ въ Казань „по лѣснымъ дѣламъ" графъ Г. В. Орловъ. „Принявъ меня отмѣнно ласково,—доносилъ Яковкинъ,—и разговаривая много объ ученой части, просилъ пріѣзжать къ нему обѣдать; обѣщалъ посѣтить и обозрѣть гимназію и университетъ и, что всего вяще, увѣрилъ, что бы ожидать прибытія вашего превосходительства въ Казань въ ноябрѣ мѣсяцѣ, дабы быть очевидцемъ отдѣленія гимназіи и открытія университета". Осмотрѣть подвѣдомственныя Яковкину учебныя заведенія гр. Орловъ „по причинѣ множества дѣлъ" не успѣлъ, но остался „весьма доволенъ" представленными ему письменными работами воспитанниковъ и, въ качествѣ директора сенатской типографіи, предлагалъ для университета остающіяся при типографіи безъ употребленія азіатскіе шрифты.

Еще одинъ сенаторъ посѣтилъ Казань въ августѣ 1811 года. То былъ,—для Яковкина совершенно уже неопасный,—сенаторъ И. Я. Аршеневскій *, „обозрѣвавшій, по высочайшему повелѣнію, фабрики, мануфак-

* Илья Яковлевичъ Аршеневскій († 1820 г.)—предсѣдатель мануфактуръ-коллегіи, затѣмъ сенаторъ и почетный опекунъ.

туры, промышленность и издѣлія въ Россіи, для замѣненія иностранныхъ потребныхъ произведеній—россійскими". Яковкинъ не преминулъ посѣтить Аршеневскаго и съ нимъ „долго разговаривалъ какъ о сихъ предметахъ, такъ о состояніи университета и гимназіи". Сенаторъ осматривалъ университетъ и гимназію, всѣмъ видѣннымъ остался доволенъ и далъ стереотипное обѣщаніе „донести государю императору, что онъ, обозрѣвая университетъ, нашелъ все въ хорошемъ порядкѣ" [170].

14-го февраля 1809 года исполнялось четырехлѣтіе существованія казанскаго университета. Еще 25-го августа предшествовавшаго года совѣтъ вошелъ къ попечителю съ представленіемъ относительно чествованія этой годовщины, на что Румовскій и изъявилъ согласіе, присовокупивъ къ нему замѣчаніе, что, по его мнѣнію, „нѣтъ нужды, что бы рѣчи были большія, но что бы приличествовали случаю, достойны были вниманія и неотяготительны для слушателей"; въ засѣданіи совѣта 21-го октября намѣчены были и самыя рѣчи, приготовить которыя изъявили желаніе профессоръ Сторль и адъюнктъ Запольскій. Торжественныя собранія того времени не обходились безъ болѣе или менѣе напыщенныхъ виршей, произносившихся мѣстными піитами. Изъ числа послѣднихъ откликнулся на предстоявшее чествованіе учитель словесности Ибрагимовъ, представившій свое, довольно обширное, стихотвореніе „на торжественный день февраля 14-го дня 1809 года", начинавшееся строфою:

„Казанскій горизонтъ свѣтаетъ,
„Явившись солнцу въ знакѣ рыбъ;
„Лучьми пронзаемый блистаетъ
„Покровъ снѣговъ и льдяныхъ глыбъ

—и т. д., все въ томъ же родѣ. Произведеніе казанскаго поэта одобренія попечителя не удостоилось и было возвращено въ Казань съ собственноручными на поляхъ отмѣтками Румовскаго, въ которыхъ указаны стилистическія и другія погрѣшности стихотворенія, съ предложеніемъ сдать его къ напечатанію въ трудахъ казанскаго общества любителей отечественной словесности. Ибрагимовъ осмѣлился не согласиться съ замѣчаніями попечителя и, въ письмѣ на имя Яковкина, представилъ на нихъ свои возраженія *. Честь читать 14-го февраля свое стихотвореніе выпала на долю другаго казанскаго піиты—кандидата Кондырева.

---

* Стихи Ибрагимова, съ отмѣтками Румовскаго и возраженіями на нихъ автора, сохранились въ дѣлахъ университетскаго архива (1809, Сов. № 36, л.л. 29—33).

Большой любитель всякаго рода церемоніальныхъ торжествъ, Яковкинъ намѣревался обставить чествованіе четырехлѣтія существованія университета возможно параднѣе и счелъ необходимымъ украсить зданіе гимназіи въ вечеръ торжества иллюминаціею. Онъ еще въ началѣ предшествовавшаго года просилъ разрѣшенія попечителя „для освѣщенія зданій университетскихъ въ знаменитѣйшіе торжественные дни сдѣлать шесть прозрачныхъ картинъ, четыре для параднаго крыльца и двѣ между угловыми колонами главнаго зданія"; Румовскій въ то время отказалъ въ расходѣ на эти картины, сдѣлавъ замѣчаніе, что „иллюминаціи могутъ быть дѣлаемы съ благоприличіемъ и безъ оныхъ". Мысль о приспособленіяхъ для иллюминаціи настойчиво преслѣдовала, тѣмъ не менѣе, директора и въ началѣ 1809 года онъ рѣшается уже на самостоятельный починъ въ этомъ направленіи, купивъ у какого то итальянца, пріѣзжавшаго въ Казань „для прозрачныхъ представленій (?)",—„прозрачную большую картину, въ видѣ пирамиды съ прорѣзнымъ вензелевымъ изображеніемъ государя императора" и сославшись въ донесеніи объ этомъ попечителю на то, что „для предписанныхъ въ высокоторжественные праздники иллюминацій ни гимназія ни университетъ донынѣ ничего не имѣли отличнаго, кромѣ плошекъ и свѣчъ". Оправдывалъ Яковкинъ произведенный расходъ и его незначительностью: „заплочено за картину только двадцать пять рублей,—писалъ онъ попечителю,—а ежели нарочно ее дѣлать, то надобно употребить около ста рублей". Это „отличное" декоративное пріобрѣтеніе и было обновлено въ день празднованія 14-го февраля.

До насъ сохранились и печатныя и рукописныя (между прочимъ въ письмѣ директора къ попечителю отъ 15-го февраля) описанія торжества 14-го февраля 1809 года, которому Яковкинъ придавалъ, повидимому, большое значеніе: какъ разъ передъ тѣмъ побѣдоносно освободился директоръ отъ страховъ, нагнанныхъ на него ревизіею сенатора Данаурова, въ совѣтѣ господствовали вожделенные „миръ и спокойствіе", замолкли неблагопріятные для Яковкина городскіе толки, улучшились и отношенія его къ губернской администраціи. Къ дню чествованія Яковкинъ изготовилъ даже отчетъ за первые четыре года существованія университета; составленное въ довольно общихъ чертахъ, но за то ловко обошедшее щекотливыя стороны современныхъ академическихъ строя и жизни, это произведеніе представляетъ интересъ въ качествѣ перваго, предназначеннаго къ публичному прочтенію на актѣ, отчета по казанскому университету, въ которомъ университетъ впервые еще публично знакомилъ мѣстное общество съ результатами своей начальной дѣятельности.

Приведемъ самое описаніе чествованія 14-го февраля 1809 года, къ которому публика была приглашена особыми, заранѣе разосланными, программами.

Наканунѣ дня акта, вечеромъ, въ большомъ залѣ гимназіи отправлено было „всенощное пѣніе", а въ утро дня акта, въ девять часовъ, „по собраніи всѣхъ членовъ университета и гимназіи, церемоніально ходили слушать обѣдню (въ приходскую Воскресенскую церковь), отъ коей возвратившись въ залу были при молебнѣ съ водоосвященіемъ и колѣнопреклоненіемъ опять въ залѣ же, а потомъ всѣ потчиваны были завтракомъ".

Самый актъ,—на которомъ „публика была довольно многочисленна", въ томъ числѣ губернаторъ, предсѣдатели, „знатнѣйшіе чиновники", также „отличное духовенство (кромѣ архіерея) и многіе любители наукъ",—открылся въ 4½ часа пополудни большою симфоніею, за которою слѣдовала латинская рѣчь профессора Сторля: „De natura rerum, fonte unico ac sincero universae aesthesis". Затѣмъ, „по вторичномъ проиграніи музыки, говорена россійская рѣчь адъюнкта Запольскаго", которую, за болѣзнью автора, произнесъ кандидатъ Кондыревъ, на тему: „О природѣ, вообще, и въ отношеніи къ человѣку". За рѣчью Запольскаго исполненъ былъ хоромъ воспитанниковъ кантъ съ музыкою, послѣ котораго директоръ Яковкинъ читалъ свою „Рѣчь (отчетъ) о четырегодичныхъ упражненіяхъ университета", въ которой, исходя изъ положенія, что „благодарность есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей общежительныхъ", ораторъ назвалъ настоящій день—„днемъ принесенія достойной жертвы благодарности Высокому виновнику нашего блаженства, безпримѣрными щедротами воздвигнувшаго сіе святилище наукъ".

> „Но толикія и толь неисчетныя монаршія попеченія, предпринятыя для образованія юношества, яко надежды прочнаго благосостоянія общественнаго, какими словами возмогутъ быть изображены, какою кистію живописаны?—вопрошаетъ ораторъ.—Единое токмо ревностнѣйшее исполненіе возложенныхъ на насъ должностей отъ насъ въ молчаніи довлѣетъ, яко чистѣйшій фиміамъ ухающаго благоговѣнія,—тутъ же отвѣчаетъ онъ.—Но дабы изъявить, сколь высоко чтитъ университетъ монаршія щедроты, толь обильно на него изливаемыя, въ ознаменованіе сего, по званію на меня возложенному, намѣренъ я кратко изобразить предъ вами, почтенные посѣтители, четырехлѣтнія упражненія университета, къ достиженію предположенной ему цѣли донынѣ его занимавшія".

За этимъ вступленіемъ, въ достаточной степени характеризующимъ риторическіе пріемы профессора-директора, слѣдуютъ краткія и въ весьма

общей формѣ предложенныя свѣдѣнія, за предшествовавшіе четыре года, о личномъ составѣ учащихъ и учащихся университета, объ учебныхъ пособіяхъ и пріобрѣтенныхъ для университета домахъ, о выдающихся моментахъ внѣшней жизни университета и т. п. данныя, которыхъ мы не будемъ касаться, такъ какъ, по своей общности, они не способны дать сколько нибудь точнаго представленія о жизни университета за отчетные годы. Отчетъ заканчивается обращеніемъ къ учащимся:

„Теперь къ вамъ обращаю мое слово, младыя лозы благотворнаго сего насажденія!—восклицаетъ ораторъ.—Примите теперь заслуженную знаніями вашими и благоповеденіемъ награду и потщитесь быть достойными впредь вящаго ободренія; примите, купно, и новыхъ вашихъ соревнителей въ дружескія свои объятія, да, тако шествуя предлежащимъ для васъ путемъ образованія вашего, явитесь достойными всѣ изливаемыхъ на васъ щедротъ монарха и попеченій неусыпнаго начальства!“ *.

По окончаніи рѣчи Яковкина „прочитана была изъ всемилостивѣйше пожалованной казанскому университету грамоты статья о правахъ студентовъ, на основаніи которой тринадцать человѣкъ, отличившихся успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ, награждены шпагами, и провозглашены имена восьми учениковъ казанской гимназіи, удостоенныхъ къ слушанію профессорскихъ и адъюнктскихъ лекцій“.

Далѣе слѣдовало произнесеніе кандидатомъ Кондыревымъ сочиненной имъ къ этому дню объемистой „оды“, начинавшейся такъ:

„Завѣса мрачная ниспала,
„Открылись вѣки предо мной.
„Паря Уранія мелькала;
„Подъ острою ея косой,
„Упадши, царства зрю цвѣтущи,
„Въ пыли—великолѣпный градъ,
„И по развалинамъ грядущихъ
„Беллоны, Марса грозныхъ чадъ,
„Войны кровавыя тамъ бои
„Владыкой варвара въ странахъ (?)....

Отмѣтивъ дохристіанское прошлое Казани и воспѣвъ насажденное въ ней просвѣщеніе, поэтъ вѣщимъ взоромъ заглядываетъ въ будущее:

---

* Рѣчи Сторля, Запольскаго и Яковкина сохранились въ дѣлахъ университетскаго архива, также какъ и стихи Кондырева (см. 1809. Попеч., № 12). Покойный Н. Н. Буличъ ошибался, утверждая («Изъ первыхъ лѣтъ и пр., I, стр. 433), будто рѣчь Запольскаго до насъ не дошла: интересующіеся найдутъ ее въ архивномъ дѣлѣ 1809, Сов., № 32, л.л. 12—19. Рѣчь Яковкина напечатана также въ «Періодическомъ сочиненіи и пр.», 1810 г. № 24.

„Вспрянутъ отъ сна народы дики:
„Лопарь, юкагиръ, алеутъ
„Составятъ радостные клики,
„Приходъ дня свѣтла воспоютъ;
„Со вздохомъ, горестью и стономъ
„Вотще обманчивый шаманъ
„Пронзительнымъ и рѣзкимъ тономъ
„Настроитъ звонкой свой тимпанъ—
„Предъ нимъ уже не вострепещутъ,
„Кумиръ забудутъ обожать
и т. п.

Актъ закончился благодарственною рѣчью, обращенною Яковкинымъ къ посѣтителямъ, удостоившимъ торжество своимъ присутствіемъ, и еще однимъ „кантомъ съ музыкою". По окончаніи собранія „многіе изъ господъ посѣтителей, разсматривавъ упражненія студентовъ въ классѣ живописи, также рисунки, которыми убрана была зала, воздавали полную признательность успѣхамъ учащихся, также обозрѣвали университетскую и гимназическую библіотеки и физическій кабинетъ". Вечеромъ всѣ гимназическія и университетскія зданія были иллюминованы.

Торжественное собраніе 14-го февраля 1809 года представляетъ для насъ и тотъ интересъ, что оно явилось вторымъ и послѣднимъ, передъ полнымъ открытіемъ университета, собственно университетскимъ актомъ. Яковкинъ входилъ къ попечителю съ представленіемъ о торжественномъ чествованіи наступавшей 14-го февраля 1810 года пятилѣтней годовщины университета, но Румовскій отъ 27-го января предложилъ „февраля 14-го дня не праздновать основаніе казанскому университету для того, что въ теченіи нынѣшняго года, я думаю, что открытъ будетъ университетъ". Въ этомъ году (10-го іюля) происходилъ лишь обычный актъ гимназіи. Затѣмъ въ 1811 и въ 1813 годахъ годовщина основанія университета была ознаменована лишь церемоніею церковною: торжественнымъ молебствіемъ въ большомъ залѣ и слушаніемъ литургіи въ приходской Воскресенской церкви [171].

Полныхъ три года (1807—1809) пользовался торжествующій профессоръ-директоръ Яковкинъ широкимъ авторитетомъ и престижемъ своей власти, будучи облеченъ неограниченнымъ довѣріемъ попечителя Румовскаго и, болѣе нежели когда либо, чувствуя себя въ правѣ не только сознавать, но и проводить въ жизнь свой излюбленный принципъ: „Универ-

ситетъ—это я!“ Только 1810 годъ выдвинулъ впередъ два совѣтскія событія, заставившія Яковкина возобновить передъ Румовскимъ свои іереміады на старую и достаточно таки истрепанную имъ тему о снова возникающемъ духѣ „крамолы“ или „самоуправленія“ (оба представленія имъ, какъ мы видѣли, отожествлялись). Этими событіями явились: въ началѣ года—вопросъ о распредѣленіи университетскихъ преподаваній, осенью и въ концѣ его—неудавшаяся попытка полнаго открытія университета.

Первое изъ этихъ событій, на которомъ мы, прежде всего, и остановимся, послужило матеріаломъ для цѣлаго совѣтскаго дѣла о перемѣнѣ всего, вообще, учебнаго времени въ университетѣ.

Дѣло это возникло по почину профессора К. Ѳ. Фукса, выступившаго въ немъ въ качествѣ замѣстителя Яковкина, который съ начала 1810 года прихварывалъ и, не посѣщая совѣтскихъ засѣданій, предсѣдательство въ нихъ передалъ Фуксу. 23-го февраля 1810 года профессоръ Фуксъ, предсѣдательствуя въ совѣтѣ въ виду постигшей Яковкина „простудной рецидивы“,—какъ отписывалъ о томъ попечителю директоръ,—внесъ въ совѣтъ предложеніе о необходимыхъ, по его мнѣнію, измѣненіяхъ въ распредѣленіи учебнаго времени по университету, вызываемыхъ какъ значительно увеличившимся числомъ преподавателей (къ этому времени университетъ уже имѣлъ 16 профессоровъ, 5 адъюнктовъ и 3 преподавателя другихъ именованій), такъ и желательностью усилить учебныя занятія студентовъ, вообще; не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что проф. Фуксъ далъ этому предложенію лишь свою фирму, сущность же его являлась плодомъ педагогическихъ соображеній самого директора. Основными положеніями проэкта проф. Фукса выступаютъ: замѣна двухчасовой нормы лекцій (въ смыслѣ практиковавшагося въ то время чтенія преподавателями двухъ часовъ сряду) нормою часовою, установленіе бóльшаго контроля надъ занятіями студентовъ, раздѣленіе университетскихъ курсовъ на „пріуготовительные“ и спеціальные и согласованіе общаго расположенія преподаваній съ публичными чтеніями для чиновниковъ, обязанныхъ службою, которыя должны были начаться съ весенняго семестра 1810 года.

Мы не будемъ входить въ подробности проэкта проф. Фукса *, но замѣтимъ только, что высказанное въ немъ предположеніе о разграниченіи преподаваній „приготовительныхъ“ и спеціальныхъ—встрѣчало почти непреодолимое препятствіе въ отсутствіи дѣленія университета на факультеты,

* Этотъ проэктъ приводится нами цѣликомъ въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ.

вносившемъ невыразимую путаницу какъ въ чтенiе лекцiй профессорами и адъюнктами, такъ и въ порядокъ слушанiя ихъ студентами, тѣмъ болѣе, что ни авторы проэкта, ни совѣтъ, которому онъ былъ доложенъ, ни самъ попечитель, на окончательное заключенiе котораго восходило все это дѣло, не усвоили себѣ сколько нибудь опредѣленнаго воззрѣнiя на сущность и значенiе этихъ „приготовительныхъ" преподаванiй и на соотношенiе ихъ къ преподаванiямъ уже собственно университетскимъ. Въ области этихъ педагогическихъ понятiй господствовала невообразимая путаница; не меньшая путаница сказывалась и во взглядахъ на взаимное соотношенiе между университетскими преподаванiями и тѣми публичными „чтенiями, для чиновниковъ, службою обязанныхъ", которыя вводились указомъ отъ 6-го августа 1809 года, въ видѣ какого то мало опредѣленнаго придатка къ общей системѣ университетскихъ чтенiй. Все это представляло собою путаницу понятiй, разобраться въ которой являлось дѣломъ далеко не легкимъ. Впрочемъ, Фуксъ и не придавалъ особаго значенiя детальной регламентацiи этихъ вопросовъ болѣе общаго характера: его предложенiе краеугольнымъ камнемъ выдвигало вопросъ о введенiи часовой нормы чтенiй и „статья сiя" предлагалась имъ предметомъ „особеннаго разсужденiя и благоусмотрѣнiя совѣта".

Предложенiе профессора Фукса было заслушано въ засѣданiи совѣта 26-го февраля, происходившемъ, за болѣзнью Яковкина, подъ его же предсѣдательствомъ; вызванный этимъ предложенiемъ вопросъ служилъ, затѣмъ, предметомъ обсужденiя совѣта и въ четырехъ послѣдующихъ засѣданiяхъ, происходившихъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Проэктъ Фукса близко затрогивалъ преподавательскiе интересы всѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ, а потому и не представляется ничего удивительнаго въ томъ, что члены совѣта отнеслись къ нему съ особеннымъ вниманiемъ, въ виду чего и постановили: „Поручить адъюнкту барону Врангелю перевести оную (бумагу) на нѣмецкiй языкъ, и потомъ предоставить каждому члену совѣта дать объ ней свое мнѣнiе".

Это совѣтское опредѣленiе не могло не взволновать Яковкина, привыкшаго самовластно предписывать покорному ему совѣту учебные планы и распредѣленiя преподаванiй, обсужденiе которыхъ совѣтъ, на этотъ разъ, изъявлялъ намѣренiе взять въ свои собственныя руки. Невольно возстали въ мысляхъ директора острыя воспоминанiя о прежнихъ „крамолахъ" и проявленiяхъ „любоначалiя" среди членовъ совѣта.... Теперь перспектива этого злостнаго „духа любоначалiя" возставала передъ нимъ съ новою и угрожающею силою: послѣ катастрофы 1806 года, разгромленный личный

составъ совѣта успѣлъ пополниться новыми членами, среди которыхъ числились имена: Брауна, Френа, Бартельса, Фойгта, Реннера, Финке, Неймана; все это были крупныя и свѣжія, еще не успѣвшія изнемочь въ борьбѣ, силы, съ которыми профессору-директору предстояло серьезно считаться. Между тѣмъ Яковкинъ все еще не вступалъ въ предсѣдательскія по совѣту обязанности: „Съ самаго начала, почти, нынѣшняго года приходятъ ко мнѣ бѣда за бѣдою",—писалъ онъ попечителю отъ 14-го марта. Едва успѣлъ директоръ оправиться отъ „простудной рецидивы", какъ постигло его новое несчастіе: раскатившимся возомъ съ дровами зашибло ему ногу и онъ снова долженъ былъ высиживать дома.

Вожакомъ совѣтскаго движенія начала 1810 года выступилъ новый противникъ Яковкина—профессоръ Фойгтъ, 2-го марта вошедшій въ совѣтъ съ обширною запискою („votum"—какъ названъ этотъ актъ въ подлинномъ дѣлѣ) по поводу предложенія проф. Фукса, въ которой онъ по пунктамъ возражаетъ на всѣ положенія, выставленныя этимъ послѣднимъ. Къ запискѣ Фойгта присоединились профессоры Браунъ, Френъ, Бартельсъ, Реннеръ и Финке и, опредѣленіемъ совѣта отъ 19-го марта, рѣшено препроводить этотъ актъ на благоусмотрѣніе попечителя. Какъ ни правомѣрны и ни невинны были эти дѣйствія совѣта, уязвленное честолюбіе Яковкина не замедлило забить тревогу, отлившуюся въ форму слѣдующаго донесенія попечителю: „Послѣднія весьма шумныя,—какъ о томъ обѣщалъ донести вашему превосходительству г. Фуксъ, навѣщавшій меня вчера поутру,—засѣданія совѣта предполагаютъ возникающій снова духъ крамолы, прежде благополучно и совершенно истребленный". Сообщая, далѣе, Румовскому объ отдѣльномъ мнѣніи Фойгта, Яковкинъ заключаетъ: „Опасаюсь, что бы, по причинѣ тихаго характера г. Фукса, буйный сей духъ не укоренился глубже,—но, не имѣя еще теперь ни силъ, ни крѣпости, ниже порядочнаго голоса (Яковкинъ числился въ то время все еще больнымъ), долженъ быть, до совершеннаго выздоровленія, только простымъ слышателемъ всѣхъ таковыхъ непріязненныхъ козней".... Въ письмѣ къ Румовскому отъ 7-го марта, констатируя снова „возникающій духъ самоуправленія", усмотрѣнный имъ въ дѣйствіяхъ совѣта, Яковкинъ уже безъ обиняковъ докладываетъ попечителю, что „ежели таковыя интриги обнаружатся и при моемъ управленіи (т. е. предсѣдательствѣ), то я вынужденъ буду просить начальственнаго защищенія; впрочемъ,—оговаривается директоръ,—кажется, что въ семъ дѣлѣ вмѣшались какія нибудь частныя неудовольствія противъ г. Фукса".

На этотъ разъ сообщеніе Яковкина не привело къ тѣмъ благопріятнымъ для него результатамъ, къ какимъ приводила предшествовавшая интимная переписка его съ попечителемъ: Румовскій открыто принялъ въ этомъ дѣлѣ сторону совѣта, признавъ его неотъемлемую компетентность въ вопросахъ, касающихся организаціи и распредѣленія университетскихъ преподаваній: „Что касается до лекцій, то согласно было бы съ уставомъ, ежели бы расположеніе оныхъ дѣлано было въ общемъ собраніи совѣта"—писалъ попечитель Яковкину отъ 21-го апрѣля, добавивъ эту въ высшей степени щекотливую для Яковкина ссылку на университетскій уставъ 1804 года еще и пожеланіемъ, что бы и „прочіе господа профессоры представили свои мнѣнія по сему предмету". 26-го мая Румовскій прислалъ свое мнѣніе по вопросу о распредѣленіи преподаваній. Высказавшись въ немъ за прежнюю двухчасовую норму лекцій и въ этомъ отношеніи разойдясь съ предложеніемъ Фукса, Румовскій по вопросу о взаимномъ соотношеніи между лекціями собственно университетскими и чтеніями для чиновниковъ выразилъ мнѣніе, что тѣ и другія должны быть твердо разграничены между собою: „Лекціи должны быть двояки,—пояснялъ попечитель,—одни собственно для студентовъ, а другія для публики". Не съ меньшею, весьма огорчительною для директора, категоричностью высказался Румовскій и относительно пресловутыхъ „пріуготовительныхъ" курсовъ: онъ выразилъ пожеланіе, что бы совѣтъ самъ опредѣлилъ—„какія науки должно считать пріуготовительными" и что бы поступающіе въ университетъ молодые люди обязаны были прослушать тѣ предварительные курсы, „какіе совѣтъ заблагоразсудитъ назвать пріуготовительными лекціями". Сообщая совѣту свое мнѣніе и отнюдь не навязывая его ему, попечитель предлагалъ лишь совѣту „заимствовать изъ него то, что найдетъ нужнымъ и полезнымъ въ настоящемъ университета положеніи".

Слѣдуя указанію Румовскаго, совѣтъ еще долго продолжалъ сужденія на тему о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ „лекціями пріуготовительными"; поступилъ цѣлый рядъ, сохранившихся при дѣлѣ, мнѣній по этому поводу, но для насъ дальнѣйшее движеніе этого вопроса интереса представлять не можетъ, такъ какъ ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ совѣтъ не пришелъ, да и самый вопросъ этотъ скоро самъ собою упразднился съ введеніемъ въ дѣйствіе устава 1804 года. Интересъ дѣла „о перемѣнѣ учебнаго времени въ университетѣ" сводится для насъ лишь къ тому пораженію, которое потерпѣлъ въ немъ Яковкинъ. Дѣло это явилось первою побѣдою совѣта надъ директоромъ, сразу заставившею Яковкина понизить тонъ. Яковкинъ, подъ вліяніемъ попечительскаго рѣ-

шенія, не только кореннымъ образомъ перемѣнилъ свой взглядъ по основному положенію вопроса, признавъ теперь уже „несообразною" замѣну двухчасовой лекціонной нормы нормою часовою, на которую,—писалъ онъ Румовскому,—„ни мое, ни прочихъ моихъ сотрудниковъ мнѣнія не будутъ согласны", но уже въ маѣ мѣсяцѣ, забывъ и „возникающій снова духъ крамолы", и „буйный духъ", и „непріязненныя козни", такъ волновавшія его еще три мѣсяца тому назадъ, доносилъ попечителю, что „впрочемъ во всемъ теченіи дѣлъ по совѣту и университету донынѣ, слава Богу, все тихо, спокойно и порядочно" [172].

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „дѣло о перемѣнѣ учебнаго времени въ университетѣ" явилось для Яковкина первымъ совѣтскимъ пораженіемъ, которое не могло не заставить его противниковъ поднять свои головы и не дать имъ импульса къ дальнѣйшей борьбѣ съ директоромъ-временщикомъ. Къ началу лѣта того же 1810 года относится и въ связи съ тѣмъ же дѣломъ стоитъ и довольно непріятное для Яковкина недоразумѣніе, возникшее между нимъ и попечителемъ на почвѣ составленнаго Яковкинымъ печатнаго извѣщенія о вновь открытыхъ при университетѣ „публичныхъ чтеній для чиновниковъ, обязанныхъ службою". Текстъ этого извѣщенія встрѣтилъ со стороны членовъ совѣта возраженія, но Яковкинъ, приписавъ эти возраженія, по обыкновенію, „кичливости" сдѣлавшихъ ихъ, препроводилъ его попечителю. И вотъ, получилось отъ Румовскаго на имя директора письмо отъ 2-го іюня, написанное тономъ, который не могъ не смутить директора:

„Препровожденное ко мнѣ печатное извѣщеніе о публичныхъ преподаваніяхъ посылаю при семъ обратно для перепечатанія, потому что въ настоящемъ видѣ нельзя онаго никому представить, не сдѣлавъ поношенія университету. Для чего не отличенъ экстраординарный профессоръ отъ ординарныхъ, а адъюнктъ названъ адъюнктъ-профессоромъ, которыхъ въ штатѣ университета не имѣется? Замѣчанія, сдѣланныя вамъ о семъ извѣщеніи, нахожу основательными, и кичливость, которую вы приписываете сдѣлавшимъ оныя, по справедливости отнестись можетъ къ тому, кто хочетъ ставить себя наравнѣ съ имѣющими высшія достоинства и къ присвоивающему себѣ непринадлежащее и даже несуществующее въ томъ мѣстѣ званіе, въ которомъ онъ служитъ *. Сіи неприличности тѣмъ болѣе предосудительны, что сдѣланы самовольно, въ противность утвержденнаго мною извѣщенія, доставленнаго отъ г. профессора Фукса, въ которомъ оныхъ не было".

* Рѣчь идетъ здѣсь объ адъюнктѣ Городчаниновѣ, который въ печатномъ извѣщеніи о публичныхъ преподаваніяхъ названъ «адъюнктъ-профессоромъ».

Попечительское письмо глубоко огорчило Яковкина. Оправдывая себя передъ Румовскимъ отвѣтнымъ письмомъ отъ 20-го іюня, директоръ впадаетъ въ немъ уже въ совершенно минорный тонъ:

„Шестилѣтнее мое подъ отечественнымъ вашего превосходительства начальствомъ служеніе оправдать меня можетъ предъ очами вашего превосходительства, что чувствованія самовольныя были всегда чужды душѣ моей, а ежели иногда на что рѣшался, донося, однако, тотчасъ вашему превосходительству, то находилъ необходимымъ для непотерянія времени и соблюденія казны. Порокъ властолюбія и любоначалія,—свидѣтельствуюсь Сердцевѣдцемъ,—также никогда не обладалъ мною, и особливо еще послѣ претерпѣнной мною потери единороднаго моего первенца. Вашему превосходительству чувствованія моего служенія всегда я старался сыновне обнаруживать: они—непремѣнны. Бѣдность моя доказываетъ мое безкорыстіе, а нѣсколько-кратныя моленія объ избавленіи меня отъ начальствованія—суть свидѣтели бывшаго мнѣ всегда сроднымъ смиренія. Конечно—proprіa laus sordet, но это есть сердечное сыновнее признаніе предъ отеческимъ начальствомъ. По множеству и разнообразію дѣлъ, чувствую, свойственно мнѣ погрѣшать; но погрѣшности мои, будучи неумышленными, нимало не тяготятъ ни сердца, ни совѣсти моей и искреннее въ нихъ признаніе—всегда готово“ [173]......

Разсказанный нами инцидентъ по вопросу объ измѣненіяхъ въ университетскихъ учебныхъ планахъ, напоминавшій совѣту объ его компетенціи по уставу 1804 года—не могъ не представить въ глазахъ членовъ университета существеннаго интереса и въ томъ отношеніи, что онъ являлся какъ бы *провозвѣстникомъ недалекаго полнаго открытія университета*. И, дѣйствительно, уже осенью того же 1810 года предпринята была попытка введенія въ казанскомъ университетѣ въ дѣйствіе устава 5-го ноября 1804 года. Къ этому то любопытному эпизоду мы и должны будемъ обратиться, предварительно познакомившись съ нѣкоторыми предшествовавшими ему и тѣсно связанными съ нимъ явленіями жизни казанскаго университета.

Мы уже знаемъ, что „неопредѣлительное“ положеніе казанскаго университета, какъ логическое послѣдствіе его неоткрытія на основаніи устава 1804 года, волновало умы членовъ совѣта уже въ первый годъ по основаніи университета и что протестъ противъ такого положенія дѣлъ особенно рѣзко отлился, въ іюлѣ 1805 года, въ отдѣльномъ мнѣніи адъюнкта Карташевскаго, открыто заявившаго, что совѣту университета слѣдуетъ „войти въ ближайшее разсмотрѣніе круга дѣлъ и отношеній своихъ“, чтобы „вышедши изъ предѣловъ гимназическаго устава, подойти совершенно

подъ университетскій". Намъ извѣстно, что мечты и открыто выражавшіяся пожеланія скорѣйшаго полнаго открытія университета не были чужды сознанію членовъ совѣта и послѣ событій 1805 года, выступивъ ближайшими стимулами совѣтскихъ смутъ, ознаменовавшихъ собою 1806—1807 академическій годъ.

Не взирая на крутыя мѣры, принятыя министромъ и попечителемъ по отношенію къ руководителямъ совѣтской оппозиціи, мысль о необходимости скорѣйшаго полнаго открытія казанскаго университета и горячія ожиданія въ этомъ направленіи—не были чужды членамъ университета и въ послѣдующіе годы, сталкиваясь съ бюрократическими тенденціями властолюбиваго директора; особенно рѣзко выступало анормальное положеніе молодого университета въ глазахъ иностранныхъ его членовъ, знавшихъ настоящій „организмъ" университетовъ и видѣвшихъ лучшія условія строя и жизни ихъ. „Неопредѣлительное" положеніе казанскаго университета должно было представляться его сочленамъ тѣмъ болѣе обиднымъ, что оно уже съ самого начала было облечено покровомъ какой то полуоффиціальной келейности, благодаря которой истинное положеніе вещей въ этомъ университетѣ не было извѣстно нѣкоторымъ ученымъ учрежденіямъ въ предѣлахъ даже Россіи. Горькою ironіею звучало, напримѣръ, въ этомъ отношеніи торжественное посланіе вновь учрежденнаго виленскаго медицинскаго общества (отъ 6-го января 1807 г.), въ которомъ это послѣднее, извѣщая о своемъ открытіи „медицинскій факультетъ знаменитаго казанскаго университета" (la faculté de medicine de cette célèbre université), просило его войти съ нимъ въ общеніе, въ надеждѣ на то, что „содѣйствіе столь просвѣщенныхъ особъ окажется ему весьма полезнымъ (l'assistance de personnes aussi éclairées lui sera très utile)"; почтенное ученое общество, конечно, и не подозрѣвало того, что, вмѣсто университета—въ Казани влачитъ свое существованіе лишь пародія на университетъ, и что „просвѣщенныя особы" несуществующаго медицинскаго факультета—олицетворяются здѣсь въ единоличной персонѣ адъюнкта Эвеста, дѣло о „страсти" котораго только что волновало собою его товарищей по совѣту! [174]......

Вопросъ о причинахъ долгаго неоткрытія казанскаго университета на основаніи устава 1804 года—не принадлежитъ къ числу вопросовъ сложныхъ. Если причины этого явленія въ значительной степени коренятся, какъ мы уже имѣли случай говорить объ этомъ, въ условіяхъ мѣстнаго характера, то въ еще большей степени вправѣ мы искать ихъ въ складѣ ума и характера тѣхъ личностей, которыя стояли въ то время во главѣ дѣла народнаго просвѣщенія.

Здѣсь, прежде всего, сталкиваемся мы съ личностью перваго министра народнаго просвѣщенія—графа П. В. Завадовскаго. Личность графа Завадовскаго, какъ руководителя дѣла народнаго образованія въ Россіи, не выяснена еще съ надлежащею опредѣленностью, тѣмъ болѣе, что этому разностороннему дѣльцу екатерининской эпохи нерѣдко всецѣло приписываются тѣ заслуги въ дѣлѣ постановки народнаго просвѣщенія начала XIX-го вѣка, которыя должны быть въ огромной степени отнесены за счетъ въ высшей степени счастливаго подбора членовъ главнаго правленія училищъ и попечителей округовъ, ознаменовавшаго собою первое десятилѣтіе минувшаго столѣтія. Новосильцевъ, Муравьевъ, Чарторыжскій, Потоцкій, Клингеръ — все это были люди съ самостоятельнымъ характеромъ и независимымъ положеніемъ, сильные близостью къ молодому императору, всецѣло проникнутые тѣми просвѣтительными идеалами, которые составляли отличительную черту начала этого царствованія; это была плеяда просвѣщенныхъ двигателей русскаго народнаго просвѣщенія, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности стоялъ головою выше престарѣлаго Завадовскаго. Не высокаго мнѣнія былъ о своемъ министрѣ народнаго просвѣщенія и самъ императоръ Александръ: въ письмѣ къ Лагарпу онъ называетъ его „настоящимъ бараномъ (un vrai mouton)“, человѣкомъ, способнымъ „ставить преграды добру, которое мы стараемся дѣлать“, сподвижникомъ предшествовавшихъ двухъ царствованій, допущеннымъ къ министерскому портфелю единственно „только для того, что бы не кричалъ, что отстраненъ“; министромъ, находящимся подъ всецѣлымъ вліяніемъ своихъ же сотрудниковъ по министерству — Муравьева, Клингера, Чарторыжскаго и др. Не лестно аттестовали современники и энергію графа Завадовскаго, даже въ самый разгаръ созидательныхъ работъ по ввѣренному ему министерству: „Богъ,—писалъ въ 1804 году графъ П. А. Строгановъ, — сотворилъ міръ въ шесть дней, почилъ отъ трудовъ своихъ въ седьмой день; нашъ же министръ поступаетъ иначе: онъ ничего не дѣлаетъ въ теченіи шести дней, а въ седьмой день все таки предается отдыху“ [175].

Если въ другихъ учебныхъ округахъ и по отношенію къ другимъ университетамъ личность перваго министра находила себѣ коррективъ въ полныхъ авторитета, энергіи и доброй воли попечителяхъ *—то казанскому учебному округу и казанскому университету не посчастливилось и въ этомъ отношеніи. Намъ уже въ достаточной степени знакома скромная,

* Вспомнимъ: графа Потоцкаго—въ харьковскомъ учебномъ округѣ, кн. Чарторыжскаго—въ виленскомъ, Новосильцева—въ петербургскомъ, Муравьева—въ московскомъ, Клингера—въ дерптскомъ.

инертная и апатично - безвольная личность престарѣлаго попечителя С. Я. Румовскаго, посѣдѣвшаго въ уединенной тиши своего кабинета, не знавшаго,—да, повидимому, лично и не желавшаго узнать,—даже того обширнаго учебнаго округа, который ввѣренъ былъ его управленію; руководителя отвѣтственнаго и труднаго дѣла народнаго просвѣщенія, съ слѣпымъ довѣріемъ отдавшагося всецѣлому вліянію пронырливаго, властолюбиваго и сомнительной честности казанскаго дѣльца, профессора-директора Яковкина, искусно сумѣвшаго забрать своего принципала въ руки, вліяя на него то запугиваніями, то лестью, то жалкими іеремiадами, то, наконецъ, интимными инсинуаціями и извѣтами. Вліяніе Яковкина на Румовскаго должно быть признано рѣшительнымъ въ остававшемся такъ долго въ неопредѣленномъ положеніи вопросѣ о полномъ открытіи университета; это полное открытіе, какъ мы ниже увидимъ, признавалось необходимымъ министромъ, не переставалъ помышлять о немъ и Румовскій, но оно изъ года въ годъ оттягивалось, такъ какъ, вслѣдствіе причинъ, достаточно понятныхъ, это открытіе было не въ интересахъ Яковкина, отожествлявшаго съ „духомъ крамолы и любоначалія", съ „адскими ковнями многоглавой гидры", съ „непріязненными ковнями"—всякій помыселъ о возможности измѣненія университетскаго режима въ духѣ высочайше дарованнаго устава 1804 года. Румовскій являлся въ полномъ смыслѣ слова опутаннымъ сѣтями ковъ и интригъ Яковкина—и это странное отношеніе между попечителемъ и директоромъ было весьма ярко очерчено впослѣдствіе (въ 1816 году) профессоромъ Ф. К. Броннеромъ, въ одномъ изъ его писемъ къ попечителю М. А. Салтыкову:

„Вы готовы броситься въ объятія людей,—пишетъ здѣсь Броннеръ Салтыкову,—которые ни своею порядочностью, ни искренностью своихъ привязанностей, не въ состояніи оказать Вамъ содѣйствія въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Попечитель Румовскій, благодаря своимъ ошибочнымъ шагамъ, изнывалъ подъ тяжестью цѣпей, которыми опутали его подобнаго рода люди („gémissait dans leurs chaines"); онъ былъ человѣкомъ, посѣдѣвшимъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ—и, не взирая на это, онъ не былъ въ силахъ выйти изъ того заколдованнаго круга, которымъ эти люди его окружили. Нѣтъ ига болѣе позорнаго, нежели то, которое налагается на начальника подчиненными ему недостойными интриганами...... Оно ведетъ человѣка къ опасности утраты всякаго авторитета и къ риску сдѣлаться рабомъ негодяевъ, которые, какъ пауки, съумѣютъ опутать его тенетами призрачнаго добра" [176].

Апатичное отношеніе Румовскаго къ дѣламъ казанскаго университета, всецѣло покинутаго имъ на произволъ Яковкина, становится все болѣе и

болѣе ощутительнымъ по мѣрѣ приближенія къ концу его попечительства, а вмѣстѣ съ нимъ—и его жизни; въ послѣдніе два года это апатичное отношеніе сказалось и въ вопросѣ о приглашеніи новыхъ профессоровъ, въ области котораго первые пять лѣтъ жизни казанскаго университета отмѣчены нѣсколькими энергичными и весьма удачными начинаніями Румовскаго. Возможно, что старикъ чувствовалъ себя обиженнымъ и недостаточною оцѣнкою его служебной дѣятельности: въ ноябрѣ 1808 года онъ счелъ, по крайней мѣрѣ, умѣстнымъ обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ, въ которомъ, прося обратить вниманіе на его службу, испрашивалъ себѣ представленія къ ордену св. Владиміра третьей степени [177].

Вопросъ о необходимости полнаго открытія казанскаго университета выступалъ съ слишкомъ рѣзкою опредѣленностью для того, что бы въ высшихъ сферахъ могли рѣшиться совершенно его замалчивать; просматривая факты университетской жизни, мы обнаруживаемъ, что уже съ осени 1807 года выплывали отъ времени до времени на ея поверхность отдѣльные симптомы, поддерживавшіе въ членахъ университета надежду на возможность близкаго осуществленія завѣтной мечты о введеніи въ дѣйствіе университетскихъ грамоты и устава 5-го ноября 1804 года. Познакомимся же съ этими симптомами, предшествовавшими неудавшейся попыткѣ совершить полное открытіе университета осенью 1810 года.

Вопросъ о полномъ открытіи казанскаго университета сталъ замѣтно интересовать собою высшія сферы вѣдомства народнаго просвѣщенія уже съ конца 1807 года. Въ сентябрѣ этого года совѣтъ представилъ на благоусмотрѣніе попечителя предложенный директоромъ Яковкинымъ проэктъ правилъ для камерныхъ студентовъ; въ отвѣтъ на это представленіе Румовскій далъ знать совѣту (отъ 7-го октября), что „приступать къ сочиненію таковыхъ правилъ еще не время, но, по силѣ § 121-го, въ уставѣ изображеннаго, должно предоставить составленіе оныхъ совѣту, когда университетъ надлежащимъ образомъ открытъ будетъ“. Это попечительское предложеніе не заключало въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно открытія университета, хотя, отрицая компетенцію директора въ составленіи студенческихъ правилъ и признавая ее за совѣтомъ, Румовскій какъ бы давалъ понять, что уставъ 1804 года не преминетъ въ скоромъ времени вступить въ свою дѣйствующую силу.

Въ началѣ 1808 года со стороны министра народнаго просвѣщенія, графа Завадовскаго, стало уже открыто проявляться намѣреніе отдѣлить университетъ отъ гимназіи и приступить къ введенію въ дѣйствіе устава

1804 года. Отдѣленіе гимназіи и полное открытіе университета предполагалось совершить лѣтомъ того же года. Румовскому не оставалось ничего болѣе, какъ слѣдовать, хотя, быть можетъ, и скрѣпя сердце, обнаружившемуся въ министерствѣ теченію, хотя лично онъ былъ противъ такой поспѣшности. Въ началѣ декабря 1807 года, излагая Яковкину свои соображенія по вопросу объ отдѣленіи гимназіи и высказывая мысль, что „сего такъ скоро сдѣлать невозможно по разнымъ причинамъ", попечитель писалъ директору: „Главное затрудненіе въ отдѣленіи гимназіи отъ университета состоитъ въ томъ, что для гимназіи должно сочинить уставъ и представить на утвержденіе. Ежели уставъ сочиненъ и утвержденъ будетъ —какое дать имя рождающемуся университету по малому числу профессоровъ? И такъ, по мнѣнію моему, дотолѣ отдѣлить гимназію отъ университета не можно, покамѣсть не наберется профессоровъ 12 или 16, чтобъ можно было составить четыре факультета и удовлетворить главнымъ, въ регламентѣ (т. е. въ уставѣ) предписаннымъ, требованіямъ".

Имѣя въ виду близкое осуществленіе своихъ предначертаній, графъ Завадовскій еще въ декабрѣ 1807 года обратился къ попечителю съ запросомъ относительно степени подготовленности университетскихъ зданій къ полному открытію университета. Румовскій отвѣтилъ 3-го января 1808 года обширнымъ донесеніемъ, въ которомъ подробно излагалъ все положеніе дѣла объ университетскихъ постройкахъ и приводилъ тѣ причины,—главнымъ образомъ финансовыя,—которыя не дали ему возможности привести это дѣло къ благополучному окончанію. Общимъ выводомъ попечителя, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, явился тотъ, что „по неотдѣлу гимназіи отъ университета и по малому числу профессоровъ къ открытію онаго приступить нѣтъ возможности". Румовскій пользуется, при этомъ, случаемъ выставить передъ министромъ заслуги своего любимца Яковкина, не забывъ отмѣтить тѣ затрудненія, какія и самому ему приходится испытывать въ дѣлѣ выполненія начальственныхъ предначертаній:

„Всѣмъ, что при университетѣ и для гимназіи устроено (въ сущности—почти ничего, какъ это усняется изъ того же донесенія), обязанъ я тщанію и неусыпному раченію профессора Яковкина (слѣдуетъ исчисленіе его заслугъ).... И для того покорнѣйше ваше сіятельство прошу удостоить его вашего благоволенія и, въ воздаяніе ревности и трудовъ его, исходатайствовать ему у государя императора равное отличіе, какое нѣкоторымъ профессорамъ другихъ университетовъ исходатайствовать изволили..... Если распоряженія мои,—заключаетъ Румовскій уже pro domo sua, — недостойны благоволѣнія вашего сіятельства, то всепокорнѣйше прошу несовершенство ихъ приписать не недостатку

моего раченія и усердія, но недостатку средствъ, преклонности моего вѣка и умаленію силъ моихъ какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ. Счастливы предо мною прочіе господа попечители (очевидный намекъ на харьковскаго попечителя гр. Потоцкаго), которымъ для устроенія университета и для окончанія другихъ учебныхъ заведеній всевозможныя оказаны были вспоможенія!" *

Донесеніе попечителя не повліяло, однако, на рѣшимость министра поспѣшить съ полнымъ открытіемъ университета: „Долгомъ почитаю заблаговременно васъ увѣдомить,—писалъ Румовскій Яковкину отъ 12-го февраля 1808 года,—что министръ народнаго просвѣщенія, сколько я изъ рѣчей его разумѣть могъ, будущимъ лѣтомъ прикажетъ гимназію отдѣлить отъ университета; однако я,—оговаривается попечитель,—сколько силъ моихъ будетъ, буду стараться удержать его отъ сего намѣренія". Старанія Румовскаго не остались безплодными: хотя, въ виду выраженнаго министромъ намѣренія, тогда же наскоро сдѣланы были приготовленія къ возможности перемѣщенія гимназіи въ приспособлявшійся для нея домъ, тѣмъ не менѣе отдѣленіе гимназіи отъ университета состоялось, какъ увидимъ, лишь три съ половиною года спустя послѣ описываемыхъ нами событій. Въ началѣ зимы 1809—1810 года вопросъ объ отдѣленіи гимназіи и о полномъ открытіи университета казался особенно близкимъ къ своему осуществленію: „Желалъ бы я быть при отдѣленіи гимназіи отъ университета,—писалъ Яковкину попечитель 22-го ноября 1809 года;—что касается до открытія университета, то оно не можетъ прежде послѣдовать, какъ лѣтомъ".

Предпринимались и нѣкоторыя приготовленія для самаго торжества полнаго открытія университета. Попечитель Румовскій прислалъ Яковкину въ концѣ 1808 года текстъ канта, написаннаго для этого случая кѣмъ то въ Петербургѣ, предписавъ положить его на музыку, что и было выполнено университетскимъ композиторомъ Новиковымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель выразилъ пожеланіе, „что бы студенты и кандидаты, упражняющіеся въ словесныхъ наукахъ, съ своей стороны постарались сдѣлать по канту, дабы изъ всѣхъ можно было выбрать лучшій"; такой кантъ представленъ былъ учителемъ словесности Ибрагимовымъ, но оказался забракованнымъ: „Я его многимъ показывалъ, въ словесныхъ наукахъ упраж-

---

* Цитируемое нами донесеніе Румовскаго представляетъ большой интересъ для исторіи начальнаго устроенія университета, что и побуждаетъ насъ въ полномъ видѣ воспроизвести его ниже, въ приложеніяхъ.

няющимся,—писалъ попечитель,—но никому онъ не понравился“ *. Сообщая Румовскому 1-го декабря о написанной Новиковымъ музыкѣ для присланнаго имъ канта, Яковкинъ писалъ попечителю: „Въ воскресенье сдѣлана была ей проба съ полною вокальною и инструментальною музыкою; кромѣ своихъ пѣвчихъ и музыкантовъ, студентовъ и питомцевъ, приглашены были на сіе время еще нѣкоторые полковые, такъ что всѣхъ было 53 человѣка. По казанскому—музыка кажется хороша: громка, величественна и соотвѣтственна важности происшествія; но какова она окажется въ Петербургѣ—покажетъ время“.

Знаменательнымъ симптомомъ ожидаемаго введенія устава 1804 года могли явиться въ глазахъ членовъ университета и обстоятельства, сопровождавшія домогательство адъюнктомъ Городчаниновымъ, въ февралѣ 1808 года, званія экстраординарнаго профессора. Сообщая объ этомъ совѣту предложеніемъ отъ 13-го февраля, попечитель, ссылаясь на уставъ 1804 года, признаетъ кандидатуру Городчанинова подлежащею компетенціи совѣта: „Какъ о трудахъ и знаніи (Городчанинова) совѣтъ основательнѣе судить можетъ, нежели я, будучи въ отсутствіи, то, основываясь на § 36-мъ устава казанскаго университета, предлагаю совѣту поступить по оному параграфу ** и дать свое мнѣніе—заслуживаетъ ли г. Городчаниновъ званія профессора экстраординарнаго“. Фактъ этотъ представляетъ крупный интересъ, какъ первая, за три года существованія университета, попытка примѣненія выборнаго начала въ дѣлѣ возведенія въ профессорское достоинство. Заслушавъ предложеніе попечителя въ засѣданіи 4-го марта, совѣтъ, для обсужденія поднятаго въ немъ вопроса, собрался въ ближайшую субботу, въ составѣ однихъ только профессоровъ. Согласно предложенію Яковкина, Городчаниновъ не былъ подвергнутъ баллотированію шарами, какъ это требовалось уставомъ („да и балловъ у насъ еще нѣтъ“—писалъ директоръ попечителю), но мнѣнія о достоинствахъ кандидата были письменно изложены каждымъ профессоромъ въ отдѣльности и, затѣмъ, препровождены попечителю. Всѣ эти мнѣнія оказались для избираемаго неблагопріятными; не добившись экстраординатуры, оскорбленный Городчаниновъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ университета. Яковкинъ предви-

---

* Кантъ Ибрагимова сохранился въ дѣлахъ архива попечительской канцеляріи (см. 1809, № 14).

** Въ силу этого параграфа, «совѣтъ, по предложенію ректора, баллотированіемъ удостоиваетъ въ экстраординарные профессоры» четырехъ изъ двѣнадцати адъюнктовъ, «трудолюбіемъ предъ прочими отличившихся и знаніе свое преподаваніемъ курсовъ и сочиненіями доказавшихъ».

дѣлъ, впрочемъ, возможность примѣненія къ совѣтской практикѣ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и баллотированія шарами: „Съ теченіемъ времени, а можетъ быть и скоро,—пишетъ онъ попечителю отъ 12-го января 1809 года,—потребны могутъ быть совѣту баллы для предписанныхъ уставомъ баллотированій, здѣсь же, въ Казани, ни купить ни заказать сдѣлать ихъ не можно; о сей настоящей и всегдашней потребности осмѣливаюсь я предварительно представить на начальственное вашего превосходительства благоусмотрѣніе".

Вопросъ о полномъ открытіи университета не глохнулъ и въ теченіи 1809 года, по прежнему продолжая сталкиваться съ существеннымъ препятствіемъ, заключавшимся въ необходимости предварительнаго отдѣленія отъ университета гимназіи; другое препятствіе, сводившееся къ недостаточности личнаго преподавательскаго персонала, было до извѣстной степени устранено: къ 1810-му году университетъ числилъ въ своемъ составѣ уже 21-го профессора и адъюнкта, да трехъ штатныхъ преподавателей другихъ званій, не считая преподающихъ магистровъ и кандидатовъ.

Престарѣлому попечителю вся эта возня съ висѣвшимъ надъ нимъ вопросомъ объ открытіи университета и самому то, кажется, изрядно надоѣла, безпрестанно его тревожа и волнуя—и Румовскій сталъ самъ искренне желать скорѣйшаго открытія университета хотя бы только изъ эгоистическихъ побужденій собственнаго спокойствія: „Ни единой почты не проходитъ,—писалъ онъ директору въ іюлѣ 1809 года,—чтобъ я не получалъ откуда нибудь непріятныя извѣстія или извѣстія о недостаткахъ въ училищахъ, коихъ за отдаленностью отвратить не въ силахъ. Когда Богъ поможетъ открыть университетъ, все сіе бремя ляжетъ на него и я буду поспокойнѣе. Прежде, нежели гимназія переведена будетъ въ новое строеніе, надобно устроить въ немъ нужное (sic!) мѣсто для воспитанниковъ. Гдѣ бъ вы думали оное поставить такъ, чтобъ двора не безобразило? Скучно объ этомъ думать, но нужно, необходимо"..... Насколько осуществимымъ считалось скорое открытіе университета видно уже изъ того, что въ одномъ изъ университетскихъ домовъ („Спижарномъ") осенью 1809 года приготовлялось помѣщеніе для попечителя, на случай пріѣзда его для означенной цѣли въ Казань. Общія ожиданія поддерживались и разсужденіями, которыя лѣтомъ 1809 года велись въ главномъ правленіи училищъ по вопросу о срокѣ службы ректоровъ университетовъ; всѣ члены главнаго правленія высказались за существующій годичный срокъ ректорской службы, за исключеніемъ попечителя казанскаго учебнаго округа Румов-

скаго *, который отстаивалъ для университетовъ, вообще, и для казанскаго университета, въ частности, избраніе ректора черезъ каждые три года [178].

На болѣе твердую почву сталъ вопросъ о полномъ открытіи казанскаго университета въ 1810 году, разрѣшившись уже упомянутою нами неудавшеюся и нечуждою скандальнаго элемента попыткою совершить это открытіе въ началѣ осени того же года.

Новому, и на этотъ разъ уже серьезному, возбужденію вопроса о необходимости полнаго открытія университета способствовало обстоятельство совершенно исключительнаго и посторонняго, по отношенію къ учебному вѣдомству, характера. Этимъ обстоятельствомъ явилась ревизія казанской губерніи, въ концѣ 1809 и въ началѣ 1810 годовъ произведенная сенаторомъ Обрѣзковымъ.

Сенаторъ и главный директоръ межевой канцеляріи, тайный совѣтникъ П. А. Обрѣзковъ, имѣвшій высочайшее повелѣніе обозрѣть, „въ видѣ инспектора его величества", всѣ присутственныя мѣста казанской губерніи, прибывъ въ Казань въ первыхъ числахъ декабря, 20-го числа того же мѣсяца осматривалъ казанскіе университетъ и гимназію [179]. Результатъ осмотра оказался, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, благопріятнымъ: ревизующій сенаторъ остался вполнѣ доволенъ всѣмъ имъ видѣннымъ, о чемъ и разрѣшилъ составить особое журнальное постановленіе, изъявивъ директору Яковкину „полную" свою признательность. Казалось бы, что результатъ этой сенаторской ревизіи долженъ былъ лишь упрочить положеніе профессора-директора; на дѣлѣ вышло, однако, иначе, что оказалось въ тѣсной связи съ измѣненіями въ руководящихъ сферахъ министерства.

Ближайшіе послѣ окончанія ревизіи сенатора Обрѣзкова мѣсяцы совпали съ крупнымъ событіемъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія: 11-го апрѣля 1810 года уволенъ былъ, съ назначеніемъ предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта, министръ народнаго просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій и преемникомъ ему назначенъ былъ, въ тотъ же день, попечитель московскаго учебнаго округа графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій (1748—1822 г.г.). Новый министръ уже давно и лично знакомъ былъ Яковкину—еще въ петербургскій періодъ его жизни: лѣтъ двадцать тому назадъ будущій казанскій профессоръ-директоръ, въ то время преподаватель пажескаго корпуса, пользовавшійся нѣкоторою

---

* Мнѣніе Румовскаго по отношенію къ казанскому университету получило осуществленіе: 26-го мая 1811 года состоялось, въ отмѣну устава, высочайшее повелѣніе объ избраніи въ казанскомъ университетѣ ректора черезъ каждые три года (Полн. Собрн. Зак., XXXI, № 24653).

извѣстностью въ столичномъ педагогическомъ мірѣ, былъ учителемъ сыновей графа Разумовскаго, Петра и Кирилла Алексѣевичей, при которыхъ „въ лицѣ сиротки",—по выраженію Яковкина,—находился одинъ изъ пяти незаконныхъ сыновей графа, Алексѣй Перовскій *. Этому то „сироткѣ", непріязненныя отношенія котораго къ Яковкину начались, весьма вѣроятно, еще въ то время, и выпало впослѣдствіе на долю сыграть, благодаря близости къ своему отцу-министру, случайную, но довольно значительную, роль въ жизни казанскаго университета интересующей насъ эпохи. Въ концѣ 1809 года А. А. Перовскій, въ то время уже докторъ философіи и словесныхъ наукъ московскаго университета, находился въ штатѣ сенатора Обрѣзкова, ревизовавшаго казанскую губернію, и хорошо помнилъ, конечно, Яковкина по знакомству съ нимъ въ домѣ графа Разумовскаго. Казанская встрѣча старыхъ петербургскихъ знакомцевъ не отличалась сердечностью:

> „Перовскій весьма ожидалъ и стороною требовалъ, чтобъ я въ немъ искалъ,—писалъ Яковкинъ Румовскому.—Можетъ быть, что я познакомился бы съ нимъ покороче и объяснился бы съ нимъ, что знаю его уже около двадцати лѣтъ, но во время самаго обозрѣнія университета и гимназіи г. сенаторомъ почувствованная мною простуда, съ начала января лишавшая меня силъ въ теченіи января, февраля и марта, въ томъ мнѣ воспрепятствовала: я видѣлъ его только трижды—при обозрѣніи съ г. сенаторомъ, въ новый годъ у губернатора и въ маскарадѣ. Всевышній видитъ,—добавляетъ Яковкинъ,—кто кого обидитъ: была бы моя совѣсть чиста и спокойна"!

Любопытно, что въ числѣ виновниковъ оговора его передъ Перовскимъ Яковкинъ указываетъ и профессора Фукса, который,—доносилъ директоръ попечителю уже въ мартѣ 1811 года, когда находились въ обостреніи его отношенія къ Фуксу,—„повелъ свой подъ меня подкопъ у

---

* У графа А. К. Разумовскаго, кромѣ двухъ законныхъ сыновей, было еще пять незаконныхъ сыновей и четыре такихъ же дочери, прижитыхъ имъ отъ М. М. Соболевской; получая прекрасное домашнее воспитаніе наравнѣ съ законными сыновьями графа, эти «воспитанники» или «сиротки» (какъ именуетъ ихъ Яковкинъ) получили фамилію Перовскихъ (отъ подмосковнаго села Перова).

Одинъ изъ этихъ Перовскихъ, Алексѣй Алексѣевичъ (1787—1836), и находился въ 1810 году въ Казани въ штатѣ ревизующаго сенатора Обрѣзкова. Воспитанникъ московскаго университета (съ 1805 г.) и докторъ философіи и словесныхъ наукъ (1807 г.), А. А. Перовскій находился въ эпоху отечественной войны и во время послѣдующаго похода заграницу въ военной службѣ, затѣмъ (до 1822 г.) служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, а въ 1825—1830 годахъ былъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа. Представитель русскаго романтизма и писатель пушкинской эпохи, А. А. Перовскій, болѣе извѣстный подъ литературнымъ псевдонимомъ «А. Погорѣльскаго», въ 1829 г. получилъ званіе члена россійской академіи. Умеръ въ 1836 году.

г. Обрѣзкова чрезъ извѣстнаго Перовскаго, часто у него бывавшаго и съ нимъ вмѣстѣ во вся тяжкая вдававшагося, описывая ему меня самыми черными красками, какъ, между тѣмъ, самъ г. Обрѣзковъ принималъ меня всегда и подолгу разговаривалъ самымъ обязательнымъ и откровеннымъ образомъ".

„Сердце мое предъ вашимъ превосходительствомъ открыто, — по обыкновенію изливаетъ директоръ передъ начальствомъ свою душу.— Слава Богу, что кичливость мнѣ совсѣмъ чужда; но злобную зависть довести до такой самой подлѣйшей степени всѣмъ непростительно, а еще постыднѣе, не щадя никакой подлости и унизительности, искать благосклонности всякаго пріѣзжаго и не только задать тонъ, но и увѣрять, что одинъ только Фуксъ и есть при казанскомъ университетѣ достойный профессоръ, прочіе же всѣ ничего не стоятъ... Теперь то я знаю совершенно весь постыдный характеръ сего человѣка, одинаковое со звѣремъ таковыхъ же свойствъ прозваніе носящаго (Fuchs—лисица). Богъ съ нимъ—онъ его рано или поздно накажетъ!" [180]....

Какъ бы то ни было, но вслѣдъ за вступленіемъ графа А. К. Разумовскаго въ управленіе министерствомъ, новымъ министромъ получены были далеко не утѣшительныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ казанскомъ университетѣ. Яковкинъ не обинуясь пояснялъ Румовскому, что эти свѣдѣнія сообщены графу именно Перовскимъ. Особенно сильно доставалось въ этихъ сообщеніяхъ Яковкину, которому приписывались всѣ тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ находилось казанское учебное дѣло. Сообщенія эти имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что графъ Разумовскій въ августѣ 1810 года обратился къ казанскому губернатору Мансурову съ оффиціальнымъ запросомъ, въ которомъ, въ виду достигшихъ министерства невыгодныхъ извѣстій о казанскомъ директорѣ, просилъ поставить его въ извѣстность „о свойствахъ Яковкина, его поведеніи и о томъ, исполняетъ ли онъ возложенныя на него должности съ надлежащею исправностью и къ удовольствію казанскихъ жителей?" Губернаторъ Мансуровъ, всего три года тому назадъ не жалѣвшій красокъ для обрисовки Яковкина въ глазахъ двухъ министровъ въ самомъ непривлекательномъ для него свѣтѣ, на этотъ разъ выступилъ ревностнымъ доброжелателемъ профессора-директора и отозвался (отъ 6-го сентября) о Яковкинѣ съ самой лестной стороны:

„Сей чиновникъ, имѣя свойства миролюбивыя, старается оказывать доброхотство свое каждому и, не будучи занятъ никакими предосудительными пристрастіями, сохраняетъ благочиніе всегда, во всякомъ мѣстѣ и, особенно, по ввѣреннымъ управленію его заведеніямъ,—

заявляетъ губернаторъ.—Поведеніе его: по общежитію, по хозяйству въ домашней жизни и по образу воспитыванія собственныхъ дѣтей его, пятерыхъ дочерей.... столь хорошо и похвально, что достойно подражанія. По званію его Яковкинъ исправляетъ должности.... всегда безъ упущенія, съ должною исправностью и къ удовольствію здѣшнихъ и иногороднихъ обывателей и т. п. и т. п.".

Мансуровъ такъ поусердствовалъ въ своемъ отзывѣ о профессорѣ-директорѣ, что губернаторскій отзывъ объ немъ поразилъ самого Яковкина, писавшаго по этому поводу Румовскому отъ 26-го сентября:

„Неисповѣдимы и непостижимы судьбы Творческаго Провидѣнія! Кто принималъ участіе въ прежнемъ оклеветаніи меня, тотъ самъ, по полученіи отношенія, увидѣвъ меня 30-го августа пріѣхавшаго къ нему съ поздравленіемъ, отозвалъ въ другую комнату, разговаривалъ дружески со мною долго объ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ моихъ занятіяхъ и потомъ, увѣдомивъ меня о новыхъ противу меня козняхъ, клеветою и завистію устремленныхъ, просилъ меня быть совершенно спокойнымъ и увѣреннымъ, а притомъ, откровенно извиняясь въ прежнемъ своемъ поступкѣ, увѣрялъ съ клятвою, что онъ никогда и не думалъ принимать участіе въ столь подломъ и постыдномъ заговорѣ и что донынѣ самъ онъ не знаетъ и не понимаетъ, какъ это случилось".

Яковкину на этотъ разъ удалось, повидимому, обойти слабохарактернаго и, надо полагать, недалекаго казанскаго губернатора, убѣдивъ его дать о себѣ такой восторженный отзывъ. Это представляется тѣмъ менѣе понятнымъ, что казанская же губернская администрація четырьмя годами позже, въ 1815 году, дала о томъ же Яковкинѣ отзывъ, что „о господинѣ профессорѣ Яковкинѣ публика дѣлаетъ отзывы не такъ для него лестные".

Еще раньше полученія имъ губернаторскаго отзыва о Яковкинѣ, въ іюлѣ 1810 года, новый министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій получилъ отъ сенатора Обрѣзкова оффиціальное сообщеніе о результатѣ осмотра имъ казанскаго университета, основанное на всеподданнѣйшемъ донесеніи, сдѣланномъ ревизовавшимъ казанскую губернію сенаторомъ. Это сообщеніе сдѣлано было въ умѣренныхъ, но довольно опредѣленныхъ, чертахъ: „Казанскій университетъ, основанный въ 1804 году,—заявлялъ здѣсь сенаторъ Обрѣзковъ,—до сего времени не можетъ еще почитаться совершенно открытымъ.... но я нахожу, что столь долговременное неоткрытіе университета есть нѣкоторое помѣшательство въ дѣйствіи онаго на тотъ предметъ, на который онъ установленъ". Ревизія Обрѣзкова прямо осуждала, такимъ образомъ, то, все еще „неопредѣлительное", положеніе, въ которомъ продолжалъ съ 1805 года находиться казанскій университетъ.

Такъ понялъ дѣло и Румовскій, писавшій Яковкину, что „вы обнесены были министру просвѣщенія не отъ г. Обрѣзкова, но отъ другаго извѣстнаго мнѣ человѣка“, и что сенаторъ, одобривъ постановку учебной части въ университетѣ и гимназіи—не одобрилъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ только то, что „управленіе университета несогласно съ правилами, въ уставѣ предписанными“ [181].

Какъ сообщеніе сенатора Обрѣзкова, такъ и частныя свѣдѣнія, полученныя графомъ Разумовскимъ о положеніи вещей въ Казани, не могли не обратить вниманія новаго министра народнаго просвѣщенія на анормальное состояніе казанскаго университета и 17-го августа 1810 года воспослѣдовало слѣдующее предложеніе министра на имя попечителя казанскаго учебнаго округа Румовскаго:

„Милостивый государь мой Степанъ Яковлевичъ!—По всѣмъ доходящимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ заключаю я, что существующее на мѣстѣ управленіе казанскимъ университетомъ ни мало не способствуетъ къ возведенію его въ цвѣтущее состояніе, а, напротивъ, подвергаетъ оный разстройству, что приписываютъ, именно, директору гимназіи Яковкину. Почетные посѣтители, обозрѣвавшіе университетъ по препорученію или изъ любви къ наукамъ, и тамошніе обыватели—отзываются съ невыгодной стороны о семъ чиновникѣ.

„По таковымъ уваженіямъ, для учрежденія управленія университетомъ и учебнымъ его округомъ на основаніи высочайше утвержденнаго устава, предпишите ваше превосходительство сословію профессоровъ казанскаго университета избрать изъ нихъ ректора, установить раздѣленіе факультетовъ и сдѣлать выборъ въ деканы для каждаго изъ оныхъ; равно избрать членовъ въ правленіе университета, цензурный и училищный комитеты,—словомъ, распорядить все сообразно университетскому уставу и представить мнѣ на утвержденіе“.

Только что приведенное нами предложеніе графа Разумовскаго окончательно разрѣшало, повидимому, вопросъ о „неопредѣлительномъ“ положеніи казанскаго университета въ сторону неотложнаго и полнаго открытія его на основаніи устава 1804 года. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній о томъ, какое впечатлѣніе произвела эта министерская бумага какъ на членовъ университетской коллегіи, такъ и на профессора-директора Яковкина, который не могъ не предвидѣть, конечно, что введеніе въ дѣйствіе университетскаго устава положитъ предѣлъ его самовластію и бюрократическимъ поползновеніямъ; представляется вполнѣ несомнѣннымъ, тѣмъ не менѣе, что распоряженіе графа Разумовскаго отъ 17-го августа должно было вызвать самыя радужныя упованія въ членахъ совѣта и

вызвать соотвѣтствующее чувство безнадежной удрученности въ душѣ, терявшаго подъ ногами почву, директора. Категорическое предписаніе новаго министра не допускало разсужденій и требовало неотложнаго исполненія. Затаивъ въ глубинѣ души всю горечь наступающаго положенія вещей, Яковкину оставалось лишь выступить и на этотъ разъ ревностнымъ выполнителемъ предначертаній высшаго начальства, не теряя надежды на возникновеніе случайностей, способныхъ парализовать благія начинанія министра. Эти случайности, какъ мы скоро увидимъ, не заставили себя долго ждать и „часу“ паденія Яковкина суждено было наступить еще не такъ то скоро.

Предложеніе попечителя объ открытіи университета на основаніи устава 1804 года заслушано было въ совѣтѣ 13-го сентября и на 16-ое сентября назначено было засѣданіе совѣта для производства выборовъ должностныхъ лицъ. Предсѣдателемъ этого избирательнаго собранія назначенъ былъ, по общему соглашенію, профессоръ-директоръ Яковкинъ. Собравшись въ назначенный день, къ 11-ти часамъ утра, въ количествѣ тринадцати ординарныхъ профессоровъ, члены совѣта прежде всего приступили къ избранію ректора. „Комомъ вышелъ“,—какъ выражается русская поговорка,—уже этотъ первый избирательный „блинъ“: никто не оказался избраннымъ въ почетную и отвѣтственную должность ректора. Баллотировка дала слѣдующій результатъ, который мы изложимъ, слѣдуя порядку полученнаго большинства шаровъ:

	Избират.	Неизбират.	
Браунъ	6	6	шаровъ.
Литтровъ	6	6	„
Нейманъ	5	7	„
Эрдманъ	4	8	„
Яковкинъ	3	9	„
Фуксъ	3	9	„
Бартельсъ	3	9	„
Фойгтъ	3	9	„
Френъ	2	10	„
Реннеръ	2	10	„
Финке	1	11	„
Германъ	0	12	„
Сторль	0	12	„

Хотя и не давшая положительнаго результата, эта баллотировка сразу раскрыла избирательныя карты. Яковкинъ, не на шутку мечтавшій, въ чемъ поддерживалъ его и попечитель, перемѣнить свое директорство—на выбор-

ное ректорство, долженъ былъ понять, что шансы его представляются въ этомъ отношеніи ничтожными. Съ другой стороны, уже этотъ избирательный листъ намѣчалъ личность будущаго выборнаго представителя университета: то былъ профессоръ И. О. Браунъ, на долю котораго, три года спустя, и выпала честь сдѣлаться первымъ ректоромъ казанскаго университета.

Приступлено было, затѣмъ, къ избранію декановъ, давшему слѣдующіе результаты:

	Избират.	Неизбират.
А. Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ.		
Фойгтъ	8	4
Нейманъ	6	6
Финке	3	9
Б. Отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ.		
Бартельсъ	9	3
Литтровъ	8	4
Реннеръ	2	10
В. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ.		
Браунъ	7	5
Эрдманъ	7	5
Г. Отдѣленіе словесныхъ наукъ.		
Яковкинъ	9	3
Френъ	7	5
Сторль	3	9
Германъ	3	9

Пилюля ректорскаго избранія была, такимъ образомъ, для Яковкина позлащена: отказавъ ему въ представительствѣ всего университета, избиратели сочли справедливымъ сохранить за нимъ представительство въ факультетѣ—честь, которая не въ состояніи была, однако, удовлетворить властолюбивымъ стремленіямъ директора, привыкшаго нераздѣльно слѣдовать принципу: „университетъ—это я!“.....

Продолженіе выборовъ было назначено на слѣдующій день—17-го сентября, но въ этомъ засѣданіи состоялось избраніе лишь секретаря совѣта, должность, въ которую и былъ выбранъ университетскій „законникъ“, профессоръ правовѣдѣнія Нейманъ, получившій подавляющее большинство шаровъ (11 избират. и 1 неизбират.,—изъ другихъ кандидатовъ свыше четырехъ шаровъ не имѣлъ никто). Неудача этого дня имѣла своею при-

чиною внезапное нездоровье предсѣдателя Яковкина, заявившаго, что онъ продолжать засѣданіе, вслѣдствіе головной боли, не въ состояніи, а эта внезапная „болѣзнь" (конечно, только политическая) директора причиною имѣла, въ свою очередь, скандальный инцидентъ, разыгравшійся въ засѣданіи совѣта и послужившій сигналомъ тѣхъ „случайностей", на которыя могъ еще надѣяться Яковкинъ и которымъ было суждено обратить въ ничто всю избирательную кампанію осени 1810 года. Инцидентъ этотъ вызвалъ къ жизни цѣлое совѣтское дѣло, носящее въ реэстрахъ архива казанскаго университета довольно оригинальное названіе „Дѣла о горячности въ совѣтѣ, оказанной господиномъ профессоромъ Фойгтомъ".

Дѣло о горячности профессора Фойгта создалось на слѣдующей почвѣ. Въ роковой день 17-го сентября засѣданіе совѣта открылось въ началѣ двѣнадцатаго часа предложеніемъ предсѣдателя Яковкина завести, примѣняясь къ § 48-му университетскаго устава *, особую книгу для занесенія причинъ отсутствія въ засѣданіяхъ членовъ, на что и послѣдовало общее согласіе. Какъ разъ въ этотъ день запоздалъ прибытіемъ въ совѣтъ профессоръ Фойгтъ. Но пусть самъ Яковкинъ разскажетъ намъ о томъ, что разыгралось, слѣдомъ затѣмъ, въ совѣтѣ:

„По окончаніи сего, въ 35 минутъ двѣнадцатаго,—доносилъ Яковкинъ попечителю,—пришелъ въ собраніе и г. профессоръ Фойгтъ, коему, когда онъ сѣлъ на свое мѣсто, объявилъ я со всею должною благопристойностью объ учиненномъ прежде его приходу предположеніи. Выслушавъ сіе, г. Фойгтъ съ горячностью зашумѣлъ и, взявъ бумагу, началъ что то писать съ примѣтнымъ каждому жаромъ. Не подавъ къ сему ни малѣйшей причины, приступилъ я къ избранію секретаря совѣта. Въ то время г. профессоръ Фойгтъ, дописавъ свою бумагу, показалъ ее читать г.г. профессорамъ Литтрову, Финке, Френу и Бартельсу, изъ коихъ каждый, прочитавъ ее, пожималъ плечами, примѣтно удивлялся и, возвращая оную бумагу г. Фойгту, говорилъ съ нимъ и, какъ казалось, уговаривалъ его, но онъ еще болѣе горячился до того, что въ 55 минутъ двѣнадцатаго часа, соскочивъ съ своего мѣста, вырвалъ изъ рукъ у г. Литтрова написанную имъ бумагу и, взявъ съ канапе свою шляпу, хотѣлъ уйти, будучи при томъ уговариваемъ и удерживаемъ г. Литтровомъ. Почему вынужденъ я былъ многократно спрашивать съ надлежащею пристойностью о причинѣ его ухода, для вписанія въ протоколъ; но онъ, и болѣе разгоря-

* «Каждый отсутствующій членъ,—гласилъ этотъ параграфъ,—доставляетъ секретарю совѣта извѣщеніе о причинѣ своего отсутствія, которое должно быть прочтено въ собраніи и внесено въ особливую книгу».

чившись, ничему не внималъ и вдругъ отъ канапе побѣжалъ ко мнѣ, сломалъ (т. е. перегнулъ) въ четверо листъ и бросилъ передъ меня на столъ; потомъ, сѣвъ опять на свое мѣсто, горячился и шумѣлъ, не внимая увѣщаніямъ г.г. Литтрова и Неймана. Усмотрѣвъ таковую непристойность и нарушеніе предписаннаго порядка, просилъ я г.г. сочленовъ, чтобъ записать о семъ въ протоколъ, но никто словесно не заявилъ на то своего согласія".

Нѣкоторые изъ членовъ совѣта, не желая доводить дѣло „до протокола", какъ настаивалъ на томъ директоръ, старались смягчить впечатлѣніе скандала. Профессоръ Нейманъ убѣждалъ Яковкина въ томъ, что весь этотъ инцидентъ—результатъ простаго недоразумѣнія, а профессоръ Литтровъ приписывалъ „горячность" Фойгта его болѣзненному состоянію *, увѣряя, что „въ сіе самое время воспослѣдовалъ съ нимъ пароксизмъ", на что директоръ возразилъ, что „каждый больной законами увольняется на сіе время отъ исправленія публичной должности, почему г. Фойгту, извѣстивъ совѣтъ о причинѣ своего отсутствія, не слѣдовало бы и приходить въ совѣтъ". Видя безуспѣшность своихъ настояній относительно занесенія въ протоколъ „о разгоряченіи г. Фойгта, о шумѣ его и нарушенномъ порядкѣ засѣданія", Яковкинъ объявилъ собранію, что „не оставитъ донести о семъ высшему начальству". Между тѣмъ Фойгтъ сталъ писать другую бумагу, которую „уже благопристойно" подалъ предсѣдателю. Принявъ бумагу и сдавъ ее секретарю, Яковкинъ сказался больнымъ и оставилъ засѣданіе.

Приведемъ самый текстъ этой второй бумаги, оказавшейся въ дѣлѣ о горячности профессора Фойгта:

„Въ совѣтъ императорскаго казанскаго университета (sic) отъ профессора философіи Карла Фойгта

покорнѣйшее прошеніе.

Для оправданія на выговоръ, полученный мною отъ г. профессора и кавалера Яковкина за опозданіе—я покорнѣйше представляю и прошу слѣдующее:

1. По настоящему времени я токмо опоздалъ 11 минутъ. Я въ вчерашнемъ совѣтѣ поправилъ мои часы даже по часамъ совѣта; къ несчастью не зналъ, что они сего дня впередъ поставлены, и какъ я живу двѣ версты отъ совѣта (sic), то и не могъ освѣдомиться, какимъ образомъ онѣ сегодня поправлены.

---

* Объясненіе весьма правдоподобное: Фойгтъ умеръ въ іюлѣ слѣдующаго года и уже съ конца 1810 года почти совершенно прекратилъ, по болѣзни, чтеніе лекцій.

2. Былъ я часто въ совѣтахъ и принужденъ нашелся ждать цѣлый часъ прежде, нежели начиналось засѣданіе. Даже вчера засѣданіе открыто позже половины двѣнадцатаго. Какъ могъ я знать, что сегодня будутъ столь взыскательны касательно нѣсколько минутъ?

3. Многіе изъ моихъ товарищей въ другое время весьма поздно приходили, не получа за то выговоръ, нѣкоторые даже цѣлый мѣсяцъ не являлись, а другіе по цѣлымъ третямъ года не ходятъ, не объявляя причины своего отсутствія. Почему же токмо я получаю выговоръ, опоздавъ 11 минутъ?

Я знаю токмо одну славу, которая мнѣ дорога и священна, славу исполнить въ точности мою должность, и прошу потому отослать сіе мое покорнѣйшее прошеніе его превосходительству, дабы я предсталъ въ этомъ видѣ предъ его правосудіемъ и справедливостью и дабы я не лишался его благосклонности, которою наслаждаюсь, какъ и другой.

Казань, 17-го сент. 1810 года.
Карлъ Фойгтъ, проф. теорет. и практ. философіи".

Пустое само по себѣ, „дѣло о горячности профессора Фойгта", осложненное еще и разгаромъ страстей, вызваннымъ совѣтскими выборами, стало принимать обширные размѣры и затянулось до декабря мѣсяца. Въ отвѣтъ на обвинительный актъ, предъявленный Яковкинымъ по его адресу передъ попечителемъ и въ совѣтѣ, Фойгтъ разразился обширною и страстною отповѣдью, поданною имъ совѣту въ половинѣ октября. Приведемъ (съ сохраненіемъ слога и орфографіи) выдержки изъ этого любопытнаго акта, и форма и содержаніе котораго едва ли оставляютъ сомнѣніе въ патологической нормальности нервной системы не въ мѣру „горячаго" профессора философіи:

„Господинъ профессоръ Яковкинъ,—поясняетъ здѣсь Фойгтъ,—говоритъ, что онъ предложилъ заведеніе книги, въ которую причины отсудствія сочленовъ совѣта имѣютъ быть вписаны, для того—„что тогда проф. Фойгтъ не былъ въ присудствіи".—И такъ для меня!!! Для чего точно для меня?!! Для чего точно въ то время, когда я разъ нѣсколько минутъ опоздалъ?!! Пятъ лѣтъ съ ряду при частомъ опозданіи и частомъ совершенномъ отсудствіи другихъ сочленовъ совѣта, господинъ проф. Яковкинъ не нашелъ довольно причины къ такимъ мѣрамъ, и для того я не могу иначе думать, какъ, что онъ только выжидалъ случая, гдѣ я одинъ разъ буду опоздать или отсудствовать. Я похваляю всѣмъ сердцемъ введенную мѣру; должно было бы ее уже давно принять—только тяжко долженъ былъ я печалиться и скорбѣть, что точно я къ сему долженъ былъ быть побудительною причиною и что я въ новой книгѣ долженъ былъ стоять въ первомъ мѣстѣ въ

числѣ нерадивыхъ. Я признаюсь чистосердечно, что сіе оскорбленіе и обида моей чести тотчасъ сдѣлали на меня великое впечатлѣніе и что я при семъ не могъ быть спокойнымъ и терпѣливымъ, но что я съ важностію и ревностію (что г. проф. Яковкинъ именуетъ жаромъ и шумомъ) сперва изустно и потомъ письменно извинялся и оправдался противъ сей для меня предпріятой мѣрѣ и мнѣ такъ незаслуженнымъ образомъ учиненному выговору".

Даетъ профессоръ Фойгтъ объясненія и по поводу „жара", въ которомъ обвинялъ его директоръ:

„Относительно до жару въ которой я по отношенію г. проф. Яковкина, какъ сказываетъ, пришелъ, и касательно до шума, котораго я, какъ утверждаютъ, причинилъ, изъясняюсь я, что г. проф. Яковкинъ представилъ сіе дѣло совсѣмъ противно истиннѣ, и что дѣло было слѣдующимъ образомъ. Когда я написалъ мое оправданіе и оно было читано нѣкоторыми изъ господъ моихъ сочленовъ (однако не давъ имъ оное для пересмотра), хотѣлъ я оное вручить торжественно совѣту, и такъ я требовалъ оное назадъ, и—вотъ!—его не можно было болѣе отъискать!!! Я спрашиваю каждаго знающаго только начальныя правила психологіи: какое впечатлѣніе должно было произвести на меня сіе исчезаніе моего оправданія, на меня столь обиженнаго и оскорбленнаго? Какая мысль могла вступить ранѣе въ раздраженную мою душу, какъ та: и такъ даже ни извиненіе—ни оправданіе не принимается отъ тебя! И такъ тебѣ здѣсь даже не дозволены права самаго послѣдняго крѣпостнаго человѣка!!! Я чувствовалъ себя сокрушеннымъ—уничтоженнымъ, всякой чести, всякаго права лишеннымъ—изверженнымъ (hors de loi).—Милосердый Боже! И я былъ ординарный профессоръ, который долженъ былъ имѣть право выбирать въ должности! Какое разнообразіе!!!"....

Затрогиваетъ профессоръ Фойгтъ и вопросъ о бумагахъ, поданныхъ имъ въ засѣданіи 17-го сентября:

„Несправедливо, что я сломалъ ее (т. е. бумагу); также я не понимаю, какъ отдаваніе сломаннаго прошенія должно быть преступленіемъ, ибо не сломаются ли почти всѣ прошенія въ другихъ присудственныхъ мѣстахъ?.... Несправедливо, что я бросилъ бумагу на столъ; но я положилъ ее подлѣ господина профессора Яковкина на столъ; я ему оную не подалъ въ руки, потому что онъ здѣсь былъ моимъ соперникомъ и не могъ быть вмѣстѣ обвинителемъ и судьею.... Совсѣмъ другое было со второю бумагою, которая съ сею упомянутою бумагою и съ симъ приключеніемъ въ никакой не была связи. Сію послѣднюю подалъ я господину проф. Яковкину въ руки, потому что она не относилась до нашей распри и что я признавалъ его при семъ судьею. Я—который чрезъ 17 лѣтъ отправлялъ въ Россіи должности консу-

лента, секретаря, судью и председателя суда, смѣю имѣть, думаю, довѣрность (?) къ себѣ самому, что я знаю, какимъ образомъ бумаги должны быть отданы по формѣ".

Мы не считаемъ нужнымъ прослѣживать дальнѣйшія перипетіи дѣла о горячности проф. Фойгта, затянувшагося почти на четверть года и въ которомъ часть членовъ совѣта приняли сторону Фойгта, другая же часть ихъ (въ томъ числѣ и такія почтенныя лица, какъ Литтровъ, Эрдманъ и Браунъ) осуждали образъ дѣйствія своего сотоварища *. Дѣло это получило окончаніе, благодаря почину самого Яковкина, который (быть можетъ въ виду сдѣлавшейся къ этому времени уже несомнѣнною болѣзни Фойгта) въ засѣданіи совѣта 7-го декабря предложилъ ходатайствовать передъ попечителемъ о томъ, что бы „дѣло въ разсужденіи г. профессора Фойгта оставить безъ всякаго изслѣдованія и предать его забвенію"; къ его предложенію присоединились профессоры Броннеръ, Бартельсъ, Френъ и Сторль. Румовскій согласился съ этимъ ходатайствомъ и 29-го декабря предложилъ „дѣло сіе предать забвенію", съ тѣмъ, что бы совѣтъ объявилъ профессору Фойгту, что онъ, попечитель, въ видахъ „соблюденія тишины и согласія въ совѣтѣ, для общаго блага необходимо нужныхъ", проситъ проф. Фойгта, что бы онъ „миролюбіемъ загладилъ отъ излишней горячности сдѣланную ошибку" [182].

„Дѣло о горячности профессора Фойгта" отвлекло насъ отъ повѣствованія о дальнѣйшемъ ходѣ совѣтскихъ выборовъ, на почвѣ которыхъ разыгралось это странное и не въ мѣру раздутое дѣло. Возвратимся же къ совѣтскимъ избирательнымъ собраніямъ, которыя мы оставили на засѣданіи 17-го сентября.

Слѣдующія избирательныя собранія происходили 23-го, 24-го и 26-го сентября. Передадимъ въ краткихъ чертахъ предметы занятій ихъ.

Въ засѣданіяхъ 23-го и 24-го сентября происходили выборы (съ перебаллотировкою) членовъ училищнаго комитета, причемъ большинство голосовъ оказалось у Яковкина (10), Брауна (10), Германа (9), Френа (9), Фойгта (9) и Бартельса (8), и синдика—должность, въ которую единогласно избранъ адъюнктъ баронъ Врангель. Въ засѣданіи 23-го числа произведена также перебаллотировка въ ректоры Брауна и Литтрова, получившихъ 16-го сентября равное число шаровъ. На этотъ разъ избраннымъ оказался проф. Браунъ, получившій 7 избирательныхъ и 4 неизбирательныхъ шаровъ—

* Подробности этого дѣла интересующіеся найдутъ въ книгѣ Н. Н. Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 301—320.

противъ Литтрова, получившаго обратное количество шаровъ: 7 неизбирательныхъ и 4 избирательныхъ. Въ этомъ результатѣ баллотированія Яковкинъ усмотрѣлъ явный признакъ предварительнаго соглашенія: „Положенные 7 согласныхъ и 4 несогласныхъ для Брауна, также 7 несогласныхъ и 4 согласныхъ для Литтрова—обнаруживаютъ учиненное о томъ согласіе!"—писалъ директоръ попечителю, въ негодованіи на торжество своего соперника Брауна.

Въ засѣданіи 26-го сентября избраны: секретарь цензурнаго комитета (магистръ Кондыревъ—9 шаровъ), директоръ педагогическаго института (Фойгтъ—6 шаровъ) и секретарь училищнаго комитета (магистръ Перевощиковъ—8 шаровъ). Выборы библіотекаря не произведены, такъ какъ въ 1806 году въ эту должность назначенъ былъ профессоръ Сторль; по той же причинѣ рѣшено не избирать и инспектора студентовъ, оставивъ эту должность за несущимъ уже ее по назначенію Яковкинымъ.

За окончаніемъ выборовъ, совѣтомъ опредѣлено было: „Представить о семъ особымъ рапортомъ на начальственное благоусмотрѣніе его превосходительства г. попечителя и кавалера, присовокупивъ притомъ свѣренныя и подписанныя секретаремъ совѣта копіи съ избирательныхъ списковъ, подлинные же хранить въ совѣтѣ".

Особенностью сентябрьскихъ избирательныхъ собраній можно отмѣтить систематическое уклоненіе отъ участія въ нихъ профессора Фукса. Засѣданіе 17-го числа было послѣднимъ съ его участіемъ: 21 сентября Фуксъ представилъ на имя членовъ совѣта письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ, отказываясь, по болѣзни, отъ участія въ засѣданіяхъ совѣта, доводилъ до свѣдѣнія ихъ, что онъ, при выборахъ, руководствуясь чувствами благодарности и уваженія, считалъ бы возможнымъ подавать голосъ свой лишь за трехъ старшихъ членовъ совѣта, т. е. за Яковкина, Германа и Сторля *. Этимъ заявленіемъ предусмотрительный Фуксъ политично выгородилъ себя изъ послѣдовавшихъ затѣмъ осложненій и обез-

---

* «Si l'on exigera que je donnasse mon opinion à l'égard des places, qu'on va encore briquer,—заявляетъ здѣсь Фуксъ,—je ne saurais donner ma voix, conduit par reconnaissances et estime, qu'aux trois premiers membres de notre conseil».

Едва ли не вправѣ мы видѣть въ этомъ заявленіи протестъ противъ кандидатуры въ званіе ректора младшихъ, сравнительно съ Фуксомъ, членовъ совѣта—Брауна и Литтрова. Старшинство членовъ совѣта, участвовавшихъ въ выборахъ сентября 1810 года, являлось слѣдующимъ: Яковкинъ, Германъ, Сторль, Фуксъ (всѣ четверо съ 1805 г.), Браунъ (съ 15 мая 1807 г.), Френъ (съ 3 авг. 1807 г.), Бартельсъ (съ 1 дек. 1807 г.), Фойгтъ (съ 23 янв. 1808 г.), Ренперъ (съ 5 авг. 1808 г.), Финке (съ 1 сент. 1809 г.), Нейманъ (съ 19 окт. 1809 г.), Литтровъ (съ 2 февр. 1810 г.) и Эрдманъ (съ 17 мая 1810 г.).

печивалъ добрыя отношенія и къ директору Яковкину и къ попечителю. Послѣдующія событія покажутъ намъ, что „осторожный" Фуксъ выказалъ въ данномъ случаѣ замѣчательную дальновидность и знаніе окружавшихъ его и людей, и отношеній..... [183]

Дѣло „о горячности Фойгта" явилось, какъ мы это выше замѣтили, не единственною выгодною для Яковкина случайностью, омрачившею сентябрьскіе выборы и оказавшеюся на руку какъ директору, такъ и всецѣло предавшемуся его вліянію попечителю. Въ этихъ выборахъ весьма важное значеніе суждено было получить инциденту, разыгравшемуся въ засѣданіи 23-го сентября и къ разсказу о которомъ мы должны будемъ теперь обратиться.

Мы уже знаемъ, что въ засѣданіи 23-го сентября было произведено перебаллотированіе на должность ректора профессоровъ Брауна и Литтрова, получившихъ въ первомъ избирательномъ собраніи 16-го числа равное количество шаровъ (по шести). Предложеніе объ этомъ перебаллотированіи было внесено въ совѣтъ, тотчасъ послѣ окончанія происходившаго въ этотъ же день избранія членовъ училищнаго комитета, профессоромъ Нейманомъ, который сослался при этомъ на порядокъ баллотированія, установленный, въ указѣ 14-го декабря 1766 года, для избранія депутатовъ въ екатерининскую коммиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, гдѣ сказано: „Ежели случится равное число голосовъ у двухъ или у трехъ или и больше, то паки ихъ однихъ перебаллотировывать, и до того продолжать сей порядокъ, покамѣсть одному превосходное число шариковъ, его одобряющихъ, достанется". Предложеніе Неймана встрѣтило протестъ со стороны предсѣдателя собранія Яковкина, настаивавшаго на томъ, что бы перебаллотированіе было отложено до окончанія всѣхъ выборовъ; къ мнѣнію директора примкнули профессоры Фойгтъ и Сторль. Яковкинъ и его сторонники мотивировали свой протестъ опасеніемъ, „дабы кто либо изъ господъ профессоровъ при единовременномъ избраніи впослѣдствіе не могъ бы обремененъ быть тремя или четырьмя особенными должностями". Остальные члены совѣта опасенія этого не раздѣляли и настаивали на перебаллотированіи Брауна и Литтрова. Тогда Яковкинъ, взявъ три шара, отложилъ ихъ въ сторону, объявивъ, что ни самъ онъ, ни солидарные съ нимъ профессоры въ баллотировкѣ участія не примутъ. Быть можетъ эта выходка и сорвала бы перебаллотировку,—чего предсѣдатель и добивался,—если бы не измѣнили ему Фойгтъ и Сторль, неожиданно перешедшіе на сторону совѣтскаго большинства. Оставшійся теперь въ полной изолированности, Яковкинъ продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ участво-

вать въ переизбраніи, заявляя, что никто не можетъ силою принудить его къ участію въ послѣднемъ. Раздались голоса, что перебаллотировка можетъ состояться и безъ участія въ ней Яковкина, если только онъ приведетъ мотивированное объясненіе своего отказа, который и будетъ занесенъ въ протоколъ засѣданія. Прижатый такимъ оборотомъ дѣла къ стѣнѣ, директоръ объявилъ, что онъ приметъ участіе въ перебаллотировкѣ въ томъ случаѣ, если совѣтъ голосованіемъ признаетъ обязательность его участія въ ней и предложилъ собрать въ этомъ смыслѣ голоса.

Какъ ни необычайна была такая своеобразная постановка вопроса, профессоръ Браунъ обратился, тѣмъ не менѣе, къ председателю съ просьбою собрать голоса. Яковкинъ отъ этого отказался на-отрѣзъ, замѣтивъ, что не будетъ голосовать вопроса, въ которомъ онъ держится отдѣльнаго мнѣнія. Тогда Браунъ предложилъ председателю указать временнымъ замѣстителемъ своимъ, для собранія голосовъ, кого либо изъ членовъ совѣта, на что Яковкинъ отвѣтилъ ему на латинскомъ языкѣ: „Ipse petas!“ (т. е. — „сами собирайте“). Не подозрѣвая разставленной ему западни, Браунъ буквально послѣдовалъ заявленію директора и собралъ голоса по вопросу: „Долженъ ли участвовать въ немедленномъ перебаллотированіи г. профессоръ и директоръ Яковкинъ или нѣтъ?“ Всѣ члены совѣта подали утвердительные голоса и перебаллотировка въ ректоры тутъ же состоялась, при участии въ ней и Яковкина; въ званіе ректора избраннымъ оказался, какъ мы это уже знаемъ, профессоръ Браунъ. Мы увидимъ ниже, что это собираніе Брауномъ въ засѣданіи 23-го сентября голосовъ было вмѣнено ему Румовскимъ въ тяжелую вину.

Намѣреніе директора сорвать выборы ректора, такимъ образомъ, не удалось. Нужно было, тѣмъ не менѣе, во что бы то ни стало дискредитировать совѣтскаго избранника въ глазахъ высшаго начальства и донять Брауна, какъ говорится—„не мытьемъ, такъ катаньемъ“. Въ эту сторону и были направлены дальнѣйшія махинаціи уязвленнаго въ своемъ самолюбіи профессора-директора, своевременно отписывавшаго попечителю о всѣхъ перипетіяхъ совѣтской избирательной кампаніи. Какъ и раньше, не скупился при этомъ Яковкинъ на всевозможныя инсинуаціи по адресу своихъ совѣтскихъ противниковъ. Подсоблялъ ему въ этомъ и профессоръ Фуксъ, благоразумно уклонившійся отъ участія въ выборахъ, но, подъ рукою, усердно снабжавшій директора всякаго рода сплетнями. „Сказывалъ мнѣ г. Фуксъ,—доноситъ Яковкинъ попечителю,—что профессоръ Германъ обѣгивалъ всѣхъ сочленовъ, въ томъ числѣ и его, и униженно умолялъ избрать его инспекторомъ“; про своего счастливаго соперника Брауна ди-

ректоръ не преминулъ доложить принципалу, что „господинъ Браунъ, душа сего сословія, снабжаетъ ихъ бѣдность деньгами на векселя по десяти процентовъ, а о моихъ,—скорбитъ онъ,—самонужнѣйшихъ по пріѣздѣ каждаго изъ нихъ пособіяхъ и совсѣмъ позабыли: Господь знаетъ и созерцаетъ!“ Старается директоръ дискредитировать въ глазахъ начальства и самые выборы: „Ваше превосходительство,—писалъ онъ,—по донесенію совѣта и по числу избирательныхъ и неизбирательныхъ для каждаго балловъ усмотрѣть соблаговолите, сколько пристрастно было каждое избраніе, о чемъ, думаю, не преминутъ донести вашему превосходительству, и особенно, нѣкоторые изъ господъ профессоровъ“.

Яковкинъ находился въ концѣ 1810 года въ самомъ, вообще, угнетенномъ состояніи духа. Въ началѣ декабря отъѣзжалъ въ Петербургъ проф. Нейманъ и когда отъѣзжающій, прощаясь съ директоромъ, спросилъ Яковкина, что передать о немъ попечителю, тотъ отвѣтилъ: „Донесите—плачетъ только и проситъ у Господа, да очиститъ возмущенный источникъ воды души моей... Да будетъ Его святая воля во всемъ!“.

Одно изъ обѣщанныхъ Яковкинымъ „особенныхъ донесеній,—а по просту говоря грязный и недостойный извѣтъ,—и было поднесено Румовскому, черезъ посредство Яковкина, профессоромъ Сторлемъ. Все пущено здѣсь въ ходъ для того, что бы возстановить попечителя противъ Брауна и выставить личность предполагаемаго ректора въ самомъ мрачномъ видѣ. По словамъ Сторля, избраніе Брауна ректоромъ—не было актомъ свободнаго усмотрѣнія членовъ совѣта; Браунъ будто бы „подступалъ ко всѣмъ нѣмецкимъ профессорамъ, возбуждая ихъ противъ русскихъ, осыпая послѣднихъ бранью, злословя ихъ и представляя себя самого святымъ“; онъ яко бы увѣрялъ сочленовъ, что „перевернетъ все вверхъ дномъ“, когда сдѣлается ректоромъ, и сулилъ имъ „золотыя горы“. Инсинуаціи были простерты еще далѣе того: Сторль увѣрялъ попечителя, будто Браунъ „былъ постояннымъ противникомъ, на словахъ, и императорскаго величества, и законовъ“ и т. п.

Яковкинъ достигъ своей цѣли: попечитель былъ возстановленъ противъ совѣта и прислалъ на его имя слѣдующее суровое предложеніе отъ 13-го октября:

> „Изъ меморіи сентября 21 (слѣдуетъ читать—24-го) дня къ прискорбію моему усматриваю я, что прежде, нежели совѣтъ преобразованъ и ни ректоръ, ни деканы еще не утверждены, въ собраніи профессоровъ возникаютъ уже неустройства. Господинъ профессоръ Браунъ, не бывъ утвержденъ ректоромъ, собираетъ уже голоса, а господинъ Фойгтъ шумѣть начинаетъ, что заключаю я изъ того, что

предложеніе г. профессора и директора Яковкина всѣ господа члены, не сдѣлавъ никакого замѣчанія, утвердили. И для того предлагаю совѣту доставить мнѣ бумаги, кои г. Фойгтъ подавалъ и кидалъ предъ предсѣдателя, дабы я, для прекращенія впредь подобныхъ происшествій, могъ представить оныя и донесеніе г. Яковкина министру народнаго просвѣщенія на благоусмотрѣніе.

Между тѣмъ предлагаю предсѣдательствующему и совѣту, что бы въ управленіи университета и гимназіи никакой отмѣны безъ вѣдома моего не было дѣлано до открытія университета".

Это предложеніе было заслушано совѣтомъ 26-го октября и по поводу его состоялось постановленіе: принявъ волю попечителя къ исполненію, просить его „отложить представленіе о семъ дѣлѣ его сіятельству г. министру до полученія объясненія господъ членовъ". Слѣдомъ затѣмъ вопросъ расчленился на два дѣла: дѣло „о горячности профессора Фойгта", снова возвращаться къ которому мы уже не будемъ, и дѣло о самовольныхъ, яко бы, дѣйствіяхъ Брауна и другихъ членовъ совѣта въ засѣданіи 23-го сентября.

Не замедлило появиться и „объясненіе" на предложеніе попечителя отъ 13-го октября, изложенное на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Memoire á son excellence monsieur le curateur de l'université de Casan, chevalier de plusieurs ordres" и подписанное восемью профессорами.

Взявъ за исходный пунктъ обвиненія, предъявленныя попечителемъ по адресу проф. Брауна и другихъ членовъ совѣта, и подробно изложивъ всѣ уже извѣстныя намъ обстоятельства избирательнаго собранія 23-го сентября, составители этого обширнаго „мемуара" приходятъ къ слѣдующимъ (приводимъ ихъ въ русскомъ переводѣ) общимъ соображеніямъ относительно образа дѣйствія профессоровъ Брауна и Яковкина:

„Мы должны замѣтить,—говорятъ они,—что въ глазахъ совѣта представлялось весьма существеннымъ, что бы вопросъ не былъ поставленъ двусмысленнымъ образомъ. Совѣтъ не могъ, само собою разумѣется, заставить г. Яковкина принять участіе въ избраніи (а г. Яковкинъ поставилъ вопросъ именно двусмысленнымъ образомъ), но онъ имѣлъ, конечно, полное право высказаться по вопросу о нравственномъ долгѣ Яковкина примкнуть къ совѣтскому большинству.

Сопоставляя образъ дѣйствій г.г. Яковкина и Брауна, не трудно прійти къ заключенію, что послѣдній преслѣдовалъ задачи общественнаго блага и считалъ обязательнымъ закончить выборы, предписанные ихъ превосходительствами господами министромъ и попечителемъ. Мы единодушно убѣждены въ томъ, что проф. Брауну не можетъ быть вмѣнено въ этомъ дѣлѣ въ вину ни малѣйшей безтактности. Остается

прійти къ заключенію, что все дѣло было представлено г. попечителю въ злопамѣренно искаженномъ и несогласномъ съ дѣйствительностью свѣтѣ (d'une manière odieuse et contraire à la verité), такъ какъ проф. Браунъ обвиненъ въ отобраніи голосовъ „до своего утвержденія въ званіи ректора". Если вашему превосходительству благоугодно будетъ внимательно просмотрѣть протоколъ собранія 23-го сентября, вы изволите усмотрѣть изъ него, что проф. Браунъ въ тотъ моментъ не только не былъ утвержденъ въ званіи ректора, но не былъ даже и избранъ въ него и оставалось еще неизвѣстнымъ, въ чью сторону склонится выборъ совѣта—въ сторону ли г. Брауна или въ сторону г. Литтрова. Такимъ образомъ положеніе, что г. Браунъ въ то время не былъ еще утвержденъ ректоромъ—не можетъ быть поставляемо въ связь съ фактомъ собранія имъ голосовъ: онъ не былъ въ то время и избранъ въ это званіе.

Только что приведенное соображеніе, безусловно справедливое и которое раздѣляется большинствомъ членовъ совѣта, представляется въ нашихъ глазахъ совершенно достаточнымъ для полнаго оправданія поведенія г. профессора Брауна.

Мы не будемъ касаться здѣсь фактовъ, имѣющихъ соотношеніе къ образу дѣйствія другихъ участниковъ происшествія 23-го сентября, поскольку не находятся они въ связи съ задачею оправданія поступка г. Брауна. Пусть же проявляемое нами тѣмъ самымъ чувство умѣренности докажетъ вашему превосходительству, что настоящее обращеніе наше къ вамъ преслѣдуетъ единственною своею цѣлью необходимость обѣлить сочлена, безъ всякаго основанія оговореннаго передъ вашимъ превосходительствомъ.

Можемъ въ заключеніе увѣрить ваше превосходительство, что въ собраніи 23-го сентября, равно какъ и въ остальныхъ, не исключая и того, въ которомъ забылся г. профессоръ Фойгтъ (ou m-r Voigdt s'oubliait), порядокъ соблюдался самый полный. Смѣемъ поэтому думать, что совѣтъ не заслужилъ того укора (ne mérite pas le reproche), который, повидимому, предъявляется ему въ предложеніи вашего превосходительства отъ 13-го октября".

„Мемуаръ" этотъ датированъ 1-мъ ноября и подписанъ профессорами Френомъ, Бартельсомъ, Реннеромъ, Финке, Германомъ, Нейманомъ, Литтровомъ и Эрдманомъ. Подъ ихъ подписями имѣется слѣдующая приписка, на латинскомъ языкѣ, самого виновника инцидента, профессора Брауна: „Считаю себя въ достаточной мѣрѣ оправданнымъ приведеннымъ выше простымъ изложеніемъ фактической стороны дѣла и мнѣніемъ подписавшихся господъ профессоровъ и членовъ совѣта".

Мемуаръ восьми профессоровъ, доставленный попечителю въ подлинникѣ, слѣдомъ затѣмъ былъ препровожденъ ему еще въ копіи, которая

и была Румовскимъ возвращена обратно при слѣдующемъ саркастическомъ предложеніи отъ 26-го декабря:

„Я получилъ меморію отъ 1-го ноября на двухъ разноцвѣтныхъ листахъ двумя разными руками писанную и осьмью г.г. профессорами подписанную, защищающую поступокъ въ собираніи голосовъ г. Брауна. Вскорѣ потомъ доставлена мнѣ еще копія съ той же меморіи, тѣми же г.г. профессорами подписанная. Но какъ для меня предовольно одного подлинника, то копію, какъ для меня ни мало не нужную, возвращаю въ совѣтъ для храненія".

Профессорскій „мемуаръ" вызвалъ въ Румовскомъ взрывъ негодованія, которое онъ старался, однако, тщательно маскировать. Невольно возставали въ умѣ престарѣлаго попечителя воспоминанія о пережитыхъ раньше моментахъ совѣтскихъ „крамолъ" и „любоначалія" и ему представлялось, что раздавленная имъ, вмѣстѣ съ директоромъ, „адская гидра"—снова оживаетъ и поднимаетъ свою мятежную голову; Яковкинъ старался, конечно, лишь поддерживать и распалять старческую мнительность своего принципала. Вскорѣ послѣ описанныхъ нами событій Румовскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ директору, упрекая Яковкина въ томъ, что онъ не настоялъ на перенесеніи вопроса о перебаллотированіи на усмотрѣніе его, попечителя, и тѣмъ самымъ не предотвратилъ непріятнаго инцидента, писалъ ему: „Тогда, думаю, я избавился бы отъ затѣйливой меморіи господъ профессоровъ,—теперь можете вы чтеніемъ ея насладиться; я совѣтую и въ другихъ подобныхъ, напередъ пріуготовленныхъ, предложеніяхъ отклонять затѣи" [184]......

Что бы покончить съ вопросомъ о принявшей такой трагикомическій оттѣнокъ неудачной попыткѣ полнаго открытія въ 1810 году казанскаго университета, скажемъ о дальнѣйшей судьбѣ сентябрьскихъ выборовъ этого года.

Если только Румовскій сколько нибудь искренне и желалъ полнаго открытія университета, то безнадежное фіаско его любимца Яковкина въ кандидатурѣ на званіе ректора—должно было отвратить попечителя отъ мысли видѣть управляемый имъ университетъ подъ дѣйствіемъ устава 1804 года. Едва ли не предпринималъ онъ даже неудачной попытки поставить Яковкина ректоромъ по назначенію: „При отдѣленіи гимназіи отъ университета,—писалъ ему попечитель еще до начала выборовъ,—надобно думать, кому препоручить дирекцію гимназіи; до открытія университета я надѣюсь, что вы не отречетесь отъ оной, но когда откроется университетъ, то, кромѣ профессорской должности, вамъ достанутся еще три и управлять

гимназіей не достанетъ вамъ времени". Ясно, такимъ образомъ, что и открытый на основаніи устава 1804 года университетъ Румовскій уповалъ видѣть подъ всецѣлымъ управленіемъ своего фаворита и даже не обинуясь писалъ ему (отъ 13-го октября), что онъ имѣетъ въ виду „преклонить графа (т. е. министра), что бы государь, по крайней мѣрѣ на первый годъ, утвердилъ васъ ректоромъ". Графъ Разумовскій не раздѣлилъ, надо полагать, трогательнаго довѣрія попечителя къ всеобъемлющимъ административнымъ талантамъ казанскаго профессора-директора.

Румовскій далеко не спѣшилъ представленіемъ министру на утвержденіе результата университетскихъ выборовъ и только 29-го декабря счелъ возможнымъ оповѣстить Яковкина, что надѣется „на будущей недѣлѣ сдѣлать министру представленіе о избранныхъ большинствомъ балловъ г.г. профессоровъ къ должностямъ по университету, со званіемъ ихъ сопряженнымъ"; можно предположить, что и самъ графъ Разумовскій, давъ предписаніе ввести въ дѣйствіе уставъ 1804 года, былъ очень мало озабоченъ приведеніемъ своего распоряженія къ осуществленію. На этотъ разъ Румовскій уже не отложилъ дѣла въ долгій ящикъ: 4-го января 1811 года сдѣлано было имъ соотвѣтствующее представленіе министру, въ которомъ, ходатайствуя о кассаціи избранія Брауна въ ректоры, онъ представилъ къ утвержденію въ этомъ званіи проф. Литтрова, ссылаясь на его „тихій для соблюденія согласія и спокойствія въ университетѣ нравъ".

Утвержденія выборовъ 1810 года, тѣмъ не менѣе, не послѣдовало. Все дѣло о полномъ открытіи казанскаго университета было положено подъ сукно и вопросъ о введеніи въ дѣйствіе устава 1804 года снова оказался открытымъ, пребывая таковымъ до половины 1813 года, когда онъ былъ поставленъ на почву своего рѣшительнаго и уже безповоротнаго осуществленія.

Что бы покончить съ вопросомъ о предполагавшемся въ концѣ 1810 года полномъ открытіи казанскаго университета, скажемъ еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ начинаніяхъ, намѣчавшихся какъ для осуществленія, такъ и для ознаменованія этого событія in spe.

Какъ завзятый любитель всякихъ внѣшнихъ торжествъ, Яковкинъ помышлялъ въ началѣ декабря,—когда увѣренность въ близкомъ открытіи университета была еще въ полной силѣ,—о внѣшней обстановкѣ предстоящаго празднества. У директора составилось два предположенія на этотъ счетъ: „или одинъ завтракъ послѣ молебна и всей церемоніи, или балъ съ ужиномъ—что заблагоразсуждено будетъ",—писалъ онъ попечителю отъ 6-го декабря. Тогда же входилъ Яковкинъ къ попечителю съ пред-

52*

ставленіемъ,—довольно, правда, мелочнымъ,—относительно необходимости пріобрѣтенія нѣкоторыхъ предметовъ для открываемаго въ полномъ объемѣ университета. Полагаетъ директоръ, что „особливый столъ для публичныхъ собраній, длиною въ четыре, шириною въ одинъ и три четверти аршина, необходимо нуженъ передъ катедрою (sic), для положенія на немъ грамоты и устава университетскихъ, также шпагъ, свидѣтельствъ, дипломовъ и проч., какъ и донынѣ ведется". Интересуетъ директора даже вопросъ о сукнѣ для этого стола: „Онъ (т. е. столъ), кажется, долженъ быть покрываемъ сукномъ темнозеленаго или темносиняго (за дороговизною алаго) цвѣту, длиною около $5^1/_2$ аршинъ, дабы достаточно его и свѣшивалось со стола; сукно же для покрытія стола въ совѣтѣ, какъ нынѣ ведется, зависитъ отъ начальственнаго благоразсужденія". Необходимо нужнымъ считаетъ директоръ и заказаніе „досокъ для вырѣзыванія дипломовъ", поясняя при этомъ, что „для написанія дипломовъ не нужны никакія издержки, а для сдѣланія и вырѣзанія досокъ потребна нѣкоторая сумма". Потребуется расходъ и на пріобрѣтеніе „какого бы то ни было количества шпагъ,—онѣ отъ трехъ рублей съ полтиною, какъ прежде бывало, нынѣ продаются отъ 8 до 12 рублей каждая, съ портепеею". Приводимъ эти курьезныя соображенія, возникшія въ умѣ Яковкина передъ ожидаемымъ полнымъ открытіемъ университета, для характеристики мелочности профессора-директора, находящей себѣ, быть можетъ, объясненіе развѣ въ томъ „разстройствѣ духа", которое обуревало его въ концѣ 1810 года. Ни помышленій объ организаціи учебной или административной части, ни заботъ объ учебныхъ пособіяхъ и учрежденіяхъ, ни соображеній касательно помѣщенія: завтракъ или балъ съ музыкою для открытія, столъ для акта, цвѣтъ сукна для столовъ, гравировальныя доски для дипломовъ, новыя шпаги для студентовъ—вотъ что занимало мысли Яковкина въ виду ожидаемаго академическаго событія первостепенной важности. Съ этою мелочностью директора можетъ быть поставлена въ паралель развѣ только мелочность самаго попечителя, ставившаго, какъ мы это видѣли (см. выше стр. 343), устройство въ новомъ гимназическомъ зданіи „нужныхъ мѣстъ" существеннымъ и требующимъ серьезнаго сужденія моментомъ въ назрѣвшемъ вопросѣ объ отдѣленіи гимназіи отъ университета. Едва ли, впрочемъ, сколько нибудь живо и интересовалъ вопросъ о предстоящемъ открытіи университета Яковкина, хорошо сознававшаго, что этимъ открытіемъ положенъ будетъ предѣлъ его шестилѣтней, неограниченной и почти безконтрольной, власти надъ университетомъ; хлопотать же для будущаго выбраннаго рек-

тора,—быть можетъ, даже, для ненавистнаго Брауна,—нисколько не было въ интересахъ уязвленнаго самолюбія директора.

Румовскій полагалъ цѣлесообразнымъ ознаменовать предстоящее полное открытіе университета производствомъ нѣкоторыхъ служащихъ въ ученыя степени и званія, а также провозглашеніемъ почетныхъ членовъ университета:

„Что бы открытіе университета сдѣлать памятнѣе,—пишетъ попечитеть Яковкину отъ 15-го сентября, слѣдовательно одновременно съ началомъ университетскихъ выборовъ, — я писалъ къ г. Литтрову, чтобъ онъ и г. Бартельсъ Никольскаго предложили совѣту удостоить званія адъюнкта (признаніе, такимъ образомъ, права совѣта въ выборномъ замѣщеніи ученыхъ званій), а другаго, помнится Симонова, званія магистра. Они оба рекомендованы мнѣ, а особливо г. Литтровомъ. Желалъ бы я, чтобъ вы предложили Кондырева и Перевощикова въ адъюнкты и совѣтъ, какъ тѣхъ, такъ и другихъ удостоя, сдѣлалъ мнѣ представленіе; ежели сего сдѣлано не будетъ, то некому будетъ въ совѣтѣ и факультетахъ править секретарской должности. Въ день открытія университета нужно и прилично будетъ провозгласить нѣсколько почетныхъ членовъ. Не худо бы было подъ рукою навѣдаться, угодно ли будетъ преосвященному и г. губернатору принять сіе званіе. Объ отцѣ ректорѣ я не сомнѣваюсь. О нѣкоторыхъ господахъ любителяхъ наукъ я здѣсь навѣдаюсь".

Въ отвѣтъ на это предложеніе Яковкинъ писалъ Румовскому (отъ 3-го октября), что въ согласіи преосвященнаго и губернатора принять званіе почетныхъ членовъ онъ „нимало не сомнѣвается"; съ своей стороны, директоръ предлагалъ къ возведенію въ то же званіе оренбургскаго военнаго губернатора князя Г. С. Волконскаго и „предводителя дворянства здѣшней губерніи, г. статскаго совѣтника и кавалера Геркена, человѣка образованнаго и къ ученому сословію весьма приверженнаго". Къ производству въ званіе адъюнктовъ Яковкинъ рекомендовалъ еще „отличающихся долговременнымъ служеніемъ своимъ, ревностію къ должности, знаніями и сочиненіями" старшихъ учителей гимназіи Ибрагимова и Яковкина (племянника директора), къ удостоенію же степени магистра кандидатовъ Тимьянскаго, Шоника и Кайсарова; одиннадцать студентовъ признавались директоромъ достойными повышенія въ степень кандидатовъ, десять воспитанниковъ гимназіи намѣчены къ удостоенію ихъ званія студентовъ, двѣнадцать студентовъ — признавались достойными награжденія шпагами; къ повышенію Симонова, не взирая на его отличные успѣхи и поведеніе, директоръ усмотрѣлъ препятствіе въ нахожденіи его еще въ подушномъ окладѣ.

5-го октября Яковкинъ вошелъ, по поводу всѣхъ этихъ повышеній, съ особымъ представленіемъ въ совѣтъ. Такъ какъ ожидавшагося открытія университета не послѣдовало, то эти повышенія остались непріуроченными къ какому бы то ни было торжеству и воспослѣдовали лишь 23-го марта 1811 года: въ этотъ день были произведены въ адъюнкты магистры Кондыревъ, Никольскій и Перевощиковъ и объявлены магистрами кандидаты Кайсаровъ, Тимьянскій и Шоникъ [185].

Новый 1811 годъ, не взирая на толки о предстоящемъ полномъ открытіи университета и на состоявшіеся уже, въ виду этого, выборы, засталъ, такимъ образомъ, казанскій университетъ въ томъ же „неопредѣлительномъ" положеніи, въ какомъ продолжалъ онъ находиться съ самаго своего основанія.

Не безъ смущенія и не безъ затаенныхъ опасеній за ближайшее будущее долженъ былъ встрѣтить новый годъ Яковкинъ. Болѣе нежели вѣроятная печальная судьба сентябрьскихъ выборовъ была ему, конечно, на-руку,—но дальновидный директоръ не могъ не понимать, что новый годъ приноситъ „начало конца" его полновластію и авторитетности его положенія. Во главѣ министерства стало новое лицо, сразу же обратившее на Яковкина свое подозрительное вниманіе и именно ссылкою на отрицательныя стороны личности директора мотивировавшее необходимость неотложнаго полнаго открытія университета; маститый попечитель Румовскій, вѣрный и неизмѣнный покровитель директора, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дряхлѣлъ, опускался и обнаруживалъ свои старческія, и духовныя и физическія, немощи, готовясь уступить мѣсто болѣе свѣжему и энергичному преемнику; все еще пока покорный Яковкину совѣтъ значительно увеличился въ составѣ и принялъ въ свою среду рядъ новыхъ членовъ, готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ снова поднять знамя оппозиціонной борьбы противъ полномочнаго директора....

Неизбѣжность новой и уже рѣшительной борьбы становилась очевидною и сообразительный Яковкинъ не могъ закрывать глаза передъ наступавшею на него опасностью,—не даромъ же съ такою силою овладѣло имъ полное „разстройство духа", на которое горько сталъ сѣтовать онъ съ половины 1810 года. Не слышится прежняго самоувѣреннаго тона и въ новогоднемъ привѣтствіи, съ которымъ, въ декабрѣ 1810 года, обратился Яковкинъ къ своему принципалу—въ немъ слышится теперь воспоминаніе о прошломъ и смутное ожиданіе неизвѣстнаго и уже недалекаго будущаго:

„Наступающее новолѣтіе, — пишетъ Румовскому директоръ отъ 19-го декабря,—напоминаетъ мнѣ о всѣхъ отеческихъ вашего превосходительства ко мнѣ благотвореніяхъ, коими я въ протекшіе лѣта и донынѣ имѣлъ счастіе быть взысканъ. Сердечныя мои благодарныя чувствованія вмѣстимы токмо въ глубинѣ души моей, но словами не удобоизобразимы, а дерзаю подтвердить вновь предъ вашимъ превосходительствомъ данный обѣтъ достойнаго по всѣмъ моимъ силамъ служенія Богу, государю и отечеству, во изъявленіе совершенной моей къ вашему превосходительству признательности, и молить Предвѣчнаго, да благословляетъ Онъ теченіе ваше во всѣхъ путяхъ вашихъ и да сохраняетъ дражайшую жизнь вашу въ вожделѣннѣйшемъ здравіи ко благу всѣхъ, находящихся подъ кровомъ мудраго, попечительнаго и благотворнаго вашего начальства".

Слѣдуя установившемуся обычаю, совѣтъ и съ своей стороны принесъ Румовскому свое почтительнѣйшее и исполненное всяческихъ льстивыхъ пожеланій коллективное поздравленіе съ новымъ годомъ, на этотъ разъ составленное, на латинскомъ языкѣ, проф. Сторлемъ; попечитель не преминулъ отвѣтить на это поздравленіе благодарностью, пожелавъ членамъ совѣта „для вящшаго преуспѣянія добраго согласія" — но этотъ ритуальный взаимный обмѣнъ любезными фразами худо скрывалъ за собою чувство разлада и розни, вторгнувшееся въ отношенія между попечителемъ и большинствомъ совѣта. Румовскій не могъ простить совѣтскому большинству его ноябрьскаго „мемуара"—отповѣди на предложеніе отъ 13-го октября и былъ убѣжденъ въ томъ, что среди профессоровъ составилась противъ него враждебная коалиція („il y a parmi eux une association contre moi"—писалъ онъ Броннеру въ январѣ 1811 года). Яковкинъ не старался, конечно, разубѣждать его въ этомъ, торжествуя и на этотъ разъ, какъ и въ началѣ 1807 года, свою побѣду надъ гидрою „самоуправленія" и крамолою совѣтскаго „любоначалія" и сознавая снова хотя бы только временно укрѣпляющееся положеніе свое въ университетѣ, которое не далѣе, какъ въ концѣ сентября, уже висѣло, казалось, на волоскѣ. „Господинъ директоръ,—писалъ проф. Броннеръ министру графу Разумовскому, повѣствуя ему о положеніи дѣлъ въ университетѣ въ первой половинѣ 1811 года, — торжествовалъ, ставъ въ открытую оппозицію всѣмъ тѣмъ, кто не хотѣлъ его избранія въ ректоры и находя себѣ твердую опору въ благорасположеніи къ нему его превосходительства г. попечителя (soutenu par l'amitié de son excellence m. le curateur); дебаты и голосованія въ засѣданіяхъ совѣта почти совсѣмъ прекратились, благодаря отсутствію обстоятельнаго доклада дѣлъ". Слагалось, такимъ обра-

зомъ, точно такое же пассивное положеніе совѣта, какое наблюдалось нами въ годы, ближайшіе къ разгрому конца 1806 года.

Весною 1811 года Румовскій обнадеживалъ, тѣмъ не менѣе, въ возможности скораго отдѣленія гимназіи отъ университета, которое онъ всегда ставилъ въ связь съ возможностью полнаго открытія университета. „Я ни на что не могу рѣшиться до отдѣленія гимназіи отъ университета,— писалъ онъ Броннеру въ отвѣтъ на его представленія относительно физическаго кабинета (письмо отъ 6-го марта 1811 г.); — я ожидаю, впрочемъ, резолюціи министра по этому вопросу". Эта министерская резолюція не заставила себя долго ожидать и отдѣленіе гимназіи отъ университета состоялось въ сентябрѣ того же года, но, вопреки обѣщаніямъ и основаннымъ на нихъ ожиданіямъ, это событіе не оказалось сопряженнымъ, какъ увидимъ, съ полнымъ открытіемъ университета. Надежда на близкое открытіе университета не покидала, повидимому, и самихъ членовъ университета. По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ номеровъ „Іенскаго Литературнаго Журнала" за 1811 годъ, въ довольно обширной корреспонденціи изъ Казани (отъ 25-го сентября по стар. стилю), описывающей состояніе казанскаго университета и принадлежавшей, несомнѣнно, перу кого либо изъ нѣмецкихъ профессоровъ, мы читаемъ: „За годъ передъ симъ, въ серединѣ сентября, въ видахъ скорѣйшаго устройства университета (zur völligen Organisirung der Universität), были избраны ректоръ, деканы, секретари и т. д.; выборы эти еще не утверждены и открытія университета не воспослѣдовало, но можно полагать, что оно въ скоромъ времени состоится, тѣмъ болѣе, что гимназія уже переведена въ другое зданіе" [186].

Мы уже имѣли случай упоминать о томъ апатичномъ состояніи, которое стало охватывать собою Румовскаго въ послѣдніе два года его жизни и попечительской дѣятельности. Старикъ видимо слабѣлъ и не могъ уже относиться къ своей административной дѣятельности съ тою энергіею, какую онъ еще проявлялъ въ первые годы по основаніи университета. Тяготятъ маститаго попечителя даже сношенія, которыя предстояло ему поддерживать по дѣламъ университета и округа: „Я каждую почту,—жалуется онъ Яковкину, — получаю пакетовъ десять или двѣнадцать и на всякой почтѣ получаю откуда нибудь непріятныя извѣстія"; старикъ начинаетъ усиленно желать скорѣйшаго полнаго открытія автономнаго университета хотя бы потому только, что ему будетъ тогда—„поспокойнѣе". Не въ силахъ оказывается онъ продолжать и обширную личную переписку, которую такъ охотно и такъ доступно велъ раньше съ своими сослуживцами: „Извините меня предъ господами профессорами, — пишетъ онъ Яковкину

въ концѣ 1810 года,—что не на всѣ письма ихъ отвѣтствую; число писемъ, мною получаемыхъ, столь велико, что недостаетъ времени на всѣ отвѣтствовать".

Замѣтно измѣняетъ теперь свой общій колоритъ и регулярная переписка, которую велъ Румовскій съ директоромъ Яковкинымъ. Эта переписка все болѣе и болѣе утрачиваетъ свой прежній дѣловой характеръ и сводится къ сообщенію директоромъ попечителю интимныхъ, нерѣдко даже скабрезныхъ, новостей казанской университетской жизни — съ одной стороны, къ сведенію Яковкинымъ личныхъ счетовъ съ своими университетскими противниками—съ другой стороны.

Румовскій былъ, вообще, не чуждъ старческой слабости ко всякаго рода новостямъ и сообщеніямъ болѣе или менѣе сенсаціоннаго, порою даже пикантнаго, свойства, и Яковкинъ всегда старался удовлетворять этой слабости попечителя, пересыпая свои дѣловыя письма къ нему сообщеніями уже совершенно неоффиціальнаго характера, начиная отъ свѣдѣній о вскрытіяхъ Волги и Казанки, погодѣ и т. п. извѣстій вполнѣ невиннаго содержанія и кончая реляціями изъ текущей городской и университетской жизни, носящими всѣ отличительные признаки чистѣйшей, и нерѣдко злостной, сплетни. Этотъ неблаговидный „коммеражный" оттѣнокъ переписки Яковкина становится особенно замѣтнымъ въ 1811 году, все болѣе и болѣе заслоняя собою ея дѣловой характеръ; директоръ какъ бы силится развлечь своего принципала, занять его росказнями о казанскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ. Ссоры профессоровъ и служащихъ университета между собою, всякаго рода недоразумѣнія между ними, ихъ частныя отношенія матримоніальнаго, семейнаго и экономическаго характера, даже совершенно интимныя стороны ихъ жизни—все это находитъ себѣ мѣсто въ пространныхъ письмахъ директора къ попечителю. Румовскій, съ своей стороны, повидимому не безъ удовольствія „смакуетъ" весь пиканъ директорскихъ сообщеній и побуждаетъ своего корреспондента къ дальнѣйшимъ реляціямъ въ томъ же духѣ: „Сочетался ли господинъ Браунъ?", „Чѣмъ кончилось явленіе (интимная амурная исторія) господина Фукса?", „Съ кѣмъ вступилъ въ бракъ господинъ Эрдманъ?" — съ любопытствомъ вопрошаетъ онъ Яковкина, наталкивая его на дальнѣйшія и болѣе подробныя сообщенія о новостяхъ университетской жизни.

Особенно падокъ былъ старикъ попечитель до пикантныхъ фактовъ изъ университетской жизни—а матеріалъ имѣлся въ этомъ отношеніи довольно обильный, такъ какъ профессоры-холостяки изъ иностранцевъ, избѣгая связывать себя на чужбинѣ узами Гименея, предпочитали слѣдовать

обычаю своихъ заграничныхъ собратьевъ и заводили себѣ „домоводокъ" (Haushälterin), — по терминологіи, установившейся въ перепискѣ Румовскаго и Яковкина, которые для отношеній подобнаго рода усвоили между собою и спеціальное нѣмецкое выраженіе: „liederlich leben" (т. е. зазорно жить). Больше всѣхъ доставалось въ этомъ отношеніи проф. Фуксу, жизненный добрачный режимъ котораго далеко не отличался аскетическою скромностью. Вотъ образчики такого рода сообщеній Яковкина:

„Изъ холостыхъ профессоровъ слова liederlich leben прямо можно сказать объ одномъ только Френѣ, — докладываетъ попечителю его корреспондентъ въ мартѣ 1811 года.—Френъ, живучи въ своемъ домѣ и имѣя весьма малое обращеніе, мало можетъ быть извѣстенъ постороннимъ въ домашней своей жизни, хотя и содержитъ домоправительницею извѣстную прежде потаскушку. Фуксъ, по переѣздѣ на казенную квартиру въ тенишевскомъ домѣ, убралъ щегольски всѣ покои и мѣсяца черезъ три пріѣзжаетъ къ нему изъ Петербурга какая то англичанка Гаттонъ, жена одного въ Петербургѣ ремесленника, съ коими онъ и тогда, видно, былъ ближе, нежели друженъ. Гостья начала хозяйничать, распоряжать и повелѣвать даже самимъ хозяиномъ.... По отъѣздѣ леди Гаттонъ (что произошло черезъ годъ) Фуксъ принялъ къ себѣ изъ подгороднаго села Царицина простую бабу-солдатку, коей ввѣрилъ совершенно какъ все домашнее свое распоряженіе, такъ и себя самого; допускаетъ ее въ деревенскомъ сарафанѣ отправлять у себя должность ключницы, кухарки, кофишенки, келлермейстерши и каммердинеры—даже свободно сноситъ, когда она явно при всѣхъ его ругаетъ..... На Сергіевскихъ водахъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, послѣ долговременной прежде любовной переписки и взаимныхъ подарковъ, свелъ Фуксъ самое тѣсное обращеніе съ барышнею Мячковою, а хозяйствующая сарафанница бѣсилась и т. д. и т. д.".

„Явившаяся въ Казань на прошедшей недѣлѣ Гаттонъ, — пишетъ Яковкинъ въ половинѣ іюля 1811 года, — возродила съ г. Фуксомъ новую непріятную интригу. Солдатка его царицинка убѣжала въ свое село, не забывши забрать съ собою что помягче, полегче или потяжеловѣснѣе; а дворянка барышня Мячкова приступаетъ ко мнѣ уже почти формально, что бы вынудить у г. Фукса развязку продолжающейся уже три года любовной ихъ комедіи"..... „Она (т. е. барышня Мячкова),—докладываетъ директоръ въ другомъ письмѣ,—носитъ уже съ августа залогъ, время отъ времени увеличивающій животъ ея и т. д. и т. д.".

Солдатка - „сарафанница", „лэди Гаттонъ", въ особенности же „барышня Мячкова" и вся остальная „сволочь" (такъ выражался Яковкинъ) проф. Фукса — играютъ, вообще, видную роль въ перепискѣ Яковкина

1811 года и вся эта амурная каша, упитанная цѣлою кучею эпизодовъ скабрезнаго характера, видимо съ наслажденіемъ смаковалась престарѣлымъ Румовскимъ *. „Что нѣкоторые изъ нашихъ господъ содержатъ домоводокъ, — резонируетъ Румовскій въ одномъ изъ своихъ писемъ, — то дѣлаютъ они по примѣру нѣмецкихъ университетовъ, но домоводки ведутъ себя тамъ скромнѣе, нежели наши солдатки".

Женился на своей домоводкѣ, — простой служанкѣ, — проф. Сторль; завязалась грязная исторія на почвѣ предполагаемой любовной связи его жены съ наборщикомъ университетской типографіи—и Яковкинъ неукоснительно излагаетъ попечителю всѣ подробности и этого брака, и этой исторіи, которую самъ же онъ характеризуетъ, впрочемъ, наименованіемъ „бабьихъ сплетней".

На „домоводкѣ" своей женился и знаменитый впослѣдствіе проф. Френъ. Яковкинъ обстоятельно воспроизводитъ попечителю прошлое новой профессорши, всѣ университетскія кляузы, возникшія изъ за этого неравнаго брака (проф. Финке, напримѣръ, отказывался даже засѣдать въ совѣтѣ рядомъ съ скомпрометировавшимъ себя товарищемъ); не безъ юмора разсказываетъ и о томъ, какъ на слѣдующій день послѣ свадьбы Френа „по утру найдена у самыхъ воротъ его дома большая куча нечистотъ, въ коей усмотрѣны многіе лоскутки писемъ, писанныхъ къ проф. Герману".

Профессоръ Эрдманъ женился уже не на „домоводкѣ", а на дочери содержателя частнаго пансіона, лифляндскаго выходца Кальма; Яковкинъ не упускаетъ случая повѣдать попечителю цѣлую скандальную хронику объ этомъ Кальмѣ, будто бы еще двадцать лѣтъ тому назадъ уличенномъ въ государственной измѣнѣ, за что былъ сосланъ въ Казань и т. п.

Стали ходить въ Казани слухи о предстоящей свадьбѣ проф. Брауна; директоръ неукоснительно сообщаетъ ихъ попечителю, а черезъ нѣкоторое время отписываетъ ему, что „свадьба г. Брауна разсохлась (sic) совершенно, потому что невѣста освѣдомилась о нестерпимомъ его характерѣ и крайней скупости". Но особенно интересовались и попечитель и директоръ вопросомъ о женитьбѣ Фукса, слухи о которой то возникали, то снова опровергались. Этотъ интересъ поддерживался и соображеніями пуританскаго характера: съ женитьбою неунывающаго профессора связы-

* Фигурирующая въ письмахъ Яковкина скандальная хроника любовныхъ похожденій Фукса подробно изложена въ «Разсказахъ изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета» покойнаго Н. Н. Булича, къ которымъ мы и адресуемъ интересующихся (I, стр. 162—168).

вали они финалъ того жизненнаго режима, который ихъ переписка окрещивала словами liederlich leben и который, какъ ни какъ, а все таки шокировалъ старика Румовскаго. „Я желаю, — писалъ Румовскій,—что бъ женитьба г. Фукса обратилась въ его и въ общественную пользу"; „онъ долженъ будетъ жалѣть,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—ежели барышня Мячкова письменно начнетъ просить о разрѣшеніи любовной между ими связи (эта барышня, равно какъ и ея родня, усиленно старалась заставить Фукса жениться на ней, а тотъ такъ же усиленно отъ этого уклонялся, спасаясь отъ барышни даже бѣгствомъ): по тѣхъ поръ дѣло сіе можетъ длиться, покамѣсть не подастъ она чего нибудь на письмѣ, и какъ бы оно ни кончилось—не принесетъ добра г. Фуксу".

Приведенные выше образцы переписки Яковкина съ Румовскимъ не подобраны нами тенденціозно: аналогичную имъ окраску носитъ вся переписка ихъ за 1811 годъ, представляющая собою почти сплошную хронику университетской скандальной жизни. Въ этомъ не трудно убѣдиться, просмотрѣвъ, наудачу, хотя нѣсколько изъ 55-ти писемъ Яковкина и Румовскаго, относящихся къ этому году.

Въ перепискѣ Яковкина съ Румовскимъ отразилось и радостное событіе, посѣтившее домашній очагъ профессора-директора: то былъ бракъ дочери его Прасковьи съ молодымъ профессоромъ правовѣдѣнія, барономъ Е. В. Врангелемъ, совершившійся осенью 1811 года. Яковкинъ въ слѣдующихъ высокопарныхъ выраженіяхъ увѣдомлялъ о томъ своего благодѣтеля:

„Всеблагій Промыселъ, посѣщая немощи наши отечески, срастворяетъ купно отечески же и печали наши съ радостями. Ему, благоугодно бывъ воззвать къ Себѣ, противу всякаго нашего ожиданія, единороднаго моего студента (sic) Яковкина, а послѣ и воспитанника моего, племянника Яковкина же *, благоугодно опять награждать меня новымъ сыномъ въ лицѣ г. экстраординарнаго профессора барона Егора Васильевича Врангеля, испросившаго отеческое наше согласіе на соединеніе своей участи съ участью дочери нашей Парасковьи. Донося о семъ отечески пекущемуся начальству, дерзаю при томъ испрашивать Богомъ даруемому сему сыну продолженіе начальственнаго вашего превосходительства благорасположенія, да и онъ, купно со мною, потщится достойнымъ прохожденіемъ своего званія заслуживать и оправдывать несомыя уже милости начальства".

* Григорій Александровичъ Яковкинъ, племянникъ директора и учитель исторіи въ казанской гимназіи, умеръ незадолго до этого.

Баронъ Егоръ Васильевичъ
Врангель,
профессоръ россійскаго правовѣдѣнія.
(16 декабря 1809 г.—5 августа 1819 г.)

„Отечески пекущееся начальство“ изъявило счастливому отцу свое „великое удовольствіе“ по поводу сообщеннаго извѣстія: „Дай Богъ,—писалъ Румовскій своему любимцу,—что бы союзъ сей послужилъ къ успокоенію вашему отъ претерпѣнныхъ вами горестей“ [187].

Не долго пришлось Яковкину обольщаться на счетъ снова упрочившагося положенія своего въ университетѣ. Новый 1811 годъ, предпослѣдній годъ жизни и попечительства Румовскаго, явился годомъ перелома въ служебной карьерѣ профессора-директора и съ этого года престижъ его почти неограниченнаго полновластія начинаетъ, хотя медленно и не безъ упорной борьбы, за то вѣрно и неуклонно, скатываться по наклонной плоскости. Да и самъ Румовскій сталъ, повидимому, разочаровываться въ своемъ фаворитѣ и въ послѣдній годъ своей жизни, охотно принимая „любопытныя“ донесенія казанскаго директора, уже не относится къ нему съ тѣмъ неограниченнымъ довѣріемъ, какимъ дарилъ онъ его въ предшествовавшіе годы своего управленія. Въ самыхъ письмахъ Румовскаго, относящихся къ этому году, нѣтъ-нѣтъ да и пробѣжитъ легкая тѣнь недовѣрія попечителя къ директору, а конецъ 1811 года ознаменовался уже крупнымъ и совершенно ясно выраженнымъ неудовольствіемъ его Яковкинымъ.

Случилось это на почвѣ дѣлъ собственно гимназическихъ, именно на почвѣ плохой постановки въ казанской гимназіи преподаванія, вообще, и преподаванія латинскаго языка, въ особенности. Еще въ самомъ началѣ 1811 года (6-го февраля) Яковкинъ подробно доносилъ попечителю о современномъ состояніи казанской гимназіи, изображая его въ самомъ блестящемъ свѣтѣ и, съ присущимъ ему самохвальствомъ, приписывая, конечно, единственно себѣ всю честь достигнутыхъ результатовъ. Сообщая Румовскому о постепенномъ увеличеніи количества воспитанниковъ, поступающихъ въ нее изъ другихъ губерній, что находитъ себѣ объясненіе въ всеобщемъ довѣріи родителей и воспитателей къ казанской гимназіи, Яковкинъ ставитъ на видъ, что управляемая имъ гимназія получаетъ, такимъ образомъ, „уже родъ высшаго, въ сравненіи съ губернскими гимназіями, училища“:

> „Удостойте, ваше превосходительство, милостиво простить сіи выраженія, могущія нѣсколько относиться на счетъ самохвальства,—оправдываетъ себя Яковкинъ,—но я пишу точными словами пріѣзжающихъ, въ чемъ свидѣтельствую Сердцевѣдцемъ.... Со времени моего директорствованія число учащихся начало увеличиваться и не бывало менѣе ста семидесяти, а иногда восходило и до двухсотъ человѣкъ и болѣе.... Причиною таковаго умноженія учениковъ сами пріѣзжающіе

поставляютъ слухи, носящіеся объ успѣшномъ ученіи, надлежащемъ присмотрѣ, образованіи и удобнѣйшемъ содержаніи юношества въ здѣшней гимназіи".

Не смотря на краснорѣчивыя увѣренія Яковкина относительно блестящаго положенія вещей въ казанской гимназіи, Румовскій сталъ со второй половины 1811 года получать частныя, но вполнѣ компетентныя, свѣдѣнія о томъ, что дѣло обстоитъ здѣсь далеко не такъ благополучно, какъ отписывалъ ему директоръ. Эти свѣдѣнія шли отъ казанскаго профессора Броннера, въ письмахъ къ попечителю рѣзко осуждавшаго гимназическіе распорядки, установленные Яковкинымъ, въ особенности же плохую постановку латинскаго класса, благодаря которой ученики не въ состояніи даже спрягать ни одного слова („nam hi, nempe discentes,—писалъ Броннеръ,—nec unum verbum conjugare possunt: tanta in gymnasio didicerunt"). Съ свойственными ему рѣшительностью и безцеремонностью, Яковкинъ внесъ конфиденціальное о томъ письмо къ нему попечителя въ совѣтъ, назвавъ всѣ сдѣланныя Румовскому сообщенія—клеветою. Этотъ дерзкій поступокъ уже окончательно взорвалъ терпѣніе стараго попечителя, обратившагося къ директору съ слѣдующею (отъ 30-го ноября) суровою отповѣдью:

„Долженъ съ прискорбіемъ сказать, что успѣхи казенныхъ воспитанниковъ въ верхнемъ латинскомъ классѣ—недостаточны, и почти ни единый изъ нихъ, по незнанію латинскаго языка, не достоенъ того, что бы переведенъ былъ въ университетъ, гдѣ, по большей части, лекціи преподаются на латинскомъ языкѣ. Въ одномъ изъ писемъ вашихъ пишете, что сами не имѣли времени пересмотрѣть представленныя мнѣ экзаменныя упражненія и поручили пересмотрѣть инспектору (адъюнкту С. С. Петровскому). Онъ выбралъ лучшія, и вы иныхъ прислать бы не могли: на нихъ основываясь, сдѣлалъ я заключеніе о бѣдныхъ успѣхахъ учащихся..... Ежели бы вы имѣли тѣ же доказательства, какія я имѣю, то бы сами, по усердію вашему, вознегодовали на незнаніе нѣкоторыхъ воспитанниковъ, переведенныхъ къ слушанію профессорскихъ лекцій, и отзывъ ко мнѣ одного изъ г.г. профессоровъ (т. е. Броннера) не называли бы—клеветою. Я приватно увѣдомилъ васъ объ отзывѣ ко мнѣ доставленномъ, что бы вы поступали осторожнѣе при переводѣ въ университетъ воспитанниковъ гимназіи, а вы трижды читаете оный предъ собраніемъ и нудите меня произвесть нѣкоторый родъ слѣдствія. Поступками сего рода вы много теряете предъ своими собратіями и оскорбляете ихъ безъ всякой корысти, и потому совѣтую впредь быть поскромнѣе. Малые успѣхи въ латинскомъ языкѣ я ничему иному приписать не могу, какъ частому

отсутствію учащихъ отъ классовъ. Для обузданія сего своевольства какъ по гимназіи, такъ и по университету, долгомъ почитаю сдѣлать его сіятельству представленіе, что бы благоволилъ положить оному преграду".

Это суровое письмо находилось еще на пути въ Казань, когда Яковкинъ повторилъ ту же безтактность, которая такъ возмутила попечителя. Приглашая 6-го декабря профессоровъ къ присутствованію на зимнихъ гимназическихъ экзаменахъ, онъ позволилъ себѣ сдѣлать къ этому приглашенію слѣдующую дерзкую прибавку: „Debent omnes professores praesentes esse, ut discutiant calumniam discipulos nec conjugare posse" („всѣ профессоры обязаны присутствовать, дабы разсѣять клевету о томъ, что воспитанники не умѣютъ спрягать"). Эта новая дерзость Яковкина была своевременно доведена оскорбленнымъ ею Броннеромъ до свѣдѣнія попечителя [188].

Сознаніе близости своего паденія укрѣплялось въ мысляхъ Яковкина паралельно съ возрастающею ненавистью его къ иностраннымъ профессорамъ, въ которыхъ видѣлъ онъ олицетвореніе надвигающагося, столь ненавистнаго и страшнаго ему, университетскаго самоуправленія. А съ ними приходилось серьезно считаться, такъ какъ казанскій университетъ являлся въ то время университетомъ, въ сущности—нѣмецкимъ. И въ самомъ дѣлѣ: въ числѣ наличныхъ шестнадцати полноправныхъ членовъ совѣта, т. е. профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ, числившихся въ концѣ интересующаго насъ 1811 года *, находимъ мы двѣнадцать иностранцевъ (Германъ, Сторль, Фуксъ, Браунъ, Френъ, Бартельсъ, Реннеръ К., Финке, Литтровъ, Эрдманъ, Броннеръ и Томасъ), двухъ полурусскихъ (Эрихъ и баронъ Врангель) и только двухъ коренныхъ представителей русской національности (самъ Яковкинъ и Городчаниновъ); имѣлось еще на лицо четверо русскихъ адъюнктовъ (Петровскій, Кондыревъ, Никольскій и Перевощиковъ), но они сулили собою силу лишь въ будущемъ, которое представлялось въ ту пору для директора въ перспективѣ довольно туманной. Принимая въ соображеніе восемь иностранныхъ профессоровъ, подписавшихъ такъ огорчившую Румовскаго „меморію" ноября 1810 года, да проф. Брауна, явившагося ближайшею причиною этого инцидента; принимая еще въ разсчетъ профессора Броннера, сразу ставшаго въ оппозицію директору—мы находимъ десять членовъ совѣта,

* Мы не принимаемъ въ разсчетъ профессоровъ Вуттига, находившагося въ отпуску, изъ котораго онъ уже не возвратился, и Брейтенбаха, въ то время въ Казань еще не прибывшаго.

непримиримо настроенныхъ по отношенію къ Яковкину. Они представляли собою крѣпко сплоченную силу, вѣдаться съ которою предстояло не только профессору-директору, но и самому попечителю.

Яковкинъ сразу почувствовалъ себя лицомъ къ лицу съ коллегіальною организаціею, считаться съ которою оказывалось теперь не такъ то легко, какъ представлялось ему это прежде. Принялся онъ было за старые, когда то такъ удававшіеся ему, пріемы борьбы съ своими противниками: „Послѣднее сего іюня 14-го дня засѣданіе совѣта,—писалъ онъ попечителю,—обнаружило новыя противъ меня козни и интриги". Это сообщеніе цѣли своей не достигло: попечитель, не въ примѣръ прежнимъ годамъ, не поинтересовался ни „кознями", ни „интригами", воздвигаемыми противъ его любимца. Пришлось пустить въ ходъ другое, также не разъ уже извѣданное директоромъ средство борьбы съ оппозиціею—инсинуаціи и извѣты, которыми Яковкинъ широкою рукою и пользуется въ своей перепискѣ съ Румовскимъ. Въ началѣ ноября 1811 года Яковкинъ сѣтуетъ попечителю на то, что ему представляется дѣломъ крайне труднымъ „обработывать господъ иностранцевъ", въ смыслѣ приспособленія ихъ къ дѣятельности въ комитетахъ, учрежденныхъ при университетѣ, а въ началѣ слѣдующаго мѣсяца жалуется, что „дѣятельность иностранныхъ моихъ господъ сотоварищей, слѣдовательно и помощь отъ нихъ—весьма малы". Не оставляетъ директоръ безъ вниманія и частной жизни своихъ иностранныхъ сотоварищей: „Наши иностранные чудаки,—докладываетъ онъ Румовскому отъ 21-го ноября того же года,—не перестаютъ проказами своими наносить университету новыя причины къ безславію и нареканію; даже какъ будто нарочно стараются облагородить всѣхъ казанскихъ публичныхъ непотребницъ (намекъ на неравные браки нѣкоторыхъ профессоровъ) люди, наставники юношества, долженствующіе служить ему примѣромъ въ правилахъ нравственности и общежитія. Примѣру сумашедшаго слѣпца Сторля послѣдовалъ нынѣ близорукій слѣпецъ Френъ. Нѣкогда я имѣлъ честь донести вашему превосходительству, что у послѣдняго жила публичная блудница, непотребствовавшая прежде у многихъ какъ нѣмцевъ, такъ и у русскихъ, пришедшая и къ нему съ кузовомъ (sic) и вытряхнувшая у него мальчика, признаннаго отъ Френа сыномъ и т. д." Сентенціи Яковкина относительно нравственности профессоровъ иллюстрировались имъ и отдѣльными фактами, которыхъ мы, въ общихъ чертахъ, уже касались. Не щадилъ Яковкинъ и стараго Германа, котораго, на основаніи какихъ то смутныхъ городскихъ слуховъ, онъ обвинялъ передъ попечителемъ въ „лакомствѣ", т. е. въ мздоимствѣ по

экзаменному (для чиновниковъ) комитету; не щадилъ онъ и своего еще недавняго пріятеля Фукса, котораго теперь, какъ мы это уже видѣли, обвинялъ въ тайныхъ козняхъ и „подкопахъ", веденныхъ имъ противъ него, Яковкина, передъ сенаторскимъ чиновникомъ Перовскимъ.

Безпокойство Яковкина за свое ближайшее будущее имѣло тѣмъ большія основанія, что уже со второй половины 1810 года ясно обрисовалась личность, которой суждено было вскорѣ устранить директора съ пути свободнаго развитія автономной жизни университета, ставъ во главѣ его представительства: то былъ ненавистный соперникъ Яковкина, профессоръ Браунъ, будущій первый выборный ректоръ университета, такъ блестяще восторжествовавшій на сентябрьскихъ выборахъ 1810 года и такъ единодушно поддержанный противъ попечителя „меморіею" совѣтскаго большинства. Яковкинъ не щадилъ красокъ для обрисовки передъ попечителемъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ университетскаго „оракула", какъ иронически именуетъ онъ въ своихъ письмахъ Брауна, намекая на его авторитетность въ совѣтѣ. Брауна ставитъ Яковкинъ во главѣ тѣхъ иностранныхъ профессоровъ, которые „подъ видомъ незнанія законовъ и россійскаго языка уклоняются, какъ будто законно, отъ обработыванія дѣлъ, кои потому и лежатъ только на однихъ русскихъ или знающихъ русскій языкъ, и, не довольствуясь латинскимъ моимъ объясненіемъ дѣла (inde ira—какъ усмотрятъ это читатели! *), весьма часто требуютъ точнаго и полнаго перевода всей бумаги".

„Ежели только есть Взыскующій и Созерцающій сердца и утробы,—патетически восклицаетъ Яковкинъ въ письмѣ къ Румовскому отъ 16-го января 1812 года,—то г. Браунъ много долженъ будетъ предъ Нимъ отвѣчать за всѣ происки и возмущенія, производимые имъ по университету.... Господь судитъ комуждо по дѣломъ его. Свидѣтельствуюсь Сердцевѣдцемъ и могу признаться откровенно предъ вашимъ превосходительствомъ, что ни помощи и содѣйствія каковаго либо въ отправленіи дѣлъ имѣю я всегда отъ г.г. иностранныхъ членовъ, но всегда болѣе помѣшательствъ и недовѣрчивости".

На почвѣ вопроса о переводѣ Яковкинымъ на латинскій языкъ поступающихъ въ совѣтъ бумагъ возникло даже цѣлое дѣло, по времени относящееся къ лѣту 1811 года, а въ основѣ своей имѣющее тотъ же

* Припомнимъ, что и проф. Броннеръ жаловался въ 1811 году на то, что «дебаты и голосованія въ засѣданіяхъ совѣта почти совсѣмъ прекратились, вслѣдствіе отсутствія обстоятельнаго доклада дѣлъ».

непримиримый антагонизмъ между директоромъ Яковкинымъ и иностранными профессорами, съ Брауномъ въ ихъ главѣ.

Въ засѣданіи совѣта 14-го іюня проф. Браунъ высказалъ сожалѣніе по тому поводу, что предсѣдатель собраній Яковкинъ „пересказываетъ по латыни только одно содержаніе дѣлъ", что лишаетъ членовъ совѣта, незнающихъ русскаго языка, возможности составлять себѣ точное представленіе о дебатируемыхъ въ засѣданіяхъ вопросахъ. Проф. Френъ, съ своей стороны, восполнилъ заявленіе своего коллеги слѣдующимъ, нѣсколько страннымъ, вопросомъ, адресованнымъ директору: на какомъ основаніи совершаетъ предсѣдатель на латинскомъ языкѣ интерпретацію бумагъ—по доброй волѣ или по обязанности? Яковкинъ отвѣчалъ, что дѣлаетъ это исключительно по доброй волѣ, единственно изъ желанія облегчить иностраннымъ членамъ совѣта слушаніе дѣлъ, на что Браунъ возразилъ, что совѣтъ простымъ перефразомъ бумагъ „доволенъ быть не можетъ, понеже по сей причинѣ ошибки могутъ случаться и, дѣйствительно, случались"; было при этомъ высказано желаніе имѣть при совѣтѣ особаго переводчика, для полнаго перевода всѣхъ бумагъ на латинскій языкъ,—мысль, которую, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Румовскому (отъ 10-го іюля), отстаивалъ и проф. Броннеръ.

Дѣло это восходило на разсмотрѣніе попечителя, которому Яковкинъ, съ своей стороны, писалъ, что, въ виду высказанныхъ нѣкоторыми членами совѣта притязаній—онъ отнынѣ вынужденнымъ является въ совѣтскихъ дѣлахъ „держаться только преимущественно своего природнаго россійскаго языка, дабы чрезъ то показать различіе между обязанностью и доброю волею". Попечитель не принялъ въ этомъ дѣлѣ сторону совѣта и отозвался въ томъ смыслѣ, что членамъ совѣта надлежало бы за интерпретацію на латинскомъ языкѣ бумагъ „не винить, но благодарить г. директора потому, что переводчика при совѣтѣ въ штатѣ не положено и правительство справедливую имѣло причину предполагать, что иностранные ученые среди Россіи, гдѣ всѣ дѣла отправляются на россійскомъ языкѣ, не погнушаются со временемъ научиться россійскому языку по крайней мѣрѣ столько, сколько нужно для разумѣнія дѣлъ, на россійскомъ языкѣ предлагаемыхъ". Совѣтъ постановилъ (16-го августа) принять попечительское предложеніе „къ исполненію" и на этомъ дѣло покончилось. Иностранные члены совѣта такъ и не получили удовлетворенія своего, вполнѣ естественнаго и бывшаго въ интересахъ самаго дѣла, желанія имѣть при совѣтѣ особаго переводчика и должны были и впредь доволь-

ствоваться краткими и не всегда, повидимому, точными и вполнѣ объективными латинскими интерпретаціями профессора-директора.

Въ концѣ октября 1811 года у Яковкина мелькнула, неоправдавшаяся однако, надежда избавиться отъ своего соперника и супротивника: въ Казани стали циркулировать слухи о предстоящемъ, будто бы, оставленіи проф. Брауномъ казанскаго университета и о переѣздѣ его на жительство въ Петербургъ. Передавая Румовскому этотъ слухъ, Яковкинъ пользуется случаемъ сообщить попечителю, что Браунъ „имѣя до пятидесяти тысячъ рублей, какъ знающіе увѣряютъ, въ процентахъ свободно можетъ жить и безъ должности, но непомѣрная его скупость того ему не позволитъ, когда онъ и здѣсь имѣетъ себѣ постояннымъ правиломъ, чтобъ и съ кухаркою не издерживать въ день болѣе пятидесяти копѣекъ на все содержаніе"; сообщеніе это уснащается намеками на ростовщичество Брауна, которымъ, яко бы, онъ не стѣсняется оплетать своихъ сотоварищей по университету [189].

Знакомство съ обширною перепискою Яковкина и Румовскаго обнаруживаетъ передъ нами только одного человѣка, затрогивать котораго не рѣшался профессоръ-директоръ, въ письмахъ своихъ къ попечителю не давашій пощады даже такимъ вѣрнымъ сторонникамъ своимъ, какимъ являлся проф. Сторль, а до конца 1810 года—и проф. Фуксъ. Этимъ человѣкомъ выступилъ новый профессоръ казанскаго университета Ф. К. Броннеръ, сразу занявшій, и въ глазахъ Румовскаго, и въ казанской профессорской средѣ, положеніе, которое не могло не тревожить Яковкина. Событія 1811 года дали ему ясно понять, что въ лицѣ новаго профессора мстящая университетская Немезида выдвигаетъ противъ него сильнаго противника, рѣшившагося объявить профессору-директору открытую и неумолимую борьбу не на животъ, а на смерть,—борьбу уже не въ интимныхъ профессорскихъ кружкахъ, не въ общественномъ мнѣніи города, не въ стѣнахъ камеръ засѣданій конторы и совѣта, но выступившаго смѣлымъ и непримиримымъ борцомъ противъ самовластія Яковкина и убѣжденнымъ защитникомъ автономныхъ правъ университета передъ попечителемъ и, даже, министромъ. Раздался рѣшительный и авторитетный силою своей убѣдительности голосъ, какимъ до сихъ поръ никто не рѣшался еще заговорить передъ столичными высшими учебными сферами по поводу текущихъ университетскихъ дѣлъ.

Личность профессора физики Броннера, принявшаго на себя задачу благородной борьбы съ узурпаторскими самовластіемъ и интригою—уже знакома намъ; въ своемъ мѣстѣ охарактеризована была нами и обширная

интимная переписка, которую велъ онъ изъ Казани съ попечителями Румовскимъ и Салтыковымъ и которая представляетъ собою цѣнный матеріалъ для исторіи казанскаго университета 1811—1816 годовъ. Эта обширная переписка, случайно сохранившаяся, какъ мы это уже знаемъ, среди рукописей кантональной библіотеки г. Аарау, впервые указанная профессоромъ казанскаго университета А. В. Васильевымъ и въ 1902 году изданная, по порученію совѣта казанскаго университета, профессоромъ Д. И. Нагуевскимъ, не представляетъ собою ничего общаго съ болѣе нежели сомнительной чистоты перепиской съ Румовскимъ Яковкина и его клевретовъ: въ высшей степени корректная, смѣлая и откровенная, чуждая столь обычныхъ въ ту пору извѣтовъ и инсинуацій, дышущая уваженіемъ къ наукѣ и къ представляющему ее учрежденію, горячею любовью къ правдѣ и отвращеніемъ отъ всего фальшиваго и низменнаго—эта переписка служила въ рукахъ Броннера могучимъ обличительнымъ оружіемъ въ дѣлѣ борьбы съ Яковкинымъ и почвою для возможности отстаиванія и проведенія въ жизнь интересовъ свободной науки и свободнаго университета *. Директору Яковкину довелось серьезно считаться съ Броннеромъ. Человѣкъ, закаленный опытомъ и превратностями своей полной неожиданностей и приключеній жизни, сильный характеромъ и строгою выдержанностью и послѣдовательностью дѣйствій, вынесенными изъ пройденной имъ суровой іезуитской школы, Броннеръ стоялъ несоизмѣримо выше прежнихъ противниковъ Яковкина, адъюнкта Карташевскаго и профессора Каменскаго, съ которыми директору такъ легко и такъ скоро удалось справиться и которые, благодаря несдержанности и неумѣлой страстности предпринятой ими борьбы, сами первые свалились въ ту яму, которую подготовляли они для своего хитраго и прозорливаго противника.

Броннеръ пріѣхалъ въ Казань 12-го октября 1810 года, какъ разъ въ самый разгаръ страстей, возбужденныхъ происходившими передъ тѣмъ совѣтскими выборами. Вскорѣ послѣ его пріѣзда получено было извѣстное предложеніе Румовскаго отъ 13-го октября, составлялась и отправлена была въ Петербургъ и такъ сильно взволновавшая попечителя „меморія“ восьми профессоровъ. Броннеръ сразу сталъ, конечно, въ курсъ университетскихъ дѣлъ и быстро разобрался и въ людяхъ и въ отношеніяхъ.

* Намъ придется очень часто цитировать переписку Броннера по изданію ея Д. И. Нагуевскимъ («Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка», Каз. 1902). Что бы не пестрить наше изложеніе постоянными ссылками на эту книгу, мы примемъ сокращенный способъ цитатъ въ самомъ текстѣ, ставя начальныя буквы «Бр.» и указывая, затѣмъ, страницу,—напримѣръ: «Бр. 250», что будетъ значить: «Переписка Броннера, страница 250-ая».

Съ свойственными ему сдержанностью, тактомъ и осторожностью, онъ не почелъ удобнымъ сразу вмѣшаться въ совѣтскую борьбу страстей и не впалъ въ ошибку проф. Германа, въ 1805 году, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Казань, впутавшагося въ неравную борьбу съ всемогущимъ въ ту пору Яковкинымъ. Профессору Броннеру и нечего было торопиться выступленіемъ своимъ въ роли активнаго борца за интересы угнетаемаго Яковкинымъ университета: для достиженія этой благородной цѣли въ его распоряженіи находился способъ дѣйствованія, указанный ему самимъ попечителемъ передъ выѣздомъ его изъ Петербурга въ Казань. Попечитель, высоко цѣнившій достоинства Броннера, просилъ его отписывать ему изъ Казани о всѣхъ текущихъ университетскихъ дѣлахъ: „Душевно желалъ бы я,—писалъ Броннеръ Румовскому въ февралѣ 1811 года *,—всѣми силами моими содѣйствовать процвѣтанію крупнаго учрежденія (т. е. университета), ввѣреннаго руководству вашему, и буду всемѣрно стараться о томъ въ предѣлахъ предоставленнаго мнѣ круга дѣйствія, а также не премину, слѣдуя предписанію вашего превосходительства, сообщать вамъ мои замѣчанія относительно теченія здѣшнихъ дѣлъ, коль скоро составится у меня зрѣлый на нихъ взглядъ“. (Бр. 198). Румовскій, не взирая на нерѣдко слишкомъ даже откровенный тонъ писемъ Броннера, очень дорожилъ его сообщеніями и писалъ ему, по этому поводу, въ февралѣ 1812 года: „Прошу васъ, мой дорогой г. Броннеръ, продолжать дѣйствовать такъ, какъ вы до сихъ поръ дѣйствовали на благо университета—не сдаваясь злу, но смѣло идя ему на встрѣчу“. „Я обѣщаю вамъ,—отвѣчалъ на это Броннеръ,—что я никогда не перестану твердо и неуклонно содѣйствовать благу университета; всѣ причиняемыя препятствія и непріятности, которыми хотятъ меня заставить молчать, докажутъ только то, что безпристрастіе можетъ быть оскорбляемо и способно вызвать негодованіе, но нѣтъ возможности его ни терроризировать, ни застращать (Бр. 249—250)“. Уже эти краткія выдержки способны освѣтить общій характеръ переписки, установившейся между Броннеромъ и Румовскимъ.

Яковкинъ зналъ расположеніе попечителя къ вновь прибывшему профессору и уже на первыхъ порахъ сталъ въ немъ искать, отъ времени до времени запросто приглашая къ себѣ въ домъ (Бр. 445—446). Намъ неизвѣстно, часто ли пользовался Броннеръ этими приглашеніями,

* Письма Броннера и отвѣтныя на его имя, писанныя почти исключительно на французскомъ языкѣ, мы вездѣ приводимъ,—конечно только въ извлеченіяхъ,—въ нашемъ русскомъ переводѣ.

но онъ, во всякомъ случаѣ, очень скоро сталъ гнушаться общества директора и его присныхъ и 22-го февраля 1811 года писалъ по этому поводу Румовскому: „Вчера г. директоръ Яковкинъ пригласилъ меня, что случалось уже не разъ и прежде, на свой домашній праздникъ, но я счелъ за лучшее послѣдовать изреченію: блаженъ мужъ, который не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ (Бр. 202)". Броннеръ сразу и не обинуясь раскрываетъ, такимъ образомъ, передъ попечителемъ карты своей игры съ его любимцемъ, пресловутымъ казанскимъ профессоромъ-директоромъ. Въ сентябрѣ того же года онъ уже совершенно открыто высказываетъ Румовскому свой взглядъ на казанскія университетскія отношенія:

„Ваше превосходительство можете пребывать увѣреннымъ,—пишетъ Броннеръ попечителю,—что никто изъ профессоровъ не покушается на спокойствіе въ университетѣ, что нѣтъ здѣсь никакихъ интригъ, что всѣ дѣлаютъ свое дѣло и тщательно избѣгаютъ какихъ бы то ни было осложненій. Многіе страдаютъ, но—молчатъ (on souffre, on se tait). Дѣло доходитъ до положенія вещей, которое едва ли можетъ быть вами одобрено: нѣкоторые члены совѣта не смѣютъ заявлять своихъ мнѣній въ засѣданіяхъ, опасаясь попасть въ число людей безпокойныхъ; другіе же, приведенные въ состояніе безнадежнаго отчаянія, вовсе не посѣщаютъ совѣтскихъ засѣданій. Примите же, достоуважаемый попечитель, какія либо мѣры къ устраненію подобнаго положенія вещей—и я охотно поддержу всѣ ваши начинанія. Мои пожеланія сводятся къ одному: что бы вы были уважаемы и любимы не только отдѣльными лицами, но и всѣми тѣми, которые избраны вами къ служенію великому дѣлу народнаго образованія въ этомъ неизмѣримомъ краѣ" (Бр. 225).

Начало казанской переписки Броннера съ Румовскимъ совпало какъ разъ съ эпохою возбужденія и толковъ по поводу совѣтскихъ выборовъ 1810 года и коллективнаго протеста профессоровъ, такъ взволновавшаго попечителя. Въ письмѣ отъ 23-го января 1811 года Румовскій сѣтовалъ Броннеру на то, что среди профессоровъ казанскаго университета сказывается стремленіе „властвовать надъ равными себѣ" и „вмѣшиваться въ дѣла, ихъ не касающіяся". Попечитель высказываетъ сожалѣніе, что не всѣ члены совѣта руководствуются такими достохвальными стремленіями, какія руководятъ имъ, Броннеромъ; будь это такъ, замѣчаетъ Румовскій, университетъ могъ бы быть приведенъ въ цвѣтущее состояніе. Ссылаясь на присланную ему меморію, попечитель настаиваетъ на томъ, что среди профессоровъ казанскаго университета составился противъ него заговоръ, члены котораго „присвоили себѣ право суда между нимъ и Брауномъ

(une espèce de juridiction parmi m-r Braun et moi)"; что представители совѣтской оппозиціи ожидали только удобнаго случая для того, что бы высказать свое враждебное отношеніе къ нему, попечителю; что проф. Браунъ имѣлъ всѣ средства лично оправдаться, не прибѣгая къ коллективному заступничеству и т. п. (Бр. 196—204). Возражая Румовскому и оправдывая Брауна и поддержавшихъ его товарищей, Броннеръ отмѣчаетъ суровый характеръ попечительскаго предложенія отъ 13-го октября и обращается къ нему съ слѣдующими, дышущими искренностью, словами:

„Съ грустью замѣчаю я,—пишетъ Броннеръ,—что ваше превосходительство питаете чувство горечи (quelque amertume) по отношенію къ профессорамъ, подписавшимъ извѣстный мемуаръ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ данномъ случаѣ имѣется на лицо какое то предубѣжденіе съ вашей стороны, причину котораго я не могу угадать (Броннеръ отлично зналъ, конечно, что Яковкинъ былъ главною причиною этого предубѣжденія). Я не принимаю на себя задачи выгораживанія г. Брауна, который можетъ самъ себя оправдать, но хотѣлъ бы вѣрить тому, что только представленныя донесенія побудили васъ прибѣгнуть къ извѣстному предписанію совѣту. Чувство удивленія выразилось на всѣхъ лицахъ при чтеніи въ засѣданіи вашего предложенія, такъ какъ члены совѣта считали себя не заслужившими тѣхъ обвиненій, которыя вы имъ предъявили. Глубоко скорблю я объ участи нашего университета, попечитель котораго, человѣкъ заслугъ недюжинныхъ (d'un merite peu commun), находится въ злосчастномъ и гибельномъ разладѣ съ членами совѣта. Обращаюсь къ вашему превосходительству съ мольбою: извините невольныя ошибки, если таковыя были; будьте великодушны, забудьте о недостойныхъ васъ мелочахъ (oubliez des bagatelles, indignes de vos soucis) и отнеситесь ко всему происшедшему съ свойственнымъ вамъ величіемъ души. Вѣрьте моей наблюдательности: всѣ профессоры почитаютъ ваши достоинства и преклоняются передъ вашимъ авторитетомъ; покажите себя великимъ и истиннымъ отцомъ подчиненныхъ—и васъ будутъ обоготворять! Можете быть увѣрены,—добавляетъ Броннеръ,—что никто не увидитъ ни одного изъ вашихъ писемъ: ваше расположеніе ко мнѣ могло бы вызвать чувство недоброжелательства и усилить раздоры, прекращеніе которыхъ я поставилъ себѣ цѣлью (Бр. 206—207)".

Только что цитированное откровенное письмо нѣсколько разсердило, повидимому, Румовскаго, который не безъ ироніи поблагодарилъ автора его за „мудрые совѣты" (vos sages conseils) и изъявилъ готовность слѣдовать имъ при томъ условіи, если „господа профессоры не будутъ вмѣшиваться въ дѣла, выходящія за предѣлы ихъ компетенціи (Бр. 212)".

Броннеръ не смутился попечительскимъ отвѣтомъ и возражалъ на него слѣдующими, не менѣе откровенными, словами:

„Мнѣ показалось,—писалъ Броннеръ,—что вы нѣсколько издѣваетесь по поводу моихъ „мудрыхъ“ совѣтовъ, какъ вамъ угодно было ихъ назвать (vous persifflez un peu de mes „sages“ conseils, comme vous les appelez). Вѣрьте, тѣмъ не менѣе, что эти совѣты проистекаютъ изъ глубины искренняго и уважающаго васъ сердца и я не допускаю мысли о томъ, что бы моя откровенность могла васъ серьезно разгнѣвать. Я всею душою желаю, что бы, подъ вашимъ попечительствомъ, нашъ университетъ сдѣлался первымъ въ ряду своихъ собратій и что бы ваше имя съ уваженіемъ и съ честью повторялось и современниками, и потомствомъ. Примите же мѣры къ тому, что бы ввѣренный вамъ университетъ не уступилъ ни одному своему собрату и что бы управленіе славнаго своими заслугами перваго русскаго астронома оказалось плодотворнымъ не менѣе управленія попечителей нерусскаго происхожденія. Простите мнѣ и на этотъ разъ мои „мудрые“ совѣты и отнеситесь къ нимъ, какъ къ завѣтнымъ пожеланіямъ (les voeux très chers) глубоко преданнаго вамъ человѣка (Бр. 214—215)“.

Откровенныя и исполненныя горькой истины письма Броннера не могли не влiять на престарѣлаго Румовскаго, привыкшаго къ низменнымъ интимнымъ писаніямъ Яковкина, съ проникающими ихъ мелкими проявленіями честолюбиваго эгоизма, угодливаго низкопоклонства, грязныхъ инсинуацій и кивковъ по адресу сослуживцевъ и съ неизмѣнными уснащеніями риторическаго характера,—въ родѣ призыванія всуе имени „Сердцевѣдца“, сравненія себя съ „многострадальнымъ Іовомъ“ или ветхозавѣтными пророками и тому подобными пріемами, разсчитанными на сокрытіе мотивовъ самаго мелочнаго и, порою, грязнаго пошиба. Румовскій высоко цѣнилъ Броннера, внимательно относился къ его письмамъ и, вплоть до самой кончины, съ чувствомъ глубокаго уваженія поддерживалъ сношенія съ своимъ казанскимъ корреспондентомъ. Какъ не старъ и не слабоволенъ былъ Румовскій, онъ не могъ не усматривать бьющей въ глаза разницы между благородными письмами Броннера и грязненькими писаніями казанскаго профессора-директора. Съ такимъ же чувствомъ уваженія поддерживалъ, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, переписку съ Броннеромъ и преемникъ Румовскаго, попечитель Салтыковъ.

Въ своихъ письмахъ къ попечителю Броннеръ выступалъ горячимъ приверженцемъ мысли о необходимости скорѣйшаго полнаго открытія университета и предоставленія ему гарантированной уставомъ автономіи, которую онъ признавалъ надежнѣйшею гарантіею спокойствія университетской

„Меня утѣшаетъ то довѣріе, которое я встрѣчаю съ вашей стороны,— пишетъ онъ попечителю въ октябрѣ 1811 года,—и я питаю увѣренность, что всѣ смуты (toutes ces tracasseries) сами собою прекратятся съ формальнымъ открытіемъ университета (Бр. 232)". Эти слова явились отвѣтомъ на письмо Румовскаго отъ 2-го октября, въ которомъ попечитель сообщалъ: „Я подозрѣваю, что г. Яковкинъ является для нихъ (профессоровъ) камнемъ преткновенія; что бы успокоить васъ, скажу, что ректоромъ будетъ, когда университетъ откроется, одинъ изъ вашихъ иностранныхъ сотоварищей (намекъ на проф. Литтрова, котораго попечитель представилъ къ утвержденію вмѣсто Брауна), если только министръ не рѣшитъ иначе (Бр. 227—228)". Еще рельефнѣе высказываетъ Броннеръ свою мысль о необходимости безотложнаго полнаго открытія университета въ письмѣ отъ 26-го февраля 1812 года:

„Больно было мнѣ неоднократно сообщать вамъ о нѣкоторыхъ неприглядныхъ фактахъ, и только убѣжденіе въ томъ, что я поступалъ согласно съ долгомъ, побуждало меня къ тому. О, какъ велика была бы моя радость, если бы я имѣлъ возможность сообщать вамъ о разумныхъ начинаніяхъ, о цвѣтущемъ положеніи университета, объ интересныхъ работахъ профессоровъ, о нашемъ братскомъ единеніи и т. п.! Обнадеженный вашимъ обѣщаніемъ, что мы будемъ имѣть достойнаго и безпристрастнаго ректора, я уповалъ на то, что, съ полнымъ открытіемъ университета, многія нестроенія прекратятся сами собою—но эта надежда на лучшее будущее съ каждымъ днемъ отодвигается все дальше и дальше, а наше положеніе съ каждою минутою становится все болѣе и болѣе тяжелымъ (Бр. 244)".

Но особенно рѣзко высказалъ Броннеръ свой взглядъ на положеніе университетскихъ дѣлъ въ письмѣ отъ 24-го іюня 1812 года, писанномъ всего за двѣ недѣли до смерти Румовскаго и которое попечителю едва ли удалось прочитать:

„Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сознаемъ мы настоятельную необходимость въ коренномъ измѣненіи (changement réel) положенія вещей, — неизбѣжномъ, конечно, при сознаніи необходимости водворенія въ университетѣ чувства общей удовлетворенности и истиннаго научнаго духа (le contentement et le vrai esprit des sciences); я, лично, вдвойнѣ чувствую необходимость такой перемѣны, такъ какъ невозможно разсчитывать на лучшіе дни, находясь подъ гнетомъ ненависти нашего полномочнаго (plenipotentiaire—такъ называетъ авторъ письма директора Яковкина). Вѣрьте мнѣ, что ни одна строчка этого письма не грѣшитъ противъ голой истины (Бр. 269)".

Самую характерную и рѣзкую сторону писемъ Броннера, отмѣчающую собою также его переписку и съ попечителемъ Салтыковымъ, и съ министромъ графомъ Разумовскимъ, представляютъ собою его обличенія, направленныя противъ директора Яковкина. Броннеръ не щадилъ въ глазахъ Румовскаго ни личности, ни дѣятельности его казанскаго любимца.

Мы видѣли въ предыдущихъ письмахъ горькія сѣтованія Броннера на угнетенное положеніе совѣта, созданное торжествующимъ Яковкинымъ послѣ неудавшейся избирательной кампаніи 1810 года. Уже въ сентябрѣ 1811 года Броннеръ жалуется попечителю на новое яблоко раздора, брошенное директоромъ въ среду совѣта. Дѣло въ томъ, что, озабоченный возможностью новыхъ выборовъ ректора и желая обезпечить за собою большее количество избирательныхъ голосовъ, Яковкинъ 17-го августа, ни съ того ни съ сего, внесъ въ совѣтъ вопросъ о правѣ экстраординарныхъ профессоровъ (находившихся отъ него, конечно, въ извѣстной зависимости) на равное съ ординарными профессорами участіе въ избирательныхъ собраніяхъ. Директоръ высказался по этому вопросу въ смыслѣ утвердительномъ, но большинство членовъ совѣта не согласилось съ нимъ, мотивируя свое мнѣніе различнаго рода доводами и, между прочимъ, тѣмъ избирательнымъ принципомъ, что „nemo eligit, qui ipse non est eligitibilis“. Вопросъ этотъ, восходившій на разсмотрѣніе министра, былъ разрѣшенъ въ смыслѣ для экстраординарныхъ профессоровъ благопріятномъ, но Броннеръ жаловался попечителю на то, что возбужденіемъ этого вопроса „посѣяна среди членовъ совѣта новая тревога“, такъ какъ въ немъ усмотрѣли поползновеніе директора на свободу университетскихъ выборовъ.

Но самымъ чувствительнымъ мѣстомъ, на которое обращалъ Броннеръ свое оружіе въ борьбѣ съ Яковкинымъ, являлись гимназическія, въ особенности учебныя и экзаменаціонныя неурядицы; письма Броннера къ Румовскому полны обличеніями дѣятельности Яковкина на этой почвѣ. „Я ничего не имѣю противъ самой личности г. Яковкина,—читаемъ мы въ письмѣ Броннера отъ 26-го февраля 1812 года,—но многое имѣю противъ его образа дѣйствій. Нужно же, наконецъ, открыть глаза вашего превосходительства на то, что гимназія достигла такого упадка, замалчивать каковой было бы со стороны искренняго человѣка дѣломъ безчестнымъ“. Приписывая причину такого печальнаго явленія дѣятельности Яковкина, Броннеръ добавляетъ: „Я вовсе не расположенъ оскорблять г. Яковкина и, вообще, причинять ему какое бы то ни было зло; я предпочелъ бы даже скрывать его недостатки. Такое чувство раздѣлили бы, конечно, со мною далеко не всѣ тѣ, которые страдаютъ въ настоящее время подъ гнетомъ его

самовластія; не проявилъ бы подобнаго чувства по отношенію ко мнѣ и самъ г. Яковкинъ, и я имѣю къ этому предположенію вполнѣ вѣскія данныя. Исповѣдуемая мною вѣра исключаетъ чувство мести и жестокость: я ничего не добиваюсь инаго, какъ возможности принести посильную пользу, не разсчитывая ни на выгоды, ни на простую, хотя бы только, благодарность (Бр. 246—247)".

Особенно возмутилъ Броннера грубый образъ дѣйствій, проявленный директоромъ во время гимназическихъ экзаменовъ 1812 года:

„Дерзкими поступками своими г. директоръ желаетъ, кажется, поддержать авторитетъ своей власти,—пишетъ Броннеръ попечителю отъ 24-го іюня этого года.—Если это такъ, то всякій порядочный человѣкъ откажется отъ занятія въ гимназіи учительской должности. Сомнѣваюсь, что бы бо́льшая степень грубости могла найти себѣ примѣненіе даже по отношенію къ рабамъ и я не могу допустить мысли, что бы ваше превосходительство могли одобрить подобнаго рода неуваженіе къ простому человѣческому достоинству. Если вы желаете оказывать ему дальнѣйшее довѣріе—въ такомъ случаѣ заставьте его быть, по крайней мѣрѣ, болѣе гуманнымъ (Бр. 267)".

Съ жалобами на Яковкина Броннеръ не стѣснялся обращаться даже къ графу Разумовскому:

„Позвольте мнѣ,—пишетъ онъ министру отъ 16-го сентября 1811 года,—выразить сожалѣніе по поводу участи моихъ добрыхъ товарищей, которые, будучи людьми самыми миролюбивыми, подвергаются опасности прослыть за людей безпокойныхъ. За выборною горячкою прошлаго года послѣдовало состояніе общей апатіи и безмолвной, хотя и мрачной, безнадежности. Торжествующій директоръ Яковкинъ сталъ въ открытую вражду съ членами совѣта, не желавшими избранія его въ ректоры и, поддерживаемый довѣріемъ г. попечителя, привелъ совѣтъ въ состояніе полнаго угнетенія.... Благодѣтельныя начинанія его величества и широкіе виды вашего сіятельства останутся совершенно тщетными, безъ приведенія академическаго строя въ соотвѣтствіе съ актами, которыми положено основаніе университету. Всѣ смуты разомъ пресѣкутся съ полнымъ открытіемъ университета и съ избраніемъ достойнаго ректора..... Во власти вашего сіятельства положить конецъ всѣмъ нашимъ злоключеніямъ. Настоящимъ письмомъ я рискую, быть можетъ, навлечь на себя неудовольствіе нашего почтеннаго попечителя и даже непріятности. Я всегда держусь, тѣмъ не менѣе, того взгляда на вещи, что слишкомъ большая заботливость о личномъ благѣ способна вести къ погибели цѣлыя царства, не говоря уже объ учрежденіяхъ. Надо умѣть, поэтому, приносить въ жертву собственное благо—

благу общественному и смѣло обнаруживать передъ врачомъ причину той болѣзни, которую предстоитъ ему лечить (Бр. 426—428)".

Да не посѣтуютъ на насъ читатели за нѣкоторую подробность, съ которою остановились мы на перепискѣ Броннера, съ цѣлью болѣе наглядной обрисовки ея общаго характера и ея значенія въ общей связи университетскихъ событій и отношеній интересующей насъ эпохи.

Эта интересная переписка должна была сыграть въ свое время весьма значительную роль, раскрывая передъ петербургскими властями университетскія дѣла и отношенія въ ихъ истинномъ свѣтѣ, не преломленномъ сквозь призму директорскихъ интерпретацій и извѣтовъ, выступая посредствующимъ примирительнымъ элементомъ въ отношеніяхъ между попечителемъ и университетомъ, суровою и безпощадною рукою разоблачая, съ другой стороны, козни и неблаговидныя дѣянія, все еще мощнаго въ своей власти, Яковкина. Письма Броннера не могли не оказать своего воздѣйствія уже въ послѣдніе полтора года попечительства Румовскаго, но несравненно бо́льшее значеніе оказали они въ попечительство его преемника, Салтыкова, выступивъ едва ли не важнѣйшимъ факторомъ освобожденія университета отъ многолѣтняго диктаторства профессора-директора. Эти письма послужили тѣми именно непрерывно падающими каплями, которыя являются, по извѣстному афоризму, способными продолбить камень не своею силою, но своимъ неуклоннымъ паденіемъ на одну и ту-же точку его поверхности.

Не разъ будемъ мы еще имѣть случай снова возвращаться къ этимъ любопытнымъ памятникамъ начальной поры жизни казанскаго университета.

Самымъ крупнымъ явленіемъ внутренней жизни казанскаго университета за 1811 годъ должно быть признано состоявшееся, наконецъ, осенью этого года и такъ давно ожидавшееся отдѣленіе отъ университета гимназіи.

Вопросъ о выселеніи гимназіи въ отдѣльное отъ университета помѣщеніе сталъ интересовать собою правящія сферы казанскаго учебнаго округа тотчасъ же по основаніи въ Казани университета, тѣмъ болѣе, что въ тѣсную связь съ этимъ вопросомъ постоянно ставился, какъ мы это знаемъ, и вопросъ о полномъ открытіи университета на основаніи устава 1804 года. Возможность отдѣленія гимназіи отъ университета, въ свою очередь, ставилась въ ближайшую связь, прежде всего, съ весьма естественнымъ вопросомъ о прісканіи для гимназіи новаго помѣщенія, съ

другой стороны—съ вопросомъ о выработкѣ для гимназіи новаго устава, такъ какъ дѣйствующій уставъ ея, конфирмованный еще въ 1798 году, сдѣлался послѣ общихъ реформъ дѣла народнаго образованія, произведенныхъ въ первые годы XIX столѣтія, а въ особенности съ основаніемъ университета—анахронизмомъ, съ которымъ нужно было, такъ или иначе, покончить. Съ этимъ вторымъ вопросомъ справились, уже послѣ того, какъ изготовлено было новое помѣщеніе для гимназіи—безъ особенныхъ хлопотъ; гимназію же отдѣлили осенью 1811 года отъ университета подъ дѣйствіемъ еще стараго устава ея. Первый вопросъ,—вопросъ о прiисканіи и приспособленіи для гимназіи новаго помѣщенія,—усиленно интересовалъ собою и Румовскаго и Яковкина въ теченіи первыхъ лѣтъ существованія университета.

Исторія отдѣленія казанской гимназіи отъ казанскаго университета, въ особенности же исторія пріобрѣтенія и приспособленія новаго помѣщенія для первой—не могутъ войти, по крайней мѣрѣ въ своихъ деталяхъ, въ рамки нашего повѣствованія, какъ не представляющія непосредственной связи съ исторіею университета, а потому мы и должны будемъ коснуться этихъ вопросовъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, направляя интересующихся ими къ „Разсказамъ“ проф. Н. Н. Булича, гдѣ эти вопросы, въ особенности же послѣдній, затронуты съ очень большими подробностями.

Заботы Румовскаго и Яковкина о покупкѣ дома для помѣщенія гимназіи возникли одновременно съ знакомыми намъ хлопотами по пріобрѣтенію домовъ для университета и нашли себѣ обильное, въ фактическомъ отношеніи, отраженіе въ уже не разъ цитировавшейся нами перепискѣ между попечителемъ и директоромъ; цѣлый рядъ писемъ этой переписки затрогиваетъ именно вопросъ о пріобрѣтеніи и приспособленіи новыхъ домовъ для помѣщенія въ нихъ гимназіи.

Еще въ бытность свою въ концѣ зимы 1805 года въ Казани для основанія университета, попечитель Румовскій намѣтилъ къ пріобрѣтенію подъ гимназію домъ Осокина, находившійся въ приходѣ церкви св.св. Петра и Павла; это былъ старинной постройки домъ, въ половинѣ XVIII вѣка принадлежавшій казанскому купцу Дряблову и въ которомъ, въ бытность свою въ 1767 году въ Казани, останавливалась императрица Екатерина II *. Уѣзжая изъ Казани, Румовскій поручилъ Яковкину пред-

* Этотъ историческій домъ впослѣдствіе принадлежалъ казанскому дворянству, собраніе котораго до большаго пожара 1842 года въ немъ и помѣщалось; нынѣ онъ принадлежитъ г.г. Соболевымъ и сдается подъ помѣщеніе судебной палаты.

принять переговоры относительно пріобрѣтенія этого дома и хотя Осокинъ соглашался, изъ „усердія на пользу учрежденнаго университета", уступить его всего за 16 тыс. рублей, тѣмъ не менѣе покупка не состоялась, такъ какъ домъ этотъ найденъ былъ для помѣщенія въ немъ гимназіи не вполнѣ удобнымъ.

Одновременно съ переговорами относительно покупки осокинскаго дома, именно въ мартѣ 1805 года, Яковкинъ указалъ попечителю еще на другой домъ, годный къ пріобрѣтенію подъ гимназію. То былъ каменный двухэтажный домъ генеральши Великопольской (онъ же вскорѣ именуется домомъ Моисеевой, по новой фамиліи вышедшей замужъ собственницы его), расположенный по Арской (нынѣ Покровской) улицѣ, „подлѣ малаго флигеля главнаго народнаго училища, ѣдучи отъ училища къ театру, на лѣвой рукѣ, на самомъ углу"; это—нынѣшній угловой домъ гимназіи, находящійся на углу Покровской и Поперечно-Казанской улицы, противъ главнаго гимназическаго корпуса и западнаго угла зданія земской больницы. Покупка дома этого состоялась за 6 тыс. рублей и весною 1806 года онъ уже былъ принятъ въ казну.

Пріобрѣтеніемъ дома Великопольской заботы о новомъ помѣщеніи для гимназіи ограничиться не могли, такъ какъ этотъ домъ годился лишь въ качествѣ зданія служебнаго и для помѣщенія въ немъ самой гимназіи оказывался слишкомъ малымъ. Стали присматривать другіе, расположенные по сосѣдству, дома. Отставной маіоръ Лебедевъ предлагалъ подъ гимназію, за 25 тыс. рублей, принадлежавшій ему домъ, находившійся по той же Арской улицѣ, но черезъ переулокъ отъ дома Великопольской и въ черезполосныхъ отъ него межахъ *, почему на вопросѣ о покупкѣ этого дома останавливаться и не стали. Болѣе подходящимъ къ пріобрѣтенію его подъ гимназію еще въ ноябрѣ 1805 года показался Яковкину угловой, каменный двухэтажный, домъ дворянина Порфирія Молоствова, находившійся на Арской же улицѣ, какъ разъ противъ дома Великопольской (въ настоящее время восточная отъ параднаго входа часть главнаго гимназическаго корпуса, въ который онъ и вошелъ составною частью), о чемъ директоръ представилъ попечителю, препроводивъ ему фасадъ и планъ этого дома и принадлежащаго къ нему мѣста. 24-го марта 1806 года послѣдовало высочайшее соизволеніе на покупку дома Молоствова за 24

---

* Нынѣшній домъ казанскаго городского головы А. А. Лебедева, на Покровской улицѣ.

тыс. рублей, причемъ гимназіи отдавались и пустыри, прилегавшіе къ флигелю главнаго народнаго училища, что, вмѣстѣ съ мѣстами Великопольской и Молоствова, предоставляло въ собственность гимназіи участки, расположенные по обѣ стороны Арской (нынѣ Покровской) улицы; послѣ ряда перипетій, которыя интересовать насъ не могутъ, домъ Молоствова былъ окончательно закрѣпленъ за гимназіею въ январѣ 1807 года.

Оказалось, однако, что оба дома, и Великопольской и Молоствова, не въ состояніи удовлетворить всѣмъ нуждамъ гимназіи въ помѣщеніи,— заключеніе, къ которому Яковкинъ пришелъ еще въ апрѣлѣ 1806 года, тогда же начавъ пріискивать для гимназіи еще какой нибудь сосѣдній домъ. Поиски директора остановились на домѣ братьевъ-татаръ Бурнаевыхъ, находившемся на задахъ дома Молоствова и образовывавшемъ уголъ къ Черному озеру нынѣшней Поперечно-Казанской улицы. Каменный двухэтажный, выстроенный „на прочную татарскую стать",—какъ выражался о немъ Яковкинъ,—этотъ домъ былъ купленъ для гимназіи лѣтомъ того же 1806 года.

Бурнаевскимъ домомъ окончились покупки домовъ и мѣстъ подъ гимназію и такимъ то путемъ уже къ началу 1807 года, въ общихъ чертахъ своихъ, образовались нынѣшнія обширныя владѣнія первой казанской гимназіи, выходящія на югъ къ Черному озеру, а съ сѣверной стороны захватывающія обѣ стороны нынѣшней Покровской улицы. Этотъ обширный участокъ былъ округленъ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ пустырей и прирѣзкою части мѣста, принадлежавшаго, въ то время еще приходской (теперь гимназической), Воздвиженской церкви, а дворы бывшіе Молоствова и Бурнаева соединены въ одинъ сквозной гимназическій дворъ *.

И такъ, три дома были въ теченіи 1806 и 1807 годовъ пріобрѣтены и оставалось лишь озаботиться приспособленіемъ ихъ для перемѣщенія въ

---

* Какъ фасады и планы пріобрѣтенныхъ для гимназіи въ 1806—1807 годахъ домовъ (въ томъ числѣ и видъ стараго молоствовскаго дома), такъ и планы принадлежащихъ къ нимъ мѣстъ, сохранились въ архивѣ казанскаго университета.

Интересная историко-топографическая справка. Нынѣшній обширный гимназическій дворъ, образовавшійся изъ дворовъ молоствовскаго и бурнаевскаго, нѣкогда былъ озеромъ и Яковкинъ еще засталъ въ живыхъ старика, когда то ловившаго въ этомъ озерѣ рыбу.

Въ 1807 году на этомъ дворѣ стали копать колодезь, въ видахъ обезпеченія гимназіи доброкачественною водою, отсутствіемъ каковой такъ страдала прежде Казань. По словамъ Яковкина—«близь лежащее Черное озеро имѣло прежде самую лучшую ключевую воду, до перегнанія ея княземъ Мещерскимъ (казанскій губернаторъ конца XVIII вѣка) изъ прежде-бывшаго логовища въ нынѣшнюю яму, разстояніемъ около семидесяти саженъ» (см. письмо Яковкина къ Румовскому отъ 22 сентября 1808 г.).

нихъ гимназіи. Сначала разсчитывали ограничиться лишь нѣкоторыми передѣлками въ этихъ домахъ, соотвѣтствующими новому ихъ назначенію, но уже въ 1807 году въ мысляхъ Яковкина создался капитальный строительный планъ,—планъ, аналогичный тѣмъ предположеніямъ, которыя существовали уже тогда относительно устройства главнаго университетскаго корпуса: подобно тому, какъ зданіе старой гимназіи должно было войти восточнымъ звеномъ въ проэктированный обширный (нынѣ существующій) фасадъ университета, такъ и домъ бывшій Молоствова—долженъ былъ образовать такое же восточное звено намѣченнаго Яковкинымъ новаго гимназическаго (также нынѣ существующаго) корпуса. Возможность осуществленія этой строительной комбинаціи обусловливалась тѣмъ, что къ дому Молоствова съ западной стороны, т. е. по направленію къ Воздвиженской церкви, прилегалъ пустырь, отдѣленный отъ улицы заборомъ и позволявшій увеличить этотъ домъ, по фасаду, вдвое.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Яковкинъ приступилъ, съ разрѣшенія попечителя, къ составленію (при участіи архитектора Смирнова) проэкта и смѣты предположенной постройки, которые и были готовы къ началу слѣдующаго года. Архитектурный проэктъ зданія гимназіи создался почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ зданіе это существуетъ и въ настоящее время: тотъ же парадный подъѣздъ съ колонадою, „четверобочникъ“ и куполъ (подражаніе зданію старой гимназіи) надъ срединою зданія, тѣ же сквозныя сѣни, тоже расположеніе оконъ и т. п. Смѣта всей постройки, произвести которую предполагалось изъ экономическихъ суммъ гимназіи, выведена была въ 39 тыс. рублей,—цифра, которую попечитель считалъ слишкомъ высокою и оспаривалъ, но которую Яковкинъ усиленно отстаивалъ, доказывая свое безкорыстіе, свидѣтелемъ котораго ставился имъ, по обыкновенію—„Сердцевѣдецъ и Судія праведный, судяй комуждо не только по дѣломъ его, но и по самымъ намѣреніямъ“. Какъ бы то ни было, но проэктъ Яковкина и Смирнова былъ принятъ, постройка министромъ разрѣшена и 26-го мая 1808 года состоялось торжество закладки новаго главнаго зданія казанской,—нынѣ „императорской первой“,—гимназіи.

Подгоняемыя энергичнымъ директоромъ, строительныя работы шли съ замѣчательною (по условіямъ того времени, конечно) быстротою и уже къ осени 1809 года зданіе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ подѣлокъ, было закончено и готово къ перемѣщенію въ него гимназіи, что совершилось, однако, лишь въ сентябрѣ 1811 года.

Мы уже не разъ имѣли случаи касаться историческаго состоянія вопроса объ отдѣленіи гимназіи отъ университета, въ связи съ вопросомъ

о полномъ открытіи послѣдняго, а потому и считаемъ возможнымъ къ этому вопросу снова не возвращаться. Въ августѣ 1811 года вопросъ о перемѣщеніи гимназіи въ новыя зданія былъ уже окончательно рѣшенъ и Яковкинъ писалъ попечителю отъ 22-го числа этого мѣсяца: „Касательно отдѣленія гимназіи отъ университета я донынѣ ожидаю токмо начальственнаго вашего превосходительства предписанія". Изложивъ, затѣмъ, Румовскому свои соображенія относительно начальной организаціи на новомъ мѣстѣ гимназическаго хозяйства, Яковкинъ обращается къ попечителю съ слѣдующимъ завѣреніемъ: „Могу заблаговременно увѣрить ваше превосходительство, яко начальника и отца подчиненныхъ вашихъ, что, по полученіи предписанія о перемѣщеніи гимназіи, не подамъ ни малѣйшей причины къ неудовольствію ни по учебной, ни по образовательной, ни по хозяйственной частямъ, поелику какъ, гдѣ, кому и чему быть въ то время—все уже расположено заблаговременно: слѣдуетъ только машину сію новую пустить на прежнихъ правилахъ".

Слѣдомъ за отправкою этого письма получено было въ Казани предписаніе о переводѣ гимназіи въ новое помѣщеніе и на 29-ое августа назначено торжество освященія гимназическихъ зданій. Наканунѣ этого дня въ большомъ университетскомъ (до этого дня все еще—гимназическомъ) залѣ отправлено было всенощное бдѣніе, а утромъ 29-го числа въ приходской для новой гимназіи и смежной съ нею Воздвиженской церкви отслужена литургія, на которой присутствовали всѣ учащіе и учащіеся университета и гимназіи. По окончаніи службы всѣ перешли изъ церкви въ актовый залъ гимназіи, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и водосвятіемъ, а затѣмъ совершено окропленіе святою водою всѣхъ гимназическихъ помѣщеній. Воспитанники были переведены въ новое помѣщеніе, благодаря наступившей ненастной погодѣ, лишь 10-го сентября, а 15-го числа того же мѣсяца гимназія уже праздновала въ новомъ помѣщеніи, публичнымъ собраніемъ, торжественный день коронованія императора Александра I.

Такъ совершилось, наконецъ, давно ожидавшееся отдѣленіе гимназіи отъ университета и юный казанскій университетъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ того самаго помѣщенія, въ которомъ, въ теченіи почти семи лѣтъ, ютился онъ въ положеніи случайнаго и, пожалуй даже, стѣснительнаго гостя.

Не долго суждено было, однако, продлиться этому начальному отдѣленію гимназіи отъ университета: въ теченіи послѣдующихъ девяти лѣтъ гимназіи два раза приходилось пользоваться гостепріимствомъ казанскаго

университета, подобно тому какъ, при основаніи своемъ, этотъ университетъ самъ воспользовался гостепріимствомъ гимназіи.

Случилось это въ первый разъ всего годъ спустя послѣ переселенія гимназіи въ новое помѣщеніе, въ началѣ сентября 1812 года, когда дома гимназіи были предоставлены, по высочайшему повелѣнію, для временнаго размѣщенія въ нихъ московскихъ женскихъ институтовъ (екатерининскаго и александровскаго), вывезенныхъ изъ Москвы въ виду нашествія французовъ; институты выѣхали изъ Казани обратно въ Москву лишь въ іюлѣ слѣдующаго 1813 года, послѣ чего гимназія возвратилась въ свое помѣщеніе.

Вторично воспользовалась казанская гимназія гостепріимствомъ университета осенью 1815 года, послѣ колоссальнаго пожара 3-го сентября, истребившаго большую половину Казани и уничтожившаго зданія гимназіи; на этотъ разъ гимназія ютилась въ стѣнахъ прежнихъ своихъ владѣній въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ—до конца августа 1820 года, когда получила возможность возвратиться въ свое собственное, реставрированное послѣ катастрофы, помѣщеніе [190].

Прежде, нежели разстанемся съ 1811-мъ годомъ въ академической жизни казанскаго университета, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ, наиболѣе выдающихся, ея проявленіяхъ.

Въ началѣ интересующаго насъ года возникъ, по иниціативѣ проф. Эрдмана, вопросъ объ устройствѣ при университетѣ клиническаго и повивальнаго институтовъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ 1804 года. 8-го марта для всесторонняго выясненія этого вопроса образованъ былъ особый „комитетъ о заведеніи клиническаго и повивальнаго институтовъ“, въ составъ котораго вошли профессоры Эрдманъ, Браунъ и Фуксъ. Къ 26-му апрѣля проф. Эрдманомъ составленъ подробный планъ обоихъ институтовъ, который былъ одобренъ и представленъ на благоусмотрѣніе высшаго начальства. Слѣдомъ затѣмъ возникъ и вопросъ объ устройствѣ института анатомическаго, для составленія плана котораго 21-го сентября былъ также образованъ особый комитетъ. Эти комитеты перенесли свою дѣятельность и въ слѣдующій 1812 годъ, подъ наименованіемъ „комитета строенія медицинскихъ зданій“. Труды этихъ комитетовъ, равно какъ и постигшая ихъ судьба, будутъ въ своемъ мѣстѣ подробно изложены нами, въ связи съ исторіею медицин-

скихъ институтовъ казанскаго университета; пока же ограничимся замѣчаніемъ, что предположенія объ устройствѣ этихъ институтовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были разработаны — остались неосуществленными вслѣдствіе затрудненій матеріальнаго характера.

Весна 1811 года отмѣчена въ исторіи казанскаго университета и въ исторіи интеллектуальной жизни г. Казани, вообще—возникновеніемъ здѣсь перваго органа повременной прессы, основаннаго университетомъ подъ названіемъ „Казанскихъ Извѣстій", первый номеръ которыхъ и вышелъ въ свѣтъ 19-го апрѣля интересующаго насъ года. Мысль объ изданіи при университетѣ журнала зародилась еще въ первые годы по его основаніи, но осуществилась лишь въ 1811 году при условіяхъ, которыя въ своемъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ самою исторіею „Казанскихъ Извѣстій" (издававшихся до 1820 г.), подробнѣе будутъ нами разсказаны. Журналъ этотъ издавался университетомъ при посредствѣ особаго редакціоннаго комитета.

21-го іюня 1811 года образованъ при университетѣ спеціальнаго назначенія комитетъ, долженствовавшій отправлять функціи намѣченнаго уставомъ, но еще не введеннаго въ дѣйствіе, университетскаго суда. Это, составленный изъ профессоровъ Яковкина, Томаса, Эриха и адъюнкта Никольскаго—судный комитетъ, предназначенный „для разбора судныхъ дѣлъ между членами университета" и который, кажется только номинально, продолжалъ свое существованіе вплоть до полнаго открытія университета.

Лѣтомъ того же года состоялось, наконецъ, и открытіе училищнаго комитета, введеннаго уставомъ 1804 года для вѣданія университетомъ училищныхъ дѣлъ по округу. Предписаніе министра объ открытіи этого комитета послѣдовало 19-го сентября 1811 года, причемъ предсѣдательство въ немъ (по уставу предсѣдателемъ этого комитета опредѣленъ ректоръ университета) поручено директору Яковкину, первыми же членами были профессоры Германъ, Броннеръ, Френъ, Финке, Томасъ и Городчаниновъ. Дѣятельность этого комитета будетъ нами разсмотрѣна впослѣдствіе, при обозрѣніи училищныхъ отношеній казанскаго университета.

Изъ научнаго характера вопросовъ, интересовавшихъ собою въ 1811 году совѣтъ казанскаго университета, слѣдуетъ упомянуть о большой ученой экспедиціи, которую казанскій университетъ, наряду съ другими университетами, долженъ былъ предпринять по предложенію правительства и о которой мы уже имѣли случай говорить. Получивъ

6-го іюля соотвѣтствующее предложеніе попечителя, совѣтъ университета съ августа мѣсяца приступилъ къ обсужденію различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціею этой экспедиціи, а 4-го октября избралъ для детальной разработки плана ея особый комитетъ, составившійся изъ профессоровъ Яковкина, Фукса, Реннера, Эрдмана, Броннера и адъюнктовъ Петровскаго и Кондырева. Болѣе подробныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ осуществленію этого начинанія и объ его судьбѣ будутъ даны при обзорѣ научной дѣятельности казанскаго университета, вообще *.

Вновь наступившій 1812 годъ открылся въ жизни университета обычнымъ обмѣномъ новогодними поздравительными привѣтствіями и пожеланіями между попечителемъ и членами совѣта. Ни самъ престарѣлый попечитель, ни его казанскіе сослуживцы не подозрѣвали, по всей вѣроятности, что этотъ, въ послѣдніе два-три года далеко уже не вполнѣ искренній, обмѣнъ любезностями—будетъ послѣднимъ: Румовскій умеръ въ половинѣ того же года, такъ и не увидавъ полнаго открытія основаннаго имъ казанскаго университета.

Между тѣмъ весна 1812 года принесла съ собою членамъ совѣта отрадный фактъ, который способенъ былъ снова оживить въ нихъ надежду на недалекое введеніе въ полное дѣйствіе университетскаго устава 1804 года и устранялъ одну изъ аномалій, которая должна была выступать еще ярче послѣ совершившагося отдѣленія гимназіи: совѣту разрѣшено было именоваться впредь совѣтомъ при казанскомъ университетѣ, взамѣнъ прежняго нелѣпаго названія „совѣта при гимназіи". Случилось это совершенно неожиданно и при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 26-го марта получены были Яковкинымъ съ почты пакеты отъ попечителя, адресованные на имя „совѣта университета" и заключавшіе въ себѣ предложенія, писанныя опять таки на имя того же „совѣта университета". Не трудно представить себѣ удивленіе директора, впервые еще увидѣвшаго такое обращеніе въ оффиціальныхъ, да еще полученныхъ отъ Румовскаго,

---

* Въ архивѣ казанскаго университета хранится интересная «Краткая вѣдомость (въ формѣ таблицы) о комитетахъ, по разнымъ предметамъ въ императорскомъ казанскомъ университетѣ съ 1805 по 1819 годъ бывшихъ», съ указаніемъ времени и повода ихъ образованія, личнаго состава и результатовъ занятій. Эта вѣдомость вклеена въ началѣ тома плановъ и фасадовъ, значущагося въ архивѣ подъ № 182-мъ.

бумагахъ. Яковкинъ не замедлилъ обратиться по этому поводу къ попечителю съ слѣдующимъ представленіемъ:

„При основаніи казанскаго университета, по начальственному предписанію вашего превосходительства, повелѣно оному (т. е. университету) и казанской гимназіи управляемыми быть отъ совѣта казанской гимназіи, каковымъ онъ донынѣ и именовался. Но съ послѣднею почтою всѣ предписанія надписаны на имя совѣта при казанскомъ университетѣ. По сей причинѣ осмѣливаюсь испрашивать начальственное вашего превосходительства предписаніе: подъ какимъ именемъ отнынѣ быть совѣту—подъ именемъ ли совѣта казанской гимназіи или подъ именемъ совѣта при казанскомъ университетѣ?"

Отвѣтъ Румовскаго на это представленіе послѣдовалъ отъ 23-го мая и былъ доложенъ Яковкинымъ совѣту въ засѣданіи 5-го іюня: попечитель разъяснилъ—„что бы управленію университета и гимназіи по учебной и образовательной части * именоваться, впредь до совершеннаго образованія университета, совѣтомъ при казанскомъ университетѣ" [191].

Это распоряженіе Румовскаго можетъ считаться однимъ изъ послѣднихъ крупныхъ административныхъ актовъ его по отношенію къ казанскому университету: маститый попечитель скончался 8-го іюля 1812 года.

Извѣстіе о смерти С. Я. Румовскаго было получено въ Казани и 24-го іюля заслушано въ совѣтѣ университета въ формѣ предложенія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, директора департамента того же министерства и оберъ-прокурора свят. Синода, т. с. А. Н. Голицина, слѣдующаго содержанія: „По случаю смерти попечителя казанскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Румовскаго, предлагаю университету, впредь до опредѣленія попечителя, относиться непосредственно ко мнѣ". Совѣтъ университета въ томъ же засѣданіи постановилъ почтить память своего основателя и перваго руководителя служеніемъ въ Воскресенской церкви панихиды, въ присутствіи всѣхъ чиновъ университета и гимназіи.

Намъ неизвѣстны ни обстоятельства кончины С. Я. Румовскаго, ни средства, оставленныя имъ послѣ себя. Но мы знаемъ, что покойный попечитель не позабылъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи и казанскаго уни-

---

* Управленіе хозяйственною частью университета продолжало и послѣ этого оставаться, до полнаго открытія университета и образованія при немъ правленія, въ вѣданіи конторы гимназіи.

верситета: онъ завѣщалъ ему коллекцію математическихъ трудовъ Эйлера (въ количествѣ тринадцати названій), поясной портретъ, въ золоченой рамѣ, императора Александра I, около сотни различнаго содержанія диссертацій на латинскомъ языкѣ и тринадцать свертковъ географическихъ картъ. Въ началѣ слѣдующаго года всѣ эти предметы были получены казанскимъ университетомъ отъ душеприкащика покойнаго Румовскаго, надворнаго совѣтника Соколова [192].

ГЛАВА V

Переходная пора жизни университета передъ полнымъ открытіемъ его въ 1814 году

(1812—1814)

Патріотическое движеніе 1812 года и его отраженіе въ жизни казанскаго университета.—Воинственное настроеніе и разборъ иностранцевъ.—Московскія учрежденія въ Казани.—Новый попечитель М. А. Салтыковъ.—Личность Салтыкова въ его перепискѣ съ проф. Броннеромъ.—Начало казанскихъ отношеній новаго попечителя.—Салтыковъ и Броннеръ.—Слухи о предстоящемъ прибытіи попечителя въ Казань.

Черты внутренней жизни университета.—Открытіе педагогическаго института.—Составленіе нормальнаго плана университетскихъ преподаваній.—Дѣло учителя Русецкаго и совѣтское столкновеніе Броннера съ Яковкинымъ.—Прибытіе въ Казань попечителя Салтыкова.—Значеніе этого событія и вызванныя имъ ожиданія и опасенія.—Пожаръ 23-го апрѣля и начало недоразумѣній между попечителемъ и директоромъ.—Учрежденіе совѣтскаго «комитета для освидѣтельствованія зданій».—Попечительское обличеніе Яковкина и его дѣятельности.—Дѣло о пріобрѣтеніи для студентовъ учебныхъ пособій и совѣтское столкновеніе Арнгольдта и бар. Врангеля.—Новый инспекторъ студентовъ.—Учрежденіе совѣтскаго «комитета по хозяйственной части».—Дѣло объ учрежденіи врачебнаго института.—Составленіе правилъ благочинія для студентовъ.—Происки Яковкина у князя Волконскаго и графа Разумовскаго.—Дѣло о самовольномъ захватѣ Яковкинымъ гимназическихъ суммъ.—Совѣтское столкновеніе Яковкина съ Арнгольдтомъ.—Обостреніе непріязненныхъ отношеній между попечителемъ и директоромъ.—Жалоба Яковкина на Салтыкова и личныя столкновенія попечителя и директора.

Румовскій скончался 8-го іюля 1812 года, какъ разъ въ одинъ изъ наиболѣе чествуемыхъ Казанью праздниковъ—праздникъ явленія мѣстной чудотворной иконы Божіей Матери. Празднуя этотъ день, обыкновенно совпадавшій съ окончаніемъ годичныхъ занятій, казанскій учебный міръ и не подозрѣвалъ, конечно, о томъ, что въ этотъ день въ далекой сѣверной столицѣ угасала жизнь основателя и перваго попечителя казанскаго университета. Долго шли въ то время извѣстія изъ Петербурга въ Казань, и только 24-го іюля могло быть заслушано въ совѣтѣ оффиціальное сообщеніе о смерти Румовскаго.

Старый попечитель умеръ въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и критическихъ моментовъ русской исторической жизни прошлаго XIX столѣтія. Вторгнувшаяся въ предѣлы Россіи великая армія Наполеона совершенно опредѣленнымъ образомъ обнаружила свое намѣреніе идти на первопрестольную столицу. Уныніе и опасенія передъ ближайшимъ будущимъ охватили собою всѣ слои русскаго общества. Начавшаяся война уже въ то время обѣщала принять тотъ всенародный характеръ, который усвоилъ за нею историческое названіе войны „отечественной“ и который явился осуществленіемъ обѣта императора Александра „не класть оружія до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ предѣлахъ Россіи“. Крупныя событія произошли на театрѣ войны какъ разъ за два дня до смерти Румовскаго. 6-го іюля, приказавъ покинуть укрѣпленный дрисскій лагерь, императоръ выѣхалъ изъ дѣйствующей арміи въ Москву; въ тотъ же день составлены были патріотическое воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи, а слѣдомъ затѣмъ началось медленное отступленіе русскихъ силъ по старой смоленской дорогѣ.

Не до казанскаго учебнаго округа было въ эти тяжелые дни правящимъ сферамъ Петербурга, а потому и вопросъ о преемникѣ скончавшагося попечителя оставался открытымъ до осени 1812 года. Только 19-го сентября состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи на постъ попечителя казанскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера Михаила Александровича Салтыкова. Оставивъ на время личность вновь опредѣленнаго попечителя, обратимся къ тѣмъ явленіямъ казанской жизни, вообще, и казанскаго университета, въ частности, которыя явились отраженіемъ патріотическаго движенія, охватившаго въ ту пору все русское общество.

Любопытно, что еще съ конца марта 1812 года въ казанскомъ университетѣ возобновилось преподаваніе нѣкоторыхъ военныхъ наукъ, именно артиллеріи и фортификаціи. Едва ли, однако же, находилось введеніе этихъ наукъ въ циклъ университетскихъ преподаваній въ связи съ патріотическимъ движеніемъ 1812 года; вѣрнѣе, кажется намъ, видѣть въ этомъ удовлетвореніе желанія дворянства ввести въ университетское образованіе элементъ военный,—желанія, которое, какъ мы это въ своемъ мѣстѣ видѣли (см. выше стр. 5), высказывалось уже при самомъ основаніи университета и которое являлось лишь отраженіемъ традиціонной склонности дворянства къ военной карьерѣ. Въ засѣданіи совѣта 7-го февраля, слѣдовательно еще много ранѣе патріотическаго взрыва лѣта того же года, директоръ Яковкинъ заявилъ, что „нѣкоторые изъ студентовъ

желаютъ и имѣютъ надобность обучаться артиллеріи и фортификаціи, особенно изъ дворянъ своекоштнаго содержанія, назначая себя для воинской службы", и что адъюнктъ Петровскій „словесно объявилъ, что онъ преподаваніе сихъ наукъ съ удовольствіемъ на себя пріемлетъ". Проф. Эрдманъ, имѣвшій по городу обширную медицинскую практику, добавилъ, съ своей стороны, что „многіе изъ здѣшнихъ дворянъ, имѣя сыновей, изъявили свое желаніе, чтобъ были сіи науки преподаваемы въ университетѣ". Совѣтъ на это согласился, попечитель представленіе совѣта утвердилъ и съ конца марта адъюнктъ Петровскій приступилъ къ преподаванію интересовавшихъ юное дворянство военныхъ наукъ [193].

Весна и лѣто 1812 года ознаменовались цѣлымъ рядомъ прошеній воспитанниковъ университета и гимназіи объ увольненіи ихъ въ военную службу. Конечно, и въ данномъ случаѣ мотивомъ являлось иногда простое желаніе избавить себя отъ обязательствъ, связанныхъ съ казеннокоштнымъ содержаніемъ въ университетѣ (таковы, напримѣръ, прошеніе студента Сычугова, откровенно заявлявшаго, что онъ „не имѣетъ большаго рвенія посвятить себя ученому званію", или прошеніе воспитанниковъ гимназіи братьевъ Скрубскихъ, изъявляющихъ простую „склонность вступить въ воинскую службу"), но имѣются и примѣры чисто патріотическихъ побужденій къ вступленію въ военную службу. Такъ, коллективное прошеніе студентовъ Данкова, Ярцова, Климова и Андреева заявляетъ, что податели его, „горя усердіемъ къ любезному отечеству" и будучи подвигнуты къ тому высочайшимъ манифестомъ 6-го іюля, просятъ ихъ „переименовать изъ студентовъ въ кадеты второго волонтернаго корпуса", дабы они, „пріуготовивъ себя нужнѣйшими воинскими познаніями, могли стать въ сонмѣ достославнаго и побѣдоноснаго воинства на защиту престола и отечества" [194].

Въ половинѣ іюля полученъ былъ въ Казани высочайшій манифестъ отъ 6-го іюля того же мѣсяца о созывѣ всеобщаго ополченія для защиты государства или, какъ выражено было въ манифестѣ — „о сборѣ внутри государства новыхъ силъ, которыя составили бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и защиту домовъ". 19-го іюля манифестъ этотъ былъ заслушанъ въ собраніи совѣта и тогда же опредѣлено предпринять слѣдующія мѣры: а) испросить у казанскаго коменданта необходимое количество ружей для вооруженія университетской и гимназической инвалидныхъ служительскихъ командъ, поручивъ обученіе ея „экзерциціи" строительному офицеру Ларіонову, б) поручить больничному надзирателю Селезневу обученіе учениковъ гимназіи „маршу", в) приступить къ обученію

студентовъ и чиновниковъ университета артиллерійскимъ пріемамъ, возложивъ это на адъюнкта Петровскаго, г) препоручить проф. Арнгольдту практикованіе студентовъ медицины и другихъ желающихъ въ хирургическихъ пріемахъ, д) объявить профессорамъ-медикамъ обязанность принять на себя, въ случаѣ надобности, пользованіе въ военныхъ госпиталяхъ, въ Казани находящихся, е) снестись съ казанскимъ губернаторомъ по вопросу о томъ—„какимъ образомъ университетъ особо можетъ содѣйствовать къ благу отечества". Министръ графъ Разумовскій всѣ мѣры, намѣченныя университетомъ, одобрилъ, но казанскій комендантъ Есиповъ, приславъ унтеръ-офицера для обученія военнымъ эволюціямъ, въ снабженіи инвалидной команды ружьями—отказалъ, за неимѣніемъ въ его распоряженіи таковыхъ въ достаточномъ количествѣ.

Воинскій жаръ охватилъ и университетскаго піиту, адъюнкта Кондырева, 18-го іюля возвѣстившаго совѣту свое намѣреніе идти на поле брани: „Внимая воззванію государя императора къ вѣрнымъ сынамъ отечества о возстаніи (sic) противъ врага нашего и желая, по долгу своему, не щадя и живота, содѣйствовать благу общему,—заявлялъ Кондыревъ совѣту,—имѣю честь объявить почтеннѣйшему совѣту мою готовность быть нынѣ, по востребованію, на полѣ брани, съ тѣмъ жалованьемъ, каковое получаю и въ томъ чинѣ, каковой имѣю, считаясь однакожъ между тѣмъ въ дѣйствительной службѣ университета и, по окончанію войны или похода, вступивъ опять въ теперешнюю мою должность". Заявленіе Кондырева посылалось на благоусмотрѣніе министра, который отказалъ ему на томъ основаніи, что „онъ нуженъ университету и, притомъ, въ казанской губерніи ополченіе не собирается" [195].

Къ іюлю мѣсяцу интересующаго насъ года относится общее мѣропріятіе, по высочайшему повелѣнію предпринятое министерствомъ полиціи въ видахъ обезпеченія государственной безопасности: это—повсемѣстный „разборъ иностранцевъ", не состоящихъ въ полномъ подданствѣ Россіи, съ цѣлью выясненія ихъ политической благонадежности, при чемъ оставлять въ мѣстахъ ихъ жительства дозволено было только тѣхъ, относительно которыхъ начальство дастъ благопріятный отзывъ объ ихъ благонадежности, съ принятіемъ на себя ручательства въ томъ, что эти иностранцы „ни внушеніями личными, ни переписками или другими какими сношеніями, не могутъ подавать повода къ нарушенію спокойствія или къ совращенію съ пути порядка россійскихъ вѣрноподанныхъ"; всѣмъ иностранцамъ, не удовлетворяющимъ этимъ требованіямъ, предстояла или

высылка заграницу или отсылка въ другіе города, подъ ближайшій надзоръ мѣстныхъ властей.

Такъ какъ относительно служащихъ иностранцевъ отзывы должно было давать ихъ непосредственное начальство, то Яковкинъ и принялъ на себя такую миссію по отношенію къ своимъ иностраннымъ сослуживцамъ по университету. До насъ дошелъ составленный Яковкинымъ и препровожденный имъ губернатору списокъ иностранныхъ служащихъ по университету, съ аттестаціями ихъ политической благонадежности, изъ котораго и усматривается, что директоръ думалъ было воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для того, что бы свести счеты съ своими иностранными противниками по совѣту. Яковкинъ взялъ на себя ручательство только за двоихъ иностранныхъ сослуживцевъ, профессоровъ Финке и Томаса, въ ручательствѣ же своемъ за остальныхъ двѣнадцать—отказалъ. Всѣ признанные Яковкинымъ неблагонадежными иностранные члены университета, ручательства за которыхъ онъ на себя не принялъ, распредѣлены имъ по двумъ категоріямъ: не подававшихъ „особеннаго" подозрѣнія (Сторль, Фуксъ, Бартельсъ, Реннеръ, Эрнхъ) и не подававшихъ „явнаго" подозрѣнія (Браунъ, Френъ, Литтровъ, Эрдманъ, Броннеръ, Шарпіо); о профессорѣ Аргольдтѣ дано заключеніе, что хотя онъ и „не подавалъ никакого подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается"; относительно Броннера сдѣлана даже прибавка, что за него начальство „ни мало не ручается". Ближайшее будущее показало, что отзывъ Яковкина неблагопріятныхъ послѣдствій для его иностранныхъ коллегъ не имѣлъ [196].

Возбужденное состояніе общества, соединенное съ чрезвычайнымъ подъемомъ патріотическаго чувства, сдѣлалось особенно ощутительнымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда стали достигать Казани сначала смутныя, а затѣмъ и болѣе опредѣленныя извѣстія о бородинской битвѣ, объ оставленіи Кутузовымъ Москвы, о занятіи ея Наполеономъ и о печальной судьбѣ первопрестольной столицы; всѣ эти извѣстія находили себѣ подтвержденіе и восполненіе въ личныхъ разсказахъ москвичей, покинувшихъ столицу передъ нашествіемъ на нее непріятеля и искавшихъ себѣ временнаго убѣжища въ Казани. „Всѣ городскія удовольствія, всѣ занятія были оставлены, одни извѣстія изъ арміи, нетерпѣливо ожидаемыя, поглощали наше вниманіе"—пишетъ современникъ, В. И. Панаевъ.—„Ненависть къ врагамъ, ужасъ войны внутри государства и какой то страхъ, наводимый именемъ Наполеона, доселѣ непобѣдимаго, вездѣ торжествовавшаго, наполняли сердца всѣхъ сословій". Томительное чувство неизвѣстности

относительно военныхъ и, въ частности, московскихъ событій достигло въ сентябрѣ мѣсяцѣ такого напряженія, что изъ Казани посылали въ Нижній-Новгородъ „нарочнаго" для развѣданія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Подозрительное отношеніе правительства къ иностранцамъ передалось и народнымъ массамъ: во всякомъ незнакомомъ человѣкѣ, въ особенности же одѣтомъ въ „нѣмецкое" платье, склонны были видѣть французскаго эмиссара; адъюнктъ Кондыревъ, командированный въ ту пору въ пригородъ Билярскъ для осмотра мѣстныхъ памятниковъ старины, вынужденъ былъ почти бѣжать оттуда, благодаря „волненію жителей, почетшихъ меня за француза"—заявлялъ онъ въ своемъ рапортѣ объ этой экскурсіи.

17-го сентября совѣтъ университета былъ оффиціально увѣдомленъ губернскимъ правленіемъ объ открытіи въ Казани комитета для сбора пожертвованій на устройство ополченія. Одинъ изъ мѣстныхъ писателей, С. А. Москотильниковъ, въ то же время пишетъ „воззваніе къ обитателямъ казанской губерніи при слухѣ о вшествіи непріятеля въ Москву"; рядъ патріотическихъ статей, съ списками пожертвованій, появляется въ университетскихъ „Казанскихъ Извѣстіяхъ"; въ одной изъ этихъ статей констатировалось, что „всѣ сословія, всѣ состоянія, одно передъ другимъ, наперерывъ стремятся доказать усердіе свое къ общему благу, особливо въ нынѣшнее время, когда злоковарный врагъ дерзнулъ нарушить спокойствіе любезнаго нашего отечества". Составлялось въ Казани и собственное, мѣстное, ополченіе *, которое, въ составѣ четырехъ пѣхотныхъ батальоновъ и двухъ конныхъ эскадроновъ, въ январѣ слѣдующаго года и выступило въ походъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Булыгина и подполковника Чичагова [197].

Событія 1812 года отразились на г. Казани и съ другой стороны: они содѣйствовали временному оживленію этого города, давшаго пріютъ не только многимъ частнымъ лицамъ, покинувшимъ первопрестольную столицу (въ числѣ таковыхъ былъ, какъ мы это знаемъ, и штабъ-лекарь Калайдовичъ съ семействомъ, занявшій въ казанскомъ университетѣ кафедру гигіены), но и цѣлымъ правительственнымъ учрежденіямъ, вывезеннымъ изъ Москвы передъ занятіемъ ея непріятелемъ.

Еще 27-го августа губернаторъ увѣдомилъ Яковкина, а тотъ—совѣтъ, что въ Казань переводится московскій опекунскій совѣтъ со всѣми его

* Казанское ополченіе, возвратившееся въ Казань лишь въ февралѣ 1815 года, особенно отличилось въ битвахъ подъ Дрезденомъ и у селенія Рейхенбергъ; оно два раза удостоивалось монаршаго благоволенія, а Чичаговъ былъ награжденъ золотою шпагою «за храбрость».

учрежденіями—экспедиціями совѣта, сохранною и ссудною казною, воспитательнымъ домомъ и обоими московскими институтами, екатерининскимъ и александровскимъ; губернаторское отношеніе подробно исчисляло личный составъ этихъ учрежденій и предлагало озаботиться прісканіемъ для нихъ помѣщенія, предупреждая, что всѣ эти учрежденія уже 21-го числа выѣхали изъ Москвы. По прибытіи ихъ въ Казань, учрежденія опекунскаго совѣта были размѣщены въ зданіяхъ мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія (они находились въ то время подъ крѣпостью, по линіямъ пересѣченія Большой Проломной улицы и Кузнечнаго переулка), оба же женскіе института нашли себѣ пріютъ въ новомъ зданіи гимназіи, изъ котораго послѣдняя, какъ мы это уже видѣли, снова была по этому поводу перемѣщена на время въ университетъ. Институты прибыли въ Казань раньше другихъ учрежденій—13-го сентября *); 2-го октября, въ составѣ 49 служащихъ, съ главноуправляющимъ Лунинымъ во главѣ, пріѣхали канцелярія и кредитныя учрежденія опекунскаго совѣта; 10-го октября прибылъ, водою, воспитательный домъ, въ составѣ 333-хъ воспитанниковъ и воспитанницъ и всего штата администраціи. Кромѣ учрежденій опекунскаго совѣта, въ Казань временно были переведены московскіе департаменты правительствующаго сената, которые съ 1-го декабря и открыли здѣсь свои присутствія, печатая въ мѣстной университетской типографіи издававшіяся ими „прибавленія“.

Ожидалось прибытіе въ Казань даже московскаго университета, удалившагося было въ Нижній-Новгородъ, но не нашедшаго здѣсь убѣжища, такъ какъ домъ мѣстной гимназіи оказался уже отданнымъ подъ помѣщеніе московскаго почтамта. 4-го октября совѣтомъ заслушано было письмо отъ ректора московскаго университета И. А. Гейма, изъ Нижняго-Новгорода, въ которомъ излагалась просьба пріютить, въ случаѣ надобности, въ зданіяхъ казанскаго университета—университетъ московскій, съ ком-

---

*) Московскіе институты совершили путь отъ Москвы до Казани сначала на лошадяхъ, а затѣмъ водою. Поспѣшность, съ которою приходилось имъ выбираться изъ столицы, была настолько велика, что воспитанницъ вывозили въ простыхъ телѣгахъ. «Чего я къ крайнему прискорбію отмѣнить уже не могу и о чемъ не могу вспомнить безъ огорченія и почти безъ слезъ,—писала по этому поводу императрица Марія Ѳеодоровна,—это отправленіе дѣвицъ, особливо дщерей россійскаго дворянства, въ телѣгахъ,—и откуда? Изъ столицы россійской!» «Я плакала горючими слезами,—скорбитъ императрица въ другомъ письмѣ.—Какое зрѣлище для столицы имперіи: цвѣтъ дворянства вывозится на телѣгахъ!»....

Въ составѣ обоихъ институтовъ прибыли въ Казань 160 воспитанницъ (многія были взяты родителями еще въ Москвѣ), главный начальникъ, сенаторъ т. с. Барановъ, двѣ начальницы, 16 классныхъ дамъ и обширный штатъ служащихъ и прислуги.

плектомъ его служащихъ и казенныхъ студентовъ и съ наиболѣе цѣнными коллекціями и учебно-вспомогательными пособіями, вывезенными изъ столицы на пятидесяти подводахъ; совѣтъ казанскаго университета изъявилъ на это согласіе, рѣшивъ предоставить въ распоряженіе московскаго университета домъ Спижарной. Прибытіе въ Казань московскаго университета, однако, не состоялось и дальнѣйшій ходъ дѣла ограничился лишь благодарственнымъ письмомъ, 23-го ноября полученнымъ совѣтомъ отъ ректора Гейма: „Лестный отзывъ почтеннѣйшаго сословія вашего на просьбу мою о помѣщеніи московскихъ университетскихъ чиновниковъ и питомцевъ съ казенными вещами въ домѣ казанскаго университета и готовность принять насъ,—писалъ ректоръ московскаго университета,—возлагаетъ на меня обязанность свидѣтельствовать вамъ отъ имени всѣхъ моихъ сотоварищей искреннюю благодарность. Желаніе наше было общее присоединиться до времени къ святилищу казанскихъ музъ и въ собесѣдованіи съ ними на минуту забыть о горестномъ положеніи нашемъ; но его сіятельство г. министръ просвѣщенія предписалъ намъ отправиться въ Симбирскъ, почему и не можемъ воспользоваться благосклоннымъ страннопріимствомъ ученаго казанскаго сословія".

Съ окончаніемъ тревогъ военнаго времени и съ первоначальнымъ устройствомъ разоренной и сожженной столицы, московскіе гости-учрежденія стали понемногу возвращаться изъ Казани обратно въ Москву: опекунскій совѣтъ выѣхалъ отсюда 4-го марта 1813 года, оба института и воспитательный домъ 13-го іюля, департаменты же сената прогостили въ Казани до 27-го января 1814 года. Стала мало по малу приходить къ своему нормальному состоянію и казанская общественность, теченіе которой было такъ глубоко взбаломучено событіями приснопамятнаго двѣнадцатаго года.

Для казанскаго университета событія этого года нашли себѣ отголосокъ и въ началѣ слѣдующаго 1813 года. Въ январѣ казанскій губернаторъ обратился къ Яковкину съ просьбою прислать въ его распоряженіе „чиновника", знающаго французскій и нѣмецкій языки, для разсортированія „по націямъ" присланныхъ въ Казань военноплѣнныхъ бывшей наполеоновской великой арміи; съ этою цѣлью откомандированъ былъ учитель гимназіи Н. Упадышевскій, который и представилъ списокъ (имѣется при дѣлѣ) разобранныхъ имъ 254-хъ человѣкъ плѣнныхъ. Въ началѣ того же года, вслѣдствіе предложенія попечителя отъ 9-го января, образованъ былъ при университетѣ комитетъ (изъ профессоровъ Фукса, Брауна, Эрдмана, Арнгольдта, Ренарда и Калайдовича) для сужденія о мѣрахъ пресѣченія эпи-

деміи „гнилой горячки“, явившейся послѣдствіемъ предшествовавшихъ военныхъ событій и сопряженной съ ними обширной эвакуаціи больныхъ, раненыхъ и военноплѣнныхъ [198].

Экскурсія въ область политическихъ событій 1812 года и вызваннаго ими общественнаго движенія отвлекла насъ отъ разсказа о текущихъ дѣлахъ и явленіяхъ жизни казанскаго университета, крупнымъ фактомъ среди которыхъ должно быть признано назначеніе замѣстителя покойнаго Румовскаго—новаго попечителя М. А. Салтыкова. Остановимся же, прежде всего, на этой новой личности, въ руки которой вручалось ближайшее руководство жизнью молодаго университета, все еще не успѣвшаго выйти изъ своего пресловутаго „неопредѣлительнаго“ положенія.

Михаилъ Александровичъ Салтыковъ былъ представителемъ стариннаго дворянскаго рода Салтыковыхъ, игравшаго, какъ извѣстно, довольно видную роль въ государственной и служилой жизни старой, до-петровской, Руси. Такимъ образомъ, уже по самому происхожденію своему, новый казанскій попечитель представлялъ рѣзкій контрастъ своему предмѣстнику, покойному Румовскому, человѣку безъ генеалогическаго прошлаго и безъ родовыхъ связей, подобно своему славному учителю Ломоносову единственно врожденными способностями и путемъ упорнаго труда достигшаго, изъ скромнаго и безвѣстнаго положенія воспитанника провинціальной духовной семинаріи—и ученаго имени, и служебной карьеры.

Салтыковъ родился въ 1769 году, въ С.-Петербургѣ, и, по своимъ фамильнымъ связямъ, провелъ юные годы въ средѣ высшаго столичнаго аристократическаго круга, еще мальчикомъ получивъ возможность бывать при дворѣ наслѣдника престола, съ которымъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, находился даже въ отношеніяхъ дружескаго товарищества (что едва ли можетъ быть принято, однако, на вѣру, такъ какъ между обоими юношами существовала восьмилѣтняя разница въ лѣтахъ). Получивъ блестящее,—преимущественно свѣтское, конечно,—образованіе въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, Салтыковъ съ чиномъ поручика поступилъ въ 1787 году въ военную службу, по которой пошелъ очень быстро впередъ, уже въ 1794 году дослужившись до чина подполковника. Не чужда была Салтыкову и боевая карьера: онъ участвовалъ, состоя при свѣтлѣйшемъ князѣ Потемкинѣ, въ кампаніяхъ 1789—1790 годовъ. Происхожденіе Салтыкова открыло ему доступъ къ блестящему двору императрицы Екатерины II, при которомъ свѣтскій, молодой и красивый собою будущій

казанскій попечитель пользовался нѣкоторое время даже фаворомъ, не доставившимъ ему, однако, выгодныхъ послѣдствій ни матеріальнаго, ни служебнаго характера. Оставаясь въ кратковременное царствованіе императора Павла Петровича не у дѣлъ и, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, отклонивъ активную службу, предложенную ему императоромъ Александромъ I, Салтыковъ женился по любви на швейцаркѣ Елизаветѣ Францовнѣ Ришаръ, дочери содержательницы извѣстнаго въ то время петербургскаго женскаго пансіона, намѣреваясь избрать тихій и уединенный образъ жизни, вдали отъ свѣтскаго шума и блеска двора; къ этому могъ побуждать его и заключенный имъ брачный союзъ, который не могъ не казаться „неравнымъ" съ точки зрѣнія предразсудковъ петербургскаго большаго свѣта. Въ ту пору человѣкъ извѣстнаго положенія въ свѣтѣ представлялся немыслимымъ безъ того или другого положенія служебнаго, хотя бы чисто почетнаго или фиктивнаго, въ силу чего и Салтыковъ числился въ службѣ по вѣдомству иностранной коллегіи; оказанъ былъ его происхожденію и внѣшній почетъ пожалованіемъ ему званія дѣйствительнаго камергера двора его императорскаго величества. Въ такомъ то видѣ представлялось вовсе не блестящее служебно-общественное положеніе Салтыкова въ 1812 году, когда, послѣ кончины Румовскаго, онъ былъ призванъ на постъ попечителя казанскаго учебнаго округа.

Обстоятельства, которыми сопровождалось назначеніе Салтыкова на этотъ выдающійся, по условіямъ того времени, административный постъ, и тѣ побудительныя причины, которыя заставили графа Разумовскаго остановить свой выборъ именно на немъ—остаются невыясненными. Покойный Н. Н. Буличъ высказываетъ мысль, что назначеніе Салтыкова можетъ найти себѣ объясненіе въ личныхъ отношеніяхъ его къ министру народнаго просвѣщенія и въ той, относительной, конечно, степени западно-европейской, преимущественно французской, образованности, которой не чуждъ былъ будущій попечитель, хорошо освоенный и во французской литературѣ, и въ мысляхъ французскихъ мыслителей и философовъ XVIII вѣка, умѣвшій также съ должнымъ уваженіемъ относиться къ знанію и наукѣ.

„Баринъ" отъ головы до ногъ, человѣкъ съ несомнѣнно высоко, даже до щепетильности, развитымъ чувствомъ чести, врагъ лжи и притворства; ненавистникъ всякаго рода льстивыхъ искательствъ, которыя такъ чужды были и ему самому; крайне самолюбивый, нервный, способный рѣзко переходить отъ состоянія возбужденной дѣятельности къ моментамъ иппохондрической апатіи; человѣкъ, высоко цѣнящій душевное спокойствіе и мирныя отношенія къ окружающимъ, но, во всякомъ случаѣ, натура экспан-

Михаилъ Александровичъ
Салтыковъ,
второй попечитель Казанскаго учебнаго округа.
(26 сентября 1812 г.—4 августа 1818 г.)

сивная и, въ силу этого, не всегда умѣющая сдерживать свои чувства и свой темпераментъ—въ такихъ четрахъ обрисовывается передъ нами личность новаго казанскаго попечителя на основаніи дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ какъ объ немъ самомъ, такъ и о проявленіяхъ его административной дѣятельности.

Одна изъ наиболѣе подробныхъ характеристикъ Салтыкова оставлена намъ въ своихъ „запискахъ" Ф. Ф. Вигелемъ,—авторомъ, къ сужденіямъ котораго о людяхъ и отношеніяхъ приходится относиться, впрочемъ, съ большою осторожностью. По отзыву Вигеля, Салтыковъ выступаетъ человѣкомъ съ большимъ самомнѣніемъ, высоко ставившимъ свои достоинства и способности и, въ силу этого и въ надеждѣ на нихъ, ни передъ кѣмъ и ни въ чемъ никогда не искавшимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, малодѣятельнымъ, нѣсколько лѣнивымъ и лишеннымъ инициативы; увлекаясь въ молодости идеями французскаго свободолюбія, Салтыковъ долгое время считался въ обществѣ крайнимъ либераломъ, чуть ли даже не якобинцемъ.

Весьма интересныя для обрисовки личности Салтыкова данныя даетъ намъ его переписка съ профессоромъ Броннеромъ, недавно только изданная, по порученію казанскаго университета, профессоромъ Д. И. Нагуевскимъ [199].

„Характеръ у васъ—любезный, миролюбивый, мягкій (aimable, paisible, pliable); сердце у васъ—открытое, искреннее (ouvert, sincère), даже въ степени большей, нежели сами могли бы вы предполагать это,—писалъ въ 1816 году Броннеръ Салтыкову, въ одномъ изъ интимныхъ писемъ къ нему.—Вы легко привязываетесь къ людямъ, васъ окружающимъ.... Боже избави васъ отъ иппохондріи (Салтыковъ частенько жаловался на нее подъ конецъ своего попечительства)—оставьте ее въ удѣлъ злодѣямъ! Съ вашимъ добрѣйшимъ характеромъ, невольно привлекающимъ къ вамъ всѣ сердца, вы всегда найдете возможность окружить себя честными людьми, достойными вашего довѣрія и которые будутъ въ состояніи цѣнить ваши достоинства. Если вы хорошенько вдумаетесь въ окружающее, вы придете къ несомнѣнному заключенію, что у двуногихъ животныхъ, именуемыхъ людьми, имѣется въ наличности несравненно болѣе слабостей, нежели дѣйствительной злобы. Будьте же великодушны и—прощайте имъ!"... (Бр. 309—311).

Эти строки писаны были въ отвѣтъ на жалобы попечителя, горько сѣтовавшаго на людей, съ которыми столкнули его служебное положеніе и служебная дѣятельность.

Шестилѣтній періодъ попечительства Салтыкова рѣзко распадается, съ точки зрѣнія состоянія духа и дѣятельности попечителя, на двѣ эпохи: первая и меньшая изъ нихъ—это эпоха живой дѣятельности его на ввѣренномъ ему посту; вторая, начинающаяся съ конца 1814 года—эпоха упадка энергіи Салтыкова, все болѣе и болѣе разочаровывающагося и въ людяхъ, и въ вѣрѣ въ принятое имъ на себя дѣло, впадающаго въ тяжелое, близкое къ мизантропіи, состояніе апатіи, унынія и тоскливой безнадежности. Удрученное нравственное состояніе духа Салтыкова ярко сказывается въ относящихся къ этой порѣ письмахъ его къ Броннеру:

„Когда вы будете покидать Россію,—пишетъ попечитель Броннеру въ январѣ 1817 года,—заглушите тяжелыя воспоминанія и не уносите съ собою впечатлѣній, неблагопріятныхъ для моей родины. Забудьте недоброжелательство, зависть и борьбу страстей, съ которыми приходилось вамъ здѣсь считаться. Простите и мнѣ, лично, возможныя, но невольныя, мои прегрѣшенія. Я самъ испыталъ слишкомъ много горя, перенесъ слишкомъ много обидъ; вся моя жизнь—является сплошною цѣпью всякаго рода скорбей.... Я глубоко скрывалъ въ тайникахъ души свои печали—и тѣмъ самымъ дѣлалъ ихъ для себя еще болѣе невыносимыми; эти печали угнетали мою душу, но я, изъ чувства ложнаго самолюбія, ни съ кѣмъ не рѣшался ими дѣлиться..... Оставимъ же, въ будущей нашей перепискѣ, злободневныя темы скорбной дѣйствительности: будемъ бесѣдовать о философіи, этикѣ, если хотите—о ботаникѣ, пожалуй даже—о математикѣ... Я еще не успѣлъ заглушить въ себѣ любви къ наукѣ!"..... (Бр. 362).

Салтыковъ получаетъ отвращеніе къ окружающему его обществу, съ его мелкими злобами и страстями: музыка (онъ былъ страстнымъ любителемъ ея и временами переписывался съ Броннеромъ на эту тему), сельское уединеніе, видъ полей и лѣсовъ—вотъ что ласкаетъ теперь мечты казанскаго попечителя:

„Я сталъ избѣгать общества, что бы не заводить въ немъ новыхъ связей,—читаемъ въ его письмѣ отъ 22-го мая 1816 года.—Я жажду уединенія и опытъ, предпринятый мною минувшимъ лѣтомъ, которое я провелъ въ деревнѣ, далъ мнѣ ясно убѣдиться въ томъ, что только на лонѣ природы мыслимо для меня совершенное счастье, среди деревенскихъ занятій, среди деревенской жизни, чуждой здѣшнихъ страстей и треволненій. Я вынужденъ продолжать службу только потому, что къ этому обязываютъ меня мои ограниченныя средства и что у меня есть дѣти, о которыхъ я долженъ заботиться (Салтыковъ былъ въ то время уже вдовцомъ—жена его умерла въ Казани, за полтора года до того). Откровенно говоря, въ моемъ характерѣ больше застѣнчивости и нелюдимости, нежели человѣконенавистничества (je suis plus

timide et sauvage, que misanthrope); я не ненавижу людей, но только избѣгаю ихъ потому, что я невысокаго о нихъ, въ общемъ, мнѣнія. Вотъ вамъ моя душевная исповѣдь. Я высказался совершенно откровенно,—это отплата за ту искренность, которою и вы меня дарите. Я способенъ говорить такъ задушевно только съ искренними друзьями, а вы числитесь въ томъ небольшомъ кружкѣ людей, которые еще заставляютъ меня любить себѣ подобныхъ. Не оставляйте же меня, мой дорогой и добрый философъ, вашими мудрыми совѣтами: я всегда буду принимать ихъ съ благодарностью"....

„Вы могли убѣдиться, — пишетъ Салтыковъ въ другомъ письмѣ своемъ,—что насколько самъ я люблю высказывать правду, на столько же люблю и выслушивать ее со стороны такихъ добрыхъ друзей, какимъ считаю я васъ по отношенію къ себѣ" (Бр. 315, 325).

Письма Салтыкова свидѣтельствуютъ намъ, что намѣреніе оставить службу по министерству народнаго просвѣщенія вполнѣ созрѣло въ немъ уже въ началѣ 1817 года; не видя возможности обойтись совершенно безъ служебнаго положенія, онъ мечталъ перейти на службу въ прежнее вѣдомство—иностранныхъ дѣлъ. Не честолюбіе и не жажда болѣе широкой дѣятельности руководили въ данномъ случаѣ казанскимъ попечителемъ:

„Жажда власти, отличій, почестей—является, въ большинствѣ случаевъ, у людей неутолимою и они нерѣдко упиваются ими до водянки,—писалъ Салтыковъ въ началѣ 1817 года.—Я рано позналъ скользкость этого пути и тщательно избѣгалъ его: ядъ честолюбія никогда не отравлялъ моего сердца. Будь у меня достаточныя средства и отсутствіе заботъ о будущности моихъ дѣтей—я не задумался бы бросить и служебное положеніе, и призрачныя обаянія ранга и происхожденія, съ тѣмъ, что бы удалиться къ жизни свободной и независимой,—жизни подъ небомъ болѣе счастливымъ, среди богаче одаренной природы, среди менѣе эгоистически настроеннаго общества, вдали отъ двора, вельможъ, отъ очага всѣхъ бурныхъ страстей. Я счелъ бы себя счастливымъ даже въ бѣдной хижинѣ, если бы она въ состояніи была обезпечить мнѣ спокойное состояніе духа, миръ и тишину. Только полное сельское уединеніе способно еще возвратить мнѣ счастье" (Бр. 364).

Не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что разочарованіе попечителя казанскаго учебнаго округа находилось въ весьма значительной степени въ связи и съ тѣмъ реакціоннымъ направленіемъ, которое стало сказываться въ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія со вступленіемъ въ управленіе имъ князя А. Н. Голицина (10-го августа 1816 г.) и которое въ жизни казанскаго университета три года спустя разразилось печальной памяти эпохою попечительства Магницкаго. Такъ

часто возвѣщавшееся Салтыковымъ въ письмахъ къ Броннеру намѣреніе оставить тяготившую его въ послѣдніе годы должность попечителя казанскаго учебнаго округа—не было праздными словами, хотя оно и не осуществилось такъ скоро, какъ онъ предполагалъ: увольненіе послѣдовало лишь 4-го августа 1818 года, за шесть мѣсяцевъ до пресловутой ревизіи Магницкаго, слѣдомъ затѣмъ и выступившаго въ роли преемника такъ во-время удалившагося Салтыкова.

Впослѣдствіе Салтыковъ былъ сенаторомъ московскихъ департаментовъ сената и почетнымъ опекуномъ. Любитель литературы, Салтыковъ, живя въ Москвѣ, вращался здѣсь въ мѣстныхъ литературныхъ кружкахъ, позже же числился почетнымъ членомъ общества „Арзамасъ" и стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Пушкину, Дельвигу и Батюшкову; съ барономъ Дельвигомъ онъ даже породнился, выдавъ за него свою дочь Софью. Кружокъ „арзамасцевъ" относился съ большимъ уваженіемъ къ своему почетному сочлену: „Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему арзамасцу, будущему своему тестю"—писалъ о немъ въ 1825 году А. С. Пушкинъ своему лицейскому товарищу, барону Дельвигу.

М. А. Салтыковъ умеръ, въ Москвѣ, 6-го апрѣля 1851 года, на 83-мъ году жизни [200].

Предложеніе министра о назначеніи Салтыкова на должность попечителя казанскаго учебнаго округа, съ приложеніемъ копіи съ высочайшаго о томъ указа, заслушано въ засѣданіи совѣта университета 12-го октября и тогда же опредѣлено принести новому попечителю письменныя поздравленія на русскомъ и латинскомъ языкахъ; составленіе перваго принялъ на себя профессоръ Городчаниновъ, второго—профессоръ Френъ. Русское привѣтствіе было изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

> „Императорскій казанскій университетъ съ полною радостью и восхищеніемъ имѣетъ счастье видѣть себя подъ особеннымъ начальствомъ вашего превосходительства. Съ признательнѣйшимъ благоговѣніемъ мысленно лобзаетъ онъ десницу августѣйшаго своего Основателя, васъ въ семъ званіи утвердившаго. Движимый таковыми къ особѣ вашего превосходительства чувствованіями *, университетъ пpi-

* «Чувствованія» эти являлись совершенно отвлеченными, такъ какъ самъ авторъ привѣтствія не имѣлъ никакого представленія о новомъ попечителѣ. Это видно изъ того, что въ черновикѣ поздравительнаго письма Салтыковъ вездѣ именуется «графомъ» и «ваше сіятельство», что, затѣмъ, зачеркнуто и замѣнено словами «ваше превосходительство». Новаго начальника сопричислили, такимъ образомъ, къ графской вѣтви рода Салтыковыхъ.

ятнѣйшимъ себѣ поставляетъ долгомъ чрезъ сіе изъявить вамъ усерднѣйшее поздравленіе съ особенною довѣренностью Монарха, поручившаго вамъ блюсти виноградъ, Его десницею насажденный, Его благостію орошаемый и простирающій гроздія своя по всему востоку обширнаго Его владычества. При особѣ, толикія монаршія довѣренности удостоенной, мы, дѣлатели сего винограда, силы къ силамъ, труды къ трудамъ приложимъ на удобреніе онаго. Удостойте пріять, ваше превосходительство, увѣреніе какъ въ семъ, такъ и въ томъ глубочайшемъ высокопочитаніи, съ каковымъ имѣемъ счастіе быть всѣ члены университета (слѣдуютъ подписи членовъ совѣта)".

Салтыковъ отвѣтилъ любезностью на любезность и въ засѣданіи совѣта 27-го ноября прочитано слѣдующее отвѣтное письмо попечителя:

„Милостивые государи! — За искреннее ваше поздравленіе со вступленіемъ моимъ въ настоящее званіе, которое угодно было вамъ объявить мнѣ отъ лица всего почтеннаго сословія, долгомъ поставляю принести, съ своей стороны, покорнѣйшую мою благодарность и, относя таковое ко мнѣ ваше вниманіе къ особливой себѣ чести, весьма счастливымъ почитаю себя, что Государю Императору благоугодно было, воззрѣвъ на малыя мои способности, ввѣрить управленію моему, съ округомъ, такое заведеніе, которое украшаютъ мужи, толико отличные и извѣстные своими талантами, и потому имѣю причину совершенно надѣяться, что толико просвѣщенные дѣлатели винограда принесутъ сториченъ плодъ насадившему его; я же, съ моей стороны, при всякомъ случаѣ, сколько способности мои и силы дозволять будутъ, не премину обращать оныхъ ко всему тому, что къ пользѣ и славѣ ввѣренной мнѣ части служить можетъ" [201].

Таково было первое оффиціальное сношеніе совѣта университета, какъ коллегіи, съ своимъ новымъ принципаломъ. Мы знаемъ, что сношенія профессоровъ съ попечителемъ Румовскимъ далеко не ограничивались такою корпоративною формою; что между попечителемъ и отдѣльными профессорами велась еще и переписка интимная, носившая болѣе или менѣе чистоплотный оттѣнокъ, смотря по тѣмъ предметамъ, которыхъ она касалась, а въ особенности смотря по нравственному облику лицъ, утруждавшихъ стараго попечителя своими писаніями. Намъ уже въ достаточной степени знакомъ общій колоритъ интимной переписки, которую велъ съ Румовскимъ, напримѣръ, директоръ Яковкинъ. Не можетъ представляться никакого сомнѣнія въ томъ, что пронырливый директоръ предпринималъ попытки продолжать такую же конфиденціальную корреспонденцію и съ новымъ попечителемъ. Зная Яковкина—мы въ этомъ нисколько не сомнѣваемся, тѣмъ болѣе, что до насъ дошло письмо директора къ Сал-

тыкову отъ 16-го декабря 1812 года, въ которомъ Яковкинъ, поздравляя попечителя съ наступающимъ новымъ годомъ и выражая ему пожеланіе, что бы „Благословляяй времена и лѣта Всевышній благословилъ всѣ начинанія“ его и продлилъ ему „жизнь въ вожделѣнномъ здравіи ко счастію всего обширнаго края“, сообщаетъ ему о текущихъ дѣлахъ по университету и гимназіи. Въ этомъ письмѣ Яковкинъ, жалуясь на неаккуратное посѣщеніе профессорами засѣданій совѣта, смиренно добавляетъ: „Спрашивать же мнѣ каждаго о причинѣ отсутствія — значило бы навлечь на себя вновь * всеобщее ихъ негодованіе, потому что не преминули бы они толковать таковой поступокъ мнѣ въ духѣ властолюбія, чуждаго, по милости Господней, душѣ моей“. Несомнѣннымъ представляется намъ, тѣмъ не менѣе, что попытки слишкомъ „интимной“ переписки, если со стороны Яковкина таковыя, какъ надо думать, и предпринимались, не встрѣтили сочувственнаго отношенія со стороны прямаго и ненавидѣвшаго всякаго рода интриги и исканія Салтыкова, быстро сообразившаго, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и сразу оборвавшаго начатыя имъ было сношенія съ директоромъ. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Казань (весною 1813 года), Салтыковъ чистосердечно раскрылъ Яковкину карты своей игры съ нимъ и директоръ уже тогда долженъ былъ понять, чего слѣдуетъ ожидать ему со стороны новаго попечителя: Салтыковъ открыто объявилъ себя непримиримымъ врагомъ Яковкина и послѣдній не могъ не сознать, что пѣсенка его—спѣта и не возобновится до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока будетъ стоять Салтыковъ во главѣ управленія университетомъ и его округомъ.

Но у покойнаго попечителя имѣлся въ Казани, за послѣдніе полтора года его жизни, еще и другой корреспондентъ,—профессоръ Броннеръ,— прямолинейная и исполненная благородства переписка котораго съ Румовскимъ въ достаточной степени уже знакома намъ, представляя собою рѣзкій контрастъ низменной, мелочной, а порою и злобной, перепискѣ Яковкина. Профессоръ Броннеръ продолжалъ дѣятельную переписку и съ попечителемъ Салтыковымъ. До насъ сохранилось 29 писемъ Броннера къ Салтыкову и Салтыкова къ Броннеру (столько же, сколько сохранилось и отъ переписки его съ Румовскимъ); эта переписка, которою мы, отчасти, уже и воспользовались при обрисовкѣ личности новаго попечителя, издана въ цитированной нами не разъ книгѣ проф. Д. И. На-

* Это выраженіе даетъ основаніе думать, что Яковкинъ уже до того касался въ своихъ письмахъ къ Салтыкову щекотливыхъ сторонъ его отношеній къ членамъ совѣта.

гуевскаго: „Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка" (Каз. 1902).

Первое письмо Броннера къ Салтыкову относится къ 14-му октября 1812 года,—оно написано, слѣдовательно, черезъ два дня послѣ заслушанія въ совѣтѣ предложенія о назначеніи новаго попечителя; въ этомъ письмѣ казанскій профессоръ предпринимаетъ первую, и вполнѣ удавшуюся, попытку вступить съ Салтыковымъ въ письменныя сношенія *. Отвѣтное письмо попечителя относится къ 6-му ноября. Оба письма представляютъ настолько значительный интересъ, что мы считаемъ цѣлесообразнымъ возстановить здѣсь, въ русскомъ переводѣ (вся переписка велась на французскомъ языкѣ), полный ихъ текстъ.

„Господинъ камергеръ и попечитель! — пишетъ Броннеръ въ первомъ письмѣ своемъ къ Салтыкову. — Сироты, обрѣтающіе себѣ благодѣтельнаго отца, радуются, вѣроятно, тою именно радостью, какою проникаюсь и я подъ впечатлѣніемъ извѣстія о томъ, что его императорское величество далъ намъ васъ, въ качествѣ опекуна и отца. Хотя я и не имѣю чести быть знакомымъ съ вашимъ превосходительствомъ, тѣмъ не менѣе выборъ, совершенный его величествомъ и его просвѣщеннымъ министромъ, а также ваша рѣшимость принять на себя попечительство надъ вновь народившимся учрежденіемъ, столь значительнымъ по его задачамъ и управленіе которымъ требуетъ усиленныхъ заботъ, чрезвычайной предусмотрительности и выдающейся любви къ наукѣ—даютъ мнѣ высокое представленіе о величіи вашей души и вашихъ достоинствъ. Добрымъ предзнаменованіемъ служатъ въ моихъ глазахъ и почтенное имя, которое вы носите, и ваше званіе камергера. Салтыковы неоднократно выдѣлялись славными дѣяніями, а изъ среды россійскихъ камергеровъ не разъ выходили піонеры просвѣщенія: камергеръ императрицы Елизаветы (Шуваловъ) былъ создателемъ московскаго университета; вы явитесь зиждителемъ — нашего. Передъ тѣми изъ моихъ собратьевъ по наукѣ, которые считаютъ себя истинно-ревностными друзьями просвѣщенія, открылось идеальное, достойное самыхъ святыхъ усилій, поприще дѣятельности: задача пропагандировать просвѣщеніе въ обширныхъ восточныхъ областяхъ Россіи, лелѣять школьное дѣло въ ввѣренныхъ имъ четырнадцати губерніяхъ, воспитывать и образовывать учителей и гражданскихъ чиновниковъ, способныхъ облагораживать нравы и содѣйствовать умственному развитію народа. Они видятъ въ своемъ лицѣ (буду выражаться языкомъ физики)—проводники электричества, повсюду возбуждающіе живую дѣя-

* Это письмо дошло до насъ въ черновикѣ, хранящемся, среди рукописей Броннера, въ городской библіотекѣ г. Аарау, но не имѣетъ, къ сожалѣнію, конца.

тельность, благородную и плодотворную для искусствъ и для науки, которая, не прерываясь, способна привести народъ къ цвѣтущему благосостоянію“ (конца письма не сохранилось)......

Отвѣтъ Салтыкова, безусловно учтивый, хотя и нѣсколько суховатый по общему тону, заключаетъ въ себѣ, какъ увидятъ читатели, нѣсколько рѣзкихъ нотокъ раздраженія, явившихся, несомнѣнно, отголоскомъ впечатлѣнія тѣхъ критическихъ обстоятельствъ, которыя только что пережила передъ тѣмъ Россія и все русское общество:

„Милостивый государь!—отвѣчалъ Броннеру новый попечитель.—Я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 14-го октября. Я еще ничѣмъ не успѣлъ заслужить вашихъ восхваленій по моему адресу; позвольте же мнѣ обойти въ вашемъ письмѣ молчаніемъ все то, что могло бы оказаться щекотливымъ съ моей личной точки зрѣнія. Это, тѣмъ не менѣе, не избавляетъ меня отъ долга благодарности за ваши добрыя пожеланія. Что касается лично васъ, милостивый государь, то репутація, уже давно отвоеванная вашими знаніями въ области спеціальности, которой вы себя посвятили, открыла вамъ неоспоримый путь къ общественному уваженію. Я полагаю, что лучшее, чѣмъ могу я отмѣтить свое вступленіе въ новую дѣятельность—это возданіе должнаго лицамъ, которыя, подобно вамъ, посвятили свои дарованія моему отечеству, не запятнавъ ихъ тѣми отвратительными дѣяніями, роковое проявленіе которыхъ только что ознаменовало собою текущую жизнь. Благо Россіи не можетъ зависѣть отъ злоученій, превозносимыхъ злодѣями, причисляющими себя къ цивилизованнымъ народамъ; оно обусловливается ученіями, внушающими намъ наши обязанности по отношенію къ законнымъ государямъ, возжигающими въ сердцахъ нашихъ пламя любви къ отечеству, поддерживающими добрые семейные нравы,—ученіями, имѣющими своею задачею животворить духъ, а не пускать пыль въ глаза. Хочу надѣяться, что приглашенные въ Казань для просвѣтительныхъ цѣлей ученые, усерднымъ отношеніемъ своимъ къ дѣлу, постараются оправдать благіе виды Монарха, выше всего поставляющаго славу и счастіе своей имперіи“.

Таковы были первые шаги переписки Броннера съ Салтыковымъ.

Хотя во второмъ, отвѣтномъ, письмѣ своемъ къ попечителю (отъ 2-го декабря) Броннеръ, называя письмо Салтыкова „очаровательнымъ“ („votre lettre charmante“), и заявляетъ, что онъ усматриваетъ въ немъ „вѣрный залогъ лучшаго для насъ (т. е. профессоровъ) будущаго и поруку за процвѣтаніе университета (la fleur de notre université)“, тѣмъ не менѣе нѣкоторые намеки попечителя на иностранцевъ, „пятнающихъ себя отвратительными дѣяніями“, на „злоученія“, на „злодѣевъ, причисляющихъ себя

On nous assure, que nous jouirons après peu du
du bonheur de Vôtre présence. Je voudrois avoir
la faculté, de Vous transférer [illegible] un aërostate de
Petersbourg à Kasan pour Vous épargner toutes les incommodités
d'un si long voyage. Jusqu'à ce que Vous arri-
vez, je composerai un recit detaillé sur l'état de nos
affaires. En redigeant une telle écriture je ne veux pas prévenir
Vôtre jugement [illegible] Vôtre impartialité et [illegible] besoin de Vôtre
sagesse les jugera infiniment mieux que moi. Mais il y a beaucoup
des circonstances qui se cachent aux yeux trop long-
temps, quand on n'est pas aussi de [illegible]
Que Dieu Vous donne le voyage le plus heureux [illegible]
et qu'il bénisse toutes vos entreprises pour le bien de l'Uni-
versité! J'attends avec empressement, de voir Vôtre Excellence
arrivée saine et sauve, et de Vous temoigner
aussi de vive voix, que je suis avec le respect le
plus distingué, tout prêt à Vous servir dans Vos vûes bienfaisantes,
à Kasan Monsieur Chambellan et Curateur,
ce 2. Dec. 1812.

Vôtre tout-adonné,
le plus humble et le plus obéissant
Cultiteur et Serviteur
François Xavier Bronner,
Prof. en Physique et Directeur de l'Institut
pédagogique.

ОТРЫВОКЪ ЧЕРНОВАГО ПИСЬМА
Ф. К. Броннера къ М. А. Салтыкову
отъ 2-го декабря 1812 года.

къ цивилизованнымъ народамъ", — намеки хотя и общаго характера, но, все таки, довольно внушительные,—не могли втайнѣ не смутить казанскаго ученаго.

Свои скрытыя опасенія Броннеръ рѣшился повѣдать лишь соотечественнику, академику Н. И. Фуссу, съ которымъ онъ также находился въ перепискѣ и которому въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 16-го декабря) подробно описываетъ положеніе иностранцевъ въ Казани въ концѣ 1812 года *. Разсказывая о всеобщемъ предубѣжденіи противъ иностранцевъ, мало гарантирующемъ послѣднихъ отъ всевозможныхъ случайностей и явившемся однимъ изъ печальныхъ отраженій послѣднихъ политическихъ событій, Броннеръ пишетъ Фуссу: „Мы живемъ теперь въ состояніи напряженнаго ожиданія (in gespannter Erwartung), хотя предстоящее прибытіе новаго попечителя создало кажущееся спокойствіе, напоминающее, впрочемъ, затишье передъ грозою". Смущаютъ Броннера и слухи о начавшихся сношеніяхъ Салтыкова съ директоромъ Яковкинымъ, который далеко не прочь былъ, конечно, занять такое же положеніе при новомъ попечителѣ, какое онъ занималъ при покойномъ: „Попечитель, — повѣряетъ Броннеръ своему вліятельному въ ученыхъ сферахъ столицы земляку,—прислалъ Яковкину лестное письмо, съ которымъ этотъ послѣдній повсюду, съ торжествующимъ видомъ, теперь и носится; утверждаютъ, будто бы въ этомъ письмѣ попечитель выражаетъ свое удовольствіе имѣть въ Яковкинѣ опытнаго сотрудника, искусившагося не только въ области научной, но и въ различныхъ сферахъ чисто практической дѣятельности".

Разсказывая Фуссу объ отвѣтномъ письмѣ къ нему Салтыкова, Броннеръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ повѣряетъ ему свои опасенія:

> „Его превосходительство удостоилъ меня, въ отвѣтъ на мое привѣтствіе, письмомъ очень двусмысленнаго содержанія (einen sehr verbindlichen Brief), которое я не счелъ удобнымъ кому бы то ни было показывать.... Одно мѣсто этого письма невольнымъ образомъ порождаетъ во мнѣ опасенія. Послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ фразъ, оно заключаетъ въ себѣ слѣдующее: (излагаются, во французскомъ подлинникѣ, уже извѣстныя намъ сентенціи попечителя на тему о „злоученіяхъ" и цивилизованныхъ „злодѣяхъ" изъ иностранцевъ)..... Въ виду того, что всѣ, знающіе характеръ г. Салтыкова, единодушно утверждаютъ, что онъ человѣкъ, достойный во всѣхъ отношеніяхъ, хотѣлось

* Письма Броннера къ академику Фуссу (писанныя на нѣмецкомъ языкѣ) интересующіеся найдутъ изданными, вмѣстѣ съ перепискою его, вообще, въ уже извѣстной намъ книгѣ проф. Нагуевскаго.

бы мнѣ вѣрить, что только что приведенныя, слишкомъ рѣзкія, выраженія его—въ основѣ своей скрываютъ вполнѣ добрыя и благожелательныя побужденія. Эти выраженія не обезпечиваютъ намъ, тѣмъ не менѣе, полной безопасности въ томъ, что злые навѣты не восторжествуютъ надъ истиною и что, по сравненію Свифта, слишкомъ усердно отдирая кайму матеріи, не отдерутъ, вмѣстѣ съ нею, и нужнаго для платья лоскута самой матеріи. Въ такое время, какое мы теперь переживаемъ, нельзя не опасаться, что бы, въ разгарѣ борьбы съ пламенемъ опасныхъ игрушечныхъ факеловъ, не были загашены и болѣе существенные и необходимые источники свѣта“ [202]......

Общій тонъ письма Салтыкова отъ 6-го ноября, такъ смутившій Броннера, представляется, и на самомъ дѣлѣ, нѣсколько загадочнымъ; какъ бы не отнеслись мы къ этому письму, но въ немъ съ несомнѣнною ясностью проглядываетъ замаскированное нептуновское „quos ego“ по адресу иностранныхъ профессоровъ, положеніе которыхъ въ Россіи во второй половинѣ историческаго „двѣнадцатаго“ года, въ особенности же въ отдаленной Казани, было, во всякомъ случаѣ, не изъ пріятныхъ. Руководилъ ли Салтыковымъ въ данномъ случаѣ взрывъ патріотическаго шовинизма, столь распространеннаго въ ту пору, подъ вліяніемъ политическихъ событій, даже въ средѣ интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества, пожелалъ ли онъ сразу, въ учтивой по внѣшности формѣ, „осадить“ показавшуюся ему искательною, а потому и столь ненавистною въ его глазахъ, самонадѣянную вылазку нѣмецкаго профессора—трудно отвѣтить на эти вопросы. Мы, лично, убѣждены въ томъ, что первый отвѣтъ попечителя Броннеру былъ далеко не чуждъ махинаціямъ ловкаго директора, который могъ уже раньше узнать о кандидатурѣ Салтыкова и своевременно повести кампанію противъ ненавистныхъ ему иностранныхъ сотоварищей; мы знаемъ изъ письма Броннера къ Фуссу, что Яковкинъ уже въ самомъ началѣ получилъ отъ попечителя лестное для него письмо, сразу создавшее въ немъ подъемъ духа: авансъ въ этой, къ сожалѣнію не дошедшей до насъ, но, во всякомъ случаѣ, очень непродолжительной, перепискѣ принадлежалъ, конечно, не самому Салтыкову. Послѣдующая дѣятельность Салтыкова не оправдала его, предполагавшейся вначалѣ, недоброжелательности къ иностраннымъ профессорамъ: многіе (не исключая и покойнаго Н. Н. Булича) впослѣдствіе ставили на видъ его вполнѣ сочувственное и даже пристрастное къ нимъ отношеніе.

Первое отвѣтное письмо Салтыкова не парализовало энергіи стойкаго въ достиженіи намѣченныхъ имъ цѣлей профессора Броннера. 2-го декабря онъ обращается къ нему съ новымъ посланіемъ, въ которомъ, политично

отблагодаривъ попечителя за его „очаровательное“ и преисполнившее его благихъ надеждъ письмо, набрасываетъ передъ нимъ картину положенія иностранныхъ профессоровъ:

„Почти всѣ мои иностранные сотоварищи, — пишетъ онъ Салтыкову,—представляютъ изъ себя добровольныхъ изгнанниковъ, вынужденныхъ злою судьбою покинуть свою родину. Всѣ они проникнуты чувствомъ справедливаго негодованія по отношенію къ розорителямъ ихъ родины и всей Европы, не признающимъ ни международныхъ договоровъ, ни національныхъ правъ, готовыхъ все приносить въ жертву своему честолюбію и своимъ личнымъ интересамъ. Мы всѣ, наравнѣ съ природными русскими, принимаемъ участіе въ судьбахъ нашего новаго отечества: его бѣдствія стѣсняли горестью наши сердца; его побѣды исполняли ихъ радостью..... Какое счастье выпало бы на долю моей родины и какою славою увѣнчалась бы Россія, если бы этой послѣдней было суждено сдѣлаться освободительницею изнывающей въ цѣпяхъ рабства Европы!“

Въ этомъ же письмѣ, успокоивъ, такимъ образомъ, Салтыкова на счетъ лойяльности чувствъ, одушевляющихъ его иностранныхъ коллегъ, Броннеръ предпринимаетъ первую попытку оріентировать попечителя въ текущихъ университетскихъ дѣлахъ. Центромъ тяжести всего письма является, — какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, — обличеніе самовластія и интригъ Яковкина (plenipotentiaire, т. е. полномочнаго—какъ постоянно именуетъ его Броннеръ) и того невыносимаго режима, какой установленъ имъ въ засѣданіяхъ совѣта, въ ущербъ самостоятельности мысли и слова членовъ университетской коллегіи. Броннеръ предпринимаетъ въ своей корреспонденціи съ Салтыковымъ ту же кампанію въ защиту правъ совѣта и въ обличеніе деспотизма директора, какая велась имъ и въ перепискѣ съ Румовскимъ. Эту кампанію Броннеръ ведетъ теперь съ двухъ сторонъ: съ одной стороны—передъ попечителемъ, съ другой стороны—передъ вліятельнымъ академикомъ Фуссомъ, внушенія котораго могли весьма вѣроятнымъ образомъ повліять на характеръ дальнѣйшихъ отношеній Салтыкова къ Яковкину. Создалась, этимъ путемъ, серьезная для директора и враждебная ему комбинація, которой могъ онъ противопоставить развѣ только свои обычныя слезливыя іереміады, пользовавшіяся такимъ кредитомъ у старика Румовскаго, но казавшіяся лишь комичными въ глазахъ иначе настроеннаго и иначе смотрѣвшаго на вещи Салтыкова.

Броннеръ считаетъ, прежде всего, необходимымъ выяснить попечителю тѣ мотивы, которые побуждаютъ его утруждать Салтыкова своими письмами: „Я почту себя истинно счастливымъ,—пишетъ онъ попечите-

лю,—если вамъ благоугодно будетъ дозволить мнѣ оказывать содѣйствіе вашимъ благороднымъ и полезнымъ начинаніямъ въ той ограниченной сферѣ дѣятельности, какая мнѣ предоставлена. Предупреждаю васъ, достоуважаемый г. попечитель, что я не принадлежу къ разряду людей, которые, изъ желанія выслужиться, вмѣшиваются въ неподлежащія ихъ компетенціи дѣла, но что я поставилъ себѣ цѣлью жизни девизъ: дѣлай добро въ той мѣрѣ, въ какой чувствуешь ты себя въ силахъ его дѣлать".

Слѣдомъ затѣмъ Броннеръ подробно излагаетъ попечителю всю исторію гимназическихъ неурядицъ, составлявшихъ одну изъ темъ его переписки и съ Румовскимъ, отмѣчая проявленное въ ней упрямое противодѣйствіе полномочнаго Яковкина („la résistance opiniâtre d'un plenipotentiaire"), а затѣмъ высказываетъ и свой собственный взглядъ на современное положеніе университетскихъ дѣлъ:

„Я надѣюсь,—заявляетъ онъ,—что кляуза (la chicane) временно притихнетъ, но я не увѣренъ въ томъ, что бы она не дала снова себя почувствовать на какой нибудь другой почвѣ. Вся наша надежда на васъ: наши слабыя усилія поддержать порядокъ и законность—разбиваются передъ полномочною властью, произвольно распоряжающеюся протоколами засѣданій, канцеляріею, конторою, гимназіею и университетомъ, передъ властью, въ теченіи ряда лѣтъ усвоившею себѣ привычку всѣмъ повелѣвать и все подчинять своему игу (de gouverner et de subjuguer tout). Когда вступитъ въ дѣйствіе дарованный университету уставъ; когда предсѣдатель совѣта будетъ съ уваженіемъ относиться къ закону, уставу и товарищамъ, прислушиваясь къ ихъ мнѣнію, а не приказывая секретарю, своему зятю (т. е. барону Врангелю), заносить въ протоколъ засѣданій все то, что ему взбредетъ въ голову; когда члены совѣта не будутъ подвергаться риску оскорбленій за свободу своихъ дѣйствій и мыслей; когда образовано будетъ дѣленіе на факультеты и т. п.,—словомъ, когда ваше превосходительство устраните недостатки настоящаго университетскаго режима, препятствующіе правильному теченію жизни университета,—только тогда можно будетъ ожидать зрѣлыхъ плодовъ отъ учрежденія, въ личномъ составѣ котораго нѣтъ недостатка въ дѣятеляхъ, вполнѣ достойныхъ своего назначенія" [203].

Салтыковъ, въ краткомъ (отъ 23-го декабря) отвѣтѣ на только что цитированное письмо Броннера, признаетъ интересъ вопросовъ, затронутыхъ въ немъ его корреспондентомъ, но замѣчаетъ, что, по существу своему, эти вопросы требуютъ тщательнаго обсужденія и многихъ справокъ, которыхъ онъ въ данную минуту имѣть подъ руками не въ состояніи: „Вооружитесь же терпѣніемъ,—пишетъ онъ Броннеру,—

и отложимте обсужденіе этихъ вопросовъ до моего пріѣзда въ Казань, гдѣ я располагаю поселиться не на одинъ годъ,—рѣшеніе, которое я предпринимаю въ видахъ печальнаго состоянія всѣхъ учрежденій, ввѣренныхъ нынѣ моему попеченію".

Это письмо явилось категорическимъ подтвержденіемъ факта предстоявшаго скораго прибытія въ Казань новаго попечителя, слухи о чемъ циркулировали здѣсь еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Яковкинъ уже тогда былъ оффиціозно освѣдомленъ о предполагаемомъ пріѣздѣ Салтыкова, такъ какъ дѣлалъ распоряженія о приспособленіи квартиры (въ Спижарномъ домѣ) для помѣщенія попечителя. Въ первыхъ числахъ февраля извѣстіе это подтвердилось и оффиціально: 5-го февраля 1813 года въ совѣтѣ доложено было предложеніе Салтыкова отъ 20-го января, въ которомъ сообщалось, что въ первыхъ числахъ февраля онъ намѣревается выѣхать въ Казань, въ силу чего и предлагаетъ пріостановиться высылкою на его имя дѣлъ въ С.-Петербургъ. Разсчетъ Салтыкова оказался нѣсколько измѣненнымъ: попечитель прибылъ въ Казань лишь 4-го марта 1813 года [204].

Мы, быть можетъ, слишкомъ долго остановились на рядѣ вопросовъ, связанныхъ съ назначеніемъ Салтыкова и съ общею обрисовкою его личности. Да простятъ намъ читатели нѣкоторыя, могущія показаться излишними, подробности, введенныя въ наше предшествовавшее изложеніе. Представимъ этому и оправданія: личность втораго казанскаго попечителя, при которомъ совершилось полное открытіе университета, казалась намъ слишкомъ не безразличною для того, что бы оставить ее въ тѣни; съ другой стороны, у насъ оказались подъ руками до сихъ поръ неизвѣстные, только что изданные и никѣмъ еще не использованные эпистолярные матеріалы, поступаться болѣе детальною разработкою которыхъ намъ было бы досадно.

Разставшись на время съ Салтыковымъ, обратимся къ вопросамъ коллегіальной жизни казанскаго университета, интересовавшимъ членовъ его въ ожиданіи пріѣзда новаго попечителя.

Отмѣтимъ, прежде всего, нѣсколько внѣшняго характера новшествъ, вкравшихся въ жизнь университета. Мы уже знаемъ, что предложеніемъ покойнаго Румовскаго отъ 23-го мая 1812 года совѣту предписано было именоваться впредь „совѣтомъ при казанскомъ университетѣ". Съ конца того же года возникаетъ и представленіе объ отдѣленіяхъ, т. е. факультетахъ—возникаетъ чисто фактически, безъ всякаго распоряженія о томъ высшаго начальства, возникаетъ въ силу естественнаго хода вещей и прогрессивнаго развитія университетскаго преподаванія, подго-

товляя собою и предваряя оффиціальное раздѣленіе на факультеты, послѣдовавшее лишь съ введеніемъ устава 1804 года.

Если мы бросимъ взглядъ на личный составъ казанскаго университета въ декабрѣ 1812 года, то придемъ къ заключенію, что онъ уже представлялъ собою матеріалъ, достаточный для сформированія факультетовъ. Къ концу этого года казанскій университетъ числилъ въ своемъ составѣ 23 штатныхъ преподавателя, въ томъ числѣ: профессоровъ ординарныхъ—13, профессоровъ экстраординарныхъ—4, адъюнктовъ—6. По намѣченнымъ уставомъ отдѣленіямъ, эти преподавательскія силы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ—3 (орд. проф. Финке, экстр. проф. баронъ Врангель, ад. Лубкинъ), отдѣленіе физико-математическихъ наукъ—7 (орд. проф. Фуксъ, Бартельсъ, Реннеръ, Литтровъ, Броннеръ, ад. Петровскій, Никольскій), отдѣленіе врачебныхъ наукъ—4 (орд. проф. Браунъ, Эрдманъ, экстр. проф. Арнгольдтъ, ад. Ренардъ), отдѣленіе словесныхъ наукъ—9 (орд. проф. Яковкинъ, Германъ, Сторль, Френъ, Томасъ, экстр. проф. Эрихъ, Городчаниновъ, ад. Кондыревъ, Перевощиковъ). Въ это исчисленіе не введены нами магистры и кандидаты, преподававшіе подъ наблюденіемъ профессоровъ. Исходя изъ принципа коллегіальнаго строя—„tres facere collegium“ (и то только по отношенію къ первому изъ отдѣленій), мы дѣйствительно убѣждаемся въ томъ, что матеріалъ для сформированія факультетовъ уже имѣлся на лицо.

И, вотъ, мы видимъ, что въ августѣ 1812 года „разсматриваемъ былъ въ частныхъ собраніяхъ отдѣленій“, по порученію совѣта, составленный проф. Броннеромъ нормальный планъ университетскихъ преподаваній, причемъ этотъ планъ „частью одобренъ, частью поправленъ и пополненъ отдѣленіями“; въ засѣданіи совѣта 30-го октября оффиціально докладывается представленіе „господъ членовъ отдѣленія врачебныхъ наукъ“ относительно расширенія клиническихъ преподаваній; 11-го декабря „отдѣленіе словесныхъ наукъ“ представляетъ совѣту о томъ, что „въ теченіи шести засѣданій онаго отдѣленія“ производились имъ кандидатскія испытанія и т. п. Фактически признаются, такимъ образомъ, и даже легализируются совѣтомъ и его журнальными постановленіями не только самыя отдѣленія, но и особыя ихъ собранія [205].

Крупнымъ явленіемъ, которымъ отмѣчена жизнь казанскаго университета во вторую половину 1812 года, представляется открытіе при немъ педагогическаго института. Намъ уже извѣстно, что въ силу устава 1804 года (§ 122) при казанскомъ университетѣ положенъ особый

„педагогическій или учительскій институтъ". Находясь въ завѣдываніи директора, избираемаго совѣтомъ изъ профессоровъ, это учрежденіе имѣло своимъ назначеніемъ подготовленіе для училищъ округа учителей изъ молодыхъ людей, прослушавшихъ курсъ университетскихъ наукъ. При казанскомъ университетѣ этотъ институтъ долгое время не былъ открываемъ и молодые люди, предназначавшіеся къ занятію учительскихъ мѣстъ, подготовлялись къ этому подъ „особеннымъ руководствомъ" профессора-директора Яковкина. При попыткѣ полнаго открытія университета въ 1810 году и при произведенныхъ по этому поводу выборахъ, на должность директора педагогическаго института избраннымъ оказался профессоръ К. Т. Фойгтъ; но открытіе университета въ этомъ году не состоялось, утвержденія выборовъ не послѣдовало, да и самъ Фойгтъ умеръ лѣтомъ слѣдующаго года.

Вопросъ о своевременности открытія педагогическаго института возникъ, уже независимо отъ общаго вопроса о введеніи въ дѣйствіе устава 1804 года, весною 1812 года, причемъ толчокъ къ возбужденію этого вопроса данъ былъ неудовлетворительностью постановки въ казанской гимназіи преподаванія, съ такою настойчивостью разоблаченною передъ тѣмъ проф. Броннеромъ. Весьма естественно, поэтому, что на Броннера и палъ выборъ въ дѣлѣ замѣщенія должности директора вновь открываемаго университетскаго учрежденія: 28 мая 1812 года состоялось назначеніе его (еще Румовскимъ) директоромъ педагогическаго института казанскаго университета. Предложеніе объ этомъ назначеніи было заслушано въ совѣтѣ лишь 7-го августа, а 27-го Броннеръ былъ приведенъ къ присягѣ по новой должности. Слѣдомъ затѣмъ совѣтомъ отведено было въ главномъ зданіи университета особое помѣщеніе для кандидатовъ,—четыре лицевыя комнаты въ восточной половинѣ главнаго корпуса (впослѣдствіе помѣщеніе это было расширено),—самъ же Броннеръ отказался отъ предложенной ему казенной квартиры, признанной имъ неудобной, и предпочелъ остаться въ своей наемной квартирѣ *. Готовясь къ предстоявшимъ ему отвѣтственнымъ пе-

* Броннеръ квартировалъ наискосокъ тогдашняго университетскаго ботаническаго сада, въ мѣстности, соотвѣтствующей нынѣшнему дворовому участку г. Грахе (по Поперечно-Воскресенской улицѣ).

Интересенъ одинъ изъ мотивовъ, побудившихъ Броннера отказаться отъ предложенной ему казенной квартиры; это—нежеланіе очутиться въ «близкомъ сосѣдствѣ съ г. кавалеромъ», т. е. съ Яковкинымъ: «Я ежедневно слышу жалобы на притѣсненія, которымъ подвергаются профессоры, живущіе въ университетѣ,—писалъ по этому поводу Броннеръ Румовскому.—Печи, окна, полы оставляются безъ необходимыхъ исправленій; неустройство дошло до того, что у профессоровъ Брауна, Ренарда, Эрдмана и др. начинался пожаръ; прислуга подвергается при-

дагогическимъ обязанностямъ, Броннеръ лѣтомъ 1812 года составилъ „Планъ и порядокъ упражненій въ педагогическомъ институтѣ", принятый совѣтомъ и 25-го ноября утвержденный попечителемъ. Первоначальный персоналъ института состоялъ изъ 22-хъ молодыхъ людей—тринадцати магистровъ и девяти кандидатовъ. Памятникомъ дѣятельности института за время директорства Броннера является веденный имъ на латинскомъ языкѣ и сохранившійся до нашихъ дней директорскій журналъ („Protocollum directoris instituti paedagogici",—съ 13-го сентября 1812 года по 9-ое сентября 1817 года). Болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности педагогическаго института казанскаго университета найдутъ себѣ мѣсто въ нашемъ позднѣйшемъ изложеніи [206].

Въ началѣ осени 1812 года въ совѣтѣ казанскаго университета обсуждался весьма существенный вопросъ о нормальномъ распредѣленіи университетскихъ преподаваній. Мы видѣли, что аналогичнаго характера вопросъ возбуждался еще въ началѣ 1810 года, но въ ту пору вопросъ этотъ не только не получилъ сколько нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія, но ни самъ совѣтъ, ни попечитель Румовскій не оказались даже въ состояніи установить принципіальнаго разграниченія между науками приготовительными и дисциплинами, собственно, университетскими,—разграниченія, которое, по условіямъ преподаванія того времени, должно было бы лечь въ основу всей лекціонной системы. Отсутствіе сколько нибудь раціонально и твердо обоснованнаго плана преподаваній находило себѣ еще оправданіе въ самые первые годы существованія университета, когда крайне бѣденъ былъ и преподавательскій персоналъ его, весьма незначительно было и количество слушателей, да и все то преподаваніе носило окраску случайности, не поддаваясь какой бы то ни было системѣ и регламентаціи.

Иначе уже обстояло дѣло въ интересующемъ насъ 1812 году. Личный преподавательскій персоналъ университета въ значительной степени расширился; распространился, въ связи съ этимъ, самый кругъ преподаваній—а, между тѣмъ, это послѣднее все еще носило прежній случайный, почти хаотическій, характеръ, что и представлялось явленіемъ вполнѣ понятнымъ и даже неизбѣжнымъ въ виду все еще продолжающагося отсутствія раздѣленія преподаваній по разрядамъ наукъ или факультетамъ. Вся масса

тѣсненіямъ; квартиру уменьшаютъ или расширяютъ, смотря по личному расположенію; мѣшаютъ отопленію квартиръ, раскалывая полѣна пополамъ и, отпуская уменьшенную такимъ образомъ сажень дровъ, считаютъ полсажени за цѣлую и т. п. Мнѣ кажется, впрочемъ,—добавляетъ Броннеръ,—что и самъ г. кавалеръ избѣгаетъ моего сосѣдства» (письмо № XXIX, отъ 22-го іюля 1812 г.).

университетскихъ чтенiй представляла собою какой то странный и мало понятный конгломератъ курсовъ по самымъ различнымъ отраслямъ знанiй, въ которомъ не въ состоянiи были разобраться ни наблюдающiя власти, ни совѣтъ, ни студенты, ни сами лекторы. Если неудачею окончилась попытка конца 1810 года къ полному открытiю университета на основанiи устава 1804 года и это открытiе могло быть снова отсрочено на неопредѣленное время, то вопросъ о неотложной необходимости раздѣленiя университета на факультеты сталъ съ каждымъ днемъ заявлять себя все съ большею и большею настойчивостью. На сколько жгучею представлялась эта необходимость, усматривается уже изъ того интереснаго факта, что факультеты стали во второй половинѣ 1812 года слагаться, какъ мы это видѣли, сами собою, безъ всякаго административнаго о томъ распоряженiя, въ силу требованiй логической необходимости и естественнаго теченiя вещей.

Необходимость, если не предпринять немедленное учрежденiе факультетовъ, то хотя бы только привести въ систему и порядокъ всю массу университетскихъ преподаванiй, была сознана и покойнымъ попечителемъ Румовскимъ еще въ концѣ 1811 или въ началѣ 1812 годовъ. Румовскiй рѣшился возложить эту задачу на профессора Броннера, передъ тѣмъ въ достаточной степени доказавшаго попечителю свой педагогическiй тактъ въ вопросѣ объ упорядоченiи преподаванiя гимназическаго—и результатомъ работъ Броннера въ этомъ направленiи явился составленный имъ нормальный планъ распредѣленiя университетскихъ преподаванiй, изложенный на латинскомъ языкѣ и носящiй въ подлинникѣ слѣдующее заглавiе: „Studiorum academicorum series et ordo, universitati casanensi accomodatus, a professore Bronner propositus etc.“.

Нормальный планъ Броннера былъ изготовленъ имъ уже къ половинѣ мая 1812 года, но, какъ человѣкъ строго коллегiальный, Броннеръ не рѣшился представить свой трудъ попечителю безъ предварительнаго ознакомленiя съ нимъ товарищей: „Мой трудъ по урегулированiю университетскихъ преподаванiй уже готовъ,—писалъ онъ Румовскому отъ 15-го мая,—но, такъ какъ я не считаю себя вправѣ дать ему ходъ, не выслушавъ мнѣнiй и совѣтовъ спецiалистовъ въ области медицины и правовѣдѣнiя, я буду выжидать необходимыхъ указанiй, съ тѣмъ, что бы представить вамъ свой трудъ въ окончательномъ и практически-примѣнимомъ видѣ“. Броннеръ препроводилъ, тѣмъ не менѣе, попечителю общую схему своихъ работъ, озаглавленную: „De studiis in universitate casanensi in ordinem redigendis“ (т. е. распредѣленiе университетскихъ наукъ по разрядамъ); Ру-

мовскій остался очень доволенъ работою Броннера и писалъ ему, всего за семь дней до своей смерти, что онъ „съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ его замѣчанія" и „пораженъ его терпѣніемъ и аккуратностью".

За кончиною Румовскаго и впредь до назначенія ему преемника, всѣ университетскія дѣла предписано было направлять въ министерство, почему и дальнѣйшія сношенія по вопросу о составленномъ имъ нормальномъ планѣ преподаваній велись Броннеромъ уже непосредственно съ графомъ Разумовскимъ; письма Броннера къ министру и послужатъ намъ, далѣе, основнымъ матеріаломъ.

Представленный въ концѣ лѣта 1812 года, планъ Броннера былъ внесенъ на разсмотрѣніе экстреннаго засѣданія совѣта, который и постановилъ циркулировать его, съ тѣмъ, что бы каждый факультетъ ознакомился съ планомъ и представилъ въ совѣтъ по поводу его свои поправки („que chaque faculté l'examinât et proposât ses amendements au conseil"). Выступаютъ, такимъ образомъ, на сцену, чисто фактическимъ путемъ, факультеты, оффиціальнаго дѣленія на которые въ то время еще не существовало. Письмо Броннера къ гр. Разумовскому отъ 9-го сентября знакомитъ насъ съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Оказывается, что директоръ Яковкинъ проявлялъ къ работѣ Броннера далеко не дружелюбное отношеніе и старался всѣми способами противодѣйствовать ему въ этомъ отношеніи, питая къ нему чувство ненависти (aversion) за его разоблаченія гимназическихъ дѣлъ. „Я присутствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ факультетовъ,—пишетъ Броннеръ министру,—не въ качествѣ члена, но съ тѣмъ, что бы имѣть возможность представлять имъ необходимыя разъясненія. Г. кавалеръ Яковкинъ старался, тѣмъ не менѣе, устранить меня отъ присутствованія, съ этою цѣлью, въ его факультетѣ, заявивъ мнѣ дерзкимъ тономъ, что дѣловыя бумаги должны писаться такимъ образомъ, что бы не требовалось по нимъ никакихъ разъясненій".

Въ началѣ сентября поступили отзывы факультетовъ и для разсмотрѣнія ихъ 9-го сентября снова созвано было экстренное собраніе совѣта. Яковкинъ и на этотъ разъ предпринялъ вылазку противъ автора плана. Но пусть самъ Броннеръ повѣдаетъ намъ о происходившемъ въ этомъ засѣданіи: „Господинъ кавалеръ Яковкинъ,—докладывалъ онъ министру въ письмѣ отъ 9-го сентября,—приложилъ къ моему плану листъ бумаги, на которомъ, въ табличной формѣ, росписаны были часы преподаваній, съ обозначеніемъ именъ лекторовъ—и только. Сегодня онъ заявилъ, что все то, что изложено въ моемъ планѣ, уже давно практикуется въ университетѣ, что мой планъ страдаетъ излишними подробностями и что его

собственное росписаніе представляется вполнѣ достаточнымъ. Весь совѣтъ оказался, однако, совершенно съ нимъ въ этомъ несогласнымъ. Яковкинъ, слѣдуя своему обыкновенію, уже началъ было диктовать секретарю свою собственную редакцію протокола, но всѣ члены совѣта потребовали отъ него голосованія вопроса, чему онъ и долженъ былъ подчиниться". Попытка директора затормозить проэктъ Броннера окончилась полнымъ пораженіемъ: подавляющимъ большинствомъ голосовъ совѣтъ постановилъ поручить Броннеру общую сводку мнѣній факультетовъ и выработку окончательной редакціи проэкта плана преподаваній, что тотъ и обѣщалъ сдѣлать къ слѣдующему собранію, назначенному на 11-ое число. Въ этомъ послѣднемъ собраніи исправленный проэктъ Броннера былъ одобренъ и постановлено „представить оный на благоусмотрѣніе его сіятельства г. министра особымъ рапортомъ".

„Какъ я буду счастливъ,—писалъ Броннеръ гр. Разумовскому (отъ 23-го сентября), препровождая ему приведенный имъ къ окончательной редакціи планъ преподаваній,—если мой трудъ встрѣтитъ себѣ съ вашей стороны одобреніе! Сколько препятствій ставилось его осуществленію! Пауки и летучія мыши обозлились за то, что ихъ потревожили въ мрачныхъ и насиженныхъ гнѣздахъ.... Уже послѣ того, какъ мой исправленный проэктъ принятъ былъ совѣтомъ, г. директоръ Яковкинъ снова началъ настаивать, что бы въ протоколъ было занесено, что въ моемъ планѣ не заключается ничего новаго, раньше не практиковавшагося въ университетѣ; но это притязаніе было встрѣчено всеобщимъ протестомъ".

До насъ дошелъ подлинный бѣловой экземпляръ составленнаго проф. Броннеромъ нормальнаго плана университетскихъ преподаваній, каллиграфическимъ почеркомъ писанный имъ собственноручно.

Въ основѣ плана Броннера положено раздѣленіе всѣхъ предметовъ преподаванія на науки „приготовительныя" (propaedevticas) и „главныя" (principales). Приготовительныя науки дѣлятся на обязательныя (generales— эстетика, риторика и стихосложеніе, латинская филологія, исторія, статистика и географія, философія теоретическая и практическая, элементарная математика, физика теоретическая и опытная и одинъ изъ новыхъ языковъ), рекомендуемыя (ornantes — энциклопедія наукъ, греческій языкъ, второй иностранный языкъ, статистика, политическая экономія, естественная исторія, химія и науки военныя) и спеціальныя (spiciales—по свободному избранію самихъ учащихся); курсъ слушанія приготовительныхъ наукъ положенъ двухгодичный. Главныя науки распредѣлены по четыремъ,

опредѣляемымъ уставомъ, факультетамъ, съ пятилѣтнимъ курсомъ для медицинскаго факультета и съ трехлѣтнимъ курсомъ для остальныхъ. Плану проф. Броннера не было суждено получить практическаго осуществленія во всемъ его объемѣ, такъ какъ, менѣе чѣмъ черезъ два года, совершилось, наконецъ, полное открытіе университета на основаніи устава 1804 года; однако, въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, этотъ планъ принимался въ соображеніе при составленіи обозрѣній преподаваній послѣдующихъ годовъ [207].

Если въ началѣ 1812—1813 академическаго года усиленно обсуждался, какъ мы видѣли, вопросъ о мѣрахъ къ лучшему устройству преподаваній, то, съ другой стороны, развитіе научной дѣятельности университета встрѣтило въ этомъ учебномъ году серьезное препятствіе въ той политикѣ чрезвычайной экономіи даже въ предѣлахъ штатныхъ назначеній, которая явилась неизбѣжной спутницей пережитыхъ и еще переживавшихся Россіею военныхъ осложненій. Эта усиленная политика экономіи распространена была на всѣ, безъ исключенія, вѣдомства,—она не преминула отразиться и на казанскомъ университетѣ. 3-го октября 1812 года послѣдовало предложеніе попечителя учебнаго округа, которымъ рекомендовалась совѣту крайняя осмотрительность въ дѣлѣ распоряженія смѣтными назначеніями, опредѣленными на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, на расходы по осмотру училищъ округа, на расходы канцелярскіе и нѣкоторые другіе. Воспрещалось дѣлать изъ этихъ суммъ, впредь до особаго на то разрѣшенія, какіе бы то ни было новые расходы или увеличеніе уже производящихся, безъ испрошенія, для каждаго отдѣльнаго случая, спеціальнаго дозволенія на то управленія округомъ.

Закончился причинившій столько треволненій русскому обществу памятный 1812 годъ. Провожая его въ вѣчность, члены совѣта казанскаго университета, слѣдуя установившейся еще при прежнемъ попечителѣ традиціи, принесли новому попечителю Салтыкову коллективное поздравленіе, въ самой шаблонной формѣ составленное, на русскомъ языкѣ, профессоромъ Городчаниновымъ. Девятая годовщина дня основанія университета, наступившая 14-го февраля, и въ 1813 году не была публично чествуема: воспоминаніе этого знаменательнаго дня ограничилось всенощною, отслуженною наканунѣ въ зданіи университета, а въ самый день годовщины литургіею въ приходской Воскресенской церкви и молебствіемъ въ большомъ университетскомъ залѣ, на которомъ члены университета были приглашены присутствовать въ полной формѣ [208].

Новый 1813 годъ начался для Яковкина при обстоятельствахъ, которыя не были въ состояніи поддерживать въ немъ слишкомъ радужныя надежды на ближайшее будущее и не могли не вселять въ немъ сознанія въ томъ, что былые дни его могущества—уже сочтены. Блестящая побѣда надъ нимъ Броннера на почвѣ гимназическихъ дѣлъ, неудача его оппозиціонныхъ попытокъ въ вопросѣ о нормальномъ планѣ университетскихъ преподаваній, смерть его покровителя Румовскаго и ожидаемый пріѣздъ новаго попечителя, всеобщая и уже нескрываемая ненависть къ нему въ подавляющемъ большинствѣ совѣта, наконецъ уже несомнѣнность близкаго полнаго открытія университета—все это не могло не дѣйствовать на нравственное состояніе недавняго временщика самымъ угнетающимъ образомъ. Броннеръ прекрасно видѣлъ чувство безсильной злобы, обуревающее его противника, и, характеризуя состояніе директора въ началѣ года, писалъ Фуссу, что „Яковкинъ, все еще удерживаетъ за собою прежнее положеніе, хотя и напоминаетъ собою теперь заключеннаго въ клѣтку тигра (wie ein Tiger in einen Kaefig gesperrt); онъ недавно былъ въ теченіи нѣсколькихъ дней серьезно боленъ, но считаетъ нужнымъ притворяться и до сихъ поръ все еще больнымъ“ [209].

Двойное засѣданіе совѣта 1-го февраля (утреннее и вечернее) послужило новою ареною для ожесточеннаго столкновенія между Яковкинымъ и Броннеромъ.

Ближайшимъ поводомъ къ этому столкновенію послужило дѣло объ увольненіи учителя гимназіи по высшему латинскому классу Равичъ-Русецкаго, создавшееся на почвѣ уже извѣстныхъ намъ, разоблаченныхъ Броннеромъ, гимназическихъ неурядицъ. Галичанинъ по происхожденію, докторъ философіи краковскаго университета, бывшій іезуитъ, принявшій православіе, а затѣмъ преподаватель сухопутнаго шляхетскаго корпуса, Равичъ-Русецкій былъ въ 1810 году приглашенъ попечителемъ Румовскимъ къ занятію въ казанской гимназіи высшаго класса латинскаго языка. Когда Броннеръ, выполняя порученіе покойнаго попечителя, приступилъ къ трудному дѣлу упорядоченія гимназическаго преподаванія (въ исходѣ 1811 года), на Русецкаго пало подозрѣніе Яковкина въ томъ, будто бы онъ сообщалъ Броннеру многія данныя, выставлявшія въ неблагопріятномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ гимназіи. Мстительный директоръ возненавидѣлъ Русецкаго и предпринялъ противъ него рядъ гоненій. Броннеръ писалъ впослѣдствіе Салтыкову, что, не стѣсняясь даже его присутствіемъ въ гимназіи, директоръ неоднократно обращался съ ненавистнымъ ему учителемъ самымъ недостойнымъ образомъ—говорилъ съ нимъ пренебрежительно, грубо, иногда

даже угрожающимъ тономъ (d'une voix terrible); дѣло дошло до того, что осенью 1811 года, лишивъ Русецкаго казенной квартиры и не давъ ему времени подыскать себѣ частную, Яковкинъ приказалъ безъ всякихъ стѣсненій вынести имущество учителя на улицу, гдѣ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ скарбомъ, и провелъ ночь, подъ осеннимъ дождемъ, въ самомъ жалкомъ положеніи (dans l'état le plus misérable), изъ котораго только уже наутро, изъ чувства сострадания, вывелъ его кто то изъ сосѣднихъ обывателей, давъ ему временный пріютъ у себя. „Всякій человѣкъ,—замѣчаетъ по этому поводу Броннеръ,—привыкшій къ порядочному съ нимъ обращенію и потерпѣвшій униженіе безъ надежды возстановить свое поруганное право, вооружается самообладаніемъ и скрываетъ въ глубинѣ своей души, какъ это ему ни тяжело, понесенную имъ обиду: такъ, именно, поступилъ и Русецкій". Лубкинъ, незадолго до того назначенный инспекторомъ гимназіи взамѣнъ адъюнкта Петровскаго, принялъ сторону своего принципала и сталъ усердно помогать ему въ гоненіи на Русецкаго; оба рѣшили, во что бы то ни стало, совершенно отдѣлаться отъ ненавистнаго учителя.

Въ маѣ 1812 года, согласно предписанію попечителя, совѣтская коммиссія произвела испытаніе всѣмъ гимназическимъ преподавателямъ латинскаго языка, изъ которыхъ единственнымъ удовлетворительнымъ оказался Русецкій, почему только онъ и удержалъ за собою учительское мѣсто—всѣ остальные были уволены. Между тѣмъ Лубкинъ не упускалъ случая выставлять Русецкаго учителемъ неспособнымъ и бездарнымъ и нѣсколько разъ, но неудачно, обращался въ совѣтъ съ предложеніемъ объ его устраненіи. Въ концѣ концовъ интрига достигла, тѣмъ не менѣе, своей цѣли: воспользовавшись случайнымъ и благопріятнымъ для нихъ составомъ одного изъ совѣтскихъ засѣданій, Яковкинъ и Лубкинъ провели свое предложеніе объ увольненіи Русецкаго и въ концѣ января 1813 года получено было предписаніе попечителя объ его увольненіи; это предписаніе произвело крайне тяжелое впечатлѣніе на не участвовавшихъ въ этомъ постановленіи членовъ совѣта. Моментъ какъ разъ совпалъ съ днемъ похоронъ профессора Сторля († 27-го января), происходившихъ 31-го января.—„Завтра у насъ будутъ происходить новыя похороны"—сказалъ одинъ изъ членовъ совѣта, не участвовавшихъ въ осужденіи Русецкаго, слѣдуя за гробомъ умершаго товарища.—„Чьи же?"—спрашивали его окружающіе.—„Русецкій духовно умеръ, и вы—его убійцы!"—не стѣсняясь отвѣтилъ тотъ.

День „похоронъ" уволеннаго учителя наступилъ—то было 1-ое февраля, когда въ утреннемъ засѣданіи совѣта докладывалось дѣло объ уволь-

ненiи Русецкаго. Возмущенный прошедшею передъ его глазами интригою, честный Броннеръ рѣшилъ принять на себя рыцарскую защиту злополучнаго учителя и явился въ совѣтъ съ заготовленнымъ отдѣльнымъ мнѣнiемъ въ карманѣ, которое и было предъявлено имъ къ прочтенiю. Яковкинъ вышелъ изъ себя и, вскочивъ съ кресла, закричалъ:—„Это отдѣльное мнѣнiе составлено до засѣданiя, это беззаконiе, я категорически протестую и не допущу его прочтенiя!“ Большая часть членовъ совѣта приняла сторону Броннера, но Яковкинъ упорно стоялъ на своемъ. Потребовали предъявленiя закона, воспрещающаго чтенiе заранѣе написаннаго отдѣльнаго мнѣнiя, или же разрѣшенiя возникшаго конфликта голосованiемъ. Секретарь совѣта баронъ Врангель бросился въ канцелярiю искать такой законъ—его не оказалось. Пришлось прибѣгнуть къ голосованiю и совѣтъ единодушно (за исключенiемъ Яковкина и его зятя Врангеля) высказался за прочтенiе отдѣльнаго мнѣнiя. „Мнѣ пришлось прочитать кое что довольно шокирующаго характера (quelques choses choquantes),—писалъ по этому поводу Броннеръ попечителю;—но эти господа, изъ которыхъ одни губили несчастнаго человѣка изъ чувства ненависти, другiе по слабости своей, казались мнѣ достойными того, что бы ихъ образъ дѣйствiй былъ оцѣненъ по достоинству (dignes d'être taxés selon la vérité)“. Мы не могли, къ сожалѣнiю, отыскать подлиннаго мнѣнiя Броннера, но надо думать, что оно было, и на самомъ дѣлѣ, не изъ мягкихъ, такъ какъ въ протоколѣ этого засѣданiя значится, что „г. профессоръ баронъ Врангель и адъюнкты Лубкинъ и Кондыревъ, объявляя, что они въ ономъ (т. е. мнѣнiи) много для себя находятъ несправедливаго и обиднаго, просили, что бы имъ выданы были списки съ сего мнѣнiя“. Интересна оговорка, сдѣланная Броннеромъ подъ этимъ протоколомъ: „Ксаверъ Броннеръ (по русски) nesciens, quid protocollo insertum sit, cum linguae rossicae nondum satis gnarum se fateatur, simpliciter subscribit“ (т. е.—„Ксаверiй Броннеръ, по недостаточному знакомству съ русскимъ языкомъ не зная, что написано въ этомъ протоколѣ, просто подписываетъ его“). А постановленiе совѣта по этому дѣлу было слѣдующее: оставить Русецкаго въ отправленiи должности до прiисканiя имъ другаго мѣста (Яковкинъ и его присные требовали немедленнаго устраненiя Русецкаго) и просить г. попечителя „обратить вниманiе на его бѣдное состоянiе, ежели не успѣетъ прiискать себѣ мѣста“.

Пораженiе, понесенное Яковкинымъ въ этомъ утреннемъ засѣданiи совѣта, породило въ немъ острое чувство раздраженiя противъ Броннера, которое и не преминуло найти себѣ выходъ во второмъ засѣданiи, происходившемъ вечеромъ того же дня. На этотъ разъ обсужденiю совѣта

подлежалъ вопросъ объ измѣненіяхъ въ планѣ и въ распредѣленіи преподаваній и учебнаго времени въ казанской гимназіи. Яковкинъ требовалъ, что бы вопросъ былъ немедленно разсмотрѣнъ совѣтомъ, большинство же членовъ, считая его слишкомъ сложнымъ и серьезнымъ, настаивало на образованіи, съ цѣлью всесторонняго обсужденія этого вопроса, особой коммиссіи. Возникли на почвѣ такого разногласія горячіе дебаты, въ разгарѣ которыхъ Яковкинъ сталъ дерзко ставить на видъ, что „гимназія всецѣло ввѣрена ему и Лубкину, что они не допустятъ никакого сторонняго вмѣшательства въ гимназическія дѣла, что планъ распредѣленія преподаваній составленъ имъ и Лубкинымъ и вовсе не нуждается въ одобреніи совѣта", присовокупляя къ этому и другія „нелѣпости" (extravagances). За этою директорскою выходкою произошла трагикомическая сцена, слѣдующимъ образомъ описанная самимъ Броннеромъ въ письмѣ къ попечителю:

„Я спросилъ тогда:

— Если это такъ, то для чего же г. Лубкинъ представилъ свой планъ въ совѣтъ? *

Раздраженный этимъ вопросомъ, г. директоръ минуту помолчалъ, а затѣмъ обратился ко мнѣ съ русскою рѣчью, видимо издѣваясь въ ней надо мною. Говорилъ онъ довольно долго, пока я не замѣтилъ ему:

— Вы ставите себя въ положеніе говорящаго съ глухимъ, такъ какъ я не понимаю вашихъ словъ и удивляюсь, ради чего вы напрасно себя утруждаете!

Онъ продолжалъ свои издѣвательства въ тонѣ все возростающаго раздраженія, утверждая, что я прекрасно понимаю его. Я, дѣйствительно, понималъ отдѣльныя фразы его рѣчи, но общій смыслъ ея былъ мнѣ недоступенъ. Впрочемъ, этотъ общій смыслъ въ достаточной степени иллюстрировался жестами и всѣмъ тономъ его рѣчи....

Я, въ концѣ концовъ, не выдержалъ:

— Вы явно издѣваетесь надо мною, г. директоръ. Я прекрасно вижу, что вы хотите заставить меня потерять самообладаніе. Впрочемъ, вы лишь сами себя выставляете передъ всѣми въ комическомъ свѣтѣ и я—первый смѣюсь надъ вами и надъ вашими тщетными усиліями!

Замолчавъ на нѣсколько мгновеній, директоръ снова принялся за свои недостойныя выходки. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта предприняли было попытку выяснить ему неприличіе его поведенія, но онъ, никого и ничего не слушая, возобновилъ свои издѣвательства—все на томъ же русскомъ языкѣ.

Видя, что онъ держитъ себя, точно пьяный, я всталъ съ своего мѣста и обратился къ членамъ совѣта съ слѣдующими словами:

---

* Всѣ реплики Броннера дѣлались имъ на латинскомъ языкѣ.

— Вы видите, уважаемые товарищи, какъ злоупотребляетъ г. директоръ моимъ терпѣніемъ, заставляя выслушивать его издѣвательства. Онъ положительно шутуется надо мною. Все, что онъ высказываетъ—сплошное шутовство и балогурство (raillerie et badinage). Онъ забываетъ то мѣсто, въ которомъ находится, и держитъ себя, какъ въ кабакѣ..... Прошу васъ напомнить ему о чувствѣ приличія и о достоинствѣ нашей коллегіи!

Эти слова, а также обращенныя къ нему со стороны большей части членовъ совѣта увѣщанія, заставили его, наконецъ, бросить свои недостойныя выходки".

И это засѣданіе совѣта привело къ новому пораженію Яковкина: совѣтъ настоялъ на сформированіи коммиссіи для обсужденія представленнаго плана гимназическихъ преподаваній.

Подробно изложивъ Салтыкову всѣ обстоятельства обоихъ засѣданій совѣта 1-го февраля и оговорившись въ томъ, что его разсказъ не долженъ быть принимаемъ попечителемъ ни за жалобу, ни за самооправданіе, Броннеръ обращается къ Салтыкову съ слѣдующими заключительными словами:

„Ваше превосходительство изволите сами заключить изъ всего разсказаннаго мною, что истиннымъ подвигомъ самопожертвованія является присутствованіе въ совѣтѣ, гдѣ несешь рискъ подвергнуться такому недостойному обращенію..... Я вполнѣ удовлетворенъ, впрочемъ, сочувственнымъ отношеніемъ ко мнѣ всѣхъ честныхъ членовъ нашего совѣта и никакого другого удовлетворенія не ищу. Объ одномъ только рѣшаюсь молить ваше превосходительство: не отдавайте бѣднаго Русецкаго въ жертву безисходной нуждѣ, дайте ему какое нибудь мѣсто прежде, нежели будетъ онъ изгнанъ съ настоящей своей должности! Преподаваніе латыни—единственное дѣло, которымъ можетъ онъ поддерживать свое существованіе, и другихъ способовъ къ тому у него не имѣется".

Это письмо Броннера къ Салтыкову, писанное на третій день послѣ вызвавшаго его совѣтскаго засѣданія, было третьимъ и послѣднимъ передъ пріѣздомъ попечителя въ Казань [210].

Предположенный пріѣздъ въ Казань попечителя Салтыкова отсрочился на цѣлый мѣсяцъ. Расположивъ прибыть сюда въ началѣ февраля, о чемъ совѣтъ университета и былъ оффиціально увѣдомленъ еще въ январѣ мѣсяцѣ, Салтыковъ пріѣхалъ въ Казань лишь 4-го марта 1813 года.

Попечитель прибылъ въ Казань съ семьею, поднявшись изъ Петербурга всѣмъ домомъ; мы уже знаемъ изъ письма его къ Броннеру, что Салтыковъ располагалъ поселиться здѣсь не на одинъ годъ („à Kazan je

compte m'établir pour nombre d'années"—писалъ онъ). Для жительства попечителя былъ приготовленъ университетскій, такъ называемый „спижарный", домъ. Яковкинъ еще въ декабрѣ мѣсяцѣ препроводилъ попечителю планъ отводимыхъ подъ его помѣщеніе верхняго и нижняго этажей этого дома и отписывалъ ему, что „всѣ назначенные на планѣ покои изготовлены, повозможности прибраны и черезъ день протапливаются". Съ Салтыковымъ пріѣхалъ въ Казань и новый правитель канцеляріи попечителя, Гёрке, замѣнившій собою прежняго правителя Соколова; слѣдовательно, и съ этой, чисто канцелярской, стороны Яковкину приходилось имѣть дѣло съ совершенно новымъ ему человѣкомъ, чуждымъ воспоминаній и традицій прежняго попечительства *.

Пріѣздъ въ Казань на жительство новаго попечителя являлся для мѣстныхъ учебныхъ сферъ событіемъ первостепенныхъ важности и значенія. Не говоря уже о томъ, что это былъ первый за послѣдніе восемь лѣтъ случай посѣщенія Казани попечителемъ округа (мы знаемъ, что Румовскій, послѣ непродолжительнаго пребыванія здѣсь въ началѣ 1805 года, для открытія университета, ни разу уже не навѣдывался въ Казань), личное пребываніе въ Казани Салтыкова должно было оказать рѣшительное вліяніе на все теченіе мѣстной учебной жизни: попечитель получалъ возможность лично знакомиться съ лицами, отношеніями и текущими дѣлами, все видѣть собственными глазами и всѣмъ руководить на мѣстѣ, не прибѣгая въ этомъ отношеніи къ посредничеству облеченныхъ спеціальнымъ довѣріемъ агентовъ, какимъ выступалъ директоръ Яковкинъ при старомъ попечителѣ; устранялась и система тайныхъ, заглазныхъ, инсинуацій и извѣтовъ, получившая такое широкое и вредное примѣненіе въ попечительство Румовскаго.

Далеко не съ одинаковыми чувствами привѣтствовали представители казанскаго учебнаго міра пріѣздъ въ Казань Салтыкова. Если оппозицион-

* Нѣкоторыя свѣдѣнія о новомъ правителѣ канцеляріи попечителя,—чиновникѣ, пользовавшемся, при канцелярскомъ режимѣ того времени, весьма крупнымъ значеніемъ,—оставилъ намъ проф. Броннеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ академику Фуссу. По словамъ Броннера, Гёрке былъ человѣкомъ весьма образованнымъ, прекрасно владѣвшимъ нѣсколькими иностранными языками, съ свѣтскимъ лоскомъ и импонировавшею непринужденностью въ обращеніи. До нашествія французовъ онъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ пользовался прекраснымъ достаткомъ, доставляемымъ ему свободною педагогическою профессіею. Пожаръ столицы окончательно разорилъ Гёрке, заставивъ его принять непривычную для него и кропотливую должность правителя канцеляріи попечителя казанскаго учебнаго округа, оплачиваемую въ то время жалованьемъ всего въ 800 рублей. Гёрке пользовался у Салтыкова большимъ довѣріемъ и значительнымъ кругомъ самостоятельности въ вѣданіи текущихъ дѣлъ. Броннеръ отзывается о новомъ правителѣ канцеляріи съ весьма, вообще, выгодной стороны (см. письмо его къ Фуссу отъ 29-го апрѣля 1813 г., № IX).

ные члены университетскаго совѣта, съ Броннеромъ и Брауномъ въ ихъ рядахъ, возлагали на этотъ фактъ серьезныя упованія, разсчитывая на предстоящее ограниченіе самовластія ненавистнаго директора, то Яковкинъ и его присные, съ Врангелемъ, Кондыревымъ и Лубкинымъ во главѣ, въ переселеніи попечителя въ Казань не находили для себя никакихъ добрыхъ предзнаменованій. Особенно плохо чувствовалъ себя самъ Яковкинъ, сознававшій, что уже со второй половины 1811 года престижъ его власти сталъ быстро спускаться по наклонной плоскости и что пріѣздъ въ Казань Салтыкова придастъ новую смѣлость и новыя силы совѣтской оппозиціи, ускоривъ роковой и уже недалекій часъ его окончательнаго паденія. Чувство тяжелаго опасенія за ближайшее будущее удручало директора еще въ маѣ 1812 года; онъ какъ бы предчувствовалъ скорую кончину своего благодѣтеля и покровителя Румовскаго, съ которымъ терялъ—все: „Безпокойства уже измучили и убили духъ мой!“—съ чувствомъ безнадежнаго отчаянія восклицаетъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ (отъ 7-го мая) писемъ своихъ къ покойному попечителю. Если въ первое время по принятіи новой должности Салтыковъ еще могъ заблуждаться относительно личности Яковкина и вѣрилъ въ возможность найти въ немъ опытнаго и добраго „сотрудника“, то, пріѣзжая въ Казань, новый попечитель уже прекрасно зналъ, съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло: постарался въ этомъ направленіи Броннеръ непосредственно передъ попечителемъ; посодѣйствовалъ ему въ Петербургѣ, въ томъ же отношеніи, и академикъ Фуссъ, союзомъ съ которымъ Броннеръ такъ своевременно успѣлъ заручиться. Позднѣе, уже въ маѣ 1816 года, Салтыковъ вспоминалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Броннеру о тѣхъ намѣреніяхъ, съ которыми прибылъ онъ въ первый разъ въ Казань и о томъ взглядѣ, какой уже въ то время успѣлъ онъ усвоить себѣ по отношенію къ Яковкину:

> „До момента полнаго открытія университета неограниченная власть, отданная, на основѣ полномочнаго довѣрія, въ грязныя руки (confiée a des mains impures), деспотически распоряжалась надъ людьми, лишенными свободы слова и дѣйствія или, по меньшей мѣрѣ, не имѣвшими смѣлости проявлять ихъ. Мои первыя дѣйствія направлены были къ тому, что бы устранить это зло и дать университету управленіе, согласное съ закономъ. Скоро, однако же, пришлось мнѣ убѣдиться, что зло было устранено мною лишь формально: ошибка моя заключалась въ томъ, что, отстранивъ деспота (en écartant le despote), я не разогналъ интригановъ. Вынужденное безмолвіе людей честныхъ и скромныхъ продолжалось,—безмолвіе, приносившее такія же вредныя послѣдствія, какія приносили и крики людей злонамѣренныхъ; сколько

фактовъ могъ бы я привести въ подтвержденіе этихъ словъ, если бы вздумалъ прослѣдить всю дѣятельность совѣта! Зависть, дерзость, подлость (la lâcheté), вражда, пристрастность—давали себя чувствовать въ каждомъ засѣданіи... Какой выводъ могъ быть сдѣланъ изъ подобнаго положенія вещей? Конечно только тотъ, что всѣ трепетали передъ желѣзною властью такого ничтожнаго человѣка какъ Яковкинъ (qu'on tremblait devant le sceptre de fer d'un misérable, comme Jakowkin), безнаказанно противодѣйствовать самовластію котораго никто не оказывался въ состояніи" [211].

Февраль мѣсяцъ,—мѣсяцъ ожиданія близкаго прибытія Салтыкова,—былъ временемъ чрезвычайнаго оживленія и возбужденія въ университетскомъ мірѣ. Обѣ университетскія партіи, нѣмецкая—съ Броннеромъ и Брауномъ во главѣ, русская—съ Яковкинымъ въ качествѣ диктатора, дѣятельно исполчались къ моменту пріѣзда попечителя. „Февраль былъ для меня тяжелымъ мѣсяцемъ,—писалъ Броннеръ Фуссу,—такъ какъ я ясно видѣлъ, что составляется нѣчто въ родѣ заговора противъ насъ, нѣмцевъ, вообще, и, въ особенности, лично противъ меня; оставалось только терпѣливо выжидать дальнѣйшихъ событій, не теряя бдительнаго присутствія духа". Не покойнымъ чувствовалъ себя и вождь противной партіи, самъ директоръ Яковкинъ, по выраженію Броннера напоминавшій въ это время заключеннаго въ клѣтку хищнаго тигра.

4-го марта Салтыковъ прибылъ съ своею семьею въ Казань и остановился въ приготовленномъ для него въ университетѣ помѣщеніи. По свидѣтельству Броннера, Яковкинъ принялъ заблаговременно всѣ мѣры къ тому, что бы пріѣздъ попечителя и первое устройство его семьи въ предназначенной квартирѣ были обставлены проявленіями почтительной заботливости со стороны его клевретовъ (von seinen Creaturen) Кондырева и Лубкина, на которыхъ были возложены имъ всѣ хлопоты въ этомъ отношеніи, „что не мало смутило насъ, бѣдныхъ нѣмцевъ"—выразился по этому поводу Броннеръ. Можно думать, что первое знакомство его съ попечителемъ нѣсколько пріободрило директора, который легко могъ принять свѣтскую обходительность новаго начальника за прямое выраженіе благосклонности къ нему. По крайней мѣрѣ въ засѣданіи совѣта 5-го марта, происходившемъ на слѣдующій послѣ пріѣзда попечителя день, Яковкинъ держалъ себя, по словамъ Броннера, наглѣе, нежели когда либо (frecher, als jemals), позволивъ себѣ грубое обращеніе съ почтеннымъ Эрдманомъ *.

---

* Мы не нашли указанія на данный фактъ въ подлинномъ протоколѣ этого засѣданія. Въ немъ слушался докладъ совѣтской коммиссіи, образованной вслѣдствіе постановленія

6-го марта Яковкинъ представилъ попечителю всѣхъ членовъ университета, причемъ, по словамъ Броннера, Салтыковъ отнесся ко всѣмъ представляемымъ съ самою изысканною вѣжливостью (mit edelster Artigkeit), удостоивъ особаго вниманія профессоровъ Броннера, Брауна и Эрдмана. Броннеръ былъ представленъ и супругѣ попечителя, которая оказалась женщиною весьма образованною; не упустилъ при этомъ Броннеръ случая замолвить передъ попечителемъ словечко и за своего протеже—бѣднаго учителя Русецкаго. Пріемъ Салтыкова произвелъ на Броннера самое благопріятное впечатлѣніе и онъ, въ письмѣ къ Фуссу, съ признательностью приписывалъ свой первый успѣхъ у попечителя тѣмъ предварительнымъ рекомендаціямъ, которыя были даны объ немъ Салтыкову нѣмецкимъ академикомъ. Ближайшіе по пріѣздѣ своемъ дни Салтыковъ посвятилъ осмотру подвѣдомственныхъ ему учрежденій и посѣщенію университетскихъ лекцій и гимназическихъ классовъ, всюду сопровождаемый правителемъ своей канцеляріи Гёрке.

Между тѣмъ Яковкинъ и его клика не сидѣли сложа руки и дѣятельно интриговали въ свою пользу. Какъ самъ директоръ, такъ и Лубкинъ, усердно наушничали передъ Салтыковымъ (lagen ihm täglich in den Ohren), стараясь возстановить его, главнымъ образомъ, противъ Броннера: „Но все было тщетно,—замѣчаетъ послѣдній, — такъ какъ попечитель сразу разобрался въ руководившихъ ими побужденіяхъ“. Другой клевретъ Яковкина, Кондыревъ, успѣлъ, тѣмъ временемъ, втереться въ дружбу правителя канцеляріи Гёрке и повелъ интригу съ этого фронта. Борьба страстей,—а со стороны директора и борьба за самое существованіе,—была въ полномъ разгарѣ: „Насколько благородны, благожелательны и чисты помыслы самого попечителя,—писалъ Броннеръ Фуссу,—настолько же нечисты побужденія интригановъ, старающихся привлечь его на свою сторону.... Я серьезно опасаюсь,—продолжаетъ онъ,—что такіе неблагожелательные господа, какъ Яковкинъ и Лубкинъ, не остановятся ни передъ чѣмъ, даже передъ рискованнымъ начинаніемъ, что бы только затормозить благія намѣренія попечителя“.

совѣта отъ 1-го февраля для выработки плана гимназическихъ преподаваній и весьма возможно, что именно на этой щекотливой почвѣ возникли въ засѣданія 5-го марта недоразумѣнія, на которыя намекаетъ Броннеръ. Въ томъ же засѣданіи поднятъ былъ, впрочемъ, и одинъ вопросъ, непосредственно касавшійся проф. Эрдмана. Эрдманъ заявилъ совѣту, что изъ его казенной квартиры отобраны принадлежащія университету зеркала, въ чемъ онъ требовалъ выдачи ему росписки; Яковкинъ пояснилъ, при этомъ, что эти зеркала взяты для помѣщенія, отведеннаго попечителю. Столкновеніе Яковкина съ Эрдманомъ легко могло возникнуть, конечно, и на этой почвѣ.

Броннеру былъ хорошо знакомъ нравственный обликъ его противниковъ. Его опасеніе, что эти люди не остановятся ни передъ чѣмъ, даже передъ безусловно „рискованными" начинаніями—не было простою фразою. Броннеръ пишетъ въ томъ же письмѣ къ Фуссу, что, по слухамъ, идущимъ отъ самого Гёрке, Яковкинъ подсылалъ къ правителю канцеляріи попечителя своихъ агентовъ, съ предложеніемъ ему взятки (Geschenke), которую тотъ отвергъ; Броннеръ допускаетъ возможность, что подобнаго же рода предложенія направлены были къ правителю канцеляріи и съ другихъ сторонъ [212].

Опасенія честнаго нѣмецкаго профессора оказались преувеличенными: Салтыковъ сразу разобрался въ университетскихъ отношеніяхъ и, не колеблясь, принялъ сторону совѣтскаго, оппозиціоннаго по отношенію къ Яковкину, большинства, что и не замедлило подтвердиться уже событіями ближайшаго будущаго.

2-го апрѣля Салтыковъ присутствовалъ въ засѣданіи совѣта, о чемъ и было постановлено занести въ протоколъ этого засѣданія; по нѣкоторымъ слушавшимся дѣламъ, которыя должны были идти къ докладу ихъ попечителю, онъ тутъ же, въ совѣтѣ, постановилъ свои резолюціи. Попечитель обратилъ вниманіе на неудобство, проистекающее отъ непониманія многими иностранными членами совѣта русскаго текста докладываемыхъ дѣлъ и далъ словесное предписаніе, „что бы къ подаваемымъ въ совѣтъ представленіямъ на россійскомъ языкѣ было бы присовокупляемо содержаніе оныхъ, вкратцѣ, на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ"; этимъ до извѣстной степени, осуществлялось пожеланіе, относительно котораго совѣтъ такъ неуспѣшно ходатайствовалъ въ свое время передъ попечителемъ Румовскимъ [213].

Первое время своего пребыванія въ Казани Салтыковъ посвятилъ дѣятельному ознакомленію съ состояніемъ ввѣренныхъ его попеченію учебныхъ заведеній и съ порядкомъ управленія ими. Выводы, къ которымъ пришелъ онъ на этой почвѣ, въ особенности же по отношенію къ университету, оказались далеко не утѣшительными: всюду бросались ему въ глаза неустройство, грязь, безпорядокъ, отсутствіе сколько нибудь внимательнаго надзора и хозяйства. Попечитель не преминулъ приписать всѣ эти нестроенія директору Яковкину. А тутъ, какъ нарочно, приключилось еще несчастіе: 23-го апрѣля въ зданіяхъ университета вспыхнулъ пожаръ, подробности котораго обстоятельно изложены въ одномъ изъ писемъ Броннера къ Фуссу. Загорѣлось въ такъ называемомъ „типографскомъ" домѣ, расположенномъ противъ главнаго зданія университета (на участкѣ ны-

нѣшняго зданія старой клиники); огонь показался въ полѣнницѣ дровъ, сложенной въ чуланѣ, примыкавшемъ ко входу въ квартиру Городчанинова, по одной версіи—отъ неосторожнаго нагрѣванія самовара, по другой версіи—отъ выброшенной изъ квартиры золы съ еще тлѣвшими углями. Какъ бы то ни было, но огонь быстро охватилъ все двухэтажное зданіе, которое и обгорѣло. Явившіеся на пожаръ попечитель, профессоры и студенты тщетно старались прекратить распространеніе огня; оставалось озаботиться спасеніемъ имущества типографіи и обитателей дома. Пожаръ обнаружилъ совершенное отсутствіе предохранительныхъ отъ огня мѣръ: не оказалось подъ руками ни воды, ни даже лѣстницы на крышу, не говоря уже о болѣе радикальныхъ противопожарныхъ средствахъ; въ отвратительномъ состояніи оказалась и подоспѣвшая къ мѣсту несчастія городская пожарная команда.

Катастрофа 23-го апрѣля послужила попечителю поводомъ къ первому открытому изъявленію имъ своего неудовольствія Яковкинымъ, выраженному въ слѣдующемъ предложеніи совѣту отъ 30-го того же мѣсяца:

„По кратковременному пребыванію въ Казани и многоразличнымъ занятіямъ по дѣламъ университетскимъ, не могъ я еще заняться разсмотрѣніемъ внутренняго распоряженія до пожарной части относящагося. Я полагалъ, однакоже, что управляющій вмѣсто ректора (Яковкинъ) не упускалъ изъ виду, что бы исполняемо было все то, что по сей части до законнаго благоустройства относится *; нынѣ же нахожу и по сей части крайнее упущеніе, такъ что, исключая причины, пожаръ произведшей 23-го числа сего мѣсяца, усиліе и распространеніе онаго приписать должно нерадѣнію довѣренныхъ и управляющихъ чиновниковъ, ибо, вопреки узаконенія, не было воды ни на крышѣ (деревянной), ни на подволокѣ, ни даже вблизи дома, коею бы въ началѣ очень легко огонь потушить можно было.... Предлагаю совѣту подтвердить всѣмъ живущимъ въ казенныхъ домахъ, чтобы неусыпно смотрѣли за огнемъ и, въ случаѣ какой либо неосторожности, доносили конторѣ. Равно предлагаю предписать конторѣ, чтобы приняла дѣятельнѣйшія мѣры для отвращенія упущеній и впредь строжайшимъ образомъ исполняла свои обязанности".

Это попечительское предложеніе, заслушанное въ засѣданіи совѣта 30-го апрѣля (Яковкинъ въ немъ не присутствовалъ „по болѣзни)", явля-

* Насколько опасными въ пожарномъ отношеніи представлялись всѣ университетскія зданія, вообще, видно изъ письма Броннера къ Румовскому отъ 22-го іюля 1812 года (№ XXIX) въ которомъ заявляется, что, благодаря неряшливому содержанію ихъ, пожары уже не разъ начинались въ казенныхъ квартирахъ профессоровъ Брауна, Реннера, Эрдмана и др.

лось для директора первымъ и весьма чувствительнымъ уколомъ, нанесеннымъ ему новымъ попечителемъ. Еще болѣе обиднымъ должно было показаться ему постановленіе совѣта, которымъ признавалось полезнымъ учредить особый комитетъ (изъ членовъ совѣта Реннера, Броннера, Брейтенбаха и Ренарда) для наблюденія за университетскими зданіями въ противопожарномъ отношеніи: еще въ очень недавнемъ прошломъ Яковкинъ не преминулъ бы усмотрѣть въ этомъ постановленіи „духъ любоначалія" и покушеніе на прерогативы его неограниченной власти [214].

Ближайшіе дни готовили директору еще большее огорченіе. Осматривая зданія университета и гимназіи, Салтыковъ былъ пораженъ крайнею неудовлетворительностью ихъ состоянія; это было извѣстно Броннеру, который писалъ Фуссу, что попечитель остался крайне недоволенъ „невѣроятно плохимъ положеніемъ всѣхъ учрежденій, грязью, которую нашелъ повсюду, и запущенностью строеній". 7-го мая въ совѣтъ университета поступило слѣдующее новое предложеніе попечителя: „Я нахожу нужнымъ имѣть свѣдѣнія, въ какомъ состояніи находятся строенія университетскія и гимназическія, и чтобы получить полное и подробное свѣдѣніе о прочныхъ и ветхихъ частяхъ каждаго оныхъ дома порознь по наружности, равно какъ и по внутренности, то предлагаю для сего совѣту назначить комитетъ изъ г.г. Брауна, Броннера, Арнгольдта, Петровскаго и Никольскаго и поручить имъ исполненіе требованій моихъ во всѣхъ сихъ отношеніяхъ".

Въ происходившемъ въ тотъ же день засѣданіи совѣта (Яковкинъ снова не присутствовалъ въ немъ) предложенный попечителемъ комитетъ былъ сформированъ, подъ названіемъ „комитета для освидѣтельствованія университетскихъ и гимназическихъ строеній", и съ 20-го того же мѣсяца приступилъ къ выполненію возложенныхъ на него обязанностей. Образованіе этого комитета было горькимъ ударомъ для самолюбія директора; не взирая на тактъ Салтыкова, который ввелъ въ составъ его и двухъ представителей русской партіи совѣта, Яковкинъ во главѣ этого комитета увидѣлъ двухъ своихъ непримиримыхъ враговъ,—Брауна и Броннера (скоро увидимъ мы, что такимъ же врагомъ его былъ и Арнгольдтъ), — въ руки которыхъ отдавалась провѣрка предшествовавшей хозяйственной дѣятельности его, недавно еще самоувѣреннаго и властнаго вершителя университетскихъ судебъ. Въ качествѣ спеціалиста, къ участію въ занятіяхъ комитета приглашенъ былъ попечителемъ архитекторъ Мари *.

* Впослѣдствіе, въ 1818—1819 годахъ, былъ архитекторомъ университета.

Комитетъ приступилъ къ осмотру всѣхъ университетскихъ и гимназическихъ зданій съ 20-го мая и продолжалъ его ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, до 24-го іюня, причемъ адъюнктъ Никольскій, избранный секретаремъ комитета, велъ поденный протоколъ его дѣйствій. 29-го сентября члены комитета прослушали окончательную редакцію протоколовъ осмотра (съ приложеніемъ къ нимъ плановъ и графическихъ таблицъ); 10-го октября бѣловой протоколъ былъ подписанъ и препровожденъ попечителю, чѣмъ занятія комитета и закончились. Покойный Н. Н. Буличъ впалъ въ крупное заблужденіе, утверждая („Изъ прошлыхъ лѣтъ и пр.", II, стр. 686), будто бы до насъ не сохранилось слѣдовъ дѣятельности этого комитета и высказывая предположеніе, что предписаніе попечителя такъ и осталось невыполненнымъ. Въ архивѣ университета сохранилось, напротивъ, цѣлое дѣло о дѣйствіяхъ этого комитета; съ подлинными протоколами произведенныхъ имъ осмотровъ — въ высшей степени, замѣтимъ кстати, обстоятельныхъ и подробныхъ и дающихъ интересный матеріалъ для возстановленія общей картины состоянія университетскихъ и гимназическихъ зданій въ интересующую насъ эпоху, далеко не свидѣтельствующей, однако, въ пользу хозяйственной распорядительности Яковкина.

Просматривая протоколы произведенныхъ комитетомъ осмотровъ, мы невольно поражаемся тѣмъ невозможнымъ состояніемъ, въ какомъ находились подвѣдомственныя университету зданія. Получается впечатлѣніе какого то общаго разгрома, произведеннаго не то пожаромъ, не то непріятельскимъ нашествіемъ, и мы должны положительно отказаться отъ мысли представить хотя бы приблизительную картину всѣхъ тѣхъ безобразій, которыя были констатированы назначеннымъ попечителемъ комитетомъ. Сквозныя трещины въ стѣнахъ, обвалившаяся штукатурка, протекающіе потолки, разошедшіеся полы, не держащія тепла печи безъ заслонокъ и вьюшекъ, гнилыя рамы безъ задвижекъ, двери безъ ручекъ и замковъ, всюду грязь и мерзость запустѣнія—таковы заключенія, къ которымъ привели дѣйствія комитета.

Вотъ, для образца, описаніе внѣшняго вида главнаго университетскаго дома (зданіе старой гимназіи, т. е. нынѣшняя восточная половина главнаго университетскаго корпуса):

„Съ юго-западной стороны штукатурка худая, обвалившаяся, особливо на юго-западномъ углу и подъ окошками. Западная стѣна и южная, начавъ съ юго-западнаго угла, почти до половины дома нѣсколько выпятилась противъ бель-этажа; въ стѣнѣ большія трещины,

особливо въ бель-этажѣ. На лѣвой сторонѣ, при входѣ на парадное крыльцо съ надворной стороны, стѣна испорчена мочею. Соколы (цоколи) и базы колоннъ сего крыльца повреждены и штукатурка на фронтонѣ и подъ балкономъ упала. Съ уличной стороны въ соколахъ и подъ окошками штукатурка обвалилась, оба угла при парадномъ крыльцѣ (оно находилось по срединѣ уличнаго фасада зданія), гдѣ съ крыши проведены желѣзныя трубы для стока воды, отъ течи повреждены; подъ трубами штукатурка грозитъ паденіемъ и, отчасти, уже обвалилась. Въ стѣнахъ, въ бель-этажѣ, находятся большія трещины... Въ срединѣ, къ сѣверо-западной сторонѣ, въ среднемъ этажѣ стѣна значительно выпятилась и т. п."

А вотъ описаніе внѣшности „тенишевскаго" дома:

„По осмотрѣніи сего дома съ наружной стороны со всѣхъ четырехъ сторонъ въ фасадахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся поврежденія и, вообще, въ фасадахъ отъ низу до верху имѣются значительныя трещины, и штукатурку нужно вновь сдѣлать".

Не въ лучшемъ видѣ оказался и фасадъ „спижарнаго" дома, отведеннаго подъ квартиру попечителя:

„Фасадамъ онаго дома, вообще, штукатурку почти всю нужно сдѣлать вновь, а сверхъ сего по стѣнамъ находятся какъ малыя, такъ и большія сквозныя трещины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нужны кирпичныя закладки".

Внѣшности всѣхъ этихъ зданій гармонируетъ и внутренность ихъ, описываемая комитетомъ комната за комнатою. Вотъ, для образца, описаніе комнаты № 11-ый—въ бель-этажѣ главнаго университетскаго корпуса:

„При входѣ въ комнату задвижекъ нѣтъ и замокъ ветхъ, у рамъ задвижекъ и колечекъ нѣтъ, а самыя рамы годятся; доски на окошкахъ вовсе не годятся; печи требуютъ поправки; полъ нужно сколотить; штукатурка требуетъ поправки, на потолкѣ есть пятно отъ прошедшей изъ верхнихъ комнатъ мокроты".

Или комната № 12-ый:

„При входѣ въ комнату двери крѣпки, безъ замка, задвижекъ и одной петли и безъ стеколъ; отъ грязи состоянія пола нельзя видѣть; штукатурка на потолкѣ съ большими трещинами; нечистота чрезвычайная".

Смежная комната № 13-ый:

„Дверей нѣтъ; полъ требуетъ поправки; штукатурка требуетъ поправки; въ сей комнатѣ крайняя неопрятность; изъ 13-ой въ 16-ую дверей вовсе нѣтъ и колода дверная не годится" и т. д. и т. д.

Вправѣ были бы мы ожидать большаго благоустройства въ комнатахъ дома Спижарной, отведеннаго подъ квартиру самому Салтыкову. Но и здѣсь встрѣтитъ насъ таже мерзость запустѣнія. Вотъ описаніе главныхъ комнатъ бель-этажа этого дома — онѣ же парадныя комнаты попечителя:

„У шести окошекъ въ залѣ нѣтъ двѣнадцати задвижекъ и одного колечка. Рамы, за исключеніемъ одной—ветхи; полъ требуетъ малой поправки; у печной дверцы нѣтъ ручки и притворочки. На потолкѣ примѣтно пятно отъ бывшей течи".

А вотъ образецъ комнаты нижняго этажа попечительской квартиры:

„Въ одномъ изъ двухъ окошекъ нѣтъ желѣзной рѣшетки, которая была, но, какъ видно, отодрана и которая нужна. Полъ нужно передѣлать. А въ томъ покоѣ въ стѣнахъ большія сквозныя трещины и какъ стѣны, такъ и потолокъ, не оштукатурены" и пр. и пр.

Не въ лучшемъ состояніи оказались и зданія гимназіи, не выключая и главнаго, лишь за три года до того отстроеннаго, корпуса [215].

Неудовлетворительное положеніе университетскаго хозяйства явилось лишь одною изъ причинъ глубокаго негодованія, овладѣвшаго новымъ попечителемъ въ виду итоговъ многолѣтняго неограниченнаго владычества Яковкина въ казанскомъ университетско-гимназическомъ мірѣ; отрицательныя стороны усмотрѣны имъ и во всѣхъ другихъ сферахъ какъ административной, такъ и педагогической дѣятельности директора. Это негодованіе нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ обвинительномъ актѣ противъ Яковкина, изложенномъ Салтыковымъ въ видѣ письма на имя министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго, писаннаго 12-го мая 1813 года, слѣдовательно уже черезъ пять дней послѣ назначенія комитета для осмотра зданій. Письмо Салтыкова къ министру представляетъ на столько выдающійся интересъ съ точки зрѣнія уясненія взглядовъ попечителя на Яковкина, что мы считаемъ цѣлесообразнымъ привести его въ полномъ почти видѣ, въ переводѣ на русскій языкъ (письмо написано на языкѣ французскомъ).

Попечитель, прежде всего, останавливаетъ вниманіе гр. Разумовскаго на томъ печальномъ состояніи, въ какомъ нашелъ онъ университетскія зданія:

„Печальный внѣшній видъ зданій; дворы, переполненные мусоромъ и нечистотами; общее впечатлѣніе ветхости и запущенности, во всякомъ случаѣ не отвѣчающее учрежденію такого, сравнительно, еще недавняго происхожденія — все это свидѣтельствуетъ о нерадѣніи къ

дѣлу, которое представляется тѣмъ менѣе извинительнымъ, что эта сторона хозяйства, существенно важная хотя бы только съ гигіенической точки зрѣнія, требовала только бдительнаго надзора и, если не принимать въ разсчетъ болѣе капитальнаго ремонта, весьма незначительныхъ издержекъ, — конечно, при условіи надлежащаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, требовавшимъ лишь постояннаго и внимательнаго надзора. Всѣ зданія находятся въ настоящее время въ такомъ разоренномъ состояніи, что текущихъ штатныхъ назначеній едва можетъ хватить на предупрежденіе дальнѣйшаго ихъ разрушенія, въ особенности же въ виду непомѣрно возростающей здѣсь дороговизны на строительные матеріалы. Я весьма склоненъ искать и причину пожара, жертвою котораго сдѣлался недавно одинъ изъ университетскихъ домовъ, сколько въ несчастной случайности, столько же и въ отсутствіи надлежащаго надзора".

Описавъ, затѣмъ, проявившееся на пожарѣ крайне неудовлетворительное состояніе и дѣйствіе казанской пожарной команды, Салтыковъ переходитъ къ положенію въ университетѣ учебной части:

„Положеніе учебной части приводитъ къ такимъ же отрицательнымъ выводамъ, къ какимъ приводитъ и состояніе части строительной. Не говоря уже о недостаткѣ въ самыхъ элементарныхъ литературныхъ и другихъ учебныхъ пособіяхъ, успѣхи воспитанниковъ парализуются ихъ невѣжествомъ въ иностранныхъ языкахъ, въ особенности же въ латинскомъ, благодаря чему иностранные преподаватели вынуждаются прибѣгать къ помощи переводчиковъ или же читаютъ аудиторіи, которая совершенно не въ состояніи понимать ихъ. Съ этимъ неудобствомъ придется считаться до той поры, пока всѣ каѳедры не будутъ замѣщены русскими людьми, такъ какъ требовать отъ иностранцевъ ознакомленія съ русскимъ языкомъ—дѣло несбыточное: этому препятствуютъ и недостача свободнаго времени, и отсутствіе способовъ къ изученію, и, наконецъ, самыя лѣта изучающихъ".

Отсюда дѣлаетъ попечитель вполнѣ логическій переходъ къ вопросу объ иностранныхъ профессорахъ, вообще, и объ ихъ отношеніяхъ къ своимъ русскимъ коллегамъ:

„Не безъ чувства горечи вынужденъ я сознаться въ томъ, что нѣмецкіе профессоры стоятъ выше русскихъ собратій своихъ какъ съ точки зрѣнія познаній, такъ и съ точки зрѣнія нравственной (sous le rapport des connaissances, anssi bien que de la moralité)—и это то превосходство первыхъ должно было породить тѣ раздоры (la discorde), которые царятъ между тѣми и другими. Какъ бы я ни былъ предубѣжденъ въ пользу всего русскаго, чувство простой справедливости

заставляетъ меня стать въ положенiе полнаго нейтралитета по отношенiю къ утѣснителямъ и утѣсняемымъ (de me constituer neutre entre les oppresseurs et les opprimés). Я приложилъ всѣ старанiя къ тому, что бы примирить тѣхъ и другихъ, и мнѣ отчасти уже удалось сгладить проявленiя чувства вражды и завистливости или, по крайней мѣрѣ, удержать ихъ въ надлежащихъ границахъ".

Орiентировавъ гр. Разумовскаго въ общемъ положенiи дѣлъ въ университетѣ, Салтыковъ приступаетъ къ наиболѣе щекотливой части своего донесенiя—къ формулировкѣ обвиненiй противъ директора Яковкина:

„До сихъ поръ я не касался личныхъ обвиненiй. Хотя подобнаго рода обвиненiя и порождаютъ во мнѣ невольное чувство брезгливости къ нимъ, я все же сознаю, что, какъ скоро дѣло касается общественнаго блага, личное чувство должно уступить мѣсто требованiямъ правды. Профессоръ Яковкинъ, игравшiй руководящую роль въ дѣлѣ основанiя казанскаго университета, управлялъ имъ въ предшествовавшiе девять лѣтъ его существованiя съ непрерывною и почти неограниченною властью, врученною ему, жившимъ внѣ Казани, покойнымъ попечителемъ. Предсѣдатель совѣта, конторы, всевозможныхъ комитетовъ, инспекторъ студентовъ, директоръ гимназiи—онъ долженъ быть признанъ виновникомъ всѣхъ обнаруживаемыхъ нынѣ безпорядковъ, такъ какъ, за неполнымъ еще устройствомъ университета, въ его рукахъ сосредоточивались всѣ нити управленiя имъ. И нельзя не признать, что онъ злоупотреблялъ этими обширными полномочiями, хотя онъ и предпринимаетъ попытки самооправданiя ссылками на постоянные отказы, которые встрѣчали его прежнiя представленiя попечителю. Впрочемъ, не касаясь даже вопроса объ его полной неспособности (son inéptie) къ возложенному на него дѣлу, достаточно было принять во вниманiе хотя бы только репутацiю, какою пользуется Яковкинъ, чтобы устранить его отъ всякихъ отвѣтственныхъ обязанностей. Этотъ человѣкъ не можетъ служить примѣромъ для юношества ни съ точки зрѣнiя нравственности, ни съ точки зрѣнiя способностей и эрудицiи. Я не стану затрогивать вопроса объ его злокорыстiи: не пойманъ—не воръ (je ne parlerai point de fraude, il faut la surprendre, pour la constater); но долженъ признаться, что я заподозриваю Яковкина и въ этомъ. Строительные и ремонтные расходы прошлаго года достигли суммы 11,880 рублей,—цифры, бросающейся въ глаза своею значительностью, въ особенности въ виду печальнаго состоянiя зданiй, большая часть которыхъ грозитъ совершеннымъ разрушенiемъ. Когда же я ставилъ ему на видъ несоотвѣтствiе этого расхода достигнутымъ результатамъ, Яковкинъ старался заставить меня умолкнуть, объявляя мнѣ, что онъ—не воръ, что я могу, если желаю, обыскать его сундуки, что имъ по всѣмъ статьямъ расхода представлены

оправдательные документы. Уже эти оправданія въ достаточной мѣрѣ обрисовываютъ человѣка; къ нимъ слѣдуетъ присовокупить и постоянныя жалкія слова, которыми онъ старается замаскировывать свой образъ дѣйствій и которыя лишь въ болѣе отчетливой формѣ оттѣняютъ всю его порочность (sa turpitude). Таково мое мнѣніе о г. профессорѣ Яковкинѣ“ [216].

Нельзя не признать достаточной категоричности нареканій, предъявленныхъ Салтыковымъ по адресу Яковкина; но нельзя не признать и того, что всѣ эти нареканія носили слишкомъ субъективно-отвлеченный и общій характеръ для того, что бы на основаніи ихъ могло быть обосновано формальное обвиненіе директора въ упущеніи власти, не говоря уже о злоупотребленіи ею. Салтыкову пришлось имѣть дѣло съ слишкомъ ловкимъ и увертливымъ противникомъ, поймать котораго даже по свѣжему слѣду представлялось дѣломъ не легкимъ. Оставалось лишь имѣть Яковкина въ сильномъ подозрѣніи,—выражаясь процессуальнымъ языкомъ того добраго стараго времени. Съ такой именно точки зрѣнія, повидимому, и отнесся графъ Разумовскій къ суровому донесенію попечителя казанскаго учебнаго округа.

Насколько сильными представлялись въ интересующее насъ время чувство озлобленія противъ Яковкина, проникавшее собою большую часть членовъ совѣта, и стремленіе этого большинства бросить ему въ глаза начинавшій уже открыто торжествовать „духъ самоуправленія“, такъ наивно и еще такъ недавно отожествлявшійся директоромъ съ „духомъ крамолы“—нагляднымъ примѣромъ тому можетъ служить самое обыкновенное, по сущности своей, дѣло о выпискѣ для студентовъ учебныхъ пособій, обсуждавшееся въ концѣ мая и въ началѣ іюня и разросшееся въ цѣлую, и довольно кляузнаго характера, совѣтскую исторію. Какъ ни малозначительна была, сама по себѣ, эта исторія, она явилась, тѣмъ не менѣе, новымъ и весьма болѣзненнымъ ударомъ для самолюбія Яковкина и для авторитета его власти.

Дѣло возникло изъ за поднятаго помощникомъ инспектора студентовъ Булыгинымъ (иначе говоря—самимъ инспекторомъ Яковкинымъ) вопроса о необходимости пріобрѣтенія для студентовъ учебныхъ книгъ и ландкартъ на сумму до трехсотъ рублей, въ виду того, что пособія, которыми студенты пользовались раньше, съ отдѣленіемъ гимназіи отъ университета были отчислены къ имуществу первой. Попечитель округа выразилъ свое недоумѣніе по этому поводу. Онъ не безъ основанія ставилъ на видъ, что въ сумму двухсотъ рублей, отпускаемыхъ на каждаго казеннаго студента,

входятъ и расходы по пріобрѣтенію „классическихъ" книгъ, которыя остаются, затѣмъ, въ распоряженіи университета, вслѣдствіе чего при послѣднемъ и долженъ былъ бы имѣться запасъ пособій прежнихъ годовъ. Высказывая мысль, что, вообще—„назначеніе книгъ въ покупку слѣдуетъ предоставить совѣту" (раньше дѣломъ этимъ единолично завѣдывалъ самъ директоръ), что онъ на будущее время и предлагаетъ къ руководству, Салтыковъ предписалъ совѣту (отъ 21-го мая) доставить ему подробное объясненіе: „зачѣмъ студентамъ по сіе время не были закупаемы нужныя книги на получаемую сумму?"

Переведенное на французскій языкъ, попечительское предложеніе было заслушано въ засѣданіи совѣта 23-го мая. Секретарь совѣта и зять директора, баронъ Врангель, заявилъ при этомъ, что „г. профессоръ-директоръ (который въ этомъ засѣданіи не присутствовалъ, хотя въ предшествовавшемъ и былъ) препоручилъ ему объявить совѣту, что онъ въ непродолжительномъ времени представитъ свои объясненія касательно того, что относится къ нему, какъ инспектору студентовъ". Въ этомъ засѣданіи совѣтъ постановилъ: потребовать отъ конторы обстоятельный отчетъ относительно количества казенныхъ студентовъ за предшествовавшіе годы, размѣра ежегоднаго остатка отъ штатнаго на содержаніе ихъ назначенія и судьбы тѣхъ денегъ, которыя должны были имѣться въ экономіи отъ непокупки для студентовъ учебныхъ пособій; потребовать и отъ профессора-инспектора свѣдѣній о томъ, какія книги приняты имъ и не требовалъ ли онъ денегъ на покупку таковыхъ. Это постановленіе было событіемъ неслыханнымъ въ недолговременномъ прошломъ казанскаго университета: всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ оно было бы еще сочтено Яковкинымъ за открытое противодѣйствіе предержащей университетской власти.... Помощникъ инспектора Булыгинъ, именемъ котораго заварилась эта совѣтская исторія, счелъ за лучшее поспѣшить оставленіемъ своей должности: въ засѣданіи совѣта 28-го числа преемникомъ ему рекомендованъ магистръ Срезневскій.

Генеральная битва произошла въ совѣтѣ, на почвѣ этого дѣла, въ засѣданіи 4-го іюня, въ которомъ заслушаны были потребованныя совѣтомъ объясненія конторы и инспектора. Объясненіе инспектора оказалось самою обыкновенною и увертливою отпискою, на которыя такимъ мастеромъ бывалъ всегда Яковкинъ. Что касается пространнаго, но довольно туманнаго и затемненнаго массою цифровыхъ данныхъ, объясненія конторы, то совѣтъ призналъ его недостаточно яснымъ и поднялъ было вопросъ о цѣлесообразности образованія для разсмотрѣнія его особаго коми-

тета, что не осуществилось, однако, вслѣдствіе разномыслія, возникшаго по этому поводу среди членовъ совѣта. Въ объясненіи Яковкина было, между прочимъ, сказано, что въ дѣлѣ пріобрѣтенія „классическихъ" пособій онъ всегда слѣдовалъ указаніямъ совѣта, не допуская въ этомъ отношеніи личнаго произвола. Это заявленіе инспектора дало профессору Арнгольдту поводъ выступить передъ совѣтомъ съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ, характеризуя предшествовавшую самовластную дѣятельность Яковкина, онъ называетъ его „ничѣмъ не ограниченнымъ ректоромъ". Это довольно невинное, само по себѣ, выраженіе дало поводъ къ цѣлому ряду выходокъ нѣсколько комическаго характера, хотя въ записке Арнгольдта слово „ректоръ" оказалось затѣмъ подскобленнымъ и замѣненнымъ словомъ „предсѣдатель". Вся совѣтская полемика, возгорѣвшаяся изъ за наименованія Яковкина „ректоромъ" * и облеченная въ форму письменныхъ пререканій, сохранилась въ видѣ приписокъ къ подлинному протоколу засѣданія 4-го іюня.

Баронъ Врангель почелъ долгомъ оскорбиться за достоинство своего тестя и громко объявилъ по адресу заявленія Арнгольдта, что „ces sont des крючки". Профессоръ Арнгольдтъ въ свою очередь оскорбился замѣчаніемъ Врангеля и, принявъ слово „крючокъ" по своему адресу, поспѣшилъ на дѣлѣ оправдать приложимость къ нему такого эпитета, занеся въ протоколъ, по русски, слѣдующій протестъ: „Выраженіе г. профессора барона Врангеля, называя меня—крючкомъ, несовмѣстно моему званію и паче прискорбно мѣсту присутственному въ полномъ собраніи, о чемъ симъ прошу довесть до свѣдѣнія высшаго начальства". Протестъ противъ Врангеля послѣдовалъ и со стороны проф. Литтрова, выразившаго его на французскомъ языкѣ, слѣдующею припискою къ протоколу: „Въ виду того, что г. баронъ Врангель, найдя въ запискѣ профессора Арнгольдта совершенно невинное, къ тому же подскобленное и исправленное, слово ректоръ, громко сказалъ г. Арнгольдту—ces sont des кручки (sic), я былъ приведенъ въ негодованіе этимъ неприличіемъ и открыто высказалъ г. Врангелю, что ему должно бы быть стыдно выражаться такъ непристойно въ полномъ собраніи совѣта". Баронъ Врангель присовокупилъ къ этимъ протокольнымъ добавленіямъ и свое пространное объясненіе, въ

---

* Эта щепетильность относительно наименованія Яковкина «ректоромъ» представляется тѣмъ болѣе странною, что самъ покойный попечитель признавалъ возможнымъ такъ именно именовать его, представляя (6-го сентября 1809 года) къ наградѣ: «Профессоръ Яковкинъ.... по учебной части въ совѣтѣ гимназіи исправляя должность ректора и пр.»—писалъ Румовскій въ этомъ представленіи (см. въ унив. архивѣ «Собраніе писемъ и пр.», въ матеріалахъ Яковкина).

которомъ, возражая Арнгольдту и снова защищая достоинство своего тестя, онъ настаиваетъ на томъ, что его выраженіе „крючки“ поняты не въ томъ смыслѣ, какой хотѣлъ онъ придать ему и что онъ отнюдь не имѣлъ въ виду именовать „крючкомъ“ самого Арнгольдта; отвѣчая же Литтрову, онъ категорически отрицалъ за нимъ право публично выступать въ засѣданіи съ выговорами по адресу сочлена. Что касается своей страстности въ дебатируемомъ вопросѣ, быть можетъ вынудившей его нарушить установленный порядокъ, то онъ совершилъ это „въ негодованіи, защищая отсутствующаго и такого, котораго почитаетъ и почитать долженъ за отца, а г. профессоръ Литтровъ нарушилъ установленный порядокъ за посторонняго, который, присутствуя, самъ могъ себя защищать“.

Инцидентъ съ вопросомъ объ учебныхъ пособіяхъ въ достаточной степени характеризуетъ то поднятое настроеніе, которое сказывалось въ совѣтѣ университета весною 1813 года. Это настроеніе иллюстрируется и слѣдующимъ инцидентомъ, характеризующимъ, съ другой стороны, малотактичность самаго Яковкина. Въ томъ же засѣданіи 4-го іюня слушалась заочная жалоба Яковкина на лектора Лейтера въ томъ, что, по вопросу о слушаніи студентами лекцій нѣмецкаго языка, Лейтеръ отнесся непосредственно въ совѣтъ, минуя его, инспектора, чѣмъ и нарушилъ закономъ установленный порядокъ. Заслушанная въ боевомъ засѣданіи 4-го іюня, эта жалоба Яковкина потерпѣла полнѣйшее фіаско: поступокъ Лейтера не только не признанъ совѣтомъ незаконнымъ, но тутъ же сдѣлано постановленіе о томъ, что бы всѣ рапорты (меморіи) преподавателей впредь подаваемы были ими непосредственно въ совѣтъ [217].

Какъ ни былъ покладистъ характеръ Яковкина въ тѣхъ случаяхъ, когда это представлялось для него выгоднымъ, онъ долженъ былъ ясно понять, что, при настоящемъ положеніи вещей, ему не остается ничего болѣе, какъ подать прошеніе объ увольненіи его отъ должности инспектора студентовъ. Онъ такъ и поступилъ, подавъ въ этомъ смыслѣ прошеніе тотчасъ же вслѣдъ за засѣданіемъ совѣта 4-го іюня. Вѣроятнымъ представляется, впрочемъ, и то, что оставленіе имъ инспекторской должности, съ которою было сопряжено пользованіе хорошею и въ теченіи ряда лѣтъ насиженною имъ казенною квартирою въ зданіи университета, было вынужденнымъ: Салтыковъ едва ли согласился бы дольше терпѣть Яковкина въ этой должности. Какъ бы то ни было, но, предложеніемъ отъ 6-го іюня, увѣдомляя совѣтъ о поданномъ Яковкинымъ прошеніи, попечитель предписывалъ „избрать другаго инспектора изъ господъ ординарныхъ профессоровъ“. Фактъ весьма знаменательный для жаждавшихъ

введенія устава 1804 года: еще до полнаго открытія университета Салтыковъ рѣшался на частичное примѣненіе устава, допустивъ замѣщеніе по избранію одной изъ наиболѣе отвѣтственныхъ университетскихъ должностей.

Выборы новаго инспектора состоялись въ засѣданіи совѣта 12-го іюня, посредствомъ баллотированія шарами, мирно хранившимися въ канцеляріи университета послѣ неудачныхъ сентябрьскихъ выборовъ 1810 года. Большинство избирательныхъ шаровъ (10 избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ) получилъ одинъ только профессоръ Браунъ, который и былъ представленъ къ утвержденію въ должности инспектора студентовъ *. По вопросу объ утвержденіи его въ должности попечитель входилъ, повидимому, въ сношеніе съ министромъ, такъ какъ Браунъ былъ утвержденъ имъ лишь 2-го іюля, послѣ чего былъ приведенъ и къ установленной присягѣ [218]. Это событіе явилось замѣтною ступенью въ лѣствицѣ постепеннаго паденія Яковкина: утративъ еще раньше свое традиціонное наименованіе „профессора - директора“, онъ теперь потерялъ право и на предикатъ „профессора-инспектора“, какъ начали уже было именовать его въ послѣднее время.

Къ первой половинѣ того же іюля 1813 года относится весьма любопытное распоряженіе Салтыкова, наглядно доказавшее какъ довѣріе, которое питалъ попечитель къ совѣту университета, такъ и совершенное недовѣріе его къ конторѣ гимназіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Яковкина и продолжавшей вѣдать всю хозяйственную часть не только по гимназіи, но и по университету.

Въ началѣ іюля Салтыковъ собирался уѣхать изъ Казани, гдѣ оставлялъ, однако же, свою семью. Эта поѣздка попечителя обставлена какою то таинственностью, такъ какъ онъ видимо скрывалъ не только цѣль, но и самое мѣсто ея назначенія. Въ предложеніи совѣту отъ 3-го іюля Салтыковъ увѣдомляетъ его, что выѣзжаетъ изъ Казани „для обозрѣнія училищъ ввѣреннаго учебнаго округа“; въ послѣдующемъ предложеніи отъ 12-го числа того же мѣсяца онъ заявляетъ, что ѣдетъ „къ Макарью, для закупки различныхъ матеріаловъ для казанскаго университета нужныхъ, и для осмотра нѣкоторыхъ гимназій учебнаго округа“, причемъ предписываетъ всѣ относящіяся до него дѣла препровождать въ его канцелярію,

---

* Послѣ Брауна большее количество избирательныхъ шаровъ получили: Германъ (6), Френъ, Бартельсъ и Броннеръ (по 5), Литтровъ, Эрдманъ и Томасъ (по 4),—остальные получили менѣе четырехъ шаровъ.

„которая будетъ ихъ доставлять по данному ей наставленію“, мѣсячныя же вѣдомости о перемѣщеніяхъ служащихъ по округу отсылать непосредственно въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

Слѣдомъ за выѣздомъ попечителя изъ Казани мы видимъ его уже въ Петербургѣ. Отсюда присылаетъ онъ въ Казань, въ концѣ іюля, радостную вѣсть о предстоящемъ полномъ открытіи университета; сюда же отписываетъ ему въ началѣ августа проф. Броннеръ относительно приготовленій къ университетскимъ выборамъ въ письмѣ, пересланномъ попечителю его женою, вмѣстѣ съ ея собственнымъ письмомъ къ мужу *. Въ Казань возвратился Салтыковъ не ранѣе конца августа, такъ какъ только 3-го сентября въ совѣтѣ заслушивается первое, съ іюля мѣсяца, его предложеніе, состоявшееся наканунѣ (значитъ уже въ Казани), и дается имъ отвѣтъ на представленіе еще отъ 10-го августа.

И вотъ, собираясь на довольно продолжительное время покинуть Казань, Салтыковъ, очевидно не довѣряя Яковкину и конторѣ, предпринимаетъ чрезвычайную мѣру. Онъ учреждаетъ особый совѣтскій временный хозяйственный комитетъ, сущность котораго изложена въ его предложеніи отъ 3-го іюля, опять таки примѣнительно къ постановленіямъ университетскаго устава 1804 года:

> „По случаю отъѣзда моего,—читаемъ мы здѣсь,—соотвѣтственно устава казанскаго университета § 172-му, предлагаю, что бъ училищный комитетъ впредь во всемъ относился по ученой части въ совѣтъ. Относительно же хозяйственной части, по неучрежденію правленія—во временный комитетъ, который поручаю совѣту составить изъ пяти г.г. членовъ своихъ, присоединяя къ нимъ, для исправленія секретарской должности, секретаря конторы казанской гимназіи Юферова. Сей комитетъ имѣетъ руководствоваться правилами устава казанскаго университета, въ 13-ой и 14-ой главахъ начертанными („О правленіи университета“ и „О судѣ университетскомъ“), и вносить свои конечныя рѣшенія въ общее собраніе совѣта на разсмотрѣніе и рѣшеніе“.

Только что приведенное предписаніе Салтыкова представлялось событіемъ первостепенной важности: имъ, еще до полнаго открытія университета, въ сущности создавалось положенное уставомъ университетское правленіе, съ тою только разницею, что взамѣнъ членовъ правленія ех

* Письмо отъ 3-го августа, помѣщенное въ извѣстной уже намъ книгѣ проф. Д. И. Нагуевскаго подъ № V (стр. 296—303). У проф. Нагуевскаго датою этого письма ошибочно поставлено, вѣроятно вслѣдствіе неразборчивости оригинала—3-е апрѣля: изъ текста самого письма ясно, что оно относится къ 3-му августа.

officio (ректоръ и деканы), въ составъ учреждаемаго комитета входили члены по избранію совѣта, что не измѣняло, конечно, существа дѣла. Тактъ попечителя сказался и въ назначеніи секретаремъ этого временнаго комитета—секретаря конторы, чиновника вполнѣ оріентированнаго въ хозяйственныхъ дѣлахъ, но который ставился въ полное подчиненіе и подъ полный контроль выборныхъ делегатовъ совѣта. Яковкинъ и въ этой отрасли своей бывшей дѣятельности совершенно устранялся, такимъ образомъ, отъ вліянія на университетскія дѣла. Баллотированіе членовъ временнаго комитета было произведено того же 3-го іюля, въ вечернемъ засѣданіи совѣта. Избранными оказались профессоры: Браунъ (получилъ полное количество избирательныхъ шаровъ—13), Томасъ (11 шаровъ), Бартельсъ, Литтровъ и Броннеръ (по 10-ти избирательныхъ шаровъ). По словамъ протокола избранія—„господинъ профессоръ и директоръ гимназіи и кавалеръ не былъ баллотированъ, поелику объяснилъ, что онъ имѣетъ соизволеніе его превосходительства на увольненіе его на указный срокъ изъ Казани“. Этотъ комитетъ, названный въ уже цитированной нами выше „вѣдомости о комитетахъ“ казанскаго университета за 1805—1819 года—„комитетомъ для управленія хозяйственною и судною частью“, продолжалъ свое существованіе до 5-го іюля 1814 года, т. е. до открытія дѣйствій университетскаго правленія [219].

Мы склонны поставить лѣтнюю петербургскую поѣздку попечителя въ связь съ необходимостью предварительныхъ личныхъ переговоровъ по поводу предстоявшаго полнаго открытія казанскаго университета, которое было рѣшено въ министерскихъ сферахъ уже въ началѣ іюля мѣсяца. Извѣстіе объ этомъ знаменательномъ рѣшеніи получено было въ Казани въ самомъ концѣ того же мѣсяца: 30-го іюля экстраординарный профессоръ Арнгольдтъ вошелъ въ совѣтъ съ рапортомъ, при которомъ, „по приказанію его превосходительства г. попечителя“, представилъ слѣдующую копію съ предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 11-го іюля 1813 года, за № 1691-мъ:

„Милостивый государь мой Михаилъ Александровичъ!

По причинамъ, изъясненнымъ въ представленіи вашего превосходительства № 381, я согласенъ, что бы въ казанскій университетъ избраны были: ректоръ, деканы и для прочихъ должностей чиновники, съ утвержденіемъ правленія и суда, соотвѣтственно уставу сего университета.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнымъ слугою.—Графъ Алексѣй Разумовскій“.

Мы не могли точно выяснить сущности той роли посредника между попечителемъ и совѣтомъ, которая выпала въ этомъ дѣлѣ на долю проф. Арнгольдта; всего вѣроятнѣе предположить, что Арнгольдтъ исполнялъ въ это время обязанности правителя канцеляріи отсутствовавшаго попечителя, какъ исполнялъ онъ ихъ лѣтомъ слѣдующаго 1814 года, какъ еще позже, въ 1816 году, исправлялъ ихъ и проф. Кондыревъ.

Вопросъ о полномъ открытіи казанскаго университета въ 1814 году и о постепенномъ ходѣ приготовленій къ этому знаменательному акту дастъ содержаніе слѣдующей главѣ нашего повѣствованія. Въ виду этого, оставивъ этотъ вопросъ временно въ сторонѣ, займемся обзоромъ текущей внутренней жизни университета въ 1813 и въ первой половинѣ 1814 годовъ.

Мы видѣли, что уже во второй половинѣ 1812 года, слѣдовательно еще за два почти года до полнаго открытія университета, фактически начинаетъ признаваться существованіе факультетовъ при немъ, что особенно рельефно сказалось въ нормальномъ планѣ преподаваній, выработанномъ и одобренномъ попечителемъ. Салтыковъ, бывшій, вообще, сторонникомъ университетской автономіи и самостоятельности, весною 1813 года уже совершенно открыто и оффиціально признаетъ дѣленіе казанскаго университета на факультеты. Онъ сдѣлалъ это по поводу недоразумѣній между директоромъ пермской гимназіи и учителемъ ея Дюро, возникшихъ въ началѣ года и восходившихъ на разрѣшеніе попечителя. Исходя изъ той точки зрѣнія, что по уставу 1804 года училищныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію совѣта университета, Салтыковъ передалъ этотъ конфликтъ на разсмотрѣніе и заключеніе профессоровъ правовѣдѣнія слѣдующимъ предложеніемъ отъ 9-го апрѣля: „Какъ совѣтъ казанскаго университета состоитъ изъ ординарныхъ профессоровъ, экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ, преподающихъ въ наукахъ наставленія и раздѣляющихся, по различію наукъ, на факультеты или отдѣленія, то въ ономъ совѣтѣ находятся профессоры правовѣдѣнія, которымъ и предлагаю отдать на разрѣшеніе дѣло, касающееся до г. директора пермской гимназіи и до учителя французскаго языка г. Дюро“. Въ виду этого, въ отдѣленіе (sic) нравственно-политическихъ наукъ и были переданы всѣ матеріалы, относящіеся къ этому дѣлу.

Это обращеніе къ компетентности мнѣній профессоровъ правовѣдѣнія было фактомъ не единичнымъ. Такъ, въ январѣ 1814 года, совѣтъ уже по собственному почину передаетъ на заключеніе профессоровъ „юридическаго отдѣленія“ семейное дѣло супруговъ Хальфиныхъ, возникшее по

жалобѣ жены лектора татарскаго языка Хальфина на притѣсненія и обиды, причиняемыя ей мужемъ. Возникло, такимъ образомъ, дѣло, въ которомъ совѣту приходилось имѣть дѣло съ шаріатомъ, т. е. правомъ мусульманскимъ—случай, совершенно выходившій изъ ряда вонъ. И вотъ, недоумѣвая о томъ, „сколько ему нужно вникать въ сіе и подобныя тому дѣла", совѣтъ опредѣлилъ (14-го января) „предоставить г.г. профессорамъ юридическаго отдѣленія представить о томъ свое мнѣніе". Профессоры юридическаго отдѣленія, въ лицѣ Финке и барона Врангеля, дали заключеніе, хотя и не безъ оговорокъ и колебаній, въ пользу подсудности этого дѣла суду университета. Совѣтъ былъ, однако, избавленъ отъ дальнѣйшаго производства по этому не совсѣмъ обыкновенному дѣлу благодаря мировому соглашенію, послѣдовавшему между повздорившими супругами [220].

Въ апрѣлѣ 1813 года въ совѣтѣ обсуждался весьма любопытный вопросъ объ учрежденіи при университетѣ временнаго врачебнаго института, возникшій по иниціативѣ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что, въ виду желательности умноженія числа врачей, получившихъ образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, министерство пришло къ мысли объ устройствѣ при университетахъ временныхъ, разсчитанныхъ на восемь или девять лѣтъ своего существованія, врачебныхъ институтовъ, расположивъ прохожденіе учебныхъ курсовъ въ нихъ слѣдующимъ образомъ: „Въ первый годъ,—читаемъ въ министерскомъ предложеніи,—опредѣлится въ каждый университетъ по 50-ти воспитанниковъ, а во второй, третій, четвертый и пятый—по 25-ти; по прошествіи четырехъ лѣтъ, т. е. по окончаніи курсовъ, поступившіе въ первый годъ имѣютъ быть выпущены въ лекари, а въ слѣдующіе затѣмъ годы предполагается выпускать по 25-ти человѣкъ". Контингентъ воспитанниковъ этихъ институтовъ должны были давать духовныя училища. Министерское предложеніе предписывало университету представить подробныя соображенія—„во что можетъ обойтись содержаніе вышеозначеннаго числа воспитанниковъ при казанскомъ университетѣ, полагая пищу ихъ, одежду, помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе и другія надобности, равно надзоръ за ними, прислугу и проч.", причемъ рекомендовалась, однако же, „всевозможная бережливость, дабы не обременять казны излишними издержками".

Сообщенное совѣту казанскаго университета предложеніемъ попечителя отъ 19-го апрѣля, министерское предписаніе было въ тотъ же день заслушано имъ. Постановлено предписать бухгалтеру доставить къ слѣдующему засѣданію совѣта, назначенному на другой же день, „финансовую

смѣту института, членамъ же медицинскаго отдѣленія, равно какъ и г.г. профессорамъ натуральной исторіи и физики, предоставить подавать свои мнѣнія о пособіяхъ тѣхъ, кои они почитаютъ необходимо нужными для успѣховъ воспитанниковъ". Послѣдовалъ рядъ, сохранившихся до нашихъ дней, отзывовъ, представленныхъ по этому поводу отдѣльными профессорами въ засѣданіе 20-го апрѣля.

Профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной медицины Браунъ поставилъ на видъ необходимость расширенія существующаго анатомическаго театра, пріобрѣтенія анатомическихъ инструментовъ, обезпеченія преподаванія достаточнымъ количествомъ труповъ и учрежденія должности прозектора анатоміи. Профессоръ патологіи, терапіи и клиники Эрдманъ потребовалъ устройства терапевтической клиники на 12 кроватей, со всѣми необходимыми принадлежностями и штатомъ служащихъ. Профессоръ хирургіи и повивальнаго искусства Арнгольдтъ потребовалъ такихъ же размѣровъ хирургическую клинику, повивальный институтъ на 4 кровати и надлежащимъ образомъ обставленную операціонную комнату, съ полнымъ комплектомъ хирургическихъ и акушерскихъ инструментовъ. При этомъ, въ видахъ экономіи, признано было возможнымъ соединить всѣ эти клиническіе институты въ одно цѣлое, съ общими администраціею, служебнымъ персоналомъ и вспомогательными учрежденіями. Адъюнктъ врачебнаго веществословія и фармаціи Ренардъ выразилъ пожеланіе имѣть „собраніе лекарственныхъ припасовъ, какъ простыхъ, такъ и сложныхъ", въ связи съ расширеніемъ и лучшимъ устройствомъ химической лабораторіи. Врачебное отдѣленіе дало, при всемъ этомъ, заключеніе, что „нѣтъ ему возможности утвердительно постановить цѣну вышесказаннымъ статьямъ".

Заслушаны были отзывы и профессоровъ другихъ отдѣленій. Профессоръ прикладной математики Реннеръ доказывалъ необходимость включенія въ кругъ преподаваній будущаго института прикладной математики, оптики и практической механики. Профессоръ физики Броннеръ, считая необходимымъ включеніе въ програму преподаваній физики и минералогіи, указывалъ на неотложность расширенія физическаго и минералогическаго кабинетовъ. Профессоръ натуральной исторіи Фуксъ заявилъ о необходимости пріобрѣтенія учебныхъ пособій и распространенія ботаническаго сада, указавъ и примѣрную сумму потребныхъ расходовъ—до 3-хъ тысячъ рублей.

Перешли къ хозяйственной сторонѣ вопроса. Относительно помѣщенія для предполагаемаго института пришли къ соглашенію, что мѣсто для него найдется въ зданіяхъ университета, какъ скоро гимназія, временно

въ 1812 году расположившаяся въ нихъ, снова возвратится въ собственные дома. Но что должно было поразить членовъ совѣта, такъ это представленная бухгалтеромъ весьма обстоятельная и детальная смѣта, по которой весь расходъ по хозяйственному содержанію врачебнаго института былъ исчисленъ, на девять лѣтъ, въ 282,860 рублей, не включая сюда издержекъ по организаціи преподаванія, устройству и содержанію клиникъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, пріобрѣтенію учебныхъ пособій и т. п.

Всѣ собранныя совѣтомъ данныя были своевременно представлены попечителю, но дѣло объ устройствѣ при казанскомъ университетѣ временнаго врачебнаго института дальнѣйшаго движенія не получило [221].

Сентябрь 1813 года отмѣченъ весьма важнымъ начинаніемъ во внутреннемъ распорядкѣ жизни казанскаго университета, вопросъ о которомъ уже давно ожидалъ своей очереди и теперь выдвинутъ былъ впередъ попечителемъ Салтыковымъ. Это—вопросъ о составленіи правилъ для студентовъ университета, обсужденіе котораго, затянувшееся на цѣлые полтора года, дало содержаніе объемистому архивному дѣлу, носящему довольно своеобразное заглавіе: „Дѣло о разныхъ грубостяхъ и своевольствѣ студентовъ и о сочиненіи правилъ благочинія для оныхъ“.

Вопросъ о сочиненіи „правилъ благочинія“ для студентовъ былъ возбужденъ слѣдующимъ предложеніемъ попечителя отъ 17-го сентября 1813 года: „Ежедневныя жалобы инспектора студентовъ (проф. Брауна, смѣнившаго собою Яковкина) относительно своевольства и непослушанія *, вкоренившихся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, заставляютъ меня употребить строжайшія мѣры для отвращенія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ необузданной молодежи“. Салтыковъ не обинуясь приписываетъ эту распущенность университетской молодежи тому режиму, который установился въ университетѣ при прежнемъ инспекторѣ—Яковкинѣ: „Сіи поступки, противные законному учрежденію и могущіе быть приписаны ихъ неопытности и незнанію постановленій, не могли, однакожъ, достигнуть такой степени своевольства безъ послабленія прежняго надъ ними начальства; инспекторъ, по силѣ § 113-го устава, есть блюститель порядка и

* Отношеніе студентовъ къ инспекціи иллюстрируется слѣдующимъ фактомъ, приводимымъ инспекторомъ, проф. Брауномъ, въ жалобѣ на студента Чашкова, поданной имъ совѣту въ ноябрѣ 1813 года. Браунъ имѣлъ съ этимъ студентомъ личное объясненіе, по окончаніи котораго Чашковъ обратился къ профессору съ слѣдующимъ дерзкимъ крикомъ: «Эй, послушайте,—вы! У меня пропала шапка: отыщите ее!»....

благочинія студентовъ: привыкшіе къ онымъ молодые люди не могутъ вдругъ сдѣлаться дерзными". Въ заключеніе своего предложенія, попечитель предписываетъ совѣту „по силѣ § 121-го устава сочинить правила благочинія для студентовъ".

Предложеніе попечителя было заслушано въ засѣданіи совѣта 17-го же числа и тогда же постановлено было поручить составленіе правилъ для студентовъ инспектору Брауну. Браунъ покончилъ съ порученнымъ ему дѣломъ очень скоро и уже въ засѣданіи 24-го числа составленныя имъ правила (regulae pro formandis moribus studiosorum) были представлены совѣту, который постановилъ сообщить ихъ всѣмъ членамъ, предложивъ имъ сдѣлать къ нимъ свои примѣчанія, а для окончательной выработки проэкта правилъ назначить особый комитетъ изъ профессоровъ Финке, Брейтенбаха, барона Врангеля и адъюнкта Кондырева; впрочемъ, послѣдній участія въ трудахъ этого комитета фактически не принималъ. Работы комитета шли очень медленно, такъ что 25-го февраля 1814 года попечитель счелъ себя вынужденнымъ, поставивъ ему это на видъ, торопить комитетъ ихъ скорѣйшимъ окончаніемъ. 18-го марта комитету дана была еще шестинедѣльная отсрочка для завершенія порученнаго ему дѣла и только 25-го апрѣля 1814 года заслушано въ совѣтѣ „Начертаніе правилъ благочинія студентовъ", составленное на нѣмецкомъ языкѣ проф. Финке. Не рѣшившись принять это „начертаніе", совѣтъ опредѣлилъ перевести его на русскій языкъ и препроводить всѣмъ факультетамъ, для соотвѣтствующихъ на него замѣчаній.

Составленный проф. Финке проэктъ правилъ для студентовъ, носящій въ подлинникѣ заглавіе: „Gesetze für die Studierenden der kaiserlichen Universität zu Kasan" (Законы для студентовъ императорскаго казанскаго университета), сохранился въ дѣлахъ университетскаго архива въ нѣмецкомъ подлинникѣ и его русскомъ переводѣ. „Законы для студентовъ" проф. Финке представляютъ собою довольно объемистый кодексъ положеній, заключающій въ себѣ 120 „артикуловъ" (статей), распредѣленныхъ по двумъ отдѣламъ и семи главамъ. Труду Финке не было суждено получить силу дѣйствующихъ студенческихъ правилъ, почему намъ и не представляется нужды входить въ разсмотрѣніе его содержанія. Замѣтимъ лишь, что детальная, часто даже мелочная, регламентація, проникающая эти „законы", ихъ теоретическій, а порою совершенно отвлеченный, нравоучительный колоритъ, проявленное въ нихъ малое знакомство съ русскою жизнью, вообще, и съ условіями жизни русскаго студенчества начала XIX вѣка, въ частности — таковы главныя характеристическія черты труда

Финке, которыя, въ связи съ черезъ чуръ большимъ его объемомъ, уже заранѣе обрекали эти „законы“ на невозможность ихъ практическаго примѣненія и готовили имъ судьбу мертворожденнаго дѣтища усидчивой фантазіи ученаго казанскаго правовѣда.

Дѣло выработки правилъ для студентовъ непомѣрно затянулось и самъ попечитель, кажется, махнулъ на него рукою, переставъ торопить совѣтъ его завершеніемъ. Кончился 1814 годъ, наступилъ 1815 годъ, успѣлъ умереть самъ составитель проэкта, проф. Финке († 17-го сентября 1814 г.)— а переданные на заключеніе факультетовъ „законы для студентовъ“ все еще не возвращались обратно въ совѣтъ. Только 31-го марта 1815 года состоялось, наконецъ, собраніе совѣта для разсмотрѣнія какъ самого проэкта покойнаго Финке, такъ и представленныхъ на него факультетами замѣчаній. Особенный интересъ представляло мнѣніе отдѣленія врачебныхъ наукъ, которое, признавъ проэктъ Финке слишкомъ обширнымъ, выступило съ своимъ собственнымъ проэктомъ правилъ для студентовъ, изложенныхъ „вообще кратко и ясно выведенныхъ“, — по словамъ самого отдѣленія. Этотъ то, представленный врачебнымъ отдѣленіемъ, краткій проэктъ правилъ и былъ совѣтомъ принятъ, какъ составленный „сходно съ законами и удобно“; пространные же „законы“ проф. Финке, вмѣстѣ съ отзывами факультетовъ, опредѣлено сдать на храненіе въ архивъ. Въ засѣданіи 14-го апрѣля постановлено препроводить принятый совѣтомъ краткій проэктъ правилъ на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, которое и послѣдовало 14-го іюня 1815 года [222].

Утвержденныя министромъ правила для студентовъ были напечатаны (въ видѣ объявленія—въ форматѣ листа) на двухъ языкахъ—русскомъ и латинскомъ (на каждомъ отдѣльно), подъ заглавіемъ: „Краткое изложеніе правилъ для наблюденія императорскаго казанскаго университета студентамъ“ (Summa legum caesareae universitatis litterarum casanensis civibus observandarum). Эти правила, заключающія въ себѣ 13 основныхъ статей и столько же дополнительныхъ положеній, опредѣляющихъ мѣры поощренія учащихся и взысканій съ нихъ, опредѣлено выдавать каждому, вновь принимаемому въ университетъ, студенту. Интересующіеся найдутъ эти правила въ приложеніяхъ къ настоящему тому (приложеніе № IX).

Интересъ второй половины 1813 года отмѣченъ во внутренней жизни казанскаго университета выборами должностныхъ лицъ по университету и другими приготовленіями къ полному открытію его на основаніи устава 5-го ноября 1804 года, разсказъ о которыхъ мы отлагаемъ до слѣдующей главы, а въ настоящее время возвратимся къ судьбѣ Яковкина послѣ не-

удачъ, преслѣдовавшихъ его послѣ смерти Румовскаго и завершившихся оставленіемъ имъ должности инспектора студентовъ. Не принявъ участія въ избраніи своего счастливаго соперника, Брауна, Яковкинъ взялъ себѣ отпускъ, въ которомъ и пробылъ до половины августа. Вопросъ о предстоящемъ и весьма близкомъ открытіи университета былъ уже поставленъ на почву неотложнаго осуществленія въ ту пору, когда директоръ снова вступилъ въ отправленіе своихъ университетскихъ обязанностей. Предстоящее событіе, радостно волновавшее членовъ университета, представлялось для Яковкина въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Уже неутвержденные выборы сентября 1810 года должны были лишить его надежды когда либо видѣть себя въ роли ректора по избранію; теперь, съ радикально измѣнившимся положеніемъ его и въ совѣтѣ, и передъ попечителемъ, въ немъ должна была погаснуть послѣдняя искра надежды играть въ будущемъ какую бы то ни было видную и активную роль въ жизни самоуправляющагося университета.

Послѣ возвращенія его изъ отпуска, въ университетской дѣятельности Яковкина весьма замѣтно наблюдается состояніе апатіи и безучастнаго отношенія къ текущимъ коллегіальнымъ дѣламъ. Это, прежде всего, сказалось на посѣщеніи имъ совѣтскихъ засѣданій: изъ двадцати одного засѣданія, происходившихъ въ послѣдніе пять мѣсяцевъ 1813 года, онъ оказывается наличнымъ только въ десяти, да и въ этихъ засѣданіяхъ присутствіе его носитъ совершенно безучастный, пассивный, характеръ, въ особенности же послѣ окончанія выборовъ, когда онъ ясно созналъ себя выброшеннымъ за бортъ нарождающагося университетскаго самоуправленія. Въ отдѣльные моменты своей послѣдующей дѣятельности, Яковкинъ предпринималъ даже открытыя вылазки противъ тѣхъ самыхъ интересовъ университета, которыя самъ же онъ раньше отстаивалъ; такъ, въ началѣ 1815 года онъ дѣлаетъ, въ качествѣ директора казанской гимназіи, неудачныя попытки обратно отобрать отъ университета въ пользу гимназіи библіотеку и натуральный кабинетъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина, въ 1798 году переданные, по высочайшему повелѣнію, гимназіи, а при основаніи университета отчисленные къ имуществу этого послѣдняго.

„Утопающій хватается за соломинку"—гласитъ извѣстная пословица. Яковкинъ, чувствуя себя въ положеніи утопающаго въ взволновавшемся морѣ университетскаго самоуправленія, былъ слишкомъ изворотливъ для того, что бы не предпринять попытки вывернуться, хотя отчасти, изъ надвигающейся на него напасти или, по крайней мѣрѣ, извлечь себѣ изъ постигшаго его положенія ту или другую выгоду матеріальнаго характера.

Яковкинъ вспомнилъ о князѣ Г. С. Волконскомъ, оренбургскомъ военномъ губернаторѣ, который, въ бытность свою въ 1809 году въ Казани—„удостоилъ его обхожденьемъ", какъ въ свое время отписывалъ директоръ покойному попечителю, за что Яковкинъ, въ свою очередь, усердно навязывалъ князя въ почетные члены казанскаго университета (см. выше стр. 324). Этотъ князь Волконскій могъ оказаться теперь очень полезнымъ Яковкину, такъ какъ съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Разумовскимъ связывали оренбургскаго военнаго губернатора узы тѣснаго свойства: сынъ кн. Волконскаго былъ женатъ на дочери министра народнаго просвѣщенія. Яковкинъ сразу сообразилъ выгоду „поискать" въ князѣ Волконскомъ и едва ли не повидался съ нимъ во время своего лѣтняго отпуска; предстательство же князя передъ „сватомъ" за казанскаго директора представлялось какъ нельзя болѣе кстати послѣ тѣхъ суровыхъ аттестацій, которыя были сдѣланы о немъ министру попечителемъ Салтыковымъ.

„Исканія" Яковкина передъ княземъ Волконскимъ начались еще весною 1812 года, тотчасъ послѣ назначенія гр. Разумовскаго министромъ народнаго просвѣщенія, какъ о томъ можно судить по слѣдующему письму князя съ своему свояку, писанному 8-го мая, слѣдовательно менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ назначенія его министромъ:

„Милостивый государь, графъ Алексѣй Кирилловичъ!—Въ многократный проѣздъ мой чрезъ г. Казань, я имѣлъ удовольствіе посѣтить тамошній университетъ и гимназію, гдѣ видѣлъ наилучшій образъ жизни благовоспитывающихся и успѣшное образованіе питомцевъ науками *. Весь сей порядокъ и успѣшное образованіе обучающихся я отношу безъ пристрастія на счетъ попеченія и дѣятельности тамошняго главнаго директора и профессора г. Яковкина. По бытности моей въ университетѣ я не оставилъ посмотрѣть и образа жизни г. Яковкина и узнать о его состояніи. Признаюсь съ откровенностью, что г. Яковкинъ живетъ благопристойно, умѣренно и прилично занимаемому имъ посту; но, по объясненію его, за всѣми разсчетливыми распоряженіями, долги угнетаютъ его при многочисленномъ семействѣ. На вопросъ мой о доходахъ его, онъ отвѣтствовалъ, что не получаетъ полнаго штатнаго директорскаго жалованья, что онъ со времени вступленія въ званіе директора ежегодно награждаемъ былъ только (sic) пятью стами рублями, которые обращены ему послѣ въ жалованье, и что чрезъ семь лѣтъ (ясное указаніе на то, что домогательства Яковкина передъ Вол-

---

* Это писалось какъ разъ въ то время, когда въ полномъ движеніи находилось дѣло о неудовлетворительной постановкѣ въ гимназіи преподаванія!

конскимъ относятся къ началу 1812 года) не получая награжденья (?), онъ лишается 3500 рублей изъ штатнаго жалованья. Входя въ положеніе г. директора Яковкина и уважая отличные труды его по званію директора и профессора, всепокорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, въ надеждѣ на вашу родственническую (sic) дружбу и благорасположеніе къ служащимъ подъ милостивымъ вашимъ начальствомъ, о исходатайствованіи у Высокомонаршаго Престола г. Яковкину достодолжнаго воздаянія и пособія въ бѣдномъ его положеніи *.—Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. Г. Волконскій".

Графъ Разумовскій не преминулъ выказать свояку свою „родственническую" дружбу и сдѣлалъ соотвѣтствующій запросъ Румовскому. Старый попечитель оказался настолько безпристрастнымъ, что подробно изложилъ министру (отъ 11-го іюня) всѣ службы Яковкина и всѣ полученныя и получаемыя имъ за нее вознагражденія и награды, откуда ясно вытекало, что въ этомъ отношеніи директору положительно не на что было жаловаться; попечитель въ заключеніе высказывается, тѣмъ не менѣе, въ томъ смыслѣ, что „Яковкинъ достоенъ того, что бы у монаршаго престола исходатайствовать, въ ободреніе его, соразмѣрное трудамъ его воздаяніе, составляющее годовое профессора жалованье". Графъ Разумовскій вошелъ по этому поводу съ соотвѣтствующимъ представленіемъ въ комитетъ министровъ, но рѣшеніе послѣдняго воспослѣдовало лишь черезъ полтора года, о чемъ министръ народнаго просвѣщенія отъ 7-го января 1814 года и поставилъ въ извѣстность попечителя округа Салтыкова, увѣдомляя его, что „Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, повелѣть соизволилъ на выдачу Яковкину, въ награду усердной службы, двѣ тысячи рублей, единовременно, изъ хозяйственной университетской суммы". Обрадованный Яковкинъ поспѣшилъ обратиться къ гр. Разумовскому съ письмомъ (отъ 1-го февраля 1814 г.), въ которомъ изъявляетъ ему чувства льстивой благодарности какъ лично отъ себя, такъ и отъ „освобожденнаго отъ бремени бѣдности, его отягощавшей" своего семейства и приноситъ министру обѣтъ дальнѣйшимъ прохожденіемъ службы „являть себя достойнымъ вниманія вашего сіятельства, тѣмъ паче,—для чего то добавляетъ онъ, — что я имѣлъ счастье содѣлаться вашему сіятельству лично

---

* Это вмѣшательство совершенно постороннихъ лицъ въ дѣла учебнаго вѣдомства представлялось явленіемъ, какъ извѣстно, весьма обыкновеннымъ въ ту пору, къ которой относится наше повѣствованіе. Невольно приходятъ на память слова гоголевскаго смотрителя училищъ: «Не приведи Богъ служить по ученой части... Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ».

извѣстнымъ при образованіи и обученіи любезнѣйшихъ сыновъ вашихъ, графовъ Петра и Кирилла Алексѣевичей" [223].

Это неожиданное „поощреніе" дѣятельности Яковкина послѣ тѣхъ аттестацій, которыя были представлены имъ министру, должно было крайне невыгодно повліять на характеръ дальнѣйшихъ отношеній между попечителемъ и директоромъ. Въ концѣ 1814 года,—коснемся этого интереснаго дѣла теперь же, что бы впослѣдствіе уже не возвращаться къ нему,—произошелъ новый инцидентъ съ Яковкинымъ, наглядно доказавшій, на сколько надежнымъ оказался тотъ путь воздѣйствія на министра черезъ посредство весьма добродушнаго, повидимому, оренбургскаго военнаго губернатора, который такъ предусмотрительно избранъ былъ ловкимъ директоромъ. Вся эта довольно некрасивая исторія, возстановляемая на основаніи данныхъ, найденныхъ нами въ архивныхъ матеріалахъ министерства народнаго просвѣщенія, представляется настолько характерною, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней съ нѣкоторою подробностью.

Дѣло началось съ того, что попечитель Салтыковъ, производя въ октябрѣ 1814 года ревизію гимназическихъ суммъ, обнаружилъ, что директоръ самовольно взялъ себѣ изъ нихъ жалованье за будущій 1815 годъ. Оказалось, что это была уже не первая продѣлка Яковкина въ томъ же родѣ, что и заставило попечителя прибѣгнуть къ экстренной мѣрѣ: онъ немедленно опечаталъ всѣ гимназическія суммы и предложилъ университетскому правленію (университетъ уже былъ открытъ въ то время на основаніи устава 1804 года) принять эти суммы въ свое вѣданіе, производя изъ нихъ выдачи по формальнымъ требованіямъ гимназической конторы. Одновременно съ этимъ Салтыковъ обратился къ министру съ слѣдующимъ донесеніемъ отъ 26-го октября 1814 года:

„По пріѣздѣ моемъ въ Казань усмотрѣлъ я, что годовыя отчетныя вѣдомости за 1812 годъ, представленныя вашему сіятельству, не подписаны членомъ конторы профессоромъ Арнгольдтомъ; при изслѣдованіи тому причинъ и при освидѣтельствованіи денежныхъ суммъ въ гимназическомъ казначействѣ нашелъ я, что директоромъ гимназіи Яковкинымъ забрано казенныхъ денегъ около трехъ тысячъ рублей впередъ. Таковой беззаконный поступокъ надлежало бы мнѣ тогда же донести вашему сіятельству; но, уважая долговременное Яковкина служеніе и многолюдное его семейство, оставилъ я оный безъ дальняго взысканія, а подтвердилъ токмо внести тѣ деньги и впредь воздерживаться отъ подобныхъ поступковъ. Но, осматривая сего мѣсяца 24-го числа гимназическія суммы, усмотрѣлъ, что директоромъ Яковкинымъ, не взирая на мое подтвержденіе, забрано изъ казенныхъ денегъ за 1815 годъ жалованье".

Донося, далѣе, министру объ экстренной мѣрѣ, принятой имъ по отношенію къ гимназическимъ суммамъ, Салтыковъ даетъ своему донесенію слѣдующее заключеніе:

„Беззаконные поступки Яковкина долгомъ поставляю представить на усмотрѣніе вашего сіятельства, причемъ покорнѣйше прошу не оставить оные безъ законнаго взысканія. Оставить гимназическую сумму не могу я въ распоряженіи конторы потому, что она состоитъ изъ подчиненныхъ директора, изъ коихъ казначей отозвался, что поступкамъ и приказаніямъ начальника противиться не осмѣлился, да и прочіе члены конторы не воспрещали директору забирать незаконнымъ образомъ изъ казначейства казенныя деньги“.

Казалось бы, что на почвѣ такаго попечительскаго донесенія должно было создаться уголовное преслѣдованіе противъ самовластныхъ дѣйствій Яковкина. На дѣлѣ же оказалось совершенно обратное. Какъ это ни странно, но въ извѣстной степени виноватымъ оказался во всемъ.... самъ же обличитель Яковкина, попечитель Салтыковъ. „Родственническая“ дружба къ министру князя Волконскаго оказала и на этотъ разъ, какъ можно думать, свое магическое дѣйствіе.

Совершенно оставить безъ вниманія поступокъ Яковкина графъ Разумовскій почелъ, конечно, неблаговиднымъ: „Прошу васъ, — писалъ онъ Салтыкову (отъ 26-го ноября),—сдѣлать ему за сіе отъ имени моего строгій выговоръ, съ тѣмъ подтвержденіемъ, что если впредь учинитъ таковой поступокъ, то будетъ преданъ сужденію по законамъ; между тѣмъ, прикажите остановить у него жалованье по званію профессора, доколѣ изъ онаго пополнится взятая имъ впередъ изъ гимназіи сумма“. Чрезвычайную мѣру, предпринятую попечителемъ по отношенію къ гимназическимъ суммамъ, министръ не одобрилъ: „Вина одного члена,—писалъ онъ,— не даетъ права къ нарушенію высочайше утвержденныхъ уставовъ казанской гимназіи, отмѣнять дѣйствіе которыхъ не иначе можно, какъ съ высочайшаго же повелѣнія *; потому прошу васъ обратить экономическую часть гимназіи въ тотъ порядокъ, въ какомъ, по гимназическому уставу, ей быть слѣдуетъ“.

Совершенно неожиданными явились, конечно, для Салтыкова заключительныя фразы предложенія графа Разумовскаго, въ которыхъ не только

---

* Это заключеніе министра явилось лишь буквальнымъ повтореніемъ оправдательныхъ доводовъ, изложенныхъ Яковкинымъ въ письмѣ къ министру отъ 27-го октября, которое нами не приводится.

не сказывалось осужденіе противозаконныхъ поступковъ Яковкина, но проглядывало даже косвенное ихъ оправданіе:

„Директоръ Яковкинъ обремененъ семействомъ и нужды его заставили, можетъ быть, забрать впередъ жалованье. Онъ получаетъ только половинное жалованье по званію директора гимназіи, хотя, какъ извѣстно мнѣ, неоднократно просилъ о произведеніи ему и другой половины жалованья. Убѣждаясь долговременною службою его и большимъ семействомъ, требующимъ отъ него содержанія своего, прошу васъ увѣдомить меня—не находите ли удобности, что бы и другая половина жалованья была ему выдаваема".

Попечитель Салтыковъ не только не усмотрѣлъ никакой „удобности" въ сущности этого, болѣе нежели страннаго, запроса министра, но отвѣтилъ графу Разумовскому слѣдующимъ, довольно рѣзкимъ, представленіемъ:

„Въ отношеніи вашемъ отъ 26-го ноября за № 3584,—отписывалъ попечитель министру,—вы предписываете васъ увѣдомить, не нахожу ли я удобности, что бы директору Яковкину, получающему половину жалованья директорскаго, была выдаваема и другая половина. На сіе отвѣтствую, что я нахожу г. Яковкина не заслуживающаго вашего снисхожденія и столь милостиваго вниманія; напротивъ того, за гнусные его поступки, нерадѣніе къ должности, упущенія по службѣ, ослушаніе, грубость и дерзость противъ начальства—надлежало бы его удалить отъ службы. Съ открытія университета рѣдко является въ совѣтъ и на лекціи приходитъ послѣ полудня въ нетрезвомъ видѣ. Въ прошломъ году былъ уличенъ въ похищеніи казенныхъ денегъ, въ нынѣшнемъ—тоже. Долговременная служба тогда только вмѣняется въ достоинство, когда она—безпорочна, а г. Яковкинъ со времени моего здѣсь пребыванія всегда подвергалъ себя нареканію, и отъ того казанская гимназія потеряла довѣріе публики *.

И такъ—въ волѣ вашего сіятельства оставить его въ университетѣ, но въ гимназіи директоръ обязанъ подавать примѣръ ввѣренному его надзору юношеству, наиболѣе нравственностью, а г. Яковкинъ, вмѣсто уваженія, обратилъ на себя какъ отъ публики, такъ и отъ питомцевъ—презрѣніе и негодованіе. Слѣдовательно, общая польза требуетъ, что бы директоръ Яковкинъ въ семъ званіи не оставался".

На этомъ попечительскомъ отвѣтѣ дѣло, по матеріаламъ архива министерства народнаго просвѣщенія, и обрывается [224]. Послѣдующіе факты свидѣтельствуютъ намъ, однако же, что Яковкинъ былъ не только остав-

---

* Попечитель Салтыковъ повторяетъ здѣсь, такимъ образомъ, то же нареканіе по адресу Яковкина, которое еще въ 1807 году оффиціально заявлялось казанскимъ губернаторомъ Мансуровымъ.

ленъ директоромъ гимназіи, но что 25-го января 1816 года графъ Разумовскій предписалъ выдавать ему, за должность директора, и вторую половину жалованья, о чемъ тотъ такъ и хлопоталъ [225].

Успѣхи, достигнутые Яковкинымъ въ министерствѣ и объясняемые, конечно, припутавшимися къ дѣлу родственными отношеніями между министромъ и покровителемъ директора, княземъ Волконскимъ, не могли не раздражать самолюбиваго Салтыкова, увидѣвшаго себя побѣжденнымъ такимъ ничтожествомъ, какимъ представлялся, въ его глазахъ, Яковкинъ. Мы считаемъ болѣе нежели вѣроятнымъ, что этотъ неожиданный для него, конечно, оборотъ борьбы съ директоромъ въ министерствѣ—былъ одною изъ причинъ того апатичнаго упадка духа, чувства разочарованія въ своей дѣятельности и презрительнаго отношенія къ директору, которые такъ рельефно выступаютъ во вторую (съ 1816 года) эпоху его переписки съ Броннеромъ. Тѣ же самыя условія не могли, съ другой стороны, не произвести извѣстнаго подъема духа въ самомъ Яковкинѣ, не заставить его снова вспомнить о годахъ своего былого могущества и не побудить его предпринять попытку новой борьбы на почвѣ уже казанскихъ отношеній. Такая борьба, въ которой противникомъ директора выступилъ проф. Арнгольдтъ, и возгорѣлась въ самомъ началѣ 1814 года; эта борьба явилась впрочемъ, уже послѣднею, передъ введеніемъ въ дѣйствіе устава 1804 года, открытою вспышкою властолюбивыхъ поползновеній Яковкина.

Дѣло возникло, на этотъ разъ, на почвѣ дѣлъ конторскихъ—именно изъ за произведенной осенью 1813 года массовой вставки въ гимназическихъ зданіяхъ оконныхъ стеколъ, потребовавшейся послѣ выѣзда изъ нихъ временно гостившихъ московскихъ институтовъ. Въ засѣданіи конторы 30-го января 1814 года состоялось журнальное опредѣленіе о выдачѣ за эту хозяйственную операцію 400 руб. 91 коп. гимназическому контрагенту, мѣщанину Худякову. Профессору Арнгольдту, еще въ октябрѣ 1812 года заступившему мѣсто Фукса по званію члена конторы отъ университета, сумма эта показалась чрезмѣрною, вслѣдствіе чего, подписывая журналъ, онъ приписалъ къ нему и свое отдѣльное мнѣніе, слѣдующаго содержанія: „Большее количество вставленныхъ стеколъ въ прошедшей трети, но неизвѣстное, заслуживаетъ строжайшаго изслѣдованія и должно быть представлено вашему превосходительству (т. е. попечителю), до того жъ времени денегъ не выдавать“.

Если въ этой припискѣ и таилась для кого либо обида, то прежде всего, конечно, для гимназическаго квартирмейстера (по нынѣшнему—экзекутора), въ ближайшемъ вѣданіе котораго находились чистота и благо-

устройство гимназическихъ зданій, но въ данномъ случаѣ счелъ нужнымъ оскорбиться директоръ гимназіи и предсѣдатель конторы Яковкинъ. И вотъ контора, иначе—самъ Яковкинъ, 3-го февраля вошла къ попечителю съ рапортомъ, въ которомъ указывалось совершенное Арнгольдтомъ превышеніе своихъ полномочій по званію члена конторы, такъ какъ уставъ гимназіи предоставляетъ „всѣ вѣдомости квартермистра повѣрять и отвращать всякую потерю казны директору гимназіи"; слѣдовательно, противозаконнымъ являлось, по мнѣнію конторы, уже самое вмѣшательство въ это дѣло члена отъ университета. Сказавшееся въ этомъ вопросѣ раздраженіе Яковкина противъ Арнгольдта находитъ себѣ объясненіе въ фактѣ особаго довѣрія къ послѣднему и явнаго недовѣрія къ первому, выказанныхъ попечителемъ еще весною предшествовавшаго года, послѣ уже извѣстнаго намъ констатированія имъ безобразнаго состоянія университетскихъ и гимназическихъ зданій. Салтыковъ поручилъ тогда общій надзоръ за очисткою отъ грязи гимназическихъ дворовъ Арнгольдту, который и очистилъ эти „авгіевы конюшни" трудомъ „колодниковъ" (арестантовъ), употребивъ на это до 125-ти рублей; это порученіе было, конечно, принято Яковкинымъ, какъ прямое нарушеніе его прерогативъ, въ качествѣ директора гимназіи.

Получивъ рапортъ конторы, Салтыковъ, имѣвшій полную возможность покончить съ этимъ пустымъ дѣломъ въ самомъ началѣ и не дать ему обостриться, поступилъ нѣсколько маккіавелистически: онъ передалъ рапортъ въ совѣтъ университета, предписавъ ему (отъ 11-го февраля)— „изслѣдовать изображенные въ ономъ поступки г. профессора Арнгольдта, взять съ него по сему объясненіе и довесть до свѣдѣнія моего". Простое конторское недоразумѣніе превращалось, тѣмъ самымъ, въ цѣлое совѣтское дѣло. 14-го числа въ совѣтъ поступило обширное объясненіе Арнгольдта, въ которомъ этотъ послѣдній оказался, однако, не въ состояніи сформулировать сколько нибудь серьезныя обвиненія по самому существу дѣла, ограничившись общими разсужденіями о предѣлахъ компетенціи конторы, какъ коллегіальнаго установленія, и директора, какъ ея предсѣдателя. Указывая чисто формальныя упущенія въ вопросѣ о вставкѣ стеколъ (непрочтеніе въ засѣданіи рапорта квартирмейстера, отсутствіе по этому дѣлу сужденія, неизвѣстность самаго времени производства работъ и т. п.), Арнгольдтъ настаиваетъ на свободѣ мнѣнія и слова каждаго члена конторы, самовольно ограничиваемыхъ директоромъ. По этому поводу Арнгольдтъ приводитъ слѣдующую любопытную справку:

„Когда г. директоръ гимназіи присвоивалъ себѣ власть распоряжать отъ своего имени по дѣламъ безъ вѣдома конторы и сіе усмотрѣно г. министромъ графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ, то онъ изволилъ предписать конторѣ въ 1812 году, 12 сентября, за № 739-мъ: Усматриваю я изъ представляемыхъ меморій конторы, что не только отъ чиновниковъ гимназіи, но и отъ самихъ членовъ конторы, рапорты подаются по дѣламъ на лицо директора, а не конторы, а также директоръ отъ своего лица дѣлаетъ разныя приказанія о приведеніи къ исполненію нѣкоторыхъ дѣлъ, какъ то видно изъ меморіи отъ 5-го августа, статьи 3-ей и 5-ой, между тѣмъ какъ на сей конецъ учреждена контора, которая, составляя родъ присутственнаго мѣста, должна управлять всѣми дѣлами по хозяйственной части; почему, находя сіе несогласнымъ съ узаконеніями, предписываю, что бы всѣ подобныя распоряженія не были дѣлаемы отъ лица директора, но отъ конторы, какъ мѣста присутственнаго".

Не остался, конечно, въ долгу и директоръ Яковкинъ, 25-го февраля вошедшій въ совѣтъ съ изложеннымъ „по титулѣ", „по пунктамъ" и по всѣмъ правиламъ приказнаго дѣлопроизводства того времени прошеніемъ на высочайшее имя (дѣло ставилось директоромъ, какъ видитъ читатель, на почву серьезнаго сутяжничества), въ которомъ оспариваетъ правильность толкованія противникомъ существующихъ узаконеній и обвиняетъ его въ томъ, что онъ въ „объясненіи своемъ поноситъ меня предъ совѣтомъ казанскаго университета, что, яко бы, я присвоивалъ себѣ власть распоряжать отъ имени своего по дѣламъ безъ вѣдома конторы", что „чрезъ таковое публичное меня поношеніе и присвоеніе мнѣ самовластія сдѣлалъ онъ, г. Аргольдтъ, мнѣ обиду, въ противность военнаго устава 151-го артикула и морскаго 5-ой книги главы 1-ой пункта 4-го и высочайшаго Вашего Императорскаго Величества манифеста о тишинѣ и спокойствіи, состоявшагося 1787 года, апрѣля 21-го дня, 13-ой и 16-ой статей и т. п.". Въ заключеніе директоръ всеподданнѣйше проситъ, дабы „высочайшимъ Императорскаго Величества указомъ повелѣно было за нанесенное публичое поношеніе меня г. Аргольдтомъ поступить, какъ законы повелѣваютъ".

На это всеподданнѣйшее прошеніе послѣдовало со стороны Аргольдта новое объясненіе, также уснащенное ссылками на существующія узаконенія, въ которомъ Аргольдтъ въ свою очередь жалуется на „поношенія", учиненныя ему директоромъ: „Господинъ Яковкинъ,—читаемъ здѣсь,—поноситъ меня непонимающимъ, изобличающимся, неудобопонятнымъ, къ весьма чувствительной личной меня обидѣ, съ каковыми выраженіями вхо-

дящія въ судебныя мѣста бумаги всегда возвращаются подавателямъ ихъ обратно, ибо просьбъ съ укорительными выраженіями, на основаніи генеральнаго регламента 55-ой главы и воинскаго артикула 32-й и 149-ой, указовъ 29-го ноября 1753 года и 13-го сентября 1764 года, принимать строго воспрещено". Представивъ, далѣе, рядъ доводовъ въ подтвержденіе своей правоты передъ директоромъ, Арнгольдтъ полагаетъ себѣ „въ несумнѣнную надежду, что правительство оградитъ меня защитою отъ безвиннаго порицанія господиномъ Яковкинымъ выраженіями, въ противность закона въ просьбѣ его г. Яковкина помѣщенными".

Ссора профессоровъ облеклась, какъ видимъ, въ типичныя черты стараго приказнаго крючкотворства дореформенной Руси и, въ этой обстановкѣ своей, должна была поставить въ немалое затрудненіе совѣтъ университета, состоявшій почти поголовно изъ иностранцевъ, неожиданно призванныхъ разбираться во всѣхъ этихъ ухищреніяхъ русской судебной казуистики начала XIX-го столѣтія. Въ засѣданіи 28-го февраля постановлено было сдѣлать переводъ всѣхъ поданныхъ сторонами бумагъ на нѣмецкій языкъ — но и это плохо подвинуло дѣло впередъ и, въ началѣ апрѣля, попечителю пришлось поставить совѣту на видъ, что онъ „еще къ слѣдствію не приступалъ", предложивъ къ оному „немедленно приступить". 8-го апрѣля совѣтъ опредѣлилъ образовать для разслѣдованія дѣла коммиссію изъ профессоровъ Финке, Литтрова, Городчанинова и адъюнкта Лубкина, но коммиссія эта сформироваться не могла: Лубкинъ отвелъ себя отъ участія въ ней, въ виду подначальнаго, по званію инспектора гимназіи, отношенія своего къ Яковкину, профессоръ же Литтровъ отказался отъ участія въ ней въ виду, во первыхъ—слабаго знанія русскаго языка, во вторыхъ—незнакомства съ юриспруденціею, и, въ третьихъ—прежнихъ недоразумѣній своихъ съ директоромъ. Поставленный въ безвыходное положеніе полной въ этомъ дѣлѣ безпомощности, совѣтъ, въ концѣ концовъ, постановилъ представить всю эту кляузу на благоусмотрѣніе попечителя, чѣмъ дѣло, какъ кажется, и закончилось.

Разсказанное нами столкновеніе въ результатѣ своемъ имѣло, тѣмъ не менѣе, новый чувствительный уколъ для самолюбія Яковкина. 23-го марта проф. Арнгольдтъ вошелъ къ попечителю съ прошеніемъ объ увольненіи его отъ званія члена конторы, такъ какъ онъ „по слабости здравія должность сію исполнять долѣе не въ состояніи, безъ особаго вреда слабому здоровью". Салтыковъ отклонилъ это прошеніе (8-го апрѣля), категорически объявивъ Арнгольдту, что онъ не только находитъ „необходимымъ присутствовать ему членомъ въ конторѣ и потому уволить его отъ

сей должности не можетъ", но, въ видахъ „большей удобности", предложилъ отвести ему казенную квартиру, которую передъ тѣмъ занималъ Яковкинъ [226]. Такимъ образомъ и это дѣло, возбужденное директоромъ, повело за собою его новое, хотя на этотъ разъ и косвенное, пораженіе.

Ко времени полнаго открытія казанскаго университета чувство враждебнаго раздраженія между Салтыковымъ и Яковкинымъ достигло крайняго напряженія и отлилось со стороны директора въ открытую жалобу его министру на попечителя. Эта жалоба, облеченная въ форму письма отъ 12-го іюля 1814 года, найдена нами въ архивныхъ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія и представляетъ собою настолько значительный интересъ съ точки зрѣнія біографическихъ данныхъ о Яковкинѣ, характеристики обоихъ противниковъ и ихъ взаимныхъ отношеній, что мы считаемъ необходимымъ привести письмо-жалобу Яковкина въ его полномъ видѣ:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!—писалъ онъ графу Разумовскому.—Совершившееся сего 5-го числа открытіе казанскаго университета подаетъ мнѣ смѣлость откровенно объясниться предъ вашимъ сіятельствомъ касательно бывшаго мнѣ ввѣреннымъ осмилѣтняго управленія онымъ, такъ и о моемъ состояніи. Совершенно чуждъ будучи самовольства, я дерзаю изложить токмо объ истинныхъ, до меня касающихся, происшествіяхъ, утверждающихся на постановляемыхъ протоколахъ и на послужномъ моемъ спискѣ.

По причинѣ увеличивавшейся въ С.-Петербургѣ на все дороговизны и умножавшагося моего семейства, принужденъ я былъ въ 1799 году оставить служеніе мое въ учительской гимназіи, что нынѣ педагогическій институтъ, въ пажескомъ и пѣвческомъ корпусахъ и въ измайловскомъ инженерномъ кадетскомъ училищѣ. Основывавшаяся тогда въ Казани гимназія подала случай въ сей перемѣнѣ. Уволенъ будучи изъ коммиссіи училищъ съ достойнымъ и похвальнымъ аттестатомъ, не преминулъ я, по должности инспектора и учителя наукъ, при основаніи сей гимназіи оказать опытность мою и всевозможное усердіе къ службѣ. Предварительное образованіе учебной, воспитательной и экономической части ускорило и самое ея открытіе при составленныхъ мною потребныхъ наставленіяхъ для руководства всякому при ней человѣку. При разныхъ въ ней перемѣнахъ начальниковъ, многократно я управлялъ ею въ званіи директора дотолѣ, какъ въ 1804 году допущенные послѣднимъ директоромъ въ гимназіи безпокойства побудили покойнаго г. министра народнаго просвѣщенія графа П. В. Завадовскаго, лично и коротко меня по службѣ моей знавшаго *, въ засѣда-

* Графъ П. В. Завадовскій былъ предсѣдателемъ коммиссіи училищъ, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ Яковкинъ въ петербургскій періодъ своей службы.

ніи главнаго училищъ правленія утвердить меня директоромъ казанской гимназіи.

При воспослѣдовавшемъ основаніи казанскаго университета въ 1805 году, удостоенъ я при немъ званія профессора, съ препорученіемъ мнѣ надлежащаго образованія ученой, воспитательной и экономической его частей. Толь отличная ко мнѣ довѣренность начальства усугубила мое рвеніе къ службѣ и усиліями моими я постарался оправдать ее и быть достойнымъ. Предварительное устроеніе предписанныхъ въ уставѣ университетскомъ комитетовъ, пріобрѣтеніе покупкою четырехъ для университета и трехъ для гимназіи домовъ и занятіе принадлежащихъ къ нимъ девяти пустыхъ мѣстъ, съ согласія градоначальства; устроеніе азіятской и россійской при университетѣ типографій, введенный по всѣмъ частямъ порядокъ, одобренный всѣми г.г. сенаторами, обозрѣвавшими съ казанскою губерніею купно университетъ и гимназію, какъ то доказываютъ постановленные по ихъ приказаніямъ протоколы въ совѣтѣ и конторѣ—обратили на меня благоволѣніе Государя Императора, удостоившаго мое служеніе пожалованіемъ ордена св. Владиміра четвертой степени и пріобрѣли лестное благорасположеніе казанской публики и сосѣдственныхъ губерній. Таково было донынѣ, по милости Господней, мое положеніе. Хотя зависть, злоба и клевета иногда изощряли противъ меня ядовитыя свои стрѣлы, но Провидѣніе, созерцающее мою совѣсть и невинность — пріосѣняло всегда Божественнымъ своимъ покровомъ.

По кончинѣ бывшаго г. попечителя С. Я. Румовскаго, чрезъ многіе годы въ С.-Петербургѣ меня лично знавшаго и потомъ покровительствовавшаго, ярость, злобы и клеветы снова на меня вооружились. Нѣкоторые бывшіе чиновники казанскаго университета, за безпокойный свой характеръ изъ него удаленные начальствомъ, не преминули нынѣшняго г. попечителя М. А. Салтыкова, еще въ Петербургѣ, противъ меня предубѣдить и вооружить столько, что, по пріѣздѣ его въ Казань, всѣ мои усилія о снисканіи его благорасположенія были тщетны. При разныхъ случаяхъ испытавъ личное его на меня негодованіе, вынужденъ я былъ рѣшиться, что бы мало по малу уклоняться отъ грозящей мнѣ бури. Сіе было причиною, что я, оставивъ должность инспектора студентовъ и сдавъ ее преемнику законнымъ порядкомъ, долженъ былъ стараться (?) оставить и казенную квартиру. При помощи, оказанной мнѣ начальственнымъ ходатайствомъ вашего сіятельства, монаршей милости единовременнымъ пожалованіемъ 2-хъ тысячъ рублей, а частью и зашедъ въ долги, вынужденъ былъ построить приличный домикъ и, въ него перемѣстившись, остаться при званіи профессора и директора гимназіи, нынѣ отъ университета отдѣленной.

За послѣднюю должность получаю я только половинное жалованье, хотя многіе и учители гимназіи, отправляющіе двѣ должности, и штатное жалованье, съ соизволенія г. попечителя, получаютъ полное за

обѣ. Просилъ я формально г. попечителя объ уравненіи меня съ ними; но не только не получилъ никакого удовлетворенія, а еще вынуждаетъ онъ меня, что бы оставить званіе директора. Причины къ тому очевидному притѣсненію ни малѣйшей я не подалъ, потому что порядокъ, заведенный съ самаго открытія гимназіи, пятнадцатилѣтнимъ опытомъ усовершенствованный и прежнимъ начальствомъ во всѣхъ частяхъ одобренный, сохраняется неослабно, что доказываютъ болѣе двухсотъ молодыхъ людей, отличающіеся на поприщѣ военнаго и гражданскаго служенія, при моемъ управленіи образовавшіеся или въ одной только сперва гимназіи, или, потомъ, и въ университетѣ.

Я не дерзнулъ бы такимъ образомъ объясняться предъ вашимъ сіятельствомъ, ежели бы лично г. попечителя негодованіе устремлено было на одного меня, хотя уже и то невинному переносить тяжко и прискорбно; но оно простирается и на управляемую мною подъ его начальствомъ казанскую гимназію, доказательствомъ чего служитъ:

1) Что въ ботаническій садъ нанятъ садовникъ за 300 рублей на счетъ гимназіи, для довольствованія стола гимназистовъ зеленью, которой они ни одного золотника донынѣ не получили.

2) Г. попечитель предписалъ правленію университета пріискать на счетъ гимназіи для университетскихъ и, купно, гимназическихъ строеній, съ пристойнымъ жалованьемъ, знающаго архитектора, въ коемъ гимназіи нѣтъ никакой надобности, какъ имѣющей уже способныхъ для того чиновниковъ.

3) Онъ же предписалъ совѣту гимназіи, что бы гимназическому публичному собранію быть вмѣстѣ съ университетскимъ, не назначивъ для сего дня и позволивъ употребить до 250 рублей изъ гимназической суммы на издержки, съ тѣмъ, что бы на угощеніе сумму отправить въ университетское правленіе, для употребленія при собраніи университетскомъ. По причинамъ, отъ совѣта казанской гимназіи представленнымъ, воспослѣдовало второе предписаніе, что бы быть гимназическому собранію отдѣльно отъ университетскаго 30-го іюня, что и исполнено, и тѣмъ вмѣсто 250 рублей гимназическихъ, слѣдовавшихъ большею частью для университетскаго собранія, употреблено только около 75 рублей, когда гимназическая касса и безъ того уже весьма много университетомъ истощена. По основаніи университета покупка трехъ частныхъ домовъ для отдѣленія гимназіи и помѣщенія ея за 41 тыс. рублей и требовавшіяся для таковаго учебнаго заведенія перестройки и пристройки, стоящія около 40 тыс. рублей, были, большею частью, слѣдствіемъ экономіи гимназической, не включая въ сіе число обращающихся болѣе десяти лѣтъ въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ изъ процентовъ 20 тыс. рублей. Нынѣ гимназія имѣетъ весьма значительныя требованія на университетскую сумму; но будутъ ли и когда они удовлетворены—покажетъ время, поелику прошедшіе годы доказали уже, что она терпѣла большой убытокъ отъ университета.

Преклонность лѣтъ моихъ, ослабѣвающее отъ тридцатичетырехълѣтняго служенія отечеству и отъ семейственныхъ кровныхъ потерь здоровье и зрѣніе, обязанности отца немногочисленнаго, но непристроеннаго, его семейства, опасеніе отъ неправедныхъ доносовъ, заслуженное пятнадцатилѣтнимъ въ Казани служеніемъ особенное довѣріе публики, чистота невинной совѣсти, терпимыя различныя притѣсненія—принудили меня представить всѣ оныя обстоятельства на милостивое вашего сіятельства благоусмотрѣніе и покровительство.

Благоволите, сіятельный графъ, снисходительно простить, что я дерзнулъ похитить нѣсколько минутъ вашего драгоцѣннаго времени, посвященнаго важнѣйшимъ государственнымъ занятіямъ: притѣсняемая невинность проситъ защиты и покрова.... Самъ Всевышній ублажаетъ милостивыхъ, иже покровительствуютъ чистымъ сердцемъ!

С истиннымъ глубочайшимъ почитаніемъ и пр.

Илья Яковкинъ" [227].

Салтыкову не могло, конечно, не сдѣлаться извѣстнымъ содержаніе этого директорскаго письма, тѣмъ болѣе, что онъ вскорѣ послѣ его отправки находился въ Петербургѣ, гдѣ у него происходили, по всей вѣроятности, и личные переговоры съ министромъ по поводу Яковкина. Не могли содѣйствовать улучшенію отношеній между попечителемъ и директоромъ ни это письмо, ни послѣдовавшая въ началѣ зимы того же года уже извѣстная намъ исторія съ забранными Яковкинымъ изъ гимназическаго казначейства деньгами, восходившая на разсмотрѣніе министра и изъ которой директору удалось такъ счастливо выпутаться. 27-го октября Яковкинъ, въ письмѣ къ министру по поводу этой исторіи, снова жаловался графу Разумовскому на предубѣжденное отношеніе къ нему Салтыкова: „Не дерзнулъ бы я и нынѣ безпокоить ваше сіятельство,—писалъ онъ министру,—ежели бы при разныхъ случаяхъ оказанное мнѣ личное нерасположеніе г. попечителя не предполагало могущихъ быть къ вашему сіятельству предосудительныхъ для меня представленій его по сему дѣлу".

Взаимное раздраженіе между Салтыковымъ и Яковкинымъ росло не по днямъ, а по часамъ, и сохранившіяся до насъ оффиціальныя данныя едва ли въ состояніи въ сколько нибудь достаточной степени освѣтить все то, что происходило между самолюбивымъ аристократомъ - попечителемъ и все терявшимъ и озлобленнымъ директоромъ на почвѣ создавшихся между ними отношеній.

На сколько страстными являлись эти отношенія, наглядно иллюстрируется почти невѣроятнымъ фактомъ, указаніе на который удалось намъ розыскать въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ „дѣлѣ по

письму профессора Яковкина о происшедшей ссорѣ съ нимъ попечителя казанскаго университета". Оказывается, что вражда между начальникомъ и подчиненнымъ достигла такихъ геркулесовыхъ столбовъ своего ожесточенія, что 12-го декабря 1814 года дѣло дошло у нихъ, въ квартирѣ попечителя—почти до драки, давшей поводъ цѣлой секретной административной перепискѣ. Получивъ свѣдѣнія о разыгравшемся въ Казани скандалѣ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій 16-го января 1815 года обратился съ слѣдующимъ конфиденціальнымъ письмомъ къ управляющему министерствомъ полиціи С. К. Вязмитинову:

„Милостивый государь мой Сергѣй Козьмичъ!—До свѣдѣнія моего дошло, что между попечителемъ казанскаго университета, дѣйствительнымъ камергеромъ Салтыковымъ, и профессоромъ Яковкинымъ возникла вражда до того, что 12-го декабря прошлаго 1814 года попечитель въ домѣ своемъ вступилъ съ нимъ въ личную почти драку. Происшествіе таковое, конечно, въ Казани должно быть извѣстно. Но какъ не имѣю тамъ никого, кто бы могъ безпристрастно сдѣлать объ ономъ донесеніе, то покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство въ особенное одолженіе мнѣ поручить кому либо подъ рукою, не разглашая, узнать объ истинѣ сего происшествія; также, какая причина вражды между попечителемъ и Яковкинымъ и не примѣчено ли за послѣднимъ какихъ дурныхъ качествъ относительно поведенія его; на какомъ онъ счету у жителей и, вообще, у тамошней публики; равнымъ образомъ—прилежно ли направляетъ обязанности свои какъ по университету, такъ и по гимназіи, въ которой онъ директоромъ".

Исполняя просьбу графа Разумовскаго, Вязмитиновъ секретно снесся по этому поводу съ правящимъ должность казанскаго гражданскаго губернатора и 8-го марта препроводилъ министру слѣдующій секретный же отвѣтъ его отъ 16-го февраля:

„На предписаніе вашего высокопревосходительства за № 45-мъ о ссорѣ, происшедшей между дѣйствительнымъ камергеромъ Салтыковымъ и профессоромъ Яковкинымъ, честь имѣю донести. По всѣмъ моимъ, подъ рукою, изысканіямъ, присовокупивъ къ тому и мнѣніе публики, благородными чувствами отличающейся отъ прочихъ (sic), публику же составляюшихъ, нашелъ, что г. попечитель, при дѣятельномъ исправленіи важной обязанности образованія юношества, столько счастливъ во всѣхъ какъ чиновникахъ университета, такъ и учащихся подъ его попеченіемъ, что всѣ къ нему имѣютъ не только уваженіе по мѣсту, имъ занимаемому, но уваженіе къ его познаніямъ, достоинствамъ и къ тѣмъ благороднымъ и кроткимъ чувствамъ, которыми онъ себя совершенно отличаетъ.

Это есть общее у насъ объ немъ мнѣніе. О господинѣ же профессорѣ Яковкинѣ публика дѣлаетъ отзывы не такъ для него лестные

Что же произошло между ними въ комнатѣ, какъ безъ свидѣтелей, то и остается въ неизвѣстности" [228].

Дальнѣйшаго производства по поводу этого инцидента въ дѣлѣ не имѣется. Замѣтимъ, кстати, что раздражительность Салтыкова, сказавшаяся въ этомъ таинственномъ столкновеніи его съ Яковкинымъ, находитъ себѣ, быть можетъ, нѣкоторое объясненіе въ постигшемъ его передъ тѣмъ семейномъ горѣ: съ небольшимъ за мѣсяцъ до того (4-го ноября) онъ потерялъ жену и эта утрата такъ удручающе повліяла на Салтыкова, что, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, онъ оказался даже не въ состояніи заниматься текущими служебными дѣлами.

Несомнѣнно, что къ этой же эпохѣ обостренныхъ отношеній между попечителемъ и директоромъ пріурочивается и сообщенное покойнымъ Н. А. Поповымъ преданіе о томъ, что Салтыковъ, не видя другихъ средствъ отдѣлаться отъ Яковкина, вызывалъ его даже—на дуэль: „О характерѣ и отношеніяхъ Салтыкова къ университету можно судить по одному анекдоту, и до сихъ поръ еще разсказываемому людьми, запомнившими то время,—писалъ (въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія) Н. А. Поповъ.—Говорятъ, что Салтыковъ, зная крайне невѣжественное и плохое преподаваніе Яковкина, очень часто и горячо упрекалъ его въ томъ, даже вызывалъ на поединокъ. Но, разумѣется,—добавляетъ Поповъ,—что подобными рыцарскими мѣрами трудно было достигнуть желаемаго: привычкамъ добраго времени французскихъ нравовъ приходилъ конецъ" [229].

Попечителю Салтыкову такъ и не пришлось одолѣть своего изворотливаго противника. Положить предѣлъ отголоскамъ стараго властолюбія и интригамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и служебной карьерѣ Яковкина, выпало на долю человѣка такого же случая, такой же изворотливости и такого же властолюбія—попечителю Магницкому, навсегда освободившему казанскій университетъ отъ бывшаго профессора-директора ровно годъ спустя послѣ выхода въ отставку своего предмѣстника Салтыкова.

Разсказъ о борьбѣ Салтыкова и Яковкина заставилъ насъ нѣсколько выйти за хронологическіе предѣлы изложенія, составившаго предметъ заканчиваемой главы, посвященной жизни казанскаго университета передъ полнымъ открытіемъ его въ 1814 году. Перейдемъ же къ повѣствованію объ этомъ знаменательномъ въ исторіи нашего университета событіи, поставившемъ его, наконецъ, въ условія внѣшняго строя и внутренней жизни, опредѣленныя уставомъ 5-го ноября 1804 года.

ГЛАВА VI

Полное открытіе университета на основаніи устава 5-го ноября 1804 года

(1814)

Предписаніе о производствѣ выборовъ на основаніи устава 1804 года.—Избраніе и труды комитета по организаціи выборовъ.—Переписка по тому же поводу Броннера съ Салтыковымъ.—Выборы 4-го сентября 1813 года.—Недоразумѣніе по поводу выборовъ и дополнительные выборы 28-го ноября.—Утвержденіе выбранныхъ лицъ, новыя назначенія и предписаніе относительно полнаго открытія университета.—Открытіе дѣйствій правленія и приготовленія къ введенію устава 1804 года.—Учредительныя собранія факультетовъ.—Избранія почетныхъ членовъ.—Подготовительныя работы университетскаго правленія.—«Обрядъ» торжественнаго открытія университета.—Заботы о пріемѣ почетныхъ гостей и о внѣшнемъ декорумѣ празднества.—Извѣщеніе объ открытіи университета.

Торжество 4-го—5-го іюля 1814 года.—Церковная сторона празднества.—Чествованіе почетныхъ гостей.—Описаніе публичнаго акта 5-го іюля.—Рѣчь проф. Перевощикова.—Окончаніе празднествъ.—Экстренное собраніе совѣта 6-го іюля и благодарность попечителя.—Университетъ и общество, въ виду событія 5-го іюля 1814 года.

Мы уже знаемъ тѣ обстоятельства, при которыхъ достигла казанскаго университета радостная и давно ожидавшаяся вѣсть о предстоящемъ полномъ открытіи его на основаніи дарованныхъ ему еще въ 1804 году утвердительной грамоты и устава.

Вѣсть эта пришла въ Казань въ самомъ концѣ іюля 1813 года, во время отсутствія попечителя. По предписанію послѣдняго, профессоръ Арнгольдтъ, исправлявшій въ то время обязанности правителя попечительской канцеляріи, 30-го іюля вошелъ въ совѣтъ съ рапортомъ, при которомъ представилъ слѣдующую копію съ предложенія министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя округа М. А. Салтыкова:

„Милостивый государь мой Михаилъ Александровичъ!—По причинамъ, изъясненнымъ въ представленіи вашего превосходительства № 381, я согласенъ, что бы въ казанскій университетъ избраны были ректоръ, деканы и для прочихъ должностей чиновники, съ утвержде-

ніемъ правленія и суда, соотвѣтственно уставу сего университета. Пребываю и пр.

Графъ Алексѣй Разумовскій.

С.-Петербургъ.
Іюля 11-го, 1813 года".

Торжество полнаго открытія казанскаго университета состоялось однако лишь годъ, слишкомъ, спустя послѣ описываемаго нами момента. Тѣмъ не менѣе подготовленія къ этому выдающемуся въ жизни казанскаго университета событію начались много раньше, а самые выборы на университетскія должности произведены еще осенью 1813 года, въ силу чего нашъ разсказъ объ этомъ событіи долженъ будетъ обнять, въ хронологическомъ порядкѣ изложенія, и послѣдніе пять мѣсяцевъ этого года, которымъ заканчивалась девятилѣтняя эпоха начальнаго „неопредѣлительнаго" положенія университета.

Передъ совѣтомъ университета, какъ и три года тому назадъ, предсталъ, такимъ образомъ, вопросъ объ избраніи должностныхъ лицъ по университету, указанныхъ уставомъ 1804 года. Министерское предложеніе ничего не говорило ни о времени производства выборовъ, ни о самомъ порядкѣ ихъ. Первый вопросъ разрѣшался самъ собою: нужно было ожидать возвращенія въ Казань попечителя и получить отъ него необходимыя для даннаго случая указанія. Болѣе существеннымъ представлялся въ глазахъ совѣта вопросъ объ организаціи выборовъ, болѣе или менѣе удачное теченіе и выполненіе которыхъ должны были явиться, до извѣстной степени, критеріемъ способности университета справиться съ самоуправленіемъ, которое отнынѣ вручалось ему на широкихъ началахъ устава 1804 года. Передъ глазами лучшей части членовъ совѣта еще живо стоялъ примѣръ сентябрьскихъ выборовъ 1810 года, всецѣло отданныхъ въ неумѣлыя и безтактныя руки директора Яковкина, человѣка „невидавшаго самаго организма университетовъ", предпринятыхъ безъ заранѣе составленнаго плана и руководящихъ положеній и ознаменовавшихся инцидентами, которые лишь дали влостолюбивому интригану-директору оружіе противъ уже готовившагося полнаго открытія университета. И на этотъ разъ дѣло легко могло быть испорчено какимъ нибудь новымъ инцидентомъ, въ родѣ „горячности Фойгта", неопредѣленности въ порядкѣ баллотировокъ или неправильнымъ порядкомъ собиранія голосовъ, какъ это случилось съ выборами 1810 года; и теперь нашлись бы, конечно, радѣтели, которые не преминули бы воспользоваться такими замѣшательствами для обычныхъ воплей на хорошо знакомыя казанскому университету

темы о „любоначаліи", „крамолѣ", „адской гидрѣ безначалія" и тому подобныхъ страхахъ, такъ удачно вліявшихъ на настроеніе старика Румовскаго.

Совѣтъ рѣшилъ дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ осторожнѣе. Заслушавъ предложеніе министра въ засѣданіи 30-го іюля, онъ тутъ же постановилъ образовать особый комитетъ, поручивъ ему выработать „порядокъ, наблюдаемый при избраніи", для представленія его на утвержденіе попечителя. Членами этого комитета назначены профессоры Броннеръ, Эрдманъ и Литтровъ—лица, хорошо оріентированныя въ „организмѣ университетовъ" и независимое положеніе которыхъ въ совѣтѣ давало гарантію толковаго выполненія ими возложеннаго на нихъ товарищами порученія. Совѣтъ рѣшилъ не затягивать дѣла и предложилъ комитету представить свои соображенія уже къ слѣдующему совѣтскому засѣданію, назначенному черезъ два дня—2-го августа. Въ этомъ послѣднемъ засѣданіи представленіе комитета было совѣтомъ одобрено и постановлено „отослать оное при особомъ рапортѣ къ его превосходительству г. попечителю".

Выработанныя комитетомъ положенія были изложены на французскомъ языкѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Propositions préalables, relativement à l'election des membres de l'université" (предварительныя предположенія относительно университетскихъ выборовъ). Познакомимъ читателей, въ русскомъ переводѣ, съ этими предположеніями комитета, основанными на предварительномъ ознакомленіи съ университетскимъ уставомъ и съ послѣдующими министерскими распоряженіями:

„Въ результатѣ сужденій по возложенному на насъ вопросу,—читаемъ въ интересующемъ насъ актѣ,—мы пришли къ слѣдующимъ положеніямъ, предлагаемымъ нами на благоусмотрѣніе совѣта:

I. По вопросу о лицахъ, имѣющихъ право активнаго избранія, мы полагаемъ, что оно должно принадлежать только профессорамъ ординарнымъ и экстраординарнымъ, но отнюдь не адъюнктамъ *.

II. Избранію должны подлежать слѣдующія должностныя лица:

1) Ректоръ—изъ профессоровъ ординарныхъ.

2) Имѣя въ виду, что ректоръ можетъ быть случайно поставленъ въ фактическую невозможность отправлять свои обязанности, мы полагаемъ необходимымъ избрать ему особаго замѣстителя въ званіи—проректора.

3) Для каждаго изъ четырехъ факультетовъ избирается деканъ—изъ профессоровъ ординарныхъ.

* Мы вездѣ опускаемъ ссылки комитета на статьи устава и на другія узаконенія и министерскія распоряженія.

4) Хотя, въ силу устава, секретарь совѣта долженъ быть избираемъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ, но, въ виду трудности такого способа замѣщенія этой должности, ходатайствовать относительно временнаго разрѣшенія избирать секретаря совѣта и изъ числа профессоровъ экстраординарныхъ, съ званіемъ просекретаря совѣта.

5) Въ виду вакантности должности библіотекаря, избрать таковаго изъ числа ординарныхъ профессоровъ, помощника же ему изъ числа адъюнктовъ или магистровъ.

6) Избраніе инспектора казенныхъ студентовъ должно быть признано излишнимъ, такъ какъ эта должность была лишь недавно замѣщена, согласно устава, по выбору (проф. Брауномъ).

7) Излишнимъ представлялось бы и избраніе директора педагогическаго института, такъ какъ эта должность была недавно замѣщена, по назначенію, покойнымъ попечителемъ; профессоръ Броннеръ (занимающій эту должность) полагалъ бы, тѣмъ не менѣе, представить этотъ вопросъ на благоусмотрѣніе г. попечителя.

8) Въ силу § 141-го устава, при правленіи, кромѣ секретаря его, полагаются: кассиръ, бухгалтеръ, переводчикъ и экзекуторъ. Изъ смысла этого параграфа вытекаетъ, что секретарь правленія назначается попечителемъ, но о порядкѣ опредѣленія остальныхъ должностныхъ лицъ ничего не сказано. Повидимому, ихъ назначеніе должно принадлежать не совѣту, но самому правленію; во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ подлежитъ, по нашему мнѣнію, внимательному обсужденію его совѣтомъ.

9) Что касается должности синдика университета, то этимъ званіемъ должно быть облечено лицо съ юридическимъ образованіемъ, изъ числа адъюнктовъ. Имѣя, однако же, въ виду, что экстраординарные профессоры избираются, по уставу, изъ числа адъюнктовъ, мы полагали бы, что избранію въ эту должность могли бы подлежать и профессоры экстраординарные.

Таковъ составъ должностныхъ лицъ, нынѣ же подлежащихъ избранію. Что касается членовъ училищнаго комитета, то намъ казалось бы цѣлесообразнымъ продолжить полномочія нынѣшняго состава его впредь до полнаго, во всѣхъ его частяхъ, устройства университета.

Сверхъ вышеуказанныхъ должностей, г. попечителемъ должны быть назначены: а) непремѣнный засѣдатель правленія, изъ ординарныхъ профессоровъ, и б) секретарь правленія.

III. Что касается самого порядка и способовъ избранія, то остается придерживаться организаціи, практиковавшейся въ уже происходившихъ у насъ баллотированіяхъ и основанной на общихъ узаконеніяхъ, существующихъ въ этомъ отношеніи. Въ случаѣ равенства полученныхъ шаровъ, прибѣгать къ перебаллотированіямъ и про-

должать ихъ до тѣхъ поръ, пока не образуется требуемаго большинства.

IV. Въ случаѣ отказа отъ должности, доставшейся по избранію, отказывающійся обязанъ мотивировать въ избирательномъ протоколѣ причины своего отказа; отъ г. попечителя будетъ зависить признаніе этихъ мотивовъ заслуживающими или незаслуживающими уваженія.

V. Возможенъ случай избранія одного и того же лица въ нѣсколько должностей; благоусмотрѣнію г. попечителя должно быть предоставлено разрѣшеніе вопроса или о совмѣстительствѣ этихъ должностей, или же о производствѣ новаго избранія.

VI. Въ заключеніе комитетъ полагаетъ необходимымъ просить г. попечителя указать лицо, имѣющее предсѣдательствовать въ избирательныхъ собраніяхъ, а также назначить и самое время выборовъ" [230].

Помимо оффиціальнаго представленія относительно основаній и порядка будущихъ выборовъ, попечитель получилъ по этому поводу и частное письмо отъ проф. Броннера, отправленное изъ Казани 3-го августа, слѣдовательно на другой же день по принятіи совѣтомъ заключеній комитета. Мы узнаемъ изъ этого обширнаго письма, что проф. Броннеру принадлежала самая мысль объ образованіи комитета, что онъ же явился и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ послѣднемъ. Мы не будемъ касаться всѣхъ подробностей этого интереснаго письма, во многихъ отношеніяхъ лишь воспроизводящаго, съ указаніемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, мотивовъ, уже извѣстныя намъ положенія, выработанныя комитетомъ. Остановимся, главнымъ образомъ, на той части письма, въ которой Броннеръ высказываетъ Салтыкову свои предположенія относительно вѣроятныхъ результатовъ выборовъ:

„Относительно замѣщенія должности ректора шансы избранія колеблются между г.г. Брауномъ, Эрдманомъ и мною, — пишетъ Броннеръ.—Я думаю, однако, что необходимость для ректора знанія русскаго языка заставитъ избирателей благоразумно остановиться на г. Браунѣ....

Четверо декановъ будутъ избраны изъ числа ординарныхъ профессоровъ. Факультетъ нравственно-политическихъ наукъ представленъ только однимъ профессоромъ—Финке; онъ и будетъ, слѣдовательно, избранъ, хотя, благодаря его дурному характеру, и не безъ чувства значительнаго предубѣжденія (avec beaucoup de répugnance). Физико-математическій факультетъ получитъ декана въ лицѣ г.г. Бартельса или Литтрова; думаю, что выборъ падетъ на перваго изъ нихъ, хотя могу и ошибаться. Медицинскій факультетъ будетъ имѣть деканомъ моего дорогого Эрдмана (mon chére Erdmann). На

словесномъ факультетѣ имѣется четыре ординарныхъ профессора: Яковкинъ, Германъ, Френъ и Томасъ; первый не будетъ избранъ по причинамъ, слишкомъ хорошо извѣстнымъ, второй—по обстоятельствамъ своей частной жизни, подорвавшимъ уваженіе къ нему сотоварищей: слѣдовательно, выборъ остановится, вѣроятно, на третьемъ изъ нихъ. Такимъ образомъ—вотъ вѣроятные деканы факультетовъ: Финке, Бартельсъ, Эрдманъ и Френъ.

Секретаремъ совѣта долженъ быть избранъ ординарный профессоръ, владѣющій какъ русскимъ языкомъ, такъ и главнѣйшими языками иностранными. Этому условію удовлетворяютъ только Фуксъ и Томасъ. Думаютъ, что г. Томасъ отклонитъ отъ себя избраніе, какъ по своей застѣнчивости, такъ и по неподходящему для него характеру этой должности. Г. Фуксъ слишкомъ обремененъ посторонними занятіями и недостаточно пунктуаленъ для несенія обязанностей секретаря.... Ваше превосходительство поступите лучше всего, оставивъ замѣщеніе этой должности за собою, назначивъ просекретаря. Это дастъ вамъ возможность замѣстить ее кѣмъ либо изъ русскихъ, хотя бы г. Городчаниновымъ, а я, по правдѣ сказать, опасаюсь, что наши честные нѣмцы (nos braves allemands) настолько увлекутся, что позабудутъ класть избирательные шары русскимъ сотоварищамъ.....

Должность библіотекаря выпадетъ, по всей вѣроятности, на долю профессора Реннера; сомнѣваюсь, однако, что бы помощникомъ ему избранъ былъ г. Кондыревъ, возбудившій къ себѣ слишкомъ много отвращенія (d'aversion). Мнѣ казалось бы, тѣмъ не менѣе, что чувство простой справедливости побуждаетъ сохранить за нимъ эту должность, въ виду многолѣтняго служенія его въ ней, понесенныхъ имъ для библіотеки значительныхъ трудовъ, его дѣятельности и—его русскаго происхожденія".

Указавъ другія вѣроятныя кандидатуры на должности по университету, останавливаться на которыхъ мы не станемъ, и передавъ заключенія комитета относительно самаго порядка выборовъ, Броннеръ касается весьма существеннаго вопроса о предсѣдательствѣ въ предстоящихъ избирательныхъ собраніяхъ:

„Имѣя въ виду важное значеніе личности предсѣдателя, нежелательный образъ дѣйствій котораго легко можетъ создать въ такомъ серьезномъ дѣлѣ прискорбныя неправильности или личныя столкновенія (ясный намекъ на выборы 1810 года), комитетъ почелъ цѣлесообразнымъ предоставить назначеніе таковаго вашему превосходительству. Служебное старшинство выдвигаетъ въ данномъ случаѣ впередъ г. Яковкина — но его опасаются. Конечно, въ вашей власти назначить предсѣдателемъ кого либо другого. Не думаю, однако, что бы къ этому представлялась серьезная необходимость: ни самъ г. Яков-

кинъ, ни его зять и секретарь г. баронъ Врангель не осмѣлятся нарушить правильное теченіе выборовъ. Излишнія мѣры предосторожности оказались бы, пожалуй, даже и вредными; предоставивъ же должное старшинству г. Яковкина, вы, безъ риска создать какія либо осложненія, останетесь на почвѣ обычаемъ освященнаго порядка".

Въ заключеніе своего письма Броннеръ извиняется передъ Салтыковымъ въ тѣхъ деталяхъ, которыхъ пришлось ему коснуться: „Серьезность настоящаго положенія вещей побуждала меня высказаться передъ вами съ полною откровенностью,—заявляетъ онъ.—Я прекрасно сознаю, что ваши благія намѣренія оживить ввѣренное вамъ дѣло народнаго образованія правильнымъ устройствомъ университета—способны будутъ осуществиться лишь при условіи благопріятнаго исхода предстоящихъ выборовъ; въ виду этого, я и почелъ своимъ долгомъ сдѣлать все то, что могло казаться мнѣ ведущимъ къ достиженію этой послѣдней цѣли" [231].

Въ концѣ августа Салтыковъ возвратился въ Казань и уже 3-го сентября въ совѣтѣ заслушано было его предложеніе отъ того же числа, которымъ попечитель предлагалъ „начать выборы" и изъявлялъ согласіе на выработанныя положенія, „кромѣ того, что выборъ проректора и просекретаря—не нуженъ"; секретарь совѣта, въ случаѣ неимѣнія ординарныхъ профессоровъ, можетъ быть выбранъ изъ экстраординарныхъ профессоровъ, съ наименованіемъ „въ должности секретаря". Совѣтъ не сталъ откладывать вопроса въ долгій ящикъ и избирательное собраніе рѣшено назначить на слѣдующій же день, 4-го сентября.

Прежде, нежели перейдемъ къ результатамъ выборовъ 4-го сентября, считаемъ цѣлесообразнымъ представить вниманію читателей весь контингентъ избирателей этого собранія, который мы и возстановимъ въ формѣ списка (по старшинству службы) всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, числившихся въ началѣ сентября 1813 года:

I. Ординарные профессоры.

1. Яковкинъ Илья Θеодоровичъ, по каѳедрѣ исторіи, географіи и статистики россійской (съ 23 января 1805 г.).

2. Германъ Мартинъ Ивановичъ, по каѳедрѣ древностей и языка греческаго и латинскаго (съ 26 апрѣля 1805 г.).

3. Фуксъ Карлъ Θеодоровичъ, по каѳедрѣ естественной исторіи и ботаники (съ 4 сентября 1805 г.).

4. Браунъ Иванъ Осиповичъ, по каѳедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки (съ 15 мая 1807 г.).

5. Френъ Христіанъ Даниловичъ, по каѳедрѣ восточныхъ языковъ (съ 3 августа 1807 г.).

6. Бартельсъ Мартинъ Θеодоровичъ, по кафедрѣ чистой математики (съ 1 декабря 1807 г.).

7. Реннеръ Каспаръ Θеодоровичъ, по кафедрѣ прикладной математики (съ 20 іюля 1808 г.).

8. Финке Иванъ Арнольдовичъ, по кафедрѣ естественнаго, политическаго и народнаго права (съ 1 сентября 1809 г.).

9. Литтровъ Іосифъ Антоновичъ, по кафедрѣ астрономіи (съ 2 февраля 1810 г.).

10. Эрдманъ Θеодоръ Фридриховичъ (Христофоровичъ), по кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники (съ 17 мая 1810 г.).

11. Броннеръ Ксаверій Ивановичъ, по кафедрѣ физики (съ 1 сентября 1810 г.).

12. Томасъ Иванъ Григорьевичъ, по кафедрѣ всеобщей исторіи, географіи и статистики (съ 19 декабря 1810 г.).

13. Брейтенбахъ Филиппъ Леонтьевичъ, по кафедрѣ технологіи (съ 4 сентября 1812 г.).

II. Экстраординарные профессоры.

14. Эрихъ Иванъ Ивановичъ, по кафедрѣ греческаго языка и древностей (экстр. профессоръ съ 16 января 1810 г., адъюнктъ съ 23 января 1805 г.).

15. Городчаниновъ Григорій Николаевичъ, по кафедрѣ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго (экстр. профессоръ съ 31 декабря 1810 г., адъюнктъ съ 1 сентября 1806 г. по 3 марта 1808 г.).

16. Врангель баронъ Егоръ Васильевичъ, по кафедрѣ россійскаго правовѣдѣнія (экстр. профессоръ съ 23 марта 1811 г., адъюнктъ съ 16 декабря 1809 г.).

17. Арнгольдтъ Адамъ Ивановичъ, по кафедрѣ хирургіи и повивальнаго искусства (съ 29 февраля 1812 г.) *.

Избирательное собраніе 4-го сентября открылось въ 11 часовъ утра, въ составѣ четырнадцати членовъ; не присутствовали въ немъ профессоры Фуксъ—по невозвращенію изъ отпуска, Городчаниновъ—по болѣзни. Предсѣдательствовалъ въ собраніи Яковкинъ. Собраніе проявило крайне

* Этимъ спискомъ не исчерпывается весь преподавательскій персоналъ. Кромѣ исчисленныхъ профессоровъ, въ личномъ составѣ университета въ указанное время имѣлось еще 6 адъюнктовъ: Петровскій (архитектура), Кондыревъ (историческія науки и политическая экономія), Никольскій (математика), Перевощиковъ (россійская словесность), Ренардъ (фармація и врачебное веществословіе) и Лубкинъ (философія). При университетѣ состояло также 2 лектора (Лейтеръ и Хальфинъ), 4 учителя искусствъ (Нейманъ, Крюковъ, Новиковъ и Фавръ) и 13 магистровъ (Тимьянскій, Шоникъ, Кайсаровъ, Дунаевъ, Юнаковъ, Булыгинъ, Самсоновъ, Н. Лобачевскій, А. Лобачевскій, Срезневскій, бар. Ю. Врангель 2-ой, Алехинъ и Симоновъ), которые всѣ почти вели преподаванія.

живое настроеніе: выборы во всѣ должности были, не въ примѣръ выборамъ 1810 года, закончены въ одно засѣданіе.

Прежде всего приступлено было къ избранію ректора. Предсказаніе Броннера, высказанное въ его письмѣ къ попечителю, оправдалось: избраннымъ, большинствомъ восьми голосовъ противъ шести, оказался Браунъ. Кромѣ него, абсолютнаго большинства не получилъ никто изъ баллотировавшихся; слѣдующими, по количеству полученныхъ избирательныхъ шаровъ, явились: Яковкинъ, Фуксъ, Финке, Эрдманъ, Броннеръ и Брейтенбахъ (по 4), Френъ, Бартельсъ и Томасъ (по 3), Германъ, Реннеръ и Литтровъ (по 2).

Далѣе слѣдовали выборы декановъ, давшіе слѣдующіе результаты:

По отдѣленію словесныхъ наукъ избраннымъ оказался Германъ (9 избирательныхъ и 5 неизбирательныхъ шаровъ), въ противность предположенію Броннера, прочившаго въ это званіе Френа; слѣдующими, по числу избирательныхъ шаровъ, были: Френъ (8), Яковкинъ (6) и Томасъ (5).

Отдѣленіе физико-математическихъ наукъ дало равное избирательное большинство, по восьми шаровъ, двумъ сочленамъ—Бартельсу и Броннеру; при перебаллотировкѣ большинство шаровъ оказалось снова у обоихъ, но кандидатура Бартельса взяла верхъ однимъ шаромъ (восемь противъ семи у Броннера). Далѣе шли: Броннеръ (7), Брейтенбахъ (5), Литтровъ (4), Реннеръ (2) и Фуксъ (1). Результатъ оправдалъ, такимъ образомъ, предсказаніе Броннера.

Изъ двухъ лицъ, имѣвшихъ право пассивнаго избранія по врачебному отдѣленію, избраннымъ, опять таки согласно предположенію Броннера, оказался Эрдманъ (12 шаровъ); на сторонѣ его конкуррента Брауна, избраннаго уже ректоромъ, оказалось вдвое меньшее (6) количество избирательныхъ шаровъ.

Избраніе декана по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ затрудненій не представило: деканомъ былъ признанъ единственный ординарный профессоръ этого отдѣленія—Финке.

Выборы остальныхъ должностныхъ лицъ привели къ слѣдующимъ итогамъ. Избранными оказались:

Секретаремъ совѣта—Томасъ (+9, —5). За нимъ слѣдовали: Фуксъ (8), Яковкинъ (6), Германъ и Френъ (по 5), Бартельсъ, Эрдманъ и Броннеръ (по 4), Браунъ, Литтровъ и Брейтенбахъ (по 3), Реннеръ и Финке (по 2).

Синдикомъ (изъ экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ) —баронъ Врангель (+12, —2). За нимъ шли: Арнгольдтъ, Перевощиковъ и Ренардъ (по 6), Никольскій (5), Городчаниновъ и Лубкинъ (по 4), Эрихъ и Кондыревъ (по 3), Петровскій (2).

Библіотекаремъ—Реннеръ (+9, —4), за которымъ слѣдовали: Брейтенбахъ (7), Яковкинъ, Финке и Томасъ (по 5), Френъ, Эрдманъ и Броннеръ (по 4), Фуксъ (3), Германъ, Браунъ и Бартельсъ (по 2), Литтровъ (1).

Выборы 4-го сентября не обошлись и безъ нѣкоторыхъ осложненій. Они были уже закончены, когда въ засѣданіи было получено и заслушано предложеніе попечителя отъ того же числа, въ которомъ совѣту рекомендовалось „избраніе библіотекаря впредь до предбудущаго времени—отложить, поелику нынѣшнее состояніе библіотеки не требуетъ, что бы находились при оной два чиновника, изъ коихъ уже одинъ (Кондыревъ) находится въ дѣйствительной службѣ, а получаемая на библіотекаря штатная сумма можетъ быть употреблена въ пользу библіотеки, бѣдной многими изданіями". Попечительское предложеніе, повидимому навѣянное мыслью, изложенною въ извѣстномъ намъ письмѣ Броннера, явилось причиною того, что уже избранный въ библіотекари проф. Реннеръ не былъ представленъ совѣтомъ къ утвержденію въ этой должности.

Второе осложненіе произошло съ выборомъ въ секретари совѣта. Избраннымъ въ эту должность оказался, какъ мы видѣли, проф. Томасъ, который категорически, какъ Броннеръ это и предвидѣлъ, отказался отъ ея занятія. Слѣдующимъ за нимъ кандидатомъ на эту должность являлся Фуксъ, также получившій избирательное количество шаровъ (8)—но и онъ отказался отъ ея принятія, сославшись на слабое знаніе русскаго языка. Въ виду такого положенія вещей, попечитель предложилъ совѣту избрать секретаря изъ числа экстраординарныхъ профессоровъ. Выборы были произведены 3-го октября и избраннымъ оказался баронъ Врангель (8 шаровъ), на котораго и выпали, такимъ образомъ, двѣ должности—секретаря совѣта и синдика.

Результатъ выборовъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе министерства и здѣсь возникли два новыхъ недоумѣнія, относительно которыхъ министръ народнаго просвѣщенія и потребовалъ изъ Казани (отъ 6-го ноября) необходимыхъ разъясненій.

Министерство обратило вниманіе на иностранную фамилію выбраннаго въ секретари совѣта барона Врангеля и, исходя изъ той точки зрѣнія, что „секретарь университетскаго совѣта по уставу долженъ быть

искусенъ въ россійскомъ языкѣ", затребовало свѣдѣній относительно знанія русскаго языка барономъ Врангелемъ, „избраннаго и въ синдики, который также долженъ быть свѣдущъ въ ономъ". Совѣтъ разъяснилъ по этому поводу (27-го ноября), что баронъ Врангель „уже три года отправляетъ должность секретаря совѣта на россійскомъ языкѣ, объясняя текущія дѣла и на иностранныхъ языкахъ, что онъ родился въ Лифляндіи и, слѣдственно, состоитъ россійскимъ подданнымъ", и что совѣтъ „находитъ его, барона Врангеля, способнымъ и достойнымъ къ отправленію должности секретаря совѣта и званія синдика университета". Дальнѣйшихъ возраженій противъ этого избранія со стороны министерства уже не было.

Второе недоумѣніе касалось оказавшагося въ совѣтскихъ выборахъ пробѣла: министръ усмотрѣлъ, что не было вовсе произведено избранія членовъ училищнаго комитета. Мы уже видѣли, что совѣтскій комитетъ по организаціи выборовъ призналъ цѣлесообразнымъ продолжить полномочія уже существующаго состава училищнаго комитета впредь до совершеннаго устройства университета. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ комитета, попечитель по этому повому не протестовалъ — и университетскіе выборы совершенно не коснулись училищнаго комитета. Обстоятельство это было замѣчено министерствомъ, которое, предложеніемъ отъ 6-го ноября, и потребовало соотвѣтствующихъ разъясненій, поставивъ совѣту на видъ возможность двоякаго исхода: „или приступить къ новому выбору" членовъ училищнаго комитета, „или утвердить старыхъ", тѣмъ болѣе, что они утверждены были самимъ министромъ еще 19-го сентября 1811 года. На этотъ разъ совѣтъ измѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и, въ засѣданіи 27-го ноября, постановилъ произвести избраніе новаго состава членовъ училищнаго комитета.

Выборы членовъ училищнаго комитета происходили, изъ числа всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, 28-го ноября и избранными оказались профессоры: Городчаниновъ (единогласно—13 избирательныхъ шаровъ), Эрихъ (12), Бартельсъ, Реннеръ, Литтровъ (по 11) и Броннеръ (10) [232].

Дополнительною баллотировкою 28-го ноября университетскіе выборы были совершенно закончены и совѣту оставалось лишь выжидать утвержденія избранныхъ имъ лицъ и предписанія относительно полнаго введенія въ дѣйствіе устава 5-го ноября 1804 года. Среди этихъ ожиданій и наступилъ новый 1814 годъ.

Долго пришлось членамъ университета ждать утвержденія выборовъ, законченныхъ уже къ концу ноября 1813 года. Весьма вѣроятно, что среди многихъ изъ нихъ начало зарождаться сомнѣніе въ скоромъ полномъ открытіи университета, тѣмъ болѣе, что хорошо памятенъ былъ еще примѣръ 1810 года, сентябрьскіе выборы котораго оказались печально разыгранною трагикомедіею, способствовавшею лишь болѣе рельефному оттѣненію тѣхъ аномальныхъ условій организаціи и внутренней жизни, въ которыя поставленъ былъ казанскій университетъ въ начальные годы своего существованія.

Долгое неутвержденіе выборовъ 1813 года находило себѣ, впрочемъ, объясненіе въ политическихъ условіяхъ того времени. Въ силу устава, ректоръ, утвержденіе котораго предстояло первымъ, долженъ былъ быть утвержденъ высочайшею властью, между тѣмъ императоръ Александръ I находился въ то время заграницею, при дѣйствующей арміи, и всеподданнѣйшее представленіе дошло до него лишь въ февралѣ 1814 года во Франціи, въ г. Шомонѣ, гдѣ находилась императорская главная квартира и гдѣ 24-го февраля и былъ подписанъ имъ высочайшій указъ объ утвержденіи проф. Брауна ректоромъ казанскаго университета, срокомъ на три года *.

26-го марта послѣдовали два предложенія министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя казанскаго учебнаго округа. Первымъ изъ нихъ (№ 944) министръ извѣщалъ о новыхъ производствахъ, утвержденныхъ имъ въ виду предстоящаго университетскаго торжества. Этимъ предложеніемъ повышались: въ званіе ординарныхъ профессоровъ—экстраординарные профессоры Эрихъ и Городчаниновъ, въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ—адъюнкты Кондыревъ, Никольскій, Перевощиковъ и Лубкинъ, въ званіе адъюнктовъ—магистры Лобачевскій Николай, Симоновъ, Тимьянскій и Дунаевъ. Еще раньше, 9-го октября 1813 года, снова опредѣленъ былъ въ казанскій университетъ (прибылъ въ Казань лишь въ мартѣ 1814 года) его бывшій профессоръ П. А. Цеплинъ,—на этотъ разъ уже на кафедру политической экономіи и дипломатики,—что, вмѣстѣ съ только что указанными назначеніями въ адъюнкты, сразу давало совѣту университета новыхъ пять членовъ. Вторымъ предложеніемъ (№ 945) министръ увѣдомлялъ о воспослѣдовавшемъ высочайшемъ утвержденіи рек-

---

* По уставу 1804 года ректоръ избирался на одинъ годъ; но мы уже знаемъ (см. выше стр. 343—344), что, въ отмѣну этого опредѣленія, 26-го мая 1811 года состоялось высочайшее повелѣніе объ избраніи въ казанскомъ университетѣ ректора черезъ три года.

тора, объ утвержденіи имъ остальныхъ выборовъ и предписывалъ сдѣлать распоряженіе относительно „открытія университета, должнымъ порядкомъ, на основаніи устава его".

18-го апрѣля въ засѣданіи совѣта было заслушано слѣдующее предложеніе попечителя отъ того же числа, съ препровожденіемъ при немъ копій съ высочайшаго указа, даннаго въ Шомонѣ, и съ предложеній министра:

„Совѣту при казанскомъ университетѣ.—Препровождая при семъ въ копіи отношеніе ко мнѣ г. министра просвѣщенія и при немъ высочайшій указъ, послѣдовавшій на имя г. министра просвѣщенія объ утвержденіи на три года профессора сего университета г. Брауна, предлагаю совѣту учинить по сему надлежащее исполненіе и донесть мнѣ въ непродолжительномъ времени, сколько и какія именно суммы потребуются на текущій годъ къ отпуску въ казанскій университетъ сверхъ тѣхъ, которыя донынѣ къ отпуску въ оный уже назначены. Также предлагаю совѣту приготовить все къ открытію правленія, собраній отдѣленій и прочаго, а потомъ и самаго университета; правленію же немедленно приступить къ исполненію, подъ именемъ комитета правленія университетскаго по части экономической".

Предписаніемъ министра отъ 26-го марта утверждались и двое чиновъ правленія, не подлежавшихъ, по уставу, избранію ихъ совѣтомъ: проф. Никольскій—въ званіи непремѣннаго засѣдателя, и секретарь гимназической конторы Юферовъ—въ должности секретаря правленія. Въ засѣданіи совѣта 22-го апрѣля, происходившемъ въ присутствіи попечителя, всѣ лица, какъ избранныя такъ и назначенныя къ замѣщенію университетскихъ должностей по уставу 1804 года, были приведены къ присягѣ, причемъ подъ присяжнымъ листомъ ректора подписался, въ качествѣ свидѣтеля, самъ попечитель округа; подъ присяжными листами остальныхъ должностныхъ лицъ подписывался уже ректоръ.

Заслушавъ предложеніе попечителя, совѣтъ въ томъ же засѣданіи 18-го апрѣля постановилъ открыть дѣйствія правленія, подъ именемъ „комитета правленія университетскаго", назначивъ первое засѣданіе его въ ближайшій понедѣльникъ и поручивъ ему заняться всѣми вопросами, указанными въ попечительскомъ предложеніи.

Слѣдомъ затѣмъ начались дѣятельныя занятія по приготовленію университета къ полному его открытію. Въ засѣданіи 29-го апрѣля состоялось опредѣленіе совѣта объ открытіи дѣйствія отдѣленій (факультетовъ) и вновь утвержденнаго состава училищнаго комитета.

Въ этомъ же засѣданіи ректоромъ возбужденъ былъ вопросъ объ изготовленіи рѣчей для предстоящаго публичнаго акта полнаго открытія университета; опредѣлено, что бы ректоръ университета Браунъ произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ, проф. Городчаниновъ рѣчь или стихи на русскомъ языкѣ и проф. Перевощиковъ рѣчь на русскомъ же языкѣ [233].

Съ 30-го апрѣля открылись первыя учредительныя собранія факультетовъ; на всѣхъ факультетахъ, за исключеніемъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, первыя засѣданія ихъ были лично открыты ректоромъ университета Брауномъ. Познакомимся съ тѣми опредѣленіями, которыя состоялись въ этихъ начальныхъ собраніяхъ отдѣленій, открывавшихъ собою будущую коллегіально-факультетскую жизнь казанскаго университета.

Раньше всѣхъ остальныхъ открыло свою дѣятельность отдѣленіе физико-математическихъ наукъ. Первое его засѣданіе состоялось вечеромъ 30-го апрѣля. Засѣданіе было открыто ректоромъ университета, объявившимъ о состоявшемся наканунѣ опредѣленіи совѣта относительно начала дѣйствій отдѣленій и прочитавшимъ министерскій приказъ объ утвержденіи проф. Бартельса деканомъ физико-математическаго отдѣленія. Тутъ же опредѣлено было „собирать членовъ отдѣленія столь часто, какъ г. деканъ найдетъ то нужнымъ". Слѣдующее засѣданіе отдѣленія происходило 5-го мая, въ полдень. Прежде всего возбужденъ былъ вопросъ объ избраніи секретаря отдѣленія и большинствомъ шаровъ (+6, —1) въ должность эту избранъ былъ адъюнктъ Тимьянскій. Затѣмъ обсуждался вопросъ о времени созыванія обыкновенныхъ собраній отдѣленія: постановлено созывать ихъ 2-го числа каждаго мѣсяца, перенося засѣданіе, въ случаѣ неприсутственнаго дня, на слѣдующее число. Наконецъ отдѣленіе имѣло сужденіе относительно обстановки и вещей, потребныхъ ему для отправленія дѣлъ. Въ этомъ отношеніи признаны необходимыми: а) особая комната, б) два покрытыхъ сукномъ стола, большій для присутствующихъ членовъ, меньшій для секретаря; в) 18 стульевъ; г) зерцало; д) шкафъ, съ замкомъ, для храненія бумагъ; е) „тека" (портфейль) для разноски бумагъ членамъ, съ тринадцатью ключами къ ея замку; ж) шнуровая книга для протоколовъ; з) три экземпляра университетскаго устава; і) письменный приборъ и принадлежности (чернильница, перья, бумага, сургучъ, ножницы и т. п. и и) печать отдѣленія. Въ заключеніе засѣданія, постановлено просить членовъ отдѣленія „представить какое нибудь разсужденіе, каждому по своей части, ко дню открытія университета, для напечатанія ихъ".

Первое засѣданіе отдѣленія врачебныхъ наукъ, состоявшееся 2-го мая, было открыто ректоромъ такимъ же точно порядкомъ, какъ и первое засѣданіе предыдущаго отдѣленія. Секретаремъ отдѣленія единогласно избранъ единственный адъюнктъ его—Ренардъ. Въ этомъ же засѣданіи были прочитаны и приняты къ руководству въ дѣлопроизводствѣ статьи университетскаго устава, касающіяся организаціи отдѣленій, и опредѣлено созывать собранія отдѣленія 4-го числа каждаго мѣсяца.

Отдѣленіе словесныхъ наукъ открыло свою дѣятельность, опять таки при участіи ректора, засѣданіемъ 2-го же мая. За совершеннымъ отсутствіемъ на отдѣленіи адъюнктовъ, въ секретари его большинствомъ голосовъ избранъ былъ магистръ Юнаковъ; днемъ обыкновенныхъ собраній назначено 5-ое число каждаго мѣсяца. Въ ближайшемъ затѣмъ засѣданіи, состоявшемся 5-го мая, разсуждалось о необходимой для отдѣленія обстановкѣ. Необходимыми признаны: а) отдѣльная или, по крайней мѣрѣ, общая съ другимъ факультетомъ комната для собраній; б) большой, крытый зеленымъ сукномъ, столъ засѣданій, съ 12-ю къ нему стульями; в) письменные приборъ и принадлежности; г) шкафъ для храненія бумагъ; д) печать отдѣленія; е) три шнуровыхъ книги, для протоколовъ и журналовъ входящаго и исходящаго. Въ этомъ засѣданіи намѣчены были и лица, которыхъ отдѣленіе имѣло въ виду рекомендовать совѣту, въ виду предстоящаго торжества открытія университета, къ избранію въ почетные члены. Къ утвержденію въ этомъ званіи представлены: министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій, дѣйств. тайный совѣтникъ Г. Р. Державинъ, министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ, президентъ россійской академіи и вице-адмиралъ А. С. Шишковъ, тайн. сов. графъ Д. И. Хвостовъ, дѣйств. ст. сов. И. И. Мартыновъ и профессоръ ростокскаго университета О. Г. Цихсенъ.

Первое собраніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ происходило 4-го мая, почему то безъ участія въ его открытіи ректора университета—быть можетъ, въ уваженіе опытности въ коллегіальномъ дѣлопроизводствѣ его декана, проф. Финке. Засѣданіе открылось избраніемъ секретаря. И здѣсь, за неимѣніемъ адъюнктовъ, выборъ пришлось дѣлать также изъ числа магистровъ; избраннымъ оказался магистръ Срезневскій. Обыкновенныя собранія отдѣленія опредѣлены на 2-ое число каждаго мѣсяца. Далѣе опять таки разсуждалось о необходимой для отдѣленія обстановкѣ, причемъ оказались потребными: а) отдѣльная или совмѣстная съ другимъ отдѣленіемъ комната; б) крытый зеленымъ сукномъ столъ съ 12-ю стульями; в) шкафъ для храненія дѣлъ и необходимыя письменныя и

канцелярскія принадлежности; г) собственная печать и д) три шнуровыя книги. И этимъ отдѣленіемъ намѣчены лица къ представленію въ почетные члены,—именно: министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, и государственный канцлеръ, графъ Н. П. Румянцевъ.

Таковы были весьма несложныя, въ значительной степени даже мелочныя, занятія первыхъ собраній отдѣленій казанскаго университета. За этими засѣданіями послѣдовали дальнѣйшія собранія, въ которыхъ слушались какъ уже текущія факультетскія дѣла, такъ и тѣ вопросы организаціоннаго характера (вопросъ о внѣшней обстановкѣ собраній, предложеніе почетныхъ членовъ и корреспондентовъ), которые, по нѣкоторымъ отдѣленіямъ, не были предметомъ сужденія въ первыхъ собраніяхъ и постановленія по которымъ представлялись совѣту уже дополнительно.

6-го мая происходило засѣданіе совѣта, въ которомъ доложены были, между прочими дѣлами, постановленія разсмотрѣнныхъ нами первыхъ собраній факультетовъ. Относительно избранныхъ отдѣленіями секретарей опредѣлено войти къ попечителю округа съ представленіемъ объ ихъ утвержденіи (таковое и послѣдовало 13-го мая); ходатайства факультетовъ о необходимыхъ для ихъ дѣлопроизводства помѣщеніяхъ и предметахъ опредѣлено передать въ правленіе, для соображенія ихъ съ другими представленіями аналогичнаго характера; избраніе почетныхъ членовъ, — за исключеніемъ министра графа Разумовскаго,—отложено до полученія представленій о томъ всѣхъ факультетовъ. Представленіе двухъ отдѣленій относительно графа Разумовскаго получило разрѣшеніе въ этомъ же засѣданіи совѣта, постановившаго просить министра „удостоить университетъ чести принятія на себя званія перваго почетнаго члена, яко главнаго начальника и покровителя сего университета".

Съ утвержденіемъ ректора, декановъ и другихъ лицъ университетской администраціи и съ открытіемъ дѣятельности факультетовъ—университетская жизнь фактически вступала подъ режимъ устава 1804 года. Оставалось придать дѣйствію этого устава лишь оффиціальную санкцію, что и совершилось въ засѣданіи совѣта 20-го мая, въ которомъ ректоръ объявилъ собранію, что „по предписанію, полученному имъ отъ его превосходительства г. попечителя, какъ совѣтъ, такъ и подчиненныя оному сословія и мѣста, во всемъ, до круга дѣйствія оныхъ и отправленія дѣлъ касающемся, и до торжественнаго открытія университета должны руководствоваться уставомъ" [234].

Такъ давно ожидавшееся полное открытіе казанскаго университета на основаніи устава 5-го ноября 1804 года—съ 20-го мая 1814 года могло

почитаться, такимъ образомъ, фактомъ совершившимся. Теперь, въ ожиданіи публичнаго торжества формальнаго открытія обновленнаго университета, органамъ университетскаго самоуправленія оставалось лишь продолжать осуществленіе частичныхъ мѣропріятій, связанныхъ съ вступленіемъ университета въ правомѣрныя и отнынѣ уже вполнѣ „опредѣлительныя“ условія своей жизни. Заботами въ этомъ направленіи и является отмѣченною ближайшая дѣятельность университетскихъ органовъ.

Къ засѣданію совѣта 20-го мая правленіемъ былъ составленъ и въ этомъ засѣданіи заслушанъ и принятъ „списокъ вещей и мебелей, потребныхъ для университетскаго правленія и четырехъ факультетовъ“, въ основу котораго положены требованія, предъявленныя заинтересованными въ дѣлѣ учрежденіями. Приведемъ этотъ нелишенный интереса памятникъ начальной жизни казанскаго университета, слѣдующимъ образомъ формулирующій требованія органовъ университетской администраціи:

I. Особенная зала для совѣта, въ которой находятся слѣдующія мебели:

1) Два большіе стола, покрытые зеленымъ сукномъ, 18-ти аршинъ, съ ящикомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ г. ректоръ. На столѣ 11 чернильницъ. Нужны еще 18 креселъ, и однѣ отборныя (sic) для г. ректора.

2) Большое зеркало.

3) Маленькій столъ, съ ящикомъ и съ замкомъ, также и съ чернильницею, для секретаря.

4) Четырнадцать подсвѣчниковъ съ щипцами.

II. Особенная зала для публичной аудиторіи, въ ней находятся:

1) Двѣ катедры (sic), одна за другою, такъ, что бы задняя превышала переднюю.

2) По правой сторонѣ отборныя кресла для г. попечителя и по лѣвой такія же для г. ректора.

3) По обѣимъ сторонамъ кресла, перенесенныя изъ совѣта для членовъ онаго, и по правой сторонѣ мѣсто для секретаря.

4) Противъ катедры лавка для возражающихъ на защищеніи диссертаціи.

5) Противъ катедры, на концѣ залы, лавки для слушателей.

III. Подлѣ залы совѣта покой для канцеляріи совѣта, въ немъ находятся:

1) Столъ съ ящикомъ и съ замкомъ.

2) Четыре стула.
3) Четыре чернильницы.
4) Два подсвѣчника съ щипцами.

IV. Покой для правленія, въ немъ находятся:

1) Два стола, покрытые зеленымъ сукномъ, 7-ми аршинъ, съ семью ящиками и замками, на столахъ три чернильницы.
2) Маленькій столъ для секретаря, снабженный ящикомъ и замкомъ, съ чернильницею.
3) Двѣнадцать стульевъ.
4) Ландкарты, то есть: общая карта цѣлаго свѣта и особенная карта Россійской имперіи.
5) Зеркало.
6) Два шкафа съ замками, для храненія книгъ и бумагъ.

V. Покой для канцеляріи правленія, въ которомъ находятся:

1) Два стола для двухъ столоначальниковъ, съ ящиками и съ замками.
2) Столъ для экзекутора, также съ ящикомъ и замкомъ.
3) На сихъ столахъ пять чернильницъ.
4) Шесть подсвѣчниковъ съ щипцами.
5) Восемь стульевъ.

VI. Покой для четырехъ отдѣленій:

1) Столъ покрытый зеленымъ сукномъ, 4-хъ аршинъ, съ двумя чернильницами.
2) Маленькій столъ для секретаря, съ ящикомъ и съ замкомъ, также съ чернильницею.
3) Двѣнадцать креселъ.
4) Для каждаго отдѣленія шкафъ съ замкомъ.
5) Для каждаго отдѣленія печать.
6) Тека, или портфель, кожаная, для каждаго отдѣленія, для перенесенія бумагъ.
7) Пять подсвѣчниковъ съ щипцами.

Нельзя признать, конечно, сколько нибудь „роскошными“ требованія, заявленныя органами университетскаго управленія съ точки зрѣнія внѣшней обстановки ихъ дѣятельности; но и эти скромныя требованія представляются нагляднымъ доказательствомъ той крайней бѣдности, которою обставлена была внѣшняя жизнь казанскаго университета подъ эгидою, теперь окончательно сходившаго съ арены университетской административной дѣятельности, но такъ еще недавно властнаго, профессора-директора.

Первоначальныя требованія канцеляріи совѣта были, напримѣръ, еще скромнѣе предъявленныхъ правленскимъ спискомъ: вначалѣ она заявляла претензію лишь на „ножикъ перочинный, ножницы и шкафъ для храненія бумагъ совѣта, ибо теперь хотя и есть оный, но принадлежитъ гимназіи и не очень крѣпокъ". Попечитель утвердилъ (27-го мая) представленный ему правленскій „списокъ вещей и мебели", за исключеніемъ зеркалъ, которыя онъ почелъ къ пріобрѣтенію излишними.

Къ тому же времени относится и крупное пріобрѣтеніе, сдѣланное врачебнымъ отдѣленіемъ: 27-го мая, согласно представленію факультета и совѣта, послѣдовало согласіе попечителя на пріобрѣтеніе отъ проф. Арнгольдта на девятьсотъ рублей, съ отнесеніемъ этого расхода на суммы клиническаго института, собранія хирургическихъ инструментовъ.

Въ засѣданіи совѣта 27-го мая произведено, согласно представленіямъ факультетовъ, первое избраніе почетныхъ членовъ университета, въ дополненіе къ уже совершившемуся избранію въ это званіе министра графа Разумовскаго. Въ этомъ засѣданіи признаны почетными членами слѣдующія семь лицъ: попечитель округа М. А. Салтыковъ, государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ, оренбургскій военный губернаторъ князь Г. С. Волконскій (извѣстный уже намъ покровитель Яковкина, добивавшійся этого званія еще въ 1809 г.), поэтъ и дѣйств. тайн. сов. Г. Р. Державинъ, министръ юстиціи тайн. сов. И. И. Дмитріевъ, президентъ россійской академіи вице-адмиралъ А. С. Шишковъ и тайн. сов. графъ Д. И. Хвостовъ; утвержденіе всѣхъ этихъ лицъ послѣдовало со стороны министра 4-го іюля, Салтыкова же—2-го іюля. Тогда же были составлены (на латинскомъ языкѣ) и утверждены совѣтомъ и имѣющіеся при дѣлѣ образцы дипломовъ для почетныхъ членовъ [235].

Казанскій университетъ былъ, вообще, довольно щедръ, въ первые послѣ своего полнаго открытія годы, на раздачу почетныхъ дипломовъ и въ этомъ отношеніи не послѣдовалъ сентенціи своего нравственно-политическаго отдѣленія, еще въ маѣ 1814 года высказавшаго опасеніе, что бы „чрезъ многочисленные выборы не ослаблено было уваженіе къ сему достоинству". Выборы въ члены почетные и корреспонденты продолжались въ томъ же 1814, а затѣмъ въ 1815, 1816 и 1817 годахъ. Намъ удалось отыскать въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія не безъинтересный списокъ всѣхъ почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ, избранныхъ за этотъ промежутокъ времени.

Первое, послѣ 27-го мая, массовое избраніе такихъ членовъ произведено, согласно представленіямъ факультетовъ, въ засѣданіи совѣта 21-го

октября 1814 года. Въ этомъ засѣданіи избраны 28 лицъ въ члены почетные и 4 лица въ члены-корреспонденты (утвержденіе всѣхъ состоялось 16-го декабря того же года). Въ почетные члены избраны были: калужскій епископъ преосвященный Евгеній, тайн. сов. Н. Н. Новосильцевъ, дѣйств. стат. совѣтникъ И. И. Мартыновъ, академикъ Н. Я. Озерецковскій, академикъ Н. И. Фуссъ, лейбъ-хирургъ Я. В. Вилліе, лейбъ-медикъ А. А. Крейтонъ, лейбъ-медикъ Я. И. Лейтонъ, вятскій губернаторъ Ѳ. И. фонъ-Брадке, членъ коммиссіи составленія законовъ баронъ Г. А. Розенкампфъ, профессоръ московскаго университета В. М. Рихтеръ, стат. сов. Ѳ. И. Шубертъ, капитанъ перваго ранга И. Ѳ. Крузенштернъ, колл. сов. Н. М. Карамзинъ, профессоръ А. И. Либенвейнъ; иностранные: профессоръ гейдельбергскаго университета И. Франкъ, лейбъ-медикъ короля прусскаго Гуфеландъ, членъ баварской законодательной коммиссіи А. фонъ-Фейербахъ, членъ парижскаго національнаго института Сильвестръ де-Засси, членъ парижскаго національнаго института и сенаторъ Грегоаръ, профессоръ геттингенскаго университета К. Ф. Гауссъ, профессоръ вѣнскаго университета Г. Прохаска, цюрихскій профессоръ І. Горнеръ, эрфуртскій профессоръ І. Тромсдорфъ, регенсбургскій профессоръ П. Гейнрихъ, іенскій профессоръ Г. Лорсбахъ, берлинскій филологъ І. Ф. Беллерманъ, гейдельбергскій профессоръ А. Тибо.—Въ члены-корреспонденты* избраны: профессоръ геттингенскаго университета Г. Гуго (по отдѣленію нравств.-политическому), берлинскій ученый Ф. Гедике (по отдѣленію физ.-математическому), виттенбергскій профессоръ Зейлеръ (по отдѣленію врачебному) и ростокскій профессоръ Цихсенъ (по отдѣленію словесному).

14-го февраля 1816 года утверждены почетными членами казанскаго университета, согласно избранія совѣта: оренбургскій мусульманскій муфтій Мухамедъ-Гуссейнъ-Углу и иностранный профессоръ Пфаффъ; 14-го іюля того же года—попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа С. С. Уваровъ, ст. сов. Аделунгъ, академики Шторхъ, Севергинъ, профессоры Фишеръ, Гольстремъ и Парротъ, 10-го іюля—профессоръ Литтровъ, 16-го іюля—архіепископъ Амвросій; 4-го августа 1817 года—начальникъ екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ Шленевъ, 22-го ноября того же года—профессоръ Эрдманъ. 5-го февраля 1815 года избранъ былъ членомъ-

* Здѣсь рѣчь идетъ о почетныхъ членахъ-корреспондентахъ, избираемыхъ по уставу 1804 года (§§ 38 и 39) въ количествѣ одного на каждый факультетъ, съ обязанностью поддерживать съ избравшими ихъ факультетами ученыя сношенія, выполнять ихъ научныя порученія и т. п., за что они пользуются вознагражденіемъ въ размѣрѣ 200 р. въ годъ.

корреспондентомъ пермскій оберъ-кригсъ-коммиссаръ П. Турчаниновъ, сдѣлавшій передъ тѣмъ крупное пожертвованіе для физическаго кабинета университета, но онъ не долго пользовался этимъ званіемъ, скончавшись въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ [236].

Оживленныя подготовительныя къ полному открытію университета работы шли и въ правленіи университета.

Мы уже знаемъ, что правленію поручено было выяснить финансовую сторону дѣла, а именно выяснить слѣдующіе два вопроса: а) „Сколько и какихъ именно суммъ на текущій 1814 годъ въ казанскій университетъ ассигновать слѣдуетъ, сверхъ тѣхъ, которыя уже донынѣ къ отпуску въ оный университетъ назначены" и б) „Сколько отпускаемо было къ полному открытію университета суммы съ 1808 года". Подробное разсмотрѣніе цифровыхъ данныхъ, собранныхъ правленіемъ по отношенію къ первому вопросу, завлекло бы насъ слишкомъ далеко въ дебри университетской бухгалтеріи, а потому мы и ограничимся лишь общими цифрами. Всего къ отпуску на казанскій университетъ штатной суммы полагалось—134,000 рублей (по штату 1804 года—130 тыс. р., но эта сумма впослѣдствіе увеличилась дополнительными назначеніями), въ дѣйствительности же ассигнуется—105,100 рублей; къ дополнительному отпуску на университетъ, съ полнымъ его открытіемъ, исчислена правленіемъ сумма въ 15,857 р. 99½ коп.

Постановка втораго вопроса обусловливалась тѣмъ, что еще съ 1808 года стала отпускаться въ распоряженіе университета ежегодная сумма въ 2000 рублей на расходы по его полному открытію, а такъ какъ это послѣднее съ каждымъ годомъ откладывалось, то часть этой суммы и употреблялась университетомъ, съ разрѣшенія попечителя, на различные дополнительные расходы по университету (пріобрѣтеніе книгъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ пособій, обстановку, канцелярскіе и хозяйственные расходы, жалованье служащимъ), остатокъ же сдавался на храненіе въ общую хозяйственную университетскую сумму. Теперь, въ виду предстоявшаго полнаго открытія университета, и являлось необходимымъ выяснить эту накопившуюся за шесть лѣтъ остаточную сумму, такъ какъ она представляла собою тотъ фондъ, изъ котораго должны были быть произведены всѣ расходы по открытію. Собранными правленіемъ и имѣющимися при дѣлѣ подробными бухгалтерскими справками было выяснено, что всего, по май 1814 года, изъ принятыхъ по этой статьѣ изъ казны суммъ было употреблено въ расходъ, въ различное время—7707 р. 23¼ коп., остаточной же суммы на лицо имѣется—4564 р. 49¼ коп. Эта то послѣд-

няя сумма и оказывалась въ распоряженіи университета на всѣ экстренныя издержки, связанныя съ его полнымъ открытіемъ, представляя собою тотъ maximum тратъ, которыя университетъ могъ себѣ позволить въ виду предстоявшаго торжества [237].

На долю правленія выпалъ и рядъ заботъ по пріобрѣтенію обстановки для отдѣльныхъ учрежденій университета—покупка и заказъ мебели, канцелярскихъ принадлежностей, лично для себя—собранія книгъ законовъ, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михаиловича; по возможности—мебель покупалась даже подержанная, по дешевымъ цѣнамъ. Дѣлопроизводство по всѣмъ этимъ покупкамъ, заказамъ, выпискамъ—сохранилось до нашихъ дней, являясь не безъинтереснымъ памятникомъ начальной хозяйственной дѣятельности вновь открытаго университетскаго правленія, ближайшимъ агентомъ которой являлся экзекуторъ университета Сычуговъ [238].

На правленіе была возложена и обязанность озаботиться административною и хозяйственною стороною предстоявшаго торжественнаго акта открытія университета, а также выработка самаго „обряда", т. е. церемоніала торжества, и составленіе программы публичнаго акта на почвѣ тѣхъ основаній, которыя были приняты совѣтомъ. „Обрядъ открытія казанскаго университета" былъ выработанъ уже къ половинѣ мая и 19-го числа окончательно обсуждался правленіемъ, послѣ чего переданъ въ совѣтъ, который, одобривъ его въ засѣданіи 20-го числа, препроводилъ къ попечителю, давшему ему свое утвержденіе 27-го числа того же мая мѣсяца. Торжество открытія университета назначено на 5-ое іюля 1814 года. Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе этого „обряда", такъ какъ онъ сдѣлается намъ извѣстнымъ изъ описанія самаго торжества открытія, пока же ограничимся замѣчаніемъ, что все торжество было намѣчено въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: а) предварительное извѣщеніе о предстоящемъ торжествѣ и приглашеніе къ нему почетныхъ гостей, б) всенощное бдѣніе наканунѣ дня открытія въ большомъ залѣ университета (эта часть праздничнаго ритуала была затѣмъ измѣнена и всенощное бдѣніе слушалось въ Воскресенской церкви), в) въ день открытія—церемоніальное шествіе въ Воскресенскую церковь, для слушанія литургіи, и такое же возвращеніе въ большой залъ университета, гдѣ служится благодарственное молебствіе съ водосвятіемъ (и эта часть программы оказалась измѣненною,—водосвятіе совершено было до шествія въ церковь къ литургіи), г) обѣденный столъ для членовъ университета и почетныхъ гостей, д) въ 4 часа пополудни актъ открытія университета, по особой программѣ, съ произнесеніемъ рѣчей, пѣніемъ кантовъ и

музыкою, е) вечеромъ иллюминація всѣхъ университетскихъ зданій. Первоначально предполагался большой вечерній балъ съ ужиномъ, на что требовалось не менѣе двухъ тысячъ рублей, но мысль эту пришлось оставить изъ соображеній матеріальнаго характера и большой балъ замѣненъ обѣдомъ (вмѣсто предполагавшагося завтрака); балъ состоялся, но въ скромныхъ размѣрахъ, не сопряженныхъ съ такими крупными затратами.

Для выполненія перваго пункта „обряда" постановлено было отпечатать приглашенія на актъ и его программу на трехъ языкахъ—русскомъ, латинскомъ и татарскомъ, разославъ ихъ по городу, а также въ столичныя и иногороднія ученыя, учебныя и правительственныя учрежденія. Почетныя лица г. Казани должны были приглашаться на университетскій праздникъ назначенными для того чинами университета; эта миссія возложена на профессоровъ Кондырева и Перевощикова, адъюнкта Симонова и магистра Юнакова. Директору педагогическаго института и инспектору студентовъ поручено объявить всѣмъ магистрамъ, кандидатамъ и студентамъ, что бы они какъ къ всеобщему бдѣнію, наканунѣ дня торжества, такъ и къ самому торжеству открытія „были всѣ непремѣнно, въ мундирахъ", собираясь въ большомъ залѣ университета.

Общее распоряженіе кулинарно-гастрономическою, въ смыслѣ угощенія посѣтителей, частью торжества возложено было на адъюнкта Ренарда, бывшаго надо полагать, человѣкомъ опытнымъ въ этомъ, довольно существенномъ съ точки зрѣнія нравовъ провинціальнаго общества, дѣлѣ. До насъ сохранилась цѣлая коллекція предположеній, смѣтъ, росписей яствъ и питій, счетовъ и т. п. памятниковъ дѣятельности Ренарда въ этомъ направленіи. На угощеніе посѣтителей первоначально разрѣшено было попечителемъ издержать 400 рублей, причемъ передержку этой суммы, если бы таковая потребовалась, члены совѣта изъявили согласіе принять на себя. Впослѣдствіе оказалось, что передержка произведена на столько значительная, что попечитель нашелъ себя вынужденнымъ разрѣшить на этотъ предметъ дополнительную, изъ хозяйственной суммы университета, выдачу въ двѣсти рублей. Контрагентомъ университета по устройству обѣда явился экономъ дворянскаго собранія и извѣстный казанскій ресторатор того времени Людвигъ Гедлеръ, взявшій на себя устройство обѣда на сто персонъ по цѣнѣ въ два рубля съ куверта—„ежели будутъ для него готовы кухня, дрова, караулъ и услуга, окромѣ винъ и серебряныхъ ложекъ; къ столу принадлежащіе кофе, водка и весь столовый приборъ Гедлеровы, а ежели въ столовомъ приборѣ будетъ недостатокъ, то оказать Гедлеру въ такомъ случаѣ помощь". Обѣдъ выговаривался двойной: пост-

ный, изъ одиннадцати, и скоромный, изъ десяти кушаній; закуску къ обѣду контрагентъ обязывался поставить за особую плату въ десять рублей. Пунктуальность Ренарда доходила до того, что въ соглашеніе съ ресторатором онъ вставилъ условіе, въ силу котораго „что отъ стола останется, то ему не возвратится, а обращено будетъ на угощеніе архіерейскихъ пѣвчихъ и на студентскій ужинъ"; въ условіе съ поставщиками винъ вошелъ пунктъ, по которому „порожнія бутылки обращаются хозяину, съ вычетомъ у него за то слѣдующихъ денегъ", причемъ „вина и полпиво" брались съ тѣмъ, что „которыя бутылки останутся нераскупоренными, обращаются хозяину". Гедлеръ взялъ на себя за 124 рубля и устройство вечерняго угощенія для гостей (чай, ромъ, мороженое, прохладительные напитки, конфекты и т. п.); онъ же взялся поставить „ведро ерофеича" для угощенія пѣвчихъ, музыкантовъ и прислуги. Въ дѣлѣ правленія „объ открытіи университета" (1814, № 46) сохранились подробные, съ означеніемъ количества и цѣнъ припасовъ, матеріаловъ и винъ, счета всѣхъ затратъ по угощенію посѣтителей и участниковъ акта 5-го іюля 1814 года, а также и по нѣкоторымъ другимъ расходамъ по празднеству. Эти документы настолько любопытны какъ со стороны чисто бытовой, такъ и съ точки зрѣнія цѣнъ того времени, что мы сочли не лишнимъ отвести имъ мѣсто въ приложеніяхъ къ настоящему тому [239].

Если въ лицѣ адъюнкта Ренарда выдвинулся свой университетскій метръ д'отель, то въ лицѣ преподавателя рисованія и живописи Крюкова правленіе имѣло толковаго устроителя иллюминацій, на котораго и была возложена эта заключительная часть торжества. Для иллюминаціи въ день 5-го іюля университетскихъ зданій у казанскаго торговца Докучаева куплено было пятьсотъ плошекъ, за которыя заплочено 75 рублей, а Крюковъ взялся устроить неизбѣжную въ случаяхъ подобнаго рода „прозрачную картину". Картина эта представляла собою, повидимому, нѣчто довольно грандіозное, такъ какъ сооруженіе ея обошлось, согласно представленнаго Крюковымъ счета, въ 298 р. 30 коп. На одинъ коленкоръ для нея потребовалось 113 р. 40 коп., сто рублей заплочено двумъ помощникамъ Крюкова, остальное пошло на краски, скипидаръ, деревянное масло, веревки и т. п. матеріалы. Изготовленный университетскимъ художникомъ транспарантъ въ вечеръ дня акта производилъ не малую сенсацію у главнаго подъѣзда университета и изображалъ „торжество музъ въ присутствіи государя императора" [240].

Разосланныя передъ актомъ пригласительныя извѣщенія о предстоящемъ торжествѣ, напечатанныя на большаго формата листахъ, гласили слѣдующее:

По повелѣнію
Державнѣйшаго Великаго Государя
Александра I,
Императора и Самодержца Всероссійскаго,
данному
среди звука оружія и грома побѣдъ
на полѣ брани,
подъятой ко благу человѣчества,
для защищенія
попранныхъ и угнетенныхъ правъ Европейскихъ народовъ и возвращенія свободы и мира, имѣетъ совершиться
сего 1814 года мѣсяца Іюля 5 дня
торжественное открытіе
Императорскаго Казанскаго Университета,
щедротами Монаршими
учрежденнаго 1804 года Ноября 5-го дня
и основаннаго 1805 года февраля 14-го дня.
О чемъ,
по приказанію
Его Превосходительства Г. Дѣйствительнаго Камергера,
Казанскаго Университета и его Учебнаго Округа Попечителя
Михаила Александровича Салтыкова,
извѣщая
почтеннѣйшихъ О.О. Пастырей и Наставниковъ церкви,
Г.Г. Военныхъ и Гражданскихъ Начальниковъ и чиновниковъ, и другихъ покровителей и споспѣшествователей просвѣщенія и всѣхъ, всякаго состоянія, любителей наукъ и познаній,
къ соучаствованію въ семъ торжествѣ здѣшнихъ Музъ
усерднѣйше проситъ и приглашаетъ
Ректоръ сего Университета
Иванъ Браунъ,
медицины докторъ и профессоръ.

Начало акта въ 4 часа по полудни.

Въ этомъ извѣщеніи, напечатанномъ, какъ уже было замѣчено выше, на трехъ языкахъ—русскомъ, латинскомъ и татарскомъ, невольно обращаютъ на себя вниманіе три хронологическія даты, весьма точно и рельефно выдѣляющія три эры въ начальной исторіи казанскаго университета: его учрежденіе (5-го ноября 1804 года), его основаніе (14-го февраля 1805 года) и его открытіе (5-го іюля 1814 года). Риторическое выраженіе извѣщенія о высочайшемъ повелѣніи открытія университета, воспослѣдовавшемъ „среди звука оружія и грома побѣдъ, на полѣ брани"—не было лишено значенія: припомнимъ, что именной указъ императора Александра объ утвержденіи ректора Брауна данъ былъ, 24-го февраля, на театрѣ освободительной войны 1813—1814 годовъ, въ Шомонѣ, гдѣ находилась въ то время главная императорская квартира [241].

Кромѣ этого общаго пригласительнаго на актъ 5-го іюля извѣщенія, особыя, какъ личныя, такъ и писанныя, приглашенія къ участію, сверхъ того, и въ университетскомъ обѣдѣ были сдѣланы почетнымъ лицамъ города. Вопросъ о составленіи списка этихъ лицъ также занималъ собою распорядителей торжества и до насъ сохранился черновой, исправленный и дополненный, перечень намѣченныхъ къ приглашенію особъ. Интересующіеся найдутъ этотъ списокъ въ приложеніяхъ къ настоящему тому *.

Перейдемъ теперь къ описанію самаго торжества открытія казанскаго университета, возстановляемому, въ краткихъ чертахъ—въ архивныхъ дѣлахъ казанскаго университета, въ болѣе же подробномъ видѣ—въ университетскомъ журналѣ того времени („Казанскія Извѣстія") и въ повременномъ печатномъ органѣ министерства („Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія") [242].

Церковная часть торжества открытія университета началась еще наканунѣ—4-го іюля. Въ семь часовъ вечера въ большой залѣ университета собрались ректоръ, члены совѣта, магистры, кандидаты, студенты и всѣ университетскіе служащіе и, по прибытіи попечителя округа М. А. Салтыкова, двинулись „церемоніальнымъ порядкомъ" въ приходскую Воскресенскую церковь, къ всенощному бдѣнію.

---

* См. въ концѣ книги приложенія №№ X и XI.

На слѣдующій день, 5-го іюля (это число приходилось въ тотъ годъ на воскресенье), еще въ 6 часовъ утра прибылъ къ университету „почетный караулъ“ отъ мѣстнаго гренадерскаго батальона, наряженный казанскимъ комендантомъ Есиповымъ въ составѣ 24-хъ рядовыхъ, при двухъ унтеръ-офицерахъ. Къ семи часамъ утра въ большой залъ университета собрались, въ парадной формѣ, попечитель округа, ректоръ, профессоры, студенты и всѣ другіе члены университета. Здѣсь соборнымъ протоіереемъ совершено было водоосвященіе, по окончаніи котораго открылось церемоніальное шествіе въ Воскресенскую церковь къ слушанію литургіи. Во главѣ процессіи двое профессоровъ несли на бархатныхъ подушкахъ высочайше пожалованные казанскому университету утвердительную грамоту и уставъ, которые, по прибытіи въ церковь, возложены были, „яко вѣчные памятники монаршаго попеченія о просвѣщеніи вѣрноподанныхъ“, по обѣимъ сторонамъ царскихъ вратъ, на особо приготовленныхъ для того мѣстахъ.

Литургію совершалъ высокопреосвященный Павелъ, архіепископъ казанскій и симбирскій, въ сослуженіи архимандритовъ Израиля, Епифанія и Амвросія, протоіереевъ о.о. Поликарпова, Ласточкина, Таліева и Ивана Трофимовича и старшаго городскаго духовенства, въ присутствіи „генералитета, статскихъ и военныхъ чиновниковъ и дворянства, при многочисленномъ стеченіи народа“. По окончаніи богослуженія, попечитель, учащіе, учащіеся и служащіе университета такимъ же церемоніальнымъ порядкомъ возвратились въ актовый университетскій залъ, гдѣ утвердительная грамота и уставъ были положены на приготовленномъ для нихъ мѣстѣ, передъ портретомъ державнаго основателя университета. Слѣдомъ затѣмъ сюда же прибыли архіепископъ съ старшимъ духовенствомъ и приглашенныя на торжество особы, послѣ чего началось „благодарственное Господу Богу молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія его императорскому величеству и всему августѣйшему дому, также пекущемуся о просвѣщеніи начальству, учащимъ и учащимся“.

По окончаніи молебствія „какъ преосвященный съ духовенствомъ, такъ генералитетъ, главные чиновники и дворяне“ приглашены были къ обѣденному столу, сервированному въ сосѣднемъ залѣ на сто кувертовъ. Обѣдъ сопровождался, конечно, подходящими къ торжеству тостами, первый изъ которыхъ провозглашенъ былъ за здравіе государя императора и сопровождался „инструментальною музыкою“. Для гостей попочетнѣе заготовлены были для „здравицъ“ четыре бутылки шампанскаго (стоившаго въ то время, на ассигнаціи конечно, по десяти рублей бутылка), осталь-

ные же гости удовольствовались десятью бутылками „цимлянскаго" (все таки обошедшагося по 2 р. 50 коп. бутылка).

Интересно сохранившееся меню этого обѣда, заключавшагося изъ кушаній постныхъ и скоромныхъ. Меню постнаго обѣда: 1) икра, 2) большой пирогъ съ рыбою, 3) уха съ пирогами, 4) осетрина, 5) стерляди „лучшія", 6) гороховый соусъ съ фаршемъ, 7) рыбный соусъ, 8) и 9) два рыбныхъ жаркихъ, 10) бланманже и 11) кисель. Обѣдъ скоромный: 1) окорокъ, 2) супъ съ пирогами, 3) говядина подъ сливочнымъ соусомъ, 4) гороховый супъ „подъ коклетами", 5) мясной соусъ изъ дичи, 6) паштетъ, 7) и 8) жаркое индѣйки и телятина съ салатами, 9) и 10) два пирожныя. Не была позабыта и подобающая жертва Бахусу: въ распоряженіе гостей были предоставлены, не включая водки, 4 бутылки шампанскаго, 10 бутылокъ цимлянскаго, 8 бутылокъ медоку, 8 бутылокъ „французскаго", 6 бутылокъ бишова, 5 бутылокъ мадеры, 3 бутылки малаги, 50 бутылокъ „бѣлаго пива", 1 ведро сладкаго пива и 1 ведро меду. Особый столъ,—много, конечно, попроще,—былъ сервированъ для магистровъ, кандидатовъ и студентовъ. Угощеніе было предложено также пѣвчимъ, музыкантамъ, солдатамъ „почетнаго караула", кучерамъ и т. п. меньшей братіи [243].

Время, остававшееся свободнымъ отъ окончанія обѣда до начала торжественнаго акта, гости употребили на осмотръ университетской библіотеки и различныхъ „рѣдкостей и достопримѣчательностей".

Торжественный актъ открылся „большою симфоніею", исполненною оркестромъ, по окончаніи которой была прочитана высочайше дарованная университету утвердительная грамота, а затѣмъ высочайшій указъ объ утвержденіи въ должности ректора университета, предложеніе министра объ утвержденіи декановъ и другихъ выборныхъ лицъ администраціи, о повышеніяхъ въ званіяхъ и степеняхъ и провозглашены имена вновь избранныхъ почетныхъ членовъ.

Затѣмъ исполненъ былъ кантъ, еще въ концѣ 1808 года присланный въ Казань покойнымъ попечителемъ Румовскимъ, въ виду ожидавшагося открытія университета, и уже тогда положенный учителемъ Новиковымъ на музыку, которая была „громка, величественна и соотвѣтственна важности происшествія",—какъ отзывался о ней въ то время Яковкинъ (см. выше стр. 341—342). Почти шесть лѣтъ пришлось этому произведенію поэзіи и музыки ждать наступленія момента, для котораго оно было написано. Вотъ слова этого канта, исполненнаго хоромъ съ аккомпанементомъ оркестра:

„Ликуй Казань, словутый градъ!
„Въ тебѣ наукамъ храмъ воздвигнутъ:
„Веди въ него своихъ ты чадъ,
„Да плодъ и пользу ихъ постигнутъ.

* * *

„Какъ солнце землю озаряетъ
„И твари всѣ животворитъ,
„Такъ кроткій Александръ желаетъ
„На всѣхъ россіянъ свѣтъ излить!

* * *

„Подобнаго тебѣ не знаемъ,
„Монархъ, достойный алтарей:
„Отцомъ отечества дерзаемъ
„Назвать—но мало жертвы сей.....

* * *

„Простремъ къ Всевышнему моленье
„Изъ нашихъ глубины сердецъ,
„Да ниспошлетъ благословенье
„И милость на тебя Творецъ;

* * *

„Да будутъ всѣ твои совѣты
„Согласны съ волею Его,
„И да не коснутся навѣты
„Враговъ престола твоего!.....

За кантомъ слѣдовала небольшая рѣчь ректора университета И. О. Брауна, изготовленная имъ на латинскомъ языкѣ и въ которой ораторъ развивалъ мысль о значеніи факта открытія казанскаго университета и о тѣхъ обязанностяхъ, какія фактъ этотъ налагаетъ какъ на него лично, облеченнаго званіемъ ректора, такъ и на другихъ членовъ университета—учащихъ и учащихся. Рѣчь ректора заключилась обращеніями къ попечителю, котораго онъ восхвалялъ за его заботы объ университетѣ, за его справедливость, благорасположеніе и гуманное отношеніе какъ къ учащимъ, такъ и къ учащимся, къ учебному персоналу университета и, наконецъ, къ студентамъ.

Послѣ музыкальной пьэсы, исполненной оркестромъ, на кафедру взошелъ проф. Г. Н. Городчаниновъ и прочелъ сочиненную имъ „Оду на всеобщій миръ въ Европѣ". Ода, какъ и требовало того самое ея заглавіе, начиналась высокопарнымъ указаніемъ на современныя политическія обстоятельства и открывалась слѣдующею строфою:

„Еще пѣснохваленья новы,
„Вселенна, Богу возгласи;
„Еще, еще вѣнцы лавровы
„Въ даръ Александру поднеси!
„Отъ многихъ бѣдъ тебя избавить,
„Европу падшую возставить
„Его Всевышній предъизбралъ;
„Имъ міру миръ златый доставленъ,
„Имъ змій стоглавый обезглавленъ,
„Имъ—Фараонъ всемірный палъ!.....

Посвятивъ далѣе длинный рядъ строфъ своимъ „чувствованіямъ" на тему объ ужасахъ брани и благахъ мира, поэтъ восклицаетъ:

„Подъ сѣнію благословенной
„Порфиры, о монархъ, твоей,
„Объемлющія полвселенной,
„На семь простертыя морей—
„Твой Россъ спокойны дни вкушаетъ.
„Лучъ благости твоей блистаетъ
„И къ нашимъ музамъ съ дальнихъ странъ.
„Среди кровавой, лютой, брани
„О музахъ вспомнилъ ты Казани:
„Се—новый блескъ тобой имъ данъ!

Предпослѣдняя строфа уже непосредственно посвящена казанскому университету:

„Щедроты новою росою
„Ты виноградъ сей окропилъ:
„Твоею насажденъ рукою,
„Онъ гроздіе распространилъ
„Племенъ различныхъ къ благу, славѣ
„Въ твоей обширнѣйшей державѣ.
„Гдѣ солнца краснаго восходъ,
„Среди безплодныя пустыни
„Наукъ благоухаютъ крины
„И миртъ тебѣ въ вѣнецъ цвѣтетъ.

За чтеніемъ Городчанинова снова слѣдовала оркестровая пьэса, а за нею рѣчь на русскомъ языкѣ профессора В. М. Перевощикова на тему: „О пользѣ наукъ, вообще, и, въ особенности о пользѣ казанскаго университета".

Если не принимать въ соображеніе риторической дѣланности и стилистической напыщенности этой рѣчи, т. е. неизбѣжныхъ пріемовъ ора-

торскаго искусства того времени, рѣчь проф. Перевощикова должна быть признана вполнѣ содержательною и, дѣйствительно, способною выяснить собравшейся на актъ публикѣ тѣ важные вопросы, которые положены были ораторомъ въ основу ея содержанія, что и побуждаетъ насъ остановиться на этой рѣчи съ нѣкоторою подробностью.

Проф. Перевощиковъ открываетъ свою бесѣду съ публикою указаніемъ значенія чествуемаго момента: „Наконецъ, почтенные посѣтители, всѣми толико желанный день настала!—восклицаетъ ораторъ.—Мы торжествуемъ полное, во всѣхъ частяхъ сообразное священной волѣ великаго нашего монарха, открытіе казанскаго университета!... Великъ и важенъ сей день для здѣшняго града! Днесь насаждается древо наукъ, котораго плоды—добродѣтель и счастіе“.....

Это послѣднее положеніе и кладется проф. Перевощиковымъ исходною точкою отправленія всей рѣчи, имѣющею своею задачею доказать, что безъ наукъ немыслимы добродѣтель и счастье какъ личныя, такъ и общественныя. „Что суть науки?“—вопрошаетъ ораторъ, и даетъ слѣдующее объясненіе: „На сей вопросъ знаменитый Бюффонъ отвѣчаетъ: онѣ суть познаніе природы. Раздробимъ сіе общее предложеніе: знать природу—значитъ знать людей, знать окружающія насъ физическія тѣла, знать Бога. Отъ сихъ предметовъ зависятъ наше здоровье, наше душевное спокойствіе, словомъ—наше счастье или несчастье“.

Люди,—продолжаетъ ораторъ,—жалуются на болѣзни, на краткость жизни, но справедливѣе было бы имъ жаловаться на свое невѣжество, лишающее ихъ возможности познавать „свойство нашего тѣла, свойства окружающихъ насъ предметовъ, ихъ взаимную связь, средства сохранять наше здоровье“..... „Токмо просвѣщенный человѣкъ можетъ повторять съ Франклиномъ слова Соломоновы: мудрый носитъ долголѣтіе въ рукѣ своей“. Это положеніе проф. Перевощиковъ иллюстрируетъ условіями мѣстной казанской жизни:

„Мы, жители Казани,—говорилъ онъ,—обитаемъ въ климатѣ суровомъ и, что несравненно гибельнѣе, въ климатѣ сыромъ и удивительно перемѣнчивомъ. Нѣтъ у насъ весны; лѣтомъ сильный жаръ и пронзительный осенній холодъ смѣняются непрестанно и быстро. Осенью мы тонемъ въ грязи; зимою наши термометры замерзаютъ отъ лютыхъ морозовъ. Притомъ окружена Казань стоячими, гнилыми болотами; не имѣетъ чистой воды—сего перваго и важнѣйшаго средства для поддержанія здоровья. Книги метрическія показываютъ, что въ Казани ежегодно умираетъ людей болѣе, нежели родится. Посему, намъ то

особенно должно искать въ наукахъ естественныхъ средствъ для предохраненія и продолженія нашей жизни. Людямъ просвѣщеннымъ возможно все: они сильны измѣнить самую природу".

Далѣе слѣдуетъ рядъ соображеній, подкрѣпляемыхъ ссылками на факты исторіи, на мысли, высказывавшіяся государственными людьми, философами, учеными, поэтами и направленныя къ выясненію важнаго значенія наукъ для всевозможныхъ сферъ жизни человѣка и человѣческихъ обществъ. Отсюда дѣлаетъ ораторъ заключительный переходъ къ значенію университетовъ, вообще, и казанскаго университета, въ частности:

„Вотъ краткое и слабое изображеніе пользы наукъ, почтенные посѣтители! Вотъ великіе предметы, которые изъясняются юношеству въ университетахъ!.....

Но казанскій университетъ полезенъ можетъ быть и въ другихъ отношеніяхъ. Члены онаго, осматривая гимназіи и училища, могутъ описать нѣкоторыя еще малоизвѣстныя губерніи. Обширныя и дикія пустыни сибирскія, величественная и прекрасная Грузія—ожидаютъ токмо просвѣщенныхъ естествоиспытателей, что бы источать намъ въ несравненно большемъ, нежели нынѣ, количествѣ сребро, злато, драгоцѣнныя каменья и цѣлебныя растенія.....

Главная же польза, какую казанскій университетъ приносить можетъ, состоитъ въ образованіи полезныхъ членовъ для всѣхъ званій государства. Отсюда выйдутъ купцы, дальновидные въ торговыхъ соображеніяхъ; отсюда выйдутъ знающіе судьи; отсюда выйдутъ искуссные воины; отсюда выйдутъ, наконецъ, и наставники юношества просвѣщенные, благоразумные, которые спасительнымъ свѣтомъ наукъ озарятъ и самыя хижины, слѣдовательно—водворятъ въ нихъ возможное на землѣ счастіе" *.

Рѣчь оканчивается указаніемъ на мощь и силу, которыя науки способны придать слабому, по природѣ своей, человѣку:

„Онъ повелѣваетъ землею, гордо летаетъ по безпредѣльнымъ волнамъ, управляетъ молніею и громами. Для него предразсудки—смѣшны, суевѣріе—не существуетъ, безвѣріе—презрительно. Для него страсти—суть попутные вѣтры къ жизненному плаванію. Онъ самъ для себя твердѣйшая опора; онъ полезный гражданинъ и вѣрный сынъ отечества; онъ другъ неизмѣнный всему человѣчеству. Онъ идетъ спокойно и величественно по пути жизни, смотритъ нетрепетно на бури и вих-

---

* Въ печатномъ текстѣ рѣчи сдѣлано слѣдующее подстрочное примѣчаніе: «Изъ воспитанниковъ казанскаго университета многіе съ пользою для общества отправляютъ военныя, статскія и ученыя должности; многіе, въ прошедшую войну съ французами, пали на полѣ брани: воспоминаніе—горестное и, вмѣстѣ, сладкое!»

ри. Ему путь прокладываютъ науки, освѣщаетъ съ небесъ истинная вѣра—и самая смерть возлагаетъ на него вѣнецъ безсмертія!" [244].

За рѣчью проф. Перевощикова слѣдовалъ традиціонный обрядъ раздачи шпагъ студентамъ, закончился же актъ хоровымъ и оркестровымъ исполненіемъ патріотической кантаты Кондырева съ музыкою къ ней Новикова: „Дни славы Россъ благословляй и пр.", которая уже раньше исполнялась на университетскихъ актахъ 14-го февраля и 30-го августа 1807 года и о которой мы въ своемъ мѣстѣ говорили, отмѣтивъ и тотъ любопытный фактъ, что полная вокальная и инструментальная партитура этого произведенія счастливымъ образомъ сохранилась до нашихъ дней.

По окончаніи акта, приглашенные гости остались въ залахъ университета, гдѣ, по выраженію оффиціальнаго описанія торжества—имъ былъ данъ балъ и предложено вечернее угощеніе, состоявшее изъ чая съ ромомъ, лимонами и вареньемъ, мороженаго, конфектъ и прохладительныхъ напитковъ. Когда смерклось, пятьсотъ плошекъ освѣтили зданія университета, а у параднаго подъѣзда главнаго корпуса засвѣтился крюковскій транспарантъ съ изображеніемъ „торжества музъ". Рѣдкое для Казани зрѣлище привлекло къ университету массу публики; по словамъ хроникера того времени—„множество народа и экипажей тѣснились за полночь и все было въ движеніи".

Такъ совершилось 5-го іюля 1814 года публичное торжество давно ожидавшагося полнаго открытія казанскаго университета.

На слѣдующій послѣ акта день, 6-го іюля, происходило экстренное собраніе совѣта, имѣвшее ближайшее соотношеніе къ совершившемуся торжеству. Ректоръ Браунъ открылъ это засѣданіе рѣчью на латинскомъ языкѣ, въ которой, какъ значится о томъ въ протоколѣ собранія—„изобразилъ выгоды и преимущества, пріобрѣтенныя университетомъ вмѣстѣ съ его открытіемъ, и при томъ упомянулъ о ходатайствѣ предъ высшимъ начальствомъ его превосходительства г. попечителя, содѣйствіемъ котораго университетъ вступилъ въ полныя свои права". Совѣтъ постановилъ: принести in corpore личную благодарность попечителю „за начальственныя его о благѣ университета попеченія". Намъ неизвѣстно, къ сожалѣнію, въ какой именно формѣ и при какой обстановкѣ совершилось это корпоративное принесеніе совѣтомъ своей благодарности Салтыкову. Излишнимъ было бы, пожалуй, упоминать о томъ, что Яковкинъ, пришибленный и угнетенный всѣми протекавшими передъ его глазами событіями, не принималъ участія какъ въ этомъ собраніи совѣта, такъ и въ другихъ

засѣданіяхъ его, соприкасавшихся съ предстоявшимъ полнымъ открытіемъ университета. Онъ „заболѣлъ" еще съ конца іюня и прохворалъ до половины сентября и эта, такъ кстати подоспѣвшая, „болѣзнь" избавила его отъ щекотливой необходимости присутствовать какъ на торжествѣ 5-го іюля, такъ и на засѣданіяхъ, находившихся въ связи съ этимъ событіемъ и представлявшихся для него истиннымъ „momento mori". Не ему, ненавистному угнетателю свободной академической жизни, было, конечно, ликовать по поводу возвѣщеннаго ректоромъ Брауномъ вступленія университета „въ полныя свои права"......

Попечитель Салтыковъ въ долгу передъ совѣтомъ не остался и, вполнѣ довольный всею обстановкою торжества 5-го іюля, вошелъ въ совѣтъ съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 14-го числа того же мѣсяца:

„Долгомъ моимъ поставляю изъявить сочленамъ почтеннаго правленія казанскаго университета совершенную мою благодарность за дѣятельность, расторопность (sic!) и усердіе, понынѣ и при открытіи, наипаче, оказанную. Я увѣренъ, что примѣръ ревности и неутомимости къ пользѣ университета—усугубитъ усердіе и въ прочихъ его членахъ, что благонравіе и кротость ихъ водворитъ спокойствіе, дружелюбіе и единодушіе между всѣми сочленами университета.

Особенные труды, принятые г. адъюнктомъ Ренардомъ добровольно, дѣятельность и ревность, съ коими онъ оные исполнялъ (т. е. труды по устройству угощенія почетныхъ посѣтителей), обращаютъ особенное мое вниманіе и я обязанностью поставляю изъявить ему мою благодарность.

Кротость, усердіе, безкорыстіе и искусство, съ коимъ всегда исполняетъ г. Крюковъ свои обязанности, особо же оказанныя при сдѣланномъ ему порученіи о написаніи прозрачной картины—служатъ особеннымъ доказательствомъ его ревности къ службѣ и пользѣ университета. Предлагаю совѣту объявить ему мою признательность, принять понесенный безкорыстный трудъ его за особую услугу, университету оказанную, и внесть въ формулярный списокъ" *.

Съ началомъ 1814—1815 академическаго года казанскому университету предстояло уже всецѣло руководствоваться въ своей жизни уставомъ 5-го ноября 1804 года. Заключительная статья этого устава опредѣляла, что „въ началѣ каждаго года ректоръ назначаетъ чрезвычайное и общее

* Благодарности Ренарду и Крюкову по устройству торжества 5-го іюля 1814 года и оказались, дѣйствительно, внесенными въ ихъ формулярные списки: у Ренарда—«за особые труды, добровольно принятые при открытіи университета», у Крюкова—«за усердіе, безкорыстіе и искусство, особенно за сдѣланіе прозрачной картины». Патріархальны были служебные нравы того «добраго стараго» времени!

собраніе, которое, занимаясь единственно чтеніемъ сего устава, разсуждаетъ—точно ли по оному во всѣхъ частяхъ исполнено". Это требованіе было впервые выполнено въ засѣданіи совѣта 19-го августа [245].

Мы подробно прослѣдили всѣ обстоятельства, при которыхъ совершилось въ 1814 году полное открытіе казанскаго университета. Передъ нами проходило участіе въ этомъ событіи высшихъ сферъ министерства народнаго просвѣщенія, попечителя Салтыкова, совѣта университета, даже отдѣльныхъ личностей, хотя бы только въ формѣ организаціи угощенія или устройства аллегорической „прозрачной картины", но мы не видѣли сколько нибудь тѣснаго отношенія къ этому дѣлу одного весьма существеннаго элемента, самого казанскаго общества,—въ лицѣ составляющихъ его классовыхъ расчленій, его дворянства, духовенства, купечества и гражданства, вообще,—относительно значенія для котораго казанскаго университета такъ краснорѣчиво распинался на актѣ 5-го іюля проф. Перевощиковъ. Казанскій университетъ торжественно открывался, а казанское общество въ отвѣтъ на это знаменательное для него событіе—„безмолвствовало", какъ народъ въ извѣстной пушкинской трагедіи, такъ какъ пассивное прослушаніе мудреныхъ актовыхъ рѣчей, поглощеніе нѣсколькими десятками почетныхъ казанскихъ обывателей двухъ гедлеровскихъ обѣдовъ, да стеченіе толпы уличныхъ зѣвакъ передъ диковинною картиною „торжества музъ"—не могло же служить сколько нибудь твердымъ критеріемъ сочувственнаго отношенія казанскаго общества къ событію 5-го іюля 1814 года. Отдаленный и единственный намекъ на яко бы сочувственное отношеніе общества къ совершившемуся полному открытію университета проскользнулъ лишь въ отчетѣ хроникера мѣстнаго журнала того времени, при описаніи имъ торжества 5-го іюля:

„Многочисленное собраніе особъ разныхъ званій, чиновъ, состояній, вѣръ и пола,—писалъ этотъ хроникеръ,—согласовало чувствованія свои съ чувствованіями университета, ликовствовало (sic) о мудромъ, добродѣтельномъ и великомъ отцѣ, государѣ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, щедротами коего основанъ и воздвигается въ столицѣ бывшаго царства татарскаго храмъ просвѣщенія, долженствующій проливать свѣтъ свой отъ Кавказа до Кыхтака въ Америкѣ, почти отъ предѣловъ Малороссіи и московскихъ до китайскихъ, среди многочисленныхъ племенъ народовъ въ шалашахъ, кибиткахъ, пещерахъ и палатахъ, оживлять пособіемъ своимъ промышленность, земледѣліе, торговлю, жизнь общественную и возбуждать въ груди различныхъ во всемъ народовъ—единую любовь къ матери Россіи и единое усердіе къ отцу-государю. Какой проницательный

умъ,—восклицаетъ авторъ описанія,—и какой патріотъ не восхищался настоящимъ празднествомъ музъ казанскихъ, гласъ радости коихъ пронесется вскорѣ быстро по берегамъ рѣкъ Волги, Оки, Камы, Бѣлой, Иртыша, Тобола, Енисея, Лены, Анадыра, по хребтамъ Кавказа, Рифея, горъ сибирскихъ, у береговъ морей Каспійскаго, Ледовитаго, Восточнаго, Охотскаго и прочихъ"?.... [246].

„Гласъ радости казанскихъ музъ" не замедлилъ, дѣйствительно, пронестись по всѣмъ направленіямъ отъ Казани въ формѣ разосланныхъ въ различныя учрежденія (въ восточныя губерніи даже и на татарскомъ языкѣ) извѣщеній объ открытіи университета, но этотъ „гласъ" нашелъ себѣ откликъ лишь въ видѣ сохранившейся кипы сухихъ канцелярскихъ отписокъ, за номерами и подлежащимъ подписомъ, о полученіи и принятіи присланныхъ извѣщеній къ свѣдѣнію. Никакого выраженія радости, сочувствія или хотя бы только простого поздравленія, не говоря уже о болѣе вещественныхъ доказательствахъ соучастія къ „празднеству казанскихъ музъ", не было получено университетомъ ни въ самой Казани, ни изъ географическаго района, такимъ широкимъ взмахомъ пера очерченнаго хроникеромъ казанскаго университетскаго журнала. Упорно „безмолвствовало" казанское общество до и послѣ торжества 5-го іюля; также упорно и пассивно безмолвствовало оно въ лицѣ своихъ представителей и на самомъ актѣ открытія; не почтили университета словомъ участія даже высшіе представители мѣстнаго духовенства, имѣвшіе такое непосредственное соотношеніе къ торжеству открытія. Въ день 5-го іюля 1814 года, который долженъ быть названъ историческимъ не для одного только университета, но и для всего города Казани, ликующій университетъ оказался—самъ по себѣ, казанская общественность—тоже сама по себѣ, безъ всякихъ признаковъ живой, органической, связи, безъ какого либо проявленія сознанія общности интересовъ, безъ, хотя бы только показнаго, выраженія сочувствія и благожелательнаго отношенія.... Явленіе—глубоко прискорбное въ исторіи казанской общественности минувшаго столѣтія!

Совершенно иную картину представляетъ намъ торжество открытія сверстника казанскаго университета, университета харьковскаго, совершившееся 17-го января 1805 года:

„Весь Харьковъ давно уже ждалъ этого своего свѣтлаго праздника,—свидѣтельствуетъ почтенный исторіографъ харьковскаго университета, проф. Д. И. Багалѣй.—Это не было обыкновенное оффи-

ціальное открытіе новаго учебнаго заведенія. Это былъ настоящій праздникъ просвѣщенія для города, для всей Украйны и даже для „полуденнаго" края Россіи. Въ учрежденіи харьковскаго университета принимали матеріальное * и нравственное участіе всѣ слои мѣстнаго общества—дворянство, купечество, мѣщане и войсковые обыватели; примѣръ ихъ подвинулъ и сосѣднія губерніи; примѣру обществъ послѣдовали и частныя лица. Мысль о необходимости учрежденія разсадника высшаго просвѣщенія въ краѣ—ясно сознавалась всѣми. Всѣ были проникнуты ею и всѣ страстно желали ея скорѣйшаго осуществленія. Таково было настроеніе свѣтскаго общества. Мѣстное духовенство, съ своей стороны, встрѣчало чрезвычайно дружелюбно новую высшую свѣтскую школу. Въ лицѣ двухъ наиболѣе видныхъ представителей своихъ, харьковскаго епископа Христофора Сулимы и ректора харьковскаго коллегіума протоіерея о. Андрея Прокоповича, оно наглядно показало сочувствіе свое новому просвѣтительному учрежденію въ краѣ. И тотъ и другой произнесли въ день открытія университета съ церковной каѳедры рѣчи; въ нихъ они привѣтствовали свѣтскую науку и просвѣщеніе; духовенство привѣтствовало, благословляло, чествовало водворявшуюся науку.... Такимъ образомъ, съ полнымъ основаніемъ можно сказать,—заключаетъ проф. Багалѣй,—что торжество открытія харьковскаго университета должно было отличаться характеромъ полнаго единодушія и живой, искренней, радости: тутъ не было мѣста ни открытому недоброжелательству, ни скрытой зависти, ни злословію; всѣ сошлись въ одной мысли и въ одномъ чувствѣ—высокомъ призваніи новаго учрежденія и уваженіи къ его открывающейся дѣятельности" [247].

Обстоятельствомъ, нѣсколько смягчающимъ фактъ пассивно-безучастнаго отношенія казанскаго общества къ торжеству полнаго открытія казанскаго университета, можетъ быть признано, конечно, полное открытіе университета по истеченіи девятилѣтняго фактическаго существованія его въ Казани. И, дѣйствительно: открытіе университета, уже девять лѣтъ фактически существующаго,—и не только существующаго, но успѣвшаго даже дать за это время обильную пищу городскимъ толкамъ и пересудамъ по поводу инцидентовъ болѣе или менѣе сенсаціоннаго характера, которыми такъ чревата была начальная жизнь юнаго университета,—не могло не породить нѣкоторой путаницы въ понятіяхъ огромнаго большинства казанскаго общества, не умѣвшаго разобраться въ хитростномъ разграниченіи моментовъ „учрежденія", „основанія" и „открытія" казанскаго университета, такъ тонко проводимомъ въ извѣщеніи объ актѣ 5-го іюля

* См. объ этомъ выше, стр. 62—63.

1814 года. Торжественно открывалось въ сущности уже существующее—это не могло не представляться чѣмъ то парадоксальнымъ въ глазахъ обывателей, непосвященныхъ въ подробности университетскаго строя, проводимыя утвердительною грамотою и уставомъ 1804 года.

Это обстоятельство нисколько не оправдываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, безспорнаго факта того апатично-равнодушнаго отношенія, съ которымъ, въ свое время отнесся „словутый градъ Казань" и къ „учрежденію", и къ „основанію", и къ „открытію" воздвигнутаго въ немъ „храма музъ".

Разсказомъ объ открытіи въ 1814 году казанскаго университета на точныхъ основаніяхъ высочайше утвержденнаго устава 5-го ноября 1804 года и о сопряженномъ съ этимъ событіемъ вступленіи университета „въ полныя свои права"—мы заканчиваемъ историческое изложеніе первой эпохи его жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первой части нашего труда.

Мы не коснулись въ законченной нами части многихъ сторонъ внутренней жизни казанскаго университета за первые девять съ половиною лѣтъ его существованія, или же затрогивали эти стороны его жизни лишь попутно, въ связи съ вопросами болѣе общаго характера. Такъ, мы не касались подробностей вопросовъ объ условіяхъ и проявленіяхъ ученой и учебной жизни университета, объ отношеніяхъ его къ мѣстному обществу, о положеніи профессоровъ и студентовъ, объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета.....

Мы поступили въ данномъ случаѣ совершенно сознательно. Эти стороны жизни казанскаго университета могутъ получить сколько нибудь полное освѣщеніе лишь въ связи съ ближайшими годами его существованія подъ полнымъ дѣйствіемъ устава 5-го ноября 1804 года (1814—1819 г.г.), благотворному вліянію котораго въ 1819 году ставится, однако, совершенно неожиданное препятствіе ревизіею, а затѣмъ и семилѣтнимъ попечительствомъ Магницкаго, снова отклоняющими жизнь казанскаго университета отъ нормальнаго и прогрессивнаго пути ея развитія.

Это то соображеніе и побуждаетъ насъ отнести разработку только что указанныхъ вопросовъ внутренней жизни казанскаго университета ко второй части перваго періода его исторіи, которая обниметъ собою промежутокъ времени отъ полнаго открытія университета до эпохи попечительства Магницкаго и изложенію которой мы посвятимъ слѣдующій томъ нашего труда.

ПО ПОВЕЛѢНІЮ

ДЕРЖАВНѢЙШАГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ

АЛЕКСАНДРА I.

ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,

данному

среди звука оружій и грома побѣдъ,

на полѣ брани,

подъятой ко благу человѣчества,

для защищенія

попранныхъ и угнѣтенныхъ правъ Европейскихъ народовъ и возвращенія свободы и мира,

имѣетъ совершиться

сего 1814 года мѣсяца Іюля 5 дня

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

щедротами Монаршими

учрежденнаго 1804 года Ноября 5-го дня,

и основаннаго 1805 года Февраля 14-го дня.

О чемъ,

по приказанію

Его Превосходительства, Г. Дѣйствительнаго Камергера,

Казанскаго Университета и его Учебнаго Округа Попечителя,

МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА САЛТЫКОВА

извѣщая

Почтеннѣйшихъ ОО: Пастырей и Наставниковъ церкви,

ГГ: Военныхъ и Гражданскихъ Начальниковъ и чиновниковъ, и другихъ покровителей и споспѣшествователей просвѣщенія,

и всѣхъ, всякаго состоянія, любителей наукъ и познаній,

къ соучаствованію въ семъ торжествѣ вѣщихъ Музъ,

усерднѣйше проситъ и приглашаетъ

РЕКТОРЪ СЕГО УНИВЕРСИТЕТА

ИВАНЪ БРАУНЪ,

медицины докторъ и профессоръ.

Начало Акта въ 4 часа по полудни.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ТОРЖЕСТВО ПОЛНАГО ОТКРЫТІЯ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА 5-го іюля 1814 года.

Приложенія

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

I

(Къ страницѣ 11-й)

Распредѣленіе кафедръ по уставу 5-го ноября 1804 года

I. Отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ:

1. Богословіе догматическое и нравоучительное.
2. Толкованіе священнаго писанія и церковная исторія.
3. Умозрительная и практическая философія.
4. Право естественное, политическое и народное.
5. Права гражданское и уголовное и судопроизводство Россійской имперіи.
6. Права знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ, народовъ.
7. Дипломатика и политическая экономія.

II. Отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ:

1. Теоретическая и опытная физика.
2. Чистая математика.
3. Прикладная математика.
4. Практическая астрономія (астрономъ-наблюдатель).
5. Теоретическая астрономія.
6. Химія и металлургія.
7. Естественная исторія и ботаника.
8. Сельское домоводство.
9. Технологія и науки, относящіяся къ торговлѣ и фабрикамъ.

III. Отдѣленіе врачебныхъ или медицинскихъ наукъ:

1. Анатомія, физіологія и судебная врачебная наука.
2. Патологія, терапія и клиника.

3. Врачебное веществословіе, фармація и врачебная словесность.
4. Хирургія.
5. Повивальное искусство.
6. Скотолеченіе.

IV. Отдѣленіе словесныхъ наукъ.

1. Краснорѣчіе, стихотворство и языкъ россійскій.
2. Греческій языкъ и словесность греческая.
3. Древности и языкъ латинскій.
4. Всемірная исторія, статистика и географія.
5. Исторія, статистика и географія россійскаго государства.
6. Восточные языки.

Сверхъ вышеисчисленныхъ кафедръ, замѣщаемыхъ профессорами, полагались:

Двѣнадцать адъюнктовъ.

Три лектора языковъ: французскаго, нѣмецкаго и татарскаго.

Три учителя „пріятныхъ“ искусствъ и гимнастическихъ упражненій.

II

(Къ страницѣ 15-й)

Примѣрный штатъ Императорскаго Казанскаго Университета, 5-го ноября 1804 года.

	Одному	Вообще
	Рубли	Рубли
Двадцати осьми профессорамъ	2000	56,000
Четыремъ почетнымъ членамъ.	200	800
Двѣнадцати адъюнктамъ	800	9,600
Лекторамъ или учителямъ трехъ языковъ . .	600	1,800
Двѣнадцати магистрамъ въ Педагогическомъ институтѣ	400	4,800
Двѣнадцати студентамъ-кандидатамъ.	300	3,600
Сорока студентамъ на казенномъ содержаніи.	200	8,000
Прибавочныя жалованья профессорамъ, исправляющимъ особенныя должности:		
Ректору	600	600
Четыремъ деканамъ и безсмѣнному засѣдателю.	300	1,500
Синдику, въ дополненіе къ адъюнктскому жалованью	200	200
Секретарю совѣта	300	300
Архиваріуеу при совѣтѣ, который исправляетъ должность переводчика въ правленіи и писцу.	—	700

	Одному	Вообще
	Рубли	Рубли
Четыремъ секретарямъ частныхъ собраній . .	100	400
Директору Педагогическаго института	500	500
Инспектору казенныхъ студентовъ	400	400
Библіотекарю	400	400
Помощнику его изъ адъюнктовъ или магистровъ и писцу	—	500
На библіотеку	—	1000
На содержаніе анатомическаго театра, съ препаратами	—	800
„ „ ботаническаго сада и садовника.	—	1000
„ „ химической лабораторіи и лаборатора.	—	1000
„ „ обсерваторіи	—	500
„ „ физическаго кабинета.	—	500
„ „ кабинета естественной исторіи.	—	600
„ „ клиническаго института и университетской больницы.	—	5000
Принадлежащіе къ симъ заведеніямъ художники: инструментальный мастеръ, живописецъ и рѣзчикъ на мѣди—получаютъ жалованье изъ хозяйственной суммы.		
На награжденіе за рѣшеніе задачъ.	—	250
На награжденіе студентамъ за успѣхи и поведеніе	—	250
Секретарю правленія, канцелярскимъ служителямъ, включая въ то число кассира, бухгалтера, экзекутора и писцовъ и на канцелярскіе расходы.	—	3000
На проѣзды посылаемыхъ для обозрѣнія училищъ и на письмоводство по сей части. . .	—	5000
На журналы и газеты	—	500
На иностранную переписку.	—	200

	Одному	Вообще
	Рубли	Рубли
На путешествія въ чужіе края адъюнктовъ изъ россіянъ, отличившихся талантами. . . .	—	2000
Священнику и на содержаніе церкви.	—	1000
На жалованье и платье сторожей.	—	1000
Учителямъ рисованья, танцованья и музыки. .	—	1500
На пенсіи ученымъ чиновникамъ и вдовамъ .	—	6000
На содержаніе строеній, на отопленіе, освѣщеніе, чистоту и проч.	—	8000
На заведеніе и содержаніе типографіи, доколѣ она не придетъ въ состояніе содержать себя изъ собственныхъ доходовъ, употребляется сумма, имѣющая оставаться до наполненія всего числа чиновниковъ, положенныхъ по штату.		
Итого. . . .	—	130,000

(„Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія", 1805 г., № XI, стр. 401—405).

III

(Къ страницѣ 37-й)

Списокъ трудовъ штабъ-лекаря Протасова.

(Приводится, въ качествѣ ученой мотивировки кандидатуры перваго профессора медицины въ Казанскомъ университетѣ).

„Пермской врачебной управы операторъ, штабъ-лекарь Протасовъ, представилъ въ Медицинскую коллегію слѣдующія сочиненія:

Въ 1782 году.

1) О причинахъ чесотки у евреевъ, 2) О сохраненіи здоровья солдатъ, 3) De perfecta ulcerum venereorum curatione ope myrrha et gummi arabica.

Въ 1793 году.

4) О переломѣ челюстной кости.

Въ 1800 году.

5) Начертаніе врачебнаго осмотра рекрутъ притворныхъ и утаиваемыхъ недуговъ и ихъ обнаруживаніе (принято коллегіею съ одобреніемъ), 6) О повальной болѣзни, свирѣпствовавшей на нѣкоторомъ заводѣ, 7) Наблюденіе о чувашахъ и вотякахъ (принято коллегіею съ похвалою), 8) О пользѣ и злоупотребленіи ртути (принято съ похвалою), 9) О лицеочищеніи (принято съ похвалою), 10) Исторія врачебнаго искусства (принято также съ похвалою)“.

(Архивъ министерства народн. просвѣщенія, дѣло № 3911, 1804 г., листъ 3-й).

IV

(Къ страницѣ 55-ой)

Именной списокъ
студентовъ Казанскаго Университета
за 1805-ый годъ

и

вѣдомость количества студентовъ
за 1805—1815 годы

(Архивъ Казанскаго университета, Совѣтской канцеляріи дѣла № 32, за 1805 г., и № 5, за 1853 г.).

Число студентовъ.	Имена и прозванія студентовъ.	Сколько отъ роду лѣтъ.	Кто изъ какого званія и откуда родомъ.
	На казенномъ содержаніи.		
1	Петръ Кондыревъ.	17	Изъ дворянъ курской губерніи, сынъ отставнаго прапорщика Сергѣя Кондырева.
2	Владиміръ Графъ.	17	Изъ дворянъ симбирской губерніи, сынъ надворнаго совѣтника Кириллы Графа.
3	Петръ Балясниковъ.	20	Изъ дворянъ нижегородской губерніи, сынъ коллежскаго ассесора Семена Балясникова.
4	Василій Перевощиковъ.	18	Изъ дворянъ пензенской губерніи, сынъ титулярнаго совѣтника Матвѣя Перевощикова.
5	Василій Кузминскій.	19	Сынъ отставнаго губернскаго регистратора Ивана Кузминскаго.
6	Помпей Смирновъ.	17	Изъ дворянъ, сынъ титулярнаго совѣтника Григорья Смирнова.
7	Николай Упадышевскій 1-ый.	18	Изъ польскихъ шляхтичей, сынъ титулярнаго совѣтника Василья Упадышевскаго.
8	Семенъ Выдрицкій.	18	Изъ дворянъ, сынъ унтеръ-офицера Егора Выдрицкаго.
9	Николай Трухинъ.	15	Изъ дворянъ казанской губерніи, сынъ губернскаго регистратора Василья Трухина.
10	Александръ Княжевичъ.	15	Изъ дворянъ оренбургской губерніи, сынъ коллежскаго секретаря и кавалера Максима Княжевича.
11	Михайло Фоминъ.	14	Изъ дворянъ с.-петербургской губерніи, сынъ оберъ-провіантмейстера Ивана Фомина.
12	Яковъ Ляпуновъ.	20	Изъ дворянъ города Уржума, сынъ преміеръ-маіора Прохора Ляпунова.
13	Дмитрій Перевощиковъ.	14	Изъ дворянъ пензенской губерніи, сынъ титулярнаго совѣтника Матвѣя Перевощикова.

Гдѣ обучался до вступленія въ университетъ.	Когда поступилъ въ университетъ и произведенъ студентомъ.	По какому отдѣленію.	Какихъ успѣховъ и поведенія.	Состоитъ ли на лицо или куда выбылъ и когда.
Всѣ обучались въ домахъ.	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го дня; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.	По причинѣ недавняго основанія университета студенты по факультетамъ еще не раздѣлены.	Стараются успѣвать и вести себя хорошо.	Состоятъ на лицо.
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
Пензенской губ., въ Саранскомъ народномъ училищѣ.	Въ гимназію поступилъ 1800 г., апрѣля 25-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
Всѣ обучались въ домахъ.	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1800 г., августа 22-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
Пензенской губ., въ Саранскомъ народномъ училищѣ.	Въ гимназію поступилъ 1801 г., іюня 5-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18 февраля 1805 г.			

Число студентовъ.	Имена и прозванія студентовъ.	Сколько отъ роду лѣтъ.	Кто изъ какого званія и откуда родомъ.
14	Александръ Петровъ.	16	Изъ дворянъ казанской губерніи, сынъ титулярнаго совѣтника Михайлы Петрова.
15	Александръ Чесновъ.	15	Изъ дворянъ с.-петербургской губерніи, сынъ титулярнаго совѣтника Ивана Чеснова.
16	Андрей Шубинъ.	17	Сынъ городоваго секретаря Якова Шубина.
17	Федоръ Риттау.	16	Сынъ умершаго титулярнаго совѣтника Михайлы Риттаве (sic).
18	Павелъ Поповъ.	17	Сынъ умершаго губернскаго регистратора Михайлы Попова.
19	Никифоръ Андреевъ.	17	Сынъ губернскаго регистратора Михайлы Андреева.
20	Михайло Пестяковъ.	17	Сынъ канцеляриста Дмитрія Пестякова.
21	Василій Тимьянскій.	14	Сынъ нижегородской школы учителя 14-го класса Ильи Тимьянскаго.
22	Александръ Яковкинъ.	13	Сынъ казанскаго университета г. профессора, гимназіи директора, Яковкина.
23	Степанъ Шоникъ.	17	Оренбургской губерніи, города Бугуруслана, сынъ штабъ-лекаря Франца Шоника.
24	Андрей Кайсаровъ.	16	Сынъ губернскаго секретаря Василья Кайсарова.
25	Александръ Лобачевскій.	13	Сынъ губернскаго регистратора Ивана Лобачевскаго.
26	Николай Манасеинъ.	15	Изъ дворянъ казанской губерніи, сынъ коллежскаго ассесора Петра Манасеина.
27	Павелъ Чуфаровъ.	17	Изъ дворянъ симбирской губерніи, сынъ титулярнаго совѣтника Василья Чуфарова.

Гдѣ обучался до вступленія въ университетъ.	Когда поступилъ въ университетъ и произведенъ студентомъ.	По какому отдѣленію.	Какихъ успѣховъ и поведенія.	Состоитъ ли на лицо или куда выбылъ и когда.
Всѣ обучались въ домахъ.	Въ гимназію поступилъ 1802 г., февраля 19-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.	По причинѣ недавняго основанія университета студенты по факультетамъ еще не раздѣлены.	Всѣ прилежны и поведенія хорошаго.	Состоятъ на лицо.
	Въ гимназію поступилъ 1802 г., февраля 12-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., октября 6-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1801 г., генваря 23-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1800 г., ноября 10-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			Померъ 21 ноября 1805 года.
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., октября 18-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			Состоятъ на лицо.
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1802 г., ноября 5-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1802 г., генваря 15-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1801 г., февраля 13-го; въ университетъ поступилъ студентомъ: своекоштнымъ—21-го февраля, а казеннымъ—30-го сентября 1805 г.			

Число студентовъ.	Имена и прозванія студентовъ.	Сколько отъ роду лѣтъ.	Кто изъ какого званія и откуда родомъ.
28	Порфирій Безобразовъ.	17	Изъ дворянъ смоленской губерніи, сынъ коллежскаго ассесора Василья Безобразова.
29	Петръ Зыковъ.	16	Изъ дворянъ казанской губерніи, сынъ титулярнаго совѣтника Якова Зыкова.
30	Николай Марковъ.	16	Изъ дворянъ, сынъ коллежскаго ассесора Василья Маркова.
31	Никита Трофимовъ.	17	Изъ дворянъ казанской губерніи, сынъ отставного прапорщика Семена Трофимова.
32	Алексѣй Балясниковъ.	17	Изъ дворянъ нижегородской губерніи, сынъ коллежскаго ассесора Семена Балясникова.
33	Николай Стрѣлковъ.	16	Изъ дворянъ казанской губерніи, сынъ капитана Ивана Стрѣлкова.
34	Николай Кинтеръ.	16	Изъ дворянъ, сынъ подпоручика Николая Кинтера.
	На собственномъ содержаніи.		
35	Николай Клепининъ.	15	Пермской губерніи, города Екатеринбурга сынъ отставного титулярнаго совѣтника Григорія Клепинина.
36	Александръ Дмитріевъ.	15	Сынъ покойнаго надворнаго совѣтника Василья Дмитріева.
37	Иванъ Панаевъ.	18	Изъ дворянъ казанской губерній, дѣти умершаго коллежскаго совѣтника и кавалера Ивана Панаева.
38	Александръ Панаевъ.	15	
39	Николай Панаевъ.	19	
40	Сергѣй Аксаковъ.	14	Изъ дворянъ оренбургской губерніи, сынъ титулярнаго совѣтника Тимоѳея Аксакова.
41	Еварестъ Груберъ *.	14	Изъ дворянъ казанской губерніи, сынъ надворнаго совѣтника Андрея Грубера.

* Пансіонеръ дворянства.

Гдѣ обучался до вступленія въ университетъ.	Когда поступилъ въ университетъ и произведенъ студентомъ.	По какому отдѣленію.	Какихъ успѣховъ и поведенія.	Состоитъ ли на лицо или куда выбылъ и когда.
Всѣ обучались въ домахъ.	Въ гимназію поступилъ 1800 г., октября 3-го; переведенъ въ университетъ студентомъ: своекоштнымъ—21-го февраля, а казеннымъ—30-го сентября.	По причинѣ недавняго основанія университета студенты по факультетамъ еще не раздѣлены.	Всѣ прилежны и поведенія хорошаго.	Состоятъ налицо.
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 6-го іюля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1800 г., марта 17-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 6-го іюля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 6-го іюля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 6-го іюля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 6-го іюля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1799 г., апрѣля 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 6-го іюля 1805.			
	Въ гимназію поступилъ 1804 г., сентября 28-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 6-го іюля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1802 г., марта 19-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 6-го іюля 1805 г.			
	Въ гимназію поступили 1800 г., сентября 15-го; переведены въ университетъ студентами 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1801 г., генваря 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			
	Въ гимназію поступилъ 1802 г., іюня 4-го; переведенъ въ университетъ студентомъ 18-го февраля 1805 г.			Уволенъ 3-го іюня 1805 г. по просьбѣ родителя.

Вѣдомость

количества студентовъ съ 1805-го года по 1815-ый годъ

Академическіе годы.	Казенные.		Пансіонеры.	Своекоштные.		Итого всѣхъ.	Выпущено.				
							Кандидатами.		Дѣйствительными студентами.		Всего.
	Студентовъ.	Слушателей [1].		Студентовъ.	Слушателей.		Казенныхъ.	Своекоштныхъ.	Казенныхъ.	Своекоштныхъ.	
1804—1805	34	—	1	6	—	41	—	—	—	—	—
1805—1806	32	—	—	6	—	38	—	—	2	—	2
1806—1807	41	—	—	8	—	49	1	—	4	—	5
1807—1808	33	—	2	4	—	39	—	—	1	—	1
1808—1809	23	3	2	1	—	29	5	1	3	2	11
1809—1810	21	6	5	—	4	36	—	—	1	—	1
1810—1811	18	5	5	5	—	33	1	1 [3]	2	2	6
1811—1812	26	—	2	20	—	48	14 [2]	1	1	3	19
1812—1813	23	—	4	21	—	48	1	1	1	5	8
1813—1814	24	—	6	12	—	42	—	—	5	4	9
1814—1815	20	5	3	16	18	62	3	1	5	3	12
				Итого . . .		465			Итого . . .		74

Примѣчанія. [1] Студентами именовались только дѣти дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія; дѣти лицъ податныхъ классовъ именовались—слушателями.

[2] Въ томъ числѣ 5 магистровъ.

[3] Магистръ.

(Архивъ Казанскаго университета, дѣла совѣта за 1853 г., № 5, тетрадь V).

V

(Къ страницѣ 71-ой)

Планъ старой казанской гимназіи начала XIX-го вѣка

Изъ представленнаго уже нами въ своемъ мѣстѣ (см. выше стр. 68 и слѣд.) историческаго очерка зданій, занимавшихся казанскимъ университетомъ послѣ его основанія, читателямъ извѣстно, что новорожденный университетъ въ первые годы своей жизни ютился подъ одною кровлею съ казанскою гимназіею въ домѣ, пожалованномъ этой послѣдней императоромъ Павломъ I послѣ совершившагося въ 1798 году возстановленія старой, елизаветинской, казанской гимназіи. То былъ обширный домъ, въ концѣ XVIII вѣка отстроивавшійся для помѣщенія въ немъ губернатора и, затѣмъ, остававшійся почти въ неизмѣнномъ видѣ до двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, когда, при сооруженіи нынѣшняго главнаго университетскаго корпуса, онъ вошелъ въ составъ этого послѣдняго.

Въ современномъ главномъ университетскомъ корпусѣ, образованномъ изъ соединенія гимназическаго дома съ такъ называвшимся домомъ „тенишевскимъ", зданіе старой гимназіи соотвѣтствуетъ восточной его части, составляющей нѣсколько болѣе половины всего цѣлаго, такъ какъ центральная часть нынѣшняго главнаго университетскаго корпуса, вмѣщающая въ себѣ парадный вестибюль (въ нижнемъ этажѣ) и церковь (въ бель-этажѣ), принадлежитъ старому гимназическому дому и составляла нѣкогда его западную оконечность. На предлагаемомъ вниманію читателей снимкѣ съ относящагося къ 1800 году (эпохѣ непродолжительнаго директорства Пекена) плана старой казанской гимназіи, найденнаго нами въ архивныхъ дѣлахъ университета, помѣщенія, соотвѣтствующія нынѣшнимъ парадным сѣнямъ и церкви, сводятся, въ нижнемъ этажѣ—къ четыремъ западнымъ комнатамъ подъ № 2-мъ, въ верхнемъ этажѣ—къ пяти расположеннымъ надъ ними комнатамъ подъ №№ 4-мъ, 5-мъ и 7-мъ. Часть нынѣшняго главнаго университетскаго корпуса, вмѣщающая въ себѣ актовый залъ съ аванзалою, представляетъ собою постройку уже двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, связавшую въ одно цѣлое старые дома гимназическій и тенишевскій; при этомъ соединеніи обоихъ зданій, внутреннее расположеніе дома гимназіи подверглось крупнымъ измѣненіямъ (главнымъ изъ нихъ явилось устройство корридора по длинѣ всего зданія), сохраненнымъ имъ до нашихъ дней.

Съ перемѣщеніемъ гимназіи осенью 1811 года въ новые дома, приспособленные для нея на Воздвиженской улицѣ, въ которыхъ она помѣщается и понынѣ, старое зданіе ея сдѣлалось уже нераздѣльнымъ достояніемъ университета. Назначеніе отдѣльныхъ помѣщеній бывшаго гимназическаго дома подверглось при этомъ, конечно, значительнымъ измѣненіямъ; мы сочли цѣлесообразнымъ указать эти измѣненія, относящіяся къ 1812—1813 годамъ, расположивъ ихъ параллельно съ объясненіемъ плана 1800 года. Въ годы, послѣдовавшіе за полнымъ въ 1814 году открытіемъ университета, въ распредѣленіи его помѣщеній послѣдовали дальнѣйшія измѣненія, входить въ разсмотрѣніе которыхъ здѣсь мы не можемъ.

Планъ антресоль.

Планъ верхняго этажа.

Планъ нижняго этажа.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА

<table>
<tr><th></th><th>Гимназія передъ основаніемъ университета.</th><th>Университетъ передъ полнымъ открытіемъ его въ 1814 году.</th></tr>
<tr><td colspan="3">А. Описаніе нижняго этажа.</td></tr>
<tr><td>№№</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>1.</td><td colspan="2">Парадныя сѣни и лѣстницы.</td></tr>
<tr><td>2.</td><td>Комнаты воспитанниковъ.</td><td>Библіотека, за исключеніемъ трехъ комнатъ подъ № 2, съ лѣвой отъ парадныхъ сѣней стороны, отведенныхъ подъ кандидатскія.</td></tr>
<tr><td>3.</td><td colspan="2">Контора.</td></tr>
<tr><td>4.</td><td>Кладовыя.</td><td>Денежная кладовая и сторожевская.</td></tr>
<tr><td>5.</td><td>Больница.</td><td>Студенческія камеры.</td></tr>
<tr><td>6.</td><td colspan="2">Кладовыя.</td></tr>
<tr><td>7.</td><td>Квартира эконома.</td><td>Студенческія камеры, за исключеніемъ комнаты подъ № 7, выходящей на улицу, отведенной подъ кандидатскую.</td></tr>
<tr><td>8.</td><td>Квартира дежурнаго офицера.</td><td>Кандидатскія комнаты.</td></tr>
<tr><td>9.</td><td colspan="2">Угловыя сѣни съ лѣстницами.</td></tr>
<tr><td>10.</td><td colspan="2">Парадный подъѣздъ съ Воскресенской улицы.</td></tr>
<tr><td>11.</td><td colspan="2">Крыльцо изъ парадныхъ сѣней во дворъ.</td></tr>
<tr><td colspan="3">Б. Описаніе бель-этажа.</td></tr>
<tr><td>№№</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>1.</td><td colspan="2">Парадныя сѣни и лѣстницы.</td></tr>
<tr><td>2.</td><td colspan="2">Залъ для собраній (двухсвѣтный, съ хорами).</td></tr>
<tr><td>3.</td><td colspan="2">Залъ столовый (тоже).</td></tr>
<tr><td>4.</td><td>Классныя комнаты.</td><td>Аудиторіи, исключая комнаты подъ № 4, на улицу, съ лѣвой отъ парадныхъ сѣней стороны, принадлежащей къ квартирѣ инспектора студентовъ.</td></tr>
<tr><td>5.</td><td colspan="2">Физическій кабинетъ.</td></tr>
</table>

6. Буфетная комната.

7. Кладовыя. — Сторожевскія.

8. Балконъ во дворъ.

9. Квартира дежурнаго офицера.
10. Типографія азіятская.
11. Квартира инспектора.
} Квартира инспектора студентовъ, съ присовокупленіемъ смежной комнаты подъ № 4, выходящей на улицу.

12. Угловыя лѣстницы.

В. Описаніе антресолей.

№№

1. Парадныя сѣни и лѣстницы.

2. Хоры.

3. Квартира квартирмейстера.
4. Канцелярскіе служители.
} Магистерскія комнаты.

5. Сторожевская.

6. Квартира учителя Петровскаго.
7. Квартира учителя Линтера.
8. Служащіе азіятской типографіи.
} Магистерскія комнаты.

9. Угловыя лѣстницы на подволку.

(Архивъ университета, папка плановъ подъ № 182-мъ, планы №№ 11 и 13).

VI

(Къ страницѣ 106-ой)

Liste de professeurs, qui sont recommandés par differentes personnes pour les universités de Russie.

Par M-r le baron de Wolzogen:

Le professeur Bardilli, à Stoutgard.
M-r Meineck, directeur du gymnase à Osterode, sur le Harz.
M-r Steuriei.
M-r Hausman, employé aux mines du Harz—pour l'histoire naturelle.
Le professeur Weber, à Francfort sur l'Oder—pour l'economie rurale.
Le docteur Storr, à Stoutgard—pour la medicine pratique.
Le docteur Schad, à Jena—pour la logique et methaphysique.
Le professeur Patz, à Kiel—pour le droit civil et canonique.
Le professeur Creutzer, à Marbourg—pour la litterature grecque.
Le docteur Ruperti, à Stade—pour la litterature latine.
M-r Fischer, à Jena—pour la physique.

Par M-r le comte d'Antraigues:

Le professeur Abicht, à Erlangen—pour la chaire de logique, methaphysique et philosophie morale.

Le professeur Tieftrunk, à Halles—pour la même chaire.

M-r Stohrl, à Dresde—pour la chaire de la litterature greque.

N. B. Ce dernier est particulierement recommandé par le comte d'Antraigues, comme un savant d'un merite trés distingué.

Par M-r Fabbroni, surintendant du musée royal à Florence:

Le docteur Capelli, à Pise—pour la chaire de droit civil.

Par M-r Lhuillier, recteur de l'université de Genève:

M-r Emontre, professeur à l'école centrale à Montpellier—pour la chaire de belles lettres ou pour celle des mathematiques.

(Архивъ Казанскаго университета, Попечит. канцел. дѣло № 20, за 1805 г.).

VII

(Къ страницѣ 330-ой)

Предложеніе профессора Фукса о перемѣнѣ всего, вообще, учебнаго времени въ университетѣ.

Въ совѣтъ Казанской гимназіи.

Занимаясь распоряженіемъ лекцій студентовъ по случаю имѣющихъ начаться преподаваній господъ профессора Неймана, адъюнкта барона Врангеля и лектора Шарпіо, нужнымъ нахожу найденное и распоряженное мною предложить на разсмотрѣніе совѣта.

1. Какъ съ нѣкотораго времени, по стекшимся обстоятельствамъ, многіе изъ студентовъ имѣютъ излишекъ свободнаго времени, то для предостереженія ихъ отъ вреднаго празднолюбія и укорененія большей привычки заниматься, нужнымъ представляется мнѣ положить имъ болѣе часовъ учебныхъ.

а) Всѣ назначенные въ студенты и студенты, часто во зло употребляющіе свободное время и не пробывшіе годъ въ университетѣ, должны быть заняты ученіемъ всѣхъ болѣе. Успѣвшіе во второй годъ могутъ получить болѣе часовъ свободныхъ, въ третій еще болѣе, если окажутся употребляющими съ пользою свободное время.

б) Свободные нѣкоторые часы должны быть чрезъ часъ или два послѣ начатія ученія.

2. При назначеніи студентамъ лекцій старался я, что бы, какъ доселѣ и наблюдалось, всѣ сначала вступившіе въ университетъ слушали курсы наукъ пріуготовленныхъ (sic), а потомъ, или и тогда же, въ указѣ отъ 6-го августа 1809 года изображенныхъ.

3. Всѣ слушатели должны окончить сіи курсы, безъ чего, какъ извѣстно по постановленію въ высочайше конфирмованномъ уставѣ университета, студенты не могутъ получить аттестата съ правомъ студента.

4. Студентъ своекоштный долженъ подлежать всему тому же, чему и казенный въ семъ случаѣ.

5. Окончившій курсъ какой либо науки можетъ быть и уволенъ отъ вторичнаго слушанія, если показалъ въ ней успѣхи и нѣтъ оной въ предметѣ главнаго его изученія.

6. Лекціи химіи со времени кончины г. адъюнктъ-профессора Эвеста оставлены, между тѣмъ какъ нѣкоторые студенты занимались химіею довольное время и, слѣдовательно, не окончивъ курсъ, могутъ считать потеряннымъ время, употребленное на изученіе оной: то не угодно ли будетъ предложить г. профессору Вуттигу заняться симъ предметомъ.

7. Окончившихъ курсъ наукъ пріуготовительныхъ и въ указѣ 6-го августа 1809 года упомянутыхъ, можно бы раздѣлить впредь по отдѣленіямъ наукъ для бóльшихъ успѣховъ.

8. Ожиданіе отечества требуетъ истинной пользы отъ студентовъ, воспитывающихся отъ щедротъ монаршихъ и долженствующихъ быть сподвижниками его славы. Возрастъ студентовъ не есть еще возрастъ здраваго сужденія и, слѣдовательно, попускать имъ свободу въ занятіяхъ— значитъ сдѣлать ошибку и оставить имъ путь къ цѣли сумнительной. Посему занятія студентовъ и успѣхи требуютъ особеннаго вниманія. При семъ случаѣ, можетъ быть, не излишнее бы было, если бы:

а) Всякій преподающій каждомѣсячно испытывалъ слушателей и сообщалъ г. инспектору студентовъ, а

б) инспекторъ обязанностью себѣ поставилъ входить въ причины, отъ чего сіе (?) происходитъ;

в) Не прослушавшій съ успѣхомъ пріуготовительные курсы не могъ бы быть производимъ въ студенты;

г) За приходомъ, выходомъ и вниманіемъ слушателя во время преподаванія смотрѣть строго, для сего и учреждены въ каждой аудиторіи старшіе студенты;

д) Напоминать студентамъ, что не окончившему упомянутые курсы не слѣдуетъ выдавать при выпускѣ аттестатъ съ правомъ студента;

е) Нынѣ же, дабы увѣриться, кто изъ студентовъ какъ прослушалъ пріуготовительные курсы, сдѣлать въ нихъ каждому испытаніе и кто оказался бы слабъ, долженъ слушать оные снова;

ж) Для поощренія въ успѣхахъ установить разныя одобренія, напримѣръ—замѣчаніе ежемѣсячное о занятіяхъ студентовъ, прочтеніе при собраніи студентовъ, по опредѣленію совѣта, именъ отличившихся, медали и т. д.

9. При распоряженіи лекцій для помѣщенія учебныхъ часовъ вышеупомянутымъ г.г. преподавателямъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ прочихъ учащихъ съ мая по октябрь должны будутъ пополудни имѣть открытыя чтенія для чиновниковъ, службою обязанныхъ, и, слѣдовательно, свои теперешніе учебные часы имѣть до полудня, я не могъ сыскать возможности распорядить лекціи съ пользою для слушателей и удобностью для преподавателей, не перемѣнивъ, вмѣстѣ, двухчасового преподаванія на часовое. Побудительныя къ сему причины суть:

а) Невозможность сыскать время для помѣщенія учебныхъ часовъ новымъ преподавателямъ;

б) Не всякія лекціи можетъ съ пользою слушать студентъ въ теченіи двухъ часовъ и не ослабѣть во вниманіи;

в) Не для всѣхъ преподавателей и всегда удобно говорить или имѣть сряду два часа, отчасти по другимъ должностямъ ихъ;

г) Если кому иногда нужно время продолжительнѣе часоваго, то сіе не препятствуетъ таковому имѣть оное и сряду два часа;

д) Вниманіе слушателя въ теченіи часа не можетъ ослабѣть, напротивъ—онъ, будучи внимательнѣе, будетъ успѣвать болѣе;

е) Впредь способнѣе можно будетъ дѣлать распоряженія чтеній при потребныхъ случаяхъ;

ж) Двухчасовое время, бывши сначала, при меньшемъ, противъ теперешняго, числѣ учащихъ, удобнымъ, при умноженіи числа преподавателей сodѣлывается неудобнымъ. Статью сію особенно предлагаю разсужденію и благоусмотрѣнію совѣта.

10. Занятіе въ россійскомъ правовѣдѣніи должно быть общимъ занятіемъ всѣхъ студентовъ и, слѣдовательно, успѣхи въ немъ каждаго—предметомъ особеннаго вниманія. Посему всѣ студенты и назначенные въ студенты должны слушать сіи преподаванія, а для бóльшаго успѣха раздѣлить слушателей на два класса: одинъ г. профессора Неймана, другой—г. адъюнкта барона Врангеля.

11. Остается еще предложить совѣту на разсужденіе и заключеніе, для представленія его превосходительству господину попечителю и кавалеру на разрѣшеніе: должно ли продолжать курсы наукъ для чиновниковъ, службою обязанныхъ, начиная съ мая по октябрь и въ теченіи вакаціоннаго времени; если должно, не благоугодно ли сдѣлать таковымъ преподавателямъ за сіе какое либо другое вознагражденіе.

12. Поелику перемѣна, въ 10-ой статьѣ упомянутая, безъ утвержденія его превосходительства господина попечителя и кавалера произойти не можетъ; но, представляя оное на разрѣшеніе, до полученія отвѣта значительное время, которое бы могли употребить учащіеся для слушанія лекцій новыхъ г.г. преподавателей съ пользою, проведутъ его вотще, то и представлено совѣту оное на благоусмотрѣніе.

Прилагая при семъ росписаніе чтеній г.г. преподавателей, долгомъ своимъ поставляю обо всемъ вышеписанномъ представить на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе совѣта.

Профессоръ Карлъ Фуксъ.

1810-го года, февраля 23-го дня.

(Архивъ Казанскаго университета, Совѣт. канцел. дѣло № 8, за 1810 г.).

Росписаніе лекцій Императорскаго Казанскаго Университета

	До полудня				По полудни			
Дни.	9-ый часъ.	10-й часъ.	11-й часъ.	12-й часъ.	3-ій часъ.	4-й часъ.	5-й часъ.	6-й часъ.
Понедѣльникъ.	Финке.	Бартельсъ. Никольскій.	Бартельсъ. Никольскій.	Фуксъ. Запольскій.	Шарпіо.	Германъ. Эрихъ.	Сторль. Френъ. Реннеръ.	Вуттигъ. Кондыревъ (исторія).
Вторникъ.	Перевощиковъ.	Финке.	Фуксъ. Запольскій.	Фуксъ. Запольскій.	Шарпіо.	Германъ. Эрихъ.	Сторль. Френъ. Реннеръ.	Вуттигъ. Кондыревъ (географія и стат.).
Среда.	Нейманъ. Врангель.	Перевощиковъ.	Фуксъ. Запольскій.	Яковкинъ. Фойгтъ.	Крюковъ. Музыка. Танцованіе.	Крюковъ. Музыка. Танцованіе.	Германъ. Эрихъ.	Сторль. Френъ. Реннеръ.
Четвергъ.	Нейманъ. Врангель.	Бартельсъ. Никольскій.	Бартельсъ. Никольскій.	Яковкинъ. Фойгтъ.	Вуттигъ. Шарпіо.	Германъ. Эрихъ.	Браунъ. Шарпіо.	Браунъ. Фойгтъ.
Пятница.	Перевощиковъ.	Врангель.	Финке.	Нейманъ. Кондыревъ (полит. эк.).	Вуттигъ. Шарпіо.	Германъ. Эрихъ.	Браунъ. Шарпіо.	Браунъ. Фойгтъ.
Суббота.	Нейманъ. Врангель.	Перевощиковъ.	Финке.	Бартельсъ (астрономія). Сторль (греческ.). Кондыревъ (статистика).	Крюковъ. Музыка. Танцованіе.	Крюковъ. Музыка. Танцованіе.	Германъ. Эрихъ.	Браунъ. Френъ. Реннеръ.

VIII

(Къ страницѣ 341-ой)

Донесеніе попечителя С. Я. Румовскаго министру народнаго просвѣщенія о степени подготовленности университета къ полному его открытію.

Его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія

ДОНЕСЕНІЕ.

Благоугодно было Вашему Сіятельству потребовать отъ меня увѣдомленія—до какой степени устроены уже зданія казанскаго университета и приготовленъ оный къ открытію?

На сіе имѣю честь донести, что гимназія и университетъ по сіе время помѣщаются въ главномъ зданіи, для университета назначенномъ. Въ немъ, кромѣ сорока студентовъ, пользующихся профессорскими лекціями, помѣщаются сорокъ казенныхъ воспитанниковъ и до тридцати человѣкъ пансіонеровъ; число же всѣхъ учащихся въ гимназіи простирается до 140 человѣкъ. Студенты, казенные гимназисты и своекоштные воспитанники занимаютъ почти весь нижній этажъ; средній, по большей части—классы, библіотека и физическіе инструменты, залъ для публичныхъ собраній, столовая и нѣсколько покоевъ занимаетъ директоръ гимназіи профессоръ Яковкинъ. Изъ сего явствуетъ, что главное для университета назначенное зданіе все занято, а число профессоровъ, до девяти простирающееся, считая и Реннера, изъ Геттингена ожидаемаго, далеко отстоитъ отъ числа профессоровъ, нужнаго къ открытію университета.

Съ самого того времени, когда Государю Императору благоугодно было пожаловать университету смежные главному строенію дома, помышлялъ я о соединеніи оныхъ и предписалъ директору, что бы онъ съ находящимся при гимназіи въ родѣ (sic) архитектора чиновникомъ доставилъ мнѣ проектъ, какимъ образомъ наиудобнѣе всѣ сіи домы соединить и соединенному зданію приличный фасадъ дать возможно, помѣщая въ ономъ необходимо нужныя для университета отдѣленія, которыя старался я

исчислить ему, согласуясь съ Высочайше конфирмованнымъ уставомъ университета. Доставленный мнѣ отъ него проектъ и фасадъ около двухъ лѣтъ тому назадъ имѣлъ я честь представить Вашему Сіятельству на благоусмотрѣніе, присовокупя къ тому свои замѣчанія, которыя и Ваше Сіятельство отринуть не изволили, и потому предложилъ я директору вторично, что бы, сообразуясь съ оными и съ нуждами университета, сдѣланъ былъ новый планъ. По замѣчаніямъ моимъ нужно было въ помянутыхъ домахъ коснуться нѣкоторыхъ стѣнъ; при разсмотрѣніи оныхъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть трещины, и какъ на пожалованныхъ университету домахъ для уравненія съ главнымъ корпусомъ нужно надстроить почти по цѣлому этажу, то принужденъ былъ директоръ удостовѣриться о прочности фундаментовъ—могутъ ли они выдержать надстройку безъ поврежденія стѣнъ. По свидѣтельству сему открылось, что фундаменты слабы и непрочны. Получа о семъ свѣдѣніе, я имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству словесно, что нѣтъ средства соединить пожалованные домы такъ, что бы они съ главнымъ домомъ составляли одинъ корпусъ, имѣли одну вышину и дали фасадъ, соотвѣтствующій фасаду главнаго строенія.

Послѣ сего отнесся я въ третій разъ къ директору, что бы, представляя помянутые домы уничтоженными, сдѣлалъ новый зданію планъ, въ которомъ бы, непринужденно держась моихъ замѣчаній, удовлетворено было нуждамъ университета и всему зданію сдѣлана была смѣта. На сіе директоръ отвѣтствовалъ мнѣ, что толь важнаго строенія гимназическому чиновнику, такъ называемому архитектору, поручить онъ не смѣетъ и въ разсужденіи самаго расположенія нужно прибѣгнуть къ губернскому архитектору, о которомъ директоръ отозвался, что онъ по причинѣ частыхъ командировокъ по губерніи и другихъ казенныхъ строеній университетскимъ заняться времени не имѣетъ. Между тѣмъ началась война и военныя обстоятельства принудили меня оставить сіе начинаніе. Какъ скоро Всевышній благословилъ Россію миромъ, то возобновилъ я сіе предпріятіе и писалъ къ директору, что бы онъ къ сочиненію плана и смѣты просилъ помощи губернскаго архитектора и, ежели архитекторъ паки отзовется, что времени не имѣетъ, то бы отнесся къ г. губернатору и просилъ, что бы благоволилъ дать приказаніе архитектору о принятіи участія въ строеніи университетскомъ. Директоръ обѣщался отнестись къ г. губернатору, но отвѣта на сіе отъ него еще не имѣю. Въ тоже почти время, поелику мѣста къ пожалованнымъ для университета домамъ и главному корпусу принадлежащія въ глубину простираются съ лишкомъ на 80 сажень, предложилъ я совѣту, что бы г.г. профессоры совокупными силами назначили приличнѣйшія мѣста, гдѣ быть саду и оранжереямъ, клиническому институту и больницѣ, химической лабораторіи, обсерваторіи, анатомическому театру и прочимъ отдѣленіямъ, въ уставѣ назначеннымъ, и каждому присовокупили планъ и фасадъ. Симъ расположеніемъ совѣтъ теперь занимается.

Между тѣмъ, поелику Ваше Сіятельство на перестройку манежа исходатайствовать изволили потребную сумму, то въ теченіи сего времени изъ манежа воздвигнуто зданіе, котораго въ нижнемъ этажѣ помѣщается теперь татарская типографія, а въ верхнемъ устроено четыре отдѣленія для житья четырехъ профессоровъ. Внизу главнаго корпуса устроена кладовая для казны, которой иногда хранится отъ 20-ти до 30-ти тысячъ; въ саду губернаторскаго дома сдѣлана тепличка для иностранныхъ произростаній; всѣ пожалованные домы обнесены новыми заборами и въ приличныхъ мѣстахъ полисадникомъ; на всемъ главномъ корпусѣ кровля желѣзная почти вся вновь сдѣлана изъ суммы экономической университета.

А какъ къ устроенію зданій для самого университета не получилъ я и не имѣю никакой суммы и для прописанныхъ выше сего причинъ, не отдѣля гимназію отъ университета и по малому числу профессоровъ, къ открытію онаго приступить нѣтъ возможности, то, увѣренъ будучи, что университетъ не можетъ принести желаемой пользы безъ гимназіи, обращалъ я вниманіе на перемѣщеніе оной въ другое мѣсто. Въ семъ намѣреніи въ маломъ отъ университета разстояніи, съ дозволенія Вашего Сіятельства, купленъ мною домъ г-жи Моисеевой, изъ экономической гимназіи суммы, за 6000 рублей; потомъ на покупку дома прапорщика Молоствова, въ той же улицѣ противъ дома г-жи Моисеевой находящагося, исходатайствовали Ваше Сіятельство у Государя Императора 24,000 рублей, и, сверхъ того, купленъ мною, съ дозволенія же Вашего Сіятельства, смежный съ Молоствовымъ домъ татаръ Бурнаевыхъ, изъ экономической гимназической суммы, за 11,000 рублей. Но какъ домы частныхъ людей, какъ бы они устроены не были, неудобны для помѣщенія публичныхъ заведеній, какова гимназія, необходимо нужно было, особливо въ главныхъ изъ купленныхъ домовъ, дѣлать нѣкоторыя перемѣны и перестройки, то, въ первыхъ, изъ каменныхъ сараевъ устроена столовая для 60-ти человѣкъ, кухня и прочее, къ ней принадлежащее, и покои для нѣкоторыхъ служителей; каменныя конюшни, съ нѣкоторою пристройкою, обращены въ покои для чиновниковъ, безотлучно при гимназіи быть долженствующихъ, а въ этажахъ главнаго корпуса упразднены нѣкоторые простѣнки, что бы въ верхнемъ, хотя съ нѣкоторымъ утѣсненіемъ, помѣщалися классы, а въ нижнемъ 40 казенныхъ воспитанниковъ. Перестройка сія простирается также до 6 тысячъ рублей. И такъ, на покупку домовъ и перестройку употреблено по сіе время экономической гимназической суммы 23,000 рублей, да, сверхъ того, поелику на перестройку манежа не достало отпущенной суммы, то изъ экономической дополнено 2218½ рублей.

Всѣмъ, что при университетѣ и для гимназіи устроено, обязанъ я тщанію и неусыпному раченію профессора Яковкина, который, въ продолженіи трехъ лѣтъ исправляя должность профессора съ прочими наряду, исправляетъ многотрудную должность директора гимназіи по хозяйственной части какъ гимназіи, такъ и рождающагося университета, и, сверхъ того, исправляетъ должность инспектора надъ студентами съ усердіемъ,

достойнымъ подражанія. И для того покорнѣйше Ваше Сіятельство прошу удостоить его вашего благоволѣнія и, въ воздаяніе ревности и трудовъ его, исходатайствовать ему у Государя Императора равное отличіе, какое нѣкоторымъ профессорамъ другихъ университетовъ исходатайствовать изволили.

Хотя описанныя строенія прошедшею осенью окончены, но что бы гимназію отдѣлить можно было отъ университета нужно напередъ: 1) дать время онымъ просохнуть, 2) устроить въ молоствовскомъ домѣ колодезь, инако при толикомъ множествѣ людей должно будетъ безпрестанно возить воду,. въ разстояніи трехъ верстъ находящуюся, 3) построить бакъ для соблюденія чистоты, толико для здравія воспитанниковъ нужной. Директоръ писалъ ко мнѣ, что при одномъ изъ купленныхъ домовъ есть ветхая деревянная и паденіемъ угрожающая баня, почему я ему предложилъ, сообразуясь съ числомъ воспитанниковъ, для безопасности построить каменную и нынѣшнею зимою заготовить нужные матеріалы.

По устроеніи всего сего казалось бы, что гимназію можно отдѣлить отъ университета. Но изъ того, что выше сего мною донесено, Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что при гимназіи находится до 30-ти пансіонеровъ, коихъ помѣстить въ домѣ Молоствова невозможно, и лишить ихъ сего пособія для родителей будетъ прискорбно, а для самой гимназіи невыгодно. Сверхъ сего, весьма малое и тѣсное остается мѣсто для библіотеки гимназической, для физическаго и минералогическаго кабинета и нѣтъ залы для годовыхъ публичныхъ собраній, въ которыхъ отличившимся ученикамъ раздаются награжденія и родители сами бываютъ свидѣтелями успѣховъ дѣтей своихъ. Для удовлетворенія симъ нуждамъ и для распространенія классовъ въ полной мѣрѣ, полезно бы было въ линію съ домомъ Молоствова на мѣстѣ, ничѣмъ не занятомъ, воздвигнуть зданіе, равное дому Молоствова. Но утруждать симъ Ваше Сіятельство—не смѣю.

Ежели распоряженія мои не достойны благоволѣнія Вашего Сіятельства, то всенижайше прошу несовершенство ихъ приписать не недостатку моего раченія и усердія, но недостатку средствъ, преклонности моего вѣка и умаленію силъ моихъ, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ. Счастливы предо мною прочіе господа попечители, которымъ для устроенія университета и для окончанія другихъ учебныхъ заведеній всевозможныя оказаны были вспоможенія!

Степанъ Румовскій.

№ 5.
3 Генваря 1808.

(Архивъ Казанскаго университета, Попеч. канцел. дѣло № 79, за 1808 г.).

IX

(Къ страницѣ 458-й)

Краткое изложеніе правилъ для наблюденія Императорскаго Казанскаго Университета студентамъ.

1) Каждый студентъ повинуется постановленіямъ университетскимъ.

2) Желающій поступить въ число студентовъ, во первыхъ, является къ ректору, который, разсмотрѣвъ его аттестатъ отъ какой либо гимназіи данный, ежели найдетъ оный удовлетворительнымъ, или подвергнувъ его испытанію отъ назначенныхъ для сего членовъ совѣта, отсылаетъ его въ правленіе.

3) Имя студента, давшаго въ присутствіи правленія обязательство, что онъ будетъ вести себя сообразно университетскимъ постановленіямъ, вносится правленіемъ въ списокъ, и въ доказательство сего получаетъ онъ свидѣтельство.

4) Получивши оное опять является къ ректору, который даетъ наставленіе, какія проходить ему приготовительныя науки.

5) Онъ обязывается: назначенныя ему приготовительныя науки слушать со вниманіемъ, прилежаніемъ и тщательностію.

6) Преподаванія повторять дома для укорененія ихъ въ памяти.

7) Оказывать университетскому начальству повиновеніе, членамъ совѣта почтеніе, товарищамъ дружелюбіе, а всѣмъ и каждому учтивость и благопріятство.

8) Блюсти себя отъ развратныхъ нравовъ, особенно пьянства, безстыдства и коварства.

9) Не играть въ денежныя игры.

10) Кто испортитъ умышленно вещь казенную или частной особѣ принадлежащую, тотъ строго будетъ наказанъ.

11) Студентъ претерпѣвшій обиду не долженъ приступать къ отмщенію.

12) Онъ долженъ искать право свое во первыхъ предъ лицемъ ректора, потомъ предъ правленіемъ, наконецъ предъ совѣтомъ университетскимъ.

13) Студентъ, желающій оставить университетъ, не прежде получитъ отъ совѣта свидѣтельство о его поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ, пока заплатитъ долги свои.

Тѣ студенты, которые будутъ послѣдовать симъ правиламъ, не только удостоятся одобренія начальства, но получатъ въ свое время почести и награды, такъ, напримѣръ:

a) Они пользоваться будутъ правомъ носить шпагу.

b) За точное и надлежащее рѣшеніе вопросовъ, предлагаемыхъ отъ университета съ награжденіемъ за рѣшеніе оныхъ, получать будутъ медали.

c) Студентъ, окончившій трехлѣтній университетскій курсъ и доказавшій каждому преподавателю, у котораго обучается, свое стараніе, прилежаніе и ревностное исполненіе своихъ обязанностей, получитъ аттестатъ и по оному, при вступленіи въ службу, чинъ 14 класса.

d) Студентъ, оказавшій удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, можетъ предстать на испытаніе кандидатское, магистерское или докторское, и, ежели окончитъ оное съ похвалою, получитъ ту степень, которой признанъ будетъ достойнымъ.

Студенты, нарушающіе умышленно университетскія постановленія по непокорности, упрямству и высокомѣрію, подлежатъ наказаніямъ меньшимъ или большимъ, соразмѣрно преступленіямъ, такъ, напримѣръ:

a) Выговору ректора наединѣ.

b) Выговору въ присутствіи правленія.

c) Замѣчанію въ присутствіи совѣта.

d) Публичному извиненію.

e) Заключенію подъ стражу.

f) Исключенію изъ числа студентовъ до времени исправленія.

g) Исключенію изъ университета навсегда.

h) Исключенію изъ университета съ безчестіемъ, о чемъ доносимо будетъ съ изъясненіемъ преступленія исключаемаго, главному правленію училищъ и сообщаемо другимъ университетамъ.

i) Отсылкѣ въ уголовный судъ.

(Архивъ Казанскаго университета, Совѣтск. канцел. дѣло № 108, за 1813 г.).

X

(Къ страницѣ 498-й)

Расходъ въ день открытія университета, 5-го іюля 1814 года.

A

Отдано содержателю трактира Гедлеру:

	Руб.	Коп.
1. За приготовленный имъ въ день открытія университета 5-го іюля 1814 года столъ на сто приборовъ . . .	200 р.	
2. За приготовленную имъ въ тотъ же день закуску . .	10 р.	
3. За употребленное имъ ведро ерофеичу для угощенія пѣвчихъ, музыкантовъ, слугъ и пр.	8 р.	
4. За вечернее угощеніе посѣтителей, какъ то: мороженымъ, конфектами, вареньемъ, аршадомъ, лимонадомъ, чаемъ, за ромъ и лимоны	124 р.	
А всего отдано г. Гедлеру . . .	342 р.	

B

Для обѣда куплено у иностранца Кусса винъ:

1. Двѣ бутылки шампанскаго	20 р.	
2. Десять бутылокъ цыплянскаго	25 р.	
3. Восемь бутылокъ медку (sic)	24 р.	
4. Восемь бутылокъ французскаго.	16 р.	
5. Шесть бутылокъ бишова.	9 р.	60 к.
6. Пять бутылокъ дрей-мадеры	15 р.	
7. Три бутылки малаги	9 р.	
8. Двѣ бутылки шампанскаго	20 р.	
А всего отдано г. Куссу за вина. . .	138 р.	60 к.

C

Для обѣденнаго и вечерняго угощенія куплено изъ Евреинскаго ледника:

	Руб.	Коп.
1. Пятьдесятъ бутылокъ бѣлаго пива.	10 р.	
2. Ведро сладкаго пива	2 р.	
3. Ведро меду	3 р.	
А всего отдано въ сей подвалъ . . .	15 р.	

D

Двадцати четыремъ человѣкамъ, составлявшимъ почетный военный караулъ.	10 р.	
Музыкантамъ евреямъ	5 р.	
Въ два дни извощикамъ для разныхъ посылокъ	8 р.	60 к.
Двумъ человѣкамъ Моисеева и двумъ Мильковича. . . .	4 р.	
Одному человѣку г. Перелешина.	1 р.	
Академическимъ пѣвчимъ.	25 р.	
Архіерейскимъ пѣвчимъ	25 р.	
Музыкантамъ.	25 р.	
Военнымъ музыкантамъ.	11 р.	
Двоимъ соборнымъ діаконамъ	10 р.	
Протодіакону.	5 р.	
Воскресенскому діакону и причетникамъ	5 р.	
Четыремъ женщинамъ за мытье посуды	2 р.	
За свѣчи и ладонъ	4 р.	5 к.
За фунтъ скипидару для транспаранта.		60 к.
За возъ травы, которая разослана была въ церкви . . .		90 к.
За провозъ ризницы изъ собора		25 к.
А всего	142 р.	40 к.

E

Употреблено для стола студентовъ, кандидатовъ и магистровъ:

На 38 фунтовъ телятины	4 р.	56 к.
На 17 фунтовъ муки	2 р.	55 к.
На 70 яицъ	1 р.	5 к.
На 9 фунтовъ масла	4 р.	50 к.
На 60 огурцовъ		90 к.
На 5 курицъ	2 р.	50 к.
На 3 поросенка	1 р.	50 к.

	Руб.	Коп.
На сметану		40 к.
На 1 пудъ говядины	4 р.	
На 3 штофа водки	4 р.	50 к.
На 5 бутылокъ бѣлаго	7 р.	25 к.
На бѣлый хлѣбъ		60 к.
На $1^1/_2$ фунта икры		90 к.
Отдано повару за работу		71 к.
Всего употреблено	35 р.	92 к.

F

Употреблено на закуску солдатамъ, кучерамъ и пр.

Ведро вина	6 р.	
Хлѣбовъ десять	2 р.	
Огурцовъ сто	1 р.	15 к.
Говядины 1 пудъ 8 фунтовъ	4 р.	32 к.
Баранины 1 пудъ 5 фунтовъ	3 р.	60 к.
Всего	17 р.	7 к.

Всѣхъ же денегъ на статьи A, B, C, D, E и F издержано 690 р. 99 к.

Безсмѣнный засѣдатель э.-профессоръ Григорій Никольскій.

(Архивъ Казанскаго Университета, Правл. канцеляріи дѣло № 46, за 1814 г., стр. 134—135).

XI

(Къ страницѣ 500-й)

Списокъ особъ, которыя приглашены будутъ въ день открытія университета къ Божественной литургіи и молебну и, послѣ оныхъ, къ столу, кромѣ университетскихъ чиновниковъ:

1. Архіепископъ Павелъ.

Архимандриты:

2. Израилъ.
3. Епифаній.
4. Амвросій.

Протоіереи:

5. Борисъ Герасимовичъ Поликарповъ.
6. Гурій Іовличъ Ласточкинъ.
7. Петръ Ивановичъ Таліевъ.
8. Иванъ Трофимовичъ.

Свѣтскіе и военные чиновники:

9. Өедоръ Өедорычъ Желтухинъ.
10. Губернаторъ Борисъ Александровичъ Мансуровъ.
11. Комендантъ Дмитрій Максимычъ Есиповъ.
12. Өедоръ Ивановичъ Рослейнъ.
13. Капитанъ-командоръ Иванъ Григорьевичъ Перелешинъ.
14. Александръ Сергѣичъ Сергѣевъ.
15. Василій Васильевичъ Романовскій.
16. Дмитрій Александровичъ Булыгинъ.
17. Князь Михаилъ Ивановичъ Давыдовъ.
18. Генералъ Николай Львовичъ Энгельгардтъ.
19. Вице-губернаторъ Өедоръ Петровичъ Гурьевъ.
20. Ларіонъ Өедоровичъ Мерлинъ.
21. Баронъ Малтицъ (?).
22. Григорій Никифоровичъ Киселевъ.

(Сбоку приписано: „и Алекс. Григ. Киселевъ").

23. Николай Михайлычъ Пушкинъ.
24. Василій Ивановичъ Чемезовъ.

(Приписано внизу: „Павелъ Петровичъ Есиповъ, полковн. Федоровъ, подпол. Мауринъ Николай Иванычъ").

25. Александръ Петровичъ Костливцовъ.
26. Прокуроръ Василій Николаичъ Овцынъ.
27. Карлъ Богдановичъ Берстель.
28. Иванъ Ивановичъ Сокольской.
29. Пыхачевъ.
30. Савва Андреичъ Москотильниковъ.
31. Сила Григорьичъ Григоровичъ.
32. Иванъ Ѳедорычъ Еремѣевъ.
33. Семенъ Ивановичъ Трескинъ.
34. Егоръ Николаевичъ Логотинъ.

(Приписано сбоку: „и Жоховъ").

35. Ѳедоръ Осиповичъ Кондратьевъ.
36. Полицмейстеръ Григорій Егоровичъ Симоновъ.
37. Алексѣй Ѳедоровичъ Моисеевъ.
38. Александръ Васильичъ Паповъ.
39. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Геркенъ.
40. Иванъ Ѳедорычъ Лангель.
41. Полковникъ Степанъ Ивановичъ Зуевъ.
42. Управляющій провіантскою частію Павелъ Иванычъ Крюковъ.
43. Иванъ Григорьевичъ Калашниковъ.
44. Иванъ Герасимовичъ Фофановъ.
45. Совѣтникъ Мергасовъ.
46. Евграфъ Алексѣичъ Лебедевъ.
47. Павелъ Степанычъ Краснопольской.
48. Карлъ Минеичъ Рейхъ.
49. Леонтій Дмитричъ Борисовъ.

(Сбоку и внизу приписано другою рукою: „Коллеж. совѣт. Рейслейнъ, Алексѣй Афанасьевичъ Горчаковъ, Саханской, Бобоѣдовъ-морской, Осокинъ, Колбецкой, Глаубе, подпол. Гурьевъ, Жемчужниковъ, Соколовъ, Глумъ (?), Мерзлюкинъ, Зиновьевъ, Караваевъ, Ник. Ив. Юшковъ, Евл. Дм. Петровъ, Башмаковъ, Данкевичъ, Ник. Вас. Чемезовъ, Кохъ, Комашевъ, Жуковъ, Богдановъ").

Купцы:

50. Хворовъ.

(Сбоку приписано: „Дитель").

51. Крупениковъ.
52. Градской глава Хворовъ.
53.
54. } Изъ богатыхъ татаръ.
55.

(Архивъ Казанскаго университета, Правл. канцеляріи дѣло № 46, за 1814 г., стр. 132).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Ссылки и примѣчанія

[1] Полное Собр. Законовъ (первое), XXII, №№ 16057, 16315 и 16441.

[2] М. И. Сухомлиновъ: «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I» («Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1865 г., кн. X), стр. 39, 125.

[3] См. записку: «По поводу новаго университетскаго устава», приложенную къ оффиціальному изданію устава 1863-го года.

[4] А. Н. Пыпинъ: «Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I» (Вѣстн. Евр. 1870 г., т. V, стр. 222—223).

√ [5] Для Московскаго университета: «Исторія Императорскаго Московскаго университета, написанная къ столѣтнему его юбилею, 1755—1855», С. Т. Шевырева (М. 1855); для С.-Петербургскаго университета: «Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіи первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія», В. В. Григорьева (СПБ. 1870); для Казанскаго университета: «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, 1805—1819», Н. Н. Булича (2 части, К. 1887 и 1891); для Харьковскаго университета: «Историко-статистическая записка объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ отъ основанія до 1859 г.», К. К. Фойгта (Х. 1859), и «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» Д. И. Багалѣя, т. I (Х. 1890); для университета Св. Владиміра: «Исторія университета св. Владиміра» М. Ф. Владимірскаго-Буданова (К. 1884) и «Пятидесятилѣтіе Императорскаго университета св. Владиміра, 1834—1884», его же (К. 1887); для Юрьевскаго (Дерптскаго) университета: «Очеркъ исторіи Императорскаго Дерптскаго университета со времени основанія его въ 1802 г.», М. Хотинскаго (Журн. Мин. Нар. Просв. ч.ч. 77 и 79), «Die Kaiserliche universität Dorpat während her ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens und Wirkens» (D. 1852), «Обзоръ дѣятельности Императорскаго Дерптскаго университета на память 1802—1863 г.г.» (Д. 1866); для бывшаго Виленскаго университета: «Opis dzienny szkól Wilenskich, akademii i universytetu etc.», Tekielinskiego (W. 1876).

[6] Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, 1804—1819», ч. I (К. 1887), стр. 43—44.

[7] Дѣла архива Казанскаго университета, по Совѣту: 1812 г., № 38; 1815 г., № 121 и 1826 г., № 107.

[8] Архивъ Казанскаго унив., по попечительской канцеляріи: 1828 г., № 316.

[9] Архивъ Каз. унив., Сов. 1827, № 187 («Дѣло о доставленіи историческихъ и статистическихъ свѣдѣній надв. сов. Кеппену», на 118-ти листахъ). Находящаяся въ этомъ дѣлѣ любопытная записка напечатана нами подъ заглавіемъ: «Историческая записка о четырехъ отдѣленіяхъ Казанскаго университета за 1814—1827 г.г.» (К. 1899).

[10] Архивъ Каз. унив., Сов. 1829, № 112.

[11] Архивъ Каз. унив., Сов. 1853, № 5 («Дѣло о празднованіи 50-ти лѣтняго юбилея Казанскаго университета»); см. также дѣла Сов. 1854, №№ 134—135.

[12] См. предисловія къ первой и второй частямъ книги Н. Н. Булича.

[13] Сухомлиновъ: «Матеріалы для исторіи народнаго образованія и пр.», I, стр. 58—59.

[14] Не перечисляя менѣе крупные и частичные труды по исторіи первой Казанской гимназіи, укажемъ, что единственный полный трудъ по ея исторіи, составленный къ празднованію столѣтняго юбилея этого учебнаго заведенія, представляетъ собою трудъ В. Владимірова: «Историческая записка о первой гимназіи», т.т. I и II (К. 1867—1868). Весьма значительный интересъ представляетъ также монографія А. И. Артемьева: «Казанскія гимназіи въ XVIII вѣкѣ», помѣщенная въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1874 г. (№№ 5, 7 и 11).

[15] Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 65.

[16] Архивъ Каз. унив. Сов. 1804, № 4 («Дѣло объ опредѣленіи ученаго иностранца Цеплина профессоромъ»). Въ этомъ дѣлѣ приведенъ и списокъ воспитанниковъ гимназіи, образовавшихъ «профессорскій классъ» Цеплина,—именно: Васильевъ Александръ, Графъ Владиміръ, Кондыревъ Петръ, Шубинъ Андрей, Балясниковъ Петръ, Риттау Федоръ, Кузьминскій Василій, Протопоповъ Андрей, Княжевичъ Дмитрій, Поповъ Павелъ, Андреевъ Никифоръ и Манасеинъ Николай,—всего 12 человѣкъ. Попечителю донесено при этомъ, что «г-ну Цеплину дано нѣсколько лишнихъ учениковъ потому, что въ продолженіи курса изъ числа ихъ въ каждомъ классѣ, обыкновенно, нѣсколько убываетъ». Изъ учениковъ «профессорскаго класса» Цеплина 9 человѣкъ (кромѣ Васильева, Протопопова и Дм. Княжевича) попали въ первый комплектъ студентовъ казанскаго университета. При дѣлѣ имѣется и копія съ представленнаго Цеплиномъ (на нѣмецкомъ языкѣ) плана преподаванія.

[17] Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 45—52.

[18] «Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ» (СПБ. 1862), I, стр. 346—348.

[19] Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 68—71.

[20] Подробная біографія С. Я. Румовскаго, составленная едва ли не съ его словъ, помѣщена въ готскомъ астрономическомъ журналѣ извѣстнаго Zach'a: «Monatliche Correspondenz zur Befoerderung der Erd und Himmels-Kunde» (Gotha, 1800, I, März, стр. 281—291). Подробная біографія Румовскаго дана затѣмъ въ книгѣ Н. Н. Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета» (К. 1887, I, стр. 21—40); здѣсь сведенъ весь біографическій матеріалъ, касающійся будущаго казанскаго попечителя учебнаго округа. Болѣе краткія біографическія данныя о Румовскомъ приводятся также митроп. Евгеніемъ («Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», II, стр. 156) и въ 53-мъ полутомѣ «Энциклопедич. Словаря» Брокгауза и Ефрона.

Къ цитированной выше книжкѣ готскаго журнала приложенъ и литографированный портретъ С. Я. Румовскаго, воспроизведенный для нашей книги.

[21] Интересующіеся найдутъ обстоятельныя указанія на учено-литературную дѣятельность С. Я. Румовскаго у митроп. Евгенія («Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей и пр.» II, М. 1845, стр. 156—158) и въ только что цитированной книгѣ Н. Н. Булича.

[22] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе» (СПБ. 1897—1898), томъ II, стр. 96; также т. I, стр. 46.

[23] Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 18—20.

[24] Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», IV, стр. 11.

[25] Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 30, 69; Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», II, стр. 100—104.

[26] Румовскій только за три года до своего назначенія попечителемъ (въ 1799 г.) произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и умеръ, не имѣя ордена выше Владиміра третьей степени.

[27] Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр»., I, стр. 92. Біографическія свѣдѣнія относительно Яковкина интересующіеся найдутъ у Сухомлинова («Матеріалы и пр.», I, стр. 91—93), Владимірова («Историческая записка о первой казанской гимназіи», часть I, стр. 27—34) и Булича («Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», I, стр. 62—69).

[28] Д. И. Нагуевскій: «Казанская гимназія наканунѣ основанія Казанскаго университета» (1804—1805). Каз., 1900.

[29] О пермскихъ отношеніяхъ Яковкина см. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 62. Мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что Яковкинъ лично переписывался съ Протасовымъ по поводу его перемѣщенія въ Казань: см. въ архивѣ университета «Собраніе писемъ и біографическихъ матеріаловъ», письма Яковкина, письма № № 8 и 9.

[30] Архивъ министерства народн. просвѣщенія, дѣло № 3911 за 1804 годъ («Дѣло по представленію попечителя Казанскаго округа объ опредѣленіи профессорами и адъюнктами Яковкина, Карташевскаго, Эриха, Левицкаго, Запольскаго и Протасова»); архивъ Каз. унив. Сов. 1805, №№ 2, 18 (листъ 17).

[31] Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», II, стр. 96.

[32] Д. И. Нагуевскій: «Къ біографіи профессора Казанскаго университета П. А. Цеплина (1804—1807, 1813—1819)», Каз. 1897; его же: «П. А. Цеплинъ, первый профессоръ Казанскаго университета» («Ученыя записки Казанскаго университета», 1899 г.).
О Цеплинѣ см. также у Булича («Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 72—74) и у В. С. Иконникова («Опытъ русской библіографіи», т. I, кн. 1-ая, стр. 159).

[33] Для біографіи Г. И. Карташевскаго: Аксаковъ—«Семейная хроника и воспоминанія», (изданіе 1856 г.), стр. 260 и слѣд., въ особенности же стр. 295, 460—461; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 75—78, 336—339, 384; Владиміровъ: «Историческая записка о первой Казанской гимназіи», I, стр. 34—36; газета «Кіевлянинъ» за 1887 г., № 190; Панаевъ: «Воспоминанія», Вѣстн. Евр. 1867 г., IV, стр. 92 и 95, Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи», I, стр. 1199; «Энцикл. словарь» Брокгауза и Ефрона, полут. 28-й, стр. 610.

[34] Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 81—82; формуляры Эриха (въ архивѣ университета).
[35] Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 80—81; Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.» I, стр. 82; Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 353—354.

[36] Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, 79—80; Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 260, 265—286; Архивъ Каз. унив., Попеч. 1832, № 193.

[37] Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 372—373.

[38] Архивъ Каз. унив., Конторскія дѣла 1805, № 20 («Дѣло о прибытіи въ Казань г. попечителя университета С. Я. Румовскаго»).

[39] Архивъ Каз. унив., Попеч. 1805, № 39.

[40] «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», 1805 г., № XII, стр. 519—523 (донесеніе попечителя главному правленію училищъ «объ открытіи Казанскаго университета»). См. также дѣла архива Каз. унив., Сов. 1805, № 2, Попеч. 1805, № 39.

[41] Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 320—323.

[42] См. ссылку 40-ую. См. также у Владимірова: «Историческая записка о первой Казанской гимназіи», II, стр. 8—9.

[43] Архивъ Каз. унив., Сов. 1805, №№ 2, 3 и 19 (л. 6), Попеч. 1805, № 39.

[44] Архивъ Каз. унив., Сов. 1805, №№ 4 и 18 (л. 20-й—подлинное письмо Озерецковскаго).

[45] Русскій Архивъ 1877 г., № 7, стр. 347; Русск. Вѣстникъ, т. LI, стр. 91—93, т. CXVII, стр. 495—496, т. CXVIII, стр. 57.

[46] Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 67.

[47] Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр, 114—116.

[48] Н. Я. Аристовъ: «Состояніе образованія Россіи въ царствованіе Александра I» (Кіевъ, 1878), стр. 9—10; Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 134. Подробныя данныя о мѣстныхъ пожертвованіяхъ на харьковскій университетъ приведены Д. И. Багалѣемъ въ его «Опытѣ исторіи харьковскаго университета», т. I (1893—1898), глава 2-ая.

[49] Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I. стр. 43—44.

[50] Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 320, 322.

[51] Архивъ Каз. унив., Попеч. 1805, № 39, листы 22—23 и 24 (черновикъ отвѣта).

[52] Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 321—322.

[53] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 17 («Собраніе бумагъ по цензурному комитету»); см. также Сов. 1805, № 24 (л.л. 9 об., 46 об., 51 об.,—52, 55, 59, 63 об. и др.).

[54] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 24 (л.л. 26, 38), 25.

[55] Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 558. Здѣсь читатели найдутъ подробное и интересное описаніе визитацій 1807 и 1809 годовъ.

[56] Возстановляемъ ее по интереснымъ статьямъ бывшаго секретаря совѣта казанскаго университета Н. Г. Фастрицкаго: «Нынѣшній университетскій кварталъ во второй половинѣ XVIII столѣтія (матеріалы для исторіи Казанскаго университета»), помѣщенныхъ въ «Справочномъ листкѣ города Казани» за 1867 г. (№№ 81—83).

[57] Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 210.

[58] См. «Дѣло о перестройкѣ манежа и о покупкѣ для университета домовъ Тенишевскаго, Кастелія и Спижарскаго» (на 258-ми листахъ), Архивъ каз. унив., Конторск. 1805, № 1. Въ этомъ дѣлѣ любопытны подлинныя письма домовладѣльцевъ, подробныя описи пріобрѣтаемыхъ домовъ, дѣлопроизводство по ихъ укрѣпленію за университетомъ и проэкты приспособленія ихъ къ нуждамъ послѣдняго. Всеподданнѣйшій докладъ министра народн. просвѣщенія см. въ «Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народн. просвѣщенія» за 1805 г., № XIII, стр. 15—17. Болѣе подробныя свѣдѣнія о начальной исторіи университетскихъ построекъ интересующіеся могутъ найти въ письмахъ Яковкина къ Румовскому, хранящихся въ архивѣ университета («Собраніе писемъ и біограф. матер.», письма Яковкина, въ особенности подъ №№ 3, 9, 11, 13, 14, 16, 17, 24—26, 28, 29, 32, 36, 40, 46, 47, 49—51, 56, 59, 77 и др.), а также у Н. Н. Булича («Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 257—276, 312—322). Планы и фасады къ проэктамъ 1805 года собраны въ особой папкѣ, хранящейся въ архивѣ университета, подъ № 182.

[59] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 32 («Именной списокъ студентовъ Казанскаго университета и учениковъ гимназіи»).

[60] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 2 (л. 1).

[61] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ 1805—1820 г.г.», л.л. 2 об., 3.

[62] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 21; Попеч. 1805, № 147.

[63] Архивъ каз. унив., Попеч. 1807, № 56; «Книга о поведеніи студентовъ», л. 2 об.

[64] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 26.

[65] Протоколы совѣта за 1805 годъ: Архивъ каз. унив., Сов. № 24, л. 74 об. Для ознакомленія съ порядкомъ пріема въ студенты и перечисленія ихъ въ казеннокоштные см. дѣло: Сов. 1805, № 20 («Собраніе прошеній о пріемѣ въ студенты»).

[66] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 27 («Собраніе писемъ отъ родственниковъ студентовъ и учениковъ», см. въ особенности листы 3, 7, 22, 23, 41, 47, 62—64), 20 (л. 183), 55 (л. 62).

[67] С. Т. Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 274—277, 318—319, 341, 351—354, 361, 369, 458—460; В. И. Панаевъ: «Воспоминанія», Вѣстн. Евр. 1867 г., т. III, стр. 242; Н. А. Поповъ: «Общество любителей отечественной словесности въ Казани», Русск. Вѣстн. за 1859 г., т. XXIII, стр. 56—57.

[68] Исторія казанскаго гимназическаго театра второй половины XVIII вѣка подробно изложена въ трудѣ Владимірова: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», I, стр. 89, 112—119.

[69] Это—классная комната, означенная подъ № 4-мъ (верхняго этажа) на хранящемся въ архивѣ университета современномъ планѣ гимназическаго зданія и смежная, по уличному фасаду, съ большимъ заломъ собраній.

[70] Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 316—318, 331—341, 355—358, 369—371.

[71] Тамъ же, стр. 324, 372.

[72] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 39 («Вѣдомость объ упражненіяхъ г.г. профессоровъ и пр.»). См. также Сов. 1805, №№ 21 и 31.

[73] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 23 (л. 11) и 24 (л.л. 6 об.—7, 8 об.).

[74] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 18 (л.л. 3, 5—6).

[75] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 19, л.л. 7—8 (подлинное заявленіе Цеплина и Данкова); № 18, л. 33 (отвѣтъ попечителя); № 24 (протоколы совѣта), л.л. 2 и 10 об.—11.

[76] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 24 (л.л. 8 и 72 и об.).

[77] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 24 (л.л. 19 об.—20 об. и 22 об.—23) и 18 (л. 64).

[78] «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», 1805 г., № XIII, стр. 74—77. Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 23 (л. 45 и об.). «Собраніе писемъ и біографич. матеріаловъ», письмо Яковкина № 19.

[79] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 9 (л. 1-й).

[80] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 20.

[81] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 9 («Объ опредѣленіи профессора Германа»); см. также дѣла: Сов. 1805, №№ 8, 24 (л.л. 14, 34 об., 42) и 30; «Собраніе писемъ и біограф. матер.», письмо Яковкина № 22.

[82] Для біографіи Германа: Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.» I, 84—92, II, 404—407; Владиміровъ: «Историческая записка и пр.», II, стр. 4—5; Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, 16-й полут., стр. 532—533.

[83] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 20 (дѣло о назначеніи Сторля); Сов. 1805, №№ 12, 18 (л.л. 99, 100), 24 (л. 65), 1806, № 14; «Собраніе писемъ и біограф. матеріал.», матеріалы Сторля. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, 94—97, 108—110, 520—523.

[84] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 12 (дѣло о назначеніи Бюнсмана); Сов. 1805, №№ 12, 24 (л. 53 об.), 1806, № 8; «Собраніе писемъ и пр.» письма Яковкина №№ 30 и 31; Аксаковъ: «Семейная хроника и пр.», стр. 330; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, 92—93, II, 48; Русскій Архивъ за 1877 г., кн. VII, стр. 253.

[85] Архивъ каз. унив., Попеч. 1837, № 5, и Сов. 1837, № 31; Сов. 1825, № 376.

[86] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 73, 1808, № 26 (л.л. 1—6); 1809, № 35 (л. 93).

[87] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 17 (дѣло о назначеніи Фукса) и № 1 (№№ 564 и сл., 609); Сов. 1805, №№ 18 (л.л. 99, 102) и 24 (л.л. 73 об., 75); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Фукса. Для біографіи Фукса: Лаврскій и Пономаревъ—«К. Ф. Фуксъ и его время» (Казанскій Литерат. Сборн. 1876 г.); Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 110—123, II, 162—168; А. А. Штукенбергъ—«К. Ѳ. Фуксъ, старѣйшій натуралистъ Казани» (Прилож. къ протоколамъ Общ. Естествоисп. при Каз. университетѣ, № 157); «Казанскія Губ. Вѣдом.» за 1846 г., № 19, и мн. мелкія замѣтки и данныя, которыя не могутъ быть здѣсь перечислены. Полный списокъ трудовъ Фукса см. при цитированной выше статьѣ проф. Штукенберга.

[88] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 19 (дѣло о назначеніи Эвеста); Сов. 1805, №№ 14, 18 (л. 111), 24 (л.л. 72—73); 1809, № 44 (л. 128 об.); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 41, 51, 67, 79.

[89] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 4 (дѣло о назначеніи Каменскаго) и 21 (л.л. 5—6); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 45, 48, 57, 65—67. Для біографіи Каменскаго: Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 145—161; «Энциклоп. словарь» Брокгауза и Ефрона, 27-й полут., стр. 172; «Украинскій Вѣстникъ» 1819 г., кн. 8, стр. 239.

[90] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 9 и 21 (стр. 28); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Бартельса. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 228—231.

[91] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 9 и 21 (л. 28)—(для Бартельса); Попеч. 1805, №№ 149 (для Линга), 23 (для Дрейсига и Гедвига); Сов. 1805, №№ 18 (л. 52) и 19 (л.л. 19—20)—для Чернявскаго; Архивъ мин. нар. просв. 1805, № 20—3932 (для фонъ-Делена). См. также у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 162—163 (сноски) и 229—231.

[92] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 27.

[93] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 39 (на 182-хъ листахъ), см. листы 33—34 и 63—65; см. также №№ 21 и 31. Ср. у Владимірова: «Историческая записка и пр.», II, стр. 9—10.

[94] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 13 (дѣло объ опредѣленіи), 1807, №№ 13 и 55 (л.л. 56—57); Попеч. 1808, № 29; «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Городчанинова. Для біографіи Городчанинова: Н. П. Лихачевъ—«Г. Н. Городчаниновъ и его сочиненія» (Каз. 1886), Буличъ Н. Н.—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, 130—144, II, 668—674, митроп. Евгеній: «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, I (М. 1845), стр. 153, Аксаковъ—«Семейная хроника и пр.», стр. 366—369. Некрологъ въ «Каз. Губерн. Вѣдом» 1853 г., №№ 1, 34, 36. Полная библіографія трудовъ Городчанинова въ приведенномъ выше очеркѣ Н. П. Лихачева.

[95] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 23; «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брауна. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 162—175; описаніе похоронъ Брауна см. «Казанскія Извѣстія» за 1819 г., № 6.

[96] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 7.

[97] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 3, 1815, № 129 (л.л. 15—19).

[98] Ссылки на архивныя данныя относительно Кондырева см. въ нашемъ изданіи: «Матеріалы для исторіи кафедръ и учрежденій Императорскаго Казанскаго университета» (Каз. 1899), № 38. См. также «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Кондырева. Біографіи Кондырева у Булича—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 488—503, а также въ «Энциклоп. словарѣ» Брокгауза и Ефрона, 30-й полут., стр. 940. Здѣсь указаны и печатные его труды. О начальномъ порученіи Кондыреву преподаванія см. Сов. 1807, № 68 (л. 69 об.).

[99] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 39, л. л. 100—103 и 142—145; Попеч. 1807, № 194.

[100] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 15.

[101] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 13—15, 24; Сов. 1805, №№ 24 (л.л. 17 об.—18 об., 26 об.—27, 37 об.—38, 44 об.), 18 (л. 66), 19 (л.л. 55—56).

[102] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 25 и 29. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 339—341.

[103] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 19 (л. 128) и 24 (л. 69 об.—70); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 35.

[104] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 65, Сов. 1806, № 21 (л. 14).

[105] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 31; см. также № 18 (л.л. 36—40).

[106] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 21 (л.л. 30 и 40), 28 (I, л.л. 20 об.—21), 30 (л.л. 8 об., 9 и 14); Попеч. 1806, № 76; «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 56.

[107] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 20 (л. 36), 28 (II, л. 28 об.), 30 (л. 24 об.—25), 48 (л. 152); Полн. Собр. Зак. XXXI, № 24075.

[108] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 77, Сов. 1806, № 20 (л. 38); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 47 и 49.

[109] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 28 (I, л.л. 46, 47 об.—48, 49, 51, 54) и 49; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.» I, стр. 450.

[110] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 24 (л.л. 66, 64, 65, 116), 28 (II, л. 30 об.), 30 (л. 20 об.), 45; 1807, №№ 53 (л.л. 9, 26, 51), 55 (л. 15); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 48, 64.

[111] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 28 (I, л. 55 об.), 21 (л. 66); «Собраніе писемъ и пр.» письма Яковкина №№ 45, 48, 57, 65—67; подлинныя письма Каменскаго къ Румовскому см. въ дѣлѣ Попеч. 1806, № 97.

[112] Архивъ каз унив., Попеч. 1806, № 97 (основное попечительское дѣло, съ относящеюся къ нему частною перепискою); Сов. 1806, №№ 10 (основное совѣтское дѣло), 28 (I и II—протоколы совѣта); см. также Сов. 1806, №№ 21 (л.л. 75, 107, 127, 128, 129), 48 (л.л. 133, 134, 147); 1807, № 55 (л.л. 20, 22, 65). Для дѣла о болѣзни Эвеста: Попеч. 1806, № 196, и 1808, № 29; Сов. 1806, №№ 11 и 21 (л.л. 76, 121). Весьма важные матеріалы см. въ «Собраніи писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 61, 63, 66, 67, 69—75, 77, 79, 80, 81, 83—86.

[113] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 16; Попеч. 1807, № 16; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 84 и 97, письма Румовскаго №№ 5 и 6.

[114] Архивъ каз. унив., Попеч. 1807, № 42; Сов. 1807, №№ 17 и 67 (л.л. 14—16 об.); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 105.

[115] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, №№ 53 (л.л. 9, 26, 51, 112), 55 (л. 15), 68 (л. 35 и об.), «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина №№ 89, 94 и 97. Партитура канта—см. Попеч. 1807, № 59.

[116] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, №№ 66 и 69 (л. 30); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 114; А. И. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и служившіе и пр.», I, стр. 12—16; «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народн. просвѣщенія», 1807, № XIX.

[117] Архивъ каз. унив., Конт. 1805, № 1; Сов. 1806, №№ 24 (л.л. 49, 124), 28 (II, л. 2), 51 (л.л. 47—48); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 18, 34, 91.

[118] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, №№ 54 (л.л. 53 и об., 59), 69 (л.л. 44 и 55), 76 (рѣчь Городчанинова); Попеч. 1809, № 13 (стихи Кондырева); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 121 (описаніе торжества).

[119] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 97 (л. 99), 1807, № 52 (л. 7); Сов. 1807, №№ 52 (л.л. 44—53, Беккеръ, л.л. 65—67, Павловичъ), 41; Попеч. 1807, № 33 (Москотильниковъ), 1808, № 75 (Кюстеръ, Рижскій, Ильинскій); Сов. 1808, № 27 (л.л. 40—45, Ибрагимовъ). Архивъ мин. народ. просвѣщ. 1807, № 29—399б. «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 89, письма Румовскаго №№ 2 и 16.

[120] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 18 (л.л. 75—76), Попеч. 1806, № 51. См. также: Ковалевскаго О. М.—«Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіятскихъ языковъ въ казанскомъ университетѣ» (Каз. 1842), Владимірова В.—«Историческая записка о первой казанской гимназіи», I (Каз. 1867), стр. 39 и сл., Буличъ Н. Н.—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 176 и сл.

[121] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 23, 1809, № 20 и 35 (л. 75); 1810, № 2, 1811, № 97 (л. 31), 1814, № 15 (л.л. 2—3). «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Френа. Для біографіи Френа: Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 175—225; Савельевъ: «О жизни и ученыхъ трудахъ Френа» (Спб. 1855); Владимірскій: «Историческая записка и пр., I, стр. 50 и сл.

[122] А. В. Васильевъ: «Броннеръ и Лобачевскій. Два Эпизода изъ жизни первыхъ профессоровъ казанскаго университета» (Каз. 1893), стр. 4.

[123] «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Бартельса. Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 98, 122; Аксаковъ: «Семейная хроника и пр.», стр. 460. Архивъ унив., Сов. 1807, № 45, 1808, № 37 (л.л. 25, 28), 1811, № 55 (л. 154); Попеч. 1812, № 15. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.» I, стр. 225—256.

[124] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, №№ 27 (л. 16), 38 (л.л. 55 об. и 62), 1811, № 33, 1812, № 151 (л. 55 об.). «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Фойгта. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 36—48. Владиміровъ: «Историческая записка и пр.», II, прилож. XI.

[125] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, №№ 27 (л.л. 16—25), 28 (л. 136), 1809, №№ 25, 35 (л. 72); «Книга о поведеніи и пр.», л.л. 18 об. и 29. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Миллера; письма Яковкина №№ 225 и 226, письмо Румовскаго № 72. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 19—25.

[126] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, №№ 27 (л.л. 67—70), 28 (л. 154), 29 (л.л. 71—72), 38 (л. 96 об.); 1809, № 36 (л.л. 53—55); 1810, №№ 46 (л. 16), 48 (л.л. 27, 29); 1811, № 56 (л. 68); 1812, № 31 (л.л. 7—12, 70); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Вуттига; «Книга о поведеніи и пр.», л. 30. Ср. Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 3—19. Аттестатъ, данный Вуттигу при увольненіи изъ университета: Сов. 1812, № 31 (л. 11), тутъ же и его послужной списокъ (л.л. 11 об. и 70).

[127] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, № 38 (л.л. 55 и 58); 1813, №№ 31, 32; 1816, № 30. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы К. Реннера. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 26—32.

[128] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, № 40 (л. 4 и об.).

[129] Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 38.

[130] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, №№ 27 (л. л. 34—36), 29 (л.л. 32—33); 1810, № 45 (л. 3). Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 32—36.

[131] Указанія на архивный матеріалъ см. въ нашемъ изданіи: «Матеріалы для исторіи кафедръ и учрежденій» (К. 1899), № 59. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Никольскаго.

Для біографіи Никольскаго: его собственноручный curriculum vitae въ подлинникѣ «Исторической записки 1814—1827 г.г.», стр. 88 (здѣсь и списокъ трудовъ), некрологи въ «Каз. Губ. Вѣдом.» 1844 г., № 33, и въ «Учен. зап. Каз. унив.» 1855, кн IV; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 237—242 (сноска); наше изданіе: «Дѣятели Казанскаго университета», стр. 85—86; «Энциклоп. словарь» Брокгауза и Ефрона, полут. 41, стр. 134.

[132] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, №№ 32 (л. 157), 35 (л. 26); 1810, № 66; 1819, № 2; 1820, № 390 (л. 14 и сл.). Для біографіи—«Отчетъ академіи наукъ по отдѣл. русск. яз. и слов.» 1852 г. (стр. 347—349); Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 508—513, II, 791—792.

[133] Архивъ каз. унив., 1809, Сов. № 31, Попеч. № 27. Архивъ минист. народн. просвѣщ. 1809, № 9—4066 (для Радіуса).

[134] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 35 (л.л. 165—166); 1812, №№ 9 (л.л. 14—15, 65), 14, 16, 151 (л. 39); 1813, №№ 94, 141 (л. 190); 1814, № 129; 1823, №№ 196, 384. «Собраніе писемъ и пр.»; матеріалы Финке. Для біографіи см. Булича «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 48—65.

[135] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 35 (л.л. 180—181); 1810, №№ 45 (л. 5), 46 (л.л. 3, 48 и сл.), 48 (л.л. 1, 33—41, 80—83, 99—100), 49 (л. 41); 1811, №№ 54 (л.л. 15, 18), 55 (л.л. 2—3, 73); 1814, № 149; Попеч. 1814, по дополн. описи, № 2. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Неймана. Для біографіи: Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 66—87, 92—101.

[136] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 45 (л.л. 1—2, 7, 14); 1813, № 94; 1815, № 22; 1819, №№ 160, 242, 243. Для біографіи: Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.». II, стр. 74—91; «Энциклоп. словарь» Брокгауза и Ефрона, полут. 13-й, стр. 336.

[137] Для Шарпіо см. архивъ каз. унив., Сов. 1810, №№ 45 (л.л. 4, 6), 21, 29; 1813, № 9 (л. 2). Данныя относительно Петровскаго см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій», № 65. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Шарпіо.

[138] Архивъ минист. нар. просв., 1809, № 4045; 1817, № 4559. Архивъ каз. унив., Сов. 1810, №№ 45 (л.л. 15—16, 35), 46 (л.л. 20—21); Попеч. 1810, № 48; Сов. 1812, №№ 7 (л. 75), 151 (л. 61 и об.), 1814, № 106, 1828, № 32; Попеч. 1830, № 24; Попеч. 1831, № 69 (л. 225), 1833, № 98. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Литтрова. Для біографіи: Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 111—144; «Энциклоп. словарь» Брокгауза и Ефрона, полут. 34-й, стр. 836.

[139] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 45 (л.л. 36—37), 1811, №№ 21, 80, 97 (л.л. 24, 167 об.), 1812, №№ 28 (л.л. 4—9), 151 (л. 165), 1815, № 10, 1817, № 70 (остальныя указанія на архивные матеріалы см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій», № 109). «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Эрдмана. Для біографіи: Буличъ—»Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 145—185.

[140] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, №№ 41, 57; Попеч. 1819, № 133, 1820, № 304; Архивъ минист. народн. просвѣщенія 1810 №№ 9—4066, 21—4078.

[141] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 151 (л.л. 91, 123 об.); 1814, № 98; 1819, № 404 (л. 1); 1817, № 63.

[142] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 118.

[143] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 81, 1820, № 186,

[144] Указанія на относящіяся къ Броннеру дѣла архива казанскаго университета см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій», № 8. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Броннера. Для его біографіи: Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 185—276 (здѣсь указаны и другіе источники»); «Энциклоп. словарь» Брокгауза и Ефрона, полут. 8, стр. 721; Васильевъ А. В.—«Броннеръ и Лобачевскій» (рѣчь, К. 1893); Нагуевскій Д. И.—«Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка, 1758—1850» (Каз. 1902).

[145] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 54 (л.л. 6—8), 97 (л. 7); 1813 № 94 (л.л. 5 и сл.); 1816, № 126; 1819, № 71 (л.л. 15—18). «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Томаса. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 582—587.

[146] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 22 (л.л. 1—4), 97 (л.л. 49 об.—50); 1816, № 164; 1817, № 87; 1819, № 1 и Попеч. 1819, № 2; Сов. 1837, № 72 (л.л. 6—7). Другія указанія см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій», № 25.

[147] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 33 (л. 27 и сл.); 1814, № 15 (л. 4); 1820, № 296 и Попеч. № 63 (л.л. 1—3); Сов. 1837, № 72 (л.л. 8—10); остальныя указанія см. въ нашихъ «Матеріалахъ и пр.», № 31. Для біографіи см. некрологи: «Каз. Губерн. Вѣдом. 1854 г., № 31, и «Отчетъ каз. университета» за 1854—1855 годъ.

[148] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 33 (л.л. 4 и сл.); 1819, Сов., №№ 45 и 217; Попечит. № 3; Попеч. 1820, № 80; 1823, Сов. № 378 (л.л. 136 об.—137), Попеч. № 4 (л.л. 79—80, 84); 1825, Сов., № 368 (л.л. 213, 229, 244), Попеч. № 104. Для біографіи: Булича—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 514—516; Штукенберга А. А.—«Казанскіе натуралисты Тимьянскій, Кулаковъ и Покровскій» («Приложеніе къ протоколамъ Общества Естествоиспытателей при каз. унив.», № 182).

[149] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, №№ 32 (л. 80) и 33 (л.л. 5 и сл.); 1816, № 120; 1817, № 79.

[150] Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 580—581. Архивъ мин. народн. просв. 1811, № 39—4130.

[151] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 15, 97 (л. 125); 1813, № 13; 1817, № 152 (л. 42); Правл. 1817, № 110. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Ренарда.

[152] См. формуляры Брейтенбаха и указанія на архивныя дѣла, сдѣланныя въ нашихъ «Матеріалахъ» (№ 7). «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брейтенбаха. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 642—653.

[153] См. формуляры Лубкина и указанія на архивныя дѣла въ нашихъ «Матеріалахъ» (№ 50). «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Лубкина. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 654—668.

[154] Данныя объ этомъ библіографическомъ инцидентѣ: Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 41; 1817, №№ 139, 144 (л. 4 об.); 1819, Сов., №№ 403 (л. 155 об.), Попеч. № 29; 1828, Попеч. № 82; 1833, Попеч. № 200; 1841, Попеч. № 24.

[155] Архивъ каз. унив., 1811, Сов. № 97 (л. 38), Попеч. № 38; Сов. 1812, №№ 31 (л.л. 13—17, 64), 50, 151 (л.л. 61, 105); 1813, №№ 137 (л.л. 30—37), 141 (л.л. 118 об.—120); 1814, №№ 27, 53, 75, 128; 1817, Сов. № 41, Попеч. № 32; 1824, Попеч. № 78; 1825, Сов. № 80. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Арнгольдта. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 588—630.

[156] Архивъ минист. народн. просвѣщ. 1812, № 38—4199, и 1813, № 6—4218. Оба эти дѣла принадлежатъ къ числу злополучной серіи дѣлъ, уничтоженныхъ въ 1866 году и содержаніе которыхъ сохранилось лишь въ краткомъ заглавіи—экстрактѣ.

[157] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 22 (л.л. 8—9, 19); 1812, № 48; 1814, № 167; 1816, № 73; 1819, №№ 215, 71 (л.л. 15—18). Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 527—530.

[158] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 4; 1816, № 108; 1819, № 376; Попеч., 1820, № 41; Сов. 1819, №№ 376, 403 (л. 167); 1820, № 334; 1822, № 113 (л.л. 84—90, 92); 1823, № 215; 1829, № 16. Владиміровъ: «Историческая записка и пр.», I, стр. 45—47, 66, 69—70.

[159] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 18 (л. 87), 19 (л.л. 81—83); 1811, № 10; 1812, № 151 (л. 166 об.); 1813, № 7; 1821, №№ 230, 231, 274; Попеч. 1821, № 30.

[160] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 87, 151 (л.л. 154, 164 и об.), 1813, №№ 3, 11 (л. 3); Попеч. 1812, № 3 (л.л. 502, 551). См. «Энциклоп. словарь» Брокгауза и Ефрона, полут. 26, стр. 960.

[161] Для начальной поры дѣятельности Н. И. Лобачевскаго: Архивъ каз. унив., Сов. 1807, №№ 22, 56 (л. 15); 1808, №№ 2, 29 (л. 28); 1809, № 44 (л. 128 об.); 1811, №№ 55, (л. 154), 97 (л.л. 78, 94, 98 об.); 1812, № 9 (л.л. 122, 130, 175); 1816, № 66; Попеч. 1812, № 15. Остальныя указанія на архивныя данныя см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій» (№ 49); тамъ же указаны, въ концѣ, и біо-библіографическія пособія.

[162] Для начальной поры дѣятельности И. М. Симонова: Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 33; 1811, № 55 (л. 154); 1812, № 23; 1814, № 31; 1816, №№ 66, 178 (л. 72); 1817, № 61; 1819, №№ 70, 79, 207; 1820, № 447 (л. 43 и сл.); 1822, № 60; 1823, № 10 (л. 1); Попеч. 1817, № 75; 1819, № 32 (л.л. 2—7, 17, 19, 32). Остальныя указанія и данныя біо-библіографическаго характера см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій» (№ 78).

[163] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 5 (л.л. 22, 23, 25), Попеч. 1805, № 20 (письмо отъ 20-го марта 1807 г.); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 91, 97, 124, 207, 208, 257, Румовскаго № 59.

[164] Архивъ каз. унив., «Собраніе писсмъ и пр.», письма Яковкина №№ 3, 19, 25, 90, 122, 140.

[165] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 25, 116, 167.

[166] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 122, 154, 162 164.

[167] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 14; 1808, №№ 24, 28 (л.л. 70, 151—153); Попеч. 1808, №№ 80, 81; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 91, 93, 99, 101, 103, 104. У Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 406 и слѣд.

[168] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 166.

[169] Архивъ каз. унив., 1808, Сов. № 30 (л. 121), Попеч. № 76; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 170, 172, 173, 175, 177 и, тамъ же, матеріалы Яковкина.

[170] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 114; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 60, 66, 206, 248, 220—222, 274, 275, письма Румовскаго №№ 62 и 69.

[171] Архивъ каз. унив., 1808, Сов. №№ 29 (л.л. 31, 140), 30 (л.л. 14—15); 1809, Сов. №№ 32 (л.л. 3—40), 36 (л.л. 29—33), 38 (л. 70 об.), Попеч. № 12; 1813, Сов. № 137 (л.л. 40 и 41). «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 189, 190 и 225, Румовскаго № 72. «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» за 1810 г., № 24, стр. 40—41, 65—74.

[172] Архивъ каз. унив., 1810, Сов. № 8, Попеч. № 60; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 230—232, 238, письмо Румовскаго № 75.

[173] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Румовскаго № 77 и Яковкина № 242.

[174] Архивъ каз. унив., 1807, Сов., № 51 (л. 21).

[175] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ Первый», т. II, стр. 96 и примѣч. 159.

[176] Д. И. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка» (Каз. 1902), письмо VIII, стр. 310.

[177] Архивъ минист. народн. просвѣщ., 1808, № 31—4027.

[178] Архивъ каз. унив., 1807, Сов. № 55 (л. 76), Попеч. № 56; 1808, Сов. №№ 29 (л. 26), 37 (л. 29), Попеч. № 79; 1809, Попеч. №№ 14, 19; «Собраніе писемъ и пр.», письма Румовскаго №№ 62 и 69, Яковкина №№ 148, 182, 184, 185, 189.

[179] Подробное описаніе осмотра сенаторомъ Обрѣзковымъ университета и гимназіи см. въ «Собраніи писемъ и пр.», письмо Яковкина къ попечителю отъ 21-го сентября 1810 года, № 223, также №№ 221, 222, 224, 225.

[180] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 238, 247 и 260.

[181] Архивъ каз. унив., 1809, Сов. № 26, 1810, Сов. № 46 (л.л. 75 и 86), Попеч. №№ 61 и 62; «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 247 и приложеніе къ нему (отзывъ губернатора), письма Румовскаго №№ 81 и 82. Архивъ мин. народн. просвѣщ. 1814, № 4309—3911 (л. 7).

[182] Архивъ каз. унив., 1810, Сов. № 29, Попеч. № 62; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина № 246 и 248; Протоколы совѣта за 1810 г. (Сов. № 57).

[183] Архивъ каз. унив., 1810, Сов. №№ 28 (подлинное избирательное производство), 57 (л.л. 111 об.—125 об.), 59 (см. особое приложеніе къ нему); Попеч. № 62.

[184] Архивъ каз. унив., 1810, Попеч. № 62 (здѣсь подлинный мемуаръ восьми профессоровъ); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 246, 249, 250, Румовскаго № 84, матеріалы Сторля.

[185] Архивъ каз. унив., 1810, Сов. № 28 (подлинное совѣтское дѣло объ открытіи университета), Попеч. № 62 (подлинное попечительское дѣло о томъ же); см. также совѣтскіе протоколы за сентябрь и октябрь 1810 г. (№ 58). «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 248 и 250, Румовскаго №№ 79 и 82.

[186] «Intelligenzblatt der Ienischen Allgem. Literatur — Zeitung» за 1811 г., № 80. Эта любопытная корреспонденція имѣется въ дѣлахъ архива попечительской канцеляріи въ нѣмецкомъ подлинникѣ, съ русскимъ его переводомъ (см. 1811, Попеч. № 37).

[187] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 255, 258, 260, 261, 263, 264, 266, 277, 282, 284, Румовскаго №№ 62, 83, 87, 88, 89, 90, 91.

[188] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина № 225, Румовскаго № 101. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.,» письмо Броннера къ Румовскому № XVI (стр. 233).

[189] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 251, 254, 258, 259, 260, 265, 268, 270, 273, 277, 280, 282, 284, 287, Румовскаго №№ 85, 89, 91, 92; Сов., 1811 №№ 34 и 97. (л. л. 60, 84 об.—85).

[190] Архивъ каз. унив., Попеч., 1805, № 32, 1808, № 68, 1809, № 11; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 5, 35, 37, 41, 45, 50, 51, 54—57, 59—62, 64, 70, 87, 90, 93, 106, 276, Румовскаго №№ 2, 14, 60, 68—71. «Казанскія Извѣстія» 1811 г., № 24. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.,» I, стр. 276—281, 287—300, 309—312.

[191] Архив. каз. унив., 1811, Сов. № 9 (л. 121) и 151 (л. л. 85 об.).

[192] Архивъ мин. народн. просв., 1812, № 28—4189; Архивъ каз. унив., Сов., 1812, № 151 (л. 116 об.), 1813, № 20; «Казанскія Извѣстія» 1812 г., № 30.

[193] Архивъ каз. унив., 1812, Сов. № 151 (л. 24).

[194] Архивъ каз. унив., 1812, Сов. № 46.

[195] Архивъ каз. унив., 1812, Сов. № 58.

[196] Архивъ каз. унив., 1812, Сов. № 66.

[197] Архивъ каз. унив., 1812, Сов. № 151 (л. л. 140, 150). «Казанскія Извѣстія» 1812 г., №№ 36—38. С. М. Шпилевскій: «Заботы императора Александра I о Казани» (рѣчь, Ученыя Зап. Каз. Унив. 1878 г.). К. В. Лаврскій и П. А. Пономаревъ: «К. Ф. Фуксъ и его время» («Казанскій Литерат. Сборникъ» 1878 г.).

[198] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 9 (л. л. 233, 239, 259), 117, 119 (л. 9—10), 151 (л. л. 155, 179 об., 183); 1813, №№ 7, 13, 36. «Казанскія Извѣстія» 1813 г., № 27.

[199] Д. И. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка», см. текстъ писемъ Салтыкова на стр. 315—318, 325, 326, 359, 361, 362, 364, 366.

[200] Біографическія данныя о М. А. Салтыковѣ см. у Булича («Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 678—682.). Формулярный списокъ его имѣется въ архивѣ казанскаго университета, въ дѣлѣ 1813, Попеч. № 7.

[201] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 61, 151 (л. 156) и 119 (л. 3).

[202] Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», письмо Броннера къ Фуссу, № VII, стр. 393—394.

[203] Тамъ же, письмо Броннера къ Салтыкову № II, стр. 281—284.

[204] Тамъ же, письмо Салтыкова къ Броннеру № III, стр. 285. Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 137 (л. 29); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Яковкина, письмо его къ Салтыкову отъ 16-го декабря 1812 года.

[205] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 151 (л. л. 165, 193, 199), 1813, № 87 (л. 2); Попеч. 1812, № 5.

[206] Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», глава III, стр. C и слѣд. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 252 и слѣд.

[207] Тамъ же, письма Броннера къ Румовскому №№ XXIV, XXV, XXIX, письмо Румовскаго къ Броннеру № XXVIII, письма Броннера къ гр. Разумовскому №№ VII, VIII, IX, стр. 259, 260, 269—271, 434—440. Архивъ каз. унив., 1812, Сов. № 151 (л. л. 143 об. и 144 об.), Попеч. № 5 (подлинный планъ Броннера).

[208] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 151 (л. 159 об.—160), 1813, № 137 (л. 41).

[209] Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», письмо Броннера къ Фуссу № IX, стр. 404.

[210] Тамъ же, письмо Броннера къ Салтыкову № IV, стр. 286—296. Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. л. 25 об. и 26).

[211] Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», письмо Салтыкова къ Броннеру № XI, стр. 318.

[212] Тамъ же, письмо Броннера къ Фуссу № IX, стр. 401—406.

[213] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. 76 об.—82, протоколъ засѣданія совѣта 2-го апрѣля).

[214] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. 96 и об.). Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», письмо Броннера къ Фуссу № IX, стр. 406—408.

[215] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 68 (это дѣло заключаетъ въ себѣ подлинные протоколы осмотра университетскихъ и гимназическихъ зданій).

[216] А. А. Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ», томъ II (Спб. 1880), приложеніе X—7, стр. 524—526.

[217] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. л. 107 об.—120, протоколы засѣданій совѣта 21-го и 23-го мая и 4-го іюня).

[218] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 81.

[219] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. л. 135 об., 142 об.—143, 165 об.); Папка плановъ № 182, листъ 1-ый. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», письмо къ Салтыкову № V, стр. 296—303.

[220] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. л. 86 об.—87), 1814, № 4.

[221] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 64.

[222] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 108.

[223] Архивъ министерства народн. просвѣщ., 1812, № 4212 (подшито къ дѣлу № 3911).

[224] Архивъ министерства народн. просвѣщ., 1814, № 4310 (подшито къ дѣлу № 3911).

[225] Архивъ министерства народн. просвѣщ., 1822, № 14608 (л. 6).

[226] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, №№ 27 и 53.

[227] Архивъ министерства народн. просвѣщ., 1814, № 4309 (3911), листы 1—3.

[228] Тамъ же, листы 4—7.

[229] Н. А. Поповъ: «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани», въ «Русск. Вѣстникѣ» за 1859 г., т. XXIII, стр. 76—77.

[230] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 («Дѣло о полномъ открытіи университета и пр.»), л. л. 1—3, 177.

[231] Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», письмо Броннера къ Салтыкову № V, стр. 196—303.

[232] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, №№ 94 (л. л. 4—20), 141 (протоколы совѣта, л. л. 168, 170 об.—171, 181 об.), 142 (тоже, л. л. 18, 20).

[233] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 (л. л. 21, 22, 43—45, 139), 1814, № 188 (л. л. 70 об., 71, 75 об., 76, 79 об.).

[234] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 94 (л. л. 23—31, 34, 35, 57, 150, 155), 1814, № 188 (л. л. 80—83, 89 об.).

[235] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 (л. л. 37, 39, 41, 42, 54—56, 65—67, 134, 143 145), 1814, № 188 (л. л. 95 об.—96 об.); Правл. 1814, № 46.

[236] Архивъ министерства народн. просвѣщ, 1814, № 14—4273; Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 (л. л. 70—79, 111—112, 120). Въ дѣлѣ № 94-мъ подшиты, представляющія автографическій интересъ, благодарственныя письма нѣкоторыхъ изъ лицъ, избранныхъ въ почетные члены.

[237] Архивъ каз. унив., Правл. 1814, № 46 (л. л. 1—15, 22—24, 40—41).

[238] Архивъ каз. унив., Правл. 1814, № 46 («Дѣло объ открытіи университета и пр.», на 183-хъ листахъ, служащее дополненіемъ къ таковому же совѣтскому дѣлу 1813, № 94).

[239] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 (л. л. 36, 38, 128, 144); 1814, № 188 (л. л. 90 об. и 96); Правл. 1814, № 46 (л. л. 99 об.—101 об., 111, 130—135).

[240] Архивъ каз. унив., Правл. 1814, № 46 (л. л. 97—98 об.).

[241] Экземпляръ этого извѣщенія оказался въ дѣлѣ Правл. 1814, № 46. Желая сохранить этотъ знаменательный памятникъ событія 5-го іюня 1814 года отъ возможныхъ случайностей, мы извлекли его изъ этого дѣла и передали г. ректору университета.

[242] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94, Правл. 1814, № 46; «Казанскія Извѣстія» за 1814 г., № 28. «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» за 1815, № 40 (стр. 108—112). Рѣчи и ода, произнесенныя на актѣ 5-го іюля 1814 года, напечатаны тогда же отдѣльною книжкою («Orationes et oda, inter inaugurationis universitatis litterarum Caesareae Casanensis solemnia dictae», Casani, 1814). Этими источниками мы и пользовались въ нашемъ изложеніи торжествъ 5-го іюля 1814 года.

[243] Архивъ каз. унив., Правл. 1814, № 46 (131—135).

[244] «Рѣчь, говоренная при торжественномъ открытіи Императорскаго Казанскаго университета, 5-го іюля 1814 года, профессоромъ В. Перевощиковымъ» (Каз. 1814, стр. 1—23).

[245] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 (л. л. 63, 64, 125); Правл. 1814, № 46 (л. 137); Сов. 1814, № 188 (л. л. 123, 134).

[246] «Казанскія Извѣстія» за 1814 г., № 28.

[247] Д. И. Багалѣй: «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», томъ I (X. 1893—1898), стр. 190—191.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

ГЛАВА III

ПРЕПОДАВАТЕЛИ И ПРЕПОДАВАНІЕ ПЕРЕДЪ ПОЛНЫМЪ ОТКРЫТІЕМЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1807—1814)

ГЛАВА IV

ПОСЛѢДНІЯ ПЯТЬ ЛѢТЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА РУМОВСКАГО

(1807—1812)

ГЛАВА V

ПЕРЕХОДНАЯ ПОРА ЖИЗНИ УНИВЕРСИТЕТА ПЕРЕДЪ ПОЛНЫМЪ ОТКРЫТІЕМЪ ЕГО ВЪ 1814 ГОДУ

(1812—1814)

ГЛАВА VI

ПОЛНОЕ ОТКРЫТІЕ УНИВЕРСИТЕТА НА ОСНОВАНІИ УСТАВА 5-ГО НОЯБРЯ 1814 ГОДА

(1814)

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ:

Портреты и снимки къ первому тому

(Съ указаніемъ мѣстъ ихъ въ текстѣ книги)

Замѣченные недосмотры и опечатки.

Стран.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
XIV	19 снизу	закипѣла	закипѣли
XXV	4 снизу	Д. И. Дмитріевскій	И. С. Дмитріевскій
44	12 св.	во время министерства Шишкина	во время министерства Шишкова
10;	Оглавленіе, 3 сн.	смуты 1809	смуты 1806
174	13 св.	что извѣстіе	что извѣстія
204	4 сн.	оказалось	оказались
213	Оглавленіе, 10 сн.	Запольскій И. П.	Запольскій И. И.
247	8 и 9 св.	и который	но который
252	12 сн.	и впослѣествіе	и впослѣдствіе,
266	17 сн.	повидимому, непреодолимое	повидимому неопреодолимое,
284	8 сн.	1085	1805
292	5 сн.	ходатайственныхъ	хозяйственныхъ
293	14 и 15 св.	увольнеиіи	увольненіи
314	20 св.	хотя бы только	хотя бы исключительно
326	10 сн.	вожделенные	вожделѣнные
333	18 св.	одни	однѣ
357	15 св.	количество шаровъ	количество избирательныхъ шаровъ
384	1 сн.	спокойствія университетской	спокойствія университетской жизни.
414	Сноска, 1 сн.	его отношеній	своихъ отношеній
482	30 сверху	четырнадцати членовъ	пятнадцати членовъ
485	20 снизу	по этому повому	по этому поводу

